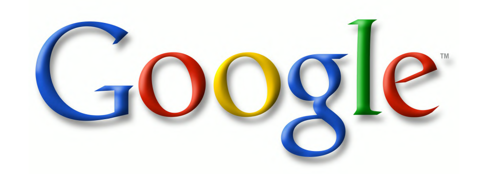
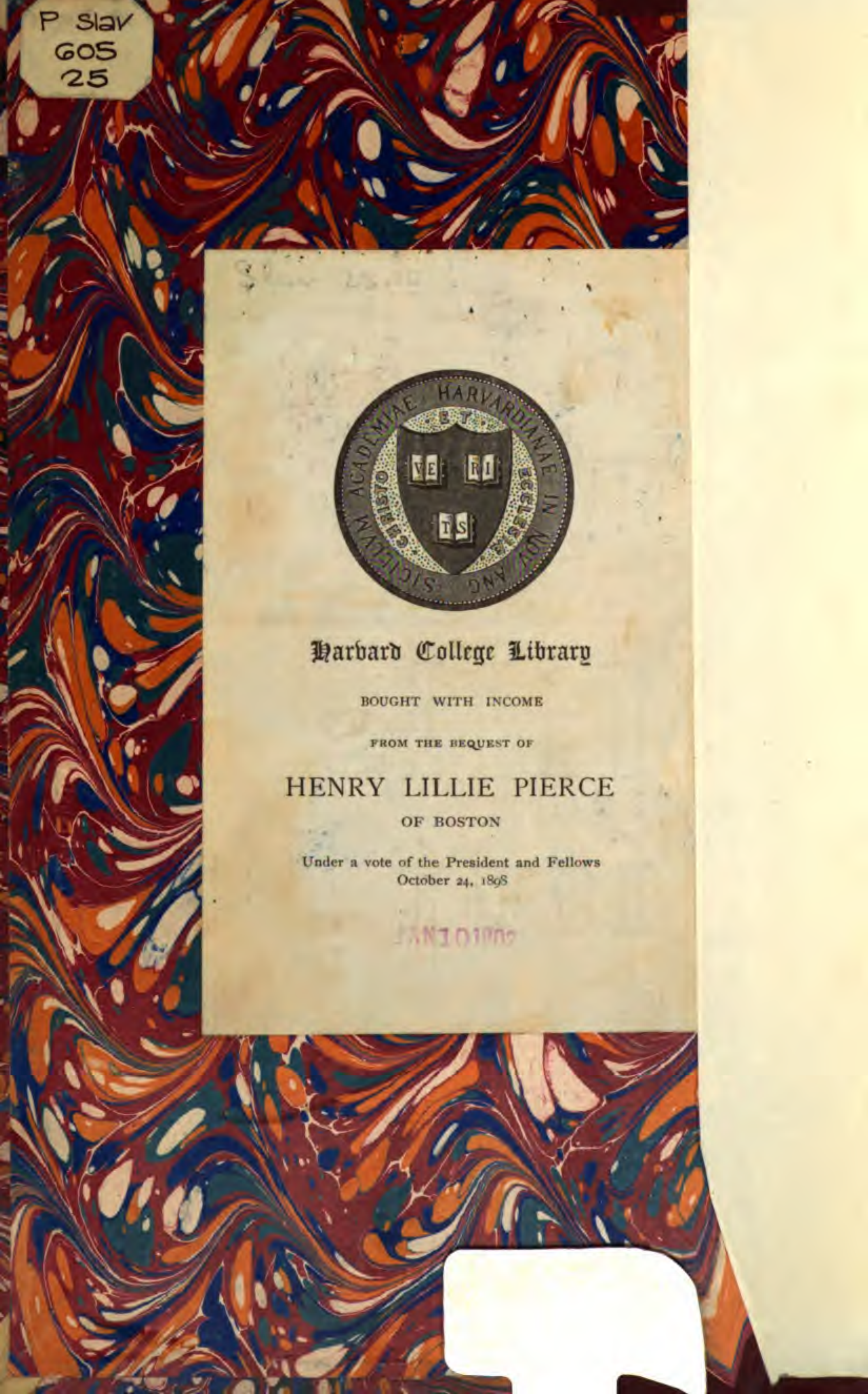




РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1884

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ XLIV.

ОКТЯБРЬ.—НОЯБРЬ.—ДЕКАБРЬ.

РУССКАЯ СТАРИНА
РЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ
АРТ. МАТВѢЕВЪ
БОР. ГОЛИЦЫНЪ
ГОЛОВИНЫ
ПОСОШКОВЪ
ШАФИРОВЪ
МАКАРОВЪ
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.
ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА ПЕРВАЯ
ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ВТОРОЙ
ИМПЕРАТРИЦА АННА-ІОАННОВНА
ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ТРЕТІЙ
ТОМЪ XLIV.
1884.
Ѳ. ВОЛКОВЪ
СУМАРОКОВ
КОКОРИНОВ
БОРТНЯНСК
ДЕРЖАВИНЪ
КУЛИБИНЪ
ГОЛ. КУТУЗОВ
ТАТИЩЕВЪ
ШЛЕЦЕРЪ
ГЕРАРД-МИЛЛЕР
М. ЩЕРБАТОВ
БОЛТИНЪ
ВИЗИНЪ
РАДИЩЕВЪ
СПЕРАНСКІЙ
КАРАМЗИНЪ
МОРДВИНОВЪ
КРЫЛОВЪ
ЕРМОЛОВЪ
ГРИБОѢДОВЪ
ПУШКИНЪ
ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ и ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.
Состав. Л. Шарлемань
рис. К. Брожъ

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Годъ пятнадцатый. **ОКТЯБРЬ** 1884 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ **Василія Васильевича Самойлова,** гравировалъ на мѣди художникъ Θ. А. Мѣркинъ.—II. Судъ на Руси до реформы, каррикатура XVIII-го вѣка.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1884.

X-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го октября 1884 г.

Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Составилъ В. Зелинскій. М. 1884 г.. 8 д., вып. 1 и 2. Цѣна за оба вып. 4 руб.

Авторъ, указывая на тотъ дѣйствительно грустный фактъ, что русское читающее общество, за весьма немногимъ исключеніемъ, очень безучастно относится къ литературной критикѣ,—выясняетъ ее значеніе и пользу въ особенности для молодого поколѣнія, которое съ жадностью поглощаетъ массу произведеній такъ-называемой изящной словесности—и въ то же время не старается «видѣть въ ней внутренняго смысла и значенія, выражающаго дѣйствительную сущность жизни, а понимаетъ ее только поверхностно, съ ея внѣшней, не существенной стороны». Трудъ г. Зелинскаго не предназначается какъ чтеніе самостоятельное, независимое отъ чтенія произведеній разбираемаго автора; онъ долженъ служить комментаріемъ, настольною книгою, при чтеніи произведеній нашего талантливѣйшаго писателя-художника И. С. Тургенева. Въ первые два выпуска вошли самыя разнообразныя критическія выдержки изъ различныхъ статей, большею частью за и противъ произведеній Тургенева, почти за 40 лѣтній періодъ. Такое собраніе отзывовъ несомнѣнно нетолько даетъ обширный матеріалъ для правильной самостоятельной оцѣнки высокохудожественныхъ произведеній этого писателя, но и проливаетъ свѣтъ на цѣлую литературную эпоху, въ продолженіе которой Тургеневъ держалъ почетное знамя лучшаго ея представителя.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи. М., 8 д. 1884 г., кн. IV, стр. 192+157+530. Цѣна 2 руб.

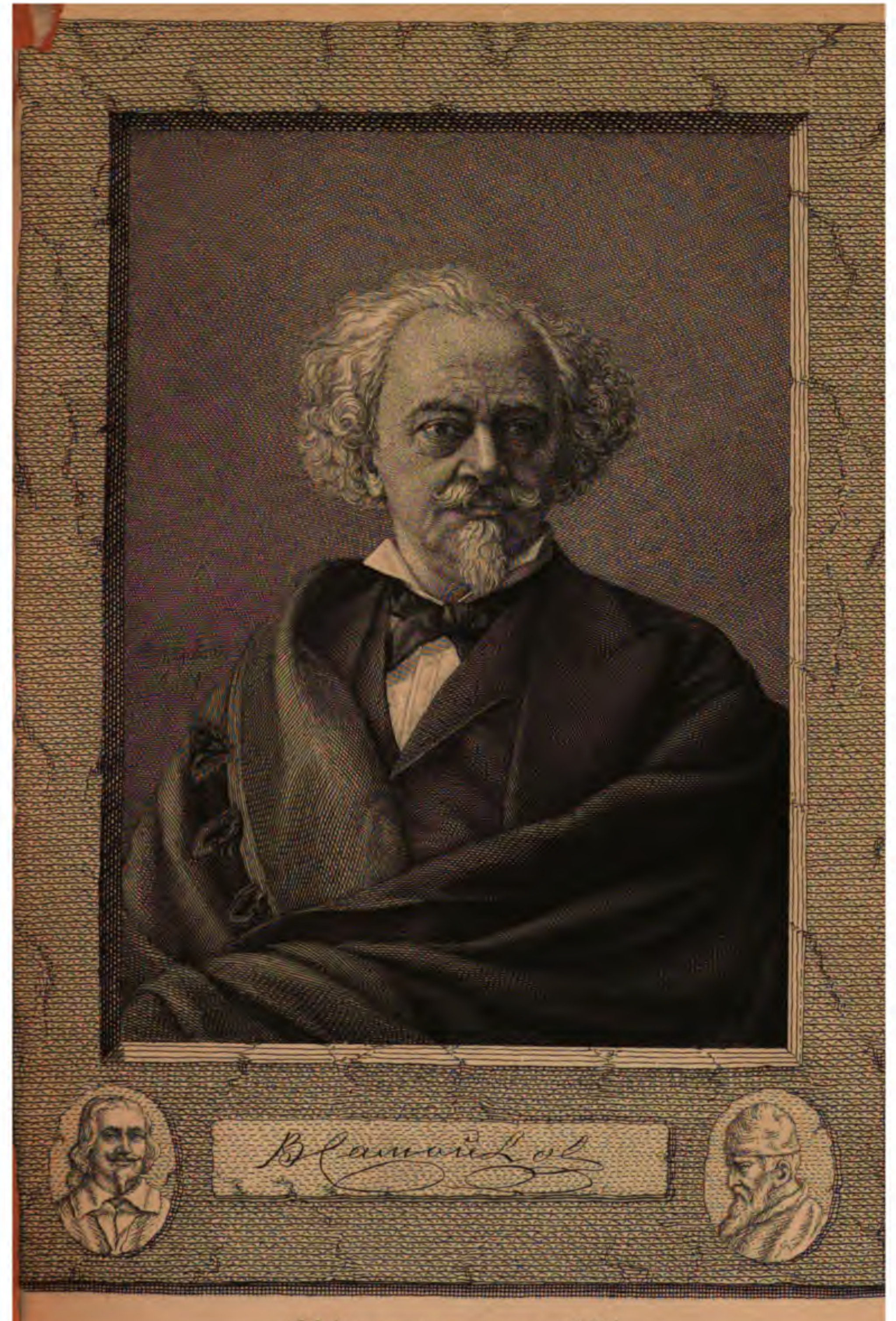
Въ эту часть описанія, вышедшаго подъ ред. Н. В. Калачова, вошли обозрѣнія содержанія дѣлъ и бумагъ Сыскнаго приказа 1730—1763 гг. и Розыскной экспедиціи при Московской губернской канцеляріи 1763—1782 гг. въ систематическомъ порядкѣ: верховная власть, государственная служба, дворяне, городскіе и посадскіе люди, монастыри и т. д.; затѣмъ: обозрѣніе грамотъ и другихъ актовъ, имѣющихся въ архивѣ, XIV—XV вв.; обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и начала XVIII вв., заключающихся въ книгахъ Разряднаго приказа, и проч. Изданіе ведется неутомимымъ ученымъ Н. В. Калачовымъ въ строго научномъ характерѣ и является въ высшей степени важнымъ подспорьемъ для исторіи русскаго права, для исторіи внутр. быта и склада русской жизни, наконецъ для географіи и статистики Россіи.

Л.

Записки Іосифа, митрополита литовскаго, издан. Импер. Акад. Наукъ по завѣщанію автора. Спб., 1883 г., т. I, 745 стр.; т. II, 786 стр.; т. III, 1402 стр. (столбцевъ). Ц. 12 р.

Еще въ 1868 г. стало извѣстнымъ, что митрополитъ литовскій Іосифъ Сѣмашко оставилъ весьма обширныя записки о своей жизни и дѣятельности, которыя завѣщалъ издать Императорской Академіи Наукъ, назначивъ на это 5,000 р. Тогда же онѣ были переданы въ вѣдѣніе Академіи, а копіи съ нихъ были предоставлены авторомъ въ распоряженіе бывшаго оберъ-прокурора синода, гр. Д. А. Толстого. Пользуясь этими послѣдними и друг. источниками, гр. Д. А. Толстой напечаталъ въ журналѣ Мин. Нар. Просв. 1869 г. обширный и въ высшей степени интересный біографическій очеркъ покойнаго митрополита и событій, подготовившихъ возсоединеніе уніатовъ съ православною церковью въ 1839 г., приводя по мѣстамъ и выдержки изъ самыхъ записокъ. Затѣмъ, однако, этотъ очеркъ, представляя весьма обстоятельный критическій обзоръ Записокъ Сѣмашко, не исчерпываетъ всего ихъ содержанія.

Собственноручныя записки митр. Іосифа писаны, такъ сказать, въ два пріема: въ 1850 и 1861 гг., которымъ онѣ и оканчиваются. Обѣ эти половины не одинаковаго достоинства. Часть записокъ, писанная въ 1850 г., когда авторъ пользовался еще цвѣтущимъ здоровьемъ, отличается живостью и большею полнотою изложенія; но она доведена только до 1828 г. Вторая половина ихъ носитъ болѣе отрывочный характеръ (иногда простой перечень или ссылки на документы). Записки занимаютъ до 270 печатныхъ страницъ. Затѣмъ значительная часть перваго тома (287—475), второй и третій томы состав-



1834 пятаго октября 1884
въ С.-Петербургѣ

Приложенiе къ «Русской Старинѣ».

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ПИРОГОВА.

ВОПРОСЫ ЖИЗНИ.

† 23 ноября 1881 г.

VII [1]).

Съ новаго 1880 года по 5-е января морозы въ—10°—16° R. Бури утихли. Ясно и безвѣтренно. Вчера и сегодня иней на деревьяхъ.

6-го января, ясный зимній день съ густымъ инеемъ на деревьяхъ. Утромъ 11°. Послѣ хорошей утренней прогулки [2]).

Прогуливаясь, я вспомнилъ, что слишкомъ односторонне въ моемъ дневникѣ отнесся къ знаменитому cogito ergo sum, утверждая, что его нужно бы было замѣнить sentio ergo sum. Обращая себя всего на какой либо предметъ, превращаясь, какъ говорится, въ зрѣніе или слухъ, наше *я*, устремленное такимъ образомъ въ внѣшній міръ,—въ свое не *я*, продолжаетъ, незамѣтно, можетъ быть, (при сильномъ сосредоточеніи вниманія на внѣшній предметъ), ощущать свое бытіе; и это ощущеніе сопровождаетъ его съ колыбели, съ того момента, когда оно начало отличать отъ себя свое не *я*, вплоть до могилы; и даже при потери сознанія, въ бреду, во снѣ, это ощущеніе не можетъ не продолжаться, хотя бы и въ измѣненномъ видѣ. Но кромѣ этого, не всегда для насъ замѣтнаго, ощущенія нашего бытія, — незамѣт-

---

¹) См. „Русскую Старину" изд. 1884 г., т. XLIII, сентябрь, стр. 455—502.

²) На полѣ читаемъ отрывочныя слова: «Эмпиризмъ въ практикѣ; а для міровоззрѣнія нужна и фантазія».

нымъ оно можетъ сдѣлаться, какъ и всѣ другія наши ощущенія, чрезъ привычку къ бытію, — наше *я* возводится изъ простого ощущенія на степень мысли въ томъ случаѣ, когда оно, воспринимая внѣшнія (міровыя) и органическія (приносимыя органами) впечатлѣнія, приводитъ ихъ въ связь съ ощущеніемъ въ себѣ присутствія своихъ умственныхъ способностей: вниманія, памяти, воображенія, слова и мысли.

Тогда наше *я* дѣлается вполнѣ сознательнымъ, осмысленнымъ и прочувствованнымъ. Кондильякъ утверждалъ, что человѣкъ безъ внѣшнихъ чувствъ статуя. Это неправда; дыханіе и безъ содѣйствія внѣшнихъ чувствъ должно ему сообщить ощущеніе бытія, поддерживая связь съ внѣшнимъ міромъ. Ощущеніе бытія непремѣнно существовало бы и тогда, но было ли бы оно безъ содѣйствія внѣшнихъ чувствъ сознательнымъ и осмысленнымъ — это вопросъ. Сознаніе въ себѣ памяти, мысли, воображенія, безъ сомнѣнія возбуждается и поддерживается внѣшними и органическими чувствами; но нѣтъ причины, мнѣ кажется, отвергать возможность этого сознанія и при отсутствіи внѣшнихъ и органическихъ чувствъ.

Я отвлекся и зашелъ слишкомъ далеко, желая себѣ доказать, что хотя я до моего міровоззрѣнія дошелъ не настоящимъ раціонально-эмпирическимъ (индукціоннымъ) способомъ, но тѣмъ не менѣе я считаю мое міровоззрѣніе для меня равносильнымъ факту.

10 января. Продолжаются холода въ 16°—12° R. Сегодня 7° и снѣгъ. Привезли елки и посадили. Мельница (новая) на Людвиговкѣ въ ходу.

Да, равносильнымъ факту—фактическимъ—по силѣ убѣжденія я считаю мое воззрѣніе. Что такое ф а к т ъ? Если держаться буквальнаго смысла, то это то, что сдѣлано,—factum, что совершено (поэтому, fait accompli — плеоназмъ). Въ этомъ смыслѣ фактъ долженъ быть чувственнымъ. И дѣйствительно, если самое наше бытіе есть ощущеніе, то въ насъ нѣтъ ничего, что бы не зависѣло первоначально отъ впечатлѣній, приносимыхъ ощущеніями.

Все, обнаруживаемое въ насъ бытіемъ, обнаруживается посредствомъ ощущеній, т. е. посредствомъ связи съ внѣшнимъ міромъ. Тѣмъ не менѣе, слѣдствія и продукты впечатлѣній раз-

личны до крайности. Однѣ изъ нихъ способны возбуждать въ насъ одно чувство бытія, другія возбуждаютъ безсознательное мышленіе и разнаго рода рефлексы; но есть и такой родъ впечатлѣній, можетъ быть вѣрнѣе—представленій, которыя, не смотря на первоначальное ихъ происхожденіе отъ чувственныхъ ощущеній, приводятъ въ дѣйствіе исключительно сознательныя наши умственныя способности: память, мышленіе и фантазію (воображеніе, способность сочетать и творить новыя представленія). Хотя мы помнимъ, мыслимъ и воображаемъ при каждомъ дѣйствіи нашихъ органовъ чувствъ, но этотъ чувственный и обыкновенно безсознательный процессъ воспоминанія, мышленія и представленія (воображенія) прекращается, какъ скоро то или другое чувство перестаетъ дѣйствовать; другой же, рѣзко отличающійся отъ этого, процессъ воспоминанія, мышленія и воображенія, всегда сознательный, совершается и безъ непосредственной помощи чувствъ.

И такъ, всякій фактъ долженъ быть произведеніе внѣшнихъ, на насъ дѣйствующихъ впечатлѣній и нашихъ чувственныхъ ощущеній, между тѣмъ какъ наши внутреннія ощущенія, присутствующія въ насъ и безъ прямого содѣйствія внѣшнихъ впечатлѣній, могутъ не только представлять намъ факты съ различныхъ точекъ зрѣнія, но и открывать намъ истины. Фактъ хотя и считается какъ бы за истину, но никто не называетъ математическія аксіомы фактами. Почему? Казалось бы такой фактъ, какъ солнце на небѣ, также точно истиненъ и неопровержимъ, какъ и всякая математическая аксіома. Да, есть дѣйствительно истинные факты и фактическія истины, но фактъ все таки не истина, и истина не фактъ. Солнце на небѣ потому истинный фактъ, что всякій можетъ его повѣрить чувствами; но такая математическая (астрономическая) истина, что солнце и сегодня, и завтра, и цѣлые годы взойдетъ и зайдетъ въ извѣстномъ опредѣленномъ мѣстѣ на горизонтѣ, не требуетъ вовсе чувственной повѣрки; это основано и не на одной теоріи вѣроятности, а на знаніи и соображеніи, при участіи и всѣхъ другихъ умственныхъ способностей (памяти, фантазіи); основа этого знанія, правда, также фактическая: не видавъ никогда солнца и звѣздъ, намъ не пришло бы на умъ и все устройство нашей планетной системы; но математическія вычисленія до того различны отъ чувственныхъ наблюденій, что могутъ опредѣлить a priori мѣсто для планетъ, еще не открытыхъ

наблюденіями. Математическая аксіома, что двѣ величины, равныя порознь третьей, равны между собою, хотя и наглядна, т. е. можетъ быть объяснена чувственнымъ опытомъ, но, въ сущности, она основана на соображеніи, а не на опытѣ; чтобы понять ее нѣтъ надобности имѣть предъ глазами извѣстныя величины. Фактъ уже и тѣмъ отличается отъ истины, что свойства его различны, а неизвѣстная намъ сущность истины всегда одна и та же. Только тотъ фактъ, который есть, былъ и будетъ, былъ бы истиною. Но такого мы не знаемъ; если же убѣждаемся въ необходимости или возможности и не фактическаго существованія того, что всегда было и будетъ, то это убѣжденіе и есть для насъ истина, хотя очевидно не фактическая. Очевидно также, что для убѣжденія въ такой истинѣ намъ недостаточно одного разсудка, необходимо еще мощное содѣйствіе фантазіи.

Все высокое и прекрасное въ нашей жизни, наукѣ и искуствѣ создано умомъ съ помощью фантазіи, и многое фантазіею при помощи ума. Можно смѣло утверждать, что ни Коперникъ, ни Ньютонъ безъ помощи фантазіи не пріобрѣли бы того значенія въ наукѣ, которымъ они пользуются. Между тѣмъ, не рѣдко и въ жизни, и въ наукѣ, и даже въ искуствѣ слышатся возгласы противъ фантазіи, и не только противъ ея увлеченій, но и противъ самой нормальной ея функціи. Для современнаго реалиста и естествоиспытателя нѣтъ бóльшаго упрека, какъ то, что онъ фантазируетъ. Но, въ дѣйствительности, только тотъ изъ реалистовъ и эмпириковъ заслуживаетъ упрекъ въ непослѣдовательности, кто хотя на одинъ шагъ отступаетъ отъ указаній чувственнаго опыта, направляемаго и руководимаго умомъ и фантазіею. Вообще, доктрина, отдѣляющая искуственными перегородками функціи нашихъ умственныхъ способностей одну отъ другой, приводитъ къ тому, что мы и во всѣхъ нашихъ произведеніяхъ стремимся также рѣзко отличать проявленія каждой изъ нихъ, какъ будто бы можно было умствовать не воображая и воображать безъ размышленія. Стóитъ только вспомнить, что самую простую выкладку чиселъ намъ нельзя сдѣлать не приводя въ дѣйствіе и нашу память, и воображеніе, и разсудокъ, хотя намъ и кажется, что все наше *я* какъ бы погрузилось въ числа при выкладкѣ.

VIII.

14 января (1880 г.). Всѣ эти дни морозъ въ 10°—13° R.; только вчера сильная мятель при NW и —4° R.; сегодня все еще вѣтренно (NW) при —8°—9° R., но ясно и много навѣяло снѣгу.

Все еще хочу себѣ доказать, что я не долженъ считать мое міровоззрѣніе однимъ продуктомъ досужей фантазіи потому только, что оно не основано на прямомъ и непосредственномъ опытѣ. Не мнѣ, посвятившему всю жизнь, и именно самую лучшую часть жизни, раціональному эмпиризму, не мнѣ,—говорю, отвергать значеніе опыта; но и не мнѣ сомнѣваться въ значеніи словъ перваго Иппократова афоризма: „experientia fallax, judicium difficile“.

Когда лѣта не располагаютъ уже къ увлеченію, то начинаешь понимать какъ легко можно увлечься не одними мечтами, но и тѣмъ, что такъ трезво, точно и положительно, какъ опытъ и фактъ. Есть вещи на свѣтѣ, къ которымъ и такое надежное средство, какъ опытъ, непримѣнимо, а между тѣмъ эти вещи— это вопросы жизни, безъ разрѣшенія которыхъ для себя, хотя бы приблизительно, умирать не хочется; а къ жизни обращаешься невольно съ упрекомъ, такъ хорошо прочувствованнымъ поэтомъ:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, на что ты мнѣ дана?

Да, оргія, грубѣйшія средства самозабвенія и, наконецъ, самоубійство неминуемо сгубятъ желающаго опытомъ разрѣшить загадку жизни. Правда, крѣпкіе, здоровые, положительные умы могутъ жить и прекрасно дѣйствовать, отбросивъ въ сторону всякую попытку къ разрѣшенію томительнаго вопроса жизни. Но горе той личности, которая возмечтаетъ о себѣ, что она-то и есть именно esprit fort, не нуждающійся въ разрѣшеніи подобныхъ вопросовъ. Аскетъ Филаретъ прекрасно, съ своей точки зрѣнія, возражалъ Пушкину на его упрекъ жизни, и именно потому прекрасно, что онъ (Филаретъ) уяснилъ себѣ не опытомъ жизненную проблему; и какъ бы это уясненіе ни было одностороннне, оно мощнѣе, а главное—человѣчнѣе безсильнаго ропота на

жизнь, что не раскрываетъ предъ нами своей тайны такъ, какъ бы мы этого хотѣли. А мы хотѣли бы, чтобы это было также наглядно и осязательно, какъ ея чувственныя и индивидуальныя проявленія.

Я полагаю, что всѣ мы послѣдователи Веруланскаго Бакона, придаемъ слишкомъ большое значеніе предложенному имъ (индуктивному) способу изслѣдованія. Этотъ способъ вовсе не какое нибудь новое открытіе особой дѣятельности нашего ума. Въ обыкновенной жизни всѣ всегда и до Бакона изыскивали и изслѣдовали индуктивнымъ способомъ; но никто, я полагаю, и ни самъ Баконъ не считалъ этотъ способъ единственно возможнымъ для открытія истины. Главная заслуга Бакона это: noli jurare in verba magistri. Теперь же и это перестало быть заслугою, такъ какъ въ наше время не найдется ни одного ученика въ школѣ, которому бы понадобилось повторить это правило. Средневѣковая вѣра въ авторитеты замѣнена теперь извѣріемъ; — мы всѣ извѣрились въ себя самихъ; дѣти наши, сидя на школьныхъ скамьяхъ, глядя на учителей, уже успѣваютъ извѣриться. Это нельзя не признать слѣдствіемъ односторонняго упражненія ума по индуктивному способу; но избави насъ Богъ отъ такого дедуктивнаго, которымъ учились jurare in verba magistri.

Такъ вотъ я опять хочу толковать о томъ, что если мы желаемъ сдѣлать наше міровоззрѣніе вліятельнымъ въ нашемъ нравственномъ бытѣ,—а это именно для меня сдѣлалось необходимостью,—то мы не должны основывать его на однихъ положительныхъ, чисто фактическихъ и чувственныхъ данныхъ. Мы не должны ослѣплять себя кажущеюся основательностью тамъ, гдѣ идетъ дѣло объ одномъ представленіи, или вѣрнѣе—только о возможности представленія и о его уясненіи для себя; тутъ нельзя требовать ничего другого, какъ только того, чтобы въ этомъ представленіи не было явныхъ противорѣчій и чтобы оно было какъ можно менѣе несообразно, то есть сообразовалось бы, сколько можно, съ нашими фактическими знаніями и не заключало бы въ себѣ болѣе противорѣчій, чѣмъ самыя эти знанія.

15 января (1880 г.). Вчера вечеромъ я ѣхалъ съ полеваго тока. Было морозно и ясно. Я сидѣлъ въ саняхъ спиною къ заходящему солнцу. Поля, покрытыя гладкою, какъ скатерть, снѣжною пе-

леною, освѣщались нѣжно-розовымъ, переходящимъ въ свѣтло-фіолетовый, свѣтомъ; полная, еще блѣдно-серебристая, луна поднималась изъ-за лѣса на зеленовато-голубомъ фонѣ. Игра и переливы цвѣтовъ изъ зеленоватаго въ палевый и свѣтло-голубой на горизонтѣ и изъ розоваго въ блѣдно-фіолетовый съ множествомъ блестокъ на снѣгу такъ обворожали меня, мнѣ дышалось студенымъ воздухомъ такъ легко и привольно, что я невольно началъ пародировать упрекъ жизни Пушкина и про себя шепталъ съ навернувшимися на глазахъ слезами:

Не случайный, не напрасный
Даръ чудесный и прекрасный,
Съ тайной цѣлью данъ ты мнѣ!

Потомъ я перемѣнилъ этотъ экспромтъ такъ:

Не случайный, не напрасный
Даръ таинственный, прекрасный,
Жизнь, ты съ цѣлью мнѣ дана.

И оттого, что никто не могъ разгадать тебя, чудный даръ жизни, неужели мы должны упрекать тебя въ нелѣпой случайности, должны опошлять тебя, играть и не дорожить тобою! Насъ беретъ зло, что не хватаетъ силы раскрыть тайну дара и мы со зла готовы хоть сейчасъ утверждать, что ни секрету, ни цѣли тутъ вовсе нѣтъ, что ларчикъ жизни открывается просто per vaginam, закрывается также легко—землею.

Мы привыкли съ самой колыбели къ жизни и смотримъ потому на жизнь и на свѣтъ, какъ на обыкновенныя вседневныя вещи; это конечно наше счастье, хотя легкомысленное и пошленькое счастье. Но что было бы со всѣми нами, если бы умъ нашъ постоянно вникалъ и вдумывался въ самую суть насъ самихъ и всего окружающаго насъ? На каждомъ шагу мы встрѣчались бы лицомъ къ лицу съ непроницаемою, тяготѣющею надъ нами, тайною; на каждомъ шагу недоумѣніе и сомнѣніе отягчали бы наше раздумье. Что это за странное плаваніе и круженіе въ безпредѣльномъ пространствѣ тяготѣющихъ другъ къ другу шаровидныхъ массъ! Что это за непонятное существованіе безчисленныхъ міровъ, составленныхъ изъ однихъ и тѣхъ же вещественныхъ атомовъ и отдѣленныхъ на вѣки одинъ отъ другого едва вообразимыми по своей громадности пространствами! Что значитъ эта безконечная разновид-

ность формъ? А сцѣпленіе, тяготѣніе, сродство, постоянная вибрація атомовъ—развѣ всѣ эти обыденныя для насъ явленія—не тайны, скрытыя подъ научными именами? А эти, такъ называемыя, простыя тѣла, эти не разлагающіеся элементы, скопленные въ огромныхъ планетныхъ массахъ, развѣ они дѣйствительно первобытные элементы? Откуда взялись бы они, откуда взялась бы планетная жизнь, если бы другіе, намъ невѣдомые, первобытные элементы не содержались въ общемъ, для насъ недостигаемомъ источникѣ,—эфирномъ хаосѣ? Что онъ такое, этотъ источникъ и вмѣстилище невѣдомыхъ началъ?

Что удивительнаго, если въ каждомъ изъ насъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ и съ колыбели до могилы міровыми тайнами, существуетъ склонность къ мистицизму; если одни изъ насъ, при извѣстномъ настроеніи, дѣлаются легко мистиками и начинаютъ видѣть и находить сокровенныя тайны тамъ, гдѣ другіе, кружась безъ оглядки и устали въ водоворотѣ жизни,—все находятъ простымъ и яснымъ. И можно ли требовать отъ обитателей земли, одаренныхъ способностью живо представлять себѣ неосязаемое, чтобы они оставались всегда въ будничномъ настроеніи духа, и мирились съ злобою дня, когда судьба, давъ имъ стремленіе къ предвидѣнію и силу воображенія, не дозволила отдаляться отъ земного жилища далѣе окружающей его воздушной оболочки; да и для пытавшихся подняться—превращаетъ небесную лазурь въ черную ночь. Но если каждый листокъ, каждое сѣмячко, каждый кристалликъ напоминаютъ намъ о существованіи внѣ насъ и въ насъ самихъ таинственной лабораторіи, въ которой все неустанно само работаетъ для себя и для окружающаго, съ цѣлью и мыслью, то наше собственное сознаніе составляетъ для насъ еще болѣе сокровенную и вмѣстѣ съ тѣмъ самую безпокойную тайну. Есть, однако же, и еще болѣе завѣтная, но уже происходящая изъ нашего же сознанія, это—истина. Не безъ насмѣшки сдѣлалъ свой назойливый вопросъ римскій проконсулъ. Можетъ быть именно за это и не послѣдовало отвѣта свыше. Да, истину не узнаешь, любопытствуя, что̀ она за штука.

Разумѣется, я не говорю о такъ называемыхъ научныхъ истинахъ. Эти всѣ: и историческія, и естественно-историческія, и математическія, и юридическія не болѣе какъ или истинные факты,

или правильныя умозаключенія, добытыя логическимъ анализомъ и синтезомъ; или же формулы, диктуемыя жизнью, нравами и потребностями общества. Такихъ истинъ много. Но есть истина: одна, цѣльная, высшая, служащая основаніемъ всего нашего нравственнаго быта. Напрасно утверждаютъ такіе историки, какъ Бокль и съ нимъ бо̀льшая часть новаго поколѣнія, что человѣчество обязано преимущественно развитію научныхъ истинъ въ обществѣ, а нравственныя нисколько будто бы не содѣйствовали его преуспѣянію, то есть прогрессу, счастью и благосостоянію. Я полагаю, напротивъ, что единство и цѣльность настоящей истины выступаетъ все болѣе и болѣе съ прогрессомъ человѣчества, хотя и трудно рѣшить насколько оно въ общемъ итогѣ сдѣлалось лучше. Дѣйствительно, истина должна быть только одна, она внѣ насъ и вмѣстѣ въ насъ самихъ, въ нашемъ сознаніи; конечно, не такъ ясная для насъ, какъ солнце, но, какъ свѣтовая волна далекаго солнца, освѣщаетъ нашъ нравственный бытъ. Что было бы этическое наше или нравственное начало, если бы вѣчная и цѣльная истина не служила ему основою? Безъ нея, безъ этой основы, не существовали бы для насъ и научныя истины, ибо не существовало бы въ насъ нравственнаго стремленія къ открытію истины. Каждый изъ насъ, самый закоснѣлый въ преступленіяхъ, невольно стремится найти въ себѣ истину, и ищетъ предъ собою и предъ другими оправданія своихъ поступковъ. Правда, мы при этихъ оправданіяхъ запутываемся во лжи, стремясь не быть, а казаться; но это не доказательство противнаго, не доказательство тому, что въ насъ нѣтъ непроизвольнаго стремленія къ правдѣ. Все это:—и казаться, а не быть, и зданіе лжи, сооружаемое нами для оправданія нашихъ дѣйствій,—есть только искаженное стремленіе къ правдѣ, слѣдуя которому мы все болѣе и болѣе удаляемся отъ правды, и это потому только, что попали на ложный путь. Наконецъ, доходитъ до того, что для насъ дѣлается и совсѣмъ невозможнымъ отличить правду отъ лжи. Тогда-то и рождается насмѣшливый вопросъ римскаго проконсула: что такое истина, какъ ее узнать, какъ отличить, гдѣ она? И какъ, въ самомъ дѣлѣ, понять идеальнѣйшій изъ идеаловъ! Истина! Вѣдь это абсолютъ, это Богъ! Мы и не должны смѣть когда нибудь ее постигнуть.

Но невозможность достиженія не есть отрицаніе стремленія къ

ней. Это стремленіе, данное намъ свыше, есть наше драгоцѣннѣйшее достояніе. Глубоко затаено въ насъ, если не убѣжденіе, то чувство, напоминающее намъ, что безъ стремленія къ правдѣ нѣтъ полнаго счастія. Посмотрите, какъ это влеченіе, заглушенное страстьми, бѣдствіями, тѣмъ, что называется судьбою и случаемъ, и ложнымъ направленіемъ, проявляется въ другомъ видѣ, не имѣющемъ, повидимому, ничего общаго съ влеченіемъ къ основѣ нашего нравственнаго бытія. Увлеченіе въ преслѣдованіи цѣлей, основанныхъ на неправдѣ, не уничтожаетъ еще въ насъ стремленія къ открытію истинныхъ фактовъ или научныхъ истинъ, и вотъ, удовлетворяя съ этой одной стороны наше стремленіе къ правдѣ, мы именно поэтому и не заботимся иногда удовлетворить вполнѣ другой высшей его сторонѣ. Точно также великіе, но безнравственные геніи, завоеватели и государи, попирая ногами правду, легко убѣждаютъ себя въ правотѣ своихъ дѣйствій, потому что у нихъ стремленіе къ истинѣ находитъ удовлетвореніе въ достигаемыхъ ими грандіозныхъ результатахъ; а результаты эти, дѣйствительно, содѣйствуютъ къ открытію и распространенію различныхъ фактическихъ истинъ. Все это иллюзіи, неразлучныя съ нашимъ существованіемъ. Истина такъ свѣтла, что безъ иллюзій одно только стремленіе къ ней ослѣпило бы уже насъ; поэтому ложь сдѣлалась неизбѣжною для насъ при непреодолимомъ влеченіи къ истинѣ. Не зная, что̀ она такое, но неудержимо стремясь къ ней по присущему намъ всѣмъ влеченію, мы, къ счастью и несчастью нашему, должны жить постоянно въ иллюзіи и смѣнѣ галлюцинацій. Эта неизбѣжность служитъ намъ смягчающимъ обстоятельствомъ передъ судомъ совѣсти; но она не уничтожаетъ еще въ насъ окончательно способности приходить въ себя и разузнавать наши иллюзіи и галлюцинаціи. Галлюцинируя до чертиковъ, было бы отвратительно, нелѣпо полагать, что вовсе нѣтъ этой единой, общей и цѣльной истины; что только пріобрѣтенные чувствами факты и выведенныя изъ нихъ умозаключенія суть истины; всякая же другая правда есть понятіе относительное и временно обязательное pro domo suo. Думая такъ, мы превратили бы наши иллюзіи изъ ширмъ, охраняющихъ насъ отъ нестерпимаго свѣта истины, въ темную непроглядную ночь.

Все это писано до 29-го января (1880 г.). Въ эти дни разгулялся мой кишечный катарръ не на шутку. Все полнолуніе стояла ровная, тихая, ясная погода съ —10°—12° R. утромъ и ночью, и до 0+1—среди дня. Солнце уже порядочно грѣетъ. Это самая опасная вещь для меня и, я думаю, для всѣхъ страдающихъ кишечнымъ катарромъ: на прогулкахъ на солнцѣ легко приходишь въ испарину, а въ тѣни остужаешься также скоро. Впрочемъ съ 25—26 января барометръ опустился, стоитъ иней, туманъ и отъ —5 до 2°+ R.

28-го января. Катарръ мой нѣсколько улегся. Послѣ моего любимаго раствора солянокислаго хинина въ мятной водѣ (принявъ его до 10 гранъ) чувствую себя не худо, и послѣ прогулки по комнатѣ пришелъ въ легкую испарину.

Сегодня небо безоблачно, до 10° R. мороза, тихо.

Какое-то dolce far niente. Въ ушахъ шумъ, но не отъ одного хинина, а только имъ усиленный обычный мой шумъ, вовсе не докучливый,—какъ будто слышишь отдаленный вечерній гулъ съ улицъ большого города. Въ головѣ калейдоскопъ мыслей, in statu nascente; одна быстро смѣняетъ другую; прошедшее мѣняется съ настоящимъ безъ остановки. Вниманію не удается поймать и фиксировать ни одной мысли, а между тѣмъ дѣйствуютъ и вниманіе, и мышленіе, и фантазія, и память,—всѣ въ одно и то же время. Значитъ у меня, какъ и у всѣхъ, я думаю, и въ здоровомъ и въ ненормальномъ состояніи,—ни одна изъ этихъ способностей не дѣйствуетъ порознь; мое *я* теперь играетъ, какъ по клавишамъ, слегка дотрогиваясь то до памяти, то до воображенія, то до разсудка. Только въ настоящую минуту мое *я*, дотрогиваясь до каждаго изъ этихъ своихъ клавишей, слабо извлекаетъ изъ нихъ и не ясные, хотя и не вовсе несвязные тоны. Такое состояніе имѣетъ свою прелесть; это именно и есть dolce far niente нашего *я*.

IX.

Пробѣгая записанное въ послѣдніе дни, вижу, что заговорилъ объ иллюзіяхъ. Да, эти ширмы, какъ я ихъ назвалъ, наши талисманы. Человѣкъ, слѣдящій за собою, легко пойметъ, какую услугу онѣ ему оказываютъ, и, зорко наблюдая за собою, не дозволитъ имъ слишкомъ затемнять путь, указываемый присущимъ ему—и потому непреодолимымъ—влеченіемъ къ истинѣ.

30-го января (1880 г.). На дворѣ idem. Свѣтло, тихо, температура утромъ —12° R.; на солнце въ серединѣ дня до 0 и выше.

Все разъясняется, все дѣлается понятно, умѣй только хорошо обращаться съ фактомъ, умѣй зорко наблюдать, изощряй чувства, научись правильно наблюдать; тогда изчезнутъ предъ тобою чудеса и мистеріи природы и устройство вселенной сдѣлается такимъ же обыденнымъ фактомъ, какимъ сдѣлалось теперь для насъ все то, что прежде считалось недоступнымъ и сокровеннымъ. Такое убѣжденіе съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе проникаетъ въ сознаніе не только передовыхъ людей, жрецовъ науки, но и цѣлыхъ массъ. И это есть одна изъ главныхъ современныхъ, наиболѣе благодѣтельныхъ и полезнѣйшихъ иллюзій. Эта иллюзія полезна уже и тѣмъ, что направляетъ всѣ наши умственныя силы на предметы, подлежащіе самому точному чувственному анализу и изслѣдованію, не давая увлекаться тѣмъ, что навсегда для насъ должно остаться заповѣдною тайною. Чѣмъ спеціальнѣе, чѣмъ ограниченнѣе предметъ нашего изслѣдованія, тѣмъ болѣе надежды на точный и ясный результатъ, тѣмъ сильнѣе иллюзія и тѣмъ спокойнѣе и отраднѣе чувствуетъ себя посвятившій все свое вниманіе и время изслѣдованію. Углубившись и посвятивъ цѣлую жизнь занятіямъ по этому способу разслѣдованія, мы, наконецъ, приходимъ и къ тому убѣжденію, что на сценѣ нашихъ дѣйствій нѣтъ ничего закулиснаго и кажущееся скрытымъ за кулисами существуетъ только для того, кто не хочетъ или не умѣетъ зорко взглянуть. А между тѣмъ, если подумаешь и разберешь, не увлекаясь ни поразительнымъ величіемъ разныхъ открытій, ни громадностью добытыхъ эмпирическимъ разслѣдованіемъ результатовъ, въ чемъ состоитъ вся суть пріобрѣтенныхъ нами этимъ способомъ знаній, то не трудно убѣдиться, что мы узнаемъ исключительно одну внѣшнюю сторону окружающаго насъ міра и насъ самихъ.

Однихъ изъ насъ исключительно занимаетъ механизмъ явленій, устройство, составъ и дѣйствіе различныхъ приборовъ и снарядовъ жизни и ея формы; другіе занимаются прикладною, и потому также только внѣшнею, стороною жизни. Этимъ способомъ наши знанія и понятія о міровой жизни несомнѣнно обогащаются, внѣшняя ея сторона подвергается разсмотрѣнію съ

разныхъ сторонъ; но остается также, какъ и прежде, какъ и всегда, несомнѣннымъ, что in's Innere der Natur dringt kein geschaffener Geist. Вотъ это-то тяжелое для нашего сотвореннаго духа сознаніе мы и притупляемъ благодѣтельною иллюзіею, приковывающею все наше вниманіе къ внѣшней сторонѣ міровой жизни.

Кому изъ людей, занятыхъ изслѣдованіемъ фактическихъ истинъ и практическою жизнію, придетъ въ голову размышлять о сущности вещей? Кто изъ людей, занятыхъ практическимъ дѣломъ, повѣритъ, что эта сущность вовсе не то, что передается намъ чувствами? Все кажется простымъ тому, кто привыкъ просто смотрѣть на все. Да, научнаго изслѣдователя и интересуетъ всего болѣе вопросъ: **какъ**, а не **почему**? Мы видимъ, что листъ растетъ, наблюдаемъ какъ онъ растетъ, узнаемъ устройство и составъ клѣтокъ, слѣдимъ шагъ за шагомъ за раздѣленіемъ и размноженіемъ клѣтокъ, весь **механизмъ** растительнаго процесса открывается намъ какъ на ладони. Но что заставляетъ рости именно такъ, а не иначе? Что заставляетъ растеніе и животное принимать тотъ или другой характерный видъ? Отчего сѣмя и яйцо заключаютъ въ себѣ зародышъ именно того же типа и вида, отъ котораго онѣ произошли? Что привлекаетъ и роднитъ щелочь съ кислотою? Что сцѣпляетъ атомы? Что заставляетъ притягиваться одно тѣло къ другому? Отчего мышечное движеніе переходитъ въ теплоту, а теплота въ движеніе? Отчего сотрясеніе атомовъ возбуждаетъ въ насъ ощущеніе теплоты? Всѣ эти и тысячи другихъ вопросовъ, неразрѣшимыхъ по нашему незнанію сущности вещей, показываютъ, что мы окружены тайнами; и если всѣ эти тайны не считаются нами за чудеса, то потому только, что мы съ ними встрѣчаемся на каждомъ шагу. Мы называемъ ихъ не чудесами, а явленіями, основанными на естественныхъ законахъ, не зная откуда взялись онѣ. Встрѣчая же что нибудь, хотя и гораздо менѣе чудесное, но не ежедневное и не обычное, мы не задумываемся тотчасъ же сомнѣваться и не вѣрить, или же слишкомъ вѣрить и считать его за чудо. Таковы наши иллюзіи—и слава Богу! Безъ нихъ нестерпимо было бы жить въ этомъ таинственномъ мірѣ, окруженными заколдованнымъ кругомъ, изъ котораго нѣтъ выхода.

X.

8-го февраля (1880 г.). Всѣ эти дни, при новолуніи, послѣ 2-хъ дневной небольшой оттепели (при 0+2°) начались такъ называемые Срѣтенскіе морозы въ 25—30° и продолжаются теперь. Солнце на лѣто, зима на морозъ. Ѣздилъ къ больному въ Кишиневъ; въ одномъ вагонѣ было натоплено до 18°+R., а когда ѣхалъ назадъ, то въ курьерскомъ поѣздѣ доходило до—2—3°.

Но такъ ли все это? Не иллюзія ли, въ свою очередь, то, что будто есть еще какая-то невѣдомая и не подлежащая разслѣдованію сущность вещей? Не есть-ли эта сущность именно то только, что намъ дѣлается извѣстнымъ посредствомъ опыта и наблюденія? Не устроены ли и не принаровлены ли наши чувства отъ природы именно къ тому, чтобы мы узнавали вещи такими, какими онѣ въ сущности должны быть? Sensus nos fallunt,—не есть-ли только одно asylum ignorantiae? Нужно только умѣть дѣйствовать чувствами, пріучить и изощрить ихъ; нужно умѣть правильно истолковывать и уяснять себѣ доставляемыя чувствами ощущенія, и чувства насъ никогда не обманутъ.

Въ этихъ возраженіяхъ есть доля правды; но только доля.

Во первыхъ, мы судимъ о нашихъ чувствахъ и доставляемыхъ ими результатахъ не иначе какъ субъективно и индивидуально. Повѣрка основана только на круговой порукѣ. Судьями чувственной правды и неправды остаются все тѣ же чувства. Что сегодня казалось всѣмъ неоспоримымъ по чувственному опыту, то завтра этимъ же опытомъ можетъ быть опровергнуто. Есть граница изощренія чувствъ, и чѣмъ болѣе изощряется одно чувство, тѣмъ легче ошибка, тѣмъ невозможнѣе повѣрка его другимъ чувствомъ. Наконецъ, какъ бы чувства мои ни были изощрены и принаровлены, все таки для меня останется неразрѣшеннымъ вопросъ: что такое наблюдаемый мною предметъ безъ меня? Я узнаю каждый предметъ только по производимому имъ на меня впечатлѣнію и ощущенію. А ощущеніе безъ моего *я* для меня немыслимо. Между тѣмъ, для меня остается несомнѣннымъ, что каждый изслѣдованный мною предметъ можетъ и будетъ существовать и безъ меня. Что

же онъ тогда такое? Но сверхъ этого, очевидно, неразрѣшимаго вопроса, сущность вещей,—das Ding an (und) für sich selbst,—должна быть для насъ чѣмъ-то другимъ, а не тѣмъ, что передаютъ намъ наши чувства, еще и потому, что всѣ наши чувственныя и умственныя представленія о вещахъ,—какъ бы эти представленія ни были отчетливы и ясны,—никогда не дадутъ намъ всесторонняго понятія даже о самой внѣшней сторонѣ изслѣдуемаго нами предмета. Да, если бы мы могли бы проникнуть въ сущность предметовъ, хотя бы съ одной ихъ чувственной стороны, мы знали бы что̀ такое сила и что̀ такое матерія; а еслибы мы могли себѣ представить вещи какъ онѣ есть сами по себѣ, безъ помощи нашихъ чувствъ, т. е. не только такими, какими онѣ намъ кажутся, то мы поняли бы и тайну творенія и мистеріи творчества. Для насъ же не только это недостижимо, но и то невозможно, чтобы каждый предметъ подвергнуть анализу всѣхъ нашихъ чувствъ; миріады вещей еще намъ неизвѣстны; миріады останутся навсегда и вовсе неизвѣстными; а представленія наши о тѣхъ предметахъ, которые можно еще открыть и изслѣдовать искуственнымъ изощреніемъ чувствъ, какъ бы они ни казались намъ ясными, все таки не болѣе какъ призраки, туманныя картины и отголоски, не рѣдко увлекающіе умъ въ непроходимый лабиринтъ предположеній и иллюзій.

Вторая благодѣтельная для насъ иллюзія есть наше непоколебимое убѣжденіе въ свободѣ нашей воли, мысли и совѣсти. Безъ этого дорогого для насъ убѣжденія нравственная жизнь была бы невозможною, да и проявленія физической жизни встрѣчали бы безпрестанно препятствія въ насъ же самихъ. Не лёгко разубѣдить себя въ томъ, что я не могу не хотѣть чего желаю, не могу не желать того, что свойственно желать моимъ душевнымъ и умственнымъ способностямъ. Мысль моя не можетъ проявляться внѣ извѣстныхъ и опредѣленныхъ законовъ мышленія, не рискуя превратиться въ безсмысліе. Моя совѣсть требуетъ отъ меня только то, что я считаю совѣстнымъ (нравственнымъ), а если поступаю вопреки исповѣдуемыхъ мною законовъ совѣсти, то потому, что она сдѣлалась у меня не свободною. Впрочемъ можно утверждать только то, что ни воля, ни мысль, ни совѣсть человѣка не произвольны, но свободны въ границахъ, опредѣленныхъ извѣстными органическими и психическими законами.

Произволъ и свобода, конечно, не равнозначущія слова. Такъ точно не равнозначущи воля и желаніе. Я хочу и я желаю—два разныя понятія. Но ни желанія, ни хотѣнія наши не могутъ быть произвольными, хотя и кажутся намъ такими. Я желаю въ эту минуту чего нибудь, потому что внутреннія мои или органическія (доставляемыя органами) ощущенія и всѣ предшествовавшія обстоятельства и условія заставляютъ меня желать именно этого, а не чего нибудь другого; я могу перемѣнить мое желаніе или заставить его молчать, но только когда моя воля еще не ослабла подъ игомъ разныхъ желаній и другихъ ненормальныхъ условій. Воля должна быть въ нормальномъ состояніи, всегда сильнѣе желаній. Воля всегда дѣятельна и управляетъ дѣйствіями. Поэтому-то я могу желать что ли доброе, и въ то же время хотѣть и дѣлать что либо худое. Только чисто физическія препятствія могутъ воспрепятствовать дѣйствіямъ сильной или нормальной воли. Въ ней, дѣйствительно, есть склонность къ произволу; но все таки и воля не можетъ быть непропорціональная по своей силѣ съ органическою энергіей нашего *я*. Я могу желать поднять мою руку, но моя воля и слѣдующее за ней дѣйствіе ограничены способностью передавать мою волю рукѣ, и если она парализована, то при всемъ моемъ желаніи ее поднять, дѣятельнаго хотѣнья не будетъ. Мнѣ можетъ быть еще не разъ придется въ моемъ дневникѣ затрогивать этотъ жгучій вопросъ.

Третья иллюзія нашей психической жизни, не менѣе благотворная двухъ первыхъ, зависитъ отъ непослѣдовательности нашего ума и фантазіи.

Чистый разумъ, т. е. взятый въ отдѣльности отъ другихъ психическихъ способностей, конечно, не можетъ быть непослѣдовательнымъ. Но мы не можемъ умствовать такъ, чтобы дѣйствовалъ одинъ чистый разумъ; умствуя, мы въ то же время внимаемъ, помнимъ, воображаемъ, желаемъ и нерѣдко еще (въ практической жизни) волнуемся и увлекаемся тою или другою страстью. Поэтому, умъ нашъ, послѣдовательный по принципу, на практикѣ почти всегда непослѣдователенъ. И это наше счастье и наше несчастье.

И вотъ, умъ нашъ, въ силу присущей ему послѣдовательности, при каждомъ міровоззрѣніи непремѣнно долженъ придти къ принятію безконечнаго и безграничнаго, что бы онъ ни разсматривалъ: пространство-ли, время-ли, движеніе-ли, силу,

вещество, — всегда онъ долженъ, наконецъ, дойти до безконечности, неограниченности, вѣчности, хотя и никогда не можетъ составить себѣ объ этихъ атрибутахъ какого либо опредѣленнаго и яснаго понятія. И никакая сила умствующей фантазіи не можетъ представить намъ какого либо облика той безконечности, до предѣловъ которой умъ нашъ доходитъ роковымъ образомъ съ присущею ему послѣдовательностью. Это неоспоримое существованіе безконечнаго, безпредѣльнаго и вѣчнаго начала, до котораго нашъ умъ и фантазія роковымъ образомъ достигаютъ, разсматривая конечное, ограниченное и временное, не есть одинъ чувству подлежащій фактъ, но стоитъ выше всякаго факта, ибо оно есть непремѣнный постулатъ чистаго разума, переносимый имъ же и въ область фантазіи. Между тѣмъ, и разумъ, и умствующая фантазія въ практической жизни безпрестанно заняты созерцаніемъ различныхъ видоизмѣненій всего окружающаго насъ и эти-то безпрестанныя измѣненія въ пространствѣ, времени, движеніи, силѣ и веществѣ постоянно и противорѣчатъ послѣдовательнымъ заключеніямъ чистаго разума и заставляютъ насъ вездѣ и во всемъ насъ окружающемъ находить одно лишь временное, ограниченное и опредѣленное. Вотъ это и есть иллюзія, приносящая намъ счастье и несчастье; но вообще болѣе благотворная потому, что она заставляетъ насъ сосредоточивать всѣ наши умственныя силы на разслѣдованіи измѣненій, совершающихся внѣ насъ въ безграничномъ пространствѣ и времени. Безъ этой вынужденной непослѣдовательности ума и безъ этой вносимой ею иллюзіи, дѣятельность нашего ума и фантазіи терялась бы для насъ погруженная въ безплодное созерцаніе недоступной безконечности.

XI.

Съ 9 по 12 февраля 1880 г., послѣ 3 дневной оттепели (съ +4 R. и болѣе) снова морозъ въ 7° R. (12 Ф.), а 13 и 14 февраля, послѣ 27—30° морозовъ 8—9, наступила ясная, прелестная погода съ—4° при совершенномъ безвѣтріи.

Дышется легко и дышалось бы еще легче, если бы не событіе 5 февраля, дошедшее до насъ съ своими ужасающими подробностями только 9—10 февраля [1])

[1]) Взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ въ С.-Петербургѣ. Ред.

Я не вѣрю, чтобы русская наша доморощенная молодежь,—насколько я ее знаю,—въ состоянiи была, безъ опытныхъ руководителей, дѣйствовать съ такою дьявольски энергическою выдержкою. Это ни прежде, ни теперь не въ нашемъ духѣ. На это мастера романскiе народы, а изъ славянскаго племени развѣ одни поляки, искусившiеся въ заговорахъ.

Событiя послѣдняго времени доказываютъ существованiе плотно организованной и притомъ дѣйствующей послѣдовательно подпольной организацiи, располагающей средствами и преслѣдующей извѣстный планъ. Гдѣ точка опоры? Вотъ вопросъ; едва ли въ одномъ нашемъ обществѣ, т. е. въ нѣкоторыхъ его слояхъ; едва-ли главные руководители съ ихъ подпольными пружинами не находятся внѣ нашего общества; для него это что-то уже слишкомъ забористое и слишкомъ зло-демонски устроенное. Нашъ домашнiй демонъ не такъ золъ и въ своемъ злѣ не такъ энергиченъ и послѣдователенъ. Тутъ кроется организацiя въ родѣ той, которая учреждена была у италiанскихъ карбонарiевъ и въ польскомъ жондѣ. Это не наше,—или же наше новое поколѣнiе чертовски измѣнилось въ послѣднiе перiоды нашего развитiя.

Между тѣмъ, я замѣтилъ, что это ужасное событiе, заставившее меня и жену долго призадуматься и какъ-то внутренно сгрустнуть, повидимому не произвело въ окружающихъ насъ людяхъ того потрясающаго впечатлѣнiя, котораго нужно бы было ожидать. Евреи, правда, болтали разныя нелѣпости, но въ народѣ, крестьянахъ, не слышно было толковъ и незамѣтно было живого участiя. Вотъ это-то безучастiе, близкое къ равнодушiю, и досадно, и печально. Но кого винить? Общество сверху до низу прiучено вѣками къ индиферентизму, и вотъ при начавшемся его развитiи, къ которому его толкнула высшая власть, эта поскудная наша безразличность начала изчезать прежде всего въ поколѣнiи недозрѣломъ и притомъ, еще на бѣду, замѣнилось какою-то злою мономанiею. Надо же было случиться, чтобы царствованiе добраго государя, успѣвшаго уже въ 25 лѣтъ сдѣлать свое имя безсмертнымъ въ исторiи развитiя Россiи, открыло широкое поприще для гибельнаго зла и не слыханныхъ преступленiй и изступленiй мысли.

Но не значитъ ли это, что въ теченiи многихъ лѣтъ скоплялся въ тайникахъ общества матерiалъ, способный, при первомъ же дуновенiи свободы, воспламеняться и причинять разрушенiе?

Почему при первой зарѣ новой жизни народа не появились на Божій свѣтъ равные этому злу по силѣ, но противоположные по стремленію, общественные элементы? Вотъ вопросъ.

Едва ли онъ не рѣшается тѣмъ, что не было достаточно приложено усилія къ трезвому анализу разныхъ стремленій и поддержкѣ тѣхъ, на внутренній антагонизмъ которыхъ, въ борьбѣ со зломъ, можно бы было твердо опереться. Стричь подъ одинъ гребень—это извѣстная замашка неразвитыхъ, неопытныхъ и грубыхъ лицъ и обществъ. Искуство анализировать, умѣнье отыскать въ каждой особи хорошую сторону и воспользоваться ею не только при случаѣ—а потомъ швырнуть въ сторону или заковать въ цѣпи,— все это, я знаю, не легко; но безъ этого нельзя и ожидать ничего путнаго и лучше не вливать вино новое въ мѣхи старые.

Есть періоды въ исторіи народовъ, когда неминуемо, роковымъ образомъ они призываются логикою фактовъ къ новой жизни, и правительства волею и неволею должны бываютъ отступать отъ консерватизма. Если правители не подстерегли, такъ сказать, благопріятный моментъ для реформъ и нововведеній, и вынуждены были обстоятельствами дать ихъ не въ пору, пропустивъ время, то всѣ вредные, перезрѣвшіе и недозрѣвшіе элементы общества приходятъ легко въ броженіе; и результатъ отъ нововведеній, какъ бы они благотворны ни были, получается неожиданно плохой. Въ здоровомъ народномъ и государственномъ организмѣ эти худыя слѣдствія не могутъ быть долговременны. Броженіе уляжется, и все сново заживетъ уже обновленною жизнію.

Всѣ реформы нынѣшняго (1880 г.) царствованія, по моему мнѣнію, къ сожалѣнію опоздали. Эманципація должна бы была совершиться задолго до 1848 года, когда въ Европѣ все было тихо и соціализмъ не поднималъ еще головы, а финансы наши были въ хорошемъ состояніи; у насъ царствовала тишь и гладь, да Божья благодать; всѣ сословія покорствовали одной твердой волѣ, первенствовавшей и на всемъ континентѣ. Вмѣсто того, освобожденіе крѣпостныхъ, а потомъ и другія, необходимо слѣдовавшія за этимъ актомъ, реформы пришлись въ самую неблагопріятную пору: съ одной стороны несчастная война, обнаружившая страшную неурядицу и злоупотребленія администраціи (военной и гражданской), позорный миръ; съ другой стороны, общее внут-

реннее глухое и затаенное недовольство во всѣхъ почти слояхъ общества отъ тяжелыхъ и стѣснительныхъ мѣръ, слѣдовавшихъ послѣ революцій въ Европѣ 1848 года, сильно разстроенные войною финансы, польское возстаніе, усиленная агитація эмигрантовъ, возбуждавшая сочувствіе во всей молодежи и даже въ правительственныхъ лицахъ. Можно ли найти болѣе опасное время для одной изъ радикальнѣйшихъ реформъ государства? И между тѣмъ, ее нельзя уже было откладывать, она уже и то была запоздавшая. И вотъ, по необходимости, сорвана соломонова печать съ склянки съ закупоренными духами; они вылетѣли не во-время и не влѣзаютъ, по приказанію волшебника, опять въ склянку. Мало того, эти духи—и между ними, конечно, много было и злыхъ—временно оказались нужными. При ихъ помощи нѣкоторые изъ сдѣлавшихся почему-то — не почему-то, а по успѣху—знаменитыми, эманципировали крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ, въ смутное время польскаго возстанія; да эти духи, несомнѣнно, и теперь еще (1880 г.) бродятъ въ этихъ провинціяхъ въ видѣ разныхъ субалтерновъ премудрой администраціи. Теорія высшей администраціи, конечно, была остроумна: воспользоваться свободными силами, хотя и не благонадежными, а потомъ уволить ихъ въ безсрочный отпускъ. Вѣдь святые и на чортѣ верхомъ ѣздили. Но на практикѣ оказалось, что новѣйшіе духи упорнѣе и несговорчивѣе чорта старыхъ временъ; лишь только ихъ пустили въ ходъ, они и сами пустили корни. Обо всемъ этомъ я хотѣлъ было—и буду—говорить впослѣдствіи, при случаѣ; но не удержался и теперь; отвратительно гнусное событіе 5-го февраля (1880 г.) вывело меня изъ колеи, и я поневолѣ заговорилъ не у мѣста. Возвращусь поскорѣе къ моему свѣтлому и утѣшительному міровоззрѣнію.

XII.

Дѣйствительно ли, однако, все такъ, какъ я думаю?

Не иллюзія-ли, именно, то, что непостижимо для насъ: безпредѣльность, безконечность и вѣчность? Начало и конецъ, рожденіе и смерть мы встрѣчаемъ и сознаемъ на каждомъ шагу. Все наше существованіе на землѣ въ безпрерывной зависимости отъ вещей, опредѣленныхъ, конечныхъ и временныхъ. Наши главныя средства къ познанію вещей—чувства устроены исключительно для

опредѣленія и измѣренія границъ пространства, времени и движенія. Гдѣ же тутъ иллюзія? Да, самое лучшее для насъ не сознавать тутъ иллюзіи и, не сознавая ее, дѣйствовать; это практично, и убѣждать себя, что мы дѣйствуемъ живя въ мірѣ иллюзій, ни къ чему не ведетъ, или же ведетъ скорѣе къ худу, чѣмъ къ добру. Все это такъ; но мнѣ стоитъ только поднять глаза кверху, посмотрѣть на небо—и безпредѣльность дѣлается неопровержимымъ фактомъ; стоитъ только подумать о мірозданіи и содержимомъ въ немъ веществѣ и силѣ—и мысль о вѣчномъ неизмѣнномъ началѣ невольно является и поражаетъ своею бездонною глубиною. Если же безграничное и вѣчное есть не только постулятъ разума, но и самый громадный фактъ, то какъ согласить существованіе ограниченнаго и временнаго съ этимъ фактомъ? Тутъ-то и кроется иллюзія; ограниченными, опредѣленными и временными кажутся намъ однѣ лишь проявленія безграничнаго и вѣчнаго начала, да и въ нихъ ограничены и временны однѣ только видоизмѣненія. Проявленія эти, по причинѣ вѣчнаго движенія и безпрерывнаго перехода силъ и вещества однѣхъ въ другія, не могутъ быть постоянно однѣми и тѣми же. Вселенная—это громадный вѣчно вращающійся калейдоскопъ; фигуры безпрерывно измѣняются, но движущая его мысль и сила вѣчны и неизмѣнны.

И такъ, мой умъ и фантазія, по моему, никогда не разлучные, убѣждаютъ меня въ существованіи безконечнаго и вѣчнаго начала. Безъ фантазіи и умъ Коперника и Ньютона не далъ бы намъ міровоззрѣнія, сдѣлавшагося достояніемъ всего образованнаго міра. Ничто великое въ мірѣ не обходилось безъ содѣйствія фантазіи. Къ ней же, къ умствующей фантазіи нужно обратиться и за рѣшеніемъ неразрѣшимаго вопроса объ отношеніи вещества къ этому безгранично вѣчному вселенскому началу.

И я утверждаю, что въ умственномъ анализѣ, вспомоществуемомъ фантазіею, вещество улетучивается, такъ сказать, и вмѣсто его атомовъ въ воображеніи остается сила. Что она такое— мы также не знаемъ, какъ не знаемъ и что такое основные атомы вещества. Одно только для меня неоспоримо, что и эта воображаемая основная сила и эти воображаемые основные атомы не имѣютъ и не могутъ имѣть тѣхъ же чувственныхъ свойствъ, которые

опытъ, наблюденіе и наука открываютъ въ окружающей насъ вселенной. Эта основная сила и основное вещество такое же отвлеченіе, какъ и міровая мысль и начало жизни; но отвлеченіе, проявляющееся въ умѣ непроизвольно и неминуемо при размышленіи и воображеніи; умъ непроизвольно, скажу, пожалуй, безсознательно (хотя это повидимому нелѣпость) находитъ самого себя и свойственное ему стремленіе къ цѣли и плану внѣ себя. Это его свойство. Но онъ обладаетъ этимъ свойствомъ именно потому, что оно существуетъ и внѣ его, въ цѣлой вселенной; потому, другими словами, что онъ самъ есть только одно проявленіе другого высшаго, мірового ума.

XIII.

Февраля 16-го (1880 г.). Уже четыре дня стоитъ утрами морозъ въ 4—2° R., въ срединѣ дня до 0° R., ясно; вчера былъ утромъ снѣгъ. Подъ снѣжнымъ покровомъ земля подъ посѣвами оказалась при пробѣ (на дняхъ) замерзшею на нѣсколько дюймовъ, несмотря на глубокій (мѣстами въ одинъ аршинъ) снѣжный слой, и несмотря на то, что снѣгъ выпалъ осенью на талую землю; онъ не сходилъ однакоже ни разу зимой до сихъ поръ. Погода стоитъ повидимому отличная для ходьбы; но вѣроломная. Дуетъ такъ называемый здѣсь марецъ, пронзительный съ югозапада и сѣверозапада вѣтеръ, (S, W, N, W) при начинающейся веснѣ; онъ проникаетъ до костей не смотря на то, что S и W, а солнце между тѣмъ уже сильно грѣетъ.

Я въ 1860 году схватилъ сильную болѣзнь въ эту пору (въ концѣ февраля) съ перемежающимся тифомъ. Поэтому я страшно боюсь февральскаго вѣроломства; не знаешь, какъ одѣться выходя пѣшкомъ изъ дому; въ шубѣ на солнцѣ какъ разъ вспотѣешь, а тутъ гдѣ нибудь на поворотѣ прохватитъ марецъ. Недаромъ его боятся и посѣвы; бѣда, если они откроются изъ-подъ снѣга въ то время, когда дуетъ марецъ; въ прошломъ году на посѣвы, подвергшіеся въ февралѣ вѣтрамъ, страшно было смотрѣть; зелень вся пропала и поля почернѣли вскорѣ послѣ того, какъ вышли изъ-подъ снѣга; потомъ только поправились немного отъ выпавшаго мокраго снѣга.

Я все толкую въ моемъ міровоззрѣніи о міровомъ умѣ, о міровой мысли. Да гдѣ-же міровой мозгъ? Мысль безъ мозга и безъ словъ! Развѣ это не абсурдъ въ устахъ врача. Но пчела, муравей думаютъ же безъ мозга и все животное царство развѣ не мыслитъ безъ словъ? Вольно намъ называть мыслію только одну человѣческую, мозговую, словесную и человѣчески сознательную мысль. А она для меня есть только проявленіе общей мысли, распространенной всюду, творящей и управляющей всѣмъ. Самъ мозгъ и само слово, считаемые нами за органъ и условіе мысли, суть произведенія этой міровой мысли, и конечно не случайныя. Если для неизвѣстной намъ цѣли было необходимо устройство организмовъ, то, конечно, творческая мысль должна же была найти для выраженія себя сознаніемъ и словомъ какой либо субстрактъ, наиболѣе приспособленный къ цѣли, и этимъ субстрактомъ для человѣка и высшихъ животныхъ оказался мозгъ. Почему для человѣческаго мышленія понадобились именно не другія, а мозговыя извилины, клѣтки, узлы и волокны—мы не знаемъ, точно также, какъ не знаемъ, почему нужно было твореніе существующихъ, а не иныхъ какихъ животныхъ типовъ; мы не можемъ этого знать именно потому, что и устройство нашего органа мышленія и твореніе типовъ суть произведенія высшей, міровой, для насъ по однимъ только ея проявленіямъ доступной, мысли. Открывая на каждомъ шагу внѣ насъ мысль несознательную, въ нашемъ смыслѣ, мы невольно привыкаемъ считать ее за свою собственную, человѣчески сознательную.

Между тѣмъ мы достовѣрно теперь знаемъ, что въ нашихъ дѣйствіяхъ, и преимущественно въ дѣятельности органа зрѣнія, значительно участвуетъ безсознательное мышленіе; безъ него мы не могли бы ощущать и представлять себѣ видимые нами предметы такими именно, какъ они намъ кажутся. Мы разсуждаемъ, считаемъ, воображаемъ, помнимъ и хотимъ, во многихъ случаяхъ, безсознательно; безъ сомнѣнія можно и чувствовать безсознательно, какъ это показываютъ рефлексы, или же тотчасъ же забывать моментъ ощущенія при самомъ его началѣ. Мнѣ кажется, наступила пора, когда мы должны уже различать сознаніе нашего *я* отъ другихъ психическихъ актовъ, каковы ощущеніе, мышленіе, воля и воображеніе; не говоря уже о томъ, что степени самаго со-

знанія могутъ быть весьма различны. Я полагаю, что мозгъ есть исключительный органъ индивидуальнаго сознанія, мышленіе же наше зависитъ отъ мозга настолько, насколько онъ есть органъ слова и ощущеній, приносимыхъ различными органами. Но ни мозгъ, ни другіе органы себя самихъ не ощущаютъ сознательно. Откуда же берется въ немъ сознаніе нашего *я*? Что за странное превращеніе разныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ ощущеній, приносимыхъ къ нечувствующему самого себя мозгу въ чувства нашей личности! Не приносится ли и оно къ намъ извнѣ,—я хочу сказать,—не сообщается ли это сознаніе организму извнѣ вмѣстѣ съ элементами носителями жизненнаго начала.

Начало жизни, жизненная сила, духъ бытія, назовемъ какъ угодно, конечно не имѣетъ своего *я*; оно не можетъ имѣть индивидуально-человѣческаго сознанія; оно общее; но направляя силы и элементы къ формированію организмовъ, это организующее начало жизни дѣлается самоощущающимъ, самосознающимъ, племеннымъ или личнымъ. И въ каждой животной особи, кромѣ сознанія (болѣе или менѣе яснаго) личности, существуетъ еще сознаніе племенное, а въ людяхъ, кромѣ племенного *я*, есть еще и общечеловѣческое. Эти различные виды сознанія, органомъ которыхъ служатъ преимущественно нервные центры, въ моихъ глазахъ не что другое, какъ олицетвореніе міровой мысли, совершаемое жизненною силою. Это, по моему мнѣнію, не пустая фраза. Я въ правѣ такъ думать потому, во-первыхъ, что другого объясненія происхожденію нашего *я* я не знаю; во-вторыхъ, въ существованіи жизненнаго начала (силы) нельзя сомнѣваться; ибо нужно же принять иксъ, управляющій веществомъ въ организмѣ и физическими силами, направляющій ихъ къ извѣстной опредѣленной цѣли, къ поддержанію существованія и самосохраненію организма; въ третьихъ, наконецъ, вещество, управляемое и направляемое жизненнымъ началомъ, организуется по общему, опредѣленному плану въ извѣстные типы; а это не значитъ ли, что организованіе типовъ и формъ представляетъ собою выраженіе и олицетвореніе творческой міровой мысли. Но такъ какъ эта мысль не есть и, по существу своему, не можетъ быть индивидуальная, то она, конечно, не нуждается въ особомъ органѣ, каковъ нашъ мозгъ, предназначенномъ исключительно для индивидуальности. Вмѣстѣ съ этимъ, для выраженія міровой мысли не было надобности ни въ ощуще-

ніяхъ, ни въ словахъ, необходимыхъ для нашего индивидуальнаго мышленія.

Вообще, мы не въ правѣ утверждать, что такой-то или такой-то органъ устроенъ именно съ тою цѣлью и для той функціи, которыя ему приписываютъ наши опыты, наблюденія и наука. Мы не можемъ утверждать, что наши ноги даны намъ, чтобы ходить, мозгъ—чтобы мыслить. Нѣтъ, мы ходимъ, потому что у насъ есть ноги и мыслимъ, потому что имѣемъ голову. Утверждать же, что мы имѣемъ голову, чтобы мыслить — значитъ полагать, что творческая сила жизни не имѣла никакого другого средства, кромѣ избраннаго ею къ достиженію своей цѣли. Мы должны помнить, что мы не знаемъ почему творческая мысль олицетворилась сознательно въ типѣ и формѣ человѣка, а не иномъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы не въ правѣ утверждать, что человѣкомъ и закончилось это олицетвореніе, доведенное въ немъ до самосознанія; у насъ нѣтъ никакой причины отвергать возможность существованія организмовъ, снабженныхъ такими свойствами, которыя олицетворенію міровой мысли придали бы недостижимое для нашего самосознанія совершенство.

17—18 февраля (1880 г.). Оба дня тепло до 4—6° R. при S. и SW., вчера (17) болѣе пронзительномъ, сегодня слабомъ. Ясно. На солнцѣ таетъ, но общей оттепели нѣтъ, хотя снѣгъ уже и проваливается подъ ногами.

Я знаю, что мое міровоззрѣніе не имѣетъ той фактической подкладки, которая въ наше время требуется отъ всякого серьезнаго размышленія. Но въ томъ-то и бѣда, что нужно или вовсе отказаться отъ всякаго міровоззрѣнія, или же принять въ основаніе одни слишкомъ общіе и потому слишкомъ близкіе къ отвлеченію факты. Мнѣ не суждено быть позитивистомъ; я не въ силахъ приказать моей мысли: не ходи туда, гдѣ можно заблудиться. И я, по неволѣ, основываюсь въ моемъ міровоззрѣніи на томъ, что мнѣ кажется внѣ всякаго сомнѣнія, хотя бы это было болѣе отвлеченіе, чѣмъ фактъ. Мнѣ кажутся такого рода отвлеченія также несомнѣнными, какъ мое собственное существованіе; къ нимъ я отношу: міровую цѣлесообразность, общій планъ творенія, міровую мысль, силу, независимую отъ вещества, ве-

щество, при умственномъ анализѣ, превращающееся въ нѣчто неуловимое чувствами,—то есть также силу; начало (силу) жизни, проникающее вещество, но независимое ни отъ него, ни отъ физическихъ силъ, а цѣлесообразно направляющее эти силы къ самосохраненію вещества, возведеннаго этимъ же началомъ на степень организмовъ и особей. Принимая все это за неоспоримыя истины, могъ ли я принять иное міровоззрѣніе? Будетъ ли наукою когда нибудь несомнѣнно доказано, что высшіе животные типы, формы и мы сами развились подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій и силъ изъ низшихъ формъ, а эти, въ свою очередь, изъ первобытной органической протоплазмы—мое воззрѣніе отъ этого не измѣнится; такъ-ли, иначе-ли развилась животная жизнь на землѣ, принципъ цѣлесообразности въ творчествѣ отъ этого ничего не теряетъ и присутствіе міровой мысли и жизненнаго начала во вселенной не сдѣлается сомнительнымъ.

Я не могу убѣдиться,—хотя мое собственное убѣжденіе и не могу подтвердить фактами,—чтобы во всей вселенной нашъ мозгъ былъ единственнымъ органомъ мышленія; чтобы все въ мірѣ, кромѣ нашей мысли, было безумно и безсмысленно, и чтобы она одна придавала міозданію смыслъ и разумную цѣлесообразность. При такомъ одностороннемъ воззрѣніи мнѣ чрезвычайно страннымъ кажется значеніе нашего мозга; выходитъ такъ, что въ цѣлой вселенной онъ одинъ, ощущая внѣшнія впечатлѣнія и не ощущая самого себя, служитъ мѣстомъ проявленія какого-то *я*, вовсе не признающаго своей солидарности съ мѣстомъ своего происхожденія и какъ будто ему посторонняго. Поэтому мнѣ сдается не болѣе и не менѣе правдоподобнымъ другое предположеніе, что это пресмутное и странное наше *я* заносится въ мозгъ и развивается тамъ вмѣстѣ съ ощущеніями отъ приносимыхъ въ него внѣшнихъ впечатлѣній; другими словами—ставится вопросъ: не приносится ли наше *я* извнѣ и не есть ли оно именно міровая мысль, встрѣчающая въ мозгѣ апаратъ, искусно сработанный ad hoc силою жизни и назначенный ею для олицетворенія и особленія мірового ума? Въ такомъ случаѣ мозгъ былъ бы искусно сплетенною сѣтью для удержанія и проявленія въ личномъ видѣ этого вселенскаго разума.

Во всякомъ случаѣ это, повидимому, фантастическое предположеніе мнѣ кажется все-таки болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ то, вы-

шедшее изъ школы чистокровныхъ матеріалистовъ, по которому наша мысль приводится въ зависимость отъ мозгового фосфора. Сколько бы я ни ѣлъ рыбы и гороху (по совѣту Молешота), никогда я не соглашусь отдать мое *я* въ крѣпостную зависимость отъ продукта, случайно полученнаго алхиміею изъ мочи. Если намъ суждено въ нашихъ міровоззрѣніяхъ подвергаться постоянно иллюзіямъ, то моя иллюзія, по крайней мѣрѣ, утѣшительна. Она мнѣ представляетъ вселенную разумною и дѣятельность дѣйствующихъ въ ней силъ цѣлесообразною и осмысленною, а мое *я* не продуктомъ химическихъ и истологическихъ элементовъ, а олицетвореніемъ общаго, вселенскаго разума, который я представляю себѣ свободно дѣйствующимъ по тѣмъ же законамъ, которые начертаны имъ и для моего разума, но не стѣсненнымъ нашею человѣчески сознательною индивидуальностью.

XIV.

19-го февраля (1880 г.). Отличная погода при—1° R. (утромъ ясно и тихо для дня двадцатипятилѣтія).

25 лѣтъ тому назадъ я встрѣчалъ этотъ день въ Севастополѣ. Тогдашнія занятія на перевязочномъ пунктѣ и моя болѣзнь (тифоидъ) не позволили ясно сохраниться произведенному на насъ впечатлѣнію извѣстіемъ о новомъ вступленіи на престолъ. Я помню только о какомъ-то безгласномъ изумленіи при полученіи извѣстія о кончинѣ императора Николая. Мы почти ничего не знали о его болѣзни. Передъ неожиданнымъ отъѣздомъ Великихъ Князей (Николая и Михаила) изъ Севастополя разнесся слухъ о болѣзни императрицы и никому изъ насъ и въ голову не приходило, что насъ ожидало такое важное событіе. О какихъ-либо предстоящихъ перемѣнахъ съ восшествіемъ на престолъ новаго Государя тогда некогда было помышлять. У всѣхъ одно было на умѣ настоящее, весьма неприглядное. Непріятель приближался своими осадными работами; предстояли новыя битвы и кровопролитія; всѣ были увѣрены, что, не смотря на перемѣну правленія, до мира еще далеко. Газетъ мы тогда почти не читали; онѣ приходили Богъ знаетъ когда, да и читать было некогда.

25 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Многое великое совершилось,

много хорошаго. Многое перемѣнилось къ лучшему; но юбилей омраченъ новымъ Севастополемъ, также доморощеннымъ и также не безъ внѣшняго вліянія, тревожащимъ Россію. Уже давно появившаяся въ цивилизованномъ мірѣ болѣзнь, именуемая мірскою печалью или болью, „Weltschmerz", развилась и у насъ. Но наши мірскіе печальники, еще рѣшительнѣе западныхъ, не задумались прибѣгнуть тотчасъ же къ самымъ печальнымъ мѣрамъ для излеченія своей болѣзни; но объ этомъ поговорю послѣ.

На другой или на третій день послѣ призыва къ присягѣ новому государю, я пошелъ зачѣмъ-то къ нашему госпитальному аптекарю въ Севастополѣ, и встрѣтилъ его на дорогѣ возвращающимся съ почты съ какимъ-то ящикомъ. Я полюбопытствовалъ узнать и зашелъ въ аптеку; при раскрытіи посылки оказалось, что это была атомистическая аптечка лейбъ-медика Мандта, предназначавшаяся для всѣхъ военныхъ госпиталей, и по высочайшему повелѣнію разосланная по всей Россіи; этою аптекою, а слѣдовательно и атомистическимъ способомъ леченія д-ра Мандта, должны были, по волѣ покойнаго государя (Николая I), замѣниться прежнія аптеки и прежніе способы леченія въ военныхъ госпиталяхъ.

Какъ только ящикъ былъ открытъ, нашъ аптекарь, тертый нѣмецъ, посмотрѣвъ на содержимое, прехладнокровно помоталъ головою и, закрывъ ящикъ, сказалъ: „опоздалъ". Только потомъ я понялъ въ чемъ дѣло. Приказъ отъ военно-медицинскаго вѣдомства объ этомъ нововведеніи былъ, вѣроятно, уже извѣстенъ аптекарю и онъ, получивъ эту куріозную посылку прежняго режима уже при новомъ, тотчасъ же сообразилъ какая ей предстоитъ будущность.

XV.

Февраля 20—21 (1880 г.). Продолжается ясная погода съ небольшимъ марецомъ SW; на солнцѣ 0° +5 R.; ночью морозцы въ 2°—4° R.

Да гдѣ же моя автобіографія? Но вѣдь я ее пишу для себя и потому мнѣ всего важнѣе уяснить себѣ самому, что̀ такое я, и потомъ уже прослѣдить насколько и какимъ образомъ фактическая жизнь способствовала сдѣлать изъ меня то, что я теперь, то есть какими путями пришелъ я къ моему теперешнему (1880 г.)

міровоззрѣнію и къ моимъ теперешнимъ религіознымъ и нравственнымъ убѣжденіямъ. Поэтому мнѣ необходимо сначала уяснить самому себѣ, какъ я смотрю на окружающій меня міръ, какимъ я кажусь себѣ, за кого я самъ себя считаю, во что я вѣрю, въ чемъ сомнѣваюсь, что люблю и что ненавижу. Все мое прошедшее, все пережитое мною для меня интересно однако же настолько, сколько оно можетъ разъяснить мнѣ весь процессъ развитія моего міровоззрѣнія, моихъ религіозныхъ убѣжденій и всего моего нравственнаго быта. Но чтобы добиться этого результата въ исторіи моей жизни, я долженъ не только припомнить себѣ все давнопрошедшее время, а еще и стараться быть на каждомъ шагу откровеннымъ съ собою. И то, и другое не такъ легко.

Я велъ когда-то, 18-лѣтнимъ юношею, нѣкоторое время (около года), дневникъ. У жены сохранилось изъ него нѣсколько листковъ. Но изъ него я не многое могъ бы извлечь для моей цѣли. Я узналъ бы, напримѣръ, что въ ту пору я не думалъ прожить долѣе 30 лѣтъ, а потомъ,—говорилъ я тогда въ дневникѣ,—въ 18 лѣтъ! (и при томъ вовсе не рисуясь),—„пора костямъ и на мѣсто". Изъ этого я могу заключить только,—это, впрочемъ, я и безъ дневника ясно помню,—что нерѣдко въ тѣ поры я бывалъ въ мрачномъ настроеніи духа. Память давнопрошедшаго, какъ извѣстно, у стариковъ хороша, а у меня она хорошо сохранилась и о недавно прошедшемъ. Поэтому въ моей исторіи прошедшаго я не найду большаго препятствія къ раскрытію процесса броженія и переворотовъ, совершившихся въ теченіи жизни въ моемъ нравственномъ и умственномъ бытѣ. Но труднѣе будетъ для меня рѣшить насколько я могу быть вполнѣ откровеннымъ съ собою. Это не такъ легко, какъ кажется. Есть случаи въ жизни, главные и скрытые мотивы которыхъ невозможно иначе объяснить, какъ при полной откровенности съ самимъ собою; а между тѣмъ, именно въ такихъ случаяхъ, никакъ не рѣшишь дѣйствительно ли ты откровененъ съ собою, или нѣтъ. Есть мотивы, до того глубоко сидящіе въ тайникахъ нашего *я*, что ихъ никакъ не вытащишь на поверхность души, сколько бы этого ни желалъ; вмѣсто нихъ появляются другіе, на видъ болѣе приглядные, но, хватаясь и выставляя ихъ, чувствуешь, что тамъ гдѣ-то въ глубинѣ сидитъ, упершись и притаившись, другой мотивъ, неясный и, главное, ни мало не похожій на всплывшій. И это

дѣлается совсѣмъ не въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ благоразуміе и осторожность не дозволяютъ быть откровеннымъ съ другими. Нѣтъ, я утверждаю, что несравненно труднѣе откровенность съ самимъ собою, можетъ быть потому, что она обыкновенно требуется не ежедневно, не въ дюжинныхъ обстоятельствахъ, а болѣе или менѣе критическихъ и серьезныхъ. Случается и то, что дѣйствительно не можешь рѣшить, что было причиною того или другого совершеннаго тобою поступка, и еще труднѣе—почему ты тогда, при этомъ поступкѣ, такъ, а не иначе думалъ. Самый анализъ и разбирательство дѣйствій своего собственнаго *я* требуетъ много опытности и упражненія. Едва ли тотъ, кто много упражнялся въ анализѣ поступковъ, чувствъ и мыслей другого, пріобрѣтаетъ этимъ же самымъ упражненіемъ и способность анализировать безупречно себя самого.

Вообще для меня остается еще открытымъ вопросъ—нормально ли анализировать себя? Человѣкъ, что называется цѣльный, кажется, живетъ, мыслитъ, дѣйствуетъ безъ разбирательства своего *я*. Онъ такъ устроенъ и самъ такъ устроился, что его мысли и дѣйствія, по его собственному убѣжденію, должны быть именно тѣми, какими онѣ есть, а не иными. Психическій процессъ въ такомъ человѣкѣ можно сравнить съ заведеннымъ, однажды на все время его существованія, часовымъ механизмомъ. Маятникъ ходитъ ровно, мѣрно и правильно. Раскрывать и разсматривать этотъ механизмъ нѣтъ никакой надобности. Самоѣдство же—другого свойства. Это продуктъ едва ли не патологическій, хотя на немъ и основано глубокомысленное правило мудрецовъ о познаніи (конечно посредствомъ наблюденія и изученія) самого себя,—извѣстное—гнофи зеаутонъ.

Руководясь этимъ правиломъ, нужно проститься съ дорогою цѣльностью души; разщепленіе и двойственность дѣлаются неизбѣжны; борьба наблюдаемаго и наблюдающаго началъ неизбѣжна, когда наше *я* дѣлается въ одно и то же время субъектомъ и объектомъ. Вотъ и я упрекаю себя въ этой двойственности, хотя она играла, можетъ быть, немаловажную роль въ моемъ самовоспитаніи и самообладаніи; безъ этой двойственности, то есть безъ наблюденія и анализа самого себя, я былъ бы, можетъ быть, гораздо хуже, чѣмъ какимъ я считаю себя въ настоящее время. Но бо̀льшею помѣхою была она иногда для моей практической

дѣятельности и способствовала къ развитію духа противорѣчія и оппозиціи. Этотъ оппозиціонный духъ проявлялся также сильно въ анализѣ мнѣній и дѣйствій моихъ собственныхъ, какъ и посторонних̂ъ.

Я съ давнихъ поръ не могу ни на что смотрѣть и ни въ чемъ убѣждаться съ одной стороны; непроизвольно при каждомъ новомъ для меня предметѣ я тотчасъ же заглядываю на него со стороны противоположной той, съ которой смотрю. Не даромъ я косилъ однимъ глазомъ (лѣвымъ) съ рожденія. Эта разносторонность въ взглядѣ на предметъ, приносящая свою долю пользы, вредна дѣйствію, лишая его мѣткости, быстроты и сосредоточенности. Я это испыталъ, къ сожалѣнію, не разъ въ жизни; за то она предохраняла меня отъ вредныхъ увлеченій, выставляя мнѣ тотчасъ же на видъ худую сторону того, что меня манило къ увлеченію. Несомнѣнную пользу доставила мнѣ разносторонность въ хроническихъ случаяхъ, когда было довольно времени для начала дѣйствія взвѣсить и оцѣнить обсуждаемый предметъ съ противуположныхъ точекъ зрѣнія.

Странно и непонятно свойство дѣлиться нашего *я*. Впрочемъ, не знаю навѣрное—дѣйствительно ли наше личное *я* или что другое въ насъ имѣетъ это странное свойство. Знаю только по опыту, что различное настроеніе (веселое, тоскливое) у меня весьма рѣдко овладѣвало вполнѣ мною; почти всегда было такъ, что какъ будто одно мое *я* веселится, а другое въ то же время тоскуетъ и разбираетъ (анализируетъ) причину веселья перваго. Въ порывахъ же страсти и увлеченія все зависило отъ ихъ степени; увлекающееся *я* быстро представляло свои мотивы; другое, удерживающее, также быстро приводило свои, и увлеченіе одолѣвало и приводило въ дѣйствіе только, когда его мотивы представлялись какому-то еще третьему *я* болѣе основательными и болѣе сильными. Для психолога все это, конечно, вздоръ. *Я* у каждой особи одно цѣльное и нераздѣльное. Ощущеніе: какъ будто, во мнѣ дѣйствуетъ два или нѣсколько противуположныхъ *я*—есть какая-то иллюзія. Съ той поры, когда мы начинаемъ себя помнить, и до конца дней всѣ мы отчетливо сознаемъ свое цѣльное и единичное *я*, какъ бы мы въ теченіи жизни ни измѣнялись въ характерѣ, привычкахъ, образѣ жизни и проч. Мы чувствуемъ перемѣны съ собою, но въ то же время сознаемъ, что эти перемѣны не сдѣлали насъ не нами.

XVI.

Съ 22 — 27 февраля (1880 г.). Температура мѣнялась эти дни отъ—5 до +6° R. 22—25 мороза почти не было; разъ пошелъ снѣгъ съ мятелью, но скоро пересталъ. 25—26 сильный марецъ NNW и температура понизилась отъ 0° до—5° R. Было ясно и солнечно. Сегодня вѣтеръ NW тише и днемъ +2—3° R. Ночью было 0°. Ясно. Все время возимъ навозъ; десять слишкомъ морговъ уже унавожено. Пшеницу, проданную по 1½ рубля за пудъ, увозятъ, но по малу.

Да, наше *я* цѣльно, нераздѣльно и тождественно въ теченіи всей нашей жизни. Только умалишенные, и то не всѣ, вѣроятно, не сознаютъ тождества настоящаго своего *я* съ прежнимъ. Откуда же иллюзія, представляющая намъ, что мы можемъ въ одно и то же время чувствовать и мыслить не только различно, но и противоположно, противодѣйствуя однимъ чувствомъ другому и изгоняя одну мысль другою?

Во первыхъ, мы обманываемся во времени; между однимъ ощущеніемъ и другимъ, одною мыслью и другою всегда есть промежутокъ времени между этими актами, какъ бы коротокъ ни былъ и какъ бы ничтожнымъ намъ ни казался.

Во вторыхъ, иллюзія зависитъ отъ того, что наше *я* способно въ одно и то же время прикасаться, такъ сказать, къ нѣсколькимъ органамъ, имѣющимъ различныя функціи, да и само оно, наше *я*, какъ бы соткано изъ различныхъ ощущеній.

Что же оно такое, это пресловутое *я*? Личное мѣстоимѣніе? Или также одна иллюзія?—Я полагаю нужно сдѣлать различіе между двумя видами *я*. Одинъ его видъ есть не болѣе, какъ ощущеніе личнаго бытія, свойственное каждой животной особи. Въ другомъ видѣ, вмѣстѣ съ этимъ ощущеніемъ, существуетъ еще и болѣе или менѣе ясное понятіе о немъ, т. е. о своей личности. Вотъ это-то сознательное пониманіе присущаго намъ ощущенія бытія, т. е. своей личности, и есть наше человѣческое *я*, выражаемое словомъ—мѣстоимѣніемъ личнымъ, у взрослыхъ—въ первомъ, у дѣтей въ третьемъ лицѣ. И животныя выражаютъ звуками ощущеніе

своего бытія, но у нихъ оно выражается всегда вмѣстѣ съ какимъ либо позывомъ, чувствомъ удовольствія или боли.

Наше *я*, въ его отношеніяхъ къ разнымъ психическимъ способностямъ, можно сравнить съ музыкантомъ, играющимъ въ одно и тоже время на нѣсколькихъ инструментахъ; прикасаясь къ нимъ посредствомъ разныхъ тѣлодвиженій, онъ умѣетъ разыгривать мелодическіе концерты. Такъ и наше *я*, сотканное изъ различнѣйшихъ ощущеній, обладаетъ способностію легко прикасаться, въ одно и тоже время, къ элементамъ разныхъ частей мозга, и возбуждать психическія функціи, приводя дѣятельность этихъ органовъ въ унисонъ, а иногда и причиняя нестерпимую для самого себя и для другихъ какофонію. Какъ бы ни были локализированы различныя психическія функціи по разнымъ частямъ мозга, ощущеніе и пониманіе бытія, т. е. наше *я*, не можетъ быть локализированнымъ. Чтобы разыграть, не нарушая законовъ гармоніи, какую либо мысленную тему, оно должно коснуться въ одно и тоже время и органическихъ элементовъ, сохраняющихъ на себѣ отпечатки внѣшнихъ впечатлѣній (т. е. памяти), и мозговыхъ извилинъ, служащихъ органомъ слова и не найденныхъ еще локализаторами органовъ фантазіи и разсудка. Это необходимо потому, что мы не можемъ мыслить и разсуждать, не приводя въ тоже время въ дѣйствіе нашу память, наше соображеніе и воображеніе. Этою способностію нашего *я* приводить одновременно или попеременно съ самыми краткими промежутками, не нарушая своей цѣлости (не раздѣляясь), разные органы ощущеній и различныя психическія способности, объясняю я себѣ и кажущуюся намъ его двойственность, такъ хорошо выраженную въ одномъ посланіи апостола Павла. Не только между желаніемъ (волею) и дѣйствіемъ, какъ замѣчаетъ апостолъ, но и между первоначальными зародышами нашихъ мыслей, чувствъ, желаній, не трудно подмѣтить у себя противорѣчіе и двойственность.

Еще недавно, на дняхъ, я былъ въ худомъ настроеніи духа (послѣ сильнаго припадка кишечнаго катарра) и, злясь, не переставалъ однако же наблюдать, что въ тоже время, какъ злоба и неудовольствіе на нѣкоторыхъ особъ подступали у меня къ сердцу, въ зародышѣ мысли уже заключалось ихъ извиненіе; я былъ го-

товъ одновременно и ругать, и извинять ихъ, съ упрекомъ себѣ въ несправедливости. Не значило ли это, что мое *я* проникало въ омутъ грязныхъ ощущеній, приносимыхъ разстроеннымъ органомъ (кишечнымъ каналомъ) въ мое воображеніе, но не такъ глубоко, чтобы потонуть въ немъ, оставивъ память (съ нѣкоторыми пріятными воспоминаніями) и разсудокъ въ полномъ бездѣйствіи.

Что такое наше *я* безъ ощущеній, (оно, какъ я сказалъ, изъ нихъ соткано),—ignoro et ignorato. Мы, врачи и натуралисты, посвятившіе себя съ раннихъ лѣтъ фактическимъ изслѣдованіямъ живыхъ и мертвыхъ организмовъ и органовъ, такъ привыкаемъ къ находящейся безпрестанно предъ нами и въ нашихъ рукахъ связанной съ органическими элементами жизни, что невольно смотримъ на нее какъ на слѣдствіе, а не какъ на причину. Уколомъ одного пункта въ продолговатомъ мозгу мы мгновенно прекращаемъ самую полную силъ и здоровья жизнь. Можно-ли же осуждать насъ, если мы заключаемъ, что жизнь, подобно часовому механизму, останавливается съ поврежденіемъ пружины? Не естественно ли заключеніе, что наша жизнь есть не болѣе, какъ регулированное органическимъ механизмомъ движеніе; ключъ къ этому механизму въ томъ пунктѣ продолговатаго мозга, который потому и долженъ называться жизненнымъ узломъ—noeud vital. Съ выходомъ нашимъ на свѣтъ, онъ заводитъ машину; первое проявленіе механизма есть дыхательное движеніе. Если мы не желаемъ назвать внѣшнимъ міромъ для человѣческаго зародыша заключавшую его девять мѣсяцевъ матку, то первое сообщеніе его съ внѣшнимъ міромъ состоитъ въ движеніи грудного ящика. Что же можетъ быть послѣ этого для насъ наше *я* безъ ощущеній и безъ связи съ приносящими и принимающими ощущенія органами? Развѣ посвятившимъ себя изученію органической природы не доказываютъ тщательныя изслѣдованія, что въ органическомъ мірѣ дѣйствуютъ тѣже самыя силы и законы, какъ и въ неорганическомъ, и не въ правѣ ли мы заключить изъ этого, что все, что мы наблюдаемъ въ животномъ организмѣ, относится также, какъ и въ неорганическихъ тѣлахъ, къ свойствамъ и функціямъ вещественныхъ элементовъ, составляющихъ его части и органы?

XVII.

29-го февраля—1-го марта (1880 г.). Послѣ оттепели, мѣнявшейся съ ночными небольшими морозами, вдругъ при новолуніи (28-го февраля) начинается студеный NW и вчера (29) температура понижается до—7° R. съ ужасною мятелью (это былъ ураганъ, шедшій, по газетнымъ извѣстіямъ, съ востока и свирѣпствовавшій въ степныхъ восточныхъ губерніяхъ), а сегодня, хотя и ясно, но морозъ въ 10° R. при сильномъ холодномъ NW. Слава Богу, что поля наши съ посѣвами еще покрыты снѣгомъ; но куда дѣвается этотъ снѣгъ? настоящихъ оттепелей еще не было; ни разу не текли съ горъ потоки, температура не возвышалась ни разу болѣе +6° R., и то только днемъ, а снѣгъ, что называется, изнываетъ видимо; уже мѣстами на дорогахъ и на зяблѣ (вспаханная съ осени стырня) его вовсе нѣтъ; земля подъ нимъ отмерзаетъ только по временамъ и то не болѣе, какъ на 2″; слѣдовательно глубоко проникать въ землю тающій снѣгъ не можетъ; большихъ лужъ и ручьевъ не видно; испаряться снѣгъ при ясной солнечной, но прохладной погодѣ едва ли могъ сильно; онъ былъ рыхлъ и при малѣйшей оттепели проваливался; вѣроятно, онъ теперь сплюснулся и слой его оплотнѣлъ.

Интересно и для любопытства, и для кармана, что̀ будетъ нынѣшнею весною со всходами озими? Соки въ деревьяхъ еще незамѣтно, чтобы тронулись, и потому еще можно надѣяться, что поздній морозъ не повредитъ имъ много.

Да, научному эмпирику, при индуктивномъ методѣ изслѣдованія, трудно избѣгнуть иллюзіи, представляющей ему невозможнымъ существованіе сознательной мыслящей жизни внѣ организма и безъ возбуждающихъ ощущенія органовъ. А между тѣмъ, эта иллюзія основана, хотя на привлекательномъ и повидимому безспорномъ, но поверхностномъ и одностороннемъ взглядѣ на индивидуальныя проявленія жизни.

Живущее въ насъ, ощущающее и понимающее ощущеніе, начало не можетъ быть само органомъ, то есть объектомъ; оно по существу своему не можетъ не быть субъектомъ,—то есть существомъ отдѣльнымъ отъ органа, конечно не въ смыслѣ грубо-

вещественномъ и, конечно, не имѣетъ извѣстныя намъ и подверженныя нашимъ чувствамъ свойства существъ органическихъ. Оно, тѣсно связанное съ органическими элементами, безъ чего чувственныя его проявленія были бы для насъ невозможны, съ разрушеніемъ этой связи перестаетъ быть объектомъ, то есть предметомъ чувственнаго изслѣдованія. Но удастся ли кому либо представить себѣ возможность ощущенія: понимать ясно ощущаемое (то есть мыслить), не сознавая въ тоже время себя самого, то есть не бывъ субъектомъ (для себя). Нарушая или прекращая связь этого субъективнаго, ощущающаго и сознающаго себя начала съ органическими элементами, мы уничтожаемъ только объективно-индивидуальное проявленіе его, а слѣдовательно и жизни, но не самое жизненное начало. Насколько же это начало и послѣ разрыва органической связи можетъ еще сохранять свой индивидуализмъ, — свой индивидуальный, такъ сказать, обликъ—это другой, не менѣе по своему содержанію глубокій, вопросъ. О немъ потомъ приведу мое личное воззрѣніе.

Въ современной наукѣ установилось однако же воззрѣніе, противорѣчащее, повидимому, тому, что ощущеніе и мышленіе должны быть всегда сознательны. Дѣйствительно, нельзя не принять, судя по многимъ фактамъ, въ извѣстныхъ случаяхъ безсознательныхъ ощущеній и размышленій. Уловить существенное различіе между этими видами ощущеній и мыслей и сознательными не всегда возможно. Вотъ факты. Вѣрно, организмъ зародыша ощущаетъ безсознательно; бо̀льшая часть рефлексовъ основаны на безсознательномъ ощущеніи, переносимомъ на двигательные нервы. Внутренніе органы, безъ сомнѣнія, передаютъ отъ себя разнаго рода ощущенія; но онѣ безсознательны и обнаруживаются обыкновенно одними рефлексами. Впечатлѣнія, приносимыя намъ чувствами, и особливо зрѣніемъ, изъ внѣшняго міра, производятъ въ насъ правильныя представленія о предметахъ не иначе, какъ съ помощью безсознательнаго мышленія, пріобрѣтаемаго опытомъ. Многія движенія тѣла совершаются также безсознательно. Но во всѣхъ этихъ явленіяхъ, подъ именемъ безсознательнаго ощущенія и мышленія, нужно понимать, во-первыхъ, одну лишь органическую воспріимчивость или способность тканей

къ возбужденію; ее можетъ быть приличнѣе было бы назвать ощутительностью, безъ которой ткань не могла бы ни возбуждаться стимуломъ, ни передавать его центрамъ для возбужденія рефлекса; во-вторыхъ, цѣлый рядъ органическихъ ощущеній (идущихъ отъ внутреннихъ органовъ), хотя и не сознается нами ясно и отчетливо, какъ сознаются внѣшнія впечатлѣнія, приносимыя чувствами, но все-таки дѣйствуютъ на сознаніе косвенно, возбуждая то фантазію, то позывы, то проявленія страстей и другія неопредѣленныя напоминанія о себѣ; поэтому, вполнѣ безсознательными нельзя назвать эти ощущенія; въ-третьихъ, наконецъ, многія и вполнѣ сознательныя ощущенія иногда такъ кратковременны, что тотчасъ же исчезаютъ изъ круга нашей сознательной дѣятельности и не удерживаются памятью; а иногда, при вниманіи одностороннемъ и сосредоточенномъ на одномъ предметѣ, или вовсе не замѣчаются, или только по временамъ доходятъ до нашего сознанія; напримѣръ, позывъ на мочу и на низъ, при усиленныхъ умственныхъ и другихъ занятіяхъ, долго не сознается или же сознается только временно, не смотря на растяженіе пузыря и прямой кишки.

Что же касается до безсознательнаго мышленія, безъ котораго нельзя бы было объяснить многія явленія въ функціяхъ нашихъ чувствъ, напримѣръ, оцѣнку разстояній глазомъ, правильное представленіе о предметѣ, видимомъ съ разныхъ сторонъ двумя глазами, перспективу и т. п., то и тутъ, во многихъ случаяхъ, кажущаяся намъ безсознательность есть только слѣдствіе привычки и опыта; что было въ началѣ жизни узнано нами постепенно сознательнымъ опытомъ, то впослѣдствіи, сдѣлавшись намъ извѣстнымъ и привычнымъ, кажется безсознательнымъ и мы пользуемся потомъ плодами этого знанія, не сознавая, что обладаемъ имъ посредствомъ долгаго опыта. Нѣтъ ничего мудренаго, если при этомъ сужденіи, сдѣлавшемся для насъ обычнымъ и вседневнымъ, потомъ не принимается нами вовсе за сужденіе и кажется чѣмъ-то очевиднымъ, нагляднымъ, не требующимъ ни малѣйшаго проявленія мысли. Дважды два четыре нами не считается уже обыкновенно за сужденіе; это кажется намъ такъ же очевиднымъ, какъ стоящій передъ нами столъ или стулъ, правильное представленіе о которомъ требовало

отъ насъ нѣкогда также изученія, какъ и дважды два—четыре. Сверхъ этого, надо знать, что мысли, какъ и ощущенія, вполнѣ сознательныя, остаются иногда такими весьма недолго; иногда проблески мыслей въ нашемъ сознаніи до того кратки, что ихъ, безъ преувеличенія, можно сравнить съ блескомъ молніи; но, не смотря на свою быстротечность, многія изъ нихъ, хотя и незамѣченныя, остаются въ памяти, побуждая насъ къ дѣйствіямъ; въ такомъ случаѣ, и дѣйствія, и мотивирующія ихъ мысли могутъ казаться намъ безсознательными. Иногда же, вниманіе, погруженное въ занятіе какимъ-либо предметомъ, вовсе не замѣчаетъ ни совершающіяся дѣйствія, ни руководящія ими мысли, хотя бы и тѣ, и другія и не были вовсе безсознательными. Вообще, для точнаго рѣшенія вопроса о сознательности и безсознательности нашихъ ощущеній, мыслей и сужденій необходимо умѣніе превращать свое субъективное *я* въ объектъ постояннаго и непрерывнаго наблюденія этого же самого субъекта имъ же самимъ.

Но такая напряженная и односторонняя дѣятельность нашего вниманія надъ тѣмъ, что есть сознательнаго и безсознательнаго въ насъ, очевидно ненормальна [такъ], что и результаты такого наблюденія не могутъ считаться ни достовѣрными, ни удобными для контроля. Разсказываютъ, что Іог. Мюллеръ едва не сошелъ съ ума отъ усиленнаго наблюденія надъ собою; онъ хотѣлъ уловить у себя моментъ перехода отъ бдѣнія ко сну, то есть поймать у себя переходъ сознанія въ безсознательность. Мы не можемъ выйти изъ заколдованнаго круга при всѣхъ нашихъ усиліяхъ опредѣлить точнѣе наше субъективное индивидуальное бытіе. Въ общихъ чертахъ оно тождественно для всего человѣчества, имѣетъ многія общія черты и съ субъективизмомъ другихъ животныхъ. Но это сходство проявляется объективно только тремя путями: голосомъ (звукомъ), словомъ (членораздѣльными звуками) и движеніемъ (прямымъ и рефлективнымъ). Всѣ наши опыты и наблюденія надъ проявленіемъ субъективнаго индивидуальнаго бытія человѣка и животныхъ не имѣютъ другихъ критерій. Но если всѣ они, не смотря на пріобрѣтенныя посредствомъ ихъ вѣскія знанія, ненадежны, сомнительны, двурѣчивы,—то еще менѣе прочны тѣ наши свѣдѣнія, которыя мы пріобрѣли чисто субъективными наблюденіями.

1 — 3 марта (1880 г.). Все время холодный NW.; морозъ въ 4—5°, а ночью 10—12°. Сегодня (3 марта) теплѣе и тише (—1°).

Сегодня случайно услыхалъ объ одной человѣческой низости, свойственной исключительно халуйству. Максимъ, съ дѣтства почти оставленный отцемъ-солдатомъ въ дворовыхъ, обязанный намъ своимъ, относительно порядочнымъ, состояніемъ (тысячи въ двѣ), купившій на деньги, пріобрѣтенныя у насъ, домъ и землю, оказался такимъ злымъ и коварнымъ, что лаская въ моемъ присутствіи моего кота Мошку и зная, что я его люблю, бьетъ его на-пропалую за глазами только за то, что ему, коту, а не ему, Максиму, достаются кости отъ жаркого за обѣдомъ.

Притворство съ жестокостью и зависть къ животному,—вотъ до чего низводитъ человѣка халуйство, и безъ всякаго глубокаго мотива. Притворство безъ нужды! я не терплю ласкательствъ—это онъ, Максимъ, знаетъ; жестокость страсти—холодная, насмѣшливая и безцѣльная. Зависть безъ причины; онъ сытъ и отъ своего, и отъ нашего стола; да и къ кому же зависть, къ кошкѣ! Низко до тошноты и тѣмъ тошнѣе, что въ такихъ проявленіяхъ видишь униженіе общаго всѣмъ намъ человѣческаго достоинства, о которомъ такъ много говорится и для поддержанія котораго такъ мало дѣлается.

Не вправѣ ли же я былъ заключать изъ сказаннаго, что въ отношеніи нашей субъективной индивидуальности мы, дѣйствительно, стоимъ въ заколдованномъ кругу. Съ одной стороны, объективные критеріи для ея разслѣдованія (голосъ, слово, движеніе) ненадежны, неясны и двусмысленны; а съ другой стороны субъективные ненормальны до того, что употребляя наше сознаніе и мысль для изслѣдованія сознанія же и мысли, мы рискуемъ потерять и то, и другое. Въ самомъ дѣлѣ, кто поручится за ясность и нормальность мышленія у наблюдателя, направляющаго безпрерывно все вниманіе и мышленіе на то, напримѣръ, чтобы прослѣдить начало и прохожденіе мысли въ сознаніи; кто поручится, что подмѣченное совершилось въ наблюдаемомъ, а не въ наблюдающемъ? А кто поручится также за правильное пониманіе нами субъективныхъ явленій, обнаруживающихся такими объективными признаками, какъ звуки, издаваемые животнымъ

при ощущеніи боли, движенія, вызываемыя рефлексами, и объясненія разнаго рода ощущеній словами?

Если и при такомъ наблюденіи самого себя въ нормальномъ состояніи трудно и иногда невозможно отличить безсознательное ощущеніе отъ сознательнаго, то при объективныхъ изслѣдованіяхъ (какъ, напримѣръ, при вивисекціяхъ и опытахъ надъ анестезированными хлороформомъ) еще гораздо труднѣе различить сознательное отъ безсознательнаго. При вивисекціяхъ и при наблюденіяхъ надъ человѣкомъ больнымъ или приведеннымъ различными агенціями въ ненормальное состояніе, субъективный элементъ жизни подвергается отъ разстройства его нормальной связи съ органическими элементами такимъ колебаніямъ и сотрясеніямъ, которыя не могутъ не вліять ненормально и на его объективныя проявленія. Поэтому сужденія о натурѣ и особенностяхъ субъективно индивидуальнаго бытія, основанныя на опытахъ и наблюденіяхъ надъ животными и больными людьми, должно дѣлать крайне осмотрительно и не съ тою легкостью, которая такъ удивляетъ меня въ результатахъ, получаемыхъ современными вивисекторами и наблюдателями. Еще гораздо труднѣе, ненормальнѣе и сомнительнѣе дѣло, когда мы беремся судить о нашемъ *я*, другими словами, о нашемъ лично сознательномъ ощущеніи бытія, мысли и вообще о присутствіи въ насъ субъективнаго начала со всѣми его (психическими) свойствами. Въ этомъ случаѣ,—если правильно мое сравненіе нашего *я* съ музыкантомъ, играющимъ одновременно на нѣсколькихъ инструментахъ,—оно, наше *я*, начинаетъ играть, не бывъ виртуозомъ, на одномъ изъ нихъ исключительно и дѣлаетъ, конечно, fiasco. Наше субъективное существо, по натурѣ своей, не можетъ и не должно быть одностороннимъ и чрезмѣрно сосредоточеннымъ; ни одна изъ нашихъ субъективныхъ способностей не должна быть излишне культивирована на счетъ другой, и особливо въ томъ случаѣ, когда отъ природы развита у насъ одна способность на счетъ другой; тутъ-то именно всего болѣе должно избѣгать односторонней культуры. Въ противномъ случаѣ намъ предстоитъ одно изъ двухъ: или мы изумимъ свѣтъ нашимъ глубокомысліемъ и геніальностію, или превратимся въ одностороннихъ, узкихъ и близорукихъ мономановъ. Первое встрѣчается весьма рѣдко; второе весьма часто и гораздо чаще, чѣмъ это признаютъ психіатры. Есть, впрочемъ, еще одинъ

исходъ—спеціализмъ, въ наше время завоевывающій себѣ все болѣе и болѣе почвы во всѣхъ областяхъ знанія. Но тѣ изъ спеціалистовъ, которые отличились своими истинными заслугами, вовсе не были односторонними культиваторами одной какой либо изъ своихъ умственныхъ способностей, прежде чѣмъ избрали свою спеціальность. Только этому разностороннему предварительному развитію своихъ способностей они и обязаны успѣхомъ въ культурѣ избраннаго ими предмета; только этимъ способомъ они, расширивъ свой кругозоръ, съумѣли найти новые пути и посмотрѣть на дѣло новымъ взглядомъ.

XVIII.

4-го марта (1880 г.). Морозъ 7°, ночью днемъ 1°. Марецъ WN.

Сегодня отправилъ письмо къ Николаю Христіановичу Б.... въ отвѣтъ на его письмо, въ которомъ онъ писалъ, что идетъ въ отставку, такъ какъ по новому университетскому уставу, ожидаемому вскорѣ, ректорамъ нечего будетъ дѣлать, кромѣ полученія прибавки жалованья.

Мой отвѣтъ,—не буквально: Я читалъ гдѣ-то и когда-то, что новое на свѣтѣ есть ничто иное, какъ хорошо забытое старое. Я читалъ также въ какомъ-то кіевскомъ календарѣ, что у насъ ежегодно бываютъ возвраты зимы весною и лѣтомъ, а возвраты болѣзней мнѣ извѣстны давно по опыту. Нѣтъ ничего мудренаго, что и въ университетской жизни встрѣчаются возвраты къ старому, забытому и прожитому. Но нынче, видно, считается за новое и вовсе еще не забытое старое, а возвраты зимъ и болѣзней встрѣчаются не только въ природѣ, но и въ университетскомъ мірѣ. Старики, какъ извѣстно, всегда хвалятъ старину и предпочитаютъ ее новизнѣ. Только всѣ наши университетскіе старожилы, за исключеніемъ гг. Каткова, Любимова и Георгіевскаго, вѣрно не вспоминаютъ добромъ не забытое еще старое. Это обстоятельство, казалось бы, должно было обратить на себя вниманіе новаторовъ, стремящихся возобновить старое. Почему это не сдѣлано—объясняется именно тѣмъ вліяніемъ этихъ исключительныхъ личностей, успѣвшихъ побѣдить въ себѣ предразсудокъ противъ отжившаго. Это не должно удивлять насъ.....

Возвраты зимы весною и лѣтомъ наносятъ вредъ земледѣльцамъ; возвраты болѣзней опасны для больныхъ; съ стихійными однако же силами ничего не подѣлаешь; за то умъ, данный намъ Богомъ для цѣлесообразныхъ дѣйствій, казалось бы, долженъ былъ не на шутку и не разъ призадуматься, придавая возврату худого и худо-забытаго стараго значеніе благодѣтельной новизны. Въ такомъ случаѣ вамъ конечно ничего не остается, какъ уступить свое мѣсто (ректорство) другимъ, и предоставить имъ вливать это новое вино въ такого же рода новые мѣхи.

XIX.

5—6 марта (1880 г.). Мятель и мятель. Вчера (5) до +2° R., а сегодня ночью (на 6) морозъ въ 20°; ясно, солнечно, тихо.

Вчера (5) фельдшеръ Уримъ дѣлалъ при мнѣ судебное вскрытіе—кота Мошки. Мой любимецъ прекратилъ въ мукахъ свое кратковременное существованіе. Подозрѣніе въ побояхъ, какъ причинѣ смерти, падало, по словамъ дѣвочки Терезы, на коварнаго Максима. Онъ вошелъ въ амбицію и, уже по своей ограниченности, сейчасъ же заговорилъ объ отставкѣ, безъ сомнѣнія, для него вовсе не желательной. Надо было убѣдиться, нѣтъ ли вещественныхъ признаковъ Максимова травматизма на трупѣ. Вскрытіе не обнаружило ни малѣйшихъ слѣдовъ не только травматизма, но и вообще какого ни на есть органическаго измѣненія, за исключеніемъ небольшихъ розовыхъ пятенъ на слизистой (оболочкѣ) желудка. Къ микроскопу, впрочемъ, для болѣе точныхъ доказательствъ, мы не прибѣгали.

И такъ мой Мошка, какъ подобаетъ каждому вѣрноподданному, „Божьею волею помре", сирѣчь неизвѣстно почему, для чего и отъ чего.

Бѣдное мое животное, ты въ нашемъ домашнемъ уединеніи доставляло намъ не рѣдко удовольствіе то своими прыжками и кувырканіемъ, то степеннымъ своимъ и задумчивымъ видомъ, сидя возлѣ насъ на столѣ, то разлегшись во всю длину и погрузясь въ самый спокойный сонъ праведныхъ. А какъ была хороша твоя поза, когда ты, съ сосредоточеннымъ вниманіемъ, сидѣлъ на по-

рогѣ двери у подпольной щелки и караулилъ мышенка! Какъ нѣжна, шелковиста, тепла и пріятна на ощупь гладившей руки была твоя тигристая шкурка! Дай же запишу отъ скуки на память, за доставленныя намъ твоимъ существованіемъ забаву и разсѣяніе, исторію твоей жизни, болѣзни и смерти, мой бѣдный Мошка.

Исторія рожденія, жизни, страданія и смерти моего вѣрноподданнаго кота Мошки.

Однажды на садовомъ балконѣ къ нашему завтраку явилась невзрачная, малорослая и худощавая сѣрая съ черными полосками кошка и, къ моему удивленію, тотчасъ же начала брать пищу изъ рукъ; вскорѣ осмѣлилась она и вскочить на мои колѣни. Визиты ея продолжались ежедневно въ обѣденное время, и затѣмъ она исчезала, по всѣмъ вѣроятіямъ, на близъ лежащемъ току. Чрезъ нѣсколько времени она начала являться уже въ сопровожденіи цѣлыхъ шести котятъ, всѣхъ почти одной масти. Сначала она оставляла ихъ въ отдаленіи отъ балкона, а потомъ, мало по малу, всѣ шестеро, не безъ страха и трепета однако-же, начали вскакивать и на балконъ; брали куски мяса, положенные вдали отъ стола, потомъ стали съ каждымъ днемъ подходить ближе и смѣлѣе, но только одному или, вѣрнѣе, одной изъ шести достало, наконецъ, смѣлости приблизиться къ намъ настолько, чтобы брать пищу прямо изъ рукъ; а еще одинъ изъ котятъ, хотя и приближался также, какъ эта, но никогда не рѣшался брать кусокъ ртомъ, а вырывалъ его изъ рукъ съ артистическою ловкостью своею маленькою лапою; всѣ остальные не могли преодолѣть своей боязни, а может быть и своего отвращенія къ нашему человѣческому достоинству; вѣроятно, въ наказаніе за это судьба лишила ихъ чести быть намъ сподручными, развлекать насъ и беречь нашу провизію отъ мышей. Поэтому дальнѣйшая судьба этихъ пятерыхъ существъ мнѣ осталась неизвѣстною,—одного изъ нихъ, кажется, нашли загрызеннымъ собаками.

И вотъ, въ теченіи какихъ нибудь 5—6 мѣсяцевъ, статистика смертности кошекъ обогатилась новыми пятью смертями; изъ этого, правда весьма недостаточнаго, статистическаго матеріала

я заключаю, что цифра смертности малолѣтнихъ кошекъ развѣ не многимъ чѣмъ ниже смертности крестьянскихъ дѣтей, даже и въ тѣ періоды времени, когда онѣ свободны отъ дифтерита. Какъ бы то ни было, но достовѣрно то, что къ концу зимы 1878 и къ началу 1879 г. осталось въ живыхъ изъ 7 кошачьихъ личностей (одной матери и 6 дѣтенышей) только одна, именно та ласковая, заблаговременно преодолѣвшая свое отвращеніе къ осязанію нашей руки, а затѣмъ и научившаяся съ похвальною ловкостью прыгать на колѣни, пріятно мурлыкать, выгибать спину и довольно непринужденно ласкаться.

Слѣдствіемъ этой заслуживающей уваженія дѣятельности было торжественное наименованіе ея Машкою, такъ какъ эта личность оказалась женскаго рода; а вмѣстѣ съ этимъ наименованіемъ и матеріальная поддержка ласковаго ея организма питательною пищею, теплымъ помѣщеніемъ въ сутеренѣ и нѣкоторыя другія льготы и дусёры. Эта-то особа и была родительницею моего любимца.

Исторія его рожденія не безъинтересна въ слѣдующихъ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, родительница его, не смотря на данныя ей нами великодушно всѣ права и преимущества домашняго животнаго, не вполнѣ, какъ видно, покинула обычаи своей покойной матери (бабушки моего любимца, также называвшейся Машкою, хотя и не вполнѣ сочувствовавшей этому названію), и потому, почувствовавъ себя на сносяхъ, въ концѣ февраля 1879 г., начала удаляться отъ дома, искать уединенія, несоотвѣтствовавшаго ея общительной натурѣ, и затѣмъ произвела на свѣтъ, гдѣ-то подъ клунею въ саду, нѣсколько существъ, число которыхъ я статистически опредѣлить не въ состояніи, такъ какъ, за исключеніемъ одного, онѣ всѣ сдѣлались, въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, жертвою сильнаго ливня и бури, свирѣпствовавшей у насъ въ маѣ 1879 г.; одного же, оставшагося едва въ живыхъ, злополучная мать перенесла въ зубахъ изъ сада въ нашъ сутеренъ.

Малютка этотъ возбуждалъ общее сочувствіе драматизмомъ своей судьбы; когда же я услышалъ, что легкомысленная мать перестала его кормить вскорѣ послѣ его переселенія въ сутеренъ, то сочувствіе мое перешло въ глубокое состраданіе къ участи несчастнаго и я задумалъ сдѣлать его наслѣдникомъ злополучнаго Васьки, нашего прежняго любимца, преждевременно погибшаго

два года тому назадъ въ бурную ночь, зимою, отъ зубовъ ненавистныхъ ему собакъ.

Когда крошечное животное, предоставленное вѣтренною матерью, обрѣтавшеюся съ новымъ избранникомъ любви гдѣ-то въ бѣгахъ, было принесено ко мнѣ, то оно, нисколько не стѣсняясь и не пугаясь, какъ это дѣлали его покойные дяди и тетки, тотчасъ же залѣзло ко мнѣ въ широкій рукавъ пальто и пробралось почти до самаго плеча; затѣмъ, не смотря на свой ранній возрастъ, начало съ апетитомъ и безъ разбора кушать все, что ему предлагалось, съ видимымъ наслажденіемъ грѣться на солнцѣ, заигрывать лапочками, словомъ—вести себя такъ наивно и непринужденно, какъ будто бы оно уже давно было домашнимъ членомъ нашего общества. Видя это и считая мать его безъ вѣсти пропавшею, мы порѣшили сдѣлать малютку законною ея наслѣдницею и передать ей то же самое высокое женское имя, такъ компрометированное и незаслуженно носившееся ея заблудшеюся матерью. Такимъ образомъ и росло это милое животное подъ именемъ Машки, сдѣлавшись вскорѣ нашею общею любимицею; оно было необычайно живого и подвижнаго характера; съ ранняго утра цѣлые часы проводило въ бѣганьи, прыганьи и кувырканьи съ пробкою, бумажкою, веревочкою, косточкою,—со всѣмъ, что только ей попадалось въ лапки; апетитъ имѣла превосходный и, не смотря на преждевременную отвыку отъ материнскаго молока, выростала на мясной пищѣ не по днямъ, а по часамъ. Лѣтомъ по утру ежедневно я забавлялся съ моей Машкою, сидя на балконѣ; у меня въ рукѣ лежалъ конецъ шнурка, привязаннаго къ комку бумаги и продѣтый чрезъ ручку двернаго ключа; бумага отъ дерганія шнурка поднималась и опускалась, а Машка скакала, прыгала, ловила бумажный комокъ, и когда удавалось ей поймать, то съ какимъ-то неистовствомъ и остервененіемъ теребила его зубами и лапами, катаясь по полу и царапаясь изо всѣхъ силъ объ захваченную бумагу задними лапами.

Надо признаться, что Машка не получила никакого воспитанія и росла у насъ, какъ дитя природы. Не знаю былъ ли для насъ всѣхъ полъ этой милой крошки совершенно безразличенъ, или же всѣ мы были недовольно любознательны, но то фактъ, что только чрезъ два мѣсяца мы, къ нашему удивленію,

и не скрою даже радости, узнали отъ нашего женскаго персонала, почему-то интересовавшагося этимъ предметомъ, истину относительно настоящаго пола нашего любимца. Онъ оказался не кошкою, а котомъ. Что было дѣлать? Не оставлять же коту женское прозвище? А между тѣмъ онъ уже привыкъ къ нему и тотчасъ же являлся на зовъ, когда кликали Машка, Машка. Вотъ я и придумалъ, прости Господи мое согрѣшеніе, перемѣнить имя Машка на созвучное ему Мошку, тѣмъ болѣе, что нашъ подраставшій котикъ своею юркостью и смѣтливостью имѣлъ нѣкоторое, хотя и отдаленное, сходство со знакомыми мнѣ жидками, носящими отъ рожденія это же самое великое имя пророка Мойше, бесѣдовавшаго съ Іеговою, но, къ стыду нашему, искаженное и превращенное старинными польскими помѣщиками въ презрительную кличку—Мошка.

И такъ судьба моего Мошки, дѣйствительно, драматична, если возьмемъ въ соображеніе, что онъ, чудесно спасенный отъ пагубнаго ливня, въ самомъ раннемъ младенчествѣ былъ перенесенъ въ среду людей, былъ оставленъ жестокою матерью на произволъ судьбы и, наконецъ, бывъ отъ роду котомъ, ошибочно признавался долгое время за кошку и носилъ незаслуженно женское имя. Навѣрно на роду ему было написано не наслаждаться цѣльною и нормальною кошачьею жизнею.

Едва мой Мошка былъ всѣми признанъ безспорно за кота, и началъ этимъ возбуждать къ себѣ еще болѣе мое сочувствіе, какъ откуда не возьмись явилась внезапно его заблудшая мать, въ сопровожденіи своего временнаго супруга, бывшаго прежде ея роднымъ братомъ, и начала сближаться съ брошеннымъ ею предательски сыномъ. Мошка съ перваго же появленія своей матери началъ какъ-то странно на нее посматривать, не дичился однако же и не ссорился, а чрезъ нѣсколько времени, къ нашему удивленію, принялся сосать ее съ такою ревностью, какъ будто бы онъ никогда не переставалъ кормиться материнскимъ молокомъ. Между тѣмъ апетитъ его и къ мясной прежней пищѣ нисколько не ослабѣвалъ; такимъ образомъ онъ питался за двухъ, быстро росъ, толстѣлъ, игралъ теперь уже не одинъ, а вдвоемъ съ Машкою, дѣлая изумительныя и самыя забавныя тѣлодвиженія, выгибая горбомъ спину до нельзя, обхватывая крѣпко во время игры передними лапами шею матери, а задними отталкивая

ее отъ себя съ неистовою яростью. Не смотря однако же на казавшееся цвѣтущими здоровье и силу, не смотря и на веселое расположеніе духа, у моего несчастнаго Мошки незамѣтно развилась какая-то странная болѣзнь, наблюдавшаяся мною и у щенятъ. Это спазмодическое удушье, появлявшееся періодически, внезапно, безъ всякой видимой причины, во время спокойствія и сна. Животное, послѣ веселой игры, спокойно спавшее на колѣняхъ или на кровати, вдругъ принималось съ хрипомъ втягивать въ себя воздухъ, поднимая голову кверху и неподвижно устремивъ взоръ. Пароксизмъ этой астмы продолжался нѣсколько секундъ, но былъ нерѣдко такъ жестокъ, что грозилъ внезапнымъ задушеніемъ. По окончаніи, животное опять укладывалось спокойно, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Наружныхъ признаковъ никакихъ не замѣчалось; иногда однако же подчелюстныя железы казались намъ нѣсколько припухшими. Въ промежуткѣ пароксизмовъ ничто не указывало на разстроенное здоровье.

Наступилъ и февраль 1880 года. Какъ извѣстно, это мѣсяцъ любви для кошекъ, и мой Мошка, по необыкновенному стеченію обстоятельствъ, еще такъ недавно сосавшій грудь Машки, началъ оказывать ей нѣкоторые знаки привязанности, вовсе не дѣтской. Онъ заигривалъ съ нею вовсе не попрежнему, и вскорѣ началъ въ отсутствіи ея грустить, меланхолически мяукать и проситься внизъ въ сутеренные подвалы, обитаемые Машкой и другими кошками. Иногда исчезалъ мой Мошка уже и по цѣлымъ днямъ, являлся къ намъ наверхъ усталый и голодный, и съ жадностью поѣвъ, ложился спать, проводя время во снѣ до самаго вечера, т. е. до времени самаго удобнаго какъ для людскихъ, такъ и для кошачьихъ rendez-vous. Но подвальныя кошки, по свидѣтельству нашей почтенной Лорхенъ [домоправительницы], ежедневно посѣщавшей сутерены, почему-то не любили его; наружность его, не мало представительная и чрезвычайно красивая на нашъ взглядъ, казалось бы, не могла не нравиться и прекрасному полу кошачьяго племени; съ бо̀льшею вѣроятностію можно предположить, что спазмодическая астма была причиною его неудачъ въ любовныхъ поискахъ; нетрудно, въ самомъ дѣлѣ, себѣ представить ужасъ и негодованіе вѣтренныхъ кокотокъ кошачьей расы, когда кокодесъ, ухаживающій за ними, внезапно и въ самомъ разгарѣ волокитства, терялъ духъ, вытягивалъ шею, странно

хрипѣлъ и еле-еле жилъ; какъ ни коротки были эти пароксизмы удушья, но они не могли не дать повода къ бѣгству устрашенныхъ вѣтренницъ, не отличающихся особеннымъ присутствіемъ духа. Несмотря на всѣ описанныя перемѣны въ образѣ жизни и въ нравственномъ бытѣ моего Мошки, я, основываясь на опытѣ, зная какъ молодость, въ особенности кошачья, легко увлекается, какъ первое появленіе половыхъ отправленій переворачиваетъ все въ организмѣ верхъ дномъ, не очень заботился о послѣдствіяхъ. Весна, располагающая всѣхъ къ любви, а кошачью шкуру еще и къ линянію, по справедливости можетъ считаться самымъ критическимъ и вѣроломнымъ временемъ года и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ ея окончанія. Но въ книгѣ судебъ вѣрно значилось, что Мошка не переживетъ и первой половины весны. Онъ опасно захворалъ, но не прежнею своею болѣзнею,—спазмодическимъ удушіемъ, а повидимому новою,—рвотою,—и чрезъ двое сутокъ его не стало на свѣтѣ.

И вотъ во время его опасной болѣзни распространились между моими домашними зловѣщіе слухи о нанесенныхъ будто бы ему побояхъ на заднемъ крыльцѣ Максимомъ, яко-бы завидовавшимъ, что не ему, Максиму, достаются отъ обѣда кости жаренаго рябчика и нѣкоторые другіе объѣденные деликатесы. Мы повѣрили этимъ слухамъ, зная по многимъ наблюденіямъ вѣроломство Максима и его жестокое обращеніе съ животными въ наше отсутствіе Поэтому вскрытіе трупа Мошки было для меня интересно не только въ научномъ, но и въ нравственно-судебныхъ отношеніяхъ. Не смотря, однако же, на все желаніе открыть истинную причину быстротечной болѣзни и смерти моего любимца, наука не обогатилась послѣ его вскрытія никакимъ новымъ пріобрѣтеніемъ; только одинъ Максимъ пріобрѣлъ снова довѣріе и нравственно выигралъ; сильные побои, стучаніе Мошкиною головою о-земь, какъ утверждала доносчица, оказались во всякомъ случаѣ клеветою; ни малѣйшихъ признаковъ травматическаго поврежденія, и,—увы! также точно и ни малѣйшихъ микроскопическихъ признаковъ болѣзненнаго состоянія. Остается все сложить на нервную систему и обвинить верхній гортанный нервъ и весь блуждающій нервъ Мошки въ причиненіи ему насилія, гораздо болѣе пагубнаго, чѣмъ травматизмъ, переносимый кошками, какъ извѣстно, весьма хорошо. А почему же именно эти нервы? По-

тому что, по наблюденію нѣкоторыхъ современныхъ физіологовъ, раздраженія верхняго гортаннаго нерва могутъ останавливать или задерживать дыхательный актъ, а главный стволъ этой гортанной вѣтви—блуждающій нервъ—вліяетъ и на отправленіе желудка.

И такъ мой милый Мошка погибъ—вѣроятно вслѣдствіе ненормальнаго питанія мясною вареною пищею вмѣстѣ съ материнскимъ молокомъ,—отъ разстройства нервной системы, усиленнаго еще abusu in venere и нравственнымъ униженіемъ, причиненнымъ его кошачьему достоинству легкомысленными насмѣшками прекраснаго пола.

Но какая бы ни была причина смерти этого невиннаго существа, и родившагося и умершаго, повидимому,—но только повидимому,—безцѣльно и безпричинно, потеря была для меня съ женою не безразлична. Жена плакала, мнѣ же только взгрустнулось и даже менѣе, чѣмъ когда я—три года тому назадъ—лишился моей собаченки Ляды; про нее, про ея выразительные, какъ-то человѣчески глядѣвшіе на меня глазки (съ незакрытыми бѣлками) я и теперь еще вспоминаю со вздохомъ,—и признаться ли самому себѣ—съ грустью, болѣе щемящею, чѣмъ когда вспоминаю о нѣкоторыхъ знакомыхъ, близкихъ мнѣ, умершихъ людяхъ. Это святотатство, это уродство чувствъ, это постыдное чувство для человѣческаго достоинства!—Пусть такъ; но что же дѣлать, если въ привязанности Лядки ко мнѣ я не находилъ ни малѣйшаго лицемѣрства, ни вѣроломства, а и то, и другое встрѣчалъ въ отношеніяхъ ко мнѣ самыхъ близкихъ людей.

Надо обдумать нѣсколько—отчего мы такъ привязываемся къ животнымъ?

XX.

Но прежде, чѣмъ найду время къ этому обдумыванію, замѣчу, что между 6 и 13 мартомъ (1880 г.) произошло нѣсколько неожиданныхъ событій.

Во-первыхъ, неожиданно то, что температура и погода idem per idem до ужаса однообразна. Морозы по ночамъ до 10°; въ теченіи дня до —7 и —5°; раза два шелъ снѣгъ съ мятелью; вѣтеръ тотъ же холодный, пронзительный NW; но солнце грѣетъ днемъ такъ, что мѣховой воротникъ нагрѣвается какъ будто на

печи. Такую дружную, суровую и продолжительную зиму здѣсь я еще не встрѣчалъ. Однажды, въ 1868 г., лежалъ снѣгъ также долго (до 20-го марта), но не было такого холода и вѣтра. Вода отъ морозовъ въ прудѣ сбыла и на мельницѣ въ Людвиговкѣ дѣйствуетъ одно колесо. Снѣгъ, между тѣмъ, понемногу и нечувствительно продолжаетъ исчезать, не смотря на снѣжныя метели. Что-то будетъ съ всходами озими, съ деревьями въ саду? Да кто знаетъ чего не знаетъ! Живи, не зная, терпи и все таки по неволѣ думай и гадай о будущемъ.

Во-вторыхъ, 9-го марта я получилъ 16 поздравительныхъ телеграммъ. Съ чего-то взяли въ Москвѣ (исключительно), Казани, Кіевѣ, Воронежѣ и Вюрцбургѣ, что 9-го марта день моего 50-лѣтняго юбилея. Я, благодаря нижайше, замѣтилъ въ отвѣтной телеграммѣ въ Москву, что вѣроятно поводомъ къ этимъ неожиданнымъ привѣтствіямъ послужило то, что я въ 1828 г. получилъ въ Москвѣ степень лекаря (но въ такомъ случаѣ желающіе должны бы были поздравлять два года тому назадъ). Служба же моя считается съ 1831 года, а докторскій дипломъ мнѣ данъ въ Дерптѣ 30-го ноября 1832 года [1]).

Вчера и сегодня, марта 20—21, NW прекратился. Небольшой, но прохладный вѣтеръ съ SW; днемъ +2 до 3° R, а ночью отъ 0 до—3°.

Да, откуда же привязанность и даже чуть ли не любовь къ животнымъ? Къ какимъ животнымъ привязывается человѣкъ исключительно? Къ собакѣ, кошкѣ, лошади и пѣвчимъ птицамъ. Изъ нихъ, къ лошади привязанность не чистосердечная, а связанная съ пользою, приносимою этимъ животнымъ, и его значительною цѣнностію; говорятъ, что арабъ любитъ коня какъ друга, но и эта дружба вѣрно не безкорыстная;—конь необходимъ для существованія кочевника и дѣлается его alter ego. Пожалуй, про нѣкоторыя собачьи расы (сибирскія, лягавыя, овчарки, гончія) можно

[1]) Далѣе опускаемъ одну страницу, зачеркнутую въ подлинникѣ (л. 59, стр. 3), должно быть самимъ Н. И. Пироговымъ; онъ говоритъ въ ней о болѣзни одного елисаветградскаго 50-ти лѣтняго помѣщика; предъ этою замѣткою также зачеркнуты слѣдующія строки: „И такъ, охотники до юбилеевъ могли бы меня поздравлять три раза, а если изъ трехъ случаевъ желали-бы избрать самый удобный, то, разумѣется, это былъ бы 1882 годъ, т. е. пятидесятилѣтіе докторскаго диплома“. Ред.

сказать тоже: ихъ держатъ и къ нимъ привязываются люди изъ разсчета, да и привязанность къ кошкѣ началась, вѣроятно, съ того же:—какъ было не воспользоваться ихъ спеціальностью—искусствомъ ловить мышей. Но вѣдь люди и женятся бо̀льшею частью по разсчету,—напримѣръ, изъ двадцати милліоновъ нашихъ крестьянъ вѣрно 19.999,000 женится для того, чтобы имѣть въ домѣ бабу для печи, хлѣва, ребятъ,—этотъ способъ женитьбы не препятствуетъ, однако же, а прямо способствуетъ, въ большинствѣ случаевъ, развитію привязанности и даже любви. И также, какъ между людьми существуетъ и привязанность чистосердечная, такъ и въ привязанности къ животнымъ,—всего чаще къ собакамъ, кошкамъ и пѣвчимъ птицамъ, особливо воспитаннымъ и вскормленнымъ съ самаго рожденія дома, замѣчается искренняя сердечность, похожая на ту, которую человѣкъ оказываетъ дѣтямъ. Безъ сомнѣнія, она зависитъ, какъ и привязанность къ дѣтямъ, отчасти отъ чувства своего собственнаго превосходства, снисходительности и жалости къ существамъ слабѣйшимъ и менѣе развитымъ; но, конечно, это не одно.

Въ чувствѣ нашей привязанности къ животнымъ, я полагаю, играетъ важную роль представленіе, которое мы имѣемъ о животномъ. Въ этомъ представленіи есть нѣчто странное. Я гдѣ-то читалъ, что Гегель признавалъ въ безмолвіи животныхъ нѣчто мистическое. Я вполнѣ раздѣляю этотъ взглядъ философа. Всякій изъ насъ не можетъ не видѣть въ животномъ сходства съ собою, и вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ ясно понять причину огромнаго различія, лежащаго пропастью между нами и животными. Организаціи животныхъ, также какъ и нашей, предписано высшимъ начальствомъ чувствовать, а слѣдовательно наслаждаться и страдать; суждено также и бороться съ стихійными силами, а по ученію Дарвина, даже и совершенствоваться, измѣняясь и переходя изъ низшихъ формъ и типовъ въ высшіе. И не смотря на это тождество основныхъ и самыхъ существенныхъ свойствъ животной и нашей организаціи,—все таки пропасть. Ни животное меня не понимаетъ, ни я животнаго, то есть его субъективную сторону, не могу вполнѣ понять и поневолѣ сужу о ней только по себѣ (то есть по своей субъективности). Гегель правъ; существо, дѣйствующее во многихъ отношеніяхъ совершенно сходно со мною, обнаруживающее ясно чувства, страсти и даже мысль, нѣмо;

оно смотритъ на меня, ласкается, зоветъ, ищетъ меня, проситъ у меня пищи и все молча; невольно представляется незнакомымъ съ функціею Рейлеваго островка и даже съ его присутствіемъ или отсутствіемъ въ мозгѣ животныхъ,—невольно, говорю, думается такимъ особамъ, что тутъ что-то не ладно, что животное вѣрно скрытничаетъ, содержитъ отъ насъ въ тайнѣ свои мысли, короче—поступаетъ какъ нѣмой карликъ въ волшебныхъ сказкахъ...

Вотъ и Благовѣщеніе 25 марта (1880 г.), а весны нѣтъ, какъ нѣтъ; туманъ, вѣтеръ не очень сильный, но перескакивающій съ юга то на востокъ, то на западъ, а тепла не приноситъ. Ночью все 0° и —3°. Днемъ до 5—6°+.

Н. И. Пироговъ.

Примѣчаніе. Здѣсь оканчивается первая и наименьшая часть Записокъ Н. И. Пирогова. Эта часть занимаетъ 60 листовъ in-folio, 240 стр., писана карандашомъ, крупно, сравнительно съ послѣдующими частями—довольно четко и разборчиво. Николай Ивановичъ, видимо, перечиталъ эту часть своихъ Записокъ, ибо въ ней много помарокъ и исправленій цѣлыхъ строкъ. Въ слѣдующей, во второй части, онъ переходитъ къ своей автобіографіи и карандашъ замѣняетъ перомъ. Ред.

[Продолженіе слѣдуетъ].

МОСКОВСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА БЕРГА

1845—1855 гг. [1]).

II.

Къ числу артистовъ, которые наиболѣе поддерживали своей игрой пьесы Островскаго, надо отнести, конечно, и можетъ быть прежде всего, Прова Михайловича Садовскаго, явившагося на московской сценѣ около того же времени, т. е. во второй половинѣ 1840-хъ годовъ. (Щепкинъ, скажемъ въ скобкахъ, не долюбливалъ произведеній Островскаго и игралъ въ нихъ неохотно, безъ малѣйшаго увлеченія. Также относился къ пьесамъ Островскаго и protégé Щепкина, Шумскій. Разница была только въ томъ, что Шумскій, играя въ этихъ пьесахъ, увлекался и былъ нерѣдко очень хорошъ).

До появленія на московской сценѣ Садовскій игралъ въ разныхъ провинціальныхъ театрахъ, главнѣйшимъ образомъ, какъ кажется, въ Ярославлѣ. Это былъ артистъ удивительный, обладавшій самымъ высокимъ комическимъ талантомъ, который иногда граничилъ близко съ драмой. Но, къ сожалѣнію, онъ не получилъ никакого образованія; только умѣлъ кое-какъ читать по русски. Мѣщанское, или купеческое происхожденіе, а потомъ постоянное пребываніе среди этого сословія, наложили на его физіономію, привычки и ухватки свою тяжелую руку. Онъ уже не могъ впослѣдствіи, поступивъ на сцену, выработать пріемовъ изящнѣе, играть роли аристократовъ, носить какъ слѣдуетъ фраки и сюртуки нашего времени, а про кафтаны французскихъ маркизовъ и англійскихъ лордовъ минувшихъ столѣтій онъ и не мечталъ. Не думаю, чтобы кто-нибудь видалъ его на сценѣ въ этихъ костюмахъ — развѣ въ провинціи, гдѣ все можно, играются всѣми всякія роли и надѣваются всякія одежды.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XLII, іюнь, стр. 639—656.

Вслѣдствіе этого обстоятельства, Садовскій долженъ былъ поневолѣ ограничить свой репертуаръ на московской сценѣ ролями купцовъ, мужиковъ, чиновниковъ стараго покроя, лакеевъ и карикатурныхъ офицеровъ. Всего болѣе онъ былъ хорошъ въ роляхъ купцовъ и мужиковъ. Тутъ онъ былъ въ своей стихіи, — иногда единственный и неподражаемый. Есть роли (напримѣръ, Любима Торцова, въ комедіи «Бѣдность не порокъ» Островскаго, Осипа въ «Ревизорѣ» Гоголя, Расплюева въ «Свадьбѣ Кречинскаго»), гдѣ замѣнить Садовскаго не умѣлъ покамѣсть никто.

Появясь въ Москвѣ, онъ быстро сталъ на твердую ногу во многихъ пьесахъ. До Островскаго онъ игралъ удачнѣе всего въ пьесахъ Гоголя. Пьесы Островскаго выдвинули его еще болѣе впередъ.

По образу мыслей, по привычкамъ и простотѣ жизни тянулъ къ себѣ простодушнаго облома и самоучку-артиста кружокъ А. Н. Островскаго, иначе сказать: кружокъ молодой редакціи журнала «Москвитянинъ», гдѣ членами были талантливые русскіе люди, смѣсь всего: писатели, музыканты, живописцы, скульпторы, представители сцены, — просто знатоки русской жизни, русскихъ пѣсенъ, разсказчики въ народномъ духѣ, даже—неподражаемые плясуны трепака, представлявшіе порою старухъ, входящихъ куда нибудь во дворъ и отбивающихся костылемъ отъ собакъ; собакъ, лающихъ на разные тоны, грызущихся подъ столомъ изъ-за кости; львовъ, лежащихъ на воротахъ — все это артистически хорошо и натурально. Пѣвцамъ этого кружка, а никому иному, пишущій эти строки обязанъ мыслью познакомить соотечественниковъ съ пѣснями разныхъ народовъ, мыслью, которую онъ именно въ то время и привелъ въ исполненіе (1849—1852 гг.).

Садовскій былъ въ кружкѣ Островскаго свой человѣкъ, ничто его тамъ не женировало. Даже дамы этого кружка становились ему сразу своими, задушевными пріятельницами. Идя туда, онъ надѣвалъ преспокойно свой обычный, разлюбезный зипунъ сѣраго цвѣта и былъ въ немъ какъ-то особенно свободенъ, какъ-то особенно—Садовскій, добродушно-смѣющійся, добродушно-болтающій, любящій за ужиномъ «зашибить муху», какъ говорилось, не то: «буканда задавить». И смотря на него въ этомъ кружкѣ, никому въ голову не приходило, что это— тотъ самый Садовскій, могучій двигатель тысячной массы, умѣющій какъ-то тамъ произносить иныя слова, какъ не произноситъ никто, Зевесъ-Громовержецъ, потрясающій партеръ, ложи, раекъ и галлерею!... Сердце всякаго чуткаго ко всему хорошему и чистому располагалось невольно къ этому простодушному, милому, мягкому человѣку въ сѣромъ зипунѣ. Всѣ его любили, кто зналъ его близко. Да и вообще онъ былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ и симпатичныхъ людей Москвы. Чрез-

вычайная доброта и чистота сердца и помысловъ отражались на его лицѣ, столько всѣмъ знакомомъ. Стоило этому лицу показаться на сценѣ въ самой пустяшной роли, даже просто безъ роли, а только выйдти и стать передъ публикой—оглушительные громы уже гремѣли....

Но какая разница была между этимъ Садовскимъ въ зипунѣ и Садовскимъ, напяливишимъ на себя фракъ, чтобы ѣхать на вечеръ къ какому нибудь именитому тузу, вообще туда, гдѣ неловко появиться въ зипунѣ! Онъ былъ тогда совершенно неузнаваемъ, совершенно другой человѣкъ: сумрачный, неловкій, сердитый! Онъ только и думалъ тогда, какъ бы «отзвонить — и съ колокольни долой!» Прочесть, что пожелаютъ, разсказать — и улетучиться. Обыкновенно онъ читалъ въ такихъ случаяхъ: повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ, бесѣду генерала Бетрищева съ Чичиковымъ. Разсказывалъ о Наполеонѣ Первомъ, о французской революціи 1848 г. Читать публично не прочитанное имъ заранѣе, не «ролю» — онъ положительно не могъ. Извѣстную часть дня, утро до обѣда, а иногда и послѣобѣденное время Садовскій проводилъ съ нѣкоторыми членами любезнаго ему кружка, въ знаменитой кофейнѣ Печкина (была тамъ, гдѣ теперь заднія, отдаленныя комнаты «московскаго трактира»), знаменитой именно потому, что тамъ сходились всякаго рода артисты, преимущественно сценическіе: Бантышевъ, Ленскій, Турчаниновъ, Макеинъ.... профессоръ зоологіи въ московскомъ университетѣ Рулье, считавшійся очень талантливымъ (онъ зачастую пребывалъ формально цѣлый день въ кофейнѣ Печкина и тамъ спалъ); другъ всякихъ артистовъ, московскій калиграфъ и поразительный подражатель Мочалову въ нѣкоторыхъ его роляхъ—Дьяковъ, человѣкъ извѣстный всей Москвѣ различными своими похожденіями, всегда веселый, всегда навеселѣ. Наконецъ — тоже другъ артистовъ и отецъ одной актрисы Малаго театра, персіянинъ Миръ, или, какъ его чаще звали, Мирка. Когда другіе занимались бесѣдами—о чемъ случится, закусывали, распивали бутылочку рейнвейна, или какого нибудь другого вина, Мирка въ это время игралъ на биліардѣ и Дьякову, которому приходила иной разъ фантазія говорить съ своимъ партнеромъ «по персидски», т. е. нести какую-то чепуху, ни русскую, ни персидскую, Мирка не отвѣчалъ на это ни слова. Сыгравъ партію—другую, бойцы садились тоже закусывать, причемъ Дьяковъ ѣлъ большею частью на счетъ Мирки....

Конецъ 1840-хъ годовъ (и пожалуй всѣ 1850-тые) были апогеемъ славы Прова Михайловича. Онъ.... нѣсколько замечтался: играя удачно комическія роли съ драматическимъ оттѣнкомъ, онъ вообразилъ, что можетъ сыграть и чисто-драматическую или даже трагическую роль. Онъ не хотѣлъ знать, что между актеромъ, играющимъ комическія

роли, и актеромъ, играющимъ роли трагическія, — цѣлое море; что это — два разные міра, и самое лицо и вся физіономія комическаго актера, всѣ его движенія и жесты такъ ужъ и устраиваются для комедіи, для смѣху, и публика къ этому привыкаетъ и будетъ сильно озадачена, если вдругъ комическій актеръ явится предъ нею въ трагической роли. Ничего этого не соображалъ и не хотѣлъ знать нашъ добрый Провушка (какъ его нерѣдко звали въ кружкѣ), ничего не хотѣлъ знать, задавшись задачей сыграть трудную трагическую роль. Ничьи совѣты не подѣйствовали, даже совѣты А. Н. Островскаго, котораго Провъ чтилъ очень высоко.

Послѣ долгихъ бесѣдъ самъ съ собой да съ подушкой, на которую часто приваливался, терзаясь мучительными снами, Садовскій рѣшился сыграть передъ московской публикой «Короля Лира»! Русскій мужичокъ, замоскворѣцкій купчикъ, къ кому такъ шла красная рубаха съ косымъ воротомъ и зипунъ, долженъ былъ предстать предъ тѣми же зрителями, которые привыкли его видѣть чаще всего въ этихъ платьяхъ, — царемъ, въ порфирѣ и въ вѣнцѣ, говорящимъ такія рѣчи, которыя давались весьма немногимъ европейскимъ трагикамъ, съ юныхъ лѣтъ изучавшимъ трагедію.

Я уже сказалъ, что напрасны были всякія увѣщанія и моленья друзей, раздававшіяся около Садовскаго до послѣдняго дня. Всѣ увидѣли, что онъ просто за просто боленъ Лиромъ, что необходимо назрѣвшему нарыву прорваться, и бросили его на волю его судебъ.

Болѣе потѣшнаго Лира свѣтъ не видывалъ. Ни голоса, ни фигуры, ни движенія, соотвѣтствовавшихъ убійственной роли! Публика глядѣла съ изумленіемъ—и болѣе ничего! Друзья (собравшіеся, конечно, въ полномъ комплектѣ) пробовали хлопнуть мѣстахъ въ двухъ-трехъ—никто не поддержалъ. Садовскій понялъ, что сдѣлалъ промахъ, потерпѣлъ страшнѣйшее фіаско и долго ходилъ, повѣсивъ голову, моля всѣхъ боговъ, чтобы Москва поскорѣе забыла и простила ему его невольное преступленіе.... Конечно, пьеса эта съ нимъ въ главной роли уже никогда болѣе не давалась. Чудесныя роли изъ комедіи Гоголя и Островскаго скоро задвинули въ памяти публики страннаго замоскворѣцкаго купца въ коронѣ. Садовскій опять потрясалъ театръ неподражаемой игрою въ роляхъ: Большаго, Беневоленскаго, Торцова [1])....

Въ 1858 г. друзья Садовскаго подбили его съѣздить въ Петербургъ,

---

[1]) Большовъ, обанкрутившійся купецъ въ пьесѣ „Свои люди сочтемся". Беневоленскій, чиновникъ въ пьесѣ „Бѣдная Невѣста". Любимъ Торцовъ, промотавшійся купецъ въ пьесѣ „Бѣдность не порокъ" (шла въ первый разъ въ Москвѣ 25-го января 1853 г.). Н. В.

гдѣ онъ не только никогда не игралъ, но даже просто на просто никогда не бывалъ. Трудно было уломать его на эту поѣздку: онъ боялся за свою славу, онъ зналъ, что между публикой Москвы и Петербурга есть разница, что петербуржцы построже, повзыскательнѣе москвичей. Москвичи къ нему давно привыкли, для нихъ онъ не могъ уже дурно играть. Только что показался — хлопаютъ; играетъ кое-какъ, небрежно—хлопаютъ; уходитъ—опять хлопаютъ. Въ Петербургѣ ничего этого не будетъ. Друзья, чтобы настроить Прова Михайловича похрабрѣе и повеселѣе, обѣщали ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, по крайней мѣрѣ та часть, которая была къ нему поближе.

А для завѣдыванія его «штабъ-квартирой», бѣльемъ, костюмами, и всѣмъ прочимъ въ дорогѣ былъ приглашенъ одинъ изъ его гостинно-дворскихъ родственниковъ, торговецъ бумагой на Ильинкѣ, такъ называемый «Орелъ», вслѣдствіе чрезвычайнаго сходства съ этой птицей. Кромѣ этого сходства, молодецкаго орлинаго взгляда и бравой осанки, этотъ дѣтина обладалъ огромнымъ ростомъ и богатырской силой. Придя къ нему, въ лавку, было любо видѣть, какъ иные увѣсистые тюки, которыхъ никто и пошевелить не могъ, летали и вертѣлись у него въ воздухѣ подъ огромными ручищами и какъ бы волшебствомъ укладывались стройно на полкахъ. Не худо было имѣть смиренному Провушкѣ такую махину про всякій случай въ дорогѣ.

Сборы были, какъ всѣ сборы русскихъ людей,—безконечны. Взглянувъ со стороны, можно было сто разъ подумать, что орава странниковъ никогда не соберется ѣхать, однако она собралась.

III.

Было это зимой. Послѣ оффиціальныхъ визитовъ разнымъ необходимымъ лицамъ театральнаго вѣдомства, Провъ Михайловичъ сталъ совѣщаться съ друзьями, что дать на «первое представленіе?» Правда, объ этомъ уже было толковано не разъ и въ Москвѣ, и въ Москвѣ было извѣстно, что прежде всего пойдетъ «Бѣдность не порокъ», однако же толки возобновились снова и въ Петербургѣ. Всѣмъ было страшновато за любимаго Провушку.

Наконецъ, подошелъ торжественный день. Афиши были разлѣплены. Публика, избранная, повалила. Представленіе «Бѣдность не порокъ» шло на Александринскомъ театрѣ. Онъ былъ полонъ. Журналисты, писатели, все выдающееся сидѣло въ первыхъ рядахъ креселъ. Я сидѣлъ въ третьемъ и замѣтилъ впереди, во второмъ ряду, И. И. Панаева съ пріятелями. Я былъ сосредоточенъ на одной мысли: какъ-то Са-

довскій будетъ играть, какъ его примутъ. Полагаю, что это было исключительною мыслію и прочихъ друзей Прова Михайловича. Его успѣхъ и неуспѣхъ казались для нашего кружка чѣмъ-то въ родѣ успѣха и неуспѣха цѣлой Москвы. Намъ всѣмъ смертельно хотѣлось, чтобы «Москва» не срѣзалась, не ударила лицомъ въ грязь.

И вотъ взвилась занавѣсь! Садовскій былъ встрѣченъ залпомъ довольно умѣренныхъ рукоплесканій. Потомъ наступила необыкновенная тишина. Смотрѣли, не шевелились. Я наблюдалъ за нѣкоторыми физіономіями. Когда дошло до объясненій между братьями и Любимъ Торцовъ, ставъ на колѣни передъ братомъ Гордѣемъ, произнесъ: «человѣкъ ты или звѣрь? Пожалѣй ты и Любима Торцова!... Тогда-то и я Бога возблагодарю. Братъ! и моя слеза до неба дойдетъ!»

Послѣднія слова были произнесены такъ, какъ мнѣ кажется никогда не произносились тѣмъ же самымъ лицомъ. У меня, что называется, захолонуло на сердцѣ. Я не помню подобнаго впечатлѣнія въ театрѣ. Ни Рашель, ни Росси, ни Сальвини, никто изъ первыхъ актеровъ Европы не потрясалъ моей души до такой степени. Садовскій игралъ съ большимъ вниманіемъ къ себѣ. Нѣкоторыя головы въ первыхъ рядахъ безмолвно задвигались. Панаевъ посмотрѣлъ на сосѣда, сосѣдъ на него. Было не до разговоровъ, не до обыденныхъ похвалъ. Интеллигенція Петербурга была завоевана.

Садовскій послѣ сказывалъ намъ, что видѣлъ эти едва уловимыя движенія иныхъ фигуръ въ первыхъ рядахъ, и былъ ими болѣе тронутъ, чѣмъ громовыми рукоплесканіями московскихъ театровъ. Есть рукоплесканія безмолвныя и они-то для настоящаго артиста, понимающаго дѣло, выше всякихъ аплодисментовъ. То же мнѣ сказывала и Косицкая, прибавивъ: «мы смотримъ не на всю массу публики, какъ она себя ведетъ, Богъ съ ней! Мы смотримъ на два, на три первые ряда креселъ, а иногда прямо на иныхъ извѣстныхъ намъ зрителей,—ихъ одобреніе намъ важно и оно всегда тихо».

Послѣ спектакля нѣкоторая часть нашего кружка собралась у поэта М. Л. Михайлова, который жилъ въ семействѣ Шелгуновыхъ очень недалеко отъ Александринскаго театра, въ переулкѣ. Ждали Садовскаго, но онъ не пришелъ. Потомъ было сборище у него на вечернемъ чаѣ, которымъ распоряжался Орелъ; попойки не было, а если и была, такъ самая умѣренная. Провели время въ трезвыхъ толкахъ о будущемъ, что дать еще и когда? Не помню именно, какіе шли потомъ спектакли и сколько. Я на нихъ не былъ.

Садовскій уѣхалъ домой, въ Москву, подъ громомъ петербургскихъ рукоплесканій—на сценѣ и въ газетахъ. Послѣ этого, черезъ годъ, я уѣхалъ въ Италію, затѣмъ—на Востокъ, затѣмъ—въ Польшу. Москва

и ея жизнь надолго для меня исчезли. Другія бурныя, трагическія представленія заслонили собою все....

Какъ игралъ Садовскій въ 1860-хъ годахъ и сколько времени держался на уровнѣ своего прежняго величія и таланта—я не знаю. Во второй половинѣ 1860-хъ годовъ къ безвременнымъ могиламъ прибавилась еще одна могила... Садовскаго не стало.

IV.

Мнѣ приходилось въ Варшавѣ сравнивать съ нашимъ высокимъ комикомъ высокаго комика Варшавы — Жулковскаго, тоже звѣзда первой величины. Между ними было много общаго: такой же недостатокъ образованія, такая же привязанность къ домашнему очагу, къ самому ограниченному кружку пріятелей и знакомыхъ. Еще Садовскій показывался кое-гдѣ кромѣ сцены; у него былъ, какъ мы видѣли, даже общественный пунктъ, довольно живой и шумный, куда онъ любилъ заглядывать въ свободные часы: кофейня Печкина. Онъ кое-гдѣ даже и читывалъ отрывки изъ Гоголя и Островскаго, хотя и неохотно. Жулковскій не зналъ никакихъ кофеенъ, никакихъ кружковъ, не читывалъ ни у кого изъ частныхъ лицъ и жилъ и живетъ совершеннѣйшимъ бирюкомъ и отшельникомъ. Дома любилъ онъ поѣсть и выпить. Увидѣть его гдѣ нибудь, кромѣ театра, напримѣръ на улицѣ, или въ Саксонскомъ саду было чрезвычайно мудрено и если случалось кому нибудь, то развѣ въ годъ одинъ или два раза.

Комическія условія физіономіи были у Жулковскаго не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ у Садовскаго, если только не въ бóльшей. Но чѣмъ онъ бралъ рѣшительный верхъ надъ Садовскимъ—это внѣшнимъ развитіемъ и лоскомъ. Страшно дикій бирюкъ и несообщительный домосѣдъ былъ на сценѣ тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ. Онъ ладилъ одинаково-артистически съ ролью купца, мѣщанина, мелкопомѣстнаго землевладѣльца, хлопа — и съ ролью вельможи какой угодно націи. Онъ умѣлъ обойтись какъ слѣдуетъ и съ бѣднымъ крестьянскимъ охобнемъ мазура, и съ куціей кракуса, и съ сюртукомъ, и фракомъ нашего времени, и съ кафтаномъ эпохи Людовиковъ, и съ макинтошемъ англичанина....

Въ заключеніе сдѣлаемъ еще такое сравненіе: Садовскій позволилъ все-таки друзьямъ свозить себя въ Петербургъ; провинцію посѣщалъ нерѣдко. Жулковскій формально не игралъ нигдѣ, кромѣ Варшавы. Никто и никогда не могъ уговорить его оставить Варшаву хотя на короткое время и сыграть въ Краковѣ, Львовѣ, Познани, гдѣ онъ имѣлъ бы самый несомнѣнный успѣхъ. Разъ, говорятъ, какъ-то уговорили его съѣздить на нѣсколько спектаклей въ Люблинъ, но когда пришлось садиться въ экипажъ, Жулковскій вдругъ заупрямился и не поѣхалъ....

V.*

Къ числу моихъ московскихъ сценическихъ воспоминаній принадлежитъ еще воспоминаніе о дебютѣ въ Большомъ театрѣ одного извѣстнаго въ ту пору провинціальнаго трагика—Рыбакова. Онъ игралъ преимущественно въ Харьковѣ, Воронежѣ, Одессѣ, Кременчугѣ... и былъ тамъ своимъ Мочаловымъ. Онъ имѣлъ «искру Божію», но потушилъ ее неслыханно-безпутною жизнью. У насъ всѣ провинціальные трагики думаютъ, что они—совсѣмъ особые люди; что имъ позволено многое, чего не позволено другимъ смертнымъ, хотя-бы эти смертные были тоже актеры, но—не трагическіе, а комическіе. Трагикъ считаетъ необходимымъ говорить, внѣ сцены, басомъ, какъ говорятъ иные генералы; разсказывая что нибудь, стучать кулакомъ въ столъ, при случаѣ бить зеркала и ломать мебель. Такимъ былъ и Рыбаковъ, дѣтина ражій, здоровенный, высокаго роста, который послѣ всякаго серьезнаго представленія приглашался куда нибудь мѣстными зажиточными купцами и помѣщиками, поклонниками его таланта и Шекспира, закусить. Закуска бывала всегда не менѣе серьезна, чѣмъ представленіе. Рыбаковъ выпивалъ много, но пьянымъ его не видали.

Однажды, «въ дни печальные великаго поста», когда на святой благочестивой Руси спектаклей не бываетъ, когда артисту, привыкшему къ театру и къ шуму овацій, нестерпимо скучно, Рыбаковъ и пріятель его Карабановъ, тоже трагическій актеръ и гигантъ, вздумали засѣсть дома, пить съ утра до ночи водку и допиться до «чортиковъ». Слыхали они, что иные допиваются до чортиковъ, которыхъ видятъ бѣгающими по краямъ рюмокъ или стакановъ и сбиваютъ ихъ щелчками... Но ни Карабановъ, ни Рыбаковъ чортиковъ такихъ никогда не видывали. Они заперлись въ кабинетѣ Рыбакова, легли на два другъ противъ друга стоявшіе дивана у стѣнокъ—и давай пить. Человѣкъ только приносилъ штофъ за штофомъ и выносилъ пустую посуду. Было это на страстной недѣлѣ. Пили съ понедѣльника до пятницы и никакихъ чортиковъ не видали. Въ пятницу утромъ Рыбаковъ проснулся раньше Карабанова и ему показалось, что по ковру, раскинутому надъ постелью Карабанова, ползетъ змѣй. Онъ закричалъ: «Карабановъ, Карабановъ! вставай, змѣй ползетъ!» Карабановъ вскочилъ, сталъ смотрѣть на коверъ: никакого змѣя тамъ не было! Да и Рыбаковъ, протерѣвъ хорошенько глаза, пересталъ тоже видѣть змѣя.

Такъ, не допившись въ трое сутокъ усерднаго и добросовѣстнаго питья ни до какихъ чортиковъ, пріятели встали съ опухшими лицами, посмотрѣли на себя въ зеркало и рѣшили прекратить попойку.

— «Безобразно, братецъ, безобразно!» сказалъ Рыбаковъ. «Пойдемъ въ церковь и помолимся! Вѣдь у насъ теперь страстная недѣля великаго поста! Сегодня плащаницу выносятъ!»

Карабановъ согласился. Умылись, одѣлись и пошли. Церковь была полна народомъ, съ постными физіономіями. Физіономіи артистовъ, къ тому-же высокихъ ростомъ и очень замѣтныхъ въ толпѣ, до того не походили на всѣ прочія, до того смотрѣли неприлично, что священникъ, по принятому въ такихъ случаяхъ правилу, выслалъ дьякона съ кадиломъ и приказалъ ему «выкадить» изъ церкви безобразныхъ господъ. Дьяконъ выкадилъ.

«Постой-же ты, проклятый шелыганъ, подумалъ Рыбаковъ: ты намъ не даешь помолиться! Мы пришли въ церковь съ искреннимъ раскаяніемъ; и Богъ прощаетъ кающихся грѣшниковъ, а ты вотъ не хочешь! Велѣлъ насъ выкадить! Вотъ ужо мы тебя искупаемъ въ такой купели, въ какой ты еще никогда не купался!» Рыбаковъ сообщилъ свою мысль Карабанову, тотъ согласился. Гиганты подкараулили попа въ тотъ же день, вечеромъ, въ одномъ изъ отдаленныхъ переулковъ города, и искупали въ лужѣ. Попъ зналъ, кто его купалъ и подалъ на озорниковъ жалобу губернатору. Губернаторъ выслалъ ихъ обоихъ за границу губерніи съ жандармами.

Исторія эта однако-же сильно подѣйствовала на Рыбакова. Онъ бросилъ пить. Когда жена его (робкое, запуганное существо, исполнявшее всѣ причуды своего повелителя,) принесла ему поутру обычный графинчикъ «опохмѣлиться» (что дѣлалось аккуратно въ теченіи многихъ лѣтъ сряду),—Рыбаковъ гамлетовскимъ жестомъ далъ знать, что «этого не нужно». Жена посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ, и не трогалась съ мѣста. Жестъ былъ повторенъ, графинчикъ вынесенъ—и потомъ уже не подавался. Рыбаковъ положилъ во всѣхъ отношеніяхъ остепениться. Онъ былъ неузнаваемъ. Купцы никакъ не могли склонить его, послѣ иного эффектнаго спектакля, къ выпивкѣ. Онъ даже смотрѣлъ благопристойнѣе и меньше басилъ. Въ умѣ его засѣла мысль: посвятить послѣдніе свои годы на серьезное изученіе Шекспира и сценическаго искусства, съѣздить въ Москву и попросить дебюта.

Надо знать, что дебютъ на московской сценѣ для провинціальнаго артиста значилъ тогда очень много. Его разрѣшали далеко не всѣмъ. Это былъ дипломъ, санкція московской дирекціи и публики, возвышавшіе репутацію провинціальнаго актера. О немъ уже говорили: «Въ Москвѣ игралъ! И тамъ хлопали!»

Московскимъ трагикомъ на мѣстѣ умершаго Мочалова былъ тогда—провинціальный артистъ Полтавцевъ. Онъ игралъ прилично и производилъ на извѣстную часть публики, особенно на купцовъ, значи-

тельное впечатлѣніе, въ роляхъ: атамана разбойниковъ въ «Двумужницѣ» Шаховскаго; деньщика Петра Великаго въ пьесѣ этого названія Кукольника; купца Иголкина, въ драмѣ Полевого, Фердинанда въ «Коварствѣ и Любви» Шиллера, наконецъ въ «Гамлетѣ» Шекспира и французской драмѣ: Кинъ, или Геній и Безпутство.

Рыбаковъ зналъ Полтавцева еще въ Одессѣ, гдѣ они вмѣстѣ игрывали, и снесся со старымъ пріятелемъ насчетъ дебюта въ Москвѣ. Полтавцевъ переговорилъ съ кѣмъ нужно и написалъ Рыбакову, что «все улажено, чтобы онъ пріѣзжалъ и у него остановился».

Рыбаковъ прибылъ — словно переродившимся: чистенькимъ, тщательно выбритымъ; онъ думалъ о всякомъ шагѣ, говорилъ мало и тихо. Дебютъ ему скоро былъ разрѣшенъ. Синедріономъ старыхъ и новыхъ знакомыхъ Рыбакова было рѣшено поставить «Гамлета». И онъ самъ болѣе всего былъ склоненъ изобразить передъ московской публикой Гамлета, какъ его еще ни разу не изображали!..

Гамлета играли послѣ Мочалова обыкновенно въ его костюмахъ, которые Полтавцеву, человѣку не слишкомъ дюжему и средняго роста, еще сходили кое-какъ съ рукъ. Но для гиганта Рыбакова они вовсе не годились. Онъ былъ въ нихъ просто на просто смѣшонъ. Однако дирекція сказала, что новыхъ дѣлать на одинъ разъ для дебютанта не станетъ: хочетъ—играетъ, хочетъ—нѣтъ! Рыбаковъ подумалъ, погадалъ, сосчиталъ свои немногіе гроши, привезенные изъ провинціи, ихъ на новые костюмы не хватало—и онъ рѣшился играть въ старыхъ мочаловскихъ платьяхъ. Это обстоятельство, новизна мѣста, естественный страхъ—сдѣлали то, что дебютантъ былъ весьма не въ своей тарелкѣ. Онъ чувствовалъ, что играетъ плохо. Подсаженные Полтавцевымъ клакёры пріударили разъ—имъ отвѣчалъ кто-то въ райкѣ, но тѣ ряды, отъ которыхъ провинціальный актеръ ждалъ одобренія, молчали. Безмолвныхъ рукоплесканій не было и тѣни. Это сильно огорчило Рыбакова. Воротясь домой, онъ послалъ за водкой. Утромъ на другой день подали ему знакомый графинчикъ опохмѣлиться—и затѣмъ опять пошли графинчики..... [1]).

Какъ и когда кончилъ Рыбаковъ—намъ неизвѣстно.

Что касается иностранныхъ гостей московской сцены—лучше всего сохранилось въ моей памяти пребываніе въ Москвѣ знаменитой европейской танцовщицы Фанни Эльслеръ и французской драматической артистки Рашель.

---

[1]) Все это разсказы самого Рыбакова и личныя наблюденія автора.
Н. Б.

VI.

Франциска Эльслеръ была дочерью камердинера извѣстнаго композитора Гайдна и его-же прачки. У нихъ была еще дочь Шарлотта, немного старше Франциски. Обѣ дѣвочки были очень красивы и ходили учиться въ танцовальный классъ при вѣнскомъ балетѣ, а потомъ стали показываться передъ публикой въ коръ-де-балетѣ, получая въ день, каждая, по 30 крейцеровъ. Франциска, или, какъ чаще ее называли, Фанни, была очень понятлива и ловка. Когда другія переглядывались съ гусарами и статскими обожателями, не то ѣли получаемые отъ нихъ конфекты, пирожное и мороженое, Фанни слѣдила внимательно за каждымъ па главной танцовщицы, подмѣчала то, что ей нравилось, казалось эффектнымъ, труднымъ—и дома старалась по возможности все это припомнить и продѣлать.

Однажды главная танцовщица занемогла, но спектакля было отложить нельзя, потому что на немъ хотѣлъ быть императоръ съ какими-то коронованными гостями. Директоръ былъ въ отчаяніи... вдругъ къ нему подошла Фанни Эльслеръ и сказала, что если ей дозволено будетъ замѣнить балерину,—она протанцуетъ рѣшительно все, что слѣдуетъ по пьесѣ. Директоръ разрѣшилъ. Со сцены сдѣлано было приличное оглашеніе о необходимости передать главную роль другой особѣ, а не той, которая значилась въ афишѣ. Отсутствующая балерина была для вѣнцевъ чужая итальянка, не такъ красива и не такъ... молода. Замѣнившая ее была своя нѣмка, почти дитя и прелестна какъ ангелъ. Публикѣ естественно захотѣлось поддержать свою, что-бы и какъ-бы она ни танцовала. Но, къ удивленію, увидали, что ей вовсе не нужна поддержка. Она исполнила всѣ номера съ неслыханнымъ совершенствомъ. Хлопали безъ всякой натяжки, порывисто, восторженно. Слава маленькой Фанни выросла въ одинъ вечеръ. Она такъ и осталась съ этимъ именемъ навсегда—и сдѣлалась балериной вѣнскаго театра. Потомъ съѣздила въ Парижъ и тамъ произвела фуроръ—и съ тѣхъ поръ стала уже не вѣнскою, а всемірною знаменитостью. Посѣщеніе ею Лондона, Милана, Берлина, Неаполя, Америки было рядомъ тріумфовъ и овацій, рѣдко достающихся кому на долю....

Годы 1847, 1848 и 1849 были годами бурныхъ распрей между московской публикой и дирекціей театровъ, или точнѣе: директоромъ театровъ Гедеоновымъ. Публика любила и хотѣла видѣть на сценѣ танцовщицу Санковскую, а директоръ подсовывалъ ей Андреянову. Дошло до того, что Санковской было запрещено принимать на

сценѣ подарки. Легко понять раздраженіе публики. Андреяновой дѣлались вслѣдъ оскорбленія, не только на сценѣ, но даже на балахъ и маскарадахъ благороднаго собранія. Одно оскорбленіе было такого рода, что нанесшій его (въ собраніи) студентъ едва не попалъ въ солдаты.

Зимою 1848 г. Андреяновой, во время ея танцевъ на сценѣ Большаго театра, бросили изъ ложи дохлую кошку. Это сдѣлалъ прибывшій на свиданіе съ родными кавказскій офицеръ, Павелъ Булгаковъ; Государь приказалъ ему только уѣхать немедля на Кавказъ, а Гедеонову велѣлъ сказать, чтобы онъ «пересталъ шутить съ публикой», что «если преслѣдованія Санковской, ни на чемъ не основанныя, продолжатся—будетъ еще хуже». Андреянова исчезла. Для Санковской поставили дорогой и эффектный балетъ «Возстаніе въ Сералѣ», гдѣ сотни танцовщицъ исполняли различныя военныя эволюціи; государь былъ на одномъ изъ представленій этого балета и хлопалъ... Вскорѣ затѣмъ онъ отправился въ Вѣну и присутствовалъ въ спектаклѣ, гдѣ участвовала Эльслеръ, уже знаменитая и прославленная газетами всего міра. Государь пригласилъ ее къ себѣ въ ложу, благодарилъ за доставленное ему удовольствіе и сказалъ, что ему было-бы очень пріятно увидѣть такую прекрасную танцовщицу своею гостью въ Петербургѣ. Фанни Эльслеръ отвѣчала его величеству не сейчасъ. Государь, замѣтивъ ея нерѣшительность, сказалъ:

— «Вы, можетъ быть, боитесь того, что случилось съ Андреяновой, но вы, во-первыхъ, не Андреянова, а во-вторыхъ—я вашъ всегдашній защитникъ. Вы можете обратиться ко мнѣ во всякую минуту, если будетъ въ томъ надобность, но, думаю, что не будетъ. Васъ ожидаютъ въ Россіи только тріумфы, только оваціи. Итакъ—до свиданія!»

Фанни Эльслеръ дала государю слово пріѣхать въ 1850 году [1]).

Возвратившись въ Петербургъ, государь приказалъ Гедеонову сдѣлать знаменитой артисткѣ оффиціальное приглашеніе на зимній сезонъ 1850 года. Гедеоновъ счелъ не лишнимъ отправиться лѣтомъ этого года въ Вѣну и познакомиться съ балериной, но въ Вѣнѣ ея не нашелъ: она жила на дачѣ въ Фёслау—онъ туда, и увидѣлъ на дворѣ ея множество верховыхъ лошадей, приготовленныхъ для большой кавалькады. Эльслеръ сбиралась на прогулку въ окрестности Фёслау, со своими ближайшими друзьями, была разорвана на части разными мелкими распоряженіями.... вдругъ ей докладываютъ о пріѣздѣ Гедеонова! Не долго думая, какъ, кто и откуда, Фанни Эльслеръ приказала сказать, что «ея нѣтъ дома», между тѣмъ, какъ все изобличало, что она

---

[1]) Все это—отъ нея самой. **Н. В.**

дома. Гедеоновъ не выдержалъ, велѣлъ доложить хозяйкѣ, что онъ никакъ не ожидалъ отъ нея такого пріема; что у себя, въ Россіи, онъ вхожъ къ государю императору и къ государынѣ императрицѣ...

По прибытіи въ Петербургъ, Фанни Эльслеръ увидѣла себя точно въ степи, точно никто изъ служащихъ при театрѣ не зналъ, что она будетъ, хотя контрактъ былъ заключенъ по всѣмъ правиламъ и тамъ было обозначено со всею точностью число, когда она должна явиться и начать представленія. Потомъ пошли разные другіе шиканы: цензура пропускала балетъ, но не пропускала музыки; были задержки въ костюмахъ, путаница въ афишахъ... встрѣтивъ гдѣ-то Гедеонова, артистка объявила ему, что «если такое положеніе дѣлъ продолжится, то она разорветъ контрактъ и пожалуется государю императору; что онъ лично далъ ей позволеніе обращаться къ нему за помощью всякій разъ, когда будетъ нужно»! [1]).

Преслѣдованія прекратились. Спектакли пошли, но, нельзя сказать, чтобы Петербургъ отнесся къ нимъ съ исключительнымъ увлеченіемъ, несмотря на протекцію многихъ вліятельныхъ лицъ (между прочимъ барона Штиглица). Дѣло въ томъ, что Фанни Эльслеръ представляла, въ сущности, только воспоминаніе о прежнихъ совершенствахъ, красотѣ и молодости, а не ту свѣжую, живую танцовщицу, какою видалъ ее Парижъ, Лондонъ, Америка... Она танцовала, правда, безукоризненно; въ исполненіи нѣкоторыхъ народныхъ па (напр. Венгерки) была неподражаема, но... то-ли нужно публикѣ, видавшей кое-что въ этомъ родѣ. Когда дѣло идетъ объ артисткѣ театра, въ особенности о танцовщицѣ, публика спрашиваетъ у нея сейчасъ-же метрическое свидѣтельство, другими словами: читаетъ докладъ неумолимаго времени въ ея чертахъ, знаетъ какъ-то безъ метрики сколько той, или другой Терпсихорѣ лѣтъ. Разсмотрѣть ту-же минуту особенныя достоинства опытной танцовщицы, достоинства, свойственныя только позднему возрасту—для публики трудно. Знатоки говорили, что въ Фанни Эльслеръ удивительно соединеніе балета съ драмой: быть на своемъ мѣстѣ, когда музыка играетъ тотъ или другой пассажъ, не сбивать музыкантовъ, не заставлять ихъ прыгать поминутно черезъ страницы партитуры; танцовать и играть съ полной свободой и граціей подъ музыку такъ, какъ будто-бы не было музыки. Знатоки говорили это—публика не слушала.

Москва, куда пріѣхала потомъ Фанни Эльслеръ лѣтомъ, приняла ее тоже довольно холодно. Друзья Фанни Эльслеръ (московскіе нѣмцы, имѣвшіе сношеніе съ барономъ Штиглицомъ) убѣдили ее пріѣхать

[1]) Также отъ нея самой. Н. В.

въ Москву на цѣлый зимній сезонъ. Она пріѣхала въ началѣ 1851 г. и тутъ устроилось нѣчто такое, что перешло всякія предѣлы обыкновенныхъ овацій.

Истолкователемъ необычайныхъ достоинствъ волшебницы явился бывшій кавказскій полковникъ, князь Голицынъ, съ шайкой пріятелей, человѣкъ уже не молодой, громадныхъ размѣровъ, съ голосомъ какъ труба. Онъ бывалъ рѣшительно на всѣхъ спектакляхъ знаменитой гостьи, въ первомъ ряду, у самаго оркестра, хлопалъ, ревѣлъ, восхищался и настраивалъ восторженно не только всѣхъ окружающихъ, т. е. первый и второй ряды, но и отдаленныя мѣста, которымъ кн. Голицынъ былъ видѣнъ по своей колоссальной фигурѣ и слышенъ по громкому голосу. А днемъ онъ шатался по всему городу и старался сообщить что-нибудь похвальное о Фанни Эльслеръ (которую называлъ бо̀льшею частью Фаничкой) всякому встрѣчному. Знакомыхъ у него была тьма, артистовъ, писателей, праздныхъ богачей и разныхъ неопредѣленныхъ личностей. За большимъ колоколомъ гудѣли и маленькіе.

Газеты отзывались о гостьѣ большею частью въ хорошую сторону. Редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» Хлоповъ былъ безъ ума отъ «Фанички». Графиня Ростопчина писала о ней прозой и стихами; однажды пригласила ее къ себѣ на блины, вмѣстѣ съ ея подругой, «Mademoiselle Catherine», которую въ русскихъ кружкахъ, гдѣ она была извѣстна, называли не иначе, какъ Екатерина Михайловна. Эта Екатерина Михайловна одѣвала и раздѣвала свою барыню дома и на сценѣ, и съ нею обѣдала и пила чай за однимъ столомъ; умѣла какъ никто угождать всѣмъ ея привычкамъ; знала всѣ ея секреты, дарила избраннымъ друзьямъ и поклонникамъ ея балетныя башмаки, которыхъ у Фанни Эльслеръ были цѣлые короба. Они прибывали чуть не всякій день изъ Парижа. Каждый балетъ знаменитая танцовщица перемѣняла три-четыре пары такихъ башмаковъ, совершенно особаго балетнаго покроя, съ рядами толстыхъ нитокъ на носкахъ. Кромѣ утренняго визита Фанни Эльслеръ сдѣлала однажды Ростопчиной и вечерній визитъ.

На масляной 1851 г. весь городъ ни о чемъ болѣе не говорилъ, какъ только о Фанни Эльслеръ. Трудно сказать, сколько она получила подарковъ отъ разныхъ зажиточныхъ москвичей. Наиболѣе оригинальнымъ былъ калачъ изъ папье-маше, внутри котораго скрывался браслетъ изъ очень крупныхъ камней, которыхъ иниціалы означали Москву (малахитъ, опалъ, сафиръ, калцедонъ, виниса, аметистъ); хорошъ и цѣненъ былъ также серебряный самоваръ, съ рисунками изъ разныхъ балетовъ, въ которыхъ Фанни Эльслеръ танцовала передъ Московской публикой.

Въ послѣдній прощальный спектакль у кассы была просто драка.

Двери выломали и разбили въ щепы; положено было толстое сосновое бревно. Передъ началомъ спектакля, перекупщики давали счастливцамъ, доставшимъ себѣ билеты въ креслахъ за обыкновенную цѣну, отъ 20 до 100 рублей, и были такіе, которые, разумѣется, скрѣпя сердце, съ ними разставались.

Во время спектакля публика хлопала, ревѣла, пѣла подъ музыку болѣе извѣстные мотивы балета, иногда вся вставала на ноги и въ такомъ положеніи опять ревѣла. Всякое «начальство» (полиція, жандармы и плацъ-адъютантъ) куда-то спрятались, зная очень хорошо, что ничего не сдѣлаютъ, сколько ни хлопочи; развѣ только вызовутъ какой нибудь крупный скандалъ.

Въ заключеніе былъ поданъ на сцену, не менѣе какъ десятью дюжини носильщиками, громадный вѣнокъ изъ бѣлыхъ живыхъ камелій (имѣвшій діаметръ большаго круглаго стола), съ надписью по серединѣ красными камеліями: Москва. Невѣроятная толпа разнаго народа шла потомъ за каретой танцовщицы, когда она уѣзжала домой, въ Дрезденскую гостинницу. Много разъ находились охотники везти эту карету на себѣ, но полиція это устранила. На козлахъ кареты, рядомъ съ кучеромъ, сидѣлъ редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей», Хлоповъ. Въ каретѣ съ артисткой сидѣлъ князь Голицынъ, сзади, въ особыхъ саняхъ, везли гигантскій вѣнокъ. Двери квартиры артистки стояли долго отворенными настежъ. Изъ передней брошенъ былъ на улицу коверъ, по которому прежде всего пробѣжали волшебныя ножки, а затѣмъ прошло неопредѣленное количество гостей, знакомыхъ и незнакомыхъ хозяйкѣ. Придвинувшаяся къ окнамъ толпа кричала: «ура» и кидала вверхъ шапки. Фанни Эльслеръ вздумала роздать этому народу громадный вѣнокъ и просила своихъ знакомыхъ отдѣлить камелію отъ камеліи. Это оказалось не такъ легкимъ, однако вѣнокъ уступилъ наконецъ энергическимъ усиліямъ восторженной молодежи и его разбросали въ отворенное окно и двери толпамъ; причемъ, конечно, не обошлось безъ нѣкоторыхъ... драматическихъ сценъ.

Такъ прошелъ день «прощальнаго спектакля». День отъѣзда Фанни Эльслеръ изъ Москвы въ мальпостѣ былъ повтореніемъ такихъ-же эксцентричностей. Почтовую станцію на Мясницкой осадили аристократы и аристократки. Ихъ экипажи запрудили дворъ. Улица была запружена народомъ. Когда мальпостъ съ артисткой двинулся—нѣсколько каретъ, колясокъ и саней поѣхали сзади и рядомъ. Иные отстали еще въ улицахъ, другіе покатили за заставу. Между такими замѣчены сани графа Ростопчина. Въ Химкахъ (первая станція отъ Москвы) былъ устроенъ чай. Фанни Эльслеръ однако-же не выходила на станціи, а пила чай у мальпоста, стоя на ногахъ, пока перепрягали лошадей.

Вскорѣ послѣ всѣхъ этихъ тревогъ и суеты пришло изъ Петербурга предписаніе Московскимъ властямъ составить списокъ всѣмъ эксцентричностямъ поклонниковъ Фанни Эльслеръ. Въ этотъ списокъ попалъ и я съ Хлоповымъ. Противъ моей фамиліи стояло: «сочинялъ стихи». Противъ фамиліи Хлопова: «сидѣлъ на козлахъ». Когда профессоръ С. П. Шевыревъ сталъ просить мнѣ у попечителя Московскаго учебнаго округа В. И. Назимова мѣсто директора университетской библіотеки, Назимовъ сказалъ: «я-бы очень радъ, но... онъ попалъ въ списокъ исключительныхъ поклонниковъ Фанни Эльслеръ, составленный по высочайшему повелѣнію».

— Однако, ваше превосходительство, позволилъ себѣ замѣтить Шевыревъ, веселье не имѣетъ въ себѣ ничего дурного и неблагонадежнаго...

— «Оно такъ, но.... знаете... государь».

Шевыревъ не сталъ спорить и уѣхалъ. Потомъ передалъ мнѣ весь этотъ разговоръ, предлагая возобновить атаку, но я отклонилъ его отъ этого.

Хлоповъ былъ приглашенъ къ Назимову и встрѣченъ такими словами: «странныя вещи разсказываютъ въ городѣ: будто вы сидѣли на козлахъ у Фанни Эльслеръ, когда она ѣхала домой послѣ прощальнаго спектакля. Я хотѣлъ узнать это отъ васъ самихъ?»

— Да развѣ тутъ есть что нибудь чрезвычайное, ваше превосходительство, развѣ мущины не сидятъ на козлахъ дамскихъ экипажей?— началъ было Хлоповъ...

— «Такъ вы сидѣли»? прервалъ его Назимовъ.

— Сидѣлъ!

— «Подайте въ отставку!»

И газета перешла къ В. Ѳ. Коршу, а потомъ къ М. Н. Каткову.

Въ заключеніе я рѣшаюсь сказать нѣсколько словъ о знаменитой танцовщицѣ, которой имя такъ-ли, не такъ-ли знакомо всякому образованному человѣку въ Европѣ. Думать, что все это устроено газетами, было-бы ошибкой. Когда о Суворовѣ говорили, что онъ «неслыханно счастливъ»—онъ замѣчалъ: «счастіе, счастіе—сегодня, завтра, послѣ-завтра—нужно-же когда нибудь и умѣнье!» Такъ и мы скажемъ: «сегодня газеты, завтра газеты, послѣ-завтра газеты—нужно-же когда нибудь и хорошіе танцы!»

Фанни Эльслеръ была, дѣйствительно, феноменальной танцовщицей, одною изъ звѣздъ, какія блестѣли на европейскихъ сценахъ въ счастливое время явленія всякихъ талантовъ—въ нервой половинѣ этого столѣтія. Теперешнія балерины не достойны развязать ремней на ея сандаліяхъ. Но этотъ первый, ослѣпительный блескъ волшебница по-

казала не намъ. Мы увидѣли только удивительное слитіе балета съ драмой, о чемъ уже было упомянуто,—слитіе, которое дается и высокимъ талантамъ не иначе, какъ послѣ тридцатилѣтней практики на сценѣ. Лучшими балетами Фанни Эльслеръ у насъ были: Эсмеральда, Катарина, Дочь разбойника, Лиза и Коля (Lise et Colin, иначе: la fille mal grondée). Въ мужскихъ роляхъ она была положительно плоха и неловка. Всякій мужчина у нея выходилъ какимъ-то деревяннымъ нѣмчикомъ. Да и про нее можно сказать, что она и въ жизни, и на сценѣ была изящная нѣмка, а никакъ не француженка.

Одинъ хореографъ, имѣвшій со мною рядомъ кресло, говорилъ мнѣ, что у Фанни Эльслеръ есть нѣчто спеціально ей принадлежащее, чего не имѣла ни Гризи, ни Тальони, никто: поднявшись на одинъ носокъ, она дѣлала въ это время небольшое движеніе всѣмъ корпусомъ впередъ, какъ-бы немного наклонялась. Другія считали побѣдой только продержаться безукоризненно на noскѣ, ничуть не двигаясь.

Фанни Эльслеръ полагаетъ, что она кончила свое театральное поприще въ Москвѣ. Но самый послѣдній спектакль ея былъ въ Вѣнѣ, сейчасъ по возвращеніи изъ Москвы. Нынѣ знаменитость эта живетъ зимою въ Вѣнѣ, а лѣтомъ въ Фёслау. О деньгахъ ея сказывали, будто бы она потеряла при одномъ крахѣ въ Америкѣ милліонъ франковъ и не очень печалилась. Брильянты ея можно класть рядомъ съ брильянтами многихъ коронованныхъ особъ.

Сестра Фанни Эльслеръ, Шарлотта, о которой было упомянуто выше—вскорѣ послѣ перваго пребыванія своего въ Парижѣ вышла замужъ за одного прусскаго принца и жива до сихъ поръ. Въ календаряхъ обыкновенно не пишутъ ея имени, а противъ имени ея мужа ставится: «женатъ».

VII.

Другая не менѣе знаменитая гостья Москвы, французская еврейка, даже еврейскаго исповѣданія, Рашель, была въ Москвѣ годомъ позже Фанни Эльслеръ, съ труппой, гдѣ главныя мужскія роли поручались брату ея Феликсу, простому «произносителю» разныхъ монологовъ и рѣчей стихами и прозой.

Громкое имя Рашели собрало на ея спектакли (2 абонемента по 12 спектаклей въ каждомъ) массу интеллигенціи и просто любопытныхъ и праздныхъ личностей, которымъ хотѣлось потомъ говорить, что:

«вотъ-де и я видѣлъ знаменитую Рашель!» Изъ всего того, что «слушало» Рашель въ Москвѣ, иногда повидимому съ напряженнымъ вниманіемъ, конечно половина не понимала ровно ничего. Строго говоря, понимали надлежащимъ образомъ только ложи (и то не всѣ), да два-три ряда кресел. Я взялъ себѣ билетъ на оба абонемента и былъ даже на всѣхъ лишнихъ представленіяхъ сверхъ абонементовъ.

Рашель была женщина высокаго роста, стройная, худощавая, безъ всякаго бюста, съ грубыми и рѣзкими чертами еврейскаго смуглаго лица вовсе некрасиваго (когда смотрѣть на него близко), но выразительнаго и эффектнаго на сценѣ до чрезвычайности. Это было именно сценическое лицо, лицо для трагедій и для драмъ. Въ «Адріеннѣ Лекувреръ» Рашель казалась положительно совершенствомъ, женщиной способной увлечь кого угодно, самаго безстрастнаго, безчувственнаго, холоднаго человѣка, никогда не знавшаго что такое любовь.

Классическія представленія ея, съ ихъ убійственными александрійскими стихами французской метрики и допотопными эффектами, не производили на меня никакого впечатлѣнія. Мнѣ было просто скучно. Какъ сказано въ «Чужомъ толкѣ»:

„Такъ громко, высоко, а нѣтъ не веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ничуть не шевелитъ".

Ни одна сцена всѣхъ этихъ пьесъ не дышала правдой нашего времени,—правдой, къ какой привыкли мы, безхитростные поклонники драматическаго искусства 1840-хъ и 1850-хъ годовъ нашего столѣтія. Ни одно слово не произносилось просто и естественно, такъ, чтобы забраться внутрь, подъ сердце, и заставить его жить, трепетать, чувствовать, сжиматься...

Въ «Адріеннѣ Лекувреръ» Рашель подкупала нашего брата изяществомъ пріемовъ и чрезвычайной граціей движеній. Да и пьеса эта была по содержанію ближе и понятнѣе намъ, чѣмъ всякіе Корнели и Рассины. Позировали не древніе греки и римляне, а люди, намъ хорошо извѣстные, въ нашихъ или почти нашихъ платьяхъ; двигались, говорили, думали, любили и страдали по нашему. Къ сожалѣнію, Морица Саксонскаго изображалъ безталанный Феликсъ, съ своими сценически-казенными, вѣчно одними и тѣми же жестами. Чтеніе басни передъ герцогиней де Бульонъ выходило у Рашели не натурально. Настоящая Адріенна Лекувреръ, безъ всякаго сомнѣнія, не читала такъ ничего ровно.

Умираніе Адріенны отъ яду въ игрѣ Рашели принято считать классически-вѣрнымъ жизни. Иные говорятъ однако, что искусство

здѣсь черезъ-чуръ пожертвовано натурѣ, что на сценѣ и умирать такъ не слѣдуетъ, какъ умираетъ Рашель. Кажется, это справедливо...

Аристократія Москвы была въ восторгѣ отъ представленій Рашели, насколько добросовѣстно и искренно—это уже ея дѣло.

Графиня Ростопчина положительно молилась на знаменитую жидовку, называла ее «божествомъ» и то мѣсто, гдѣ Рашель сиживала, бывая у нея, закладывала подушкой и не позволяла никому на немъ садиться. Но того сумасшествованія, какое вызвала въ Москвѣ своими представленіями Фанни Эльслеръ—не было и тѣни. Впрочемъ, въ воскресенье на масляной, публика поднесла Рашели серебряный кубокъ, съ изображеніемъ московскаго герба, и М. С. Щепкинъ вручилъ отъ себя каллиграфическую рукопись «Скупаго Рыцаря» Пушкина, къ которой были присоединены: два вида Москвы, портретъ Щепкина и французскіе стихи Ростопчиной.

Уѣхала Рашель изъ Москвы тихо, провожаемая только самыми близкими знакомыми.

Изъ артистовъ нашей сцены болѣе всего сошелся съ Рашелью Щепкинъ (о чемъ уже было нами упомянуто),—Щепкинъ, не знавшій ни слова по французски. Онъ велъ съ нею бесѣды о сценическомъ искусствѣ, иногда предлинныя, черезъ драгомана, которымъ былъ одинъ молодой аристократъ, можно сказать мальчикъ, только что оставившій университетскія скамейки. Онъ нравился Рашели серьезно и бывалъ у нея формально всякій вечеръ послѣ спектакля.

Передъ отъѣздомъ Рашели въ Парижъ, Щепкинъ упросилъ ее посмотрѣть его въ роли Фамусова. Пьесу перевели для артистки въ сокращеніи и переписали это либретто «Горе отъ Ума», какъ переписываютъ бумаги для государей. Читала она, или не читала эту книжечку—неизвѣстно, только выразила свою благодарность Щепкину въ очень эффектныхъ фразахъ, которыя драгоманъ перевелъ съ добавленіемъ отъ себя, съ указаніемъ тѣхъ мѣстъ, какія яко бы въ особенности понравились Рашели. Кажется, тутъ же Рашель и пригласила Щепкина въ Парижъ посмотрѣть ее въ тѣхъ спектакляхъ, которыхъ въ Москвѣ она не давала.

Н. В. Бергъ.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ БЕРГЪ

† 16-го іюня 1884 г.

Не думали мы, получивъ напечатанную здѣсь рукопись, что это послѣднее, предсмертное сообщеніе нашего давняго сотрудника! Николая Васильевича Берга уже нѣтъ на свѣтѣ. Смежились смертью уста человѣка умнаго, даровитаго, всегда живого и отзывчиваго къ интересамъ отечественной словесности. Онъ былъ ея поклонникъ искренній, ея работникъ вѣрный и вполнѣ талантливый. Около сорока лѣтъ служилъ онъ ей вѣрой и правдой, то какъ беллетристъ, то какъ поэтъ и въ особенности поэтъ-переводчикъ, то какъ туристъ, сообщавшій въ журналы и газеты свои, всегда полныя интереса, замѣтки и письма, то, наконецъ, какъ историкъ—въ своихъ обширныхъ Запискахъ о севастопольской осадѣ, а затѣмъ о послѣдней польской смутѣ. Прекрасно владѣя перомъ и карандашомъ, Бергъ былъ писатель обширнаго образованія, отлично зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ и славянскихъ нарѣчій, и, что всего достойнѣе уваженія, былъ человѣкъ самостоятельный, независимыхъ и твердыхъ убѣжденій. Онъ не былъ ничьимъ угодникомъ, ни какой-либо партіи, ни отдѣльныхъ лицъ, и оставилъ по себѣ имя не запятнанное, пріобрѣтя всеобщее уваженіе со стороны всѣхъ, кто когда-либо его зналъ.

Н. В. Бергъ погребенъ 18-го іюня 1884 г. на православномъ кладбищѣ Воли, близь г. Варшавы.

Въ нашемъ альбомѣ автографовъ русскихъ дѣятелей, подъ заглавіемъ: «Знакомые» Н. В. Бергъ вписалъ собственноручно слѣдующую свою автобіографію, въ третьемъ лицѣ:

«Н. В. Бергъ родился въ Москвѣ, на улицѣ Варваркѣ, въ д. Насонова (позже Гурлянда), 24 марта 1823 года [1]), отъ совершенно рус-

---

[1]) Въ некрологахъ, появившихся въ газетахъ, годъ рожденія Берга показанъ 1821 г.; въ его же собственноручной автобіографической замѣткѣ у насъ значится 1823 г., и вообще эта замѣтка исправляетъ погрѣшности некрологовъ Н. В. Берга.

скихъ родителей, не знавшихъ никакого другого языка, кромѣ русскаго, и воспитанъ въ условіяхъ русской жизни. Отецъ его зналъ довольно хорошо русскій языкъ, писалъ и печаталъ стихами и прозой, когда еще былъ холостымъ и служилъ въ Иркутскѣ. Въ «Вѣстникѣ Европы» (полагаю около 1820 года) можно найти его статьи и басни за подписью Иркутскъ. Любимымъ писателемъ Василія Владиміровича Берга былъ Державинъ. Это обстоятельство имѣло вліяніе на поэтическое развитіе Н. В. Берга. Отецъ заставлялъ его повторять стихи Державина. Когда мальчика лѣтъ семи увезли въ Сибирь, по назначеніи В. В. Берга предсѣдателемъ Тобольскаго губ. правленія (около 1830 г.), ребенокъ зналъ множество отрывковъ изъ разныхъ одъ Державина и восьми лѣтъ отъ роду самъ сталъ писать стихи, гдѣ ямбъ нѣкоторое время спорилъ съ хореемъ.

«Огромные кедровые лѣса Сибири, ея широкія рѣки и странствія несомнѣнно имѣли вліяніе на развитіе ребенка съ поэтической стороны. Большіе переѣзды впослѣдствіи были ему нипочемъ. Онъ даже любилъ ихъ. Когда ему было лѣтъ 9 родители его переѣхали на житье въ Тамбовскую губернію и тутъ Н. В. Бергъ былъ отданъ въ гимназію, гдѣ пробылъ 4 года и писалъ стихи уже не мѣшая хореевъ съ ямбами, и на одномъ изъ публичныхъ актовъ читалъ свое стихотвореніе Ночь. Вообще отличался по русскому языку.

«Въ 1838 году отецъ взялъ его изъ Тамбовской гимназіи и отвезъ въ Москву, въ тамошнюю 1-ю гимназію, гдѣ онъ кончилъ курсъ въ 1843 г. Писалъ по русски онъ тогда довольно исправно и перевелъ кое что изъ Мицкевича.

«Въ 1845 году, будучи студентомъ Московскаго университета, Н. В. Бергъ напечаталъ свое первое стихотвореніе въ «Москвитянинѣ», переводъ изъ шведскаго поэта Рунеберга: «Жалоба Дѣвы»; кажется въ томъ же году напечатаны были изъ «Пана Тадеуша»: «Лиса и облака». Потомъ какой-то отрывокъ прозой—переводъ изъ польскаго писателя І. Крашевскаго. Въ 1846 году переведена «Кроледварская рукопись» и напечатана въ «Московскомъ сборникѣ» Панова. Въ 1847 году — «Сербскія пѣсни». Потомъ печатались разныя мелочи, прозой и стихами.

«Въ 1849 году Н. В. Бергъ поступилъ на службу въ Московскую контору государств. коммерч. банка, былъ секретаремъ и помощникомъ бухгалтера. Въ 1853 году, перевелъ съ 28-ми языковъ народныя пѣсни, вышедшія въ Москвѣ годомъ позже, когда авторъ, увлеченный войною и разными обстоятельствами, уѣхалъ въ южную армію, въ главный штабъ, гдѣ служилъ сначала въ 4-мъ казначейскомъ отдѣленіи, завѣдуя наградами, а потомъ сдѣланъ переводчикомъ. Въ этомъ званіи участвовалъ въ защитѣ Севастополя и составилъ потомъ

Записки объ осадѣ Севастополя, которыя явились въ печати, вмѣстѣ съ его-же Севастопольскимъ альбомомъ въ 1858 году.

«Въ 1859 году Н. В. Бергъ отправился въ Италію на войну, былъ въ разныхъ штабахъ, французскомъ и итальянскомъ, и подъ конецъ у Гарибальди, въ отрядѣ Альпійскихъ стрѣлковъ (Cacciatori delli Alpi),—о чемъ составилъ Записки, напечатанныя въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1859 г.

«Въ 1860 г. Н. В. Бергъ уѣхалъ на Востокъ во время извѣстнаго столкновенія Друзовъ съ Маронитами; жилъ въ Бейрутѣ, въ Дамаскѣ, посѣтилъ Іерусалимъ, Саиду, Александрію, Каиръ, пирамиды и на самой большой (Хеопсовой) оставилъ свою надпись—тогда (1860 г.) первую на русскомъ языкѣ. Въ 1861 году воротился въ Россію и перевелъ значительную часть «Пана Тадеуша», что было потомъ напечатано въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1862 г. (около апрѣля мѣсяца). Послѣ этого Н. В. Бергъ снова уѣхалъ на Востокъ, жилъ въ Бейрутѣ, въ Дамаскѣ, въ Іерусалимѣ, написалъ объ этомъ нѣсколько статей, напечатанныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Нашемъ Времени», «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Въ 1862 году осенью уѣхалъ въ Россію, жилъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ и отсюда въ самомъ началѣ 1863 г., когда только что вспыхнуло польское возстаніе, отправился въ Варшаву, потомъ въ Краковъ и Львовъ. Велъ записки движенія поляковъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ и печаталъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Библіотекѣ для чтенія» П. Д. Боборыкина (1864), и позже, владѣя хорошими матеріалами, составилъ «Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ послѣ 1831 г.», которыя печатались въ «Русскомъ Архивѣ» (съ 1870 года) и потомъ вышли отдѣльной книгой [1]). Между 1865—1872 гг. Н. В. Бергъ кончилъ переводъ «Пана Тадеуша». Въ 1868 году Н. В. Бергъ поступилъ лекторомъ въ Главную школу, въ Варшавѣ, по предмету русскаго языка; позже въ университетъ. Въ 1874 году сдѣлался редакторомъ «Варшавскаго Дневника...»

Н. В. Бергъ.

„С.-Петербургъ. 3-го января 1875 года."
„Вновь посѣтилъ М. И. Семевскаго 2-го іюля 1877 г."

---

[1]) Вторая и обширнѣйшая половина труда Н. В. Берга о польской смутѣ 1863—1864 гг. напечатана въ „Русской Старинѣ" изд. 1879 г., томы XXIV—XXVI. Затѣмъ въ 1879—1884 гг. Н. В. Бергъ помѣстилъ нѣсколько различныхъ статей и замѣтокъ въ „Русской Старинѣ".

РУКОПИСИ АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВИЧА ПУШКИНА,

хранящіяся въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ [1]).

XIII.

№ 2376. Состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ тетрадей въ листъ, сшитыхъ и склеенныхъ изъ отдѣльныхъ листовъ.

А. Тетрадь въ оберткѣ, на которой написано: № 14. Отрывки въ стихахъ.—24 листа. Дубельтъ. Такъ и есть—**24** листа.

1_1—5_2, 20_1—24^2. Домикъ въ Коломнѣ. Черновыя, отличающіяся отъ печатнаго текста какъ варіантами, такъ и порядкомъ строфъ, который былъ нѣсколько разъ измѣняемъ поэтомъ. Тутъ мы находимъ въ текстѣ строфы, которыя были выпущены Пушкинымъ, впервыя напечатаны [невполнѣ] г. Анненковымъ, а послѣднимъ изданіемъ внесены въ текстъ на свои мѣста. Замѣтка Пушкина: «сіи октавы служили вступленіемъ къ шуточной поэмѣ уже уничтоженой» сдѣлана тутъ же съ боку на 24_2, около первыхъ строкъ XV строфы, которыми поэтъ захотѣлъ замѣнить первоначальную редакцію [2_1, см. ниже].—Листы должны быть читаемы въ такомъ порядкѣ: 1, 24, 2, 23_2 и т. д. Выписываю крупнѣйшіе варіанты и дополненія.

Въ первомъ стихѣ четвертой строфы зачеркнутый варіантъ.

У насъ война! (гвардейцы затяжные)...

Послѣ V строфы идетъ еще зачеркнутая:

Октавы трудны! взявъ уловку лисью
Сказать я-бъ могъ что киселъ виноградъ;
Мнѣ видно съ ними надъ Парнасской высью
Вѣкъ не бывать! Не лучше-ли назадъ
Скорѣй вести свою дружину рысью?

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1884 г., томъ XLI, февраль, стр. 413—436; мартъ, 647—662; томъ XLII, апрѣль, стр. 87—110; май, 325—354; іюнь, стр. 533—572, томъ XLIII, іюль, стр. 1—54; августъ, стр. 313—330; сентябрь, стр. 641—653.

Ужъ риѳмами кой какъ онѣ бренчатъ...
Кой какъ ужъ до конца октаву эту
Я дотянулъ. Стыдъ русскому поэту.
[Но возвратиться все-жъ я не хочу...]

и т. д.—Затѣмъ между VIII и IX строфой зачеркнуто:

Какъ рѣзвая покойница Жако
Александрійскій стихъ по всѣмъ суставамъ
Развинченъ, гнется, прыгаетъ легко
И высоко, какъ бѣлка по дубравамъ,
Ломается (проворно и) легко
На диво всѣмъ Парнасскимъ костоправамъ.
Они ворчатъ: уймется-ль негодяй?
Какой повѣса! экой разгильдяй!
[У насъ его недавно стали знать]...

и т. д.—строфа XV первоначально была написана такъ [см. выше]:

И тамъ копышутся себѣ въ грязи
Густой, болотистой, прохладной, клейкой,
Кто съ жабой, кто съ лягушкою въ связи
Кто ракомъ пятится, кто вьется змѣйкой...
Но, Муза, имъ и въ шутку не грози,
Не то тебя покроемъ тѣлогрѣйкой
Оборванной и вмѣсто похвалы
Поставимъ въ уголъ Сѣверной Пчелы.

Поэтъ измѣнилъ эту строфу, написавъ ее снова на 24_2 [гдѣ оставалось свободное мѣсто], какъ она и напечатана была г. Анненковымъ.

Послѣ XII строфы [2_2] помѣта: 5 октября, въ концѣ: 10 окт. 1830, Болдино.—Рисунки: на 4_2 на поляхъ фигура кухарки, держащей руки подъ фартукомъ; на 5_2—кухарка, брѣющаяся передъ зеркаломъ,—этотъ рисунокъ приложенъ къ матеріаламъ г. Анненкова.

6_1. Заглавный листъ:

Драматическія сцены.
1830.

Тутъ-же съ боку написано: драматическіе очерки, драматическія изученія, опытъ драматическихъ изученій.—Рисунки: латы, голова старика.—Факсимиле этого листа тоже приложено къ матеріаламъ г. Анненкова.

6_2—неписанная страница.

19_1—неписанная страница.

19_2—1. Октавы.
2. Скупой.
III. Салiери.
IV. Донъ-Гуанъ.
V. Plague.

Тутъ-же верхомъ внизъ рисунокъ: письменный столъ, полки съ книгами и голова сидящаго за столомъ человѣка; еще лицо.

7₁—18₂.—Русалка. Этотъ неконченный драматическій отрывокъ былъ впервые напечатанъ уже по смерти Пушкина. Подлинникъ написанъ чернилами съ карандашными поправками. Издатели держались карандашныхъ поправокъ, тамъ, гдѣ онѣ кончены и разборчивы. Только въ одномъ мѣстѣ они почему-то предпочли зачеркнутую редакцію; въ концѣ первой сцены, въ словахъ дочери сначала было:

Змѣею подколодной онъ меня
Не жемчугомъ опуталъ...

такъ и напечатано [стр. 261], но поэтъ карандашомъ поправилъ такъ:

Змѣей, змѣею онъ меня.

Изъ мѣстъ, зачеркнутыхъ карандашемъ и потому не вошедшихъ въ печатный текстъ, приведу главнѣйшія:

Признаніе князя [255 adf.] начиналось такъ:

Отъ сокола (не скрыться вороненку,
Отъ глазъ любви душѣ не утаиться),
Я не хочу...

Въ слѣдующемъ монологѣ князя, послѣ стиха:

Ничто бѣды не можетъ миновать

зачеркнуты карандашемъ два стиха:

(Кто разъ сказалъ: я счастливъ, тотъ ужъ вѣдай,
Что близокъ, близокъ счастію его конецъ!)

Въ третьей сценѣ, въ разговорѣ мамки съ княгиней встрѣчаемъ еще слѣдующее, зачеркнутое мѣсто [см. III. 267, adf.]:

. . . . Подумай.
Ну въ комъ ему найдти, какъ ни въ тебѣ
Сокровища такого?

(Княгиня.

Я слыхала,
Что будто бы до свадьбы онъ любилъ
Какую-то красавицу, простую
Дочь мельника.

Мамка.

Да, такъ и я слыхала
Тому давно, годовъ ужъ пять и больше;
Но дѣвушка, какъ слышно, утопилась,
Такъ нечего объ ней и поминать.

Княгиня.
Ужъ одну любилъ онъ да покинулъ,
Такъ и меня покинуть можетъ).

Поставленное въ скобкахъ зачеркнуто чернилами и сейчасъ-же какъ было написано: поэтъ непосредственно послѣ зачеркнутаго начинаетъ иначе отвѣтъ княгини на успокоительныя слова мамки:

Княгиня.
Когда-бъ услышалъ Богъ мои молитвы

—и т. д.—На 18_2 находимъ программу сценъ въ Русалкѣ:

Мельникъ и его дочь.
Свадьба.
Княгиня и мамка.
Русалки.
Князь, старикъ и русалочка.
Охотники.

Б. Вторая тетрадь, на оберткѣ [опекунская] надпись: № 15 отрывки въ стихахъ, — надпись, какъ и въ предыдущей тетради, несоотвѣтствующая содержанію тетради; затѣмъ тутъ-же: «61 листъ. Дубельтъ». На самомъ дѣлѣ всѣхъ листовъ **56**, такъ какъ 8 листа нѣтъ, а листы **42**, **43**, **46** и **60**—бѣлые.

Тетрадь эта составлена изъ отдѣльныхъ листовъ, такъ что теперь читать ихъ приходится не въ порядкѣ нумераціи.

Сначала идетъ «Каменный Гость». $\mathbf{4}_1$. Заглавный листъ—

Каменный гость.

тутъ-же эпиграфъ—II. 333.—4_2—бѣлая страница. Самая піэса занимаетъ листы въ такомъ порядкѣ: **1**, **61**, **2**, **3**, **59**, **58**, **5**, **57**, **6**, **56**, **7**, **55**, **9**, **54**.—Такъ какъ эта піэса была напечатана послѣ смерти Пушкина, то я укажу отличія печатнаго текста отъ рукописи, вѣрнѣе сказать ошибки. Г. Анненковъ для своего изданія свѣрялъ піэсу по подлиннику, при чемъ сдѣлалъ самое подробное сравненіе рукописи съ текстомъ альманаха «Сто русскихъ литераторовъ» и съ текстомъ въ посмертномъ собраніи сочиненій; мелочность сравненія доходила до того, что г. Анненковъ счелъ «любопытными» ороографическія ошибки предшествовавшихъ издателей, или, какъ онъ выражается, «три разныя редакціи одного глагола»: у Пушкина—придти, а у издателей прійти и притти. Не смотря на эту излишнюю подробность сравненія печатнаго текста съ подлинникомъ, г. Анненковъ оставилъ безъ

поправки нѣсколько существенныхъ ошибокъ своихъ предшественниковъ, ошибокъ, перешедшихъ поэтому и во всѣ послѣдующія изданія. Укажу ихъ.

Въ первой сценѣ, почти въ началѣ, въ словахъ Лепорелло одинъ стихъ напечатанъ такъ:

Въ плащѣ, со шпагою подъ мышкой, въ маскѣ.

У Пушкина стихъ этотъ первоначально былъ написанъ:

Въ плащѣ (и шляпѣ съ перьями, при шпагѣ),

затѣмъ большая часть стиха [слова въ скобкахъ] зачеркнута, а сверху некончена поправка:

Со шпагою подъ мышкой и...

Если ужъ дополнять неконченную поправку, то надо вставить: въ шляпѣ, а никакъ нельзя вставлять въ маскѣ, слово, котораго нѣтъ совсѣмъ у Пушкина.—Обращеніе къ Лепорелло [334]:

Вотъ видишь-ли, мой милый Лепорелло...

исправлено такъ:

Вотъ видишь-ли, мой глупый Лепорелло...

Воспоминая объ Инезѣ, Донъ-Жуанъ, въ печатномъ текстѣ, говоритъ [335]:

Въ іюлѣ... ночью. Чудную пріятность...

у Пушкина написанъ этотъ стихъ такъ:

Въ іюлѣ ночью... Странную пріятность...

Пушкинъ было зачеркнулъ странную и надписалъ дивную, но потомъ снова возстановилъ странную. Слова чудную совсѣмъ нѣтъ въ рукописи.—Послѣдній стихъ первой сцены напечатанъ:

...Мнѣ съ нимъ возиться! Право, силъ ужъ нѣтъ!

Въ рукописи послѣднія слова:

...Право, нѣтъ ужъ силъ!

Печатная редакція взята изъ зачеркнутаго Пушкинымъ мѣста. [Страница, гдѣ находится конецъ первой сцены—2₃—воспроизведена въ Альбомѣ Пушкинской выставки, при стр. 126; тутъ-же читатель увидитъ и рисунокъ, находящійся на этой страницѣ: испанецъ, завернутый въ плащъ, въ широкополой шляпѣ, при шпагѣ, на право дерево, на лѣво вдали группа строеній].

Во второй сценѣ, послѣ пѣнія Лауры, восхищенные гости восклицаютъ, по печатному тексту [стр. 340]:

О, bravo! bravo! чудно! безподобно!

между тѣмъ у Пушкина въ рукописи правильно въ женскомъ родѣ:

О, brava! brava! чудно! безподобно!

Въ самомъ почти концѣ второй сцены Донъ-Жуанъ говоритъ, по печатному тексту [стр. 346]:

Нѣтъ. А сколько разъ,
Скажи, ты мнѣ успѣла измѣнить
Въ моемъ отсутствіи?

Въ рукописи [58₂]:

(Милая плутовка!)
А сколько разъ ты измѣняла мнѣ
Въ моемъ отсутствіи?

Потомъ «Милая плутовка»—зачеркнуто и сверху надписано: «А признайся».

Въ концѣ третьей сцены [362] слова Доны-Анны въ рукописи переставлены: пора поди.—Мелкія особенности рукописи были уже указаны г. Анненковымъ, также и то, что одинъ монологъ Донъ-Жуана въ послѣдней сценѣ въ полной рукописи не находится, а написанъ на отдѣльномъ листочкѣ, который въ настоящее время находится въ № 2377.—Приведу еще два стиха, зачеркнутые Пушкинымъ и не вошедшіе поэтому въ печатный текстъ. Въ третьей сценѣ, послѣ словъ Доны-Анны—«Оставь меня»—[359] слѣдовало еще:

ДОНЪ ЖУАНЪ.

(О какъ она прекрасна) въ этомъ видѣ!
(Въ лицѣ томленье, взоръ полузакрытъ,
Волненье груди, блѣдность этихъ устъ...)
[цѣлуетъ ее] [1]).

ДОНА-АННА, [слабо] [1]).

Ты, ты мнѣ врагъ... и т. д.

На 54₁—помѣта: 4 ноября 1830, Болдино.

За Каменнымъ гостемъ идетъ Мѣдный Всадникъ, переписанный писцомъ съ оригинала, находящагося въ № 2375;—поправки Пушкина и Жуковскаго описаны у г. Бартенева, стр. 198 и 199.—Мѣдный Всадникъ занимаетъ тутъ листы **10—16, 47—53.**

На л. 17₁, раздѣленномъ на два столбца, на правомъ столбцѣ на-

---

[1]) [Скобки Пушкина].

писано нѣсколько строкъ по испански, не представляющихъ особаго интереса; на лѣвомъ то же во французскомъ переводѣ; все—карандашомъ.—17₁—неписанная страница.

18 и 19, 44 и 45.

Сказка.

О попѣ и о работникѣ его Балдѣ.

Обращеніе Балды къ попу сначало было написано такъ:

(Говоритъ попу: здравствуй, борода!)
Чего ты, батька, (взыскался),
Что такъ рано (на ноги) поднялся.

Въ исправленномъ видѣ, по моему, точнѣе, кажется, было бы такъ:

(Говоритъ попу: здравствуй борода!)
Что ты, батька, такъ рано поднялся
Чего ты взыскался?

Стр. 236:

Поймалъ двухъ зайковъ, да въ мѣшокъ

Стр. 288,—л. 45₁—съ боку вставленъ стихъ:

Черти стали въ кружокъ...

Слѣдующій стихъ исправленъ:

Дѣлать нечего—собрали полный оброкъ.

На той-же страницѣ:

Съ перваго щелка

и т. д. вездѣ—щелка.—III. 233. Помѣта: 13 Сент.

На **45₂** рисунокъ: Балда гладитъ зайца, сидя на берегу; передъ нимъ стоитъ чертенокъ; этотъ рисунокъ приложенъ при Матеріалахъ г. Анненкова—1855 г., но безъ изображенія чертенка; при изданіи тѣхъ-же Матеріаловъ 1873 г.—вполнѣ.

20—40. Тетрадь въ форматѣ большаго почтоваго листа, водяной знакъ: «А. Гончаровъ 1830».—Собственноручная рукопись «Мѣднаго Всадника», чьи-то отмѣтки карандашомъ.

41.—Вложенный синій листъ,—писарскою рукою—примѣчанія къ Мѣдному Всаднику.—Концы нитокъ припечатаны жандармскою печатью краснаго сургуча.

В. III тетрадь. На оберткѣ [опекунская] надпись: № 16. Отрывки въ стихахъ; тутъ-же: «22 листа. Дубельтъ»; но 17, 18 и 19 листы—неписанные, такъ что всего листовъ—**19.**

1 и 22—[синій листъ, съ водянымъ знакомъ 1825]. Клеопатра—II. 14; печатный текстъ, но не весь,—кончается стихомъ:

Глава счастливцевъ отпадетъ.

—Вар.:

И грустный взоръ остановила
Царица гордая на немъ.

—22_2—неписанная страница.

2_1 и 2_2 21_1 и 21_2. Черновая сказка о золотой рыбкѣ. Въ концѣ (21_1) помѣта:

14 окт. 1833.
Болдино.

—

18-я пѣсня сербская.

—На бумагѣ водяной знакъ: 1829 г.

3_1, 3_2 и 20_1 [опять вод. знакъ—1829].

Стамбулъ гяуры нынче славятъ

—II. 301.—Помѣта сверху: 17 октября 1830 года, передъ разб. ст.—Одинъ стихъ [с. 302] читается иначе, чѣмъ напечатанъ:

Тогда насъ буря долу гнула...

Послѣ стиха:

Былъ духомъ гнѣва обуянъ

—поставлены ***, т. е. Пушкинъ предполагалъ продолжать піэсу.

20_2—неписанная страница.

4_1—Водяной знакъ: 1830.—Сверху черновой набросокъ изъ заключенія «Моей Родословной». Я нѣсколько остановлюсь на немъ. Мнѣ не разъ уже приходилось указывать, какъ Пушкинъ записывалъ однѣ риѳмы въ неконченныхъ еще стихахъ, но я еще не разу не отмѣтилъ другой часто повторяющейся особенности черновыхъ нашего поэта, особенности, указывающей такъ же, какъ и риѳмы въ неконченныхъ стихахъ, на обдуманную, продолжительную работу надъ стихами у того поэта, который былъ, какъ извѣстно, способенъ и къ легкимъ экспромтамъ. Въ предисловіи я уже указалъ, какъ надо объяснять записываніе однѣхъ риѳмъ; подобное-же объясненіе должно быть приложено и къ той особенности, о которой сейчасъ будетъ рѣчь. Пушкинъ смотрѣлъ на поэзію не какъ на забаву, строго обдумывалъ свои произведенія, многократно ихъ передѣлывалъ: примѣровъ этому мы видѣли множество. Перехожу къ данному наброску. Первоначально онъ былъ написанъ такъ:

И былъ отецъ онъ Ганнибала
Кто плылъ   средь пучинъ
Когда луна рога склоняла
Предъ кѣмъ   Наваринъ.

Мы видимъ, что тутъ еще у Пушкина не готовы вторая и четвертая строчки: онъ оставилъ пробѣлы для недостающихъ словъ, но не воспользовался этими пробѣлами, и надписалъ сверху:

Надъ вторымъ стихомъ—

Что въ......... [1]) средь пучинъ

надъ третьимъ:

Предъ кѣмъ луна рога склоняла

на послѣднемъ:

И палъ впервые Наваринъ.

Извѣстно, что для окончательной редакціи стихи эти были снова измѣнены—II. 300.

На этой же страницѣ (4), черновой набросокъ:

Мы рождены, мой другъ названый,
Подъ одинакою звѣздой
(Киприда, Фебъ и Вакхъ румяный)
[Играли] нашею судьбой.
Явилися мы рано оба
На Иподромъ, а не на торгъ,
Вблизи Державинскаго гроба,
И шумный встрѣтилъ насъ восторгъ.

Далѣе еще много, разбираю отдѣльныя слова.

4_2—Неписанная страница.

5_1 и 5_2. Черновая сказка объ медвѣдицѣ—II. 10.—Г. Анненковъ сообщилъ текстъ не вполнѣ точно; такъ третій стихъ въ рукописи:

Что изъ лѣсу, изъ лѣсу изъ дремучаго.

шестой стихъ:

Погулять, посмотрѣть, себя показать.

Далѣе находимъ одинъ стихъ въ такомъ видѣ:

Я сама мужику .... выѣмъ

—слово брюхо вставлено самимъ г. Анненковымъ, чего онъ не обозначилъ. Слѣдующіе два стиха читаются такъ:

Медвѣжатушки испугалися
За медвѣдиху бросалися...

[1]) Слово неразобрано.

Въ причитаньяхъ овдовѣвшаго медвѣдя г. Анненковъ неизвѣстно почему пропустилъ два совершенно разборчивыхъ стиха:

Ахъ ты свѣтъ моя медвѣдиха,
На кого меня покинула
Вдовца несчастнаго
Вдовца горемычнаго?
Ужъ какъ мнѣ—и т. д.

Также и въ концѣ выпущены два стиха, которые Пушкинъ поставилъ въ скобки, но не зачеркнулъ:

...Зайка бѣдненькой, зайка сѣренькой!
(Приходилъ байбакъ тутъ глумянъ,
Живетъ онъ, байбакъ, позади гумянъ),
Приходилъ цѣловальникъ—и т. д.

6₁—Неписанная страница (въ четверку).

6₂—Карандашъ:

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ

—III. 393;—первыя 8 строкъ; сверху поставлена NB.

7, 8, 15, 19, 14, 10, 13, 11, 12, 16—«Скупой Рыцарь».—Въ Альбомѣ Пушкинской выставки воспроизведены фотолитографически—7 —заглавный листъ;—7₂—двѣ зачеркнутыя строки, варiантъ начала [на всей страницѣ только и есть эти двѣ строки] и 8₁—первая страница текста.—Бумага съ водяными клеймами: 1829 и 1830.—На 12₁—красная печать.

XIV.

№ 2377. Состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ тетрадей.

А. Первая тетрадь, изъ отдѣльныхъ листовъ; на оберткѣ [опекунская] надпись: № 17. Отрывки въ стихахъ и прозѣ; тутъ же: «51 листъ. Дубельтъ». На самомъ дѣлѣ листовъ **48.**—Листы лежатъ не въ порядкѣ нумеровъ, да и тутъ нѣтъ всѣхъ нумеровъ подрядъ, и есть листы безъ нумера, то я описываю ихъ въ томъ порядкѣ, какъ они находятся теперь.

1) Синiй листъ въ четыре страницы [2 листа], вырванный изъ тетради; карандашомъ цифра 4, красными чернилами 3 и 49.—Лицейская годовщина [III. 413] 1836-го года. Есть поправки; окончательный текстъ, какъ напечатано; только послѣднiе строки читаются иначе:

И новый царь, суровый и могучiй [1])
На рубежѣ Европы бодро сталъ,
И надъ землей сошлися новы тучи
И ураганъ ихъ...

---

[1]) Зачеркнуто: стражъ, бодрый и могучiй.

Тутъ-же карандашныя поправки [Жуковскаго?]

...безстрашный и могучій
И надъ землей скопились снова тучи...

2) Два полулиста, вложенные одинъ въ другой, красныя цифры: 24, 25, 26, 27; карандашныя: 5, 6, 7; первыя двѣ страницы бѣлыя [3 листа].—На 26—красная жандармская печать съ обрѣзанными нитками.—На бумагѣ водяной знакъ: 1831.—Черновое начало повѣсти [IV. 432], впервые сообщенное г. Бартеневымъ, но несовсѣмъ точно. Такъ, онъ напечаталъ [433]:

«На Кавказъ! Стало быть Москва надоѣла. Впервой отъ роду правду сказали, а не вѣрила...»

Въ подлинникѣ: На Кавказъ! Стало быть, Москва впервой отъ роду правду сказала, а я не вѣрила...

Г. Бартеневъ вставилъ отъ себя слово надоѣла, и совершенно напрасно.—Тутъ-же, далѣе у Бартенева: Что за карета! игрушечка, заглядѣнье! а въ рукописи: игрушка, заглядѣнье.—Еще на стр. 434: Ну, прости-же, Катерина Петровна... а въ рукописи: Ну, простимся-же.

3) Почтовый листъ большаго формата [2 листа]. Карандашныя цифры 4 и 4; красныя: 4 и 48.—Водяной знакъ—1834.

Однажды странствуя среди долины дикой

—и т. д.—III. 310; поправки, какъ въ печатномъ;—первые три отдѣла и двѣ строки IV.—На 48_2 списокъ сочиненій:

Изъ Bunyan [III. 310].
Кладбище [III. 410].
Мнѣ не спится [II. 303].
Молитва.
Сосны [III. 404].
Осень въ деревнѣ [II. 278].
Недорого цѣню [III. 409].
Зачѣмъ ты бурный Аквилонъ [I. 416].
Послѣдняя туча [III. 400].

—До сихъ поръ переводъ изъ Bunyana относили къ 1833 г. [на рукописи кто-то изъ издателей отмѣтилъ карандашомъ 1833], а онъ написанъ на бумагѣ 1834-го года; до насъ дошло два только подлинника [см. слѣдующіе листы], оба съ клеймами 1834.—Въ этомъ спискѣ сочиненій, мы думаемъ, Пушкинъ заглавіемъ Сосны обозначалъ ту піэсу, которую мы теперь называемъ произвольно—Опять на родинѣ; [никакого другого стихотворенія, къ которому бы подходило названіе Сосны, мы не знаемъ].

Рисунокъ: мужское лицо.

4) Полъ-листа [1 листъ]. Красная цифра 6; одна сторона бѣлая. Четвертая строфа предыдущаго—III. 311 и 312.—Какія-то вычисленія; рисунки: два женскіе абриса.

5) Въ четверку, вырванное полъ-листа, приклеена половина листа большаго почтоваго формата: 3 листа, водяной знакъ—1834.—Карандашныя цифры—5, 6, 5; красныя: 5, 46, 47. Опять Странникъ—III. 310; отличія отъ печатнаго.—Первоначально первые стихи были:

Въ великой гордости жилъ нѣкій человѣкъ,
Въ безпечной суетѣ проведшій цѣлый вѣкъ.

Потомъ эти строки зачеркнуты и на нихъ нарисованы вѣтки, окружающія заглавіе.—Рисунокъ: женская и мужская фигуры.

6) Полъ пищаго листа, сложеннаго въ четвертку; — карандашныя цифры—6 и 6, красныя—6 и 45. [2 листа]. Родригъ. На Испанію родную—III. 243.—Чернова. Тутъ-же программа: Родригъ спасается въ пещерѣ одинъ. Его сны, искушенія. — Рисунки: двѣ фигуры, всадникъ.

7) Почтоваго большаго формата полъ-листа; сложено въ четвертку: 2 листа. Карандашомъ: 7, красными чернилами: 7, 44.—Опять: На Испанію родную—III. 243, съ поправками, какъ напечатано. На $4^1/_2$—только два зачеркнутыхъ слова верхомъ внизъ: Барклай де Толи.

8) Такой-же сложенный листокъ: 2 листа. Карандашъ: 8 и 8, красныя: 8 и 43. Водяное клеймо: 1832. Продолженіе Родриго—III. 244—до конца.

9) Почтовый листъ большаго формата, писанная одна страница; водяной знакъ—1830; тутъ-же приклеена синяя восьмушка [всего 2 листа]. Цифры: 9 и 9, 9 и 42.—Отрывокъ изъ Родрига: Отъ полей кровавой битвы—III. 245.—Тутъ-же—Не дай мнѣ Богъ...—III. 351.—Отличія отъ печатнаго: шестой куплетъ переставленъ вмѣсто пятаго, въ пятомъ первый стихъ: И силенъ, воленъ былъ-бы я.

10) Два почтовыхъ листа большаго формата, [4 листа]; водяной знакъ—1830. Цифры: 10, 10. Первая страница заглавіе:

Осень.
(Отрывокъ [1]).
1883.
Болдино.

—II. 278.

11) Полъ-листа, сложенные въ четверку—[2 листа]. Цифры: 12, 12 и 12, 39.—Лицейская годовщина 1831.—III. 202. Поправки какъ въ печатномъ; только въ 4-й строфѣ послѣдняя строчка: И надо всѣми мы рыдали; въ 5-й строфѣ, стихъ шестой: Пировъ и гор-

---

[1]) Скобки Пушкина.

дыхъ помышленій,—а сверху карандашная поправка: чистыхъ. — Заключительная строфа. — Помѣта: 19 окт. 1831; и подпись А. П.— На 39' карандашомъ записанъ адресъ: У Знаменскаго моста, въ домѣ купца Гусева, столяръ Бѣляевъ.

12) Синей почтовой бумаги полъ листа; сложено вдвое—2 листа. Цифры—13, 13 и 13, 38.

...Вновь я посѣтилъ...

и т. д., до: И обо мнѣ вспомянетъ.—III. 404—406. Поправки и отличія:

—Вотъ опальный домикъ...

Далѣе:

Зеленая семья кругомъ тѣснится.

— Помѣта: 26-го Сентября 1833. [NB. Ср. 2384, 30_2, гдѣ по содержанію тетради пьэсу тоже слѣдуетъ отнести къ 1833 г.].

13) Почтовый листъ большаго формата и приклеенная узкая полоса, оторванная отъ письма какого-то «раба» Калашникова. — [Всего 3 листа]—Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ.—III. 394,—поправки, какъ въ печатномъ.—Тутъ же: Maria Schonning et Anna Harlin; jugées en 1787 à Nürenberg—IV. 442—444.

14) Полъ-листа сложенные: 2 листа. Цифры—18, 18 и 18, 33.— «Анна Г. къ Марьи Ш.» 25 апр. W.—IV. 444—445. Впервые напечатанъ по смерти Пушкина, но не вездѣ точно. Оставляя въ сторонѣ мелкія неточности, приведу приписку, совершенно пропущенную издателями: (Каролина Герцъ), мать нашего пастора, совѣтуетъ ему употреблять вмѣсто чаю красный без . . . . ., цвѣтокъ очень обыкновенный. Я отыскала и латинское его названіе; всякій аптекарь тебѣ укажетъ его.

15) Большой почтовый листъ, водяной знакъ: 1832. — Цифры: 19, 19 и 19, 32, и приклеенная восьмушка, — 3 листа. Въ 32 листѣ сверху край обрѣзанъ.—Марья Ш. къ Аннѣ Г. 28 Апрѣля.—IV. 445. Опять не вездѣ точно.

16) Полулистъ, сложенный вдвое. Цифры—20, 20 и красныя—20, 31.—2 листа.—Посмертные издатели напечатали два предшествовавшихъ письма, оставили въ сторонѣ еще третье письмо и отрывокъ изъ той-же исторіи Маріи Шонингъ. Ни г. Анненковъ, ни г. Бартеневъ не обратили вниманія на этотъ пропускъ.

Марія Ш. къ Аннѣ Г.

Милая Анна! Вчера пришелъ ко мнѣ чиновникъ и объявилъ, что все имѣніе покойнаго отца моего должно продаваться съ публичнаго торгу въ пользу городовой казны за то, что онъ былъ обложенъ не по состоянію и что по описи имѣнія оказался онъ гораздо богаче, нежели думали. Я тутъ ничего не понимаю. Въ послѣднее время мы

очень много тратили на лѣкарство, у меня всего на расходъ осталось 23 таллера. Я показала ихъ чиновникамъ, которые однакожъ сказали, чтобъ я деньги эти взяла себѣ, потому что законъ ихъ не требуетъ. Домъ нашъ будетъ продаваться на будущей недѣлѣ, и я не знаю, куда мнѣ дѣться. Я ходила къ г. Бургмейстеру,—онъ принялъ меня хорошо, но на мои просьбы отвѣчалъ, что онъ ничего не можетъ для меня сдѣлать. Не знаю, куда мнѣ опредѣлиться. Если нужна тебѣ служанка, то напиши мнѣ; ты знаешь, что я могу тебѣ помогать въ хозяйствѣ и въ рукодѣліи, а сверхъ того буду смотрѣть за дѣтьми и за Франкомъ, если онъ занеможетъ. За больными ходить я научилась. Пожалуйста, напиши, нужна-ли я тебѣ. Я увѣрена, что отношенія наши не мало не перемѣнятся, и что ты будешь для меня все та-же добрая и снисходительная подруга.

17) Почтовый листъ большаго формата—[2 листа]. Цифры — 21, 21 и красныя 21, 30. Упомянутый отрывокъ изъ исторіи Маріи Шонингъ, доселѣ не напечатанный; онъ служитъ какъ-бы непосредственнымъ продолженіемъ предыдущаго письма Маріи.

«Домикъ стараго Шоннинга полонъ былъ народу. Толпа тѣснилась около стола, за которымъ предсѣдательствовалъ оцѣнщикъ. Онъ кричалъ: байковый камзолъ съ мѣдными пуговицами ** [столько-то]. Разъ, два... Никто болѣе—байковый камзолъ **—три. Камзолъ перешелъ въ руки новаго своего владѣльца.

Покупщики осматривали съ хулой и любопытствомъ вещи, выставленныя на торгъ. Фрау Ротберхъ разсматривала черное бѣлье, невымытое послѣ смерти Шоннинга; она теребила его, отряхивала и повторяла: дрянь, ветошь, лохмотья, и надбавляла по грошамъ. Трактирщикъ Гирцъ купилъ двѣ серебрянныхъ ложки, полъ дюжины салфетокъ и двѣ фарфоровыя чашки. Кровать, на которой умеръ Шоннингъ, куплена была Каролиной Шмидтъ, дѣвушкой сильно нарумяненой, виду скромнаго и смиреннаго [sic].

Марія, блѣдная какъ тѣнь стояла тутъ-же, смотря на расхищеніе бѣднаго своего имущества. Она держала въ рукѣ ** талеровъ, готовясь купить что нибудь, и не имѣла духа перебивать добычу у покупщиковъ.

Народъ выходилъ, унося пріобрѣтенное. Оставались непроданными два портрета въ рамахъ, нѣкогда вызолоченныхъ, засиженныхъ мухами. На одномъ изображенъ былъ Шоннингъ, молодымъ человѣкомъ въ красномъ кафтанѣ, на другомъ Христина, жена его, съ собачкою на рукахъ. Оба портрета были нарисованы рѣзко и ярко. Гирцъ хотѣлъ купить и ихъ, чтобы повѣсить въ угольной комнатѣ своего трактира, потому что стѣны были слишкомъ голы. Портреты оцѣнены были въ **. Гирцъ вынулъ кошелекъ.

Въ это время Марія превозмогла свою робость и дрожащимъ голосомъ надбавляла цѣну. Гирцъ бросилъ на нее презрительный взглядъ

и началъ торговаться. Мало по малу цѣна возросла до ***. Марія дала наконецъ ***, Герцъ отступился, и портреты остались за нею. Она отдала деньги, остальныя спратала въ карманъ, взяла портреты и вышла изъ дому, не дождавшись конца аукціона.

Когда Марія вышла на улицу съ портретомъ въ каждой рукѣ, она остановилась въ недоумѣніи; куда ей было идти?...

Молодой человѣкъ въ золотыхъ очкахъ, (одѣтый съ нѣкоторою) странностію, подошелъ къ ней и очень вѣжливо вызвался отнести портреты, куда ей будетъ угодно.

— Я очень вамъ благодарна... я право не знаю... И Марія думала, куда бы ей отнести портреты покамѣсть она сама безъ мѣста.

Молодой человѣкъ подождалъ нѣсколько секундъ и пошелъ своею дорогою, а Марія рѣшилась нести портреты къ лѣкарю Кельцу...

18) Два листа почтовой бумаги большаго формата, одинъ въ другомъ. Цифры карандашныя: 1, 2, 3, 4;—красныя: 22, 23, 28, 29.— [4 листа].—Черновой отрывокъ изъ «Мыслей на дорогѣ», изъ описанія Москвы—V. 196.—На 29» программа:

Чтò была Москва?
Мнѣніе Екатерины.
Чтó Москва теперь?
Отчего сіе происходитъ?
Чѣмъ Москва еще держится?
Что изъ нея будетъ?
Сравненіе Москвы съ Боярствомъ.
(Литература). Московскій Университетъ.
Горе отъ Ума.

—Рисунки: лицо, летучія мыши.

19) Почтовый листъ большаго формата. Цифры: 2, 2, красныя— 2, 50. Ненапечатанная замѣтка объ азбукѣ: — Буквы, составляющія славянскую азбуку, не представляютъ никакого смысла. Азъ, буки, вѣди глаголъ, добро etc., суть отдѣльныя слова, выбранныя для начальнаго ихъ звука. У насъ Грамотинъ первый, кажется, вздумалъ составить Апоѳегмы изъ нашей азбуки. Онъ пишетъ: первоначальное значеніе буквъ, вѣроятно, было слѣдующее; Азъ Букъ (или Бугъ! [1]) вѣдю, т. е. я Бога вѣдаю (!), глаголю добро есть; живетъ на землѣ, кто и какъ люди мыслитъ; нашъ онъ покой рцу. Слово (Λόγος) твержу... (и прочая, говоритъ Грамотинъ); вѣроятно, что въ прочемъ не могъ уже найти никакого смысла. Какъ это все натянуто! Мнѣ гораздо болѣе нравится трагедія, составленная изъ азбуки французской. Вотъ она:

[1]) Скобки эти и дальше во всей замѣткѣ—Пушкина.

ENO ET IKAËL.

Tragedie.

Personnages:

Le prince Eno.
La prince Ikaël, amante de prince Eno.
L'abbé Pécu, rival de prince Eno.
Ixe, Igrec, Zede — garde du Prince Eno.

Scéne unique:

Le prince Eno, la princesse Ikaël, l'abbé Pécu, Gardes.

ENO.

Abbé! cedez...

L'ABBÉ.

Eh! f....

ENO (mettant la main sur sa hache d'arme).

J'ai hache!

IKAËL (se jetant dans les bras d'Eno).

Ikaël aime Eno (ils s'embrassent avec tendresse).

ENO (se retournant vivement).

Pécu est resté? Ixe, Igrec, Zede! prenez m-r l'Abbé et jetter le par les fenaitres.

20) Листъ въ четыре страницы; цифры: 1,1 и красныя: 1,51.—[2 листа]. Замѣтки о принадлежностяхъ и пріемахъ соколиной охоты [V. 138]. Г. Анненковъ напечаталъ только часть этихъ замѣтокъ и притомъ не вполнѣ точно. [Мат., 255]. Выписываю все подрядъ.

Семеновской потѣшной дворъ.

Свѣтлица для выдерживанія птицъ.

Челигъ—самецъ, дикомыть—самка.

Оленья перчатка.

Обносцы—ремешки оленьи съ краснымъ сукномъ.

Кречетъ больше и сѣрѣе сокола. Соколъ посизѣе.

До́лжникъ—въ два аршина ремень сыромятный.

Вабилъ, свабило—гусиныя крылья съ сырымъ мясомъ для вабки.

Ша́лгачъ—мѣшокъ для живой птицы, [на ремнѣ].

Пущенная птица—для обученія сокола.

Дербинички напущаютъ попарну — одинъ снизу, другой сверху (дермлички) [1]).

Колокольчикъ привязанъ къ ногѣ, коли соколъ отбудетъ, то начинаетъ чесаться etc.

Дермлички съ кречетомъ, копчикъ съ соколомъ.

Вертлугъ желѣзный—на чемъ вертится вабило.

Помычки—ловчіе крестьяне.

Стулъ—гдѣ сначала сидятъ кречеты.

Талунбасы—родъ барабана для пуганья птицъ.

Помцы } сѣти.
Тайникъ }

Съ благовѣщенія [2]) ихъ подымаютъ, т. е. на руки берутъ, до Петрова дня (учатъ). Учатъ сокола, заструнивъ носъ воронѣ. Соколъ бьетъ ее когтями, за голову носомъ глотку— .... добудетъ—(грачей, галокъ, воронъ, голубей, утку).

Вечеровое поле.

Зарьялъ, зарьяелъ—отъ зноя утомился.

Юрчакъ—конвульція, корчь—болѣзнь сокола.

Чины: Ястребникъ.
Сокольникъ—унт. оф.
Кречетникъ.

Начальники: Статейничій, главный.
Подъ-статейничій.
Секрет.: Расходчикъ.

—На 51, Е. Тимоѳ. Посолской 788.
Подолской.

21) Полъ пищаго листа. Черными чернилами: 39. Былъ сложенъ вдвое, то что—2 листа.—Чернякъ изъ Полтавы,—факсимиле въ Матеріалахъ г. Анненкова.

22) Синій полулистъ почтоваго малаго формата — [1 листъ], безъ нумера. Ненапечатанныя замѣтки о Камчаткѣ, отчасти программа, отчасти начало статьи.

Сибирь уже была покорена. Прикащики услыхали о Камчаткѣ и...

Описаніе Камчатки.

Жители оной.

Ѳедоръ Ночевщикъ.

Атласовъ, завоеватель Камчатки.

---

[1]) Скобки Пушкина.

[2]) Все послѣдующее пропущено г Анненковымъ.

Завоеванie Сибири совершилось постепенно. Уже всѣ, отъ Лены д Алодари, рѣки, впадающiя въ Ледовитое море, были открыты казаками, и дикiя племена, живущiя на ихъ берегахъ или кочующiя по тундрамъ сѣвернымъ, были уже покорены смѣлыми сподвижниками Ермака. Явились смѣльчаки, сквозь неимовѣрныя препятствiя и опасности, устремившiеся посреди враждебныхъ и дикихъ племенъ, приводили [ихъ] подъ высокую царскую руку, налагали на нихъ ясакъ и безстрашно селились между ними въ своихъ мелкихъ острожкахъ.

23) Небольшой обрывокъ, кр. цифра 8.—1 листъ.—Отрывокъ изъ Каменнаго гостя; монологъ Донъ-Жуана, недостающiй въ текстѣ пiесы—№ 2376.

Не правда-ли онъ былъ описанъ вамъ...

и т. д.—II. 360 и 425.

Б. Вторая тетрадь, оборванная, безъ начала 10 листовъ. Вся по французски. — Замѣтки изъ исторiи Францiи до 1355 г.; затѣмъ выписки изъ Journal des Debats, 1 juillet 1831 и изъ Journal de France 5 juillet 1831. Въ концѣ слѣдующая выписка изъ B. Constant: La pairie est un corps qui le peuple n'a pas le droit d'elire et que le gouvernement n'a pas le droit de dissoudre.

В. Третья тетрадь, отдѣльные листы разныхъ форматовъ; всѣхъ листовъ 74, изъ нихъ 5 ненумерованныхъ. Водяные знаки [не вездѣ]: 1830, 1831, 1834.—Table talk. Почти все напечатано, большею частью въ отдѣлѣ анекдотовъ, но тутъ-же есть и напечатанное въ отдѣлѣ «Мысли и Замѣчанiя», а также замѣтки о Шекспирѣ — V. 190.— Оставляю въ сторонѣ мелкiя отличiя отъ печатнаго текста.

Дополненiя: ...Глупецъ восхищается романомъ Дюкре-Дюмениля или исторiей г. Полевого, и на него смотрятъ...—V. 51 л. 5.—За анекдотомъ XII, стр. 314 слѣдуетъ: Раевскiй говорилъ объ одномъ маiорѣ, жившемъ у него въ управителяхъ, что онъ былъ заслуженный офицеръ, отставленный за отличiя съ мундиромъ безъ штановъ [л. 40]. — При анекдотахъ I, XXII и XXV замѣчено: «Сл. отъ кн. А. Н. Г.» [л. 29, 46, 45]; при анекдотѣ IV—: «сл. отъ К. К. Ѳ. Долг.» [л. 34]; при анекдотахъ II и V—: «сл. отъ гр. Вельг.» [л. 37 и 38].—При анекдотѣ V помѣта: iюнь 1836; при разсказѣ о Дуровѣ: 3 окт 1833 [л. 42—44].

В. Е. Якушкинъ.

(Продолженiе слѣдуетъ).

ПОЭТЪ-КРЕСТЬЯНИНЪ СПИРИДОНЪ ДРОЖЖИНЪ

ВЪ ЕГО ВОСПОМИНАНІЯХЪ

1848—1884 гг.

IV.

Поэзія и трудъ.

1865—1869 гг.

Все почти получаемое мною жалованье я теперь употреблялъ на покупку книгъ и въ свободное время дня и ночи еще усерднѣе продолжалъ ими заниматься, думая этимъ способомъ пополнить болѣе чѣмъ скудное свое ученіе у дьячка и быть хотя чѣмъ нибудь полезнымъ какъ для себя, такъ и для общества.

Моею завѣтною мечтою въ то время было сдѣлаться народнымъ учителемъ, навсегда поселиться въ деревнѣ и обучать грамотѣ крестьянскихъ ребятишекъ. Зимою 1865 года однимъ вечеромъ, по окончаніи торговли, придя на квартиру хозяина на ночлегъ, я увидѣлъ прелестную темноглазую дѣвочку лѣтъ тринадцати; она сразу приковала къ себѣ мое вниманіе своимъ по-дѣтски задумчивымъ, но необыкновенно умнымъ и симпатичнымъ личикомъ. Мы тутъ же скоро познакомились и сдѣлались друзьями. Маша, какъ звали эту дѣвочку, была племянница хозяйской служанки и дочерью отъ первой жены одного петербургскаго мѣщанина, артельщика Михаила Балкашина. Она была, какъ я узналъ впослѣдствіи, обучена грамотѣ и глубоко несчастлива. Мачиха ее била и ненавидѣла. Я привязался къ этому бѣдному ребенку всею силою души, какая можетъ только проявиться у семнадцати-лѣтняго юноши-идеалиста, и съ 1866 года написалъ и посвятилъ ей множество своихъ стихотвореній.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XLIII, сентябрь, стр. 503—522.

Въ этомъ же году, не довольствуясь чтеніемъ уже пріобрѣтенныхъ мною книгъ, я подписался въ библіотеку. И въ первый разъ, съ понятнымъ увлеченіемъ, прочиталъ въ изданіи Анненкова стихотворенія А. С. Пушкина, чтеніе которыхъ такъ сильно на меня повліяло, что однажды, поссорившись изъ-за какихъ-то пустяковъ съ мальчикомъ Александромъ, жившимъ въ ту пору со мною у одного хозяина, я написалъ на него экспромтомъ слѣдующую эпиграмму:

Какъ ты смѣшонъ мой милый другъ,
Когда меня ругаешь вслухъ;
Еще смѣшнѣй, когда сидишь,
И какъ болванъ какой молчишь.

Эпиграмма произвела на мальчика желаемое дѣйствіе, онъ обидѣлся, и я съ этихъ поръ, какъ только нашелъ въ себѣ способность въ стихотворной формѣ выражать свои сокровенныя думы, уже не покидалъ своего занятія стихотворствомъ, чему не мало способствовало тогда до болѣзненности развитое воображеніе и еще болѣе — страстная, съ каждымъ днемъ развивающаяся, привязанность къ дѣвушкѣ, съ которою я имѣлъ возможность видѣться только въ праздничные и воскресные дни. Другимъ моимъ ближайшимъ другомъ въ эту и послѣдующую пору былъ, моложе меня годомъ или двумя, фабричный ученикъ крошки на греческой машинкѣ табаку, Сократъ Васильевичъ Басковъ, парень, выдающійся умомъ, честностью и практичнымъ взглядомъ на жизнь. Практичнаго взгляда во мнѣ рѣшительно не было никакого и слѣда, за что не разъ и приходилось мнѣ жестоко расплачиваться.

Въ стихахъ, какъ въ первоначальныхъ опытахъ, такъ и послѣ, я никогда не насиловалъ своего чувства; они ложились на бумагу прямо изъ глубоко чѣмъ нибудь потрясенной души или творческаго воображенія, и не стѣснялся для выраженія ихъ ни мѣстомъ, ни временемъ Имѣя постоянно при себѣ памятную книжку и карандашъ, я часто записывалъ приходящія на умъ строфы какого нибудь стихотворенія на улицѣ во время праздничныхъ прогулокъ, или при отправкѣ изъ магазина товара, сидя на ломовомъ извощикѣ; а въ промежуткѣ самой торговли въ магазинѣ читалъ и писалъ, пристроившись на ящикѣ между шкафами и стѣной, при копотномъ свѣтѣ днемъ и вечеромъ керосиноваго ночника; а ночью—въ своемъ чуланѣ.

Свой взглядъ на поэзію въ то время я выразилъ такъ:

Нѣтъ, мнѣ не весело ничуть,
Когда въ измученную грудь
Нисходитъ на мгновенье
Святое вдохновенье.

Сжигаетъ мой пытливый умъ
Огнемъ завѣтныхъ горькихъ думъ
Иль пѣснею свободной
Съ молитвою народной;
Они звучатъ въ устахъ моихъ,
И каждый звукъ и каждый стихъ,
Души моей созданье,
Приноситъ мнѣ страданье.
Таковъ удѣлъ поэту данъ:
Бушуетъ жизни океанъ,
А онъ отваги полный
Въ ея стремится волны.

Съ 10-го мая 1867 года я по временамъ началъ вести свой дневникъ, изъ котораго буду мѣстами приводить только то, что всего болѣе выражаетъ собою проявленіе моей внутренней жизни и самодѣятельности.

20-го мая 1867 г. Утромъ прочитывалъ записки А. С. Пушкина.

22 мая. Получилъ изъ деревни письмо. Отецъ проситъ денегъ, а ихъ нѣтъ. Третій вечеръ передъ сномъ грядущимъ занимаюсь рисованіемъ на большомъ картонѣ карандашемъ головки молодой дѣвушки. Кончилъ ее въ часъ пополуночи, и, полюбовавшись на свое созданіе, погасилъ свѣчку.

24 мая. Переписывалъ свои черновыя тетради и набросалъ нѣсколько новыхъ стихотвореній.

26 мая. Сегодня по всему городу разнеслась вѣсть о покушеніи на жизнь Государя Императора въ Парижѣ, но Царь царствующихъ сохранилъ драгоцѣнную жизнь нашего Освободителя и народъ русскій за его спасеніе теперь усердно молится предъ престоломъ Всевышняго.

Вечеромъ городъ былъ роскошно иллюминованъ газомъ и шкаликами. По Невскому и Большой Морской были разставлены оркестры военной музыки. Густая толпа народа покрывала Дворцовую площадь и улицы, оглашая ихъ несмолкаемыми восторженными криками.

27 мая. Читалъ первую часть романа Достоевскаго «Униженные и оскорбленные».

26 іюня. Кончилъ чтеніе книги «Мои Герой и Героини», и прочитываю романъ Толля «Трудъ и Капиталъ», въ которомъ авторъ разбираетъ фабричную промышленность и указываетъ на нѣкоторыя незажившія болячки и раны человѣчества.

30-го іюня. У Глазунова купилъ стихотворенія А. В. Кольцова, и теперь читаю статью о его жизни и сочиненіяхъ, написанную Бѣлинскимъ. Библіотека моя пополнилась еще не прочитаннымъ мною поэ-

томъ, и слава Богу! Только жаль, что мало остается у меня свободнаго отъ работы времени для ея чтенія.

2-го іюля. Въ «Современникѣ» 1853 г. читаю статью Д. Израэли: «Литературный характеръ или Исторія генія». Статья—богатая примѣрами изъ жизни великихъ людей; читается мной съ увлеченіемъ.

4-го іюля. Записываю въ отдѣльную тетрадь первые опыты моихъ стихотвореній, въ которую вошло стихотвореніе въ исправленномъ видѣ, написанное мною въ 1865 году.

9-го іюля. При разговорѣ съ однимъ студентомъ С.-Петербургскаго университета, я его спросилъ: «когда вы будете профессоромъ, г. N?». На это онъ мнѣ только улыбнулся и отвѣтилъ: «тогда, когда вы будете студентомъ». Ахъ, какъ-бы я, въ самомъ дѣлѣ, желалъ учиться и сдѣлаться студентомъ, а потомъ учителемъ! подумалъ я. Но храмъ науки для меня навсегда закрытъ, мнѣ нужно работать, и главное — быть матеріальной поддержкой своему бѣдному семейству.

19-го іюля. Сегодня по службѣ я долженъ былъ быть на посылкахъ и цѣлый день ходилъ подъ дождемъ, страшно продрогъ въ своемъ короткомъ пальтишкѣ. Вечеромъ у Обухова моста подошелъ ко мнѣ какой-то бѣднякъ и попросилъ Христа-ради. Но самъ, не имѣя ни гроша въ карманѣ, поневолѣ долженъ былъ отказать бѣдному человѣку, отчего душу мою вдругъ охватила какая-то щемящая тоска и я, поздно возвратившись домой, не могъ уже ничего ни писать, ни читать; образъ этого несчастнаго меня преслѣдовалъ до тѣхъ поръ, пока я не забылся сномъ.

20-го іюля. Читаю въ томъ-же «Современникѣ» 1853 г. статью: «Шиллеръ и его переписка съ друзьями»,—этакая благородная и святая личность!

25-го іюля. Въ послѣдніе дни я такъ занятъ службой, что не могъ взять въ руки пера, а дивные образы даже во снѣ не даютъ покоя, всегда представляются моему воображенію, которое совсѣмъ не ладитъ съ повседневною прозаическою жизнію. Отъ чтенія-же «переписки Шиллера» никакъ не могу оторваться.

23-го августа. Продолжать свой «дневникъ» просто совсѣмъ не нахожу никакъ времени. Читаю урывками недавно пріобрѣтенную мною книгу Самуила Смайльса: «Самодѣятельность», 3-е изданіе 1867 г. Написалъ нѣсколько новыхъ пѣсенъ. А прошлую ночь видѣлъ сонъ, будто-бы вхожу я въ какую-то уединенную избушку и вижу въ ней прекрасную, бѣдно, но чисто одѣтую, съ распущенными волосами, незнакомую дѣвушку. Она меня встрѣтила на порогѣ съ веселой и ласковой улыбкой и, крѣпко пожавъ мнѣ протянутую руку, сдѣлала какое-то

порученіе, послѣ котораго я вышелъ изъ избушки и, проснувшись, подумалъ: ужъ не эта-ли моя бѣдная русская муза?

31-го августа. Вечеромъ познакомился съ однимъ очень умнымъ молодымъ человѣкомъ караимомъ Моисеемъ Ильичемъ Казасъ. Онъ поступаетъ студентомъ въ университетъ. Мы долго съ нимъ говорили о литературѣ и исторіи. Я распрашивалъ его о порядкѣ поступленія въ университетъ. Онъ, между прочимъ, совѣтывалъ непремѣнно выучить мнѣ русскую исторію, въ которой я еще, къ стыду моему, такой профанъ.

3-го сентября. Въ «Русскомъ Словѣ» читаю критическій разборъ «Очерковъ Исторіи Русской Словесности и Искусства» Буслаева, который мнѣ подалъ мысль написать нѣсколько пѣсенъ, содержаніемъ которыхъ должны послужить мнѣ приводимые здѣсь отрывки изъ сербской народной поэзіи.

17-го сентября. Передъ обѣдомъ, придя на квартиру, прочиталъ Машѣ одно изъ недавно написанныхъ и посвященныхъ ей стихотвореній.

23-го сентября. Разсказывалъ также ей сказки, и читалъ въ I-мъ томѣ сочиненій Гейне разсказы Максимиліана къ больной Маріи.

29-го сентября. Былъ въ Маріинскомъ театрѣ и смотрѣлъ «Лючію» и «Валахскую невѣсту».

На этомъ мѣстѣ «дневникъ» обрывается.

Въ послѣдующее-же время моей жизни въ Петербургѣ я покупаю у Кожанчикова «Кобзарь» Т. Г. Шевченко. Ознакомившись посредствомъ его съ малороссійскимъ языкомъ, дѣлаю нѣсколько переводовъ. Прочитываю весь малороссійскій журналъ «Основа». Также хорошо знакомлюсь съ русской и всеобщей литературой, бываю въ обществѣ студентовъ университета и академій, которые большею частію собираются у насъ на квартирѣ или въ магазинѣ. Между ними бывалъ часто, нынѣ извѣстный художникъ, Архипъ Ивановичъ Куинджи, который еще однажды въ магазинѣ сдѣлалъ съ меня, въ нѣсколько минутъ, карандашный набросокъ портрета. Послѣ онъ дѣлалъ частыя экскурсіи по окрестностямъ Петербурга и рисовалъ съ натуры разные этюды. Я жадно прислушивался къ ихъ горячимъ спорамъ и разсужденіямъ о религіи, общественной жизни и литературѣ. Тутъ были и такъ называемые скептики, которыхъ смѣлыя и рѣзкія сужденія, дѣйствуя на мой молодой, еще не установившійся, умъ, колебали или совсѣмъ разрушали мои прежнія вѣрованія и убѣжденія и вмѣстѣ съ тѣмъ давали просторъ развитію во мнѣ личной самодѣятельности. Изъ множества стихотвореній, написанныхъ мною за время 1866—1868 гг., отмѣчу одно подъ заглавіемъ:

Забота матери.

Вечеръ. Потемнѣли
Нивы и поля,
И надъ лѣсомъ ярко
Вспыхнула заря.

Тихо лѣсъ сосновый
На горѣ шумитъ,
Подъ горой деревня
Въ сумракѣ стоитъ.

На краю деревни
Полусгнившій домъ
Сквозь окно привѣтнымъ
Свѣтится огнемъ.

Пусто, тихо въ домѣ,
Только лишь одна
Въ немъ вдова-старушка
Смотритъ изъ окна.

Молодую дочку
Ждетъ она домой
И сама качаетъ
Дряхлой головой.

«Ничего не видно,
Ночью въ глазъ кольни,
Ну, какъ что случится,
Боже сохрани!

Врагъ силёнъ,—и дѣвку
Долго-ль обольстить,
Гдѣ-же мнѣ старухѣ
Старой услѣдить»....

И съ лицемъ старушка
Грустнымъ отъ заботъ,
Молча и крестяся,
Вышла изъ воротъ...

Вѣтеръ на березахъ
Трогаетъ листы,
Звѣзды, словно очи,
Смотрятъ съ высоты.

Но въ деревнѣ тихо;
Улица пуста,
Только проскрипѣли
Гдѣ-то ворота [1]).

---

[1]) „Грамотѣй" 1874 г., № 2, стр. 39.

Съ 1-го января 1869 г. я снова принялся за прерванный мною «дневникъ» и, между прочимъ, записалъ въ немъ слѣдующее:

9-го января 1869 г. Сегодня, по обыкновенію, зашелъ къ старому знакомому букинисту, торгующему у Банковскаго мостика, и спросилъ нѣтъ-ли для меня чего нибудь новенькаго? Онъ показалъ мнѣ 12-й томъ сочиненій Бѣлинскаго и спросилъ за него 80 копѣекъ, а у меня въ карманѣ всего 45. Что дѣлать?.. Бѣлинскій, это нашъ великій и всеобщій учитель, на которомъ должно еще воспитываться юношество многихъ и многихъ поколѣній. Онъ также и мнѣ далъ значительную долю своего вдохновеннаго ученія.

10-го января. Ну вотъ, слава Богу, купилъ и 12-й томъ Бѣлинскаго!.. Я теперь милліонеръ!.. Пушкинъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Бѣлинскій, Языковъ, Веневитиновъ, Никитинъ, Шевченко, Некрасовъ, Шиллеръ, Гейне, Беранже и много другихъ, —это все мое, а еще, безумный, говорю, что я несчастливъ.

13-го февраля. Читалъ біографическій очеркъ Помяловскаго при его собраніи сочиненій изданія 1865 г. и очеркъ «Вуколъ». Необыкновенная судьба этого поэта и человѣка страшно меня заинтересовала. Непремѣнно нужно прочесть все собраніе его сочиненій. Онъ для меня и для моего пониманія вполнѣ доступный писатель, точно также, какъ Кольцовъ и Никитинъ. Въ 1866 году еще въ журналѣ «Современникъ» я читалъ его «Мѣщанское счастіе» и до сихъ поръ хорошо помню героя этой повѣсти Молотова и его кисейную барышню,—все вѣдь это люди «нашего поля ягода».

15-го февраля. Купилъ стихотворенія И. С. Никитина, изданныя въ 1856 году графомъ Толстымъ. Здѣсь есть многія интересныя піэсы, не вошедшія въ имѣющееся у меня изданіе 1859 года. Вмѣстѣ съ нею купилъ «Теорію Словесности» Минина изд. 1867 г. Хозяинъ, замѣтивъ мою любовь къ чтенію, далъ мнѣ, помимо жалованья, 1 руб. сер. на книги.

16-го февраля. Читаю курсъ исторіи поэзіи Линниченко, изд. 2-е, 1861 года.

17-го февраля. Продолжаю читать курсъ поэзіи и сочиненія Бѣлинскаго. Но писать что нибудь совершенно не имѣю свободнаго времени.

19-го февраля. Купилъ сочиненія И. С. Тургенева, т. II., изд. Основскаго, 1861 г.

22-го февраля. Думаю писать прозой небольшія повѣсти и разсказы. Матеріаловъ много; не знаю какъ только съ ними справлюсь. Образы и мысли не даютъ мнѣ покоя. Герои разсказовъ должны быть изъ всего болѣе знакомой мнѣ среды мѣщанъ и крестьянъ.

25-го февраля. Сегодня купилъ у букиниста слѣдующія книги: 1) Чужбинскаго, Воспоминанія о Шевченко; 2) Сочиненія Бѣлинскаго, часть 10-ю; 3) Исторія русской литературы Петраченко; 4) Стихотворенія Некрасова, ч. 3-я, изданіе 1864 г.; 5) Сочиненія Д. И. Писарева, ч. 3-я, которую давно я хотѣлъ пріобрѣсти и прочесть, въ особенности его статью «Пушкинъ и Бѣлинскій».

26-го февраля. Кромѣ вчера пріобрѣтенныхъ книгъ, сегодня купилъ 1-й томъ Пушкина, изд. Анненкова, «Очерки литературы древнихъ и новыхъ народовъ» Гарусова, и «Гамлетъ» и «Донъ-Кихотъ», мнѣніе о нихъ Тургенева.

14-го марта. Видѣлъ сонъ, какъ на яву, А. С. Пушкина и спросилъ его:—А что, А. С., вы читали критику Писарева, озаглавленную «Пушкинъ и Бѣлинскій?»—«Читалъ, да ну ихъ»! кротко и неохотно отвѣтилъ поэтъ и, уходя, прибавилъ: «Я тороплюсь, мнѣ еще нужно зайти къ своему издателю».

25-го марта. Когда я читалъ книгу «Учебная Теорія Словесности» Минина, въ магазинъ вошелъ студентъ К. и, увидя у меня эту книгу, сталъ смѣяться и говорить по-турецки съ другимъ студентомъ Д., вѣроятно такъ: «читаетъ, дескать, Теорію Словесности, а какого рожна онъ въ ней понимаетъ, да и къ чему ему она; читалъ бы ужъ лучше романы и сказки».

28-го марта. Перечитываю «Мѣщанское счастіе» Помяловскаго.

29-го марта. Дочиталъ «Мѣщанское счастіе». Какъ мнѣ жаль этой «кисейной дѣвушки». А въ Молотова я положительно влюбился. Въ этомъ героѣ отразились всѣ недостатки и достоинства здороваго и честнаго труженика, который, не смотря ни на какія преграды, смѣло шелъ къ разъ и навсегда избранной имъ цѣли. А много должно быть такихъ Молотовыхъ на святой Руси! Также не мало и такихъ чернорабочихъ и честныхъ людей, которымъ приходится всю жизнь пробиваться сквозь жизненную грязь и тину. Такіе бѣдные труженики также часто, не видя положительно исходной точки осуществленія своей цѣли, изнеможенные борьбою, падаютъ духомъ и безслѣдно умираютъ. Такихъ людей мы обыкновенно привыкли называть «безхарактерными».

2-го апрѣля. Скверная, братъ, наша жизнь,—говорилъ я другу моему Сократу, проходя съ нимъ по блестящему Невскому проспекту. И въ самомъ дѣлѣ, ужели эту жизнь, въ которой мнѣ приходится барахтаться, какъ глупому утенку въ грязномъ болотѣ, можно еще назвать жизнью, когда въ ней нѣтъ той минуты, которая-бы прошла безъ горя и думъ. Такъ ли она тяжело и мучительно двигается, моя бѣдная... Но и то сказать, не броситься-же изъ-за этого, съ первымъ

вскрытіемъ Невы, въ ея мутныя волны! Нужно жить, трудиться и терпѣть, а терпѣніе и любовь къ сознательному труду все превозможетъ. Не даромъ-же сказано: «терпи казакъ—атаманомъ будешь!» Ну, и будемъ терпѣть, авось кривая куда нибудь да вынесетъ.

Къ чему эти слезы съ тоской безотрадной
И думы во мракѣ ночей,
Мнѣ нужно работать весь день безъустанно
Для родины милой моей,
Пока я способенъ на каждое дѣло
И честно могу потрудиться;
Давайте работы! вѣдь грубое тѣло
Для жизни другой негодится.
Давайте работы! Здоровъ я и молодъ,
Въ борьбѣ, какъ булатъ, закаленъ;
Давайте мнѣ соху, лопату иль молотъ,
Я съ дѣтства къ труду пріученъ...

28-го іюня. Прочитываю въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1846 г. критику на стихотворенія Кольцова.

5-го іюля. Прочиталъ критическую статью Писарева «Нерѣшенный вопросъ».

14-го іюля. Сегодня въ 2 часа пополудни, по порученію приказчика, я пришелъ изъ магазина на фабрику съ требованіемъ табаку и въ ожиданіи, пока приготовляютъ товаръ, подошелъ къ своему тутъже работающему другу Сократу и сталъ съ нимъ разговаривать. Замѣтивъ это, управляющій фабрикой громко и сердито приказалъ мнѣ отойти отъ него, встать и дожидаться около двери, на что я не согласился и продолжалъ стоять на своемъ мѣстѣ; тогда управляющій подошелъ ко мнѣ и схватилъ меня за воротъ, что подало мнѣ поводъ надѣлать ему при всѣхъ рабочихъ фабрики разныя дерзости и отказаться отъ должности, за что онъ продержалъ меня на фабрикѣ подъ запоромъ до тѣхъ поръ, пока не стали совсѣмъ расходиться фабричные по домамъ.

16-го іюля. Очень любившій меня главный управляющій Іосифъ Самойловичъ Шпаковскій уговариваетъ просить прощеніе у управляющаго фабрикой и остаться; но я упорно стою на своемъ, порѣшивъ лучше голодать, чѣмъ просить прощенія у человѣка, котораго я давно ненавижу за его грубыя отношенія къ рабочимъ и въ особенности къ мальчикамъ, которыхъ онъ, за малѣйшую ихъ ошибку, то и знай одѣляетъ грубыми толчками и подзатыльниками.

V.

Пора молодости

1869—1875 гг.

Я хорошо ознакамливаюсь съ всеобщей литературой и горячо предаюсь изученію памятниковъ народнаго творчества; самъ занимаюсь записываніемъ русскихъ сказокъ и пѣсенъ. Мнѣ больше всего теперь нравится, какъ въ старыхъ, такъ и современныхъ поэтахъ, реальность и искренняя теплота и задушевность въ ихъ поэзіи.

Изъ русскихъ писателей съ особенною страстностью и увлеченіемъ читаю Тургенева, Писемскаго, Гончарова, Помяловскаго, Рѣшетникова, Глѣба Успенскаго, Некрасова, Полежаева, Огарева и въ особенности Кольцова и Никитина. Лермонтовымъ я зачитывался и ставилъ его поэзію выше всѣхъ, и даже самого Пушкина.

Оставшись безъ должности, я часто сталъ посѣщать Императорскую публичную библіотеку и въ августѣ 1869 г., почти изъ-за-хлѣба и квартиры, за 4 рубля въ мѣсяцъ, поступаю опять въ табачную лавку Н. С. Семенова, чтобы находиться при торговлѣ и разносить по разнымъ лавкамъ на головѣ громадныя наполненныя гильзами корзины. Проживя здѣсь до октября 1869-го года, я, на занятыя подъ залогъ книгъ на дорогу деньги, отправляюсь въ деревню Низовку и, проживя въ ней до 30-го ноября, 1-го декабря возвращаюсь въ Петербургъ и 22-го числа снова поступаю, за тоже ничтожное вознагражденіе, въ табачную лавку Н. С. Семенова, гдѣ 10-го февраля 1870 года тяжко заболѣваю и отправляюсь въ больницу; здѣсь я пишу первыя главы своей небольшой поэмы «Дуняша».

Въ больницѣ я пробылъ до 16-го апрѣля 1870 г. Затѣмъ, не имѣя денегъ, по цѣлымъ днямъ брожу голодный и нерѣдко, крадучись отъ городовыхъ, ночую на гранитныхъ спускахъ набережной Большой Невы, на Адмиралтейскомъ бульварѣ или въ Александровскомъ паркѣ, гдѣ однажды, проснувшись, я вдругъ, не смотря на свое горькое положеніе, такъ былъ восхищенъ картиною весенней природы, что немедленно написалъ въ свою памятную книжку слѣдующее:

Утро въ лѣсу.

Сквозь вѣтви чуть распустившейся липы
Брызнули солнца лучи золотые
И отразились въ душистыхъ листочкахъ,
Унизанныхъ свѣтлой росою.
Изъ норокъ прохладныхъ и мховъ изумрудныхъ,

Влажныя крылья свои расправляя,
Вышелъ жучекъ и пестрая Божья коровка,
И миріады другихъ насѣкомыхъ.
Въ воздухѣ ясномъ, торжественнымъ хоромъ,
Чудныя пѣсни вокругъ зазвучали
Пташекъ залетныхъ и всюду, казалось,
Видимо было присутствіе Бога [1]).

Иные дни я просиживалъ за чтеніемъ въ Императорской публичной библіотекѣ и имѣлъ пріютъ и столъ на квартирѣ Сократа или въ портерной, тоже одного хорошаго друга Григорія Демидовича Твердова, который больше всего также снабжалъ меня, при крайности, въ долгъ нѣсколькими копѣйками. Наконецъ, я страшно обносился и, не видя другого выхода изъ своего нищенскаго положенія, 27-го мая 1870 года поступилъ на должность служителя въ помѣщающійся въ Апраксиномъ переулкѣ довольно грязный трактиръ «Эривань», откуда 9-го іюля, по рекомендаціи одного стараго пріятеля С., опредѣлился на должность приказчика на Владимірскую улицу въ магазинъ игольчатыхъ газовыхъ свѣчей, системы Врадія, за 15 рублей въ мѣсяцъ, при чемъ полагался мнѣ готовый столъ и квартира. Я здѣсь, хотя и не надолго, но вздохнулъ свободно, о чемъ свидѣтельствуетъ продолженіе моего «Дневника».

11-го сентября 1870 года. Пользуясь послѣ 11-ти часовъ вечера полною свободою, пишу мои пѣсни и никому ихъ не показываю, кромѣ близкихъ друзей. Друзьямъ онѣ нравятся и часто переписываются и поются ими. Но печатать эти пѣсни еще немного надо подождать,—страшновато.

15-го сентября. Сижу одинъ въ своей комнатѣ и читаю безсмертнаго Шекспира, I-й томъ, изданіе Некрасова и Гербеля. Шекспиръ натолкнулъ меня на мысль писать драму изъ крестьянской жизни. Только напишу-ли, это вопросъ,—а попытка не шутка!...

20-го сентября. Написалъ нѣсколько пѣсенъ, начинаю и не оканчиваю поэмы; въ головѣ все это путается и мѣшается, воображеніе работаетъ. Является недовольство жизнью и самимъ собой. Что я, кто я, Боже мой,—какое это мучительное состояніе, чувствовать и сознавать себя какимъ-то ничтожествомъ!

29-го сентября. На бѣднаго Макара и шишки валятся; хозяинъ нѣмецъ на меня сердится и говоритъ, будто бы я неспособенъ къ торговлѣ, и то, и сё. Такъ вотъ со дня на день и ждешь, что въ горячую минуту я наплюю на этого нѣмца и убѣгу отъ него, куда глаза глядятъ, чортъ съ нимъ!

[1]) „Игрушечка" 1882 г., № 10.

Здѣсь я получаю извѣстіе о смерти горячо любимаго мною дѣдушки Степана Степановича Дрожжина, послѣдовавшей 28-го октября 1870 г., а 6-го ноября рѣшаюсь послать по городской почтѣ, вмѣстѣ съ письмомъ на имя редактора «Иллюстрированной газеты» В. Р. Зотова, нѣсколько своихъ стихотвореній, которыя вскорѣ послѣ того тѣмъ же путемъ получаю отъ него обратно съ слѣдующею его надписью:

«Стихи слабы, не выдержаны и не отдѣланы, и потому не могутъ быть напечатаны; но авторъ можетъ писать и впослѣдствіи печатать, если будетъ избѣгать избитыхъ сюжетовъ и общихъ мѣстъ, а главное будетъ строже къ самому себѣ и тщательно будетъ отдѣлывать свои стихотворенія. В. Зотовъ».

Получивъ такой отвѣтъ, я окончательно рѣшилъ не посылать для печати своихъ стихотвореній и оставлять какъ прежнія, такъ и имѣющія быть написанными, пока при себѣ.

Вскорѣ ожидаемая мной катастрофа разразилась и я, съ двумя рублями и 45 копѣйками въ карманѣ, 5-го февраля 1871 года оставляю нѣмца-хозяина и нанимаю себѣ въ Кузнечномъ переулкѣ, у какого-то отставного солдата, на кухнѣ, за 1 руб. 25 коп. въ мѣсяцъ, уголъ, при сожительствѣ 2-хъ дѣвицъ и ихъ старика-отца, занимающагося починкою старыхъ сапогъ, и одного убогаго нищаго, помѣщающагося на русской печкѣ. Кухня эта, съ комнатой самого квартирнаго хозяина и другихъ жильцовъ, находилась въ подвалѣ 2-хъ этажнаго мезонина; была съ маленькими грязными оконцами, выходящими на холодный свѣтлый коридоръ. По ея темнымъ, Богъ знаетъ когда оштукатуреннымъ, стѣнамъ виднѣлась плесень и сырость, а у печки свободно копошились клопы и тараканы. Я отдалъ 1 рубль сереб. задатку и помѣстился у стѣнки между русской печкой и окнами, на кровати изъ гнилыхъ досокъ, кое-какъ прикрѣпленныхъ къ опрокинутымъ ящикамъ и покрытыхъ, взамѣнъ тюфяка, рогожею.

Возлѣ этой импровизованной кровати стоялъ небольшой столикъ и табуретъ. Здѣсь я совершалъ свою скудную трапезу, состоявшую изъ хлѣба и колбасы, а иногда лакомился и чаемъ. Тутъ же по вечерамъ читалъ или писалъ, а днемъ бóльшею частью уходилъ заниматься въ Императорскую публичную библіотеку. Въ это трудное время не разъ мнѣ приходила мысль о самоубійствѣ, но я ободрялъ себя тѣмъ, что еще могу какъ нибудь выйти изъ этого положенія и найду себѣ работу, хотя бы на фабрикѣ или заводѣ. Мѣсто мнѣ, наконецъ, представилось въ трактирѣ на Загородномъ проспектѣ, содержателемъ котораго былъ тотъ самый хозяинъ, что держалъ трактиръ въ Апраксиномъ переулкѣ. Къ нему я поступилъ 19-го апрѣля 1871 г. и отсюда продолжаю мой «Дневникъ».

3-го мая 1871 г. Я опять служащій въ трактирѣ, но что же дѣлать, — не мѣсто человѣка краситъ. Послѣ разныхъ грубыхъ письменныхъ нападокъ и требованій отца, я ему въ письмѣ, отъ сегодняшняго числа, отвѣчаю, между прочимъ, слѣдующее: «..... Не знаю, насколько васъ смущала и огорчала причина моего долгаго молчанія, а особенно ваше личное безпомощное положеніе въ нуждѣ, о которой вы мнѣ писали неоднократно, чему я душевно вѣрилъ и болѣлъ. Вы писали мнѣ о смерти моего добраго дѣдушки и о томъ, что пала послѣдняя, такъ необходимая вамъ, работница-лошадь. Все это, безъ сомнѣнія, васъ поражало глубокою скорбью и, къ довершенію всего этого, сынъ вашъ, несчастный сынъ, по вашимъ понятіямъ, сдѣлался негодяемъ, такимъ негодяемъ, которому угрожаетъ каждую минуту чуть не Сибирь и каторга. Въ силу такихъ понятій вы начинаете меня проклинать; а я, какъ бы уже чувствуя на себѣ гнетъ вашего проклятія, чуть не погибаю и только, благодаря своему желѣзному терпѣнію, остаюсь по прежнему живымъ и невредимымъ. Но мнѣ противна эта жизнь и эта столица, называемая Петербургомъ. Я хотѣлъ бы жить постоянно въ нашей Низовкѣ и работать тамъ какую-бы-то ни было работу. Мнѣ всего 22 года; я сдѣлался раздражителенъ, какъ старикъ, и самолюбивъ до безконечности. Ваши письма всегда меня только бѣсили и ожесточали. Я не стою такихъ писемъ; въ нихъ я вижу одну вашу грубую брань, да однѣ угрозы. «Пріѣзжай-де въ деревню, я тебя, голубчика, женю!» писали вы въ одномъ изъ писемъ. Эти и подобныя слова у меня до сихъ поръ остаются въ памяти, да едва-ли когда они и забудутся. Послѣднее письмо вы адресовали на имя дяди Ивана Кириловича Дрожжина. Но, къ вашему несчастію, онъ ничего не можетъ для меня сдѣлать ни добраго, ни худого. «Не покрыть хорошаго хорошимъ, ни худого худымъ». Напрасно вы его объ этомъ безпокоили, ибо въ моей волѣ быть и безъ его вмѣшательства какъ хорошимъ, такъ и худымъ. Одинъ разъ навсегда скажу вамъ, что если я когда даже не буду имѣть куска насущнаго хлѣба, то и тогда лучше уморю себя голодомъ, чѣмъ отъ кого-бы-то ни было опозорю мою руку милостынею. Въ Петербургѣ нѣтъ родныхъ; имѣй я побольше денегъ или, по крайней мѣрѣ, хорошо обезпечивающее и постоянное мѣсто, то эти самые родные будутъ облизываться вокругъ меня какъ собаки. Въ нуждѣ же отъ нихъ, кромѣ равнодушія и даже презрѣнія къ себѣ, нечего и ждать. Пусть же, кому изъ нихъ угодно, бросаютъ въ меня грязью и осуждаютъ, какое мнѣ до этого дѣло!...»

1-го іюня. Хозяинъ, вслѣдствіе дурной торговли, закрылъ свой трактиръ и я, проживя у него 1 мѣсяцъ и 10 дней, опять остался безъ должности и, не имѣя средствъ, чтобы послѣ этого хоть какъ

нибудь продлить свое скудное существованіе, продалъ за 1 руб. 50 коп. подушку и одѣяло и заложилъ послѣднее пальто. Теперь благо лѣто, такъ могу ходить въ одномъ пиджакѣ.

Оставшись безъ должности, я продолжаю посѣщать Императорскую публичную библіотеку и, не имѣя постоянной квартиры, опять ночую подъ открытымъ небомъ или изрѣдко у товарищей, а 10-го іюля поступаю на мѣсто въ одинъ изъ трактировъ на Васильевскомъ островѣ. Уже не новичекъ въ этой должности, я свыкся съ ея грязной обстановкой и, прислуживая, дѣлалъ свои наблюденія, смотря на безшабашный разгулъ временныхъ и постоянныхъ посѣтителей трактира. Вотъ пьяные солдаты сидятъ за столомъ, на который, по ихъ требованію, я принесъ изъ буфета и поставилъ нѣсколько косушекъ или полуштофъ водки; они осиплымъ отъ пьянства голосомъ поютъ. Къ нимъ подходитъ нищая женщина, оборванная, грязная и сильно пропитанная алкоголемъ; они съ галантерейною развязностью усаживаютъ ее рядомъ съ собой и подносятъ стаканъ водки. Скоро она знакомится съ ними, обводитъ ихъ посоловѣлыми глазами и запѣваетъ пѣсню. Солдатъ, развалившись на стулѣ, ее тискаетъ и цѣлуетъ въ губы. Эта отвратительная картина мнѣ невольно напоминаетъ кантату Роберта Борнса «Нищіе», какъ извѣстно списанную имъ съ натуры:

Горланятъ и цалуются
И пѣсню, наконецъ,
Оретъ нашъ молодецъ [1]).

Послѣ ухода солдатъ, я взялъ перо и началъ было писать стихотвореніе, но другіе посѣтители не дали мнѣ его окончить. Я второпяхъ сунулъ исписанный листъ подъ столъ и отправился къ буфету, откуда, возвратившись, увидѣлъ этотъ самый листъ въ рукахъ одного извощика, который только что хотѣлъ употребить его на цигарки, чему я хотя и воспрепятствовалъ, но не могъ уже продолжать начатаго стихотворенія. Въ послѣдствіи, однако, въ 1882 году, уже въ качествѣ наблюдателя, разъ вечеромъ я зашелъ въ кабакъ и, возвратившись оттуда, написалъ слѣдующее, подобно прежде задуманному, стихотвореніе:

Кабакъ.

Друзья мои, войдемъ въ кабакъ,
Напьемся мы родного зелья,
Въ немъ много пьянаго веселья,
Съ нимъ забывается бѣднякъ,
Смѣется, плачетъ, иль трепакъ
Въ восторгѣ дикомъ начинаетъ,

[1]) Переводъ П. И. Вейнберга.

Иль залихватски запѣваетъ
Родную пѣсню, — вотъ она
Напѣвомъ пьянаго поется;
Со звономъ стклянница вина
Въ его стаканъ зеленый льется
И выпивается до дна.
На Руси же говорится:
Намъ веселье—пить,—гулять!
И напиться,—такъ напиться,
Чтобъ и лыка не вязать!!
Пьемъ же, пьемъ,—тоску злодѣйку
Мы сивухою зальемъ
И дѣвицу чародѣйку
Поцѣлуемъ—обоймемъ...
Вотъ и она стоитъ у стойки,
И, устремляя мутный взоръ
Въ стаканъ рябиновой настойки,
Заводитъ съ милымъ разговоръ:
—Я баба пьяная одна,
Не говоря худова слова,
Съ тобой за чаркою вина
Всю ночь бесѣдовать готова,
Еще огонь въ моей крови
Хмѣльною влагою пылаетъ,
А сердце ласки и любви
Отъ друга милаго желаетъ.
Какъ и ты,—въ лохмотья я
Грязныя одѣта.
Выпьемъ, что-ли? и твоя
Буду до разсвѣта.
Обниму тебя, дружка,
Такъ, что будетъ любо,
А за чарочку пока
Поцѣлую въ губы...

Пьетъ безталанный и горе свое,
Тяжкое горе,—лихое житье
Водкой заливаетъ
И послѣднее тряпье
Съ бабой пропиваетъ...

Въ числѣ прочихъ посѣтителей трактира былъ граверъ Молво, страшный пьяница, съ которымъ я хорошо познакомился и котораго полюбилъ какъ художника и неглупаго, въ трезвомъ видѣ, человѣка, который мнѣ подарилъ на память, своей работы, нѣсколько картинъ изъ «священной исторіи ветхаго и новаго завѣта».

Отсюда я, 1-го ноября того же 1871-го года, возвратился на родину, гдѣ прожилъ всего 18 дней, и, не имѣя ни гроша денегъ, 19 ноября пѣш-

комъ, вмѣстѣ съ матерью, отправился въ Москву, до которой отъ нашей деревни считается около 130 верстъ. Въ это памятное для меня раннее утро лучина освѣтила нашу бѣдную избу. Дѣти (мои сестры и братишко), раскинувшись на разостланной на полу соломѣ, крѣпко еще спали; бабушка Анна затопляла хворостомъ печку; отецъ приготовлялъ для меня на дорогу чуни [1]), чтобы я въ дорогѣ не могъ износить своихъ послѣднихъ выростковыхъ сапогъ.

Мать укладывала въ котомки разные необходимые пожитки, хлѣбъ и печеный картофель; книги же и нѣкоторыя свои тетради я уложилъ отъ всѣхъ украдкой самъ, въ виду того, что отецъ и мать занятія мои литературой всегда считали виною всѣхъ моихъ житейскихъ золъ и треволненій.

Когда все было уложено, то мы всѣ четверо, присѣвъ на лавку, стали молиться Богу.

Мать, обратившись къ отцу, замѣтила, чтобы онъ благословилъ меня образомъ; отецъ сказалъ не надо и только поцѣловалъ. При прощаніи со мной бабушка только проговорила: «живи, дитятко, хорошенько, не забывай насъ», и заплакала.

Послѣ того мать вскинула свою котомку за плечи; я тоже послѣдовалъ ея примѣру и, взявъ въ руки толстую можжевеловую палку, слѣдомъ за нею вышелъ изъ избы.

Утро было тихое съ легкимъ морозцемъ, кое-гдѣ бѣлѣлъ недавно выпавшій и освѣщенный полнымъ мѣсяцемъ снѣгъ. Я покрестился на приходскую церковь и, выйдя на проселочную дорогу, сталъ съ замираніемъ сердца оглядываться на только что оставленную родную деревушку. Дорога сначала шла по крутому берегу рѣки Шоши, наконецъ мы дошли до деревни Безбородово и вступили на большую Московскую, гдѣ мнѣ какъ-то невольно пришли на память извѣстные стихи нашего поэта:

Большая дорога, прямая дорога,
Простору не мало взяла ты у Бога...

Миновали мы и Безбородово, а когда стало свѣтать, вступили въ большое село Завидово, чрезвычайно красиво расположенное и густо обсаженное березками. Выбравшись изъ этого села, мы поднялись въ гору; я оглянулся назадъ и оно открылось предо мной, какъ на ладони. Къ полудню сдѣлалась оттепель; снѣжокъ, котораго было не много, сталъ таять и мѣшаться съ грязью; чуни мои страшно намокли и стѣсняли меня двигаться, какъ кандалы. На пяткахъ чувствовалась уже жгучая боль мозолей. Мать шла въ теплыхъ сапогахъ, которые

[1]) Лапти, плетенные изъ пеньковыхъ веревокъ.

у ней тоже промокли. Скоро я былъ совершенно не въ силахъ тащиться дальше по этой смѣшанной съ снѣгомъ грязи и предложилъ своей родной спутницѣ отдохнуть, да кстати хотѣлось и закусить. Мы сѣли на ступеньку какого-то сарая и, подкрѣпивъ себя хлѣбомъ съ солью и картофелемъ, съ новыми силами стали продолжать свое путешествіе.

Чѣмъ дальше мы двигались къ Москвѣ, тѣмъ чаще намъ попадались такія бѣдныя, какъ мнѣ казалось сравнительно съ нашей, деревушки, что жалко было смотрѣть.

Къ вечеру мы пришли въ Клинъ. Это невыразимо грязный городишко, по которому разносился запахъ затхлой муки и дегтя. Въ немъ мнѣ особенно бросилось въ глаза неимовѣрное число кабаковъ и трактировъ. Въ концѣ города было расположено нѣсколько убогихъ деревянныхъ избъ. Подойдя къ одной изъ нихъ, я первый замѣтилъ бабу, несшую ведро воды, и спросился у ней переночевать. «А сколько, моя милая, будетъ стоить ночлегъ-то?» спросила мать. «Да столько-же, сколько будетъ съ другихъ, извѣстно 2 копѣйки съ человѣка», бойко отвѣтила баба. Пока мать продолжала съ ней торговаться, я поспѣшилъ войти въ указанную избу, гдѣ, скинувъ съ себя мокрую поддевку и положивъ въ головы пальто, съ наслажденіемъ растянулся на лавкѣ.

Утромъ, чѣмъ свѣтъ, мы отправились дальше. Погода по прежнему была отвратительная; сверху шелъ снѣгъ и дождь, я страшно перезябъ. День былъ воскресный, мы дошли до какой-то сельской церкви, и отстоявъ въ ней обѣдню, согрѣлись и отправились дальше. Наконецъ, послѣ трехъдневнаго утомительнаго пути, пришли въ Москву.

Изъ небольшого числа стихотвореній, написанныхъ мной въ 1871-мъ году, до моего прихода въ первопрестольную столицу, привожу три, съ нѣкоторыми поправками противъ редакціи, напечатанныя въ нижеуказанныхъ журналахъ. Изъ нихъ третье «Пѣсня про горе добра-молодца» было первымъ моимъ стихотвореніемъ, появившимся въ печати.

I.

Недопѣтая пѣсня.

„Свѣту больше, свѣту"!
Гёте.

Я пѣсню не новую всѣмъ пропою
Живущимъ въ нуждѣ и заботѣ;
Богъ въ помощь вамъ, братья, въ родимомъ краю
На всякой тяжелой работѣ!
Богъ въ помощь вамъ, братья! хранящимъ завѣтъ
И вѣру въ Христово ученье,
Да будетъ надъ вами Божественный свѣтъ,
Отъ мрака души избавленье.
Довольно вы въ жизни носили оковъ

Въ борьбѣ съ безотрадной неволей,
Да гибнетъ она въ отдаленьи вѣковъ
И смѣнится лучшею долей.
Стучите друзья,—и откроется вамъ,
Ищите—и все обретется!
Пускай, кто не вѣритъ безсмертнымъ словамъ,
Какъ Петръ отъ Христа отречется.
Вы можете только безумца жалѣть,
Во мракѣ онъ свѣта не скроетъ...
О, братья! Я пѣсню не въ силахъ допѣть,
Пускай ее вѣтеръ довоетъ [1]).

II.

Родина.

Кругомъ поля раздольныя,
Широкія поля;
Болота не проходныя—
Вотъ родина моя.
Соломою покрытыя
Избушки, огородъ,
Ребята неумытые
Играютъ у воротъ;
Да лица изнуренныя
Встрѣчаются порой,
Въ работѣ истомленныя,
Забитыя нуждой...
А тамъ—село и Божій храмъ
Привѣтливо глядитъ;
За нимъ опять къ роднымъ полямъ
Широкій путь лежитъ.
Идешь, идешь, и въ даль небесъ
Хотѣлось бы слетать,
А впереди дремучій лѣсъ
И неба не видать... [2]).

III.

Пѣсня про горе добра-молодца.

Ахъ ты горе, горе горькое,
Гдѣ ты, горе, зародилося,
Отчего въ избѣ крестьянина
Въ темный уголъ пріютилося?
Не даешь ты воли-волюшки,
Вяжешь крылья соколиныя,
Заглушаешь на бесѣдушкѣ

---

[1]) „Восходъ“, еженедѣл. прил. 1883 г.
[2]) „Грамотѣй“ 1875 г., № 2, стр. 59.

Рѣчи—пѣсни соловьиныя.
Ахъ ты, горе, горе горькое,
Ты слезами все облитое,
Среди холода и голода
Злой тоскою перевитое.
Отъ тебя дѣваться некуда;
Не поборешь тебя силою,
Не разжалобишь покорностью
И нуждою терпѣливою.

Ахъ ты, горюшко великое,
Разудалый добрый молодецъ,
Забубенная головушка,
Беззаботный, горькій пьяница.
Ужъ на что же ты, крестьянскій сынъ,
Полагаешься—надѣешься,
На поляхъ трава не кошена,
Борона, соха заброшена.
Всѣ пожали рожь высокую,—
На гумно свезли до осени,
Лишь твоя одна полосынька
Не пожата и не скошена.
Какъ у всѣхъ-то избы крытыя
Новымъ тёсомъ иль соломою,
Уплатили люди добрые
Всѣ повинности крестьянскія.
А твоя изба отъ времени
Вся сгнила и покачнулася,
Хлѣба нѣтъ въ амбарѣ зернышка,
Недоимки накопилися...
Ужъ и всѣ-то люди добрые
Въ Божій храмъ идутъ нарядные:
Ты-жъ идешь, понуря голову,
На тебѣ шапченка рваная
И худой кафтанъ съ заплатами,
Изъ лаптей торчатъ онученьки,
Все мочалами опутаны,
Да и лыкомъ изукрашены.
Выйдешь ты на сходку пьяненькій,
Клонишь голову повинную,
Міръ галдитъ... а ты словечушка
Имъ не выскажешь разумнаго...

Ахъ пропала твоя волюшка,
Твоя сила непомѣрная,
Загубила добра молодца
Любовь къ милой неизмѣнная,
Что съ тобою въ лѣто жаркое
Въ чистомъ полѣ повстрѣчалася,

На любовь твою отвѣтила,
А потомъ и насмѣялася.
Безъ нее ты вѣдь, крестьянскій сынъ,
Не имѣлъ тоски-заботушки,
Не пилъ чары зелья пьянаго,
Не зналъ устали въ работушкѣ,
Въ чужихъ людяхъ былъ почетный гость,
Дома самъ-большой работничекъ,
Былъ кормилецъ отца съ матерью
И родной семьи помощничекъ.
А теперь ты, добрый молодецъ,
Словно самъ себя пугаешься,
Какъ подъ вечеръ къ цаловальнику
По задворной пробираешься [1]).

Въ Москвѣ я розыскалъ одного стараго петербургскаго друга, работающаго на табачной фабрикѣ Габая и, проживъ безъ должности у него на квартирѣ до 2-го января 1872 года, поступилъ за 8 рублей въ мѣсяцъ къ одной помѣщицѣ Софьѣ Павловнѣ Сикериной на должность лакея.

„Нужда научаетъ молиться".

Такъ и я принужденъ былъ ею

Облечь себя въ лакейскую ливрею.

Живя здѣсь, 13 февраля я сильно простудился и пролежалъ 8 дней въ больницѣ. По выходѣ изъ больницы прожилъ у г-жи Сикериной до 1-го мая, а 4-го числа ѣздилъ на родину за новымъ паспортомъ и, возвратившись обратно, поступилъ на туже должность къ ярославскому помѣщику Ивану Константиновичу Владыкину, въ отъѣздъ, въ его имѣніе, находящееся въ Романо-Борисоглѣбскомъ уѣздѣ, куда въ ночь на 25-е мая 1872 г. я и пріѣхалъ.

Село Алексѣйцево (имѣніе г. Владыкина) отстоитъ въ 26 верстахъ отъ Ярославля. Это очень красивый деревенскій уголокъ, окруженный на большое пространство полями и лѣсомъ. Большой, старинной постройки, въ 2 этажа каменный домъ, съ примыкающимъ къ нему садомъ, обнесеннымъ деревянной рѣшеткой, тонулъ въ зелени липъ, березъ и душистой сирени. За нимъ виднѣлась небольшая каменная церковь и кладбище. Передъ домомъ находился флигель, сараи и конюшни. По моемъ пріѣздѣ семейство Владыкина состояло всего изъ 3-хъ членовъ: самого владѣльца, еще молодого человѣка лѣтъ 23, его сестры Варвары Константиновны, молодой, умной и весьма симпатич-

[1]) „Грамотѣй", 1873 г., № 12.

ной барышни, и ихъ старушки няни Анны Спиридоновны. Проживя нѣсколько дней въ имѣніи, Владыкинъ, въ сопровожденіи сестры и няни, уѣхалъ жениться на графинѣ Ольгѣ Ивановнѣ Головиной, а я на все время ихъ отсутствія остался въ Алексѣйцевѣ и, пользуясь полной свободой, писалъ стихотворенія, рылся въ старой библіотекѣ и дѣлалъ прогулки по полямъ и лѣсу. Вотъ дневникъ, веденный мною съ этого времени:

Съ пріѣздомъ И. К. Владыкина съ молодою супругою, сестрою и нянею домъ принялъ какой-то праздничный видъ.

20-го іюля 1872 г. Г. Владыкинъ, случайно узнавъ, что я пишу стихи, пожелалъ непремѣнно ихъ прочесть сегодня въ присутствіи своей молодой супруги и сестры. Послѣдняя, по окончаніи ихъ чтенія, подозвала меня къ себѣ и сказала: «въ вашихъ стихахъ такъ много красоты и удачныхъ выраженій, что, право, нѣкоторые изъ нихъ могутъ соперничать съ стихами Кольцова».

1 сентября. Въ село Алексѣйцево, съ нѣкотораго времени, часто сталъ наѣзжать одинъ небогатый помѣщикъ, лѣтъ 33-хъ, холостой, звали его Иваномъ Федоровичемъ Трушинскимъ. Онъ, какъ я узналъ, послѣ въ одной изъ московскихъ гостинницъ застрѣлился, и просилъ въ посмертномъ своемъ письмѣ г. Владыкина непремѣнно похоронить его на кладбищѣ села Алексѣйцева. Этотъ человѣкъ былъ немного композиторъ и вмѣстѣ съ Варварой Константиновной игралъ въ двѣ руки на роялѣ. По его просьбѣ я переписалъ ему на память нѣсколько моихъ стихотвореній.

Одинъ разъ съ Трушинскимъ въ Алексѣйцево пріѣхалъ господинъ маленькаго роста, съ черными, коротко остриженными волосами и небольшими усиками. Это былъ Яковъ Ивановичъ Сычевъ, пишущій композиціи преимущественно на народныя русскія и малороссійскія пѣсни, которыя у любителей этого рода музыки уже пользовались нѣкоторою извѣстностью. Въ бытность свою онъ написалъ ноты на пѣсню «Золотой рыбки» изъ поэмы Лермонтова «Мцыри» и посвятилъ ихъ В. К. Владыкиной, музыкой и пѣніемъ которой я просто заслушивался.

Кромѣ того, Я. И. Сычевъ написалъ для нея музыку на слова пѣсни Кольцова:

Отъ чего, скажи,
Мой любимый серпъ,
Почернѣлъ ты весь,
Что коса моя?

Музыку и пѣніе, которыя я слышалъ отъ Варвары Константиновны, были верхъ совершенства.

29 сентября. На этотъ разъ Трушинскій пріѣхалъ въ сопровож-

деніи ярославскаго литератора Николая Николаевича Балкашина, который привезъ съ собою въ рукописи еще ненапечатанную свою комедію въ 5 дѣйствіяхъ подъ заглавіемъ: «Гнѣзда не совьютъ». Читалъ онъ ее въ присутствіи Владыкина, Варвары Константиновны и Трушинскаго. При этомъ чтеніи, по своему положенію (лакея), я быть не могъ, но слышалъ отзывъ о ней Владыкина, что комедія написана хорошо и личности, въ ней выведенныя, будто-бы еще здравствуютъ до сихъ поръ.

Вечеромъ я условился встрѣтиться въ саду съ одной красивой деревенской дѣвушкой, въ ожиданіи чего тотчасъ и написалъ слѣдующую серенаду:

Ночь ясна, съ небесъ глядится
Звѣздочка одна,
И по листьямъ серебрится
Полная луна.
На траву ложатся тѣни,
И блеститъ роса,
А въ кустахъ густой сирени
Дѣвица-краса
Тайно друга дожидаетъ
Въ полуночный часъ
И съ тропинки не спускаетъ
Лучезарныхъ глазъ.
Впереди шумятъ березы.
Навѣваютъ ей—
Сердцу радостныя грёзы
О любви своей;
Сладость тайнаго свиданья
Позднею порой
И горячаго лобзанья
Пламень огневой.
Ахъ, приди, мой другъ прекрасный,
Поскорѣй приди,—
И уйми ты пламень страстный
Въ молодой груди!..

Свиданію моему съ дѣвушкой помѣшали, но «Серенада» Варварѣ Константиновнѣ Владыкиной и Трушинскому такъ понравилась, что послѣдній положилъ ее на музыку и она послѣ распѣвалась даже въ нѣкоторыхъ московскихъ гостинныхъ.

6 октября 1872 г. изъ Алексѣйцева я снова возвратился въ Москву, а 1-го ноября г. Владыкинымъ въ его квартирѣ на Остоженкѣ былъ устроенъ балъ и я, одѣтый во фракъ и бѣлый жилетъ, долженъ былъ прислуживать у стола. Въ числѣ прочихъ гостей находились его дядя князь Ширинскій-Шихматовъ съ супругой и молодыя дочери его тещи графини Головиной, которыя, усѣвшись въ гостинной, читали взятую у

меня И. К. Владыкинымъ тетрадку пѣсенъ, а Варвара Константиновна, подъ акомпаниментъ рояля, пропѣла мою «серенаду». Гости отчасти, кажется, смотрѣли на меня какъ на диковинку, и я находился тогда въ крайне комическомъ положеніи лакея-стихотворца... Одна молоденькая графиня N, которой особенно понравилась только что пропѣтая Варварой Константиновной «серенада», тутъ-же попросила меня ее переписать, на что я, конечно, безпрекословно и согласился.

Теперь, прежде чѣмъ перейти къ послѣдующему описанію моей жизни, не лишнимъ считаю привести здѣсь одно изъ характернѣйшихъ моихъ стихотвореній этого (1872) года:

Я жилъ и только мучился,
Да горе выносилъ,
Работалъ что есть моченьки
До изнуренья силъ.
Кормилъ семью изрядную,
Всегда платилъ оброкъ.
Вдругъ что-то занеможилось
И я въ больницу легъ.
Да шутка-ли! три мѣсяца
Безъ малаго лежалъ
И одному пріятелю
Цѣлковый задолжалъ.
А вышелъ изъ больницы я—
Въ карманѣ ни гроша,
На плечахъ аммуниція
Куда нехороша;
Пальтишко еле держится,
Скривились сапоги,—
И словно на смѣхъ вылѣзли
Всѣ пальцы отъ ноги.
Рубаха деревенская
Сквозь рубище видна,
Фуражка на подобіе
Огромнаго блина.
И въ этомъ облаченіи
Куда я могъ идти,
Не хватитъ вѣдь терпѣнія
По улицѣ пройти;
Вѣдь всякій за мазурика
Аль нищаго почтетъ,
А строгая полиція
Въ участокъ отведетъ.
Такое положеніе,
Хоть просто волкомъ вой.

* * *

Однажды поздно вечеромъ
Я шелъ по мостовой;
А вѣтеръ дулъ безжалостно
Въ дырявое пальто
И человѣка бѣднаго
Не ставилъ ни вочто.
„Тебя дескать и надобно
Голубчика пробрать,
Что-бъ тѣло свое грѣшное
Изволилъ прикрывать!“
Отъ думъ на щеки блѣдныя
Просилася слеза,
Вдругъ вывѣска „распивочно“
Мнѣ бросилась въ глаза;
Погрѣться не мѣшало-бы,
Подумалося мнѣ,
И я рукой дрожащею
Ощупалъ портъ-моне,
Въ которомъ оказалося
Два мѣдныхъ пятака,
Что взялъ на слово честное
Вчера у земляка.
Тогда, не долго думая,
Я ускорилъ свой шагъ
И въ эту ночь угрюмую
Отправился въ кабакъ,
Гдѣ вижу люди русскіе
Очищенное пьютъ
И пѣсни деревенскія
Горланятъ и поютъ.
Одинъ изъ нихъ съ гитарою,
Съ поникшей головой,
Наигрывалъ „По улицѣ
Широкой мостовой“;
Потомъ кудрями русыми
Вдругъ молодецъ встряхнулъ,
Ударилъ въ струны звонкія
И грустно затянулъ:

„Со кручинушки добрый-молодецъ
Зашатался,
А и съ той поры, какъ съ красавицей
Распрощался.
Охъ, нигдѣ, нигдѣ добру-молодцу
Нѣтъ спокоя,
Отъ любви-тоски изболѣло все
Ретивое!
Кудри русые у молодчика
Распустились,

Очи ясныя, соколиныя,
Помутились.
Прошла молодость, безо времени
Прокатилась,
Красота моя молодецкая
Износилась.
А въ деревнѣ жилъ добрый-молодецъ
Безъ печали,
А до той поры какъ красавицу
Повѣнчали;
Какъ свели съ двора въ нову гореньку
Молодую,—
Я оставилъ домъ, свою родину
Дорогую.
Ни родная мать добра-молодца
Провожала,
Ни сестра меня разудалаго
Цѣловала,
А разлучника молода жена
Выходила
И украдкою черезъ темный лѣсъ
Проводила,—
Знать сердечушко у молодушки
Защемило.
И я съ той поры, какъ съ молодкою
Разлучился,
Словно травушка подкошенная
Изсушился".

* * *

Долго пѣли пѣсни разныя,
Цѣловальникъ не зѣвалъ,
И вино въ стаканы грязные
То и дѣло наливалъ.
Пріударилъ вновь дѣтинушка
Въ струны звонкія рукой,
И запѣли всѣ „Лучинушку",
Въ тактъ качая головой.
Выпилъ я — и вдругъ забылася
Злая горькая нужда
И въ душѣ зашевелилася
Жажда прежняя труда [1]).

Въ іюнѣ 1873 года я опять съ семействомъ И. К. Владыкина отправился въ село Алексѣйцево, куда вмѣстѣ съ новой старушкой-няней, приставленной г. Владыкинымъ къ своему новорожденному сыну,

---

[1]) См. „Грамотѣй" 1874 г., № 2, стр. 56.

тоже пріѣхала гостить и ея дочь, красивая съ большими голубыми глазами блондинка, довольно образованная дѣвушка лѣтъ 19. Я съ нею еще и прежде немного познакомился, когда она въ Москвѣ приходила къ матери, по пріѣздѣ-же въ Алексѣйцево знакомство это укрѣпилось и мы, наконецъ, полюбили другъ друга.

Мать моей невѣсты была согласна на бракъ только въ томъ случаѣ, если я найду себѣ должность болѣе независимую и матеріально обезпечивающую; поэтому по пріѣздѣ изъ Алексѣйцева въ Москву 14 октября я немедленно уволился отъ И. К. Владыкина и сталъ подыскивать себѣ должность по торговой или по письменной части; въ то же время, 17 октября 1873 г. я рѣшился отнести въ редакцію народнаго журнала «Грамотѣй» тетрадку своихъ стихотвореній, изъ которыхъ въ декабрьской книжкѣ этого журнала (1873 г.) и была напечатана «Пѣсня про горе добра-молодца».

Толкаясь въ Москвѣ, я долго искалъ должности помимо лакейской, къ которой никогда не имѣлъ ни призванія, ни охоты, въ чемъ, не безъ основанія, могъ убѣдиться и И. К. Владыкинъ, въ шутку говорившій мнѣ: «ты, братецъ, отличный человѣкъ, но какъ лакей, ни къ чорту не годишься». Накопецъ, 4 ноября, по рекомендаціи Алексѣя Васильевича Селиванова, я поступилъ было на должность секретаря къ князю Оболенскому, занимавшему, какъ мнѣ помнится, тогда должность прокурора Московскаго окружнаго суда.. Но когда этотъ милый князь, по окончаніи моихъ письменныхъ занятій, вздумалъ каждый разъ превращать меня въ лакея, то я, проживъ у него около мѣсяца, и уволился. Невѣста моя жила на квартирѣ. Я изрѣдка ходилъ къ ней и приносилъ книги, но между нами не было уже прежней теплоты и искренности; дѣло въ томъ, что я, не видя впереди никакой перемѣны и улучшенія въ моей труженической жизни, сталъ колебаться въ возможности счастія въ предполагаемомъ бракѣ; поэтому, когда я въ послѣдній разъ, совершенно случайно, встрѣтился съ нею на улицѣ, то она, взглянувъ на меня, горько улыбнулась и сказала: «васъ нынче просто нельзя узнать»!

— Да, отвѣтилъ я, — къ несчастію, я уже сталъ не тотъ, какимъ вы меня знали прежде.

Тогда-же въ Москву пріѣхала моя матушка и требовала, чтобы я ѣхалъ съ нею въ деревню, на что я не согласился и рано утромъ, 8 декабря, украдкой отъ матери и почти ни съ кѣмъ не простясь, отправился снова искать счастія по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ. Сидя уже въ вагонѣ, я поневолѣ запѣлъ написанную въ этомъ году свою любимую пѣсню:

Какъ листокъ оторванъ
Съ вѣточки родимой,
Бурею по волѣ
По полю гонимый,—
Такъ и я по свѣту
Бѣлому скитаюсь,
Не живу, а только,
Горемычный, маюсь.
Дни идутъ за днями,
Годы за годами,
Молодость проходитъ
Съ свѣтлыми мечтами.
Надо мною тучи,
Бури. да мятели,
Отъ тоски-кручины
Кудри посѣдѣли.
Гибнетъ незамѣтно
Сила и здоровье,
Сердце не согрѣто
Теплою любовью.
Грустный, одинокій
Вѣкъ свой доживаю,
Да про злое горе
Пѣсни напѣваю [1]).

По пріѣздѣ въ Петербургъ я опять поступилъ въ табачный магазинъ подручнымъ приказчика за 8 рублей въ мѣсяцъ и отсюда, когда въ февральской книжкѣ «Грамотѣя» 1874 г. было напечатано мое второе стихотвореніе «Пѣсня про солдата», я въ письмѣ отъ 9 апрѣля къ издателю г. Алябьеву просилъ его выслать мнѣ за нихъ этотъ журналъ, то издатель въ своемъ письмѣ отъ 15 апрѣля изъявилъ полную готовность исполнить мою просьбу и я вскорѣ началъ получать журналъ, въ которомъ продолжалъ помѣщать свои стихотворенія вплоть до его прекращенія.

Въ концѣ мая 1874 г. Ташкентскій купецъ армянинъ Степанъ Балтазаровичъ Агамаловъ, имѣя въ Ташкентѣ собственную табачную фабрику, предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ туда по контракту въ качествѣ прикащика магазина съ окладомъ жалованья 1,200 руб. за три года при готовомъ содержаніи и его проѣздомъ туда и обратно. Я не зналъ хорошо этого человѣка, но 1,200 рублей и новая сторона, гдѣ зрѣетъ виноградъ и наливаются персики и сливы, совершенно вскружили мою горячую голову. Я оставилъ Петербургъ и, простившись съ родной деревушкой, послѣ 28 дневнаго пути по желѣзнымъ дорогамъ,

---

[1]) „Грамотѣй“, 1874 г., № 9, стр. 38.

по Волгѣ, на лошадяхъ и верблюдахъ по киргизской пустынной степи, 26-го іюня 1874 г. пріѣхалъ въ Ташкентъ. До этого всю дорогу уносясь къ воспоминанію о своей возлюбленной невѣстѣ:

Когда носились облака
По небу цѣпью золотою
И разливалася рѣка
Въ зеленой рамѣ лозняка,
Блестя прозрачной глубиною...
Когда тебя я ожидалъ
Иль въ блескѣ дня и лунной ночи,
Смотрѣлъ въ задумчивыя очи
И поцѣлуемъ покрывалъ
Твои уста.
А ты стояла
Съ любовью чистой и святой,
Склонившись къ груди молодой,
Мнѣ рѣчи сладкія шептала.
Какіе чудные цвѣты
Тогда пестрѣли надъ полями,
Какими свѣтлыми очами
На Божій міръ смотрѣла ты.
Какъ много было упованья,
Какъ много было вѣры въ насъ,
Какъ дорогъ былъ намъ каждый часъ
Съ тобою тайнаго свиданья,
Какъ былъ мнѣ милъ языкъ свободный,
Твоя святая простота,
Но предо мною, какъ мечта,
Мелькнулъ твой образъ благородный,
Я сталъ не тотъ, и ты не та.

Она, какъ я узналъ отъ ея матери, когда проѣзжалъ черезъ Москву, вышла замужъ. Агамаловъ оказался человѣкомъ въ высшей степени черствымъ и деспотическимъ. Особенно отъ него доставалось рабочимъ фабрики, которые бо́льшею частію были привезены, подобно мнѣ, изъ Россіи. Я, глядя на ихъ горемычное житье, въ августѣ 1875 года, написалъ свои «пѣсни»:

I.

Трудъ да горе, капли пота
Пополамъ съ слезой,
И тяжелая забота
Съ вѣчною нуждой.
Ломота въ костяхъ, мозоли
Съ грязью на рукахъ,
Жизнь безъ счастія и воли
Въ четырехъ стѣнахъ.

Холодъ, голодъ и страданье
Тѣла и души.
И за трудъ, какъ подаянье,
Мѣдные гроши...
Солнце весело проглянетъ,
Птичка запоётъ,
Пѣсню ей въ отвѣтъ затянетъ
Чуть не весь заводъ.
Изъ груди разбитой льются
Плачутъ голоса,
А надъ пѣснею смѣются
Взмахи колеса.

II.

Часы бѣгутъ,
Гнетущій трудъ
Ни чѣмъ не нарушая,
А впереди,
Того и жди,
Нужда задавитъ злая.
Отъ горя-бѣдъ
Во цвѣтѣ лѣтъ
Мы силу-мочь теряемъ
И въ нищетѣ
По простотѣ
Душевной погибаемъ.
У насъ всегда
Одна бѣда
Смѣняется другою.
Покуда гробъ
Не скроетъ попъ
Могильною землею [1]).

Между рабочими я особенно сблизился съ Лазаремъ-Альбоумъ-Антономъ Саркисовымъ и его женой Аграфеной Ивановной. Послѣднюю даже выучилъ писать, а когда у ней родилась дѣвочка, то сдѣлался ея крестнымъ отцемъ. Не смотря на это, я страшно тосковалъ по Россіи, и когда въ сентябрѣ 1875-го года старикъ Агамаловъ предложилъ мнѣ, подъ видомъ закупки товаровъ, ѣхать съ нимъ въ Петербургъ, я съ радостью согласился. Онъ довезъ меня только до города Орска и предложилъ мнѣ нарушить съ нимъ контрактъ, ссылаясь на то, что теперь должность мою будетъ занимать его младшій сынъ и я ему не нуженъ, за что, въ видѣ неустойки, предложилъ мнѣ 30 рублей деньгами и обязывался довезти меня до Москвы или

[1]) «Слово» 1878 г., № 4.

Петербурга. Я на все согласился и здѣсь же подписалъ свое отреченіе отъ контракта. Но этотъ .... довезъ меня только до Самары.

Отсюда я отправился уже на свой счетъ и 27-го сентября пріѣхалъ на родину, а 1-го октября нашелъ и сосваталъ себѣ невѣсту, дочь крестьянина Афанасія Филипповича Чуркина, Марію, съ которой 12-го октября 1875 г. въ нашей приходской церкви и обвѣнчался.

Жена моя, родившаяся въ январѣ 1855 года, была безграмотная, но умная и въ высшей степени симпатичная женщина. Она не поражаетъ красотой, но привлекаетъ выразительностію черныхъ глазъ, много любитъ говорить и умѣетъ кстати сказать мѣткое, смѣшанное съ самороднымъ чисто-русскимъ юморомъ, слово.

Она поетъ очень хорошо народныя пѣсни; на мое-же занятіе книгами и поэзіей пока смотритъ какъ на пустое препровожденіе времени. Впрочемъ это общій взглядъ моей семьи и всего нашего безграмотнаго люда.

С. Г. Дрожжинъ.

С.-Петербургъ.
1884 г.

(Окончаніе слѣдуетъ).

5-ое октября 1884 г.

ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

САМОЙЛОВЪ

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ

ЕГО АРТИСТИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

1834—1884.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Десять лѣтъ тому назадъ „Русская Старина" привѣтствовала знаменитаго нашего артиста В. В. Самойлова съ годовщиною сороколѣтняго славнаго его служенія русскому театру. (См. „Русскую Старину" изд. 1875 г., томъ XII, январь, изд. второе, стр. 197—219).

Нынѣ, 5-го октября 1884-го года, истекаетъ полустолѣтіе съ того дня, когда Василій Васильевичъ впервые выступилъ на то поприще, которое сдѣлало его имя славнымъ.

Каждый, кто только не равнодушенъ къ славѣ отечественнаго театра, кто понимаетъ и умѣетъ цѣнить его лучшихъ, талантливѣйшихъ подвижниковъ, тотъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ такимъ, въ высшей степени рѣдкимъ, моментамъ, какъ пятидесятилѣтній юбилей служенія артиста въ области одного изъ труднѣйшихъ искусствъ, каковъ театръ.

В. В. Самойловъ дорогъ русскому обществу потому, что его неистощимый по разнообразію, его многогранный талантъ воспроизвелъ на сценѣ, въ высшей степени художественно, многія сотни типовъ, нерѣдко лишь только намѣченныхъ драматургами русскими и иноземными, произведенія которыхъ появлялись на русской сценѣ; онъ дорогъ и потому, что въ этомъ, нынѣ маститомъ, старцѣ мы видимъ живой памятникъ славнѣйшаго періода русскаго театра 1830—1860-го годовъ. Сотоварищи Самойлова, дѣлившіе съ нимъ его славу: В. А. Каратыгинъ, Я. Г. Брянскій, Н. О. Дюръ, А. М. Максимовъ, А. Е. Мартыновъ, И. И. Сосницкій и другіе давно переселились въ царство тѣней. И тѣмъ сердечнѣе, живѣе привѣтствуемъ мы единаго изъ славной плеяды артистовъ петербургскаго театра—нашего великаго Самойлова.

Да, если за рубежемъ Россіи,—нѣмцы, французы, итальянцы гордятся своими драматическими и комическими артистами и отводятъ лучшимъ изъ нихъ, зачастую весьма пристрастно, мѣста въ пантеонахъ славнѣйшихъ своихъ мужей, то какъ же намъ, русскимъ, не гордиться поистинѣ великимъ артистомъ!

Взгляните на его полувѣковое служеніе отечеству въ области русской сцены.

Самойловъ выступилъ 5-го октября 1834 г. въ оперѣ Мегюля „Іосифъ Прекрасный", подъ ближайшимъ руководствомъ своего даровитаго отца, и сразу выдѣлился прекраснымъ голосомъ, манерами, жизненною правдою въ игрѣ. Уже съ слѣдующаго года онъ появляется попеременно то въ операхъ, то въ водевиляхъ. Предъ молодымъ, талантливымъ артистомъ разстилается однако, въ первые годы его артистической дѣятельности, весьма тернистый путь и онъ не минуетъ тяжкихъ лишеній и испытаній. Объ этихъ горькихъ годахъ Самойловъ разсказываетъ въ отрывкѣ изъ своихъ интересныхъ воспоминаній, помѣщенномъ вслѣдъ за этими строками.

Но уже съ 1839-го года В. В. Самойловъ дѣлается любимцемъ публики Первый, кто провидѣлъ въ немъ мощный талантъ, былъ императоръ Николай

Павловичъ. Этому государю, заслуги котораго въ области поддержки и развитія русскаго искусства вообще и театра въ особенности далеко еще не оцѣнены по достоинству, всецѣло принадлежитъ честь указать и поставить на подлежащее, почетное, мѣсто такой сильный талантъ, каковъ былъ и есть Самойловъ.

Василій Васильевичъ вполнѣ оправдалъ прозорливость и оцѣнку императора Николая: полъ вѣка артистъ этотъ пользуется полною любовью и безпредѣльнымъ сочувствіемъ русскаго общества.

До шести сотъ ролей въ самыхъ разнообразныхъ пьесахъ сыграны Самойловымъ предъ тремя, четырьмя поколѣніями русскихъ людей. Но что мы говоримъ—сыграны! Если о комъ изъ артистовъ можно сказать, что онъ создалъ тѣ или другія роли, такъ это именно о Самойловѣ. И создавая, онъ творилъ не только по вдохновенію,—нѣтъ, а на основаніи внимательнаго, глубокаго изученія тѣхъ источниковъ историческихъ и литературныхъ, гдѣ только могъ отыскать данныя для уясненія себѣ нравственныхъ чертъ своего героя.

Мало этого, прекрасный художникъ-живописецъ Самойловъ, въ краскахъ, на страницахъ своихъ знаменитыхъ альбомовъ артиста, всегда ранѣе, чѣмъ появлялся въ изучаемой имъ роли, представлялъ создаваемый имъ затѣмъ на сценѣ типъ именно такимъ, какимъ онъ долженъ былъ быть въ жизни.

Этотъ многотомный альбомъ — сокровище безцѣнное; это наглядное, истинно художественное свидѣтельство того упорнаго труда, который вносилъ нашъ великій артистъ въ свое служеніе отечественному театру.

Напомнимъ еще весьма важную особенность Василія Васильевича. Талантливый рисовальщикъ, острый карикатуристъ, наблюдательный Самойловъ почти не имѣлъ и не имѣетъ соперниковъ въ искусствѣ гримироваться: никто не умѣлъ и не умѣетъ такъ, какъ онъ, поразительно вѣрно изобразить типы: француза, поляка, нѣмца, англичанина, чухонца, итальянца, грека татарина, еврея и многихъ другихъ инородцевъ и иноземцѣвъ.

Превосходный выполнитель какой либо, повидимому ничтожной, роли въ водевилѣ, который только и оживлялся его игрою, тотъ же Самойловъ являлся и является неподражаемымъ въ бытовыхъ русскихъ комедіяхъ, въ драмахъ и наконецъ, въ историческихъ трагедіяхъ величайшихъ писателей, каковъ Шекспиръ!

Поименовывать ли роли, созданныя Самойловымъ?

Едва ли это нужно, скажемъ болѣе: это трудно, ибо потребуетъ много печатныхъ страницъ. При томъ главнѣйшія изъ ролей, имъ выполненныхъ, свѣжи въ памяти всѣхъ, кому только довелось насладиться величайшимъ удовольствіемъ: видѣть В. В. Самойлова на сценѣ театра [1]).

Привѣтъ и самое сердечное пожеланіе многихъ, многихъ лѣтъ жизни маститому великому русскому артисту и да будетъ ему слава во вѣки вѣковъ въ лѣтописяхъ россійскаго театра.

Михаилъ Семевскій.

---

[1]) Мы имѣемъ полный списокъ его ролей и, какъ матеріалъ для исторіи русскаго театра, постараемся помѣстить этотъ перечень на страницахъ «Русской Старины». Ред.

ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ САМОЙЛОВЪ

ВЪ РАЗСКАЗѢ

О НАЧАЛѢ СВОЕЙ АРТИСТИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ [1].

Я передамъ здѣсь, на страницахъ „Русской Старины“,— нѣкоторые эпизоды изъ моей жизни, думая, что они будутъ довольно любопытны для читателей, въ особенности для тѣхъ изъ нихъ, которые интересуются театральнымъ искусствомъ и артистическою жизнью дѣятелей его.

О частной жизни своей я умолчу, не находя ее довольно интересной для читателей; а жизнь каждаго актера, собственно на театральныхъ доскахъ, должна бы быть общимъ достояніемъ и исключительно принадлежать лѣтописямъ театра.

I.

Я никогда не имѣлъ особеннаго влеченія къ сценѣ, хотя отецъ мой принадлежалъ къ театру и былъ извѣстный пѣвецъ. На сцену я попалъ почти случайно.

Случилось разъ, что покойный императоръ Николай, встрѣтившись съ отцомъ моимъ, спросилъ, отчего онъ ни одного изъ своихъ

---

[1]) Разсказъ этотъ впервые былъ помѣщенъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1875 г., томъ XII, январь, стр. 208—219. Здѣсь мы его вновь перепечатываемъ, имѣя въ виду, что „Русская Старина“ изд. 1875 г. уже десять лѣтъ тому назадъ разошлась вся до послѣдняго экземпляра. Во всякомъ случаѣ, мы увѣрены, что читатели не посѣтуютъ на насъ, что мы, по случаю пятидесятилѣтней годовщины артистической дѣятельности В. В. Самойлова, возобновляемъ въ памяти многочисленныхъ почитателей этого великаго по таланту артиста его собственный разсказъ о началѣ его славной артистической дѣятельности. Отрывокъ этотъ весьма обязательно вновь пересмотрѣнъ авторомъ.

Ред.

сыновей не опредѣлитъ на сцену. „Развѣ ни одинъ изъ нихъ не наслѣдовалъ твоего таланта?“ спросилъ государь.

— „Таланты есть“, отвѣчалъ отецъ, „но всѣ сыновья мои на службѣ и каждый изъ нихъ обязанъ десять лѣтъ отслужить за̀ свое образованіе, которое получилъ отъ покойнаго императора Александра“.

— „А если таланты есть“, возразилъ государь, „давай ихъ къ намъ на сцену; офицеровъ всегда сдѣлать можно, а артистовъ нѣтъ“.

Покойный отецъ, говоря съ увѣренностью о талантахъ своихъ дѣтей, имѣлъ основаніе потому, что самъ видѣлъ ихъ на сценѣ.

Я и два брата мои получили образованіе въ Горномъ корпусѣ. Въ 1820-хъ годахъ Горный корпусъ былъ образцовымъ заведеніемъ. Воспитанники оканчивали курсъ на правахъ университета и кромѣ наукъ тамъ въ особенности старались развивать любовь къ изящнымъ искусствамъ. Тамъ преподавали живопись, музыку, пѣніе, фехтованіе, танцы. Въ Горномъ корпусѣ былъ свой оркестръ, свои пѣвчіе, свой театръ, и ученики постоянно, предъ многочисленнымъ обществомъ, являлись на сцену пробовать свои силы. Отецъ же мой, какъ знамѐнитый пѣвецъ и актеръ, почти всегда приглашался присутствовать при подобныхъ представленіяхъ и здѣсь-то онъ имѣлъ возможность самому увидѣть дарованіе своихъ дѣтей.

Я же, бывши въ корпусѣ, постоянно отказывался играть на сценѣ: я былъ недуренъ собою и, къ несчастію, на мою долю все доставались роли молодыхъ дѣвушекъ, что принять на себя я считалъ обиднымъ для своего самолюбія, такъ что отцу моему ни разу не пришлось меня видѣть на сценѣ. Но у меня былъ хорошій голосъ—теноръ, и отецъ не разъ говаривалъ, что жаль, что такой голосъ пропадаетъ безъ всякой пользы для сцены. Вѣроятно и теперь эта мысль была причиною, что выборъ отца палъ на меня.

Въ то время я былъ офицеромъ и пріѣхалъ къ отцу въ отпускъ въ Петербургъ. Тогда онъ мнѣ разсказалъ свой разговоръ съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ и объявилъ о своемъ желаніи; хотя оно и не совсѣмъ совпадало съ моимъ, но я не хотѣлъ идти противъ отца и мой дебютъ былъ назначенъ въ оперѣ Мегюля: „Іосифъ Прекрасный“ въ роли Іосифа. Проходилъ со мною партію Далѐко, отецъ знаменитой пѣвицы Шоберлехнеръ. До дебюта моего меня никто не слыхалъ.

Разъ только случилось, что актеръ М. С. Щепкинъ, пріѣхавъ изъ Москвы, посѣтилъ моего отца. Отецъ разсказалъ ему о своемъ намѣреніи отдать меня на сцену и предложилъ ему послушать мой голосъ. Хотя отецъ былъ почти увѣренъ въ моемъ успѣхѣ, но невольно въ отцовскомъ сердцѣ пробуждалось нѣкоторое сомнѣніе и боязнь за сына, тѣмъ болѣе, что поприще, на которое я приготавливался вступить, было мнѣ указано почти однимъ отцомъ; невольный страхъ подвергнуть меня неудачи тревожилъ его и ему какъ бы хотѣлось отъ другого услышать подтвержденіе, что онъ не ошибается въ своемъ рѣшеніи. И такъ, по приказанію отца, я пропѣлъ арію изъ Іосифа. На сколько мое пѣніе было хорошо и удачно—я самъ о томъ не могъ судить отъ сильнаго волненія, но, по окончаніи аріи, я замѣтилъ, что отецъ остался доволенъ мною, а на глазахъ Щепкина виднѣлись слезы.

— „Ты, пожалуйста, не торопись увлекаться твоимъ первымъ успѣхомъ“, поспѣшилъ сказать мнѣ отецъ, „во первыхъ, Михаилъ Семеновичъ очень снисходителенъ, а во вторыхъ, ужъ черезъ-чуръ чувствителенъ; онъ отъ всего плачетъ: видно ужъ у него глаза на мокромъ мѣстѣ“.

Не смотря однакожъ на слова свои, въ которыхъ слышалось недовѣріе къ оцѣнкѣ Щепкина, и боязнь, чтобы я не возмечталъ многаго о своемъ голосѣ, послѣ его искренних и горячихъ похвалъ, — самъ отецъ остался видимо доволенъ впечатлѣніемъ, которое произвело на него мое пѣніе, хотя и не желалъ этого выказать ни передъ нимъ, ни передо мною.

Вскорѣ день моего перваго дебюта былъ назначенъ; но я приготавливался къ нему безъ особеннаго волненія. Меня никто не училъ сценаріуму. На репетиціяхъ, отецъ, видя во мнѣ задатки сценическаго дарованія, не хотѣлъ мнѣ давать своихъ совѣтовъ, чтобы не сбивать меня и не мѣшать развитію таланта, зная по опыту, что часто даваемые совѣты не прививаются и не усвоиваются, и въ то же время, и по этой самой причинѣ, своя манера выражать—исчезаетъ, утрачивается и бываетъ такъ, что на сценѣ актеръ все время въ замѣшательствѣ, припоминая чему его учили и боясь не забылъ ли онъ чего.

Наконецъ, настал день моего дебюта; это было 5-го октября 1834 года.

II.

Я пріѣхалъ въ Большой театръ вмѣстѣ съ отцомъ, который исполнялъ въ оперѣ „Іосифъ Прекрасный" роль Семіона.

Когда я одѣлся и вышелъ за кулисы, — случайно мнѣ вздумалось посмотрѣть сквозь занавѣсъ на публику. Зала была полна народомъ; я увидѣлъ множество моихъ товарищей по Горному корпусу, которые пришли на меня посмотрѣть. Сердце мое въ первый разъ вздрогнуло и мучительно сжалось какимъ-то страхомъ; я, какъ будто, только что сейчасъ узналъ, что дебютировать буду я, а не кто другой. Голова у меня закружилась отъ множества мыслей, одна другой грознѣе и одна другой неутѣшительнѣе, которыя замелькали передо мною; неизвѣстность какъ все кончится, неувѣренность въ себѣ, боязнь явиться передъ такой многочисленной публикой, въ особенности какой-то ложный стыдъ показаться смѣшнымъ товарищамъ и знакомымъ, мысль о полной неудачѣ и о томъ, что черезъ какой нибудь часъ уже поздно будетъ возвращаться съ той дороги, на которую я вступаю, — однимъ словомъ, я совсѣмъ оробѣлъ и растерялся. Не понимая хорошенько, что я дѣлаю, я бросился къ отцу, котораго засталъ уже совсѣмъ закостюмированнаго, и рѣшительно объявилъ ему, что играть я не буду и на сцену ни за что не выйду. Отецъ испугался, началъ меня урезонивать, а между тѣмъ увертюру уже съиграли и занавѣсъ поднялся. Первый выходъ былъ мой. Отецъ понялъ, что никакія разсужденія въ эту минуту на меня не подѣйствуютъ и рѣшился на отчаянное и послѣднее средство: онъ схватилъ меня за руку и насильно вытолкнулъ на сцену.

Мгновенно я былъ ослѣпленъ свѣтомъ рампы и множествомъ огней, и, въ первую минуту, совсѣмъ ошеломленъ такою неожиданностію, но почти въ то-же время мелькнуло у меня въ головѣ неуловимое сознаніе, что уже первый шагъ сдѣланъ и что уже возврату нѣтъ. Сейчасъ же оркестръ мнѣ подалъ аккордъ.

Почти ничего не видя передъ собою, скрѣпя сердце и съ какою-то отчаянною смѣлостію я началъ пѣть. Я не смотрѣлъ ни на кого въ залѣ, боясь встрѣтиться съ знакомымъ взоромъ, и подъ конецъ аріи, возбудивъ въ себѣ какую-то поддѣльную смѣлость, я началъ серьозно входить въ свою роль. Но это длилось не долго.

Пока я еще былъ одинъ на сценѣ, я могъ забыться и вообразить себѣ, что я настоящій Іосифъ, что я расхаживаю не по театральнымъ подмосткамъ, а попираю ногами дѣйствительную землю египетскую, что я окружонъ роскошными растеніями богатой природы, а не намалеванными кулисами, изображающими деревья; однимъ словомъ, давъ волю фантазіи и увлеченію, я бы еще долго могъ воображать себя неподдѣльнымъ сподвиженнымъ царя египетскаго, если бы не явился на сцену новый актеръ, отличающійся, какъ нарочно, плохимъ и въ особенности ненатуральнымъ исполненіемъ своихъ ролей. Когда онъ выступилъ на сцену, по старой методѣ, съ продолговатыми паузами послѣ каждаго шага, да замахалъ руками, да взвылъ нечеловѣчьимъ голосомъ,—я точно свалился съ небесъ въ преисподнюю. Увидѣлъ я, что я не Іосифъ прекрасный, а онъ, далеко не приверженецъ мой и что мы оба, въ настоящее время, потѣшаемъ публику. Тутъ вся моя прежняя робость ко мнѣ возвратилась еще съ большею силою; я началъ дрожать всѣмъ тѣломъ отъ волненія, такъ что всѣ блестки моего роскошнаго костюма заходили на мнѣ ходенемъ и выдали тѣмъ мое волненіе и мой страхъ. Весь первый и слѣдующій за тѣмъ речитативъ я пропѣлъ фальшиво.

Все же мой первый дебютъ былъ очень удаченъ. Повтореніе дебюта—то же.

Послѣ этихъ двухъ представленій, въ которыхъ я порядкомъ поизмучился и поволновался, я сильно захворалъ и слегъ; такъ, что въ третій разъ я явился на сцену спустя уже порядочное время въ бенефисъ отца, въ оперѣ Сандрильона, въ роли Рамира. Послѣ этихъ двухъ ролей, меня приняли на сцену, на жалованье въ двѣ съ половиною тысячи ассигнаціями.

III.

Если я съ первыхъ же дней пошелъ такъ сильно впередъ и началъ трудиться серьозно, то обязанъ этимъ только тому, что былъ очень несчастливъ на сценѣ. Всѣ притѣсненія, всѣ гоненія, какія только могли существовать, я всѣ ихъ перенесъ и испыталъ на себѣ. Имѣя характеръ сильный и твердый, я не упадалъ духомъ, — а бывши самолюбивъ — не хотѣлъ оставаться послѣднимъ по таланту; быть можетъ, при другихъ обстоятельствахъ

и другой болѣе счастливой обстановкѣ, мое дарованіе и не такъ бы скоро развилось. Во всякомъ случаѣ, не дай Богъ никому такою цѣною подготавливать и покупать себѣ славу и благосостояніе.

Я до сихъ поръ, вотъ уже слишкомъ 30 лѣтъ [1]), съ ужасомъ вспоминаю о томъ, что долженъ былъ переживать. Въ то время директоромъ театра былъ Александръ Михайловичъ Гедеоновъ. Покровительствуя постоянно воспитанникамъ театральнаго училища, котораго онъ былъ начальникомъ,—онъ притѣснялъ всѣхъ тѣхъ, кто поступалъ не изъ школы; не я одинъ подвергался его гоненіямъ: Асенкова, Воробьева, обѣ сестры мои и многіе другіе не были счастливѣе меня; но меня онъ въ особенности почтилъ своею ненавистью и кажется больше за то, что я, зная всѣ его мерзости, считалъ лишнимъ кланяться ему и показывать то уваженіе и почтеніе, которое не чувствовалъ. Ну, и заплатилъ же мнѣ за это достопочтеннѣйшій Александръ Михайловичъ!

Мнѣ памятенъ въ особенности одинъ случай изъ моей жизни. Случился онъ уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ моего поступленія на сцену. Въ то время я уже перешолъ изъ оперы въ драматическую труппу, такъ какъ послѣ неожиданной и несчастной смерти моего отца опера почти разстроилась; въ Александринскомъ же театрѣ мой голосъ могъ быть полезенъ въ разныхъ оперетках, которыя тамъ ставились постоянно.

Я уже былъ женатъ и имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей. То жалованье, которое я получалъ (500 рублей на теперешнія наши деньги), далеко не хватало на мою семью, даже на самое необходимое, и я долженъ былъ заниматься частною работою; болѣе всего выручала меня живопись; я работалъ по заказу небольшія картины то масленою краскою, то карандашомъ, и только благодаря этой способности къ рисованію—я могъ кое-какъ существовать. Я не роптал на то, что получалъ такъ мало отъ дирекціи и очень хорошо понималъ, что если мнѣ есть возможность прибавить жалованія—то не иначе, какъ за несомнѣнныя мои заслуги и настолько блестящія, чтобы при всей своей несправедливости Гедеоновъ не могъ бы ихъ не признать и отвергнуть. Для этого мнѣ нужно было играть и имѣть хорошія роли, которыхъ мнѣ

[1]) Писано около 1865—1866 гг.

не давали. И такъ я рѣшился отправиться лично переговорить съ Гедеоновымъ.

Я просилъ его прежде всего прибавить мнѣ содержаніе, указывая на невозможность существовать на такія ничтожныя деньги; но получилъ отвѣтъ, что за тѣ роли, которыя я играю, плата весьма достаточна. Тогда я просилъ давать мнѣ самыя трудныя роли, чтобы я могъ выказать свое дарованіе, а не роли въ родѣ Гильденштерна въ Гамлетѣ, которыя только однѣ выпадали на мою долю. Гедеоновъ отвѣчалъ мнѣ на это, что тѣхъ ролей, которыя я получаю, совершенно достаточно для моего дарованія. Тогда я предложилъ Гедеонову слѣдующее: въ то время была въ большой модѣ драма „Материнское благословеніе“; я брался играть въ этой піесѣ по-очередно: въ первый вечеръ роль Пьеро, во второй—отца, въ третій—жениха, и такимъ образомъ переиграть ихъ всѣхъ и если я хоть въ одной изъ ролей буду хуже тѣхъ, кто игралъ до меня — то подвергаю себя штрафу, какому ему угодно будетъ назначить; наконецъ, я сказалъ ему, что готовъ служить даромъ цѣлый годъ, какъ мнѣ это не будетъ тяжело съ такою большою семьею, какъ моя,—но только съ тѣмъ, чтобы онъ далъ мнѣ двѣ или три хорошихъ роли въ сезонъ. На послѣднее Гедеоновъ наконецъ удостоилъ согласиться.

Я съ жаромъ принялся за свою частную работу; не отдыхалъ ни днемъ, ни ночью, чтобы наверстать 500 рублей жалованья, отъ которыхъ я отказался. Меня поддерживала мысль, что скоро наконецъ окончатся мои бѣдствія, и дорогое, святое для меня искусство будетъ однимъ моимъ занятіемъ. Но время уходило, а ролей кромѣ самыхъ ничтожныхъ, почти выходныхъ, мнѣ не присылали. Я выбивался изъ силъ, но все еще надѣялся. Наконецъ сезонъ окончился. Я бросился къ Гедеонову и вотъ какой отвѣтъ мнѣ довелось услышать изъ его превосходительныхъ устъ:

— „Ролей я вамъ не присылалъ, считая это лишнимъ, а жалованья вашего вы не получите, такъ какъ не сами ли же вы вызвались служить даромъ!“

Увы! все пошло прахомъ! всѣ мои завѣтныя мечты и надежды рухнулись! Я увидѣлъ на дорогѣ, по которой мнѣ надо было идти, не только терніи и камни, но цѣлыя скалы, которыхъ силъ не было своротить. Меня взяло отчаяніе; натура

моя не выдержала и я захворалъ. У меня разлилась желчь. Я былъ въ опасности, но молодость взяла свое; я поправился, и когда всталъ съ постели, то какъ будто опять новымъ человѣкомъ, и духомъ кажется сильнѣе прежняго. Я былъ возмущенъ до корня волосъ такою наглою несправедливостью и такимъ произволомъ. Я приготавливался ко всему; рѣшился бороться, пока будутъ силы, но ни разу не подумалъ сложить свое оружіе, хоть и сознавалъ свое безсиліе. Я началъ выжидать съ терпѣніемъ, но чего именно?—и самъ не знаю; какого нибудь счастливаго случая. Да, во всякомъ другомъ, въ комъ было бы менѣе энергіи и силы воли, чѣмъ во мнѣ, Гедеоновъ забилъ бы не только всякое дарованіе, но даже сознаніе своего собственнаго человѣческаго достоинства; онъ обращался съ артистами, которые впадали у него въ немилость, съ убійственнымъ, уничтожающимъ презрѣніемъ и жестокостью; онъ еле удостоивалъ ихъ считать людьми, а не гадами, и многіе несчастные должны были терпѣть подобное обхожденіе; возстать противъ него было немыслимо безъ потери своей должности; а не всякій могъ такъ, какъ я, заработывать хлѣбъ для своей семьи другимъ способомъ. На меня же всѣ его несправедливости дѣйствовали совершенно наоборотъ, и тамъ, гдѣ всякій другой упалъ бы духомъ, я же напротивъ ожесточался и крѣпнулъ въ намѣреніи хоть когда нибудь достигнуть своей цѣли.

И такъ я выжидалъ, долго выжидалъ, слишкомъ десять лѣтъ и наконецъ таки выждалъ удобнаго случая.

IV.

Былъ назначенъ бенефисъ Куликова, режиссера нашей труппы, тоже одного изъ самыхъ жестокихъ моихъ гонителей. Должна была идти драма Ефимовича „Музыкантъ и Княгиня"; главная роль въ піесѣ музыканта была назначена Мартынову; роль отличная, это было въ началѣ сезона въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, бенефисъ былъ уже назначенъ, отложить его было невозможно, а между тѣмъ Мартыновъ еще не возвращался изъ отпуска, да и многихъ другихъ артистовъ не было на лицо. Кромѣ меня не кому было играть этой роли; все же Куликовъ противился, и только благодаря настоятельному требованію автора, она мнѣ была прислана. Наконецъ-то настала день, такъ долго мною ожидаемый! Мнѣ бросилъ его слу-

чай, одинъ слѣпой случай, я это зналъ, и мнѣ надо было воспользоваться имъ во что бы то ни стало, иначе я рисковалъ бы еще лѣтъ десять прождать другого такого удобнаго случая!

Я не хочу хвалить себя, но кажется никогда я не игралъ такъ удачно, какъ въ этотъ вечеръ. На мое счастіе покойный государь императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ въ этотъ день Александринскій театръ, и именно попалъ на ту піесу, въ которой я участвовалъ. Моя игра понравилась государю и, когда онъ вышелъ изъ ложи своей на сцену, онъ велѣлъ позвать меня.

— „Спасибо, Самойловъ, сказалъ онъ, только смотри, прибавилъ онъ полушутя, твоею игрою ты заставилъ плакать меня, а я тебѣ этого даромъ не прощу!"

Я ничего не могъ отвѣтить государю. У меня сердце переполнилось радостію и благодарностію; однимъ своимъ словомъ онъ вознаграждалъ меня за десять лѣтъ страданія и терпѣнія. Бываютъ минуты въ жизни, когда человѣкъ отъ счастія задыхается, я пережилъ такую минуту.

Какъ только государь снова вошелъ въ свою ложу, — Гедеоновъ блѣдный отъ злобы и гнѣва подошелъ ко мнѣ, или, лучше сказать, съ шумомъ пробѣжалъ мимо меня и мимоходомъ бросилъ мнѣ поздравленіе съ подаркомъ, который сейчасъ государь велѣлъ ему мнѣ выдать изъ своего кабинета. Боже! У меня силъ не хватало быть счастливымъ! мнѣ подарокъ! мнѣ вознагражденіе! мнѣ, всегда и постоянно забитому! Я торжествовалъ.

Это былъ мой первый Георгіевскій крестъ!

V.

Со дня этого спектакля Гедеоновъ уже пересталъ истязать меня и хотя въ душѣ, быть можетъ, ненавидѣлъ меня еще больше прежняго, но уже не смѣлъ такъ явно и открыто меня притѣснять. Мнѣ положили поспектакльную плату—два съ половиною рубля—и я началъ играть чаще и изрѣдка главныя роли въ піэсахъ.

Въ то время во дворцѣ очень часто давались русскіе спектакли; но, конечно, Гедеоновъ больше всего заботился о томъ, чтобы я въ нихъ не участвовалъ. Такъ все длилось довольно долго. Мнѣ передавалъ секретарь Неваховичъ, что Государь

Николай Павловичъ не разъ спрашивалъ, почему онъ меня не видѣлъ ни разу у себя вмѣстѣ съ другими, но Гедеоновъ всегда очень ловко ухитрялся замять разговоръ, отвѣчая, что я или болѣнъ, или занятъ въ другомъ спектаклѣ. И дѣйствительно, въ тѣ дни, когда играли во дворцѣ, я почти постоянно былъ назначенъ участвовать въ театрѣ; и говоря, что я занятъ въ другомъ мѣстѣ, Гедеоновъ не лгалъ. Но такое распоряженіе, конечно, зависѣло отъ одного его.

Наконецъ, случилось разъ такъ, что государь непремѣнно пожелалъ меня видѣть у себя и въ тотъ же самый вечеръ; это случилось только за два часа до представленія, и какъ нарочно, въ то время дворъ находился въ Царскомъ Селѣ. Не смотря на это, сейчасъ же были посланы вѣстовые въ Петербургъ за нотами, костюмами и участвующими въ піэсѣ актерами; по счастію, всѣ они были налицо, только одинъ Григорьевъ былъ занятъ въ Александринскомъ театрѣ и игралъ уже второе дѣйствіе какой-то піэсы. Представленіе принуждены были остановить и Григорьевъ, не окончивши своей роли, поспѣшилъ въ Царское Село вмѣстѣ съ капельмейстеромъ Кажинскимъ; піэсу же доигралъ за Григорьева другой актеръ.

Графъ Велигорскій, который находился постоянно при особѣ его величества, передалъ мнѣ, что государь послѣ этого спектакля выразилъ свое желаніе, чтобы я впредь постоянно игралъ во дворцѣ, чего и не смѣли уже ослушаться.

VI.

Государь Николай Павловичъ любилъ посмѣяться, а потому въ его присутствіи играли только небольшіе комедійки и водевили. Помню я, разъ шелъ водевиль „Бѣда отъ сердца и горе безъ ума", въ которомъ я исполнялъ роль фокусника. Передъ спектаклемъ его величество, смѣясь, сказалъ:

— „Вотъ Самойловъ, такъ какъ ты будешь сегодня фокусникомъ, устрой-ка намъ какой нибудь фокусъ съ кѣмъ нибудь изъ зрителей".

Я просилъ Государя назначить то лицо, которое ему будетъ угодно. Государь подумалъ и назвалъ придворнаго лейбъ-медика Маркуса, а помощникомъ для этой шутки далъ мнѣ флигель-

адъютанта Паткуля, такъ какъ одному мнѣ не было возможности выполнить придуманнаго мною плана.

Спектакль начался; зала была полна зрителями, исключительно придворными. Государь, казалось, былъ въ самомъ хорошемъ расположеніи духа и съ улыбкою искоса поглядывалъ на Маркуса, зная, что тотъ волей-неволей скоро сдѣлается дѣйствующимъ лицомъ и противъ всякаго чаянія. Маркусъ же, ничего не подозрѣвая, сидѣлъ въ шестомъ ряду креселъ съ самымъ серьезнымъ лицомъ и съ достоинствомъ, приличнымъ его званію, слѣдилъ за ходомъ піэсы. Глядя на объемистую фигуру, на блестящую лысину, на строгое выраженіе физіономіи лейбъ-медика, становилось еще смѣшнѣе, что государь именно его избралъ быть причастнымъ въ задуманной шуткѣ.

Сюжетъ играемаго нами водевиля приблизительно заключался въ томъ, что одинъ итальянецъ-шарлатанъ, влюбившись въ одну молоденькую дѣвушку, является къ ея отцу просить согласія на ихъ бракъ; отецъ не соглашается, и итальянецъ, чтобы понравиться и очаровать его своею ловкостью, показываетъ ему всякіе фокусы: дѣлаетъ въ шляпѣ яичницу, вынимаетъ изъ его локтя апельсины и яблоки и, наконецъ, беретъ его золотую табакерку, говоритъ ein, zwei, drei! бросаетъ ее вверхъ и табакерка исчезаетъ въ воздухѣ. Не смотря однако же на всѣ выказанные таланты, отецъ всетаки не соглашается имѣть такого подозрительнаго зятя и безъ церемоніи гонитъ его вонъ, но прежде требуетъ обратно свою золотую табакерку. Табакерки не оказывается налицо; ее ищутъ вездѣ, начиная съ кармановъ фокусника, но ни тамъ, ни на мебели, ни на полу ея нѣтъ. Отецъ объявляетъ, что покражи этой онъ не допуститъ и хочетъ задержать фокусника, на что послѣдній отвѣчаетъ, что онъ въ залѣ не одинъ, она полна народомъ; за что же ему отвѣчать за всѣхъ? пускай всѣхъ обыскиваютъ! При этихъ словахъ по залѣ пробѣжалъ гулъ смѣха и государь смѣялся громче всѣхъ. Даже самъ солидный лейбъ-медикъ удостоилъ улыбнуться! Только, увы! недолго суждено было этой улыбкѣ длиться! Отецъ, между тѣмъ, продолжаетъ говорить фокуснику: „Такъ какъ табакерка пропала изъ вашихъ рукъ, то ужъ вы потрудитесь ее и искать сами!“ Фокусникъ, т. е. я, недолго думая, съ поклономъ, обращаю мою рѣчь ко всей почтенной публикѣ, сидящей направо, и слезно убѣждаю ее отдать

табакерку и вывести меня тѣмъ изъ сквернаго положенія. При этомъ хохотъ зрителей прекратился, за то смѣхъ государя послышался еще громче, еще искреннѣе, еще неудержимѣе. На кого я вопросительно ни посмотрю (а мнѣ съ возвышенія видны были всѣ лица), тотъ сейчасъ же наклоняется, прячется за своего сосѣда, однимъ словомъ старается исчезнуть. Скверную вообще минуту я невольно заставилъ пережить всю эту блестящую придворную компанію. Не получая отвѣта направо, я обратился съ тою же рѣчью налѣво; и тамъ та же трусость, то же замѣшательство. За то съ правой стороны, миновавшей уже опасность, послышалось нѣкоторое негодованіе за дерзкую фамиліарность съ лицами, такъ высоко поставленными.

Не получивъ, конечно, ни откуда отвѣта, я заявляю публикѣ, что самъ, безъ помощи, отыщу табакерку, что я физіономистъ и что похититель драгоцѣнной вещи отъ меня не укроется. Медленно окинувъ всѣхъ еще разъ пытливымъ взглядомъ, отъ котораго покоробило не мало особъ, я, наконецъ, съ увѣренностью указываю на Маркуса и утверждаю, что табакерка должна находиться у него. Всѣ взоры обратились на уморительно-несчастнаго лейбъ-медика и случилось то, что всегда бываетъ. За минуту до того каждый трусилъ за себя и находилъ неумѣстнымъ такую шутку, а обрушилась гроза на одного, страхъ за себя прошелъ— и всѣ, безъ исключенія, радовались и смѣялись. Никто даже и не вздумалъ хоть на одно мгновеніе поставить себя на мѣсто бѣднаго лейбъ-медика, а вѣдь только случай одинъ спасъ другихъ отъ того же самаго. Маркусъ вознегодовалъ, услышавъ мое обвиненіе; сейчасъ же вскочилъ съ своего мѣста, быстро опустилъ руки въ карманы и, къ своему великому удивленію и къ общему веселью, собственноручно вытащилъ пропавшую табакерку, которую я со сцены, во время игры, ловко успѣлъ передать стоявшему за кулисами флигель-адъютанту Паткулю, а тотъ, съ своей стороны, занимая кресло сзади Маркуса, еще ловчѣе того ее опустилъ въ его карманъ во время представленія. Долго продолжались всеобщій смѣхъ и шумъ, и мы подъ этотъ говоръ окончили нашъ водевиль. Государь остался очень доволенъ и пришелъ благодарить насъ на сцену.

— „Я въ одномъ только убѣжденъ, ваше величество,—шутя,

сказалъ я,—что какъ бы опасно я ни захворалъ, но ужъ, конечно, никогда не обращусь за помощью къ Маркусу".

Между тѣмъ, впослѣдствіи мнѣ приходилось не разъ встрѣчать его въ обществѣ. Конечно, изъ его памяти не могло совершенно изгладиться непріятное воспоминаніе, въ особенности при встрѣчѣ со мною, хоть въ этомъ случаѣ я былъ простое орудіе и исполнялъ чужую волю. Но какъ человѣкъ придворный, привыкшій всегда управлять собою и своими ощущеніями, онъ никогда ни словомъ, ни намекомъ не напоминалъ о прошломъ и былъ со мною одинаково вѣжливъ и даже любезенъ. Мы часто видѣлись съ нимъ у постели одного моего хорошаго пріятеля, нашего знаменитаго живописца Карла Брюлова.

VII.

Брюловъ давно уже хворалъ біеніемъ сердца и болѣзнь его, наконецъ, приняла очень опасный оборотъ. Онъ уже не покидалъ постели. Маркусу, какъ придворному медику, поручено было отъ двора каждый день навѣщать больного и сообщать о состояніи его здоровья. Онъ, конечно, не ограничивался одною своею оффиціальною обязанностью и, съ своей стороны, тоже давалъ совѣты дорогому больному, какъ и чѣмъ поддерживать свое здоровье. Между прочимъ, онъ убѣждалъ Брюлова говорить какъ можно менѣе.

— „Вы помните, знаменитый нашъ и славный Карлъ Павловичъ, что самое ничтожное волненіе для васъ теперь ядъ; вы должны молчать, иначе все погибло. Каждое сказанное лишнее слово потребуетъ лишняго визита доктора. Такъ имѣйте въ виду хоть то, что ваше слово теперь имѣетъ стоимость червонца; не раззоряйте себя!"

Затѣмъ разговоръ незамѣтно принялъ другое направленіе и мало-по-малу между Маркусомъ и Брюловымъ завязался споръ; послѣдній, съ свойственнымъ ему увлеченіемъ и горячностію, началъ отстаивать свои убѣжденія.

— „Помилуй, Карлъ, да замолчи ты ради Бога!—крикнулъ я Брюлову,—вѣдь ты губишь себя! Ты вспомни, что докторъ говоритъ, что твое слово—червонецъ!"

— Не мѣшай, не мѣшай!—отвѣчалъ тотъ со смѣхомъ,—я хочу васъ озолотить!

Бѣдный другъ! Ему было суждено не встать уже болѣе съ постели!

Много хорошихъ часовъ проводили мы въ его обществѣ въ былое время, и тѣ, которые еще остались въ живыхъ изъ того кружка, конечно не забыли объ артистическихъ вечерахъ, проведенныхъ у него.

Брюловъ занималъ въ то время громадную мастерскую въ академіи художествъ, съ казеннымъ освѣщеніемъ, чѣмъ мы и пользовались, надо признаться, въ весьма широкихъ размѣрахъ, во время нашихъ ужиновъ у него. Угощеніе и закуски бывали не столь богаты и вкусны, сколько разнообразны, потому что каждый приносилъ съ собою что попало по своему усмотрѣнію. За то именно освѣщеніе и уборка мастерской были великолѣпны, изящны и роскошны. Вся она убиралась картинами самого хозяина, и, отъ первой до послѣдней, каждая освѣщалась отдѣльно съ одинаковой тщательностью и съ рѣдкимъ искусствомъ. Иному гостю приходилось сидѣть рядомъ съ своимъ портретомъ, тутъ же находящимся, и по ошибкѣ, въ пылу разговора, случалось иногда обращать рѣчь къ копіи вмѣсто оригинала. Много горечи, боли и разныхъ невзгодъ забывалось въ искренней бесѣдѣ за этой незатѣйливой трапезой. Тутъ Кукольникъ Несторъ, который тогда былъ въ большой модѣ, вдохновлялся и увлекалъ насъ своими стихотвореніями; Михайло Глинка вызывалъ слезы у присутствующихъ, пѣвши свои задушевные романсы. У него былъ не сильный теноръ, но чрезвычайно пріятный, и никто не умѣлъ пѣть его романсы съ такимъ выраженіемъ, какъ онъ самъ. Кромѣ того онъ былъ замѣчательно хорошій піанистъ. Впослѣдствіи я съ нимъ сошелся ближе. Онъ страстно любилъ театръ, и даже оставилъ по себѣ маленькую память Александринскому театру тѣмъ, что написалъ куплетъ на переводный водевиль: „Купленный выстрѣлъ“. Въ этой маленькой піескѣ я исполнялъ роль англичанина, и въ концѣ мнѣ приходилось пѣть длиннѣйшій куплетъ, который и составилъ Глинка. У меня хранится партитура для оркестра, вся написанная его рукой, и я берегу ее какъ дорогое воспоминаніе объ этомъ великомъ талантѣ.

VIII.

Изъ начальства былъ еще одинъ человѣкъ, который крѣпко меня ненавидѣлъ; именно — режиссеръ К***. Онъ всячески старался меня унижать, и дѣлалъ это безнаказанно; искать на него расправы было немыслимо при тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ я былъ съ директоромъ Гедеоновымъ. К*** это понималъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ позволялъ себѣ, хоть косвенно, сказать мнѣ что нибудь непріятное.

Я помню разъ, послѣ конца одной изъ репетицій, я вышелъ на театральный подъѣздъ; со мною вмѣстѣ выходили и другіе актеры, тутъ былъ и К***. Не смотря на мои стѣсненныя финансовыя обстоятельства, я всегда, почти съ перваго года моей службы при театрѣ, держалъ свою лошадь. Для такого ничтожнаго актера, какимъ считалъ меня К***, такая неумѣстная роскошь казалась ему чуть-чуть что не дерзостью. Увидя кучера, подъѣхавшаго къ подъѣзду, К*** съ насмѣшкою и пренебреженіемъ спросилъ:

— „Чья это лошадь?"

— Моя! отвѣчалъ я ему.

— „Какъ вамъ не къ лицу ѣздить въ экипажѣ!"

— А какъ-же?

— „Конечно пѣшкомъ!" И при этомъ К*** разразился презрительнымъ смѣхомъ.

— За то вамъ, отвѣчалъ я громко,—тоже совсѣмъ не къ лицу ходить просто пѣшкомъ!

Слышавшіе нашъ разговоръ остановились въ недоумѣніи, ожидая моего отвѣта; ужъ не измѣню ли я моему характеру, и не рѣшусь-ли польстить моему начальству.

— „Такъ какъ-же?" спросилъ К***, самъ недоумѣвая.

— Въ кандалахъ!! крикнулъ я и укатилъ.

Понятно, что за подобное непочтеніе къ начальству я долженъ былъ потомъ расплачиваться. И расплачивался щедро и широко; ничто мнѣ не прощалось и не извинялось. Я дорого покупалъ себѣ право не гнуться и не льстить.

Если теперь [1]) время произвола и не совсѣмъ еще минова-

---

[1]) Писано въ 1864—1865 гг.

лось, то отрадно уже и то явленіе, что разсказы о прошлыхъ сдѣланныхъ несправедливостяхъ возбуждаютъ негодованіе, даже поселяютъ нѣкоторое недовѣріе къ разскащику; теперь ужъ почти кажутся невозможными и невѣроятными тѣ дѣянія, которыя творились въ мое время заурядъ. Шагъ къ освобожденію сдѣланъ большой. Артисты встали на степень людей свободныхъ и независимыхъ, и нельзя ими теперь распоряжаться такъ, какъ распоряжались въ былое время.

Напримѣръ, Александръ Михайловичъ Гедеоновъ заставилъ пѣть пѣвицу Воробьеву роль Арзачіо въ оперѣ „Семирамида", въ тотъ самый день, когда у нея скончалась мать. Въ другой разъ, разгнѣвавшись на ту-же пѣвицу Воробьеву, артистку съ замѣчательнымъ голосомъ и дарованіемъ, занимавшую первыя роли въ операхъ, причислилъ ее, въ видѣ поучительнаго наказанія, къ опернымъ хорамъ, гдѣ она и пѣла въ продолженіи года и нѣсколькихъ мѣсяцевъ. И никого подобное самовластіе тогда не возмущало; да и кто смѣлъ бы возражать грозному Александру Михайловичу?! Впрочемъ, и на него находили иногда минуты безотчетнаго великодушія; но выражались онѣ крайне оригинально и не совсѣмъ логично, сравнительно съ нынѣшними понятіями о справедливости.

Нѣкто актеръ Афонасьевъ, не имѣвшій никакого значенія по своему дарованію на сценѣ, разъ въ театрѣ выпилъ лишнюю рюмку и что-то набуянилъ. Гедеонову подали рапортъ. Во избѣжаніе могущихъ повториться скандаловъ, требовалось оштрафовать виновнаго. Гедеоновъ, услышавъ объ этомъ происшествіи въ одну изъ добрыхъ своихъ минутъ, разсудилъ такъ: „Дать актеру Афонасьеву бенефисъ, такъ какъ, конечно, онъ пьянъ напился съ горя". И Афонасьеву дали бенефисъ. Послѣ этого, поневолѣ повѣришь пословицѣ: „Не родись уменъ, не родись красивъ, а родись счастливъ!"

Далѣе продолжать разсказа я не намѣренъ. Несправедливость, зависть, клевета, протекція,—вотъ главные двигатели въ нашей администраціи, и еслибъ я рѣшился продолжать мой разсказъ, то невольно пришлось бы упоминать о нѣкоторыхъ лицахъ, которыхъ хотѣлъ бы совсѣмъ забыть.

В. В. Самойловъ.

1865 г. Спб.

Отрывокъ изъ стиховъ: «Партизанъ».

Умолкла брань, ночная тѣнь
Москвы окрестность покрываетъ;
Вдали Кутузова курень
Одинъ, какъ звѣздочка, сверкаетъ.
Громада войскъ во тьмѣ кипитъ,
И надъ пылающей Москвою
Багрово зарево лежитъ
Необозримой полосою.

* * *

И мчится тайною тропой,
Воспрянувшій съ долины битвы,
Наѣздниковъ веселый рой
На отдаленныя ловитвы.
Какъ стая алчущихъ волковъ,
Они долинами витаютъ,
То внемлятъ шороху, то вновь
Отважно рыскать продолжаютъ.

* * *

Начальникъ въ буркѣ на плечахъ,
Въ косматой шапкѣ кабардинской
Горитъ въ передовыхъ рядахъ
Особой яростью воинской.
Сынъ бѣлокаменной Москвы,
Но рано брошенный въ тревоги,
Онъ жаждетъ сѣчи и молвы...
А тамъ что будетъ—вольны боги!

* * *

Давно незнаемъ имъ покой,
Привѣтъ родни, взоръ дѣвы нѣжной,
Его любовь—кровавый бой,
Родня—Донцы, другъ—конь надѣжной.
Онъ чрезъ стремнины, чрезъ холмы
Отважно всадника проноситъ,
То чутко шевелитъ ушми,
То фыркаетъ, то удилъ проситъ.

* * *

Но раскажите отъ чего
Чело вождя покрылось думой
И вздохъ колеблетъ грудь его,
И мраченъ взоръ, и мысль угрюма.
Неужели родимой край,
Неужто небеса родныя
Въ немъ воскресили невзначай
Минувшей жизни сны младыя?

* * *

. . . .
Онъ видитъ градъ очарованья,
Гдѣ онъ любилъ, не бывъ любимъ,
Гдѣ онъ страдалъ, безъ состраданья.
Гдѣ столько разъ онъ испыталъ
Невѣрность клятвъ и обѣщаній,
И гдѣ никто не понималъ
Его души глухихъ рыданій.

* * *

. . . .
. . . .

Денисъ Давыдовъ.

28-го ноября 1826 г.
Тифлисъ.

Примѣчаніе. Это стихотвореніе вошло въ изданія сочиненій партизана-поэта; тѣмъ не менѣе мы его вновь печатаемъ, какъ потому, что пріобрѣли оное въ подлинномъ автографѣ Д. В. Давыдова, такъ и потому, что настоящій отрывокъ—одно изъ самыхъ характерныхъ произведеній его своеобразной музы. Точки въ послѣдней строфѣ принадлежатъ автору. Ред.

ВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ СЕНАТѢ

1840—1852 гг.

Honeste vivere, neminem ledere, suum cuique tribuere.

I.

Одинъ изъ преподавателей межевыхъ законовъ и всякаго матеріальнаго размежеванія въ училищѣ правовѣдѣнія въ С.-Петербургѣ,—Ѳеофилактъ Лукичъ Малиновскій, стоя съ нами передъ астролябіей, у предположенной межи чьей-то дачи на Каменномъ острову, говорилъ намъ, что дружба бываетъ двоякаго рода: дружба людей, еще не узнавшихъ людей, — и дружба такихъ личностей, которыхъ досыта накормили опытомъ житейскимъ ихъ прежніе друзья. Послѣдняя, по его мнѣнію, трезвѣе по одному тому уже, что разоблачился скрывшійся подъ личиною взаимной откровенности честолюбецъ и хищный врагъ. Не вдаваясь въ разсужденія по этому чрезвычайно спорному предмету, представляющему вѣчно открытый, всѣми разрѣшаемый и никогда неразрѣшимый вопросъ, и «принимая во вниманіе», что преподаватель межеванія, Малиновскій, не съумѣлъ положить границъ между задачами астролябическими и психологическими—иначе выражаясь, словами нашего инспектора: отошелъ отъ программы — я прямо приступаю къ своей программѣ: она выше озаглавлена. Приступаю по пословицѣ «лучше поздно, чѣмъ никогда» и, желая тоже, съ моей стороны, хотя отчасти, доказать, что простое повидимому для житейскаго обихода предписаніе мудрецовъ, выставленное эпиграфомъ къ этой статьѣ, не во всемъ своемъ пространствѣ примѣнимо бываетъ, потому что честно жить—можно, никому не вредить—должно, а воздавать всякому, что ему подобаетъ—никакъ нельзя, вы сами знаете почему; да и

„Вся судить—
„Міру не быть"

твердилъ нашъ архиваріусъ изъ духовнаго званія, подъискивая недостающіе по описямъ листы. И такъ я, благоговѣйно, мечтами возвращаюсь въ наше учебное заведеніе, припоминая непокорное моему перу время—іюнь 1840 года.

Послѣдніе экзамены проходили быстрѣе первыхъ. Стоило наблюдать: съ какою отеческою снисходительностью, обыкновенно строгіе на своихъ лекціяхъ, профессора задавали намъ на выпускныхъ экзаменахъ легкіе и эффектные вопросы, вполнѣ постигая нашу невольную разсѣянность передъ нетерпѣливо ожидаемымъ вступленіемъ въ такъ неправильно называемый «свѣтъ». Къ тому же и присутствіе высокосановныхъ старцевъ въ роляхъ всяческихъ главныхъ начальниковъ—цѣнителей при нашемъ, сравнительно тогда еще молодомъ попечителѣ, не дозволяло спеціалистамъ-экзаменаторамъ дѣлать намъ иныхъ вопросовъ, кромѣ самыхъ общихъ и всѣмъ понятныхъ, въ родѣ того, напримѣръ: какъ возлежали римскіе патриціи при своихъ пиршественныхъ явствахъ въ знаменательные и торжественные дни, или въ какихъ видахъ и съ какою именно цѣлью нѣмецкіе ученые, въ безконечныхъ трактатахъ по римскому праву, уснащали свои томы цитатами изъ такихъ трудовъ своихъ предшественниковъ, которые, для обыкновеннаго человѣка, кажутся ни для кого ненужными. Не забыта была и каѳедра, принадлежавшая профессору русской словесности, Петру Егоровичу Георгіевскому, который, усматривая «микроскопичность своего предмета» въ велерѣчивомъ сонмѣ иностранныхъ свѣтилъ, не безъ робости спрашивалъ экзаменовавшихся изъ юныхъ курляндскихъ бароновъ:

— «Скажите, что̀ вы знаете о Ломоносовѣ, Державинѣ, не помните ли чего о Пушкинѣ?»

— Позвольте-съ, ваше-ство!—возразилъ Георгіевскому быстро вмѣшавшійся директоръ Пошманъ;—еще не очень давно, за два съ небольшимъ года, профессоръ судебной медицины Иванъ Тимофѣевичъ Спасскій разсказывалъ мнѣ и всѣмъ, какъ онъ видѣлъ на смертномъ одрѣ А. С. Пушкина, кто его убилъ на дуэли и при какихъ обстоятельствахъ?

На вопросъ-же Георгіевскаго одному экзаменовавшемуся нѣмцу: «что̀ онъ знаетъ о русскихъ беллетристахъ»,—послѣдовалъ отвѣтъ: «русскіе беллетристы потому такъ называются, что имѣютъ задачею писать подробныя біографіи никогда не существовавшихъ людей».

По окончаніи каждаго выпускнаго экзамена, между нами происходили дружескія бесѣды и совѣщанія о томъ, кому и въ какой департаментъ сената на службу поступить, такъ какъ въ канцеляріи министерства юстиціи вакансій почти не имѣлось и могли быть удовлетво-

рены только самыя внушительныя протекціи, а тогдашній министръ, графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, хотѣлъ, во что бы то ни стало, проявить и поддержать передъ нашимъ попечителемъ свое высокочиновничье значеніе.

Товарищъ мой, Александръ Николаевичъ Сѣровъ, съ которымъ я былъ друженъ въ теченіи всѣхъ пяти съ половиною лѣтъ по сходству нашихъ влеченій къ музыкѣ и поэзіи, однажды сказалъ мнѣ, что его папаша сдѣлалъ визитъ оберъ-прокурору 1-го отдѣленія пятаго департамента Матвѣю Михайловичу Карніолинъ-Пинскому, слывшему за строгаго, но справедливаго и ободряющаго начальника, который обѣщалъ принять въ свои подчиненные его, Александра Николаевича. Хотя уголовщина мнѣ крайне была не по вкусу и я, несмотря на отличныя отмѣтки по уголовному праву, не чувствовалъ никакого особаго влеченія къ криминальнымъ дѣламъ,— но все-же попросилъ моего отца съѣздить къ тому-же Карніолинъ-Пинскому и ходатайствовать о принятіи меня къ нему на службу.

— «Вотъ этого ужъ я никакъ не могу себѣ дозволить!» неожиданно отвѣтилъ мнѣ, торжественно разводя руками, мой добрый старикъ. «Тебѣ дано образованіе, на твою волю предоставлено избрать служебную для себя карьеру: причемъ-же я тутъ буду? да и г. оберъ-прокурора этого я вовсе не имѣю чести знать. Если я исполню твое желаніе и что-нибудь случится потомъ неладное,—ты же можешь упрекнуть меня. Нѣтъ, гораздо основательнѣе поступишь, если станешь хлопотать самъ».

Отказъ этотъ, при несомнѣнной справедливости своей, тѣмъ не менѣе поставилъ меня въ затруднительное положеніе. У моего отца не было знакомыхъ по сенату; я-же, занимаясь въ свободное время переводами для нѣкоторыхъ редакцій и помѣщая иногда статьи и стишки въ журналахъ подъ псевдонимомъ Траума, имѣлъ возможность обратиться за совѣтами только къ редакторамъ,—а они, какъ извѣстно, были въ то время, по отношенію къ судебнымъ властямъ, что называется «не того поля ягода».

Я сообщилъ мои недоразумѣнія А. Н. Сѣрову,—и тотъ крѣпко призадумался. «Эврика!» наконецъ воскликнулъ онъ, «ступай къ О. И. Сенковскому! вѣдь ты помѣщаешь въ его «Библіотекѣ для Чтенія» нашу общую «музыкальную критику» всѣхъ произведеній, появляющихся въ нотномъ магазинѣ П. И. Гурскалина (фирма «Одеонъ», существовавшая въ Большой Морской, въ домѣ Штрауха, куда М. И. Глинка отсылалъ для напечатанія свои романсы со словами Нестора Васильевича Кукольника, при которомъ я состоялъ добровольнымъ адептомъ по части странствованій въ заоблачныхъ пространствахъ поэзіи). Сенков-

скаго я зналъ еще съ тѣхъ поръ, когда перевелъ для него вступительную рѣчь, произнесенную на нѣмецкомъ языкѣ, почти при самомъ открытіи училища, профессоромъ новоизобрѣтенной науки — «пропедевтики права», докторомъ философіи Гейнрихомъ Робертомъ Штейгардтомъ. Сенковскій, имѣвшій, тогда еще извинительную, привычку передѣлывать статьи хотя-бы и совершенно цензурныя, сократилъ и исказилъ рѣчь нѣмецкаго ученаго, къ общему неудовольствію всей аудиторіи, кромѣ самого профессора, который по русски ни слова не понималъ.

Я на другой-же день отправился къ Сенковскому; но почтенный баронъ Брамбеусъ, даже и въ то время ненормально увлеченный последнимъ выходомъ «Сатаны» [1]), на отрѣзъ отказался дать мнѣ какой либо по моему вопросу совѣтъ, плутовски проговоривъ, что «по предмету избранія дѣльной служебной карьеры въ вашемъ отечествѣ не содержится никакихъ указаній въ метафизикѣ Виланскаго, которою въ аду затыкаютъ дыры отъ проникающихъ иногда солнечныхъ лучей. Идите къ вашему архичервю Николаю Алексѣевичу Полевому: онъ купецъ, а купцы охотно якшаются со всякими чиновниками; можетъ статься онъ вамъ и поворожитъ!»

Вотъ тебѣ «и на распутіи Вадимъ!» подумалъ я послѣ весьма понятнаго хотя и минутнаго огорченія: «первый шагъ—и неудача; должно быть не къ добру это такъ смѣшно вышло!» Отправляюсь на Лиговку, за Знаменскую церковь, въ домъ А. Ѳ. Смирдина, къ обитавшему тамъ, въ первомъ этажѣ, Полевому; нахожу его больнымъ, какъ говорили— простудою, отъ сырости пола, и пересказываю ему баронское измышленіе о вліятельности Николая Алексѣевича въ высокочинныхъ сферахъ.

— «И вы повѣрили этому гаеру-арлекину!» протянулъ взволнованнымъ голосомъ Николай Алексѣевичъ. «Съ чего онъ вамъ это сбредилъ? Я, правда, въ моей «Исторіи Россійскаго Государства» писалъ о разныхъ приказахъ и подъячихъ, но приказная сфера мнѣ рѣшительно чужда-съ».

Я молчалъ.

— «Да я и понять не могу, въ чемъ вы затрудняетесь, любезнѣйшій Иванъ Бочаровъ, когда столбовая, а не проселочная, дорога передъ вами открыта. Вы знаете Николая Ивановича Греча; на его сестрѣ, кажется, женатъ оберъ-прокуроръ 3-го департамента правительствующаго сената, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Николай

[1]) Извѣстный юмористическій этюдъ Осипа Ивановича въ „Библіотекѣ для чтенія", подъ псевдонимомъ бар. Брамбеуса.

Павловичъ Безакъ-съ: Гречъ безъ малѣйшаго затрудненія и разговора дастъ вамъ къ нему рекомендательное письмо! Отправляйтесь къ нему теперь-же-съ».

Поблагодаривъ за совѣтъ, но, подозрѣвая, что и этотъ «себѣ на умѣ» просвѣщающій массы благодѣтель хочетъ просто отдѣлаться отъ меня, подъ благовиднымъ предлогомъ, — я, дѣйствительно, направился на Мойку, въ домъ Греча, гдѣ помѣщались типографія и редакція «Сѣверной Пчелы», но не засталъ уже дома Николая Ивановича; онъ былъ потребованъ — не то, чтобы въ III отдѣленіе,—а въ Фурштадтскую улицу, къ ген. Дубельту, для какихъ-то разъясненій о томъ, что̀ именно подразумѣвалось подъ журнальнымъ терминомъ «передовая статья», такъ какъ подобныхъ своевольныхъ неприличій въ то время еще не полагалось въ газетахъ.

На другой день, въ восемь часовъ утра, я уже былъ въ рабочемъ кабинетѣ-чердакѣ Греча, по обыкновенію занимавшагося передъ своимъ поясным портретомъ, писаннымъ густыми масляннымн, — большею частью черною,—красками, и получилъ желаемое письмо, въ которомъ изъяснялось обо мнѣ, какъ о молодомъ человѣкѣ, желающемъ добросовѣстно трудиться и подающемъ надежды, тѣмъ болѣе, что и Н. В. Кукольникъ будто-бы еще недавно ему, Николаю Ивановичу, о моихъ способностяхъ говорилъ. Изъ письма я еще и то увидѣлъ, что Гречъ былъ съ Безакомъ на ты, и потому мною было придано сдѣланной обо мнѣ рекомендаціи великое значеніе, хотя и тогда уже сознавалъ я, что всѣ мои литературныя шалости ничего не стоили. Я, тогда еще 19-ти лѣтній юноша,—просто «любилъ писать, излагать свои чувства и привязанности»; тенденцій же тогда еще «не было въ явѣ» никакихъ,—по крайней мѣрѣ онѣ ни по чему не могли быть мнѣ извѣстны, и выраженіе «искусство для искусства» еще не почиталось смѣшнымъ.

Когда я, въ понятномъ восторгѣ, показалъ отцу рекомендательное обо мнѣ письмо Греча, старикъ, похваливъ меня за мои усердныя хлопоты, замѣтилъ только иронически, что онъ, съ своей стороны, не далъ бы письму этому полной вѣры, такъ какъ оно послѣдовало отъ литератора, — «а литераторы, по его убѣжденію, не всегда говорятъ правду».

Г. Безаку — какъ теперь помню — я представился въ воскресенье, въ 11 часовъ, и нашелъ въ немъ чрезвычайно симпатичную личность. Не оказалось и тѣни того excelent'наго самомнѣнія, которое, къ несчастію, во всѣхъ образованныхъ странахъ, нерѣдко мѣшаетъ человѣку, достигшему извѣстнаго, болѣе или менѣе высокаго, положенія въ чиновничьей іерархіи, прямосердечно и христіански-просто относиться къ тѣмъ самымъ людямъ, при которыхъ приставила его судьба въ

роли «отца и покровителя, защитника и охранителя отъ всякихъ бѣдъ и невзгодъ».

Его превосходительство Николай Павловичъ Безакъ показался мнѣ какимъ-то французомъ: во первыхъ—онъ съ перваго слова заговорилъ со мною по французски, какъ истый парижанинъ, во вторыхъ—онъ принялъ меня не въ халатѣ, какъ всякому мирному генералу тогда подобало, а въ сюртукѣ, хотя и безъ галстуха, лежа на старой ситцевой кушеткѣ, заваленной листками иностранныхъ газетъ;—можетъ быть еще и не прочитанныхъ. Въ третьихъ — онъ мнѣ сказалъ, что всѣ его подчиненные — канальи, лѣнтяи, хитрецы и взяточники, съ которыми нельзя ничего подѣлать безъ боязни умереть отъ аневризма. Затѣмъ Безакъ привѣтливо объявилъ мнѣ, что и мой товарищъ Е. И. Барановскій пожелалъ къ нему поступить; что, побесѣдовавъ съ нимъ, онъ, Безакъ, замѣтилъ въ немъ пріятную оригинальность и самостоятельность въ сужденіяхъ, которыя предвѣщаютъ не какого нибудь столоначальника, а нѣчто поважнѣе, и затѣмъ отпустилъ меня съ миромъ, сказавъ: «до пріятнаго свиданія въ нашемъ департаментѣ!»

Въ это-же самое воскресенье, въ которое я такъ отрадно бесѣдовалъ съ Безакомъ, — я, по заведенному въ училищѣ порядку, возвратился въ стѣны нашего, священнаго и понынѣ, храма.

Но тутъ произошло совершенно неожиданное для меня событіе, имѣвшее рѣшительное вліяніе на всю мою служебную дѣятельность.

Въ понедѣльникъ, въ 9 часовъ утра, является въ нашъ, уже совершенно свободный отъ педагогическихъ лекцій, классъ, директоръ Семенъ Антоновичъ Пошманъ, чѣмъ-то до крайности встревоженный. Черные глаза его прыгали; очки не держались на носу; онъ безпрестанно ихъ поправлялъ.

— «Господа!» сказалъ внушительнымъ голосомъ, вступивъ на каѳедру, директоръ, «вчера былъ у меня оберъ-прокуроръ 2-го отдѣленія 5-го департамента правительствующаго сената Иванъ Христіановичъ Капгеръ, и выразилъ мнѣ глубочайшее свое неудовольствіе по тому случаю, что никто изъ васъ до сихъ поръ у него не былъ съ объявленіемъ своего желанія поступить подъ его начальство».

Всѣ молчали.

— «Если вы, господа, мнѣ не отвѣчаете, то я нахожусь вынужденнымъ опросить васъ по алфавитному списку».

Началась выкличка. Желающихъ не оказалось; а произошло это странное обстоятельство по той причинѣ, что на одной изъ нашихъ совѣщательныхъ сходокъ кто-то изъ товарищей сказалъ, будто И. Х. Капгеръ тяжелаго характера; къ тому же онъ почти не присутствовалъ на нашихъ выпускныхъ экзаменахъ, а это было нами истолко-

вано полнѣйшимъ къ намъ равнодушіемъ съ его стороны, что впрочемъ и оказалось справедливымъ впослѣдствіи. Пошманъ нисколько не возмутился, повидимому, нашимъ отказомъ и вызвалъ меня.

— «Бочаровъ!» произнесъ онъ съ интонаціею нѣкоторой укоризны, «товарищей вашихъ я не могу принуждать къ поступкамъ, несогласнымъ съ ихъ желаніями; но вы-то, вы-то, вы — получили воспитаніе на собственный счетъ Его Высочества, вашего благодѣтеля, которому вы всѣмъ обязаны. Именемъ принца объявляю вамъ, что я угадалъ ваши благодарныя мысли въ настоящую минуту: вы искренно желаете поступить къ добрѣйшему Ивану Христіановичу!»

— Но, ваше—ство, я уже представлялся г. Безаку, отвѣтилъ я вопросительно.

— «Это ровно ничего не значитъ: я самъ передъ нимъ за васъ извинюсь».

Такимъ образомъ мое равенство и равноправность по отношенію къ моимъ товарищамъ были нарушены внезапно и безъ какой-либо моей вины. Жизнь, при первыхъ ея лучахъ, сказалась будничною, сѣренькою прозой.

При видѣ юношески-недоумительныхъ улыбокъ моихъ товарищей, не считавшихъ нужнымъ скрывать своей радости, что директорская «чаша» ихъ миновала,—я имѣлъ возможность обратиться съ просьбою объ участіи въ моемъ положеніи только къ нашему воспитателю г. Берару.

— Mon cher! C'est la volonté de Dieu! отвѣтилъ мнѣ, таинственно вознеся перстъ къ небу и полунаклонивъ голову, ревностный католикъ-воспитатель. Попавшійся-же на глаза, въ библіотекѣ, инспекторъ, обыкновенно ласковый и всегда добросердечный, не далъ никакого отвѣта.

Оставалось покориться судьбѣ. Я и покорился ей, вписавъ свое имя въ списокъ предъ графою: 2-ое отдѣленіе 5-го департамента.

На другой день, 15-го іюня, былъ назначенъ торжественный актъ Мы явились въ сенатскихъ мундирахъ помощниковъ секретарей, при шпагахъ и треуголкахъ; только немногіе—Волоцкой и еще кто-то съ бархатными зелеными воротниками министерства. Былъ молебенъ; на всѣхъ довольныя лица; мнѣ одному было какъ-то обидно-неловко.

Попечитель сказалъ намъ краткую напутственную рѣчь, закончивъ ее словами: «идите въ міръ, архистратиги! трудно будетъ вамъ въ борьбѣ»,—но «помните, что дверь моя для васъ всегда открыта».

Намъ роздали дипломы и золотые перстни, съ надписями на одной сторонѣ: «Respice finem», а на другой—«15 іюня 1840 года».

Принцъ, разставаясь съ нами, не могъ удержаться отъ слезъ. Тепла

и трогательна была его поэтическая рѣчь; жаль только, что ни онъ и никто изъ воспитателей и преподавателей не разъяснили неопытнымъ и пылкимъ умамъ, что очень многое въ жизни обусловливается просто случаемъ, прихотью, протекцiею и житейскою ловкостью; а житейскiй опытъ — охъ какой это дорогой и безсердечный учитель! Всѣ мы увлеченно предполагали, что въ мiрѣ насъ ожидаетъ одна только постоянно видоизмѣняющаяся радость.

II.

Вскорѣ послѣ того, какъ я вернулся въ родительскiй домъ, отецъ, показывая мнѣ различныя подлинныя дѣла, лежавшiя на его письменномъ столѣ, передалъ одно изъ нихъ, для составленiя докладной записки.

Порученiе было немедленно исполнено; но отецъ никакъ не могъ разобрать моей черновой работы, потому что я—да и почти всѣ мои товарищи—записывая въ теченiи пяти слишкомъ лѣтъ лекцiи профессоровъ, читавшихъ съ кафедры не рѣдко скороговоркою, совершенно испортили свой почеркъ.

— Могу васъ увѣрить, что докладъ составленъ обстоятельно! сказалъ я самоувѣренно.

— «Я въ этомъ не только не сомнѣваюсь», возразилъ отецъ, «я даже убѣжденъ, что онъ добросовѣстно изложенъ. Но прежде, чѣмъ признать, умно-ли написанное, надобно имѣть возможность свободно прочесть то, чтó написано: а отсутствiемъ этой-то существенной и первой принадлежности каждаго труда ты и вооружаешь противъ себя своихъ будущихъ начальниковъ и цѣнителей. Прими мой искреннiй совѣтъ, другъ мой, хотя онъ тебѣ съ перваго взгляда покажется нѣсколько страннымъ, а можетъ статься и обиднымъ: исправь почеркъ для твоей-же пользы. Я знаю людей такихъ, которые въ теченiи своей жизни, какъ говорится, мухи отъ слона отличить не умѣли, а достигли орденовъ и званiй дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ — и даже еще чего-то болѣе и выше—единственно благодаря той случайности, что были генiальными калиграфистами,—конечно при строгомъ соблюденiи обѣта молчанiя».

Почеркъ былъ мною по возможности исправленъ, четко переписанный докладъ отцу сданъ, — и я, въ одинъ прекрасный день, въ 10-ть часовъ утра, отправился по направленiю къ зданiю правительствующаго сената, наводившему меня на размышленiя, въ которыхъ я тогда еще не могъ себѣ составить опредѣленнаго отчета.

Войдя въ главный подъѣздъ, я замѣтилъ двухъ курьеровъ, видимо о чемъ-то споривишихъ между собою. Оказалось, что одинъ изъ нихъ не хотѣлъ уступить другому списокъ сенаторовъ общаго собранія, на которомъ противъ имени и фамиліи каждаго лица мѣста жительства ихъ были подробно обозначены. Толстый красноватый швейцаръ чистилъ свою ливрею и наводилъ металическій блескъ на булаву, а на-право, на деревянномъ диванчикѣ, у самой комнаты главнаго дежурства, подобострастно сидѣли два какихъ-то еврея, съ просительскими бумажками въ рукахъ.

— Какъ-бы мнѣ пройти въ канцелярію 2-го отдѣленія 5-го департамента, и у кого тамъ узнать, гдѣ живетъ оберъ-прокуроръ Иванъ Христіановичъ Капгеръ?—спросилъ я швейцара, снимая съ себя круглый плащъ на бархатной подкладкѣ, вышедшій изъ мастерской моднаго тогда портнаго, г. Петерса, гордившагося красотою своей жены передъ столичной молодежью.

— Вы изъ училища?... Гм!... Можете и здѣсь пройти, ваше благородіе: подымитесь по этой лѣстницѣ, потомъ на-право, по второму этажу, чрезъ два другихъ департамента, а если желаете попасть туда прямо, какъ и всѣ тамошніе чиновники ходятъ, — то лучше будетъ, если обойдете изъ нашего подъѣзда, мимо гауптвахты, подъ арку, въ ворота, во второй-же этажъ. Гдѣ живетъ генералъ Капгеръ, вы и здѣсь, въ главномъ дежурствѣ, узнать у курьера можете,—только тамъ, прямо въ канцеляріи, для васъ удобнѣе будетъ, потому что департаментскій экзекуторъ теперь уже пришли и повѣряютъ являющихся на должность чиновниковъ. Экзекуторъ вполнѣ скажетъ вамъ: и въ которомъ часу генералъ Капгеръ туда пріѣзжаетъ, и гдѣ онъ живетъ.

Отвѣтъ былъ настолько обстоятеленъ, что оставалось послѣдовать указанію, и я невольно подивился простотѣ души стараго русскаго ундера-швейцара, который не воспользовался предстоявшимъ ему случаемъ «загородить дорогу» просьбой о подачкѣ.

— Скажите, любезный, какъ ваше имя?—спросилъ я у того-же швейцара, еще не надѣвавшаго своей формы.

— Мое имя Борисъ, а фамилія—Брызгаловъ,—произнесъ онъ съ усмѣшкою.—И развѣ вы не помните, или вамъ не говорили о фамиліи Брызгаловыхъ?

Въ трехъ большихъ комнатахъ втораго этажа, окнами однѣ—во дворъ, другія—въ Галерную, было разставлено нѣсколько большихъ и малыхъ столовъ, обтянутыхъ черною клеенкою. Когда я вошелъ, за большими столами сидѣло уже нѣсколько разнокалиберныхъ и разношерстныхъ существъ въ глянцевито-истертыхъ мундирныхъ фракахъ, большею частью стариковъ отъ сорока до семидесяти лѣтъ включи-

тельно, и лысыхъ, и въ парикахъ, сошедшихся сюда изъ Чекушъ, Колтовской, изъ села Александровскаго и изъ-за Невской заставы. У нѣкоторыхъ торчали въ петличкахъ орденскія ленточки, медали и знаки отличія за безпорочную службу, съ неодинаковыми римскими цифрами. Тишина была изумительная, и, при первомъ взглядѣ на это сборище, легко могло показаться каждому, даже не очень строгому наблюдателю, что онъ попалъ въ какую-нибудь провинціальную консисторію, или въ кабинетъ восковыхъ фигуръ изъ нѣмецкаго ремесленнаго быта: до такой степени все здѣсь вѣяло запахомъ отпѣтой умственной гнили. Всѣ что-то списывали.

Малые столы еще не были заняты. Суровый господинъ, въ мундирѣ и при шпагѣ, раскладывалъ на нихъ толстыя бѣлыя нитки, сѣрую бумагу, картузные листы, гусиныя перья и дешевые карандаши, соблюдая по возможности пропорціональность въ количествѣ матеріала, ежемѣсячно отпускаемаго на каждаго помощника секретаря, долженствовавшихъ вскорѣ прибыть, по двѣ персоны къ каждому малому столу. Этотъ господинъ былъ—экзекуторъ, блюститель порядка, онъ-же приходорасходчикъ, фактотумъ и тайный доносчикъ его превосходительству Михаилу Ивановичу Топильскому о всякомъ несвоевременно-явившемся на должность канцелярскомъ труженикѣ и о всякомъ алкогольномъ ихъ увлеченіи. Порою клевеща на помощниковъ и сплетничая на секретарей, у которыхъ иногда появлялись новые сюртуки, въ тѣ дни, когда доводилось отправиться прямо изъ должности на имянинный пирогъ, экзекуторъ позволялъ себѣ шутливо отзываться о нѣкоторыхъ оберъ-секретаряхъ, къ которымъ просители являлись въ департаментъ, а не на домъ; но говорить съ его превосходительствомъ — такъ или иначе—о письмоводителѣ и протоколистѣ не имѣлъ рѣшительно никакого права: лица эти состояли подъ непосредственнымъ надзоромъ и пользовались особымъ вниманіемъ самого его превосходительства, который ежедневно, при входѣ въ департаментъ, кивалъ имъ головою и, иногда заходя случайно по пятницамъ, удостоивалъ разговаривать съ ними по нѣсколько секундъ.

«Позвольте васъ спросить, къ кому здѣсь я могу обратиться?»—проговорилъ я, подошедъ къ этому господину и предварительно объявивъ о своей личности.

— «Къ вашимъ услугамъ! Экзекуторъ здѣшній Осипъ Осиповичъ Сукманъ, коллежскій ассесоръ и домовладѣлецъ!»—былъ отвѣтъ.

«Значитъ, вы можете объяснить мнѣ, въ какое время и гдѣ могу я представиться оберъ-прокурору?»

— «То есть его превосходительству, Ивану Христіановичу, вѣроятно хотите вы сказать?»—холодно замѣтилъ Сукманъ. «Генералъ никогда

не изволитъ бывать сюда ранѣе двухъ съ половиною, или трехъ часовъ, потому что у себя дома дѣлами занимается; а выходитъ изъ департамента—въ шесть, иногда въ семь; въ ноябрѣ, когда отчеты—и того позднѣе...»

«А какъ-же всѣ вы-то здѣсь, съ такого ранняго времени?»

— «Мы—подчиненные, разсуждать не смѣемъ и къ тому не пріучены: приказано—сидимъ! Вамъ-бы лучше къ генералу на квартиру отправиться».

«Гдѣ-же онъ живетъ и когда принимаетъ?»

— «Жительство онъ имѣетъ,—а не живетъ-съ,—на Литейной, въ казенномъ домѣ, почти противъ Симеоновскаго переулка,—онъ и тамъ исполняетъ важныя обязанности; а принимаетъ—всегда послѣ 12-ти, если одинъ и не встревоженъ кѣмъ-нибудь. Отправляйтесь къ нему теперь-же; идите смѣло: ничего! Курьеръ при немъ находится: онъ о васъ доложитъ. Ступайте съ Богомъ въ добрый часъ! У васъ, конечно, собственный экипажъ? у подъѣзда или у воротъ?»

Мнѣ показалось, что экзекуторъ хотѣлъ меня проводить нѣсколько.

«Нѣтъ, я пѣшкомъ сюда пришелъ.

— «А! Да—аа! Вѣдь, помнится мнѣ, никто изъ вашихъ не пожелалъ добровольно къ намъ поступить. Ну, въ такомъ случаѣ—дѣлайте, какъ знаете. Извините, у меня то-же свои обязанности и дѣла!«

Онъ двусмысленно поклонился; я отвѣтилъ тѣмъ-же и вышелъ изъ канцеляріи непринужденно-скорыми шагами, потому что у меня заболѣла голова и я ничего не могъ сообразить. Все это было такъ несогласно съ тѣмъ, что̀ намъ наговорили о сенатскихъ порядкахъ, о привѣтливыхъ сенатскихъ чиновникахъ, которые примутъ насъ съ распростертыми объятіями и уже соскучились въ ожиданіяхъ нашей служебной имъ помощи, что я подумалъ, не соскочилъ-ли я съ ума, или не предоставила-ли мнѣ судьба неожиданный сеансъ въ «желтомъ» домѣ,—какъ прежде называли нѣкоторыя богоугодныя заведенія.

Придя домой, я встрѣтилъ заботливый взоръ отца, замѣтившаго, что со мною произошло что-то неладное.

Вечеромъ я слегъ въ постель; начался лихорадочный жаръ и безсвязный бредъ. Мнѣ говорили послѣ домашніе, что я въ какомъ-то ожесточеніи декламировалъ какія-то безсмысленныя тирады:

«Если вылить въ Неву стаканъ цвѣточнаго чаю, то напитокъ незамѣтно расплывется и потеряетъ вкусъ».

«Напрасны пѣсни передъ деревомъ, когда оно дубье!»

Болѣзнь скоро миновала, по неизмѣнному закону природы, глубокомысленно объясненному намъ однажды, при анатомическомъ вскрытіи

чьей-то—если не ошибаюсь, купеческой — грудной полости, тѣмъ-же профессоромъ судебной медицины И. Т. Спасскимъ:

«Ежели мы сами проходимъ, — то, безъ всякаго сомнѣнія, проходятъ и наши болѣзни. Эта аксіома была извѣстна еще до потопа, гораздо позже котораго явился эскулапъ, подтвердившій ту-же истину, неоднократно выраженную и въ новѣйшихъ гомеопатическихъ лечебникахъ».

«Видно, не переводятся только одни экзекуторы, потому что они вѣчны какъ ржавчина», подумалъ я, почувствовавъ уже нѣкоторое облегченіе отъ навѣяннаго недуга. Предстояло немедленно отправиться къ начальнику, служебная обстановка и моментъ дѣятельности котораго, въ дѣйствительности, безъ иллюзій, были въ такомъ видѣ:

При обнародованіи Свода Законовъ перваго изданія 1832 года— наша русская юстиція была не только не на верху, а, напротивъ, въ подошвенномъ низу своей задачи. Въ домахъ зажиточныхъ или просто порядочныхъ помѣщиковъ считалось неприличнымъ говорить о тяжбахъ, безконечный ходъ и перипетіи которыхъ обыкновенно содержались въ тайнѣ, а тѣмъ болѣе о чиновникахъ,—такъ называвшихся приказныхъ—такихъ паріяхъ, положеніе и нравственный уровень которыхъ нерѣдко признаваемы были гораздо ниже крѣпостно-крестьянскаго и сельско-духовнаго; а въ военно-служебныхъ сферахъ трактовалось единственно о доходахъ съ имѣній, арендахъ и иныхъ пожалованіяхъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ о вліятельныхъ мѣрахъ для ходатайства къ отмѣнѣ какого-нибудь мозолящаго карманъ окончательнаго рѣшенія, чтобы обратить таковое къ «первоначальному» производству, т. е. снова отбросить какой-нибудь непрошенный — негодный дамокловъ мечъ на цѣлые десятки лѣтъ. Геніальные крѣпостные Ѳедулы, Зоты, Антипы, впослѣдствіи нажившіе себѣ несмѣтныя земельныя и лѣсныя богатства, состояли повѣренными по дѣламъ своихъ господъ, исполняя должность безотговорочныхъ при нихъ казначеевъ въ каждый критическій моментъ и глубоко разсудительныхъ, хотя и безграмотныхъ, факторовъ при всякомъ внезапномъ ихъ крахѣ. Только одни они знали дѣйствительныя денежныя средства крестьянъ извѣстной мѣстности и умѣли сдерживать порывы управляющихъ изъ иностранцевъ; помѣщикъ-же лично ничего не могъ узнать обстоятельнаго о кубышкѣ своего Вавилы, какъ-бы ни истязалъ его кнутомъ и батогомъ. «Помилуйте во имя Господа!» вопилъ со слезами, валяясь въ ногахъ, сѣрый мужикъ: «мы подати вамъ, примѣромъ будучи сказать, на два предмета заплатили, а больше намъ взять неотколи-ти!»

Въ уѣздныхъ городахъ уѣздные стряпчіе-самоучки, крапивнаго сѣмени или случайные сыновья причетниковъ и уволенныхъ дворовыхъ—

состязались въ лихоимствѣ съ мѣстными судьями изъ мелкопрапныхъ дворянъ и открыто исполняли должности ходатаевъ безъ довѣренностей по дѣламъ такихъ лицъ, отъ которыхъ можно было поживиться хотя-бы сѣномъ, овсомъ, крупой или птицей, къ празднику, если не деньгами. Все это, конечно, объяснялось крайнею скудостію казеннаго содержанія, не превосходившаго нѣсколькихъ рублей въ мѣсяцъ.

Губернскіе города имѣли свою особую служебно-чиновничью аристократію, состоявшую изъ предсѣдателей трехъ палатъ—казенной, гражданской и уголовной, съ ихъ совѣтниками,—совѣтниковъ губернскаго правленія, инспектора врачебной управы, почтмейстера, губернскаго прокурора и губернатора. Иногда къ этимъ «сливкамъ» общества присовокуплялись секретарь дворянства и уѣздный исправникъ, какъ особа, къ особѣ главнаго начальника особо приближенная. Должности заполнялись по преимуществу отставными военными, лишившимися приличныхъ маіорскому или полковничьему званію средствъ къ жизни, или канцелярскими старшаго оклада, перемѣщавшимися, по разнымъ проискамъ, изъ Петербурга, съ непремѣнною обязанностью косвеннаго наблюденія по собственнымъ дѣламъ и интересамъ столичныхъ воротилъ. Не диковина была просителю, въ кабинетѣ у какого-нибудь департаментскаго директора, имѣющему тяжебное дѣло въ провинціи, или—положимъ дѣльце по добывкѣ дутаго залога для казеннаго подряда—получить такой отвѣтъ: какъ только пріѣдете въ городъ, ступайте отъ моего имени къ такому-то совѣтнику (имя рекъ); онъ у меня и теперь свой человѣкъ, и для меня вамъ все сдѣлаетъ. Директоры гимназій держались особнякомъ, и никакимъ вліяніемъ и почетомъ у мѣстной аристократіи не пользовались. Поборы съ просителей взимались предсѣдателями—обыкновенно черезъ секретарей, въ важныхъ или «хлѣбныхъ» случаяхъ—лично, въ самоважнѣйшихъ рѣдкихъ «казусахъ»—и тѣми, и другими вмѣстѣ. Послѣдніе—т. е. казусы—доставляли обильную пищу даже разсыльнымъ сторожамъ, при отправкѣ дѣлъ, въ наглухо зашитыхъ тюкахъ, на почту со стереотипной надписью: «въ правительствующій сенатъ».

Здѣсь дѣла, по своемъ благополучномъ прибытіи въ подлежащіе департаменты чрезъ главное дежурство, вылеживались въ аккуратно запираемыхъ шкапахъ, ожидая своей «очереди», ходатаевъ и просьбъ «о рукоприкладствѣ».

Иногда, у провинціальнаго почтмейстера, еще и тюкъ въ теченіи полугода не отосланъ, а вліятельный столоначальникъ—виноватъ, помощникъ секретаря—уже заполучилъ въ столицѣ денежный конвертъ, съ покорнѣйшею просьбою «о зависящемъ наблюденіи впредь до личнаго свиданія».

Присылаемыя въ правительствующій сенатъ дѣла состояли нерѣдко изъ цѣлыхъ стопъ разнообразныхъ бумагъ, писанныхъ неразборчиво, каверзно и глупо; преобладающая цѣль была—или затянуть дѣло, или представить его въ превратномъ видѣ. Очевидно, прежде внесенія въ присутствіе всякаго такого дѣла, необходимо было приготовить изъ него полную, хотя бы нѣсколько осмысленную выдержку. Вотъ главная причина такъ называвшагося составленія «пространныхъ записокъ», которыя, бывъ неизбѣжнымъ тогда зломъ по отношенію къ быстротѣ дѣлопроизводства, представляли собою еще бо̀льшее зло, дѣлая изъ канцелярій безсловесную машину и превращая молодыхъ помощниковъ секретарей въ простыхъ фабричныхъ кочегаровъ. Тутъ не требовалось умственнаго труда и соображенія, а въ результатѣ получалось у интеллигентныхъ одно только отвращеніе къ своимъ обязанностямъ, при общемъ исполненіи которыхъ никакому начальнику нельзя было отличить «Ивана» отъ «Ивана» и, понятно, требовался одинъ только «экзекуторъ» для наблюденія и доносовъ за полностію проводимыхъ чиновниками на службѣ, по положенію, часовъ.

Если «пространныя записки» были зачастую съ оригиналомъ невѣрны и выражали собою пассивный интересъ своими пробѣлами, восполнявшимися по геніальности и фантазіи плутоватаго скрѣпщика ихъ по листамъ, а провѣрка ихъ представляла жестокосерднѣйшее наказаніе до притупленія способностей и изнеможенія физическихъ силъ,—то что же можно было сказать одобрительнаго о «краткихъ» запискахъ, которыя скрѣплялись секретарями и были или просто повтореніемъ губернаторскихъ рапортовъ, или давали необходимый поводъ для безшабашнаго искаженія обстоятельствъ дѣла сообразно «домогательствамъ» участвовавшихъ въ тяжбѣ сторонъ, зачастую корыстнымъ.

Такъ вотъ съ какимъ матеріаломъ бороться неминуемо предлежало прежнимъ оберъ-прокурорамъ, писавшимъ слова «читалъ» и «исполнить» на опредѣленіяхъ, которыя были ни что иное, какъ тѣ же, еще разъ переписанныя записки—пространная и краткая, но только уже не на сѣрой, а на бѣлой бумагѣ,—съ прибавленіемъ дословныхъ выписокъ изъ свода законовъ и резолюцій, которыя, предварительно доклада, развивали и передавали на прокурорское воззрѣніе оберъ-секретари.

Понятно, что и у оберъ-прокуроровъ настоящая энергія пропадала, а такъ какъ для нихъ переходить въ другія вѣдомства уже не было разсчета, потому что ушло уже время,—то и оставалось, въ концѣ концовъ, одно безмолвное и терпѣливое прозябаніе впредь до перестановки кресла на середину залы, за общій праведный столъ подъ всѣми святыми. Правда, все шло тихо по своей колеѣ; но въ такомъ колейномъ perpetuum mobile не разобрался бы и премудрый Соломонъ.

Коснувшись выписокъ изъ свода законовъ, не могу не передать оригинальныхъ замѣчаній на колоссальный трудъ его составителя, высказанныхъ, не помню хорошенько при какой бесѣдѣ—однимъ изъ талантливѣйшихъ и ближайшихъ помощниковъ графа Сперанскаго. Передаваемое здѣсь происходило, кажется, на вечерѣ у сенатора Мордвинова.

— «Сводъ законовъ въ первомъ его изданіи—это превосходно распланированная мѣстность для сада на самый деликатный, утонченный вкусъ; при второмъ изданіи—это будетъ тѣнистый садъ, при третьемъ—густой лиственный лѣсъ, а при четвертомъ—только кодексъ Наполеона».

— Къ чему вы тутъ, и съ какой стати примѣшиваете имя этого человѣка, ваше прев—ство? спросилъ я не безъ нѣкотораго волненія, которое не успѣлъ хорошо скрыть.

— «Съ очень большой стати!» сухо отвѣтилъ сановникъ, отворотившись отъ меня въ полъ-оборота. Хоругви и крупу не ставятъ подъ одну крышу. Отдѣлите личныя права отъ мѣропріятій имущественныхъ, предоставленныхъ административнымъ вѣдомствамъ—и у васъ получится въ результатѣ коротенькая книжка, понятная всякому гимназисту, а судопроизводство—это юстиція, про которую вамъ и намъ давно сказано: fiat jusficia pereat mundus.

— «Не легкая задача вообще, и у насъ—въ особенности!» шутливо замѣтилъ кто-то.

При такомъ замѣчаніи сановникъ отошелъ въ другую комнату, гдѣ фокусникъ Боско раздавалъ присутствующимъ живые цвѣты: розы, камеліи и незабудки, изъ пустой выкрашенной и налакированной вазы.

III.

Отправившись на Литейную представиться И. Х. Капгеру, въ 10 часовъ утра, я, прождавъ до 12-ти, нашелъ его пр—ство въ уютной бесѣдкѣ, находившейся въ палисадикѣ, во второмъ дворѣ казеннаго дома, благополучно существующаго и понынѣ. И. Х. сидѣлъ за большимъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ сенатскими опредѣленіями, разложенными крестъ-на-крестъ, одно на другое. Справа, вблизи стола, на простой скамейкѣ, лежало нѣсколько книгъ свода и одинъ томъ изъ общаго собранія. По наружности своей И. Х. показался мнѣ холоднымъ скептикомъ; блѣднолицый и худощавый, съ нахмуреннымъ лбомъ, онъ являлъ собою болѣе истолкователя, и даже, вѣроятно, талантливаго исполнителя гетевскаго Фауста, чѣмъ кандидата въ сенаторы панинской канцелярской эпохи.

Нечего и распространяться о томъ, что я былъ принятъ сухо и совершенно безвнимательно.

— Васъ ко мнѣ прислали, и вы ко мнѣ явились! проволочилъ медленно Капгеръ, устремивъ на меня ядовито-испытующій взглядъ. Послѣдовала пауза, какъ въ финальной оперной каденцѣ.—Теперь оптравьтесь въ сенатъ, прямо въ мой департаментъ, спросите тамъ оберъ-секретаря Ивана Матвѣевича Погуляя: онъ вамъ дастъ дѣло,—но ему тоже представитесь, конечно?...

Войдя въ знакомую уже канцелярію, я, по указанію экзекутора, увидѣлъ краснолицаго господина, средняго роста, въ мундирѣ съ шитымъ воротникомъ, сидящаго за однимъ изъ малыхъ столовъ, съ раскоряченными ногами, обутыми въ глянцевито-начищенные сапоги. Передъ господиномъ стоялъ, въ почтительномъ безмолвіи, какой-то другой господинъ, въ мундирномъ фракѣ, державшій массу бумагъ въ синей оберткѣ. Сидѣвшій тузъ—и былъ тотъ самый Погуляй, къ которому послалъ меня начальникъ; стоявшій валетъ—какъ впослѣдствіи оказалось—младшій помощникъ секретаря, пятидесяти отъ роду годковъ, Викторъ Евстигнѣевичъ Козюлькинъ.

— Ворона! Что ты это тутъ написалъ! неистово кричалъ Погуляй, тыкая пальцемъ въ синюю бумажную обертку.

Обстоятельство, послужившее поводомъ къ неудовольствіямъ, заключалось въ томъ, что столоначальникъ Викторъ Евстигнѣевичъ Козюлькинъ сдѣлалъ надпись на обложкѣ уголовнаго дѣла и внесъ его подъ номеромъ въ настольный реестръ дословно съ такою кличкою, какая ему была предоставлена въ Кіевской уголовной палатѣ, а именно: «о медвѣжьей шубѣ, оказавшейся собачьею», вмѣсто того, чтобы наименовать то лицо, которое подверглось судебному приговору за обманъ при продажѣ шубы.

— «Ну, господинъ Козюлькинъ!» продолжалъ оберъ-секретарь стуча кулакомъ по столу: «не взыщите—Вздвиженье на васъ придетъ!» Слова эти возбудили неудержимое хихиканье со стороны всѣхъ сидѣвшихъ за большими столами писарей перваго, втораго и третьяго разрядовъ. Я тоже не могъ удержаться отъ улыбки и, изъ понятной вѣжливости, сдѣлалъ движеніе, чтобы отойти къ окну, впредь до окончанія импровизированной сцены; но Погуляй привѣтливо остановилъ меня.

— «Постойте, молодой человѣкъ, сейчасъ мы вамъ дадимъ занятіе,—одно дѣльце, которое уже четвертый годъ васъ, вонъ въ томъ шкапу, дожидается и доселѣ мирно спитъ на всѣхъ его полкахъ. Господинъ Козюлькинъ! передайте сейчасъ же, вотъ имъ (Погуляй указалъ на меня) все дѣло о Нѣжинскомъ исправникѣ Зарудномъ, которое со-

держитъ въ себѣ 18,916 листовъ, если не ошибаюсь. Видите, какая у меня память!»

Козюлькинъ торопливо открылъ шкапъ, и моимъ глазамъ представились двадцать огромныхъ томовъ, обномерованныхъ римскими цифрами по порядку.

— «Вотъ вамъ!» объявилъ мнѣ ласковымъ голосомъ Иванъ Матвѣевичъ. «Составьте—конечно въ скорѣйшемъ по возможности времени—сперва пространную изъ этого дѣла записку, а потомъ и краткое къ ней изложеніе. На этотъ разъ вамъ необходимо будетъ отступить отъ существующаго порядка, при первыхъ вашихъ пріемахъ, потому что—какъ вы знаете—пространная записка должна заключать въ себѣ копію со всѣхъ бумагъ дѣла, а въ настоящемъ случаѣ вамъ довелось-бы исписать то же 18,916 листовъ. Это, конечно, для васъ возможно, только оно, по моему мнѣнію, будетъ очень продолжительно, да и скучновато. Теперь идите, съ Богомъ, домой и отдохните денька три. Вы гдѣ квартируете?»

— У Покрова, на углу Большой Садовой и площади, въ домѣ Бабицыной.

— «Вотъ и прекрасно! Господинъ экзекуторъ!» протянулъ Иванъ Матвѣевичъ, поворачивая голову къ подошедшему экзекутору», пригласите ихъ на верхъ, въ вашу комнату, и запишите ихъ адресъ!»

И мы отправились. Экзекуторъ Сукманъ былъ настолько любезенъ, что предложилъ мнѣ обойти все сенатское зданіе и самъ былъ моимъ, на этотъ разъ краснорѣчивымъ, проводникомъ.

Теперь считаю умѣстнымъ предпослать краткій очеркъ общаго состоянія канцелярій всѣхъ департаментовъ правительствующаго сената, за двѣнадцати лѣтнее время моего служенія, хотя и безвыходно, какъ говорится—въ одномъ и томъ же 2-мъ отдѣленіи 5-го департамента. Мѣнялись люди, одни выходили въ отставку, другіе перебирались въ другія вѣдомства, третьи уѣзжали на должности по губерніямъ, или отправлялись въ елисейскія поля; но общій характеръ за весь этотъ періодъ былъ почти одинъ и тотъ же, при главномъ условіи памятованія, что ежегодно прибывавшіе къ служебному персоналу [1]) молодые труженики-правовѣды благотворно освѣжали приказную атмосферу не только своими просвѣщенными работами по гражданскому и уголовному отдѣламъ, но даже и своими возвышенно-честными бесѣдами въ кружкахъ подчиненныхъ имъ неученыхъ и недоучившихся стариковъ. Однихъ вытаскивала протекція,—и я о нихъ умалчиваю, другіе—выдвигались

[1]) Только не во 2-е отдѣленіе 5-го департамента, потому что желающихъ не оказывалось.

сами, благодаря своимъ замѣчательнымъ способностямъ, энергіи и любовью къ труду, какъ напр. Петръ Алексѣевичъ Зубовъ—(о живыхъ тоже боюсь говорить); третьи—положили душу «за други своя» въ безнощныхъ трудахъ, какъ Вистингаузенъ, Коржевскій. Болѣе счастливыми и быстрѣе возвысившимися оказались, съ малыми исключеніями, всѣ тѣ правовѣды, которые, только побывавъ въ сенатѣ, перешли въ другія министерства, предоставлявшія болѣе простора для ихъ ума и способностей. Многому былъ я свидѣтелемъ, и по необходимости, и добровольно; многое слышалъ отъ случайныхъ наблюдателей, принадлежавшихъ къ здоровымъ и больнымъ, способнымъ и неспособнымъ звѣньямъ одного и того же цикла.

Писцы въ канцеляріяхъ департаментовъ сената получали жалованье по штату, соотвѣтственно разрядамъ, отъ 9-ти до 17-ти рублей въ мѣсяцъ. Это были—не знаю, какъ вамъ обстоятельно сказать, кто именно они такіе были: и отставные военные, недостигшіе той звѣздочки, о которой нѣжно воспѣвалось тогда въ романсахъ («Небо чисто, небо ясно, въ небѣ звѣздочка блеститъ»), и такіе же статскіе, и даже семинаристы изъ убоявшихся премудрости и возвратившихся вспять; были и мѣщане изъ русскихъ портныхъ, сами по себѣ состоятельные, но мечтавшіе о «коллежскомъ регистраторѣ» для безъимяннаго по ихъ понятіямъ семейства, и нѣмцы изъ учительскихъ дѣтей, либо изъ дѣтей управляющихъ господскими имѣніями, либо изъ шляхты. Сметливые молодые люди того времени, поучившіеся въ народныхъ школахъ, въ особенности длинноносые курскіе и воронежскіе малороссы, добравшіеся до Петербурга по причинѣ безвыходной умственной и физической для нихъ немоготы на родинѣ, достаточно привольной для существованія ихъ отцамъ, записывались больше по министерству финансовъ, въ казначейство или палату, гдѣ никакія умственныя разглагольствія, долженствующія неминуемо отличить человѣка способнаго отъ неспособнаго, отнюдь не допускаются. Дважды два—четыре, и все тутъ! Если бы дозволено и возможно было ввести А. С. Пушкина и показать ему всю эту ветошь,—то онъ, конечно, «не обинуясь» воскликнулъ бы:

Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній...

Нѣкоторые изъ канцелярскихъ имѣли свои домики, кто въ Чекушахъ, кто въ Колтовской, а нѣкоторые на Петербургской Сторонѣ, и ссужали своимъ товарищамъ деньги за лихвенные проценты, якшаясь съ приходо-расходчиками экзекуторами, производившими по этому случаю вычеты изъ жалованья подъ опасеніемъ донести оберъ-проку-

рору за всякій нахальный возгласъ потерпѣвшаго: «Помилуйте! у меня жена и дѣти! Да я и четверти этой суммы никогда у этого алтынника не бралъ!» Иное дѣло секретари, ближайшіе помощники оберъ-секретарей, съ которыми они постоянно бывали—часто въ интимно-дружественныхъ, а иногда въ лукавыхъ отношеніяхъ, но всегда подъ сурдинку. Краткое изложеніе, повѣрка его, исправленіе, направленіе и скрѣпа были исключительно ихъ обязанностью, при добросовѣстномъ исполненіи которой секретари эти иногда допускались къ докладамъ «присутствію» немногосложныхъ производствъ.

Секретари, въ домашнемъ своемъ обиходѣ, представляли нѣчто болѣе неопредѣленное, чѣмъ ихъ помощники, вполнѣ сознававшіе, что никакихъ важнѣйшихъ должностей они не достигнутъ. Каждый секретарь—по крайней мѣрѣ въ мою бытность—еще не терялъ совершенно надежды сдѣлаться оберъ-секретаремъ: но тутъ-то и являлось главное препятствіе, въ чемъ бы вы подумали? Въ modus vivendi!—Жить по столоначальнически, принимая по утрамъ однихъ только просителей и заходя изъ должности въ трактиръ «Лондонъ» на Адмиралтейской площади—было мизерно; жить по оберъ-секретарски, съ бостономъ и вистомъ, при помощи приглашенныхъ просителей—опасно, по неизвѣстности, дѣйствительно-ли мой оберъ-секретарь будетъ сказываться больнымъ во все то время, которое мнѣ нужно, чтобы довести къ благополучному окончанію «вопіющее» дѣло. Ну, а какъ вдругъ поссорится съ прихотливою женою, да и махнетъ къ докладу самъ?

Міръ и кругозоръ оберъ-секретарскій былъ совершенно другого содержанія и совершенно иной подтасовки. Это былъ центръ, къ которому все тяжущееся стремилось и отъ котораго всего уповало. Были-бы деньги; протекціи отводилось мѣсто, смотря по тому, кто «проситъ», а кто подъ видомъ «просьбы» и «приказываетъ». Иные изъ уголовныхъ оберъ-секретарей имѣли свои каменные дома въ Коломнѣ (Б......въ), иные изъ гражданскихъ въ Конюшенной, въ Измайловскомъ полку, на Васильевскомъ острову или на Выборгской сторонѣ (К.......й, С......гъ, К.....въ, Г....въ), но никому и никогда въ голову не приходило казуистически обвинять этихъ людей (семейныхъ и доблестныхъ рыцарей своего вѣка, получавшихъ по 105 руб. въ мѣсяцъ жалованья) въ вымогательствѣ:

— «Ваше дѣло о двухъ тысячахъ десятинахъ земли, которыя вы оттягиваете у вашего сосѣда, стоитъ у меня пять тысячъ. Пожалуйте деньги; я доложу дѣло, выиграете—поздравляю васъ, не выиграете—получайте отъ меня ваши деньги назадъ!»

Такъ и исполнялось. Не могу не прибавить при этомъ случаѣ глупаго замѣчанія одного изъ тѣхъ-же толстопузыхъ необразованныхъ оберъ-се-

кретарей: «всѣ мы—теперь, и всегда будемъ—частица одного и того-же калейдоскопа, который приватный учитель, на мои-же кровныя деньги, купилъ моимъ дѣтямъ: сейчасъ—камень; сейчасъ—ангела изъ того-же вещества онъ вамъ показываетъ. Удивительно-съ, до того, что поневолѣ рябиновой выпьешь!»

IV.

Ежели-бы я былъ неудавшимся, но все таки, на зло книгопродавцамъ, печатающимся поэтомъ, то непремѣнно воскликнулъ-бы: «Какъ все перемѣнилось въ нашей жизни! Какъ теперь отецъ не узнаетъ сына, дядя боится племянника, братъ не познаетъ брата!» Но я не поэтъ, и потому никогда такихъ внушительныхъ восклицаній не сдѣлаю, а подумаю только: «сколько лѣтъ уже прошло, съ разными неизбѣжными приключеніями, нагонявшими архангельскій холодъ на наши неаполитанскія, ментонскія и кисловодскія мечты,—а все же ни одинъ изъ моихъ товарищей по курсу не позабылъ лекцій профессора нѣмецкой литературы, доктора философіи, берлинца Лейцмана!» Каждый изъ насъ безъ сомнѣнія и понынѣ помнитъ, какъ практично мыслилъ этотъ «разсудительный до увлекаемости» берлинецъ о задачахъ всякаго очереднаго, такъ называемаго «новаго» поколѣнія. Разбирая и развивая предъ нами произведенія нѣмецкихъ мыслителей, восторгаясь полетомъ и здоровостью духовныхъ силъ ихъ пѣснопѣвцевъ, онъ обыкновенно приходилъ къ такому практическому заключенію, что всякое новое поколѣніе есть только до извѣстнаго времени «молодое» поколѣніе, которое, въ свою очередь, сдѣлается послѣ того старымъ, и что хотя вѣчная измѣнчивость есть неизмѣнный законъ природы, но, тѣмъ не менѣе, всегда пребудетъ неизмѣнною та, отъ сотворенія міра неизмѣнная, аксіома, что всѣ молодые и старые люди, безъ различія сословій, всегда хотѣли и будутъ хотѣть пить и ѣсть; задача-же передовиковъ въ общечеловѣческомъ стадѣ земнаго шара состоитъ единственно въ наблюденіи за ударами маятника: «въ какую секунду, въ какой мѣстности, и какой именно, состоящій подъ покровительствомъ домашнихъ животныхъ, субъектъ захочетъ попить или покушать». Не слыхалъ-же я объ этой аксіомѣ впослѣдствіи потому, полагаю, что департаментскіе передовики всѣхъ вѣдомствъ понимали и понимаютъ ее каждый по своему, сообразно тому враждебно-бюрократическому лагерю, къ которому сами принадлежатъ, забывая безотвѣтную пословицу: sic transit gloria mundi. «Религія преподала намъ свѣтлую точку, къ которой должно влечись человѣчье земное странствованіе и идите къ

ней къ этой всеоживляющей свѣтильницѣ!» торжественно провозглашалъ намъ съ каѳедры философъ нѣмецкій, профессоръ г. Лейцманъ.

Комнату, которую отдалъ мнѣ въ мое распоряженіе отецъ, я обставилъ какъ истый послѣдователь ученія Лейцмана, шкафикомъ съ классиками и статуэтками, выражавшими, какъ и вездѣ статуи выражаютъ— нѣмое напоминаніе о тѣхъ личностяхъ, громкія имена которыхъ тщательно вычеканены на ихъ пьедесталахъ. Благопріобрѣтенная мною ньюфаундлендская собака, съ данною ей кѣмъ то кличкою «Child Harold», длинный чубукъ, волтеровское кресло и компактное изданіе Шекспира, котораго тогда наши самоучки-просвѣтители начали выдавать чуть-ли не за пророка,—составляли необходимую принадлежность моего «dolce far niente» послѣ пяти съ половиною лѣтнихъ подвиговъ въ училищѣ правовѣдѣнія.

Однажды сижу на балконѣ, выходившемъ изъ моей комнаты на Большую Садовую у Покрова, и думаю себѣ: какъ-бы хорошо было, если-бы Козюлькины постарались довести себя до того, чтобы не бояться Погуляевъ, которые публично дѣлаютъ о нихъ такія неказистыя отмѣтки передъ канцеляріей писцовъ всѣхъ трехъ разрядовъ. Я посмотрѣлъ внизъ: у подъѣзда стояли два ломовыхъ, навьюченныхъ тюками, и при каждомъ изъ нихъ по сенатскому сторожу. Я догадался и ахнулъ. Раздался квартирный звонокъ въ передней! «Здѣсь живетъ помощникъ секретаря?»—«Здѣсь! Что вамъ угодно?»—«Господинъ оберъ-секретарь Иванъ Матвѣевичъ Погуляй прислали вамъ на домъ дѣло нѣжинскаго исправника Заруднаго, куда прикажете положить? Пожалуйте на чай, пожалуйте на водку, имѣемъ честь поздравить ваше благородіе!»

Входитъ еще галунный.—«А вы-то кто, Боже мой милостивый!»

— Коммисаріатскій писарь Митрофановъ, ваше благородіе! присланъ генераломъ Капгеромъ переписывать работу, то есть для вашего-же облегченія.... мнѣ приказано къ вамъ являться каждый день, потому что уже четвертый годъ дѣло у его прев—ства безъ движенія состоитъ!

Понятно и безъ описанія какой послѣ этого видъ моя комната изъ себя изобразила.

Приступивъ въ тотъ-же день къ чтенію дѣла, я былъ пораженъ другимъ, столько-же неожиданнымъ обстоятельствомъ, какъ и предъидущее.

Положивъ на столъ «дѣло томъ I», я раскрылъ обложку, въ надеждѣ узрѣть первую страницу. Оказывается, что оно начиналась не съ первой, а съ 584-й, которая тутъ-же мнѣ и отрекомендовалась къ крайнему моему изумленію......

Кромѣ названныхъ уже мною чиновъ, въ составъ канцелярскаго персонала каждаго департамента и отдѣленія входили, какъ я уже сказалъ, письмоводитель оберъ-прокурора и протоколистъ.

Письмоводитель велъ послужные списки сенаторовъ и канцеляріи, дополняя ихъ ежегодными наградами, повышеніями и т. п., онъ-же провѣрялъ и ежегодные отчеты о движеніи дѣлъ, составлявшіеся по столамъ, для представленія въ министерство. Отчеты извлекались изъ настольныхъ реестровъ; а такъ какъ въ послѣднихъ не всегда производилось достаточное количество отмѣтокъ, то и блистали отчеты своею фантастичностью, нисколько не уступая подобнымъ математическимъ упражненіямъ другихъ вѣдомствъ того времени,—да и почерпнуть матеріала не откуда было. Изъ судившихся въ такомъ-то году сколько было грамотныхъ? сколько получившихъ образованіе, какого были осужденные исповѣданія? — А Господь ихъ вѣдаетъ: дѣла отосланы въ губерніи, по реестрамъ такихъ графъ не полагалось, а цифирь выставить надо,—экзекуторъ не отстаетъ, письмоводитель оберъ-прокурору доложитъ, ну и выставляешь. Извѣстный впослѣдствіи критикъ Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ, служившій нѣкоторое время въ канцеляріи 3-го департамента, называлъ эту работу «бенгаликой, для пущаго отвода глазъ». Въ иныхъ дѣлахъ, которыя оберъ-секретарямъ нужно было почему либо провести въ виду данныхъ сторонамъ обѣщаній, письмоводители—сообща съ ними—вырабатывали предложенія по единогласно рѣшеннымъ сенаторами дѣламъ, ежели состоявшіеся журналы были «со строгою идеею правосудія несогласны». Такимъ образомъ, обязанность проводить мысли лежала и на письмоводителяхъ.

Иная статья—были протоколисты. Они не сочиняли, не составляли и не переписывали ни одной строчки; но только подавали къ подписи сенаторовъ и оберъ-прокуроровъ журналы, опредѣленія и предложенія, иногда предоставляя просителямъ время, нужное для принятія съ ихъ стороны такихъ или другихъ мѣръ. Все шло своимъ порядкомъ и всѣ оставались довольны: а это какъ извѣстно — самое главное въ жизни. Корректурные листы печатавшихся записокъ для общихъ собраній представлялись, на утвержденіе, въ экспедиціи по принадлежности. Нашъ оберъ-секретарь, по своей малограмотности, простодушно называлъ эти корректуры «каррикатурами», отнюдь не замѣчая злой ироніи, какая въ этомъ названіи заключалась.

Сенаторы, получавшіе это спокойное званіе въ видѣ почета за прежнюю дѣйствительную службу, выслушивали доклады дѣлъ почти всегда безмолвно; серьезныя пренія происходили рѣдко, да и то развѣ въ четвертомъ и первомъ департаментахъ, къ тому-же и много говорить имъ не приходилось по самому порядку вещей. Въ промежуткахъ между докладами, въ разговорахъ между собою, употребляли сенаторы французскій языкъ. Случались и серьезныя ошибки, вытекавшія изъ

прежняго порядка дѣлопроизводства, избѣжать которыхъ сенату тогда не представлялось никакой возможности. Какъ теперь помню одно странное уголовное дѣло о двухъ братьяхъ, именовавшихся дворянами Добкевичахъ, осужденныхъ на каторгу за убійство коробочника-офени, занимавшагося разноскою по деревнямъ разныхъ товаровъ.

Въ одной губерніи—кажется Виленской—становой приставъ, проѣзжая по своимъ обязанностямъ мимо опушки чьего-то помѣщичьяго лѣса, наткнулся на убитаго офеню. Тотчасъ-же приступивъ къ поискамъ, онъ нашелъ въ томъ-же лѣсу двухъ безпаспортныхъ, которые объявили себя бродягами, именующимися дворянами Добкевичами, и на вопросъ становаго, не они-ли убили коробочника, тутъ-же добровольно сознались, что отправили его на тотъ свѣтъ они.

Собственное сознаніе, какъ извѣстно, считалось полнымъ доказательствомъ виновности. Послѣдовалъ приговоръ мѣстной уголовной палаты, утвержденный начальникомъ губерніи и правительствующимъ сенатомъ. Виновные были наказаны и сосланы въ Сибирь; а черезъ шесть послѣ того лѣтъ, какой-то каторжникъ, сознавшись заводскому своему начальству, объявилъ, что онъ убилъ того коробочника съ цѣлью ограбленія и подробно объяснилъ обстоятельства, при которыхъ преступленіе было имъ совершено. Розыскали и передопросили томившихся невинно потерпѣвшихъ и осужденныхъ Добкевичей; тѣ, въ свою очередь, открыли, что приняли на свою душу чужой грѣхъ добровольно, изъ отчаянія, потому что не могли выносить жестокаго обращенія со стороны управлявшаго имѣніемъ иностранца; къ тому-же у нихъ не имѣлось паспортовъ, а отъ бѣглыхъ изъ Сибири слышали они, что тамъ житье спокойнѣе и свободнѣе. Сенатъ, по донесеніи ему о фактѣ, конечно не медля, предписалъ вернуть несчастныхъ мучениковъ изъ ссылки; но пока переписка продолжалась, одинъ изъ Добкевичей оказался не въ состояніи уже вернуться на родину, потому что умеръ.

Нѣкоторые изъ оберъ-прокуроровъ [1]), сверхъ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей, трудились въ составленіи подготовочныхъ работъ для—еще смутно тогда—предполагавшагося новаго порядка судопроизводства. Старый порядокъ, по многимъ основательнымъ причинамъ, былъ немыслимъ для молодыхъ правовѣдовъ, справедливо полагавшихъ, что при немъ ни прокурорской власти, ни зависѣвшимъ отъ нея звеньямъ подѣлать было нечего. Форма канцелярская положительно стушевывала жизнь и представляла ее въ совершенно превратномъ видѣ. Не

[1]) Разумѣю только умершихъ: **Буцковскій**, Вас. Мих. **Быковъ**, **Карніолинъ-Пинскій**, **Лебедевъ**. И. В.

очень терпѣливые изъ дѣятельной интеллигентной молодежи, имѣвшіе средства и связи, перекочевывали въ другія вѣдомства и министерства, или уѣзжали въ свои помѣстья, соскучивъ служить «въ тяжелой артиллеріи», какъ они тогда обзывали весь департаментскій синклитъ.

Самою скучною обязанностью—можно сказать пыткою для молодыхъ людей—было главное дежурство, на которомъ требовалось безотлучно пробыть цѣлые сутки, расходуя все время только на пріемъ тюковъ, пакетовъ и денегъ съ почты и на обходъ всѣхъ комнатъ сенатскаго зданія, производившійся дважды въ каждую ночь. Грозою всѣхъ не только Козюлькиныхъ, но юныхъ сіятельствъ и бароновъ, былъ при этомъ случаѣ Михаилъ Ивановичъ Топильскій, тогдашній директоръ департамента министерства юстиціи, не оставлявшій безъ замѣчанія даже малѣйшую неисправность. Онъ являлся въ сенатъ иногда въ 2, 3 или 4 часа ночи. «Не бойся ни грома небеснаго, ни экзекуторской сплетни, но страшись Топильскаго, потому что онъ тебя утопитъ!» говорили между собою бодрствовавшіе курьеры и сторожа.

V.

Сказавъ выше о дѣятельности почившихъ оберъ-прокуроровъ, считаю справедливымъ вскользь коснуться и тѣхъ неодолимыхъ препятствій, которыя представлялись тогдашнимъ сенаторамъ на каждомъ шагу. Просительскія докладныя записки и письма быть можетъ и мнимо вліятельныхъ лицъ каждому изъ нихъ подавались и присылались каждый божій день. Личности, отъ имени которыхъ сочинялись эти элегіи, конечно и не знали того, какой злой духъ попираетъ ихъ свѣтлозарную репутацію, а между тѣмъ глядишь — одна записка отъ графа А***, или статской совѣтницы Мины Ивановны Бурковой, другая—отъ барона Фелейзена или барона Штиглица, тутъ—письмо отъ графини Анны Алексѣевны NN**, тамъ—отъ золотопромышленника Асташева,—отъ madame Vernet,.... и Боже правый! какъ разобраться со всѣмъ этимъ потокомъ! Поневолѣ приходилось разныя записки, съ противоположными взглядами по одному и тому-же дѣлу, благоговѣйно класть къ образу, а на слѣдующій день, отправляясь въ департаментъ, помолиться и, зажмуривъ глаза, вынимать: которая первая попалась,—тому, т. е. ея герою, оному человѣку и быть въ дѣлѣ имянинникомъ. А злой духъ дѣйствительно существовалъ и многія стремленія къ правосудію попиралъ; — только онъ былъ во образѣ чьего-то частнаго секретаря, тоже статскаго совѣтника А... Л... NN, жадно принимавшаго куши за зеленымъ столомъ, на своихъ интим-

ныхъ вечерахъ, сопровождавшихся остроумными бесѣдами старыхъ артистовъ и милыми шутками еще болѣе старыхъ танцовщицъ, къ которымъ особенно благоволилъ и блаженной памяти В... П... NN, унаслѣдовавшій отъ Ѳедора Павловича Вронченко невинную, но смѣлую склонность къ антикамъ и самообманному обольщенію,—не на свой, конечно, счетъ. Потому-то не обходилось и безъ такихъ иллюзій при докладѣ дѣлъ во 2-мъ общемъ собраніи: докладчикъ подаетъ разогнутый на двое листъ, на одной половинѣ котораго озаглавлено: «съ мнѣніемъ сенаторовъ департамента», а на другой: «съ предложеніемъ оберъ-прокурора». На какую сторону прикажете вписать особу вашего превосходительства?

— «Мою-то? А?... Впишите туда, гдѣ больше!»

Были и такіе чадолюбивые и великодушные сенаторы, которые, составивъ себѣ учено-литературную извѣстность ранѣе достиженія сенаторскаго сана и убѣжденные въ необходимости полезнаго и пріятнаго развлеченія для молодыхъ чиновниковъ, поручали имъ отъ своего имени занятія по своей бывшей спеціальности. Такъ, военный исторіографъ, сенаторъ, генералъ-лейтенантъ Александръ Ивановичъ Михайловскій-Данилевскій поручилъ мнѣ составить, примѣняясь къ его извѣстному обширному труду, описаніе отечественной войны 1812 года для чтенія народа и солдатъ. Я исполнилъ порученіе, рукопись была одобрена военною цензурою и издана книгопродавцемъ М. Д. Ольхинымъ. Книга эта давно уже изсякла въ продажѣ и, по тогдашнему времени, считалась интересною; журналы и «Сѣверная Пчела» отозвались о ней съ похвалою. Другая моя рукопись, разсказъ о войнѣ 1813—1814 гг., также военною цензурою одобренная и проданная мною тому-же издателю, не была, за смертію Ольхина, напечатана, неизвѣстно кѣмъ похищена и впослѣдствіи появилась въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, за подписью другого лица, въ одномъ журналѣ....

Наступало переходное время; чувствовалось новое вѣяніе; возвращавшіеся изъ заграничныхъ путешествій съ восторгомъ говорили о иноземныхъ просвѣщенныхъ мировыхъ судьяхъ, о ихъ почтенномъ, независимомъ въ отправленіи обязанностей положеніи, объ ораторствѣ талантливыхъ адвокатовъ, о прокурорахъ, вливающихъ свои убѣжденія въ увлекательныхъ рѣчахъ, обо всей внушительной обстановкѣ публично производящихся судьбищъ. Старые по образованію и по службѣ канцелярскіе маги усердно торопились сколачивать и вообще доводить до нормы необходимый «цензъ», о которомъ уже тогда трактовали одни— съ надеждами, другіе—съ отчаяніемъ, хотя никому не приходило въ голову, что недоученые попы не вездѣ пригодны въ новыхъ ризахъ и хотя едва ли сознавали въ канцеляріяхъ нашего министерства, что

благодѣтельными для общества тружениками въ области юстиціи все-таки окажутся, въ большинствѣ своемъ, правовѣды, лицеисты и студенты юридическихъ факультетовъ. Штаты въ канцеляріяхъ департаментовъ сената еще не сокращались; но по мѣрѣ перехода чиновниковъ въ другія вѣдомства, обязанности ихъ возлагались на какое-либо одно подходящее лицо. Старшимъ писцамъ стали поручать должности помощниковъ секретарей, а секретари оказались вынужденными управлять экспедиціями, или-же двумя секретарствами при особомъ оберъ-секретарѣ, если таковой еще не убрался—и все это конечно безъ полученія прибавочнаго жалованья. И я, будучи давно уже старшимъ секретаремъ, исправлялъ нѣсколько разъ и подолгу должность оберъ-секретаря на такомъ-же основаніи, то есть всего за 59 рублей въ мѣсяцъ. Прослуживъ двѣнадцать лѣтъ въ качествѣ казенно-коштнаго воспитанника, я вышелъ въ отставку, съ отмѣткою на атестатѣ «весьма способенъ и достоинъ; въ отпускахъ и подъ судомъ не былъ; штрафамъ и взысканіямъ не подвергался».

Забылъ сказать, что за своевременно-составленную мною докладную записку по дѣлу исправника Заруднаго, мнѣ была объявлена признательность отъ имени тогдашняго министра юстиціи, графа Панина. Всѣ мои сослуживцы были этимъ очень удивлены: и я тоже.

Иванъ Бочаровъ.

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА ЗА КАВКАЗОМЪ

въ 1853 и 1854 гг.

Изъ записокъ генер. отъ инфант. М. Я. Ольшевскаго.

I.

Князь Василій Осиповичъ Бебутовъ.

Въ половинѣ сентября 1853 года, послѣ пятилѣтняго пребыванія моего на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, я былъ экстренно вытребованъ въ Тифлисъ. По прибытіи моемъ въ эту столицу Кавказскаго намѣстничества, гдѣ царилъ князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, начальникъ главнаго штаба арміи князь Барятинскій, по инціативѣ котораго я и былъ вытребованъ изъ Грозной, мнѣ объявилъ, что я назначаюсь въ распоряженіе генералъ-лейтенанта князя Бебутова, командующаго войсками, сосредоточиваемыми на границѣ съ азіатской Турціей. При этомъ князь Александръ Ивановичъ добавилъ, что черезъ нѣсколько дней я долженъ отправиться въ Гурію, къ князю Бебутову, съ важными бумагами, и доставить ему 60 т. звонкой монеты, заключающейся въ серебряныхъ рубляхъ и полуимперіалахъ.

Послѣ быстрой курьерской ѣзды, на третьи сутки по выѣздѣ моемъ изъ Тифлиса я представился князю Бебутову на Тихурѣ, въ имѣніи одного изъ Гурійскихъ владѣльцовъ, гдѣ онъ остановился на ночлегъ, и съ котораго дня я дѣлаюсь постояннымъ свидѣтелемъ великихъ боевыхъ заслугъ, оказанныхъ отечеству, во время командованія имъ исключительно «Главнымъ Александрапольскимъ отрядомъ» [1]), съ войсками

[1]) Оффиціально князь Бебутовъ именовался „командующимъ дѣйствующимъ корпусомъ, на кавказско-турецкой границѣ". Но какъ постоянное его пребываніе было въ Александраполѣ, и какъ онъ исключительно начальствовалъ войсками, сосредоточенными на Арпачаѣ у этого города и составлявшими „главный Александрапольскій отрядъ", то не отступлю отъ истины, если это наименованіе сохранится и въ моемъ описаніи. М. О.

котораго онъ одержалъ знаменитыя побѣды надъ Турками, 19 ноября 1853 года подъ Башкадыкларомъ, а 24 іюля 1854 года подъ Кюрукдара.

Князь Василій Осиповичъ, котораго я видѣлъ до того одинъ только разъ, принялъ меня весьма ласково и привѣтливо, не потому только, что я ему былъ рекомендованъ княземъ Барятинскимъ и привезъ 60 т. звонкой монеты, а по врожденной его добротѣ, привѣтливости и любезности. Онъ былъ высокъ, худощавъ и строенъ, не смотря на то, что переживалъ седьмой десятокъ. Сѣдые волосы, по обычаю Востока, красилъ до 1854 года, когда послѣ шуточнаго разговора со мною о напрасномъ трудѣ, пересталъ это дѣлать. Черты лица его были умныя и выразительныя; особеннаго же вниманія заслуживалъ его огромный носъ, выходящій по своей величинѣ изъ разряда даже грузинскихъ и армянскихъ носовъ.

Князь Бебутовъ принадлежалъ къ числу немногихъ почетнѣйшихъ фамилій, вышедшихъ изъ Арменіи и занявшихъ видное мѣсто въ ряду княжескихъ родовъ Грузіи. Предки его занимали знатныя должности при дворѣ царей грузинскихъ и ознаменовали себя военными доблестями. Князь Василій Осиповичъ, младшій изъ четырехъ братьевъ, былъ первый изъ грузинскихъ князей, получившій воспитаніе въ Петербургѣ.

Выпущенный изъ 1-го кадетскаго корпуса, онъ, по прибытіи въ 1809 году въ Тифлисъ, пользовался расположеніемъ Тормасова, маркиза Паулуччи и былъ адъютантомъ Ермолова. Въ 1821 году назначенъ командиромъ Мингрельскаго полка. Послѣ взятія Ахалцыха былъ начальникомъ Ахалцыхскаго пашалыка, а потомъ управлялъ Армянскою областію и за разные безпорядки, оказавшіеся въ его управленіе этою областію, былъ нѣкоторое время въ опалѣ. При князѣ Воронцовѣ былъ сначала командующимъ войсками въ Дагестанѣ и за разбитіе полчищъ Шамиля на Кутишинскихъ высотахъ, въ 1846 г., удостоился получить орденъ Св. Георгія 3-й степени, а вслѣдъ затѣмъ былъ назначенъ начальникомъ гражданскаго управленія.

Выборъ княземъ Воронцовымъ Бебутова, на этотъ важный въ то время постъ, когда предстояли большія перемѣны на Кавказѣ, доказывалъ полное довѣріе къ нему намѣстника, какъ умному, способному понять его предначертанія и вполнѣ знающему край администратору.

Въ заключеніе очерчу князя Бебутова, какъ военно-начальника. Я уже сказалъ, что какъ своею привѣтливостію, обходительностію и любезностію онъ умѣлъ привлекать къ себѣ частнаго человѣка, такъ точно тѣми же качествами привязывалъ къ себѣ и подчиненнаго. Солдаты любили его и были преданы ему за попечительность и заботливость о нихъ, за то, что онъ умѣлъ говорить съ ними, за то, что онъ

по ихъ выраженію «козыремъ подъѣзжалъ къ фронту и молодецки здоровался съ ними»; за то и они громогласно привѣтствовали своего князя и съ лицами, сіяющими радостію, провожали его.

Войскамъ, сосредоточиваемымъ на границѣ съ азіатской Турціей, князь Бебутовъ былъ хорошо извѣстенъ, потому что онъ не разъ предводительствовалъ ими не только въ горахъ Кавказа, но старослуживые помнили его и съ кампаніи 1828 и 1829 годовъ. Они знали его личную храбрость и распорядительность, знали, что въ минуты опасности онъ съумѣетъ воодушевить и лично поведетъ ихъ въ бой. И дѣйствительно, онъ понималъ военное дѣло, какъ по разумной своей природѣ, такъ и потому, что много читалъ. Всѣ его распоряженія были здравы и обдуманны. Жаль только, что онъ частенько уклонялся отъ первоначально составленнаго плана, какъ это увидимъ на самомъ дѣлѣ. Происходило-же это отъ мягкосердія, нерѣшительности и боязни за отвѣтственность.

Не буду описывать пограничной мѣстности отъ Тихура до Ахалкалакъ, по которой я проѣхалъ вмѣстѣ съ княземъ Бебутовымъ, и откуда онъ отправился въ Тифлисъ для личнаго доклада главнокомандующему о всемъ видѣнномъ и сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ. Да въ строгомъ смыслѣ въ этомъ описаніи и нѣтъ надобности, потому что войска, входившія въ составъ «главнаго Александрапольскаго отряда», которымъ непосредственно командовалъ князь Бебутовъ, далѣе Ахалкалакъ не производили ни оборонительныхъ, ни наступательныхъ дѣйствій. Впрочемъ читатель можетъ судить о тревожномъ и даже опасномъ состояніи нашей пограничной линіи съ Азіятской Турціей и изъ представляемаго мною описанія пространства между Ахалкалаками и Александраполемъ. Этотъ восьмидесяти верстный переѣздъ я совершилъ въ одномъ тарантасѣ съ полковникомъ Лорисъ-Меликовымъ [1]), на котораго князь Бебутовъ возложилъ сформировать двѣ сотни охотниковъ изъ туземныхъ жителей, и собрать самыя положительныя свѣдѣнія о краѣ и непріятелѣ. Меня же, какъ дежурнаго штабъ-офицера дѣйствующаго корпуса, Василій Осиповичъ уполномочилъ дѣйствовать самостоятельно, по заготовленію продовольствія и въ особенности сухарей, а также матеріаловъ для моста черезъ Арпачай.

Пограничное пространство между Ахалкалаками и Александраполемъ считалось самымъ опаснымъ не только потому, что дорога пролегала по болѣе открытой и ровной мѣстности, но и по нахожденію здѣсь богатыхъ духоборскихъ селеній, служившихъ большой приманкой для башибузуковъ.

---

[1] Это тотъ самый графъ Михаилъ Таріеловичъ—который спустя 23 года, въ войну 1877—1878 гг., былъ такимъ же дѣятелемъ, какъ и князь Бебутовъ.

Еще въ началѣ августа курды и каракалпаки, живущіе въ Чалдырскомъ и Ардаганскомъ санджакахъ, начали тревожить духоборскія селенія, отгонять скотъ и брать въ плѣнъ одиночныхъ жителей. Въ первыхъ же числахъ октября 1853 г. во время нашего проѣзда, когда кордонъ между Хозапинскимъ карантиномъ, гдѣ прорѣзываетъ нашу границу Кура, и постомъ Мадатапинскимъ былъ снятъ, то непріятель началъ жечь посты. Да иначе и не могло быть, потому что кромѣ небольшаго Ахалкалакскаго гарнизона, едва могущаго охранять само укрѣпленіе, и летучаго отряда, состоящаго изъ казаковъ снятаго кордона и сотни милиціонеровъ, въ распоряженіи князя Бебутова не имѣлось ни одной лишней роты, орудія, сотни, могущихъ усилить защиту этого пограничнаго пространства.

II.

Александраполь и его окрестности.

Александраполь уѣздный городъ Эриванской губерніи, хотя бо́льшею частію имѣетъ улицы прямыя и площади правильныя, но, будучи построенъ на мѣстности песчано-каменистой, изрѣзанной частыми оврагами, кажется неправильнымъ и разбросаннымъ. Сообщеніе по его улицамъ, по причинѣ такой неровной мѣстности, невсегда безопасно и въ сухое время. Весною же и лѣтомъ, когда журчащіе на днѣ глубокихъ овраговъ ничтожные ручейки, отъ таянія снѣга и сильныхъ дождей, обращаются въ стремительные потоки, то сообщеніе дѣлается весьма затруднительнымъ. Не менѣе затруднительнымъ бываетъ сообщеніе и осенью, по причинѣ сильно разгрязненныхъ дорогъ, пролегающихъ по такой пересѣченной и неровной мѣстности.

Населеніе Александраполя состоитъ преимущественно изъ армянъ-григоріанцовъ и мусульманъ сунитскаго толка. Былъ также цѣлый кварталъ заселенный греками, но когда и откуда они сюда переселились—не знаю. Русскихъ обывателей было весьма немного, даже чиновники, служащіе въ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстахъ, и офицеры мѣстнаго линейнаго баталіона были большею частію туземцы. Поэтому наружный видъ Александраполя вполнѣ азіятскій. Всѣ дома исключительно каменные, одноэтажные, съ плоскими земляными крышами, съ окнами, обращенными по преимуществу на дворы, и притомъ закрытыми толстыми желѣзными рѣшетками. Садовъ немного, да и тѣ по суровости климата и безплодности почвы бѣдны фруктовыми деревьями.

Таковъ былъ городъ, въ которомъ имѣлъ свое зимнее пребываніе штабъ главнаго дѣйствующаго корпуса въ продолженіи всей войны съ

Турціей и который былъ базисомъ и складочнымъ пунктомъ для нашихъ военныхъ дѣйствій.

Крѣпость Александрапольская, заложенная вскорѣ по заключеніи Адріанопольскаго мира (1829 г.), но неоконченная и не вполнѣ вооруженная при началѣ войны въ 1853 году, возвышается надъ самымъ Арпачаемъ. Она отдѣлялась отъ города, болѣе чѣмъ на версту, глубокимъ оврагомъ, на днѣ котораго струилась небольшая рѣчка. Нѣсколько небольшихъ прудовъ, образовавшихся посредствомъ плотинъ, составляли главный резервуаръ воды. Поэтому, не смотря на крутые, каменистые берега, тутъ находились прачешная госпиталя, огороды и мастерскія гарнизона. Тутъ же были устроены пекарни для печенія хлѣба и сушенія сухарей, потребныхъ въ огромномъ количествѣ для дѣйствующихъ войскъ; а потому дѣятельность въ этомъ оврагѣ не прекращалась даже въ ночное время.

Александрапольская крѣпость съ двумя фортами, возвышающимися на отдѣльныхъ высотахъ и красной башней, обстрѣливающей дно оврага, построена изъ крѣпкаго тесанаго камня и принадлежитъ къ весьма красивымъ и прочнымъ сооруженіямъ. Жаль только, что огромныя казармы и госпиталь мрачны и сыры. Внутри крѣпости, кромѣ очень красивой церкви, дома коменданта и другихъ помѣщеній, выстроенныхъ изъ того же камня, имѣются большіе магазины, въ которыхъ удобно могутъ храниться продовольственные и военные запасы.

Не смотря на то, что на вооруженіи крѣпости находилось до 120 орудій, однако этого было недостаточно, потому что до полнаго вооруженія недоставало еще до 100 орудій. Гарнизонъ состоялъ изъ линейнаго баталіона. Комендантомъ былъ генералъ-маіоръ Шульцъ, весьма эксцентричный, но увлекательный и храбрый человѣкъ, тотъ самый, который, служа въ генеральномъ штабѣ, былъ сильно раненъ подъ Ахульго, потомъ сражался при оборонѣ Севастополя, комендантствовалъ въ Динаминдѣ, а теперь отставнымъ генераломъ отъ кавалеріи живетъ въ Лифляндіи.

Александраполь съ крѣпостью возвышается надъ поверхностью моря болѣе, чѣмъ на 5,000 футовъ, а потому климатъ тамъ весьма суровъ. Зима начинается съ ноября и продолжается до конца марта. Холода бываютъ большіе и морозы въ декабрѣ и январѣ доходятъ до 20 градусовъ по Реомюру, а иногда и болѣе. Снѣгъ выпадаетъ большой, а вьюги и мятели бываютъ столь сильны, что по нѣсколько дней городъ не сообщается съ крѣпостью. Иногда бываютъ и сильные туманы, тоже препятствующіе свободному сообщенію.

Не смотря на такое возвышенное мѣсто Александраполя, куда не обратите вашъ взоръ, вездѣ горы. Повернетесь на западъ къ Карсу—

передъ вами возвышенный правый берегъ Арпачая, изъ-за котораго вы увидите горы, между Суботаномъ и Огузлы, если взойдете на крѣпостную стѣну, или на одну изъ башень. Обернетесь на сѣверъ и къ дорогѣ, ведущей въ Тифлисъ, передъ вами отроги того хребта, за которымъ находится Лорійская степь. Только на юговостокѣ виднѣется волнистое пространство на нѣсколько десятковъ верстъ, съ находящимися на немъ нѣкоторыми армянскими селеніями.

Съ этой стороны вашъ взоръ поражается величественнымъ Аллагезомъ, который отдѣльной горой возвышается болѣе, чѣмъ на 13,000 футъ надъ поверхностію моря. Онъ въ особенности поразителенъ, когда его остроконечной, серебристой шапкой играютъ солнечные лучи. Сколь вершины Аллагеза безжизненны, скалисты и недоступны, столь отлогія подножія богаты пастьбищами и полями. На покатостяхъ Аллагеза не только находится много армянскихъ деревень, но на нихъ имѣютъ свои кочевья эриванскіе курды. Какъ бы не было жарко лѣто, но трава на нихъ всегда зеленѣетъ; а потому курды, въ нашихъ предѣлахъ живущіе, съ особенною любовію говорятъ объ этой горѣ.

Если смотрѣть съ Александрапольской крѣпости, или съ холмовъ, находящихся между карантиномъ и городомъ внизъ по Арпачаю, то лѣвый его берегъ тоже видѣнъ на нѣсколько десятковъ верстъ, а именно до Кизилъ-Килису, гдѣ отроги отъ Аллагеза закрываютъ дальнѣйшее его теченіе.

Находящіяся здѣсь по Арпачаю селенія,—преимущественно населенныя армянами, прежде всего подверглись нападенію непріятеля, и курды начали тревожить ихъ въ началѣ августа. Поэтому удаленныя отъ крѣпости селенія совершенно были брошены. Бо̀льшая часть жителей переселилась въ болѣе отдаленныя отъ границы деревни, а нѣкоторые изъ мусульманъ перешли въ Турцію. Остались только жители Бояндура и Дагарлы, какъ ближайшихъ къ Александраполю, собственно потому, что въ первомъ изъ нихъ, отстоящемъ отъ этого города на двѣнадцатой верстѣ, былъ расположенъ нашъ отрядъ подъ начальствомъ командира Грузинскаго гренадерскаго полка князя Орбеліани, состоящій изъ трехъ съ половиною баталіоновъ, нѣсколькихъ орудій и небольшаго числа казаковъ, снятыхъ съ кордонной линіи.

На другой день по моемъ прибытіи въ Александраполь, я съ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ отправился въ Бояндуръ, чтобы тамъ явиться князю Орбеліани. Къ этому селенію ведутъ двѣ дороги: одна по верхнему уступу, другая нижняя почти по самому Арпачаю. Верхняя хотя дальняя, но весьма хорошая для колеснаго сообщенія; по ней можно проѣхать въ Хорумъ и далѣе въ Сардаръ-Абадъ и Эривань. На нижней же дорогѣ кромѣ канавъ, проведенныхъ для орошенія огородовъ и

дѣйствія мельницъ, имѣются и топкія мѣста. На седьмой верстѣ отъ Александраполя находится небольшое селеніе Дагарлы. Чтобы проѣхать съ верхней дороги въ Бояндуръ, нужно у Караклиса переѣхать топкій ручей и подняться на возвышенность.

Князь Орбеліани принадлежалъ хотя не къ богатой, но знатной грузинской фамиліи. Онъ былъ высокъ ростомъ, плечистъ, силенъ, красивъ лицомъ и подобно другимъ грузинамъ былъ безотчетно храбръ. Получа воспитаніе, какъ и большинство грузинъ, самое простое, началъ службу въ милиціи и до полковаго командира не занималъ ни строевой, ни административной должности. Возвышеніе князя Орбеліани было очень быстрое, по причинѣ неограниченнаго довѣрія и безпредѣльной, можно сказать, отеческой любви къ нему князя М. С. Воронцова, послѣ происшествія, случившагося въ 1845 году у Шуани, во время безпорядочнаго отступленія отъ Дарго, когда онъ съ обнаженною шашкою первый бросился впередъ на толпу чеченцовъ, неожиданно появившуюся на томъ мѣстѣ, гдѣ находился главнокомандующій. Князь Илья Дмитріевичъ Орбеліани былъ добръ и привѣтливъ, но быстрое его возвышеніе сдѣлало его самонадѣяннымъ и пріобрѣло ему враговъ.

Дѣятельность моя въ Александраполѣ, въ первые дни послѣ прибытія моего туда, была огромная. Я въ своемъ лицѣ сосредоточивалъ начальника штаба, оберъ-квартирмейстера, дежурнаго штабъ-офицера, казначея и старшаго адъютанта. Канцелярія моя, состоявшая всего изъ двухъ писарей, помѣщалась тамъ же, гдѣ я жилъ. Между тѣмъ прибывающія части нужно было размѣстить и снабдить всѣмъ необходимымъ. Нужно было осмотрѣть пекарни, и какъ успѣшно производится въ нихъ приготовленіе сухарей, достаточно-ли заготовлено дровъ и распорядиться по заготовленію матеріаловъ для устройства переправы черезъ Арпачай.

Дрова и лѣсные матеріалы для переправы въ особенности безпокоили князя В. О. Бебутова, и весьма естественно, потому что доставка ихъ должна была производиться за нѣсколько десятковъ верстъ отъ Александраполя и обходилась слишкомъ дорого. Сажень дровъ съ доставкой стоила не дешевле 20 рублей; но дровъ на первое время оказалось достаточно, а потому нужно было сдѣлать распоряженіе о заготовленіи ихъ на будущее. Что же касается лѣсныхъ матеріаловъ для моста, то нужно было сначала доставить лѣсъ къ переправѣ, назначить рабочихъ для устройства козелъ и приготовить доски для настилки.

III.

Дѣйствія непріятеля въ октябрѣ и началѣ ноября 1853 г.

Такъ какъ князь Бебутовъ по пріѣздѣ въ Тифлисъ заболѣлъ, то до выздоровленія его, управленіе корпусомъ было возложено на князя А. И. Барятинскаго, который и прибылъ въ Александраполь около 20-го октября, а вслѣдъ затѣмъ было получено увѣдомленіе о вѣроломномъ взятіи турками на берегу Чернаго моря поста св. Николая.

Миръ былъ окончательно нарушенъ, но мы не могли не только дѣйствовать наступательно ни на одномъ пунктѣ, но и защитить пограничный край, потому что вездѣ были слабы. Большая часть войскъ, назначенныхъ для дѣйствій, еще находилась въ движеніи и не могла ранѣе ноября окончательно сосредоточиться.

Между тѣмъ непріятельская иррегулярная кавалерія открыла наступательныя дѣйствія по всей пограничной линіи; а изъ Ардагана, Карса и Баязета двигались къ Ахалцыху, Александраполю и Оргову [1]) регулярная пѣхота съ артиллеріей. Но къ счастію нашему непріятель дѣйствовалъ медленно и нерѣшительно.

Али-паша съ 10,000 пѣхоты и 13 орудіями провелъ весь октябрь и начало ноября въ движеніи отъ Ардагана къ Ахалцыху и въ укрѣпленіи занятой имъ подъ Суплисомъ позиціи, ограничиваясь нерѣшительными дѣйствіями противъ Ахалцыхской крѣпости и кавалерійскими набѣгами на наши пограничныя селенія. Только 6 ноября Али-паша послалъ значительный отрядъ для нападенія на наши четыре роты занимавшія Ацхуръ, какъ важный пунктъ, находящійся на сообщеніи черезъ Боржомское ущелье съ Гори. Но, подоспѣвшій во время на другой день изъ Боржома, генералъ Бруннеръ, съ тремя ротами ввѣреннаго ему Брестскаго полка, разбилъ на голову непріятеля, овладѣвъ однимъ орудіемъ. Спустя же семь дней, а именно 14-го числа, тифлисскій военный губернаторъ, князь Андрониковъ, съ $7^1/_2$ баталіонами, 17 орудіями и 14 сотнями казаковъ и милиціи совершенно разбилъ подъ Суплисомъ самого Али-пашу, гдѣ кромѣ другихъ трофеевъ отбито было 11 орудій.

Такимъ же образомъ турецкій корпусъ, собранный у Баязета въ количествѣ 4,000 пѣхоты и кавалеріи при 6 орудіяхъ, только въ началѣ ноября перешелъ Агридагскій хребетъ и вторгнулся въ Сурмалинскій участокъ; но послѣ нерѣшительнаго дѣла 13-го ноября подъ

[1]) Селеніе и пограничный постъ Сурмалинскаго уѣзда Эриванской губерніи.

Игдыромъ, не смотря на значительный перевѣсъ въ силахъ, поспѣшилъ отступить къ Баязету.

Дѣйствія карсскаго корпуса, подъ начальствомъ Абди-паши и состоящаго, кромѣ курдовъ и баши-бузуковъ, изъ 20,000 регулярной пѣхоты и кавалеріи при 40 орудіяхъ, начались ранѣе и были сравнительно рѣшительнѣе отрядовъ Ардаганскаго и Баязетскаго. Одновременно со взятіемъ турками на берегу Чернаго моря укрѣпленія св. Николая, на высотахъ между Суботаномъ и Огузлы забѣлѣлись палатки непріятельскаго лагеря, который, увеличиваясь или уменьшаясь числомъ палатокъ, оставался въ этомъ положеніи до конца октября. 28-го числа непріятельскаго лагеря уже не было видно, а 29-го числа было получено свѣдѣніе черезъ лазутчиковъ, что Абди-паша расрасположился на Арпачаѣ между Ани и Бояндуромъ.

За нѣсколько дней до этого нашъ отрядъ, занимавшій позицію у Бояндура, былъ расположенъ лагеремъ подъ выстрѣлами Александрапольской крѣпости. Это хотя было противно видамъ князя Орбеліани, желавшаго дѣйствовать отдѣльно и самостоятельно, но не противорѣчило благоразумію. Имѣя на лицо подъ Александраполемъ всего шесть баталіоновъ, двадцать орудій и восемь сотенъ казаковъ и милиціи, ни подъ какимъ видомъ не слѣдовало держать войска раздѣльно; притомъ нужно было оберегать тотъ путь, по которому слѣдовали къ намъ подкрѣпленія, а этотъ путь находился въ сторонѣ отъ бояндурской позиціи. Слѣдовательно распоряженія князя Барятинскаго были вполнѣ правильны и благоразумны.

Около полудня 30-го октября разъѣзды наши, посланные къ Бояндуру, встрѣтились съ большими толпами курдовъ и баши-бузуковъ, и, не смотря на своевременное подкрѣпленіе ихъ двумя сотнями казаковъ подъ начальствомъ полковника Камкова, принуждены были съ потерею отступить къ Александраполю, гдѣ на избранной позиціи наши войска готовы были принять бой съ регулярными турецкими войсками. Однако до этого не дошло, потому что Абди-паша не рѣшился переправить черезъ Арпачай всѣ свои войска, а тѣмъ болѣе двигаться впередъ отъ мѣста переправы. Курды же и баши-бузуки жаждали не боя, а грабежа, и этому подвергнулись не только Бояндуръ и Дагарлы, но Хорумъ, Башъ-Абарань и другія селенія, находящіяся у подножія Аллагеза.

Первая встрѣча съ непріятелемъ стоила намъ довольно дорого: было убито и ранено 77 казаковъ. Этого не случилось, если-бы генеральнаго штаба подполковникъ Свѣчинъ, вскорѣ умершій отъ сильнаго ушиба при паденіи съ лошади, не увлекся человѣколюбіемъ спасать бояндурскихъ жителей отъ напавшихъ на нихъ курдовъ, и тѣмъ, за-

медливъ отступленіе казаковъ, дозволилъ ихъ окружить въ десять разъ превосходному непріятелю.

На другой день пріѣхалъ въ Александраполь князь В. О. Бебутовъ, а князь А. И. Барятинскій отправился въ Тифлисъ.

IV.

Бояндурское сраженіе 2 ноября 1853 г.

Василій Осиповичъ, скорбя о раззореніяхъ, претерпѣваемыхъ его соотчичами-армянами и желая унять какими бы то ни было мѣрами грабежи и пожары, производимые курдами, поддался неблагоразумнымъ совѣтамъ князя Орбеліани—занять снова Бояндуръ. Хотя, призванные княземъ Бебутовымъ на совѣщаніе, нѣкоторые изъ частныхъ начальниковъ не всѣ соглашались съ этимъ предложеніемъ, но Василій Осиповичъ, не желая вооружить противъ себя Орбеліани, дабы тѣмъ не навлечь неудовольствіе главнокомандующаго, согласился на вторичное занятіе Бояндура.

Такое рѣшеніе послѣдовало утромъ 2 ноября, а въ полдень князь Орбеліани съ 7-ю баталіонами, 2-мя дивизіонами Нижегородскихъ драгунъ, 9-ю сотнями казаковъ и милиціи при 28 орудіяхъ выступилъ изъ Александраполя [1]). Самонадѣянность, безпечность и презрѣніе къ непріятелю были столь велики въ князѣ Орбеліани, что онъ, не смотря на грабежи курдовъ и баши-бузуковъ въ нашихъ предѣлахъ и нахожденіе самого Абди-паши съ главными силами по близости отъ нашей границы, выступилъ въ Бояндуръ безъ надлежащихъ мѣръ предосторожности. Отрядъ слѣдовалъ не только безъ передовыхъ и боковыхъ разъѣздовъ, но огромный обозъ (котораго не слѣдовало брать со собою въ такомъ большомъ числѣ), принадлежавшій частямъ, не былъ надле-

---

[1]) Поименуемъ части: а) Пѣхота: 2-й, 3-й баталіоны и три роты 4-го баталіона Эриванскаго карабинернаго Наслѣдника Цесаревича полка подъ начальствомъ старшаго изъ баталіонныхъ командировъ, подполковника князя Тархана-Маурaвова; 1-ый батал. и три роты 4-го баталіона гренадерскаго Великаго Князя Константина Николаевича полка—старшій подполковникъ Пирацовъ; 1-й баталіонъ Куринскаго егерскаго князя Воронцова полка—подполковникъ Оклобжіо; Кавказскій стрѣлковый баталіонъ—подполковникъ Лузановъ; двѣ роты саперъ—полковникъ Ковалевскій; b) Кавалерія: два дивизіона Нижегородскаго драгунскаго полка — полковникъ Тихоцкій, сотня донскаго № 20 полка и двѣ дружины елисаветпольской милиціи; с) Артиллерія: Кавказской гренадерской бригады № 1 батарея—полковникъ Лагода, № 2—полковникъ Брискорнъ и легкая № 1 батарея—полковникъ Десаже; дивизіонъ донской № 7 батареи—подполковникъ Долотинъ. М. О.

жащимъ образомъ прикрыть, потому что въ арріергардѣ оставалась только елисаветпольская милиція. Притомъ во время поворота съ Хорумской дороги къ Бояндуру и переправы у селенія Караклиса черезъ топкій ручей не было обращено вниманіе на растянутость отряда [1]).

Въ третьемъ часу, когда пѣхота съ артиллеріей въ походныхъ колоннахъ начала выходить на высоты передъ Бояндуромъ, а растянутый обозъ совершалъ переправу черезъ упомянутый топкій ручей, турецкая артиллерія открыла сильный огонь изъ своихъ орудій съ фронта, а скрывавшіеся въ оврагѣ курды и баши-бузуки сдѣлали неожиданное нападеніе съ фланга и тыла.

Отъ нападенія курдовъ и баши-бузуковъ кромѣ страха деньщиковъ, фурлейтовъ и милиціи, изъ которыхъ нѣсколько было раненыхъ, другихъ послѣдствій не было. Полковникъ Тихоцкій съ нижегородцами и казаками хотя защитилъ обозъ отъ разграбленія, отбросивъ непріятеля съ потерею, но не могъ остановить обратившихся въ бѣгство, объятыхъ ужасомъ, милиціонеровъ. Елисаветпольцы опомнились отъ паническаго страха и увидѣли, что за ними не гонятся курды только тогда, когда были въ Александраполѣ. И здѣсь-то перешли они отъ одной позорной крайности къ другой. Милиціонеры предались грабежу. Однако жители не дозволили себя безнаказанно грабить и отмстили смертію тѣмъ изъ нихъ, которые осмѣлились ругаться надъ ихъ женами и дочерьми. Болѣе десятка елисаветпольцевъ, убоявшихся курдовъ, было убито и изранено мирными гражданами армянами, а можетъ быть и одновѣрцами мусульманами.

Совсѣмъ другое происходило съ нашей пѣхотой и артиллеріей. Эриванцы, грузинцы, куринцы, стрѣлки и гренадеры-артиллеристы безропотно и съ мужественною стойкостію около двухъ часовъ безцѣльно подвергались убійственному непріятельскому огню. Много пало смертію, еще болѣе было тяжело раненыхъ отъ турецкихъ ядеръ и гранатъ; большія поврежденія и порчи потерпѣла и наша артиллерія.

Виною всему этому опять былъ князь Орбеліани. Ему слѣдовало если не отвести немедленно пѣхоту съ артиллеріей назадъ, то атаковать Бояндуръ, а не держать безцѣльно ее подъ убійственнымъ непріятельскимъ огнемъ. Произошло же это отъ неумѣстнаго упрямства и излишней гордости начальника отряда. Какимъ образомъ отступить передъ пренебрегаемымъ непріятелемъ, хотя временно, только для того

---

[1]) Кто изъ читателей пожелаетъ прослѣдить движенія и дѣйствія отряда по картѣ, то пусть развернетъ планъ Бояндурскаго сраженія, находящійся въ сочиненіи „Восточная война 1853—56 годахъ М. И. Богдановича“.

М. О.

чтобы устроиться и устранить безпорядки, происшедшіе отъ несоблюденія тактическихъ правилъ, во время движенія вблизи отъ непріятеля.

Между тѣмъ князь Бебутовъ, слѣдившій съ высоты, сдѣлавшейся впослѣдствіи общей могилой для убитыхъ и названной «Холмомъ чести», за дѣйствіями подъ Бояндуромъ, по первымъ выстрѣламъ самъ двинулся съ остальными войсками изъ Александраполя на выручку самонадѣяннаго и оплошнаго князя Орбеліани. Войска эти состояли: изъ двухъ баталіоновъ Ширванскаго и одного баталіона Бѣлостокскаго полковъ, только наканунѣ прибывшихъ изъ дальняго и труднаго похода, остальныхъ трехъ дивизіоновъ нижегородскихъ драгунъ и 12 орудій. Слѣдованіе пѣхоты, ввѣренной начальству генералъ-маіора Кишинскаго, было столь быстрое, что она не отставала отъ князя Бебутова и его свиты, ѣхавшихъ рысью съ драгунами. И только такая быстрота спасла эриванцевъ, грузинцевъ и куринцевъ отъ дальнѣйшаго погрома и напрасныхъ потерь.

Абди-паша увидя спѣшившую изъ Александраполя помощь и опасаясь за свои сообщенія, еще до солнечнаго заката, приказалъ начать переправу за Арпачай. Такъ что, когда князь Бебутовъ прибылъ къ Бояндуру, то въ этомъ разрушенномъ селеніи уже не было непріятеля. Такимъ образомъ хотя обагренное нашею кровью поле битвы осталось за нами, но оно стоило намъ непомѣрно дорого. Оказалось 125 человѣкъ павшихъ смертію и болѣе 300 раненыхъ, преимущественно съ разбитыми костями и разможжонными членами.

Независимо потери людьми, которая могла считаться огромною, сравнительно съ числомъ сражавшихся войскъ, мы были и матеріально разстроены. Батарейныя № 1 и 2 батареи кавказской гренадерской артиллерійской бригады, которыми командовали полковники Лагода и Брискорнъ, бывшія болѣе двухъ часовъ подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, почти на половину лишились упряжныхъ лошадей, сбруя была перепорчена и даже оказалось нѣсколько поврежденныхъ лафетовъ. А при такомъ болвшомъ числѣ раненыхъ и матеріальномъ разстройствѣ нельзя было оставаться болѣе подъ Бояндуромъ, а тѣмъ болѣе думать о преслѣдованіи быстро уходящаго непріятеля.

Около полуночи отрядъ возвратился въ Александраполь, гдѣ убитые были преданы землѣ, а для успокоенія раненыхъ были приняты всѣ возможныя мѣры. Однако изъ нихъ мало кто остался способенъ къ продолженію службы.

V.

О милиціонерахъ, баши-бузукахъ и курдахъ.

Описывая Бояндурское сраженіе, воспѣтое турками за совершенную побѣду и полное наше пораженіе, я коснулся постыднаго бѣгства съ поля битвы ни кѣмъ не преслѣдуемыхъ милиціонеровъ и, вмѣсто защиты, грабежа беззащитныхъ александрапольскихъ жителей. Повторяю, этого не случилось бы, если бы отрядъ двигался съ нѣкотораго рода предосторожностію. Имѣй онъ разъѣзды, хотя изъ этихъ же милиціонеровъ, въ особенности по Арпачаю, курды, устроившіе засаду, были бы заблаговременно открыты. Не послѣдовало бы такого безурядья и тогда, если бы въ арріергардѣ находилась одна-другая рота пѣхоты.

Всякая милиція вообще, а въ особенности мусульманская, для боя негодна, если она не видитъ за собою регулярныхъ войскъ, которыя могли бы ее не столько поддержать, сколько укрыть. Ея дѣло поджигитовать, пострѣлять, покричать и наругаться на аванпостахъ, или до начала сраженія съ баши-бузуками, то есть съ турецкими милиціонерами. Курдовъ же наши милиціонеры побаиваются. У курдовъ быстрѣе лошади, они лучше вооружены и стрѣляютъ, а главное они пугаютъ своими длинными тростниковыми дротиками, которыми съ искуствомъ владѣютъ.

Милиціонеровъ можно употреблять для развѣдыванія о непріятелѣ и для разъѣздовъ, но и тутъ слѣдуетъ остерегаться посылать ихъ однихъ. По нерадѣнію, лѣности, а пожалуй трусости доставятъ свѣдѣнія преувеличенныя и невѣрныя. Они мало способны для содержанія аванпостовъ. Отрядъ не можетъ довѣриться имъ и спать спокойно. Если ихъ поставить однихъ, то можно быть увѣрену, что они оставятъ постъ и скроются въ безопасное мѣсто, въ особенности во время ненастья. Вотъ для преслѣдованія разбитаго непріятеля милиціонеры большіе мастера. Ради добычи они не щадятъ ни одновѣрцевъ, ни соплеменниковъ. Они съ быстротой раздѣваютъ мертвыхъ и обираютъ плѣнныхъ. Такъ дѣйствуютъ не только наши милиціонеры, но и турецкіе баши-бузуки и въ особенности курды.

По этимъ причинамъ нѣтъ пользы въ милиціонерахъ, а для насъ, русскихъ, нѣтъ въ нихъ и надобности, потому что для аванпостной службы и разъѣздовъ мы имѣемъ казаковъ, весьма способныхъ вообще для малой войны.

Между тѣмъ у насъ милиціонеры въ большомъ ходу. Милиція какъ постоянная, такъ и временная существовала не только во время войны съ кавказскими горцами, но ими были переполнены всѣ отряды, дѣй-

ствовавшіе въ восточную войну въ азіятской Турціи. Въ то время формировались пѣшія дружины и конныя сотни не только изъ грузинъ, имеретинъ, мингрельцевъ, гурійцевъ, армянъ и мусульманъ, — провинцій, входящихъ въ составъ кавказскаго намѣстничества, но составлялись полки изъ турецкихъ курдовъ. Тогда какъ содержаніе милиціи для правительства обходится дороже казаковъ; имъ кромѣ жалованья, раздѣленнаго на нѣсколько категорій, несравненно высшаго противъ нашей кавалеріи, отпускались деньги по справочнымъ цѣнамъ на говядину, муку и фуражъ.

Партизаны милиціи, къ которымъ принадлежатъ начальствующія лица изъ туземцевъ, т. е. грузинъ, армянъ и мусульманъ, желая доказать необходимость милиціи, говорятъ, что временная польза заключается въ томъ, что въ нее отвлекаются изъ народонаселенія безпокойные люди, пріучаютъ жителей къ службѣ и дѣлаютъ ихъ воинственнѣе. Но едва ли такія доказательства справедливы, и я не берусь опровергать вѣрность взгляда партизановъ милиціи. Принимая во вниманіе, что намъ не разъ придется встрѣчаться и имѣть дѣло съ баши-бузуками и въ особенности съ курдами, я коснусь здѣсь кстати нѣкоторыхъ о нихъ подробностей.

Турецкіе баши-бузуки ничто иное, какъ наши милиціонеры, но только не получающіе, какъ они, опредѣленнаго отъ казны жалованья и другого содержанія. Пожалуй, баши-бузуки соотвѣтствуютъ нашему народному ополченію, но только безъ всякой организаціи и подраздѣленія на сотни или дружины, по санджакамъ, пашалыкамъ или народностямъ. Между баши-бузуками, находившимися въ составѣ карсскаго корпуса, были и каракалпаки, и курды, и жители Эрзерума, Карса, Ардагана, Кагызмана и другихъ городовъ и мѣстечекъ; были жители и селеній исключительно турецкихъ. Баши-бузуки, какъ и наши милиціонеры, въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ имъ не можетъ угрожать явная опасность, большіе мастера поскакать, пострѣлять и поругаться. Смотря на нихъ, подумаешь, что это неустрашимо храбрые наѣздники. Судя по такимъ ихъ дѣйствіямъ, предположишь, что это отчаянныя и безпардонныя головы, вполнѣ соотвѣтствующія своему названію.

То же самое можно сказать и о курдахъ, которыхъ, увидя въ первый разъ и не зная о ихъ способѣ сражаться, подумаешь, что это отчаянные храбрецы и головорѣзы. Да и какъ не подумать этого, когда они, вооруженные двумя-тремя пистолетами, потрясая своими тростниковыми дротиками, оканчивающимися желѣзными остріями, украшенными шарами изъ конской шерсти, съ неистовымъ крикомъ мчатся стрѣлой на васъ на небольшихъ быстрыхъ лошадкахъ, тѣмъ болѣе, что по высокому своему головному убору кажутся великанами.

Впрочемъ такими храбрецами представляются курды и баши-бузуки издали, внѣ явной опасности, и по преимуществу джигитуя противъ нашихъ милиціонеровъ. Дѣйствуя же противъ казаковъ, они становятся осторожнѣе, съ появленіемъ драгунъ совершенно стихаютъ, а отъ ядеръ и гранатъ совсѣмъ исчезаютъ. Однако, если курды и баши-бузуки такъ животолюбивы во время серьезнаго боя, то они являются страшными грабителями и головорѣзами во время преслѣдованія, когда они не даютъ пощады ни чужимъ, ни своимъ.

Разительнымъ примѣромъ служитъ башкадыкларское сраженіе, въ которомъ курды и баши-бузуки, не смотря на то, что ихъ было свыше 15 т. и что мы были окружены ими съ фланговъ и тыла, не принимали въ бою никакого участія, изъ опасенія имѣть дѣло съ казаками и подвергнуться огню изъ орудій легкой № 1 батареи, противъ нихъ направленныхъ. Когда же турки побѣжали, то курды и баши-бузуки прежде насъ начали ихъ преслѣдовать, и болѣе всего досталось отъ нихъ пашамъ и миралаямъ, т. е. полковымъ командирамъ. Говорятъ, что и самому Рейсъ-пашѣ сильно досталось отъ нихъ.

Обращаюсь собственно къ курдамъ или древнимъ курдукамъ. Курды говорятъ особымъ языкомъ, не похожимъ на языки османовъ, татаръ, аравитянъ, персіянъ и другихъ сосѣднихъ народовъ. Они живутъ въ гористомъ пространствѣ, лежащемъ въ Россіи, Персіи и Турціи, а потому есть турецкіе, персидскіе и русскіе курды. Самые многочисленные—первые, самые малочисленные—послѣдніе. Турецкіе курды занимаютъ по преимуществу Баязетскій и Ванскій пашалыки, но есть также въ Карсскомъ и Эрзерумскомъ пашалыкахъ. Русскіе курды живутъ въ Эриванской губерніи, преимущественно же на покатостяхъ Аллагеза.

Курды подраздѣляются на многія отдѣльныя общества или роды, говорящіе однимъ языкомъ и управляющіеся независимо другъ отъ друга старшими въ родѣ или родоначальниками. У нихъ нѣтъ централизаціи и единства собственной власти. Всѣ родоначальники независимы другъ отъ друга, а это даетъ турецкому правительству сѣять между ними раздоры и легче справляться съ ними.

Всѣ курды, за исключеніемъ небольшого общества изедовъ, магометанскаго исповѣданія, секты Омаровой, и хотя одной религіи съ турками, но, раздѣленные отъ нихъ языкомъ, происхожденіемъ и интересами, враждебны турецкому правительству. Изеды не имѣютъ никакой религіи и говорятъ, что они поклоняются чорту.

Курды занимаются преимущественно скотоводствомъ и очень мало хлѣбопашествомъ. Они ведутъ полукочевой образъ жизни и съ ранней весны до поздней осени, а если обстоятельства заставятъ, то и всю зиму, живутъ въ такихъ же войлочныхъ кибиткахъ, въ которыхъ помѣ-

щаются ногайцы и киргизы. Поэтому переселенiе съ одного мѣста на другое для нихъ не сложно. Нѣсколько вьючныхъ лошадей, или арба достаточны для перевозки ихъ жилья и имущества.

Такъ какъ у курдовъ большiя стада скота, въ особенности барановъ, то они преимущественно заботятся о прiисканiи хорошихъ и обширныхъ пастбищъ. По этой причинѣ избираютъ для своего кочевья возвышенныя мѣста, какъ богатыя травой, и только въ холодныя и продолжительныя зимы спускаются на низменность.

Курды по преимуществу всадники; ихъ рѣдко увидишь пѣшкомъ, и никогда безъ оружiя. Они вооружены длинною пикою, парою или болѣе пистолетовъ, заткнутыхъ за широкiй поясъ изъ яркихъ цвѣтныхъ шалей, кривою саблею и небольшимъ круглымъ щитомъ, сдѣланнымъ изъ толстой кожи, натянутой на металлическомъ кругѣ. Ружей не употребляютъ. Одѣты въ куртку изъ краснаго или другихъ яркихъ цвѣтовъ сукна, съ разрѣзными рукавами, расшитую золотыми или шелковыми снурками, въ такiя же вышитыя шаровары, высокую чалму, обернутую разноцвѣтными шалями и платками и въ сафьянные краснаго или желтаго цвѣта сапоги.

М. Я. Ольшевскiй.

(Продолженiе слѣдуетъ).

Анастасія Аѳанасьевна Пушкина

въ XVII в.

Мнѣ удалось опредѣлить кто была Анастасія Пушкина, которая переписывалась съ царевною Прасковіею Ивановною («Русская Старина», изд. 1884 г., т. XLIII, сентябрь, стр. 604).

Это Анастасія Аѳанасьевна Пушкина, рожденная княжна Козловская, праправабка поэта А. С. Пушкина.

О ней встрѣчается въ Дворцовыхъ разрядахъ (III. 1,401, 1,402, 1,416 и 1,417) слѣдующее интересное извѣстіе:

„Того-жъ числа (23 мая 1675 г.) докладывалъ великаго государя и бояръ думной дьякъ стрѣлецкаго приказу Ларивонъ Ивановъ по роспроснымъ рѣчамъ столника князь Ивана княжъ Петрова сына Козловскаго [1]) и людей его; а дву человѣкъ у него, у князь Ивана, пытали, одного Казимеркомъ зовутъ, по извѣту, будто онъ, князь Иванъ, жилъ съ племянницею своею, съ двоюродною, съ Петровою женою Петрова сына Пушкина [2]), съ Настасьею съ Ѳѳонасьевою дочерью, лѣтъ съ десять и болши; и онъ, князь Иванъ, великому государю вину свою во всемъ томъ принесъ, и люди въ роспросѣ и съ пытки тожъ говорили. И великій государь указалъ его, князь Ивана, послать въ томъ дѣлѣ къ патріарху съ нимъ же, думнымъ дьякомъ, съ Ларивономъ Ивановымъ; и онъ, князь Иванъ, тожъ святѣйшему Іоакиму, патріарху московскому и всеа Россіи, во всемъ винился. И святѣйшій Іоакимъ патріархъ опять послалъ его, князь Ивана, съ нимъ же, думнымъ дьякомъ съ Ларивономъ Ивановымъ, къ нему, великому государю, и великій государь указалъ его, князь Ивана, держать въ приказѣ до своего, великаго государя, указу и людей. А племянницу его, Настасью Петрову жену Петрова сына Пушкина, послать подъ началъ до своего, великаго государя, указу въ монастырь за Тверскіе вороты пречистые Богородицы Страстные къ игуменьѣ Домнѣ съ подьячимъ тайныхъ дѣлъ, и велѣно ее игуменьѣ держать подъ крѣпкимъ началствомъ" („Дворц. Разряды" III, 1401—1402).

„Того-жъ году (1675), мая въ 26 день, указалъ великій государь думному дьяку стрѣлецкаго приказу Ларивону Иванову столника князь Ивана княжъ Петрова сына Козловскаго отдать за пристава дьяку Михайлу Чирикову, до своего, великаго государя, указу. А людей его, князь Ивановыхъ, указалъ великій государь всѣхъ свободить; а розданы были по разнымъ приказомъ головамъ московскихъ стрѣльцовъ и полуголовамъ, за крѣпкимъ карауломъ, опричѣнно племянницы его, вдовы Настасьи Петровой, жены Петрова сына Пушкина, вдовы, боярской бояронп" („Дворц. Разряды", III, 1416—1417).

---

[1]) Кн. Иванъ Петров. Козловскій, стольникъ (у Долгор., I. стр. 200, № 51). Анастасія Аѳанасьевна была дочь его двоюродн. брата, кн. Аѳанасія Васильев. Козловскаго (тамъ же, № 49).

[2]) Петръ Петр. Пушкинъ (у Долгор. IV, стр. 186, № 118), прапрадѣдъ поэта А. С. Пушкина, умеръ до 1675 г., такъ какъ въ этомъ году Анастасія Аѳанас. называется вдовою. Отъ ихъ брака родились четыре сына и одна дочь. Л.

Вотъ одно изъ писемъ Анастасіи Аѳанасьевны, которое въ моихъ рукахъ, оно помѣчено: «изъ Олеѕинской деревни, іюля 23 дня», безъ означенія года:

„Премилостивая государыня моя матушка царевна Прасковія Іоанновна.

„Желаю, государыня, вашему высочеству многалетно и благополучно здравствовать, и всепокорно, государыня, благодарствую за высокую вашу ко мнѣ многую милость, что пожаловали меня, рабу свою, удостоили такой своей высокой милости, изволили ко мнѣ писать,—чего и впредь, государыня, всепокорно прошу, чтобы я, раба ваша, не оставлена была вашими милостивыми письмами, что̀ пріемлю сердечно съ радостію моею. Инаго, государыня, доносить вашему высочеству не имѣю, только приношу мой рабскій всенижайшій поклонъ. Всепокорная и вѣрная ваша раба Настасія Пушкина.

„P. S. А о чемъ, государыня, въ письмѣ своемъ изволите ко мнѣ писать, оное можетъ быть болѣе для васъ, государыня; а съ моей стороны, по волѣ вашей, служить вамъ всеконечно готова, и надѣюся, по письму вашему, же будетъ исполнено, и хотѣли о томъ писать до вашего высочества сами. А оное письмо вашего высочества ко мнѣ прислано распечатанное".

Очевидно, рѣчь идетъ о какомъ-то третьемъ лицѣ, которое намъ неизвѣстно. Сама же Анастасія Аѳанасьевна была, вѣроятно, по выходѣ изъ монастыря, подъ присмотромъ правительства, такъ какъ письма доставлялись ей распечатанными.

Кн. А. В. Лобановъ-Ростовскій.

Вѣна, 7-го сентября 1884 г.

Авраамъ Веселовскій,

† 16-го января 1783 г.

Замѣтка изъ дневника Авг. Крамера.

Дѣдъ мой Филибертъ Крамеръ былъ членомъ Малаго Совѣта (Petit Conseil, въ Женевѣ,) въ 1767 г. и главнымъ казначеемъ съ 1769—1776 гг.; онъ руководилъ общественными дѣлами въ духѣ, противномъ стремленіямъ демократовъ, поэтому при выборахъ 1777 г. былъ исключенъ изъ состава Малаго Совѣта. Тяжелое впечатлѣніе, произведенное на него этимъ обстоятельствомъ, было одною изъ причинъ его смерти, послѣдовавшей два года спустя, 19-го августа 1779 г. Онъ оставилъ послѣ себя вдову, женщину еще въ молодыхъ лѣтахъ, двухъ дочерей и моего отца (Лудвига Габріеля, Маріанну и Цецилію).

Состояніе его, для того времени, было довольно значительное, что видно изъ сохранившагося у меня инвентаря его капиталовъ и имущества

Мой дѣлъ женился въ сентябрѣ 1766 г. на Екатеринѣ Веселовской, дочери знатнаго русскаго господина, поселившагося навсегда въ Женевѣ, вотъ его исторія:

Петръ Великій видѣлъ однажды у государственнаго канцлера, барона Шафирова, его внука—Авраама Веселовскаго, которому было въ то время 15 лѣтъ; этотъ юноша понравился ему. Царь взялъ его къ себѣ, сначала въ качествѣ личнаго секретаря, затѣмъ во время Полтавской битвы онъ былъ адъютантомъ при царѣ, который послалъ его къ датскому королю съ извѣстіемъ о побѣдѣ. Впослѣдствіи онъ былъ посланникомъ при дворѣ германскаго императора Карла VI.

Въ моихъ рукахъ находится собственноручное письмо этого монарха къ Петру Великому, въ которомъ онъ изъявлялъ ему свое удовольствіе по этому поводу:

«Remittimus ad serenitatem vestram ministrum suum plenipotentiarium Abraham Wesselowski causam sui reditus eidem coram expositurum. Is de relicto toto tempore quo in aula nostra caesarea substitit ministerio suo adeo prudenter et egregrie functus est ut eo nomine omnium approbationem jure promeritus sit claramque sui memoriam hic reliquat. Nos quod superest serenitati vestrae fausta quaevis optamus. Viennae 14 februar 1715. Carolus VI».

Вскорѣ послѣ того Веселовскій принялъ участіе въ одной дворцовой интригѣ (заговоръ царевича Алексѣя), и одно семейное преданіе утверждаетъ, будто онъ уже не возвращался въ Москву изъ своего посольства въ Вѣну; это обстоятельство подтверждается повидимому вышеприведеннымъ письмомъ, оставшимся въ его рукахъ. Онъ отправился въ Англію, гдѣ его братъ былъ посланникомъ, а оттуда переселился въ Женеву, гдѣ и женился на Маріаннѣ Фабри, дочери синдика Петра Фабри, владѣльца въ Эръ-ля-Виллѣ (seigneur de Aire la Ville) и Екатерины Бюиссонъ.

У меня находится ихъ брачный договоръ, помѣченный 8-го іюля 1741 г. Прадѣдъ мой означенъ въ немъ «Авраамъ Веселовскій, уроженецъ Москвы, сынъ покойнаго дворянина Павла Веселовскаго, также уроженца Москвы и покойной Маріи Ар.....».

Отъ этого брака родилось четыре дочери: Екатерина, моя бабушка, Рената, бывшая замужемъ за Джономъ Симпкинсомъ, ректоромъ Клиффа (Cliffe), въ графствѣ Кентскомъ, Маріанна, въ замужествѣ за шотландскимъ дворяниномъ Патрикомъ Класономъ (Classon), Франциска, вышедшая замужъ за англичанина мистера Джака.

Авраамъ Веселовскій скончался 16-го января 1783 г. 97 лѣтъ отъ роду. Подъ конецъ жизни онь впалъ въ дѣтство и дрожалъ, какъ передавалъ мнѣ отецъ, проходя мимо портрета своего бывшаго настав-

ника, императора Петра I, который тотъ нѣкогда подарилъ ему и который виситъ теперь въ моемъ кабинетѣ, въ pendant къ портрету Авраама Веселовскаго.

Инвентарь его наслѣдства свидѣтельствуетъ о состояніи въ 369,392 ливровъ (livres) наличными деньгами, изъ коихъ 97,000 отказаны его вдовѣ. У него было два брата: Фридрихъ, бывшій посланникомъ царя русскаго въ Англіи и умершій въ Россіи главнымъ начальникомъ кадетскаго корпуса, и Исаакъ, бывшій Introducteur des ambassadeurs при Елизаветѣ.

Двѣ сестры его отъ второго брака были замужемъ, одна за г. Дурново, а другая за г. Щепотьевымъ.

Память о заслугахъ Авраама Веселовскаго пользовалась такимъ уваженіемъ при русскомъ дворѣ, что императоръ Александръ Павловичъ назначилъ, 15-го декабря 1803 г., моей бабушкѣ Крамеръ пенсію въ сто голландскихъ дукатовъ; въ 1810 г. пенсія эта была продолжена ея младшей дочери, пользовавшейся ею до 1843 г.

(Извлечено изъ дневника Августа Крамера, бывшаго статскаго совѣтника, бывш. синдика республики и кантона женевскаго).

Гербъ Веселовскаго: de gueules à la denier Aigle d'or parti au 2-d coupé en face d'or, accompagnés en chef d'un croissant d'or en champ d'azur et en pointe une couronne d'or en champ de sinople.

М. Крамеръ.

Сообщ. **А. Ѳ. Гамбургеръ.**

Примѣчаніе. Андрей Ѳедоровичъ Гамбургеръ, сообщившій намъ настоящую замѣтку, весьма обязательно доставилъ вмѣстѣ съ нею большой фотографическій снимокъ съ живописнаго портрета Авраама Веселовскаго. Русскій дипломатъ-эмигрантъ, одинъ изъ птенцовъ Петра Великаго, изображенъ на портретѣ старикомъ, въ халатѣ и колпакѣ; лицо продолговатое и весьма выразительное. Вообще этотъ человѣкъ, по своему уму и коловратностямъ своей жизни, заслуживаетъ подробной о немъ монографіи.

Ред.

ГАТЧИНСКІЙ ДВОРЕЦЪ

1784—1884 гг.

Ровно сто лѣтъ тому назадъ дворецъ въ Гатчинѣ поступилъ къ великому князю Павлу Петровичу, со всѣми принадлежащими къ нему деревнями [1]).

Исторія этого дворца или самой Гатчины и началась собственно съ этого момента; Гатчина стала обогащаться новыми зданіями, садами и другими украшеніями, благодаря тому обстоятельству, что великій князь, удаляясь отъ придворныхъ увеселеній, проводилъ здѣсь большую часть времени въ тишинѣ и уединеніи, привязываясь все болѣе и болѣе къ мѣсту своего пребыванія, которое вскорѣ окончательно сдѣлалось ему любо, мило и дорого.

Первоначальное прошлое Гатчины сохраняетъ о себѣ немного воспоминаній; извѣстно лишь, что Петръ Великій небольшую мызу Гатчино подарилъ царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, послѣ кончины которой она поступила въ вѣдѣніе дворцовой канцеляріи, а въ 1732 г. причислена къ дворцовымъ имѣніямъ; съ воцареніемъ же Екатерины II Гатчина пожалована была князю Григорію Орлову, построившему здѣсь въ 1770 году дворецъ по планамъ пріѣхавшаго въ Петербургъ итальянца архитектора Ринальди.

---

[1]) Хотя указъ „объ отдачѣ мызы Гатчино в. к. Павлу Петровичу" и данъ 6 августа 1783 г., но самый пріемъ и переѣздъ его высочества въ Гатчину состоялся не ранѣе лѣта 1784 г. Самый указъ помѣщенъ въ Полн. собр. зак. № 15808 и гласитъ такъ: „Изъ купленныхъ нами у графовъ Орловыхъ деревень, состоящихъ въ вѣдомствѣ нашего флигель-адъютанта Буксгевдена, повелѣваемъ отдать во владѣніе нашему любезному сыну, е. и. в. великому князю мызу Гатчино съ тамошнимъ домомъ, со всѣми находящимися мебелями, мраморными вещами, оружейною, оранжерееею и матеріалами и съ 20 принадлежащими къ той мызѣ деревнями, мызу Новую Скворицкую и мызу Старую Скворицкую съ приписанными къ нимъ деревнями, пустошами и землями, какъ оныя въ реестрѣ при семъ означены. Помянутый флигель-адъютантъ Буксгевденъ долженствуетъ все оное по описи отдать тому, кому пріемъ отъ е. в. порученъ будетъ, а между тѣмъ имѣть то въ своемъ смотрѣніи".

И. В.

По вступленіи на престолъ Павла I, онъ возвелъ Гатчину на степень города, повелѣлъ по всѣмъ дѣламъ ея относиться прямо въ правительствующій сенатъ, а для завѣдыванія вновь учрежденнымъ городомъ назначилъ особое правленіе. Самый дворецъ, асположенный въ видѣ продолговатаго четыреугольника въ три этажа, съ башнями по краямъ, при верховьи рѣки Ижоры, былъ перестроенъ какъ снаружи, такъ и внутри любимымъ архитекторомъ государя—В. И. Баженовымъ, который по восшествіи на престолъ былъ награжденъ императоромъ чиномъ д. с. с., 1000 душъ крестьянъ и званіемъ вице-президента академіи художествъ. Баженовъ построилъ Гатчинскій и Павловскій дворцы съ садами и крѣпостью. Главное зданіе было обложено пудожскимъ камнемъ дикаго цвѣта и соединено, посредствомъ впереди расположенныхъ двухъ полукруглыхъ флигелей, съ каждымъ концемъ главнаго корпуса колоннадою круглыхъ столбовъ, высѣченныхъ изъ финляндскаго мрамора. Эта колоннада образовываетъ обширную квадратную площадь, предъ которою раскинутъ величественный паркъ, носящій названія: англійскаго, регулярнаго и ботаническаго съ двумя озерами, носящими названія Бѣлаго и Чернаго. Находящіеся при первомъ изъ нихъ ключи снабжаютъ жителей прекрасною и чистою водою.

На озерѣ находятся нѣсколько островковъ, соединенныхъ между собою красивыми мостиками; одинъ изъ этихъ островковъ носитъ имя „острова любви". На островкахъ устроены украшенія въ видѣ памятниковъ, изъ которыхъ обращаютъ вниманіе: обелискъ, находящійся на самой дорогѣ близь дворца, вышиною въ 12 сажень изъ тесанныхъ известковыхъ плитъ, сооруженный братомъ бывшаго владѣльца Гатчины, Орловымъ; бесѣдка, представляющая сложенныя дрова, внутри которой находился прекрасно убранный кабинетъ; рыцарскій замокъ Констабль и выстроенное изъ земли превосходное зданіе пріоратъ.

Ко дворцу принадлежатъ театръ, манежъ и церковь, въ которую 3 августа 1799 года на аудіенціи въ Петергофѣ, графомъ Коловратомъ и другими депутатами Мальтійскаго ордена, были поднесены его величеству, какъ великому магистру, часть древа животворящаго креста Господня, десная рука святаго пророка предтечи Іоанна и чудотворный образъ пресвятой Богородицы, вывезенный съ острова Родоса великимъ магистромъ мальтійскимъ Лиль-Адамомъ въ 1523 г. Эти святыни хранились нѣкогда въ соборной церкви на Мальтѣ; по взятіи этого острова генераломъ Бонапарте, въ 1798 году, послѣдній великій магистръ, баронъ Фердинандъ Гомнешъ, получившій позволеніе вывезти все, что ему было угодно, выпросилъ у побѣдителя только эти драгоцѣнности.

12 октября 1799 года, въ день бракосочетанія государыни в. к. Елены Павловны съ наслѣднымъ принцемъ Мекленбургъ-Шверинскимъ, принесены были эти святыни въ дворцовую церковь города Гатчины, и въ этотъ день бываетъ въ Гатчинѣ ежегодно церковное празднество.

Внутренность дворца устроена со вкусомъ, но безъ пышности, впрочемъ комнаты императрицы Маріи Ѳеодоровны отличались роскошью и великолѣпіемъ. Послѣ смерти Баженова, въ Гатчинѣ постройки производились по планамъ и подъ наблюденіемъ знаменитаго строителя зданія главнаго адмиралтейства въ Петербургѣ, профессора А. Д. Захарова, въ помощь которому былъ данъ ученикъ академіи Христофоръ Спедеръ. Позднѣйшая-же реставрація гатчинскаго дворца, въ царствованіе императора Николая Павловича была произведена подъ наблюденіемъ архитектора Романа Ив. Кузмина.

Въ 1799 году, съ упраздненіемъ города Рожествена, всѣ купцы и мѣщане были переведены въ Гатчину; учреждена была почтовая контора, обширный городовой госпиталь на 1500 человѣкъ, при полицейскомъ домѣ построена каланча, на которую перенесенъ былъ съ бельведера дворца громоотводъ, поставленный знаменитымъ академикомъ Эйлеромъ, въ замѣнъ чего былъ устроенъ на дворцѣ сигнальный телеграфъ. По дѣламъ государственной важности, назначено было въ Гатчинѣ присутствіе I-му департаменту правительствующаго сената [1]). Въ 1800 г. городъ Гатчина предоставленъ былъ въ собственность императрицы Маріи Ѳеодоровны и приписанныя къ нему волости раздѣлены между великими князьями.

По кончинѣ императора Павла I, ограничилась власть городоваго мѣстнаго управленія, и дѣла поручены были въ завѣдываніе уѣзднаго и земскаго судовъ; въ самомъ управленіи Гатчины возстановленъ общій порядокъ, а купцовъ и мѣщанъ, которые въ Рожественѣ пожелаютъ остаться, запрещено было съ 1809 г. принуждать переселяться въ Гатчину. Въ 1811 году упразднена ратуша въ Гатчинѣ и завѣдываніе дѣлъ о купцахъ и мѣщанахъ этого города возложено на Царскосельскую ратушу. Впослѣдствіи Гатчина вмѣстѣ съ Павловскомъ причислены были къ заштатнымъ городамъ и приписаны къ царскосельскому уѣзду.

Наконецъ еще замѣтимъ, что прекрасная дорога, ведущая изъ Царскаго Села въ Гатчину, украшена мраморными воротами, называющимися Гатчинскими, которыя построены въ 1773 году. О нихъ въ брошюрѣ „Описаніе села Царскаго или спутникъ, обозрѣвающій оное“ на стр. 180 сказано: „На перевозку, сдѣланіе фундамента, построеніе мастерскихъ и постановленіе мраморныхъ Гатчинскихъ воротъ, по смѣтѣ графа Брюса, ассигновано изъ кабинета 5,078 руб. 70 коп.

Отъ временъ Павла I остались два дома для призрѣнія слѣпыхъ и бѣдныхъ, устроенные имъ, а Гатчинскій воспитательный домъ съ сиротскимъ институтомъ учрежденъ попеченіемъ Маріи Ѳеодоровны въ 1803 г. и по повелѣнію императора Николая I получилъ преобразованіе.

[1]) Полное собр. зак., № 19192.

Виды Гатчинскаго дворца, написанные любимымъ живописцемъ Павла I— Семеномъ Щедринымъ, какъ-то: видъ дворца со стороны большого озера; коннестабля отъ каменнаго моста; колонны и храма со стороны пруда и др. гравированы на мѣди превосходно Галактіоновымъ, Телегинымъ, Ческинъ и Ухтомскимъ, и гравюры эти еще можно купить въ Императорской Академіи Художествъ.

И. Н. Божерянов**ъ**.

О ВОЗОБНОВЛЕНІИ ПАМЯТНИКА НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

АРТЕМІЯ ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЩОВА

† 27-го іюня 1740 г. [1]).

Поступило пожертвованій на возобновленіе сего памятника:

Сентября 1-го. Отъ генерала В. А. Васильева изъ Полтавской губерніи	6 руб.
А съ прежде поступившими всего . .	1,392 руб.

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1883 г., томъ XXXVIII, май, стр. 464—471; томъ XL, октябрь и ноябрь, стр. 269—271 и 498; декабрь, стр. 723—724; изд. 1884 г., т. XLI, январь, стр. 224; февраль, стр. 460; мартъ, стр. 666; т. XLII, апрѣль, стр. 221; май, стр. 407; іюнь, стр. 671; т. XLIII, августъ, стр. 448; сентябрь, стр. 676.

АНДРЕЙ НИКИФОРОВИЧЪ ВОРОНИХИНЪ,

строитель собора Казанскія Богоматери въ С.-Петербургѣ.

1760—1814 гг.

До сихъ поръ не существуетъ еще полной біографіи строителя Казанскаго собора въ С.-Петербургѣ, хотя въ недалекомъ будущемъ [1]) предстоитъ празднованіе уже 75-лѣтняго юбилея этого собора. Между тѣмъ личность Андрея Никифоровича Воронихина настолько замѣчательна, что мы считаемъ не лишнимъ своевременно напомнить краткія о немъ біографическія свѣдѣнія.

Профессоръ архитектуры, надворный совѣтникъ и кавалеръ Андрей Никифоровичъ Воронихинъ, по изящнымъ произведеніямъ своего зодчества—художникъ въ высшей степени замѣчательный, родился въ 1760 г., Пермской губерніи, въ селеніи Новое Усолье, гдѣ, обучась россійскому языку, по врожденной склонности своей и природной остротѣ, изучился также начальнымъ правиламъ рисованія и живописи. Въ 1777 г. пріѣхалъ въ Москву, гдѣ развились у него способности и склонность къ архитектурѣ, и здѣсь онъ пользовался наставленіями знаменитаго въ то время россійскаго зодчаго Баженова. Своими трудами онъ обратилъ на себя вниманіе митрополита Платона и покровительство извѣстнаго архитектора Казакова. Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, которому были посвящены первые опыты талантовъ Воронихина, взялъ его въ С.-Петербургъ, а затѣмъ отправилъ его заграницу съ сыномъ своимъ, графомъ Павломъ Александровичемъ Строгановымъ.

Въ 1790 г., возвратясь въ Россію, Воронихинъ посвятилъ себя совершенно архитектурѣ, и въ 1800 г. на него возложено было сооруженіе храма Казанскія Пресвятыя Богородицы по особенному повелѣнію

[1]) 15 сентября 1886 года.

государя императора Павла I [1]). Сооруженіе окончено было въ 1811 г., а вскорѣ за тѣмъ Андрей Никифоровичъ Воронихинъ умеръ, 21 февраля 1814 года. Тѣло его покоится на кладбищѣ Александро-Невской лавры, гдѣ сооруженъ памятникъ съ изображеніемъ на немъ Казанскаго собора [2]). Памятникъ поставленъ былъ безъ надписи; имѣющаяся на немъ надпись начертана въ 1871 году иждивеніемъ автора сей замѣтки.

Приводимъ неизданные еще документы, которые касаются біографіи этого достопамятнаго человѣка. Ревизская сказка рода Воронихиныхъ:

3 рев. Соликамскаго уѣзда за дѣйствительнымъ камергеромъ графомъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгановымъ

Книга за № 3453

Сказка № 55

Степанъ Егоровъ

Пелагея Иванова ‿ Никифоръ, Иванъ, Прасковья, Мавра.

Илья 5 л. Андрей 3 л.

1811 г. сент. 1 дня Пермской губ. Соликамскаго уѣзда села Новаго Усолья господина тайнаго совѣтника дѣйствительнаго камеръ-гера барона Григорія Александровича Строганова, о состоящихъ муж. пола дворовыхъ людяхъ:

№ 6 ревиз.

211. Семенъ Ивановъ

Воронихинъ

Переведенъ изъ Елисаветн. Нердвинскаго завода въ 1797 г. Умеръ 1808 г.

У Семена дѣти:

Константинъ 23 лѣтъ,

Петръ $17^1/_2$ лѣтъ.

Изъ этихъ двухъ сказокъ, въ первой говорится о рожденіи Андрея Никифоровича, которое до сихъ поръ съ точностью не было опредѣлено. Вторая сказка говоритъ о родѣ Воронихиныхъ, но въ какомъ отношеніи она стоитъ къ первой сказкѣ, остается пока невыясненнымъ.

---

[1]) Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 г., январь, стр. 201, сказано, что планы Казанскаго собора утверждены импер. Павломъ 14 ноября 1800 г. и въ тотъ же день учреждена коммисія для построенія собора, подъ предсѣдательствомъ графа Алекс. Серг. Строганова; между тѣмъ въ „Описаніи Государственнаго Архива старыхъ дѣлъ“, составленномъ П. Ивановымъ, Москва, 1850 г., говорится, что планъ собора утвержденъ 14 ноября 1800 г., но коммисія на сей предметъ учреждена 22 того-жъ ноября.

[2]) См. „Сынъ Отечества“ 1814 г., № 12, стр. 231.

Не менѣе цѣнный документъ удалось намъ отыскать въ архивѣ академіи художествъ. Это—формулярный списокъ проф. Воронихина. Приводимъ его дословно:

Надворный совѣтникъ Андрей Никифоровичъ Воронихинъ, профессоръ архитектуры и членъ совѣта академіи, 52 лѣтъ, православнаго исповѣданія, имѣлъ ордена: св. Владиміра 4 ст. и св. Анны 2 класса съ бриллiантовыми украшеніями.

Изъ вольноотпущенныхъ.

Благопріобрѣтенное имѣніе: дворовыхъ людей 4 души.

По представленнымъ въ императорскую академію художествъ работамъ произведенъ отъ оной:

Назначеннымъ 1794 г. декабря 16
Академикомъ 1797 г. » 19.

Поступилъ въ сію академію для обученія класса архитектуры въ должность адъюнктъ-профессора 1800 г. марта 6.

По именному высочайшему указу пожалованъ коллежскимъ ассесоромъ 1800 г. іюля 26.

Опредѣленъ архитекторомъ при строеніи церкви Казанскія Богоматери 1801 г. декабря 20.

Отъ сей академіи наименованъ академикомъ архитектуры 1801 г. дек. 20.

Произведенъ въ адъюнктъ-профессоры 1802 г. дек. 8.

Профессоромъ архитектуры 1802 г. дек. 11.

Опредѣленъ членомъ совѣта академіи 1802 г. дек. 11.

Пожалованъ надворнымъ совѣтникомъ 1805 года дек. 31.

По высочайшему повелѣнію опредѣленъ архитекторомъ при строеніи горнаго кадетскаго корпуса и членомъ въ комитетѣ онаго 1806 года апрѣля 4.

По высочайшему повелѣнію опредѣленъ былъ къ построенію фонтана на Пулковской горѣ 1806 г. ноября 16.

Членомъ коммисіи о построеніи церкви Казанскія Богоматери 1809 г. ноября 16.

По высочайшему повелѣнію опредѣленъ членомъ въ комитетъ о приказахъ общественнаго призрѣнія по строительной части 1810 г. сент. 7.

Произвелъ построеніе колонадъ въ петергофскомъ саду и какъ прежде, такъ и нынѣ имѣетъ высочайшія порученія по строеніямъ въ Павловскѣ, Гатчинѣ и С.-Петербургѣ, за что получалъ многія награжденія.

Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Влад. 4 ст. 1811 г. янв. 1.

Опредѣленъ старшимъ профессоромъ архитектуры 1811 г. сент. 23.

По освященіи церкви Казанскія Богоматери всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны 2 класса, украшеннаго брилліантами, а также пенсіею,—1811 г. сент. 26.

Женатъ; имѣетъ 4 сыновей: Александра, Павла, Владиміра и Константина,—кои всѣ находятся при немъ.

Умеръ 21 февраля 1814 г.

По приведенному въ началѣ списка числу лѣтъ, надо полагать, что формулярный списокъ составленъ въ 1812 году.

Въ дополненіе къ указаннымъ постройкамъ слѣдуетъ упомянуть, что первая русская терапевтическая клиника, въ нынѣшнемъ значеніи этого учрежденія, въ с.-петербургской медико-хирургической академіи была устроена по проекту и подъ надзоромъ архитектора Воронихина, и была открыта 28 января 1806 года [1]).

Изъ произведеній живописи, въ залахъ академіи художествъ есть картина А. Н. Воронихина, изображающая извѣстную петербургскимъ жителямъ дачу граф. Строгановыхъ.

Бюстъ и портретъ А. Н. Воронихина также находятся въ залахъ академіи художествъ.

Изъ четырехъ сыновей А. Н. Воронихина въ живыхъ никого нѣтъ. Всѣ они умерли, не оставивъ потомства, и родъ Воронихиныхъ продолжается по линіи Ильи Никифоровича, брата архитектора.

Въ послѣднее время было предположено поставить доску на зданіи собора Казанскія Богоматери съ начертаніемъ имени его строителя и почтить память его совершеніемъ панихиды ежегодно въ день его смерти, 21 февраля.

Николай Воронихинъ,
внучатный племянникъ профессора архитектуры и строителя Казанскаго собора.

---

[1]) Проф. Я. А. Чистовичъ. „Клиники с.-петербургской медико-хирургической академіи" („Мед. Вѣстн.", 1874 г., №№ 3, 5, 6 и 7).

ДВОРЯНСТВО РОСТОВСКАГО УѢЗДА

ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНІИ

въ 1806—1812 гг.

I.

Разбирая и приводя въ порядокъ архивы дворянства Ростовскаго уѣзда (Ярославской губерніи), я остановился на документахъ той знаменательной эпохи, какою представляется всякому, любящему свое отечество, эпоха 1812-го года; живыхъ свидѣтелей ея, лицъ,

„Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года",

уже нѣтъ; всѣ они давно сошли въ могилу; но дѣла ихъ еще громко говорятъ за нихъ, и память объ этихъ славныхъ дѣятеляхъ живетъ въ сердцахъ потомства и будетъ передаваться изъ рода въ родъ.

Отдавая должную справедливость русскому передовому сословію, конечно, не слѣдуетъ забывать и подвиговъ „простого" русскаго человѣка. Въ „годины испытаній" они, дѣйствительно, трудились дружно и, отражая внѣшняго врага, забывали свои взаимные счеты, свои, подъ часъ тяжелыя, „недоразумѣнія". Героями являлись на поляхъ сраженій какъ дворяне, такъ и закрѣпощенный тогда народъ. Первые выходили на бой десятками и сотнями, а послѣдній тысячами и сотнями тысячъ. Въ такой страшной массѣ трудно отличить Мининыхъ, но далеко не всѣ являлись и князьями Пожарскими!

Такимъ образомъ съ одной стороны выходитъ, что для современныхъ изслѣдователей русской исторіи (разумѣемъ эпоху 1812 года) пропали навсегда и безвозвратно подвиги „Ивановъ" и „Петровъ", между тѣмъ какъ, съ другой стороны, самые скромные подвиги и дѣянія родовитыхъ людей сохранились, если не на страницахъ исторіи, то, по крайней мѣрѣ, въ архивныхъ дворянскихъ бумагахъ. Безпристрастный человѣкъ, занимающійся изслѣдованіемъ исторіи своего края, не долженъ пропускать безъ вниманія и этихъ отрывочныхъ и

скудныхъ матеріаловъ, которые имѣютъ свою цѣну, по крайней мѣрѣ въ глазахъ нашихъ ростовцевъ.

Ростовцы были не безучастными зрителями отечественныхъ событій въ первой половинѣ царствованія Александра Благословеннаго! Хотя семья дворянъ Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, по своей численности, ничтожна сравнительно со всѣмъ дворянствомъ Россіи, хотя и самый Ростовскій уѣздъ малъ, относительно всей территоріи имперіи, но мнѣ кажется, что тѣ документы и факты, которые я постараюсь изложить, имѣютъ нѣкоторое, хотя и очень скромное, значеніе какъ для исторіи дворянскаго сословія вообще, а ростовскаго въ отдѣльности, — такъ и для изученія исторической статистики населенія здѣшняго уѣзда. Послѣдняя далеко еще не выяснилась, а потому и наши матеріалы, думается, будутъ полезны.

Въ первой половинѣ царствованія Александра I-го ростовское дворянство (какъ видно изъ архивовъ) считало въ средѣ своей много семействъ, славныя имена коихъ, по заслугамъ, издавна были извѣстны Россіи. Такъ мы находимъ здѣсь потомковъ бояръ, стольниковъ, окольничихъ при царяхъ, воеводъ и лицъ, занимавшихъ болѣе или менѣе выдающіеся посты по государственной службѣ и носившихъ придворныя званія при императорахъ. Вотъ выдающіяся имена ростовскаго дворянства въ 1811 году: князья Щепины-Ростовскіе и князья Косаткины-Ростовскіе (потомки великихъ князей Ростовскихъ), князья Голицыны, Куракины, Гундоровы, Юсуповы, Шаховскіе, Урусовы, Меншиковы; графы Воронцовы, Шереметевы, Орловы (графъ Владиміръ Григорьевичъ); не титулованные дворяне: Алмазовы, Архаровы, Бычковы (также потомки великихъ князей Ростовскихъ, происходящіе отъ князей Бычковыхъ-Ростовскихъ), Воейковы, Волынскіе, Гурьевы, Горяиновы, Кокошкины, Кологривовы, Квашнины, Козлятьевы, Леонтьевы, Ляпуновы, Ладыженскіе, Лупандины, Мещериновы, Муравьевы, Молчановы, Нефедевы, Нечаевы, Неклюдовы, Нащокины, Нальяновы, Ошанины, Озеровы, Поливановы, Ржевскіе, Рудаковы, Солтыковы, Татищевы, Хомутовы, Чертковы, Яковлевы.

Обратимся сначала къ документамъ перваго ополченія.

30-го ноября 1806 года изданъ былъ высочайшій манифестъ о созывѣ и составѣ временнаго земскаго ополченія. Исполняя волю монарха, дворянство немедленно приступило къ избранію лицъ для службы въ земскомъ войскѣ.

Въ декабрѣ 1806 г. избранъ ростовскимъ уѣзднымъ начальникомъ милиціи полковникъ Владиміръ Ивановичъ Филатьевъ (полковникъ въ отставкѣ до 1804 г., служилъ въ лейбъ-гвардіи конномъ полку); по сформированіи же баталіоновъ ярославскаго земскаго войска былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады въ 1-й области. Командующимъ всѣмъ земскимъ войскомъ Ярославской губерніи былъ избранъ генералъ-маіоръ Лихачевъ; дежурнымъ (вѣроятно адъютантомъ)

при ярославскомъ земскомъ войскѣ назначенъ отъ арміи бригадиръ Окуловъ. Отъ Ростовскаго уѣзда были избраны въ милицію дворяне:

Колл. ассес. Павелъ Дмитріевичъ Нальяновъ—тысячнымъ начальникомъ.

Надв. сов. Дмитрій Николаевичъ Рудаковъ, колл. ассес. Дмитрій Степановичъ Лупандинъ, колл. ассес. Павелъ Петровичъ Никифоровъ и поручикъ Дмитрій Ивановичъ Нагшикинъ—пятисотенными начальниками.

Колл. ассес. Павелъ Степановичъ Лупандинъ, дворянинъ Максимъ Григоровъ, губ. секр. Игнатій Семеновичъ Голиковъ, флота мичманъ Сергѣй Николаевичъ Ошанинъ, дворянинъ Өедоръ Бычковъ, поручикъ Дмитрій Осиповичъ Внуковъ, капитанъ Головачевъ и лейтенантъ Евграфъ Грековъ—сотенными начальниками.

Титул. сов. Александръ Савинъ, штабсъ-капитанъ Алексѣй Чертковъ, прапорщикъ Николай Мещериновъ, прапорщикъ Николай Пересвѣтовъ и губ. секр. Павелъ Савинъ—пятидесятниками.

Артиллеріи поручикъ Иванъ Михаиловичъ Ошанинъ—казначеемъ.

Поручикъ Николай Грековъ — коммиссаромъ (по провіантской и фуражной части).

Кромѣ того ростовскій дворянинъ прапорщикъ Никифоръ Ивановичъ Озеровъ былъ избранъ и состоялъ сотеннымъ начальникомъ въ земскомъ войскѣ Владимірской губерніи.

Здѣсь небезъинтереснымъ нахожу привести въ подлинникѣ находящееся въ архивныхъ дѣлахъ (къ вышеозначенному дворянину Озерову) отношеніе главнокомандующаго IV-ю областью земскаго войска, генерала отъ инфантеріи, московскаго военнаго губернатора, главно-управляющаго по гражданской части, сенатора и всѣхъ россійскихъ орденовъ кавалера Тутолмина:

„Его величество государь императоръ Александръ I, августѣйшій всея Россіи самодержецъ, взывая вѣрное, по примѣру прославленныхъ предковъ, безпредѣльно престолу и отечеству преданное благородное россійское дворянство и всѣхъ достойныхъ сыновъ отечества къ составу времяннаго земскаго ополченія,—манифестомъ, 30-го ноября 1806 года изданнымъ, съ благостію и правотою, монаршей его императорскаго величества особѣ толико свойственными, всемилостивѣйше объявить благосоизволилъ: „мы поставимъ себѣ священною обязанностію отъ благодарнаго отечества излить щедроты и милости наши и вознаградить почестями и знаками отличія, въ честь добродѣтелямъ и заслугамъ установленными достойныхъ сыновъ отечества, которые въ настоящихъ обстоятельствахъ ознаменуютъ къ нему усердіе своею личною храбростію, пожертвованіями своего имущества и другими общеполезными дѣяніями; признательное потомство благословитъ имена таковыхъ сподвижниковъ и слава ихъ пребудетъ незабвенно въ роды родовъ“.

„Духъ общаго отъ прародителей наслѣдованнаго единодушнаго стремленія благородныхъ дворянъ къ славѣ и пользамъ монарха и престола и соревнованіе

въ томъ прочихъ благомыслящихъ сыновъ отечества, самоохотно представившихъ себя на службу по земскому ополченію, обратили на себя всевысочайшее государя императора вниманіе и милость.

„Когда подвигъ внутренняго вооруженія оправдалъ надежды самодержца, а побѣдоносное оружіе его императорскаго величества, прекратя брань среди чуждыхъ полей, умножило славу и предѣлы Россіи, его величество въ изъявленіе всеавгустѣйшаго благоволенія своего ко всѣмъ вообще чиновникамъ, въ подвижномъ земскомъ войскѣ служащимъ, указомъ отъ 28-го сентября 1807 г. высочайше повелѣть соизволилъ: „заготовить золотыя медали, кои каждому изъ нихъ предоставлено на волю носить въ петлицѣ на лентѣ ордена святаго Владиміра“. Вслѣдствіе сихъ всемилостивѣйшихъ его императорскаго величества благосоизволеній, достойно и заслуженно по высочайшей вамъ монаршей, принадлежащую вамъ въ память заслугъ и въ примѣръ потомству, золотую медаль для ношенія въ петлицѣ установленнымъ выше образомъ на лентѣ ордена св. Владиміра при семъ доставить честь имѣю“. „Тутолминъ“.

„Москва, 16-го іюля 1808 г., № 1594“.

Избранный тысячнымъ начальникомъ, П. Д. Нальяновъ не могъ, за слабостію здоровія, долѣе продолжать службу; принужденный болѣзнію выйдти въ отставку, онъ получилъ отъ командующаго ярославскимъ земскимъ войскомъ, Лихачева, аттестатъ, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ:

„Однако-же слабость здоровья его не позволила продолжать службу и такъ уволенъ былъ впредь до востребованія; но и тутъ, не хотя остаться бездѣйственнымъ и безполезнымъ сыномъ отечества, пожертвовалъ не малою суммою для бѣдной собратіи своей, служившей въ милиціи“.

Всѣ безъ исключенія лица, служившія въ подвижномъ земскомъ войскѣ, получили высочайшія награды—золотыя медали, слѣдующіе чины и право ношенія въ отставкѣ милиціонный мундиръ. Участвовавшіе въ милиціи отъ Ростовскаго уѣзда получили вышеозначенныя золотыя медали при отношеніяхъ главнокомандующаго 1 областію земскаго войска, генерала отъ инфантеріи и кавалера графа Татищева.

II.

Перейдемъ теперь къ 1811 году; то былъ тяжкій годъ для Россіи.

Война съ Турціей еще продолжалась, военныя дѣйствія начинали истощать средства государства, а между тѣмъ горизонтъ омрачался и съ запада чувствовалось приближеніе грозной тучи. Наполеонъ, недовольный политикою Россіи, видимо рѣшился свести съ нею свои старые счеты; нужно было подумать о защитѣ нашихъ предѣловъ. 16-го сентября 1811 года обнародованъ былъ манифестъ, по которому повелѣвалось собрать по 4 рекрута съ каждыхъ 500 душъ.

Получивъ распоряженіе начальства о наборѣ, бывшій въ то время ростовскимъ предводителемъ дворянства, коллежскій асессоръ Павелъ Петровичъ Никифоровъ, немедленно потребовалъ отъ ростовскаго казначейства подробную вѣдомость о числѣ душъ по г. Ростову и его уѣзду. 11-го октября требованіе это казначействомъ было исполнено и тотчасъ же состоялось собраніе дворянъ уѣзда для выбора комиссара по сбору, въ имѣющій быть рекрутскій наборъ (81-й), складочныхъ денегъ. Въ должность эту выбранъ былъ губернскій секретарь Нематовъ; наборъ прошелъ быстро и хорошо, о чемъ можно заключить изъ того, что въ дѣлахъ за этотъ годъ не имѣется ни замѣчаній со стороны начальства, ни выраженій неудовольствій за медленность.

Изъ вѣдомости, послужившей основаніемъ для рекрутскаго набора въ 1811 г. и доставленной ростовскимъ казначействомъ, можно видѣть о количествѣ населенія какъ городовъ Ростова и Петровска, такъ и всего уѣзда въ 1811 году, о количествѣ дворянскихъ имѣній и ихъ владѣльцахъ. Вотъ нѣкоторыя числовыя данныя изъ этого документа, имѣющаго въ глазахъ нашихъ историческое значеніе. Въ 1811 году числилось по Ростовскому уѣзду:

Помѣщичьихъ крестьянъ	26,307	душъ.
Свободныхъ хлѣбопашцевъ по селу Угодичъ съ деревнями	1,096	„
По городу Ростову:		
Мѣщанъ	1,511	„
Купцовъ	483	„
По городу Петровску:		
Мѣщанъ	373	„
Купцовъ	89	„
Дворовыхъ людей по гор. Ростову	83	„
Ростовскаго купца и полотняной фабрики содержателя Андрея Серебренникова	10	„
Крестьянъ экономическихъ	19,198	„
Дворцовыхъ изъ Сокольихъ помытчиковъ обращенныхъ (подлинныя слова вѣдомости)	88	„

Наступилъ грозный и въ то же время славный для Россіи 1812 годъ.

Въ то время генералъ-губернаторомъ трехъ соединенныхъ губерній—Новгородской, Тверской и Ярославской, былъ зять императора Александра I, принцъ Георгій Голстейнъ-Ольденбургскій, супругъ великой княгини Екатерины Павловны; гражданскимъ губернаторомъ Ярославской губерніи—князь Михаилъ Николаевичъ Голицынъ, а вице-губернаторомъ—князь Иванъ Урусовъ.

Въ началѣ января 1812 г. состоялись дворянскіе выборы; эпоха эта настолько замѣчательна, что имена тѣхъ дѣятелей-представителей дворянства, которые съ полнымъ усердіемъ, съ полной энергіей потрудились на пользу Россіи въ этотъ знаменательный годъ, не должны оставаться въ забвеніи; всѣ они наперерывъ

другъ передъ другомъ выказывали достойную похвалы дѣятельность. Вотъ составъ ярославскихъ предводителей въ 1812 году:

Губернскій предводитель—дѣйств. ст. сов. Майковъ, уѣздные: ярославскій—князь Дмитрій Урусовъ, ростовскій — Филатьевъ, угличскій — Мезенцовъ, рыбинскій—Глѣбовъ, мышкинскій—Михайловъ, мологскій — Сеченой, пошехонскій—Окуловъ, любимскій—Канищевъ, даниловскій—Кругликовъ и романовскій—Ярославовъ.

Въ апрѣлѣ ростовскій предводитель Филатьевъ получилъ отъ губернатора, князя Голицына, отношеніе, при которомъ приложена была копія съ высочайшаго указа о пожертвованіяхъ, наиболѣе нужныхъ для военнаго времени, и списокъ съ вѣдомости вещамъ, какія могли быть приняты въ пожертвованіе; при этомъ Голицынъ добавлялъ: „вы не оставите увѣдомлять меня, кто и чѣмъ расположится пожертвовать, для доведенія до свѣдѣнія государя императора“. Въ спискѣ было шесть отдѣловъ по образцамъ: пѣхотнымъ, кирасирскимъ, драгунскимъ, гусарскимъ, уланскимъ и артиллерійскимъ; всего 92 номера. Для примѣра возьмемъ драгунскій отдѣлъ; требовалось:

№ 64. Товаръ на большіе сапоги.
№ 65. Перевязи лядуночныя.
№ 66. Галунъ унтеръ-офицерскій серебряный.
№ 67. Пуговицы оловянныя.
№ 68. Сѣдла съ приборомъ.
№ 69. Потники.

20-го апрѣля Голицынъ прислалъ вторичное отношеніе по поводу тѣхъ же пожертвованій, въ которомъ между прочимъ говорилъ: „по желанію нѣкоторыхъ взнести вмѣсто вещей деньги,—государь императоръ изволилъ изъявить на то свое соизволеніе“, и препроводилъ выписку о цѣнахъ, по какимъ каждая изъ этихъ вещей заготовлялась комисаріатскимъ департаментомъ. Цѣны были поставлены слѣдующія: возьмемъ тотъ же отдѣлъ драгунскій:

Товаръ на большіе сапоги	3 р.	50 коп.
Перевязи лядуночныя	1 „	50 „
Галунъ унтеръ-офицерскій серебряный, аршинъ .	— „	90 „
Пуговицы оловянныя партища	— „	20 „
Сѣдла съ приборомъ	17 „	— „
Потники	4 „	20 „

Далѣе будетъ видѣнъ результатъ всѣхъ обращеній правительства къ дворянамъ, которые, конечно, по чувству любви и долга къ государю и отечеству, отозвались съ полнымъ единодушіемъ и самоотверженіемъ на призывъ монарха; теперь же ограничусь краткимъ перечнемъ тѣхъ мѣропріятій правительства, которыя предшествовали вступленію непріятеля въ Россію. Еще прежде, а именно 6-го марта, ярославскій вице-губернаторъ, князь Иванъ Урусовъ, а за нимъ и губернскій предводитель, Майковъ, писали Филатьеву о возобновленіи

положенія г. министра полиціи, по которому рекрутскія партіи препровождались бы дворянскими чиновниками каждымъ въ своемъ округѣ; обязанность этихъ дворянъ-чиновниковъ должна была состоять въ томъ, чтобы рекрутамъ доставлять продовольствіе, безостановочное взиманіе и доставленіе подводъ, вспомоществованіе въ поимкѣ бѣглыхъ и другія законныя пособія. 5-го апрѣля предводитель извѣстилъ губернатора, что въ эту должность ростовское дворянство избрало помѣщика Максима Григорова. 19 марта Филатьевъ былъ приглашенъ губернскимъ предводителемъ въ дворянское собраніе для составленія вѣдомости о доходахъ владѣльцевъ, о сужденіи о временно-назначенномъ сборѣ податей согласно высочайшаго манифеста отъ 15 февраля 1812 года.

18-го мая губернскій предводитель прислалъ Филатьеву бумагу, приглашая дворянъ въ военную службу; она начиналась такъ: „г. генералъ-маіоръ 7-го округа... внутренней стражи начальникъ, князь Урусовъ относится ко мнѣ, что онъ, имѣя высочайшее повелѣніе государя императора о сформированіи 6 полковъ въ мѣстахъ ввѣреннаго ему округа: въ Костромѣ и Владимірѣ по 2 пѣхотныхъ, а въ Ярославлѣ 2 егерскихъ, по волѣ е. и. в. приглашаетъ отставныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ для занятія въ сихъ полкахъ вакансій, въ каковомъ приглашеніи требуетъ моего содѣйствія“.

Далѣе губернскій предводитель изъясняетъ, что должности эти могутъ занять только лица, извѣстныя въ кругу дворянства по безпорочности, и оканчиваетъ надеждою, что всякій сознаетъ, чтб требуется отъ дворянина-сына отечества въ военное время.

О томъ же писалъ губернаторъ, князь Голицынъ, 30-го мая. Изъ документовъ, имѣющихся въ архивѣ, видно, что 30-го мая состоялось въ Ярославлѣ общее присутствіе изъ губернатора князя Голицына съ губернскимъ и уѣздными предводителями Ярославской губерніи; губернаторъ объявилъ о послѣдовавшемъ къ нему отъ 13-го мая, изъ Вильно, высочайшемъ рескриптѣ, въ которомъ государь писалъ:

„Вѣрноподданное намъ храброе россійское дворянство всегда, въ подобныхъ случаяхъ, ревновало ознаменовать усердіе свое, какъ собственною своею службою, такъ и пособіями, отъ стяжанія его приносимыми“.

Рескриптомъ государь повелѣвалъ сформировать 2 полка въ Ярославлѣ и 1 во Владимірѣ, но рекрутъ для оныхъ поставляютъ, кромѣ губерніи Ярославской, губерніи Нижегородская, Вологодская и Вятская; дворянство всѣхъ этихъ губерній должно было, по волѣ государя, озаботиться обмундированіемъ и снабженіемъ аммуниціей всѣхъ трехъ вышеупомянутыхъ полковъ. Е. в. повелѣвалъ мѣру эту привести въ исполненіе, взносомъ ли потребныхъ вещей, натурою или денежною складкою. Въ присутствіи, 30-го мая, гг. предводители изъявили усерднѣйшую (какъ сказано въ журналѣ того засѣданія) готовность взнести отъ достоянія ярославскаго дворянства такую сумму, которая бы достаточна была на удовлетвореніе всѣмъ потребностямъ цѣлаго Егерскаго полка; они постановили:

„Взносъ, жертвуемый такимъ образомъ на пользу отечества, конечно весь гг. дворяне наполнятъ съ душевнымъ удовольствіемъ отъ своихъ собственныхъ избытковъ, не обременяя поселянъ своихъ налогами; но чтобъ и въ семъ случаѣ сохранено было всевозможное уравненіе, назначается въ общую массу, для одного впрочемъ разсчета, по 60 коп. съ души, каждымъ владѣемой, что составитъ по числу написанныхъ въ 6-й ревизіи -291,896 помѣщичьихъ душъ—175,137 руб. 60 коп.“

Сборъ и пріемъ этихъ денегъ возлагался на уѣздныхъ предводителей и долженъ былъ быть оконченнымъ не далѣе іюля мѣсяца. Далѣе, въ постановленіи говорилось: „впрочемъ излишекъ взноса противъ исчисленія болѣе 10,000 рублей дворянство предоставляетъ на непредвидѣнные расходы полка того“.

Губернаторъ, губернскій и уѣздные предводители въ полномъ составѣ подписали этотъ журналъ. Въ это же засѣданіе предводители сдѣлали еще дополнительное постановленіе, въ которомъ говорится, что хотя имѣется излишекъ болѣе, нежели 10 тысячъ рублей, но по возвышенію цѣнъ или по другимъ обстоятельствамъ можетъ не достать на удовлетвореніе цѣлаго полка, то на этотъ случай „собрать нынѣ же отъ избытковъ гг. дворянъ еще по 10 к. съ души, а всего 29,189 руб. 60 коп.“

Ростовскій предводитель, Филатьевъ, немедленно извѣстилъ дворянъ о количествѣ причитающейся съ нихъ суммы и дворянство спѣшило дѣлать взносы, такъ что уже въ первой половинѣ іюня мѣсяца 1812 г. Филатьевъ могъ увѣдомить князя Голицына, что весь сборъ денегъ въ теченіи восьми дней сдѣланъ, кромѣ нѣсколькихъ сотъ рублей и то съ самыхъ бѣдныхъ мелкопомѣстныхъ. Въ своемъ донесеніи онъ говоритъ: „вся сумма собрана, составляющая 19,349 рублей 20 коп. Изъ чего видна готовность гг. ростовскихъ дворянъ въ выполненіи своихъ обязанностей“. На это увѣдомленіе князь Голицынъ ему отвѣчалъ 17-го іюня:

„Вы первый изъ гг. дворянскихъ предводителей увѣдомили меня, что почтенное дворянство вашего округа въ продолженіи осьми дней взнесло сумму, на обмундированіе Егерскаго полка посвященную“.

„Гг. дворяне, ознаменовавшіе при настоящемъ случаѣ готовность свою къ отечественнымъ пользамъ, и вы, особенно, найдете въ собственныхъ чувствованіяхъ совершенное удовольствіе“.

„Мнѣ остается только сказать в-му в-дію, что въ полной мѣрѣ оправдали вы увѣренность начальства объ отличномъ усердіи вашемъ“.

И такъ честь первымъ отозваться на зовъ державнаго вождя русскаго народа принадлежитъ всецѣло, въ этомъ случаѣ, ростовскому дворянству и его достойному представителю—Владиміру Ивановичу Филатьеву.

20-го іюля 1812 г. Филатьевъ вызванъ былъ губернаторомъ въ Ярославль, который, руководствуясь указомъ правительствующаго сената, отъ 15-го марта 1809 года, возложилъ на него исправленіе, по случаю болѣзни Майкова,

должности губернскаго предводителя; исправленіе должности уѣзднаго предводителя въ Ростовѣ перешло на время къ ростовскому уѣздному судьѣ, поручику Ильѣ Никитичу Меньшому-Горяйнову. Не смотря однако на свое отсутствіе, Филатьевъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, что происходитъ въ его коренномъ уѣздѣ; Горяйновъ съ нимъ постоянно совѣтовался, переписывался и дѣйствовалъ по его указаніямъ. Читая документы того времени, невольно удивляешься неусыпной дѣятельности Филатьева, его умѣнью дѣйствовать въ данный моментъ, невольно удивляешься его авторитету и обаянію, которые онъ имѣлъ не только на дворянъ Ростовскаго уѣзда, но и на жителей-гражданъ г. Ростова; всѣ они прислушивались къ его голосу, къ его слову; всѣ лица отъ властей до простаго селянина исполняли безпрекословно его распоряженія, зная впередъ, что они основаны на законѣ и что ихъ отдаетъ человѣкъ чести и добра. Удивляешься, видя, что въ столь трудное, лихорадочно-дѣятельное время, каковъ былъ 1812 годъ, всѣ черновики бумагъ, распоряженій, писемъ къ дворянамъ, всѣ составлены рукою Филатьева и, читая ихъ, вы убѣждаетесь, что Владиміръ Ивановичъ былъ человѣкъ высокой чести, какъ представитель своего сословія, доблестный какъ рыцарь, правдивый какъ законъ, великодушный и добродушный ко всѣмъ подчиненнымъ.

Ростовскому дворянству должно помянуть добрымъ словомъ своего представителя въ 1812 году — Владиміра Ивановича Филатьева. Оно можетъ имъ гордиться.

Для Россіи наступило тяжкое время... Непріятель вступилъ въ ея предѣлы. Въ іюлѣ мѣсяцѣ главнокомандующій Москвы, графъ Ростопчинъ, извѣстилъ кн. Голицына, (письмо его къ князю отъ 21-го іюня), что надзору его, Ростопчина, по высочайшему повелѣнію препоручено составленіе и образованіе военной силы Ярославской губерніи и что, въ силу этого, онъ поручаетъ губернатору, „ни мало не медля“, собрать дворянство, избрать начальника ополченія и сдѣлать по сему всѣ нужныя распоряженія, а также впредь по этому поводу сноситься непосредственно съ нимъ, Ростопчинымъ, добавляя, „не теряя изъ виду, что скорость всего нужнѣе по сему важному дѣлу“. Но уже 14-го іюля исправляющій должность ростовскаго предводителя, И. Н. Горяйновъ-Меньшій, получилъ отъ кн. Голицына предложеніе прибыть немедленно въ Ярославль со всѣми дворянами, „не исключая ни единаго“, на собраніе, имѣемое быть открытымъ лично его императорскимъ высочествомъ генералъ-губернаторомъ по высочайшему повелѣнію государя.

На собраніи, по выслушаніи манифеста отъ 18-го іюля, изъ Москвы, о созывѣ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ополченія (въ число ихъ была включена и Ярославская), въ другихъ-же, какъ сказано въ манифестѣ: „приготовиться“ разчислить и назначить людей, но до „повелѣнія не собирать ихъ и не отрывать отъ сельскихъ работъ“, немедленно былъ составленъ комитетъ по образованію ярославской военной силы. Въ начальники ярославской военной силы былъ

избранъ дворянствомъ генералъ-маіоръ Дедюлинъ, а полковыми командирами полковники: Поливановъ, Михайловъ, Селифонтовъ и подполковники: князь Ухтомскій и Куломзинъ. Первое свое собраніе комитетъ имѣлъ 28-го іюля 1812 года въ составѣ губернатора князя Голицына (какъ предсѣдателя) и членовъ—генерала Дедюлина, губернскаго предводителя—Майкова, управляющаго канцеляріей—принца Георгія Голстейнъ-Ольденбургскаго, статскаго совѣтника Гинца и уѣздныхъ предводителей всей губерніи. Въ первое же засѣданіе были разработаны XIII вопросовъ: I) о собственной своей власти; II) о составленіи ярославской военной силы; III) о жалованьи; IV) о наградахъ и пенсіяхъ; V) о деньщикахъ; VI) объ обозахъ; VII) объ опредѣленіи и комплектованіи штабъ и оберъ-офицерами ярославской военной силы; VIII) объ урядникахъ; IX) о чинахъ штабъ и оберъ-офицерскихъ и объ образѣ пріема въ службу офицеровъ; X) объ образѣ пріема людей по уѣзднымъ городамъ и о времени своза ихъ въ г. Ярославль; XI) объ оружіи; XII) о командующемъ генералѣ и XIII) о производствѣ. Второе засѣданіе комитета происходило 31-го іюля.

Не безполезно было бы, хотя вкратцѣ, изложить журналы засѣданій комитета; всякій могъ бы убѣдиться, съ какимъ рвеніемъ и усердіемъ занимались лица, участвовавшія въ немъ; насколько они тщательно разработывали всѣ вопросы, насколько не ускользала отъ вниманія ихъ ни малѣйшая случайность; но, къ сожалѣнію нашему, мы сдѣлать этого не можемъ, такъ какъ тѣсныя рамки настоящаго очерка не позволяютъ намъ вдаваться въ эти подробности.

На дворянскомъ собраніи 22-го іюля было выслушано предложеніе губернатора, князя Голицына, въ которомъ онъ сообщалъ дворянству, что вслѣдствіе положенія комитета гг. министровъ наряжаются по С.-Петербургскому тракту на 6 станцій по 1,000 лошадей на каждую, для перевозки воинскихъ снарядовъ, съ уѣздовъ: Ярославскаго, Рыбинскаго, Романовскаго, Мологскаго, Мышкинскаго и Пошехонскаго. Далѣе онъ говоритъ, что при настоящихъ полевыхъ работахъ находитъ эту повинность затруднительною для однихъ вышеозначенныхъ уѣздовъ, а потому находилъ бы справедливымъ привлечь и уѣзды: Ростовскій, Угличскій, Даниловскій и Любимскій.

Дворяне, соглашаясь съ мнѣніемъ князя Голицына, постановили:

„На содержаніе тройки лошадей съ человѣкомъ назначить пять рублей въ сутки, а на двѣ тысячи троекъ и съ людьми также, со всею упряжкою, десять тысячъ рублей".

24-го іюля губернаторъ, князь Голицынъ, обратился къ дворянству съ слѣдующимъ предложеніемъ; выписываемъ его цѣликомъ:

„Почтенному собранію благородныхъ дворянъ Ярославской губерніи предложеніе: Непріятель устремляется разрушить благоденствіе Россіи; всемилости-

вѣйшій государь нашъ призываетъ на защиту вѣрныхъ сыновъ ея. Вотъ причина, собравшая васъ воедино.

„Священною обязанностію почтеннаго сословія есть: опредѣлить число людей, способныхъ для поднятія оружія, положить, по мѣрѣ, одѣянія ихъ, вооруженіе и заготовленіе провіанта; избрать изъ среды себя начальника всего ополченія и командировъ полковъ, соразмѣряя назначенію воиновъ.

„Благородные дворяне! истина, во всѣ времена васъ руководствующая, должна истребить всѣ личныя предубѣжденія. Да облекутся довѣренностію вашею мужи испытанной ревности къ общему благу.

„Могущественные предки наши стремились на пораженіе враговъ съ духомъ единодушія. Да управляетъ оно пламенною готовностію вашею.

„Какъ членъ Ярославскаго дворянства и какъ начальникъ губерніи, я по чувствамъ сердца моего и по знаменитымъ опытамъ увѣренъ, что никто изъ васъ не пощадитъ самой жизни для спасенія престола-отечества,—чести націи!

„Да будетъ каждый дворянинъ—усердіемъ и дѣлами—Пожарскій. Князь Михаилъ Голицынъ“.

Намъ кажется, и не безъ основанія, что это есть текстъ рѣчи, которую начальникъ губерніи произнесъ при открытіи собранія,—такъ какъ избраніе начальника ярославской военной силы и другихъ лицъ предшествовало 24-му іюлю, дню, въ который помѣчена бумага, нами приведенная. 2-го августа за № 4538 губернаторъ предложилъ исправляющему должность ростовскаго предводителя, Горяйнову, приступить къ пріему людей въ военную силу изъ числа помѣщичьихъ душъ, совмѣстно съ бывшимъ тогда полиціймейстеромъ г. Ростова, надворнымъ совѣтникомъ Симановскимъ. 5-го августа въ Ростовѣ начался пріемъ, шедшій чрезвычайно удачно и окончившійся 3-го сентября. 15-го августа получена была выписка изъ журнала комитета ярославской военной силы, засѣданія 13-го августа, изъ которой видно, что вслѣдствіе предписанія его императорскаго высочества генералъ-губернатора, комитетъ постановилъ, чтобы всѣ люди, принимаемые въ стрѣлки и пѣшіе казаки ярославской военной силы, кромѣ ружей и пикъ, вооружены были и обыкновенными крестьянскими топорами.

Изъ всего до сихъ поръ сказаннаго видно, что дѣло народной обороны шло успѣшно, съ должной быстротой, что обставлено было хорошо и умѣло, и что всѣ воодушевлены были одною мыслію—оправдать надежды государя; пожертвованія доставлялись со всѣхъ сторонъ деньгами, вещами, чѣмъ кто могъ; жертвовали всѣ сословія; такъ, напримѣръ, изъ документовъ видно, что духовное начальство пожертвовало съ 24-го августа по 2-е сентября 6,200 рублей ассигнац.; со 2-го по 5-е сентября—3,100 руб.; съ 5-го по 10-е сентября—6,340 руб.; 11-го сентября—1,000 руб. и новины 3,000 аршинъ.

Ростовскій Яковлевскій монастырь пожертвовалъ 390 руб., серебра въ вещахъ и мелоч. 1 пудъ 4 ф. 66 золотн.; выжиги 3 ф. $21^{1}/_{2}$ золотн.; золота

1 ф. 37½ золотн.; мышкинское городское общество — 3,152 руб. 53 коп.; даниловское городское общество — 9,045 руб.; генералъ-маіоръ Лихачевъ— 100 кулей ржаной муки; графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ—200 кулей ржаной муки и 300 кулей овса; надворный совѣтникъ Рудаковъ—50 кулей овса; рыбинскій предводитель Глѣбовъ—200 кулей ржаной муки; корнетъ князь Николай Ухтомскій—50 кулей овса; мышкинскій предводитель Михайловъ—100 кулей ржаной муки и такъ далѣе, но всѣхъ пожертвованій не перечтешь. Перечень этихъ предметовъ, пожертвованныхъ на общее великое дѣло, мы приводимъ изъ журнала одного только изъ засѣданій комитета ярославской военной силы. За всѣ пожертвованія дворянство осчастливлено было выраженіемъ особеннаго монаршаго благоволенія черезъ принца Георгія Голстейнскаго (докл. подписанъ принцемъ въ Ярославлѣ 8-го сентября 1812 г. на имя губернскаго предводителя). Не можемъ при этомъ не упомянуть еще о слѣдующемъ отрадномъ фактѣ: въ Ростовскомъ уѣздѣ находится значительное имѣніе графа Шереметева; владѣлецъ, графъ Дмитрій Николаевичъ Шереметевъ, въ описываемую нами эпоху, былъ малолѣтній и находился подъ опекою; опекуны его обратились съ письмомъ къ губернатору князю Голицыну, который оное переслалъ къ губернскому предводителю Майкову, а сей послѣдній къ ростовскому предводителю. Въ письмѣ своемъ гг. опекуны заявляли, „хотя они, будучи опекунами только надъ имѣніемъ малолѣтняго графа Шереметева, а не владѣльцами, не властны распоряжаться его собственностію по своей волѣ, такъ какъ и самъ онъ не можетъ употреблять ее по причинѣ своего несовершеннолѣтія, но поелику обстоятельство сіе не долженствуетъ содѣлать его чуждымъ вѣрноподданническаго и патріотическаго участія во всѣхъ тѣхъ пожертвованіяхъ, къ которымъ нынѣ призывается дворянство", и просили князя Голицына „на все время войны, не дѣлая съ ними впредь уже никакихъ предварительныхъ сношеній, чтобы при назначеніи отъ лица дворянства корпуса на основаніи высочайшихъ соизволеній, какихъ-либо добровольныхъ приношеній для государственной службы и обороны, питомецъ нашъ, малолѣтній графъ Шереметевъ, всегда поставляемъ былъ на чредѣ съ другими дворянами губерніи".

Мысль, руководившая гг. опекуновъ въ этомъ случаѣ, достойна похвалы: они поняли, что юношѣ—потомку фельдмаршала Шереметьева—друга и сподвижника Великаго Петра, не подобало оставаться какъ бы въ сторонѣ отъ дворянства, а слѣдовало идти рука объ руку съ нимъ въ славномъ дѣлѣ освобожденія отечества. Письмо подписано двумя лицами: Иваномъ Алексѣевымъ и Иваномъ Ананьевскимъ.

Событія шли быстро одно за другимъ. Не успѣло еще дойти во всѣхъ подробностяхъ извѣстіе о сраженіи 26-го августа при Бородинѣ, какъ вся Россія была поражена великою скорбію, узнавъ о вступленіи непріятеля въ древнюю столицу 3-го сентября; уныніе овладѣвало сердцами; невольно паника распространилась въ народѣ; врагъ былъ въ сердцѣ Россіи, отряды войскъ его

двигались къ Дмитрову, къ Троицкой лаврѣ, могли угрожать Ростову и Ярославлю,—жители коихъ начинали уже думать о спасеніи себя и своихъ семействъ. Это мнѣніе подтверждается отношеніемъ губ. предв. къ ростовскому предвод., отъ 11-го сентября № 387, съ приложеніемъ слѣдующей копіи: „отъ генералъ-губернатора новгородскаго, тверскаго и ярославскаго, къ жителямъ г. Ярославля. Первѣйшій предметъ моихъ желаній въ настоящихъ обстоятельствахъ былъ доказать всѣмъ и каждому ввѣренной мнѣ государемъ императоромъ Ярославской губерніи мою приверженность къ престолу и попеченіе къ охраненію безопасности каждаго.

„Все мое вниманіе до сей поры обращено было на обезпеченіе ярославскихъ жителей и успокоеніе оныхъ. Всѣ мѣры къ достиженію сей цѣли были приняты, частныя извѣщенія отъ командующаго корпусомъ войскъ, прикрывающимъ ярославскую дорогу, генералъ-маіора Винцингероде, не оставляли ни на минуту сомнѣваться, что здѣшній городъ находится въ безопасности. Другія частныя извѣстія и до сей поры въ ономъ совершенно удостовѣряютъ.

„Со всѣмъ тѣмъ вторые сутки не имѣю я никакого оффиціальнаго свѣдѣнія отъ вышеозначеннаго корпуса, а потому рѣшился удалить дѣтей моихъ отсюда на нѣкоторое время отнюдь не изъ опасенія непріятеля, но дабы въ случаѣ какого либо несчастія не затруднить жителей здѣшнихъ въ выѣздѣ отсюда.

„Между тѣмъ я отправилъ нарочнаго къ корпусу для узнанія подробно о происходящемъ тамъ, и какія получу извѣстія, не премину сообщить оныя ярославскимъ жителямъ.

„Ея императорское высочество великая княжна Екатерина Павловна, супруга моя и я остаемся здѣсь; я же даю слово свое, что до тѣхъ поръ не оставлю высочайше ввѣренный мнѣ Ярославль, какъ при самой крайности.

„Мнѣ тѣмъ пріятнѣе дать сіе обѣщаніе, что оно основано на приверженности моей къ государю императору и согласуется совершенно съ чувствами привязанности, кои всегда имѣлъ и буду имѣть къ здѣшнимъ жителямъ. Генералъ-губернаторъ принцъ Георгій Голстейнскій“.

„Ярославль, 10 сентября 1812 г.“

Успокоивъ такимъ образомъ жителей, принцъ рѣшился принять энергичныя мѣры, вынуждавшіяся обстоятельствами; въ архивѣ дѣлъ ростовскаго предводителя имѣется подлинное предписаніе принца изъ Ярославля отъ 10-го же сентября къ ростовскому предводителю Филатьеву:

„Господину ростовскому уѣздному предводителю дворянства!

„Къ свѣдѣнію моему дошло, что слухи о настоящихъ военныхъ обстоятельствахъ, большею частью весьма неосновательно разсѣеваемыя, производятъ по здѣшней губерніи въ дворянствѣ, а наиболѣе въ народѣ, нѣкоторый страхъ и самое даже смятеніе. Помѣщики оставляютъ свои деревни, и забирая имущество, уѣзжаютъ въ дальніе уѣзды и губерніи; народъ же, оставивъ свой-

ственныя имъ домашнія и полевыя занятія, и предавшись совершенной праздности, единственно толкуетъ по своему о слѣдствіяхъ войны; словомъ, всѣхъ сословій люди болѣе нежели гражданами и поселянами какъ бы сдѣлались политиками, смотрящими на всѣ военныя дѣйствія глазами испуга и отчаянія.

„Таковое расположеніе умовъ можетъ имѣть послѣдствія самыя бѣдственныя, если не дать оному надлежащаго направленія; а потому я нахожу необходимостью, не только къ предупрежденію всякой непріятности, но и къ возстановленію и удержанію общаго спокойствія, сдѣлать слѣдующія распоряженія:

„1) Подвѣдомственному вамъ уѣзду надлежитъ усилить городскую и земскую полицію числомъ чиновниковъ и нижнихъ чиновъ по вашему усмотрѣнію. Сихъ чиновниковъ вы можете назначить изъ дворянъ служащихъ и неслужащихъ, кого признаете для сего случая способнымъ и надежнымъ.

„2) Предметъ усиленію полиціи состоитъ въ томъ, чтобъ ввести каждаго жителя въ предѣлы его состоянія, наблюдая, чтобы каждый занимался свойственнымъ ему упражненіемъ, отнюдь не разсуждая о военныхъ обстоятельствахъ; ибо всѣ должны имѣть полную довѣренность къ заботливости правительства объ обезопасеніи государства.

„3) Полиціи сіи, какъ въ городѣ такъ и въ уѣздѣ, должны состоять въ непосредственной вашей зависимости; и всѣ ваши распоряженія исполнять неукоснительно во всей точности; о чемъ вмѣстѣ съ симъ отъ меня имъ предписано.

„4) Вашему благоразумію, усердію къ службѣ и извѣстной опытности, предоставляется въ семъ важномъ случаѣ изыскивать и употреблять всѣ тѣ мѣры, которыя только могутъ служить къ общему успокоенію умовъ и удержанію общей тишины и порядка.

„При томъ нужнымъ нахожу поставить вамъ на видъ, что внутреннихъ вооруженій поселянъ надлежитъ совершенно избѣгать; ибо оныя могутъ имѣть послѣдствія самыя пагубныя; но вездѣ, гдѣ вы найдете полезнымъ, особливо же въ ночное время, должно учредить караулы, коихъ обязанность будетъ охранять селенія отъ пожара, всякаго рода безпорядковъ и для задержанія неизвѣстныхъ и шатающихся людей, коихъ, не дѣлая имъ никакихъ личныхъ истязаній, представлять къ вамъ, вы же станете препровождать ихъ куда по приличности будетъ слѣдовать.

„Заключаю тѣмъ: что отъ вашей распорядительности и бдительности должно зависѣть спокойствіе Ростовскаго уѣзда; желаемый успѣхъ въ томъ отнесется къ вашей чести и не останется безъ особеннаго вниманія начальства. Напротивъ, малѣйшій безпорядокъ и малѣйшее со стороны вашей упущеніе, или принятіе мѣръ ненадежныхъ, или не въ надлежащее время, подвергнетъ васъ строгому отвѣту. Генералъ-губернаторъ принцъ Георгій Голстинскій".

„Въ Ярославлѣ. 10 сентября 1812 г.".

Изъ этого документа видно какими обширными полномочіями былъ облеченъ Влад. Иванов. Филатьевъ съ этого момента; онъ сталъ, можно сказать безъ преувеличенія, главою уѣзда и немедленно принялся за возложенныя на него обязанности; задача его была трудная; уѣздъ уже начиналъ волноваться, какъ ближайшій по пути слѣдованія непріятеля отъ Москвы къ Ярославлю; умѣлою и твердою рукою взялся Филатьевъ за дѣло; хотя баричъ по рожденію, воспитанію и службѣ въ Петербургѣ, богатый по состоянію, онъ не щадилъ себя и, проявляя изумительную дѣятельность, требовалъ и отъ окружающихъ его уѣздныхъ властей и чиновниковъ добросовѣстное и безусловное исполненіе своихъ распоряженій. Въ управленіи городомъ и уѣздомъ,—мы повторяемъ то, что уже сказали о немъ выше,—онъ проявилъ себя способнымъ администраторомъ; все безусловно зависѣло отъ него и лежало на его отвѣтственности; почти ежедневно черезъ Ростовъ проходили военныя команды; къ арміи—свѣжія и вновь сформированныя войска, обратно — плѣнные, раненые и больные; нужно было озаботиться для всѣхъ помѣщеніемъ, провіантомъ, фуражемъ, подводами для дальнѣйшей отправки; все это должно было дѣлаться, такъ сказать, моментально и все дѣлалось какъ по мановенію волшебнаго жезла; въ дѣлахъ нѣтъ ни малѣйшаго замѣчанія Филатьеву, ни упрека въ медленности, никакой переписки, изъ которой можно-бы было заключить, что начальство остается въ чемъ нибудь недовольнымъ его дѣйствіями; жалобъ никакихъ не имѣется на него, а между тѣмъ и городская дума, и городской голова, и уѣздный и земскій суды, и полицціймейстеръ города Ростова—всѣ подчинены были Филатьеву; замѣчается это изъ переписки, такъ какъ съ момента полученія вышепрописанной бумаги генералъ-губернатора отъ 10-го сентября всѣ мѣста и лица относились къ предводителю „рапортами", а онъ къ нимъ „ордерами" и „предписаніями". Но за то въ перепискѣ видно чуть не ежедневно выраженная благодарность Филатьеву отъ высшаго начальства и отъ всѣхъ лицъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣла и столкновенія, за его правильный взглядъ на дѣло и умѣлыя распоряженія; 18-го сентября онъ рапортомъ проситъ его императорское высочество генералъ-губернатора, „для устроенія по Ростовской округѣ надлежащаго порядка и тишины", опредѣлить къ нему коллежскаго ассесора Дмитрія Лупандина". Его высочество на это соизволилъ, о чемъ и увѣдомилъ Филатьева, добавляя, что онъ предписалъ командующему ярославскою военною силою, генералу Дедюлину, изъ полка подполковника Куломзина командировать Лупандина въ Ростовъ.

Для уясненія, насколько сложны были обязанности, возложенныя на Филатьева, какъ на предводителя дворянства и чрезвычайнаго коммисара отъ правительства, какія ему нужно было дѣлать точныя и скорыя распоряженія, съ какими иногда мелочами обращались къ нему въ такое тяжкое и смутное время, съ какими жалобами,—я считаю нужнымъ помѣстить здѣсь нѣсколько документовъ, имѣющихся въ архивахъ, и тогда память о дѣятельности Владиміра Ивановича возстановится въ должномъ свѣтѣ и честь, имъ заслуженная,

падая на него, конечно, ложится и на дворянство, избравшее такого представителя.

Вотъ эти документы:

а) Отношеніе начальника внутренней стражи генералъ маіора Гладкова отъ 14-го сентября 1812 г., № 259.

„М. г. Владиміръ Ивановичъ! По высочайшему назначенію къ основанію формируемыхъ подъ командою моею 3-хъ пѣхотныхъ полковъ 9-го, 10-го и 11-го, по случаю полученнаго о выступленіи оныхъ изъ прежнихъ квартиръ въ новое назначеніе ожидать должно на сихъ дняхъ сюда изъ С.-Петербурга морскихъ полковъ 1500 человѣкъ съ 3-мя штабъ-офицерами и по числу нижнихъ чиновъ съ оберъ-офицерами и прочими чиновниками, изъ коихъ 500 могутъ быть расположенными въ Петровскѣ, а 1000 человѣкъ, доколѣ я не получу отъ начальства предписанія куда онымъ приказано будетъ слѣдовать, по прибытіи останутся въ г. Ростовѣ, я о семъ увѣдомляю ваше высокоблагородіе для взятія заблаговременно мѣръ къ продовольствію оныхъ, а притомъ благоволите для 1000 человѣкъ приказать здѣсь въ городѣ къ одному мѣсту пріуготовить квартиры и изъ оныхъ земскаго ополченія воиновъ вывести въ другія мѣста или ближайшія селенія. Съ почтеніемъ быть честь имѣю“ и проч.

б) Отъ Гладкова къ Филатьеву сентября 16-го 1812 г., № 269.

„М. г. Владиміръ Ивановичъ! Завтрашняго числа вступитъ сюда слѣдующій изъ Ярославля 9-й пѣхотный полкъ, состоящій изъ 3,500 человѣкъ, которые будутъ имѣть здѣсь ночлегъ. Посему прошу ваше высокоблагородіе приказать для штабъ и оберъ-офицеровъ назначить квартиры, а нижнимъ чинамъ на постоялыхъ домахъ“ и проч.

в) Отъ Гладкова, сентября 17-го, № 271 (жалоба на исправника).

„М. г. Владиміръ Ивановичъ! Командированный отъ 9-го пѣхотнаго полка, слѣдующаго въ Ростовъ, за казначея, прапорщикъ Назарьевъ для принятія отъ здѣшняго земскаго исправника потребныхъ для своза, принадлежащихъ тому полку, пороха, свинца и барабановъ, обывательскихъ подводъ, донесъ мнѣ, что онъ является къ г. исправнику другой уже день съ требованіемъ о скорѣйшемъ доставленіи сюда тѣхъ подводъ, но г. исправникъ въ мѣсто удовлетворенія въ этомъ сему офицеру сказалъ, что у него подводы не въ бумажникѣ, а какъ вамъ извѣстно, что въ бумажникѣ носятъ только деньги, а особливо съ крестьянъ собираемыя, то прошу ваше высокоблагородіе предписать здѣшнему г. исправнику, дабы онъ таковыми нелѣпыми отзывами не затруднялъ слѣдованію 9-го пѣхотнаго полка, который, по предписанію его свѣтлости господина главнокомандующаго всѣми арміями, долженъ прибыть въ назначенное ему мѣсто наискорѣе, но предписалъ бы сего числа требуемое число подводъ изготовить“ и проч.

Такихъ отношеній отъ генералъ-маіора Гладкова цѣлая кипа, по нѣскольку въ день, съ самыми разнообразными требованіями о провіантѣ, о фуражѣ, объ

устройствѣ гауптвахтъ, о сошкахъ для ружей, о вывозкѣ пороху изъ города въ надлежащее мѣсто, о томъ, что полицiймейстеръ не встрѣтилъ полкъ при вступленiи его въ Ростовъ и проч. и проч. Все было удовлетворено безъ замедленiя.

г) Прошенiе и жалобы обывателей г. Ростова предводителю Филатьеву.

„Извѣстно уже вашему высокоблагородiю, что, расположенные въ Ростовѣ на квартирахъ регулярнаго воинства, нижнiе чины слишкомъ мѣсяцъ продовольствуются пищею отъ обывателей, находясь еще при томъ размѣщенными на квартирахъ и въ большомъ количествѣ, отчего многiя семейства приходятъ по бѣдности ихъ въ совершенное изнеможенiе; бывъ вынуждены сею крайностiю ваше высокоблагородiе всепокорнѣйше просимъ объ удовлетворенiи насъ за прошедшее время провiантомъ или порцiонными деньгами, а на настоящее и будущее время о выдачѣ нижнимъ чинамъ провiанта сдѣлать кому слѣдуетъ отношенiе. Октября дня 1812 г.“. Слѣдуютъ 60 подписей.

д) Прошенiе предводителю Филатьеву, Ростовской округи, вотчины полковницы Иконниковой, сельца Малыгина, крестьянъ Ѳедора Ѳедорова и Афанасья Алексѣева.

„Прiѣхали мы имянованные въ здѣшнiй городъ для печенья и торгу сайками; но здѣшнiй городской голова купецъ Мясниковъ до онаго насъ не допускаетъ—безъ того, чтобъ мы взяли на себя довольствiе имѣвшiеся въ здѣшнемъ городѣ воинскiе лазареты на свой счетъ: а какъ по малому нашему производству въ торгу мы сей обязанности принять на себя не въ состоянiи, а по возможности дать въ думу акцизъ согласны, почему и просимъ ваше высокоблагородiе, чтобъ кому слѣдуетъ изволили приказать допустить насъ до вышеписаннаго торгоборства съ платежомъ въ думу, по возможности нашей, акциза. Октября 11 дня 1812 г.“.

Вотъ черновыя бумаги, отправленной Филатьевымъ по этому поводу; она писана его рукою:

„Въ ростовскую городскую думу“.

Въ началѣ изложивъ сущность прошенiя крестьянъ Ѳедора Ѳедорова и Афанасья Алексѣева, предводитель продолжаетъ такъ:

„Сообщая о сей ихъ просьбѣ думѣ, почитаю нужнымъ дополнить, точно ли они просили о семъ и имъ такъ отказано и на какомъ законѣ или положенiи дума основывается въ недопущенiи таковыхъ торговцевъ, тогда когда продовольствiе города съѣстными припасами не только стѣсняемо, но и ободряемо должно быть, и по какому праву накладывается на нихъ подать или акцизъ?

„Извѣщая о семъ оную думу, также за нужное (считаю) сообщить оное здѣшнему уѣздному стряпчему яко блюстителю законовъ“.

е) Отвѣтъ на бумагу предводителя Филатьева отъ подполковника Стаматьева (10-го пѣхотнаго полка). (Хотя въ подлинной бумагѣ и выписана полностiю фамилiя, но мы, во избѣжанiе неудовольствiя отъ могущихъ быть его дѣтей, внуковъ или родственниковъ, оную опускаемъ).

„По увѣдомленію меня отъ вашего высокоблагородія сего мѣсяца 14 числа, что ввѣренной мнѣ части 10-го пѣхотнаго полка капитанъ Соловьевъ сего жъ мѣсяца 13 числа здѣшнему купцу М. дергалъ бороду, за то будто-бы не кормятъ хорошо солдатъ, у него квартирующихъ; посему и отдано было ему отъ меня сего мѣсяца 14 числа приказомъ, но онъ рапортомъ мнѣ донесъ, что въ томъ свидѣтельствуетъ подпоручикъ Соловьевъ, фельдфебель, каптенармусъ, дежурный унтеръ-офицеръ и 12 человѣкъ рядовыхъ и которые стоящіе у означеннаго купца на квартирѣ, что онъ даже и близко къ нему не подходилъ, а только выговаривалъ ему, зачѣмъ онъ уѣзжаетъ въ гости съ утра и пробываетъ до вечера, а пищи для людей не оставляетъ, а больше онъ ему ничего не причинилъ и за бороду его не дергалъ, то и даю вамъ знать, что означенный купецъ М. дѣйствительно облыжно вамъ донесъ, почему и прошу я васъ" и проч.

Далѣе мы видимъ, что даже ростовскій уѣздный стряпчій, Марковъ, представляетъ Филатьеву на разсмотрѣніе и разрѣшеніе дѣло о вооруженномъ (топорами) буйствѣ мѣщанина Пряхина съ сыновьями. Мнѣ кажется, мы достигли своей цѣли, доказавъ насколько сложно было дѣло, коимъ Филатьевъ руководилъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ губернскій предводитель прислалъ Филатьеву предложеніе его императорскаго высочества генералъ-губернатора о томъ, не согласятся ли дворяне, имѣющіе у себя оружіе—пушки, ружья и пистолеты, снабдить онымъ на время настоящей надобности.

9-го ноября Филатьевъ получилъ отъ князя Голицына отношеніе отъ 2-го ноября № 7280 слѣдующаго содержанія:

„Я сообщилъ г. генералъ-маіору Гладкову, дабы удержалъ нижнихъ чиновъ отъ безпорядковъ въ Ростовѣ. Мнѣ пріятно видѣть заботливость вашего высокоблагородія къ сохраненію спокойствія ростовскихъ жителей".

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ развилась въ Ростовѣ эпидемическая болѣзнь—горячка. Передъ нашими глазами лежатъ донесенія Филатьеву объ этомъ штабъ-лекаря и полиціи. Филатьевъ принялъ всѣ нужныя мѣры и болѣзнь была прервана.

Между тѣмъ необходимо было подумать о тѣхъ несчастныхъ, которые раззорились при нашествіи непріятеля, и подать имъ руку помощи; нужно было подумать о раненыхъ и больныхъ воинахъ, и вотъ съ этою цѣлію учреждается въ Ярославлѣ для первыхъ—коммисія о пособіи раззореннымъ, а для вторыхъ—госпиталь; для этого послѣдняго назначенъ домъ призрѣнія ближняго, бывшія присутственныя мѣста. Коммисія о пособіи раззореннымъ при нашествіи непріятеля, открывъ свои дѣйствія, обратилась къ жителямъ Ярославской губерніи съ слѣдующимъ воззваніемъ:

„Общій врагъ, поражаемый нашими арміями, ознаменовалъ злодѣйство надъ стѣнами городовъ и селеній, чрезъ которые проходилъ онъ. Обитатели мѣстъ опустошенныхъ удалились въ нѣдра Россіи; вѣчная преданность къ престолу сильнѣе всѣхъ предубѣжденій въ сердцѣ народа русскаго! Среди соотечествен-

никовъ надѣются они облегчить бремя, на нихъ отяготившее, и мы ли не оправдаемъ упованія ихъ? Мы ли откажемся раздѣлить бѣдствія, ими понесенныя? нѣтъ! Соединимъ усилія ко всѣмъ возможнымъ пособіямъ; примемъ живѣйшее участіе въ горестномъ положеніи скитающихся; дадимъ покровъ слабымъ, доставимъ способы затрудняющимся въ пропитаніи! Рука дающаго не оскудѣетъ!"

Далѣе слѣдуютъ указанія, куда вносить пожертвованія. Воззваніе подписали князь Михаилъ Голицынъ, князь Иванъ Урусовъ и губернскій предводитель Майковъ. Въ то же время губернаторъ и губернскій предводитель отнеслись отдѣльно, какъ о пособіи раззореннымъ, такъ и о госпиталѣ для воиновъ, къ Филатьеву, выражая надежду, что и въ этомъ случаѣ дворянство, какъ и всегда, явитъ ту готовность къ благотворительности, каковою оно во всякое время отличалось. Доказательствомъ, что взывали къ ростовскому дворянству не вотще, служатъ тѣ многіе подписные листы, сохранившіеся въ архивѣ и покрытые подписями всѣхъ проживавшихъ въ то время въ Ростовѣ и уѣздѣ дворянъ; во главѣ листовъ вездѣ красуется имя предводителя Филатьева и не менѣе пятидесяти рублей. Мнѣ остается упомянуть еще объ одномъ крупномъ пожертвованіи со стороны ростовскаго дворянства въ эту же годину: это пожертвованіе при составленіи для арміи подвижнаго магазейна вслѣдствіе распоряженія князя Голенищева-Кутузова. На реестрахъ, въ которыхъ значится, сколько приходится этого пожертвованія съ каждаго дворянина Ростовскаго уѣзда, читаемъ слѣдующіе заголовки:

„Вѣдомость, учиненная ростовскимъ предводителемъ дворянства: за что съ кого слѣдуетъ взыскать за погонщиковъ, полагая каждаго въ 500 р., лошадей и телегъ, полагая ихъ по 100 р.".

Наконецъ, Россія вздохнула свободнѣе. Государь манифестомъ изъ С.-Петербурга отъ 4-го ноября возвѣщалъ своему народу, что врагъ:

„Бѣжитъ отъ Москвы съ такимъ униженіемъ и страхомъ, съ какимъ тщеславіемъ и гордостію приближался къ ней".

Въ концѣ своего манифеста государь добавлялъ слѣдующія слова:

„Между тѣмъ почитаемъ за долгъ и обязанность симъ нашимъ всенароднымъ объявленіемъ изъявить предъ цѣлымъ свѣтомъ благодарность нашу, и отдать должную справедливость храброму, вѣрному и благочестивому народу россійскому".

Опасность миновала и слѣдовательно не представлялось болѣе нужнымъ прибѣгать къ тѣмъ средствамъ, которыя были приняты въ виду военныхъ обстоятельствъ, и потому его императорское высочество генералъ-губернаторъ отмѣнилъ тѣ полномочія, коими были облечены предводители дворянства, съ 10-го сентября. Бумага губернатора, извѣщавшая Филатьева объ этомъ распоряженіи, помѣчена отъ 2-го декабря 1812 года.

Остановившись довольно пространно на участіи дворянъ въ 1812 году,

я не буду говорить о томъ, что было въ 1813, 1814 и 1815 годахъ; въ эти славные года, какъ и въ 1812, дворянство отличалось полнымъ единодушіемъ, солидарностію въ идеяхъ, одинаковою во всѣхъ и каждомъ любовію къ своему монарху и своей родинѣ. Говорить то, что было въ 1813, 1814 и 1815 гг., было бы повтореніемъ того, что мы говорили и въ 1812 году.

1812 годъ закончился печально для Ярославской губерніи. 15 декабря послѣ кратковременной, но жестокой болѣзни, скончался любимый всѣми генералъ-губернаторъ, принцъ Георгій Гольштейнъ-Ольденбургскій.

Объ этомъ событіи Александръ I возвѣстилъ манифестомъ, даннымъ въ Сувалкахъ 5-го января 1813 года. Отношеніемъ отъ 31-го декабря 1812 г. губернаторъ князь Голицынъ предложилъ предводителю Филатьеву отправиться въ Тверь вмѣстѣ съ губернскимъ предводителемъ Майковымъ и угличскимъ предводителемъ для сопровожденія въ С.-Петербургъ тѣла принца Ольденбургскаго.

Д. А. Вулатовъ.

Ростовъ-Ярославскій.
1883 года, 10-го апрѣля.

Н. И. Пироговъ въ с. Вишнѣ.

Приводимъ изъ кіевской газеты „Заря“ интересную замѣтку о томъ, какъ великій ученый нашъ и мыслитель Н. И. Пироговъ писалъ предъ кончиною свои Записки, нынѣ печатаемыя въ „Русской Старинѣ“:

Пироговъ жилъ въ м. Вишнѣ; тамъ онъ по утрамъ работалъ въ саду своей усадьбы, а въ остальное время дня онъ принималъ больныхъ, съѣзжавшихся съ разныхъ сторонъ и искавшихъ у него или совѣта, или немедленной хирургической помощи. Вечера-же онъ посвящалъ литературнымъ занятіямъ. Съ лихорадочною поспѣшностью принялся онъ, въ послѣднее время, писать свои автобіографическія Записки. Писалъ онъ карандашемъ. Листы чистой бумаги лежали передъ нимъ на столѣ, а находившаяся безотлучно въ кабинетѣ его сестра милосердія, г-жа Ан—ва (выписанная изъ петербургской общины), подставляла листъ за листомъ. Писалъ онъ безъ перерыва, точно желалъ предупредить близившуюся развязку, которая пресѣкла-бы начатое имъ дѣло. Чтобы не произошло ошибки въ нумераціи исписанныхъ имъ листовъ, Н. И. просилъ, чтобы сидящая при немъ сестра милосердія слѣдила за правильностью нумеровъ, выставляемыхъ имъ на рукописи. Самъ Николай Ивановичъ плохо видѣлъ. Одинъ глазъ давно уже ему не служилъ, другой-же позволялъ ему различать только крупные предметы. Онъ, какъ будто, стыдился этого недостатка и старался утаить его отъ окружающихъ. Только неровность строкъ и перерывы выдавали то, что Н. И. тщательно пытался скрывать. Сильныя страданія заставляли его по временамъ оставлять работу. Оставаясь безъ дѣла и предаваясь размышленіямъ, Пироговъ, покачивая головой, какъ будто въ знакъ согласія, повторялъ про себя: „что-жъ, пожилъ достаточно, пора!“ Иногда-же, какъ будто не соглашаясь съ роковою необходимостью, говорилъ: „можно-бы еще пожить, да самъ виноватъ: оплошалъ!“ На врачебную помощь знаменитый хирургъ не разсчитывалъ и говорилъ, что еще много тайнъ хранится въ природѣ и не скоро онѣ сдѣлаются достояніемъ людей науки. Когда появились симптомы предсмертной агоніи, измученный старикъ бросилъ работу и впалъ въ состояніе оцѣпенѣнія.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ РИКОРДЪ

1850 г.

Людмила Ивановна Рикордъ въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ, помѣщенныхъ въ кн. VIII „Русской Старины“ изд. 1883 г., пишетъ (стр. 364), что на берегахъ Мореи, гдѣ была стоянка нашей русской эскадры, помѣщалось и русское интендантство съ магазинами, начальникомъ котораго былъ полковникъ Бровцевъ.

Фамилія Бровцевъ написана Людмилою Ивановною ошибочно: это былъ Бровцынъ.

Впослѣдствіи, по возвращеніи эскадры въ Петербургъ, этотъ Бровцынъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ директоромъ коммисаріатскаго департамента морского вѣдомства и, безъ сомнѣнія, по особому о томъ ходатайству Петра Ивановича Рикорда, такъ какъ въ то время трудно было не моряку занять такой, относительно высокій, постъ, когда даже на смотрительскія должности морскихъ госпиталей и казенныхъ зданій, въ большинствѣ случаевъ, назначаемы были флотскіе офицеры.

Чтобы не класть пятна на память о почтеннѣйшемъ старцѣ П. И. Рикордѣ, что будто бы, въ возмездіе за пріемъ и угощеніе его супруги Бровцынымъ, онъ попротежировалъ ему къ опредѣленію на должность директора департамента, должно сказать, что П. И., добрѣйшая изъ добрѣйшихъ личность, допускалъ не однимъ служащимъ и служившимъ подъ его начальствомъ пользоваться его вниманіемъ. Всѣмъ поголовно, кто только прибѣгалъ къ нему за рекомендаціей, какъ ко всѣми уважаемому лицу, онъ никогда ни подъ какимъ предлогомъ не отказывалъ принимать самое близкое участіе въ ихъ судьбѣ.

Вотъ одинъ изъ подобныхъ случаевъ, который я въ подробности припоминаю.

Въ первой половинѣ 1850-хъ гг. я служилъ столоначальникомъ инспекторскаго департамента морскаго министерства, директоромъ котораго и вмѣстѣ дежурнымъ генераломъ главнаго морскаго штаба былъ въ то время графъ Логинъ Логиновичъ Гейденъ [1]).

Однажды, при докладѣ графу, въ присутствіи, составленнаго проекта высочайшаго приказа, входитъ курьеръ и передаетъ ему письмо.

---

[1]) Нынѣ полный адмиралъ и членъ комитета о раненыхъ.

— По почерку узнаю, обратился онъ къ тутъ же сидящему вице-директору Өеопемту Степановичу Лутковскому, что это отъ нашего уважаемаго Петра Ивановича. И смотря въ письмо, продолжалъ: опять со своей протекціей; проситъ сослуживца его, стараго браваго ветерана морской службы (забылъ фамилію), перевесть на береговую должность.

— „Что жъ, графъ, — вмѣшался Лутковскій, — нужно уважить просьбу нашего старца и стараго служиваго.—Не знаемъ ли и мы эту старину?"

Графъ звонитъ и вошедшему курьеру приказываетъ послать матроса, принесшаго письмо.

Чрезъ минуту входитъ, дѣйствительно, бравый матросъ.

— Ты принесъ письмо отъ адмирала Рикорда?—спрашиваетъ графъ.

— „Точно такъ, ваше сіятельство".

— Это ты желаешь поступить на береговую должность?

— „Точно такъ, ваше сіятельство".

— Давно въ службѣ?

— „Четыре года, в. с.".

— На береговую должность имѣютъ право старые солдаты, раненые, а ты еще молодъ и, кажется, совсѣмъ здоровый.

— „Точно такъ, в. с.".

— Когда ты служилъ подъ командою адмирала Рикорда?

— „Не имѣлъ счастія, в. с.".

— Какъ же ты осмѣлился безпокоить адмирала?

— „Братъ мой состоитъ деньщикомъ у прапорщика Б. и ихъ благородіе научили искать защиты у его высокопревосходительства".

— Кто же тебя обижаетъ?

— „Никто-съ.—Только служба морская больно тяжела".

— Я увижусь съ адмираломъ, а ты иди.

Матросикъ повернулся на лѣво-кругомъ и вышелъ.

— „П. И. всегда съ такими просьбами, которыхъ исполнить нельзя. Переведи этого и за нимъ вся морская молодая лѣнь потянется въ береговую службу. Надо поѣхать и объяснить ему".

— „Не безпокойтесь графъ,—сказалъ Ө. Ст.,—я на сегодня приглашенъ Людмилой Ивановной обѣдать, такъ, между прочимъ, переговорю съ Петромъ Ивановичемъ объ его протежѣ—старомъ ветеранѣ въ молодыхъ лѣтахъ".

В. А. Васильевъ.

Село Клещинцы,
Полтавской губерніи.
1883 г.

До судебной реформы.

На четверинкахъ челобитчикъ,
На немъ взмостились писаря.
На писаряхъ лежитъ повытчикъ,
А самъ несетъ секретаря.

На семъ послѣднемъ засѣдатель
Сидитъ и гордо внизъ глядитъ;
Теперь скажи, о мой создатель,
Кто больше всѣхъ изъ нихъ
кряхтитъ?

[Старинное острословіе].

Сотвореніе секретаря

(сатира XVIII столѣтія).

Однажды ада царь въ своемъ дворцѣ,
Потупя взоръ, сидѣлъ
И цѣпію гремѣлъ...
И думалъ о Творцѣ:
Какъ могъ онъ сотворить
Весь свѣтъ изъ ничего?
„И даже я завишу отъ Него!..
„Постой, нельзя-ли славу мнѣ Его затмить...
И я составлю человѣка!“
Вскочилъ и снадобья искать идетъ.
И у чертей,
Какъ у людей,
Есть аптека и медицинскій факультетъ.
Пошелъ въ аптеку рыться:
Пыхтитъ,
Кряхтитъ,
Лишь градомъ потъ катится...
„Нашелъ!“ вдругъ демонъ закричалъ—
И адъ весь задрожалъ!
Вотъ началъ онъ микстуру составлять
Изъ травъ: бездушья, грабежа, безстыдства и обмана.
Чернильной накипи и адскаго дурмана.
„Давай-ка, ужъ пора работу начинать!“
Всѣ изумляются, не знаютъ, что сказать...
Пошла работа у чертей:
Кто третъ,
Кто мнётъ,
Кто льётъ!..
И вмигъ готово все у адовыхъ дѣтей.
Люциферъ самъ сталъ истуканъ лѣпить,
И тѣло
Ужъ поспѣло;
Одно осталось дѣло:
Одушевить!
Для сей причины онъ въ него весь духъ свой вдунулъ
И плюнулъ!
И истуканъ зашевелился,
Чему и адъ весь изумился!
Царь ада, видя то, съ улыбкой говорилъ:
„Какого я красавца сотворилъ!
„Тебѣ нѣтъ имени еще, любезна тварь:
„Такъ будь-же—секретарь!
„Ты будешь всяко зло и мерзости творить,
„А впрочемъ буду я тебя руководить!“
Тутъ секретарь челомъ своимъ кивнулъ
И обѣ руки протянулъ,
Чтобъ взять за то съ него,
Что сотворилъ его.
Что-жъ ада царь? Разсвирѣпѣлъ?
О, нѣтъ!
Велѣлъ его швырнуть изъ ада въ этотъ свѣтъ!

ляютъ приложенія къ запискамъ, состоящія изъ оффиціальныхъ актовъ, оффиціальной и частной переписки, отдѣльныхъ записокъ по разнымъ современнымъ вопросамъ, словъ и привѣтственныхъ рѣчей, распоряженій по епархіи, выписанныхъ изъ протоколовъ литовской дух. консисторіи (весь 3-й томъ) съ 1833 г. по 1860 г.

Многіе оффиціальные документы, приложенные къ запискамъ митр. Іосифа, тѣмъ болѣе имѣютъ цѣны, что дѣла департамента духовныхъ дѣлъ сгорѣли во время пожара зданія министерства внутреннихъ дѣлъ въ 1862 г.

Къ запискамъ митр. Іосифа приложены три портрета, относящіеся къ различнымъ періодамъ жизни автора, и указатель личныхъ именъ.

Всѣ эти матеріалы представляютъ большой интересъ и весьма важны въ новѣйшей исторіи русской церкви. Они подлежатъ подробному разбору и могутъ служить драгоцѣннымъ матеріаломъ къ исторіи западно-русской церкви вообще и дѣла возсоединенія уніатовъ въ особенности.

Опытъ описанія Могилевской губерніи. Составлено подъ редакціею **А. С. Дембовецкаго.** Могилевъ на Днѣпрѣ, въ б. 8 д., съ гравюрами видовъ и типовъ. 1884 г. Цѣна за 3 кн. 5 руб.

Трудъ въ высшей степени обстоятельный и почтенный. Это сборникъ, въ который, въ строго-систематическомъ порядкѣ, вошли статьи гг.: Борзаковскаго, Симановскаго, Гортынскаго, Свидерскаго, Поклада, Кравченко, Муромцева, Эйлера, Тышинскаго, Фурсова, Мандельштама, С. Иванова и друг. лицъ, представляющія изслѣдованія и очерки въ предѣлахъ Могилевской губерніи: городовъ и мѣстечекъ, промышленности, путей сообщенія, торговли, лѣсного и сельскаго хозяйства, скотоводства, наконецъ дѣла училищнаго и народнаго здравія. Все это описано всесторонне и на основаніи данныхъ, собранныхъ старательно и умѣло. Пріятное явленіе составляетъ то, что ред. изданія, А. С. Дембовецкій, съумѣлъ, въ глуши провинціи, соединить цѣлую группу лицъ, которыя явились вкладчиками въ трудъ серьезный и крайне полезный. Въ книгѣ масса необходимѣйшихъ для изученія края данныхъ, таблицъ, вѣдомостей и приложена хорошая карта почвъ и лѣсовъ губерніи. Л.

Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи. Соч. **Е. Замысловскаго.** Съ приложеніемъ матеріаловъ для историко-географическаго атласа Россіи XVI в. Спб., 1884, стр. 563. Ц. 5 р.

Въ связи съ отмѣчаемымъ здѣсь появленіемъ труда о Герберштейнѣ отмѣтимъ только что вышедшее изданіе, имѣющее весьма близкое отношеніе къ нему. Это— «Die ältesten Karten von Russland, ein Beitrag zur historischen Geographie», von D-r H. Michow in Hamburg. Карты эти озаглавлены: 1) Moscovia des Sebastian, Münster, 1544; 2) Moscovia des Anton Wied, 1555; 3) Moscovia des Battista Agnese, 1525. Изданіе сопровождается критическимъ этюдомъ.

Die bewaffnete Neutralität 1780—1783. Von **C. Bergbohm,** Docenten der Rechte an der Universität zu Dorpat. Berl., 1884, 298 S.

Указываемъ на эту монографію какъ болѣе полную по данному вопросу въ настоящее время. Авторъ разсматриваетъ историческое происхожденіе декларація Екатерины II 1780 г. и дальнѣйшія послѣдствія этого акта, представивъ въ началѣ оцѣнку литературы, касающейся какъ ея, такъ и событій, тѣсно связанныхъ съ нею. При этомъ онъ воспользовался не только иностранными источниками, но и матеріалами, издан. въ Россіи (въ Сборн. русск. ист. общ. и другихъ историческихъ повремен. изданіяхъ). **В. И.**

Родная старина. Отечественная исторія въ разсказахъ и картинахъ (XVIII-ый вѣкъ). Въ помощь учащимся. Составилъ **В. Д. Сиповскій.** Спб., 1884 г., въ б. 8 д., вып. III. Цѣна 2 р. 50 к.

Этотъ третій выпускъ въ высшей степени полезнаго для учащагося юношества труда нашего почтеннаго педагога В. Д. Сиповскаго объемлетъ царствованія Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича. Какъ источники и пособія, которыми пользовался авторъ при составленіи своей книги, такъ и хорошее, по живости и въ то же время простотѣ языка, изложеніе разсказовъ и очерковъ, иллюстрированныхъ множествомъ удовлетворительно выполненныхъ рисунковъ, ставитъ книгу въ рядъ полезнѣйшихъ пособій по отечественной исторіи.

РУССКАЯ СТАРИНА

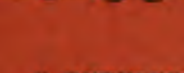
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ пятнадцатый. **НОЯБРЬ.** 1884 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: I. Портретъ высокопреосвященнаго митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго **Исидора.**—II. Портретъ педагога **барона Николая Александровича Корфа**, † 13-го ноября 1883 г. Гравировалъ художникъ И. И. Матюш[illegible]въ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1884.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1884 г.

Юбилейныя изданія университета св. Владиміра.

1. **Исторія императорскаго университета св. Владиміра.** Составилъ профессоръ М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Т. I, 674+XLII. Кіевъ. 1884. Ц. 4 р.

1-й томъ обнимаетъ исторію университета въ царствованіе императора Николая I. Въ немъ авторъ разсматриваетъ состояніе образованія въ югозападномъ краѣ до открытія университета, состояніе университета въ періодъ 1834—1842; германскій университетскій строй на русской почвѣ (1842 — 1849) и эпоху реакціи (1849 — 1855). Продолженіе этого очерка составляетъ рѣчь автора, читанная въ день юбилея 8-го сентября и которая войдетъ въ отдѣльное изданіе: «Юбилейный актъ университета св. Владиміра». «Исторія университета» сопровождается пятью портретами ректоровъ.

2. **Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей университета св. Владиміра** (1834—1884). Составленъ и изданъ подъ редакціею профессора В. С. Иконникова. К. 1884. XXXVI+816 стр. Ц. 4 р.

Въ это изданіе входитъ 231 біографія, съ подробными библіографическими указаніями сочиненій бывшихъ и нынѣшнихъ преподавателей университета. Въ особенности подробно изложена автобіографія бывшаго профессора философіи О. М. Новицкаго, имѣющая характеръ воспоминаній; нѣкоторыя біографіи представляютъ историко-литературные очерки (поэтъ Красовъ, Костырь, Метлинскій). Въ числѣ преподавателей университета встрѣчаются имена лицъ, ставшихъ потомъ извѣстными на разныхъ поприщахъ государственной и общественной дѣятельности.

3. **Историко-статистическія записки объ ученыхъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета св. Владиміра.** (1834 — 1884). Изданы подъ редакціею профессора В. С. Иконникова. К. 1884. 416+68 стр.

Въ означенное изданіе вошло до 40 записокъ объ ученыхъ обществахъ и учрежденіяхъ университета (лабораторіи, клиники, музеи, кабинеты и т. п.), состав- преподавателями университета. Кромѣ того здѣсь помѣщены записки о библіотекѣ, центральномъ архивѣ, типографіи, редакціи «Извѣстій» съ указателемъ всѣхъ статей, напечатанныхъ въ нихъ съ 1861 — 1874 годъ. Къ изданію приложены: 1) двѣ таблицы замѣчательныхъ монетъ минцъ-кабинета университета; 2) видъ университета св. Владиміра; 3) двадцать плановъ университета и его учрежденій и рядъ статистическихъ таблицъ, имѣющихъ отношеніе къ учрежденіямъ.

4. **Академическіе списки императорскаго университета св. Владиміра.** (1834—1884). К. 1884. 200 стр. Ц. 2 р.

Списки почетныхъ членовъ, докторовъ, магистровъ, кандидатовъ и т. д., удостоенныхъ медалей, стипендіатовъ для приготовленія къ профессорскому званію и т. п.

5. **Незабитовскій. Собраніе сочиненій.** Изданіе совѣта университета св. Владиміра, подъ редакціею профессора А. В. Романовича-Славатинскаго. Съ портретомъ автора. К. 1884. 368 стр. Ц. 2 р.

Содержаніе: 1) О податной системѣ въ Московскомъ государствѣ, со времени установленія единодержавія до введенія подушнаго оклада Петромъ Великимъ; 2) Очеркъ системы казенныхъ доходовъ въ Россіи со времени Петра Великаго до кончины Екатерины II; 3) Ученіе публицистовъ о междугосударственномъ владѣніи; 4) Международные обычаи во время войны; 5) Новѣйшіе проекты международнаго права; 6) Замѣчанія по вопросу о чиншевомъ владѣніи въ западныхъ губерніяхъ (обширное изслѣдованіе этого вопроса); наконецъ рядъ рецензій по разнымъ вопросамъ въ области международнаго, государственнаго и исторіи права.

Русская историческая библіотека, издав. Археографическою коммиссіею. Т. VIII. Спб. 1884. 1292+52 столбц. Ц. 2 р. 50 к.

Тоже, т. IX, 576+LXXII стр. Ц. 2 р. 50 к.

Первый изъ означенныхъ томовъ весьма разнообразенъ по своему содержанію, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ и большой интересъ для историка. Въ него вошли матеріалы XI по XVII в. включительно, въ особенности же заслуживаютъ внима-

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫЙ

МИТРОПОЛИТЪ НОВГОРОДСКІЙ, С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ И ФИНЛЯНДСКІЙ

ИСИДОРЪ.

Приложеніе къ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» изд. 1884 г.

БАРОНЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КОРФЪ,

род. 2 іюля 1834 г. † 13 ноября 1883 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ИЗДАНІЮ «РУССКАЯ СТАРИНА».

волено цензурою. С.-Петербургъ, 23 мая 1884 г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМ

11-го ноября 1884 года истекаетъ пятьдесятъ лѣтъ съ того дня, когда высокопреосвященнѣйшій митрополитъ с.-петербургскій Исидоръ хиротонисанъ въ санъ епископа.

Приводимъ по сему случаю выдержку изъ заявленія, представленнаго нѣсколькими гласными С.-Петербургской городской Думы общему ея собранію о чествованіи сего достопамятнаго дня.

Первенствующій іерархъ русской православной церкви, митрополитъ Исидоръ, питомецъ С.-Петербургской Духовной академіи (1821—1825), началъ служеніе православной церкви съ самаго постриженія въ монашество (22-го августа 1825 г.). Первые годы этого служенія протекли на ученомъ и учебномъ поприщѣ при Духовной академіи въ С.-Петербургѣ (1825—1829 гг.).

Съ 1834 года въ санѣ епископа дмитровскаго, викарія московскаго, высокопреосвященный Исидоръ призванъ на постъ ближайшаго сподвижника въ многоплодныхъ трудахъ незабвеннаго святителя православной церкви—московскаго митрополита Филарета.

Дальнѣйшее служеніе Исидора прошло въ санѣ архіерея епархій Полоцкой и Могилевской; въ санѣ архіепископа въ епархіи Карталинской и Кахетинской, со званіемъ члена святѣйшаго синода и экзарха Грузіи; съ 1858 года — митрополитъ кіевскій, а 1-го іюня 1860 года его высокопреосвященство высочайшею волею назначенъ митрополитомъ новгородскимъ, с.-петербургскимъ и финляндскимъ и Свято-Троицкія Александро-Невскія лавры священноархимандритомъ.

Маститый іерархъ воспріялъ въ управленіе С.-Петербургскую митрополію, уже ознаменовавъ себя долговременнымъ служеніемъ и благопотребнымъ управленіемъ церковными дѣлами нѣсколькихъ епархій и, въ особенности, дѣлами закавказскихъ, гдѣ пастырская попечительность и ревностное содѣйствіе къ возобновленію древнихъ и устройству новыхъ храмовъ Божіихъ обратили на него вниманіе императоровъ Николая I и Александра II, а также вызвали признательность и чувства глубокаго уваженія къ святителю во всей Россіи: множество благотворительныхъ обществъ и высшихъ ученыхъ учрежденій, каковы академіи и университеты

внесли имя высокопреосвященнаго Исидора въ число почетныхъ своихъ членовъ.

Съ 1860 года начался періодъ дѣятельности его высокопреосвященства на поприщѣ благотворенія и преуспѣянія православныя церкви въ Петербургской митрополіи. Какъ главный попечитель императорскаго человѣколюбиваго общества (съ 1860 года), предсѣдатель высочайше утвержденнаго присутствія по дѣламъ православнаго духовенства (съ 1862 года), первенствующій членъ святѣйшаго синода, высокопреосвященнѣйшій Исидоръ ознаменовалъ свое служеніе церкви принесеніемъ истинной пользы отличнымъ и благоразумнымъ участіемъ въ дѣлахъ высшаго церковнаго управленія, отеческими заботами на благоустроеніе бѣдныхъ и сиротъ духовнаго званія, архипастырскимъ попеченіемъ о духовноучебныхъ заведеніяхъ С.-Петербургской епархіи, а въ особенности неутомимою христіанскою дѣятельностью во главѣ императорскаго человѣколюбиваго общества, сопровождавшеюся постояннымъ расширеніемъ благотворительности въ пользу сиротъ, а также неимущихъ и болящихъ лицъ обоего пола населенія города С.-Петербурга [1]).

Въ виду высокоблаготворной дѣятельности митрополита Исидора для обывателей столицы, сопровождающейся многолѣтними трудами на преуспѣяніе всея православныя церкви, С.-Петербургская городская Дума, согласно съ ходатайствомъ многихъ своихъ сочленовъ, единогласно и единодушно постановила:

I. Просить г. Городскаго голову, въ сопровожденіи нѣсколькихъ гласныхъ Думы, принести 11-го ноября сего года письменное поздравленіе (адресъ) отъ всего городскаго общества высокопреосвященнѣйшему Исидору, митрополиту новгородскому, с.-петербургскому и финляндскому, со днемъ полувѣковаго служенія его православной церкви въ епископскомъ санѣ;

II. Поднести при семъ преосвященнѣйшему икону преподобнаго Исидора Пелусіота и

III. Отнынѣ, съ 1884 года, въ память сего дня (11-го ноября), отпускать ежегодно на будущее время, изъ городскихъ суммъ, по триста руб. сер., на возмѣщеніе платы за воспитаніе и содержаніе ученика или ученицы въ одномъ изъ учебныхъ заведеній города С.-Петербурга, по благоусмотрѣнію его высокопреосвященства митрополита Исидора.

---

[1]) Въ 1860 году благотвореніями императорскаго человѣколюбиваго общества, какъ видно изъ его отчетовъ, воспользовалось 16,000 неимущихъ, а въ 1881 году уже—97,920 лицъ обоего пола.

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ПИРОГОВА.

ДѢТСТВО И ЮНОСТЬ.

XXI [1]).

1880 года декабря 22-го. Я убѣдился, что не могу вести дневника; вотъ прошло полгода и болѣе, какъ я ничего не могъ или не хотѣлъ вписывать въ мой дневникъ. Теперь начну писать не по днямъ, а когда попало; остается еще много, много невысказаннаго и успѣю ли еще, доживу ли, чтобы это многое записать. Читать что записано не стану, а на чемъ остановился при наступленіи весны—хорошо не помню. Кажется, на жизнеописаніи моихъ кошекъ и собакъ и разсужденіи о томъ, почему привязываемся къ животнымъ.

Вотъ и теперь я было рѣшился не заводить снова возлѣ себя ни кошки, ни собаки, а между тѣмъ какой-то жидокъ принесъ весною щенка не то лягаваго, не то левретку, и мы, я и жена, снова привязались; это, вѣроятно, оттого, что нѣтъ въ домѣ маленькихъ внучатъ, и вмѣсто внучки—Мимишка, сучка, и спитъ, и ѣстъ, и гуляетъ съ нами,—и странно, что у меня пропала боязнь; я прежде страшно возставалъ противъ этой привязанности къ маленькимъ собаченкамъ, зная изъ практики о многихъ случаяхъ водобоязни отъ укушенія именно маленькими собачками; теперь еще живо помню, какъ однажды, лѣтъ 30 тому назадъ, при посѣщеніи Обуховской больницы въ С.-Петербургѣ, д-ръ Мейеръ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XLIII, сентябрь, стр. 455—502; т. XLIV, октябрь, стр. 1—52.

мнѣ показывалъ больного, одержимаго, по его мнѣнію, такъ называемою произвольною водобоязнію (hydrophobia spontanea); подошедъ къ этому больному, сидѣвшему спокойно на кровати, я какъ-то инстинктивно указалъ пальцемъ на едва замѣтный у него значекъ на лбу, и вдругъ вижу, что бѣднякъ страшно поблѣднѣлъ, скорчился, зарыдалъ и тутъ-же признался, что нѣсколько недѣль тому назадъ его оцарапала на лбу маленькая собачка, съ которою онъ игралъ. Вскорѣ припадки водобоязни усилились и онъ умеръ.

Странно, говорю, что теперь у меня прошла эта боязнь маленькихъ собакъ. А основаніемъ привязанности къ домашнимъ животнымъ, я думаю, служитъ замѣченная Гегелемъ мистичность животнаго. Когда видишь передъ собою живое существо, дѣйствующее во многихъ отношеніяхъ подобно намъ, обнаруживающее не только чувства наслажденія или досады и боли, а между тѣмъ безсловесное какъ будто потому только, что скрываетъ свои чувства и мысль, то невольно подозрѣваешь въ немъ присутствіе нашего (*я*), какъ то мистифицированнаго; но особливо глаза, глаза домашнихъ и плотоядныхъ и травоядныхъ мистичны; они говорятъ безъ словъ; у моей Лядки виднѣлись даже бѣлки между вѣкъ и придавали глазамъ какое-то человѣческое выраженіе,—это, я полагаю, рѣдкость, и скрытые вѣками бѣлки обыкновенно считаются характернымъ признакомъ животныхъ глазъ, отличающимъ ихъ отъ человѣческихъ.

Я читалъ въ одномъ альманахѣ сравненіе, съ утилитарной эстетической и нравственной сторонъ, между лошадью и собакою: и ту, и другую считаютъ лучшими, и можно, пожалуй, сказать—единственными друзьями человѣка; но авторъ статьи, нѣмецъ, отдавалъ преимущество лошади и укорялъ собаку въ низости и лакействѣ; она слишкомъ ласкова, ползаетъ, унижается предъ сильнымъ. Въ этомъ есть доля правды; когда маленькая собачка встрѣтится съ большою, злою, она тотчасъ же пассуетъ, ложится на спину и складываетъ лапки, а передъ домашнею маленькою собаченкою, пользующеюся фаворомъ господъ, я видѣлъ не разъ, какъ увивались и ползали большія собаки, принадлежавшія тѣмъ же господамъ. Но все таки лошадь можетъ быть, развѣ въ аравійскихъ степяхъ, такимъ вѣрнымъ другомъ своего господина, какъ собака; и ласки и привязанность собачьи не у всѣхъ собакъ

унизительны; глаза выражаютъ ясно, чего желаетъ собака, зоветъ-ли гулять, чуетъ-ли чужака,—все, все въ ней намекаетъ на что-то, какъ будто взятое у человѣка.

Лѣтъ 30 тому назадъ я все, что говорю теперь, счелъ бы пустою фразіологіею; и я считалъ всякую жалость къ страданіямъ собаки при вивисекціяхъ, и еще болѣе привязанность къ животному, одною нелѣпою сантиментальностью. Но время все измѣняетъ, и я, нѣкогда безъ всякаго состраданія къ мукамъ (хлороформа тогда еще не знали) дѣлавшій ежедневно десятки вивисекцій, теперь не рѣшился бы и съ хлороформомъ рѣзать собаку изъ научнаго любопытства; теперь мнѣ сдѣлалось очень вѣроятнымъ, чему я прежде не хотѣлъ вѣрить,—что Галлеръ въ старости хандрилъ и приписывалъ свою хандру множеству сдѣланныхъ имъ вивисекцій; если не ошибаюсь, это разсказываетъ Циммерманъ въ своей книгѣ „Ueber die Einsamkeit“.

Особливо тяжело мнѣ вспоминать о тѣхъ вивисекціяхъ и операціяхъ, въ которыхъ я по незнанію, неопытности, легкомыслію, или Богъ знаетъ почему, заставлялъ животныхъ мучиться понапрасну. Да, самая ѣдкая хандра есть та, которая наводитъ воспоминанія о насиліяхъ, нанесенныхъ нѣкогда чужому или собственному чувству. Какъ бы равнодушно мы ни насиловали чувство другого, никогда не можемъ быть увѣрены, чтобы это насиліе не отразилось рано или поздно на нашемъ собственномъ чувствѣ. Когда моя Лядка околѣвала въ страданіяхъ, устремивъ на меня свои глазенки, стоная, и, не смотря на муки, выражала мнѣ привѣтъ легкими движеніями хвоста—во мнѣ, съ жалостью къ любимой собаченкѣ, пробудились воспоминанія о мученьяхъ, причиненныхъ мною лѣтъ 30 и 40 тому назадъ цѣлымъ сотнямъ подобныхъ Лядкѣ животныхъ, и мнѣ стало невыносимо тяжело на душѣ.

Еще тяжелѣе бываетъ мнѣ, когда находитъ на меня воспоминаніе объ оперированномъ, также лѣтъ 40 тому назадъ, старикѣ; только однажды въ моей практикѣ я такъ грубо ошибся при изслѣдованіи больного, что, сдѣлавъ литотомію, не нашолъ камня. Это случилось именно у робкаго, богобоязненнаго старика; раздосадованный на свою оплошность, я былъ такъ неделикатенъ, что измученнаго больного нѣсколько разъ послалъ къ чорту.

— „Какъ это вы Бога не боитесь“, произнесъ онъ томнымъ, умоляющимъ голосомъ, „и призываете нечистаго злаго духа, когда только имя Господне могло бы облегчить мои страданія“!

Какой урокъ въ этихъ словахъ страдальца,—я ихъ какъ будто и теперь еще слышу.

Да, и мнѣ приходится, вспоминая прошедшее, нерѣдко относиться охая къ жизни и повторять слышанное однажды восклицаніе стараго капитана, страдавшаго непроходимою стриктурою и свищами мочевого канала; измученный тщетными позывами на мочу, трясясь и всхлипывая, онъ съ разстановкою выкрикивалъ:

— „Охъ, охъ ты жизнь-матушка“!

XXII.

3 января 1881 года. Но, наконецъ, пора уяснить себѣ и другія стороны моего міровоззрѣнія. Прошло уже полгода съ тѣхъ поръ, какъ я выяснилъ себѣ только одну изъ нихъ. Это было прошлою зимою, а лѣтомъ я не могу писать. Лѣто старику приноситъ такое наслажденіе, что и не думаешь вникать въ себя; зеленыя поля, цвѣтущія розы, листва, все, — въ свободное отъ практическихъ и мелочныхъ занятій время,—тянетъ къ себѣ, наружу, и не пускаетъ сосредоточиваться въ себѣ. Ребенкомъ я слыхалъ, что мой дѣдушка Иванъ Михѣичъ зимою тосковалъ и жаловался дѣтямъ: „отъ, дѣтки, вѣрно Михѣичу ужъ зеленой травы не топтать“, но какъ только наступала весна, 100-лѣтній старикъ снова оживлялся и цѣлые дни топталъ зеленую траву.

Но я хочу не только уяснить себѣ со всѣхъ сторонъ мое міровоззрѣніе, мнѣ хочется изъ архива моей памяти вытащить всѣ документы для исторіи развитія моихъ убѣжденій: какъ они, послѣ разныхъ метаморфозъ, сложились и сдѣлались настоящими. Мнѣ кажется, что теперь, въ настоящее время, разныя стороны моего міровоззрѣнія сдѣлались гораздо отчетливѣе и яснѣе для меня, чѣмъ это было прежде. Можетъ быть это иллюзія, миражъ, но почему же прежде, какъ ни казался я себѣ убѣжденнымъ въ томъ или другомъ воззрѣніи, я всетаки не былъ увѣренъ,

что останусь навсегда при немъ; теперь же, напротивъ, я вполнѣ увѣренъ, что воззрѣнія мои на жизнь и міръ останутся такими, какъ есть до послѣдняго вздоха. Я думаю, что, переживъ разные фазисы моего міровоззрѣнія, я, наконецъ, убѣдился, что не доживу ни до какого новаго ихъ метаморфоза. И эта увѣренность чрезвычайно успокоительна; чувствуешь что-то прочное въ себѣ: измѣняйся, сколько хочешь, окружающее меня, я не измѣнюсь! А что если и это миражъ? то есть, если и самая твердая увѣренность—иллюзія? Если окружающее сильнѣе ея?

Но можетъ ли быть, чтобы иллюзія, возбудившая такую твердую увѣренность, какъ мою, не была сильнѣе окружающаго? Это противорѣчило бы историческимъ фактамъ, доказывающимъ противное. Мало ли что мы считаемъ теперь въ исторіи цѣлыхъ поколѣній за галлюцинацію, фанатизмъ и т. п., а между тѣмъ подъ вліяніемъ этихъ иллюзій народы жили цѣлые вѣка, проливали за нихъ потоки крови и умирали съ ними. Такъ пусть будетъ и съ моею иллюзіею, если она для другихъ кажется такою, а для меня останется твердымъ и неизмѣннымъ убѣжденіемъ до конца жизни.

XXIII.

Начну ab ovo.

Мнѣ сказали, что я родился 13-го ноября 1810 г. Жаль, что самъ не помню. Не помню и того, когда началъ себя помнить; но помню, что долго еще вспоминалъ или грезилъ какую-то огромную звѣзду, чрезвычайно свѣтлую. Что это такое было? Дѣтская ли галлюцинація, слѣдствіе слышанныхъ въ ребячествѣ длинныхъ разсказовъ о кометѣ 1812-го года или оставшееся въ мозгу впечатлѣніе дѣйствительно видѣнной мною въ то время, двухлѣтнимъ ребенкомъ, кометы 1812-го года, во время нашего бѣгства изъ Москвы во Владиміръ,—не знаю.

Помню и еще какую-то странную грезу нити, сначала очень тонкой, потомъ все болѣе и болѣе толстѣвшей и очень свѣтлой; она представлялась не то во снѣ, не то въ просонкахъ и было чѣмъ-то тревожнымъ, заставлявшимъ бояться и плакать; что-то подобное я слыхалъ потомъ и о грезахъ другихъ дѣтей. Но воспоминанія моего 6-ти—8-ми лѣтняго дѣтства уже гораздо живѣе.

Мой родительскій домъ, сгорѣвшій во время нашествія французовъ въ Москву, потомъ снова выстроенный, стоялъ въ приходѣ Троицы въ Сыромятникахъ. О времени моихъ воспоминаній, то есть о возрастѣ, къ которому относятся первыя мои воспоминанія, я сужу изъ того, что живо помню еще и теперь бѣличье одѣяльцо моей кровати, любимую мою кошку Машку, безъ которой я не могъ заснуть, бѣлыя розы, приносившіяся моею нянькою изъ сосѣдняго сада Ярцевой и при моемъ пробужденіи стоявшія уже въ стаканѣ воды возлѣ моей кровати; мнѣ было тогда навѣрное не болѣе 7-ми лѣтъ; по крайней мѣрѣ года 4 отдѣляютъ эти воспоминанія отъ другихъ, уже совершенно ясныхъ, относящихся къ моему десятилѣтнему возрасту.

О смерти Наполеона я помню уже весьма отчетливо тогдашніе разсказы.

Каррикатуры на французовъ, выходившія въ 1815—1817 годахъ, расходившіяся тогда по всѣмъ домамъ, я какъ теперь вижу.

Я знаю отъ моихъ родителей — я научился русской грамотѣ почти самоучкою, когда мнѣ было 6 лѣтъ, и я хорошо помню, что учился именно по каррикатурамъ, изданнымъ въ видѣ картъ въ алфавитномъ порядкѣ [1]). Первая буква *А* представляла глухого мужика и бѣгущихъ отъ него въ крайнемъ безпорядкѣ французскихъ солдатъ съ подписью:

*А*сь, право глухъ Мусье, что мучить старика,
Коль надобно чего, спросите казака.

Буква *Б*. Наполеонъ, скачущій въ саняхъ съ Даву и Понятовскимъ на запяткахъ, съ надписью:

*Б*ѣда, гони скорѣй съ грабителемъ московскимъ,
Чтобъ въ сѣти не попасть съ Даву и Понятовскимъ.

В. Французскіе солдаты раздираютъ на части пойманную ворону и одинъ изъ нихъ, изнуренный голодомъ, держитъ лапку, а другой, валяясь на землѣ, лижетъ изъ пустого котла. Надпись:

*В*орона какъ вкусна, нельзя ли ножку дать,
А мнѣ изъ котлика хоть жижи полизать.

---

[1]) Весьма рѣдкій экземпляръ этихъ каррикатуръ находится въ нашей библіотекѣ.
Ред.

Можетъ быть, я живо помню эти карты и потому, что ихъ видѣлъ потомъ, когда мнѣ было болѣе 6-ти лѣтъ; но то, что помню почти исключительно три первыя *А*, *Б*, *В*—показываетъ, что на память мою онѣ подѣйствовали всего сильнѣе, когда я учился грамотѣ, то есть когда мнѣ было 6 лѣтъ. Правда, я помню и еще одну изъ этихъ картъ съ буквою *Щ* и подписью:

*Щ*астье за Галломъ, уставъ бресть пѣшкомъ,
Рѣшилось въ станъ русскій скакать съ казакомъ.

Но это потому, что долго, долго задумывался на ней, не умѣя себѣ объяснить, почему какой-то французъ въ мундирѣ, увозимый въ каретѣ казакомъ и при томъ желающій выпрыгнуть изъ кареты, именуется щастьемъ. Какое же это счастье для насъ? думалось мнѣ.

Это ученье грамотѣ по каррикатурнымъ картинкамъ врядъ-ли одобрится педагогами. И въ самомъ дѣлѣ, эти первыя каррикатурныя впечатлѣнія не развили во мнѣ склонность къ насмѣшкѣ и свойство подмѣчать въ людяхъ скорѣе смѣшную и худую сторону, чѣмъ хорошую. За то эти каррикатуры надъ кичливымъ, грознымъ и побѣжденнымъ Наполеономъ, вмѣстѣ съ другими изображеніями его бѣгства и нашихъ побѣдъ, развили во мнѣ рано любовь къ славѣ моего отечества. Въ дѣтяхъ, какъ я вижу, это первый и самый удобный путь къ развитію настоящей любви къ отечеству.

Такъ было, по крайней мѣрѣ, у меня, и я отъ 17 до 30-ти лѣтъ, окруженный чуждою мнѣ народностью [1]), среди которой жилъ, учился и училъ, не потерялъ однако же нисколько привязанности и любви къ отчизнѣ, а потерять въ ту пору было легко: жилось въ отчизнѣ не очень весело и не такъ привольно, какъ хотѣлось жить въ 20 лѣтъ. Не родись я въ эпоху русской славы и искренняго народнаго патріотизма, какою были годы моего дѣтства, едва ли бы изъ меня не вышелъ космополитъ; я такъ думаю потому, что у меня очень рано развилась, вмѣстѣ съ глубокимъ сочувствіемъ къ родинѣ, какая-то непреодолимая брезгливость къ національному хвастовству, ухорству и шовинизму.

---

[1]) Въ Дерптѣ. Ред.

Начиная съ десяти лѣтъ моей жизни, я уже помню отчетливо. И дѣтство мое до 13 — 14 лѣтъ оставило по себѣ самыя пріятныя воспоминанія.

Отецъ мой служилъ казначеемъ въ Московскомъ провіантскомъ депо; я какъ теперь вижу его одѣтымъ, въ торжественные дни, въ мундиръ съ золотыми петлицами на воротникѣ и обшлагахъ, въ бѣлыхъ штанахъ, большихъ ботфортахъ съ длинными шпорами; онъ имѣлъ уже маіорскій чинъ, былъ, какъ я слыхалъ, отличный счетоводъ, ѣздилъ въ собственномъ экипажѣ и любилъ, какъ всѣ москвичи, гостепріимство. У отца было насъ четырнадцать человѣкъ дѣтей,—шутка сказать,—и изъ четырнадцати, во время моего дѣтства, оставалось на лицо шесть: трое сыновей и столько же дочерей. „Малъ бѣхъ въ братіи моей и юнѣйшій въ домѣ отца моего". И изъ насъ шестерыхъ умеръ еще одинъ, не достигнувъ пятнадцати-лѣтняго возраста—мой старшій братъ Амосъ.

Кто хочетъ заняться исторіею развитія своего міровоззрѣнія, тотъ долженъ, воспоминаніями изъ своего дѣтства, разрѣшить нѣсколько весьма трудныхъ для разрѣшенія вопросовъ.

Во-первыхъ, какъ ему вообще жилось въ то время? Потомъ, какія преимущественно впечатлѣнія оставили глубокіе слѣды въ его памяти? Какія занятія и какія забавы нравились ему всего болѣе? Какимъ наказаніямъ онъ подвергался, часто ли и какія наказанія всего сильнѣе на него дѣйствовали? Какіе разсказы, книги, поступки старшихъ и происшествія его интересовали и волновали? Что болѣе завлекало его вниманіе: окружающая его природа или общество людей?

Въ старости всѣ эти вспоминанія дѣлаются яснѣе, старикъ вспоминаетъ давно прошедшее: дѣлало ли на него такое впечатлѣніе, какимъ онъ его представляетъ себѣ теперь?

Роясь въ архивѣ своей памяти на старости лѣтъ, насъ поражаетъ, прежде всего, необъяснимое тождество и цѣльность нашего *я*. Мы ясно ощущаемъ, что мы уже не тѣ, чѣмъ мы были въ дѣтствѣ, и въ то же время мы не менѣе ясно ощущаемъ, что наше *я* осталось въ насъ или при насъ съ того самаго момента, какъ мы начали себя помнить, до сегодня, и знаемъ навѣрное, что оно же останется и до послѣдняго вздоха, если только не умремъ въ безпамятствѣ или въ домѣ умалишенныхъ.

Странно, удивительно странно это ощущеніе тождества нашего *я* въ разныхъ, едва похожихъ одинъ на другой, портретахъ, съ разными противоположными чувствами, убѣжденіями и взглядами на себя, на жизнь, на все окружающее. Да вѣдь *я*—это одно личное мѣстоименіе,—откуда же ему взяться у ребенка, напримѣръ, незнающаго грамматики, или у безграмотнаго взрослаго? Смѣшно, не правда ли, нонсенсъ, абсурдъ. Самоощущеніе бытія, и какъ такое, оно должно неминуемо въ насъ быть отъ колыбели до могилы, а какъ и чѣмъ оно о себѣ даетъ знать себѣ же самому и другимъ—личнымъ ли мѣстоименіемъ или другимъ какимъ условнымъ знакомъ, это ни на іоту не перемѣняетъ сущности дѣла. Ребячье *я* даетъ о себѣ знать и другимъ въ третьемъ лицѣ личнаго мѣстоименія, поставляя себя, вѣроятно, внѣ себя, а глухо-нѣмой отъ рожденія, вѣроятно, имѣетъ для себя другой какой условный знакъ или ноту.

XXIV.

Дѣтство, какъ я сказалъ, оставило у меня, до тринадцатилѣтняго возраста, однѣ пріятныя впечатлѣнія. Уже, конечно, не можетъ быть, чтобы я до тринадцати лѣтъ ничего другого не чувствовалъ кромѣ пріятностей жизни, не плакалъ, не болѣлъ; но отчего же непріятное изчезло изъ памяти, а осталось одно только общее, пріятное воспоминаніе? Положимъ, старикамъ всегда прошедшее кажется лучшимъ, чѣмъ настоящее. Но не всѣ же вспоминаютъ отрадно о своемъ дѣтствѣ, какъ бы жизнь въ этомъ возрастѣ ни была для нихъ плохою. Нѣтъ, вспоминая обстановку и другія условія, при которыхъ проходила жизнь въ моемъ дѣтствѣ, я полагаю, что дѣйствительно ея наслажденія затмили въ моей памяти всѣ другія мимолетныя непріятности.

Родители любили насъ горячо; отецъ былъ отличный семьянинъ; я страстно любилъ мою мать и теперь еще помню, какъ я, любуясь ея темнокраснымъ, цвѣта массака, платьемъ, ея чепцомъ и двумя локонами, висѣвшими изъ-подъ чепца, считалъ ее красавицею, съ жаромъ цѣловалъ ея тонкія руки, вязавшія для меня чулки; сестры были гораздо старше меня и относились ко

мнѣ также съ большою любовью; старшій братъ былъ на службѣ, средній, тремя—четырьмя годами старше меня, жилъ со мною дружно.

Средства къ жизни были болѣе, чѣмъ достаточны; отецъ, сверхъ порядочнаго по тому времени жалованья, занимался еще веденіемъ частныхъ дѣлъ, бывъ, какъ кажется, хорошимъ законовѣдомъ. Вновь выстроенный домъ нашъ у Троицы, въ Сыромятникахъ, былъ просторный и веселый съ небольшимъ, но хорошенькимъ садомъ, цвѣтниками, дорожками. Отецъ, любитель живописи и сада, разукрашалъ стѣны комнатъ и даже печки фресками какого-то доморощеннаго живописца Арсенія Алексѣевича, а садъ—бесѣдочками и разными садовыми играми. Помню еще живо изображеніе лѣта и осени на печкахъ въ видѣ двухъ дамъ съ разными атрибутами этихъ двухъ временъ года; помню изображенія разноцвѣтныхъ птицъ, летавшихъ по потолкамъ комнатъ, и турецкихъ палатокъ на стѣнахъ спальни сестеръ.

Помню и игры въ саду въ кегли, въ крючки и кольцы, цвѣты съ капельками утренней росы на лепесткахъ,... живо, живо, какъ будто вижу ихъ теперь.

Итакъ жизнь моя ребенкомъ до тринадцати лѣтъ была весела и привольна, а потому и не могла не оставить одни пріятныя воспоминанія.

Ученье и школа до этого возраста также не были мнѣ въ тягость. Я уже сказалъ, какъ я легко и почти играючи научился читать; послѣ того чтеніе дѣтскихъ книгъ было для меня истиннымъ наслажденіемъ; я помню, съ какимъ восторгомъ я ждалъ подарка отъ отца книгою: „Зрѣлище вселенной“, „Золотое зеркало для дѣтей“, „Дѣтскій вертоградъ“, „Дѣтскій магнитъ“, „Пальнаевы (sic) и Эзоповы басни“, и все съ картинками; читались и прочитывались по нѣсколько разъ и все съ апетитомъ, какъ лакомства.

Но всего болѣе занимало меня „Дѣтское чтеніе“ Карамзина въ 10 или 12 частяхъ,—славная книга, чего въ ней не было! и діалоги, и драмы, и сказки,—прелесть! потому прелесть, что это чтеніе меня, семи—восьми-лѣтняго ребенка, прельстило знакомствомъ съ Альфонсомъ и Далаидою или чудесами природы, съ почтенною г-жею Добролюбовою, съ старикомъ Яковомъ и его чернымъ пѣтухомъ, обнаружившимъ воришку и лгунишку Под-

шивалова; да такъ прельстило, что 60 слишкомъ лѣтъ эти фиктивныя личности не изгладились изъ памяти. Я не помню подробностей разсказовъ, но что-то общее чрезвычайно пріятное и занимательное осталось отъ нихъ до сихъ поръ въ моемъ воспоминаніи.

Нѣсколько лѣтъ позже я прочелъ Донкихота въ сокращенномъ переводѣ съ французскаго; помню еще, что и отецъ читывалъ его намъ; читалъ потомъ и неизбѣжнаго Робинзона и волшебныя сказки; но эффектъ чтенія всѣхъ этихъ книгъ не можетъ сравниться съ тѣмъ, которое произвело на меня „Дѣтское чтеніе", и подарокъ его намъ отцемъ въ новый годъ я считаю самымъ лучшимъ въ моей жизни.

Такъ, нѣкоторыя впечатлѣнія почему-то дѣлаются неизгладимыми и выдѣляются ярко на фонѣ памяти. Сколько разъ атомы моего мозга замѣнялись, чрезъ обмѣнъ вещества, новыми, и всякій разъ передавали этимъ новымъ прежнія впечатлѣнія, то есть прежнія свои сотрясенія.

Изъ рисунковъ читанныхъ книгъ остались у меня въ памяти, кромѣ каррикатурныхъ фигуръ, по которымъ я учился азбукѣ, всего болѣе изображенія животныхъ, растеній и разныхъ національныхъ типовъ изъ „Зрѣлища вселенной", „Дѣтскаго музея" и Палласова „Путешествія по Россіи", бережно сохранявшагося у отца въ двухъ большихъ томахъ въ кожаномъ переплетѣ; изъ него всего отчетливѣе помню Лопаря, Самоѣда и нагую Чукотскую бабу. Очень рано попались мнѣ также въ руки отцовскій же Курганова „Письмовникъ", изъ коего на всю жизнь остались въ памяти разные смѣшные анекдоты, остроты и прибаутки; помню и еще одну книгу: „Повѣсти Коцебу" и особливо одну изъ нихъ: „Плащъ и парикъ". Басни Крылова во время моего перваго дѣтства не были еще въ ходу; къ намъ приходилъ какой-то знакомый господинъ, читавшій ихъ очень хорошо; дѣтей не заставляли еще заучивать ихъ ex officio и я proprio motu выучилъ наизустъ „Квартетъ",—мнѣ очень нравившійся, и особливо съ басомъ Мишенька,—„Демьянову уху", „Тришкинъ кафтанъ"; какъ видно, нравились мнѣ наиболѣе юмористическія.

Изъ другихъ стихотвореній я довольно рано, когда былъ еще лѣтъ девяти, познакомился съ „Людмилою и Свѣтланою" Жу-

ковскаго, декламировалъ, къ большому удовольствію домашнихъ слушателей, съ нѣкотораго рода пафосомъ и разными жестами; нѣсколько позже узналъ и старика съ щетинистой брадой, блестящими глазами; но страшно боялся встрѣчи съ нимъ въ темной комнатѣ, и бѣгомъ, зажмуря глаза, проходилъ чрезъ нее.

Первый романъ, попавшійся мнѣ въ руки на 12-мъ году моей жизни, былъ „Фанфанъ и Лолотта“, Дюкре-дюмениля, и я помню, что не одна фабула романа завлекла меня, а образъ Лолотты. Должно быть заговорили рано развившіеся половые инстинкты.

Первый учитель данъ былъ мнѣ на девятомъ году жизни; до того времени я былъ самоучка при помощи матери и сестеръ, весьма ограниченной, впрочемъ, по собственному ихъ признанію.

Странно, что я помню довольно ясно занятія грамотою и чтеніемъ, но совсѣмъ не помню, когда и какъ научился писать.

Къ чести нашей домашней педагогіи, я долженъ сказать, что занятія съ первымъ моимъ учителемъ начались съ отечественнаго языка; звуковъ иностраннаго языка я почти не слыхалъ до восьми лѣтъ; какъ въ просонкахъ вспоминаю только напѣвъ какой-то нѣмецкой пѣсни и мнѣ сказывали сестры, что одинъ, вхожій въ нашъ домъ, нѣмецъ иногда бралъ меня на руки и нянчилъ, припѣвая что-то по своему.

Появленіе въ домѣ перваго учителя совпадаетъ у меня съ воспоминаніемъ о рожденіи въ Москвѣ нашего нынѣшняго государя (Александра Николаевича), а это вспоминаніе совпадаетъ, въ свою очередь, съ другимъ, а именно—съ путешествіемъ всей семьи къ Троицѣ (т. е. въ Троицко-Сергіевскую лавру), во время котораго, при ночлегѣ въ селѣ Большихъ Мытищахъ, что-то говорилось о кормилицѣ новорожденнаго.

Судя по этому нужно думать, что мои первыя занятія съ учителемъ начались въ 1818 году. Я помню довольно живо молодого, красиваго человѣка, какъ мнѣ сказывали потомъ, студента, и помню не столько весь его обликъ, сколько однѣ румяныя щеки и улыбку на лицѣ. Вѣроятно, этотъ господинъ, назначенный мнѣ въ учители, былъ не семинаристъ. Это я заключаю изъ того, что онъ очень любилъ накрахмаленное бѣлье, а объ этой склонности я узналъ отъ моей старой няни, нерѣдко сѣтовавшей

на большой расходъ крахмала, и, дѣйствительно, его румяныя щеки представляются мнѣ и до сихъ поръ не иначе, какъ въ связи съ тугонакрахмаленными, стоячими воротничками рубашки. Но есть основаніе думать, что семинарское образованіе не было чуждо моему наставнику: это его склонность къ сочиненію поздравительныхъ рацей; одну изъ нихъ онъ заставилъ меня выучить для поздравленія отца съ днемъ Рождества Христова; первое четверостишіе я еще и теперь помню:

Зарею утренней, румяной,
Лишь только показался

(это, кажется, моя позднѣйшая поправка: въ текстѣ было „разливался“).

Въ одеждѣ солнечной, багряной
Направилъ ангелъ свой полетъ.

Кромѣ воспоминаній о щекахъ, улыбкѣ, воротничкахъ и этихъ стихахъ моего перваго учителя, мнѣ остались почему-то памятны и его бѣлые, съ тоненькими, синенькими полосками, панталоны. Всѣ эти атрибуты у меня какъ-то слились въ памяти съ понятіемъ о частяхъ рѣчи, полученнымъ мною, въ первый разъ, отъ обладателя щекъ, улыбки, воротничковъ, панталонъ и сочинителя первой-же и едва ли не единственной произнесенной мною рацеи. Отъ него же я научился и латинской грамотѣ.

Помню и второго моего учителя, также студента, но не университетскаго, а московской медико-хирургической академіи, низенькаго и невзрачнаго; при немъ я уже читалъ и переводилъ что-то изъ латинской хрестоматіи Кошанскаго; отъ этихъ переводовъ уцѣлѣло въ памяти только одно: Universum (или universus mundus—хорошо не помню) distribuitur in duas partes: coelum et terram.

На урокахъ, мнѣ кажется, онъ занимался со мною болѣе разговорами и словесными, а не письменными, переводами, тогда какъ первый учитель заставлялъ меня дѣлать тетрадки и писать разборы частей рѣчи. Почему, спрашивается, я помню, по прошествіи 62-хъ лѣтъ, еще довольно ясно читанное и слышанное и забылъ когда выучился писать и почти все, что писалъ; забылъ также когда и какъ выучился ходить и бѣгать? Не значитъ ли

это—пріобрѣтенное въ дѣтствѣ слухомъ и зрѣніемъ гораздо прочнѣе напечатлѣлось въ памяти, чѣмъ доставленное ей осязаніемъ? Осязаніе служитъ только повѣрочнымъ чувствомъ для впечатлѣній, прежде всего вступающихъ въ мозгъ чрезъ два его главныя и настежъ открытыя окна: глазъ и ухо.

XXV.

Причины, почему отъ впечатлѣній дѣтства остается тотъ или другой отрывокъ, часто ничѣмъ незамѣчательный и вовсе нехарактерный, такъ разнообразны, что никто не возмется опредѣлить ихъ. Но сила впечатлѣнія, безъ сомнѣнія, зависитъ отъ того—въ какой степени было напряжено вниманіе въ самый моментъ впечатлѣнія: какъ бы сильнымъ ни казалось впечатлѣніе извнѣ, оно пройдетъ безслѣдно для того, кто не обратилъ на него вниманія. Это такая банальная истина, что не стоило бы о ней распространяться; къ сожалѣнію, однако же немногіе родители и педагоги примѣняютъ ее такъ, какъ она этого заслуживаетъ,—заботятся болѣе о свойствахъ и степени внѣшнихъ впечатлѣній,—это легче и проще; усиливая стимулъ, думаютъ достаточно, чтобы усилить вниманіе ребенка.

Между тѣмъ мы видимъ, что не рѣдко самыя ничтожныя впечатлѣнія остаются въ памяти на цѣлую жизнь, тогда какъ, повидимому, очень сильныя исчезаютъ изъ памяти безслѣдно, и это потому, что мы не умѣли или не могли сосредоточить на нихъ вниманіе того, для кого необходимо было это сдѣлать. По моему, не тотъ хорошій наставникъ, кто, обладая знаніями, излагаетъ отчетливо и добросовѣстно свой предметъ ученику, а тотъ, кто умѣетъ хорошо обращаться съ внимательностію своихъ учениковъ. Упражненіе вниманія—вотъ настоящая задача школы и воспитанія. Преподаваніе наше не только не всегда сосредоточиваетъ, но, напротивъ, еще отвлекаетъ и развлекаетъ внимательность; также дѣйствуетъ и глупое воспитаніе.

По мѣрѣ того, какъ крѣпнетъ мягкій, студенистый дѣтскій мозгъ, онъ дѣлается болѣе способнымъ къ удержанію внѣшнихъ впечатлѣній; развитіе внимательности, вѣроятно, соотвѣтствуетъ, въ извѣстной степени, развитію способности въ мозговой ткани

къ удержанію впечатлѣній; но не смотря на это, способность внимать остается все-таки чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ способности удерживать впечатлѣнія. Память и внимательность не идутъ рука объ руку. Не смотря на всѣ усилія мнемонистики, мы немногимъ можемъ содѣйствовать къ развитію памяти; тогда какъ въ рукахъ умнаго воспитателя есть много средствъ къ развитію внимательности ребенка.

Правда, эти средства все-таки не болѣе, какъ внѣшнія; но, распорядившись искусно, мы можемъ съ ними проникнуть и внутрь. Наглядность, въ соединеніи съ словомъ—вотъ эти средства, разумѣя подъ именемъ наглядности все дѣйствующее на внѣшнія чувства. Другихъ средствъ нѣтъ и быть не можетъ. Искуство состоитъ въ гармоническомъ сочетаніи обоихъ и правильномъ взглядѣ на индивидуальность дитяти. Вещь не легкая, и такъ какъ это не легко и для большинства невозможно, то главную роль въ нашемъ воспитаніи и играетъ жизнь, а не воспитатели и не школа. Горе намъ отъ глупыхъ и неумѣлыхъ воспитателей, но еще горьшее горе отъ одностороннихъ, вбившихъ себѣ въ голову, что на одной только наглядности или только на словѣ можно основать все школьное воспитаніе.

Наглядность, имѣя главною цѣлью воздѣйствіе на внѣшнія чувства, можетъ оставить внимательность ребенка къ своимъ болѣе глубокимъ внутреннимъ ощущеніямъ и движеніямъ нетронутою или мало развитою. Слово, проникая такъ же извнѣ, дѣйствуетъ своими членораздѣльными звуками на самую главную, самую существенную способность человѣка—пѣть по этимъ врожденнымъ нотамъ, то есть мыслить. Конечно, молча никто не будетъ учить и наглядностью; но внимательность ребенка, при одномъ наглядномъ ученіи, обратится исключительно на внѣшніе предметы, смыслъ и значеніе которыхъ для него легче постигнуть, чѣмъ смыслъ слова; мышленіе его дѣлается болѣе, такъ сказать, объективнымъ, связаннымъ съ представленіями формы предметовъ, а не внутреннимъ ихъ значеніемъ и смысломъ.

Внѣшнія чувства наши очеловѣчиваются при помощи опыта и мышленія. Но логика чувствъ своеобразна; она основана на какомъ-то механизмѣ, дѣйствующемъ при сознаніи нами бытія, но не дающемъ о себѣ знать этому сознанію. Поэтому логика

нашихъ чувствъ не нуждается въ словесномъ и основанномъ на членораздѣльныхъ знакахъ мышленіи; тѣмъ не менѣе развитіе ея совпадаетъ съ развитіемъ этого мышленія.

Въ то время, какъ ребенокъ дѣлается словеснымъ животнымъ и дѣятельность его внѣшнихъ чувствъ дѣлается отчетливѣе для него и для другихъ—съ этимъ вмѣстѣ усиливается и внимательность. Итакъ, самовоспитаніе ребенка основано на наглядности, то есть на упражненіи внѣшнихъ чувствъ. Воспитателямъ же приходится только продолжать и направлять это самовоспитаніе, и главное—не упускать ничего, на первыхъ же порахъ, для развитія внимательности ребенка, не давая ей ни разсѣеваться слишкомъ скоро, ни сосредоточиваться односторонне. Но какъ только сознательное и словесное мышленіе ребенка дастъ о себѣ знать воспитателю, онъ обязанъ, какъ можно скорѣе, воспользоваться этимъ даромъ и употребить его въ дѣло; да, въ дѣло, а не на бездѣлье.

Должно помнить, что даръ слова есть единственное и неоцѣненное средство проникать внутрь, гораздо глубже, чѣмъ посредствомъ однихъ внѣшнихъ чувствъ. Но для достиженія этой цѣли необходимо воспитателю орудовать даромъ слова такъ, чтобы онъ употреблялся имъ не для одного только осмысленія пріобрѣтаемаго наглядностію матеріала, а также и для воздѣйствія на другія, болѣе глубокія, влеченія души, скрывающіяся подъ наплывомъ внѣшнихъ ощущеній. И съ этой стороны необходимо развитіе внимательности, но, конечно, болѣе осторожное и постепенное. Что развитіе дара слова, чрезъ обученіе грамотѣ, можетъ начаться, безъ всякаго вреда для ребенка, очень рано и въ уровень съ нагляднымъ ученіемъ, доказательствомъ тому служатъ многіе примѣры. Я научился грамотѣ, играючи, когда мнѣ было шесть лѣтъ; мой младшій сынъ выучился по складнымъ буквамъ, безъ всякой другой помощи, шестилѣтнимъ ребенкомъ. Быстро и легко достигнутый успѣхъ объясняется, я думаю, тѣмъ, что внимательность наша была случайно обращена на предметы, сразу заинтересовавшіе нашу дѣтскую индивидуальность, а къ этимъ предметамъ очень кстати были принаровлены азбучные знаки.

Меня, то есть мой индивидуальный складъ, и мою, только что развивавшуюся индивидуальнаго склада, душу заинтересовали каррикатурныя изображенія прогнанныхъ изъ Москвы францу-

зовъ, о которыхъ разсказы я безпрестанно слышалъ. Эти занятные для меня разсказы, въ связи съ дѣтскою склонностью къ юмору, обратили мою внимательность и на загадочные знаки азбуки, стоявшіе во главѣ каррикатуръ. Звуки словъ, начинавшихся этими знаками, были знакомые уху: *А*—*А*сь, *Б*—*Б*ѣда, *В*—*В*орона, и дѣло пошло скоро на ладъ.

Шестилѣтняго моего сына, болѣе склоннаго къ отвлеченію, вѣроятно заинтересовали мистическія (для него) фигуры большихъ литеръ складной азбуки и ихъ таинственная (для него) связь съ представляемыми ими звуками. Вѣрно, безсознательно интересна была для внимательности ребенка фигура, скрывавшая въ себѣ звукъ.

Безъ сомнѣнія, индивидуальность играетъ тутъ главную роль. Всегда найдется средство задѣть ту ея струнку, сотрясеніе которой могло бы разбудить внимательность, а занявъ ее, можно будетъ принаровить и обученіе грамотѣ, и дѣйствіе слова къ обратившему на себя внимательность предмету.

Не одна наглядность,—и слово интересуетъ дѣтей; какъ слово и раннее обученіе грамотѣ я считаю необходимымъ дѣломъ для культурнаго общества. Евреи, какъ древній, много испытавшій народъ, знаютъ это по опыту; пятилѣтнихъ дѣтей они сажаютъ за грамоту, да еще за какую, не чета нашей, усвоиваемой теперь по звуковому и другимъ новѣйшимъ способамъ. Еврей употребляетъ грамоту, именно, для воздѣйствія на затаенныя, еще не развитыя, высшія души къ высшему началу. Этимъ держится еврейство, и его способъ обученія дѣтей, не смотря на его отсталость и грубость пріемовъ, имѣетъ важное значеніе въ жизни.

Наблюдавъ развитіе дѣтей въ еврейскихъ школахъ, я не замѣтилъ, чтобы ихъ способъ обученія много препятствовалъ дѣйствію наглядности; за исключеніемъ нѣкоторыхъ индивидуальностей, склонныхъ чрезъ мѣру къ отвлеченіямъ и религіозному фанатизму, бо́льшая часть еврейскихъ дѣтей легко пріобрѣтаютъ все то, что дается нагляднымъ обученіемъ, но религіозное настроеніе, сообщенное раннимъ воздѣйствіемъ слова, ихъ не оставляетъ на цѣлую жизнь, и не смотря на ихъ семитическіе инстинкты и внѣшній, тяготѣющій на нихъ, гнетъ.

Но если еврейскій Меламдъ, съ его незатѣйливыми средствами, такъ умѣетъ сосредоточивать внимательность пяти—шести-

лѣтнихъ ребятъ на изученіи мертваго для насъ языка, то значитъ, искуство это нетрудное.

Почему же оно у насъ не процвѣтаетъ, а если и прогрессируетъ, то черепашьимъ ходомъ?

Не говоря уже о томъ давнемъ времени, когда я самъ учился, не болѣе какъ двадцать лѣтъ назадъ, я, бывъ попечителемъ двухъ учебныхъ округовъ, ужасался, видѣвъ, какъ мало знакомы были учители и весь оффиціальный персоналъ нашихъ школъ съ этою главною отраслію въ педагогіи. Въ это замѣчательное время наши педагоги вспомнили о Песталоци и Дистервегѣ и возлагали большія надежды на наглядное обученіе, думая найдти въ наглядности талисманъ для культуры дѣтской внимательности. И я самъ не былъ свободенъ отъ этого увлеченія. Но опытъ не оправдалъ розовыхъ надеждъ.

Теперь я убѣдился, что ни наглядность, ни слово, сами по себѣ, безъ умѣнія съ ними обращаться какъ надо и безъ другихъ условій, ничего путнаго не сдѣлаютъ. Я убѣдился еще въ томъ, – и это главное,—что односторонность въ культурѣ внимательности у народа, какъ нашъ, еще недавно выступившаго на поприще образованія, никуда не годится.

Одностороннему Меламду это дѣло удается, не смотря на грубѣйшіе пріемы, потому что у евреевъ, какъ у народа древняго, есть традиція образованія, да, къ тому же еще, грамота и религія, въ понятіи еврея, неразлучны. Западные народы могутъ также быть односторонними въ образованіи и опять потому же, что имѣютъ преданія и традиціи. У насъ же ихъ нѣтъ и мы живемъ и начинаемъ учиться во время, вовсе неблагопріятное для дѣйствія и силы традицій.

XXVI.

Вся жизнь моя сложилась бы другимъ образомъ, если бы при моемъ воспитаніи съумѣли развить и хорошо направить мою внимательность. Недостатка въ этой способности у меня не было: была, и не въ малой степени, и разносторонность ума, но и то, и другое были такъ мало культивированы, что я легко дѣлался односторонникомъ, не умѣя обращаться съ моею внимательностью и направлять ее какъ слѣдуетъ.

Вообще, мнѣ кажется, на эту замѣчательную психическую способность мало обращаютъ вниманія. Можно обладать прекрасно устроенными отъ природы органами чувствъ; эти органы могутъ быть очень чуткими къ принятію впечатлѣній, могутъ отлично удерживать впечатлѣнія, а потому и отлично содѣйствовать внимательности; но если она сама будетъ не развита и заглушена безпорядочнымъ и, выражаясь по нѣмецки, тумультуарнымъ наплывомъ впечатлѣній, въ дѣтскомъ возрастѣ, то ничего путнаго не выйдетъ, развѣ самъ Богъ поможетъ, наконецъ, человѣку, уже болѣе или менѣе взрослому, углубиться въ себя и понять, чего ему недостаетъ для самовоспитанія.

Съ матеріальной точки зрѣнія, внимательность есть особое состояніе напряженія тѣхъ элементовъ мозга, которыми воспринимаются приносимыя органами чувства впечатлѣнія. Въ самый моментъ дѣйствія это напряженіе не можетъ не быть одностороннимъ; но культурою (упражненіемъ) его можно сдѣлать менѣе одностороннимъ.

Такъ, астрономъ, во время наблюденія за прохожденіемъ звѣздъ, можетъ сосредоточить свою внимательность на впечатлѣнія зрительныя и слуховыя въ одно и то же время, смотря въ телескопъ и прислушиваясь къ колебаніямъ маятника. Но, сверхъ этой чувственной внимательности, есть еще и другая, какъ кажется, отличная отъ первой: внимательность къ болѣе глубокимъ психическимъ процессамъ; внимательность къ собственному своему *я*, то есть, къ своей мысли, волѣ, влеченіямъ и т. п. Культура этой способности ведетъ къ тому, что наше *я*, слѣдя за самимъ собою, дѣлаетъ изъ себя и для себя же нѣчто внѣшнее, объективное.

Кто хочетъ помочь ребенку сдѣлаться человѣкомъ, тотъ не долженъ упускать изъ виду эти два направленія внимательности; но въ этомъ дѣлѣ представляется воспитателю необыкновенная трудность; при культурѣ внимательности необходимо умѣнье индивидуализировать. Слишкомъ скорое и неосторожное развитіе, напримѣръ, внутренней (такъ назову ее) внимательности у нѣкоторыхъ (склонныхъ) отъ природы къ отвлеченію (т. е. къ внутренней, психической жизни) дѣтей, сдѣлаетъ изъ нихъ легко непрактичныхъ самоѣдовъ. Непомѣрное развитіе чувственной внимательности, при хорошемъ природномъ устройствѣ чувствъ, сдѣ-

лаетъ ихъ легко грубыми сенсуалистами и поклонниками чувственной красоты.

Чѣмъ ранѣе начнетъ развиваться внимательность, тѣмъ лучше для культурнаго человѣка. На первое время достаточно, если мы останемся благоразумными наблюдателями этого развитія, и не будемъ надоѣдать натурѣ нашими выдумками.

Довольно раннее обученіе грамотѣ при пособіи наглядности я считаю самымъ надежнымъ средствомъ къ правильному развитію внимательности. При этомъ способѣ нельзя опасаться односторонняго развитія; при немъ участвуютъ къ возбужденію внимательности и глазъ, и ухо, и осязаніе, и самое слово. Только впечатлѣнія, пріобрѣтенныя этимъ путемъ въ раннемъ дѣтствѣ, и остаются въ насъ цѣльными и связными, красною нитью тянутся они чрезъ всю жизнь.

Что, въ самомъ дѣлѣ, связнаго осталось въ архивѣ моей памяти отъ шести—восьми-лѣтняго возраста? Грамота, которой я учился по картинкамъ, и самыя картинки (каррикатуры); читая теперь какую-нибудь книгу, мнѣ стоитъ только хоть немножко отвлечься въ прошедшее, и „*А*—Ась, право глухъ Мусье", сейчасъ вынырнетъ откуда-то, какъ изъ омута. Всѣ прочія воспомнанія моего дѣтства въ этомъ возрастѣ (шести—восьми лѣтъ) или туманны и призрачны, или же отрывочны и сомнительны.

Я различаю, однако-же, довольно отчетливо мои самыя раннія воспоминанія отъ другихъ позднѣйшихъ (напримѣръ, изъ тринадцати-лѣтняго возраста). Я не сомнѣваюсь, напримѣръ, что удержавшееся весьма ясно представленіе моей матери еще моложавою женщиною въ красномъ массака цвѣта платьѣ, въ чепцѣ, съ двумя темнорусыми пуклями на лбу, осталось у меня въ памяти отъ восьми-лѣтняго возраста.

Моя мать, какъ я слышалъ отъ нея, вышла замужъ пятнадцати лѣтъ, имѣла 14 дѣтей, я былъ предпослѣднимъ (послѣдній ребенокъ умеръ вскорѣ послѣ рожденія); слѣдовательно, ей не могло быть болѣе 36 лѣтъ, когда мнѣ было 8; потомъ же, когда я ходилъ въ школу двѣнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ, я уже ее помню не такою; утрата двухъ взрослыхъ дѣтей и невзгоды жизни, стрясшіяся надъ нею въ теченіи этого времени, сильно

измѣнили ея наружность; она постарѣла и образъ ея сливается уже, въ моей памяти, съ другимъ, позднѣйшимъ, такъ что теперь мать моя представляется мнѣ въ двухъ, совершенно различныхъ одинъ отъ другого, видахъ: то какъ моложавая, смотрящая на меня съ любовью, женщина, въ темно-красномъ капотѣ, чепцѣ и пукляхъ, то какъ старушка съ сморщеннымъ лицемъ, согнутымъ туловищемъ и туманнымъ взглядомъ, почти такая же, какою она была въ послѣднее время своей жизни, тридцать лѣтъ тому назадъ, хотя я навѣрное знаю, что между этими двумя видами остался у меня въ памяти еще и третій, несходный ни съ однимъ изъ нихъ, но такъ туманный и блѣдный, что я не могу его облечь въ ясное представленіе.

Образы другихъ близкихъ мнѣ лицъ сохранились въ памяти только по однимъ позднѣйшимъ представленіямъ. Образъ отца остался въ памяти такимъ, какъ я его помню, бывъ уже студентомъ (17 лѣтъ),. незадолго до его смерти. Мою старую няньку и старую служанку я помню также только въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ мнѣ представлялись, когда я былъ уже взрослый (отъ 25 до 30 лѣтъ).

Отрывочныхъ и очень раннихъ воспоминаній (изъ шести—восьми-лѣтняго возраста), весьма отчетливо еще сохранившихся въ архивѣ 70-лѣтней моей памяти, я насчитываю не болѣе семи или восьми. Предметы ихъ ничего не имѣютъ общаго между собою; только бѣлыя розы въ стаканѣ воды, бѣличье одѣяло и сѣрая кошка Машка связаны въ моемъ представленіи, и это, безъ сомнѣнія, потому, что я ихъ всегда видалъ вмѣстѣ, возлѣ меня, открывъ глаза при пробужденіи отъ сна.

По всѣмъ соображеніямъ ни розы, ни одѣяло, ни сѣрая Машка не были при мнѣ, когда мнѣ еще маленькому (не болѣе десяти лѣтъ) мальчику нянька напоминала о нихъ, какъ о чемъ-то давно прошедшемъ: „а помнишь-ли (и эти слова я также живо помню) твою Машку, которую ты такъ бережно закутывалъ твоимъ бѣличьимъ одѣяломъ, когда ложился спать“?

Помню еще отцовскую саблю въ мѣдныхъ ножнахъ, дѣдушкинъ рыжеватый парикъ, длинный колодезный насосъ, упавшій при вставливаніи въ садовый колодезь и разбившій окно въ комнатѣ, гдѣ я сидѣлъ, и, наконецъ, бѣлые, стоячіе воротнички и панталоны моего перваго учителя. Есть и еще одно воспоми-

наніе, относящееся приблизительно къ тому же времени; это появленіе въ домѣ крѣпостной семьи, состоявшей изъ мужа, жены и грудного ребенка. Памятна именно новость появленія, то есть памятно сознаніе, что прежде ихъ не было, а тутъ они откуда-то явились и явился откуда-то кривой Иванъ, смотрѣвшій однимъ только блестящимъ глазомъ, а другой былъ бѣлый какъ мѣлъ.

Всѣ другія, не менѣе ясныя, воспоминанія остались вѣрно отъ позднѣйшаго времени.

Я оставался вмѣстѣ съ семьею въ томъ домѣ, размалеванныя стѣны котораго, фасадъ и садикъ помню еще такъ живо, до 14-лѣтняго возраста, и потому самыя раннія воспоминанія о немъ сливаются съ поздними. Но сабля, парикъ, воротнички и панталоны, одни уже не были на виду и спрятаны въ старый хламъ, другіе выбыли вмѣстѣ съ ихъ обладателемъ, жившимъ у насъ, какъ я слышалъ, не болѣе одного года.

Что же заставило именно эти отрывочныя, но ясныя представленія остаться такъ долго въ памяти? Почему они не стушевались въ хламѣ другихъ впечатлѣній, безпрестанно дѣйствовавшихъ на мой дѣтскій мозгъ? Вопросъ, конечно, неразрѣшимый. Придется перенестись въ себя чрезъ пропасть времени. За такой сальто-мортале можно, пожалуй, считать старика выжившимъ изъ ума. Но что за бѣда, если и провалишься въ безднѣ самого себя.

Нѣкоторыя впечатлѣнія ранняго дѣтства остаются на цѣлую жизнь, очевидно отъ сильныхъ сотрясеній всего дѣтскаго организма, а также чрезъ частые разсказы о выдающихся случаяхъ въ обыденной жизни.

Вломившаяся въ окно комнаты, въ которой я сидѣлъ, огромная бадья колодезнаго насоса не могла не навесть на меня страхъ и ужасъ—и вотъ, въ памяти осталось навсегда представленіе торчащей чрезъ разломанное окно балки, потрясшей своимъ появленіемъ въ комнатѣ съ трескомъ и стукомъ не только внѣшнія чувства, но и все мое тѣло.

Такъ и во многихъ другихъ воспоминаніяхъ давнопрошедшаго повторенные о нихъ разсказы, безъ сомнѣнія, много содѣйствуютъ къ удержанію его въ памяти, чѣмъ оно само по себѣ.

Впечатлѣнія, повторявшіяся неоднократно и въ извѣстные моменты жизни, какъ, напримѣръ, впечатлѣнія, произведенныя на меня бѣлыми розами, при пробужденіи отъ сна, и бѣлыми воротничками съ розовыми щеками учителя во время первыхъ моихъ уроковъ, также не могли не остаться въ памяти долѣе другихъ. Разсказы, волнующіе дѣтскія страсти, наводящіе ужасъ и т. п., такъ сильно дѣйствуютъ на воображеніе ребенка, что слышанное впослѣдствіи представляется ему видѣннымъ; это понятно потому, что подтверждается примѣрами и изъ жизни взрослаго человѣка; но гораздо интереснѣе и поучительнѣе наблюденіе, доказывающее, что и одно возбужденіе разсказомъ дѣтской внимательности приводитъ къ тому же результату.

Это дѣлаетъ мощь слова нагляднымъ и убѣждаетъ, что слово можетъ еще замѣнить наглядность, но одна наглядность никогда не замѣнитъ слова. Наглядное, одно само по себѣ, безъ помощи слова, хотя и можетъ глубоко врѣзаться въ память ребенка, но всегда останется чѣмъ-то отрывочнымъ и несвязнымъ, тогда какъ впечатлѣніе, произведенное словомъ, будетъ болѣе цѣльное и связное.

Я говорилъ уже объ отцовской саблѣ и дѣдушкиномъ парикѣ. Оба эти предмета остались у меня въ памяти слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ потому только, что съ ними связаны два разсказа.

Разсматривая мѣдныя ножны, я внимательно слушалъ трогательное для меня повѣствованіе моей няньки о томъ, какъ отецъ, во время нашего бѣгства изъ Москвы въ 1812-мъ году, спасъ этою саблею крестьянку, везшую молоко; на нее напалъ какой-то буйный ратникъ (ополченный) и грабилъ уже ее, когда отецъ мой замѣтивъ это, выскочилъ изъ повозки, пригрозилъ саблею и прогналъ грабителя; въ знакъ благодарности за спасеніе я получилъ кружку молока. Сабля была тяжела и я только смотрѣлъ на нее, а не надѣвалъ. Но рыжеватый дѣдушкинъ парикъ я надѣвалъ на себя, слушая разсказы о томъ, какъ дѣдушка, Иванъ Михѣевичъ, входя въ церковь, всегда снималъ свой парикъ и, обнажая свою плѣшивую, какъ кулакъ, голову, приводилъ въ соблазнъ „предстоящихъ (по выраженію мѣстнаго священника, упрекавшаго дѣдушку за это) людей въ храмѣ Божіемъ“. Не слышь я этихъ разсказовъ, вѣрно, и сабля, и парикъ давно исчезли бы

изъ памяти. И кривой, бѣлый какъ мѣлъ, глазъ крѣпостного Ивана также изгладился бы непремѣнно изъ моей памяти,—мало ли такихъ кривыхъ я видѣлъ на свѣтѣ,—если бы не явился къ намъ въ домъ однажды какой-то шарлатанъ изъ Сибири, наговорившій Ивану о чудесахъ своего искуства; онъ началъ приставать съ мольбами къ матушкѣ о дозволеніи возвратить ему глазъ; шарлатанъ, любопытные разсказы котораго объ ѣздѣ на собакахъ въ Якутскѣ я также припоминаю, началъ впускать въ бѣлый глазъ какіе-то бѣлые порошки; глазъ раскраснѣлся, шарлатана прогнали, а Иванъ остался, попрежнему, кривымъ, да въ добавокъ еще и осмѣяннымъ. Я былъ зрителемъ, но гораздо болѣе слушателемъ этой драмы.

Слышанное въ раннемъ, то есть слово, такъ сильно дѣйствуетъ, что впечатлѣнія, производимыя имъ на воображеніе и память ребенка, легко превращаются въ наглядные образы. Изъ однихъ разсказовъ о моемъ дѣдушкѣ, умершемъ когда мнѣ было не болѣе 4-хъ лѣтъ, составился въ моемъ воображеніи весьма опредѣленный образъ высокаго, сухощаваго старика въ парикѣ; парикъ былъ тутъ только, такъ сказать, прибавочнымъ нагляднымъ представленіемъ, дополнявшимъ слышанное и препятствовавшимъ мнѣ воображать дѣдушку плѣшивымъ, какимъ онъ былъ по разсказамъ; чертъ лица въ воображаемомъ образѣ не было видно, но представленіе высокаго старика въ парикѣ было такъ ясно, что еще и до сихъ поръ осталось во мнѣ смутное убѣжденіе, какъ будто бы нѣкогда я видалъ его живымъ.

Сильное дѣйствіе на насъ часто слышанныхъ устныхъ разсказовъ всѣмъ такъ знакомо, что мы легко объясняемъ себѣ образованіе призрачныхъ фантомовъ, составляющихся въ нашемъ воображеніи изъ слышаннаго нами неоднократно и потому только одному, или же по другой причинѣ, обратившаго на себя наше вниманіе; но труднѣе гораздо объяснить, почему однажды только слышанное или видѣнное нами можетъ залечь надолго и даже навсегда въ нашей памяти.

Такъ, я до сихъ поръ живо помню, видѣнное мною только одинъ разъ въ ризницѣ Троицкой лавры, самородное изображеніе креста съ стоящею предъ нимъ на колѣняхъ фигурою; я былъ тогда восьми-лѣтнимъ ребенкомъ и какъ теперь вижу бѣлый,

прозрачный, выпуклый камень съ этимъ изображеніемъ; предо мною, какъ будто на яву, стоитъ монахъ, поднятою рукою держитъ камень противъ свѣта. Я положительно знаю, что никогда въ другой разъ не былъ въ ризницѣ лавры.

Помню также живо до сихъ поръ однажды слышанное отъ какого-то мальчика,—правда, то были знакомыя мнѣ слова псалма: „всякое дыханіе да хвалитъ Господа"; я ихъ слыхалъ и читалъ въ псалтирѣ не разъ; но почему же я помню всю обстановку, при которой они были слышаны мною?

Мнѣ было то же не болѣе (скорѣе менѣе) восьми лѣтъ, когда я, гуляя съ нянькою на берегу Яузы, услышалъ визгъ собаки; приблизившись, мы увидѣли двухъ мальчишекъ, изъ нихъ одинъ топилъ собаку, другой его удерживалъ, громко заявляя: „всякое дыханіе да хвалитъ Господа!" Нянька моя похвалила его за это, и мы пошли далѣе.

Безъ сомнѣнія, очень рано являются въ насъ, конечно, при извѣстной внѣшней обстановкѣ, психическія настроенія, дѣлающія насъ чрезвычайно воспріимчивыми къ нѣкоторымъ впечатлѣніямъ; подѣйствовавшее на насъ въ моментъ такого настроенія, повидимому и незначительное, и даже не разъ уже испытанное нами, впечатлѣніе остается навсегда въ памяти и всегда, при удобномъ случаѣ, напоминаетъ намъ о своемъ существованіи. До сихъ поръ, я припоминаю и восклицаніе мальчика, и прогулку за Яузою, какъ скоро слышу слова псалма: „всякое дыханіе да хвалитъ Господа". Смотря на крестъ, припоминаю нерѣдко и видѣнное мною изображеніе въ лаврѣ. Мораль: педагогу необходимо знакомство съ этимъ замѣчательнымъ психическимъ процессомъ, но примѣненіе его на практикѣ невозможно: не педагогъ управляетъ жизнью, а жизнь имъ.

XXVII.

Кому изъ культурныхъ людей не приходилось мыслить о людскомъ воспитаніи? Кто изъ моралистовъ не желалъ бы перевоспитать человѣческое общество? Всѣ мыслители, я думаю, пришли къ тому заключенію, что воспитаніе нужно начать съ колыбели, если желаемъ кореннаго переворота нравовъ, влеченій и убѣжденій общества.

Про самого себя, конечно, никто не можетъ рѣшить, съ какой поры проявились въ немъ разныя склонности и влеченія; но кто слѣдилъ за развитіемъ хотя нѣсколькихъ особей отъ перваго ихъ появленія на свѣтъ до возмужалости, тотъ вѣрно убѣдился, что будущая нравственная сторона человѣка рано, чрезвычайно рано, едва ли не съ пеленокъ, обнаруживается въ ребенкѣ; къ сожалѣнію, поздно, слишкомъ поздно, узнаемъ мы будущее значеніе того, что мы давно замѣчали.

И на моихъ собственныхъ дѣтяхъ, и на нѣкоторыхъ другихъ лицахъ, знакомыхъ мнѣ съ ихъ дѣтства, я рано видѣлъ не мало намековъ о будущихъ ихъ нравахъ и склонностяхъ; но теперь только, когда, вмѣсто трехъ—четырехъ-лѣтнихъ дѣтей, я вижу предъ собою тридцати-лѣтнихъ мущинъ и женщинъ, только теперь я увѣряюсь изъ опыта, какъ вѣрны и ясны были эти намеки. Поумнѣвъ заднимъ умомъ, я вижу теперь, что не только о нравахъ, но и о будущихъ міровоззрѣніяхъ всѣхъ этихъ лицъ я могъ бы уже имѣть довольно ясное понятіе еще за двадцать пять лѣтъ, если бы умѣлъ прочесть „мани, факелъ, фаресъ“ въ ихъ дѣтскихъ поступкахъ.

Что и сколько мы приносимъ съ собою на свѣтъ, и что и сколько потомъ получаемъ отъ него, этого мы никогда не узнаемъ, а потому и увѣренность воспитаніемъ нашимъ дать ребенку все то, что мы желаемъ дать, я считаю однимъ самообольщеніемъ.

Я не отвергаю, что Песталоцци, Фребель и друг. передовые педагоги и фанатики своего дѣла дали хорошее воспитаніе своимъ питомцамъ; но не вѣрю, чтобы искуственные способы и систематическое ихъ примѣненіе, предложенные этими педагогами, произвели благотворное дѣйствіе на массы людей и на все общество.

Главная сила искуственнаго, строго систематическаго воспитанія, есть болѣе отрицательная; какъ бы рано оно ни начиналось, дѣйствуя однообразно и односторонне на различнѣйшія индивидуальности, оно можетъ многое, конечно и худое, уничтожить; но развить что либо въ нравственномъ отношеніи можетъ оно только извнѣ. Конечно, и это одно можно назвать положительнымъ результатомъ, но такимъ, который годенъ только для какой-либо односторонней, то есть отрицательной для другихъ сторонъ цѣли.

А разныхъ сторонъ нашего нравственнаго бытія не мало; заставить, напримѣръ, четырехъ—пяти-лѣтнихъ дѣтей, по Фребелю, играть въ опредѣленный часъ такъ, въ другой часъ иначе, осмыслять каждую его игру и забаву, не значитъ ли дѣйствовать отрицательно, и систематически отрицательно, на свободу такихъ его дѣйствій, которыя, по существу и цѣли, требуютъ наибольшей свободы. Я, по крайней мѣрѣ, не жалѣю, что жилъ ребенкомъ въ то время, когда еще неизвѣстны были Фребелевы сады. Но, конечно, общества, приготовляющія себя къ соціальному перерожденію, не могутъ не увлекаться воспитаніемъ, обѣщающимъ сдѣлать изъ людей манекеновъ свободы.

Главная немощь духа есть, именно, односторонность его стремленій на пути прогресса.

Вездѣ, начиная отъ моды и доходя до фанатизма, мы испытываемъ вліяніе этой немощи.

Но если намъ не суждено узнать всестороннюю истину и всестороннее добро, то мы должны, по крайней мѣрѣ, не слишкомъ довѣрять нашему всегда одностороннему прогрессу. Особливо же осторожно надо относиться къ практическимъ примѣненіямъ добытыхъ имъ истинъ.

Надо помнить, что излюбленное передовыми умами, а за ними и цѣлымъ обществомъ, направленіе истины всегда временно и, отживъ свой срокъ, уступаетъ мѣсто другому, нерѣдко совершенно противоположному.

Реакція и въ политикѣ, и въ наукѣ, и въ искуствѣ—вездѣ необходимое зло и неизбѣжное слѣдствіе немощи духа.

Я прожилъ только семьдесятъ лѣтъ,—въ исторіи человѣческаго прогресса это одинъ мигъ,—а сколько я уже пережилъ системъ въ медицинѣ и дѣлѣ воспитанія! Каждая изъ этихъ проявленій односторонности ума и фантазіи, каждая примѣнялась по нѣскольку лѣтъ на дѣлѣ, волновала умы современниковъ и сходила потомъ съ своего пьедестала, уступая его другой, не менѣе односторонней. Теперь, при появленіи новой системы, я могъ бы сказать то же, что отвѣтилъ одинъ старый чиновникъ Подольской губерніи на вопросъ новаго губернатора:

— „Сколько лѣтъ служите?"

— Честь имѣлъ пережить уже двадцать начальниковъ губерніи, ваше превосходительство!

О медицинѣ скажу послѣ; а въ дѣлѣ воспитанія я засталъ еще крупные остатки средневѣковой школы, видалъ въ прусскихъ регулятивахъ и временной ея рецидивъ; былъ знакомъ и съ остатками Ланкастерской (еще существовавшей при мнѣ въ Одесскомъ округѣ); присутствовалъ при возобновленіи нагляднаго ученія Песталоцци, былъ современникомъ „Ясной Поляны", псевдоклассицизма и псевдореализма—настоящими я ихъ не называю потому, что они вступали въ школы съ заднею мыслью.

Все было и сплыло.

Но не вездѣ и не всегда старые чиновники переживаютъ двадцать губернаторовъ; не вездѣ и не всегда обстоятельства благопріятствуютъ частымъ смѣнамъ принциповъ, системъ и лицъ, а главное—не вездѣ и не всегда одностороннее влеченіе ума и фантазіи скоро смѣняется другимъ; оно, какъ мы видимъ, можетъ длиться цѣлые вѣка, пока на смѣну его явится другое. Мы, русскіе, по крайней мѣрѣ, счастливы тѣмъ, что односторонности нашего и чужаго ума у насъ, какъ губернаторы въ Подольской губерніи, недолго (относительно) начальствуютъ. Мы не евреи и не западные народы, у насъ нѣтъ традицій воспитанія. Мы всѣ учились понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь.

XXVIII.

Подожду, однако же, говорить о школѣ, я еще не въ школѣ, и прежде чѣмъ попаду туда, посмотрю, что́ дало мнѣ домашнее воспитаніе въ возрастѣ отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ, воспоминанія о которыхъ остались въ моей памяти уже болѣе отчетливыми и связными.

Судя по нимъ, я былъ живой и разбитной мальчикъ, но должно быть не очень большой шалунъ; не помню, по крайней мѣрѣ, за собою никакой крупной шалости и никакого крупнаго наказанія за шалости. Вообще, я ни дома, ни въ школѣ не былъ ни разу сѣченъ; помню только три наказанія отъ матери: пощечину (однажды) за пощечину; я ударилъ въ щеку какого то мальчика, а матушка, бывшая свидѣтельницею самоуправства, расправилась точно также сама со мною. Я нахожу это весьма логич-

нымъ и педагогичнымъ; хотя эта расправа и не излечила меня отъ самоуправства радикально, но нерѣдко удерживала поднятую уже руку, припоминая мнѣ во-время, что и на меня можетъ подняться болѣе сильная рука.

Два другія наказанія дѣлались, сколько помню, не за шалости, а за капризъ; помню, какъ однажды горько и безутѣшно рыдалъ, выведенный въ переднюю съ запретомъ входить въ другія комнаты; но самое непріятное впечатлѣніе осталось у меня отъ удара рукою матери, попавшаго мнѣ нечаянно прямо подъ ложечку; съ разбѣгу я вскочилъ неожиданно въ комнату, гдѣ матушка была чѣмъ-то занята съ сестрами; съ горяча она вскочила и я прямо животомъ ударился объ ея размахнутую руку. Я какъ теперь помню, что мнѣ захватило духъ и я повалился на полъ. Скверно было то, что у меня послѣ этого нечаяннаго удара оставалась долго на душѣ какая-то злоба на мать.

Игры, забавы и занятія въ этомъ возрастѣ должны быть уже весьма внушительны для зоркаго наблюдателя; на нихъ можно основать не мало вѣроятную прогностику.

Изъ моихъ домашнихъ занятій (до школы), мнѣ кажется, я не отдавалъ преимущества ни одному кромѣ чтенія; считать не особенно любилъ, но четыремъ правиламъ ариѳметики научился еще до школы; любилъ также собирать и сушить цвѣты, разсматривать изображенія животныхъ и растеній и картинки историческаго содержанія, особливо изъ войны 1812-го года, бывшія тогда въ большомъ ходу. Латинская и французская грамматики не возбуждали моего сочувствія; но разборъ частей рѣчи изъ русской грамматики былъ для меня очень занимателенъ и я помню, что просиживалъ надъ нимъ охотно цѣлые часы. Личность учителей играла тутъ главную роль; учителя русскаго языка я и до сихъ поръ еще вспоминаю, хотя только по воротничкамъ, панталонамъ и рацеѣ; но изъ двухъ другихъ, занимавшихся со мною латынью и французскою грамотою, одного совсѣмъ забылъ, а другой мелькаетъ въ памяти какъ тѣнь какого-то маленькаго человѣчка.

Вообще, въ домашнемъ воспитаніи до двѣнадцати лѣтъ, я занимался только тѣмъ, что само по себѣ было для меня занимательно, а культурою моей в н и м а т е л ь н о с т и никто и не думалъ

заниматься,—и это я считаю главнымъ пробѣломъ моего первоначальнаго воспитанія, тѣмъ болѣе, что и потомъ, въ школѣ и университетѣ, никто, не исключая и меня самого, на развитіе этой способности не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Слѣдствіемъ этого пробѣла было, какъ я испыталъ впослѣдствіи, то, что я, отъ природы любознательный и склонный къ труду, во многомъ остался невѣжею и не пріобрѣлъ, когда могъ, тѣхъ знаній, которыя мнѣ впослѣдствіи были крайне необходимы.

Отъ недостатка въ культурѣ внимательности, она потомъ слишкомъ сосредоточилась, и я едва не сдѣлался одностороннимъ по принципу.

Но объ этомъ послѣ, когда буду говорить о моей юности.

Замѣчательно, однако же, что я очень долго не замѣчалъ слѣдствій этого пробѣла, пока, наконецъ, додумался до сути. Знай я это прежде, то и при воспитаніи моихъ дѣтей постарался бы болѣе о развитіи этой основной способности человѣческаго знанія, болѣе чѣмъ всѣ другія поддающейся нашей культурѣ.

Изъ моихъ дѣтскихъ игръ и забавъ памятны мнѣ очень двѣ главныя; одна изъ нихъ была моею любимою въ школѣ, съ моими сверстниками, безъ участія которыхъ она не могла бы и быть—это игра въ войну; какъ видно, я былъ храбръ, потому что помню рукоплесканія и похвалы старшихъ учениковъ за мою удаль.

Но другая игра весьма замѣчательна для меня тѣмъ, что она, какъ-будто, приподнимала мнѣ завѣсу будущаго. Это была странная для ребенка забава и называлась домашними игрою въ лекаря. Происхожденіе ея и исторія ея развитія такія:

Старшій братъ мой лежалъ больной ревматизмомъ; болѣзнь долго не уступала леченію и уже нѣсколько докторовъ поступали на смѣну одинъ другому, когда призванъ былъ на помощь Ефремъ Осиповичъ Мухинъ, въ то время едва ли не лучшій практикъ въ Москвѣ.

Я помню еще съ какимъ благоговѣніемъ приготовлялись всѣ домашніе къ его пріему; конечно, я, какъ юркій мальчикъ, бѣгалъ въ ожиданіи взадъ и впередъ; наконецъ, подъѣхала къ

крыльцу карета четвернею, ливрейный лакей открылъ дверцы и какъ теперь вижу высокаго, сѣдовласаго господина, съ сильно выдавшимся подбородкомъ, выходящаго изъ кареты.

Вѣроятно, вся эта внѣшняя обстановка, приготовленіе, ожиданіе, карета четвернею, ливрея лакея, величественный видъ знаменитой личности, сильно импонировали воображенію ребенка; но не настолько, чтобы тотчасъ же возбудить во мнѣ подражаніе, какъ обыкновенно это бываетъ съ дѣтьми; я сталъ играть въ лекаря потомъ, когда присмотрѣлся къ дѣйствіямъ доктора при постели больного и когда результатъ леченія былъ блестящій.

Такъ, по крайней мѣрѣ, я объясняю себѣ начало игры, послѣ глубокаго, еще памятнаго и теперь, впечатлѣнія, произведеннаго на все семейство быстрымъ успѣхомъ леченія. Послѣ того какъ, несмотря на всѣ усилія пяти—шести врачей, болѣзнь все болѣе и болѣе ожесточалась и я ежедневно слышалъ стоны и вопли изъ комнаты больного, не прошло и нѣсколько дней Мухинскаго леченія, а больной уже началъ поправляться. Вѣрно, тогда всѣ мои домашніе, пораженные какъ будто волшебствомъ, много толковали о чудодѣйствіи Мухина; я заключаю это изъ того, что до сихъ поръ сохранились у меня въ памяти разсказы о подробностяхъ леченія. Говорили: „Какъ только посмотрѣлъ Ефремъ Осиповичъ больного, сейчасъ обратился къ матушкѣ:

— „Пошлите сейчасъ же, сударыня,—сказалъ онъ,—въ москательную лавку за сассапарельнымъ корнемъ, да велите выбрать такой, чтобы давалъ пыль при разломѣ: сварить его надо также умѣючи въ закрытомъ и на глухо замазанномъ тѣстомъ горшкѣ, парить его надо долго; велите также тотчасъ приготовить сѣрную ванну“, и такъ далѣе.

Конечно, такой разсказъ, съ варіаціями, я долженъ былъ слышать неоднократно, а потому долженъ былъ и хорошо его запомнить.

Словомъ, впечатлѣніе, неоднократно повторенное и доставленное мнѣ и глазами, и ушами, было такъ глубоко, что я, послѣ счастливаго излеченія брата, попросилъ однажды кого-то изъ домашнихъ лечь въ кровать, а самъ, принявъ видъ и осанку доктора, важно подошелъ къ мнимо-больному, пощупалъ пульсъ, посмотрѣлъ на языкъ, далъ какой-то совѣтъ, вѣроятно также о приготовленіи декокта, распрощался и вышелъ преважно изъ комнаты.

Это я отчасти самъ помню, отчасти же знаю по разсказамъ, но весьма отчетливо уже припоминаю весьма часто повторявшуюся впослѣдствіи игру въ лекаря; къ повторенію побуждали меня, вѣроятно, внимательность и удовольствіе зрителей; подъ вліяніемъ такого стимула, я усовершенствовался и началъ уже разыгрывать роль доктора, посадивъ и положивъ нѣсколькихъ особъ, между прочими и кошку, переодѣтую въ даму; переходя отъ одного мнимо-больного къ другому, я садился за столъ, писалъ рецепты и толковалъ какъ принимать лекарства. Не знаю, получилъ ли бы я такую охоту играть въ лекаря, если бы, вмѣсто весьма быстраго выздоровленія, братъ мой умеръ. Но счастливый успѣхъ, сопровождаемый эффектною обстановкою, возбудилъ въ ребенкѣ глубокое уваженіе къ искуству, и я, съ этимъ уваженіемъ именно къ искуству, началъ впослѣдствіи уважать и науку.

Игра моя въ лекаря не была дѣтскимъ паясничаньемъ и шутовствомъ. Въ ней выражалось подражаніе уважаемому, и только какъ подражаніе она была забавна, да и то для другихъ, а для меня болѣе занимательна.

Не знаю, почему бы, въ самомъ дѣлѣ, уваженіе и возбуждаемый имъ интересъ, привязанность и любовь къ уважаемому предмету не могли быть мотивомъ дѣтскихъ игръ, когда на немъ основаны игры взрослыхъ. Чему, какъ не этому мотиву обязаны своимъ происхожденіемъ представленія въ лицахъ изъ жизни Спасителя у католиковъ, сцены изъ библейской исторіи на театрѣ прошедшихъ вѣковъ, и теперь еще разыгрываемыя евреями въ праздникъ Аммана.

Какъ бы то ни было, но игра въ лекаря такъ полюбилась мнѣ, что я не могъ съ нею разстаться и вступивъ (правда еще ребенкомъ) въ университетъ.

Увидѣвъ случайно въ первый же годъ моего пребыванія въ университетѣ камнесѣченіе въ клиникѣ, я на святкахъ у однихъ знакомыхъ вздумалъ потѣшить присутствующихъ молодыхъ людей демонстраціею на одномъ изъ нихъ видѣнной мною недавно операціи; я досталъ гдѣ-то бычачій пузырь, положилъ въ него кусокъ мѣла, привязалъ пузырь между ногъ, къ промежности одного смиренника между гостями, пригласилъ его лечь на столъ, раздвинувъ бедра, и, вооруженный ножемъ и какимъ-то еще, не помню, домашнимъ инструментомъ, вырѣзалъ, къ общему удовольствію, кусокъ мѣла съ соблюденіемъ Цельзова: tuto, cito et jucunde.

XXIX.

Я вступилъ въ школу одиннадцати—двѣнадцати лѣтъ, зная хорошо только читать, писать, считать по 4-мъ первымъ правиламъ ариѳметики и кое что переводить изъ латинской и французской хрестоматій; но я былъ бойкій, не лѣнивый и любившій ученье мальчикъ.

Родители, и именно мать моя, имѣли, судя по нынѣшнему, болѣе, чѣмъ странное понятіе о цѣляхъ образованія. Мать считала его необходимымъ въ высшей степени для сыновей и вреднымъ для дочерей. Мальчики, по ея мнѣнію, должны бы быть образованнѣе своихъ родителей, а дѣвочки не должны были, по образованію, стоять выше своей матери; впослѣдствіи, она горько раскаивалась въ своемъ заблужденіи. Отдавая такое предпочтеніе мальчикамъ, родители не пожалѣли своихъ, въ то время уже довольно ограниченныхъ, средствъ для обученія насъ двоихъ (меня и брата Амоса) въ частныхъ школахъ.

Меня отдали въ частный пансіонъ **Кряжева**, помѣщавшійся недалеко отъ насъ, въ томъ же приходѣ, въ знакомомъ мнѣ уже давно, по наружности, большомъ деревянномъ домѣ съ садомъ.

Какъ странна выдержка дѣтскихъ впечатлѣній! Въ эту минуту, когда я вспоминаю о пансіонѣ Кряжева, неудержимо приходитъ на память и сосѣдній домикъ дьякона, и алебастровая урна съ воткнутымъ въ нее цвѣткомъ на окнѣ мезонина, и дьяконъ Александръ Алексѣевичъ **Величкинъ** за обѣднею, на амвонѣ, въ башмакахъ и черныхъ шелковыхъ чулкахъ. Онъ идетъ мимо меня съ кадиломъ и щиплетъ меня мимоходомъ за щеку, а его племянникъ, студентъ-медикъ **Божановъ**, выставляетъ на окнѣ, къ великому соблазну молельщиковъ, возлѣ урны, черепъ, и киваетъ имъ, заставляя браниться и креститься проходящихъ въ церковь и изъ церкви людей; вслѣдъ за этимъ тотчасъ же припоминается и старый, страдавшій пляскою св. Витта, священникъ Троицы въ Сыромятникахъ; онъ едва стоитъ, безпрестанно вздрагиваетъ, что-то мычитъ про себя, а все служитъ и служитъ.

Почему и для чего уцѣлѣли всѣ эти впечатлѣнія, да такъ, что воспоминаніе объ одномъ неминуемо влечетъ за собою и цѣ-

лый рядъ другихъ? Отчего многое другое, несравненно болѣе значительное по содержанію и слѣдствіямъ, безвозвратно исчезло изъ хлама ни кому не нужныхъ, пошлыхъ впечатлѣній дѣтства!

Но вотъ я представляюсь Василью Степановичу Кряжеву; предо мною стоитъ, какъ теперь вижу, небольшой, но плотный господинъ съ краснымъ, какъ піонъ, лицемъ; волоса съ просѣдью, на большомъ, усаженномъ угрями, носѣ серебряныя очки, изъ-подъ нихъ смотрятъ на меня блестящіе, умные, добрые, прекрасные глаза, и я люблю вмѣстѣ съ ними и это багровое, какъ піонъ, лице, и бѣлыя руки, задававшія не разъ пали моимъ рукамъ; слышу симпатичный, но пронзительный и сотрясающій дѣтскія сердца, голосъ; и слыша этотъ грозный нѣкогда голосъ, вижу себя, какъ на яву, прыгающимъ по классному столу, подъ аплодисменты сидящихъ по обѣимъ сторонамъ стола зрителей— это ученики, соскучившіеся ждать учителя; вижу дверь разверзается, очки, красное лицо, несутся по классу приводящіе въ ужасъ звуки; я проваливаюсь чрезъ столъ, и затѣмъ уже ничего не помню,—пали линейкою и стояніе на колѣняхъ безъ обѣда сливаются въ памяти съ подобными же наказаніями за другіе проступки.

Да, В. С. Кряжевъ, какъ я теперь понимаю, былъ замѣчательный педагогъ въ свое время; энергическій, но гуманный; онъ сѣкъ и то только раза два въ годъ, не болѣе двухъ, уже извѣстныхъ намъ, другимъ ученикамъ, своею склонностью къ этого рода наказаніямъ; когда эти два искателя сильныхъ ощущеній вызывались изъ класса наверхъ къ Василію Степановичу, мы знали уже въ чемъ дѣло и, ухмыляясь, или же скорчивъ серьезную мину, посматривали другъ на друга.

Пали линейкою по ладонямъ, впрочемъ въ умѣренныхъ пріемахъ, стояніе на колѣняхъ, оставленіе безъ одного кушанья, рѣдко безъ всего обѣда и, наконецъ, арестъ въ классной комнатѣ во время прогулокъ и игръ въ саду,—вотъ всѣ наказанія, которымъ мы подвергались, и я не помню ни разу, чтобы мы роптали на несправедливость или жестокость.

В. С. Кряжеву было уже за пятьдесятъ, женатъ (былъ) на нѣмкѣ такихъ же лѣтъ и бездѣтенъ. Жена его Анна Ивановна съ важною физіономіею, также въ серебряныхъ очкахъ, какъ и самъ

Кряжевъ, памятна мнѣ по двумъ впечатлѣніямъ, сдѣланнымъ на меня: во первыхъ, ея дебелыми и выставленными для лобызанія руками; къ нимъ прикладывались всѣ мы ежедневно послѣ обѣда; а во вторыхъ—добродушною ласкою, расточавшеюся этою почтенною дамою всѣмъ оставленнымъ безъ прогулки или безъ обѣда ученикамъ.

Анна Ивановна Кряжева считала себя неразлучною съ пансіономъ особою. Шли ли мы за обѣдъ или въ церковь — Анна Ивановна была всегда тутъ какъ тутъ, вмѣстѣ съ мужемъ, или одна.

Я былъ полупансіонеръ и обѣдалъ въ пансіонѣ. Училище наше вѣрно пользовалось порядочною репутаціею въ Москвѣ; въ немъ учились дѣти значительныхъ дворянскихъ фамилій и богатыхъ купцовъ. Я засталъ Мельниковыхъ (братьевъ бывшаго министра путей сообщенія), Ключарева, князя Волконскаго. Обликъ всѣхъ ихъ сохранился ясно въ моей памяти, можетъ быть потому, что Мельниковы (изъ нихъ одинъ уже не учился, а только жилъ въ пансіонѣ) отличались отъ меня лѣтами,—они уже были юноши лѣтъ шестнадцати-семнадцати,—занятіями и искуствомъ танцовать матлотъ; Ключаревъ—близорукостью и искуствомъ рисовать головки, а Волконскій—пажескимъ мундиромъ, въ который онъ облекался въ торжественные дни, и весьма интимнымъ знакомствомъ съ незнакомыми мнѣ вовсе розгами; не проходило мѣсяца, въ который бы онъ не призывался Васильемъ Степановичемъ наверхъ для экзекуціи.

Наши учители, сколько я могу судить теперь, были всѣ очень порядочные люди и за исключеніемъ священника и учителя рисованія, какого-то Евграфа Степановича, и порядочные педагоги. Самъ Кряжевъ умѣлъ такъ учить, что нѣкоторые его уроки мнѣ и теперь еще памятны. Какъ будто слышу еще его декламацію изъ Лафонтена:

Triomphez belle rose, vous montez seule les caresses de Zephyr.

Знанія новыхъ языковъ Василья Степановича были для насъ предметомъ удивленія; онъ издалъ учебники французскаго, нѣмецкаго, англійскаго и едва-ли еще не итальянскаго языковъ; самъ преподавалъ намъ эти языки и я, въ теченіи года, благо-

17*

даря его урокамъ, могъ уже довольно свободно читать, то есть читать и понимать неизбѣжнаго Телемака и другія дѣтскія книги. Ученье нѣмецкому языку шло какъ-то вяло, но все-таки я узналъ его настолько, что кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ и съ помощью лексикона, могъ добраться иногда до смысла и въ нѣмецкой книжкѣ. И вдругъ, при такомъ слабѣйшемъ знакомствѣ съ языкомъ, Богъ знаетъ какъ и почему, заучилась и осталась съ тѣхъ поръ въ памяти одна строфа изъ Шиллера:

So willst du treulos von mir scheiden, etc.

Странное дѣло! Я Шиллера читалъ въ первый разъ въ Дерптѣ въ 1830-хъ годахъ; въ московскомъ университетѣ я не читалъ ни одной нѣмецкой книги, и когда поѣхалъ въ Дерптъ, то съ трудомъ могъ прочесть безошибочно нѣсколько строкъ, а между тѣмъ, навѣрное знаю и помню, что, пріѣхавъ въ Дерптъ, я зналъ наизустъ семь, восемь этихъ стиховъ изъ Шиллера. Откуда взялась такая выскочка въ памяти?

Учителя исторіи, географіи и математики, братья Терихины, были вѣрно не худые педагоги, если и то немногое, что я узналъ отъ нихъ въ два года, не совсѣмъ еще вышло изъ памяти, не смотря на то, что цѣлый десятокъ лѣтъ послѣ выхода изъ училища я не бралъ въ руки ни одной исторической и математической книги; а то, что̀ я потомъ узналъ самоучкою, рѣзко могу еще и теперь отличить въ моей памяти отъ моего школьнаго запаса; помню еще разсказы Терехина объ Аннибалѣ, Сципіонѣ, о причинахъ второй пунической войны; до императоровъ я въ пансіонѣ не дошелъ, и познакомился съ ними гораздо позже.

Изъ уроковъ математики Терехина осталось, правда, еще менѣе въ моемъ запасѣ; но это потому, что въ школѣ я былъ лучшимъ ученикомъ исторіи и русской словесности, а не математики. Между тѣмъ едва-ли у меня нѣтъ математической жилки; но она, мнѣ кажется, развивалась медленно съ лѣтами и когда мнѣ захотѣлось, и даже очень, знать математику—было уже поздно.

Основываясь на собственномъ опытѣ и на многихъ другихъ примѣрахъ, я считаю математику такою наукою, склонность и способность къ которой не всегда, какъ полагаютъ многіе, развивается въ раннихъ лѣтахъ; ея изученіе требуетъ особаго рода внимательности, слишкомъ разсѣянной у способныхъ дѣтей, и чѣмъ живѣе способный ребенокъ, чѣмъ болѣе предметовъ, пре-

пятствующихъ сосредоточенію его внимательности, тѣмъ легче можно ошибиться въ діагнозѣ, не узнавъ во-время и его способности къ математикѣ. Между тѣмъ, развить во-время у способнаго ребенка математическую жилку — важное дѣло, сильно вліяющее на будущность.

Сколько я помню, мнѣ особливо не нравился урокъ алгебры, и можно-ли возбудить внимательность ребенка отвлеченнымъ предметомъ, не объяснивъ его значенія и нагляднаго примѣненія, да еще въ наукѣ, не допускающей воздѣйствія на внимательность словомъ. Если бы меня не учили въ одно и то же время и извлеченію кубическихъ корней, и алгебрѣ, и геометріи, а заняли бы мое вниманіе постепенно однимъ предметомъ за другимъ, то я убѣжденъ, что изъ меня вышелъ бы не плохой математикъ, каковъ я есмь.

Геометрію я любилъ, но усталый отъ непонятной алгебры, пропускалъ многое безъ вниманія и на урокѣ геометріи; а то, что̀ слушалъ со вниманіемъ, удержалъ въ памяти и до сихъ поръ, и на вступительномъ экзаменѣ въ московскій университетъ получилъ даже отъ Чумакова, профессора математики, похвалу за то, что безъ доски, чертя рукою по воздуху, объяснилъ свойства параллельныхъ линій и Пифагоровыхъ штановъ.

Въ ученьи географіи былъ, въ то время, огромный пробѣлъ, сильно тормозившій распространеніе знаній о землѣ въ учащемся поколѣніи. Тормазъ этотъ существовалъ еще и чрезъ тридцать лѣтъ послѣ того, какъ я вышелъ изъ школы.

Физическая географія, самая инструктивная и основная, какъ знаніе, была въ полномъ пренебреженіи со стороны учебнаго вѣдомства. Въ то время, когда еще читались и были въ ходу такія книги, какъ „Разрушеніе Коперниковой системы“ (изданное въ Москвѣ священникомъ Сокольскимъ), въ школѣ мы получали какія-то отрывочныя понятія о земномъ шарѣ и никто изъ воспитателей не обращалъ нашего вниманія на сводъ неба. Я ни разу не помню, чтобы кто-нибудь въ лунную и звѣздную ночь указалъ намъ на небесный сводъ; самый земной шаръ, хотя и изображенный на классномъ глобусѣ, былъ для насъ скорѣе чѣмъ-то отвлеченнымъ, нежели нагляднымъ. О нѣмыхъ картахъ, планетахъ и т. п. не было и помину.

Нельзя себѣ представить съ какимъ живымъ любопытствомъ я чрезъ двадцать пять лѣтъ послѣ моего выхода изъ школы, въ

первый разъ въ жизни, разсмотрѣлъ нѣмыя карты частей свѣта, и какъ новы казались мнѣ представленія земли отъ взгляда, брошеннаго на эти карты.

И долго еще и послѣ того, пригоднѣйшая для развитія дѣтскаго соображенія и внимательности, наука была еще въ непонятномъ пренебреженіи и забытьи.

Что, казалось бы, всего проще, естественнѣе и дѣльнѣе, какъ не обращеніе перваго же вниманія ребенка на обитаемую имъ мѣстность, на круговзоръ, небесный сводъ, на то именно, что подъ нимъ, вокругъ его и надъ нимъ; на настоящее, а не на прошедшее; между тѣмъ, именно географія позже всѣхъ другихъ наукъ сдѣлалась воспитательною. Это не даромъ, есть причина. Какая?

Начать съ того, что географія, въ современномъ ея видѣ, наука относительно новая, а способы ея изученія почти новорожденные, тогда какъ другіе предметы дѣтскаго и школьнаго образованія стары, и, за исключеніемъ немногихъ, ровестники европейской цивилизаціи.

Сверхъ того, математическая сторона географіи требуетъ нѣкотораго умѣнья оріентироваться и представлять себѣ отношенія различныхъ величинъ и разстояній; а въ раннемъ дѣтствѣ, если и можно у ребенка развить эти способности, то не иначе, какъ черезчуръ сосредоточивая его внимательность туда именно, куда она всего менѣе влечется.

Чувственная внимательность въ раннемъ возрастѣ, сама по себѣ, вся обращена на ближайшіе, окружающіе ребенка, или кажущіеся ему близкими, предметы; а въ то же время развивающееся воображеніе привлекаетъ ее въ отдаленное пространство и время, то есть въ недѣйствительность; происходитъ нѣчто въ родѣ антагонизма между двумя влеченіями или токами внимательности. Съ одной стороны, глазъ ребенка занятъ разсматриваніемъ новыхъ или привлекательныхъ для него формъ, цвѣтовъ, движеній окружающихъ предметовъ; а съ другой стороны— слово увлекаетъ его въ далекія страны и въ давно прошедшія времена,—вонъ изъ окружающей дѣйствительности. Слишкомъ напрячь въ одну сторону или сосредоточить внимательность въ въ этомъ періодѣ развитія значило бы насиловать ее и мѣшать нормальному ходу ея развитія.

Слово, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, оказывало на меня, какъ и на бо̀льшую часть дѣтей, сильное вліяніе; я увѣренъ даже, что сохранившимися во мнѣ до сихъ поръ впечатлѣніями я гораздо болѣе обязанъ слову, чѣмъ чувствамъ. Поэтому немудрено, что я сохраняю почти въ цѣлости воспоминанія объ урокахъ русскаго языка нашего школьнаго учителя Войцеховича; у него, я, ребенокъ двѣнадцати лѣтъ, занимался разборомъ одъ Державина, басенъ Крылова, Дмитріева, Хемницера, разныхъ стихотвореній Жуковскаго, Гнѣдича и Мерзлякова. О Пушкинѣ въ школахъ того времени, какъ видно, говорить не позволялось.

Войцеховичъ умѣлъ отлично занимать насъ разсказами изъ древней и русской исторій, заставляя насъ къ слѣдующему уроку написать что слышали и изложить свое мнѣніе о героѣ разсказа, его дѣйствіяхъ, характерѣ и т. п. Ни на одинъ урокъ я не шолъ такъ охотно, какъ въ классъ Войцеховича; въ немъ все было для меня привлекательно. Серьезный, задумчивый, высокій и нѣсколько сутуловатый, съ добрыми, голубыми глазами, Войцеховичъ (кандидатъ московскаго университета) одушевлялся на урокѣ такъ, что одушевлялъ и насъ; я былъ, судя по отличнымъ отмѣткамъ, которыя онъ мнѣ всегда ставилъ въ классномъ журналѣ, лучшимъ изъ его учениковъ и должно быть этимъ держалъ на караулѣ мою внимательность.

На урокахъ же Войцеховича я познакомился съ „Письмами русскаго путешественника" и русскою исторіею Карамзина (тогда еще новинкою), „Пантеономъ русской словесности", и читалъ потомъ, въ неклассное время, съ увлеченіемъ эти книги. Я могу сказать, что и русскую исторію узналъ почти впервые изъ уроковъ русскаго языка; особаго преподавателя русской исторіи, сколько помню, не было въ пансіонѣ Кряжева.

Нашъ славный, добрый Войцеховичъ должно быть не уцѣлѣлъ; я его видѣлъ потомъ въ университетской клиникѣ съ костоѣдою (вѣроятно туберкулозною) тазобедреннаго сустава; посѣщеніемъ моимъ онъ былъ и тронутъ, и удивленъ, услышавъ, что я пошелъ по медицинскому, а не по словесному факультету.

Но если я не могу равнодушно вспомнить о педагогическихъ достоинствахъ Войцеховича и всегда съ благодарностію произношу его имя, то также неравнодушно, только съ другой стороны, вспоминаю учителя латинскаго языка, попа, — имени не

помню; за доброту и чрезмѣрную мягкость души, пожалуй, приличнѣе бы было его величать священникомъ, но за ученье онъ не стоитъ названія и попа, а развѣ только попика. Это было какое-то вялое, безжизненное, хотя и добрѣйшее существо, среднихъ лѣтъ, и довольно благообразное въ своей темно-лиловой шелковой рясѣ. Боже мой! что это были за уроки! Если бы я самъ, любя, почему? и самъ не знаю, — латинскій языкъ, не занимался дома, не зубрилъ грамматику Кошанскаго, многаго вовсе не понимая, и не переводилъ кое-что изъ Корнелія Непота и латинской хрестоматіи, съ помощію лексикона Ѳомы Розанова, то вѣрно не зналъ бы и то немногое изъ латыни, съ которымъ я поступилъ въ московскій университетъ.

Между тѣмъ, къ моему горю, я убѣжденъ, что могъ бы быть порядочнымъ латинистомъ; впослѣдствіи, познакомившись нѣсколько съ римскими классиками, я одинъ, безъ руководителя, съ наслажденіемъ, читалъ ихъ; не прощу, однако же, никогда ни попу-учителю, ни Горацію за трудъ, истраченный мною безуспѣшно въ пріискахъ сокровеннаго смысла его стиховъ.

Впрочемъ, къ утѣшенію моему, я убѣдился, что не меня одного ничему не научили попы; въ московскомъ университетѣ я встрѣчалъ потомъ и старыхъ семинаристовъ, не больше моего успѣвшихъ въ пониманіи Горація. Какъ передъ собою вижу стараго студента изъ семинаристовъ, медика Тихомірова, памятнаго для меня, тогда безусаго мальчика, и по темно-синему цвѣту выбритыхъ щекъ и подбородка; я, шестнадцати-лѣтній мальчишка, вздумалъ составлять по какимъ-то старымъ книгамъ руководство къ химіи для студентовъ и, написавъ предисловіе, показалъ его другому товарищу студенту; тотъ, какъ видно, бывъ гораздо умнѣе меня, написалъ на заглавномъ листѣ моей рукописи nonum prematur in annum, Horat.; только промахнулся на ортографіи и вмѣсто annum хватилъ anum. Прочитавъ это, я погрузился въ размышленіе, что сей сонъ значитъ, и приглашаю на совѣтъ стараго Тихомірова; онъ, читая, также погружается въ раздумье.

— „Знаете“, говоритъ мнѣ, „вѣдь это неловко, сально выходитъ: prematur, знаете, прижимается какъ бы или втискивается что-ли, а потомъ in anum; это, это сально; не обращайтесь съ этимъ господиномъ; онъ долженъ быть свинья“.

Такъ мы и не разобрали Горація, и только чрезъ нѣсколько

дней послѣ этого происшествія я раскусилъ въ чемъ дѣло и поблагодарилъ благоразумнаго, хотя и незнакомаго съ римскою ортографіею, товарища за добрый совѣтъ.

Казалось бы, каждый учитель, прошедшій самъ школу, долженъ и по себѣ знать какъ долго, на цѣлую жизнь нерѣдко остаются въ памяти добрыя и худыя дѣла наставниковъ, а между тѣмъ, большей части наставниковъ отъ этого ни тепло, ни холодно, и такіе попы, какъ мой школьный учитель латыни, и теперь еще не рѣдкость.

Про законъ Божій я и не говорю; уже, конечно, не катехизисомъ и не священною исторіею, въ ея школьномъ нарядѣ, могъ онъ привлечь мое вниманіе, когда не умѣлъ этого сдѣлать классицизмомъ.

XXX.

Изъ этого обзора моихъ школьныхъ занятій я заключаю, что первоначальное мое ученіе не основывалось ни на какомъ принципѣ; оно не было ни классическимъ, ни реальнымъ. Всего болѣе знанія я вынесъ по двумъ языкамъ: русскому и французскому; на обоихъ (могъ) я читать и понимать читанное, могъ и писать. Къ нашему позору, насъ учили также и говорить по французски, давая марки, оставляя безъ одного кушанья и безъ гулянья за несоблюденіе правила говорить внѣ классовъ между собою по французски.

Да, я считаю позоромъ для насъ, русскихъ, что наши родители, воспитатели и само правительство поощряли эту поскудную, пошлую и вредную мѣру. Говорить дѣтямъ и не дѣтямъ одной народности между собою на иностранномъ языкѣ, безъ всякой необходимости, для какого-то безцѣльнаго упражненія для упражненія,—это, по моему, верхъ нелѣпости, и главное — нелѣпости вредной, мѣшающей развитію и мысли, и отечественнаго языка.

Много я думалъ объ этомъ при воспитаніи моихъ дѣтей; я имѣлъ средства воспитать ихъ въ упражненіяхъ на французскомъ діалектѣ и, вѣроятно, этимъ повліялъ бы благотворно на ихъ будущую карьеру въ нашемъ обществѣ; но я не могъ преодолѣть въ себѣ отвращенія отъ этого нелѣпаго способа образованія дѣтей. Мыслить на двухъ и трехъ языкахъ, и даже мы-

слить на винегретѣ изъ трехъ языковъ. каждому изъ насъ возможно, но чтобы мыслить всесторонне, ясно и отчетливо на чужомъ языкѣ, нужно знать его съ пеленокъ, точно также, какъ свой родной и, пожалуй, лучше своего, или же изучить этотъ чужой языкъ глубоко, какъ изучитъ его тотъ, кто видитъ въ немъ единственное средство къ пріобрѣтенію какого нибудь знанія или къ достиженію какой либо цѣли жизни.

Такъ, два и три языка дѣлаются родными для жителей пограничныхъ провинцій, для дѣтей смѣшанныхъ браковъ; а изъ обитателей окраинъ современные евреи мыслятъ и говорятъ на какой-то смѣси семитическаго и двухъ или трехъ арійскихъ нарѣчій.

Такъ, въ прошлыхъ вѣкахъ, всѣ почти ученые и передовые люди разныхъ націй, изучившіе глубоко латинскій языкъ, и мыслили на немъ, и писали, и говорили между собою.

Русскія дѣти не подходятъ ни подъ одно изъ этихъ условій; всѣ почти учатся разговорному чужому языку въ пяти—восьмилѣтнемъ возрастѣ у боннъ, гувернантокъ и гувернеровъ. Между тѣмъ, еще задолго до этого возраста, какъ только ребенокъ начинаетъ лепетать—родное слово вступаетъ въ неразрывную связь съ племенною мыслью (о наслѣдствѣ въ юности которой едва ли можно сомнѣваться). Возможно-ли же чужому слову нарушать это право родного языка безъ вреда для процесса мышленія и не нарушая его нормальнаго развитія?

Вредъ состоитъ въ томъ, что внимательность ребенка, вмѣсто того, чтобы постепенно углубляться и сосредоточиваться на содержаніи предметовъ и тѣмъ служить къ развитію процесса мышленія, остается на поверхности, занимаясь новыми именами знакомыхъ уже предметовъ.

Такимъ образомъ, стараясь сдѣлать для дѣтей языкъ своимъ или почти роднымъ, мы въ бо́льшей части случаевъ достигаемъ одного изъ двухъ результатовъ. Или ребенокъ, излагая что либо на чужомъ языкѣ, будетъ только пріискивать слышанныя и затверженныя имъ иностранныя слова и фразы для замѣны ими словъ и выраженій родного языка; въ этомъ случаѣ внимательность ребенка привыкаетъ останавливаться на одномъ внѣшнемъ, на формѣ слова и оставляетъ содержаніе въ сторонѣ, нетронутымъ; впослѣдствіи это направленіе внимательности можетъ сдѣлаться привычнымъ, а мышленіе—поверхностнымъ и одностороннимъ

нимъ. Или же, ребенокъ, дѣйствительно, начнетъ думать не на одномъ своемъ, а на разныхъ языкахъ; но на каждомъ изъ нихъ, въ бо́льшей части случаевъ, кругозоръ мышленія едва-ли можетъ быть всестороннимъ и неограниченнымъ.

Только геніальные люди, и то въ исключительныхъ случаяхъ, могли мыслить и излагать свои мысли о различныхъ предметахъ знанія на чужомъ языкѣ также полно, также глубокомысленно и ясно, какъ и на своемъ родномъ.

Но и даровитые люди, изучавшіе съ малолѣтства практически и научно французскій языкъ, думали и писали на немъ, какъ на родномъ, только въ извѣстномъ, ограниченномъ кругѣ мышленія. Пушкинъ, напримѣръ, писавшій и говорившій по французски не хуже природнаго француза, былъ бы вѣрно плохимъ французскимъ поэтомъ.

Бисмаркъ при мнѣ говорилъ, что ему также легко написать дипломатическую ноту по французски, какъ и по нѣмецки, хотя ему легче говорить и писать на родномъ языкѣ. И про себя я знаю, что во время моей профессуры въ Дерптѣ мнѣ легче было читать и писать о научныхъ (медицинскихъ) предметахъ по нѣмецки, чѣмъ по русски; читая и пиша, я и думалъ по нѣмецки; нѣмцамъ, читавшимъ писанныя мною лекціи, приходилось исправлять весьма немногое, только нѣкоторые падежи и незначительныя слова, — между тѣмъ говорить и писать по нѣмецки о другихъ предметахъ я могъ не иначе, какъ переводя съ русскаго на нѣмецкій языкъ.

Я полагаю, что такой степени знанія иностраннаго языка совершенно достаточно для каждаго, видящаго въ языкознаніи лишь одно научное средство къ обладанію знаніемъ самаго предмета. Достигнуть же этой степени знанія языка можно и не рискуя нарушить у ребенка нормальный ходъ развитія внимательности и мышленія. Я вынесъ изъ школы только одну нѣмецкую грамоту, да и то произношеніе мое было черезъ-чуръ неправильно, и не смотря на это, начавъ учиться по нѣмецки, — уже бывъ лекаремъ въ семнадцать лѣтъ,—я въ теченіи пяти лѣтъ могъ уже читать, говорить и писать по нѣмецки весьма порядочно.

И я остаюсь убѣжденнымъ въ томъ, что нашъ обычный способъ обученія малолѣтокъ, — едва не грудныхъ младенцевъ, — французскому и англійскому языкамъ—нелѣпъ; онъ позоритъ національное чувство, нисколько не содѣйствуя къ распространенію

научныхъ знаній и къ расширенію мыслительнаго кругозора въ нашемъ отечествѣ. Этотъ способъ можно бы было предоставить только однимъ, готовящимся съ пеленокъ вступать въ ряды извѣстнаго рода спеціалистовъ (дипломатовъ, драгомановъ, посланниковъ и царедворцевъ).

Можно ли ждать быстраго прогресса въ развитіи родного языка, племенной мысли, науки и искуства въ странѣ, гдѣ около трона, въ высшихъ кругахъ, въ салонахъ, дѣтскихъ, будуарахъ слышится говоръ туземцевъ на чуждомъ имъ языкѣ и гдѣ знаніе его сдѣлалось не средствомъ, а цѣлью образованія [1]).

Это превращеніе временнаго средства въ конечную цѣль лишило насъ научной и классической литературы, послуживъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, препятствіемъ распространенію охоты къ чтенію на русскомъ языкѣ. Научались европейскимъ языкамъ съ малолѣтства только въ верхнихъ слояхъ общества и только для себя, для своего круга, для салона, для карьеры, такъ какъ знаніе иностраннаго языка было вывѣскою образованія, а кто изъ этого класса хотѣлъ читать, тому, конечно, не нужны были книги на русскомъ языкѣ. А когда къ образованію начали стремиться и низшіе общественные слои, не имѣвшіе возможности познакомиться съ европейскими языками въ дѣтствѣ, то нечего было читать; научная и классическая литература не существовала на русскомъ языкѣ; въ ней не было породы бѣлой кости.

И вотъ культурная часть нашего общества распалась на два слоя: верхній, обладавшій всѣми средствами къ прочному образованію, но по своему рожденію, положенію, предразсудкамъ и т. п. не призванный къ серьезному научному труду, не нуждающійся ни въ отечественно научной литературѣ, ни въ переводѣ на русскій классическихъ произведеній другихъ народовъ; другой слой, нижній, почти цѣликомъ составился изъ пролетаріата; безъ знанія европейскихъ языковъ, безъ всякихъ средствъ, послѣ нелѣпой школьной подготовки вступала молодежь этого слоя въ высшія учебныя заведенія, и, желая научиться, для изученія какого бы то ни было предмета, не находила ни одного порядочнаго руководства на русскомъ языкѣ. Но на эту тему мнѣ придется еще говорить потомъ не мало.

---

[1]) Это замѣчаніе не совсѣмъ точно по отношенію къ послѣднему времени: въ послѣдніе годы русскій языкъ положительно получилъ гражданственность въ высшихъ сферахъ и занялъ вполнѣ подобающее ему мѣсто. Ред.

Впрочемъ, и то сказать — виновато въ нелѣпостяхъ нашихъ системъ образованія не столько общество, сколько внѣшнія обстоятельства при высшихъ соображеніяхъ, а чаще, кажется, при недостаткѣ, и даже полномъ отсутствіи, здраваго смысла.

Сверхъ многихъ незнаній, я вынесъ изъ школы и еще одно, благодаря Бога, неповредившее мнѣ въ жизни; это было незнаніе танцовальнаго искуства. Въ мое оправданіе я скажу, что еслибы нашъ танцмейстеръ Лилѣевъ и нашъ учитель попъ перемѣнялись своими ролями, то я вѣрно бы умѣлъ и танцовать, и переводить Горація, вступая въ московскій университетъ. Хотя для обученія латинскому языку и не требовались толстыя ляшки и икры Лилѣева, а для танцевъ лиловая ряса попа не только не была нужна, но даже препятствовала бы движенію ногъ въ антраша и матлотѣ, я убѣжденъ, однако же, что строгая выдержка, систематическая, чисто научная, послѣдовательность и энергія, которыя нашъ танцмейстеръ прилагалъ къ обученію насъ въ искусствѣ дѣлать разныя па, произвели бы на меня совершенно другое дѣйствіе, если бы были примѣнены къ урокамъ латинскаго языка. И наоборотъ, если бы въ танцовальномъ классѣ, гдѣ свирѣпствовалъ Лилѣевъ, предо мною явился нашъ тихій и мягкосердечный попикъ, я не бѣгалъ бы и не скрывался отъ танцовальныхъ уроковъ, какъ отъ грозы небесной.

Такимъ я остался и до сихъ поръ (1881 г.), что не могу смотрѣть на предметы забавы и разсѣянія, какъ на серьезныя дѣла. Поэтому, вѣрно, я не научился играть въ шахматы и въ карты. Картъ, исключая игры въ мельники и дурачки (въ мельники я игралъ нѣкогда, именно въ студенческіе годы, въ Дерптѣ, въ семействѣ Мойера, съ энтузіазмомъ и мастерски), я избѣгалъ и по другой причинѣ.

Когда за гробомъ отца, я шелъ съ старшимъ братомъ, то онъ, съ слезами на глазахъ, глубоко взволнованный, схватилъ меня за руку и сказалъ:

— „Слушай, Николай, клянись мнѣ на гробѣ отца, что не будешь никогда играть въ карты, онѣ погубили меня“.

Я поклялся, и всю жизнь мою ни разу не садился играть ни въ какую денежную или азартную игру, и ни одной изъ нихъ не знаю, въ дураки же и мельники я умѣлъ играть еще въ дѣтствѣ.

XXXI.

Во время моего двухъ-лѣтняго школьнаго ученья на нашемъ семействѣ стряслась не одна бѣда.

Сначала умерла, послѣ родовъ, старшая замужняя сестра, потомъ, чрезъ годъ, умеръ въ кори мой братъ Амосъ, другой старшій братъ, Петръ, что-то накуралесилъ по службѣ, проигравшись въ карты, женился на какой-то невзрачной особѣ, безъ позволенія отца. Наконецъ, пришла бѣда, въ конецъ раззорившая насъ.

Отецъ мой, не смотря на свою службу въ коммисаріатскомъ военномъ вѣдомствѣ, навѣрное не бралъ взятокъ. Онъ получалъ хорошій доходъ отъ частныхъ дѣлъ, которыя онъ умѣлъ, какъ я слыхалъ потомъ, вести хорошо.

Существованіе наше, до стрясшихся надъ нами бѣдъ, было вполнѣ обезпеченное, но кутежи, мотовство и растрата казенныхъ денегъ братомъ стоили отцу не мало денегъ и заботъ, а тутъ, вдругъ, нежданно-негаданно, падаетъ, какъ снѣгъ, на его озабоченную голову воровство коммисіонера Иванова, отправленнаго куда-то на Кавказъ, съ порученіемъ отвезти туда 30,000 руб. Ивановъ исчезаетъ съ деньгами и, не знаю на какомъ основаніи, присуждается казначей, — мой отецъ, — къ взносу значительной части этой суммы. Было ли тутъ со стороны отца какое упущеніе или несоблюденіе формальностей, до меня не дошло, но помню, что отецъ горько жаловался на несправедливость. Въ концѣ концевъ пришлось уплатить, а для этого пришли описывать все имѣніе и все наличное въ казну; описали домъ, мебель, платье; помню, какъ матушка и сестры плакали, укладывая въ сундуки разный хламъ.

Послѣ этой катастрофы отецъ вышелъ въ отставку, занялся исключительно частными дѣлами по имѣніямъ; но прежняя энергія уже не возвращалась, пришлось войдти въ долги и въ перспективѣ открывалась бѣдность; только съ трудомъ хватало средствъ на мое образованіе и мнѣ приходилось скоро оставить школу.

Нравственность моя много потерпѣла во время этихъ бѣдъ.

Какъ ни любила меня семья, но разстроенная и горемычная, она не могла услѣдить за поведеніемъ живого, рѣзваго и нервнаго мальчика; къ тому же, это была пора рановременнаго развитія моихъ половыхъ отправленій; меня начали интересовать портреты женщинъ, описываемые въ повѣстяхъ и романахъ, кар-

тинки съ изображеніемъ женскихъ прелестей; а тутъ подвернулся еще молодой писарь отца, какъ видно обожатель женскаго пола, для обольщенія котораго онъ пускалъ въ ходъ гитару съ припѣвомъ: „взвейся, выше понесися, сизокрылый голубокъ". Имя этой твари — Огарковъ, сохранилось въ моей памяти до сегодня; оно пережило и тѣ скверныя впечатлѣнія, которыми онъ развращалъ меня; разсказы его интересовали меня новизною содержанія и я искалъ случая поговорить съ нимъ наединѣ. Какихъ сальностей не наслышался я отъ этого пошляка! Чего не показывалъ онъ мнѣ, и табакерки съ сальными изображеніями въ серединѣ, подъ крышкою....

Въ школѣ, которую я въ то же время посѣщалъ, шли нерѣдко, въ внѣ-классные часы, разговоры такого же рода; мы, мальчишки, толковали о прелестяхъ дѣвушекъ, видѣнныхъ нами въ церкви, въ гостяхъ, пересказывали о занятіяхъ и свойствахъ своихъ сестеръ; сообщались и болѣе глубокія свѣдѣнія о различіи половъ; оказывалось, что каждый изъ насъ, учениковъ, успѣлъ уже пріобрѣсти дома порядочный запасъ сальныхъ свѣдѣній, которыя и сообщалъ охотно и, сколько можно, наглядно своимъ товарищамъ.

Казалось бы, что, воспитанный въ домѣ весьма набожной семьи, я долженъ былъ найдти въ религіи сильный внутренній оплотъ противъ напора внѣшнихъ развращавшихъ меня побужденій. Но, во-первыхъ, я сказалъ уже, что эти внѣшнія побужденія совпали съ раннимъ развитіемъ половыхъ инстинктовъ. Что же касается до религіознаго вліянія, то оно было sui generis. Это важнѣйшая статья въ моей жизни.

Послѣдователи Галловой краніоскопіи вѣрно нашли бы у меня не мало развитымъ органъ теософіи.

Мои религіозныя убѣжденія имѣли нѣсколько фазисовъ и каждый изъ нихъ совпадалъ съ извѣстнымъ возрастомъ и съ нравственными и житейскими переворотами. Но не буду забѣгать впередъ и остановлюсь сначала на моей религіи при вступленіи въ юношескій возрастъ (отъ двѣнадцати до четырнадцати лѣтъ), еще живо сохранившейся въ моей памяти.

Я сказалъ, что вся наша семья была очень набожна и всѣ ея члены, за исключеніемъ меня (а можетъ быть и старшаго брата, умершаго пятидесяти лѣтъ отъ холеры, въ 1849 г.), отецъ,

мать и сестры такими же набожными оставались и до самой смерти.

Покойница матушка, умирая въ 1851 году на моихъ рукахъ, соборовалась предъ смертію и послѣднія ея слова были: „вѣрно. я страшная грѣшница, что такъ долго мучаюсь предъ смертію“; сказавъ это, она издала послѣдній вздохъ и скончалась.

И отецъ, и мать проводили цѣлые часы за молитвою, читая по требнику, псалтырю, часовнику и т. п. положенныя молитвы, псалмы, акафисты и каноны; не пропускалась ни одна заутреня, всенощная и обѣдня въ праздничные дни. Я долженъ былъ строго исполнять то-же.

Я помню какого труда мнѣ стоивало осилить акафистъ Іисусу Сладчайшему, помню, какъ непонятнымъ, но неизбѣжно необходимымъ, представлялось мнѣ чтеніе: „блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ и живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ (я читалъ въ крови) Бога небеснаго водворится“.

Помню, какъ меня полусоннаго, заспаннаго, одѣвали и водили къ заутренямъ; не разъ отъ усталости и ладоннаго чада въ церкви у меня кружилась голова и меня выводили на свѣжій воздухъ.

О соблюденіи постовъ и постныхъ недѣльныхъ дней и говорить нечего. Чистый понедѣльникъ, сочельники, великій пятокъ считались такими днями, въ которые не только ѣсть, но и подумать о чемъ-нибудь не очень постномъ считалось уже грѣхомъ. Мясо въ великій постъ не получала даже и моя любимица кошка Машка.

Евангеліе въ зеленомъ, бархатномъ переплетѣ съ изображеніями на эмали четырехъ евангелистовъ, закрытое серебряными застежками, стояло предъ кивотомъ съ образами. Мнѣ его не читали ни дома, ни въ школѣ. Иногда только я видалъ отца читавшимъ изъ Евангелія во время молитвы, но потомъ оно закрывалось, цѣловалось и ставилось снова подъ образа.

Упражняясь ежедневно въ чтеніи часовника за молитвою, я зналъ наизустъ много молитвъ и псалмовъ, ни мало не заботясь о содержаніи заученнаго. Значеніе славянскихъ словъ мнѣ иногда объяснялось; но и въ школѣ отъ самого законоучителя я не узналъ настолько, чтобы понять вполнѣ смыслъ литургіи, молитвъ и т. п. Заповѣди, символъ вѣры, Отче нашъ, катехизисъ,— все это заучивалось наизустъ, а комментаріи законоучителя хотя и выслушивались, но считались чѣмъ-то неидущимъ прямо къ

дѣлу и несущественнымъ. Съ ранняго дѣтства внушено было убѣжденіе другого рода.

Слова молитвъ, также какъ и слова Евангелія, слышавшіяся въ церкви, считались сами по себѣ, какъ слова, святыми и исполненными благодати Святаго Духа; большимъ грѣхомъ считалось переложить ихъ и замѣнить другими; духъ старообрядчества, только уже Никонскаго старообрядчества, былъ господствующимъ. Самые слухи о переложеніи святыхъ книгъ или молитвъ на общепонятный русскій языкъ многими принимались за грѣховное навожденіе.

И вотъ, воспитанный въ такомъ религіозномъ направленіи, я до четырнадцати лѣтъ не слыхалъ положительно ничего вольнодумнаго, только однажды, помню, В. С. **Кряжевъ** сказалъ намъ въ классѣ, что Апокалипсисъ есть произведеніе поэта и не можетъ считаться священною книгою.

Не смотря, однако же, на мое, вселенное во мнѣ съ колыбели, благочестіе, не смотря на набожность родителей и примѣрно хорошія отношенія ко мнѣ всей семьи, я все-таки успѣлъ научиться въ послѣдніе два года (отъ двѣнадцати до четырнадцати) такимъ вещамъ, которыя, казалось бы, должны были возбудить во мнѣ отвращеніе, а не любопытство. Вѣдь, не притворялся же я, совершая ежедневно умиленныя молитвы, (не смѣя) и подумать о чемъ противномъ нашей обрядной вѣрѣ и церкви. Нѣтъ, это было,—я помню навѣрное, — самое искреннее и глубокое уваженіе ко всѣмъ таинствамъ вѣры и непритворное внѣшнее богопочитаніе,—и, въ тѣ же самые дни, когда я, утромъ и вечеромъ, горячо молился предъ иконами, клалъ земные поклоны и просилъ избавленія отъ лукаваго, этотъ безшабашный господинъ увлекалъ меня слушать мерзкія повѣствованія писаря **Огаркова** и пахабныя пѣсни кучера Семена, не вытирающіяся, какъ глубоко въѣвшаяся грязь, еще до сихъ поръ изъ моей памяти.

Какое же заключеніе можно сдѣлать изъ такихъ психическихъ странностей?

Умъ простой, практическій, народный, ищущій причину — вблизи дѣйствія и факта, объяснитъ легко этого рода странности. Онъ найдетъ ихъ причину во злѣ, залѣзающемъ въ насъ откуда-то извнѣ, или же родящемся вмѣстѣ съ нами; а самое это зло тотчасъ же олицетворитъ, сдѣлаетъ летучимъ или ползучимъ суще-

ствомъ, сидящимъ, напримѣръ, съ роду, на лѣвомъ плечѣ ребенка и нашептывающимъ ему разныя пакости. Умъ поповскій объяснитъ это, ссылаясь на непреложный для него авторитетъ, допотопнымъ происшествіемъ, случившимся у древа познанія добра и зла, что въ сущности выйдетъ одно и то же, только въ другомъ видѣ,—на прирожденное намъ и извнѣ, когда-то, взошедшее въ насъ зло.

Я полагаю, что основаніемъ всѣхъ этихъ объясненій служитъ всѣми нами и каждымъ изъ насъ испытанное и постоянно испытываемое ощущеніе.

Какъ скоро я, моимъ дѣйствіемъ и даже мыслью, выхожу изъ обыкновенной колеи, удовлетворяя какому-либо минутному влеченію или всецѣло поддаваясь ему, это влеченіе производитъ на меня ощущеніе чего-то внѣшняго, не моего, и меня, болѣе или менѣе, хотя бы и не безъ наслажденія, насилующаго. Немудрено, что на первыхъ порахъ каждому, не отдавшемуся всецѣло этимъ влеченіямъ, онѣ кажутся посторонними, извнѣ дѣйствующими силами и существами; не трудно потомъ фантазіи придать имъ и страшный, хотя бы и все-таки человѣческій, видъ или хоть какое-нибудь человѣческое свойство, и это, вѣроятно, потому, что мы, и обманутые ощущеніемъ внѣшности, не перестаемъ все-таки чувствовать его и внутри себя. „Я не хочу дѣлать зло и дѣлаю его“, сказалъ бывшій талмудистъ, а потомъ вдохновенный апостолъ;—а кучеръ Николай, убившій корчмаря еврея въ Виницѣ, на вопросъ аптекаря Якубовскаго (знавшаго этого Николая давно за человѣка добраго и смирнаго): какъ это могло случиться? отвѣчалъ:

— „Чортъ попуталъ, больше ничего, какъ одинъ чортъ, ничего другого не знаю“.

И, дѣйствительно, всѣ увѣряли, что кучеръ Николай никогда не былъ ни пьяницею, ни воромъ, служилъ у одного хозяина долго и честно, въ деньгахъ не нуждался, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, ночью пошелъ на край города въ корчму, убилъ, взялъ нѣсколько рублей изъ корчмы, и ушелъ.

Эта тяга, влекущая насъ къ выходу изъ обыкновенной, проложенной нами самими, или другими для насъ, колеи, есть, по моему, чисто органическая, и когда результатомъ этой тяги бываетъ зло, то и зло такое проявится также на почвѣ органиче-

ской. Въ такомъ случаѣ воспитанію приходится вести борьбу съ организмомъ. До поры и до времени борьба эта можетъ вестись весьма удачно; нерѣдко воспитатель поздравляетъ уже себя съ благополучнымъ окончаніемъ своей задачи, какъ вдругъ, неожиданно, случается катастрофа.

Органическія влеченія, дремавшія въ полуразвитыхъ органахъ, пробуждаясь, заявляютъ о себѣ, какъ будто случайно, при самыхъ незначительныхъ обстоятельствахъ.

Но, можетъ быть, именно то религіозное направленіе, въ которомъ я воспитывался, не въ состояніи было предотвратить зло, нанесенное моей нравственности извнѣ; можетъ быть, другое религіозное направленіе, менѣе обрядное и болѣе задушевное, отстранило бы отъ меня искушеніе и одержало бы верхъ надъ развивавшеюся чувственностію?

Не думаю.

Религія, и именно религія христіанская, вліяетъ на нравственность дѣтей только двумя путями, вселяя въ ребенка искреннюю любовь къ Богу, страхъ Божій. Я не помню, какъ и въ какой степени вселяли въ меня любовь къ Богу, и увѣренъ, что развитіе этого благодатнаго чувства въ душѣ ребенка не зависитъ отъ догматовъ и исповѣданія той или другой религіи.

Но если несомнѣнно, что начало премудрости есть страхъ Господень, то несомнѣнно и то, что это начало мнѣ было сообщено.

Я почиталъ и боялся.

Но, конечно, въ моемъ понятіи Богъ, церковь, таинства, служители церкви и обряды составляли нераздѣльное цѣлое. Полагаю, что понятіе о Богѣ и у дѣтей другихъ исповѣданій не яснѣе моихъ бывшихъ.

Я помню еще до сихъ поръ, съ какимъ страхомъ и трепетомъ, я, рыдая, просилъ однажды прощенія у Бога за то, что, по увѣренію старшей моей сестры, оскорбилъ Его, отозвавшись ей, не помню въ какихъ выраженіяхъ, о замѣченномъ мною вкусѣ причастія Св. Таинъ, послѣ пріобщенія. Какъ ни внѣшне было мое богопочитаніе, но оно, несомнѣнно, наполняло мою ребяческую душенку священнымъ трепетомъ, шедшимъ изъ глубины ея самой.

Изъ біографій итальянскихъ разбойниковъ довольно извѣстно, какъ глубокое и, конечно, своеобразное, богопочитаніе уживается

въ душѣ съ самымъ жестокимъ звѣрствомъ и гнуснѣйшими пороками. Не странно, послѣ этого, что и у ребенка, какимъ я былъ лѣтъ почти шестьдесятъ тому назадъ, религіозное, весьма развитое, чувство не помѣшало разной нечисти пробраться въ душу и загрязнить ее прежде, чѣмъ она окрѣпла.

Рѣшителями судебъ въ нашемъ воспитаніи являются, какъ я убѣдился изъ опыта, индивидуальность и жизнь.

Только то воспитаніе сулитъ наиболѣе шансовъ на успѣхъ, въ которомъ воспитатели съумѣютъ приспособиться къ индивидуальности своихъ воспитанниковъ и ее приспособить къ жизни.

Но жизнь не осилишь, а отъ воспитателя нельзя требовать, чтобы каждый изъ нихъ, по призванію и по неволѣ, опытный и неопытный, умный и глупый,—вникалъ и досконально разузнавалъ всѣ особенности каждой воспитываемой имъ особи.

Поэтому и остается только одно наиболѣе надежное средство къ достиженію цѣли воспитанія,—это приспособленіе его не къ личной, а къ племенной, расовой или народной особенности (племенной индивидуальности).

Кто съумѣетъ это сдѣлать, тому и книга въ руки. И это дѣло нелегкое, но все же гораздо возможнѣе приспособленія воспитанія каждой особи.

Такой взглядъ нисколько не противорѣчитъ, какъ я покажу, моему высшему общечеловѣческому идеалу воспитанія. На эту тему придется мнѣ говорить потомъ; теперь же я ее покуда оставлю и займусь предметомъ, гораздо глубже касающимся меня.

Я сказалъ уже, кажется, что мои религіозныя убѣжденія не оставались въ теченіи моей жизни однѣми и тѣми же. И вотъ, для уясненія себѣ всего процесса развитія этихъ убѣжденій, я долженъ себѣ ясно представить его крайніе фазисы; я припомнилъ уже, кажется, все, что знаю о первоначальномъ періодѣ моихъ вѣрованій, теперь исповѣдуюсь у самого себя и уясню себѣ во что̀ и какъ я вѣрую въ настоящую минуту моего бытія.

Послѣ этого изложенія, надѣюсь, мнѣ разъяснится какими путями дошелъ я до настоящаго моего вѣрованія и какимъ колебаніямъ и переворотамъ подвергались мои религіозныя убѣжденія въ разныя времена моей жизни.

Н. И. Пироговъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ДУХОВНЫЙ РЫЦАРЬ

или

ИЩУЩІЙ ПРЕМУДРОСТИ.

Дѣдъ мой со стороны матери, В. фонъ-Фридрихсъ, въ молодости своей былъ масономъ. Послѣ своей смерти († 1840 г.) онъ оставилъ, между прочими масонскими книгами и рукописями, статуты той ложи, къ которой принадлежалъ. Статуты эти, подъ заглавіемъ „Духовный рыцарь или ищущій премудрости" (der geistliche Ritter oder der Weisheitsforscher), писаны на нѣмецкомъ языкѣ, относятся ко времени царствованія императрицы Екатерины II и представляютъ полный переводъ сочиненія Лопухина.

Въ 1791 г. извѣстный мистикъ и розенкрейцеръ, сенаторъ И. В. Лопухинъ напечаталъ на русскомъ языкѣ, въ Новиковской типографіи, въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, сочиненіе свое: „Духовный рыцарь или ищущій премудрости", къ которому присовокупилъ и русскій оригиналъ своего нравоучительнаго катехизиса (Catéchisme moral pour les vrais Francmaçons 5790).

„Духовный рыцарь" былъ написанъ Лопухинымъ вслѣдствіе размышленій о несправедливости нападковъ и обвиненій на мартинистовъ. Трудъ этотъ, законченный въ нѣсколько часовъ, по словамъ самого Лопухина (см. Записки Лопухина, Москва, 1860, изд. Бодянскаго) „развиваетъ главные пункты герметической науки, образъ ея святилища, ходъ внутренняго обновленія человѣка и начало самопознанія и глубокой морали" [1]). Эта апологія мартиниста не была однако встрѣчена сочувственно всѣми членами Дружескаго общества. Причина такого неодобренія заключается въ томъ, что Лопухинъ высказалъ въ этомъ сочиненіи нѣсколько взглядовъ, не вполнѣ согласовавшихся съ духомъ розенкрейцерскаго ученія. Въ 1813 г. Сопиковъ, во второмъ томѣ своего „Опыта россійской библіографіи", помѣстилъ Лопухинскій нравоучительный катехизисъ и краткое извлеченіе изъ самого „Духовнаго рыцаря"—молитву пріора при засѣданіи капитула. Съ тѣхъ поръ это сочиненіе, про которое самъ авторъ его сказалъ, что это „охотникамъ только извѣстная пьеса"—нигдѣ напечатано не было. Оно отсутствуетъ въ настоящее время въ нашихъ

---

[1]) У меня находится также рѣдкое сочиненіе по «герметической философіи», такъ называемый: Mutus liber..., въ которомъ аллегорически изображенъ ходъ внутренняго обновленія человѣка. **А. Ѳ.**

книгохранилищахъ, императорской публичной библіотекѣ и московскомъ Румянцовскомъ музеѣ. Въ послѣднемъ имѣется только рукописный экземпляръ его, исполненный извѣстнымъ любителемъ масонства—Сафоновымъ.

Одновременно съ изданіемъ этого сочиненія оно было переведено Дружескимъ обществомъ на французскій и нѣмецкій языки и въ рукописяхъ быстро распространилось въ обществѣ. Не осталось никакихъ указаній, существовала ли въ екатериненское царствованіе ложа, руководившаяся статутами Духовнаго рыцаря, намъ также неизвѣстна судьба этого капитула и въ александровскую эпоху.

По семейнымъ преданіямъ мнѣ извѣстно, что дѣдъ мой, въ двадцатыхъ годахъ этого столѣтія, состоялъ въ капитулѣ Духовнаго рыцаря, частной, домашней ложѣ, съ опредѣленнымъ въ статутахъ числомъ членовъ - собиравшейся въ собственномъ домѣ моей прабабушки, госпожи фонъ-Гомпенъ (C. v. Hómpesch).

Такимъ образомъ розенкрейцерство нашло отголосокъ въ русскомъ обществѣ долгое время послѣ того, какъ Новиковъ и Шварцъ, учредившіе въ 1782 г. орденъ Златорозоваго креста и Дружеское общество, перестали дѣйствовать на этомъ поприщѣ.

М. Н. Лонгиновъ, извѣстный авторъ многихъ сочиненій по части розенкрейцерства, говоритъ: „если кто нибудь желаетъ найти нѣкоторое объясненіе духа, руководившаго дѣйствіями Новикова—можно указать на рѣдкую до чрезвычайности книгу: Духовный рыцарь или ищущій премудрости 5791 г. Изъ этого сочиненія можно заключить, что ученіе Новикова и его друзей, хотя и сохранило многое изъ обрядовъ и основаній масонства и мартинизма, но отдѣлило отъ себя все то, что унижало и извращало это ученіе въ обыкновенныхъ ложахъ“.

Покойный Лонгиновъ заключаетъ свою статью о Новиковѣ и Шварцѣ просьбою къ читателямъ: „лица, имѣющія какіе бы то ни было документы, касающіеся Новикова и его общества, окажутъ услугу нашему просвѣщенію и нашей гражданственности, если опубликуютъ ихъ во всеобщее свѣдѣніе“.

Въ виду того, что находящееся у меня сочиненіе было напечатано сто лѣтъ назадъ, въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ и теперь представляетъ библіографическую рѣдкость, — я, полагая, что сочиненіе это откроетъ нѣкоторыя новыя стороны русскаго розенкрейцерства, которыя могутъ служить матеріяломъ при изученіи его, и руководясь вышеприведенными словами Лонгинова, рѣшился помѣстить мое сообщеніе, въ возможно точномъ переводѣ, на страницахъ „Русской Старины“, въ надеждѣ, что оно будетъ имѣть значеніе въ той массѣ матеріяловъ, которые явились въ этомъ историческомъ изданіи и которые всесторонне освѣтили бытъ русскаго общества преимущественно XVIII-го вѣка.

А. Н. Ѳедоченко.

С.-Петербургъ.
20-го октября 1883 г.

Облекитесь во всеоружіе Божіе, чтобы вамъ можно было стать противъ козней дьявольскихъ. И такъ станьте, препоясавъ чресла ваши истиною и облекшись въ броню праведности.

И обувъ ноги въ готовность благовѣствовать миръ. А паче всего возьмите щитъ вѣры и шлемъ спасенія и мечъ духовный, который есть слово Божіе (къ Ефесянамъ VI. 11, 14—17).

Преданность своему монарху и отечеству, любовь къ ближнему, ненависть къ пороку и стараніе вооружиться всею душою и всѣмъ тѣломъ на борьбу съ противниками христіанства и свѣта науки—вотъ добродѣтели духовныхъ рыцарей.

Онѣ однѣ только могутъ сообщить право и честь вступленія въ это общество, коего цѣль,—чрезъ поддержку правомѣрной власти на землѣ—проложить въ сердца путь къ небесному Іерусалиму.

Все испытывайте, хорошаго держитесь.
(I Посланіе къ Өессалон. V, 21).

Общія правила духовныхъ рыцарей или ищущихъ премудрости, которыя долженъ подписать и клятвенно обѣщаться исполнять каждый Духовный Рыцарь при своемъ поступленіи.

1. Примѣрное упражненіе въ страхѣ Божіемъ и тщательное исполненіе заповѣдей евангельскихъ.

2. Непоколебимая вѣрность и покорность своему государю, съ особливой обязанностью охранять престолъ его, не только по долгу общей вѣрноподданнымъ присяги, но и всѣми силами стремясь изобрѣтать и употреблять всякія къ тому благія и разумныя средства и такимъ же образомъ стараться отвращать и предупреждать все оному противное тайно и явно, наипаче въ настоящія времена адскаго буйства и волненія противу властей державныхъ.

3. Рачительное и вѣрное исполненіе уставовъ и обрядовъ своея религіи. NB. Изъ христіанскихъ токмо религій могутъ быть приняты въ общество ищущихъ премудрости.

4. Совершенное повиновеніе учрежденнымъ въ правительствѣ начальствамъ и примѣрное наблюденіе законовъ государственныхъ.

5. Совокупными силами и каждому особо, сколько можно, противоборствовать буйственной и пагубной системѣ мнимыя вольности равенства и стараться искоренять ее всѣми искусственными средствами дѣйствій разума и всякими возможными путями добрыми.

6. Стараться вообще распространять благонравіе и дѣлами, и словами, и произведеніями разума, по силамъ и способностямъ своимъ.

7. Если бы при всей благонамѣренности учрежденія рыцарей, ищущихъ премудрости, верховной монаршей волѣ, по какимъ либо причинамъ, заблагоразсудилось запретить ихъ собранія, то повиноваться оному повелѣнію безропотно и безъ малѣйшаго нарушенія онаго.

Общество ищущихъ премудрости должно имѣть библіотеку, которая, кромѣ книгъ св. писанія Ветхаго и Новаго завѣта, изученіемъ коихъ прежде всего и преимущественно ищущіе премудрости должны заниматься—должна заключать въ себѣ и нѣкоторыя другія назидательныя и содержащія въ себѣ всю мудрость ученія масонскія книги, а также и всю философію эрметическую.

Вотъ указатель нѣкоторыхъ книгъ.

1. Mutus liber in quo tamen tota philosophia hermetica figuris hieroglyphicis depingitur, ter optimo, maximo Deo consecratus solisque filiis artis dedicatus autore cujus nomen est Altus. (21. 11. 82. Neg.
93. 82. 72. neg.
82. 81. 33. tued.).

2. Hirtenbrief an die wahren, ächten Freimauerer alten Systems 5785. (Пастырское посланіе къ истиннымъ и справедливымъ свободнымъ каменьщикамъ древней системы).

3. Die theoretischen Brüder.

4. Annulus Platonis.

5. Компасъ мудрыхъ.

6. Бесѣды Макарія Египетскаго и писанія другихъ отцевъ греко-восточныя церкви.

7. Премудраго Ѳомы Кемпійскаго чтеніе. О подражаніи Христу.

8. Mystère de la Croix.

9. Werke von Taulerus.

10. M-me Guion et Fénélon: Oeuvres spirituelles.

Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ, во время засѣданій капитула, должны лежать на столѣ. Вышеозначенныя книги приведены только какъ указаніе въ какого рода книгахъ ищущіе премудрости могутъ найти о ней откровеніе, но не какъ классическія для этой степени масонства. Catechisme moral pour les vrais F. M. 5790 можетъ служить катехизисомъ этой степени, посредствомъ котораго тѣ, кои стремятся получить понятіе о путяхъ премудрости и ея таинственномъ училищѣ, могутъ поучаться, обращая вниманіе на извѣстное изображеніе Храма натуры и благодати.

Испытаніе.

Въ комнатѣ испытанія стоятъ три стола. Одинъ изъ нихъ обтянутъ чернымъ сукномъ. На немъ лежатъ слѣдующіе предметы: a) Ветхій завѣтъ, открытый на 6 и 7 главѣ книги премудрости Іисуса сына Сирахова. b) Символъ рыцаря, ищущаго премудрости, крестъ, начертанный въ сердцѣ (символъ этотъ долженъ быть позлащенъ), прикрѣпленный къ красному пятиугловому

шнурку. c) Обнаженный мечъ. d) Незажженный свѣтильникъ. e) Черепъ, внутри коего долженъ стоять горящій свѣтильникъ. f) Небольшой сосудъ съ чистою водою, и g) табличка съ золотой надписью, гласящей: „Познай себя и ты обрѣтешь сокрытое въ тебѣ счастіе“.

Второй столъ обтянутъ бѣлою тканью. На немъ стоятъ четыре незажженные свѣтильника и между ними лежитъ изображеніе пламенной звѣзды съ буквою Г въ серединѣ. Напротивъ стола, на доскѣ начертаны золотыми буквами слова: „Блаженъ тотъ, кто въ сердцѣ своемъ слышитъ ясный гласъ божественнаго слова и въ природѣ видитъ свѣтъ Откровенія божественнаго“.

На столѣ лежитъ бѣлый, подбитый чернымъ, кожаный передникъ. Третій столъ обтянутъ желтою тканью. На немъ сосудъ для умыванья съ водой, бѣлыя перчатки и золотая, каменщичья лопаточка. NB. Если помѣщеніе позволяетъ, то лучше, если эти три стола находятся въ отдѣльныхъ трехъ комнатахъ, въ которыхъ происходятъ бесѣды и дѣйствія съ посвящаемымъ.

Приготовленіе испытуемаго.

Братъ-руководитель [1]) вводитъ, въ опредѣленное время, испытуемаго, у коего завязаны глаза, безъ шпаги и шляпы, въ комнату испытанія и облекаетъ его въ черный плащъ, на лѣвой сторонѣ коего находится изображеніе, окруженнаго зміями, сердца, въ серединѣ коего видны темные лучи, затемняемые однако распространеннымъ на сердце мракомъ (?) [2]). Подкладка плаща также черная. Руководитель снимаетъ повязку съ глазъ испытуемаго и предлагаетъ ему сѣсть у перваго стола въ молчаливомъ созерцаніи, стараясь сосредоточиться въ самомъ себѣ и говоритъ ему слѣдующее:

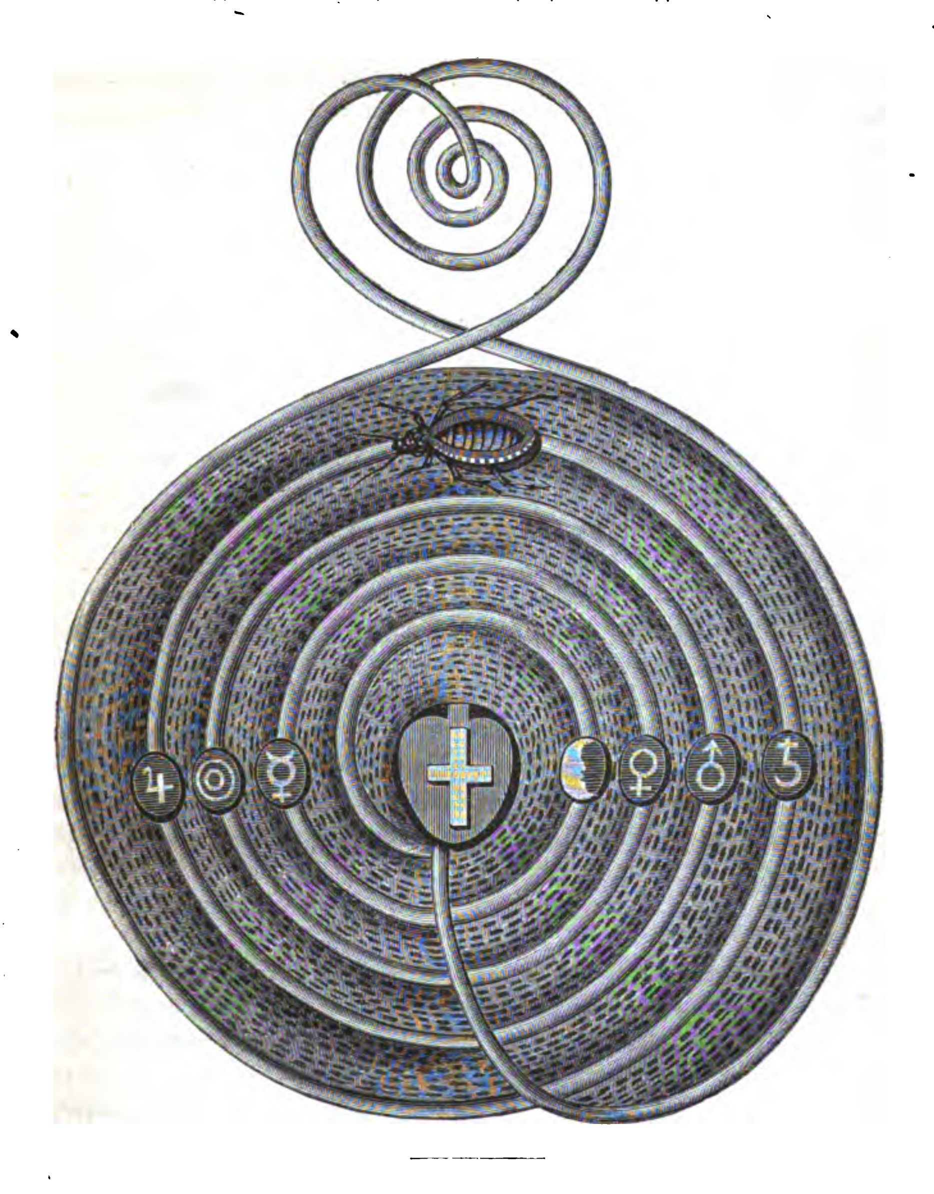
„Ты будешь счастливъ, любезный братъ, когда ты живо почувствуешь въ себѣ мракъ невѣжества и мерзость порока и будешь презирать его. Это чувство будетъ для тебя цѣлебно и оно дастъ тебѣ возможность приблизиться духовно къ Первоисточнику свѣта, который обитаетъ въ глубинѣ и близокъ только тому, кто его искренно ищетъ“. Затѣмъ руководитель совѣтуетъ испытуемому внимательно замѣчать все, что онъ видитъ и что его окружаетъ, и дотрогиваясь до меча, лежащаго передъ нимъ, онъ говоритъ:

„Любовь, царящая на Востокѣ, посылаетъ силу, которая можетъ возбудить желаніе къ свѣту истины и можетъ одолѣть препятствія, возникающія во время исканія этого свѣта“. Руководитель удаляется.

---

[1]) Руководитель избирается по усмотрѣнію пріора. А. Ѳ.

[2]) См. находящееся на стр. 281 изображеніе лѣвой стороны такого плаща.



По открытіи капитула пріоръ говоритъ брату-руководителю: „Иди во имя премудрости къ кандидату и испытуй его строжайше, согласно нашимъ статутамъ“. Когда братъ-руководитель удалился, пріоръ обращается къ капитулу съ слѣдующими словами:

„Любезные братья, пожелаемъ изъ глубины души счастія испытующему брату и соединимся въ духовной молитвѣ, чтобы сама премудрость осѣнила и сопровождала его въ этой дѣятельности, чтобы она возбудила въ кандидатѣ

искреннее желаніе искать ее и помогла ему въ его трудномъ испытаніи. Эти чувства мы должны питать во время испытанія". Послѣ этой рѣчи какъ пріоръ, такъ и братья пребываютъ въ глубокой тишинѣ и благочестивомъ молчаніи—каковое должно быть соблюдаемо при всякой бесѣдѣ.

Первая бесѣда.

Братъ-руководитель подходитъ къ испытуемому и спрашиваетъ:

a) Чувствуетъ ли онъ, что его окружаетъ мракъ, но что постоянно свѣтитъ лучъ, который, хотя и не кажется яркимъ, все же освѣщаетъ все окружающее его пространство?

b) Вѣритъ ли онъ въ то, что въ мракѣ заключается свѣтъ, а въ смертномъ безсмертное?

c) Вѣритъ ли онъ въ то, что въ мракѣ засіяетъ свѣтъ, а изъ тлѣннаго возродится вѣчное?

NB. При этомъ братъ-руководитель долженъ разъяснить испытуемому, что всякое рожденіе сопряжено съ болѣзнію, тлѣніемъ и разрушеніемъ и подтвердить это примѣрами, почерпнутыми изъ природы.

d) Искренно ли его желаніе искать премудрость?

e) Гдѣ думаетъ онъ ее найти?

Затѣмъ онъ представляетъ ему сопряженныя съ исканіемъ премудрости трудности, говоритъ ему, что люди считаютъ это исканіе безуміемъ, считаютъ зломъ ея благодѣянія, что искатели премудрости встрѣчаютъ въ мірѣ презрѣніе, насмѣшку, преслѣдованія, часто даже подвергаются опасности умереть и спрашиваетъ, готовъ ли онъ перенести всѣ эти трудности, которыя „ему могутъ угрожать?"

Если руководитель далъ на всѣ эти вопросы удовлетворительный отвѣтъ, руководитель требуетъ, чтобы въ доказательство, что испытуемый погруженъ въ мракъ и въ знакъ отвращенія его къ мраку и его твердой рѣшимости освободиться отъ его оковъ и его откровенности и довѣрія—сознаться въ своемъ главномъ порокѣ и обнаружить свои сомнѣнія, еслибы онъ имѣлъ таковыя по отношенію къ ученію премудрости. Когда кандидатъ исполнилъ все это, братъ-руководитель долженъ по крайнему разумѣнію своему наставлять его и разъяснить ему его заблужденія. Возложивъ на него, лежащій на первомъ столѣ, символъ , онъ говоритъ ему, что пять узловъ на шнуркѣ выражаютъ ту мысль, что искатель премудрости долженъ обуздать свои пять чувствъ и подчинить ихъ требованіямъ разума. Онъ совѣтуетъ ему болѣе всего упражняться въ смиреніи, какъ необходимой для искателя премудрости добродѣтели, и возвращается въ капитулъ, чтобы дать отчетъ въ этой первой бесѣдѣ. По вы-

слушаніи отчета брата-руководителя пріоръ говоритъ ему: „Иди и испытуй вторично кандидата и если онъ пребудетъ твердымъ въ своемъ рѣшеніи и будетъ продолжать начатое имъ предпріятіе, онъ получитъ съ Востока поддержку и для него взойдетъ свѣтило".

Вторичная бесѣда.

Когда братъ-руководитель возвратился къ кандидату, онъ спрашиваетъ его, обдумалъ ли онъ трудности пути, по которому намѣренъ идти. Если братъ-руководитель видитъ въ кандидатѣ эту твердую рѣшимость, онъ передаетъ ему мечъ со словами: „Тѣмъ, кто искренно стремится къ свѣту и мужественно борется противъ мрака, сообщается съ Востока могучая сила на поддержку въ столь благотворной дѣятельности". Затѣмъ онъ приказываетъ ему умыть себѣ глаза изъ находящагося передъ нимъ умывальника и подаетъ ему зажженный свѣтильникъ со словами:

„Слова премудрости зажигаютъ въ томъ, кто ее неутомимо и усердно ищетъ—свѣточъ, который освѣщаетъ ведущую къ ней стязю. Этотъ свѣтъ долженъ расширить ее и открыть новые пути; но свѣтъ этотъ должно бережно предохранять отъ зловреднаго дуновенія безбожнаго мрака, который тѣмъ болѣе обуреваетъ его, чѣмъ ярче этотъ свѣтитъ".

Руководитель сопровождаетъ кандидата ко второму столу, повязываетъ ему кожаный передникъ, приказываетъ снять сапоги и находящеюся у него въ рукѣ свѣчею зажечь четыре свѣтильника, стоящіе на столѣ. Обративъ вниманіе кандидата на всѣ находящіеся передъ нимъ предметы, онъ говоритъ ему:

„Почтенный уважаемый братъ! Все, что ты видѣлъ до сихъ поръ, являетъ собою великую награду премудрости; ею она награждаетъ того, кто ищетъ ея свѣтъ, но, любезный братъ, ты долженъ преодолѣть еще бо́льшія затрудненія, ты долженъ подвергнуться строжайшему испытанію—прежде, нежели ты достигнешь цѣли. Согласенъ ли ты подвергнуться всей строгости этихъ испытаній?" Послѣ утвердительнаго отвѣта руководитель продолжаетъ:

„Для лучшаго испытанія ея послѣдователей—жаждутъ ли они ея свѣта, его самого, а не премудрости [1]) ради, останутся ли они ей вѣрными, когда они, не вкусивъ еще сладости ея, преслѣдуемы уже злобою враговъ истины,—сего испытанія ради, говорю я, премудрость, открывъ нѣкоторыя изъ ея сокровищъ и явясь въ полномъ сіяніи своемъ—совершенно скрывается отъ тѣхъ, кто уже узрѣлъ ее и лишаетъ ихъ всѣхъ тѣхъ предметовъ, кои уже услаждали ихъ. И это также представляется тебѣ теперь".

Затѣмъ онъ ему снова повязываетъ глаза, тушитъ свѣчи, стоящія на столѣ, беретъ у него свѣтильникъ и ставитъ его, не потушивъ его, на столъ. Мечъ остается въ рукахъ у испытуемаго.

---

[1]) Т. е. богатства и вообще земныхъ благъ, пріобрѣтаемыхъ ею.
А. Ѳ.

Руководитель обращается къ нему съ слѣдующими словами:

„Премудрость скрываетъ свой свѣтъ испытанія ради, но никогда не лишаетъ силы остаться ей вѣрнымъ, въ тягчайшихъ превратностяхъ судьбы. Въ этомъ состояніи испытующаго ослѣпленія нужно остерегаться отчаянія, какъ величайшаго искушенія. Терпѣливое и безропотное подчиненіе священнымъ законамъ премудрости—самая надежная опора во время этого слѣпого состоянія, которое можетъ быть предвѣстникомъ самаго яркаго свѣта. Сказать тебѣ сію истину повелѣваетъ мнѣ гласъ братской любви, какъ и наимудрѣйшіе мастера истиннаго франкмасонства, кои постоянно въ высшей степени имъ (т. е. гласомъ) руководимы, ни о чемъ такъ не печалуются, какъ о порабощенныхъ тьмою братьяхъ. Это составляетъ большую и можетъ быть единственную печаль сихъ мудрецовъ, обитающихъ мирныя, райскія обители, мудрецовъ, готовыхъ отдать свою жизнь и радость за благо ихъ братьевъ. Вѣрь мнѣ, что этотъ-то ихъ духъ, царящій въ ихъ любвеобильныхъ сердцахъ, можетъ принесть тебѣ большую пользу на твоемъ пути“.

Послѣ этого братъ-руководитель оставляетъ кандидата и отдаетъ отчетъ капитулу о его состояніи и бесѣдѣ съ нимъ. NB. Отчеты брата-руководителя о бесѣдахъ съ кандидатомъ должны быть кратки и онъ не обязанъ сообщить откровеннаго признанія кандидата въ своихъ порокахъ или сомнѣніяхъ кому либо, кромѣ пріора капитула,—которому дѣлаетъ свое сообщеніе наединѣ. Послѣ отчета о второй бесѣдѣ, пріоръ говоритъ брату-руководителю:

„Иди въ третій и послѣдній разъ и испытуй кандидата и если желаніе видѣть свѣтъ еще не угасло въ немъ, если онъ откровенія ожидаетъ не какъ награду за выяснившіяся во время испытанія мнимыя достоинства, но увѣренъ, что, сопровождающая премудрость, Благость надѣлитъ его откровеніемъ—ему можетъ быть возвращенъ видѣнный имъ свѣтъ, который возсіяетъ съ большимъ блескомъ и освѣтитъ все мѣсто его работы.

Третья бесѣда.

Когда братъ-руководитель возвращается къ кандидату, онъ испытываетъ его согласно сдѣланному ему предписанію; если этотъ послѣдній находится въ желаемомъ состояніи духа, руководитель снимаетъ съ него плащъ и одѣваетъ другой, лѣвая сторона его бѣлая. На ней изображено уязвленное сердце, изъ коего точится кровь, окруженное лучами. Правая сторона темная и на ней видны пятна крови, текущей изъ сердца. Руководитель зажигаетъ снова свѣчи, подаетъ ихъ испытуемому, снимаетъ повязку съ его глазъ и обращается къ нему съ слѣдующими словами:

„Всеблагая премудрость воздаетъ искателю ея, который остался ей вѣрнымъ, въ то время, когда она представила его тягчайшимъ испытаніямъ тьмы—сторицей вкушенное имъ во время перваго просвѣщенія и даритъ ему сокро-

вища и всевозможныя блага, чтобы не только пользоваться ими безпрерывно, но и видѣть блескъ ея могущества".

У третьяго стола руководитель умываетъ ему руки, въ знакъ того, что въ храмѣ премудрости сохраняется невыразимое, прекрасное и неоцѣнимое сокровище, коимъ премудрость радуетъ и награждаетъ ищущихъ ее, тайныхъ друзей ея, и которое такъ чисто, что ничто нечистое не должно его коснуться.

„Въ память сего, любезный братъ, продолжай носить въ нашихъ собраніяхъ бѣлый кожаный передникъ и бѣлыя перчатки".

Кандидатъ одѣваетъ ихъ и руководитель подаетъ ему золотую каменщичью лопаточку со словами:

„Премудрые пріемлютъ орудіе для работы, чтобы восхвалить Начало благости и въ точности исполнить его волю".

Послѣ сего, прикрѣпивъ каменщичью лопаточку къ кожаному переднику, испытуемаго вводятъ въ собраніе капитула.

Посвященіе.

Когда кандидатъ съ братомъ-руководителемъ подходятъ къ двери, послѣдній стучитъ въ дверь [1]) и пріоръ велитъ спросить: „кто тамъ?" Церемоніймейстеръ послѣ опроса пріоткрываетъ дверь и говоритъ пріору слѣдующее:

— „Испытанный, омовенный, съ символомъ избранія и полученными въ честномъ бою ранами украшенный братъ, который жаждетъ премудрости".

Пріоръ: Таковому не долженъ и не можетъ быть возбраненъ входъ.

Дверь открывается. Руководитель вводитъ испытуемаго, который держитъ въ рукѣ мечъ и свѣтильникъ, и подводитъ его къ ковру, близь пріора. Пріоръ говоритъ. обращаясь къ нему:

— „Предпринимай это дѣло съ осмотрительностью".

Затѣмъ спрашиваетъ его: „Желаешь ли ты, любезный братъ, продолжать съ нами, предпринятое тобою, исканіе премудрости?" Послѣ утвердительнаго отвѣта произноситъ слѣдующія слова писанія:

1) Обѣщай испросить у Бога премудрость, служить Ему и поклоняться Отцу въ Духѣ и истинѣ.... Богъ есть Духъ и поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ Духѣ и истинѣ. (Іоанна IV. 23. 24).

2) Любите справедливость судіи земли, право мыслите о Господѣ и въ простотѣ сердца ищите Его.

Въ лукавую душу не войдетъ премудрость и не будетъ обитать въ тѣлѣ, порабощенномъ грѣху. (Прем. Солом. I. 1, 4).

3) ....Богъ есть любовь и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ (1 посл. Іоанна IV. 16). Сообрази и отвѣчай!

Послѣ утвердительнаго отвѣта онъ продолжаетъ:

---

[1]) Особеннымъ стукомъ, по которому узнавали себя франкмасоны.

А. Ѳ.

„Любезный братъ! Дабы исполнить всѣ твои обѣты, старайся почерпнуть силу изъ источника искомой тобою премудрости. „Просите и дастся вамъ, толцыте и отверзится“.

„Но безъ поддержки съ Востока, желаніе познанія не только не можетъ увеличиться, но даже не можетъ возникнуть въ насъ; безъ нея невозможно одержать побѣду въ борьбѣ съ міромъ, пороками и адскимъ источникомъ зла.

„Борящійся со зломъ и стремящійся къ премудрости воинъ, съ прискорбіемъ ощущающій поработившій его мракъ, долженъ чувствовать въ себѣ мучительную его силу и собственное безсиліе. Онъ долженъ, ожидая поддержку отъ одного только Всемогущаго Бога, въ своемъ глубочайшемъ уничиженіи, почитать себя за ничто. Когда онъ приготовится воспріять слово откровенія, на него сойдетъ духъ премудрости и сила его источника осѣнитъ его. Зачатый и духовно-рожденный премудростью онъ долженъ вполнѣ предоставить себя своей матери и подобно младенцу питаться ея дѣвственнымъ, чистымъ молокомъ“.

Послѣ нѣкотораго молчанія:

„Подойди, братъ, къ мѣсту работы!“

Братъ-руководитель ведетъ его, послѣ того какъ онъ предварительно снялъ туфли (которыя одѣвалъ вмѣсто сапогъ), на коверъ, на коемъ изображенъ земной шаръ, окруженный надписью: „Visita interiora terrae rectificando invenies occultum lapidem“ [1]). Послѣ непродолжительнаго молчанія, пріоръ приказываетъ испытуемому пожертвовать нѣсколько золотыхъ монетъ, въ знакъ довѣрія и доказательства, что онъ преданъ не богатству, а премудрости, которую ищетъ ради ея самой, а не ради ея сокровищъ.

Онъ подаетъ нѣсколько золотыхъ монетъ и стклянку, наполненную свѣтлой тинктурой, руководителю.

Послѣ этого пріоръ произноситъ слѣдующую рѣчь:

„Всякая вещь, какъ бы она ни была драгоцѣнна, если даже она заключаетъ въ себѣ всѣ сокровища земли, не должна быть и не есть цѣль истинныхъ масоновъ. Стремленіе, достойное ихъ—искать зерцало премудрости, чтобы увидѣть ясное изображеніе ея невидимаго источника, ея божественное дѣйствіе и совершеніе ея священной воли, въ исполненіи которой мудрые видятъ все ихъ блаженство, единственную отраду и все ихъ сокровище. Что богаче премудрости, которая все дѣлаетъ? (Премудр. Соломон. VIII, 5).

„Созданный премудростью, испытанный въ вѣрности и послушаніи духовный рыцарь, который жаждетъ проникнуть въ тайны созданія, чтобы созерцать Творца ихъ и созерцать Его, чтобы возлюбить Его, и тотъ, кто любитъ премудрость для того только, чтобы угодить первоисточнику, а не потому, что въ правой рукѣ ея долгая жизнь, а въ лѣвой богатство—только такой человѣкъ можетъ вступить въ истинную ложу“.

---

[1]) См. находящуюся на стр. 287, такъ называемую „Гермесову Смарагдову таблицу или коверъ“, о которомъ идетъ рѣчь. А. Ѳ.

Послѣ молчанія:

„Блаженъ духовный юноша, возросшій въ тайнахъ премудрости, который отъ раннихъ лѣтъ своей жизни питалъ любовь къ божественному источнику своего бытія и сохранилъ неприкосновеннымъ муро духовнаго помазанія для дѣвственнаго брака съ божественною Софіею (Σοφία).

„Блаженъ просвѣщенный премудростью духовный рыцарь, который не подчиняется искушеніямъ тьмы и не расточаетъ животворящаго сѣмени откровенія божественнаго. Если даже озаряющій его свѣтъ скрывается отъ него, какъ и отъ другихъ, не вполнѣ еще испытанныхъ въ вѣрности, то это совершается не для того, чтобы повергнуть его въ вѣчный мракъ.

„Премудрость скрываетъ свое сіяніе за тучу отъ взоровъ этого искателя ея съ цѣлью испытать его преданность и способность въ исполненіи дѣлъ благочестія.

„Тому, кто среди строгаго испытанія остается непоколебимымъ, свѣтъ ея сіяетъ въ полномъ блескѣ и снабжаетъ его великою силою, чтобы сдѣлавшись мужемъ и снявъ послѣ крещенія огненнаго ветхія одежды и облекшись въ одежду цѣломудрія и невинности, проникнуть въ тайны премудрости и постичь жертву откровенія, принесенную первосвященникомъ и чтобы, подобно другу и иска-

телю ея, воздѣлывать пашни ея животворящаго сѣмени и познать тайны ея царства".

„Братъ, подойди къ алтарю!"

Въ то время, какъ онъ приближается, пріоръ приказываетъ одному изъ близко стоящихъ братьевъ прочесть VII главу книги премудрости Соломона отъ словъ: „Посему я молился и дарованъ мнѣ разумъ".... до 22 стр.

Затѣмъ пріоръ говоритъ:

„Только мудрому подобаетъ знать тайны храма Премудрости, мы же должны познавать ихъ изъ притчъ.

„Пріиди, братъ, и пріемли символъ побѣды и узри здѣсь изображеніе свободы".

Новопосвященнаго съ правой стороны подводятъ къ пріору, который одѣваетъ ему на палецъ золотое кольцо [1]), и, снявъ съ него крестъ, обращается къ нему со словами:

„Освобожденному не подобаетъ болѣе носить сіе бремя, носи, любезный братъ, знакъ сей на розовой лентѣ, чтобы вспоминать величайшаго Судью и Божественнаго Учителя, который страданіемъ своимъ достигъ возможности обновленія, просвѣщенія и безконечнаго блаженства человѣка и совершеніемъ сего великаго подвига, на этомъ, изображенномъ здѣсь, орудіи сдѣлалъ его для насъ драгоцѣннѣе чистаго золота и милѣе райской лиліи" (Въ это время онъ подаетъ ему знакъ рыцаря искателя премудрости).

Обращаясь къ капитулу: „Сія цѣлительная тайна креста—должна быть намъ всегда дорога; и хотя нѣкоторые лжеучители—не постигая ее, не вѣрятъ въ нее, но истинные мудрецы ищутъ и находятъ въ ней всю тайну премудрости и все ихъ блаженство. Ея настоящее изображеніе—есть исполненіе великой задачи мудрыхъ и возсозданіе малаго міра".

Всѣ капитуляріи восклицаютъ: „Хвала во истину совершившейся тайнѣ спасенія!"

Пріоръ продолжаетъ, обращаясь къ новопосвященному:

„Блаженъ тотъ, кто шествуетъ по стезѣ воплотившейся премудрости, которая была въ мірѣ, которая былъ міръ, и которую міръ не зналъ. Блаженъ добродѣтельный рыцарь свѣта, который выдержалъ честный бой и во время совершилъ свой путь въ непоколебимой вѣрности къ премудрости.

„Трижды блаженъ мудрый учитель и пастырь премудрости, который непорочно пребываетъ въ святомъ святыхъ храма натуры и милости, который самъ сталъ живымъ храмомъ премудрости и ею повелѣваетъ всѣмъ міромъ. Онъ уходитъ, чтобы отдохнуть отъ перенесенныхъ имъ трудностей, послѣ сообщенія животворящей и назначенной имъ для оживленія извѣстнаго круга—силы—послѣ распущенія всѣхъ узловъ и наималѣйшихъ, невидимыхъ нитей,

---

[1]) Обыкновенное кольцо, въ которомъ вырѣзанъ крестъ со словами „Помни о смерти", которое онъ постоянно долженъ носить. А. Ѳ.

связывавшихъ его со страною испытанія—онъ уходитъ въ царство невозмутимаго спокойствія, которое полно неизмѣримыхъ и неизсякаемыхъ источниковъ чистаго наслажденія.

„Сіяніе сего духовнаго свѣточа, исполнивъ мѣру опредѣленнаго откровенія въ странѣ мрака и заблужденія, течетъ къ своему началу и даже сей избранный сосудъ премудрости, превращенный въ неомрачаемый свѣтъ, возносится къ своему источнику и соединяется центрально съ верхнимъ солнцемъ чистаго свѣта".

При этомъ пріоръ беретъ у новопосвященнаго свѣчу, гаситъ ее и продолжаетъ:

„Сотворенный этимъ солнцемъ, оно будетъ жить его свѣтомъ, двигаться, питаться и одѣваться. Сіе есть награда и спокойствіе, которое обѣщано мудрому".

При этомъ онъ беретъ у новопосвященнаго мечъ и говоритъ:

„Входящій въ обитель мира и спокойствія, гдѣ никакая враждебная сила не можетъ къ нему приблизиться, не нуждается въ оружіи", „сядь, братъ, на то мѣсто, которое аллегорически изображаетъ отдохновеніе".

Вслѣдъ за этимъ одѣяніе его замѣняютъ другимъ, подобнымъ одѣянію пріора и капитуляріевъ. Новопосвященный садится возлѣ пріора, съ правой стороны, который, называя его „рыцаремъ", обращается къ нему съ слѣдующими словами:

„Во время происшедшаго съ тобою обряда, ты получилъ новое имя и зовешься отнынѣ рыцаремъ NN".

Затѣмъ пріоръ продолжаетъ:

„Для истиннаго рыцаря премудрости и добродѣтели, который здѣсь на землѣ вынесъ духовную борьбу ради откровенія и увѣнчанный одержанною надъ зломъ побѣдой—непосредственно переселенъ въ царство вѣчной радости блаженства и спокойствія, для него не существуетъ труда, его счастливый путь никогда не прекратится, потому что онъ течетъ въ вѣчность. И этотъ воинъ, который, подобно поглощенной океаномъ каплѣ, плыветъ въ безбрежномъ пространствѣ свѣта, постоянно погружается въ бездну источника премудрости, куда влечетъ его сила божественнаго движенія".

Обращаясь ко всѣмъ:

„Да, братья, блаженны и присноблаженны тѣ, которые преданно работаютъ въ храмѣ премудрости, которые безнаказанно занимаются великимъ дѣломъ обновленія и въ новомъ царствѣ приготовляютъ трапезу блаженства.

„Вкушая отъ сей трапезы, они услаждаются новымъ питіемъ возобновленнаго плода винограднаго. До нихъ, въ то время когда они осѣнены священнымъ виноградникомъ, коего виноградарями они были, не достигаетъ сила разрушающихъ элементовъ.

„Гдѣ же будутъ эти элементы?

„Жало земныхъ, тлѣнныхъ элементовъ исчезнетъ въ очистительномъ огнѣ и они возродятся въ дѣвственной росѣ новаго неба и новой земли къ ясности

чистаго, непреходящаго, райскаго существа. Никогда незаходящее свѣтило обновленія возсіяетъ, потому что посредствомъ его все исполнено въ тайнѣ воплощеніемъ премудрости. Вездѣ будетъ царить безсмертіе, всякая тварь возликуетъ, радуясь своему освобожденію отъ тлѣнія и смерти и воспоетъ свободу сыновъ премудрости, кои блестятъ въ золотомъ, солнечномъ одѣяніи, безсмертныхъ духовныхъ созданій.

„Всякое дыханіе будетъ прославлять совершеніе цѣлительной тайны креста, который премудростью вознесенъ на престолъ славы и сіяетъ въ коронѣ побѣды.

„Тѣ, кои съ премудростью пострадали—съ нею и вознесены будутъ, они постигнутъ блаженство небесной побѣды и войдутъ въ безграничную вѣчность блаженной обители единаго свѣта, гдѣ праведники наслаждаются пѣснопѣніемъ чистыхъ духовъ, воспѣвающихъ славу Трисвятого—и соединятъ съ ними голоса, чтобы восхвалить всѣ созданныя и несозданныя чудеса и красоту".

Знаки этой степени состоятъ.

1) въ крестообразно на груди сложенныхъ рукахъ;

2) въ троекратномъ лобзаніи при обоюдномъ объятіи.

Слово, по которому члены капитула узнаютъ другъ друга, есть—Natura[1]).

Другое слово этой степени масонства есть Γνῶθι σεαυτόν; оно произносится раздѣльно въ оба уха.

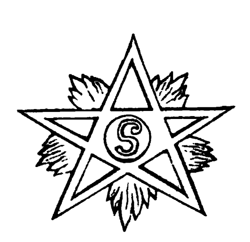
Устройство капитула.

Въ комнатѣ, обращенной окнами на востокъ, стоитъ четырехъугольный, обтянутый краснымъ сукномъ, столъ и на немъ Евангеліе, открытое на первой главѣ отъ Іоанна. Предъ Евангеліемъ стоитъ свѣтильникъ съ семью свѣчами въ знакъ того, что Богъ и Его Слово—истина, воплотившаяся ради нашего спасенія, познаетъ все семью, стоящими передъ Его престоломъ, духами и семью очами, про которыхъ сказано въ откровеніи св. Іоанна:

„И я взглянулъ, и вотъ, посреди престола и четырехъ животныхъ и посреди старцевъ, стоялъ агнецъ, какъ бы закланный, имѣющій семь роговъ и семь очей, которые суть семь духовъ Божіихъ, посланныхъ во всю землю" (Откр. Іоанна V, 6). На полу передъ столомъ разостланъ коверъ, на которомъ изо-

---

[1]) Слово „Natura" изображается такъ



браженъ земной шаръ, окруженный семью планетами, и звѣзда, пылающая между землею и луной. Съ лицомъ, обращеннымъ на Востокъ, сидитъ пріоръ, въ бѣлой мантіи, вышитой золотомъ. Братья капитуляріи имѣютъ въ лѣвой петлицѣ символъ духовнаго рыцаря на розовой лентѣ; кожанный бѣлый передникъ съ лопаточкой свободнаго каменщика виситъ на бѣломъ шнуркѣ и у нихъ одѣты бѣлыя перчатки. Шпаги и шляпы не могутъ быть носимы въ обыкновенномъ засѣданіи капитула. Братья сидятъ по обѣ стороны пріора.

Открытіе засѣданія капитула.

Пріоръ трижды ударяетъ рукояткой шпаги по столу и вопрошаетъ:

„Уважаемые братья! Приняли ли мы необходимыя предосторожности, чтобы работать въ тайнѣ отъ міра, который не любитъ премудрости?"

Братъ-церемоніймейстеръ отвѣчаетъ: „Все исполнено и премудрость сама скрываетъ тѣхъ, кто любитъ ея работу". Всѣ садятся; пріоръ спрашиваетъ: „Что есть премудрость"?

Одинъ изъ братьевъ: „Премудрость есть дыханіе силы Божіей и чистое изліяніе славы Вседержителя: посему ничто оскверненное не войдетъ въ нее. Она есть отблескъ вѣчнаго свѣта и чистое зеркало дѣйствія Божія и образъ благости Его" (Прем. Солом. VII. 25—26).

Вопросъ. Гдѣ пребываетъ премудрость?

Отвѣтъ. Премудрость свѣтла и неувядающа и легко созерцается любящими ее и обрѣтается ищущими ее. Съ ранняго утра ищущій ее не утомится: ибо найдетъ ее сидящею у дверей своихъ. VI. 13, 14.

В. Что нужно, чтобы найти премудрость?

Всѣ отвѣчаютъ: Одно!

В. Что есть начало премудрости?

О. Страхъ Божій.

В. Какое лучшее средство найти ее?

О. Какъ можно чаще представлять себѣ, при мысли о вездѣсущіи Бога, что мы постоянно находимся предъ очами Всевидящаго и наконецъ такъ свыкнуться съ этой мыслью, чтобы она никогда не покидала насъ и постоянно проявляла бы свое дѣйствіе въ дѣлахъ нашихъ и помышленіяхъ [1]).

В. Кто мудръ?

О. Тотъ, кто въ божественной благости видитъ ясный свѣтъ натуры и имѣетъ ясное представленіе о существѣ и составѣ большого и малаго міра.

В. Какъ проявляется познаніе Бога?

---

[1]) Эту великую истину пріоръ долженъ внушать капитуляріямъ и каждый разъ наставлять въ ея духѣ собраніе, руководясь особливо премудрой книгой „La présence de Dieu", которую вообще каждый духовный рыцарь долженъ изучить.

О. Богъ открылъ ее духомъ своимъ, ибо духъ проницаетъ все и глубины Божіи (I посланіе Павла къ Коринѳ. II, 7, 8, 9, 10).

В. Что нужно чтобы познать составъ большого міра?

О. Познай то, отчего происходятъ всѣ созданія.

В. Отчего же происходятъ всѣ созданія?

О. Хаосъ былъ и есть первоисточникъ и начало всѣхъ созданій.

В. Что нужно, чтобы познать составъ малаго міра?

О. Познаніе самого себя, въ троичномъ бытіи.

В. Что есть человѣкъ?

О. Малый міръ, субстратъ всѣхъ созданій, а потому почти равный большому міру.

В. Какъ былъ созданъ первый человѣкъ?

О. Богъ создалъ человѣка для нетлѣнія и содѣлалъ его образомъ вѣчнаго бытія своего, но завистью дьявола вошла въ міръ смерть, и испытываютъ ее принадлежащіе къ удѣлу его. Солом. II. 24.

В. Въ чемъ состоитъ задача премудрыхъ?

О. Въ уничтоженіи стараго и возсозданіи новаго.

В. Чѣмъ осуществляютъ они эту задачу?

О. Одною только творческою силой.

В. Каковы должны быть качества искателя премудрости?

О. Духовный рыцарь, прежде всего, долженъ любить Бога, стараться узнать Его волю и употреблять всѣ силы и способности, чтобы угодить Ему. Онъ долженъ любить ближняго, стремиться къ истинѣ и познанію, прилежно наблюдать и испытывать окружающій міръ и стараться проникнуть въ сокровенныя тайны бытія, удаляться отъ тщеславія, любить молчаніе и сосредоточиваться въ себѣ самомъ и наконецъ — познать корень зла, чтобы тѣмъ сильнѣе возненавидѣть его и тѣмъ легче принять мѣры къ уничтоженію царства тьмы, изъ подъ ига котораго искатель истины долженъ освободиться.

В. Когда духовный рыцарь долженъ начать свою работу?

О. Въ то время, когда онъ увидитъ, что́ мудрость и истина скрыты отъ падшаго человѣка.

Всѣ встаютъ, пріоръ говоритъ:

„Итакъ работа наша должна начаться и продолжаться во имя и во славу Трисвятаго“.

Пріоръ произноситъ слѣдующую молитву:

„О Троиственный и Единый, Всемогущій, Премудрый и Благій Господь, Ты, глаголавшій устами Твоего Единороднаго Сына, воплотившагося Слова, что въ человѣкахъ есть Царство Твое, подай намъ сотворенную Тобою Премудрость, пошли ее съ небесъ и отъ Престола славы Твоея, дабы она не оставляла насъ въ нашихъ начинаніяхъ и мы могли бы узнать, что Тебѣ угодно. Итакъ исправятся наши пути и мы Твоею Премудростью избавимся отъ грѣха и смерти

и взойдемъ въ Царство ея, омовенные животворящею водою и возрожденные Духомъ Твоимъ".

Всѣ братья произносятъ: Аминь!

Затѣмъ всѣ садятся и начинаютъ масонскую работу благочестія.

Заключеніе.

Пріоръ: Уважаемые братья! Имѣетъ кто либо сказать что нибудь къ споспѣшествованію на пути исканія премудрости?

Если никто не имѣетъ ничего сказать или сказанное уже исполнено, онъ продолжаетъ:

„Когда можетъ окончиться работа духовнаго рыцаря"?

О. Когда исчезнетъ возможность быть лишеннымъ премудрости.

В. Чѣмъ руководятся истинные сыны и послѣдователи ея?

О. Одною лишь любовью, которая руководитъ, воодушевляетъ, утѣшаетъ и поддерживаетъ ихъ.

В. Каковъ признакъ истиннаго масона?

О. Добровольный подвигъ мученичества къ возвеличенію ихъ задачи.

Всѣ встаютъ, а пріоръ говоритъ: „Произнесите слово искателя премудрости". Это требованіе исполняютъ. Пріоръ говоритъ:

„Засѣданіе закрыто".

Пріоръ произноситъ слѣдующую молитву:

„О неизглаголанный и непостижимый Боже, Отецъ свѣтовъ, Источникъ живота и жизнь единая! Ты еси премудрый строитель всего чина и всея лѣпоты и въ ангельскомъ и въ небесномъ и въ стихійномъ мірахъ, коихъ согласіе есть таинственная лѣствица къ невидимому престолу Твоему, и всѣми чертами видимаго возвѣщаетъ о зракѣ Твоемъ, сокровенно вездѣ сущемъ, въ чистомъ свѣтѣ натуры. Раствори истинною любовью сердца наши, да возлюбимъ тебя паче всего и ближнихъ нашихъ возлюбимъ тебя же ради. Отверзи духовный слухъ нашъ, да слышимъ гласъ Божественнаго Пастыря, взыскующаго овцу погибшую, и да будемъ покорны сей непостижимой любви, учинившейся агнцемъ, вземлющимъ грѣхи міра. Очисти внутреннія въ насъ очеса, да узримъ ясно, что все видимое кругъ есть великія цѣпи, ея же ты еси начало и конецъ, и въ каждой твари яко во звѣнѣ цѣпи сея, да обрѣтаемъ черты образа и подобія свѣта, освѣщающаго и просвѣщающаго всякого человѣка, грядущаго въ міръ. И все сіе, о Боже! для достойнаго поклоненія Тебѣ во царствѣ Твоемъ, сущемъ во внутренности и сокрытомъ темною и тлѣнною храминою падшаго естества. Даждь намъ быти чадами Твоими, дабы достойне служить Тебѣ, пренебесному Отцу, въ божественномъ Твоемъ царствѣ, коего плоть и кровь наслѣдовать не могутъ и для зрѣнія коего внутреннему человѣку подобаетъ родиться свыше и водой и духомъ креститься дабы внити въ него".

Всѣ братья произносятъ: „Аминь"!

Ритуалъ столоваго собранія.

А. Передъ вкушеніемъ пищи.

Передъ пріоромъ стоитъ свѣтильникъ съ семью свѣчами, освѣщающій весь столъ, бочка съ солью, бѣлый хлѣбъ и красное вино. Когда всѣ братья собрались, пріоръ трижды стучитъ рукояткой шпаги по столу, вслѣдствіе чего всѣ становятся по порядку и открытіе застольнаго собранія совершается по слѣдующему статуту. Пріоръ вопрошаетъ, а одинъ изъ капитуляріевъ отвѣчаетъ. Пріоръ: что изображаетъ собою соль?

Братъ: Мудрецы говорятъ, что соль есть символъ премудрости.

П. Что должно напоминать намъ хлѣбъ и вино?

О. Хлѣбъ и вино должны напоминать намъ о чудѣ, совершенномъ надъ ними Мудрѣйшемъ изъ мудрыхъ.

П. Чѣмъ долженъ питаться искатель премудрости?

О. Душу свою онъ долженъ питать словомъ Божіимъ и скрытымъ въ премудрости духомъ Его, тѣло же, какъ неизбѣжное орудіе въ юдоли плача и испытанія, должно находить поддержку въ элементахъ, дарованныхъ натурой.

„Уважаемые братья, испросивъ благословеніе отъ Того, Кто даетъ намъ премудрость и насущный хлѣбъ, подкрѣпимъ наше тѣло, соблюдая однако благоразумную умѣренность, памятуя слова: „Итакъ, ѣдите ли, пьете ли, или иное что дѣлаете, все дѣлайте въ славу Божію“ (I посл. Павла къ Корине., 10, 31).

Послѣ краткаго, благочестиваго молчанія всѣ начинаютъ вкушать пищу. За трапезой пьютъ:

I. За драгоцѣнное здоровье всѣхъ мудрыхъ.

Пріоръ говоритъ: „Свѣтъ премудрости, который освѣщаетъ ихъ и свѣтитъ черезъ нихъ, долженъ все болѣе и болѣе въ нихъ увеличиваться“.

II. За здоровье всѣхъ духовныхъ рыцарей-искателей премудрости.

Съ дозволенія пріора старшій братъ высказываетъ пожеланіе: „Да не утомятся они въ тяжелой борьбѣ и съ радостью пріемлютъ бремя, которое несутъ духовные рыцари“.

III. За здравіе предстоятеля.

Младшій изъ братьевъ обращается къ пріору отъ имени всѣхъ капитуляріевъ:

„Мы желаемъ, уважаемый братъ и предстоятель, чтобы любовь, смиреніе и преданность ученію премудрыхъ составляли основаніе твоихъ предпріятій, дѣйствій и словъ!“

Пріоръ благодаритъ капитулъ, стоя, тогда какъ всѣ братья при этомъ сидятъ:

„Благодарю васъ за ваше братское увѣщаніе. Да поможетъ мнѣ Богъ исполнить данный мнѣ вами завѣтъ.

Вкусивъ отъ вина, продолжаетъ:

„Уважаемые братья, я слабый, грѣшный и мало знающій мои недостатки, человѣкъ. Я умоляю васъ, во имя братской любви, указать мнѣ мои проступки, и, если я согрѣшилъ противъ кого нибудь изъ васъ, дать мнѣ сладкое утѣшеніе, обнять колѣна его, который или проститъ мнѣ съ любовью, или обвинитъ меня".

В. Послѣ вкушенія пищи.

Пріоръ: Уважаемые братья! Чтобы исполнить заповѣдь любви, удѣлимъ тѣмъ изъ нашихъ братьевъ милостыню, которые находятся въ нуждѣ и болѣзни. Церемоніймейстеръ собираетъ деньги и передаетъ ихъ казначею.

Пр. Какимъ символомъ изображается натура?

Бр. Франкмасоны изображаютъ ее въ видѣ пламенной звѣзды, которая отражаетъ въ себѣ божественное дыханіе, всеобщій и центральный пламень, оживляющій, сохраняющій или уничтожающій все созданное [1]).

П. Какія кромѣ того суть преимущественно аллегорическія изображенія франкмасоновъ?

О. Камень дикій, камень кубическій и гробъ.

П. Что изображается подъ видомъ камня дикаго?

О. Materia prima et eruda philosophorum.

П. Что изображается подъ видомъ камня кубическаго?

О. Sal philosophorum.

П. Что означаетъ гробъ?

О. Смерть и тлѣніе, неизбѣжная стезя къ возрожденію большого міра и всѣхъ, находящихся въ немъ, тварей.

Пр. Что можетъ еще напомнить собою гробъ?

О. Что смертью и тлѣніемъ вѣтхозавѣтнаго человѣка осуществляется новое созданіе въ маломъ мірѣ, въ коемъ человѣкъ освободится отъ господства и власти плоти и мрака!

Послѣ благочестиваго молчанія и краткой благодарственной молитвы всѣ восклицаютъ:

„Всемогущему Богу да будетъ хвала, честь и слава во вѣки вѣковъ. Аминь!

Устройство общества духовныхъ рыцарей или ищущихъ премудрости.

I. Общество этихъ рыцарей раздѣляется на ложи ⌸ или капитулы.

II. Каждый капитулъ состоитъ изъ пріора или предсѣдателя и 12 капитуляріевъ, изъ коихъ избираются: секретарь, церемоніймейстеръ и казначей, первые два пріоромъ, казначей же по выбору всѣхъ капитуляріевъ. Въ одномъ капитулѣ число братьевъ никогда не можетъ превышать двѣнадцать.

---

[1]) См. изображеніе натуры на стр. 290.

III. Три брата уже составляютъ ложу, могутъ открыть засѣданіе и работать.

IV. Чтобы быть принятымъ рыцаремъ въ общество, необходимо согласіе пріора, коему одному предоставляется испытать состояніе души и умственныя способности кандидата, что же касается гражданской добродѣтели и поведенія, то при всякомъ выборѣ необходимо согласіе всего капитула, почему всякій кандидатъ предлагается въ полномъ собраніи капитула пріоромъ и избирается посредствомъ баллотировки.

Одинъ противный голосъ достаточенъ, чтобы не допустить выбора.

V. Избраніе и назначеніе пріора зависитъ отъ выбора магистра ордена.

Рыцарскія одежды.

Мантія пріора при торжественныхъ собраніяхъ непремѣнно бѣлая и, какъ гласитъ ритуалъ, должна быть вышита золотомъ. Въ такую мантію облачаютъ и вновь посвящаемаго въ день вступленія въ братство. Кромѣ описанныхъ выше символовъ, каменщичьей лопаточки и кожаннаго передника, которые братья носятъ только при торжественныхъ собраніяхъ, т. е. въ день чьего либо посвященія, или въ день братскаго праздника [1]), они еще носятъ шляпы и шпаги, послѣднія на широкой, черной, шолковой перевязи, черезъ плечо, на коей начертаны золотыми буквами слѣдующія слова: „И такъ станьте, препоясавъ чресла ваши истиною и облекшись въ броню праведности“ (Къ Ефессянамъ, посл. VI, 14).

Торжество общества ищущихъ Премудрости, которая есть Слово Божіе, воплотившееся насъ ради, должно праздноваться въ день Рождества Христова, Спаса нашего, слѣдующимъ образомъ:

Вечеромъ наканунѣ праздника, всѣ духовные рыцари, въ той мѣстности находящіеся, собираются въ полномъ облаченіи, подъ предсѣдательствомъ ихъ старѣйшаго пріора, и послѣ открытія засѣданія капитула, какъ сказано то было въ ритуалѣ, говорятъ рѣчи, приличествующія торжеству. Послѣ сего открывается застольное собраніе, во время котораго братья заняты назидательными бесѣдами и благочестивыми пѣснопѣніями, что продолжается до полуночи. Какъ только часы пробили двѣнадцать, всѣ встаютъ по знаку, данному пріоромъ, и засѣданіе капитула закрывается, по вышеуказанному статуту ритуала,—хвалебнымъ гимномъ въ честь Спасителя міра. Въ этомъ собраніи каждый разъ должны быть собраны значительныя пожертвованія для нуждающихся ближнихъ, во славу Христа. Аминь!

Перев. съ нѣмецкой рукописи и сообщ. А. Н. Ѳедоченко.

---

[1]) Потому что въ собраніяхъ для назиданія, благости и молитвы ни пріоръ, ни капитуляріи не носили украшеній. А. Ѳ.

РАННІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ ЯКОВА ПЕТРОВИЧА ПОЛОНСКАГО

1845 — 1851 гг.

Намъ сообщено изъ Тифлиса шесть стихотвореній нашего талантливаго и неизмѣнно симпатичнаго поэта Якова Петровича Полонскаго. Стихотворенія эти относятся къ раннему періоду его поэтическаго творчества и имѣютъ автобіографическое значеніе.

Мы обратились къ Якову Петровичу съ просьбою дозволить ихъ напечатать и получили не только на то его согласіе, но и нѣсколько объяснительныхъ примѣчаній. Ред.

I.

Графу (впослѣдствіи князю) Михаилу Семеновичу Воронцову

передъ его первымъ въѣздомъ изъ Одессы на Кавказское намѣстничество.

Кто покровительства у славы не искалъ,
Кого она сама нетерпѣливо ищетъ,
Тотъ уклоняется отъ суетныхъ похвалъ... —
Но строгая молва съ презрѣньемъ не освищетъ
Того пѣвца, чей стихъ звучитъ
О томъ, что каждый, каждый видитъ,
Онъ лестью божій даръ въ себѣ не постыдитъ,
И гордости народной не обидитъ.
Прими же первый звукъ привѣта моего,
Не потому, что ты царемъ уполномоченъ,
Но потому, что благомъ подданныхъ его
Ты постоянно былъ и будешь озабоченъ.
Кого народъ, поэтъ и Богъ благословитъ,
Тотъ, вѣрю я, на поприщѣ великомъ
Тяжелые труды достойно совершитъ,
Однихъ завистниковъ преслѣдуемый крикомъ.
Иди же на востокъ за новою звѣздой —
Одесса выросла, уже громка, богата,
А тамъ, въ ущельѣ горъ, заглохнувшей стезей,
Мечемъ Ермолова проложенной когда-то,
Летаетъ нашъ орелъ и жалобно зоветъ
Вождя, пророчески воспѣтаго поэтомъ [1]).
Сѣдой Кавказъ тебя нетерпѣливо ждетъ,
Чтобъ оправдать себя предъ легковѣрнымъ свѣтомъ,
И глухо, ранами покрытый, говоритъ:
— „Чу, у воротъ моихъ стучится добрый вѣстникъ—
Вновь имя громкое въ ушахъ моихъ звучитъ...
Спѣши герой, спѣши намѣстникъ!
Тебѣ не въ первый разъ къ боямъ одушевлять
Измученныхъ полковъ летучіе отряды,

[1]) М. Ю. Лермонтовымъ въ стихотвореніи: «Споръ». Я. П.

Тебѣ не въ первый разъ умомъ распознавать
Достойныхъ казни и награды,
Давно, давно тебя съ надеждами я жду—
Моихъ надеждъ порукой — слава...
Спроси израненныхъ въ двѣнадцатомъ году.
Ждать и надѣяться имѣю ли я право?"
И съ завистью Кавказъ бросаетъ мутный взоръ
На берега сосѣдственной Тавриды,
Гдѣ посреди непроходимыхъ горъ
Теперь цвѣтутъ — сады Армиды...
. . . .

1845 г. Одесса.

II.

Почтенной братіи — привѣтъ!
Вы угощаетесь не скупо,
Какъ слышу я, на цѣлый свѣтъ
Вы нынче задали обѣдъ,
Что, признаюсь, весьма не глупо!
А я, голодный, какъ поэтъ,
(Къ тому-жъ и насморкъ у поэта)
Кричу отсюда — мно:и лѣта!
Кричу, кричу, — а толку нѣтъ.

Въ сентябрѣ 1847 г.

III.

Хоть нынѣ и не суждено
Мнѣ вмѣстѣ съ вами за одно
Гулять на дачѣ за горами
И ликовать и пить вино —
Хоть я, быть можетъ, между вами,
Что дѣлать! — лишнее звѣно!
Но и вдали отъ васъ могу я
Желать вамъ всякаго добра
И, съ вами мысленно пируя,
Кричать вамъ издали „ура!"
Давъ волю чувствамъ беззаботнымъ,
Друзья! я посылаю къ вамъ
Мое, „ура", гостямъ почетнымъ —
— Хозяину и всѣмъ гостямъ —
„Ура", во первыхъ, казначею
И Строкову секретарю,
Потомъ, Донъ-Педро — чудодѣю [1], —
Богданову — богатырю
Журнальной комнаты! и пану
Колинскому, какъ англоману
Изъ Акермана — и другимъ

[1]) Донъ-Педро—Токаревъ, первый въ Тифлисѣ библіотекарь начинавшейся публичной библіотеки. Онъ умеръ съ переломленными ногами, выброшенный изъ окна, и, умирая въ полной памяти, не сказалъ кто былъ причиною его смерти. Я. П.

По чину, толстымъ и худымъ.
„Ура", Булгакову артисту —
И кошкомету-молодцу [1])!
„Ура", Олсуфьеву-стрѣльцу,
„Ура", веселому софисту
И кой-какихъ житейскихъ дѣлъ,
Въ которыхъ онъ собаку съѣлъ,
Профессору матерьялисту!
И экзекутору и Брэ!
И всѣмъ, кто будетъ въ состояньи
Найти отраду въ возліяньи
У Бахуса на алтарѣ.

23-го апрѣля 1849 г.

IV.

На ужинѣ у Токарева послѣ чтенія его романа «Сила воли». Экспромтъ Я. П. Полонскаго:

Кто испанецъ по фигурѣ?
Кто въ душѣ храбрѣе Марса?
Кто гулялъ когда-то въ шкурѣ
Удивительнаго барса? —
Кто плясалъ на Араратѣ [2])?
Кто имѣетъ силу воли
Написать въ своей тетради
Больше главъ, чѣмъ кочекъ въ полѣ,
Больше словъ, чѣмъ звѣздъ на небѣ,
Больше буквъ, чѣмъ зеренъ въ хлѣбѣ?...

25-го февраля 1851 г.

V.

Стихи Я. П. Полонскаго — по случаю торжественнаго открытія Тифлисскаго театра, росписаннаго княземъ П. Гагаринымъ, читанные графомъ В. А. Соллогубомъ.

Вдали отъ сѣверныхъ и намъ родныхъ степей,
На родинѣ воинственныхъ дѣтей,
Въ странѣ, кругомъ заставленной горами,
Куда насъ русскихъ привела
Десница, правящая нами,
На миротворныя дѣла —
Въ странѣ, гдѣ такъ упорно, свято
За крестъ боролся русскій штыкъ,
Гдѣ съ европейцемъ азіата
Сближаетъ русскій нашъ языкъ,
Воинственной Россіи лира

---

[1]) Бросилъ кошку на сцену Большого московскаго театра во время одного балета.

[2]) Токаревъ участвовалъ въ экспедиціи на Араратъ и, по разсказу Н. В. Ханыкова, войдя на вершину, смутилъ всѣхъ тѣмъ что сталъ плясать. Я. П.

Не въ первый разъ поетъ, мечтанія полна.
Но здѣсь она была одна,
И пѣснь ея была едва слышна
Вдали отъ вѣчнаго союза
Своихъ божественныхъ сестеръ.
За рубежемъ враждебныхъ горъ
Она не смѣла водвориться,
Ей не готовъ былъ мирный храмъ,
Чтобъ могъ хоть изрѣдка куриться
Ея достойный фиміамъ.
Но дальше, дальше въ глубь Кавказа
Отъ насъ уходитъ гулъ войны,
Ни мечъ, ни голодъ, ни зараза
Не возмущаютъ миръ страны.
На почвѣ, кровью утучненной,
Растутъ благія сѣмена,
И слышитъ голосъ просвѣщенный
Непросвѣщенная страна...
Свои народныя богатства,
Богатства мысли и труда,
Смѣлѣе мы несемъ сюда,
Народамъ въ даръ, по чувству братства. —
Для мирныхъ музъ алтарь готовъ,
Зовутъ народъ — зовутъ жрецовъ,
Горятъ огни — блистаетъ злато, —
Душа восторгами богата —
И жаждетъ пѣсенъ и вѣнцовъ.

Хвала тому, кто край обезопасилъ
И направленье далъ всему —
Кто храмъ воздвигнулъ, и тому,
Кто храмъ изящно такъ украсилъ.

25-го апрѣля 1851 г.

VI.

У нее какъ у Хитаны
Взоръ, какъ молнія, блеститъ,
Какъ у рѣзвой польской панны
Голосъ ласково звучитъ,
Какъ у юноши отъ раны
Блѣденъ цвѣтъ ея ланитъ.

Есть возможость не влюбиться
Въ красоту ея очей,
Есть возможность не смутиться
Отъ привѣтливыхъ рѣчей,
Но другихъ любить рѣшиться
Нѣтъ возможности при ней.

Я. П. Полонскій.

КОНДРАТОВИЧЪ-СЫРОКОМЛЯ

1857 г.

Людовикъ Кондратовичъ родился въ Минской губерніи въ 1823 г., умеръ въ Вильнѣ въ 1862 году. Хотя всѣ сочиненія его писаны на польскомъ языкѣ, но онъ былъ въ душѣ истый литвинъ, безгранично любилъ свою родину и не раздѣлялъ политическихъ убѣжденій своихъ земляковъ, увлеченныхъ польскими тенденціями. Въ средѣ мѣстной публики и между поляками онъ былъ болѣе извѣстенъ подъ псевдонимомъ Сырокомли, взятымъ имъ отъ названія своего дворянскаго герба, такъ что нѣкоторые не знали даже его настоящей фамиліи. Во время бывшихъ въ Вильнѣ—въ 1861 и 1862 годахъ—публичныхъ революціонныхъ манифестацій, Кондратовичъ не принималъ въ нихъ участія, что однако-жъ не помѣшало виленскимъ революціонерамъ нарядить его послѣ смерти въ сѣрую революціонную чамарку. Замѣчательнѣйшія изъ его поэтическихъ произведеній: Иванъ Демборогъ, Маргеръ, Избушка въ лѣсу, Старыя ворота, Гетманскій ночлегъ, Власъ, драма: Софья—княжна Слуцкая, комедія: Деревенскіе политики, и много мелкихъ разсказовъ и стихотвореній, собранныхъ и изданныхъ въ Варшавѣ въ двухъ томахъ.

I.

Освобожденіе крестьянъ (Wyzwolenie Włościan).

Стихотвореніе это написано Сырокомлею въ 1857 году, въ то время, когда, по мысли въ Бозѣ почившаго императора Александра II-го, выраженной въ высочайшемъ рескриптѣ, данномъ на имя В. И. Назимова, бывшаго тогда Виленскимъ генералъ-губернаторомъ, дворянство губерній Виленской, Гродненской и Ковенской собралось въ Вильнѣ для обсужденія способовъ улучшенія быта освобождаемыхъ крестьянъ,

и первоначально составило проэктъ подчиненія сельскихъ обществъ помѣщичьему управленію. Это возмутило покойнаго Сырокомлю, и онъ написалъ стихотвореніе, приводимое здѣсь въ сдѣланномъ мною почти подстрочномъ переводѣ, чтобы ознакомить русскую читающую публику съ содержаніемъ подлинника:

Недавно волю я державную читалъ:
Въ ней людямъ царь права людей напоминаетъ,
И былъ увѣренъ я—литвинъ той волѣ внялъ,
И въ сердцѣ жертвамъ онъ границъ не полагаетъ.

Пророча урожай на этотъ годъ большой,
Дожинки [1]) славныя по жатвѣ небывалой,
Я каждый день ходилъ къ рогаткѣ городской
Глядѣть, какъ на призывъ къ намъ шляхта прибывала.

Когда-жъ знакомое лицо я узнавалъ
И панской пыль меня коляски обдавала,
Глазъ набѣгалъ слезой...... песокъ ли засорялъ,
Иль что-то сладкое отъ сердца наплывало.

Откуда та слеза отрадная, какъ знать?
Но вмѣстѣ съ тѣмъ чело отъ гордости блистало,
Что предокъ мой - литвинъ, и что мою печать
Шляхетскаго герба корона украшала.

Напрасно, думалъ я, пустые крикуны
На имя шляхтича бросали грязью злобно:
Покажетъ завтра имъ, что наши литвины
Не даромъ шляхтою зовутся благородной.

И скоро прогремитъ по всей Европѣ вѣсть,
И Польша, и Москва заявятъ съ увлеченьемъ,
Что выпала на насъ, литвиновъ, первыхъ честь—
Ярмо снять съ мужичка и цѣпи тяжкой звѣнья.

И съ громкою хвалой рѣзцемъ въ скрижаль временъ,
Какъ свѣту образецъ, вѣкамъ на удивленье,
Внесется маршаловъ [2]) уѣздныхъ рядъ именъ,
Руководителей шляхетскаго движенья.

Какъ Августъ-Сигизмундъ [3]), они дадутъ починъ
Непринужденному отъ плети отреченью;—
И любо было мнѣ, что родомъ я литвинъ,
И что печать моя съ гербовымъ украшеньемъ.

---

[1]) Завершеніе жатвы.

[2]) Предводителей дворянства.

[3]) Авторъ сопоставляетъ, повидимому, отреченіе польскаго короля Сигизмунда Августа II-го на сеймѣ 1566 г. отъ своихъ феодальныхъ правъ надъ помѣстьями шляхты. А. Т.

За мѣсяцъ до сего я въ Ковнѣ поднималъ
Со шляхтой громкій тостъ крестьянъ освобожденья;
Читалъ, изъ Гродна, я, какъ брату посылалъ
Горячія о томъ братъ-шляхтичъ извѣщенья.

„Хотя у насъ пески и почва не красна̀,
„И я для Друскеникъ [1]) съ деньгами собираюсь,
„Поздравь меня—писалъ—душой, какъ сатана,
„Владѣть я не хочу, панщизны [2]) отрекаюсь“.

Я жъ думалъ про себя: ой вы, тамъ, хвастуны!
Что Ковно, Гродно мнѣ! Ты, родина святая,
Ты, Вильно—мать Литвы,—и доблестно сыны
Твои рѣшатъ вопросъ о младшей братьи края!

Намъ сердца и ума на то не занимать!
Въ крещеньи мы Литвы съ виномъ смѣшаемъ воду...
И я гордился, что съ гербомъ моя печать,
И что я сынъ родной литовскаго народа.

Съ Ошмяны, Лиды, Трокъ, съ Вилейки и Дисны,
Подать свой приговоръ, крестьянамъ безобидный,
Къ намъ всѣ окрестные владѣльцы созваны,
Отборный шляхты цвѣтъ, для цѣли столь завидной.

Ужели этотъ цвѣтъ избранный, подъ рукой
Достойныхъ маршаловъ шляхетскаго же лона,
Покроетъ насъ стыдомъ, сорветъ вѣнецъ долой
Съ священной головы ихъ предка Палемона [3])?

Но вотъ вопросъ рѣшенъ...... о бѣдный край родной!
Отцы уѣздовъ честь отчизны помрачили,
И цѣпи рабства вновь, подъ фирмою иной,
На шеѣ навсегда крестьянской закрѣпили.

Позорной памяти, надъ бѣднымъ мужичкомъ
Проэктъ они своей опеки подписали.......
И стыдъ за Вильно мнѣ, печати стыдъ съ гербомъ,
Стыжусь, чтобы меня литвиномъ называли!

Czytałem wolę dobroczynną cara,
Co prawa ludzi ludziom przypomina,
I byłem pewny, że żadna ofiara
Nie będzie ciężką dla serca litwina.

---

[1]) Мѣстечко невдалекѣ отъ Гродна, куда съѣзжаются лѣтомъ окрестные помѣщики для купанья и веселаго препровожденія времени.

[2]) Барщины.

[3]) Палемонъ, или Балмундъ, считается родоначальникомъ великихъ князей литовскихъ. А. Т.

Wróżąc urodzaj tego roku rzadki,
Piękne dożynki społecznego żniwa,
Chodziłém codzień patrzeć za rogatki,
Czy wiele szlachty do miasta przybywa.

Gdy mię obrzucił pył pańskiej kolaski,
Gdym ujrzał postać znajomą w przeskoku,
Łzy biegły z oka... czy to gryzły piaski,
Czy coś z pod serca płynęło do oka?

Ja nie wiem, nie wiem, zkąd ta łza się kręci,
Zkąd moje czoło zardzieje wawrzyńcem,
Że mój prapradziad był szczerym litwinem,
Że jestem szlachcic, że mam herb w pieczęci.

Myślałem sobie: napróżno krzykacze
Rzucali błotem na szlachcica miano;
Jutro, pojutrze na oczy zobaczą,
Że nas nie darmo szlachetnemi zwano.

Jutro, pojutrze z uniesieniem powie
Moskwa i Polska, i cała Europa,
Żesmy, litwini, w dobroczynnej zmowie,
Jarzmo i łańcuch rozwiązali z chłopa.

I najpierwsze odbiorą oklaski
I kartę w dziejach. jako przykład światu,
Ci, którzy dzierżą marszałkowskie laski,
Którzy są głową i sercem powiatu.

Jak Zygmund-August, oni z własnej chęci
Zrzekną się bicza nie słowem, lecz czynem,—
I byłem chlubny, że jestem litwinem,
Że jestem szlachcic, że mam herb w pieczęci.

Ze szlachtą w Kownie piłem przed miesiącem
Radośny toast wyzwolenia włości,
Czytałem w Grodnie, jak inkaustem wrzącym
Brat swemu bratu dawał wiadomości.

«Choć tutaj piaski, choć tu grunt nie żyzny,
«Choć do Druskienik pieniędzy mieć muszę,
«Winszuj mi, bracie, zrzekłem się pańszczyzny,
«Bom ja nie szatan, by posiadać duszę».

Myślałem sobie: o wy, fanfarony!
Co mi tam w Kownie, co mi tam w Grodnie?
W Wilnie jest serce mej Litwy rodzonej,
Wilno tę sprawę rozwiąże nam godnie.

Tam wszyscy, dobrem ogólnem przejęci,
Wody chrztu Litwy przymieszają z winem...
I byłem chlubny, że jestem litwinem,
Że jestem szlachcic, że mam herb w pieczęci.

Ze starej Lidy, ze starej Oszmiany,
Z Trok Kiejstutowych, z Wilejki i Dzisny
Kwiat naszej szlachty dokoła wezwany
Wyrok dla ludu podpisać korzystny.

Z takim oklaskiem, w tak niedawnej chwili
Wybrani świetni powiatów ojcowie,
Czyż by się Wilnu wstydzić dozwolili,
Odjąć koronę palemońskiej głowie?

Przecież się stało... kraju mój rodzony!
Wieniec twej cześci odarty w tej chwili:
Ojcowie twoi własnemi imiony
Kajdany ludu pismem utwierdzili.

Podali dziejów obydnej pamięci
Swoją praktyczną opickę nad gminem...
O, wstyd mi, Wilna! Nie chcę być litwinem,
I hańba mojej herbowej pieczęci!

Syrokomla.

1857 г.

II.

Приводимое ниже стихотворенiе написано Сырокомлею тоже въ 1857 году, по русски и безъ приготовленiя, въ альбомъ М. Гусеву, бывшему въ то время астрономомъ-наблюдателемъ при виленской обсерваторiи, съ которымъ Сырокомля связанъ былъ тѣсною дружбою. Передаваемые безъ малѣйшаго измѣненiя, стихи эти, не имѣющiе особаго достоинства по содержанiю и языку, заслуживаютъ вниманiя въ томъ отношенiи, что любимый поэтъ Литвы, при общемъ анти-русскомъ настроенiи тогдашняго мѣстнаго общества, не чуждался ни русскаго языка, ни дружескихъ связей съ русскими людьми.

Мой любезный Матвѣй!
Вотъ, по волѣ твоей,
Я попробовалъ силъ—
И стихи смастерилъ.
Календарный мой стихъ
Безъ ухватокъ лихихъ.
Было-бъ лучше у насъ,
Да старѣетъ Пегасъ,
Ужъ подъ гору не рветъ,
И ѣздокъ ужъ не тотъ;
Хотя честенъ и чистъ
Формулярный мой листъ,
Все-таки Аполлонъ

Старыхъ слугъ гонитъ вонъ
И далъ строгій указъ
Въ Геликонъ и Парнасъ
Набрать рекрутовъ вновь,
А всѣхъ прежнихъ пѣвцовъ
Прогоняютъ съ вершинъ,
Титулярный давъ чинъ.
Приказалъ,—такъ и быть!
Строгій критикъ не спитъ;
Хотя толку и нѣтъ
У Варшавскихъ газетъ,
Но ихъ воля, ихъ власть!
Мнѣ въ судьи не попасть,
А попавшихъ подъ судъ
На допросы берутъ
И, скрѣпивъ приговоръ,
Прогоняютъ на дворъ.
„Вотъ и служба какъ есть,
„Вотъ и слава, и честь!"
Такъ заводитъ порой
Стихотворъ отставной,
„Ужъ бы лучше попасть
„Да въ питейную часть!"

Кондратовичъ-(Сырокомля).

Сообщ. А. Д. Тумановъ.

Вильно.
12-го августа 1884 года.

ПОЭТЪ-КРЕСТЬЯНИНЪ СПИРИДОНЪ ДРОЖЖИНЪ

въ его воспоминаніяхъ

1848—1884 гг.

VI [1]).

Въ кружкахъ писателей

1875—1884 гг.

Послѣ женитьбы я прожилъ въ моей родной Низовкѣ до 3-го февраля 1876 года и затѣмъ поступилъ въ школу молочнаго хозяйства, основанную, въ 1868 году, братомъ извѣстнаго художника—Николаемъ Васильевичемъ **Верещагинымъ**, а съ 1871 г. существующую на средства министерства государственныхъ имуществъ.

Въ ней я былъ охотно принятъ Н. В. Верещагинымъ и зачисленъ стипендіатомъ по 120 р. въ годъ. Школа эта находится въ селѣ Едимоновѣ, Корчевскаго уѣзда, на лѣвомъ берегу Волги, и всего въ 5-ти верстахъ отъ нашей деревни. Въ ней я, главнымъ образомъ, занимался изученіемъ скотоводства, маслодѣлія и частью сыроваренія и жилъ въ общей отведенной для учениковъ комнатѣ.

Въ свободное-же время, изъ собственной довольно обширной библіотеки Н. В. Верещагина, пользовался чтеніемъ книгъ и новыхъ журналовъ. Писать-же въ общей комнатѣ было неудобно; для этого я уходилъ зимой на теплый сѣновалъ скотнаго двора, а лѣтомъ въ хорошую погоду уединялся въ лѣсу или въ полѣ, гдѣ, между прочимъ, было мной написано стихотвореніе «**Двѣ поры**», деревенскія картины. Привожу его здѣсь цѣликомъ:

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1884 г., т. XLIII, сентябрь, стр. 503—522; т. XLIV, октябрь, стр. 93—122.

Конченъ зимушки праздникъ суровый,
Лѣсъ одѣлся зеленой листвой,
Пѣнье птичекъ разносится снова
Съ шумомъ вѣтра надъ глушью родной.
Солнце всюду тепло разливаетъ,
Облака золотыя плывутъ,
Въ тучкахъ молнія ярко сверкаетъ,
Съ горъ ручьи дождевые текутъ...
Подымаются озими всходы,
Въ гнѣздахъ пискъ раздается галчатъ;
Торжествуетъ родная природа,
Каждый кустикъ мой радуетъ взглядъ.
Лишь деревня, съ рядами избенокъ,
Да испитыя лица людей
И лохмотья худыхъ одежонокъ
Нарушаютъ гармонію въ ней.
Вотъ, крестяся, съ сохой выѣзжаетъ
Мужичекъ изъ широкихъ воротъ,
Лошаденку кнутомъ погоняетъ,
Лошаденка насилу идетъ...
„Ну-же-ну!! ты, кормилица наша"
(Понукаетъ буланку мужикъ).
„Какъ съ тобою мы пашеньку спашемъ,
„Дамъ овса тебѣ цѣлый осминъ,
„Отпущу тебя въ праздничекъ въ поле,
„Наѣдайся тамъ вдоволь травой.
„Ну-же-ну!! Эхъ, мужицкая доля,
„Чѣмъ-то будетъ кормиться весной!
„Въ зиму-зимскую всё подобрали,
„Не осталося въ домѣ зерна.
„Можетъ дѣтки чего посбирали?..
„Щецъ-то сваритъ-ли нынче жена??"
Думалъ пахарь, окинувъ угрюмо
Чернозема широкую гладь,
Погруженный въ тяжелую думу,
Началъ землю глубоко пахать.
И большими пластами ложилась
Подъ сохою сырая земля...
Солнце за лѣсъ давно закатилось,
Гдѣ-то слышится трель соловья.
Спитъ въ избенкѣ нашъ пахарь унылый,
Но, едва пѣтухи пропоютъ,
Принимается съ новою силой
За вседневный и тягостный трудъ;
То онъ ходитъ весь день за сохою,
То по лѣсу стучитъ топоромъ,
То на травкѣ зеленой съ косою,
То на нивѣ родимой съ серпомъ...
Такъ проходитъ и лѣто всё красное,
Наступаютъ осенніе дни...

Свѣтитъ холодно солнышко ясное;
Ночи темныя; въ глазъ хоть кольни
По лѣсамъ дерева зашумѣли,
Навѣвая тоску на людей;
Отъ мороза поля пожелтѣли,
Птички скрылись отъ бурь и дождей.
Непроглядная ночь до разсвѣта
Надъ убогой деревней царитъ;
Снится пахарю чудное лѣто,
Солнце на небѣ жарко горитъ,—
И онъ веселъ идетъ за сохою,
Возвращается рано съ полей,
Окруженный довольной семьею
И любовью жены и дѣтей,
Но лишь только бѣднякъ просыпается,
Слышитъ, буря шумитъ подъ окномъ,
Иль жена возлѣ печки ругается,
Да ревутъ ребятишки кругомъ...

Нѣкоторыя мои пѣсни ученики и ученицы школы молочнаго хозяйства записывали и пѣли ихъ во время работы или вечерняго отдыха хоромъ; въ особенности имъ нравились: «Жалоба мастерового» и «Пѣсни рабочихъ». Н. В. Верещагинъ, узнавъ о моемъ авторствѣ, полюбилъ меня и часто приглашалъ къ себѣ въ домъ и знакомилъ меня съ своими гостями, пріѣзжающими изъ разныхъ мѣстъ для ознакомленія съ дѣломъ школы молочнаго хозяйства. Здѣсь я, между прочимъ, познакомился съ однимъ писателемъ изъ народа и вмѣстѣ съ тѣмъ ярославскимъ земскимъ дѣятелемъ, Саввой Яковлевичемъ Деруновымъ, съ которымъ впослѣдствіи встрѣчался въ Петербургѣ и нѣкоторое время имѣлъ дружескую переписку.

Осенью этого же года Н. В. Верещагинъ, вслѣдствіе малаго количества молока, лишнихъ учениковъ на время сталъ распускать по домамъ; въ ихъ числѣ предложилъ и мнѣ отдохнуть до весны будущаго года дома. Но въ виду бѣдности своей семьи я упросилъ его дать мнѣ на дорогу и отпустить въ Петербургъ для пріисканія тамъ себѣ какого-либо занятія. Н. В. согласился и я 6-го ноября пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ сначала поступилъ на одну изъ табачныхъ фабрикъ, а 1-го декабря въ табачный складъ купца Горошкова, гдѣ я долженъ былъ за 10 руб. жалованья, занимаясь въ складѣ, также таскать на головѣ и возить на телѣжкѣ съ товаромъ корзинки.

Въ апрѣлѣ 1877 года ко мнѣ пріѣзжаетъ жена и я ее устраиваю у этого же хозяина на квартирѣ домашнею прислугою, гдѣ для насъ отведена маленькая комнатка и мы по своему довольно счастливы. Къ тому же 1-го мая Горошковъ открылъ на Невскомъ противъ импера-

торской публичной библіотеки новый табачный магазинъ и поставилъ меня въ немъ отвѣтственнымъ приказчикомъ съ жалованьемъ по 20 рублей въ мѣсяцъ. Здѣсь я просто отдыхаю нравственно, хотя магазинъ находится въ подвалѣ и въ немъ страшная сырость, такъ что переплеты книгъ покрываются зеленью.

Съ 1-го августа 1877 года я снова начинаю вести свой «дневникъ», начинающійся такъ: «Просматривая иногда свой дневникъ, писанный нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мнѣ живѣе вспоминаются лица и обстоятельства, которыя въ то время меня занимали, и я невольно переношусь въ невозвратное прошлое. Теперь, принимаясь за него снова, я думаю, что мнѣ также черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ пріятно вспомнить все нынѣ передуманное и пережитое. Къ тому же я теперь пользуюсь нѣкоторою свободою читать, писать и передумывать, что мнѣ угодно. Сижу я теперь въ подвалѣ табачнаго магазина и, пользуясь изъ библіотеки Черкесова книгами, читаю романъ Мельникова (Печерскаго) «Въ лѣсахъ». Какой же это славный типъ передо мной рисуется въ лицѣ Потапа Максимовича Чапурина, просто чудо! А какой это подлецъ Алексѣй, вдругъ сдѣлавшійся по милости Потапа Максимовича первостатейнымъ купцомъ. А много есть на Руси такихъ мелкихъ людишекъ, какъ Алексѣй, и они будутъ еще существовать до тѣхъ поръ, пока на нихъ не повѣетъ благодатная струя всемогущаго образованія.

Также прочиталъ біографію Роберта Борнса, шотландскаго народнаго поэта. Этакая великая и славная личность! Затѣмъ читаю Льюиса «Жизнь Гете» и «Сочиненія Байрона» подъ редакціей Гербеля. На дняхъ посѣтилъ меня Н. В. Верещагинъ. Какой онъ хорошій и какъ я его люблю! Вотъ если бы побольше было въ Россіи такихъ людей, небось, тогда къ чорту бы и гнилой западъ!

Также зашелъ С. Я. Деруновъ. Онъ прочиталъ нѣкоторыя изъ моихъ новыхъ стихотвореній и отнесся къ нимъ критически. Подарилъ мнѣ свою брошюрку «О молочномъ хозяйствѣ» и обмѣнялся со мною фотографическими карточками.

2-го августа. Продолжаю читать жизнь Гете и переписываю свои стихотворенія, а также начатыя и неоконченныя поэмы.

5-го августа. Пишу романъ изъ жизни послѣдняго времени крѣпостничества...

Господи, помоги мнѣ бросить хотя искру Твоего божественнаго свѣта въ темныя души родимаго народа. Пусть какъ ночь смѣняется днемъ, такъ и мракъ народный смѣнится и засіяетъ свѣтомъ знанія, добра и славы!..

Когда-то я читалъ «Подлиповцы» Рѣшетникова, а теперь его чи-

таю въ полномъ собраніи сочиненій, изданномъ Солдатенковымъ. Какая страшная правда въ этихъ «Подлиповцахъ». А гдѣ правда жизни, тамъ и поэзія. Написавшій этотъ очеркъ не могъ не любить своего бѣднаго, забитаго народа. Онъ вполнѣ и истинно народный писатель. Я предсказываю, что его книга въ будущемъ будетъ настольною книгою каждаго крестьяиина. Не все-же онъ у насъ будетъ безграмотнымъ.

Вчера былъ у меня мой старый другъ Сократъ, который отъ кого-то узналъ, что есть, написанный Мордовцевымъ и напечатанный во «Всемірномъ Трудѣ» 1869 г., романъ подъ заглавіемъ «Знаменіе времени», гдѣ выведены хорошіе новые люди. Я сегодня же досталъ этотъ романъ и читаю его съ большимъ увлеченіемъ.

6-го августа. Что это такое наша жизнь? и какая въ ней есть цѣль? Ужели только та, чтобы жить въ вѣчной борьбѣ за свое существованіе и умереть, не оставивъ по себѣ, какъ говоритъ поэтъ:

.....ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда...

но мы, умирая, должны вѣрить въ будущее преуспѣяніе и съ нимъ въ лучшую жизнь грядущихъ поколѣній.

7-го августа. Какъ хорошо бы намъ жилось, если бы изъ насъ сильные не обижали слабыхъ. «Возлюбимъ другъ друга, да единомысліе исповѣмы», провозглашаетъ священникъ, что значитъ: братья и сестры, безъ различія религій и народности, соединимся въ одну семью и будемъ жить какъ одинъ человѣкъ. Вотъ гдѣ предѣлъ человѣческому стремленію къ счастію на землѣ.

9-го августа. Сегодня на меня напала какая-то тоска. Въ головѣ ни одной нѣтъ хорошей, свѣтлой мысли; просто на все хочется плюнуть. Всѣ эти дни почти ничего не могъ ни читать, ни писать. Чувствуется какая-то душевная истома. Ужъ не отъ того-ли, что на улицѣ такая скверная погода, а въ подвалѣ магазина такъ сыро, что я вздрагиваю какъ въ лихорадкѣ.

11-го августа. Отчего бѣднякъ не можетъ выбиться изъ своего тяжелаго положенія. Я это приписываю просто безхарактерности и крайней неподвижности ума, усыпленнаго невѣжествомъ. Дайте сначала этому человѣку средства къ образованію, тогда у него явится и само собою разовьется и способность къ самодѣятельности, связанной съ стремленіемъ къ матеріальной обезпеченности и личному счастію...

12-го августа. Сегодня былъ у меня Н. В. Верещагинъ, и отрекомендовалъ мнѣ Ѳ. Ѳ. Успенскаго. Послѣдній попросилъ прочесть ему нѣсколько стихотвореній, что я охотно и исполнилъ. При чемъ

выслушалъ отъ Успенскаго по поводу ихъ замѣчанія, что они по формѣ имѣютъ много общаго съ Никитинскими.

14-го августа. Вечеръ провелъ у стараго друга Сократа... На душѣ тоска и какое-то тяжелое недовольство самимъ собой... Богъ знаетъ, что я такое?...

31-го августа. Кончилъ чтеніе романа Мордовцева «Знаменіе времени». Это ни что иное, какъ программа человѣческаго счастія, но когда она осуществится въ жизни—Богъ вѣсть, только мнѣ не дождаться этого общаго счастія.

29-го декабря 1877 г. Мы лишились выразителя нашихъ думъ—Николая Алексѣевича Некрасова.

Едва-ли мое слабое перо въ состояніи будетъ выразить всѣ горькія чувства о томъ, какъ теперь осиротѣла Россія безъ своего народнаго пѣвца. Некрасовъ умеръ во вторникъ 27-го декабря въ 8 часовъ 50 минутъ вечера, о чемъ я только могъ узнать вчера вечеромъ изъ газетъ, и, пораженный въ самое сердце скорбью, ходилъ все время изъ угла въ уголъ по магазину, декламируя его «послѣднія пѣсни». Предчувствіе поэта, въ нихъ выраженное, оправдалось.

Вчера же вечеромъ, проходя изъ магазина мимо дома Краевскаго, я долго всматривался на мерцающія сквозь опущенныя шторы свѣчи передъ гробомъ усопшаго, а сегодня, оставивъ въ магазинѣ жену, въ 8 часовъ вечера пошелъ на его квартиру, въ которой толпился народъ, старый и молодой, бѣдный и богатый. Общая скорбь соединила здѣсь всѣ сословія и примирила всѣ литературныя партіи. Я подошелъ къ гробу и взглянулъ въ лицо поэта, окруженнаго цвѣтами и зеленью. Онъ, казалось, спалъ; уста его были немного полуоткрыты; орлиный, какъ у Шиллера, носъ заострился; во всемъ лицѣ было разлито необыкновенное спокойствіе. Многіе подходили къ нему и дѣлали послѣднее цѣлованіе. Я долго со слезами смотрѣлъ на народнаго поэта и думалъ печальную думу:

Угасъ поэтъ—народъ осиротѣлъ.

Да и у всѣхъ присутствующихъ на глазахъ блестѣли слезы. Глубокая тишина царствовала у гроба. Комната, въ которой стоялъ гробъ, повидимому служила его кабинетомъ. На стѣнахъ, въ круглыхъ орѣховыхъ рамахъ, я замѣтилъ портреты: Шиллера, Гете, Гейне, Лонгфелло и Островскаго. Постоявъ еще немного, я поклонился, поцѣловалъ въ послѣдній разъ поэта и вышелъ.

30-го декабря. Сегодня въ 9 часовъ утра я проводилъ Некрасова отъ его квартиры до Владимірской улицы. Огромная толпа народа провожала любимаго поэта въ его послѣднее жилище. При уны-

ломъ и громкомъ пѣніи «Святый Боже» пѣвчими и народомъ несли на плечахъ дубовый гробъ, покрытый и окруженный множествомъ вѣнковъ съ разными инниціалами. А городъ между тѣмъ, по случаю нашей побѣды въ войнѣ съ Турціею, былъ иллюминованъ разноцвѣтными коврами и флагами, что совсѣмъ не гармонировало съ похоронами народнаго поэта, незамѣнимая утрата котораго такъ будетъ чувствительна въ нашей современной поэзіи.

Въ заключеніе, скажу приличное этому грустному событію свое стихотвореніе:

Вѣчная память.

Вѣчную память надъ гробомъ споемъ
Тѣмъ, кто на свѣтѣ жилъ честнымъ трудомъ.
Нажилъ не мало мозолей въ работѣ
И, умирая, въ предсмертной заботѣ
Намъ завѣщалъ не отчаянье въ жизни,
А, прозрѣвая величье отчизны,
Вѣрилъ, что колосъ нальется зерномъ,
Вѣчную память споемъ!
Тѣмъ, кто за родину въ битвѣ кровавой
Умеръ вѣнчанный народною славой.
Въ слово живое кто мысль воплощалъ
И въ тишинѣ свое дѣло свершалъ,
Къ счастью стремился въ годину невзгоды,
Съ вѣрою въ силу родного народа
Духомъ не падалъ въ призваньи святомъ,
Вѣчную память споемъ!!

Въ этомъ году, кромѣ мелкихъ стихотвореній, я началъ писать поэму «Привалъ на Волгѣ», отрывки изъ которой привелъ еще въ началѣ своихъ воспоминаній.

11-го января 1878 года я отправилъ свою жену на родину, такъ какъ она готовилась скоро быть матерью.

Въ началѣ февраля, совершенно случайно, познакомился съ однимъ тогда только-что начинающимъ литераторомъ, Александромъ Николаевичемъ Сальниковымъ. Онъ какъ-то узналъ отъ моего пріятеля, торгующаго въ пассажѣ табакомъ и отдѣльными нумерами газетъ и журналовъ, что я пишу стихи, поэтому немедленно зашелъ ко мнѣ въ лавочку и, отрекомендовавшись, просилъ дать ему для прочтенія какую-нибудь тетрадку своихъ стихотвореній, которыя ему такъ понравились, что онъ рѣшился показать и прочитать ихъ своимъ знакомымъ. Въ результатѣ оказалось то, что вечеромъ 5-го февраля я былъ введенъ

въ небольшой литературный кружокъ, гдѣ меня приняли чрезвычайно тепло и ласково, такъ что я сразу почувствовалъ себя, какъ говорится, въ своей тарелкѣ.

Кружокъ этотъ тогда собрался въ Поварскомъ переулкѣ на квартирѣ доцента императорскаго университета Сергѣя Павловича Г***, гдѣ былъ сервированъ чай и ужинъ, послѣ котораго я прочелъ нѣсколько своихъ стихотвореній, возбудившихъ въ кружкѣ разныя сужденія и живой интересъ къ ихъ автору. Въ числѣ собравшихся особенно привлекъ мое вниманіе другъ и издатель поэта Ивана Захаровича Сурикова—Николай Александровичъ Соловьевъ-Несмѣловъ, съ которымъ впослѣдствіи мы сдѣлались самыми близкими и задушевными друзьями. Кромѣ него, я тутъ-же дружески сблизился съ Александрою Николаевною Я*** и другими. Ждали въ этотъ вечеръ Александра Константиновича Михайлова (Шеллера), который почему-то не могъ быть и прислалъ записку, выразивъ въ ней желаніе видѣть меня у себя на квартирѣ.

Въ это время А. К. Михайловъ жилъ на Невскомъ проспектѣ въ домѣ Бенардаки. Я въ первый разъ пришелъ къ нему вмѣстѣ съ Сальниковымъ, а во второй разъ одинъ, въ то время, когда Александръ Константиновичъ пилъ чай, — это былъ 11-й часъ вечера, — онъ любезно пригласилъ меня къ чаю и попросилъ для журнала «Дѣло» дать нѣсколько моихъ стихотвореній.

На другой или на третій день я прислалъ ихъ къ нему съ однимъ изъ своихъ товарищей въ запечатанномъ конвертѣ. Изъ этихъ стихотвореній въ № 5 «Дѣла» было напечатано только одно подъ заглавіемъ «Сонъ труженика» (1875 г.). Привожу его здѣсь въ значительно исправленномъ противъ первоначальной редакціи видѣ:

Господи, сколько работы;
Некогда даже вздохнуть,
И отъ нужды и заботы
Вся истомилася грудь.
Некогда даже молиться;
Ляжешь въ постелю—во снѣ
Хата знакомая снится,
Мать на родной сторонѣ...
Ночью въ промерзлыя окна
Зимняя вьюга слышна,—
Тянетъ родная волокна
Изъ шелковистаго льна.
Лѣтомъ въ жару и ненастье
Вижу я полемъ идетъ,
Пѣсню про „горе-злосчастье",
Грустную пѣсню поетъ...

Кончился сонъ безпокойный,
Хочешь—не хочешь—вставай,
Снова какъ рабъ подневольный
Хлѣба семьѣ добывай...

Вскорѣ также я познакомился съ молодымъ, какъ его называли, «стихійнымъ поэтомъ» А. А. О***. Онъ взялъ у меня «Пѣсни рабочихъ» и при своемъ письмѣ послалъ ихъ въ редакцію тогда только-что основаннаго журнала «Слово». Стихи были приняты и напечатаны въ 1878 г., въ № 4 этого журнала, въ которомъ замѣчены публикою и критикою; какъ мнѣ было извѣстно, также списывались и заучивались молодежью. Я сталъ вѣрить въ свои силы и строже относиться къ своимъ произведеніямъ и печатному слову. Написалъ вскорѣ стихотвореніе:

Поэту.

Поэтъ, предъ истинной святою,
Какъ передъ Господомъ живымъ,
Постой съ открытою душою
На стражѣ съ словомъ огневымъ.
Борись съ неправдой и порокомъ,
Служи ты родинѣ своей,
Въ грядущемъ будь ея пророкомъ
И другомъ истиннымъ людей [1]).

Послѣ напечатанія «Пѣсни рабочихъ» Александръ Александровичъ О*** вмѣстѣ со счетомъ редакціи «Слово» принесъ мнѣ гонораръ по 50 копѣекъ за строку. Это былъ мой первый литературный заработокъ. Затѣмъ въ № 5 «Свѣта», издаваемаго Н. П. Вагнеромъ, было напечатано стихотвореніе:

На пути.

Измучены нуждой, задавлены трудомъ,
Мы крестъ тяжелый свой безъ жалобы несемъ...
Ни края, ни конца, ни свѣта на пути,
Но мы должны впередъ хоть ощупью идти,
Съ надеждой сладкою, съ желаніемъ въ груди—
Зарю прекрасныхъ дней увидѣть впереди.
Пусть тьма кругомъ, какъ ночь осенняя, виситъ
И тернъ колючій насъ мучительно язвитъ,
Пока отрадный лучъ предъ нами не блеснетъ,
Мы будемъ все идти хоть ощупью впередъ.

---

[1]) „Тверской Вѣстникъ" 1878 г., № 3.

За нимъ въ «Семейныхъ Вечерахъ» № 9 и 10 были напечатаны стих. «Дѣтскіе годы» и «Крестьянская семья»—разсказъ въ стихахъ, а въ изданной Н. А. Соловьевымъ-Несмѣловымъ книжкѣ «Маленькія дѣти» помѣщено стихотвореніе «Смерть малютки» и перепечатано изъ «Семейныхъ Вечеровъ»—«Дѣтскіе годы».

Въ концѣ-же этого года въ Твери было задумано еженедѣльное изданіе «Тверской Вѣстникъ». Н. В. Верещагинъ, принявшій живое участіе въ судьбѣ этого возникающаго родного органа провинціальной печати, тогда же пригласилъ меня быть его постояннымъ сотрудникомъ и я послалъ сюда нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ во 2-мъ № этого года, вышедшемъ 8 декабря, напечатано стихотвореніе «Весной», при чемъ отъ редакціи была сдѣлана выноска, что «авторъ крестьянинъ Тверского уѣзда д. Низовки», а въ слѣдующемъ № напечатано вышеприведенное стихотвореніе «Поэту».

10 марта (1878 г.) у меня родилась первымъ ребенкомъ послѣ моего брака дочь Дарья. Я продолжаю бывать въ кружкѣ молодыхъ писателей, который попрежнему большей частію собирался у Г***.

Дружба съ Николаемъ Александровичемъ Соловьевымъ-Несмѣловымъ, помимо кружка, особенно имѣла громадное вліяніе на мои взгляды, убѣжденія и литературный ростъ. Это была натура, какъ я понималъ, въ высшей степени честная въ своихъ убѣжденіяхъ и всесторонне образованная. Его литературные труды большею частію разсѣяны въ дѣтскихъ и педагогическихъ журналахъ. Кромѣ того, въ разное время имъ было составлено нѣсколько дѣтскихъ сборниковъ и руководствъ. Онъ, кромѣ литературы, занимался тогда уроками. Жилъ въ меблированной комнатѣ на Невскомъ возлѣ гостинницы «Москва», куда я часто забѣгалъ послѣ 11 часовъ вечера, чтобы, какъ говорится, только отвести душу, и побесѣдовать съ нимъ по душѣ. И эти бесѣды длились далеко за полночь. Днемъ-же онъ навѣщалъ меня въ магазинѣ, въ которомъ я прожилъ до 2 іюня.

Такъ какъ, вслѣдствіе дурной торговли, хозяинъ принужденъ былъ его закрыть и вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлъ мнѣ отдать слѣдуемаго разсчета, то я, передавъ свой контрактъ и другія бумаги, свидѣтельствующія о неполученномъ мною съ купца Горошкова жалованьи въ количествѣ около ста рублей, помощнику присяжнаго повѣреннаго Аркадію Владиміровичу Покровскому, 15 іюня возвратился на родину, гдѣ отецъ и мать, не видя никакой денежной помощи, приняли меня крайне недружелюбно, часто дѣлали мнѣ очень непріятныя сцены и не давали возможности ни читать, ни писать, смотря попрежнему на это, какъ на пустую забаву и безцѣльное препровожденіе времени. Я принужденъ былъ прятаться съ книгою или листомъ бумаги въ огородѣ или уходилъ въ лѣсъ и

тамъ на свободѣ читалъ или писалъ. Впрочемъ и это дѣлалось только по окончаніи моихъ полевыхъ работъ или въ праздничные и воскресные дни. Скоро пріѣхалъ ко мнѣ изъ Петербурга отдохнуть и пожить деревенскою жизнью мой старый другъ Сократъ. Онъ нѣсколько оживилъ меня своимъ присутствіемъ, а въ концѣ лѣта Покровскій прислалъ мнѣ изъ взысканныхъ съ купца Горошкова денегъ 75 рублей, которыми я поправилъ деревенскую нужду и успокоилъ своихъ родителей, которые тотчасъ перемѣнили тонъ и стали снисходительнѣе смотрѣть на мои занятія литературою. Изъ деревни я поддерживаю постоянную переписку съ моими новыми петербургскими друзьями Н. А. Соловьевымъ-Несмѣловымъ и А. Н. Я***. Они жили въ это время на дачѣ въ д. Знаменкѣ близь Новаго Петергофа.

8 октября 1878 г. я опять уѣзжаю въ Петербургъ, а 17-го поступаю приказчикомъ въ табачный магазинъ Демьяновича, только-что окончившаго тогда курсъ въ медико-хирургической академіи. Онъ положилъ мнѣ, при готовомъ содержаніи, 15 рублей въ мѣсяцъ жалованья и предоставилъ позади магазина, въ полное мое распоряженіе, большую комнату съ плитою и водопроводомъ, разрѣшивъ мнѣ при этомъ выписать изъ деревни жену и ребенка.

Здѣсь я также могъ свободно заниматься литературою и принимать у себя новыхъ литературныхъ друзей, которые, спасибо, меня не оставляли. Тутъ чаще всего бывалъ у меня А. А. О***, Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, А. Г. Сахарова, А. Н. Я***, художникъ Алексѣй Аввакумовичъ Наумовъ и только-что въ то время начинающій поэтъ Сергѣй Александровичъ Бердяевъ (Кіевскій), съ которымъ мы по пятницамъ часто бывали въ кружкѣ А. Г. Сахаровой, и многіе другіе. Всѣ эти люди, безъ всякаго сомнѣнія, имѣли на меня немалую долю своего вліянія и я считаю это время самою лучшею страницею во всей моей многотрудной жизни, о которомъ всегда буду вспоминать съ величайшимъ удовольствіемъ и благодарностью къ друзьямъ, которые мнѣ столько принесли своимъ умомъ и своею образованною рѣчью эстетическихъ наслажденій.

11 декабря ко мнѣ пріѣхала жена съ маленькою Дашей, а 12-го былъ день моего ангела. Вечеромъ въ комнатѣ сзади магазина собрались всѣ мои новые литературные друзья. Много тутъ было сказано хорошихъ рѣчей и много спѣто новыхъ и старыхъ пѣсенъ. Нѣкоторыми изъ друзей были мнѣ преподнесены подарки. А. Н. Я*** подарила сочиненія Никитина съ надписью изъ Некрасова:

„Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте, спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ!“

А Анна Гавриловна Сахарова преподнесла даже на англійскомъ языкѣ Роберта Борнса и, хорошо зная этотъ языкъ, бралась меня выучить. Кромѣ пишущихъ людей, на этой вечеринкѣ также были и мои старые друзья—рабочіе, приказчики и студенты. А. А. О*** отлично спѣлъ «Дубинушку» и приволжскую народную пѣсню «Задумалъ Тереха жениться». Я, по просьбѣ дорогихъ гостей, продекламировалъ нѣсколько своихъ стихотвореній и пѣлъ вмѣстѣ съ женою русскія пѣсни. Однимъ словомъ, никогда я не праздновалъ такъ весело свои имянины, какъ въ этотъ разъ. Было уже далеко за полночь, когда мои гости разъѣхались.

Встрѣчать новый 1879 годъ меня также приглашали вмѣстѣ съ женою въ квартиру Г***, гдѣ, по обыкновенію, собрался тѣсный кружокъ молодежи, но жена отговорила и я отказался, ограничившись слѣдующимъ тутъ-же написаннымъ пожеланіемъ:

На 1879 г.

Братцы, встрѣтимъ новый годъ
Съ искреннимъ привѣтомъ
И желаньемъ, чтобъ народъ
Озарился свѣтомъ!
Эта рюмка черезъ край
Пусть виномъ нальется!
Боже правый, не карай,
Если кто напьется!!
Пьемъ-же, братцы, будемъ пить!
Эхъ, дай Богъ удачи,
Какъ нибудь получше жить,
Такъ или иначе!
Это время настаетъ,
Къ чорту всѣ сомнѣнья!
И да будетъ новый годъ
Годомъ возрожденья!!

Это стихотвореніе я послалъ съ посыльнымъ и черезъ полчаса получилъ слѣдующій отвѣтъ, до сей поры сохранившійся въ моихъ бумагахъ:

«Дорогой Спиридонъ Дмитріевичъ! Присоединяемся всей душою къ вашему хорошему тосту и вѣримъ въ хорошее и скорое будущее.

«Поздравляемъ васъ съ Новымъ годомъ. Очень сожалѣемъ, что вы не среди насъ. Сергѣй Г***, Александра Я***».

Нашъ кружокъ, безхитростенъ и простъ,
Отвѣчаетъ на братскій твой тостъ:
Пусть нашъ бѣдный и темный народъ
Къ свѣту знанья быстрѣе идетъ,
Пусть рождаетъ почаще намъ онъ
Сыновей, какъ вотъ ты, Спиридонъ!...

А. Арсеньевъ.

«Мы говоримъ, любовью пламенѣя—пусть будутъ крѣпки узы Гименея, но еще крѣпче любовь къ народу у сына народа. Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, художникъ Наумовъ».

«Вамъ, женѣ вашей и дочкѣ желаю добраго здоровья и счастія. А. В. Покровскій, Зюбинъ, Д. Сидоренко».

Прочитавъ привѣтствіе друзей, я Новый годъ встрѣтилъ съ женою и старшимъ дворникомъ дома графа Шереметьева, въ которомъ тогда помѣщался табачный магазинъ. Наступилъ и 1879 годъ, когда мнѣ казалось

Грозныя тучи нависли,
Буря и громъ!
Такъ оживляются мысли
Въ Царствѣ твоемъ.
Стой, подъ грозою не гнися,
Бури не трусь!
Солнце за тучей—проснися
Матушка Русь [1])!

10 января скончалась моя родная бабушка Анна Петровна.

Я оставляю мѣсто въ табачномъ магазинѣ Демьяновича и 1 февраля, по рекомендаціи моихъ новыхъ друзей Сергѣя Павловича Г*** и А. Н. Я***, поступаю къ отцу перваго — Павлу Александровичу Г*** его довѣреннымъ по поставкѣ дровъ на Мало-Вишерскую и другія станціи Николаевской желѣзной дороги, на жалованье, при готовой квартирѣ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, 75 руб. въ мѣсяцъ и съ годовымъ билетомъ 2-го класса на право проѣзда по этой дорогѣ между Петербургомъ и Тверью. Я сначала вмѣстѣ съ женою и дочерью поселился на Малой Вишерѣ, потомъ на лѣто переѣхалъ на Большую Вишеру, гдѣ въ имѣніи Крамера занялъ небольшой каменный флигель, примыкающій къ сосновой рощѣ и окруженный, какъ зеленой рамой, густыми, развѣсистыми березами. Тутъ-же былъ для меня разбитъ небольшой огородъ, въ которомъ я разсадилъ свои овощи и обзавелся своей молочной коровою. Жизнь мнѣ, наконецъ, улыбнулась. Въ этотъ годъ за недосугомъ я рѣдко могъ бесѣдовать съ своею музой, но все-же нашелъ возможность написать, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ стихотвореній, такія вещи, какъ «Сынъ полка» (разсказъ солдата), «Читатель и поэтъ» и «Бабушкину сказку»; послѣдняя съ другимъ стих. «Приходъ весны» вошла въ новый сборникъ, составленный Н. А. Соловьевымъ-Несмѣловымъ подъ заглавіемъ «Маленькія дѣти»,

[1]) „Ребусъ“ 1881 г., № 2, напечатано безъ подписи и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ

разсказы и стихотворенія для дѣтей отъ 5 до 8 л. возраста, изданный г. Битепажемъ.

Въ «Тверскомъ Вѣстникѣ» за этотъ годъ въ №№ 11, 13 и 18 были напечатаны слѣдующія стихотворенія: 1) «Грусть крестьянки», 2) «На родинѣ», 3) «Двѣ пары», 4) пѣсня «Ты запой мнѣ весной пѣсню, соловейко», 5) «Горе пахаря», 6) «Ясный мѣсяцъ надъ селомъ весело сіяетъ» и 7) «Передъ Пасхой».

На Вишерѣ я хорошо ознакомился съ бытомъ пильщиковъ и возчиковъ дровъ, которыхъ мнѣ цѣлыми артелями лично приходилось нанимать въ селахъ и деревняхъ Крестецкаго уѣзда. 31 марта, выбравъ свободное отъ занятій время, я съѣздилъ на нѣсколько дней на родину, и, проѣздомъ черезъ Тверь, ночевалъ у жившаго въ это время тамъ Николая Васильевича Верещагина и познакомился съ составомъ редакціи «Тверского Вѣстника».

Въ это-же время отъ Н. А. Соловьева-Несмѣлова я узналъ о тяжкой болѣзни глубоко-симпатичнаго поэта Ивана Захаровича Сурикова, съ которымъ мнѣ ужасно хотѣлось давно познакомиться лично, но, не имѣя времени съѣздить въ Москву, гдѣ онъ послѣднее время обиталъ въ своей желѣзной лавочкѣ, я рѣшился познакомиться съ нимъ посредствомъ переписки. Изъ посланныхъ къ нему моихъ писемъ у меня въ бумагахъ сохранилось черновое только одного, которое и приведу вслѣдъ за первымъ письмомъ Ивана Захаровича. Вотъ его первое письмо:

16-го мая 1879 г.

«Добрѣйшій Спиридонъ Дмитріевичъ! Душевно вамъ благодаренъ за ваше письмо. Я васъ всегда глубоко уважалъ и уважаю за ваши труды. Сердечно вамъ желаю трудиться и — уйти дальше другихъ, рано сломавшихся въ этой суровой борьбѣ съ обстоятельствами и средою. Я на этихъ дняхъ уѣзжаю въ самарскія степи для поправленія моего въ конецъ разбитаго здоровья.

Я теперь сталъ негоденъ никуда, ни голова, ни душа не работаютъ, кашель меня душитъ—и голова, и грудь—разбиты.

Желаю вамъ всего хорошаго, а главное здоровья. И. Суриковъ».

Привожу свое письмо къ Ивану Захаровичу:

Усадьба Концы. 20-го ноября 1879 г.

«Дорогой Иванъ Захаровичъ! Душевно благодарю васъ за память, которую вы выразили въ одномъ изъ писемъ къ Николаю Александровичу. Я постоянно вспоминаю о васъ въ обществѣ нашего общаго друга и вмѣстѣ съ нимъ болѣю душой за вашу помятую и такъ рано надломленную жизнь.

«Что дѣлать? видно не ко двору приходятся всѣ наши лучшіе люди, видно страданія—удѣлъ всѣхъ, одаренныхъ прекрасною душою, избранниковъ неба, которыхъ оно посылаетъ на землю для того только, чтобы показать людямъ, каковъ долженъ быть человѣкъ—этотъ вѣнецъ созданія Бога. Такому человѣку душно въ этомъ мірѣ, онъ не выноситъ его окружающаго смрада и грязи, и гибнетъ, гибнетъ, какъ выразилъ поэтъ:

„Не совершивъ и задушевнаго желанья".

«Мнѣ хочется вѣрить, что южный климатъ возстановитъ ваши утраченныя силы, но меня увѣряютъ въ противномъ: я въ письмѣ къ вамъ выразилъ еще надежду, что мы когда-нибудь увидимся съ вами бодрыми, какъ старые друзья! а меня заставляютъ не вѣрить этой надеждѣ. Напишите мнѣ, дорогой Иванъ Захаровичъ; если судьбѣ не будетъ угодно доставить мнѣ удовольствіе встрѣтить васъ лично, то вы меня вознаградите за утраченное хотя заочною бесѣдою съ вами. Николай Александровичъ шлетъ вамъ свой задушевный привѣтъ. Я вижусь съ нимъ почти каждую недѣлю, хотя и живу въ провинціи. Онъ все возится съ корректурами, подготовляетъ изданіе книжки «Маленькія дѣти», которая выйдетъ въ началѣ декабря. Я видѣлъ первые уже отпечатанные листы.

«Передайте мое почтеніе вашей женѣ. Она должна быть вашимъ ангеломъ-хранителемъ, ооообенно теперь, и Богъ за это взыщетъ ее Своею милостію. Моя жена вамъ кланяется. Она васъ знаетъ по портрету, который въ эту минуту на меня смотритъ со стѣны, и часто любитъ слушать ваши пѣсни.

«О себѣ я вамъ напишу послѣ полученія вашего письма. Выздоравливайте—это искреннее желаніе всѣхъ и въ отдѣльности С. Дрожжина.

Въ отвѣтъ на это письмо я получилъ слѣдующее и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднее письмо отъ умирающаго поэта:

19-го декабря 1879 г.

«Голубчикъ Спиридонъ Дмитріевичъ! Письмо ваше, посланное въ Ялту, меня не застало, я оттуда выѣхалъ 25-го ноября; его переслали ко мнѣ въ Москву. Душевно благодарю васъ за ваше сердечное сочувствіе къ моему положенію. Здоровье мое, голубчикъ, нисколько не поправляется, а становится день ото-дня все «хуже и хуже»: пѣсенка моя, какъ видится, спѣта... Я работать ничего не могу, голова и душа отказались мнѣ служить; я съ величайшимъ трудомъ могу написать

письмо, кашель меня душитъ. Пиши, мой добрый, пока есть силы, а когда не будетъ силъ, тогда... Хотя погибнешь ты въ борьбѣ, но не погубятъ люди слова. А для себя намъ ничего не нужно; впрочемъ, забылъ:

Когда разстанемся съ землей,
Сложивъ на груди руки,—
Намъ нуженъ ящикъ тесовой,
Чтобъ спрятаться отъ муки.

«Прощай,—мой добрый! Будь здоровъ. Адресъ мой: Москва, Большая Грузинская улица, д. Славущаго. И. Суриковъ».

До начала этой переписки, Суриковъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, прислалъ мнѣ изъ Москвы съ Н. А. Соловьевымъ-Несмѣловымъ въ подарокъ последнее изданіе своихъ стихотвореній на слоновой бумагѣ, съ надписью, и свой фотографическій портретъ.

24-го апрѣля 1880 г. его не стало.

Вешнее солнце пропало изъ глазъ,
Темная ночь наступила,
Такъ передъ нами онъ бѣдный угасъ
Въ блескѣ таланта и силы...
Пой терпѣливый, униженный людъ
Пѣсню роднаго поэта,
Въ ней воспѣвается честность и трудъ,
Слышится слово привѣта.

Когда мнѣ случалось бывать въ Петербургѣ, я постоянно останавливался на квартирѣ Н. А. Соловьева-Несмѣлова и тутъ-то мы съ нимъ давали полную волю нашей задушевной бесѣдѣ, которую можно было назвать мѣткимъ выраженіемъ Бѣлинскаго: «литературными мечтаніями»; въ этихъ мечтаніяхъ чувства, какъ говорится, бились ключемъ и рвались наружу. Онъ занималъ тогда небольшую квартирку на Малой Подъяческой улицѣ, гдѣ часто собирались молодые писатели и поэты, между которыми были слѣдующіе: нынѣ уже покойный, талантливый поэтъ Дмитрій Николаевичъ Садовниковъ и здравствующіе: М. Н. Альбовъ, К. С. Баранцевичъ, А. В. Кругловъ, Н. И. Позняковъ, В. П. Мартовъ, Д. А. Рубинъ и многіе другіе, въ первый разъ заговорившіе объ образованіи «литературнаго кружка», подобнаго кружкамъ прежняго времени Станкевича и Бѣлинскаго, въ которомъ могли бы сходиться молодые писатели для обмѣна мыслей, чтенія литературныхъ произведеній и ихъ критической оцѣнки. Кружокъ этотъ предполагалось назвать именемъ народнаго поэта—«Пушкинскимъ».

Въ 1880 году, нѣсколько уже обезпеченный матеріяльно, я возродился и духовно. Написалъ множество мелкихъ стихотвореній, закон-

чилъ и отдѣлалъ поэму «Привалъ на Волгѣ», «Дуняша» и «Легенду о пчелахъ», основаніемъ которой послужилъ слышанный мною на родинѣ разсказъ пчеловода-крестьянина.

Въ томъ-же 1880 году сталъ выходить новый дѣтскій журналъ «Игрушечка», подъ редакторствомъ извѣстнаго автора обширныхъ и превосходно написанныхъ воспоминаній «Изъ дальнихъ лѣтъ», сначала напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», потомъ вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ, Татьяны Петровны Пассекъ, при дѣятельномъ участіи Н. А. Соловьева-Несмѣлова. Здѣсь я помѣстилъ въ продолженіи года, кромѣ «Легенды о пчелахъ», слѣдующія мелкія стихотворенія: «Въ деревнѣ», «Весеннее утро», «Хорошо и вольно дышется», «Изъ воспоминаній дѣтства» (отрывокъ изъ поэмы) и «Лѣто».

29-го февраля 1880 г. у меня родился сынъ Алексѣй, но не долго пришлось мнѣ радоваться на своего маленькаго херувима. Когда въ концѣ іюля я поѣхалъ на нѣсколько дней на родину, чтобы распорядиться насчетъ задуманной мною постройки новой избы, какъ получилъ отъ жены телеграмму о его смерти; онъ умеръ 26-го іюля и похороненъ мною близь станціи «Гряды» на кладбищѣ села Горнешна. Глубоко опечаленный потерею своего малютки, я написалъ «Деревенскую идиллію» (1881 г.):

Брезжетъ утро, даль въ туманѣ,
Пѣтухи пропѣли,
Пробудилися крестьяне,
Косы зазвенѣли.
Всѣ пошли они гурьбою
Тихо по тропинкѣ,
Отряхая надъ травою
Свѣтлыя росинки.
Встали на полѣ рядами,
Косы отточили
И съ душистыми цвѣтами
Травушку скосили...
Тихо въ бѣдной деревушкѣ,
Въ воздухѣ прохлада,
Тускло свѣтится въ избушкѣ
Мѣдная лампада;
Свѣтъ полоскою въ окошко
На дорогу льется,
А въ избушкѣ мальчикъ-крошка
Спитъ не шевельнется.
Спитъ, на грудь сложивъ рученки,
И закрывши глазки,
Словно милаго ребенка
Усыпили сказки

Въ тѣсномъ гробикѣ малютки
Цвѣтики пестрѣли,
Полевыя незабудки
Изъ-за нихъ смотрѣли;
Вмѣстѣ съ ландышемъ душистымъ
Желтая ромашка;
Одуванчикъ золотистый,
Васильки и кашка...
Не для горя и заботы
Матерью рожденный
Спитъ онъ, свѣтомъ отъ кіоты
Тускло озаренный —
Спи, дитя, Господь съ тобою!
Скоро день настанетъ,
Съ неба солнце золотое
Ласково проглянетъ.
Мать изъ поля возвратится
И предъ образами
Долго пламенно молиться
Будетъ со слезами
О твоемъ успокоеньи...
А отецъ съ кручиной
Понесетъ для погребенья
На кладбище сына.
Будешь ты лежать спокойно,
Ничего не зная,
Какъ невеселъ свѣтъ нашъ вольный
И вся жизнь земная.

Осенью 1880 года для утвержденія правительствомъ былъ составленъ уставъ «Пушкинскаго кружка», который подписали слѣдующія лица:

Н. П. Стремоуховъ, А. С. Стремоухова, Д. Н. Садовниковъ, В. К. Мюръ, С. Д. Дрожжинъ, М. Н. Альбовъ, А. Н. Сальниковъ, Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. И. Позняковъ, К. С. Баранцевичъ, Д. А. Рубинъ, А. В. Кругловъ и А. Е. Алеевъ-Днѣпровскій. Первый и главный параграфъ устава гласилъ слѣдующее: «Пушкинскій кружокъ» имѣетъ цѣлью: а) развитіе русской изящной словесности; б) сближеніе между собою любителей ея; в) доставленіе своимъ членамъ матеріальной поддержки; г) содѣйствіе къ изданію наиболѣе выдающихся произведеній своихъ членовъ и д) выдачу средствъ (если таковыя окажутся) на совершеніе небольшихъ, но плодотворныхъ экскурсій внутрь Россіи для собиранія памятниковъ народнаго творчества.

1-го октября 1880 г., вслѣдствіе передачи желѣзно-дорожнымъ начальствомъ поставки дровъ на Малой Вишерѣ другому лицу, я принужденъ былъ уѣхать на родину, гдѣ занялся окончаніемъ постройки новой

избы и, убивъ въ нее все полученное за послѣднее время жалованье, вошелъ въ долги, черезъ что опять имѣлъ большія домашнія непріятности съ родителями. Въ Низовкѣ съ горемъ пополамъ прожилъ я до марта 1881 года и опять отправился искать себѣ счастія въ Петербургъ и здѣсь, 20-го марта, поступилъ въ книжный магазинъ для иногородныхъ С. П. Г*** за 25 р. въ мѣсяцъ съ готовой квартирой безъ стола.

Городъ былъ окутанъ въ это время, по случаю цареубійства, въ глубокій трауръ и казалось всякій подозрѣвался прямымъ или косвеннымъ участникомъ этого страшнаго злодѣянія.

Я взялъ на извощика свой багажъ, состоявшій изъ одного холщеваго мѣшка съ бѣльемъ и платьемъ и довольно, хотя небольшого, но тяжеловѣснаго ящика съ книгами и рукописями. Я благополучно подъѣхалъ къ дому, гдѣ находилась квартира и книжный магазинъ Г***, взялъ подъ мышку мѣшокъ и попросилъ швейцара внести мнѣ въ 3-й этажъ квартиры ящикъ, на что онъ охотно, за данный ему гривенникъ, и согласился. Но ящикъ по грузу ему почему-то показался подозрительнымъ, да и владѣлецъ-то его, тово, какой-то лохматый. Онъ, какъ оказалось впослѣдствіи, тотчасъ шепнулъ дворнику, а дворникъ полицейскому. Въ квартиру явился участковый (я былъ въ это время въ отсутствіи) и началъ спрашивать у Г*** о томъ, что̀ находится въ ящикѣ и кто есть молодой человѣкъ. Г***, зная меня съ 1878 года, отвѣтилъ, что молодой человѣкъ пріѣзжій изъ деревни и поступаетъ къ нему въ приказчики, а что находится въ ящикѣ— не знаетъ.

Когда послѣ ухода участковаго я возвратился въ квартиру, то крайне былъ удивленъ, что мой ящикъ былъ выставленъ въ переднюю, тогда какъ по пріѣздѣ я вмѣстѣ съ мѣшкомъ внесъ его въ комнату. Г*** выходитъ ко мнѣ на встрѣчу крайне взволнованный и, объяснивъ въ короткихъ словахъ о подозрѣніи полиціи, прибавилъ, что пожалуй теперь будетъ обыскъ во всей квартирѣ и магазинѣ, давайте скорѣй въ прописку вашъ паспортъ.

Я позвалъ старшаго дворника и, подавая ему паспортъ, просилъ его объяснить въ участкѣ, что въ ящикѣ находятся мои книги.

Слова мои, при передачѣ въ участкѣ дворникомъ въ прописку паспорта, были точно переданы полицейскому, который, взглянувъ на паспортъ, вскрикнулъ:

— «Какъ книги!? Какія могутъ быть у него книги!? когда на паспортѣ ясно значится: крестьянинъ Тверской губерніи и уѣзда, Городенской волости, деревни... Скажи пожалуйста, какія, я тебя спрашиваю, у него могутъ быть книги, и для чего!? А?!»

— Не могу знать-съ, ваше высокоблагородіе, отвѣтилъ дворникъ.

Обыска однако, къ чести полицейскаго правленія, не было. Но какой дикій взглядъ у людей, считающихъ себя болѣе или менѣе образованными, на нашего крестьянина: онъ будто-бы не долженъ и не можетъ имѣть даже понятія о книгѣ!

6-го мая 1881 г. ко мнѣ пріхала жена, а черезъ нѣсколько времени прислали и дочку. Я долженъ былъ на 25 рублей въ мѣсяцъ жить самъ-третей и еще помогать въ деревню, гдѣ на заложенной послѣдней одеждѣ съ каждой недѣлей наростали жидовскіе проценты. Въ этомъ году, кромѣ мелкихъ стихотвореній, написалъ «Ѳедя» (разсказъ въ стихахъ), и напечатано въ «Тверскомъ Вѣстникѣ» № 6-й «Горе лютое», стихотвореніе, затѣмъ этотъ честный провинціальный органъ прекратилъ на неопредѣленное время свое существованіе. Кромѣ того напечатано въ «Игрушечкѣ» три стихотворенія: «Вечеръ», «На Зарѣ» и «Осенью»; въ «Воспитаніи и Обученіи» № 8-й, одно, подъ заглавіемъ «Зимняя картинка» (молитва матери); въ «Новомъ Русскомъ Базарѣ» № 42-й, «На Волгѣ»; въ «Ребусѣ» № 2-й, безъ подписи, «Грозныя тучи нависли»; въ «Газетѣ Гатцука»—«Когда въ избушкѣ при огнѣ».

Незадолго до утвержденія правительствомъ устава «Пушкинскаго кружка», 18-го апрѣля 1881 г., его учредителями былъ устроенъ въ пользу Краснаго креста, въ залѣ спб. городскаго кредитнаго общества, «литературный вечеръ». Программа этого вечера была слѣдующая:

1) «На могилѣ Ѳ. М. Достоевскаго», стихотвореніе Д. А. Рубина. Прочтетъ авторъ.

2) Отрывокъ изъ романа «Преступленіе и наказаніе» соч. Достоевскаго. Прочтетъ г. Сальниковъ.

3) «Монахиня», стихотвореніе В. К. Мюра. Прочтетъ авторъ.

4) «У креста» (разговоръ), К. С. Баранцевича. Прочтетъ авторъ.

5) «Родина», стихотвореніе г. Дрожжина. Прочтетъ авторъ.

6) Отрывокъ изъ психіатрическаго этюда М. Н. Альбова «День итога». Прочтетъ г. Стремоуховъ.

7) «Полонянка», стихотвореніе Д. Н. Садовникова. Прочтетъ авторъ.

8) «Четыре дня» (одинъ изъ эпизодовъ войны), соч. Всеволода Гаршина. Прочтетъ Соловьевъ-Несмѣловъ.

Публики было болѣе 200 человѣкъ, въ числѣ которой я замѣтилъ Я. П. Полонскаго, А. К. Михайлова и другихъ старыхъ писателей и журналистовъ. Чтеніе мною маленькаго стихотворенія «Родина» вызвало со стороны публики требованія повторенія, а газеты отозвались, между прочимъ, такъ читаемъ въ «Голосѣ» № 108 отъ 20-го апрѣля:

«Заслуженные аплодисменты достались на долю г. Альбова, вызваннаго дважды, по окончаніи чтенія другимъ лицомъ отрывка изъ его

талантливой повѣсти «День итога». Г. Дрожжинъ повторилъ, по требованію публики, свое стихотвореніе. Г. Стремоуховъ прочелъ отрывокъ изъ психіатрическаго этюда Альбова «День итога» и т. д.

3-го іюня этого-же года у меня родился сынъ Алексѣй, а съ осени послѣдовало открытіе для публики литературныхъ вечеровъ «Пушкинскаго кружка», въ концѣ лѣта уже утвержденнаго правительствомъ; на этихъ вечерахъ я участвовалъ въ нѣсколькихъ чтеніяхъ своихъ стихотвореній, и одновременно читалъ стихотворенія покойнаго И. З. Сурикова.

Жалованья, получаемаго въ книжномъ магазинѣ, мнѣ едва хватало на содержаніе себя, жены и дѣтей, между прочимъ отецъ осаждалъ меня письмами и требовалъ денегъ и даже дважды, отъ 7-го и 15-го іюня 1882 года, я получаю отъ него, съ отношеніемъ волостнаго правленію, чрезъ полицію, требованіе уплаты накопившихся за нами недоимокъ, около ста рублей, или описи моего имущества, состоящаго исключительно изъ книгъ... Я кое-какъ отъ этой описи отвертѣлся, объявивъ полиціи, что книги не мои. Между мной и отцемъ всякія струны добрыхъ отношеній были порваны. Но муза попрежнему меня не покидала. Этотъ годъ былъ не менѣе предшествующихъ плодовитъ лирическими стихотвореніями. Тогда-же была написана легенда «Отрокъ». Пораженный смертью народнаго героя М. Д. Скобелева, умершаго въ Москвѣ 25-го іюня, 29-го я пишу:

«Памяти М. Д. Скобелева».

Едва ли выразитъ пѣвецъ
Осиротѣлому народу
Какой угасъ его боецъ
За честь и русскую свободу.
Пѣвцу-ли въ силахъ воспѣвать
Теперь народнаго кумира,
Когда тоскующая лира
Лишь можетъ стоны издавать.
Разбилось сердце золотое
Того, кто грудью постоялъ
За дѣло родины святое
И всенародный идеалъ;
Того, кто лаврами вѣнчать
Умѣлъ солдатскія знамена,
Чтобы сильнѣй могла корона
Вождя державнаго блистать.
Не онъ-ли жизни не щадилъ,
Шелъ впереди на бой кровавый
За Русь святую и почилъ

Во цвѣтѣ лѣтъ, вѣнчанный славой,
И не его-ль кичливый врагъ,
Какъ грома Божія, боялся...
Пускай теперь онъ тлѣнъ и прахъ,
Но духъ героя въ насъ остался.
Семья славянская сильна,
Когда великая Россія
Въ свои скрижали намъ такія
Еще заноситъ имена [1]).

Въ августѣ 1882 г. книжный магазинъ приканчиваетъ свое существованіе и я переѣзжаю съ женою и дѣтьми въ нанятую, на углу Вознесенскаго и Екатерингофскаго проспектовъ, въ 5-мъ этажѣ громаднаго дома Яковлева, комнату и живу здѣсь исключительно литературнымъ трудомъ, приходъ котораго, конечно, не могъ въ это время оправдывать расхода и мнѣ часто приходилось жить въ проголодь.

Вещи, которыя имѣли какую-нибудь цѣнность, были всѣ перезаложены жиду. Кромѣ того, пришлось продать на 62 руб. одному знакомому купцу своихъ книгъ; комната попала холодная и сырая, отчего заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ полуторагодовалый мой сынъ, а съ женою стали дѣлаться частыя судороги. Нужно было покупать лекарства для жены и ходить съ сыномъ въ лечебницу. Въ началѣ ноября поступилъ было я опять въ одинъ изъ табачныхъ магазиновъ на Вознесенскомъ проспектѣ, но хозяинъ онаго, перекрещенный еврей, оказался такою дрянью, что я не могъ ему служить болѣе мѣсяца и отказался. Къ довершенію всѣхъ моихъ несчастій, 30-го ноября 1882 г., отъ воспаленія легкихъ, умираетъ мой послѣдній сынъ Алексѣй, который на третій день, 2-го декабря, былъ похороненъ мною иа Смоленскомъ кладбищѣ.

Въ это тяжелое, какъ въ матеріальномъ, такъ и нравственномъ положеніи, для меня время ко мнѣ пришелъ на помощь «Пушкинскій кружокъ» и выдалъ мнѣ въ единовременное пособіе 75 р., кромѣ того, скинулъ 20 рублей членскаго взноса. Въ продолженіи этого года были напечатаны слѣдующія мои стихотворенія:

Въ «Игрушечкѣ»: «Отрокъ», легенда, «Утро въ лѣсу», «Птичка-синичка», «Деревенская идиллія», «Весенніе пѣсни», «Весенняя пѣсня», «На пашнѣ», «Разбитыя гусли», «Сказка-быль».

Въ «Родникѣ»: «Весной».

Въ «Лучѣ»: «Пѣсня», «На дворѣ темно и вьюга», «Голубка и Стрѣлокъ», «Склонися, дѣвица, въ объятья мои».

---

[1]) „Петербургскій Листокъ" 1882 г. и отсюда перепечатано въ журналѣ „Вѣкъ" 1882, книга 8-я, стр. 69.

Въ «Петербургскомъ Листкѣ»: «Памяти М. Д. Скобелева» и «Кто это?»

Съ начала 1883 г. я принялся за прозу,—написалъ четыре главы очерка «Въ туманѣ» и «Изъ записной тетради», воспоминанія о Н. А. Некрасовѣ, слышанныя мной отъ одного крестьянина, сопровождавшаго поэта на охоту; также началъ писать октавами большую, только-что задуманную мною, повѣсть.

Въ этомъ году напечатано въ «Игрушечкѣ»: «Въ туманѣ», 4 главы очерка, «Утромъ», «Дума пахаря», «Спитъ трава, росой покрытая», «Дума про урожай», «Сынъ полка» (разсказъ солдата), «Опять измученный, больной», «Бурлаки» (отрывокъ изъ поэмы).

Въ «Родникѣ»: «Изъ весеннихъ пѣсенъ», «Родной край», «Ѳедя» (разсказъ), «Три поры».

Въ «Дѣтскомъ Чтеніи»: «Изъ записной тетради» (воспоминаніе о Н. А. Некрасовѣ), «Зимній первопутокъ», «Зимой», «Въ деревнѣ», «Въ грозу», «Когда вечернею зарею озолотятся небеса».

Въ «Лучѣ» (ежемѣсячномъ): «Дуняша», поэма.

Въ «Лучѣ» (еженедѣльномъ): «Въ избѣ», «Лѣтняя ночь въ деревнѣ», «Звѣздочки высоко на небѣ горятъ», «Какъ сердце въ трепетной груди гнететъ тоской».

Въ «Русскомъ Богатствѣ»: «Домовой», «Честнымъ порывамъ дай силу свободную», «Не съумѣю горя высказать словами» и—«Все кругомъ покрыто мглою».

Въ «Восходѣ» (еженедѣльномъ): «Недопѣтая пѣсня».

Въ «Петербургскомъ Листкѣ»: «Пѣсня», «Я цвѣла и красовалася», «Тяжелый крестъ мнѣ данъ судьбой», «Мы весною другъ друга узнали», «У окна» I и II, «Одному собранію» (эпиграмма), «Изъ пѣсень про горе», «Я любилъ тебя когда-то», «Бурное море тайны скрываетъ» и др.

Проживя до 12-го іюля 1883 года на квартирѣ въ домѣ Яковлева, я, на занятыя у друга моего М. П. Полякова 60 рублей, кромѣ того оставшись долженъ 23 руб. квартирной хозяйкѣ, пріѣхалъ 13-го іюля съ женой и дочерью на родину. Вотъ дневникъ, начатый мною тотчасъ по пріѣздѣ въ деревню.

Д. Низовка, 13-го іюля 1883 г., среда. Со станціи «Завидово» Никол. ж. д. въ $5^1/_2$ часовъ вечера тройка ямщицкихъ притащила меня въ «Низовку». У воротъ первый грубо насъ встрѣтилъ младшій братишка Иванъ; онъ помогъ мнѣ внести въ избу разные пожитки и ящики съ книгами. Отецъ и мать были въ полѣ. Первая пришла родимая. Она встрѣтила меня со слезами и грубыми выходками и упреками за то, что я мало имъ высылалъ денегъ. Слѣдомъ за нею въ

избу вошелъ отецъ, который, какъ настоящій мущина, не заплакалъ, но даже добродушно улыбнулся. Я поцѣловалъ его и крикнулъ:

— Ну, слава Богу, тятенька, хоть ты-то не плачешь и встрѣчаешь меня безъ брани.

Вскорѣ былъ вскипяченъ и поданъ на столъ самоваръ и всѣ передъ чаемъ выпили привезенную мною бутылку «Русскаго добра».

1883 г., 14-го іюля, четвергъ. Въ полдень ходилъ вмѣстѣ съ отцемъ и братомъ на берегъ Волги косить траву.

15 іюля, пятница. Разобралъ привезенныя съ собою книги и бумаги. По стѣнамъ избы развѣшалъ портреты особенно мною любимыхъ писателей.

16 іюля, суббота. Вчера легъ спать въ 11 часовъ и всталъ сегодня до зари въ 1 часъ съ $^1/_4$. Пошелъ съ отцемъ, матерью и братомъ косить въ лугу на прибрежномъ полѣ. Косили до 6 часовъ утра; цѣлый день ворошилъ и сгребалъ сѣно. Въ полдень купался на Волгѣ и, возвращаясь домой, набралъ въ овсѣ букетъ васильковъ.

Съ непривычки къ крестьянской работѣ въ поясницѣ чувствуется боль и на рукахъ появились мокрыя мозоли.

17 іюля, воскресенье. Всталъ, пользуясь воскреснымъ днемъ, поздно, но съ сильною болью во всемъ тѣлѣ. Погода была дождливая; никуда не выходилъ, кромѣ огорода, гдѣ такъ чудно и густо разрослись еще въ дѣтствѣ посаженныя мною, съ кустами черной и красной смороды, рябины, черемуха и орѣшникъ.

19 іюля, вторникъ. Ворошилъ, сгребалъ и убиралъ въ сарай сѣно.

20 іюля, среда. Сегодня у насъ храмовой праздникъ Ильи пророка. Наварено матерью пива и изъ послѣднихъ грошей сдѣланъ запасъ водки. Собрались гости, сестры съ мужьями и дѣтьми и много другихъ близкихъ и дальнихъ родственниковъ, съ которыми, какъ говорится, хоть не весело, а смѣйся.

22 іюля, пятница. Праздникъ кончился, гости сегодня разъѣхались и я отправился на станцію за багажомъ и отдалъ за его провозъ послѣднія оставшіяся въ карманѣ деньги.

23 іюля. Разобралъ ящики съ книгами и перетащилъ все, вмѣстѣ съ письменнымъ столомъ, въ верхній мезонинъ, гдѣ мнѣ никто не можетъ мѣшать въ свободное время работать и читать. Въ общей же избѣ до сихъ поръ не могъ написать ни одной строчки. Въ воздухѣ пахнетъ осенью, сегодня выпалъ дождь и градъ.

24 іюля, воскресенье. Проснулся въ 4 часа утра, отъ того, что сильно перезябъ, такъ какъ мой мезонинъ сколоченъ изъ однѣхъ досокъ и сквозь нихъ порядкомъ продуваетъ. Одѣлся въ шубу, сѣлъ къ столу и сталъ слушать, какъ пастухъ наигрывалъ на жалейкѣ

и какъ блеяли овцы и мычали коровы, выгоняемыя крестьянами на пастбище. Солнце только что было выглянуло и скрылось за тучки. Въ 12 часовъ пришелъ священникъ отецъ Василій и мой бывшій учитель дьячекъ Василій Ефимовичъ Воскресенскій, отслужили въ избѣ молебенъ Ильѣ пророку. Просили водки, но ее у насъ не оказалось, а купить было не начто и духовные пастыри ушли недовольными. Въ присутствіи матери и брата прочиталъ «Дѣти чумака» (изъ Мицкевича, по малороссійскому переводу Ломуса), «Отрокъ», легенда, и поэму «Привалъ на Волгѣ». Всѣ эти стихотворенія имъ крайне понравились.

25 іюля, понедѣльникъ, въ 11 часу вечера. У меня родилась другая дочь Анна.

26 іюля, вторникъ. Прошлую ночь по случаю рожденія дочери провелъ въ хлопотахъ и утромъ пошелъ на Волгу удить рыбу, но ни чего не попало. Къ рожденію дочери у меня не было ни копѣйки, но, благодаря бережливости жены, у ней сохранилось въ сундукѣ 8 рублей и я на эти деньги могъ праздновать ея рожденіе. Вечеромъ отецъ напился пьяный и чуть меня не избилъ.

27 іюля, среда. Весь день чувствовалъ себя нравственно разбитымъ. Послѣ обѣда убиралъ въ сарай сѣно.

31 іюля, воскресенье. Совершено святое крещеніе дочери Анны. Ходилъ на Волгу удить рыбу, выудилъ болѣе сорока штукъ яльцевъ и уклейки. Возвратившись домой, сѣлъ къ столу и написалъ по пріѣздѣ въ деревню первое стихотвореніе:

Солнце ниже опускается,
Тухнетъ зорюшка румяная,
Точно въ золотѣ купается
Темный лѣсъ и даль туманная.
Съ поля жницы воротилися,
Конченъ день, вольнѣе дышется,
Въ небѣ звѣзды засвѣтилися,
По деревнѣ пѣсня слышится.

Затѣмъ слѣдовали другія стихотворенія и

Деревня.

Отрадный шумъ родныхъ лѣсовъ,
Небесъ глубокое сіянье,
Ручья чуть слышное журчанье
И трели чудныхъ голосовъ
Опять мой слухъ и взоръ ласкаютъ.
Передо мною протекаютъ,
Сливаясь вмѣстѣ, двѣ рѣки;
У береговъ ихъ рыбаки
На солнце сѣти разстилаютъ.

Дымитъ по Волгѣ пароходъ,
Широко воды разсѣкая,
И за волной волна, сверкая,
Весь берегъ пѣной обдаетъ.
И я отъ берега впередъ
Иду тропинкою знакомой;
Вотъ избы, крытыя соломой,
Бѣлѣетъ церковь въ сторонѣ.
Семья хлопочетъ на гумнѣ;
Въ деревнѣ только ребятенки
Одни по улицѣ шумятъ.
И отдохнуть теперь я радъ
Подъ крышей бѣдною избенки.
Вхожу на шаткое крыльцо,
Оно совсѣмъ поразвалилось,
Сквозь крышу солнышко пробилось
И смотритъ прямо мнѣ въ лице...
Вотъ я по лѣсенкѣ добрался
Наверхъ, въ досчатый мезонинъ,
И въ немъ на цѣлый день одинъ
Съ своею музою остался.
Здѣсь все въ такомъ же безпорядкѣ.
Стоитъ чернилица съ перомъ,
Вездѣ разбросаны тетрадки.
И я сажусь передъ столомъ,
Слагаю стихъ отъ всѣхъ украдкой,
Беру перо, чтобъ записать
Его въ завѣтную тетрадь,
И тихо въ думы погружаюсь.
Воспоминаній цѣлый рой
Теперь встаетъ передо мной:
Вотъ на салазкахъ я катаюсь,
Морозъ трещитъ и буря злится,
На шапкѣ иней серебрится,
Горитъ румянецъ на щекахъ,
Кругомъ товарищи-ребяты
Шумятъ, и въ маленькихъ рукахъ
У нихъ работаютъ лопаты
Надъ грудой снѣга.
И гора
Готова. Съ ранняго утра
Ихъ смѣхъ веселый раздается...
Едва-ли нынѣ кто смѣется,
Какъ всѣ смѣялися тогда;
Иныхъ тяжелая нужда
Въ конецъ до время загубила,
А у другихъ пропала сила
Отъ непосильнаго труда
Или совсѣмъ взяла могила.

Лежитъ кормилецъ гдѣ нибудь
На городскомъ теперь кладбищѣ
И на родное пепелище
Не можетъ болѣе взглянуть,
Гдѣ много, много поколѣній
Одно смѣнилось за другимъ.
    Быть можетъ скоро русскій геній
Измѣнитъ жизнь, и передъ нимъ
Падутъ тяжелыя преграды,
Его не сдерживая ростъ,
Свезутъ всѣхъ мертвыхъ на погостъ
И похоронятъ у ограды.
Исправятъ тризну похоронъ,
Настанетъ жизни возрожденье
И заблеститъ со всѣхъ сторонъ
Надъ ней зарею просвѣщенье...
Нашъ вѣчный труженикъ вздохнетъ,
Крестомъ три раза осѣнится,
На нивахъ рожь заколосится
И дастъ ему обильный плодъ...
О, еслибъ вновь тогда родиться,
Когда проснется нашъ народъ!!.. [1]).

Кромѣ мелкихъ стихотвореній я писалъ здѣсь продолженіе очерка «Въ туманѣ».

Затѣмъ, покинувъ дома жену и дѣтей, уѣхалъ отсюда 8 ноября въ Петербургъ и поселился опять въ квартирѣ того же дома Яковлева и, до пріисканія занятій какой нибудь службой, продолжалъ заниматься литературою. Литературный трудъ, сравнительно съ прежнихъ временемъ, хотя теперь даетъ нѣсколько бóльшій заработокъ, но все же я не могу изъ него удѣлять на деревенскую нужду ни копѣйки и мнѣ довелось обратиться зимою 1883 г. за помощью въ «Комитетъ литературнаго фонда», отъ котораго я и получилъ пособіе въ 50 руб.

Въ началѣ 1884 года въ «Игрушечкѣ» появились слѣдующія мои произведенія въ прозѣ: «Сквозь тину», продолженіе очерка, напечатаннаго въ 1883-мъ году на страницахъ этого журнала, и стихотворенія: «Пѣсня вѣтра», «Деревня», «Привалъ на Волгѣ» (поэма) и другія. А въ первой книжкѣ «Дѣтскаго Чтенія» изд. 1884 г. напечаталъ я слѣдующее стихотвореніе:

Вьюга злится за окномъ.
    Бѣлая береза
Вся окутана кругомъ
    Инеемъ мороза.

---

[1]) Напечатано съ сокращеніями въ „Игрушечкѣ“ 1884 г., № 5, стр. 146.

Въ покачнувшейся избѣ
Огонекъ мерцаетъ,
Горькой жалобой въ трубѣ
Вѣтеръ завываетъ...
Слышенъ звукъ веретена
И трещитъ лучина.
У меня въ груди одна
На сердцѣ кручина, —
Что безъ свѣта и тепла
Молодость и сила
Безо времени прошла,
Рано измѣнила.
Въ домѣ хлѣба ни куска,
А казны копѣйка,
Ой ты доля бѣдняка,
Долюшка злодѣйка!

С. Д. Дрожжинъ.

С.-Петербургъ.
22-го марта 1884 г.

РУКОПИСИ АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВИЧА ПУШКИНА,

хранящіяся въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ [1]).

XV.

№ 2378. Большой альбомъ въ листъ, въ черномъ бумажномъ переплетѣ. Всѣхъ листовъ болѣе полутораста, но писанныхъ изъ нихъ только 45, какъ и гласитъ опекунская надпись на послѣднемъ листѣ: «Въ сей книжкѣ писанныхъ и нумерованныхъ листовъ сорокъ пять».

1ᵗ. Эпиграфы къ «Арапу Петра Великаго»: изъ Аблесимова, изъ Языкова, изъ Державина (не столько нѣжитъ красота), и еще безъ имени автора. Ужъ столъ накрытъ и т. д.,—эти эпиграфы [IV. 479] приведены г. Анненковымъ, пропустившимъ еще одинъ эпиграфъ:

. . . Какъ облака на небѣ
Такъ мысли въ насъ мѣняютъ легкій образъ,
Что любимъ днесь то завтра ненавидимъ.

Тутъ-же карандашомъ поперекъ: ... суровое лицо его освѣтилось улыбкой.

1ₒ. Эпиграфъ изъ Дмитріева—IV..479.

2ₜ—44ₜ. Арапъ Петра Великаго, съ начала и до конца—IV, 1—36; только въ срединѣ перерывъ, не хватаетъ почти всей IV главы, находившейся, вѣроятно, на листахъ, вырванныхъ между 29 и 30; но такъ какъ IV глава была напечатана самимъ Пушкинымъ, то у насъ все-таки имѣется полный подлинный текстъ пяти главъ романа и начало шестой. Можетъ быть IV глава была вырвана самимъ Пушки-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1884 г., томъ XLI, февраль, стр. 413—436; мартъ, 647—662; томъ XLII, апрѣль, стр. 87—110; май, 325—354; іюнь, стр. 533—572; томъ XLIII, іюль, стр. 1—54; августъ, стр. 313—330; сентябрь стр. 641—653; т. XLIV, октябрь, стр. 75—92.

нымъ, именно для печатанія въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» 1829. Во всякомъ случаѣ данная рукопись, не смотря на довольное число поправокъ,—чистовая; черновые наброски, см. въ № 2367 и 2368.

При жизни Пушкина, какъ извѣстно, кромѣ IV главы, напечатанъ былъ еще только отрывокъ изъ главы III—«Ассамблея при Петрѣ I». Весь текстъ романа былъ напечатанъ уже по смерти автора, сначала въ «Современникѣ», затѣмъ въ посмертномъ изданіи. Г. Анненковъ свѣрялъ для своего изданія печатный текстъ съ рукописью, подробно остановился на мелочахъ орѳографіи, но при этомъ не исправилъ многихъ, иногда очень курьозныхъ ошибокъ печатнаго текста, не возстановилъ его пропусковъ; не говоря уже о томъ, что онъ оставилъ совсѣмъ безъ вниманія мѣста, зачеркнутыя Пушкинымъ. Напротивъ, г. Бартеневъ занялся только этими зачеркнутыми мѣстами и привелъ ихъ, хотя не всѣ, а ошибки печатнаго текста оставилъ попрежнему; мало того, мы увидимъ неточность и во вновь приведенныхъ имъ мѣстахъ.

Всѣхъ ошибокъ и пропусковъ печатнаго текста я отмѣтилъ около сорока. Не буду приводить всѣхъ болѣе мелкихъ неточностей въ передачѣ языка; упомяну только, что въ печатномъ текстѣ мы находимъ многочисленные пропуски словъ [напр.—IV, стр. 1—заботиться о здоровьи, въ рукописи 2₂—заботиться о своемъ здоровьи; стр. 6—колыбель въ спальнѣ, въ рук. 10,—...въ спальнѣ роженицы; стр. 10—по манію своего государя, 16₁—по манію самодержавія; стр. 13—разсматривающаго переводы, 19₁—въ часы отдохновенія разсматривающаго переводы, и т. д.]; мы видимъ измѣненія въ словахъ или даже замѣну слова другимъ [напр., стр. 10—у дворца, т. е. Царицына сада, рукоп. 16₁—у дворца т. н. [такъ называемаго] Царицына сада; стр. 10—протянула руку, въ рукоп. 16₂—протянула ручку; стр. 12—для него походную постель, въ рукоп. 19₁—походную кровать; и т. д.]. Приведу болѣе значительные пропуски и ошибки:

На стр. 5. ...она сама ослабѣвала... за этимъ слѣдуетъ далѣе: неосторожныя [вознагражденія] быстро слѣдовали одно за другимъ. И наконецъ увлеченная силою страсти, ею-же внушенной, изнемогая подъ ея вліяніемъ, она отдалась восхищенному Ибрагиму...—и т. д. [7₂]. На той-же страницѣ: графиня съ отчаяніемъ объявила Ибрагиму, что она брюхата, и т. д. [8₂].

На стр. 10 ...и они поскакали. (Дорогою государь былъ очень веселъ. Ибрагимъ не могъ опомниться: происшедшее казалось ему сномъ. Онъ вновь сидѣлъ подлѣ Петра, онъ видѣлъ и слушалъ великаго человѣка, близь коего провелъ онъ свое младенчество. Дорогою

государь весело съ нимъ разговаривалъ о разныхъ предметахъ. Между тѣмъ [1]) черезъ полтора часа пріѣхали они въ Петербургъ... [15₂].

Къ стр. 13 и другимъ: молодой К., пріѣхавшій изъ Парижа, обыкновенно называется въ рукописи Корсаковъ [см. также 2368], иногда Карицкій.

Въ концѣ четвертой главы [стр. 25] находимъ фразу: тесть его, дочь и сестра провожали ихъ тихонько до порогу, и остались одни въ столовой, ожидая выхода государева.

Къ стр. 28: батюшка Гаврила Аѳанасьевичъ! перервала старушка. Слыхали мы сказку про Бову Королевича, да Еруслана Лазаревича, разскажи-тко, и т. д.

Наконецъ, укажу еще куріознѣйшую ошибку посмертныхъ издателей, оставленную безъ поправки г. Анненковымъ и г. Бартеневымъ. Конечно, многимъ изъ читателей не разъ казалось страннымъ, почему кормилицей у знатной и богатой боярышни является какой-то уродецъ—Ласточка, «круглая, старая крошка». Рукопись теперь очень просто объясняетъ дѣло: Ласточка вовсе не была Наташиной кормилицей, а вездѣ, гдѣ напечатано кормилица, въ рукописи находится прямо и несомнѣнно: карлица.

Какъ уже упомянуто, г. Бартеневъ напечаталъ дополненія, т. е. нѣкоторыя мѣста, зачеркнутыя Пушкинымъ. Въ первомъ изъ этихъ дополненій въ печати [V. 480; у Барт. сдѣлана слѣдующая ошибка: вольно принимать за эпиграммы, аттическія выходки...; между тѣмъ въ рукописи читаемъ: за эпиграмматическія выходки [2]). Въ третьемъ отрывкѣ [480] сдѣланъ пропускъ нѣсколькихъ словъ: ... образованнымъ умомъ во время болѣзни Натальи Григорьевны снискалъ...

44₂—одно зачеркнутое слово.

45₁. Программа [см. въ № 2365 59а₂]:

Софья во дворцѣ (монастырѣ).

Нищія, скоморохъ.

Скоморохъ и ст. раскольникъ.

Молодой стрѣлецъ; заговоръ.

[1]) Всѣ эти [дополнительныя] строчки зачеркнуты; содержаніе ихъ повторено ниже [стр. 12], въ размышленіяхъ Ибрагима передъ сномъ.

[2]) Эта куріозная ошибка объясняется невнимательнымъ чтеніемъ подлинника: у Пушкина прежде было „за эпиграммы“, потомъ конечное ы зачеркнуто и сверху написано: атическія выходки.

Стрѣлецъ влюбляется въ Ржевскую, сватается, получаетъ отказъ; онъ становится унылъ, товарищъ открываетъ ему заговоръ + [1])...

Бунтъ стрѣлецкій, бояринъ спасенъ имъ, обѣщаетъ выдать за него дочь.

+ онъ объявляетъ обо всемъ правительницѣ, Софья принимаетъ его, какъ заговорщика; объясненіе, Софья сваха, комедія у боярина.— Ржевская замужемъ.

(Мать торопится).

(выдаетъ ее за боярина)

(думнаго дворянина).

1) Стрѣлецъ, сынъ ст[араго] раск[ольника], видитъ Ржевскую въ окошко, переодѣтую горничной дѣвушкой,—сватается черезъ мамушку-раскольницу, получаетъ отказъ.

Полковникъ стрѣлецкій имѣетъ большое вліяніе на своихъ; Софья хочетъ его къ себѣ переманить.—Онъ разсказываетъ ей, какимъ образомъ онъ узналъ о заговорѣ...

С[офья]. О чемъ-же ты такъ печаленъ?

— Объ отказѣ.

— Я сваха.

— Но будь-же etc.

45²—неписанная страница.

XVI.

№ 2379. Безъ переплета; состоитъ изъ отдѣльныхъ листовъ въ общей оберткѣ: Повѣсти Бѣлкина. Нѣкоторые листы сшиты. Общей нумераціи нѣтъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть отдѣльная нумерація повѣстей черными чернилами, при чемъ перенумерованы пищіе листы въ 4 страницы.—Всего листовъ 62 [пищихъ 31].

Выстрѣлъ	16	листовъ
Мятель	12	»
Гробовщикъ	6	»
Станціонный смотритель	10	»
Барышня-крестьянка	18	»

---

[1]) Знакомъ + обозначена въ рукописи вставка, но мы печатаемъ все под-рядъ, какъ написано, потому что въ программѣ заключаются противорѣчія, или, вѣрнѣе, тутъ двѣ программы. В. Я.

Такъ какъ повѣсти Бѣлкина напечатаны самимъ Пушкинымъ, то я и не сравниваю печатнаго ихъ текста съ черновымъ подлинникомъ: вообще отличія тутъ незначительны [IV. 42—110].

Въ концѣ первой главы Выстрѣла помѣта: «12 окт. 1830. Болд. Окончаніе потеряно». Затѣмъ Пушкинъ продолжалъ и кончилъ повѣсть 1830, 14 окт.

Метель окончена 20 окт.; тутъ-же замѣчено: «19 окт., сожж. X пѣснь».

Гробовщикъ помѣченъ: 9 октября [сентября?]. Болдино 1830. Тутъ-же: «письмо отъ Natalie»; съ боку еще: «А вотъ то и будетъ, что и ничего не будетъ. Пословица......»—Зачеркнута программа Станціоннаго смотрителя.

Станціонный смотритель помѣченъ: 14 сент. Болд.—Наконецъ Барышня-крестьянка окончена 20 сент. Болд. 9 ч. в. [т. е. 9 часовъ вечера].

На послѣдней страницѣ находимъ какъ-бы оглавленіе предположеннаго изданія повѣстей:

Предисловіе.
Гробовщикъ...

и т. д., одно за однимъ названія всѣхъ повѣстей съ эпиграфами, при чемъ для Выстрѣла, вмѣсто двухъ эпиграфовъ печатнаго текста читаемъ только:

Теперь сходитесь...
Евгеній Онѣгинъ.

Рисунки, въ повѣсти «Гробовщикъ»:

1) Гробовщикъ угощаетъ чаемъ сапожника Шульца [эта страница воспроизведена въ Альбомѣ Пушкинской выставки, при стр. 126; надо только замѣтить, что задній планъ и окно набросаны карандашомъ, остальное все чернилами].

2) Затѣмъ дальше на одной страницѣ находимъ—кубокъ или чашу.

3) Еще дальше: погребальные дроги, сзади священникъ и еще нѣсколько людей.

4) На послѣдней страницѣ повѣсти: распятіе, свѣча, нѣсколько лицъ, скелетъ въ мундирѣ и въ ботфортахъ [т. е. отставной сержантъ гвардіи, Петръ Петровичъ Курилкинъ], факельщикъ.

XVII.

№ 2380. Состоитъ изъ двухъ непереплетенныхъ тетрадей.

I. На заглавномъ листѣ такія надписи и помѣты:

№ 7. Манускриптъ карандашомъ
№ I.
I.
«65 листовъ. Дубельтъ».

Дубровскій. Первыя восемь главъ (всѣхъ ихъ 19). Окт. 1832.

II. Манускриптъ карандашомъ № II.—II. «62 листа. Дубельтъ». — Томъ второй.

Въ первой тетради не 65, а **62** листа [за вычетомъ неписанныхъ листовъ и присчитавъ листы, пропущенные нумераціей]; во второй не 62 л., а **63** листа, всего-же въ этомъ нумерѣ—125 листовъ [считая мелкія приклейки].

Тетради сшиты изъ отдѣльныхъ листовъ, безъ обращенія вниманія на содержаніе, и теперь приходится читать листы въ такомъ порядкѣ: 1, 2, 64, 3, 4, 63, 5, 62 и т. п.

Выше мнѣ уже не разъ приходилось говорить, что въ посмертномъ Пушкинскомъ текстѣ проза, пожалуй, издана еще хуже стиховъ: лучшимъ подтвержденіемъ этому служитъ «Дубровскій». Первый разъ этотъ романъ былъ напечатанъ въ X томѣ посмертнаго изданія. Г. Анненковъ свѣрялъ романъ по подлинной рукописи и объявилъ про эту рукопись, что посмертными издателями «разобрана она правильно, исключая нѣкоторыхъ пропусковъ и грамматическихъ поправокъ». Онъ привелъ всего одинъ пропускъ въ полторы строки [см. изд. 1855, т. V, стр. 531], давая тѣмъ понять, что другіе пропуски не могутъ быть напечатаны. Между тѣмъ оказывается, что эти невольные пропуски составляютъ ничто въ сравненіи съ искаженіями и порчей, которымъ подвергся текстъ въ печати: тутъ мы видимъ изумительную небрежность, непонятную перемѣну словъ, пропускъ фразъ, совершенно цензурныхъ, перебивку предложеній и т. п. Въ противность увѣренію г. Анненкова, читатель увидитъ, что рукопись Дубровскаго разобрана была совершенно неправильно посмертными издателями и крайне небрежно свѣрена г. Анненковымъ: чуть-ли не на всякой страницѣ печатнаго текста встрѣчаемъ ошибку, а часто и не одну.—Г. Бартеневъ не свѣрялъ всей рукописи, положившись на завѣренія г. Анненкова, и только привелъ нѣсколько пропущенныхъ мѣстъ, но именно только тѣ, которыя были выпущены по цензурнымъ соображеніямъ.

Выше было также говорено уже о затрудненіяхъ при исправленіи прозаическихъ статей: въ описаніи рукописей я считаю неудобнымъ приводить всѣ ошибки печатнаго текста; дѣло будущаго новаго изданія Пушкина исправить весь посмертный текстъ по рукописямъ. Для характеристики ошибокъ въ печатномъ текстѣ Дубровскаго я приведу под-рядъ одну за одной ошибки въ первой главѣ. Страницы опять указываю по изданію 1882 г.

1.

Томъ первый.

Глава первая.

21-го октября 1832. Спб.

Тутъ-же: А. . . . Петровна

Гаврило Евграфовичъ.

Рисунокъ: дерево.

Стр. 139.—въ той губерніи, рукоп.—въ губерніи [было: во всей].

Стр. 139 — напечатанное подъ чертой [у г. Бартенева стр. 170] въ рукописи зачеркнуто карандашомъ [2,].

Стр. 140—Всегдашнія занятія покровскаго помѣщика [покровшинскаго, см. у г. Бартенева, стр. 170], въ рукописи исправлено: всегдашнія занятія Троекурова [2,].

Стр. 140—141. (Будучи ровесниками...... отношеніяхъ и)—зачеркнуто карандашемъ [64,].

Стр. 141—выйти изъ должнаго повиновенія;—рукоп.—выйти изъ предѣловъ должнаго повиновенія [64,].

Стр. 142. 1) что-же ты нахмурился, братъ; — рукоп.: что-же ты хмуришься, братъ [3']; 2) иному и барину, — рукоп.: иному и дворянину [3,]; 3) выбралъ двухъ, *а* прочихъ велѣлъ...; — рукоп.: выбралъ себѣ двухъ, прочихъ велѣлъ...

Стр. 143. 1) воротился, когда еще сидѣли;—рукоп. поправлено: воротился, какъ еще сидѣли; 2) разсорится съ нимъ на вѣки;—рукоп. въ другомъ порядкѣ: съ нимъ на вѣки разсорится; 3) ... такое письмо было-бы весьма неприличнымъ; но оно разсердило Кирила Петровича не страннымъ слогомъ, а своею сущностію;—рукоп.: ....письмо сіе было-бы весьма неприличнымъ; но оно разсердило Кирила Петровича не страннымъ слогомъ и расположеніемъ, но только своею сущностію; 4) да что-жъ онъ въ самомъ дѣлѣ затѣялъ?;—рукоп.: ...задумалъ? 5) Кирила Петровичъ одѣлся;—рукоп.: однако Кирила Петровичъ одѣлся; 6) только одного зайца;—рукоп. въ другомъ порядкѣ: одного только зайца.

Вотъ сколько ошибокъ на пяти страницахъ первой главы! Во всемъ-же Дубровскомъ, занимающемъ въ послѣднемъ изданіи 76 страницъ, мною

замѣчено около двухъ сотъ ошибокъ и неточностей всякаго рода. Эти отличія печатнаго текста отъ подлинника, какъ отчасти видно и изъ указанныхъ въ первой главѣ, очень разнообразны: тутъ есть пропуски, иногда невольные, часто-же по небрежности, тутъ есть измѣненія въ словахъ, пропускъ однихъ словъ, вставка другихъ, перестановка словъ. Приведу главнѣйшіе пропуски, укажу главнѣйшія ошибки, неточности. Въ разговорѣ Троекурова съ Шабашкинымъ [стр. 145], кромѣ пропуска, указаннаго г. Бартеневымъ, сдѣлано въ словахъ Троекурова измѣненіе. Въ печатномъ текстѣ мы читаемъ: врешь, братецъ... какъ бишь тебя? какіе тутъ документы? Дѣло въ томъ, чтобы отнять имѣніе и съ документомъ и безъ документовъ;—въ рукописи вмѣсто этой фразы находимъ: врешь, братецъ, какіе тебѣ документы? На то указы. Въ томъ-то и сила, чтобы безо всякаго права отнять имѣніе.

Стр. 146. Дубровскій получилъ изъ города приглашеніе явиться въ судъ и представить документы, въ силу которыхъ онъ владѣетъ сельцомъ Кистеневкою;—рукоп.: Дубровскій получилъ изъ города приглашеніе (явиться къ суду) доставить немедленно надлежащія объясненія... въ слѣдствіе поступившаго отъ генерала-аншефа Троекурова въ судъ прошенія на счетъ якобы неправильнаго его владѣнія сельцомъ Кистеневкою [62₁]. Тутъ-же: Андрей Гавриловичъ изумился и въ тотъ-же день написалъ...;—рукоп.: Андрей Гавриловичъ, изумленный неожиданнымъ запросомъ, въ тотъ-же день написалъ...

Стр. 147. Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ и Кирила Петровичъ; члены встрѣтили его...;—рукоп.: ...пріѣхалъ и Кирила Петровичъ. Писаря встали и заложили перья за ухо; члены встрѣтили его...

Стр. 157. Больной указывалъ пальцемъ на дворъ, съ видомъ ужаса и гнѣва. Онъ торопился...;—рукоп.: ...съ видомъ ужаса и гнѣва. Въ сію минуту раздался голосъ и тяжела походка Егоровны: «Баринъ, баринъ! Кирила Петровичъ пріѣхалъ, Кирила Петровичъ у крыльца!» Егоровна ахнула: «Господи Боже мой! это что такое? что это съ нимъ сдѣлалось?» Онъ торопился...

Стр. 158. ... Больно спѣсивъ Кирила Петровичъ!—Рукоп.: больно спѣсивъ Кирила Петровичъ! а небось поджалъ хвостъ, когда Гришка мой закричалъ ему: вонъ, старый песъ! долой со двора!

Стр. 162. Владиміръ зачитался и, погруженный душею въ міръ семейнаго счастія, не замѣтилъ...;—рукоп.: Владиміръ зачитался и позабылъ все на свѣтѣ, погрузясь душею въ міръ семейственнаго счастія, и не замѣтилъ... [26₂]. Тутъ-же, встрѣча Владиміра въ передней съ кузнецомъ была описана подробнѣе: Владиміръ съ отвращеніемъ прошелъ мимо ихъ въ переднюю. (Двери были заперты; не нашедъ ключа, Владиміръ возвратился въ залу, — ключъ лежалъ на

столѣ; Владиміръ отворилъ дверь и наткнулся на человѣка, прижавшагося въ уголъ, топоръ блестѣлъ у него.... кто здѣсь, спросилъ онъ. Ахъ, Владиміръ Андреевичъ, это вы, отвѣчали ему... Господь помилуй и спаси! Хорошо, что вышли со мною!—Владиміръ глядѣлъ на него съ изумленіемъ. — Что ты здѣсь прятался, спросилъ онъ кузнеца,—и зачѣмъ у тебя топоръ.—Виноватъ, сказалъ кузнецъ, ставъ на колѣни, лукавый подстрекнулъ! Эти окаянные подьячіе,—экъ они храпятъ,—всѣхъ-бы ихъ разомъ, такъ и концы въ воду...—Встань, сказалъ Дубровскій, ты, вѣрно, пьянъ, брось топоръ, поди выспись. — Батюшка Владиміръ Андреевичъ, Богъ свидѣтель) и пр. [41_1 и 41_2].

Все поставленное въ скобкахъ зачеркнуто, а дальше [28^1] написано какъ въ печатномъ.

Стр. 177. Въ разсказѣ Глобовой сдѣланъ пропускъ въ передаваемыхъ ею словахъ Дубровскаго: ...отдайте мнѣ его на руки, а я его проучу. Знайте, что Дубровскій самъ былъ гвардейскимъ офицеромъ, онъ не захочетъ обидѣть товарища [4_2].

Стр. 182. На просьбу Спицына Дефоржъ въ печатномъ текстѣ отвѣчаетъ: Monsieur, vous n'avez qu'ordonner; въ рукописи [56^2]: Monsieur, tres volontier, отвѣчалъ Дефоржъ, veuillez donner des ordres en consequence.

Въ концѣ одинадцатой главы, благодаря, конечно, тому порядку, въ которомъ сшиты листы въ тетради, въ печатномъ текстѣ произошла путаница; именно, послѣ фразы [стр. 167]: Ямщикъ повезъ его шагомъ и ночью дотащился онъ до города [53^1], долженъ слѣдовать послѣдній абзацъ: не доѣзжая заставы, у которой вмѣсто часоваго стояла развалившаяся будка, французъ... и пр. [55^1].—Затѣмъ уже разсказъ снова обращается къ Дубровскому: Дубровскій, овладѣвъ бумагами француза..., и т. д., до конца: превращеніемъ изъ учителей въ разбойники [11_1 и 11_2].

Затѣмъ, въ слѣдующей XII главѣ пропущено все начало, безъ котораго оставалось непонятнымъ, какимъ образомъ обошлось дѣло утромъ послѣ того, какъ Дубровскій, Дефоржъ, ограбилъ Спицына. Вотъ это начало [52_1 и 52_2]:

Въ 9 часовъ утра гости, ночевавшіе въ Покровскомъ, собрались одинъ за другимъ въ гостинной, гдѣ кипѣлъ уже самоваръ, предъ которымъ въ утреннемъ платьѣ сидѣла Марья Кириловна, а Кирила Петровичъ, въ байковомъ сюртукѣ и въ туфляхъ, выпивалъ свою широкую чашку, похожую на полоскательную. Послѣднимъ явился Антонъ Пафнутьевичъ; онъ былъ такъ блѣденъ и казался такъ разстроенъ, что видъ [его] всѣхъ поразилъ, и что Кирила Петровичъ освѣдомился о его здоровіи. Спицынъ отвѣчалъ безо всякаго смысла и съ ужасомъ

поглядывалъ на учителя, который тутъ-же сидѣлъ, какъ ни въ чемъ ни бывало. Черезъ нѣсколько минутъ слуга вошелъ и объявилъ Спицыну, что коляска его готова. Антонъ Пафнутьичъ спѣшилъ откланяться и, не смотря на увѣщанія хозяина, вышелъ поспѣшно изъ комнаты и тотчасъ уѣхалъ. (Гости и хозяинъ) не понимали, что съ нимъ сдѣлалось, и Кирила Петровичъ рѣшилъ, что онъ объѣлся. Послѣ чаю и прощальнаго завтрака, прочіе гости начали разъѣзжаться, и вскорѣ Покровское опустѣло и все вошло въ обыкновенный порядокъ.

Прошло нѣсколько дней... и т. д., стр. 188.

Въ разговорѣ Троекурова съ княземъ о Дубровскомъ [стр. 195], въ словахъ перваго сдѣланъ пропускъ:

И живъ, и на волѣ, и покамѣсть у насъ будутъ исправники злодѣи съ ворами, до тѣхъ поръ не будетъ онъ пойманъ. Кстати, князь... и т. д. [46₂].

Стр. 196. Волга протекала передъ окнами, по коей шли нагруженныя барки;—рукоп.: ...по ней шли... [18₁].

Стр. 305. Ты меня схватилъ подъ мышки; — рукоп.: ...подъ силки [38₂].

На двухъ приклейкахъ при 27₂ мы находимъ два отрывка программы, одинъ объ убійствѣ приказныхъ, другой о схваткѣ Саши съ рыжимъ мальчикомъ. Вотъ они:

1) пока приказные пьютъ, въ людской люди сговариваются, и поваръ Архипъ рѣшается убить ихъ.

2) Садовникъ ловитъ мальчика, Саша отымаетъ у него кольцо и снова кладетъ въ дупло. Прикащикъ запираетъ мальчика на голубятню покамѣсть будетъ ему время; передъ свѣтомъ мальчикъ убѣгаетъ.

Помѣты подъ главами приведены г. Анненковымъ [изд. 1855, V, стр. 530; изд. 1882 г., т. IV, стр. 483], но не всегда точно. Такъ, подъ второй главой мы находимъ помѣту: 27 окт. Спб., а помѣта 29 окт.—находится въ срединѣ третьей главы, послѣ того какъ Владиміръ, получивъ письмо, «погрузился въ глубокое размышленіе» [стр. 151]. Помѣта 8 ноября находится не въ концѣ, а среди шестой главы, послѣ словъ: и вопли утихли [стр. 165] и въ такомъ видѣ:

8 ноября
1832.
Крест. В. Х.
2 часа съ ½.

Въ концѣ XV главы помѣчено 1 янв. 1833, а 29 декабря [1832] въ срединѣ главы, послѣ записки Дубровскаго: «....на прежнемъ мѣстѣ».

На 24ᵒ верхомъ внизъ набросана черновая неразборчивая записка.

Jugez de mon desespoir.... m'a rapporté aujourdhui une reponse, que j'avais fait hier à l'aimable billet que vous avez bien voulu m'ecrire... (Merci...)

Рисунки: I. 54: нога, лица; сидящій человѣкъ, склонившійся головой на колѣни; два старинныхъ экипажа.

XVIII.

№ 2381. Тринадцать собственноручныхъ тетрадей. Карандашомъ перенумерована каждая тетрадь отдѣльно; красной нумераціи нѣтъ. Всего, во всѣхъ тетрадяхъ, **219** листовъ.

Всѣ тетради заняты «Капитанскою дочкой» [IV. 215—344], въ каждой тетради по главѣ, именно, начиная съ главы II и до IV, съ VIII—XIV; тринадцатая тетрадь занята пропущенной главой.—Въ концѣ XIV главы, послѣ заключительной замѣтки: 19 октября 1836. Издатель.

Пропущенная глава была напечатана г. Бартеневымъ [стр. 4—12; см. изд. 1882, т. IV, стр. 333—344], но съ нѣсколькими неточностями, которыя я и укажу.

Стр. 4. Лодка, плавно качаясь, скользила по поверхности темныхъ волнъ. Мы достигли средины рѣки... Вдругъ гребцы начали шептаться между собою.—Въ рукописи это мѣсто читается такъ: Лодка, плавно качаясь, скользила по (поверхности) темныхъ волнъ. Прошло около получасу. Я погрузился въ мечты воображенія: (спокойствіе природы и ужасы политическіе) любовь etc. Мы достигли... и т. д. [1]).

Стр. 4. Слова гребцовъ попали въ печатномъ текстѣ не на свое мѣсто; они должны слѣдовать въ такомъ порядкѣ... я все еще не могъ его различить. «Чтобы это было? говорили гребцы. Парусъ, не парусъ, мачта, не мачта». Вдругъ луна... [IV. 334].

Стр. 6. [IV. 336]: Петруша, другъ мой! Какъ тебя Господь привелъ;—рукоп.: Петруша, другъ мой! говорила матушка. Какъ тебя...

Стр. 8. Г. Бартеневъ указываетъ, что слова: Донъ-Кишотъ Бѣлогорскій зачеркнуты Пушкинымъ;—онъ не обратилъ вниманія, что они снова возстановлены.

---

[1]) Этотъ пропускъ г. Бартенева отчасти возстановленъ въ изд. 1882 г., IV. 333.

Стр. 10. [IV, стр. 340]: ...увидѣлъ я Швабрина, сидѣвшаго на окровавленной травѣ, и передъ нимъ наше семейство,—и передъ нимъ все наше семейство.

Стр. 11. Чтобъ у меня послѣ къ Иванову дню все сѣно было въ копнахъ.—Въ рукописи было: чтобъ у меня послѣ завтра...,—потомъ завтра зачеркнуто, сверху надписано къ Иванову дню, слово-же послѣ, хотя Пушкинъ и забылъ его зачеркнуть, должно быть выключено изъ разсказа.

Дополнительные черновые наброски къ Капитанской дочкѣ см. 2374 и 2375. [IV. 485].

XIX.

№ 2382. Толстая тетрадь въ листъ синей бумаги, въ бумажномъ переплетѣ; ярлыкъ съ обычной надписью. Черная нумерація считаетъ листовъ; красная ; каждая изъ нихъ пропустила по два листа: черная нумерація между 40 и 41, и между 64 и 65; красная между 23 и 24, и между 96 и 97. Всего писанныхъ листовъ 110.

1₁—14₁. Черновыя къ Путешествію въ Арзрумъ. Нѣкоторые листы были вырваны и вклеены не на своемъ мѣстѣ. Противъ печатной редакціи есть нѣкоторыя дополненія и помѣты, которыя и привожу:

1₁.

15 мая. Георгіевскъ.

Изъ Москвы поѣхалъ я... и т. д.—V. 256. [1₁].

4₁. Въ разговорѣ съ калмычкой есть дополненіе [258]: Что ты шьешь? — Портка. — Кому? — Себя. — Поцѣлуй меня. — Неможна, стыдно.—Голосъ ея былъ чрезвычайно пріятенъ. Она подала мнѣ свою трубку... и т. д. Мнѣ дали кусочекъ сушеной кобылятины, и я съ большимъ удовольствіемъ проглотилъ его. Послѣ сего подвига я думалъ, что имѣю право на нѣкоторое вознагражденіе, но моя гордая [красавица] ударила меня балалайкой по головѣ... Калмыцкая любезность мнѣ надоѣла, я выбрался изъ кибитки и поѣхалъ далѣе. Вотъ къ ней посланіе, которое, вѣроятно, никогда до нея не дойдетъ [Должно было слѣдовать стихотвореніе «Калмычкѣ». См. ниже л. 106₂].

6₁.

Мая 22. Владикавказъ.

Съ Екатеринограда начинается военная грузинская дорога [259].

10_1.

Владикавказъ. 22 мая 1829.

18-го іюня. Арзрумъ; карантинъ; обѣдъ у гр. Паскевича; харемъ; сабля... [Полъ-страницы карандашомъ, полустерто, неразборчиво].

10_2. Еще программа:

Переходъ черезъ Кавказъ.
Даріалъ, Казбекъ, Осетинцы, похороны.
Поэтъ Персидскій.
Принцъ персидскій. Снѣговая гора.....
Грузія, Арагва [Дукатъ].
Тифлисъ... Араратъ, граница Европы.
Дорога до Карса. Карсъ.
Лагерь гр. Паскевича.
Перестрѣлка.
Рекогносцировка.
... война.
. . . .
27 іюня, Арзрумъ
дворецъ
обратный путь.

14_2—увидѣли Терекъ, разливающійся въ разныхъ направленіяхъ.— V. 264.

11^1.

19 іюля. Арзрумъ.

Съ величайшимъ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ Бориса Годунова. Успѣхъ или неудача моей трагедіи будетъ имѣть вліяніе на преобразованіе драматической нашей системы. Боюсь, чтобы собственныя ея недостатки не были отнесены къ романтизму и чтобъ она тѣмъ [самымъ] не замедлила хода...

(Что̀ касается до слога)... Хотя успѣхъ Полтавы ободряетъ меня...

Между 10 и 11, между 14 и 15 вырвано.

Рисунки: 8_2 — голова черкеса; ножки; лошади; — 10^1—головы;— 10_2—избушка; осѣдланная лошадь; голова въ папахѣ;—11^1—бритая голова.

На 14_2 еще:

Счастливъ ты въ прелестныхъ дурахъ.

— II. 240.

15_1—16_1. Червякъ:

Зима. Что дѣлать мнѣ въ деревнѣ?...

— II. 247. Помѣта: 2 ноября 1829.

16₂. Чернякъ:

Морозъ и солнце — день чудесный!

— Зимнее утро. II. 248. Помѣта: 3 ноября.—Затѣмъ вырвано.

17₁.

Зачѣмъ, Елена, такъ пугливо [1]
Ты всюду слѣдуешь за мной,
И надзираешь торопливо
Мой каждый шагъ и каждый взоръ, —(я твой...)

Тутъ-же: О некрологіи Раевскаго.—V. 75.

17₂. Дважды, начисто и начерно написанъ набросокъ изъ Онѣгина:

Недолго вмѣстѣ мы бродили.

— III. 437.

18₁—19₁. «Нѣсколько московскихъ литераторовъ, приносящихъ истинную честь нашему вѣку, какъ своими произведеніями, такъ и нравственностію, видя безпомощное состояніе нашей словесности и наскуча звуками кимвала звенящаго, рѣшились составить общество для распространенія правилъ здравой критики Курганова и Тредьяковскаго и для удержанія въ границахъ повиновенія и благопристойности отступниковъ и насмѣшниковъ.

«Общество имѣло первое свое засѣданіе на Малой Бронной, въ домѣ Г. Х., бывшаго корректора типографіи,—17 октября сего года. Приглашеніе многочисленной публики [2]). Нѣкоторыя сосѣднія дамы удостоили засѣданіе своимъ присутствіемъ. Предсѣдателемъ былъ избранъ единогласно г-нъ Трандафырь, знаменитый переводчикъ безстрашнаго [3] романа.

«Секретаремъ былъ избранъ единогласно-же Никодимъ Невѣждинъ изъ честнаго сословія слугъ, скромный молодой человѣкъ, оказавшій недавно отличные успѣхи въ словесности и, не смотря на лакейскій тонъ своихъ статеекъ, обѣщающій быть законодателемъ вкуса.

«Ждали г-на ...цова, но онъ не могъ придти по причинѣ флюса, полученнаго имъ на ярмонкѣ, во время метанія чрезвычайно счастливой тальи.

«Г-нъ Трандофырь открылъ засѣданіе прекрасной рѣчью, въ которой трогательно изобразилъ онъ безпомощное состояніе нашей сло-

---

[1]) Было:

Зачѣмъ такъ быстро, такъ ревниво.

[2]) Такъ въ подлинникѣ; можно, кажется, дополнить глаголомъ: состоялось или т. п.

[3]) Было: польскаго.

весности, недоумѣніе нашихъ писателей, подвизающихся во муракѣ, неозаренныхъ свѣтильникомъ критики. Г-нъ Трандофырь краснорѣчиво убѣждалъ.... приняться за дѣло: «что̀ сдѣлали мы до сихъ поръ, почтенные слушатели, сказалъ онъ,—перевели романы, доставлявшіе намъ 700 руб. отъ Ширяева, и разобрали заглавный листъ Исторіи Государства Россійскаго;—труды безсмертные [безспорно], но недостаточные (для новаго преобразованія словесности для истребленія неутомимыхъ нашихъ враговъ)». Послѣ рѣчи г-на предсѣдателя, г. Невѣждинъ прочелъ проектъ новаго журнала, имѣющаго быть издаваемымъ въ слѣдующемъ 1830 году, подъ названіемъ Азіатскій ракъ. Журналъ сей будетъ выходить каждый мѣсяцъ по одной книжкѣ; каждая книжка будетъ заключать въ себѣ четыре отдѣла. Отдѣлъ I. Изящная словесность. Переводы Байрона съ польскаго; стихи молодыхъ семинаристовъ; отрывки изъ записокъ г-на Трандофыря (для примѣра г. секретарь общества прочелъ плѣнительное описаніе отрочества почтеннаго г-на Трандофыря. Всѣ съ удовольствіемъ слушали милые проказы маленькаго купчика, тогда уже столь много обѣщавшаго [1]).—Отдѣлъ II. Критика... [на этомъ обрывается].

На **19_1** есть еще черновое стихотвореніе, все исчерканное, въ концѣ повторены два стиха:

> О, сколько намъ открытій чудныхъ
> Готовитъ просвѣщенный духъ
> И опытъ...

Рисунокъ 18_1 — ноги.

19_2—22_1. Черновыя изъ Русалки, изъ первой и изъ третьей сцены, III. 252.

На **20_1** набросана программа для обзора русской словесности: лѣтописи, сказки, пѣсни, пословицы, посланія царскія, пѣснь о Полку [Игоревѣ], Побоище Мамаево; царствованіе Петра, царствованіе Елизаветы,—Екатерины,—Александра; вліяніе французской поэзіи.

На **20_2** списокъ лицъ, вѣроятно тѣхъ, къ кому надо было съѣздить или т. п. [ср. 26_1].

Gourief, Langeron, Prince S. Golitzin, idem, Fiekelmont.

22_1—только рисунокъ: лицо.

22_2. Программа къ Галубу; черновой неконченный набросокъ въ такомъ видѣ:

---

[1]) Скобки Пушкина.

Галубъ.
Тазитъ.
Чу . . .
Танас... [1])

Тутъ-же черновое начало Галуба, II. 254, см. № 237.

23[1]. Продолженіе изъ Галуба.—Рисунокъ: сидящій черкесъ въ буркѣ; мечъ.

23[2]. Какая-то программа:

Въ Коломнѣ avant-soirée... больная... нѣжная. Онъ—(разсѣянный, сатирическій). Soirée съ... Явленіе въ свѣтъ молодой дѣвушки; онъ влюбляется.—Утро молодого человѣка.—У нихъ будутъ балы, покамѣсть не выйдетъ замужъ; онъ представленъ. Сцены въ Коломнѣ. Онъ ссорится.

Рисунки: фигура молодой женщины въ старинной прическѣ и въ фижмахъ, сидящей въ креслахъ; еще—женское лицо.

24[1]. [Оборванъ почти весь].

Гёте имѣлъ большое вліяніе на Байрона. Фаустъ тревожилъ воображеніе творца Чайльдъ-Гарольда. Нѣсколько разъ пытался Байронъ бороться съ этимъ великаномъ романтической поэзіи и всегда оставался хромъ. [Г. Анненковъ сообщилъ эту замѣтку нѣсколько въ иномъ видѣ.—V. 49].

24[2]—неписанная страница.

25[1]. [Элегическій отрывокъ].

Поѣдемъ, я готовъ...

— II. 251. Помѣта: 23 дек.—За помѣтой еще стихъ:

Но полно,—разорву оковы я любви...

25[2]. Сверху помѣта: 1829, 24 дек.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ лицея
Я безмятежно расцвѣталъ;
Читалъ украдкой Апулея,
А надъ (Виргиліемъ) зѣвалъ.
Въ тѣ дни, и т. д.

— III. 153 и 434.

26[1]. Опять списокъ лицъ, и съ адресами и отмѣтками, касающійся такъ или иначе общественныхъ отношеній Пушкина [ср. 20[2]].

---

[1]) Въ подлинникѣ оба слова недописаны, а вмѣсто Тазита, написано: Тазишь. В. Я.

Дворцовая набережная:	Австрійскому посланнику 2.
Въ Милліонной:	Французскому посланнику 1.
	Французскому секретарю Лагрене 1.
Англійская набережная:	(Оленину). Гр. Лаваль 2.
	Англійскому посланнику 2.
	Сенявину 2. (Гурьеву 2).
Въ Милліонной:	Неаполитанскому посланнику 2.
Въ Подъячес. угольный домъ:	Константиновой 2.
	Плещееву 2.
У Чернышева моста:	Графу Гурьеву 2.
Въ Большой Морской:	Гр. Пушкину 2.
	Вигелю 1.
	Карамзиной 2.
	Кн. Мещерской 2.
	Хитровой 2.
Англійская набережная:	Гишпанскому посланнику 1.
Невскій пр., д. Сабира:	Гр. Ланжерону 2.
Въ импер. библіотекѣ:	Гнѣдичу и Крылову 2.
	Дельвигу 2.
	Нарышкину
	Перовскимъ
	Мартынову
	Энгельгарду
	Плетневу
	Молчанову
	Одоевскому
	Титову, въ домѣ минист. внутр. дѣлъ.

26з. Исчерканная черновая:

Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ.

— II. 251, см. 28і.

27і—27з. Исчерканная, неразборчивая черновая:

Еще одной, высокой, важной пѣсни
Внемли, о Фебъ, и смолкнувшую лиру
Въ разрушенномъ святилищѣ твоемъ
Повѣшу я....
... еще единый гимнъ,
Внемлите мнѣ, пенаты, вамъ пою
Отвѣтный гимнъ, совѣтники Зевеса,
Живете-ль вы въ небесной глубинѣ...
. . . .
. . . .

Примите гимнъ, таинственныя силы!
Хоть долго былъ изгнаньемъ удаленъ
Отъ вашихъ жертвъ и тихихъ возліяній,
Но васъ любилъ....
И въ долгіе часы пустынной жизни
Томительно просилось отдохнуть
Близь вашего святаго пепелища
Моя душа...
. . . .
. . . .
Не преставалъ молить благоговѣйно
Васъ, божества домашнія...

28₁.

Хотя безчувственному тѣлу и т. д.

— См. 27₂, II. 252.—Далѣе идетъ замѣтка о выходѣ Иліады [V, 76], безъ первой фразы, находящейся отдѣльно внизу слѣдующей страницы; окончаніе замѣтки, то же переходитъ на слѣдующую страницу.

28₂. Кромѣ конца предшествовавшей замѣтки находимъ черновой отрывокъ изъ письма къ Гнѣдичу:

«Всѣ благомыслящіе люди чувствовали важность сего перевода и ожидали онаго съ нетерпѣніемъ. Вы требуете сочиненій моихъ, но я... Въ то время, какъ вашъ [корабль] входитъ въ пристань, нагруженный богатырями Гомера (при громѣ нашихъ привѣтствій), нечего говорить о моихъ мелочахъ [на смерть Наполеона I]».

Между 28 и 29 вырвано.

29₁.—M'etant presenté chez votre excellence, и т. д.—Черновое письмо къ А. Х. Бенкендорфу [VII, 384; 7 января 1830].

29₂—30₁. Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ и т. д. [О литературной критикѣ—V. 76].

Вслѣдъ за этой замѣткой, какъ она напечатана, слѣдуетъ еще коротенькая замѣтка о религіи [30₂]:

Presque toutes les religions ont donné à l'homme... que l'atheisme en... rejette...

Далѣе замѣтка объ А. Шенье, какъ классикѣ—V. 33.

Затѣмъ нѣсколько листовъ вырвано.

31₁—32₁. Отдавая полную справедливость благонамѣренности и безпристрастію вашей газеты, признаюсь, не могъ я согласиться съ мнѣніями, которыя обнаруживаетъ она касательно критики и полемики.

Во первыхъ, что̀ значатъ вѣчные толки о вѣжливости? Если бы критики нашихъ журналовъ погрѣшали единой своею грубостію, то бѣда была-бы еще небольшая...

(Вы поминутно говорите о приличіи журнала), но позво̀льте дать замѣтить, что и газета, стараясь быть равно учтива и важна въ отно-

шеніи ко всѣмъ книгамъ, ею разбираемымъ, безъ сомнѣнія погрѣшала бы противу правилъ приличія (какъ и прочіе наши журналы). Вы въ обществѣ локтемъ задѣли вашего сосѣда, вы извиняетесь,—очень хорошо; но, гуляя, въ толпѣ, подъ качелями, толкнули лавочника,—вы не скажете ему—mille pardon. Вы зовете извощика и говорите ему—пошелъ въ Коломну, а не—сдѣлайте одолженіе, потрудитесь свести въ Коломну.—Разница—критиковать Исторію Государства Россійскаго и, напр., ***.

У насъ вошло въ обыкновеніе между писателями, заслужившими довѣренность и уваженіе публики, не возражать на критики. Рѣдко кто изъ нихъ подаетъ голосъ и то не за себя. Обыкновеніе вредное для литературы. Такія антикритики имѣли-бы двойную пользу: исправленіе ошибочныхъ мнѣній и распространеніе здравыхъ понятій касательно искусства. Вы скажете, что по бо̀льшей части журнальная критика заключается въ личностяхъ и брани, что публика, etc...

Возразятъ, что иногда нападающее лицо, само по себѣ, такъ презрительно, что честному человѣку никакъ нельзя войдти въ сношеніе съ нимъ, не марая себя. Въ такомъ случаѣ объяснитесь, извинитесь передъ публикою. Видокъ васъ обругалъ, изъяснитесь, почему вы никоимъ образомъ отвѣчать ему не намѣрены. Въ этомъ отношеніи мнѣ нравится одна изъ статей вашего журнала, какъ доброе дѣло.

Вы совѣтуете...

32². Сверху фраза: J'ai l'honneur de vous presenter mon frère, qui a trouvé...

Затѣмъ черновыя къ XXV и XXVI строфамъ восьмой главы Е. Онѣгина.

Рисунки: Большое зданіе съ аркой [Лицей?]; голова.

33¹. Черновое письмо Пушкина къ А. Н. Гончарову [см. въ книжкѣ г. Бартенева «А. С. Пушкинъ»—стр. 182].—Внизу опять нѣсколько стиховъ изъ XXVI строфы Онѣгина.

33². Опять изъ XXVI строфы.

34¹. И еще изъ XXVI строфы.

34²—неписанная страница.

35¹—39¹. Альманашникъ, впервые напечатанный г. Анненковымъ, но не точно и не вполнѣ. V. 110—114.

Прежде всего замѣчу, что заглавіе дано г. Анненковымъ и что разговаривающія лица въ первой сценѣ не обозначены.—Мелкихъ неточностей и ошибокъ въ первыхъ двухъ сценахъ не привожу [замѣчу только, что Альманашникъ говоритъ: а я учился въ (Харьковскомъ) Московскомъ университетѣ], за то третью сцену я считаю нужнымъ выписать вполнѣ [см. V. 113 и 114].

III.

Харчевня. Безстыдинъ [журналистъ] и Альманашникъ обѣдаютъ.

Б. Гей, водки!

А. Девятая рюмка!.. И я за все плачу, а что толку!

Б. Увидишь, какъ пойдетъ нашъ Альманахъ. Съ моей стороны даю 34 стихотворенія, подъ пятью подпишу А. П., подъ пятью другими Е. Б., подъ пятью еще К. П. В., остальныя пущу безъ подписи. Въ предисловіи буду благодарить господъ поэтовъ, приславшихъ намъ свои стихотворенія. Прозы у насъ вдоволь: лихое обозрѣніе словесности, гдѣ славно обруганы наши знаменитые писатели, наши аристократы, знаешь?

— Никакъ нѣтъ-съ, не знаю...

— Не знаешь? О да ты видно журнала моего не читаешь... Вотъ видишь-ли... Аристократами (разумѣется, въ ироническомъ смыслѣ)[1] называются тѣ писатели, которые съ нами не знаются, полагая, вѣроятно, что наше общество незавидное... Мы было сперва того и не замѣтили, но уже съ годъ какъ спохватились, и съ тѣхъ поръ ругаемъ ихъ наповалъ... Теперь понимаешь?

— Понимаю.

— Водки!... Эти аристократы... (разумѣется, говорю въ ироническомъ смыслѣ) [1]... вообразили себѣ, что насъ въ хорошее общество не пускаютъ... Желалъ-бы я посмотрѣть, кто меня не впуститъ; чѣмъ я хуже другаго? Ты смотришь на мое платье...

— Никакъ нѣтъ, ей Богу...

— Оно немного поношено; меня обманули на вшивомъ рынкѣ... Къ тому-же я не стану франтить въ харчевнѣ, а на балахъ я великій щеголь... Это моя слабость... Если-бы ты видѣлъ меня на балахъ... я славно танцую... Я танцую французскую кадриль... Ты не вѣришь... (встаетъ, шатаясь, танцуетъ) [1]. Каково?

— Прекрасно. (Б. зацѣпляетъ стаканъ и роняетъ его) [1].

— Боже мой—стаканъ въ дребезгахъ... Его поставятъ на счетъ... и еще граненый.

— Какъ на счетъ... его склеятъ... вотъ и все (подбираетъ стекло и подаетъ).

— [Альманашникъ] расплачивается охая, выводитъ его подъ руку— онъ на ногахъ не стоитъ. Такъ и быть, взять извощика.

---

[1]) Скобки Пушкина.

— Сдѣлай одолженіе... посади меня верхомъ... а самъ садись [поперекъ]... да поѣдемъ по Невскому... Люблю франтить... это моя слабость...

— И вотъ моя послѣдняя опора! Господи, Боже мой!

Всѣ курсивныя слова пропущены или неточно переданы у г. Анненкова. Слѣдующая, IV, сцена совсѣмъ имъ пропущена.

[Альманашникъ въ передней сочинителя].

— Можно видѣть барина?

— [Слуга] никакъ нѣтъ, онъ почиваетъ.

— Какъ, въ 12 часовъ?

— Онъ возвратился съ балу въ 6-мъ часу.

— Да когда-же его можно застать?

— Да почти никогда.

— Когда-же вашъ баринъ сочиняетъ?

— Не могу знать.

— Экое несчастіе!.. Доложи своему барину, что приходилъ рекомендоваться... Да скажи, не знаешь-ли ты какого нибудь сочинителя...

39₂. Исчерканное стихотвореніе; вотъ его начало:

Во время оное, былое!...
Въ тѣ дни ты зналъ меня, Кавказъ,
Въ свое святилище [глухое]
Ты призывалъ меня не разъ.
Въ тебя влюбленъ я былъ безумно,
(Меня привѣтствовалъ) ты шумно...

Дальше все исчеркано.—Тутъ-же набросана пѣсня русалокъ [Русалка, III. 269].

Тише, тише, надъ водами
Что-то дрогнуло во тьмѣ
Между мѣсяцемъ и нами
Кто-то ходитъ по землѣ.

40₁—Вся пѣсня русалокъ, черновая карандашемъ.—Затѣмъ идетъ листъ незанумерованный черною цифрою [красная—40], обозначимъ его 40*а*.

40*а*₁—неписанная страница.

40*а*₂. Длинное черновое стихотвореніе о Кавказѣ, все исчерканное и малоразборчивое:

И вотъ ущелье мрачныхъ скалъ
Предъ нами шире становится
И тише Терекъ [злой] стремится,
Лучъ солнца ярче засіялъ...

Еще:

Страшно и скучно
Здѣсь новоселье,
Путь и ночлегъ,
Тѣсно и душно
Въ дымномъ ущельѣ,
Тучи да снѣгъ...

Много стиховъ исчерканныхъ и неконченнныхъ, мѣстами однѣ риѳмы; повторенія.—Затѣмъ много вырвано писаннаго.

41₁—42₁. Замѣтка объ исторіи поэзіи Шевырева.

История поэзіи—явленіе утѣшительное, книга важная!

Россія по своему положенію, географическому и политическому etc. есть судилище, приказъ Европы. Nous sommes les grands jugeurs. Безпристрастіе и здравый смыслъ нашихъ сужденій, касательно того, что дѣлается не у насъ, удивителенъ. Примѣры тому.

Критика литературная у насъ ничтожна: почему? потому что въ ней требуется не одного здраваго смысла, но и любви къ наукѣ. Взглядъ на нашу критику; Мерзляковъ, Шишковъ, Дашковъ etc.

Шевыревъ при самомъ вступленіи своемъ обѣщаетъ не слѣдовать ни эмперической системы французской критики, ни отвлеченной философіи нѣмцевъ (стр...). Онъ избираетъ способъ изложенія историческій—и подѣломъ: такимъ образомъ придаетъ онъ наукѣ заманчивость разсказа.

Критикъ приступаетъ къ исторіи Западной словесности.

Въ Италіи видитъ онъ чувственность Римскую, побѣжденную христіанствомъ... воскресшую въ художествахъ, покорившую своему роскошному вліянію строгій каѳолицизмъ, и снова овладѣвшую своей отчизною.

Въ Испаніи признаетъ тоже начало, но встрѣчаетъ мавровъ и видитъ въ ней магометанское направленіе (?) [1] (не магометанское, а)...

Оставляя роскошный югъ, Шевыревъ переходитъ къ сѣвернымъ народамъ, рабамъ нужды, пасынкамъ природы.

Въ туманной Англіи видитъ онъ нужду, развивающую богатство, промышленность, трудъ, изученіе, литературу безъ преданій, вещественность.

Въ Германскихъ священныхъ лѣсахъ открываетъ онъ уже то стремленіе къ отвлеченности, къ уединенію, къ феодальному разъединенію, которыя и донынѣ господствуютъ въ политической системѣ Германіи, и въ... ея мыслителей и при дворахъ ея князей, и на каѳедрахъ ея профессоровъ.

---

[1]) (?)—принадлежитъ Пушкину.

Франція, средоточіе Европы, представительница жизни общественной, жизни в... эгоистической и народной. Въ ней науки и поэзія не цѣли, а средства. Народъ (der Herr omnis) [1]) властвуетъ въ ней отвратительною властью демокраціи... Въ немъ всѣ признаки невѣжества, презрѣніе къ чужому, une marque pétulente et tranhante, etc.

Девизъ Россіи—suum cuique...—Далѣе много неписанныхъ.

43_1—44_2 [вклеены]. Всѣ четыре страницы заняты черновымъ Воспоминаньемъ въ Царскомъ Селѣ.—II. 249.

На 43_2 послѣ стиха Екатерининскихъ орловъ—помѣта: 14 дек. 1829. Спб.

Рисунокъ на 43_1—женское лицо.

— Затѣмъ много неписанныхъ, а потомъ, начиная съ 45—103 листъ, все писано верхомъ внизъ, почему я буду описывать въ обратномъ порядкѣ.

103_2—неписанная страница.

103_1. Сверху помѣта: 14 іюля, Арзрумъ, баня, чума; потомъ слѣдуетъ черновое стихотвореніе, сообщенное г. Анненковымъ, но не вполнѣ, почему я выписываю его цѣликомъ:

Критонъ, роскошный гражданинъ
Очаровательныхъ Аѳинъ,
Во цвѣтѣ жизни предавался
Всѣмъ упоеньямъ бытія...
Однажды, слушайте, друзья!
Онъ по Керамику скитался,
И вдругъ изъ рощи вѣковой
Красою дѣвственной блистая,
Въ одеждѣ легкой и простой
Явилась нимфа молодая.
(Она съ улыбкою глядитъ),
(Ужъ онъ влюбленъ, ужъ онъ) горитъ
Поспѣшно слѣдуетъ за нею...
Предъ (ними домъ). . . . . . .
Она на мигъ остановилась,
И въ дверь вошла. Недвижимъ онъ
Глядитъ на дверь, куда, какъ сонъ,
Его красавица сокрылась ..

Противъ этого стихотворенія съ боку другая помѣта: 16-го іюня.— Пониже, съ боку:

Былъ и я среди Донцовъ...

—II. 239. Четвертый стихъ исправленъ:

Я домой привезъ нагайку...

---

[1]) Скобки Пушкина.

Пятый стихъ былъ:

(На походѣ, на войнѣ)

и потомъ поправка начата и не кончена:

(Часто) (дома) въ тишинѣ...

102₂.

Эпиграмма:

Надѣясь на мое презрѣнье,
Сѣдой Зоилъ меня ругалъ
Но потерявъ уже терпѣнье,
Я эпиграммой отвѣчалъ.
(И возгоря) желаньемъ славы,
Теперь, надѣясь на отвѣтъ,
(Журнальный шутъ), холопъ лукавый
Ругать-бы также сталъ... О, нѣтъ!
Пусть онъ, какъ бѣсъ передъ обѣдней,
Себѣ покоя не даетъ,
Лакей сиди себѣ въ передней,
А будетъ съ бариномъ расчетъ.

Тутъ-же опять черновое: Былъ и я среди Донцовъ; пятый стихъ: На дорогахъ, на войнѣ.—П. 239.—Рисунокъ карандашный: лицо.

102₁. Литература у насъ существуетъ, но критики еще нѣтъ; у насъ журналисты бранятся именами: классикъ и романтикъ, какъ старушки бранятъ повѣсъ франкмасонами и вольтерьянцами, не имѣя понятія ни о Вольтерѣ, ни о франкмасонствѣ.

— Тутъ-же черновая «Дона» [П. 241]. Начало:

Здравствуй Донъ, завѣтный Донъ,
Отъ сыновъ твоихъ удалыхъ,
Козаковъ большихъ и малыхъ,
Я привезъ тебѣ поклонъ.

Тутъ-же есть куплетъ изъ Бѣсовъ, см. 101².

101². Сверху четыре строки:

Полюби меня, дѣвица!
— Что-же скажетъ мнѣ станица,—
Я съ другимъ обручена
Твой женихъ теперь далече ..

Далѣе черновая Бѣсовъ [см. 102¹].—Рисунокъ: лицо, птица.

101₁ и 100₂. Изъ Евгенія Онѣгина, восьмой главы X и XI строфы и между ними еще пропущенная: Блаженъ, кто понялъ голосъ строгой,—III. 157, 158 и 435.

100₁—98₁. Сверху XII строфа восьмой главы Онѣгина; затѣмъ начало Путешествія Онѣгина [оно прежде и должно было составлять часть VIII главы]—III. 436.

(Наскуча) щеголять Мельмотомъ
Иль . . . . . маскою другой,
Проснулся разъ онъ патріотомъ
Въ Hôtel de Londres, что на Морской,
Россія!.. Русь!.... мгновенно
Ему понравилась отмѣнно,
И рѣшено—ужъ онъ влюбленъ!
Россіей только бредитъ онъ!
Ужъ онъ Европу ненавидитъ,
Съ ея логической, сухой,
Съ ея разумной суетой.
Онѣгинъ ѣдетъ, онъ увидитъ
Святую Русь,—ея поля,
Селенья, грады и моря [1])

Помѣта: 2 октября.

(И вотъ) собрался—слава Богу!
Іюня третьяго числа
Коляска вѣнская въ дорогу
Его по почтѣ понесла.
Среди равнины полудикой
Онъ видитъ Новгородъ Великій...

— Далѣе исчеркано.

99₁.

Тоска! тоска! спѣшитъ Евгеній
Скорѣе далѣе.. Теперь
Мелькаютъ, какъ волшебны тѣни
Предъ нимъ Валдай, Торжекъ и Тверь.
Здѣсь . . . . .
Здѣсь онъ обѣдаетъ, а тамъ
Онъ сонный скачетъ. Кони мчатся
Сквозь лѣсъ, чрезъ холмы, вдоль рѣки,
Мелькаютъ версты. Ямщики
Поютъ, [и] свищутъ, [и] бранятся
. . . . Евгеній мой
Въ Москвѣ очнулся на Тверской.

***

Москва Онѣгина встрѣчаетъ [III. 437]
Своею [важной] [2]) суетой

---

[1]) Было: (Дубравы, степи) и моря.
[2]) Было: роскошной.

Своими дѣвами прельщаетъ,
Старинной кухней угощаетъ,
Стерляжьей подчуетъ ухой...

***

Въ палатахъ Англійскаго клоба
О вистѣ пренья слышитъ онъ,
(Въ раздумье молча) [1]) погруженъ.
Онъ видитъ башни . . . . .
Дворцы и площади Кремля,
И храмъ, гдѣ царская семья
Почіетъ близъ мощей святыхъ.
Онъ ходитъ . . . .
Въ садахъ московскихъ богачей.

***

Тоска, тоска! Онъ далѣ [хочетъ]
(Въ торговый Нижній). Передъ нимъ
. . . . Ярманка хлопочетъ,
Кипитъ обиліемъ своимъ...

***

и проч.—III. 180.

Тоска, тоска!... но Волга...
Его манитъ на пышны воды,
Подъ полотняны паруса...
Нанялъ купеческое судно,
Поплылъ онъ быстро [внизъ] рѣки.
Струится Волга; бурлаки
. . . . поютъ
Унылый пріютъ
Про ихъ разъѣзды удалыя,
Какъ Стенька Разинъ въ старину
Кровавилъ волжскую волну...
. . . .
Тоска, тоска!

97_2 и 97_1. Онѣгинъ на Кавказѣ—III, 180.—Рисунки 97_2—пистолетъ, осѣдланная лошадь, черкесъ; 97_1—два дерева.—На 97_2 какія-то цифры.

96_2 [почти весь оборванъ]. Опять о пребываніи Онѣгина въ Москвѣ:

Замѣченъ онъ.
— Объ немъ толкуетъ,
(Имъ занимается) Москва,
Его шпіономъ именуетъ,
И производитъ въ жениха...

---

[1]) Поправка не разобрана.

Тутъ-же отрывокъ, можетъ быть, изъ пребыванія на Кавказѣ:

Онѣгинъ взоромъ сожалѣнья
На воды [дымныя] глядитъ,
. . . . размышленья.

96[1] [красной цифры нѣтъ].

Блаженъ, чья смерть уже близка,
Но я здоровъ! Тоска, тоска!...

— III. 181.

Отъѣздъ за Кавказа [двѣ строки только]:

Прощайте, горныя вершины,
Вы закубанскія равнины,
Вы степи...

Рисунки: два мужскихъ лица.

95, и **95**[1]. Замѣтка о М. Бестужевѣ-Рюминѣ и его «Сѣверной Звѣздѣ» 1829 г. [Сравни V. 121].

Возвратясь изъ путешествія, узналъ я, что г. Б., пользуясь моимъ отсутствіемъ, напечаталъ нѣсколько моихъ стихотвореній въ своемъ Альманахѣ. Неуваженіе къ литературной собственности сдѣлалось такъ у насъ обыкновеннымъ, что поступокъ г. Б. ни мало не показался мнѣ страннымъ [1]). Но когда Альманахъ нечаянно попался мнѣ въ руки и когда въ предисловіи прочелъ нѣжное изъявленіе благодарности издателя г-ну Ап., доставившаго ему (г-ну Б.) [13 піэсъ], изъ нихъ 5 и удостоились печати,—то, признаюсь, удивленіе мое было чрезвычайно.

Въ числѣ піэсъ, доставленныхъ г-мъ Ап., нѣкоторыя принадлежатъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ, другія мнѣ вовсе неизвѣстны. Г-нъ Ап. собралъ давно [мною написанное] и замѣнилъ своими стихами тѣ, кои не могли быть пропущены цензурой. Однако въ мои лѣта и въ моемъ положеніи непріятно отвѣчать... за чужія произведенія, то честь имѣю объявить г-ну Ап., что, при первомъ таковомъ-же случаѣ, принужденъ буду прибѣгнуть къ покровительству законовъ.

— Карандашный рисунокъ: наклоненная женская головка.

94, и **94**[1] [Разговоръ]:

А. Читали вы въ послѣднемъ № Г[азеты] критику NN.?

В. Нѣтъ я не читаю русской критики.

А. Напрасно. Ничто иное не даетъ вамъ лучшаго понятія о состояніи нашей литературы.

---

[1]) Съ боку неразборчиво приписано: Такъ на.... г. Федоровъ напечаталъ ... идиллію.. , сочиненную г. Панаевымъ. См. V. 120.

В. Какъ! Неужели вы полагаете, что журнальная критика (есть) окончательный судъ произведеніямъ нашей словесности?

А. Ни мало. (У насъ никогда критика не имѣетъ почти никакого вліянія на судьбу какого нибудь произведенія). Но она даетъ понятіе объ отношеніяхъ писателей между собою, о большей или меньшей ихъ извѣстности, наконецъ о мнѣніяхъ господствующихъ въ публикѣ.

В. Мнѣ не нужно читать (В. Е.), чтобы знать, что находится... въ модѣ, и что романтической поэзіи у насъ никто не понимаетъ. Что-же касается до отношеній г-на Р. къ г-ну Полевому, г. К. къ г. Б..., это вовсе нелюбопытно.

А. Однако-жъ (иногда) забавно.

В. Вамъ нравятся кулачные бойцы?

А. Почему-же нѣтъ? Державинъ ихъ воспѣлъ. Наши бояре ими тѣшились. Мнѣ столь-же нравится кн. В. въ схваткѣ съ какимъ нибудь (занощивымъ) журнальнымъ буяномъ, какъ гр. Орловъ въ бою съ ямщикомъ. Это черты народности.

В. Вы упомянули о К. В.; признайтесь, что изъ высшей литературы онъ одинъ пускается въ полемику.

А. Позвольте..., что вы называете высшей литературой?

— На этомъ разговоръ обрывается. См. выше, № 2373, л. 13.

Съ боку внизу набросано нѣсколько черновыхъ неконченныхъ стиховъ.

— Рисунокъ: женская голова.

93₂. Черновая, вся исчерканная: Путешествіе Онѣгина по Тавридѣ:

Онъ зритъ поэту край священный...

— III. 181.—Рисунки: мужская голова; ножка, выставленная изъ подъ платья.—Цифры.

93₁.

Какія-бъ чувства не толпились
Тогда во мнѣ,—слѣдовъ ихъ нѣтъ,
Они прошли иль измѣнились,
Миръ вамъ, тревоги прежнихъ лѣтъ.

Тутъ же изъ посланія къ Е. В. Вельяшевой,—II, стр. 218.

93₂—90₂. Восьмое письмо изъ романа въ письмахъ—IV, стр. 428.

— Какъ въ этомъ такъ и въ послѣдующихъ письмахъ [всѣ эти письма впервые напечатаны г. Анненковымъ] печатный текстъ значительно отличается отъ рукописи. Оставляя опять въ сторонѣ мелкія ошибки и неточности, приведу только болѣе крупныя отличія, пропуски.

Стр. 428. «Званіе помѣщика есть та-же служба». Заниматься тремя тысячами душъ, коихъ все благосостояніе зависитъ

совершенно отъ насъ, важнѣе, чѣмъ командовать взводомъ или переписывать дипломатическія депеши.

Небреженіе, въ которомъ мы оставляемъ нашихъ крестьянъ [1]) непростительно. Чѣмъ болѣе имѣемъ мы надъ ними правъ, тѣмъ болѣе имѣемъ и обязанностей въ ихъ отношеніи. Мы оставляемъ ихъ на произволъ плута прикащика, который ихъ притѣсняетъ, а насъ обкрадываетъ. Мы проживаемъ въ долгъ наши будущіе доходы и раззоряемся: старость насъ застаетъ въ нуждѣ и хлопотахъ. Вотъ причина быстраго упадка нашего дворянства и т. д.

Стр. 429: Все это надумалъ я, живучи въ чужой деревнѣ, глядя на управленіе мелкопомѣстныхъ дворянъ. Эти господа не служатъ и сами занимаются управленіемъ своихъ деревушекъ, но, признаюсь, дай Богъ имъ промотаться какъ нашему брату! Какая дикость! Для нихъ еще не прошли времена Ф. Визина, между ними процвѣтаютъ Простаковы и Скотинины.

Стр. 430: ...я пріѣхалъ сюда только для нея. По крайней [мѣрѣ] я постарался дать ей это почувствовать. Здѣсь мой успѣхъ превозошелъ мои ожиданія (чтò много значитъ) [2]). Старушки отъ меня въ восхищеніи, барыни ко мнѣ такъ и льнутъ, а потому что... [sic]. Мущины, и т. д. Прощай. Чтò дѣлаютъ наши— servitor di tutti quanti, пиши ко мнѣ въ село ***.

90₁. [Фразы, по содержанію подходящія къ предшествовавшему письму].

«Аристократія чиновная не замѣнитъ аристократіи родовой».

«Семейственныя воспоминанія должны быть историческія воспоминанія народа. Но какія воспоминанія у дѣтей коллежскаго ассесора?»

— Тутъ-же черновая эпиграмма:

Поэтъ-игрокъ, о Беверлей-Горацій...

— II. 240. — Кромѣ того верхомъ внизъ нѣсколько зачеркнутыхъ словъ.—Рисунки: 2 вѣтки; голова лошади въ воротничкахъ и въ цилиндрѣ.

— Вырвано.

89₂, 88₂ и **88₁.** IX письмо изъ того же романа [IV. 430]. Изъ пропусковъ укажу конецъ: Не пріѣдешь-ли для соперничества cum servo servorum Dei? Это было-бы похоже на тебя. Я всякій день стану тебя ожидать.

89₁. Чернякъ изъ Онѣгина: Порой дождливою намедни—III. 183.

---

[1]) Было: наши имѣнья.

[2]) Скобки Пушкина.

— Тутъ-же фраза: Онъ вспомнилъ обо мнѣ, и стихъ изъ «VII пѣсни»:

по расчисленью
Философическихъ таблицъ...

-- строфа XXXIII.—Рисунокъ: Господинъ съ бакенбардами, въ высокихъ воротничкахъ.

87₂—86. 10 письмо—стр. 431.

Стр. 431—и вмѣстѣ съ тѣмъ, что-то живое, снисходительное, добродушное;—въ рукописи это мѣсто совсѣмъ иначе: а между тѣмъ что-то женское, снисходительное, доброродное (какъ говоритъ ея бабушка).

Конецъ: Прощай, мой милый. Что новаго въ свѣтѣ? Объяви всѣмъ что наконецъ и я пустился въ поэзію: намѣдни сочинилъ я надпись къ портрету княжны Ольги (за что Лиза очень мило бранила меня) [1]).

Глупа какъ..., скучна какъ не...

Скучна etc. То и другое похоже на м.... Попроси В. прислать первый стихъ и отнынѣ считать меня поэтомъ.

86₁—неписанная страница.

85²—81¹. Черновыя изъ Путешествія въ Арзрумъ—V, 263—268.

80₂. Сверху двѣ отрывочныя фразы:

«...любили его слушать, а ему только и наде было»...

«Пріятно отдавать отчетъ о сочиненіи, вполнѣ заслуживающемъ вниманія и одобренія публики».

Затѣмъ начинается черновая замѣтка о романѣ Юрій Милославскій,—V. 89.

80₁—79¹. Продолженіе той же замѣтки.

78₂—77². О запискахъ Самсона—V. 91.

77¹. Опять изъ замѣтки о Юріи Милославскомъ [см. 80₂]—V. 89—90.

Тутъ-же верхомъ внизъ денежные счеты, повидимому списокъ долговъ; имена мною не всѣ разобраны.

+	сихъ	3.500	
+	Нащок. [2])	2.000	+
	Теткѣ	3.000	+
+	Пр. Ал. [3])	2.000	+
	С...	2.000	
	Р...	2.500	

[1]) Скобки Пушкина.

[2]) Нащокину П. В.

[3]) Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой.

+	П...	700
	(Изв. [1])	500)
+	Книгопрод.	1.500
+	Анг.	1.000
	Бекъ	500
	(Сестрѣ	1.000)
+	Энг. [2])	1.300
	(Дюма	400)
+	Въ погреб.	400
	(Въ ломбардъ	7.000)
	(За карты	5.000)
	Шишк.	9.000
		41.300

Съ боку еще цифры, но безъ обозначенія и отмѣтокъ.—Рисунки: кустики.

— Затѣмъ вырвано.

76₂ и 76₁.—О разговорѣ у княгини Халдиной,—V. 92.

75₂—73₁. Разговоръ Русскаго съ Испанцемъ, вѣроятно, имѣющій отношеніе къ отрывку—«Гости съѣзжались на дачу», см. IV. 462 и № 2371, 27₁.

Вы такъ откровенны и снисходительны, сказалъ Испанецъ, что осмѣлюсь просить васъ разрѣшить мнѣ задачу: я [шатался] по всему [свѣту], представлялся во всѣхъ Европейскихъ дворахъ, вездѣ посѣщалъ высшее общество, но нигдѣ не чувствовалъ себя такъ связаннымъ, такъ неловкимъ, какъ въ проклятомъ вашемъ аристократическомъ кругу. Всякій разъ, когда я вхожу въ залу княгини В— и вижу эти нѣмыя, неподвижныя муміи, напоминающія мнѣ египетскія кладбища, какой-то холодъ меня пронизываетъ. Межъ ними нѣтъ ни..... власти, ни одно имя не натвержено мнѣ славою,—предъ чѣмъ же я робѣю?

Передъ недоброжелательствомъ, отвѣчалъ Русскій. Это черта нашихъ нравовъ: въ народѣ выражается она насмѣшливостью, въ высшемъ кругу невниманіемъ и холодностію. (О мущинахъ нечего и говорить) [3]), ихъ нравственность... Наши дамы очень поверхностно образованы, ничто европейское не занимаетъ ихъ мыслей. Политика и литература для нихъ не существуетъ. Остроуміе давно въ опалѣ, какъ признакъ легкомыслія. О чемъ-же станутъ онѣ говорить? О самихъ себѣ? Нѣтъ,

---

[1]) Извощику?

[2]) Энгельгарду?

[3]) Скобки Пушкина

онѣ слишкомъ хорошо воспитаны. Остается имъ разговоръ какой-то домашній, мѣлочный, [часто] понятный только для немногихъ, для избранныхъ. И человѣкъ, не принадлежащій къ этому малому стаду, принятъ, какъ чужой, не только иностранецъ, но и свой.

(Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ испанецъ, вотъ уже два мѣсяца, какъ я въ Петербургѣ, и въ первый еще разъ нахожу я разговоръ, напоминающій мнѣ Париж...).

(Между тѣмъ общество наше скучно для тѣхъ, которые не танцуютъ. Всѣ чувствуютъ необходимость разговора общаго,—но гдѣ его взять, и кто захочетъ выступить первый на [сцену]. Кто-то предложилъ нанимать на вечеръ разговорщика, какъ нанимаютъ на маленькіе балы фортопьянщика).

— Извините мнѣ [мои] вопросы, сказалъ Испанецъ, но врядъ-ли мнѣ найдти въ другой разъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ, и я спѣшу вами пользоваться. Вы упомянули о вашей аристократіи: что̀ такое русская аристократія? Занимаясь вашими законами, я вижу, что наслѣдственной аристократіи, основанной на недѣлимости имѣній, у васъ не существуетъ. Кажется, между вашимъ дворянствомъ существуетъ гражданское равенство,—и доступъ къ оному ничѣмъ не ограниченъ. На чемъ-же основывается ваша такъ называемая аристократія? Развѣ только на одной древности родовъ русскихъ замѣчательныхъ [людей]?

— (Вы ошибаетесь), отвѣчалъ онъ. Древнее русское (дворянство) вслѣдствіе причинъ, вами упомянутыхъ, упало въ неизвѣстность и составило родъ третьяго состоянія; [дворянская] чернь, къ которой и я принадлежу, считаетъ между своими родоначальниками Рюрика и Мономаха. Но настоящая аристократія наша съ трудомъ мо̀жетъ назвать и своего дѣда. Древность рода ихъ восходитъ до Петра и до Елизаветы. Денщики, пѣвчіе, хохлы, вотъ ихъ родоначальники, (будь сказано) не въ упрекъ: достоинство всегда достоинство, и государственная польза требуетъ его возвышенія. Смѣшно только видѣть въ ничтожныхъ внукахъ спѣсь... перваго христіанскаго барона...

— Я самъ, напр., продолжалъ русскій съ видимымъ самодовольствомъ небреженія, хотя дворянство мое теряется въ отдаленной древности, и имена предковъ моихъ [встрѣчаются] на всѣхъ страницахъ исторіи нашей, но если бы я подумалъ назвать себя аристократомъ, то, вѣроятно, насмѣшилъ бы многихъ. Мы такъ положительны, что мы на колѣняхъ предъ настоящимъ случаемъ, успѣхомъ и славою, но у насъ нѣтъ очарованія древностію, благодарности къ прошедшему и уваженія къ нравственному достоинству... Прошедшее для насъ не существуетъ. Карамзинъ недавно разсказалъ намъ нашу исторію, но едва-ли мы [вслушались]. Мы гордимся не славою предковъ, но чиномъ

какого нибудь дяди (дурака) или баломъ двоюродной сестры. Замѣтьте, что неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ дикости и безнравственности.

— [На этомъ разговоръ прерывается]. На 73₁ находится еще черновое объясненіе къ замѣткѣ объ Иліадѣ—V. 95.—Затѣмъ много вырѣзано.

72₂ и **72₁**. Черновая замѣтка о статьяхъ кн. Вяземскаго—V. 93.

71₂—70₂. Отрывочная замѣтка, которая по содержанію должна быть сопоставлена съ замѣткой о графѣ Нулинѣ [V. 123]—и о жеманствѣ—[V. 138].

«Но не смѣшно-ли имъ судить о томъ, что̀ принято или не принято въ свѣтѣ, что могутъ, чего не могутъ читать наши дамы, какое выраженіе принадлежитъ гостиной (или будуару, какъ говорятъ эти господа [1])? Не забавно-ли видѣть ихъ опекунами высшаго общества, куда, вѣроятно, имъ и некогда и вовсе ненужно являться? Не странно-ли въ ученыхъ изданіяхъ встрѣчать важныя разсужденія объ отвратительной безнравственности т а к о г о-т о в ы р а ж е н і я [2]) и ссылки на парижскихъ (дамъ). Не совѣстно-ли [въ душѣ] видѣть почтенныхъ профессоровъ, краснѣющихъ отъ свѣтской шутки? Почему имъ знать, что вычурное жеманство и напыщенность нестерпимы, еще болѣе выказываютъ мелкое общество, чѣмъ простонародность (vulgarité), и что оно-то именно и обличаетъ [sic] свѣтъ? Почему имъ знать, что откровенныя оригинальныя выраженія простолюдиновъ повторяются и въ высшемъ обществѣ, не оскорбляя слуха, между тѣмъ какъ чопорные обиняки провинціальной вѣжливости возбудили бы общую невольную улыбку? Хорошее общество можетъ существовать и не въ одномъ кругу, а вездѣ, гдѣ есть люди честные, умные и образованные.

«Эта охота выдавать себя за членовъ высшаго общества вводила иногда нашихъ журналистовъ въ забавные промахи; одинъ изъ нихъ думалъ, что невозможно говорить..... и далъ строгій за то выговоръ,—кому же—одному изъ молодыхъ блестящихъ царедворцевъ. Въ одномъ журналѣ сильно напали на неблагопристойиость п о э м ы [3]), гдѣ сказано, что молодой человѣкъ осмѣлился войдти ночью къ спящей красавицѣ; и между тѣмъ, какъ стыдливый рецензентъ разбиралъ ее, какъ самую вольную сказку Боккачіо или ....., всѣ петербургскія дамы читали ее и знали цѣлые отрывки наизусть. Недавно [одинъ] историческій романъ обратилъ на себя вниманіе всеобщее и отвлекъ на нѣ-

---

[1]) Скобки Пушкина.

[2]) Было: графа Н[улина].

[3]) Было: гр. Нулина.

сколько дней всѣхъ нашихъ дамъ отъ fachionable tales и историческихъ записокъ. Чтò же? Газета (важно) дала замѣтить автору, что въ простонародныхъ сценахъ находятся слова ужасныя: сукинъ сынъ. Возможно ли? Чтò скажутъ дамы, если паче чаянья взоръ ихъ упадетъ на это неслыханное выраженіе? Чтò бы они сказали Фонъ-Визину, который императрицѣ Екатеринѣ читалъ своего Недоросля, гдѣ на каждой страницѣ эта невѣжественная Простакова бранитъ Еремѣевну собачьей дочерью? Чтò сказали бы нынѣшніе блюстители нравственности и о чтеніи Душеньки, и объ успѣхѣ сего [прелестнаго] произведенія? Чтò думаютъ они о шутливыхъ одахъ Державина, о прелестныхъ сказкахъ Дмитріева? Модная жена не столь же ли безнравственна, какъ и Гр. Нулинъ?»

70₁ и 69₂.

О дамахъ.

(Одна) умная дама сказывала однажды, что если мущина начинаетъ,—и т. д.—V, 49, нѣсколько отличающійся отъ печатнаго текста, свѣреннаго г. Анненковымъ съ рукописью.

На **69₂** и **69₁** изъ объясненія къ замѣткѣ объ Иліадѣ: объявленіе о переводѣ Иліады писано мною—V, 95.

Рисунокъ: женская голова въ чепцѣ.

68²—67¹. Французское черновое письмо къ неизвѣстной особѣ, которая названа chère Ellenora.

Vous, vous jouez de mon impatience, vous voulez prendre plaisir a me désapointer, je ne vous verrez donc que demain: soit! Je ne peu m'occuper que de vous. Quoique vous voir et vous entendre serait pour moi le bonheur, j'aime mieux vous ecrire que vous parlez.

Il y a en vous une ironie, une malice, qui... le sentiments deviennent penibles et les paroles... en votre présence.

Surément vous êtes le démon, c. à dire celui qui doute et nie, comme le dit l'Ecriture.

... vous avez cruellement parlez du passé, vous m'avais dit [un mot]. a que je tachais de ne pas croire pendant 7 ans... pour quoi celà?

Le bonheur est si parfait pour moi, que je ne le pas réconnu quand il etait devant moi. Ne m'en parlez donc plus au nom du Christ... le rémord, si tout est connu, le rémord... à sa volupté, un regret pareil ne... que du... de rage de...

Chère Ellenora, permettez moi de vous donner... qui me... rappellent et les [lectures] brûlantes de... et le doux phantomes, qui me seduisait alors, et votre propre existence, si violante, si orageuse, si differente de ce qu'il devait être.

Chère Ellenora, vous... j'ai subi toute votre puissance c'est à vous que je dois d'avoir connu tout ce que l'amour a de plus convertus et de plus doux... de tout cela il m'est resté qu'une attachement bien doux, bien vrai, et qu'un peu de crainte, qu'il m'est impossible de surmonter. Si jamais vous lisez cela, je sais bien ce que vous penserais il est humilié du passé, voila tout. Il mérite bien que je le... encore. (Il a toute la...). N'est-ce pas?

Cependant si prenant la plume je voulais vous demander quelques choses, je ne sais plus quoi... c'est de l'amitié. Cette... est bien vulgaire, c'est comme un mendiant qui demandait du pain. Le fait est qu'il me faut votre intimité... et cependant vous etes tousjours aussi belle, que le jour, a la... lorsque vous... le front... cette impression me reste encore..., c'est elle me rendu... catholique; mais vous allez vous... cette beauté...

Не есть-ли это неразборчивое письмо, также какъ и въ № 2373, 24_1, литературное произведеніе, набросокъ для повѣсти?

66_2. Черновая жалоба на цензора Литературной Газеты; къ сожалѣнію она написана такъ, что средину, примѣръ придирчивости цензора, мнѣ не удалось разобрать, такъ что просьба въ такомъ видѣ только констатируетъ недовольство цензоромъ.

«Издателямъ Литературной Газеты вмѣсто К. С. Сербиновича дали недавно въ цензоры профессора Щеглова, который своими замѣчаніями поминутно напоминаетъ лучшія времена Бирукова и... Въ доказательство позвольте привести вамъ одинъ изъ тысячи примѣровъ.

Цензоръ усомнился, можно-ли (допустить называть) такимъ образомъ двухъ... и выключилъ привѣтствіе не по чину.

Издатели рѣшились прибѣгнуть къ вашему покровительству и просить, если только это возможно, возвратить имъ г. Сербиновича; (или по крайней мѣрѣ) дать другого менѣе своенравнаго цензора, если ужъ невозможно возвратить г. Сербиновича».

66_1 — неписанная страница.

65_2 и 65_1. «Дѣтская книжка».

Черновыя сказки—Вѣтренный мальчикъ и Маленькій лжецъ.—V, 115 и 116.—Затѣмъ идетъ листъ ненумерованный, обозначаю его — 64*a*.

$64a_2$ — исправленный забіяка.—V, 115.

$64a_1$ — неписанная страница.

64_2. Зачеркнутая фраза: (въ одной изъ нашихъ южныхъ губерній); затѣмъ списокъ покупокъ: карандаши, полосканіе, щетка, духи.

— Рисунки: женская фигура; лица; вѣтки.

64_1 — неписанная страница.—Затѣмъ вырвано.

63₂—47₁. Черновая Рославлева.—V, 127—138. Есть нѣкоторыя отличія отъ печатнаго текста. Въ концѣ перваго отдѣла [л. 57₂, стр. 132] помѣта: 22 іюня [іюля?] 1831.—На **53₁**—программа: Москва (въ 1811 году) тому 20 лѣтъ.—Полина г-на Загоскина. Ея семейство, ея характеръ. M-me де-Сталь въ Москвѣ. Обѣдъ, данный ей княземъ **. Его записка. Война съ Наполеономъ. Молодой графъ Мамоновъ. Мы ѣдемъ изъ Москвы.—54₂—рисунокъ: три мужскія лица.

46₂—45₂. Письмо къ А. X. Бенкендорфу: En soumettant à Sa Majesté le tome II de Pougatchef je prend la liberté d'entretenir votre excellence de circonstances qui me regardent et de recourir à votre bienvellance accoutumée.

En permettant l'impression de cet ouvrage, Sa Majesté a assuré ma fortune. La somme que je pourrais en retirer me met à... même d'accepter succession, à la quelle j'avais été percé de renoncer faute de 40.000 roubles qui me manquait, etc.

Cet ouvrage mes les procurera, si je puis moi même en etre l'editeur sans avoir recours au libraire. 15,000 [roubles] me suffiserait.

Je demande deux chose: l'une qu'on me permette d'imprimer mon ouvrage à mes frais dans l'imprimerie particulier de S. M. qui depende de M..., la seule ou je suis sur de n'etre pas fripponné; —l'autre de recevoir en imprunt pour deux ans 15,000, somme qui me permetterais de mettre a l'édition tout le temps et le soins que je devrais.

Je n'ai d'autres droits à la grace, que je sollicite, que les bontés que je deja reçues et qui me donne le courage et la confiance d'y récourir encore. C'est à votre protection (Mr. le Comte) que je confie ma tres humble requête.

Je suis M-r le Comte de Votre Excellence...

45₁—неписанная страница.

Переходимъ теперь къ листу 104.

104₁—неписанная страница.

104₂. Зорю бьютъ...—II, 238.

Четвертый стихъ:

(Умъ) [1]) далече улетаетъ.

Тутъ-же верхомъ внизъ Олеговъ щитъ.—II, 245.

105₁. Верхомъ внизъ—окончаніе Олегова щита.—Рисунокъ: голова въ чалмѣ.

105₂. Дважды черновая «притча» [одинъ разъ карандашомъ, другой чернилами].—«Сапожникъ».—II, 253.

---

[1]) Тоже зачеркнутые—варіанты:

Мысль, духъ и сердце.

106[1].

Благословенъ и день, и часъ
Когда въ горàхъ... Кавказа
Судьба соединила насъ...

Рисунки: пейзажъ,—горы, черкесъ и черкешенка;—лица, въ томъ числѣ Наполеонъ и, можетъ быть, самъ Пушкинъ въ папахѣ. Помѣта: 25 мая, Коби.

106[2]. Калмычкѣ.—II, 240, см. выше л. 4[1]. Помѣта: 22 мая 1829 Капъ-Кай [см. V, 263]. Тутъ-же черновое письмо — вѣроятно къ Ч** см. въ Путешествіи въ Арзрумъ, V, стр. 267.

«Нѣсколько путешественниковъ, ѣдущихъ по казенной надобности, находятся здѣсь въ весьма затруднительномъ положеніи и рѣшились прибѣгнуть къ вашему покровительству, зная по слухамъ вашу снисходительность. Сдѣлайте милость послать къ стар.... (Мы готовы) заплатить. О семъ просятъ убѣдительнѣйше...., Бауманъ, гр. ... Пушкинъ и я. Примите...

107[1]. Опять черновое Калмычкѣ, см. 106[2]. Тутъ-же четыре стиха

И чувствую душа въ сей часъ
Твоей любви, тебя достойна,
Зачѣмъ-же не всегда [sic]
Чиста, печальна и спокойна.

—Рисунки: два лица.

107[2]. [Сверху вырванъ небольшой клочекъ].

15 мая.

Все тихо. На Кавказъ идетъ ночная мгла
Восходятъ звѣзды надо-мною;
Мнѣ грустно и легко, печаль моя свѣтла,

и т. д.,—какъ напечатано.—II, 238. [Отрывокъ: На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла]. Кромѣ восьми строчекъ было еще столько-же, но все исчеркано.—Тутъ-же верхомъ внизъ два стиха изъ Полководца: О, люди, жалкій родъ, и пр.—III, 400: см. 2374, л. 25[2].—Рисунки: лица.

108[1] — farewell, my frind,
« my fois.

Вдоль, съ боку:

Il'y avait dans les sentiments une abondance et dans les opinions une licence, qui me frappairent, quelque accoutumé que je fusse aux...

108[2] — неписанная страница.

XX.

№ 2383. Тетрадь въ листъ. На оберткѣ надпись [опекунская]: NB. Путешествіе въ Арзрумъ.—Тутъ-же: «90 листовъ. Дубельтъ». Такъ и есть—**90** листовъ. Нумерація только красная. Тетрадь сшита изъ листовъ, на которыхъ Пушкинъ писалъ на каждомъ отдѣльно, такъ что теперь приходится читать листы не въ порядкѣ нумераціи.

Привожу нѣкоторыя дополненія, изъ которыхъ главное касается Предисловія.

1₁. Заглавный листъ:

Предисловіе.
1835.
Спб.

Рисунокъ: цѣпь горъ.

1₂.

Предисловіе.

Сіи записки будучи занимательны только для немногихъ, никогда не были-бы напечатаны, еслибъ къ тому не побудила меня особая причина: прошу позволенія объяснить ее и для того войдти въ подробности очень неважныя, ибо онѣ касаются одного меня. [Продолженіе предисловія см. 3₁].

2₁.

МАРШРУТЪ ОТЪ ТИФЛИСА ДО АРЗРУМА.

Телеты	14 верстъ.	
Коды.	11 »	
Больш. Шулаверы . .	27 »	
Постъ Самисы. . . .	20 »	
» Акцибеукъ . .	19½ »	
Укрѣпл. Джелалъ-Оглу.	19½ »	
Гергерскій постъ. . .	13 »	переѣздъ чер. Безобдалъ.
Кишлякскій » . . .	16 »	
Амамлы	13 »	
Бекантъ.	15 »	
Укр. Гумры	27 »	
Сел. Джамумлы . . .	28 »	
» Халивъ-Оглы . .	18½ »	
Карсъ	21 »	
Сел. Котанлы	24 »	

Разв. Чирихли . . .	22 версты.
Рѣчка Инжа-су (гдѣ былъ лагерь нашъ съ 14-го по 18-ое іюня на вершинѣ Саганлуга). .	12 верстъ.
Рѣчка Гункеръ-су . .	13 »
Загинъ-су	16 »
Замокъ Зивинъ . . .	12 »
Сел. Ардасъ	24 »
» Кеприкёвъ . . .	26 »
(Мостъ на Араксѣ).	
Дер. Гассанъ-Кала . .	$14^1/_2$ »
Арзрумъ.	35 »

Другая дорога до Карса чрезъ Милидюзъ до Кеприкёва.

Село Котанлы. . . .	24 версты.
Ур. Дели-Муса-Пурунъ.	30 верстъ.
Разв. Караванъ-Сарая на вершинѣ Саганлугскихъ горъ.	12 »
Ур. Мили-Дюзъ, гдѣ былъ лагерь Гакки-паши	7 »
Замокъ Минджегертъ .	9 »
Р. Черникъ, при коей теплыя желѣзныя воды	$10^1/_2$ »
Дер. Хоросанъ . . .	12 »
» Кеприкёвъ . . .	25 »

2_2 — неписанная страница.

3_1. [Продолженіе предисловія; см. 1_2].

Въ 1829 году отправился я на Кавказскія воды. Въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Тифлиса, мнѣ захотѣлось туда съѣздить для свиданія съ братомъ и съ нѣкоторыми изъ моихъ пріятелей. Пріѣхавъ въ Тифлисъ, я уже никого изъ нихъ не нашелъ. Армія выступила въ походъ. Желаніе видѣть войну и сторону малоизвѣстную побудило меня просить у Е. С. графа Паскевича-Эриванскаго позволенія пріѣхать въ армію. Такимъ образомъ видѣлъ я блистательный походъ, увѣнчанный взятіемъ Арзрума.

Журналисты какъ-то о томъ провѣдали. Въ Газетѣ (политической) [1])

---

[1]) Скобки Пушкина. Было: „Сѣверной Пчелѣ“.

побранили меня не на шутку, за то, что по возвращеніи моемъ напечаталъ я стихотвореніе, не относившееся ко взятію Арзрума. Мы надѣялись, писалъ неизвѣстный рецензентъ, и пр. Одинъ изъ московскихъ журналовъ также пороптатъ на пѣвуновъ, не воспѣвшихъ успѣха нашего оружія.

Я, конечно, не былъ обязанъ писать по заказу гг. журналистовъ, къ тому-же частная жизнь писателя, какъ и всякаго гражданина не подлежитъ обнародованію. Нельзя было-бы, напримѣръ, напечатать въ газетахъ: мы надѣялись, что г. прапорщикъ такой-то возвратится изъ похода съ Георгіевскимъ крестомъ; вмѣсто того вывезъ онъ изъ Молдавіи одну лихорадку. Явно, что цензура этого не пропустила-бы.

Зная, что публика столь-же мало заботится о моихъ путешествіяхъ какъ и о требованіяхъ рецензентовъ, я не сталъ оправдываться. Но важнѣйшее обвиненіе заставляетъ меня прервать молчаніе.

89—90. Недавно попалась мнѣ въ руки, и т. д. — V, 254, все предисловіе до конца; въ концѣ помѣта: 3 апрѣля 1835.

Самое Путешествіе въ Арзрумъ [V, 256 — 305] занимаетъ листы **4—35, 63—88, 40—59** [въ такомъ порядкѣ: 4, 88, 5, 87, 6, 7, 86 и т. д.]

Въ самомъ путешествіи есть лишняго только латинская фраза къ стр. 292.

Мы осмотрѣли его въ присутствіи лѣкаря: erat vir, mamosus ut femina, habebat t. non evolutos p. que parvum et puerilem. Quaerebamus: sit ne exsectus? Deus, respondit, castravit me. Сія болѣзнь... [72[1]].

35[1]. Заглавный листъ:

Приложенія къ путешествію въ Арзрумъ.

35[2] — неписанная страница.

36, 62, 37, 61, 38, 60, 30 не рукою Пушкина: Notice sur la secte de Jezides.

Поправка къ **№ 2368**, л. 52[2] («Русская Старина», 1884 г., іюнь, стр. 547), примѣчаніе 3-е: вмѣсто напечатаннаго должно быть: Изъ газеты «Порядокъ» пѣсня о разбойникахъ перепечатана въ послѣднемъ изданіи неточно и съ пропускомъ 3-хъ стиховъ.

Сообщ. В. Е. Якушкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГЕРЦОГИНЯ АННА ИВАНОВНА ДО ВОСШЕСТВІЯ ЕЯ НА ПРЕСТОЛЪ

ВЪ ЕЯ ПИСЬМАХЪ.

I.

Къ графу Левенвольду.

1) [Собственноручно]. «Благородному графу Левенвольду и камергеру».

«Благородный графъ. Какъ я вашею склонностію всегда одолжена и впредь на васъ надежна, нынѣ прошу доложить ее императорскаго величества государыни матушки тетушки, что обѣщала мнѣ своего величества пожаловать прислать потретъ и чтобъ я имела щастіе ее величества милость на тезоіменитство ее императорскаго величества на себе иметь ее меня одолжите, а я есмь и пребуду вамъ всегда доброжелателная. Анна».

„Изъ Митавы.
18-й день октября 1726 году".

Надпись: «Господину графу Левенвольду».

2) Господинъ графъ. Благодарствую за показанную вашу ко мнѣ любовь впитербурхе, которая ваша любовь мнѣ весма памятна есть і никогда забыть немогу і прошу впредь быть ко мнѣ непремѣнну, а я есмь і всегда пребуду вамъ. Доброжелателная «Анна».

Изъ Митавы.
24-го дня сентября 1726.

3) Господинъ графъ. Попремногу благодарствую за вашу ко мнѣ склонность вбытность мою вмосквѣ чемъ меня ізволили весма одолжить і чрезъ сие прошу і впредь ко мнѣ неотмѣнну быть, а я всегда

неотмѣнно пребуду вмоей склонности, а о себе доношу сего іюня 4-го числа я приѣхала ксебѣ вмитаву вдобромъ здоровье. «Впротчеемъ пребываю всегда доброжелателная Анна».

Изъ Митавы.
8 іюня 1728.

«Прошу поднести ее высочеству государыне великой княжне мое писмо».

Надпись: «Господину графу Левенвольду».

4) Господинъ графъ. Поздравляю вамъ днемъ высочашего тезоименитьства его Імператорского величества і присемъ прошю вложенное сие писмо ея высочеству государыне великой княжне натали алексѣевне поднесть, а я есмь вамъ вседа пребуду «неотмѣнно доброжелателная Анна».

Изъ Митавы.
18 іюня 1728.

5) [Собственноручно]. «Господинъ графъ. Прошу васъ приложенное мое писмо вручить ее высочеству государыне великой княжне и напомнить ее высочеству, чтобъ милостиво приказала ко мне отписать чего сердешно желаю; при семъ прошу васъ неотменнымъ быть ко мне вашей склонности. Братъ вашъ у меня былъ и ныне опять его ксебе ожидаю, впрочемъ пребываю вамъ неотменно доброжелателная. Анна».

Изъ Митавы.
25 день іюня 1728.

6) Господинъ графъ. При семъ прилагаю писмо, прошю васъ ея высочеству государыне великой княжне наталиі алексѣевнѣ поднесть, впрочемъ есмь вамъ всегда неотмѣнно пребываю «доброжелателная Анна».

Ізъ Митавы.
1 іюля 1728.

7) [Переводъ]. Благородный графъ, ваше письмо я получила и вижу въ немъ удостовѣреніе въ вашей доброй ко мнѣ дружбѣ, а какъ я ею очень связана (дорожу), то приложу стараніе сохранить ее въ неизмѣнности; при этомъ спѣшу прибѣгнуть къ вамъ и сообщить, что нѣсколько дней тому назадъ прибывшій сюда тайный совѣтникъ Ратскій (о которомъ впрочемъ я досего ничего не знала) доставилъ мнѣ, изъ

верховнаго совѣта въ Москвѣ, приказъ, въ силу котораго обязываюсь я виндавскій лицеатъ уступить герцогу Фердинанду. Между тѣмъ еще въ 1720 году, когда всѣ слѣдующіе къ передачѣ герцогу сборы, по бывшимъ повелѣніямъ его величества покойнаго государя, нарочито были приводимы въ извѣстность, помянутый лицеатъ, какъ принадлежность къ виндавскому округу, отдѣленъ былъ на мою вдовью долю и отданъ мнѣ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, нашлась я вынужденною отправить съ своими возраженіями по этому предмету камеръ-лакея; но какъ для болѣе успѣшнаго веденія дѣла я лучшаго заступничества ему указать не могла, какъ лишь на ваше содѣйствіе, то разсчитывая на вѣрность дружбы вашей, обращаюсь къ вамъ и прошу означенному камеръ-лакею, который имѣетъ при себѣ письма къ князю Долгорукову, барону Остерману и другимъ, доставить благопріятный случай къ безопасной и вѣрной доставкѣ ихъ и позаботиться о скорѣйшемъ осуществленіи моего ходатайства. И такъ надѣюсь, что вы во всякомъ случаѣ употребите въ мою пользу всѣ необходимые доводы, чтобы мнѣ предоставлена была возможность къ спокойному владѣнію моимъ вдовьимъ достояніемъ. Услуга эта останется всегда въ памяти моей и при всякомъ случаѣ буду помнить это одолженіе, пребывая къ вамъ всегда неизмѣнной и вполнѣ преданной. Анна.

Митава.
14 день августа 1728 г.

P. S. Прилагается у сего копія переведенныхъ писемъ къ кн. Долгорукову и барону Остерману.

(Подлинникъ). Hochgebohrner Herr Graff. Euere Hochgeb. geehrtes Schreiben habe wohl erhalten, und daraus die Versicherung Ihrer guten Freundschafft bemercket: wie ich nun dafür sehr verbunden bin; so werde solche unverändert beizubehalten jeder Zeit bedacht seie. Hirbei habe meine Zuflucht zu Ihnen nehmen, und Sie berichten wollen, wie dasz der vor wenigen Tagen hier angeckommene geheimbte Rath Ratzkÿ (von welchen ich sonst gar nichts gewust) aus dem hohen Conseil in Moscau ein Befehl an mir ausgewirket und mitgebracht, vermöge welchen ich das Windausche Liceat an dem Herzoge Ferdinand abzutreten gehalten seien solle. Wann aber gedachtes Liceat schon zur Zeit A° 1720, da alle Zölle auffergangener Ordre von Ihre Majestet den Gott seelig. Kaiser an dem Herzoge cediret werden müszen, expresse eximiret, und mir als ein dependence von dem Windauschen Ambte zu meinem Wittwen Thum mit angerechent, und gelaszen worden; So habe bei so gestellten Sachen mit meiner Remonstration gegenwärtigen meinen Cämmer Laquayen abzufertigen mich gemüsziget befunden. Weil ich aber demselben zu seiner schleinigen Expedition keinen beszeren access als die vielvermögende Beihülfe von Euere Hochgeb. zu procuriren weisz; so habe in dem zuversichtlich vertrauen zu der amitié mich an Sie addressiren, und ganz freundlich ersuchen wollen,

gedachten meinen Cämmer Laquayen zu sicherer und gewiszer Einhändigung der von mir an dem Fürsten Dolgorouky und Baron von Ostermann, wie auch noch an andern, bei sich habenden Brieffen, Gelegenheit zu verschaffen und dem selben eine baldige Expidition zu besorgen. Wie ich dann dannächst mich mit der Hoffnung flatire; es werden Euere Hochgeb. sich gleichfalsz angelegen sein lassen in meinem Besten alle dienliche Vorstellung zuthun, dasz ich in dem ruhigen Besitz meines Wittwen Thums gelaszen werden möge. Ich werde dieszen mir hier unterwiesenen Dienst nicht nur allein alle Zeit in frischen Andenckhegen und bei aller Gelegenheit zu demeriren wiszen, sondern auch ungeändert verbleibe Euere Hochgebr. Vollaffectionirte Anna.

Mitau
d. 14 Aug. 1728.

P. S. Beiliegendes: ist Copeÿ des translatirt Briefes an dem Fürsten Dolgoroukoÿ und Baron von Ostermann.

II.

Къ императору Петру II.

Всепресвѣтлѣйшиі государь імператоръ. Вашему імператорскому величеству слезно нижайше доношу, что мое справедливые претензиі супротиво бестужева зле ведуще диспозицію і прегрешения чрезъ определенную камисию почитай цело годъ продолжаются ібо чрезъ различные волокиты непотребныя отговорки і неслыханные ответы употребляется меня выску моемъ утомить і то дело продолжить; я принуждена признавать, что я бестужева качеству сначала много верила взрение понеже его імператорское величество достохвально памети его мнѣ яко праведного домосодержателя определить соизволилъ і все указы і асигнациі уповая на вѣрность его несмотря і нечитая собственноручно подписывала, а понеже вследующие времена усмотрела что меня ѳальшиво обманулъ къ великому убытку моему, то принуждена справедливые жалобы, которые верны суть, вашему імператорскому величеству представить і бить челомъ на такого неправедного домосодержателя внадеяниі скораго услышани прошения моего і скорого окончания представленного дела, а понеже отъ вашего імператорского величества почита уже годъ определенная камисия нескоро поступаетъ і дело склоняетъ на другую сторону, чево ради вашего імператорского величества покорнеше прошю камисиі усердно повелеть, чтобъ наискорея мое поданныя жалобы справедливе выслушала і вершила ібо боле убытку о томъ делать мне невозможно іли когда того неможетъ зделатся другую камисію вригу назначить і учредить тогда вкратце упомянутого бестужева невправедномъ і зело вредителномъ

домосодержанiи преодолею принадлежащимъ канцелярскимъ книгами i свидетелми чево мнѣ ради далного разстояния отъ москвы невозможно зделать ваше iмператорское величество, которого я яко отца почитаю до соблаговолитъ соотеческой милости прошение мое всемилостивейше принять и повелеть дело мое вершить которою высокою милостию впредки себя удостоитъ ревностно буду домогатся i вжизнь пребываю вашего iмператорского величества верная i кслужбѣ должная Анна.

Изъ Митавы.
27 день августа 1729 году.

III.

Къ кн. Ивану Федоровичу Ромодановскому.

Князь Иванъ Федоровичъ, поздравляю ваше сиятельство снаступающимъ симъ новымъ годомъ i желаю дабы васъ всевышни богъ вдолголетъстви здравия i во всякомъ благополучномъ сщасти благословить соизволилъ, а я есмь вамъ i всегда пребуду доброжелателная Анна.

Iзъ Митавы.
21 декабря 1728.

IV.

Къ «княгине Настасье Өедоровне Ромодановской».

1) [Собственноручно]. Княгиня Настасiя Өедоровна. Немогла, чтобъ квамъ неотписать са Авдотьею Ивановною, о каторой васъ прошу быть кней ласковой, ана вамъ о мне скажетъ, что я здарова i пребываю вамъ неотменно доброжелателная Анна.

Изъ Митавы.
10 день генваря 1729 году.

«Князь Ивану Өедоровичу, дочке вашей i зятю вашему отъ меня поклонись».

2) Княгиня Настасья Өедоровна. Писмо ваше я вчера получила, за каторая i запоздравления мне спразникомъ Светыя Пасхи благодарству прошу i впретъ меня неоставить вписмахъ вашихъ о вашемъ здаровьи i князь Iвана Өедоровича здоровье, такъ же i дочки вашей i зятя, что мнѣ приятно изволишь верить, что я васъ iстенно люблю

і ныне обрадовалась, что вы меня вспомнили і отписали комне, а я отъ сестрицъ своихъ давно писемъ невижу, при семъ прошу отъ меня поклонится князь Івану Өедоровичю і Михаилу Гавриловичю і пребываю вамъ неотменно доброжелателная **Анна.**

Изъ Митавы.
19 день апреля 1729 году.

Екатерина Івановна благодарствую за ваше приписание вписме матушки вашей, прошу і впреть меня неоставить ввашихъ писмахъ, чего всегда желаю.

Сообщ. 8-го марта 1874 г. **П. И. Барановъ.**

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢЕВНА

ВЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ БЫВШЕЙ ЕЯ ФРЕЙЛИНЫ. КН. С. А. МАДАТОВОЙ.

(Переводъ съ французскаго).

I.

Я чувствую постоянно угрызеніе совѣсти и не перестаю сожалѣть о томъ, что по сіе время (1873 г.) не собралась передать бумагѣ все, что могло бы напомнить мнѣ покойную императрицу Елисавету Алексѣевну.

Между тѣмъ одиночество, въ которомъ я очутилась послѣ смерти моего мужа, огорченіе и грусть по поводу того, что заслуги его были такъ мало оцѣнены, привели меня въ такое уныніе, что у меня не было иной мысли, какъ собрать нѣкоторыя воспоминанія и напечатать ихъ. Съ тѣхъ поръ сорокъ лѣтъ протекло для меня въ горѣ и нуждѣ; наконецъ, я свыклась съ лишеніями и собираюсь теперь съ духомъ исполнить священный долгъ, за пренебреженіе которымъ я упрекала себя каждый день.

Я имѣла счастіе находиться при особѣ государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны послѣднія восемь лѣтъ ея жизни и за все это время сохранила лишь воспоминаніе о ея милостяхъ. Я была назначена къ ней во фрейлины по предложенію императора Александра I, слѣдовательно воспоминанія мои могутъ относиться лишь къ послѣднимъ годамъ жизни императрицы.

Всѣмъ извѣстно, что государыня была привезена въ Петербургъ съ двумя ея сестрами, матерью ихъ, маркграфиней баденской, и что императрица Екатерина избрала въ супруги великому князю Александру Павловичу 13-ти лѣтнюю принцессу Елисавету Алексѣевну, которая очаровала ее съ перваго раза.

Замѣчательная красота, въ соединеніи съ граціозной, изящной осанкой, любезный характеръ и природный умъ дѣлали ее достойной великаго князя, обладавшимъ такими же качествами въ соединеніи съ отличнымъ воспитаніемъ. Эта молодая, интересная чета возбуждала всеобщій восторгъ. Насколько мнѣ извѣстно, Елисавета Алексѣевна получила хорошее образованіе, занималась изученіемъ языковъ и много и съ пользою читала.

Эта государыня соединяла въ себѣ рѣдкія качества ума и сердца; ея кроткій, любезный характеръ очаровывалъ всѣхъ, кто имѣлъ счастіе приблизиться къ ея особѣ. Своимъ пріятнымъ, симпатичнымъ голосомъ она могла обезоружить всякаго, явившагося къ ней съ жалобою или съ какимъ нибудь объясненіемъ. Врожденная грація, о которой разсказываютъ всѣ видѣвшіе ее при пріѣздѣ ея въ Россію, и стройный станъ дѣлали ее подобной нимфѣ. Много говорили въ свое время объ извѣстныхъ играхъ (jeu de barres), устроивавшихся въ Царскомъ Селѣ императрицею Екатериною, на которыхъ юная великая княгиня восхищала всѣхъ присутствующихъ, бѣгая съ легкостью и граціей мотылька. Елисавета Алексѣевна обладала восхитительнымъ голосомъ и брала уроки пѣнія; она имѣла также особенную охоту къ языкамъ, пользовалась уроками лучшихъ преподавателей и знаніе языковъ дѣлало ей доступнымъ все изящное въ области науки и словесности. Она, какъ я сказала уже выше, имѣла особенный даръ разсказывать, поэтому императоръ Александръ говаривалъ, что, не имѣя времени много читать по причинѣ государственныхъ дѣлъ, онъ обязанъ императрицѣ свѣдѣніями обо всемъ, что выходило въ свѣтъ любопытнаго; — супруга разсказывала ему о прочитанномъ во время обѣда.

Вкусы императрицы были до крайности просты, она никогда не требовала даже самыхъ пустяшныхъ вещей для убранства своихъ комнатъ, даже не приказывала никогда приносить цвѣты и растенія; однако, надобно замѣтить, что это дѣлалось ею отнюдь не изъ равнодушія къ этимъ предметамъ, а единственно изъ желанія никого не безпокоить. Она любила посидѣть въ Петергофѣ на камнѣ, на морскомъ берегу, глядя на суетню рыбаковъ. Любимѣйшими ея удовольствіями были морское купанье и верховая ѣзда; государыня говаривала, что, увлекшись ими, она въ состояніи забыть всѣ горести жизни. Когда, будучи пожалована, по предло-

женію императора, во фрейлины къ ея особѣ, я представлялась ей, то она встрѣтила меня словами: „прошу васъ объ одномъ, будьте чистосердечны“. За то же я обожала ее и, съ своей стороны, пользовалась милостями императрицы и благоволеніемъ государя до самаго отъѣзда моего послѣ свадьбы изъ Царскаго Села въ Грузію.

Весною, не помню хорошенько какого именно года, дворъ переѣхалъ на Каменный островъ, а вскорѣ затѣмъ и въ Царское Село, откуда государь Александръ Павловичъ пріѣзжалъ на Каменный вмѣстѣ съ императрицею каждую недѣлю, на двое или трое сутокъ для занятій съ министрами.

Когда въ 1818 г. государь отправился на конгрессъ въ Лайбахъ, то императрица выѣхала вслѣдъ за нимъ, чтобы навѣстить тѣмъ временемъ свое семейство въ Карлсруэ. Она останавливалась на трое сутокъ въ Дармштадтѣ у сестры своей, великой герцогини; престарѣлый герцогъ, страстный любитель музыки, угостилъ насъ оперою своего сочиненія и самъ дирижировалъ на репетиціи.

Изъ Дармштадта мы отправились въ Веймаръ, гдѣ насъ приняла очаровательная великая княгиня Марія Павловна и ея супругъ. Тутъ я познакомилась съ Гете, который въ это время былъ уже довольно старъ и весь поглощенъ чтеніемъ библіи; онъ же руководилъ воспитаніемъ обѣихъ молодыхъ принцессъ, дочерей владѣтельнаго великаго герцога. Изъ Веймара императрица Елисавета отправилась въ Мюнхенъ къ сестрѣ своей, супругѣ короля Максимиліана. У нихъ было шесть прелестныхъ дочерей, и всѣ онѣ сдѣлали впослѣдствіи весьма блестящія партіи, такъ одна была королевой прусской, другая—королевой саксонской, третья—императрицей бразильской. У баварскаго короля была еще одна дочь отъ перваго брака, въ замужествѣ за принцемъ Евгеніемъ Богарне.

Изъ Мюнхена мы отправились прямо въ Карлсруэ, гдѣ императрица помѣстилась въ домѣ матери своей, маркграфини. Отецъ ея, владѣтельный герцогъ, былъ въ то время боленъ и находился въ Баденѣ, куда императрица ѣздила навѣщать его; осенью того же года онъ скончался въ Карлсруэ и мы присутствовали при его погребеніи. Императрица проводила время въ семействѣ своей матери, а сестра ея, королева шведская,

замѣчательная красавица, жила въ это время въ Карлсруэ, но также провела нѣсколько мѣсяцевъ въ Брукзальскомъ замкѣ, резиденціи маркграфини, гдѣ мы провели все время винограднаго сбора. Здѣсь же посѣтила императрицу Елисавету Алексѣевну и вдовствующая государыня Марія Өеодоровна, ѣздившая за границу для свиданія съ августѣйшими своими дочерьми. Королева виртембергская Екатерина Павловна также пріѣзжала въ Брукзаль и взяла съ нашей императрицы слово посѣтить ее въ Штутгартѣ на обратномъ пути въ Россію. По окончаніи конференцій въ Лайбахѣ, весь Баденъ и мы всѣ были осчастливлены прибытіемъ императора Александра Павловича. Радость и восторгъ были всеобщіе.

Пробывъ здѣсь нѣсколько дней, нашъ обожаемый монархъ уѣхалъ и императрица, простившись съ родными, также двинулась въ путь съ намѣреніемъ отдать визитъ королевѣ виртембергской. Каково же мы были поражены, когда при въѣздѣ въ городъ узнали, что королева скончалась скоропостижно отъ удара. Императрица не могла въѣхать въ городъ, оставалось продолжать нашъ путь. Потеря королевы для края была ужасна; до сихъ поръ память о ея благодѣяніяхъ жива въ признательныхъ сердцахъ.

По возвращеніи въ Петербургъ, императрица Елисавета Алексѣевна стала вести прежній образъ жизни, заботилась какъ всегда о своихъ бѣдныхъ и объ учебныхъ заведеніяхъ, основанныхъ на ея средства, въ которыхъ преподаваніе пошло такъ хорошо, что теперь ихъ можно сравнить съ самыми старинными заведеніями.

Государыня отличалась замѣчательною самоотверженностью, такъ напримѣръ, она постоянно отказывалась брать милліонъ дохода, который получаютъ императрицы, довольствуясь 200 тыс., которыя ассигнуются великимъ княгинямъ. Всѣ 25 лѣтъ императоръ уговаривалъ ее брать эти деньги, но она всегда отвѣчала, что Россія имѣетъ много другихъ расходовъ и брала на туалетъ, приличный ея сану, всего 5 тыс. въ треть, что составляло 15 тыс. въ годъ. Все остальное издерживалось ею исключительно на дѣла благотворительности въ Россіи и на учрежденіе воспитательныхъ заведеній, какъ-то: Дома Трудолюбія (нынѣ Елисаветинскій институтъ), Патріотическаго института,

основаннаго для сиротъ войновъ, убитыхъ въ отечественную кампанію.

Шесть мѣсяцевъ въ году императрица Елисавета Алексѣевна проводила за городомъ; она любила ѣздить верхомъ и сказала мнѣ однажды, что, купаясь въ морѣ или катаясь верхомъ, она забываетъ всѣ житейскія невзгоды. Въ Петергофѣ она, какъ сказано выше, любила слѣдить за занятіями рыбаковъ, усѣвшись на камнѣ на берегу моря, близь эрмитажа.

Около 1824 г. здоровье императрицы замѣтно ухудшилось; она стала часто прихварывать; тогда императоръ приказывалъ обыкновенно вносить въ ея комнату свой рабочій столъ и просиживалъ съ нею часовъ по пяти въ день.

Во время пребыванія въ Царскомъ Селѣ, государь съ государыней обѣдали обыкновенно на колонадѣ.

На большіе обѣды, даваемые довольно часто, приглашались, по очереди, служащіе золотой роты съ ихъ женами, жившими въ китайской деревнѣ. Въ обыкновенные дни, когда не бывало гостей, государь съ государыней обѣдали вдвоемъ, также на колонадѣ, а прислуживавшій имъ гоффурьеръ являлся только по звонку.

Императоръ любилъ слушать, когда императрица разговаривала; онъ высказалъ однажды одной дамѣ, что для него составляетъ истинное удовольствіе слушать какъ императрица разсказываетъ что либо прочитанное ею. Она обладала удивительнымъ даромъ слова.

Императрица никуда не выѣзжала, посѣщая лишь одну вдовствующую государыню Марію Θеодоровну († 1828 г.); лѣтомъ же, когда государь отправлялся путешествовать, императрица Елисавета жила въ совершенномъ уединеніи. Однажды ей вздумалось покататься въ окрестностяхъ Царскаго Села; она заранѣе радовалась этой поѣздкѣ, но, поговоривъ съ шталмейстеромъ, отказалась отъ удовольствія, говоря: „это сопряжено съ затрудненіями“. Ея самоотверженіе проявлялось рѣшительно во всемъ, касавшемся ея лично. Она никогда не обнаруживала неудовольствія, если что выходило не по ней, напротивъ, настроеніе духа всегда было ровное. Пріятный звукъ ея голоса могъ очаровать самаго равнодушнаго человѣка, а ея симпатичный взглядъ располагалъ въ ея пользу самыхъ холодныхъ людей.

II.

Въ 1824 г. я вышла замужъ, свадьба моя была первая, вѣнчанная въ церкви Царскосельскаго дворца. Двѣ недѣли спустя мы уѣхали въ Тифлисъ, а оттуда въ имѣнье моего мужа въ Карабасъ. Тутъ я имѣла счастье получить письмо отъ императрицы, въ отвѣтъ на мое, въ которомъ она описывала насколько здоровье ея пострадало отъ наводненія. Здоровье императрицы, требовавшее переселенія въ болѣе теплый климатъ, начало внушать опасенія. Доктора предписывали поѣздку въ Италію, но государыня и тутъ, какъ во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся ея лично, выказала свое самоотверженіе, выразивъ желаніе, чтобы для нея не сѣяли деньгами за границею, и вмѣсто Италіи избрала Таганрогъ. Императоръ отправился туда нѣсколькими недѣлями ранѣе, чтобы приготовить для нея помѣщеніе.

Для высочайшихъ посѣтителей былъ нанятъ небольшой, скромный домикъ. Императоръ съ особенною заботливостью хлопоталъ о томъ, чтобы устроить его какъ можно удобнѣе для августѣйшей больной. Въ этомъ уединенномъ уголку нечего было и думать о роскоши; императоръ старался подыскать лишь сколько нибудь удобную мебель. Говорятъ, будто онъ разставлялъ собственными руками каждый стулъ, каждый столъ, и старался придумать, что могло бы быть пріятнымъ для нея.

По прибытіи императрицы, царственные супруги не разставались, гуляли вмѣстѣ. Но несчастная поѣздка императора въ Крымъ, гдѣ онъ простудился при посѣщеніи монастыря св. Георгія, прекратила вскорѣ эту мирную жизнь, это добровольное изгнаніе изъ свѣта!

Докторъ Вилье и генералъ Дибичъ, сопровождавшіе императора, вмѣсто того, чтобы дать ему потогоннаго, принудили его выпить три стакана пунша, что и вызвало горячку. Вилье изъ упрямства не хотѣлъ посовѣтываться съ мѣстными врачами, болѣе знакомыми съ климатомъ страны; ни одинъ изъ нихъ не былъ допущенъ къ больному, не смотря на ихъ желаніе спасти жизнь обожаемаго монарха. Въ этомъ случаѣ слѣдовало прописать десятки гранъ каломеля—и драгоцѣнная жизнь была бы спасена! Бредъ продолжался нѣсколько дней; государыня не отходила отъ

постели больного. Лица, бывшія свидѣтелями этихъ горестныхъ сценъ, вѣроятно описали послѣднія минуты жизни великаго монарха и глубокую скорбь императрицы.

Я не могла исполнить своего желанія и тотчасъ отправиться въ Таганрогъ. Мужъ мой былъ въ отсутствіи; онъ долженъ былъ отправиться въ Дагестанъ для приведенія къ присяги жителей, оказавшихъ сопротивленіе, когда, послѣ присяги, принесенной ими Константину, имъ пришлось присягать вторично Николаю. Одна я не могла отважиться на путешествіе изъ Тифлиса въ Таганрогъ. Когда я выразила императрицѣ письменно мое искреннее сожалѣніе по этому поводу, то она поручила Н. Лонгинову отвѣтить мнѣ, что „мы увидимся въ иномъ мѣстѣ".

Я ожидала съ нетерпѣніемъ возвращенія моего мужа. Между тѣмъ было рѣшено перевезти тѣло покойнаго государя въ столицу. Императрица сопровождала его, больная, слабая, съ нетерпѣніемъ ожидая свиданія съ вдовствующей государыней, ѣхавшей ей на встрѣчу, чтобы оплакать вмѣстѣ ихъ горькую утрату. Онѣ должны были съѣхаться въ Бѣлевѣ. Князь Волконскій назначилъ на этотъ день слишкомъ усиленный переѣздъ—въ 100 верстъ. Императрица, не взирая на утомленіе, приняла городскихъ властей, говорила съ ними, затѣмъ легла въ постель, не произнеся ни одной жалобы, и думала лишь о предстоявшемъ ей свиданіи съ императрицею Маріею Ѳеодоровною, которую она ожидала съ нетерпѣніемъ. Камеръ-юнгфера, спавшая въ сосѣдней комнатѣ, слышала ночью стоны, а въ шестомъ часу утра ея камеръ-юнгфера, войдя въ спальню безъ зова, нашла ее мертвою и уже похолодѣвшею! Она скончалась одна, какъ будто никто не былъ достоинъ принять ея послѣдній вздохъ. Вдовствующая государыня императрица Марія Ѳеодоровна прибыла въ Бѣлевъ въ 10 часовъ утра и не застала императрицу Елисавету въ живыхъ.

Я весьма сожалѣю, что мнѣ было невозможно проѣхать по этой мѣстности одной въ зимнюю пору и не удалось ухаживать за обожаемой мною императрицей и быть ей чѣмъ нибудь полезной.

Съ этимъ царствованіемъ кончилось и наше благосостояніе.

III.

Не смотря на усердіе и блистательные военные подвиги мужа моего въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, въ особенности же подъ Елисаветполемъ,—подвиги, спасшіе Грузію, завистники успѣли умалить цѣну его заслугъ.

Паскевичъ, человѣкъ ничтожный и ограниченный, съумѣлъ однако приписать себѣ чужую славу; гнусными происками и ложью онъ вынудилъ мужа моего сложить съ себя начальство надъ лѣвымъ флангомъ и возвратиться въ Тифлисъ (въ 1827 г.) изъ опасенія, чтобы мой мужъ не вступилъ въ Таврисъ ранѣе его. Тѣмъ не менѣе Муравьевъ вступилъ туда тремя недѣлями ранѣе Паскевича, который въ это время волокъ тяжелую артиллерію для бомбардированія Тавриса, расположеннаго на равнинѣ. Незнакомый съ мѣстностью, онъ подвергалъ войска болѣзнямъ, назначая въ жаркое время стоянки въ нездоровыхъ мѣстностяхъ. Солдаты роптали и самъ адъютантъ Паскевича разсказывалъ, что солдаты говорили: „если бы мы были подъ начальствомъ кн. Мадатова, то не терпѣли бы отъ болѣзней". Паскевичъ не могъ никогда простить Муравьеву того, что онъ вступилъ въ Таврисъ ранѣе его. Пять мѣсяцевъ пришлось мужу моему пробыть въ знойномъ Тифлисѣ, страдая отъ бездѣйствія и тщетно испрашивая позволенія возвратиться въ Петербургъ для объясненій. Наконецъ, онъ рѣшился отправить меня одну.

Я направилась по дорогѣ въ Таганрогъ, желая поклониться скромному жилищу, гдѣ императоръ Александръ Павловичъ кончилъ свою жизнь.

Спальня его была обращена въ часовню; мѣсто, гдѣ стояла кровать, обведено черною чертою, а надъ нимъ повѣшенъ образъ Спасителя. Я съ жадностью слушала разсказы мѣстныхъ жителей о пребываніи въ Таганрогѣ августѣйшихъ почившихъ, изливавшихъ и тутъ, какъ въ теченіи всей ихъ жизни, свое благоволеніе на всѣхъ окружавшихъ.

Едва успѣла я прибыть въ Петербургъ, какъ курьеръ отъ Дибича вручилъ мнѣ письмо, которымъ генералъ извѣщалъ меня, что императоръ Николай Павловичъ разрѣшилъ мужу моему возвратиться въ Петербургъ. Таковы были происки этихъ господъ противъ моего мужа!

Княгиня С. А. Мадатова.

Спб. 16 феврал 1873 г.

Письмо императрицы Елисаветы Алексѣевны

къ Сергѣю Семеновичу Уварову.

Воскресенье. 1 іюня.

(Переводъ съ французскаго). Я была весьма опечалена, милостивый государь, получивъ отъ васъ извѣстіе о кончинѣ графини Разумовской. Г-жа Уварова не можетъ сомнѣваться въ томъ участіи, съ какимъ я отношусь къ ея вполнѣ естественному горю, и если бы я не уѣзжала черезъ нѣсколько часовъ въ Царское Село, то непремѣнно навѣстила бы ее.

Благодарю васъ, м. г., за ваше вниманіе, что вы поспѣшили первый извѣстить меня о событіи... (?) припишите тому участію, съ какимъ я отношусь къ вамъ и къ г-жѣ Уваровой во всемъ, касающемся вашихъ привязанностей. Надѣюсь, что мнѣ удастся въ скоромъ времени подтвердить это лично. Елисавета.

Dimanche, 1 juin.

J'ai été péniblement surprise en apprenant par Vous, monsieur, la mort de la comtesse Razoumovsky. Madame Ouvaroff ne peut douter de la part que je prends à sa juste douleur, et si je ne partais pour Zarske Selo dans quelques heures, je serai venue la voir.

Recevez mes remerciments de l'attention que vous avez eu, monsieur, de m'annoncer le premier un événement... (?) rendez à l'interêt que je porte à vous et à m-me Ouvaroff dans tout ce qui a rapport à Vos affections. J'espère avant peu être à même de Vous en répéter l'assurance de vive voix.

Elisabeth.

От редакціи. Прекрасный портретъ императрицы Елисаветы Алексѣевны († 1826 г.), супруги императора Александра Павловича, геліографическій снимокъ съ работы знаменитаго Клаубера, приложенъ при январьской книгѣ „Русской Старины" изд. 1834 г., томъ XLI. Тамъ же помѣщенъ и характеристическій очеркъ этой государыни, принадлежащій гр. С. С. Уварову. Въ этой книгѣ помѣщаемъ, написанный для насъ княгиней Мадатовой, нынѣ покойной, и сообщенный намъ въ 1873 г., другой очеркъ императрицы Елисаветы, при которой княгиня Софья Александровна Мадатова, рожд. Муханова, состояла фрейлиной. Княгиню мы знали уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Вдова знаменитаго кавказскаго полководца кн. Мадатова, сокрушившаго персіянъ и многократно отличавшагося въ горной войнѣ съ черкесами, она благоговѣла къ памяти своей государыни, которая, съ своей стороны, очень ее любила. Сама княгиня была въ высшей степени добрая и образованная личность. Чрезвычайно начитанная, она не останавливалась предъ трудомъ прочтенія самаго серьезнаго и сухого сочиненія. Вспоминаемъ интересный фактъ: однажды у

П. А. Муханова, своего близкаго родственника, въ 1870 году, княгиня Мадатова просто сообщила, что въ этомъ (1870) году она въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ прочитала „Дѣянія Петра Великаго“ Голикова! Кто знаетъ тяжеловѣсность языка этого многотомнаго творенія и замѣчательную несккладицу во всемъ его планѣ, тотъ пойметъ, какой трудъ кн. С. А. Мадатова исполняла и исполнила, какъ заявляла намъ, съ наслажденіемъ.

Чтя память своего мужа, она издала его біографію съ портретомъ и все второе изданіе этого труда, принадлежавшаго перу А. С. Хомякова, съ дополненіями подъ ред. А. И. Рыжова, разослано подписчикамъ „Русской Старины“ въ 1875 году все, до послѣдняго экземпляра.

Ред.

Академикъ-граверъ Л. А. Сѣряковъ.

Къ перечню его произведеній.

Къ помѣщенной въ „Русской Старинѣ“ изд. 1881 года, іюнь, статьѣ Н. П. Собко: „Жизнь и произведенія гравера Л. А. Сѣрякова“, приложенъ списокъ всѣхъ работъ этого гравера. Въ этомъ спискѣ не упомянуты слѣдующія его гравюры:

Новыя сказки Андерсена. Изд. Трубниковой и Стасовой. Спб. 1868 г. Съ портретомъ Андерсена, рѣзаннымъ на деревѣ Л. А. Сѣряковымъ.

Отдѣльно: Охота императора Александра II. Охотникъ и сибирскія собаки. Рисовалъ на деревѣ Ф. Тейхель, грав. Л. А. Сѣряковъ.

Всемірная Иллюстрація. Спб., изд. г. Гоппе 1876—1878 гг.: 1) Церковь Покрова Пресвятыя Богородицы въ селѣ Филяхъ подъ Москвою. Рисовалъ П. Ф. Борель, грав. Л. А. Сѣряковъ (1876 г., № 375, стр. 194). Портретъ Н. А. Некрасова. Съ фотографіи рис. П. Ф. Борель, грав. Л. А. Сѣряковъ (1877 г., № 435, стр. 348). Тотъ же портретъ перепечатанъ тамъ же въ 1878 г., № 470, стр. 32.

А. П. Полетаевъ.

20-го сентября 1884 г.
г. Кострома.

Холера въ С.-Петербургѣ въ 1831 году.

Разсказъ современника и очевидца.

Въ 1831 году, находясь на службѣ въ гвардіи, я былъ свидѣтелемъ всего смутнаго холернаго времени, и, по сохранившимся у меня того времени запискамъ, а также по оффиціальнымъ документамъ, находящимся въ публичной библіотекѣ, я могу представить читающей публикѣ небольшой, но правдивый разсказъ обо всемъ, что вокругъ меня тогда дѣлалось, и какія мѣры правительствомъ были принимаемы для отвращенія сей ужасной болѣзни.

И. Х.

I.

Первое извѣщеніе о появленіи холеры въ столицѣ, въ 1831 году, мы находимъ въ объявленіи генералъ-губернатора жителямъ, отъ 19-го іюня 1831 г.

Въ газетахъ того времени было сказано:

«По извѣстіямъ, полученнымъ изъ Риги и нѣкоторыхъ приволжскихъ городовъ о появленіи въ нихъ холеры, приняты были всѣ мѣры къ огражденію здѣшней столицы отъ внесенія сей болѣзни; по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ изъ мѣстъ зараженныхъ и сомнительныхъ, учреждены были карантинныя заставы; всѣ письма, вещи и посылки, оттуда получаемыя, подвергались рачительной окуркѣ. Словомъ, сдѣлано все къ предотвращенію сего бѣдствія, но, не смотря на всѣ сіи предостереженія, холера, по нѣкоторымъ признакамъ, проникла въ Петербургъ...» и проч.

Были ли, дѣйствительно, полезны таковыя мѣры правительства, и приносили ли онѣ хотя малѣйшую пользу народонаселенію—можно видѣть изъ слѣдующаго. Въ 1830 году, зимой, когда въ Москвѣ появилась холера, то Царское Село, въ которомъ имѣла пребываніе цар-

ская фамилія, было оцѣплено. Карантинная застава была устроена на московскомъ шоссе, на станціи Ижора. Баталіонъ гвардейскаго полка, въ которомъ я служилъ, былъ назначенъ въ Ижору, для оцѣпленія Царскаго Села и для исполненія карантинной службы.

Тысячные обозы, идущіе съ юга Россіи, и множество окрестныхъ крестьянъ, ѣдущихъ съ провизіею, сѣномъ и овсомъ въ столицу, всѣ были у заставы останавливаемы и окуриваемы.

Вся улица по шоссе была запружена обозами. Начальства и распоряженія никакого Можно себѣ представить, какой хаосъ царствовалъ на мѣстѣ! Все дѣлалось какъ-нибудь. Какъ вся эта процедура окуриванія происходила и былъ ли устроенъ лазаретъ или что-нибудь подобное,—я сказать не могу, потому что только и зналъ дежурство, караулъ у заставы и цѣпь, расположенную по берегу рѣчки Ижоры, для наблюденія, чтобы люди, не бывшіе въ карантинѣ, не пробирались по льду въ Царское Село.

Разъ, когда я стоялъ въ караулѣ у заставы, проходилъ ночью въ Петербургъ ремонтъ казенныхъ лошадей, и, протиснувшись сквозь стоявшіе по шоссе обозы, сталъ скучиваться у заставы. Ведущій ремонтъ унтеръ-офицеръ входитъ ко мнѣ въ устроенную въ избѣ караульню, показываетъ видъ и убѣдительно проситъ ихъ не задерживать, такъ какъ они должны на другой день прибыть въ Петербургъ, и что люди и лошади только по то число разсчитаны продовольствіемъ. Видя изъ маршрута, что ремонтъ долженъ Царское Село миновать, а имѣть отдыхъ въ подгорномъ Пулковѣ и принимая во вниманіе его законныя требованія, я ремонтъ пропустилъ, наказавъ унтеръ-офицеру Царское Село обойти, а пробираться въ Пулково по окрестнымъ проселкамъ.

Исполнилъ ли онъ мое приказаніе или нѣтъ, не вѣдаю, но знаю, что на другой день, за таковое мое распоряженіе, меня, по карантинному уставу, чуть-чуть не отдали подъ судъ, отъ котораго я только избавился благодаря тому, что само правительство, убѣдясь въ неосновательности такихъ стѣснительныхъ мѣръ, вскорѣ все это отмѣнило. Жалобамъ, дракамъ и происшествіямъ не было конца; я увѣренъ, что продлись еще нѣкоторое время таковое бѣдственное положеніе крестьянъ, не обошлось бы безъ возмущенія, и оно могло бы кончиться весьма плачевно.

Дня черезъ два послѣ описаннаго получено было приказаніе: «карантинъ уничтожить, заставу снять и баталіону возвратиться въ мѣсто своего расположенія».

Таковыми и многими другими тягостными и ни къ чему не ведущими мѣрами сама администрація сѣяла зародышъ будущихъ смутъ и неудовольствій народныхъ, и явно вселяло недовѣріе къ своимъ распоряженіямъ, которымъ въ 1831 году уже никто не вѣрилъ.

II.

По обнародованіи генералъ-губернаторомъ извѣстія о появленіи холеры въ столицѣ, немедленно было приступлено къ устройству больницъ.

Въ грязномъ, тѣсномъ и смрадномъ переулкѣ на Сѣнной площади была устроена центральная холерная больница, въ которую полиція всѣхъ заболѣвающихъ холерою въ домахъ свозила насильно, противъ ихъ воли и желанія, что и послужило поводомъ къ серьезному волненію народа на Сѣнной площади, которое кончилось тѣмъ, что больницу разбили, больныхъ вынесли на кроватяхъ на площадь, доктора, фельдшера и аптекаря убили и прислугу разогнали.

Вслѣдствіе таковаго происшествія на другой день было прибито на углахъ улицъ слѣдующее объявленіе генералъ-губернатора, отъ 25-го іюня 1831 года, въ коемъ, между прочимъ, сказано:

... «Занемогаемые холерою могутъ, по желанію своему, оставаться для леченія дома, на своихъ квартирахъ, полиція же отнюдь не будетъ вмѣшиваться ни въ отправленіе больныхъ, ни въ принятіе ихъ въ больницы, а будетъ только получать свѣдѣнія отъ домовладѣльцевъ о заболѣвшихъ въ домахъ» [1]) и проч.

На другой день послѣ смутъ на Сѣнной площади императоръ Николай Павловичъ пріѣзжалъ изъ Петергофа въ столицу; послѣ его отъѣзда городъ былъ объявленъ на военномъ положеніи и раздѣленъ на участки, за спокойствіе которыхъ отвѣчали тѣ полки, которымъ они были ввѣрены. Патрули, пѣшіе и конные разъѣзды день и ночь наблюдали за порядкомъ въ ихъ участкахъ; объявлепо было жителямъ, что если послѣ 11 часовъ пополудни и до 5-ти часовъ пополуночи патрули или разъѣзды откроютъ даже 5 человѣкъ вмѣстѣ собравшихся, то таковыхъ будутъ забирать подъ стражу, какъ нарушителей общаго спокойствія.

Служба была трудная; гвардейскіе полки были тогда въ польскомъ походѣ, оставались только одни вторые баталіоны [2]) сихъ полковъ, стало-быть достаточные только для занятія карауловъ, а не для того, чтобъ исполнять еще службу военнаго положенія, которое было тягостно, но не долго продолжалось.

---

[1]) Я нарочно привелъ объявленіе генералъ-губернатора, отмѣняющее столь насильственную и невѣроятную въ настоящее время мѣру правительства, чтобы читатель не счелъ вышеизложенное за мою выдумку.

[2]) Эти батальоны стояли лагеремъ: первой дивизіи—на Семеновскомъ плацу, а второй—на своихъ полковыхъ плацахъ передъ казармами.

И. Х.

Такъ я, смѣнившись 25-го іюня 1831 г. съ караула съ Сѣнной площади, на другой день, 26-го, былъ назначенъ со взводомъ для охраненія огромнаго склада вина, находившагося на конторскомъ дворѣ, отъ Вознесенскаго моста до Садовой, гдѣ нынѣ Александровскій рынокъ.

Прихожу къ воротамъ,—заперты на запоръ; на дворѣ, въ обычные дни полномъ шума и жизни, мертвая тишина. Я сталъ стучать; управляющій конторою, г. Голубковъ, выглянулъ изъ окна и, увидавъ пришедшее войско, несказанно обрадовался, съ восторгомъ принялъ меня, какъ избавителя отъ осаднаго положенія, въ которомъ онъ находился.

Послѣ народнаго волненія на Сѣнной, онъ заперся кругомъ и навѣрное полагалъ, что народъ бросится на вино, напьется, разобьетъ бочки—и тогда прощай контора! но ничего этого не случилось: войска прибыли во-время.

Г. Голубковъ былъ столько любезенъ, что отвелъ мнѣ внизу отдѣльную комнату съ диваномъ, прислалъ подушку, и я, послѣ этихъ тревожныхъ дней, только у него могъ душой и тѣломъ успокоиться. Не знаю, почему я у него простоялъ двое сутокъ безъ смѣны — вѣроятно по малочисленности гарнизона; свѣжихъ войскъ, не бывшихъ въ тотъ день на службѣ, не оказалось и смѣнить было некому; но я и солдаты не были въ претензіи на таковое распоряженіе; стоять у него было спокойно, солдатъ кормили хорошо, да кромѣ того выдавались сбитень, сайки и водка. Дѣла почти никакого; изрѣдка только я посылалъ патруль вокругъ конторскаго двора, для развѣдки, не скучивается ли гдѣ народъ; патруль, дѣйствительно, натыкался иногда на толпу человѣкъ въ 8—10, которые, при видѣ войска, сами разбѣгались.

Съ этого дня городское народонаселеніе замѣтно стало уменьшаться; вся эта масса народа ринулась вонъ изъ столицы и разнесла по всей Россіи тѣ нелѣпые слухи объ отравѣ, которые и послужили поводомъ къ возмущенію въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ [1]).

Вскорѣ военное положеніе было снято. Войска, разбитыя на мелкія команды и разсѣянныя по всему пространству столицы, возвратились въ мѣста своего расположенія; начались опять безконечныя ученья, и стало все приходить въ обычный мирный порядокъ.

Теперь взглянемъ на причины этихъ смутъ и на мѣры, которыя принимались правительствомъ къ леченію и къ прекращенію холеры.

---

[1]) См. изданныя ред. „Русской Старины“ книги: I. „Бунтъ военныхъ поселянъ“, изд. 1870 г., и II. „Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія“, Спб., изд. 1871 г.

III.

Въ объявленіи «Положенія спб. комитета, составленнаго подъ предсѣдательствомъ г. губернатора, для принятія мѣръ противъ распространенія холеры въ здѣшней столицѣ», отъ 20-го іюня 1831 года, между прочимъ, сказано:

б) «При полученіи извѣстій отъ частнаго пристава о каждомъ сомнительномъ больномъ, попечитель отправляется самъ для освидѣтельствованія больного, оказанія ему пособія и чтобъ собрать всѣ нужныя свѣдѣнія о томъ домѣ, гдѣ больной оказался, дабы всѣ мѣры къ огражденію самаго дома были приняты» и проч.

Вслѣдствіе такого объявленія мнѣ случилось быть свидѣтелемъ слѣдующаго: разъ, проходя по Моховой улицѣ, я увидѣлъ, что трехъ-этажный домъ, находящійся наискось церкви Симеона, былъ запертъ и оцѣпленъ полиціей; у воротъ стояли два будочника, а третій ходилъ подъ окнами по тротуару.

Жители, въ страхѣ и отчаяніи, высунувшись изъ отворенныхъ оконъ всѣхъ этажей, что-то кричали,—я разобрать не могъ. Лица, проходящія мимо этого дома, бѣжали, затыкая платками носы, или нюхали уксусъ. Я изъ любопытства остановился наблюдать, что будетъ; думалъ, что вотъ явится попечитель или частный, или квартальный и распорядится, чтобы больной былъ удаленъ въ больницу, а здоровые были выпущены. Но напрасны были мои ожиданія: прошло вѣрныхъ полчаса, никто не являлся и никакого распоряженія не послѣдовало.

Слышу въ воротахъ крикъ, шумъ, стукъ молотковъ; ворота шатаются и видно, что на нихъ извнутри напираютъ.

Къ счастію жителей, на дворѣ жилъ слесарь, который, собравъ своихъ рабочихъ, сбилъ калитку съ петель; калитка упала, и вся эта толпа съ радостью и крикомъ бросилась на улицу; жители вздохнули свободно; въ одну минуту у оконъ никого не было; всѣ ринулись вонъ изъ дома и разбѣжались по всѣмъ направленіямъ; полиція въ мигъ исчезла; что было далѣе, сказать не могу, потому что я, дивясь тому, что видѣлъ, продолжалъ путь свой.

Вѣроятно и эта мѣра была вскорѣ отмѣнена, потому что мнѣ, бывшему ежедневно на улицахъ, не приходилось болѣе натыкаться на подобныя сцены.

Министерство внутреннихъ дѣлъ съ своей стороны издало, 25-го іюня 1831 года, «Краткое наставленіе къ распознанію признаковъ холеры, предохраненія отъ оной и средства при первоначальномъ ея

леченіи», наполненное, можетъ быть, и полезными правилами [1]), но между ними и встрѣчаются такія, которыя свидѣтельствуютъ, что это писалось для того только, чтобы написано было, а удобно ли и примѣнимо ли оно, къ исполненію — объ этомъ, кажется, никто изъ писавшихъ и не думалъ.

Возьмемъ на выдержку:

б) «Запрещается пить воду нечистую, пиво и квасъ молодой».

Спрашивается, что же пить наконецъ простолюдину? Водопроводовъ тогда не было и бо̀льшая часть небогатаго народонаселенія пользовалась водою изъ Фонтанки и другихъ каналовъ. Если писавшіе находили все это для питья вреднымъ, то, полагаю, должно было бы указать жителямъ, чѣмъ замѣнить означенныя питья, какъ употреблять, сколько; но объ этомъ ничего не сказано.

г) «Запрещается послѣ сна выходить на воздухъ».

Что это? — не понимаю! Вѣроятно тутъ опечатка или слово пропущено. Полагаю, слѣдуетъ читать: «на тощакъ» послѣ сна не выходить, или «тотчасъ», или что-нибудь въ этомъ родѣ,—тогда будетъ смыслъ.

ж) «Запрещается жить въ жилищахъ тѣсныхъ, нечистыхъ, сырыхъ».

А на домъ Вяземскаго на Сѣнной, до сихъ поръ (1874 г.) служащій источникомъ и разсадникомъ холеры, тифа и другихъ болѣзней, полиція въ то время не обращала никакого вниманія.

л) «Запрещается предаваться гнѣву, страху, утомленію, унынію и безпокойству духа».

Ничто такъ не располагало къ страху, къ унынію и къ безпокойству духа, какъ безпрерывно издаваемыя правительствомъ предостереженія, наставленія, распоряженія (кои тутъ же отмѣнялись), попечительскія посѣщенія, ежедневныя разнородныя требованія полиціи, тревожившія и наводившія страхъ на жителей столицы.

Немалое также имѣло вліяніе на расположеніе духа жителей къ унынію, это безконечныя похороны и погребальныя процессіи, которыя только на улицахъ и были видны. Изъ больницъ вывозили на ломовыхъ цѣлыя вереницы черныхъ осмоленныхъ гробовъ [2]), отъ которыхъ встрѣчные жители уберегались, нюхая уксусъ или прячась подъ ворота домовъ, квартиръ. Забирали на улицахъ, въ жилищахъ, въ лавкахъ людей, хватавшихъ лишнюю чарку водки «для куража» или по другимъ причинамъ бывшихъ не въ нормальномъ положеніи.

---

[1]) Бывъ въ это время на службѣ въ Петербургѣ, я о существованіи этихъ наставленій вовсе и не зналъ и познакомился съ ними только теперь, разбирая въ публичной библіотекѣ оффиціальные того времени документы.

[2]) Впослѣдствіи хоронить днемъ было запрещено, а приказано было ночью. И. Х.

Дѣйствительно, пьянство распространилось въ это время значительно болѣе обыкновеннаго, и были случаи, что полиція, поднявъ пьянаго на улицѣ, принявъ его за холернаго, отправляла въ больницу, гдѣ этотъ мнимый больной, проспавшись и сознавъ свое положеніе, бѣжалъ домой по улицѣ въ больничномъ халатѣ и въ колпакѣ, распространяя въ народѣ ненависть къ докторамъ и къ больницамъ, будучи увѣренъ, что туда хватаютъ народъ, чтобы травить.

н) «Запрещается выходить изъ дому, не омывши все тѣло или, по крайней мѣрѣ, руки, виски и за ушами растворомъ хлористой соды или извести, или простымъ виномъ, смѣшаннымъ пополамъ съ деревяннымъ масломъ».

Какъ это удобно и примѣнимо къ исполненію—предоставляю судить каждому.

п) «Предписывается имѣть съ собою скляночку съ растворомъ хлористой соды или уксусомъ, которыми чаще потирать руки, около носа, кромѣ сего носить въ карманѣ сухую хлористую известь, зашитую въ полотняную сумочку».

Всѣхъ тѣхъ, которые строго исполняли это наставленіе, народъ на улицахъ останавливалъ, и если находилъ въ карманѣ въ скляночкѣ уксусъ, либо порошки хлористой извести, заставлялъ въ удостовѣреніе, что это не ядъ, выпивать, а порошокъ насильно сыпалъ въ ротъ. Несчастныя жертвы заботливости о самосохраненіи были избиваемы, и многія поплатились даже жизнью [1]).

Откуда появились слухи объ отравѣ, сказать не могу, но всеобщая молва была, что поляки старались раззорять, отравлять и изводить русскій народъ всячески и во чтобы ни стало.

Что дѣйствительно были люди злонамѣренные, распространявшіе разные нелѣпые слухи и подстрекавшіе народъ къ волненію,—это вѣрно, потому, что по высочайшему повелѣнію была назначена коммисія для разбора и суда взятыхъ въ дни возмущенія зачинщиковъ; но кто были эти люди, не знаю, потому что пишу то, чему самъ былъ свидѣтелемъ и что знаю навѣрное, основываясь на того времени оффиціальныхъ документахъ [2]).

---

[1]) Вслѣдствіе такого буйства и своеволія народа, генералъ-губернаторъ издалъ объявленіе, отъ 25-го іюня 1831 года, слѣдующее: „Вчерашняго числа, нѣкоторые частные люди, большею частью изъ простолюдиновъ, вздумали останавливать, обыскивать и даже обижать прохожихъ, нюхавшихъ уксусъ и хлористый порошокъ, подъ тѣмъ предлогомъ, будто-бы они имѣли въ сихъ скляночкахъ и бумажкахъ ядъ, коимъ хотѣли отравить пищу и питье и проч. Таковые будутъ забираемы подъ надзоръ полиціи". И. Х.

[2]) Объявленіе с.-петербургскаго генералъ-губернатора, отъ 24-го іюня 1831 года: „Нѣкоторые неблагонамѣренные люди вздумали внушать простому

Въ ночь съ 19-го на 20-е августа 1831 г. разразилась надъ столицею сильная гроза съ проливнымъ дождемъ, причинившая много кораблекрушеній въ Кронштадтѣ и сдѣлавшая много добра для Петербурга. Воздухъ освѣжился и очистился отъ міазмовъ, духоты и смрада, накопившихся отъ продолжительныхъ постоянныхъ большихъ жаровъ; природа ожила, и холера стала быстро съ того дня уменьшаться.

Вскорѣ многія временныя больницы были закрыты, и изданіе ежедневныхъ вѣдомостей о числѣ заболѣвающихъ прекратилось. Изрѣдка послѣ сего появлялись свѣдѣнія о слабомъ ея существованіи въ столицѣ въ «Сѣверной Пчелѣ», которыя съ 6-го ноября 1831 г. и такъ исчезли.

Итакъ, считая за начало холеры въ С.-Петербургѣ день перваго объявленія о ея появленіи въ столицѣ, 19-е іюня, и до послѣдняго извѣстія о ея существованіи, 6-го ноября, видно, что холера гнѣздилась въ столицѣ въ 1831-мъ году—4 мѣсяца и 17 дней.

По моему мнѣнію, главною и основною причиною всѣхъ этихъ смутъ и народныхъ волненій было то, что вообще тогда не знали ни свойствъ холеры, ни причинъ ея появленія, ни средствъ къ ея леченію.

Принимая ее за эпидемію, переносимую людьми и вещами, приписывали ей всѣ свойства чумы и издавали постоянно охранительно-стѣснительныя мѣры, годныя только при появленіи этой заразительной болѣзни, тогда какъ при сильной холерѣ этого вовсе не требовалось.

Изъ этого небольшого, но вѣрнаго разсказа, читатель можетъ судить, до какой степени люди, тогда стоявшіе во главѣ администраціи, были запуганы, что, подъ давленіемъ этой паники, издавали распоряженія, служившія поводомъ ко всеобщему неудовольствію и къ народному волненію, между тѣмъ какъ въ Москвѣ, гдѣ меньше заботились о народномъ здравіи, холера, бывшая годомъ раньше, прошла безъ особыхъ смутъ и волненій.

И. Р. фонъ-деръ-Ховенъ.

С.-Петербургъ,
5-го февраля 1872 г.

народу объ излишнихъ и тягостныхъ мѣрахъ, будто бы принимаемыхъ здѣшней полиціей и врачами. Легкомысленные и неразсудительные повѣрили симъ выдумкамъ и, оставивъ свои занятія и работы, стали собираться толпами на улицахъ и толковать о мнимыхъ, будто бы причиняемыхъ народу, притѣсненіяхъ. Въ неразуміи своемъ вздумали освобождать больныхъ, будто бы насильно посаженныхъ въ больницу; ворвались въ два таковые лазарета, разогнали больныхъ и причинили столь великіе безпорядки, что нѣсколько человѣкъ при томъ лишились жизни" и проч. О числѣ убитыхъ въ эти дни смутъ оффиціальные документы умалчиваютъ. И. Х.

Рѣчь, сказанная императоромъ Николаемъ I во время народнаго волненія на Сѣнной площади въ 1831 году.

(Замѣтки на письмо В. А. Жуковскаго).

Въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1866 годъ помѣщено письмо на французскомъ языкѣ нашего поэта В. А. Жуковскаго къ принцессѣ Луизѣ Прусской, въ которомъ онъ ей сообщаетъ о народномъ волненіи на Сѣнной площади въ 1831 году и описываетъ прибытіе государя на мѣсто происшествія и рѣчь его къ народу. Въ письмѣ этомъ вкрались нѣкоторыя невѣрныя свѣдѣнія, которыя Василью Андреевичу, какъ жителю Петергофа, не могли быть въ точности извѣстны, но я, какъ служившій тогда въ гвардіи и бывшій въ этотъ день въ караулѣ на Сѣнной площади въ Петербургѣ, считаю долгомъ возстановить истину.

Вотъ отрывокъ изъ вышеозначеннаго письма, помѣченнаго:

Петергофъ, 7-го іюля 1831 года.

...„Государь, извѣщенный о положеніи дѣлъ, рѣшается ѣхать въ Петербургъ. Онъ отплываетъ на пароходѣ; зловѣщее донесеніе встрѣчаетъ его. Онъ садится въ коляску и направляется по самымъ многолюднымъ улицамъ, прямо къ тому мѣсту, которое наканунѣ было театромъ безпорядковъ. Онъ останавливается у церкви, окруженный толпою отъ 20—25 тысячъ человѣкъ. Тогда онъ всталъ и, обратясь къ народу, сказалъ:

— „Вѣнчаясь на царство, я поклялся поддерживать порядокъ и законъ. Я исполнилъ свою присягу. Я добръ для добрыхъ: они всегда найдутъ во мнѣ друга и отца!... Но горе злонамѣреннымъ: у меня есть противъ нихъ оружіе! Я не боюсь васъ!... Вамъ меня бояться! Намъ послано великое испытаніе: зараза!—надо было принять мѣры, дабы остановить ея распространеніе. Всѣ мѣры приняты по моему повелѣнію. Стало быть, вы жалуетесь на меня. Ну, вотъ я здѣсь! Вы, отцы семействъ, люди смирные: я вамъ вѣрю и убѣжденъ, что вы всегда прежде другихъ уговорите людей несвѣдущихъ и образумите мятежниковъ. Но горе тѣмъ, кто позволитъ себѣ противиться моимъ повелѣніямъ: къ вамъ не будетъ никакой жалости! Теперь расходитесь! въ городѣ зараза, вредно собираться толпами. Но прежде слѣдуетъ помириться съ Богомъ. Если вы оскорбили меня вашимъ непослушаніемъ, то еще болѣе оскорбили Бога преступленіемъ. Совершено убійство! невинная кровь пролита! Молитесь!...“ и проч.

В. А. Жуковскій начинаетъ письмо такъ: „Государь, извѣщенный о положеніи дѣлъ, отплываетъ на пароходѣ“. На это я могу сказать слѣдующее. Смѣнившись съ караула утромъ, въ день пріѣзда государя на Сѣнную площадь, хотя я и не былъ лично свидѣтелемъ этого событія, но хорошо помню по распространившимся въ тотъ день слухамъ и по разсказамъ очевидцевъ, слышавшихъ слова государя, произнесенныя имъ народу.

Государь пріѣхалъ 25-го іюня изъ Петергофа въ столицу, въ дорожной коляскѣ четвернею въ рядъ. Подъѣхавъ къ церкви, остановился, всталъ въ коляскѣ и, обратясь къ народу, крикнулъ своимъ звучнымъ голосомъ: „Сѣдыя головы ко мнѣ!... На колѣни! Молитесь за тѣ жертвы, которыя вы вчера невинно погубили...“ и проч.

Эти слова до сихъ поръ живутъ въ памяти современниковъ.

Что государь прибылъ не на пароходѣ, а прямо въ дорожной коляскѣ на площадь, то этому доказательствомъ можетъ служить и барельефъ на памятникѣ Николая I.

Вѣроятно, академикъ Клодтъ, коему было поручено сочиненіе и отливка памятника, имѣвъ вѣрныя свѣдѣнія о прибытіи государя на площадь, изобра-

зилъ его стоящимъ въ коляскѣ, запряженной четвернею усталыхъ лошадей. Если бы государь прибылъ на пароходѣ, то, вѣроятно, пріѣхалъ бы отъ пристани на площадь въ городскомъ экипажѣ парою.

Далѣе В. А. Жуковскій пишетъ: „Зловѣщее донесеніе встрѣчаетъ его"— тоже невѣрно. Стоявъ въ день возмущенія, 24-го іюня, на Сѣнной въ караулѣ, я былъ свидѣтелемъ всего, что происходило. Донесеніе было написано часовъ въ 8—9 вечера, со словъ моихъ, прибывшимъ съ генералъ губернаторомъ Эссеномъ дѣлопроизводителемъ его, которое тутъ же было отправлено къ государю въ Петергофъ съ фельдъегеремъ [1]); стало быть, государь могъ знать уже наканунѣ, часовъ въ 11 вечера, обо всемъ, что происходило въ столицѣ.

„Зловѣщее донесеніе" никакъ не могло встрѣтить государя въ столицѣ, да къ тому же самъ В. А. Жуковскій начинаетъ письмо такъ: „Государь, извѣщенный о положеніи дѣлъ, рѣшается ѣхать".—Вѣроятно слухи о происшедшемъ въ столицѣ могли предупредить донесеніе генералъ-губернатора — это можетъ быть; но чтобы государь рѣшился ѣхать въ Петербургъ, не дождавшись оффиціальнаго донесенія генералъ-губернатора, это невѣроятно.

Кто зналъ пылкій, энергическій характеръ императора Николая, проявлявшійся въ каждомъ словѣ, въ каждомъ жестѣ его, тому трудно предположить, чтобы онъ въ эти тяжкія минуты сталъ распространяться съ народомъ длинною, впрочемъ весьма краснорѣчивою, рѣчью, какую В. А. Жуковскій влагаетъ въ уста его.

Тутъ не краснорѣчіе нужно было, а сила и энергія.

Въ продолженіе 17-лѣтней моей службы въ гвардіи, я не разъ имѣлъ случай слышать слова императора Николая Павловича и всегда рѣчь его была кратка, ясна и выразительна.

Такъ, въ 1830 году, на разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ, государь, бывъ на лошади, по окончаніи развода выѣхалъ на средину манежа, подозвалъ къ себѣ всѣхъ бывшихъ на разводѣ офицеровъ и сказалъ:

„Гг. офицера ко мнѣ!... ближе!... ближе!" и когда его совсѣмъ окружили, онъ продолжалъ:—„Вамъ первымъ съ полнымъ довѣріемъ сообщаю полученное изъ Варшавы извѣстіе"—и затѣмъ объявилъ намъ о польскомъ возстаніи и поздравилъ съ походомъ.

Рѣчь его была кратка и продолжалась не болѣе 3—4 минутъ.

Въ 1848 году на Майскомъ парадѣ, передъ началомъ парада, государь въѣхалъ въ интервалъ второй гвардейской дивизіи и объявилъ войску о венгерскомъ возстаніи и поздравилъ съ походомъ.

Рѣчь его также не сіяла краснорѣчіемъ, а была краткая и душу шевелящая.

Кромѣ того, сколько разъ мнѣ случалось слышать его въ лагеряхъ, на маневрахъ при отданіи приказаній, и всегда и во всемъ я не замѣчалъ ни вялости, ни растянутости, какъ это выразилъ В. А. Жуковскій въ сочиненной имъ рѣчи.

И. Р. Фонъ-деръ-Ховенъ.

1872 г.

Примѣчаніе. Разсказъ и замѣтка Ивана Романовича фонъ-деръ-Ховена, отставнаго генер.-маіора, сообщены были намъ еще въ 1872 году, но въ виду множества матеріаловъ и статей, находящихся въ распоряженіи нашемъ, пролежали болѣе десяти лѣтъ неизданными. Въ это время И. Р. фонъ-деръ-Ховенъ скончался. Сынъ извѣстнаго кавказца, военнаго губернатора тифлисскаго и друга А. П. Ермолова—Романа фонъ-деръ-Ховена. Иванъ Романовичъ былъ человѣкъ весьма добродушный и живо интересовался отечественною исторіею. Интересное собраніе писемъ А. П. Ермолова къ Роману фонъ-деръ-Ховену, 1816—1856 гг., было напечатано въ „Русской Старинѣ". Ред.

---

[1]) Показаніе бывшаго въ тотъ день дежурнымъ въ Петергофѣ фельдъегеря А. П. Иностранцева, нынѣ маіора въ отставкѣ. И. Х.

ХОЛЕРНЫЙ МѢСЯЦЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

іюнь 1831 г.

Въ дѣлахъ прежнихъ судебныхъ мѣстъ находится нѣсколько производствъ о буйствѣ петербургской черни въ холеру 1831 года.

Какъ самые случаи буйства, такъ и разслѣдованія о нихъ намъ казались настолько любопытными, что мы рѣшились представить ихъ читателямъ «Русской Старины».

Къ сожалѣнію, мы должны оговориться, что по тѣмъ даннымъ, которыя мы имѣли подъ рукою и отъ которыхъ не отступали ни на шагъ, мы не можемъ дать полнаго описанія всѣхъ смутъ въ Петербургѣ по случаю холеры. Часть дѣлъ по этому предмету,—тѣ, которыя, по взгляду тогдашней администраціи, казались наиболѣе важными, въ томъ числѣ о буйствѣ на Сѣнной площади, — не были переданы въ общія судебныя мѣста изъ слѣдственной коммисіи, для изысканія виновныхъ въ происходившихъ въ столицѣ, въ іюнѣ 1831 года, возмущеніяхъ по случаю холеры.

Тѣмъ не менѣе и по тому, что нынѣ предлагается публикѣ, читатель можетъ имѣть понятіе о томъ тревожномъ состояніи петербургскаго населенія, въ которомъ оно находилось тогда. Видно, что тревогу эту и недовольство принятыми для прекращенія холеры мѣрами раздѣляетъ съ низшимъ сословіемъ и среднее. Даже сама полиція охотно вѣритъ слуху, что есть люди, распространяющіе холеру посредствомъ порошковъ и другихъ снадобьевъ.

Не только въ моментъ безпорядковъ, но и въ виду приготовленія къ нимъ полиція какъ будто теряется. Тутъ не видишь съ ея стороны ни умѣнья предупредить ихъ, ни рѣшимости дѣйствовать своевременно. Но за то, когда ей, съ помощію посторонней силы, удается остановить народное буйство или когда потребуютъ отъ нея раскрытія ви-

новныхъ въ буйствѣ, тутъ полиція не останавливается ни предъ какими средствами, не только хватаетъ съ улицы правыхъ и виноватыхъ, часто проходящихъ случайно или любопытныхъ,—но даже, безъ всякаго повода, арестуетъ изъ домовъ, иногда по одной только догадкѣ, что арестуемый долженъ знать участниковъ буйства. Мѣста содержанія переполняются арестантами и ихъ держатъ иногда безъ допроса продолжительное время, а затѣмъ какъ произвольно арестуютъ, такъ произвольно-же и освобождаютъ. Почти на каждомъ шагу видно отступленіе отъ тѣхъ немногихъ юридическихъ требованій, существовавшихъ тогда для огражденія личности. Въ этомъ случаѣ счастливы изъ подсудимыхъ были тѣ, которые могли найдти заступничество у вліятельныхъ лицъ. Тутъ и дѣйствительная вина не въ вину,—а человѣкъ, за котораго заступиться некому, и при всей правотѣ своей содержится въ съѣзжемъ домѣ, а оттуда попадаетъ въ крѣпость или въ тюрьму, гдѣ и ждетъ рѣшенія по суду своей участи.

Полиція привлекаетъ къ суду совершенно произвольно, обвиняетъ даже свидѣтелей въ недонесеніи начальству о томъ, что ей, по доносу, было извѣстно въ день событія.

Судъ получаетъ дѣло часто совершенно невыясненнымъ и только иногда дѣлаетъ слабыя попытки къ разъясненію, ограничиваясь, по большей части, одною формальностью—отобраніемъ отъ подсудимыхъ допроса, не было ли при слѣдствіи пристрастныхъ дѣйствій, затѣмъ, не входя въ разсмотрѣніе уликъ, заарестованныхъ при полиціи перемѣщаетъ въ тюрьму. Даже при рѣшеніи дѣла судъ проходитъ молчаніемъ не рѣдко безтолковыя дѣйствія полиціи и, съ натяжкою въ мотивахъ для приговора, вмѣняетъ подсудимому въ наказаніе содержаніе въ тюрьмѣ. Тутъ, почти на каждомъ шагу, видна полная зависимость тогдашняго суда отъ администраціи.

I.

Въ 4 кварталѣ 2-й Адмиралтейской части находилась мелочная лавка въ домѣ мастера Шеде. Принадлежала она купцу Голенецкому, который самъ торговалъ неподалеку въ другой лавкѣ, а въ этой сидѣлъ работникъ его, изъ помѣщичьихъ крестьянъ, Василій Степановъ.

Около полудня, 2 іюня 1831 года, густая толпа окружала лавку въ домѣ Шеде и проходившій мимо мѣстный квартальный надзиратель пожелалъ узнать, что случилось. Въ лавкѣ работникъ Степановъ

разсказалъ ему, что какой-то человѣкъ приходилъ покупать хлѣбъ, осматривалъ его и насыпалъ бѣлый порошокъ на хлѣбной полкѣ. Приходившій былъ служащій въ сенатѣ, титулярный совѣтникъ Михаилъ Рудневъ. При квартальномъ онъ находился также въ лавкѣ и отозвался, что никакого порошка не сыпалъ. Чтобъ успокоить народъ надзиратель собралъ съ полки и полу порошокъ и представилъ Руднева съ порошкомъ въ съѣзжій домъ. Народъ, дойдя до съѣзжаго дома и видя, что Руднева свели туда, остался этимъ доволенъ.

Такъ объяснялъ происшествіе надзиратель уже 27 апрѣля 1832 года, но по началу оно представлено было въ другомъ видѣ.

2 іюля работникъ Степановъ показалъ въ съѣзжемъ домѣ, что Рудневъ спрашивалъ у него чернаго хлѣба, булокъ и кислыхъ щей, а когда Степановъ сказалъ, что ничего этого нѣтъ, то Рудневъ, поворотясь около угла въ лавкѣ, вскорѣ ушелъ. Степанову показалось подозрительнымъ, не унесъ ли чего изъ лавки покупатель. Работникъ тотчасъ же осмотрѣлъ ее и у мѣста, гдѣ стоялъ Рудиевъ, нашелъ насыпанный на столѣ и на полу порошокъ, хотя лавка только что предъ этимъ была выметена и до прихода Рудиева порошка не было. Работникъ «возымѣлъ сильное подозрѣніе на него, Руднева», выбѣжалъ изъ лавки и замѣтя, что Рудневъ пошелъ въ другую лавку, сказалъ объ этомъ своему хозяину, который захватилъ Руднева въ слѣдующей лавкѣ и представилъ надзирателю.

Въ съѣзжемъ домѣ обыскали Руднева и, кромѣ денегъ 8 р. 80 коп. ничего при немъ не нашли. Рудневъ показалъ, что, отправляясь утромъ на службу въ сенатъ, онъ заходилъ къ знакомымъ, въ томъ числѣ къ живущей въ той же улицѣ, гдѣ и домъ Шеде, вдовѣ Аннѣ Михайловой, дома ее не засталъ, спрашивалъ потомъ въ мелочной лавкѣ хлѣба и кислыхъ щей, и когда ему сказали, что ни хлѣба, ни кислыхъ щей не имѣется, то пошелъ въ другую лавку, гдѣ и купилъ полфунта бѣлаго хлѣба. За что взятъ при выходѣ изъ лавки—не знаетъ.

Справились у вдовы Михайловой. Она объявила, что Рудневъ хотя и знакомъ, но къ ней никогда не ходитъ.

Приставъ 2 части въ тотъ-же день донесъ оберъ-полиціймейстеру о происшествіи, но въ рапортѣ своемъ отступилъ отъ заявленія Степанова. По словамъ пристава, Рудневъ спрашивалъ въ лавкѣ ржаной хлѣбъ, а потомъ бѣлый. Степановъ показывалъ ему хлѣбъ, который Рудневъ нашолъ старымъ и въ это время Степановъ, отошедши за выручку, примѣтилъ, что на полкѣ, гдѣ лежитъ хлѣбъ, насыпанъ бѣлый порошокъ. Поэтому Степановъ не выпускалъ Руднева изъ лавки и далъ знать надзирателю.

Приставъ находилъ, что Рудневъ «навлекаетъ на себя подозрѣніе», показавъ, что съ квартиры своей на Васильевскомъ островѣ заходилъ къ знакомымъ и къ Михайловой, которая утверждаетъ, что Рудневъ у ней не бываетъ.

Показанія Степанова, Руднева, самъ онъ, деньги его и порошокъ были представлены оберъ-полицiймейстеру, который отослалъ порошокъ въ физикатъ, для удостовѣренія, не заключается-ли въ немъ ядовитаго вещества, а приставу предписалъ спросить Степанова, чѣмъ онъ можетъ доказать, что Рудневъ сыпалъ порошокъ,—дабы видѣть основанія, за что Рудневъ арестованъ. Рудневъ возвращенъ былъ къ приставу.

3 іюля приставъ передопросилъ Степанова. Тотъ объяснилъ, что на Руднева «имѣетъ особенное сильное подозрѣніе въ насыпаніи на полкѣ и полу въ лавочкѣ бѣлаго порошка», потому что полка и полъ, гдѣ оказался порошокъ, только что передъ приходомъ Руднева были чисто выметены и до него въ лавку никто не заходилъ. Когда Рудневъ пришолъ въ лавочку, то Степановъ занимался за стойкою письмомъ. Рудневъ сначала торговалъ черный хлѣбъ, бывшій на лавкѣ, гдѣ послѣ оказался порошокъ, потомъ булки, лежавшія надъ хлѣбами, и наконецъ кислыя щи, находившіяся подлѣ муки. Торгуемые предметы бралъ въ руки, но ничего не купилъ, а только два раза повернулся на томъ мѣстѣ и пошолъ изъ лавки въ другую. Оставя писать, Степановъ, во все время, пока Рудневъ осматривалъ товаръ, наблюдалъ за покупателемъ, но не замѣтилъ, какъ онъ высыпалъ порошокъ, потому что Рудневъ сдѣлалъ это скоро и былъ къ Степанову задомъ. Къ уликѣ Руднева Степановъ добавилъ еще то, что Рудневъ при надзирателѣ сначала утверждалъ, что даже не былъ въ лавкѣ.

Повторяя этотъ отзывъ въ донесеніи оберъ-полицiймейстеру, приставъ добавилъ, что Рудневъ разсматривалъ торгуемыя вещи весьма скоро и передъ уходомъ повернулся два раза на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ порошокъ.

Физикатъ отозвался, что въ присланномъ для изслѣдованія порошкѣ никакихъ металлическихъ ядовъ и веществъ не имѣется.

Только 5 октября 1832 года дѣло поступило въ надворный судъ, гдѣ и рѣшено 26 іюля 1833 года. Находя Руднева невиннымъ, судъ полагалъ: крестьянина Степанова за неосновательный доносъ, служащій къ одному лишь только возмущенію черни, выдержать въ тюрьмѣ и при освобожденіи строго подтвердить впредь отъ подобныхъ неосновательныхъ доносовъ удерживаться, подъ опасеніемъ высшаго за сіе наказанія.

Уголовная палата, обревизовавъ дѣло, дала знать надворному суду,

10 октября того же года, что, «хотя за неосновательный доносъ Степанова въ тогдашнее (холерное) время, по имѣвшемуся въ народѣ ложному понятію объ употребленіи нѣкоторыми людьми яда въ воду и пищу, былъ весьма опасенъ даже для жизни чиновника Руднева, но поелику въ семъ поступкѣ Степанова палата не видитъ никакого со стороны его злого умысла, а увлеченіе себя общимъ заблужденіемъ, которое могло его ввести въ ошибку, при томъ же онъ ограничилъ себя однимъ только извѣщеніемъ хозяина о подозрѣніяхъ своихъ, то посему отъ полагаемаго судомъ выдержанія его въ тюрьмѣ избавить, съ строгимъ подтвержденіемъ на будущее время быть осторожнымъ».

II.

Послѣ обѣдни, въ воскресенье 21 іюня 1831 года, въ Петербургѣ были крестные ходы изъ всѣхъ церквей. Молились объ избавленіи отъ холеры. Въ то же утро на Преображенскомъ плацѣ, гдѣ расположены были лагеремъ полки Московскій, Преображенскій и батальоны учебнаго и саперного полковъ, происходилъ парадъ.

Крестные ходы окончились около двухъ часовъ дня и затѣмъ стали показываться толпы простого народа около холернаго лазарета, бывшаго Рождественской части на Пескахъ, въ Лосевой улицѣ, въ домѣ Славищевой. Толпы увеличивались и въ народѣ шли толки, что въ лазаретѣ морятъ людей, а не лечатъ, что полиція хоронитъ живыхъ, слышались ругательства на докторовъ и цырюльниковъ.

Изъ воротъ лазарета выѣхала карета, посланная за больными. При видѣ ея возбужденное состояніе народа перешло въ дѣйствіе. Съ криками «ура, холера!» многіе бросились къ лазарету, но ворота были заперты.

Между буйствовавшею чернью болѣе другихъ выдавался какой-то человѣкъ невысокаго роста, съ сѣдою головою, въ фуражкѣ верблюжьяго цвѣта съ кожанымъ верхомъ, синемъ фракѣ и желтоватыхъ брюкахъ. Борода у него была бритая. «Ура, холера!» ломайте ворота, кричалъ старикъ, находясь впереди другихъ. Ворота были осаждены, но выдержали напоръ, а находившійся при нихъ для караула полицейскій унтеръ-офицеръ Яковлевъ былъ избитъ.

Это происходило въ 8-мъ и 9-мъ часу, но еще въ 6 часовъ вечера, замѣтя издали по концамъ Лосевой улицы приближающуюся къ лазарету толпу, бывшій при лазаретѣ въ качествѣ смотрителя кварталь-

ный, поручикъ Сердаковскій, приказалъ держать на заперти лазаретныя ворота, а самъ съ вольнопрактикующимъ лекаремъ Луцкимъ ушолъ въ садъ и оттуда врачъ перелѣзъ черезъ заборъ. Пока Сердаковскій былъ еще въ саду, въ окна лазарета съ улицы полетѣли камни. Расшиблено два стекла и камень попалъ въ бокъ лазаретному цырюльнику Абраму Шейкину. Узнавъ объ этомъ, Сердаковскій въ лазаретъ уже не входилъ, а «чтобы спасти себя и прочихъ, чрезъ тотъ же заборъ ушолъ», потребовалъ помощи отъ пристава Литейной части и отправился съ докладомъ далѣе по начальству.

Явились къ лазарету пѣшія и пожарныя команды, сначала Литейной а потомъ Рождественской части. Они застали всю Лосеву улицу и ближайшія къ ней наполненными народомъ. По утвержденію полиціи, его было до 2,000. Приставъ Литейной части и возвратившійся Сердаковскій видѣли опять впереди другихъ того же сѣдого старика. Полиція оттѣснила народъ на Конную площадь. Оттуда разогнала его военная команда и въ 10-мъ часу вечера, вскорѣ послѣ прибытія на мѣсто оберъ-полиціймейстера Кокошкина, уже почти всѣ разбѣжались.

Нѣкоторыхъ однако-жъ удалось захватить полиціи и мы разскажемъ отдѣльно о каждомъ изъ заарестованныхъ:

1) Помѣщичій крестьянинъ Кузьма Тимофеевъ, плотникъ. Часу въ 9-мъ онъ проходилъ мимо лазарета одинъ и взятъ былъ надзирателемъ на углу улицы противъ лазарета.

Обвиненій на него ни отъ кого не заявлено.

2) Мѣщанинъ Афанасій Игнатьевъ, торговалъ старымъ платьемъ. Взятъ полицейскими противъ съѣзжаго дома Рождественской части, и при несуществованіи на него обвиненія, по распоряженію оберъ-полиціймейстера, 23-го іюня освобожденъ на поруки.

3) Казенный крестьянинъ Михайло Яковлевъ, по найму у купца работалъ кивера. 21-го іюня Яковлевъ проходилъ одинъ по Конной площади часу въ 10-мъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ собравшагося тамъ народа и едва остановился посмотрѣть, какъ былъ взятъ.

4) Дворовый Александръ Петровъ. Взятъ часу въ 9-мъ вечера. когда проходилъ на Пески и, замѣтя народъ близь холернаго лазарета, полюбопытствовалъ узнать о причинѣ стеченія толпы.

5) Деньщикъ Петръ Семіонцевъ. Возвращаясь съ Охты съ офицеромъ, при которомъ служитъ, въ 9 часовъ вечера, отсталъ отъ него и взятъ съ Конной илощади по той же причинѣ, какъ и Петровъ.

6) Дворовый Данило Силинъ. Взятъ подъ арестъ близь Знаменскаго моста, при побѣгѣ толпы съ Конной, по подозрѣнію, не уча-

ствовалъ-ли тамъ въ происшествіи или неизвѣстно-ли ему о лицахъ, въ томъ участвовавшихъ.

7) Свободный хлѣбопашецъ Федоръ Крестьяниновъ, торговецъ рыбою. Вечеромъ, 21-го іюня, находясь въ лавкѣ, на Александровскомъ рынкѣ близь холернаго лазарета, услышалъ, что въ Съѣзжинской улицѣ скопляется народъ и происходитъ какой-то бунтъ. По его словамъ, въ 10 часовъ вышелъ изъ лавки и когда проходилъ по Съѣзжинской улицѣ къ углу съѣзжаго двора, то увидѣлъ, что къ нему навстрѣчу съ проспекта Лиговскаго канала бѣжитъ народъ, за которымъ гонятся казаки. Кто-то изъ народа столкнулъ его съ мостковъ, у съѣзжаго дома. Крестьяниновъ пошолъ было назадъ, но былъ схваченъ полицейскимъ. Освобожденъ на поручительство, по приказу оберъ-полиціймейстера, 23-го іюня. Свидѣтели не только не подтвердили ссылокъ на нихъ Крестьянинова, но одинъ удостовѣрилъ, что, выйдя изъ лавки часу въ 9-мъ или 10-мъ, встрѣтилъ его на Мало-охтенскомъ проспектѣ у Дегтярнаго кабака. На вопросъ, что онъ тутъ дѣлаетъ, Крестьяниновъ отозвался, что идетъ посмотрѣть на народную толпу, собравшуюся въ виду ихъ на Конной.

— Не твое дѣло ходить такъ поздно въ народную толпу, лучше бы сдѣлалъ, если бы пошолъ спать, — сказалъ ему свидѣтель и пошелъ далѣе, а Крестьяниновъ остался на прежнемъ мѣстѣ. Подтвердилъ это потомъ и другой свидѣтель, пояснивъ, что Крестьяниновъ исполнилъ данный ему совѣтъ, но какимъ образомъ взятъ былъ полиціею, того свидѣтель не знаетъ.

8) Казенный крестьянинъ Парфентій Андреевъ. Приставъ Рождественской части донесъ, что пожарные взяли Андреева съ камнемъ въ рукахъ и при бунтѣ онъ успѣлъ забросить камень. Но пожарные служители показали только, что взяли Андреева со словъ какихъ-то чиновниковъ, будто Андреевъ у лазарета кричалъ въ толпѣ народа: ура, холера! Преслѣдуемый ими Андреевъ взятъ уже въ Съѣзжинской или Дегтярной улицѣ.

Андреевъ показалъ, что, проходя вмѣстѣ съ помѣщичьимъ крестьяниномъ Александромъ Шаршаковымъ, видѣлъ толпу у холернаго лазарета и полицейскихъ. Не останавливаясь, онъ съ Шаршаковымъ прошли далѣе, а когда замѣтили, что народъ побѣжалъ и сами сдѣлали тоже. Товарища потерялъ онъ изъ виду и былъ схваченъ часу въ 10-мъ вечера.

9) Помѣщичій крестьянинъ Александръ Шаршаковъ. Взятъ уже при производствѣ слѣдствія, утромъ 27-го іюня, вслѣдствіе указаній на него Андреева. Онъ утверждалъ, что разстался съ Андреевымъ

по выходѣ изъ трактира гораздо ранѣе 8-го часа, и потомъ все время былъ дома. Но свидѣтель, однеквартирантъ, удостовѣрилъ, что Шаршаковъ воротился домой въ 10-мъ часу вечера.

10) Мѣщанинъ Федоръ Мурашевскій. Пьяный былъ взятъ приставомъ Рождественской части, отгонявшимъ народъ отъ лазарета.

11) Сынъ мастера казеннаго стекляннаго завода Сергѣй Левашовъ, взятъ въ 10 часу въ Лосевой улицѣ, при преслѣдованіи бѣгущаго народа. Мать Левашова не подтвердила ссылки его, что онъ до задержанія полицейскими находился у нея, а сказала, что Левашовъ ушолъ въ 8 часовъ.

12) Дворовый Карпъ Кирѣевъ, 18-ти лѣтъ, жилъ при своемъ господинѣ. Взятъ напротивъ церкви Рождества за то, что при требованіи идти прочь сказалъ пожарному, что ихъ надо бить какъ собакъ. Показалъ, что отвѣчалъ будочникамъ, «они взять меня не могутъ, иначе и самъ съ ними поправится», и утверждалъ сначала, что не онъ, а бывшій съ нимъ дворовый Софоновъ сказалъ: «будочники народъ разгоняютъ какъ собакъ, берутъ подъ стражу людей неизвѣстно за что». Потомъ сказалъ, что напрасно оговорилъ Софонова, который отъ себя засвидѣтельствовалъ, что Кирѣевъ на требованіе будочниковъ разойтись, сказалъ: «меня взять подъ стражу не смѣютъ, я и самъ зубы разобью».

13) Дворовый Алексѣй Майковъ, мастеровой придворнаго экипажнаго заведенія. Двое служащихъ при конторѣ квартальнаго надзирателя, въ исходѣ 8-мъ часа вечера, замѣтили Майкова на Конной площади. Пьяный онъ кричалъ: «ура, холера!» Когда потомъ народъ былъ разогнанъ и Майковъ ушолъ съ Конной, то эти же служащіе взяли и представили его къ надзирателю. Не сознаваясь въ обвиненіи, Майковъ потомъ заявлялъ, что захватившіе избили его такъ, что потомъ лѣзли на головѣ волосы, и одинъ изъ нихъ сказалъ ему: «хочешь-ли я дамъ тебѣ такое, отъ чего ты можешь тотчасъ же умереть». Одинъ свидѣтель удостовѣрилъ, что дѣйствительно видѣлъ Майкова, когда онъ на бѣгу Конной площади кричалъ: «ура, холера!».

14) Цеховой Алексѣй Волковъ, 21 года, сынъ бронзоваго мастера. Взятъ 21-го іюня съ квартиры своей въ полночь, по доносу надзирателя, унтеръ-офицера Яковлева, что будто бы знаетъ тѣхъ людей, которые были у холернаго лазарета. Послѣдній уличалъ Волкова, что онъ изъ толпы первый бросился на Яковлева со словами: «полиція хоронитъ живыхъ», и началъ его бить, а за Волковымъ бросился народъ, въ числѣ котораго, по мнѣнію Яковлева, были товарищи Волкова.

Волковъ утверждалъ, что на площади не былъ и съ 5-го часа пополу-

дни находился дома. Изъ спрошенныхъ по ссылкѣ его свидѣтелей одинъ сказалъ, что съ Волковымъ дома игралъ въ бабки въ 6-мъ часу, а потомъ Волковъ отлучался на полчаса изъ дому въ 8-мъ часу. Другой сказалъ, что когда самъ пришолъ домой въ 10-мъ часу вечера, то Волкова засталъ дома.

Ремесленный голова, во время производства слѣдствія, просилъ оберъ-полиціймейстера прислать Волкова въ ремесленную управу, по случаю рекрутскаго набора, для отдачи за общество.

15) Отставной подканцеляристъ изъ дворянъ Николай Тарасовъ, повидимому сынъ достаточныхъ родителей, воспитывался сначала въ пансіонѣ, потомъ въ 1-й петербургской гимназіи, гдѣ не кончилъ курса. Прослужа около пяти лѣтъ по разнымъ канцеляріямъ, вышелъ въ отставку въ 1830 году. Жилъ съ отцомъ и не имѣя занятія «проводилъ время въ чтеніи книгъ и посѣщеніи родственниковъ и знакомыхъ». Взятъ былъ въ Лосевой улицѣ близь холернаго лазарета въ 10-мъ часу вечера, по приказанію оберъ-полиціймейстера, какъ участникъ въ буйствѣ, о чемъ удостовѣрялъ титулярный совѣтникъ Михаилъ Гвоздевъ.

Гвоздевъ былъ старый служака. О себѣ онъ пишетъ, что «съ честію вступилъ въ службу... и съ равною имѣлъ счастіе сойдти съ поля сраженія въ незабвенный 1812 годъ». Въ 1831 году онъ продолжалъ еще службу гражданскую. Вотъ какъ при слѣдствіи изложилъ онъ обвиненіе свое на Тарасова.

Въ 21 день прошедшаго іюня, посѣщалъ я моего знакомаго учителя Рождественскаго училища Соколова. Уже вечерѣло, какъ я вышелъ изъ его квартиры, увидѣлъ несущуюся толпу народа по улицѣ, ведущей къ больницѣ, устроенной отъ сердобольнаго правительства, для страждущихъ отъ злокачественной болѣзни холеры. Влекомый любопытствомъ узнать причину таковаго быстраго стеченія народа, послѣдовалъ за онымъ. Прибывши почти къ самому дому благотворительнаго заведенія, вслушивался внимательно, и къ прискорбію души моей, услышалъ безразсудный и несправедливый ропотъ простолюдиновъ на столь милостивое заведеніе; скорбѣлъ душею моею, что мало было такихъ людей изъ среды толпящихся, который бы могъ познать истинную цѣль сего заведенія и внушилъ бы невѣждамъ безсмысленное ихъ заключеніе. Видя, такъ сказать, ожесточеніе народа, неповинующагося даже власти, не осмѣлился предложить имъ мои, противныя ихъ мыслямъ, заключенія, смотрѣлъ съ прискорбіемъ; но, хотя со страхомъ навлечь на себя неудовольствіе отъ черни, однако-жъ рѣшился сказать нѣкоторымъ — „дурно тотъ дѣлаетъ, кто, не понимая заботу правительства о благополучіи нашемъ, мысль и цѣль сего единственнаго заведенія, и что мѣры, принятыя къ прекращенію сей злокачественной болѣзни — суть самыя спасительныя, — ропщетъ на отеческое усердіе, — грѣхъ вамъ, братцы, — разойдитесь". Такъ осмѣлился

я говорить нѣсколько минутъ; но, видя буйность характеровъ, сберегая себя отъ дальнѣйшихъ непріятностей—замолчалъ; однако-жъ внимательно разсматривалъ народъ и слушалъ нелѣпые ихъ толки, что будто не лечатъ, а съ намѣреніемъ морятъ людей, и сіи самыя слова уже сдѣлались общимъ голосомъ народа. Прискорбно сожалѣлъ о ихъ заблужденіи, и, отворотивъ взоръ свой отъ невѣжества, хотѣлъ идти домой. Не въ дальнемъ разстояніи увидѣлъ молодого, едва ли совершеннолѣтняго человѣка, котораго я знаю по нѣкоторымъ случаямъ, именно Николая Тарасова (о чинѣ его не знаю), улыбающагося и какъ будто довольнаго симъ зрѣлищемъ!.. „Стыдно, стыдно, молодой человѣкъ", сказалъ я ему, „шелъ бы домой и не нужно умножать толпу безумцевъ". Ему это не понравилось, онъ показалъ недовольный видъ и отвѣчалъ довольно оскорбительно: „я за тѣмъ здѣсь, за чѣмъ и ты".—„О! если бы ты, другъ мой, съ такою благою мыслію и съ такими чувствами пришелъ сюда, какъ я, то вѣрно не улыбку бы показывалъ на довольномъ лицѣ своемъ, но слезу въ глазахъ и скорбь въ душѣ". — „Да", сказалъ онъ мнѣ, „я о томъ сожалѣю, что здѣсь худо лечатъ и безвременно заставляютъ умирать". Увидя слабое направленіе чувствъ его и безхарактерность, происходящую отъ молодости и вѣтренности—погрозивъ ему пальцемъ, примолвилъ: „худо дѣлаешь, г. Тарасовъ, великій грѣхъ берешь на душу свою, по моему — чего не понимаешь, о томъ менѣе и говоришь" — оставивъ его въ невѣжествѣ, удалился. Потомъ, встрѣтившись съ частнымъ приставомъ Колчинымъ, какъ съ прежнимъ сослуживцемъ, разговаривалъ съ нимъ о происшествіяхъ, сдѣлавшихся уже гласными, и сказалъ мою мысль: „немудрено простолюдину такъ глупо мыслить, ибо онъ необразованъ; а вотъ что для меня удивительно и даже непростительно, что люди, хотя и молоды, но сколь нибудь да образованы—также нелѣпо судятъ—и, толкаясь между глупыми, дѣлаютъ свои заключенія, какъ напримѣръ Тарасовъ, едва ли не по пословицѣ, что матерdépartement молоко на губахъ не обсохло, не понимая ни самую болѣзнь, ни о мѣрахъ, принятыхъ къ излеченію, смѣется въ толпѣ невѣждъ, и тоже, толкуя превратно въ глазахъ людей, какъ будто одобряетъ ихъ заключеніе, а тѣ, разумѣя его и принимая за человѣка умнаго, и видя его еще въ вицъ-мундирѣ, разсужденія его приняли за истину"; и тѣмъ заключилъ разговоръ мой съ г. Колчинымъ. Вотъ все, что я слышалъ и видѣлъ въ тотъ несчастный вечеръ, и, какъ христіанинъ, утверждаю по чистой совѣсти и по вѣрноподданнической моей присягѣ милосердному моему Государю,—и предаю къ требуемому отъ меня вамъ, г. слѣдственному приставу, объясненію.

Впослѣдствіи Гвоздевъ дополнилъ, что встрѣча его съ Тарасовымъ происходила не ранѣе 7-го часа вечера.

Тарасовъ не отвергалъ, что, проходя мимо, остановился, любопытствуя знать о причинѣ сборища толпы. Гвоздевъ подходилъ къ нему и говорилъ, что «онъ срамитъ вицъ-мундиръ» и спрашивалъ, «зачѣмъ пришолъ». На это Тарасовъ отвѣчалъ: «затѣмъ же, зачѣмъ и вы».

Свидѣтели видѣли Тарасова проходившимъ мимо толпы въ исходѣ 8-го или началѣ 9-го часа.

Отецъ Тарасова, титулярный совѣтникъ, обнаружилъ, что Гвоздевъ годъ тому назадъ былъ коротко знакомъ съ его сыномъ и рекомендовалъ на квартиру къ Тарасову своего шурина. Послѣднiй оказался болѣнъ «чрезвычайною болѣзнiю» (довольно извѣстною и самой Рождественской части) и потому Тарасовъ, «замѣтя ужасную неопрятность, крайне небрежное куренiе трубки, угрожавшее неизбѣжною опасностiю сожженiя не только его обширной квартирѣ, но и всему многолюднѣйшему хозяйскому дому», — отказалъ шурину Гвоздева отъ квартиры. Изъ этого отецъ Тарасовъ выводилъ заключенiе, что Гвоздевъ имѣетъ непрiязненныя къ нему отношенiя и мститъ ему на сынѣ.

На очной ставкѣ подканцеляристъ Тарасовъ сказалъ, какъ потомъ жаловался на него Гвоздевъ оберъ-полицiймейстеру, «яко бы я оклеветалъ его изъ должныхъ мнѣ 80 коп., проигранныхъ въ карты, и вынувъ изъ кармана деньги,—продолжаетъ Гвоздевъ,—не устыдился отдавать мнѣ при слѣдственномъ приставѣ. Прiемъ его хотя и смѣшонъ, но не менѣе того неприличенъ и весьма оскорбителенъ. Во вторыхъ, будто я въ домѣ какого-то чиновника Вавилова (коего я и по сей часъ не имѣю чести знать) отозвался погубить Тарасова, изъ видовъ, вовсе мнѣ неизвѣстныхъ».

Тарасовъ освобожденъ изъ части на поруки 12 августа 1831 г.

16) Грузинецъ Осипъ Хотѣевъ, камердинеръ грузинскаго царевича сенатора Марiама Ираклiевича. Это тотъ сѣдой старикъ въ синемъ фракѣ и желтоватыхъ брюкахъ, о которомъ мы уже упоминали въ началѣ этого разсказа, какъ о лицѣ, возбуждавшемъ толпу къ буйству. Хорошо замѣтивъ Хотѣева, полицiя не рѣшилась взять его изъ толпы, опасаясь подвергнуться неистовству черни и за жизнь свою. Взятъ онъ былъ, уже по приказу оберъ-полицiймейстера, квартальнымъ Сердаковскимъ близъ Конной площади. Хотѣевъ старался у него вырваться и народъ съ Конной, видя это, стронулся было съ мѣста, началъ было приступать къ Сердаковскому. Тогда оберъ-полицiймейстеръ подъѣхалъ къ нимъ и тѣмъ остановилъ движенiе народа. Двое городскихъ сторожей взяли за руки Хотѣева и отвели въ часть.

Не смотря на улики со стороны полицiи и свидѣтельство постороннихъ, признавшихъ Хотѣева, хотя онъ успѣлъ потомъ перемѣнить платье и отпустить бороду,—грузинецъ не сознался. Онъ утверждалъ, что видѣлъ на Конной толпы народа, но для чего народъ сходился, о чемъ шумѣлъ народъ—не знаетъ и даже близко къ лазарету не подходилъ.

Для освобожденія Хотѣева изъ-подъ ареста и отъ суда жена его и зять, придворный камердинеръ Давыдъ Гемяшевъ, употребили не мало средствъ.

Хотѣевъ показалъ, что ему отъ роду 42 года, но жена его увѣряла, что онъ 75-лѣтній и при преклонныхъ лѣтахъ потерялъ память. Въ этомъ она ссылалась на царевича Маріама Ираклiевича, утверждая, что при немъ Хотѣевъ находится уже 40 лѣтъ, а поступилъ къ царевичу 35-ти. Царевичъ отозвался, что у него нѣтъ никакихъ документовъ, изъ которыхъ можно бы было видѣть лѣта Хотѣева. По исповѣднымъ книгамъ онъ оказался 48-ми лѣтъ.

Указаны были женою и зятемъ свидѣтели, долженствовавшіе доказать, что во время народнаго волненія Хотѣевъ былъ не у лазарета, а на бѣгу лѣтней Конной. Часть ихъ оказалась неимѣющими свидѣтельскихъ качествъ, а прочіе ничего полезнаго для Хотѣева не сказали.

Жена представила удостовѣреніе, что Хотѣевъ «всегда велъ себя благопристойно, смирно, тихо и не былъ причастенъ никакихъ дурныхъ дѣяній, къ коимъ, по кроткой его нравственности, вовсе и неспособенъ». Въ числѣ лицъ, подписавшихъ это удостовѣреніе, значатся имеретинская царица Марія, царевичъ Багратъ, Дарья Семеновна Яковлева, урожденная княжна Баратова и другіе.

28 сентября шефъ жандармовъ, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ просилъ оберъ-полицiймейстера **Кокошкина** увѣдомить: «почему не освобождается изъ-подъ ареста семидесятилѣтній старикъ Хотѣевъ, взятый квартальнымъ надзирателемъ Сердаковскимъ за участіе будто его въ нарушеніи спокойствія и содержащійся въ съѣзжемъ домѣ Рождественской части, но который, по слѣдствію, произведенному по распоряженію его прев—ва, будто не оказался ни въ чемъ виновнымъ».

По требованію Кокошкина производитель слѣдствія прописалъ обвиненіе на Хотѣева и донесъ, что слѣдствіе приводится къ окончанію. Однако-жъ, не дождавшись конца слѣдствія, оберъ-полицiймейстеръ 9 октября написалъ своеручно слѣдователю, что, «убѣждаясь просьбами родственниковъ содержащагося арест. Хотѣева и тому долгому изнурительному содержанію подъ арестомъ, несоразмѣрнымъ его преклоннымъ лѣтамъ, разрѣшаетъ объ отдачѣ Хотѣева на законное и вѣрное поручительство родственнику его камердинеру...»

Хотѣевъ въ тотъ же день сданъ былъ на поруки.

Не такъ была счастлива въ своемъ ходатайствѣ жена двороваго Алексѣя **Майкова**. Въ началѣ октября она подавала военному генералъ-губернатору просьбу объ оказаніи защиты мужу, содержащемуся

въ Литейной части болѣе трехъ мѣсяцевъ. Вытребованы были свѣдѣнія, насколько справедлива жалоба, и ходатайство Майковой осталось безъ послѣдствій.

Если случай 2 іюня 1831 г. съ чиновникомъ Рудневымъ не обратилъ на себя особеннаго вниманія правительства, то оно отнеслось не такъ легко къ послѣдующимъ событіямъ.

Высочайше учреждена была слѣдственная коммисія, для изысканія виновныхъ въ происходившихъ въ іюнѣ мѣсяцѣ въ столицѣ возмущеніяхъ. Оберъ-полицiймейстеръ дѣлалъ доклады этой коммисіи.

27 августа онъ представлялъ коммисіи: во первыхъ, «что слѣдствія о бунтѣ, бывшемъ 21 іюня у холернаго лазарета, находившагося въ Рождественской части [1]), равно какъ и по другимъ еще четыремъ дѣламъ [2]) еще не кончены». Во вторыхъ, что «по важности предметовъ, которые заключаются въ этихъ слѣдствіяхъ, необходимо разсмотрѣть степень вины каждаго лица, прикосновеннаго къ онымъ, слѣдственной коммисіи: ибо если предоставить дѣло сіе судебному рѣшенію установленныхъ присутственныхъ мѣстъ, то съ одной стороны дѣла сіи не могутъ получить скораго окончанія, потому что они должны проходить чрезъ нѣсколько инстанцій на разсмотрѣніе правительствующаго сената, поелику уголовнымъ палатамъ не предоставлено право приводить въ исполненіе рѣшительныхъ опредѣленій по тѣмъ дѣламъ, по которымъ обвиняются болѣе 9 человѣкъ [3]) (по бунту въ Рождественской

---

[1]) Слѣдовательно въ концѣ августа 1831 г. лазаретъ этотъ уже не существовалъ.

[2]) Дѣла эти были:

1) О возмущеніи народа въ Рождественской части купцомъ Львомъ Кириловымъ, при отправленіи въ холерный лазаретъ крестьянина Леонова.

2) О буйствѣ отставного штабсъ-капитана Лешевича-Бородулича, который прибилъ квартальнаго надзирателя Клитана въ то время, когда сей послѣдній исполнялъ должность свою и заботился о поданіи помощи, умиравшему отъ холеры на тротуарѣ, крестьянину Казакову.

3) О произведенныхъ безпорядкахъ въ Литейной части крестьяниномъ г-жи Скульской Григорьемъ Ивановымъ, и о подстрекательствѣ на Сѣнной площади народа къ возмущенію Клоссеномъ.

4) О возмущеніи народа на Сѣнной площади отставнымъ чиновникомъ 12 класса Полубенскимъ.

Свѣдѣній объ этихъ дѣлахъ мы не имѣемъ. Видно только, что они производились у слѣдственнаго пристава Иванова, какъ и дѣло о бунтѣ у холернаго лазарета въ Рождественской части.

[3]) Это невѣрно. Въ сенатъ поступали только тѣ дѣла, по которымъ присуждались къ наказанію болѣе 9 человѣкъ. А. П.

части у холернаго лазарета прикосновенныхъ 17 человѣкъ), а съ другой стороны, что присутственныя мѣста, будучи ограничены формами и не имѣя въ виду положительныхъ законовъ, какъ поступать въ подобныхъ случаяхъ, гдѣ къ изобличенію въ общемъ возмущеніи не возможно представить такихъ доказательствъ, какія требуются для изобличенія частныхъ преступленій, затруднятся подвергнуть наказанію безъ ясныхъ уликъ, тогда какъ слѣдственная коммисія, по предоставленной ей отъ государя императора власти, имѣетъ право опредѣлить степень наказанія для каждаго прикосновеннаго къ возмущенію лица по соображенію обстоятельствъ, какія его привлекли къ слѣдствію, времени, когда взятъ подъ стражу, и его поведеніе».

Оберъ-полиціймейстеръ спрашивалъ, «не благоугодно ли будетъ слѣдственной коммисіи разсмотрѣть всѣ упоминаемыя имъ слѣдствія въ своемъ присутствіи и опредѣлить участь каждому прикосновенному къ онымъ лицу, не отсылая въ судебныя мѣста, дабы ни одинъ виновный не остался въ той увѣренности, что упорное запирательство всегда можетъ освободить его отъ заслуживающаго наказанія, ибо въ наказѣ коммисіи 1766 года декабря 31 дня въ 222 ст. изображено: самое надежнѣйшее обузданіе отъ преступленій есть не строгость наказанія, но когда люди подлинно знаютъ, что проступающій законъ непремѣнно будетъ наказанъ».

На докладѣ есть отмѣтка рукою оберъ-полиціймейстера объ утвержденіи этого предположенія 27-же августа.

По окончаніи слѣдствія дѣло о бунтѣ у холернаго лазарета представлено было къ оберъ-полиціймейстеру, а отъ него съ заключеніемъ внесено къ военному генералъ-губернатору. Соглашаясь съ заключеніемъ, онъ, 31 октября, предписалъ первыхъ шесть изъ взятыхъ полиціею, «ни въ чемъ виновными не оказавшихся, нынѣ же освободить, наказавъ двороваго Данилу Силина только за самовольную отлучку отъ помѣщика, при полиціи, розгами; а прочихъ, болѣе или менѣе обнаруживающихся въ нахожденіи въ толпѣ буйствовавшей черни и даже въ самомъ дѣйствіи, отослать вмѣстѣ съ дѣломъ въ надлежащее судебное мѣсто, для учиненія о нихъ разсмотрѣнія и рѣшенія по законамъ».

13 ноября дѣло поступило въ надворный судъ, который распорядился оставленныхъ при полиціи семерыхъ обвиняемыхъ перемѣстить въ тюрьму. Въ февралѣ 1832 года состоялся приговоръ с.-петербургской уголовной палаты.

Палата хотя и освободила отъ суда подканцеляриста Тарасова, но признала его подозрительнымъ и отдала отцу, съ тѣмъ, чтобы тотъ

пристроилъ его, куда по способностямъ онъ можетъ быть годенъ, а праздно жить не позволялъ.

Освобождены были также отъ суда, но оставлены заподозрѣнными въ большемъ или маломъ участіи въ общемъ безпорядкѣ дворовые Кирѣевъ, Майковъ, сынъ мастерового Волковъ и Федоръ Крестьяниновъ.

При этомъ палата распорядилась: Майкова, какъ болѣе обличающагося въ томъ, отдать его господину съ тѣмъ, чтобы имѣлъ Майкова подъ строгимъ надзоромъ или выслалъ въ вотчину;—Кирѣева, за произношеніе буйственныхъ словъ, что «разобьетъ будочниковъ, если возьмутъ его», замѣня за сей дерзкій поступокъ въ чувствительное наказаніе претерпѣваемое имъ долговременное тюремное содержаніе, наказать при полиціи розгами 20 ударами и отдать господину его подъ надзоръ, со внушеніемъ впредь на подобные поступки не отваживаться. Волкова отдать подъ присмотръ ремесленной управы.

Что касается до грузина Хотѣева, то надворный судъ мнѣніемъ, постановленнымъ 31 декабря, полагалъ: за дерзость, заключавшую въ себѣ своевольство, непослушаніе, нарушеніе благочинія и сверхъ того поступокъ, клонящійся къ возмущенію, наказать плетьми чрезъ полицейскихъ служителей и, какъ человѣка вреднаго, выслать изъ столицы, а потому, вытребовавъ его съ поручительства, отослать для содержанія въ городскую тютьму. Палата также нашла, что Хотѣевъ сильно обвиняется въ принятіи большого участія въ буйствѣ народной толпы противу холернаго лазарета, но приняла при этомъ въ соображеніе представленное къ дѣлу засвидѣтельствованіе знатныхъ лицъ о тихости его нрава, трезвости и что онъ, по лѣтамъ его, и неспособенъ къ буйственнымъ поступкамъ, что, по усмотрѣнію палаты, Хотѣеву должно полагать около 70 лѣтъ. Палата обратила вниманіе и на то, что хотя Хотѣевъ и написалъ самъ въ концѣ допроса, что имѣетъ 41 годъ, но среди допроса показалъ противное (онъ упоминаетъ только, что находится въ Петербургѣ съ грузинскимъ царевичемъ съ восшествія на престолъ Александра I), «и слѣдовательно очевидно, что онъ не могъ доказать въ ясности свою невинность, на что однако слѣдователь не обратилъ вниманія, подобно и надворный судъ. Почему должно полагать больше при слѣдствіи одно стремленіе, дабы составить поспѣшнѣе изслѣдованіе не ображаясь на участь оговорнаго». Палата пришла къ заключенію, что «ежели Хотѣева, по словамъ свидѣтелей, и почесть виновнымъ, то, по указу 1798 года ноября 19 дня, изъемлется отъ тѣлеснаго наказанія, а судя по отлично одобренному его поведенію, сомнительно счесть и виновнымъ въ столь высокой степени буйнаго происшествія. Для того, не отягощая его участи, оставить въ подо-

зрѣніи, а что онъ вмѣшался въ толпу народа, за сіе, замѣня тюремное содержаніе, отдать на поруки подъ надзоръ за поведеніемъ».

Деньщикъ Семіонцевъ переданъ на разсмотрѣніе военнаго начальства, прочіе же подсудимые отъ суда освобождены, но при этомъ Тимофеевъ, за небытіе въ теченіи пяти лѣтъ на исповѣди и у св. причастія, отосланъ въ консисторію, для наказанія церковнымъ покаяніемъ.

Арх. Г. Пупаревъ.

С.-Петербургъ.
2-го декабря 1870 г.

Примѣчаніе. Напечатанные выше разсказы составлены по подлиннымъ дѣламъ и сообщены намъ А. Г. Пупаревымъ въ 1870 г. Они оставались четырнадцать лѣтъ не напечатанными въ виду множества матеріаловъ, к распоряженіи редакціи „Русской Старины" находящихся. Съ удовольствіемъ вспоминая о содѣйствіи, оказанномъ намъ А. Г. Пупаревымъ въ 1870—1872 гг. при разборѣ многихъ старинныхъ дѣлъ, и о томъ, что нѣсколько изслѣдованій, имъ составленныхъ, находятся еще у насъ не изданными, — мы отмѣтимъ здѣсь, что А. Г. Пупареву, какъ секретарю Орловскаго статистическаго комитета, принадлежитъ, въ послѣднія десять лѣтъ, множество изслѣдованій объ Орловской старинѣ, статистикѣ, этнографіи, экономическомъ положеніи населенія края, и проч.

Ред.

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА ЗА КАВКАЗОМЪ

въ 1853 и 1854 гг.

Изъ записокъ генер. отъ инфант. М. Я. Ольшевскаго.

VI [1]).

Переходъ черезъ Арпачай.

Бояндурское сраженіе, стоившее намъ, сравнительно съ числительностію участвовавшихъ въ немъ войскъ, большой потери въ людяхъ и разстроившее матеріальную часть артиллеріи, невольно имѣло вліяніе на наши будущія соображенія и наступательныя дѣйствія.

Если бы не было Бояндурскаго сраженія, то съ прибытіемъ, 30-г, октября, Нижегородскаго драгунскаго полка съ донской № 7 батареейо а 1 ноября двухъ баталіоновъ Ширванскаго и одного баталіона Бѣлостокскаго полковъ, у насъ было бы болѣе двумя баталіонами противъ тѣхъ силъ, съ которыми мы предприняли наступательное движеніе за Арпачай, позже двѣнадцатью днями, и одержали побѣду подъ Башкадыкларомъ.

Тѣ же доводы, которыми старались оправдать князя Орбеліани, были неумѣстны. Такъ, между прочимъ, говорили, что если бы и не было Бояндурскаго сраженія, то все-таки мы прежде 10 ноября не перешли бы Арпачай, потому что ранѣе этого времени не былъ готовъ мостъ на этой рѣкѣ. Такое доказательство совершенно неосновательно, потому что Арпачай не только у Александраполя, но и ниже у Бояндура былъ проходимъ въ бродъ, чему служитъ примѣромъ турецкій корпусъ, дѣйствовавшій на нашей сторонѣ. Вотъ если бы обвинили князя Орбеліани въ томъ, почему онъ держалъ подъ убійственнымъ огнемъ въ продолженіи двухъ часовъ первую линію, а не отвелъ ее назадъ при первыхъ выстрѣлахъ, противъ этого я не возражалъ бы.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XLIV, октябрь, стр. 171—190.

Впрочемъ, по истинѣ нужно сказать, что и самъ князь Бебутовъ долго не рѣшался дѣйствовать наступательно, а тѣмъ болѣе вступить въ рѣшительный бой съ непріятелемъ, силы котораго превышали наши слишкомъ въ пять разъ. Нѣсколько разъ я разсуждалъ объ этомъ съ нѣкоторыми изъ моихъ товарищей и даже разъ высказался самому Василію Осиповичу.

— «Развѣ ты не знаешь, братецъ [1]), что турки въ нѣсколько разъ сильнѣе насъ и притомъ стоятъ несравненно выше въ военномъ образованіи противъ прошлыхъ войнъ»,—отвѣчалъ мнѣ старикъ съ свойственнымъ ему хладнокровіемъ.

— Совершенно согласенъ съ мнѣніемъ вашего сіятельства, отвѣчалъ я почтительно. — Согласитесь, однако, чтобы успокоить нашихъ жителей и прекратить неистовые грабежи курдовъ и баши-бузуковъ не остается другого средства какъ перейти Арпачай и, дѣйствуя наступательно, искать боя съ непріятелемъ, или оттѣснить его до Карса.

— «И противъ этого не буду спорить съ тобою, мой другъ,—сказалъ князь Бебутовъ, ласково обнимая меня. «Окончится мостъ на Арпачаѣ и я немедленно двинусь въ турецкіе предѣлы»,—прибавилъ онъ.

Изъ этого разговора видно, что и у князя Бебутова, не смотря на лежащую на немъ большую отвѣтственность, въ случаѣ неудачи, была общая мысль на умѣ, искать боя съ непріятелемъ; но только старикъ колебался перешагнуть Арпачай, который былъ для него Рубикономъ. И, дѣйствительно, Василій Осиповичъ въ этомъ случаѣ долженъ былъ дѣйствовать какъ отчаянный понтеръ, который, однимъ ударомъ желая сорвать банкъ, ставитъ на карту все свое достояніе, или произнести Гамлетовское «быть или не быть», умереть или жить.

Наконецъ, 8-го ноября, не только мостъ на козлахъ, но и тетъ-де-понъ, по правую сторону Арпачая, были совершенно окончены; между тѣмъ приказанія о выступленіи не отдавалось, и только 14 числа мы двинулись черезъ Тахнисъ на Пирвали. Отрядъ былъ невеликъ. Онъ состоялъ изъ десяти баталіоновъ, Нижегородскаго драгунскаго полка, 15 сотенъ казаковъ и милиціи при 32 орудіяхъ; но каждый солдатъ былъ воодушевленъ и горѣлъ нетерпѣніемъ сразиться съ непріятелемъ.

День былъ пасмурный и довольно холодный, то пойдетъ дождь, то перепорхнетъ снѣгъ; однако дорога была не грязная. Къ вечеру при-

---

[1]) Князь Бебутовъ въ разговорахъ съ большинствомъ изъ своихъ близкихъ и штабныхъ подчиненныхъ былъ „на ты", прибавляя зачастую слова: „братецъ, любезный, дорогой". Меня же, какъ воспитывавшагося въ 1 кадетскомъ корпусѣ, называлъ иной разъ и „однокашникомъ". М. О.

шли къ Пирвали, отстоящему отъ Александраполя въ шестнадцати верстахъ, и расположились по Карсъ-чаю бивуакомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, потому что выступили безъ повозокъ, и съ самымъ ограниченнымъ числомъ вьючнаго обоза. Палатки ни одной, а все расположилось подъ открытымъ небомъ, и только князь Бебутовъ со штабомъ пріютился въ нѣсколькихъ сакляхъ небольшого армянскаго селенія Пирвали. Даже костровъ нельзя было развести, потому что не только окрестности бивуака, но и все пространство между Александраполемъ и Карсомъ совершенно безлѣсно. Какъ было бы пріятно погрѣться, а въ особенности обсушиться возлѣ костровъ, потому что было не столько холодно, сколько сыро; притомъ дулъ пронзительный вѣтеръ и крутилъ хлопья снѣга.

О непріятелѣ не было ни слуху, ни духу. Лазутчики говорили, что Абди-паша, отведя войска въ Карсъ, самъ поѣхалъ въ Эрзерумъ доложить муширу объ одержанной имъ побѣдѣ подъ Бояндуромъ, предоставивъ въ свое отсутствіе дѣйствовать Рейсъ-Ахмету-пашѣ, своему начальнику штаба, по его усмотрѣнію.

На другой день свѣдѣнія эти подтвердились посланными княземъ Бебутовымъ надежными лазутчиками. Между тѣмъ шедшій ночью снѣгъ разгрязнилъ дорогу. А потому, вмѣсто наступательнаго движенія впередъ за Карсъ-чай, было совершено фланговое движеніе влѣво на Башъ-Шурагель, гдѣ отрядъ, по доставленіи изъ Александраполя обоза, расположился лагеремъ.

Пятидневная стоянка при этомъ, оставленномъ жителями, турецкомъ селеніи ничѣмъ не ознаменовалась, кромѣ перестрѣлокъ и отчаянной джигитовки курдовъ и баши-бузуковъ, въ то время, когда наши колонны ходили раззорять окрестныя селенія, чтобы добыть изъ домовъ дровъ для варенія пищи и костровъ.

Между тѣмъ, на третій день нашей стоянки подъ Башъ-Шурагелемъ, лазутчики дали знать, что Рейсъ-Ахметъ-паша, узнавъ о нашемъ переходѣ черезъ Арпачай, воспылалъ гнѣвомъ за такую нашу дерзость и немедленно выступилъ со всѣмъ корпусомъ изъ Карса. Однако, по мѣрѣ сближенія съ нами, гнѣвъ Рейсъ-паши стихалъ, потому что онъ, 17 ноября, вновь расположившись лагеремъ между Суботаномъ и Огузлы, далѣе не двигался. Можетъ быть его озадачила побѣда, одержанная ахалцыхскимъ отрядомъ подъ Суплисомъ, надъ его собратомъ Али-пашою. Но если побѣда подъ Суплисомъ дѣйствительно смутила Рейсъ-пашу, то она возбудила энергію и у князя Бебутова, потому что Василій Осиповичъ, послѣ полученія извѣстія объ этой побѣдѣ, рѣшился во чтобы ни стало сразиться съ своимъ противникомъ.

VII.

Башкадыкларское сраженіе 19 ноября 1853 г.

18 ноября, въ десять часовъ свѣтлаго морознаго вечера, отдано было приказаніе объ отправленіи со всѣми тяжестями колеснаго обоза въ Александраполь и о выступленіи отряда съ разсвѣтомъ по дорогѣ на Пирвали.

Лагерь оживился, все заговорило о предстоящемъ сраженіи. Начали сниматься палатки и вмѣстѣ съ другими тяжестями укладываться на повозки. Деньщики и вообще офицерская прислуга суетились надъ вьючными чемоданами. Пѣхотинцы укладывали свои немногія вещи и четырехдневное сухарное довольствіе въ ранцы, пробовали остры ли штыки, исправны ли ружья и патроны. Кавалеристы, кромѣ заботы о своихъ вещахъ, приготовляли саквы съ овсомъ, осматривали сѣдла и своего ратнаго товарища. Артиллеристы, кромѣ заботы о лошадяхъ, осматривали свои орудія, зарядные ящики и конскую сбрую. Даже беззаботные милиціонеры не оставались въ бездѣйствіи, и вмѣстѣ съ прочими суетились и хлопотали возлѣ своихъ лошадей и переметныхъ сумъ. И все это совершалось при свѣтѣ пылающихъ костровъ, которые были разложены чаще и огромнѣе противъ другихъ ночей, что очень естественно, потому что истреблялся весь запасъ дровъ и разный хламъ.

О снѣ и успокоеніи, начиная съ князя Бебутова и до послѣдняго солдата, никто не думалъ, хотя, если строго разсуждать, онъ былъ очень полезенъ. Но можно ли думать о снѣ въ такія минуты, когда приготовляешься къ бою, и когда одного безпокоятъ заботы и распоряженія, другого занимаютъ слава и подвиги, третьяго тревожатъ разнаго рода предчувствія.

За два часа до разсвѣта отдано было приказаніе сѣдлать лошадей, запрягать артилерію и обозъ. Спустя же часъ, отрядъ началъ сниматься съ лагернаго расположенія подъ Башъ-Шурагелемъ и на разсвѣтѣ, предвѣщающемъ хорошій осенній день, двѣ движущіяся черныя полосы обозначали направленіе нашихъ войскъ.

10 баталіоновъ, Нижегородскій драгунскій полкъ въ полномъ составѣ, 15 сотенъ казаковъ при 32-хъ орудіяхъ двигались по дорогѣ на Пирвали [1]. Весь же обозъ этихъ войскъ, подъ прикрытіемъ трехъ

---

[1]) Поименуемъ части съ означеніемъ числительнаго состава каждой: а) Пѣхота. 1-й и 4-й баталіоны Грузинскаго гренадерскаго великаго князя Константина Николаевича полка подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Орбеліани—1320 штыковъ; 1-го, 2-го, 3-го и двѣ роты 4-го баталіона Эриван-

сотенъ донскаго № 20-й и баталіона Бѣлостокскаго полка, прибывшаго изъ Александраполя, по переправѣ черезъ Арпачай у Бояндура, слѣдовалъ въ этотъ городъ.

Около десяти часовъ началась переправа отряда у селенія Пирвали черезъ Карсъ-чай. Не успѣли еще наши линейные казаки, подъ начальствомъ полковника Камкова, поддержанные Кавказскимъ стрѣлковымъ баталіономъ, подняться по крутому подъему на правый берегъ этой рѣки, какъ огромныя массы курдовъ и баши-бузуковъ появились съ лѣвой сторовы. Но во все время движенія нашего отряда, продолжавшагося около часа, они оставались въ бездѣйствіи. Не могу сказать, были-ли они озадачены мѣткими выстрѣлами нашихъ стрѣлковъ, отъ которыхъ нѣсколько всадниковъ попадало съ лошадей, или это произошло отъ другихъ неизвѣстныхъ мнѣ причинъ.

Не думаю, чтобы наше появленіе было неожиданное для Рейсъ-паши, однако въ то время, когда наши войска начали выстраиваться противъ Огузлы, на непріятельской позиціи, занятой на возвышеніяхъ позади этого селенія и рѣчки Маврякъ, здѣсь протекающей, происходили суета и передвиженіе частей [1]).

Нельзя сказать, чтобы при этомъ и со стороны князя Бебутова не выразилась свойственная ему нерѣшительность. Вмѣсто того, чтобы безъ промедленія и въ томъ боевомъ порядкѣ, въ которомъ войска были построены, атаковать непріятеля съ одного изъ фланговъ и преимущественно съ лѣваго, гдѣ мѣстность была болѣе доступная, — начались совѣщанія и перестроенія. Вмѣсто того, чтобы по малочисленности нашего отряда, состоящаго съ небольшимъ изъ 9000 штыковъ

скаго карабинернаго Наслѣдника Цесаревича полка—полковникъ Моллеръ—2310 штыковъ; 1-й и 2-й баталіоны Ширванскаго полка — полковникъ Алтуховъ — 1430 штыковъ; 1-й баталіонъ Куринскаго князя Воронцова полка — подполковникъ Оклобжіо—650 человѣкъ; Кавказскій стрѣлковый баталіонъ—полковникъ Лузановъ — 750 штуцеровъ; двѣ роты Кавказскаго саперпаго баталіона — полковникъ Ковалевскій — 250 человѣкъ. b) Кавалерія. Нижегородскій драгунскій полкъ—генералъ-маіоръ князь Чавчавадзе—1100 сабель; 9 сотенъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска—полковникъ Камковъ—1100 шашекъ; Донской № 4-й полкъ — полковникъ Калининъ — 600 шашекъ. с) Артилерія. Кавказской гренадерской бригады батарейная № 1-й батарея — полковникъ Лагода—и легкая № 1-й—полковникъ Десаже; 21-й артилерійской бригады батарейная № 5-й—полковникъ Москолевъ; Донская № 7-й батарея — полковникъ Долотинъ. Всего 10 баталіоновъ — до 6500 штыковъ; 10 эскадроновъ и 15 сотенъ—до 3000 сабель и шашекъ и 32 пѣшихъ и конныхъ орудій.

[1]) Вѣрный и подробный планъ Башкадыкларскаго сраженія читатель найдетъ въ сочиненіи „Восточная война 1853—1856 годовъ“ генерала М. И. Богдановича. М. О.

и сабель, при 32-хъ орудіяхъ, держаться въ совокупности, мы, во избѣжаніе обхода, растянулись версты на двѣ.

Думать о сохраненіи нашего сообщенія на Пирвали было уже поздно, потому что тѣ-же огромныя массы курдовъ и баши-бузуковъ, которыя при движеніи отъ Карсъ-чая находились съ лѣвой стороны, теперь очутились у насъ въ тылу, такъ что въ случаѣ нашего пораженія, если бы мы не успѣли пробиться на Мусса-Мулла, то ни одинъ изъ насъ не избѣгнулъ бы смерти или плѣна. Недаромъ же Рейсъ-паша, увидя нашу малочисленность и то, что мы окружены со всѣхъ сторонъ, воскликнулъ съ надменностію окружавшимъ его:

— «Побольше веревокъ и аркановъ; сначала перепившихся и сумасшедшихъ гяуровъ перевяжемъ, а потомъ плѣнными поведемъ въ Карсъ» [1]).

Но судьбы Господа неисповѣдимы. Храбрость и мужество наши восторжествовали. Надменные и превышавшіе насъ въ четыре раза турки были разбиты на голову и бѣжали безъ оглядки до самаго Карса.

Опишу въ общихъ чертахъ славное Башкадыкларское сраженіе. Первая линія боевого порядка, въ которомъ мы слѣдовали отъ Карсъ-чая, состоявшая изъ двухъ баталіоновъ Ширванскаго и одного Куринскаго полковъ, гренадерскаго стрѣлковаго баталіона и двухъ ротъ саперъ, была выдвинута подъ начальствомъ генералъ-маіора Кишинскаго противъ центра непріятельской позиціи. Находившіяся при этихъ войскахъ батарейныя батареи, № 2-я гренадерской и № 5-я—21-й артиллерійскихъ бригадъ, руководимыя начальникомъ артилеріи, генералъ-маіоромъ Бримеромъ, немедленно открыли пальбу изъ орудій противъ непріятельскихъ батарей, уже стрѣлявшихъ по нашимъ войскамъ, и нашими первыми выстрѣлами были взорваны два турецкихъ зарядныхъ ящика.

Два дивизіона Нижегородскихъ драгунъ и шесть сотенъ линейныхъ казаковъ при дивизіонѣ донской № 7-й батареи, подъ начальствомъ генерала Багговута, были двинуты влѣво на высоты для удержанія курдовъ и баши-бузуковъ. Князь Чавчавадзе съ остальными тремя дивизіонами Нижегородскихъ драгунъ, тремя сотнями линейныхъ казаковъ и съ другимъ дивизіономъ донской № 7-й батареи съ тою же цѣлію былъ направленъ вправо.

Вторая линія нашего боевого порядка, состоявшая изъ двухъ баталіоновъ Эриванскаго и двухъ баталіоновъ Грузинскаго полковъ, начала сдвигаться къ колоннѣ генерала Багговута. Эти четыре баталіона гренадеръ, ввѣренные начальству ихъ бригаднаго командира князя Багра-

---

[1]) Со словъ плѣнныхъ и лазутчиковъ. М. О.

тіона-Мухранскаго, съ помощію кавалеріи генерала Багговута, предназначались произвести рѣшительную атаку противъ праваго непріятельскаго фланга.

Наконецъ шесть ротъ эриванцевъ, донской № 4-й полкъ съ легкой № 1-й батареей гренадерской бригады, составляя резервъ, должны были оберегать нашъ тылъ отъ огромныхъ массъ курдовъ и башибузуковъ. И если, впродолженіе трехчасового боя, курды и баши-бузуки не осмѣлились сдѣлать не только наступленія, а держались въ отдаленіи, то именно потому, что орудія, снятыя съ передковъ, были направлены противъ нихъ, а казаки готовы были понестись на нихъ въ атаку.

Таково было первоначальное распредѣленіе войскъ, не соотвѣтствующее ни нашимъ силамъ, ни тому положенію, въ которое мы были поставлены при самомъ началѣ.

Пока располагались наши войска на указанныхъ имъ мѣстахъ и сдвигались четыре баталіона гренадеръ для произведенія атаки на нашемъ лѣвомъ флангѣ, непріятель открылъ сильную канонаду изъ своихъ тридцати орудій. Его батареи, занимая возвышенный берегъ рѣчки Маврякъ, обстрѣливали сильнымъ огнемъ все пространство, на которомъ дѣйствовали наши войска. Его ядра и гранаты долетали до нашего резерва, падали и разрывались между парковыми ящиками и транспортными повозками, взятыми съ перевязочными припасами, и другими крайне необходимыми предметами. Даже перевязочный пунктъ не былъ укрытъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, доказательствомъ чему служитъ то, что были ранены лекарь Борковскій и одинъ фельдшеръ, а подносимый къ перевязочному пункту раненый командиръ 2-го Ширванскаго баталіона маіоръ Дьяконовъ былъ добитъ осколкомъ гранаты.

Ранѣе и долѣе прочихъ подвергался непріятельскимъ выстрѣламъ нашъ центръ, войска котораго, стоя неподвижно, около часа находились подъ огнемъ 20 орудій. Между куринцами, пострадавшими отъ артиллерійскаго огня подъ Баяндуромъ, слышался ропотъ:

«Зачѣмъ насъ держутъ подъ ядрами, какъ подъ Баяндуромъ, и не ведутъ въ штыки. Вѣдь намъ не впервые бить татарина», говорили они, не зная того, что генералу Кишинскому ранѣе гренадеръ не приказано было наступать.

Впрочемъ въ такомъ же затруднительномъ и опасномъ положеніи находился и князь Чавчавадзе. Кромѣ большихъ массъ баши-бузуковъ, угрожавшихъ драгунамъ и казакамъ съ фланга и тыла, четыре баталіона съ шестью орудіями сильно напирали и вредили имъ огнемъ съ фронта. Не смотря на смѣлое и отличное дѣйствіе полковника Доло-

тина съ дивизіономъ ввѣренной ему батареи, и на отчаянно храбрыя атаки нижегородскихъ драгунъ, непріятель сильно тѣснилъ нашъ правый флангъ. Много храбрыхъ пало смертію или выбыло изъ фронта, какъ тяжело раненые.

Наконецъ, гренадеры пошли въ атаку по крутой возвышенности, а генералъ Багговутъ съ кавалеріей понесся во флангъ и тылъ непріятеля. Предводительствуемые генералами Бримеромъ и Кишинскимъ, двинулись впередъ и войска, составляющія центръ. Артиллерійскій огонь слился съ сильнымъ ружейнымъ.

Трудна была атака эриванцевъ и грузинцевъ, построенныхъ въ двѣ полковыя колонны. Имъ нужно было подняться въ гору и совершить это не только подъ картечью изъ восьми орудій, но и сильнымъ штуцернымъ огнемъ трехъ баталіоновъ. У эриванцевъ уже выбыли изъ строя оба баталіонные командира: маіоръ Турчановскій былъ убитъ, а баронъ Врангель сильно раненъ; не досчитывалось уже нѣсколькихъ ротныхъ командировъ; десятками падали нижніе чины; но они, дойдя до гребня высоты, съ крикомъ ура бросились на врага и штыками обратили его въ бѣгство, овладѣвъ четырьмя орудіями.

Съ такимъ-же мужествомъ и храбростію лѣвѣе ихъ поднимались грузинцы; но, разстроенные сильнымъ огнемъ двухъ штуцерныхъ баталіоновъ и поколебленные смертельною раною своего полкового командира, князя Орбеліани, въ ихъ рядахъ произошло замѣшательство, и они начали отступать. Однако, воодушевленные княземъ Бебутовымъ и во-время подкрѣпленные двумя ротами съ двумя орудіями, взятыми изъ резерва, грузинцы скоро оправились и отмстили за смерть своего полкового командира и другихъ своихъ начальниковъ. Преслѣдовавшіе ихъ два непріятельскіе баталіона, попавшіе между двухъ огней, были уничтожены и трупами своими завалили глубокій оврагъ, находящійся между высотами, откуда началась атака и гдѣ теперь стояли побѣдителями эриванцы.

Одновременно съ тѣмъ, какъ гренадеры атаковали съ фронта правый флангъ непріятеля, генералъ Багговутъ съ драгунами, казаками и четырьмя орудіями, пронесшись вихремъ между изумленными курдами и баши-бузуками, бросился въ шашки съ фланга. Отбросивъ однимъ ударомъ сувари или регулярную турецкую кавалерію, онъ налетѣлъ на пѣхоту, и тогда какъ драгуны и казаки крошили ее саблями и шашками, есаулъ Кульгачовъ, начальникъ дивизіона донской № 7 батареи, съ самаго ближайшаго разстоянія громилъ ряды низама [1]) картечью. Много и здѣсь оказано было храбрости, мужества и самоотверженія. Много и здѣсь не досчитывалось въ рядахъ павшихъ смертію, или

[1]) Турецкая регулярная пѣхота. М. О.

выбывшихъ изъ строя ранеными. И турецкая пѣхота, пошатнувшаяся съ фронта отъ дружнаго удара гренадеръ въ штыки, а также приведенная въ ужасъ молодецкой кавалерійской атакой и поражаемая картечью съ фланга и тыла, дрогнула и побѣжала, оставивъ въ нашихъ рукахъ свои орудія, облитыя кровью артилеристовъ.

Но въ то время, когда полная побѣда была на нашемъ лѣвомъ флангѣ, въ центрѣ у генерала Кишинскаго и на правомъ флангѣ у князя Чавчавадзе шла страшная упорная рѣзня. Ширванцы, куринцы, стрѣлки и саперы или штурмовали сакли селенія Огузлы, или дрались съ непріятелемъ, засѣвшимъ за каменьями, расположенными террасами за этимъ селеніемъ.

Истомленные драгуны и линейные казаки князя Чавчавадзе, не смотря на отчаянныя атаки, которыми они удерживали насѣдающаго на нихъ въ десять разъ сильнѣйшаго непріятеля, были оттѣснены за Огузлы, такъ что они съ пѣхотой, дѣйствующей въ центрѣ, составляли острый внутренній уголъ, или, чтобы яснѣе выразиться, нашъ правый флангъ былъ обращонъ къ нашему центру спиною, находясь одинъ отъ другого почти на версту.

Однако побѣдные клики и громогласное неумолкаемое ура на Башкадыкларской возвышенности мгновенно измѣнили ходъ дѣла внизу у Огузлы. Турки, видимо осиливавшіе здѣсь насъ, начали быстро отступать по слѣдамъ разбитыхъ и бѣгущихъ своихъ товарищей праваго фланга. Въ преслѣдованіе отступающаго непріятеля былъ посланъ донской № 4 полкъ, находившійся до того въ арріергардѣ.

Преслѣдованіе продолжалось только до непріятельскаго лагеря, находившагося въ верстахъ двухъ отъ поля битвы и брошеннаго турками со всѣмъ багажемъ; далѣе же не могло продолжаться, потому что войска были сильно истомлены и понесли огромныя потери. Притомъ и солнце было на закатѣ. Да и зачѣмъ намъ было заботиться о преслѣдованіи турокъ, когда курды помогали намъ въ этомъ, если не убивая, то обирая ихъ на славу. Въ особенности они поживились хорошо въ обозѣ пашей и даже самого Рейсъ-паши, какъ бы въ отместку за то, что они прежде другихъ, оставивъ поле битвы, уходили безъ оглядки въ Карсъ.

Побѣда была полная, блистательная. 26 пушекъ, единороговъ и гаубицъ разныхъ калибровъ съ 68 упряжными лошадьми, десять зарядныхъ ящиковъ, частью поврежденныхъ нашими выстрѣлами, одно полковое знамя, десять значковъ и множество разнаго оружія, оставленные непріятелемъ на полѣ сраженія, были трофеями этого славнаго для насъ дня.

Плѣнныхъ было только: 1 штабъ-офицеръ и 1 оберъ-офицеръ, оба раненые и 10 нижнихъ чиновъ. Да и не могло быть иначе, потому

что турки держались на позиціи съ упорствомъ; когда же послѣ штыкового дѣла пѣхоты и сабельныхъ ударовъ кавалеріи дрогнули и побѣжали, то первоначальное исчезновеніе ихъ было очень быстрое. Преслѣдовать-же на дальнемъ разстояніи, какъ я уже сказалъ, мы не имѣли средствъ и возможности.

Сверхъ того намъ достались два лагеря, расположенные не въ дальнемъ расзтояніи одинъ отъ другого, и состоящіе по меньшей мѣрѣ изъ 500 конусообразныхъ новыхъ палатокъ зеленыхъ и бѣлыхъ. Но были палатки разноцвѣтныя, большихъ размѣровъ и весьма красивы, по своему устройству, принадлежавшія, безъ сомнѣнія, пашамъ и полковымъ командирамъ. Въ палаткахъ были оставлены ранцы, плащи, сухари, котелки и другая посуда. Лагерь со всѣми находящимися въ немъ вещами большею частію достался жителямъ окрестныхъ деревень и курдамъ, потому что доходившая до лагеря кавалерія могла взять съ собою незначительное число палатокъ.

Башкадыкларское сраженіе хотя стоило намъ большихъ потерь, но, судя по упорности боя, продолжавшагося болѣе трехъ часовъ, и силѣ непріятельскаго огня, эти потери не были столь огромны, какъ можно было предполагать. Убиты маіоры Турчановскій и Дьяконовъ, 9 офицеровъ и 308 нижнихъ чиновъ. Ранены, большею частію тяжело (изъ которыхъ нѣкоторые померли), 8 штабъ-офицеровъ [1]), 24 оберъ-офицера и 762 нижнихъ чина. Сверхъ того оказалось контуженныхъ, преимущественно артиллерійскими снарядами, 180 человѣкъ.

Собрать съ поля сраженія убитыхъ для преданія ихъ съ подобающею почестью землѣ, пріютить и успокоить раненыхъ, хотя было первой заботой каждаго, но это не такъ легко было сдѣлать. Убитые свезены и снесены къ Огузлинскому храму Божію, жители котораго были, какъ и другихъ окрестныхъ селеній, армяне-григоріанцы, и уложены въ десятки рядовъ, съ тѣмъ, чтобы на другой день, послѣ общей панихиды, предать ихъ погребенію. Что же касается раненыхъ, то успокоеніе ихъ было не такъ легко. Хотя для размѣщенія ихъ были избраны лучшіе дома жителей, но удобнаго помѣщенія оказалось недостаточно.

Изъ тяжело раненыхъ болѣе, чѣмъ 40 человѣкамъ нужно было сдѣлать немедленныя ампутаціи; а это, при всемъ искуствѣ и усердіи медиковъ, не могло быть исполнено надлежащимъ образомъ, по неимѣнію даже самыхъ необходимыхъ для этого средствъ. А потому рѣ-

---

[1]) Грузинскаго гренадерскаго: маіоры—князь Шаликовъ, князь Орбеліани и Чупятовъ; Эриванскаго карабинернаго: маіоры—баронъ Врангель и князь Шаликовъ; командиръ стрѣлковаго баталіона подполковникъ Лузановъ; командиръ саперпаго баталіона полковникъ Ковалевскій; командиръ 21 артиллерійской бригады полковникъ Журавскій. М. О.

шено было тяжело раненыхъ отправить въ Александраполь съ двумя баталіонами завтра утромъ, неся ихъ преимущественно на носилкахъ. Для перевозки же всѣхъ прочихъ раненыхъ, а равно отбитыхъ орудій, зарядныхъ ящиковъ, оружія и другихъ трофеевъ, немедленно потребованы изъ Александраполя перевозочныя средства.

По расположеніи побѣдителей частію подъ открытымъ морознымъ небомъ, а частію въ палаткахъ, взятыхъ изъ непріятельскаго лагеря, начались ликованія и разсказы о совершенныхъ подвигахъ вокругъ слабо горящихъ костровъ, которые дѣйствительно были рѣдки и малы по недостатку дровъ.

Не смотря на то, что прошлая ночь была проведена безъ сна, что весь день прошолъ въ сильномъ напряженіи физическихъ и нравственныхъ силъ, громкіе крики и возгласы пирующихъ не унимались далеко за полночь. За то мертвая тишина царила въ отрядѣ на разсвѣтѣ; только часовые, медики и ухаживающіе за ранеными бодрствовали, да раздавались стоны раненыхъ.

Участники славнаго Башкадыкларскаго сраженія были щедро награждены своимъ великимъ императоромъ. Князь Бебутовъ получилъ орденъ св. Георгія 2-й степени. Произведенный въ генералъ-лейтенанты, Багговутъ, а также генералъ-маіоры князья Багратіонъ-Мухранскій и Чавчавадзе были награждены тѣмъ-же орденомъ 3-й степени. Св. Георгія 4-й степени удостоились: полковники Москолевъ и Камковъ, подполковники Нижегородскаго драгунскаго полка Петровъ [1]) и Борковскій, маіоры князь Орбеліани, баронъ Врангель и князь Шаликовъ, съ производствомъ притомъ въ слѣдующіе чины, и капитанъ князь Чавчавадзе. Нижнимъ чинамъ пожаловано по десяти знаковъ военнаго ордена на роту и батарею и по пяти знаковъ на эскадронъ и сотню. Независимо этого, кромѣ другихъ наградъ, офицерамъ назначено не въ зачетъ полугодовое жалованье, а каждый нижній чинъ получилъ по два рубля серебромъ.

VIII.

Возвращеніе въ Александраполь и зимнее пребываніе въ этомъ городѣ.

Простоявъ еще однѣ сутки бивуакомъ подъ Огузлы, совершивъ кавалерійское движеніе по направленію къ Карсу, и покончивъ погребеніе, при помощи жителей, убитыхъ турокъ, отрядъ двинулся въ Александраполь.

Былъ мрачный осенній день, но городъ казался праздничнымъ. Все населеніе, отъ старца до ребенка, могущаго передвигать ноги, вышло

---

[1]) Нынѣ генералъ-лейтенантъ и командиръ армейскаго корпуса. М. О.

привѣтствовать побѣдителей съ хоругвями и образами, и расположилось по возвышенностямъ и холмамъ передъ Арпачаемъ. Пушечная пальба съ крѣпости, а вслѣдъ затѣмъ колокольный звонъ возвѣстили приближенiе отряда, и толпы съ образами и хоругвями двинулись впередъ и встрѣтили князя Бебутова по переѣздѣ черезъ мость. Одни, падая на колѣни, возсылали теплыя молитвы къ Творцу Небесному, другiе, припадая къ стремени и коню, на которомъ ѣхалъ князь, лобызали его руки и ноги.

Изъ этого оказывается какимъ высокимъ, безпредѣльнымъ чувствомъ благодарности проникнуты были жители Александраполя и окрестныхъ деревень къ побѣдителю Башкадыклара, и какъ высоко они ставили и цѣнили эту побѣду. И дѣйствительно она была въ особенности велика и важна для поселянъ, потому что однимъ этимъ ударомъ успокоивался пограничный край. Послѣ Башкадыкларскаго сраженiя уже ни одинъ курдъ, а тѣмъ болѣе баши-бузукъ, не являлся въ нашихъ предѣлахъ для грабежа, въ продолженiе всей зимы.

Войска, расположенныя по армянскимъ селенiямъ, хотя ни разу не были тревожимы, но нельзя сказать, чтобы они довольствовались удобствами зимняго квартированiя. Чтобы выразилось это удобопонятнѣе и рельефнѣе, нужно обратить вниманiе на образъ жизни и постройку жилищъ, какъ жителями Кавказа, такъ и живущими въ азiятской Турцiи. Обитатель Кавказа, кто бы онъ ни былъ, грузинъ, армянинъ, мусульманинъ сунитскаго или шiитскаго толка, мало заботится объ удобномъ и тепломъ для себя помѣщенiи. Приписать же это нужно изъ беззаботности, а отчасти привычкѣ жить на открытомъ воздухѣ.

До появленiя русскихъ на Кавказѣ не имѣлось понятiя о печахъ. Камины же ихъ, какъ устраиваемые безъ заслонокъ и вьюшекъ, согрѣваютъ внутренность жилища только тогда, когда въ нихъ есть огонь. Такой способъ устройства жилищъ еще пригоденъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ зима непродолжительна и не бываетъ большихъ морозовъ. Но жить въ такого рода постройкахъ на возвышенныхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ Ахалцыхскiй и Александропольскiй уѣзды, или Карскiй пашалыкъ, гдѣ зима продолжается 4 — 5 мѣсяцевъ и морозы достигаютъ до 20 градусовъ, вовсе неудобно. Это тѣмъ болѣе не по нраву русскому человѣку, привыкшему погрѣться на печи и расправить на ней свои кости и члены.

По такой важной причинѣ зимнее расположенiе въ армянскихъ селенiяхъ больно не нравилось нашему солдату—и онъ сильно грустилъ о своей родной избѣ и вспоминалъ о Духоборьи и молоканскихъ селенiяхъ, если привелось ему стоять въ нихъ зимою.

Нашъ солдатъ о жильѣ армянина отзовется съ презрѣнiемъ и назоветъ его не иначе, какъ «буйволятней». И онъ правъ, давши такое

названіе, потому что подъ одной крышей съ жильемъ человѣка помѣщаются буйволы, лошади и разныя другія животныя; а это дѣлается не только въ армянскихъ, но и въ мусульманскихъ селеніяхъ, какъ нашихъ, такъ и турецкихъ.

Въ Карсѣ очень много такихъ домовъ, гдѣ внизу помѣщаются лошади, буйволы и другія животныя, а надъ ними живетъ съ своимъ гаремомъ зажиточный турокъ, а пожалуй и паша. Испаренія, исходящія изъ навоза и кала животныхъ, а равно ихъ дыханіе, согрѣвая жилье, заражаютъ его непріятнымъ вонючимъ запахомъ. Но пограничные наши армяне и мусульмане, а равно турки, по неимѣнію дровъ, и вообще по недостатку топлива, согрѣваясь теплотою животныхъ, ни мало не гнушаются такимъ спертымъ воздухомъ, а напротивъ находятъ его весьма здоровымъ.

Но если войска наши, квартировавшія по армянскимъ селеніямъ, подвергались неудобствамъ, то нельзя было этого сказать о баталіонахъ, расположенныхъ въ Александраполѣ. Не смотря на огромность карауловъ и большія работы по заготовленію сухарей для будущаго довольствія, болѣзненность между людьми была умѣренная, потому что обращалось полное вниманіе на хорошее ихъ размѣщеніе и содержаніе.

Жилось удобно и притомъ весело и штабу Александрапольскаго отряда. Даже и на мою долю, не смотря на огромность занятій, перепадали удовольствія и развлеченія. Правда, послѣ Башкадыкларскаго сраженія, моя дѣятельность приняла болѣе правильное направленіе, потому что были уже и начальникъ штаба, и оберъ-квартирмейстеръ, и старшіе адъютанты, и казначей.

Коснусь нѣкоторыхъ подробностей зимней александрапольской жизни. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ были въ крѣпости собранія въ комендантскомъ домѣ, который былъ свободенъ, по случаю отъѣзда генерала Шульца въ отпускъ. Помѣщеніе было большое и удобное, два хора музыки, кавалеровъ бездна и въ дамахъ не было недостатка; притомъ между ними были и хорошенькія. Если не было мятели и вьюги, что, какъ я уже упомянулъ, случалось въ Александраполѣ довольно часто, собранія были полны и шумны. Князь Бебутовъ тоже не упускалъ случая бывать въ собраніи, и тѣмъ въ общемъ мнѣніи придавалось ему еще болѣе значенія. Говоря вообще о Василіи Осиповичѣ, нужно сказать, что онъ любилъ общественную жизнь и не отказывался отъ такихъ удовольствій и приглашеній, на которыхъ въ кругу своихъ подчиненныхъ могъ провести вечеръ и сыграть нѣсколько роберовъ въ вистъ или ералашъ. Онъ также любилъ и полюбезничать съ дамами.

У князя Бебутова ежедневно къ двумъ часамъ собирался къ обѣду весь штабъ и приглашенныя имъ лица, такъ что за столъ менѣе 20-ти человѣкъ не садилось. Обѣдъ былъ вкусный и менѣе четырехъ блюдъ

не подавалось; вино было исключительно кахетинское и всегда хорошее. Разговоръ былъ самый оживленный, потому что не только самъ князь любилъ поразсказать, но и слушать веселые и смѣшные анекдоты и происшествія. Часто раздавался самый задушевный и громкій хохотъ всѣхъ обѣдающихъ. Никто не стѣснялся присутствіемъ добраго, привѣтливаго начальника и гостепріимнаго хозяина; но никто не дозволялъ себѣ сказать что-нибудь лишнее и неумѣстное.

Такъ жилось въ Александраполѣ въ продолженіе всей зимы и миръ и спокойствіе царили въ немъ и его окрестностяхъ. Къ чести войскъ нужно сказать, что ни одно скандальное обстоятельство не помрачило ихъ и не встревожило начальства.

Такимъ же мирнымъ путемъ шли дѣла и за Арпачаемъ. Непріятеля какъ будто бы не существовало. Только черезъ лазутчиковъ получались свѣдѣнія, что въ Карсѣ сосредоточиваются войска, дѣлаются огромныя заготовленія продовольственныхъ и военныхъ запасовъ, а самая крѣпость приводится въ сильное оборонительное состояніе. И судя по разсказамъ лазутчиковъ, въ Карсѣ находилось до 30,000 съ 60-ю орудіями, сдвинутыхъ послѣ сраженія подъ Башкадыкларомъ изъ-за Саганлуга и съ другихъ мѣстъ. Извѣстно также было, что въ эту крѣпость съ венгерскимъ ренегатомъ Хуршидъ-пашею прибыло много иностранныхъ офицеровъ и разныхъ другихъ авантюристовъ и искателей приключеній.

Въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ тоже было совершенно покойно. Только на оконечностяхъ нашей границы, а именно въ Сурмалинскомъ участкѣ—курды, а въ Гуріи—аджарцы и кобулетцы производили по временамъ тревоги. Въ особенности же частыя тревоги съ упорными перестрѣлками совершались въ Гуріи у Чахатскаго моста.

IX.

Сосредоточеніе Александрапольскаго отряда на Арпачаѣ.

Между тѣмъ приближалась весна. Толстымъ слоемъ лежавшій снѣгъ началъ быстро таять. Ничтожные ручейки, текущіе въ частыхъ и глубокихъ оврагахъ, вздулись и затрудняли сообщеніе. Вода въ Арпачаѣ тоже поднялась и мостъ нѣсколько разъ портило и угрожало совершеннымъ снесеніемъ.

По причинѣ дурной стоянки по армянскимъ селеніямъ усилилась болѣзненность въ войскахъ, такъ что госпиталь въ крѣпости переполнился, и нужно было больныхъ располагать въ городѣ. Однако все это было предусмотрѣно и своимъ чередомъ миновалось безъ всякихъ послѣдствій.

Наконецъ начали подходить полки 18-й пѣхотной дивизіи, начальникомъ которой былъ генералъ-лейтенантъ Бѣлявскій, и сводно драгунская бригада подъ начальствомъ красиваго, рыцарски храбраго и высокой честности генералъ-маіора графа Нирода. Начались торжественныя встрѣчи желанныхъ гостей. Князь Бебутовъ встрѣчалъ всѣ эти части за нѣсколько верстъ до Александраполя съ лаской и привѣтомъ, на что онъ былъ такой мастеръ. Насъ радовалъ стройный молодецкій ихъ видъ и малость больныхъ, не смотря на огромный и трудный походъ, совершенный ими въ продолженіе зимы. Тверской и Новороссійскій драгунскіе полки удивляли насъ притомъ сохраненіемъ своихъ лошадей въ отличномъ тѣлѣ. Каски же придавали красу и воинственность.

Въ началѣ мая по обѣ стороны Александрапольской крѣпости раскинулись два огромные лагеря. Я съ цѣлію подчеркнулъ слово «огромный», потому что до сихъ поръ не сосредоточивалось на Арпачаѣ такого большого числа войскъ. По сѣверную ея сторону, по направленію къ Ахалкалакамъ, расположились драгунскіе полки: Тверской—полковникъ Куколевскій, Новороссійскій—генералъ-маіоръ Тануторовъ, Нижегородскій—генералъ-маіоръ князь Чавчавадзе; девять сотенъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска—полковники Камковъ и Евсѣевъ; три батареи: Донская № 6—полковникъ Двухжоновъ, Донская № 7—полковникъ Долотинъ и Кавказская линейная № 15—подполковникъ Веревкинъ.

По другую сторону крѣпости, по направленію къ Аллагезу, были расположены полки 18 дивизіи: Ряжскій—полковникъ Ганецкій, Бѣлевскій—полковникъ Нѣеловъ и Тульскій—генералъ-маіоръ Фетисовъ, съ тремя батареями 18 артиллерійской бригады [1]); три съ половиной баталіона эриванцевъ—полковникъ Моллеръ; три баталіона грузинцевъ—полковникъ князь Тарханъ-Мауравовъ; гренадерскій стрѣлковый баталіонъ—полковникъ Лузановъ; саперный баталіонъ—полковникъ фонъ-Кауфманъ 1-й; батарейныя № 1 и 2 и легкая № 1 батареи гренадерской артилерійской бригады [2]).

Такое огромное сосредоточеніе войскъ подъ Александраполемъ хотя

---

[1]) Командиры батарей: полковникъ Воронковъ, подполковникъ Рудаковъ и капитанъ Григорьевъ.

Въ „Русской Старинѣ“ за декабрь 1883-го года помѣщены записки П. Д. Рудакова, въ которыхъ описываются поверхностно и не вполнѣ вѣрно дѣйствія Александрапольскаго отряда въ Азіятской Турціи въ 1853—1854 годахъ

[2]) Командиры батарей прежніе полковники: Ладога, Брискорнъ и Десаже.

М. О.

значительно усложнило мои занятія, но не лишило меня удовольствія проводить вечера въ кругу моихъ товарищей, гдѣ карты попрежнему преобладали. Былъ также участникомъ пировъ и обѣдовъ, которые давались кавказцами прибывшимъ къ нимъ гостямъ, и наоборотъ.

На Кавказѣ съ давнихъ поръ укоренился обычай гостепріимства. Не только офицеры, но и солдаты слѣдовали ему. Прибывала ли въ штабъ-квартиру другая посторонняя часть—какъ офицеры, такъ и нижніе чины старались пріютить и угостить прибывшихъ своихъ товарищей, зная, что въ свою очередь и имъ будетъ отплачено тѣмъ-же. Это врожденное качество русскаго человѣка еще болѣе окрѣпло на Кавказѣ отъ примѣра горцевъ, отличавшихся гостепріимствомъ, и невозможности всегда и вездѣ достать за деньги самыхъ первыхъ предметовъ потребности, для утоленія голода и жажды.

Поэтому неудивительно, что, по прибытіи 18-й пѣхотной дивизіи и сводной драгунской бригады, первыя привѣтствія были заявлены со стороны кавказскихъ войскъ, которыя впрочемъ выразились только наружными знаками гостепріимства; полнаго же сближенія и сочувствія не было. Да иначе и не могло быть. Не только кавказскіе офицеры, но и солдаты всегда смотрѣли на «Россійскія войска» съ высокомѣріемъ. Первые считали себя во всѣхъ отношеніяхъ выше послѣднихъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Кавказцы были смѣтливѣе, расторопнѣе, ловчѣе, находчивѣе въ войнѣ съ горцами. Нельзя отвергать и того, что они были привычнѣе къ совершенію большихъ переходовъ, въ особенности по горамъ, и перенесенію трудовъ и лишеній. Но нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобы кавказскій солдатъ былъ мужественнѣе, неустрашимѣе, храбрѣе. Если же случалось, напримѣръ, попадать въ просакъ Люблинцу или Бѣлевцу,—чаще Куринца или Ширванца, то это приписать нужно неопытности, нерасторопности и нераспорядительности офицеровъ первыхъ.

Слѣдуетъ отчасти винить въ этомъ и кавказское начальство, которое не всегда умѣло направлять надлежащимъ образомъ войска, прибывающія изъ внутри имперіи, а иногда не поощряло ихъ наградами по заслугамъ. А это возбуждало ропотъ и неудовольствія, доводившія иной разъ до вредныхъ послѣдствій въ общемъ дѣлѣ.

Однако, къ чести Александрапольскаго отряда, долженъ сказать, что въ немъ отъ такого антагонизма не случилось ничего вреднаго вообще и скандальнаго въ частности. Все жило дружно, весело и спокойно, по крайней мѣрѣ по наружности.

М. Я. Ольшевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ «Московскимъ воспоминаніямъ Н. В. Берга».

ЗАМѢТКА.

Въ виду того, что въ „Русской Старинѣ" помѣщаются исправленія даже мелкихъ неточностей статей, вошедшихъ въ предыдущіе №№ (что, конечно, и должно быть въ сборникѣ статей по исторіи, одно изъ главныхъ достоинствъ которой—точность),—привожу здѣсь поправки и добавленія къ нѣкоторымъ мѣстамъ „Московскихъ воспоминаній" Н. В. Берга („Русская Старина" изд. 1884 г., т. XLII, іюнь).

Къ стр. 639. Училище, о которомъ пишетъ Н. В. Бергъ, оффиціально называлось въ то время (не знаю—какъ теперь): Училище живописи и ваянія Московскаго художественнаго общества (это значится въ формулярѣ моего отца,—см. далѣе „къ стр. 650").

Юшковъ переулокъ получилъ названіе отъ дома, въ которомъ помѣщалось училище, принадлежавшаго бывшему богачу—Юшкову.

Къ стр. 643. Бесѣдка, о которой идетъ рѣчь на стр. 643—644, была построена для меня и сестры моей нашимъ отцомъ — не профессоромъ Мейеромъ, а учителемъ архитектуры — Мюллеромъ.

Къ стр. 650. Отецъ мой, Александръ Степановичъ Мюллеръ, родился 15-го января 1812 г., умеръ 9-го февраля 1855 г., въ Екатерининской больницѣ, въ Москвѣ. Въ 1833 г. онъ кончилъ курсъ въ Петербургской академіи художествъ, и, по журналу ея 16-го декабря того года, получилъ, по архитектурѣ, званіе свободнаго художника. Въ 1838 и 1839 гг. состоялъ при постройкѣ Пулковской обсерваторіи. Съ 1849 г. служилъ въ Москвѣ. Мы жили въ домѣ Юшкова нѣсколько лѣтъ, до смерти отца, въ квартирѣ при училищѣ. У насъ постоянно бывали Скотти, Н. А. Рамазановъ, Мокрицкій и другіе. Особенно замѣчательныхъ зданій отецъ не воздвигъ. Но изъ красивыхъ имъ построены дома: графини Самойловой, въ Парижѣ, faubourg St. Honoré, rue de la Pépinière, № 117 (въ 1843 г.); въ Москвѣ—Пукаловой, на Тверскомъ бульварѣ, и богача Рахманова—у Страстного монастыря; послѣдній домъ произвелъ, какъ говорятъ, въ свое время, извѣстную sensation. Въ августѣ 1851 г. отцомъ оконченъ проектъ „Русскаго пантеона", зданія, вдохновленнаго въ немъ Уэстминстерскимъ аббатствомъ, Версайльскою національною галлереею, Регенсбургскою (Баварія) Валгаллою и Римскимъ пантеономъ. Русскій пантеонъ проектированъ въ видѣ громаднаго (длина 100 саженъ) зданія, расположеннаго буквою Н. На перемычкѣ расположенъ 21-главый соборъ въ стилѣ московскаго храма Спаса. Вокругъ собора, въ нижнемъ этажѣ предполагались катакомбы великихъ людей. Главный входъ въ нихъ предназначался подъ памятникомъ, колоссальною статуею Россіи, помѣщенномъ внѣ зданія. Въ среднемъ этажѣ расположены залы для предметовъ наукъ, промышленности и скульптуры и для архивовъ. Въ верхнемъ, со стеклянными потолками,—картинныя галлереи. Фасадъ зданія въ русскомъ, теремномъ стилѣ, украшенъ статуями и бюстами государей и великихъ людей Россіи, а по стѣнамъ—историческими барельефами. Въ соборѣ предполагалось храненіе трофеевъ русскихъ войскъ.

Проектъ этотъ такъ и остался въ чертежахъ, хранящихся у меня. Ни-

куда представленъ онъ не былъ. Въ 1853 г. отецъ захворалъ, и, проболѣвъ два года, умеръ, 43-хъ лѣтъ.

Въ виду громадной, очевидно, стоимости зданія, неимѣнія ни связей, ни знакомствъ въ мірахъ артистическомъ и вліятельномъ (по смерти отца мы остались почти нищими: мнѣ было 8 лѣтъ), и я не представляю отцовскаго проекта, очень красиваго и монументальнаго, по моему.

Этою замѣткою я считалъ долгомъ выразить свое почтеніе къ безвременно умершему отцу моему.

Юрій Александровичъ Крéстцовъ [1]).

Городъ Крестцы, Новгородской губерніи.
4 сентября 1884 г.

Къ Запискамъ педагога барона Н. А. Корфа.

РЕПЕТИЦІИ УРОКОВЪ.

Въ VI главѣ Записокъ барона Н. А. Корфа („Русская Старина" 1884 г. май) авторъ, описывая существовавшую въ лицеѣ систему репетицій, говоритъ, что такой организаціи репетицій онъ, баронъ Корфъ, „съ тѣхъ поръ, какъ школьное дѣло стало моею спеціальностью, не встрѣчалъ нигдѣ ни въ Россіи, ни за границей".

Существовало ли что нибудь подобное за границей—не знаю; но у насъ въ Россіи та-же система практиковалась и, по всей вѣроятности, и нынѣ практикуется; а именно: въ 1863 году, при преобразованіи кадетскихъ корпусовъ и образованіи военныхъ училищъ, начальникъ 1-го военнаго Павловскаго училища, генералъ-маіоръ П. С. Ванновскій (нынѣ генералъ адъютантъ и военный министръ), завелъ таковую въ упомянутомъ училищѣ и притомъ въ болѣе раціональной формѣ: репетиціонныя партіи состояли всего лишь изъ трехъ человѣкъ; репетиціи имѣли мѣсто по вечерамъ отъ 6 до 8 часовъ; предметомъ репетицій было не содержаніе нѣсколькихъ прочитанныхъ лекцій, а прочитанный на утреннихъ лекціяхъ въ общей аудиторіи извѣстный цѣльный отдѣлъ науки; наконецъ, репетиціи были обставлены въ одно время и извѣстной строгостью и свободой: такъ, сдающій репетицію могъ всегда получить отсрочку, если почему либо не могъ приготовиться къ репетиціи; но за то ни болѣзнь, ни иная какая бы то ни была, хотя и законная, причина не давала возможности совершенно увильнуть отъ репетиціи, хотя бы одного какого-либо отдѣла науки, такъ что въ теченіи учебнаго курса каждый юнкеръ училища долженъ былъ обязательно сдать на репетиціяхъ весь прочитанный курсъ. Далѣе, экзаменъ былъ только выпускной, имѣвшій значеніе лишь общей повторительной репетиціи для обнятія изучаемыхъ предметовъ въ цѣломъ объемѣ

---

[1]) Прежняя моя фамилія Мюллеръ измѣнена на Крéстцовъ, по моему ходатайству, съ Высочайшаго соизволенія 21-го марта 1884 г. Ю. К.

Репетиторовъ по каждому предмету было по нѣсколько человѣкъ. что, при отсутствіи общихъ списковъ репетиціонныхъ балловъ, давало большую гарантію справедливости оцѣнки знаній, ибо устраняло весьма вредныхъ ея факторовъ: установившееся реноме репетирующагося и личныя отношенія послѣдняго къ репетитору. Такимъ образомъ, при мѣняющихся постоянно репетиторахъ ничто не мѣшало, послѣ ряда плохихъ балловъ, получить полный баллъ за хорошо усвоенный отдѣлъ науки и наоборотъ, что въ свою очередь хорошаго ученика заставляло не ослаблять усердія, а у слабаго ученика не отбивало охоты къ дальнѣйшимъ попыткамъ получить хорошій баллъ. Но съ другой стороны это отсутствіе знакомства репетиторовъ съ репетирующимися давало возможность послѣднимъ, особенно при первыхъ репетиціяхъ, устраивать подлоги въ лицахъ. Впрочемъ таковые подлоги дѣлались больше изъ молодечества, такъ какъ представляли большой рискъ: генералъ Ванновскій, отлично зналъ всѣхъ юнкеровъ, постоянно посѣщалъ классы и всегда могъ накрыть обманщиковъ.

П. Хржановскій.

Асхабадъ.
1-го іюля 1884 г.

Сидѣйки-экипажи для сообщенія Петербурга съ Москвою

пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Приводимъ не безъинтересную выписку изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" 1834 г., № 293, напоминающую намъ о своеобразномъ сообщеніи, бывшемъ въ Россіи между двумя столицами пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ:

Въ 1833 году отставной штабсъ-капитанъ Папковъ исходатайствовалъ у правительства привиллегію на заведеніе, по тракту между С.-Петербургомъ и Москвою, легкихъ, одноконныхъ, крытыхъ экипажей, подъ скромнымъ названіемъ „сидѣекъ". Экипажи сіи, долженствовавшіе выходить изъ обѣихъ столицъ по два раза въ день и совершать путь свой въ 6 дней, могли помѣщать въ себѣ не болѣе пяти пассажировъ и, по умѣренности взимаемой платы, назначались преимущественно для недостаточныхъ классовъ нашей публики. Еще тогда-же всѣ просвѣщенные любители полезныхъ учрежденій въ отечествѣ нашемъ одобрили планъ новаго заведенія, а публика съ нетерпѣніемъ ожидала приведеніе онаго въ дѣйствіе.

Впослѣдствіи г. Папковъ передалъ привиллегію свою лейбъ-гвардіи преображенскаго полка подпоручику Загряжскому, который, съ разрѣшенія высшаго начальства, почелъ за нужное въ самомъ планѣ заведенія сдѣлать слѣдующія измѣненія: 1) устроить сидѣйки не на 5, а на 10 человѣкъ, для чего запрягать ихъ двумя, а по мѣрѣ надобности, и тремя лошадьми, и 2) экипажамъ выходить изъ столицы только по одному разу въ день. Сверхъ сего г. Загряжскій учредилъ при конторѣ сидѣекъ особенные, такъ называемые, поспѣшные транспорты, для пересылки разныхъ тяжестей изъ одной столицы въ другую, также въ 6 дней.

Нынѣ заведеніе сіе воспріяло начало 12 числа сего (декабря) мѣсяца. Первая сидѣйка съ 6-ю пассажирами отправилась въ Москву изъ конторы, находящейся у Обухова моста, въ домѣ купчихи Пентишиной. Цѣна мѣстамъ полагается по 17 руб. съ особы; за пересылку же тяжестей—отъ 2 до 4 руб., смотря по ихъ объемамъ.

И. Н. Божерянов ъ.

О ВОЗОБНОВЛЕНІИ ПАМЯТНИКА НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

АРТЕМІЯ ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЩОВА

† 27-го іюня 1740 г. [1]).

Поступило пожертвованій на возобновленіе сего памятника:

Отъ г. Шестакова	8 руб.
А съ прежде поступившими всего . .	1,400 руб.

От ъ ред. „Русской Старины". Не смотря на то, что собранная сумма еще не велика, мы, по совѣщаніи съ академикомъ Н. Л. Бенуа, професс. М. О. Микѣшинымъ, академ. М. А. Щуруповымъ и друг. лицами, остановились на мысли осуществить памятникъ на общей могилѣ Волынскаго и его сострадальцевъ по извѣстному уже читателямъ „Русской Старины" проекту маститаго художника нашего М. А. Щурупова (см. чертежъ, приложенный къ „Русской Старинѣ" изд. 1884 г., т. XLII, май, стр. 406). На это сооруженіе понадобится всего до 4,000 руб. Приглашаемъ почитателей памяти русскихъ историческихъ дѣятелей, а также потомковъ Волынскаго, Еропкина и Хрущова—оказать содѣйствіе своими вкладами къ пополненію суммы, имѣющейся въ нашемъ распоряженіи (1,400 р.). Ред.

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1883 г., томъ XXXVIII, май, стр. 464—471; томъ XL, октябрь и ноябрь, стр. 269—271 и 498; декабрь, стр. 723—724; изд. 1884 г., т. XLI, январь, стр. 224; февраль, стр. 460; мартъ, стр. 666; т. XLII, апрѣль, стр. 221; май, стр. 407; іюнь, стр. 671; т. XLIII, августъ, стр. 448; сентябрь, стр. 676; т. XLIV, октябрь, стр. 194.

кія матеріалы, сообщенные проф. Ѳ. И. Успенскимъ, извлеченные имъ изъ разныхъ италіанскихъ архивовъ и библіотекъ. Въ числѣ этихъ матеріаловъ находимъ памятники, касающіеся церковныхъ вопросовъ (письма къ кіев. митр. на греч. яз., относящ. къ XI в.; письмо монаха Іосифа Вріенія къ митр. Фотію; булла папы Евгенія IV къ импер. Іоанну Палеологу о митр. Исидорѣ), политическихъ и торговыхъ отношеній Россіи до начала XVII в. (о союзѣ противъ Турціи, о Димитріѣ Самозванцѣ и т. п.). Нѣкоторые изъ этихъ документовъ наводятъ на мысль о необходимости болѣе близкаго изученія событій исторіи Восточной Европы съ западно-европейскими въ означенный періодъ. По замѣчанію проф. Успенскаго въ архивахъ и библіотекахъ Италіи можно еще найти весьма много совершенно новыхъ матеріаловъ, имѣющихъ значеніе для исторіи Восточной Европы, въ особенности же въ венеціанскомъ архивѣ, благодаря тогдашней роли дипломатическихъ агентовъ Венеціи. Въ подтвержденіе этого издатель документовъ приводитъ нѣсколько выдержекъ изъ донесеній венеціанскихъ пословъ изъ Константинополя объ отношеніяхъ Московіи къ Турціи въ XVI вѣкѣ.

Изъ прочихъ матеріаловъ того же тома укажемъ на акты о выѣздахъ въ Россію иностранцевъ въ 1600—1640 гг., на акты, относящіеся къ исторіи Сибири за 1825—1830 гг., на весьма важную и обширную вѣдомость о доходахъ въ Сибири за 1698—1699 гг., матеріалы, относящіеся къ исторіи Малороссіи послѣдней четверти XVII в., акты о посольствѣ дворянина Ивана Желябужскаго (1657) въ Малороссію и къ седмиградскому князю Георгію Ракочію, не вошедшіе даже въ III т. «Актовъ южн. и зап. Россіи». Они важны для исторіи эпохи Хмельницкаго. Между прочимъ въ нихъ же находимъ и подтвержденіе времени кончины Богдана Хмельницкаго (27 іюля).

IX-й томъ «Библіотеки» весь занятъ приходными и расходными книгами казеннаго приказа (за 1613 – 1614 гг.) и записными книгами московскаго стола (1626—1634 гг.). Первыя изъ нихъ содержатъ въ себѣ богатый матеріалъ для исторіи царскаго хозяйства и внутренней жизни царскаго двора; ими пользовался И. Е. Забѣлинъ въ своемъ трудѣ о домашнемъ бытѣ русскихъ царей и царицъ. «Записныя книги» заключаютъ въ себѣ весьма любопытныя данныя объ административной дѣятельности правительства и придворной жизни въ означенный періодъ.

Исторія императорскаго московскаго общ. исторіи и древностей россійскихъ. Н. А. Попова. Ч. I (1804—1812). М. 1884. 250 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Старѣйшее изъ русскихъ историческихъ обществъ давно нуждалось въ обстоятельной исторіи своей дѣятельности. Въ означенномъ изданіи положено начало такому труду, составляющему отдѣльный оттискъ изъ 3 книгъ Чтеній общества за 1884 годъ. Трудъ этотъ написанъ по матеріаламъ, заимствованнымъ изъ архивовъ мин. нар. просв. и московскаго университета, а также по подлиннымъ дѣламъ общества. Съ первымъ періодомъ дѣятельности общества связаны имена Шлецера, Карамзина, М. Н. Муравьева, П. П. Бекетова, Тимковскаго, Каченовскаго, Н. Н. Бантыша-Каменскаго, Малиновскаго, Калайдовича, гр. А. И. Мусина-Пушкина и др. Рядомъ съ нею авторъ касается и современныхъ литературныхъ вопросовъ и отношеній. Въ концѣ каждой главы помѣщены болѣе важные матеріалы. Пожелаемъ, чтобы Исторія общества была доведена до конца.

Сказанія о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей. Кіевъ. 1884. 131 стр. Ц. 1 р.

Очеркъ графа Гр. Милорадовича и составляетъ вторую часть «Сказаній», напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1871 г. Кромѣ біографическихъ свѣдѣній о лицахъ этой фамиліи, издатель помѣстилъ въ своей книгѣ письма, рескрипты, духовныя завѣщанія, грамоты, такъ называемыя дѣла и т. п. матеріалы.

Воспоминанія о коронаціи императора Александра II. Камеръ-пажа двора его величества. Кіевъ. 1883. 40 стр.

Воспоминанія эти заимствованы изъ дневника графа Гр. Милорадовича 1856 года и представляютъ подробное изложеніе празднествъ и обстоятельствъ, сопровождавшихъ знаменательный день торжества. Какъ современныя извѣстія, воспоминанія заслуживаютъ вниманія; тѣмъ болѣе, что авторъ сообщаетъ иногда свои замѣчанія.

В. И.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Годъ пятнадцатый. ДЕКАБРЬ. 1884 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1884.

XII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го декабря 1884 г.

Памяти Ивана Сусанина. Историч. изслѣд., преимущественно по неизданнымъ источникамъ. Сост. и изд. В. А. Самаряновымъ, подъ ред. дѣйств. чл. археол. инст. А. В. Гаврилова. Съ 2 литогр. картами. Кострома, 1882. 98 стр. Ц. 70 к.

Какъ извѣстно вопросъ о Сусанинѣ былъ поднятъ въ началѣ 1860-хъ годовъ Н. И. Костомаровымъ и вызвалъ тогда же замѣчанія и возраженія со стороны Соловьева, Погодина, Дорогобужскова, которыя не измѣнили однако мнѣнія автора монографіи объ этомъ лицѣ. Въ своемъ изслѣдованіи г. Самаряновъ воспользовался уже многими новыми данными и подтверждаетъ свою защиту какъ посвоими доказательствами (о пребываніи поляковъ въ данномъ краѣ, о мѣстопребываніи Михаила Ѳедоровича и т. п.), такъ и подробнымъ обзоромъ всѣхъ матеріаловъ, прямо или косвенно относящихся къ исторіи разсматриваемаго событія, и степенью доказательности другихъ историческихъ событій, обыкновенно принимаемыхъ на основаніи извѣстныхъ свидѣтельствъ. Въ концѣ же изслѣдованія помѣщено 11 приложеній, — актовъ и др. матеріаловъ. Доказательства автора вполнѣ заслуживаютъ вниманія.

Лѣтопись занятій Археографической коммисіи. В. VII, за 1876—1877 гг. Спб. 1884. Ц. 1 р. 50 к.

Большой томъ означеннаго изданія отличается обиліемъ и достоинствомъ матеріаловъ. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣловъ. Отдѣлъ I, посвященный изслѣдованіямъ, заключаетъ въ себѣ: 1) весьма обстоятельное историко-литературное изслѣдованіе о хожденіи игумена Даніила въ св. землю въ началѣ XII в. и различныхъ спискахъ его, принадлежащее М. А. Веневитинову, и 2) о вотчинныхъ владѣніяхъ Троицкаго монастыря при жизни его основателя, іером. Арсенія. Цѣлымъ рядомъ фактическихъ соображеній о. Арсеній приходитъ къ заключенію, что обитель преп. Сергія, при жизни его, не имѣла вотчинъ и что появленіе подложныхъ грамотъ въ доказательство противоположности мнѣнія совпадаетъ вѣроятно съ вопросомъ о правѣ владѣнія монастырей вотчинами, поднятомъ въ XVI вѣкѣ. Выясненіе этого вопроса важно не только въ историко-юридическомъ отношеніи, но и по самому существу о такъ называемыхъ подложныхъ грамотахъ, въ обилі[illegible] ковавшихся въ монастыряхъ [illegible] Европы. Въ отдѣлѣ матеріаловъ [illegible] щены: путеводитель въ Палестину [illegible] и посланіе инока Авраамія-страдал[illegible] сполучителя к. XVII в.) къ [illegible] толюбцу. Отдѣлъ III заключаетъ [illegible] описанія рукописей библіотек[illegible] занскаго университета, состав[illegible] А. И. Артемьевымъ, помѣщенное [illegible] (въ 1850-хъ годахъ) въ Журн. [illegible] а теперь изданное вполнѣ ([illegible] дѣльно). Отдѣлъ IV занятъ выписка[illegible] протоколовъ коммисіи, по [illegible] нію весьма интересныхъ для [illegible] съ состояніемъ нашихъ архивовъ [illegible] текъ, разборомъ рукописей и [illegible] стію ихъ собирателей. Такъ, [illegible] чинъ, въ нихъ помѣщены выписк[illegible] бирской лѣтописи Ильи Черепан[illegible] сящіеся къ XVII и первой [illegible] XVIII в. (особенно интересны [illegible] никахъ), свѣдѣнія о западно-русск[illegible] московскихъ церковно-историческ[illegible] матникахъ и т. п.

Историко-статистическое [illegible] саніе города Киржача (Влад[illegible] ской губ.), съ политипажами. Сост. [illegible] Токмаковъ. М. 1884. 366 стр. Ц. [illegible]

Настоящій трудъ распадается [illegible] части: на историко-статистическ[illegible] города отъ возникновенія [illegible] поселенія до настоящаго времени ([illegible] и приложенія, занимающія бо[illegible] книги. Послѣднія состоятъ изъ [illegible] Киржачской обители съ 1439—17[illegible] хранящихся въ московскомъ арх[illegible] юстиціи, и документовъ XVIII [illegible] надлежавшимъ патріаршему, [illegible] и др. приказамъ (съ тѣмъ же [illegible] авторъ пользовался также друг[illegible] ными матеріалами (въ Петербург[illegible] скнѣ) и представилъ полный [illegible] стій и свѣдѣній, находящихся [illegible] печатныхъ изданіяхъ. Можно [illegible] только, что онъ не приложилъ [illegible]

Володимерщина. Роспись [illegible] и изданнаго о владимірской [illegible] губерніи. Составилъ Н. С. Стром[illegible] Владиміръ на Клязьмѣ, 1884. [illegible]

Изданіе это принадлежитъ [illegible] собирателю и изслѣдователю [illegible] владимірской старины и совре[illegible] стоянія края. Труды автора [illegible] обыкновенно въ мѣстныхъ издані[illegible]

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ПИРОГОВА.

ДѢТСТВО И ЮНОСТЬ.

XXXII [1]).

Послѣ смерти знаменитаго Іоганна Мюллера (берлинскаго физіолога) носились слухи, что онъ лишилъ себя жизни, принявъ ядъ, и причину самоубійства приписывали какому-то сдѣланному открытію въ области низшихъ организмовъ, поколебавшему будто бы его религіозныя убѣжденія.

Іоганнъ Мюллеръ былъ ревностный католикъ (какъ это я узналъ отъ моего стараго пріятеля, Карла Липгардта, бесѣдовавшаго нерѣдко съ Мюллеромъ). Біографъ его, Дюбуа Ремонъ, опровергаетъ вѣрность слуха о самоубійствѣ. Но вѣренъ ли былъ или не вѣренъ этотъ слухъ, онъ доказываетъ какое огромное значеніе придаетъ все культурное общество вѣрованіямъ и такихъ ученыхъ, спеціальность которыхъ не имѣетъ ничего общаго съ церковными догматами.

И, дѣйствительно, какимъ бы предметомъ не занимался человѣкъ науки, всѣ знаютъ, что онъ никакъ не отдѣлается отъ назойливаго вопроса: во что онъ вѣритъ; а этотъ вопросъ самый главный: согласны ли его вѣрованія съ убѣжденіями, добытыми имъ путемъ науки?

Въ отношеніи религіозныхъ убѣжденій можно раздѣлить всѣхъ людей науки на три категоріи: къ одной принадлежатъ люди, какъ покойный Рудольфъ Вагнеръ (физіологъ, споривщій съ

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XLIII, сентябрь, стр. 455—502; т. XLIV, октябрь, стр. 1—52, ноябрь, стр. 223—274.

Карломъ Фохтомъ), въ наукѣ скептики, въ дѣлѣ вѣры искренно-вѣрующіе прихожане приходскихъ церквей; такіе встрѣчаются и между католиками, и между протестантами, и православными. Были знаменитые математики изъ іезуитовъ и такихъ искренно-вѣрующихъ католиковъ, которые вполнѣ были убѣждены, что Пресвятая Дѣва помогала имъ въ разрѣшеніи трудныхъ задачъ и къ изобрѣтенію новыхъ геніальныхъ формулъ.

Къ другой категоріи принадлежатъ ученые, старающіеся примирить свои научныя убѣжденія съ религіозными, а когда же они не достигаютъ такого примиренія, то переходятъ въ третій лагерь—ни во что невѣрующихъ, охотно открывающій къ себѣ доступъ и только что сошедшимъ съ школьной скамьи.

И вотъ, я полагаю, что каждый человѣкъ науки, и тѣмъ болѣе, конечно, и автобіографъ, обязанъ, прежде всего, рѣшить чистосердечно главный вопросъ жизни—къ которой изъ трехъ категорій онъ причисляетъ себя, во что онъ вѣруетъ и что признаетъ? Но, задавая себѣ этотъ вопросъ, не надо робѣть передъ собою, вилять хвостомъ и пятиться назадъ и отвѣчать самому себѣ двусмысленно.

Виляньe, нерѣшительность и неоткровенность непремѣнно приведутъ къ пагубному разладу съ самимъ собою, къ несогласію дѣйствій съ убѣжденіями, упрекамъ совѣсти и къ самоубійству, нравственному и физическому. И прежде всего, этотъ вопросъ требуетъ, чтобы его всякій для себя рѣшилъ ab ovo;—уяснилъ бы себѣ предварительно самую суть дѣла, а это значитъ—отвѣтилъ бы себѣ прямо и откровенно: вѣруетъ ли онъ въ Бога и признаетъ ли Его существованіе?

Съ церковной точки зрѣнія это вопросъ, конечно, дерзновенный; но, въ переживаемое нами время, и церковь, и государство, и общество должны мириться, въ собственныхъ интересахъ, какъ и съ дерзостью вопроса, такъ и съ откровенностью отвѣта.

Было время, когда вопросъ о существованіи Бога рѣшался въ Гостинномъ дворѣ, при встрѣчѣ двухъ знакомыхъ:

— „Слышали ли, Петръ Ивановичъ, что Бога нѣтъ“.

— „Что вы, какъ это можно?“

— „Говорю вамъ, что нѣтъ, мнѣ Иванъ Ивановичъ сказывалъ вчера“.

Это было, кажется, въ Фонъ-Визинскія времена, а то и не такъ давно, (въ 1850 годахъ), задавали такого рода вопросы ученикамъ (я самъ это слышалъ въ фельдшерской школѣ второго сухопутнаго госпиталя въ Петербургѣ):

— „А почемъ ты знаешь, что Богъ есть?“ и получали не менѣе умный отвѣтъ: „такъ стоитъ написано въ катехизисѣ“.

Во времена, когда возможны бываютъ такія проявленія грубаго кощунства въ разныхъ слояхъ общества, конечно, находятъ, пожалуй, еще оправданіе и запретительныя мѣры противъ соблазна. Культурное общество не можетъ допускать безцеремоннаго обращенія ни съ кѣмъ и въ особенности съ Богомъ.

Другое дѣло область современной науки; тутъ не можетъ быть рѣчи о грубости нравовъ, неуваженіи къ святынѣ, а потому въ этой области никакія церковныя и государственныя запрещенія не должны, да и не могутъ, нарушать свободу совѣсти, мысли и научнаго разслѣдованія. Церковь — паству, а государство—современное общество могутъ оберегать отъ излишковъ и злоупотребленій свободомыслія только нравственными мѣрами. Это указываютъ знаменія времени. Свободомысліе никогда не слѣдуетъ одному направленію и свободомыслящіе люди науки всегда будутъ раздѣлены на нѣсколько разныхъ лагерей, а потому они не столько опасны, какъ насиліе и произволъ мѣръ, могущіе только соединить разномыслящихъ и сдѣлать пропаганду мнѣній болѣе вліятельною.

Итакъ, съ Богомъ,—о Богѣ.

Хотя это былъ великій язычникъ,—der grosse Heide,—(какъ называли Гёте), сказавшій, что онъ говоритъ о Богѣ только съ Богомъ; но я, и христіанинъ, слѣдую его мудрому правилу и избѣгаю распространяться о моихъ задушевныхъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ, даже и съ близкими ко мнѣ людьми; Святое святымъ.

Изъ моего міровоззрѣнія, откровенно изложеннаго въ этомъ дневникѣ, я заключаю, что существованіе верховнаго разума, а слѣдовательно и верховной творческой воли, я считаю необходимымъ и неминуемымъ (роковымъ) требованіемъ (постулатомъ) моего собственнаго разума, такъ что если бы я и хотѣлъ теперь не признавать существованіе Бога, то не могъ бы этого сдѣлать, не сойдя съума.

Къ такому твердому убѣжденію пришелъ мой семидесятилѣтній умъ послѣ разныхъ блужданій, доходившихъ до полнаго отрицанія.

Другой старческій умъ, но иного полета и высшаго разряда, сильно волновавшій мою раннюю юность, утверждалъ, что нужно бы было выдумать или изобрѣсти Бога, если бы онъ не существовалъ.

Не смотря на мое прежнее пристрастіе и уваженіе къ талантамъ этого старца, мнѣ все-таки было бы жаль согласиться съ нимъ и признать какое-либо сходство нашихъ убѣжденій и вѣрованій.

Онъ принималъ свой взглядъ обязательнымъ для всего образованнаго свѣта; его: „выдумать, изобрѣсти" и его „если бы" предполагаютъ не только возможность, но даже нѣкоторую вѣроятность несуществованія Бога. Я не навязываю никому моего убѣжденія, выработаннаго не безъ труда въ ограниченномъ складѣ моего ума. Я говорю также если бы, но мое если бы предполагаетъ не возможность несуществованія Бога, а только возможность моего сумазбродства.

Воля и хотѣніе нерѣдко бываютъ безумны. Но какъ могло придти мнѣ на мысль выраженіе ставить себя, свой образъ мыслей и выраженій, въ параллель съ изрѣченіями властителя думъ прошлаго столѣтія? Это я дѣлаю потому, что понятіе о Богѣ не признаю спеціальностью мудрецовъ вѣка, а считаю неотъемлемою и самою дорогою собственностью каждаго мыслящаго человѣка.

То, что называется свободою ума и мысли, не есть какой-то безшабашный и беззаконный произволъ. Умъ всегда долженъ на чемъ нибудь останавливаться и находить точку опоры; его станціи, можетъ быть (не знаю навѣрное) и безпредѣльны, то есть могутъ переноситься въ безграничныхъ предѣлахъ, но все-таки будутъ для ума современнаго (существующаго въ извѣстное опредѣленное время) предѣльными.

Но эта конституція ума не въ силахъ уничтожить въ немъ стремленіе въ безвыходную безпредѣльность, и вотъ онъ самъ, управляемый своимъ habeas corpus, долженъ самъ же слѣдить за его исполненіемъ, обуздывая свое стремленіе къ безпредѣльной свободѣ; оно такъ сильно, что въ переживаемое нами время я слыхалъ отъ молодыхъ людей даже вопросы въ родѣ слѣдующаго:

— „А почему мнѣ необходимо принимать, что дважды два— четыре? почему я не свободенъ думать иначе?“ и это не въ шутку.

Опытъ жизни и примѣры большинства обуздываютъ въ единичныхъ случаяхъ разгулъ мнимо-беззаконной свободы ума; но, періодически, эта тяга къ безвыходному положенію, съ непреодолимою силою, увлекаетъ умы цѣлаго общества.

Дѣйствіе конституціи нашего ума и его стремленія находить новыя исходныя или опорныя точки, то есть стремиться все далѣе и далѣе въ безпредѣльность, всего яснѣе проявляются въ рѣшеніи главныхъ вопросовъ жизни. Смотря по тому, которое изъ двухъ направленій беретъ перевѣсъ, и главный вопросъ жизни,— вопросъ о Богѣ,—рѣшается умомъ (умомъ,—не вѣрою, nota bene) различно.

Умъ конституціонный, ищущій постоянно исходныхъ точекъ и несклонный блуждать въ безпредѣльности, приходитъ скоро къ рѣшенію; для этого онъ находитъ исходную точку въ самомъ себѣ, переноситъ ее внѣ себя, въ самую безпредѣльность, но, не оставляя своей опоры, останавливается,—nec plus ultra. Гдѣ приходится остановиться, ближе или дальше отъ себя, это будетъ зависѣть отъ склада конституціоннаго ума, насколько этотъ складъ допуститъ развиться стремленію ума въ безпредѣльность.

Умъ конституціонный и положительный можетъ быть только деистомъ или пантеистомъ. И тотъ, и другой свою исходную точку находятъ въ творческой силѣ; но одинъ переноситъ ее внѣ міра, а другой—въ самый міръ.

Умъ, повидимому, не менѣе положительный, можетъ останавливаться и ближе, принявъ самую вселенную за Бога; въ сущности, это было бы колебаніе между пантеизмомъ и атеизмомъ, между желаніями остановиться и блуждать въ безвыходномъ хаосѣ. Между тѣмъ, такое міровоззрѣніе весьма заманчиво для юнаго ума.

Я разскажу, впослѣдствіи, какъ нѣкогда я самъ былъ поборникомъ этого воззрѣнія; современная философія безсознательнаго (которую я, признаюсь, не читалъ) вѣроятно безсознательный творческій міровой умъ (или міровую жизнь) полагаетъ также въ самую вселенную. Для чего, думалось мнѣ во времена оны, служитъ предположеніе о существованіи Бога? Что объ-

ясняется имъ въ мірозданіи? Развѣ матерія не можетъ и не должна быть вѣчною? Къ чему же лишній ипотезъ, ничего не объясняющій?

Мнѣ было 25 лѣтъ, когда эти назойливые вопросы волновали меня, и, скажу въ мое оправданіе, навязались ко мнѣ malgré moi, а я, въ то время, былъ отчаяннымъ спеціалистомъ моей науки.

Но лѣта, а съ ними и другой образъ жизни и другія, какъ я увѣренъ, болѣе прочныя думы убѣдили меня въ полной неосновательности этого міровоззрѣнія и наносимомъ имъ (рефлективномъ) вредѣ самому уму. Если и всякое размышленіе требуетъ исходныхъ точекъ, то, при размышленіи о предметахъ отвлеченныхъ, умъ, не находящій нигдѣ самой крайней и, такъ сказать, неприступной опоры, не можетъ сдѣлать ни шагу впередъ, не подвергаясь опасности потерять ее и заблудиться.

Основать же точку опоры на вселенной — значитъ строить зданіе на пескѣ. Главная суть вселенной, не смотря на всю ея безпредѣльность и вѣчность, есть проявленіе творческой мысли и творческаго плана въ веществѣ (матеріи); а вещество подвержено измѣненію (въ составѣ и видѣ) и чувственному (научному) разслѣдованію.

Все же измѣняющееся (какъ и въ чемъ бы то ни было) должно имѣть не одни положительныя, но и отрицательныя свойства, а все подлежащее чувственному анализу и разслѣдованію не можетъ считаться за нѣчто законченное, абсолютно вѣрное и опредѣленное.

Но молодой умъ, также какъ и желудокъ молодыхъ людей, все перевариваюющій, легко усвоиваетъ себѣ, какъ я узналъ изъ опыта, и пантеистическое міровоззрѣніе, не ощущая, до поры и до времени,—несносныхъ колебаній, ни сотрясеній отъ шаткости основы.

Верховный разумъ и верховная воля Творца, проявляемые цѣлесообразно посредствомъ мірового ума и міровой жизни, въ веществѣ,—вотъ nec plus ultra человѣческаго ума, вотъ то прочное и неизмѣнное, абсолютное, начало, далѣе котораго нельзя идти положительному уму, не сбившись съ толку и съ пути.

Такимъ представляется оно моему складу ума, блуждавшаго не мало въ непроходимыхъ дебряхъ и топяхъ.

Къ чести моего ума, я долженъ упомянуть, однако же, что

онъ, и блуждая, никогда не грязнулъ въ полнѣйшемъ отрицаніи недоступнаго для него и святого.

Мой бѣдный умъ, и останавливаясь на вселенной (вмѣсто Бога), благоговѣлъ предъ нею, какъ предъ безпредѣльнымъ и вѣчнымъ началомъ.

Никогда онъ, то есть мой умъ, не доходилъ до обожанія случая, и только теперь, уже состарѣвшись, онъ съ удивленіемъ и отвращеніемъ узнаетъ, что такой апотеозъ и осуществимъ на дѣлѣ.

Юные и зрѣлые современники моей старости, живя и дѣйствуя въ эпоху лотерей, ажіотажа, рулетки и биржевой игры, пріучили себя видѣть въ случаѣ одинъ изъ главныхъ рычаговъ жизни. Немудрено, что и основу всего мірозданія и исходную точку своихъ міровоззрѣній современное поколѣніе можетъ легко перенести на случай.

При случайномъ стеченіи благопріятныхъ условій, изъ первобытной клѣтки (яйца) развивается первобытный организмъ; онъ, при новомъ случайномъ стеченіи другихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, принимаетъ тотъ или другой видъ; этотъ видъ, въ свою очередь, случайно встрѣтивши въ окружающей его средѣ или удобство, или препятствіе, принимаетъ то высшую организацію, то, лишаясь того или другого органа, переходитъ въ другой видъ или же и исчезаетъ. Уродилось-ли случайно въ какомъ нибудь органическомъ видѣ болѣе крѣпкихъ и здоровыхъ особей, подборъ вышелъ удачнымъ и побѣда въ борьбѣ за существованіе за этимъ видомъ.

Такъ случай за случаемъ доводитъ, переходами изъ одного вида въ другой, до вида млекопитающаго, а отсюда рукой подать и до человѣка, умъ котораго открываетъ ему, наконецъ, что клѣтка, произведшая его (то есть человѣкъ, а потому, пожалуй, и умъ), ничѣмъ существеннымъ не отличаясь отъ другой животной клѣтки, только благодаря окружающей средѣ, случаю и времени, вывела на свѣтъ его, или ему сродственную обезьяну.

Не мнѣ быть критикомъ, противникомъ или защитникомъ и приверженцемъ современнаго ученія; въ немъ очевидна геніальность наблюдателя, умѣвшаго придать глубокое научное значеніе добытымъ имъ фактамъ и разслѣдованіямъ явленій.

Доктрина, обязанная своимъ происхожденіемъ такому геніаль-

ному наблюдателю, не могла не дать повода къ новымъ взглядамъ на органическій міръ и къ новымъ его изслѣдованіямъ.

Все это, однако же, не сдѣлаетъ меня легковѣрнымъ. О перерожденіи и переходахъ животныхъ видовъ и родовъ говорилось не со вчерашняго дня. Извѣстно, какъ Гёте изумилъ всѣхъ своимъ восклицаніемъ, когда начался объ этомъ дѣлѣ знаменитый споръ во французской академіи между Кювье и Жофруа Сент-Илеромъ; подумали, что восклицаніе это относилось къ какому-либо міровому политическому событію.

Ламаркъ, если не ошибаюсь, говорилъ или, лучше, намекалъ и о происхожденіи человѣка отъ обезьяны; по крайней мѣрѣ, этотъ взглядъ былъ въ ходу и въ 1830 годахъ; я помню, какъ однажды мой дерптскій учитель, профессоръ хирургіи Мойеръ, (въ 1832 году), ѣхавъ со мною за городомъ, удивилъ меня вопросомъ: „а какъ вы думаете, Пироговъ, не происходимъ ли мы всѣ отъ обезьянъ?"

Такъ, зная, что доктрина, занимающая современные умы, не была terra incognita и для предшественниковъ, какъ-то держишь себя осторожнѣе отъ увлеченій.

Впрочемъ, я нисколько не скандализируюсь происхожденіемъ человѣка отъ обезьяны; тѣмъ болѣе чести уму какого бы то ни было существа, если оно съумѣло выйти, хотя бы и случайно, въ люди. Для меня, однако же, не менѣе вѣроятенъ и обратный переходъ человѣка въ обезьяну, — совершающійся почти на нашихъ глазахъ.

И почему, въ самомъ дѣлѣ, въ тѣ до-историческія времена, когда наша планета производила ихтіозавровъ, мамонтовъ и другихъ великановъ, она не могла произвести и допотопнаго человѣка-гиганта, съ огромнымъ мозгомъ; а такъ какъ умъ нашъ мозговой, то почему бы и онъ не могъ быть огромнымъ; въ такомъ случаѣ это былъ бы совершеннѣйшій изъ людей, великъ и уменъ. Ихтіозавры и мамонты перевелись и переродились, и человѣкъ-гигантъ могъ также перевестись и переродиться въ шимпанзеевъ, орангутанговъ, буммасовъ, обитателей Новой Гвинеи и т. п.

Принимая, весьма хладнокровно, взглядъ на происхожденіе мое отъ обезьяны, я не могу слышать безъ отвращенія и перенести ни малѣйшаго намека: объ отсутствіи творческаго плана и творческой цѣлесообразности въ мірозданіи; а потому никогда

не допущу, чтобы первобытная клѣтка и даже первобытная протоплазма не заключала въ себѣ творческой мысли о ея конечномъ назначеніи и творческое (цѣлесообразное) предопредѣленіе всѣхъ формъ, прототипъ которыхъ долженъ былъ изъ нея развиться.

Не странно ли, однако, что прежде вовсе нетруднымъ казалось вѣрить въ происхожденіе людей и всего животнаго царства отъ нѣсколькихъ паръ и даже отъ одной; а теперь, также безъ труда вѣрятъ въ переходы и перерожденія самыхъ отдаленныхъ типовъ животныхъ.

Причину легковѣрія въ обоихъ случаяхъ я нахожу въ задней мысли, всѣмъ подсказывающей, что самая суть дѣла ни въ томъ, ни въ другомъ взглядѣ не выясняется.

Пара ли готовыхъ уже животныхъ, или одна безформенная протоплазма вышли впервые на свѣтъ, — въ обоихъ случаяхъ остается иксъ, что заставило атомы вещества складываться въ обформенное существо, способное къ самостоятельному бытію, къ борьбѣ за существованіе, наслѣдственности и произведенію новыхъ себѣ подобныхъ или несходныхъ съ собою (generationswechsel) существъ.

Могу ли же я легко убѣдиться въ непогрѣшимости доктрины, увлекающіеся приверженцы которой готовы, пожалуй, поставить на пьедесталъ случай, замѣнивъ имъ Бога и отвергнувъ, какъ лишній хламъ, и планъ, и цѣлесообразность въ мірозданіи? По моему, это значило бы признать себя какими-то бастардами отъ случки случая съ случайною же природою. Но современное міровоззрѣніе имѣетъ для естественника ту привлекательную сторону, что въ немъ предполагаемое прошлое соглашено съ настоящимъ и соотвѣтствуетъ ему пока, т. е. до поры и до времени, болѣе, чѣмъ въ другихъ міровоззрѣніяхъ.

Все рождено, не сотворено. Не опредѣленная, по предначертанному творческою мыслью плану, типичность органическихъ формъ, не творческая цѣлесообразность въ устройствѣ типическихъ организмовъ и переходныхъ формъ занимаютъ первое мѣсто въ современномъ міровоззрѣніи, а внѣшнія физическія условія и случайная индивидуальность, и такъ какъ искусство перерожденія и размноженія животныхъ и растительныхъ организмовъ, съ практическою цѣлью улучшенія разныхъ продуктовъ, не достигало еще такого совершенства, какъ въ переживаемое

нами время, то понятно, что добытые практическимъ путемъ весьма наглядные результаты не могли не повлiять и на умственныя отвлеченiя.

Отвлеченное творчество, творческiе планъ и мысль, предначертанная цѣлесообразность типовъ въ мiрозданiи, все это ушло на заднiй планъ, и что достигается искусствомъ современныхъ культиваторовъ органическихъ расъ, породъ и видовъ, то въ натурѣ поручилось дѣлать случайному подбору особей и случайному стеченiю разныхъ физическихъ условiй.

И вотъ уже слышится и мораль переживаемаго: „а ларчикъ просто открывался“.

Но что же такое это случай? Какой это простой deus ex machina, играющiй такую видную роль въ нашихъ дѣлахъ и мысляхъ?

Едва ли не придется мнѣ отвѣтить на это: не знаю.

Одно изъ двухъ мнѣ кажется несомнѣннымъ: или нѣтъ вовсе случая, или между случаемъ и тѣмъ, съ кѣмъ онъ случился— есть какое-нибудь отношенiе; впрочемъ, оба предположенiя въ конечномъ результатѣ сводятся на одно и то же.

Видя, на каждомъ шагу, связь между дѣйствiями и причинами, отыскивая по безсознательному (невольному) требованiю разсудка вездѣ причину, гдѣ есть дѣйствiе, мы, неминуемо, роковымъ образомъ, приходимъ къ заключенiю, что и между всѣми дѣйствiями и всѣми причинами существуетъ неразрывная, вѣчная связь.

При такомъ взглядѣ, случай будетъ не болѣе какъ дѣйствiе, причина или причины котораго намъ еще неизвѣстны, а для многихъ событiй, можно утверждать a priori, и никогда не будутъ извѣстны. Это почему? А потому, что стеченiе обстоятельствъ въ одну бьющую точку,—случай,—бываетъ до того сложно, что для опредѣленiя его понадобилось бы невозможное знанiе всего прошлаго и настоящаго.

Мы такъ привыкли къ случайностямъ, что случай кажется намъ самымъ обыкновеннымъ, естественнымъ дѣломъ, — и это слава Богу; не живя въ миражѣ обыкновеннаго и незаслуживающаго вниманiя, мы бы нажили себѣ галлюцинацiю висящаго надъ нами Дамоклова меча.

Но какъ только мы остановимся, почему бы то ни было, хотя

на одномъ самомъ обыкновенномъ событіи, касающемся насъ лично, то не избѣгнемъ невольнаго вопроса: при чемъ я тутъ, зачѣмъ оно коснулось именно меня?

По большей части причины нашей прикосновенности къ какому-нибудь событію для насъ ясны и просты, то есть кажутся для насъ такими; но нерѣдко причины отношеній моихъ къ событію для меня скрыты, а не быть имъ нельзя.

Молнія ударила въ мой домъ, почему именно въ мой? Я нахожу причину въ стоявшемъ возлѣ деревѣ; у меня на крышѣ не было отвода, а на сосѣднемъ домѣ былъ. Я довольствуюсь такимъ объясненіемъ; еще болѣе буду имъ доволенъ, если молнія, градъ, саранча и тому подобныя прелести повредили не только мои, но и сосѣднія поля; тутъ ясно кажется, что существовали, хотя и неизвѣстныя, физическія условія, притянувшія сюда грозовыя облака.

Но я выигралъ въ лотереѣ билетъ; почему? Тутъ уже стой! стопъ машина! Что мой № 20 подвернулся, а не другой, это, положимъ, еще можно будетъ когда-нибудь объяснить, распутавъ узелъ разныхъ физическихъ обстоятельствъ, но почему именно мнѣ попался въ руки № 20? а между тѣмъ, не можетъ быть, чтобы онъ не имѣлъ какого-либо отношенія ко мнѣ прежде, чѣмъ онъ сдѣлалъ меня владѣтелемъ 100,000 руб., которыя, выигравъ, я прокутилъ, проигралъ и, въ концѣ концевъ, застрѣлился. И меня, послѣ этого, то есть не послѣ, а прежде, будутъ увѣрять, что я и мой № 20 не имѣли между собою ничего общаго; я могъ купить и 10, и 100, могъ выиграть и 25, и 30; да, возможное только, случилось такъ, могло и не случиться, но если разъ случилось, такъ какже безъ причины, само по себѣ? Это былъ бы нонсенсъ, нелѣпость, абсурдъ.

Значитъ, случай—asylum ignoranti; но незнаніе наше съ душкомъ, оно не хочетъ прямо сказать: не знаю, а, замѣняя свое незнаю словомъ случай, оно хочетъ этимъ сказать: что я-де покуда не знаю, или не хочу знать почему, или же это ясно для всѣхъ, почему? потому что, видите ли, случай.

Такъ что же, послѣ этого, ты казуистъ или фаталистъ что-ли?—задаю себѣ вопросъ.

Я независимый, то есть, независимый отъ предвзятыхъ мнѣній и доктринъ. Въ сужденіяхъ объ отвлеченныхъ предметахъ,

въ примѣненіи ихъ къ практической жизни, не нужно добиваться, во что бы то ни стало, послѣдовательности.

Сказать, что случай все рѣшаетъ въ жизни—нелѣпо; но считать нелѣпымъ прежнее убѣжденіе, что и маловажныя, повидимому, событія могутъ имѣть роковыя послѣдствія—еще болѣе нелѣпо. Какое дѣло, что маловажному событію предшествовалъ цѣлый рядъ другихъ, скрытыхъ, но болѣе существенныхъ обстоятельствъ; рѣшающимъ, и именно въ данный моментъ времени, было всетаки то, что называется невидною случайностью.

Скалу подтачивала цѣлые вѣка вода, зданіе гнило и подтачивалось подъ землею; вдругъ, отъ небольшого сотрясенія, въ одинъ прекрасный день (они) падаютъ. Что тутъ рѣшающее обстоятельство? Все-ли равно, упади скала и зданіе днемъ ранѣе или днемъ позже? Всѣ правы, признавая самымъ главнымъ рѣшающимъ моментомъ тотъ, когда случается роковое событіе.

У Наполеона спотыкается конь о маленькій камушекъ; Наполеонъ падаетъ и, вставъ, говоритъ, что этотъ камушекъ могъ сдѣлаться рѣшителемъ судебъ Европы. Наполеонъ былъ совершенно правъ, дѣлая рѣшителемъ судебъ въ этотъ моментъ не себя, а камень.

Случай, часто и однообразно повторяющійся, перестаетъ, въ нашихъ глазахъ, быть случаемъ по двумъ причинамъ: мы получаемъ болѣе времени и средствъ для изслѣдованія и узнаемъ причину, или же мы просто привыкаемъ—и прежде случайное, рѣдкое и необыкновенное дѣлается обыкновеннымъ и насущнымъ.

Узнавъ, что бо̀льшая часть браковъ совершается осенью, не трудно было догадаться почему; но, узнавъ по статистическимъ даннымъ, что ежегодно встрѣчается почти одна и та же цифра ошибочныхъ адресовъ на письмахъ, мы перестаемъ этому удивляться, хотя и не знаемъ причины почему люди всегда, въ извѣстной мѣрѣ, разсѣянны при отправкѣ своихъ писемъ на почту.

Еще необъяснимѣе для насъ, случающееся весьма нерѣдко, счастье въ азартныхъ играхъ, лотереяхъ, рулеткѣ и, наконецъ, вообще счастье̂ въ жизни, но мы только завидуемъ этому, но не удивляемся.

Необыденность, разнообразность и безпричинность—вотъ признаки случайнаго событія.

Чѣмъ чаще повторяется одно и то же случайное, то есть,

безпричинное событіе, тѣмъ невѣроятнѣе кажется намъ, что оно опять повторится; о томъ, кто всякій разъ попадаетъ въ цѣль, или выигрываетъ, мы, не безъ злорадства, думаемъ: авось (въ авосѣ всегда заключается извѣстная степень вѣроятности) промахнется или проиграетъ; если дождь льется цѣлыя недѣли, то съ каждымъ днемъ мы все болѣе надѣемся и увѣряемся, что онъ перестанетъ.

Но всѣ наши предположенія тотчасъ же принимаютъ другой характеръ, какъ скоро мы открываемъ или только подозрѣваемъ причину событія.

Тогда, при сужденіи, мы уже не на то смотримъ—часто ли или рѣдко оно случается; все вниманіе наше перемѣщается съ событія на его причину.

Но причинность цѣлаго легіона міровыхъ событій и явленій можетъ быть разслѣдована только по двумъ направленіямъ; мы можемъ перемѣщать наше предположеніе объ этой причинности то въ самый субстратъ, то есть въ вещество, служащее субстратомъ явленія, то внѣ его; это перемѣщеніе зависитъ отъ степени точности нашихъ знаній; чѣмъ они точнѣе, тѣмъ болѣе перемѣщаемъ мы и причину внѣ явленія; всему, однако же, есть предѣлъ; чѣмъ болѣе дѣлаемъ мы, напримѣръ, причину какого-либо явленія въ органическомъ мірѣ внѣшнею, тѣмъ болѣе сообщаемъ ей случайный характеръ. Поэтому-то я въ современномъ міровоззрѣніи на органическій міръ и нахожу, что въ немъ случаю предоставлена слишкомъ главная роль.

Уже давно отважные пловцы въ полярныхъ странахъ мышленія заставляли случай приводить въ порядокъ разсѣянные или скученные въ хаосѣ атомы вещества; Цицеронъ, сколько я помню, занимался уже опроверженіемъ этой знаменитой доктрины. Мнѣ кажется, въ наше время мы не далеки отъ подобнаго же ученія, только съ бо́льшими притязаніями на точность и фактичность.

Но какъ бы ни были прогрессивны и точны наши свѣдѣнія, лишь только мы отвергнемъ присутствіе въ атомахъ первобытной органической образовательной силы, влекущей ихъ къ извѣстнаго рода группировкамъ, намъ придется все дѣло передать въ руки случая.

Если бы въ самые первые моменты творенія, при самомъ первомъ зарожденіи органическаго вещества, атомы его не имѣли этого влеченія къ группировкѣ, въ опредѣленныя типическія

формы, то кто же, какъ не стихійныя силы, случайно производили тотъ или другой типъ, случайно же способствуя переходамъ и превращеніямъ одного въ другой. Откуда бы взяться различію особей одного и того же типа, если бы случайное стеченіе разныхъ условій не благопріятствовало развитію одной особи и не задерживало развитія другой. Чему-нибудь да нужно дать предпочтеніе—предопредѣленію или случаю.

Я—за предопредѣленіе.

По моему, все, что случается, должно было случиться и не быть не могло.

Все случающееся связано неразрывно цѣпью причинъ съ случившимся. Эта, навсегда отъ насъ скрытая, цѣпь соединяетъ причины случая съ тѣмъ, что случается. Значитъ — фатализмъ. Да, какъ умозрѣніе, наиболѣе уживающееся въ моемъ умѣ и потому кажущееся мнѣ наиболѣе логичнымъ и послѣдовательнымъ.

Изъ этого не слѣдуетъ, однако же, что и въ жизни, на дѣлѣ, надо проявлять это умоззрѣніе и быть фаталистомъ. Во первыхъ, не накурившись опія и не наѣвшись гашиша, нельзя быть послѣдовательнымъ фаталистомъ; во вторыхъ, случай, не смотря на предопредѣленіе, все-таки будетъ существовать для насъ, на практикѣ, такъ какъ причинная связь событій и явленій намъ навсегда останется невѣдомою; мы всегда будемъ жить въ миражѣ, всегда будетъ намъ казаться, что все происходящее могло быть и не быть. Безъ этого миража, безъ нашего незнанія причинной связи всѣхъ событій, мы были бы самыя несчастныя существа,—фаталисты не по убѣжденію, а по неволѣ.

Магометанинъ,—фаталистъ по убѣжденію,—не считаетъ, напримѣръ, вовсе противнымъ своему убѣжденію воевать и завоевывать, слѣдовательно дѣйствовать; а послѣдовательно строгое примѣненіе въ жизни ученія о предопредѣленіи должно вести къ полному бездѣйствію. Это лежитъ въ натурѣ всѣхъ отвлеченныхъ понятій, что, проведенныя послѣдовательно до самой крайности умозрѣніемъ, они дѣлаются непримѣнимыми къ жизни и оканчиваются тѣмъ, что французы называютъ aveuglement logique (логическое ослѣпленіе).

Для жизни необходимы миражи и галлюцинаціи, и мы галлюцинируемъ, не замѣчая этого, безсознательно; только галлюцинаціи внѣшнихъ чувствъ (зрѣнія, слуха и пр.) намъ замѣтны,

а галлюцинаціи воображенія, памяти, самаго ума, замѣчаются нами только въ домахъ умалишенныхъ; между тѣмъ, именно эти постоянные, безсознательные, родившіеся съ нами на свѣтъ миражи и составляютъ одну изъ главныхъ пружинъ нашего общественнаго и нравственнаго быта; живя въ этихъ миражахъ съ колыбели до могилы, и потому не имѣя возможности отличить кажущееся отъ дѣйствительнаго, мы поневолѣ,—не имѣя возможности поступать иначе,—осуждены считать кажущееся дѣйствительнымъ; увѣренность въ дѣйствительное миража, къ нашему счастію, такъ сильна въ насъ, что мы готовы за него и жертвовать самою жизнію.

По временамъ, и то при извѣстномъ складѣ ума, мы, отвлекаясь отъ практической жизни, желаемъ составить себѣ о ней стройное и послѣдовательное понятіе,—и оно-то выходитъ всегда противорѣчащимъ тому, что мы считаемъ дѣйствительнымъ; такъ, умозрѣніе приводитъ насъ къ одному изъ двухъ выводовъ: или нѣтъ случая, и все, что есть, должно быть, или что есть — могло быть и не быть; соединить эти два вывода между собою и принять и то, и другое логически—абсурдъ; а въ жизни этотъ абсурдъ встрѣчается на каждомъ шагу и встрѣча съ нимъ насъ нисколько не смущаетъ и не коробитъ; мы спокойно продолжаемъ шествовать и жить припѣваючи. И развѣ это не миражъ: разсудокъ приводитъ къ умозаключенію, противорѣчащему или наполовину, или вовсе дѣйствительному.

Выходитъ одно изъ двухъ: или нашъ умъ, съ его способностью отвлеченія и умозрѣнія, не приспособленъ къ дѣйствительности и потому ненормаленъ, и отвлеченія его ненормальны, или же кажущееся намъ дѣйствительнымъ не таково. Я соглашаюсь скорѣе жить въ миражѣ, чѣмъ считать способность и потребность ума къ отвлеченію чѣмъ-то ненормальнымъ, хотя я и не прочь подозрѣвать въ излишкахъ этой способности удаленіе отъ нормы со всѣми его послѣдствіями.

Стопъ машина!—Я началъ за здравіе, свелъ за упокой.

Но, бесѣдуя съ самимъ собою, почему не дать простора ходу мыслей?

И не прочитывая зады, я помню, что остановился на переходѣ изъ дома и школы въ жизнь и, прежде всего, въ университетскую жизнь. И вотъ теперь семидесятилѣтній старикъ,

требуя отчета о вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ четырнадцатилѣтняго студента, считаетъ нужнымъ сначала раскрыть свои старческія,— и это для того, чтобы, сравнивъ ихъ съ своими же юношескими, представить себѣ наглядно какимъ переворотамъ и перипетіямъ суждено было имъ подвергнуться въ теченіи шестидесятипятилѣтняго срока.

Но все, что я высказалъ до сихъ поръ о моихъ теперешнихъ взглядахъ на жизнь и мірозданіе, относится къ разряду убѣжденій, основанныхъ на умозрѣніи и знаніи. А это не вѣрованіе. Нужно уяснить себѣ главное въ практической жизни: во что я вѣрую?

XXXIII.

Начну съ того, что вѣру я считаю такою психическою способностью человѣка, которая болѣе всѣхъ другихъ отличаетъ его отъ животныхъ. Чувственныя и пріобрѣтаемыя опытомъ знанія, а слѣдовательно и задатки ума существуютъ и у животныхъ, память и воображеніе—также; соображеніе и разсудочность приспособлены у животныхъ къ ихъ жизненнымъ потребностямъ и инстинктамъ; о волѣ и говорить нечего, безъ нея животное приближается къ переходу въ растеніе. Чувства любви, надежды, радости, печали—всѣ они проявляются, хотя in statu nascente, и у животнаго. Но вѣры нѣтъ и слѣда—почему?

Причина лежитъ, по моему, какъ въ свойствахъ сознательности животнаго, такъ и въ свойствахъ нашей способности вѣровать. Животное, безъ сомнѣнія, обладаетъ сознаніемъ; оно ощущаетъ свое бытіе и свою индивидуальность (личность); но животное не сознаетъ, какъ мы, своего чувственнаго сознанія и потому представленіе и понятіе его о своей индивидуальности не такъ ясны и отчетливы, какъ у насъ. Личность животнаго сливается въ его представленіи болѣе, чѣмъ у насъ, съ окружающимъ его міромъ; это потому, что намъ объ ощущеніи нашего личнаго бытія напоминаетъ безпрестанно сознаніе этого болѣе или менѣе сознательнаго ощущенія; эту-то нашу способность сознавать, что мы сознаемъ себя, и нужно назвать самосознаніемъ; его нѣтъ у животнаго, только въ смыслѣ ощущенія созна-

ющаго свое бытіе, а между этимъ чувственнымъ сознаніемъ личнаго бытія и тѣмъ, которое сознаетъ свое чувственное сознаніе бытія (самосознаніе), не мало разстоянія.

Вѣра безъ самосознанія немыслима. Свойства же нашей способности вѣровать таковы, что она проявляется для насъ какъ бы отрѣшившеюся отъ всѣхъ другихъ чувственныхъ представленій; конечно, это миражъ. Чувства, необходимыя для нашего бытія и самосознанія, безусловно необходимы и для осуществленія въ насъ способности вѣровать; но какъ скоро, при развитіи этой способности, самосознаніе наше, отвлекаясь отъ чувственнаго сознанія, перестаетъ слѣдить за нимъ, и сосредоточиваетъ свою дѣятельность въ другой области представленій,—отвлеченное (болѣе или менѣе) отъ чувственнаго самоощущенія, и какъ-бы сосредоточенное въ самомъ себѣ, наше самосознаніе творитъ внѣ-чувственные идеалы. Къ нимъ, къ этимъ сверхъчувственнымъ идеаламъ, приводитъ неминуемо наша способность вѣровать, въ высшемъ ея развитіи; на низшихъ же степеняхъ развитія она еще напоминаетъ, какъ и все человѣческое, о безусловной зависимости отъ чувственнаго.

Поэтому-то я и утверждаю въ моемъ міровоззрѣніи, что cogito ergo sum Декарта справедливѣе замѣнить sentio ergo sum. Наше sum, или я есмь—только рефлексъ ощущенія бытія; съ нимъ сходны звуки, издаваемые животными, свидѣтельствующіе объ ощущеніи ими также личнаго бытія. А наше cogito есть уже самосознаніе, то есть сознаніе ощущенія бытія, которое можетъ быть и не вполнѣ сознательное (какъ у животныхъ и у насъ при не нормальномъ состояніи тѣла или психическихъ способностей).

Если верховный разумъ Творца заблагоразсудилъ произвести человѣческій родъ отъ обезьяны, то, несомнѣнно, вѣра въ человѣкѣ развилась постепенно въ теченіи вѣковъ, изъ грубыхъ чувственныхъ представленій, взятыхъ имъ изъ окружающей природы.

Но родословная наша еще не скрѣплена и не въ рукахъ точной науки; поэтому возможно еще и невѣроятное. Въ такомъ случаѣ, возможна и маловѣроятная для современной науки ипотеза о происхожденіи первобытнаго человѣческаго типа, теперь уже выродившагося, принесшаго съ собою на свѣтъ всѣ задатки высшихъ способностей души, въ томъ числѣ и вѣры.

Какъ бы то ни было, но божествомъ каждаго культурнаго общества въ историческія времена всегда были и будутъ или идеалъ, или абсурдъ. Этимъ и отличается также вѣра отъ знанія; если вѣра и не есть непремѣнный антагонистъ знанія, а положительная (догматическая) даже требуетъ его,—основныя ихъ начала не сходны между собою и никогда не сойдутся. Сомнѣніе— вотъ основа знанія.

Безусловное довѣріе къ избранному идеалу — вотъ начало вѣры. Нѣтъ нужды, если онъ будетъ абсурдомъ. Credo quia absurdum est. Въ этомъ изрѣченіи Тертуліана, одного изъ столповъ церкви, глубокая правда. Истинно вѣрующему нѣтъ дѣла до результатовъ положительнаго знанія. Эта черта проводится нами замѣтно и въ простыхъ житейскихъ дѣлахъ. Если я получаю почему-либо полное довѣріе къ какой-нибудь личности, то я не разбираю болѣе—знающая она, образованная, интеллигентная или нѣтъ; я вѣрю ей на-слово, вѣрю и безъ словъ, однимъ, такъ сказать, взмахомъ души. Такъ знаніе и глубокомысленность уживаются въ одной душѣ вмѣстѣ съ вѣрою, не нуждающеюся въ знаніи. Способность познавать, основанная на сомнѣніи, не допускаетъ вѣры; но вѣра не стѣсняется знаніемъ и идетъ своимъ путемъ. Идеалъ, служащій основаніемъ вѣры, даже абсурдный, не допуская и тѣни сомнѣнія, становится выше всякаго знанія и помимо его стремится къ достиженію истины.

Карлъ Фохтъ смѣялся надъ возможностью соединить вѣру и знаніе, противорѣчащее въ своихъ результатахъ догматамъ вѣры: онъ называлъ это двойною бухгалтеріею души. Правда, глубина и многосторонность знанія, по принципу, препятствуютъ не только полету, но и развитію идеаловъ, если они не требуютъ точно-научнаго знанія. Но и то правда, что наша разсудочная послѣдовательность ограниченна.

Строго послѣдовательными могутъ быть, и то относительно, только два сорта людей: крѣпкіе духомъ и ограниченные, односторонніе спеціалисты. Когда я считалъ спеціализмъ главною цѣлью жизни, я подписалъ подъ моимъ портретомъ, литографированнымъ въ Дерптѣ, что быть послѣдовательнымъ для меня главное, и я былъ тогда дѣйствительно послѣдовательнымъ до чертиковъ; но по мѣрѣ того, какъ я знакомился съ жизнью и наукою — и міровоззрѣніе мое дѣлалось менѣе ограниченнымъ;

я прозрѣлъ и убѣдился, что, не принадлежавъ къ разряду esprits forts, нельзя быть вполнѣ послѣдовательнымъ. Что я говорю? Можно. Но какъ? сдѣлавшись подлецомъ передъ Богомъ и передъ собою.

Да, не иначе, esprit fort,—и вѣрующій, и невѣрующій,—онъ можетъ быть и тѣмъ, и другимъ, — въ сущности, всегда во что нибудь да вѣрующій, по малой мѣрѣ, убѣжденный во что нибудь до nec plus ultra; вѣруя же, онъ можетъ быть и по евангельски нищимъ духомъ, — и нищій бываетъ и крѣпкимъ, и сильнымъ.

Самая характерная черта крѣпкаго духомъ та, что онъ, счастливый и несчастный, больной и здоровый, живя и умирая, продолжаетъ безтрепетно, спокойно, безъ всякаго разлада съ самимъ собою, вѣрить или не вѣрить, а не вѣрить (для) esprit fort значитъ, по моему, вѣрить въ ничто, то есть въ абсурдъ, credit quia absurdum est. Поэтому, истинный, непритворный и неподдѣльный (отрицатель) не можетъ не быть esprit fort.

Если все это такъ, то крѣпкій духомъ не можетъ не быть и одностороннимъ, и потому онъ сходится съ разрядомъ одностороннихъ и ограниченныхъ спеціалистовъ, которые, въ свою очередь, не есть еще евангельскій нищій духомъ.

Другое дѣло съ людьми, не принадлежащими къ этимъ двумъ разрядамъ; между ними есть также и вѣрующіе, и невѣрующіе, пріобрѣтшіе глубокія научныя знанія, и невѣжи, и неучи. Для такихъ людей, — а имя ихъ легіонъ, — неуступчивая, неупругая и несокрушимая послѣдовательность немыслима, и какъ ни различенъ складъ ума большинства людей изъ этого разряда, всѣ они имѣютъ то общее имъ свойство, что могутъ вести у себя и съ собою двойную бухгалтерію, какъ это названо К. Фохтомъ. Это значитъ, что личность, принадлежащая къ этой категоріи, можетъ быть въ одно и то же время и человѣкомъ науки, и человѣкомъ вѣры, и въ вѣрѣ и въ наукѣ вполнѣ искреннимъ; идеалъ вѣры, — собственный или сообщенный, — мирится въ такой личности съ результатами, полученными путемъ науки; спокойствіе, поселяемое въ душѣ вѣрою въ идеалъ, хотя бы абсурдный, съ научной точки зрѣнія не нарушается несовпаденіемъ итоговъ двойной бухгалтеріи. Какъ не благодарить Бога тому, кто своевременно разузнаетъ въ себѣ эту чудную, примиряющую способ-

ность души; но нечего роптать, сѣтовать, сомнѣваться и насмѣхаться и тому, кто не понимаетъ или не хочетъ понять возможности существованія этого психическаго свойства.

И едва ли крайняя послѣдовательность принадлежитъ къ нормальнымъ свойствамъ человѣческаго духа. Бѣда, если ее захочетъ себѣ навязать человѣкъ не сильный духомъ или неограниченный; онъ неминуемо сподличаетъ. Подлецъ, въ моихъ глазахъ, передъ Богомъ и передъ собою тотъ, кто, отвергнувъ всѣ идеалы вѣры и ставъ въ ряды атеизма, въ бѣдѣ измѣняетъ на время свои убѣжденія, и, всего хуже, если дѣлаетъ еще это тайкомъ, а убѣжденія свои разглашаетъ открыто. А такихъ господъ не мало. Къ нимъ принадлежалъ нѣкогда и я самъ, пока не познакомился съ собою хорошенько. Да, трудно простить себѣ такую подлость, хотя бы и временную и невольную; въ продолженіи моей автобіографіи я не утаю отъ себя ничего, что заслуживаетъ самобичеванія и постараюсь напомнить себѣ, когда и какъ я былъ подлецомъ предъ Богомъ и предъ собою.

Теперь, когда я убѣдился, что люди моего склада ума не могутъ и не должны стремиться къ достиженію крайнихъ предѣловъ послѣдовательности, я сдѣлался искренно вѣрующимъ, не утративъ нисколько моихъ научныхъ, мыслью и опытомъ пріобрѣтенныхъ, убѣжденій.

Какой же идеалъ моей вѣры?

То, что называется вѣрить въ Бога, можетъ быть названо только въ томъ случаѣ, когда умъ не дошелъ еще до необходимости признавать Бога исходною точкою, своимъ nec plus ultra. Мой бѣдный, не разъ блуждающій, умъ остановился на этомъ признаніи; для меня существованіе Верховнаго Разума и Верховной Воли сдѣлалось такою же необходимостью, какъ мое собственное, умственное и нравственное существованіе. Но остановиться на этомъ требованіи ума еще не значило бы для меня быть вѣрующимъ, это значило бы быть деистомъ, а деизмъ, по моему, еще не вѣра, а доктрина.

Для нравственнаго моего быта необходимъ былъ идеалъ болѣе человѣческій, болѣе близкій ко мнѣ. Входя все глубже и глубже въ себя во время разныхъ испытаній жизни, я понялъ, наконецъ, почему культурныя племена, дошедъ до извѣстной степени человѣчности, такъ нуждаются въ идеалѣ Богочеловѣка. Слабость

тѣла и духа, болѣзнь, нужда, горе и бѣды считаются главными разсадниками вѣры.

Мой знакомый докторъ Груби въ Парижѣ утверждалъ даже, что основу всякой религіи нужно отыскивать въ паталогіи человѣка. Гораздо вѣрнѣе этого извѣстное: wer nicht sein Brod mit Thränen ass и проч.

Но какъ ни сильны эти мотивы, не одинъ, однако же, плачъ и скрежетъ зубовъ приводитъ насъ къ утѣшительному идеалу Богочеловѣка, и радость, въ двухъ ея видахъ, увлекаетъ насъ невольно къ этому же самому идеалу. Когда на душѣ тишь да гладь, да Божья благодать, или когда душа восторженна и торжествуетъ, она всегда находитъ въ этихъ двухъ видахъ радости причину сближенія съ другимъ, и непремѣнно высшимъ, какъ будто ей сочувствующимъ существомъ, началомъ,—не знаю съ чѣмъ-то.

Это сочувствующее всему человѣческому и болѣе чѣмъ знакомое со всѣми нашими слабостями, нуждами, печалями и радостями начало такъ свойственно намъ, что олицетвореніе его дѣлается неминуемою потребностью нашего духа; олицетворенное дѣлается звѣномъ, соединяющимъ насъ, тѣмъ, предъ чѣмъ останавливается нашъ умъ, какъ предъ непостижимымъ для него абсолютомъ.

Верховный вселенскій Разумъ и Верховная Воля дѣлаются доступнѣе для насъ въ лицѣ Богочеловѣка. Идеалъ вѣры въ Богочеловѣка до того кажется мнѣ теперь свойственнымъ человѣческой душѣ, что и примѣненіе къ нему извѣстнаго изреченія Вольтера я не считалъ бы такимъ кощунствомъ, какимъ оно мнѣ представляется въ отношеніи къ Богу. Не даромъ высшія культурныя племена все свое богопочитаніе основывали на идеалѣ олицетворенія не только божества, но и каждаго изъ его свойствъ.

Олицетвореніе неминуемо входило въ идеалы вѣръ какъ политеизма, такъ и монотеизма. Егова евреевъ, боровшійся подъ видомъ человѣка съ Іаковымъ, былъ не только Богомъ, принимавшимъ участіе въ дѣлахъ человѣческихъ вообще, но еще и Богомъ національнымъ еврейскаго народа.

Да и какъ возможно бы было человѣку, разъ принявшему существованіе Бога необходимымъ, остановиться неподвижно на одномъ деизмѣ. Это, какъ я самъ испыталъ на себѣ, значило бы

насиловать себя, оставаться холоднымъ и равнодушнымъ къ Тому, Кого нашъ же умъ призналъ за начало началъ; а чтобы не быть къ Нему безразличнымъ, чтобы любить или ненавидѣть Его— необходимо дѣлается признать въ Немъ какія либо нравственныя или матеріальныя отношенія къ себѣ. И въ самыхъ тайникахъ человѣческой души, рано или поздно, но неминуемо долженъ былъ развиться осуществленный идеалъ Богочеловѣка.

Воплощеніе же этого, задолго передъ тѣмъ уже предчувствованнаго идеала, высшаго и утѣшительнѣйшаго изъ идеаловъ,— не могло не внести въ сердца людей новыя (и едва ли до того испытанныя) чувства мирнаго блаженства и торжественнаго восторга, такъ поражающія насъ въ жизни неофитовъ и мучениковъ за вѣру. Вѣровать, что среди насъ жилъ человѣческою же жизнію нашъ Спаситель, испытавъ на себѣ муки и радости этой жизни, было такимъ, еще никогда неиспытаннымъ, счастьемъ, что проникнутые этою вѣрою всѣ не могли не ставить ее выше всѣхъ другихъ чувствъ и способностей души.

Что умъ съ его разъѣдающимъ анализомъ и сомнѣніемъ? Развѣ онъ успокоивалъ, подавалъ надежду, утѣшалъ и водворялъ миръ и упованіе въ душѣ? А вотъ осуществленный идеалъ вѣры, онъ проникъ всю душу, не оставивъ въ ней мѣста для сомнѣній, анализовъ и, разомъ овладѣвъ ею, вселяетъ блаженство и восторгъ.

Вотъ и я, грѣшный, хотя и поздно, но убѣдился, наконецъ, что мнѣ, при складѣ и емкости моего ума, не слѣдовало попадать въ колеи крѣпкихъ духомъ и одностороннихъ спеціалистовъ. Жизнь-матушка привела, наконецъ, къ тихому пристанищу. Я сдѣлался, но не вдругъ, какъ многіе неофиты, и не безъ борьбы, вѣрующимъ. Къ сожалѣнію, однако же, еще и до сихъ поръ, на старости, умъ разъѣдаетъ по временамъ оплоты вѣры. Но я благодарю Бога за то, что, по крайней мѣрѣ, успѣлъ понять себя и увидалъ, что мой умъ можетъ ужиться съ искреннею вѣрою. И я, исповѣдуя себя весьма часто, не могу не вѣрить себѣ, что искренно вѣрую въ ученіе Христа Спасителя.

Прежде, меня слишкомъ занимала историческая сторона христіанства. Теперь я убѣдился, что это дѣло науки, слѣдовательно требующее и научныхъ пріемовъ; но въ наукѣ я всегда былъ и буду за полную свободу изслѣдованія, самаго чистаго и свобод-

наго отъ всякой задней мысли. Для того же, кто, какъ я, ищетъ въ ученіи Христа мира и утѣшенія, вся суть не въ исторіи.

Самъ Спаситель ничего не оставилъ намъ документальнаго въ научно-историческомъ смыслѣ. Мы узнаемъ о Его жизни и ученіи изъ книгъ, писанныхъ Его послѣдователями. Эти письмена дошли до насъ чрезъ тьму вѣковъ, и какихъ еще вѣковъ,—язычества, сектантства, варварства, фанатизма. Кто по современно-научнымъ понятіямъ рѣшитъ теперь—чтò апокрифъ, чтò нѣтъ; безъ строгой исторической критики теперь немыслима стала никакая исторія, даже и священная. А къ какимъ результатамъ можно придти, изслѣдуя строго и свободно научно-историческіе документы христіанскаго ученія, можно узнать отъ тюбингенской школы, отъ Штрауса и Ренана, и если пришлось-бы выбирать между двумя послѣдними, то я все-таки предпочелъ-бы изъ двухъ золъ выбрать меньшее, по моему мнѣнію,—это Штрауса (т. е. его книгу: „Жизнь Іисуса Христа", а не смерть самого Штрауса, кажется, рехнувшагося совсѣмъ при концѣ жизни).

Для меня главное въ христіанствѣ—это недостижимая высота и освящающая душу чистота идеала вѣры; на немъ цѣлые вѣка тьмы, страстей и неистовствъ не оставили ни единаго пятна; кровь и грязь, которыми міръ не разъ старался осквернить идеальную святость и чистоту христіанскаго ученія, стекали потоками назадъ, на осквернителей.

Смѣло и не смотря ни на какія историческія изслѣдованія всякій христіанинъ долженъ утверждать, что никому изъ смертныхъ невозможно было додуматься и еще менѣе дойти до той высоты и чистоты нравственнаго чувства и жизни, которыя содержатся въ ученіи Христа: нельзя не прочувствовать, что оно не отъ міра сего. Это не мораль, какъ желаютъ представить идеалъ ученія отвергающіе божественную натуру учителя. Мораль (отъ mos—нравъ, обычай) зависима отъ нравовъ, а нравы мѣняются со временемъ. Положительнаго, неизмѣннаго, нравственнаго кодекса всего человѣчества нѣтъ и развѣ онъ проявится, когда будетъ едино стадо и единъ пастырь. Но это возможно только въ томъ случаѣ, если пастыремъ явится Богочеловѣкъ, а тогда люди обойдутся, пожалуй, и безъ кодекса.

Хотя тюбингенская школа и бросила тѣнь историческаго сомнѣнія на евангеліе Іоанна, но слова или смыслъ словъ: „законъ

(то есть нравственный) Моисеемъ, благодать же и истина Іисусомъ Христомъ даны", для каждаго христіанина должны быть словами истиннаго благовѣстителя. И для меня непонятно, почему протестантскіе ультрараціоналисты, причисляя себя къ пастырямъ христіанской церкви, становятся на точку зрѣнія Ренана и древнѣйшихъ ересіарховъ, вышедшихъ изъ паганизма и талмудизма; могъ слѣдовать въ своемъ невѣріи такой протестантскій государь, какъ Фридрихъ Второй, считавшій евангеліе также моралью, не пастыри какого-бы то ни было христіанскаго исповѣданія. Для современнаго—именно для современнаго—христіанина признаніе божественной натуры Спасителя должно быть краеугольнымъ камнемъ его вѣры. Этимъ признается непреложность, непогрѣшимость, благодатная внутренняя истина идеала, служащая основою христіанскаго ученія. Этимъ же оно и отличается отъ измѣнчивой, внѣшней, хотя и вполнѣ законной мірской морали. Благодатная, неподлежащая ни сомнѣнію, ни разслѣдованію, (истина) можетъ сдѣлаться моею собственною внутреннею истиною только (тогда), когда я извлекаю ее изъ высшаго источника и вѣрую, что она сообщается мнѣ путемъ благодати. Только при такой вѣрѣ я и въ состояніи отличить внѣшнюю и научную правду, требующую умственнаго анализа и свободнаго разслѣдованія, отъ той высшей, вѣчной, исполненной благодати, правды, которая служитъ идеаломъ моей вѣры,—вѣры,—а не одного убѣжденія.

Я убѣдился на себѣ, что не отличая истину, добываемую путемъ анализа и разслѣдованія, отъ другой, доставляемой намъ вѣрою, нельзя быть настоящимъ вѣрующимъ. И прежде всего нужно увѣровать въ высшую благодать. Недосягаемая высь и чистота идеала христіанской вѣры дѣлаютъ его истинно благодатнымъ; это обнаруживается необыкновеннымъ спокойствіемъ, миромъ и упованіемъ, проникающими все существо вѣрующаго, въ краткія молитвы и бесѣды съ самимъ собою, съ Богомъ.

Обуреваемый сомнѣніемъ и невѣріемъ, мой умъ еще нерѣдко заставляетъ меня думать и во время этихъ бесѣдъ,—не миражъ ли все это? Мы живемъ въ какомъ-то заколдованномъ кругу, изъ котораго намъ нѣтъ выхода,—какъ тутъ отличишь, что̀ дѣйствительность, что̀ миражъ, да и зачѣмъ стараться различать неразличимое, это то, что одинъ отецъ церкви назвалъ curiositas inutilis. А если, наконецъ, и удалось бы постигнуть гдѣ кончается

наша иллюзія и гдѣ начинается дѣйствительность, то не будемъ-ли мы самыми несчастными существами, сдѣлавшись, чрезъ такое открытіе, изъ мнимо-здоровыхъ мнимо-больными? Представимъ себѣ каждаго изъ насъ лично и наглядно убѣдившагося, что его *я*—миражъ, его ощущеніе свободной воли—то же миражъ; свобода мысли—иллюзія, представлѐнія о безпредѣльности времени и пространства — галлюцинаціи фантазіи, идеалы вѣры, любви, красоты—такія же галлюцинаціи, иллюзіи и миражи; что вышло бы изъ личности, наглядно узнавшей и окончательно убѣдившейся, что она живетъ постояннымъ обманомъ чувствъ, ощущеній и представленій? не привело ли бы такое знаніе къ другому, еще болѣе сумбурному, убѣжденію, что самый способъ, которымъ мы дошли до нашей истины, основанъ на такихъ же иллюзіяхъ и миражахъ.

Мнѣ кажется, что въ предметахъ психологіи, для изслѣдованія которыхъ необходимо субъективныя ощущенія дѣлать въ то же время и объектами сужденія, сомнительная догадка вѣрнѣе и, во всякомъ случаѣ, практичнѣе мнимотвердаго убѣжденія.

Итакъ, если Творцу угодно было, произведя насъ отъ обезьянъ, скрыть наше происхожденіе иллюзіями, увлекающими насъ къ Нему въ безпредѣльность и вѣчность,—то не намъ накладывать руки на себя и не намъ найти ту истину, которая не назначена быть истиною для насъ. Все это я привожу въ припадкѣ сомнѣнія противъ моего невѣрія, отъ котораго не легко было отдѣлаться и самому Петру.

Всеобъемлющая любовь и благодать Святого Духа, это два самые существенные элементы идеала вѣры Христовой, отличающей ее отъ морали, какъ небо отъ земли. Недаромъ у всѣхъ сектаторовъ христіанства благодать служитъ болѣе или менѣе основою толковъ и раскола. Настоящая, искренняя вѣра не можетъ быть не идеальною, а идеалъ не можетъ быть достижимымъ, какъ недостижима для насъ и всеобъемлющая истина. А недостижимою высотою и святостью идеала христіанская вѣра, очевидно, превосходитъ всѣ другія; сущность же этого высокаго идеала такова, что приближеніе къ нему невозможно. И вотъ желающіе приблизиться къ нему и ищущіе въ вѣрѣ примиренія съ собою, прежде всего, не должны полагаться на собственныя силы и нравственныя (моральныя) достоинства, а должны увѣровать,

что вѣра есть даръ неба, благодати и всеобъемлющей любви. Это для меня самая характерная черта христіанской вѣры, превосходно выраженная въ моей умилительной для меня молитвѣ: „Чертогъ Твой вижу, Спасе мой, и одежды не имамъ, да вниду въ онь“.

Разбойникъ на крестѣ, блудный сынъ, фарисей и мытарь, слова, сказанныя Марфѣ, Маріи и юношѣ, исполнившему, по его мнѣнію, всѣ заповѣди закона, доказываютъ какое значеніе придавалъ Спаситель прямому, чистосердечному и полному раскаянію и вѣры обращенію къ Нему. Два великіе учителя церкви—апостолъ Павелъ и блаженный Августинъ видѣли также въ благодати одно изъ главныхъ средствъ къ спасенію.

Но существуетъ, въ моихъ глазахъ, еще и другая характерная черта христіанскаго ученія,—это многосторонность, отличающая его отъ ограниченныхъ или одностороннихъ стремленій религій, основанныхъ на одной морали. И аскетъ, бѣгущій отъ прелестей міра, и мірянинъ, подвергающій себя испытаніямъ, и человѣкъ, ставящій свои дѣйствія въ зависимость отъ предопредѣленія, и тотъ, кто основываетъ ихъ на свободѣ воли, ищущій усердною молитвою и постомъ удостоиться благодати, равно какъ и тотъ, кто и все свое время посвящаетъ дѣламъ добра,—всѣ всѣ могутъ найти въ христіанскомъ ученіи основу своихъ убѣжденій, стремленій и дѣйствій.

Одно мнѣ кажется несовмѣстнымъ съ духомъ ученія Христа, это—догматизмъ и доктринерство. Конечно, церковь, какъ собраніе вѣрующихъ, должна была возникнуть на первыхъ же порахъ христіанства; а согласіе и единство взглядовъ должно было соединять собраніе вѣрующихъ, но это еще далеко отъ обязательной догмы. Обязательная, а потомъ и принудительная, догма должна была явиться съ появленіемъ на свѣтъ государственной, или, попросту, казенной церкви. И вотъ опять доказательство той многосторонности ученія Христа, о которой я говорилъ.

Какъ скоро христіанство выступило на государственную и политическую арену, въ немъ находили опору и императоры, и демагоги. Мало этого, церковь, во времена паганизма, не переставая быть въ сущности христіанскою, могла дѣлать уступки язычеству, слѣды котораго сохранились въ нѣкоторыхъ церквахъ еще и до сихъ поръ. Это и не могло быть иначе, когда незе-

ной,—„не отъ міра сего",—идеалъ долженъ былъ осуществляться, вѣрнѣе, приближаться къ осуществленію въ мірѣ, пропитанномъ насквозь чувственностью. Развѣ могъ кто изъ смертныхъ, хотя-бы и власть имѣющихъ,—велѣть любить врага и ненавистника, платить за обиду кротостью и смиреніемъ, всѣмъ жертвовать изъ любви. Мѣсто запрещенія и отрицанія, служащихъ основою закона, обязательнаго для всего общества, и мѣсто: не дѣлай того или другого, не убей, не воруй, не пожелай, замѣняетъ верховный и неземной призывъ къ сокровеннымъ и самымъ глубокимъ чувствамъ души: любви и вѣрѣ, дѣлая ихъ главными мотивами нашихъ дѣлъ и дѣйствій. Очевидно, ни еврейскій монотеизмъ, ни политеизмъ древняго міра не могли сразу понять и прочувствовать глубокій смыслъ и значеніе недосягаемаго идеала Новаго Завѣта.

И первая государственная церковь Христа едва-ли была образцовая. Императоры, принявшіе христіанство, спѣшили воспользоваться ею для своихъ политическихъ цѣлей, старались сдѣлать ее торжественною въ глазахъ народа, привыкшаго къ великолѣпію языческихъ храмовъ и торжественнымъ процессіямъ жрецовъ, которыхъ должна была замѣнить для народа іерархія священнослужителей, епископовъ, патріарховъ и т. п. И вотъ вѣрованіе, въ основѣ котораго лежитъ полная свобода совѣсти, то есть сознаніе истины въ идеалѣ самоотверженія изъ любви и вѣры въ всеобъемлющую любовь въ Бога, дѣлается постепенно обязательнымъ, казеннымъ, внѣшнимъ. Обязательность, связь церкви съ властью, государственные перевороты, наплывъ новыхъ племенъ на развалины древнихъ государствъ, всѣ эти обстоятельства не могли не способствовать къ искаженію чистоты идеала новой вѣры и къ порожденію самыхъ уродливыхъ толковъ, ересей, подлоговъ преданій, письменныхъ документовъ и т. п.

Тогда оказался необходимымъ для государственной церкви и обязательный догматизмъ вѣры, и цѣлый рядъ вселенскихъ соборовъ установляетъ догмы и формулы догмъ, предписываетъ какъ и чему вѣрить, чтобы быть христіаниномъ. Свобода совѣсти отходитъ на задній планъ. Мѣсто глубоко прочувствованнаго идеала вѣры и свободнаго полета души, желающей сближенія съ нимъ, заступаютъ символическіе обряды, мистеріи, игравшіе такую видную роль въ политеизмѣ, и т. п.

Дошло, наконецъ, до того, что вмѣсто недостижимо-высокаго идеала, нареченнаго быть мотивомъ всѣхъ нашихъ дѣлъ и нравственныхъ стремленій, выступили на первый планъ всѣ эти церковные обряды и требы. Вмѣсто смиренныхъ, исполненныхъ благодати и любви, учителей, явились непогрѣшимые папы-государи и надменные патріархи, заводившіе споры о первенствѣ.

Иногда, смотря на нашихъ владыкъ, я думалъ, какъ бы мнѣ было совѣстно передъ собою и передъ Христомъ, если бы я сдѣлался архіереемъ, — мнѣ невозможно-бы было не помнить, что именно архіереи синедріона были судьями не на животъ, а на смерть Обѣщавшаго Царство Божіе своимъ избраннымъ. А эти книжники, противъ которыхъ Онъ такъ возставалъ, развѣ это были не догматики и развѣ между ними не было приписывавшихъ себѣ власть и авторитетъ только потому, что они получили ихъ по преданію въ наслѣдство, и развѣ самые близкіе къ Христу не должны были для авторитета производить его родословную отъ царя Давида? Не то ли же самое повторяется съ іерархами, папами и даже попами, приписывающими себѣ духовную власть по преемству или наслѣдству?

Я знаю, однако же, и хорошо понимаю, что я увлекаюсь, говоря такъ о церкви и ея служителяхъ. Но я говорю теперь о христіанствѣ съ моей индивидуальной и ограниченной точки зрѣнія. Послѣ погрома моей обрядной религіи, которую исповѣдывалъ съ дѣтства, и послѣ того, какъ убѣдился, что не могу быть ни атеистомъ, ни деистомъ, я искалъ успокоенія и мира души, и, конечно, пережитое уже мною, чисто внѣшнее вліяніе таинствъ церковныхъ богослуженій и обрядовъ, не могло успокоить взволнованную душу. Вся внѣшняя сторона вѣры оказывала на меня, вмѣсто успокоивающаго и примиряющаго дѣйствія,—другое, противоположное. Мнѣ нуженъ былъ отвлеченный, недостижимо-высокій идеалъ вѣры. И принявшись за евангеліе, которое я никогда еще самъ не читывалъ, — а мнѣ было уже 38 лѣтъ отъ роду,—я нашелъ для себя этотъ идеалъ.

Въ нашей обрядной церкви, по крайней мѣрѣ во время моего дѣтства, а въ деревняхъ, какъ вижу, и теперь еще,—Евангеліе считается попами и прихожанами священнымъ не по содержанію, не по мыслямъ и изложенному въ немъ ученію, а священнымъ какъ предметъ, формально; такъ и слова молитвъ считаются

священными какъ слова,—слышанныя, прочитанныя, должны оказывать благодатное и спасительное дѣйствіе на слушателя и читателя.

Съ этой стороны только я и зналъ Евангеліе, а слѣдовательно и ученіе Христа, пока былъ подросткомъ. Потомъ все это забылось и какъ старый хламъ сданъ былъ мною въ архивъ памяти, пока мнѣ не стукнуло 38 лѣтъ и внутренняя тревога не овладѣла мною. Послѣ этого, я не удивляюсь, что сужу такъ рѣзко о современной (да и прежней) христіанской церкви.

Между тѣмъ, я долженъ сказать, что какъ ни слабою, съ историко-критической точки зрѣнія, кажется мнѣ историческая сторона начала христіанства, я, какъ человѣкъ, вѣрящій въ предопредѣленіе и не допускающій ничего случайнаго по принципу, вижу въ исторіи развитія церкви событіе роковое, повліявшее существенно на развитіе культурнаго общества. И именно то обстоятельство, что христіанство, вмѣсто не нуждавшагося ни въ какой внѣшней обстановкѣ исповѣданія, дѣлается государственною религіею, утвержденною на догматахъ, и обезпечиваетъ дальнѣйшее его развитіе, его судьбы и вліяніе на народныя массы.

Весьма странно кажется мнѣ мнѣніе Бокля, что культурное общество обязано своимъ прогрессомъ исключительно распространѣнію научныхъ знаній, а со стороны нравственнаго его быта не послѣдовало никакого улучшенія. И другое мнѣніе, что будто бы не христіанство, а выступленіе на поприще цивилизаціи германскихъ племенъ было главною причиною прогресса, мнѣ кажется не менѣе одностороннимъ, и я не понимаю, какъ можно отрицать въ идеалѣ Христовой вѣры глубокіе задатки къ улучшенію нравственнаго быта общества, а потому отвергать и вліяніе христіанства на нравы и стремленія людей.

Вѣруя, что основной идеалъ ученія Христа, по своей недосягаемости, останется вѣчнымъ и вѣчно будетъ вліять на души, ищущія мира, чрезъ внутреннюю связь съ божествомъ, мы ни минуты не можемъ сомнѣваться и въ томъ, что этому ученію суждено быть неугасаемымъ маякомъ на извилистомъ пути нашего прогресса.

Но если идеалъ вѣченъ и не отъ міра сего, а путь прогресса не прямъ, а извилистъ, то возможно ли было человѣчеству, въ переходныя эпохи его жизни, усвоить себѣ и глубоко прочув-

ствовать всю суть христіанской вѣры? Что не встрѣчало оно на своемъ земномъ поприщѣ?

Христосъ, какъ человѣкъ, былъ еврей, очевидно, любилъ свое земное племя, не опровергалъ закона Моисеева, соблюдалъ и требовалъ соблюденія заповѣдей, совершалъ еврейскіе обряды, но преслѣдовалъ фарисейство и садукейство, то есть преслѣдовалъ доктринерство, внѣшнюю обрядность, внутреннюю ложь и грубую чувственность садукейства, и, вѣроятно, отдавалъ предпочтеніе сектѣ Евсеевъ (аскетовъ).

Но государственному строю евреевъ суждено было существовать уже не долго и предопредѣленіе, — не случай, — вывело христіанство, послѣ паденія Іерусалима, но вмѣстѣ съ разсѣяніемъ еврейства, на всемірное поприще, и предопредѣлено было вывести его на это поприще при наступившемъ наплывѣ въ древній міръ свѣжихъ варварскихъ племенъ. Если первобытные христіане-евреи, а съ ними и римляне, какъ видно изъ Тацита, — смотрѣли на ученіе Христа болѣе съ своей еврейской точки зрѣнія, то немудрено, что язычники-греки и римляне, дѣлаясь христіанами, вносили съ собою новое ученіе, свои прежніе языческіе понятія и обряды. Политеизму и жречеству не легко было оставаться безъ олицетвореній и жертвъ. Толкованія вѣры Христа сдѣлались одно превратнѣе и темнѣе другого и восточные народы ввели идуализмъ, не чуждый, впрочемъ, и монотеизму.

Наконецъ, христіанской церкви, обратившей варваровъ въ христіанъ, суждено было самой сдѣлаться государствомъ въ государствахъ, стать во главѣ правленій и спуститься съ высоты своего идеала низко, низко, на землю.

Можно ли же полагать, что первые вѣка христіанства должны служить образцомъ чистоты ученія Христа? Можно ли утверждать, что ученіе это, вышедъ изъ устъ Спасителя, тотчасъ же было принято, усвоено и прочувствовано народами во всей его идеальной чистотѣ? Не противорѣчитъ ли этому то, что самые близкіе ученики не всегда понимали учителя и обѣщаемое имъ Царство Божіе переносили въ Іудею? Не былъ ли самъ Спаситель въ глазахъ многихъ изъ своихъ современниковъ сынъ плотника изъ Назареи, отъ которой нельзя было ожидать ничего особеннаго? Не говоря уже о римлянахъ, незнакомыхъ съ религіею евреевъ, не придававшихъ, очевидно, никакой важности ученію

Христа, могло-ли и большинство самихъ евреевъ признать въ своемъ соотечественникѣ Іегову Мессію, когда онъ допустилъ себя, какъ преступника, опозорить, осмѣять и распять?

Обыкновенно принимаютъ, что чѣмъ старѣе вѣра, тѣмъ лучше. И это правда; для вѣры необходимъ консерватизмъ болѣе всего, чтобы дѣйствовать ею на массы. Вѣра отцовъ для нихъ магическое слово. Поэтому для государства важное дѣло поддерживать старую вѣру, какъ сильно-дѣйствующее средство консерватизма. Въ интересахъ жрецовъ государственной вѣры и церкви также лежитъ держаться, сколько можно крѣпче, прежнихъ взглядовъ на вѣру, установленныхъ вѣками догматовъ, обрядовъ и обычаевъ.

Но, не смотря на все это, мнѣ кажется, христіанину нельзя сомнѣваться. Вѣчный, неземной и никогда недостижимый идеалъ его вѣры долженъ постепенно освобождаться отъ наростовъ времени и дѣлаться болѣе и болѣе яснымъ для людей всѣми его благодатными слѣдствіями. И я полагаю, какъ ни извилистъ путь человѣческаго прогресса, христіанство, не смотря на препятствія, встрѣченныя имъ на этомъ пути, и на временныя реакціи невѣрія, грубой чувственности и звѣрства, много, чрезвычайно много, очистило нравственность и прояснило наши міровоззрѣнія, взаимныя отношенія народовъ и государствъ.

Свобода совѣсти, свобода разслѣдованія истины, уничтоженіе рабства и невольничества, возвышеніе личности, снисхожденіе и милосердіе къ побѣжденному врагу, дѣла общественной благотворительности,—все это дѣлалось и дѣлается, въ теченіи XVIII-ти слишкомъ вѣковъ, подъ эгидою христіанства. Поэтому, какъ бы догматизмъ и обязательности государственной церкви, іерархизмъ, обрядность мнѣ лично ни казались противными духу ученія Христа, я не долженъ увлекаться моими личными склонностями и не вправѣ не признать всѣ эти явленія на почвѣ христіанства необходимыми. Поневолѣ приходится убѣждаться, что все существующее разумно, то есть причинно.

Правила и кодексы нравственности, къ которымъ приравниваютъ иногда ученіе Христа, такъ отличны отъ него по своимъ цѣлямъ и тенденціямъ, что не знаешь чему болѣе удивляться—близорукости ли взгляда, или желанію, во что бы то ни стало, унизить и профанировать высочайшіе изъ идеаловъ.

Всѣ нравственныя правила, древнія и новыя, основаны на одной внѣшней правдѣ; за отклоненіемъ отъ нихъ слѣдуетъ наказаніе или непосредственно, или когда проступокъ обнаружится для другихъ. Не воруй, а украдешь, то штрафъ; не убей, а убьешь, то самого повѣсятъ; главное правило—не дѣлай другому, чего не хочешь, чтобы сдѣлано было тебѣ самому. Если-же отклоненіе твое отъ этого главнаго правила нравственности и не будетъ никѣмъ открыто, то и тайное оно повлечетъ наказаніе для тебя въ видѣ недовольства, угрызенія совѣсти. Если же, прибавляетъ кодексъ, причинивъ зло ближнему, ты обошелся безъ наказанія и безъ угрызенія совѣсти, то не забудь, есть немезисъ и правосудіе на землѣ. Рано или поздно зло будетъ наказано, добро награждено. За Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаетъ.

Повидимому, и въ нравственныхъ кодексахъ дѣло идетъ не объ одной внѣшней правдѣ; говорится и о внутреннемъ недовольствѣ, о совѣсти, даже о божественномъ правосудіи. Въ сущности идеалъ нравственности остается внѣшнимъ, прикованнымъ къ землѣ и потому всегда болѣе или менѣе достижимымъ. Спаситель и не отвергалъ его. Тому богатому юношѣ, который для своего спасенія спрашивалъ что̀ ему дѣлать, Христосъ, прежде всего, совѣтовалъ исполнить нравственный законъ Моисея, и только когда послѣдовалъ высокомѣрный отвѣтъ: „я все это исполнилъ", сказано было: „раздай все и ступай во слѣдъ Меня" Это и значитъ: исполнивъ внѣшнія требованія нравственности и закона, ступай далѣе и возносись выше, если можешь, а не можешь, то и тогда еще не теряй упованія. Отъ Бога все возможно, сказано ученикамъ, сомнѣвавшимся въ возможности спастись богатому человѣку.

И вотъ, выше законовъ нравственности, непостоянныхъ, нетвердыхъ, подлежащихъ толкованіямъ, обходамъ, уступкамъ и разнаго рода лазейкамъ, поставленъ былъ совершенно въ другой сферѣ идеалъ неземной и вѣчный,—будущая жизнь и безсмертіе Признаніе идеала вѣры вѣрующимъ должно быть полное и безусловное. А для врача, ищущаго вѣры, самое трудное увѣровать въ безсмертіе и загробную жизнь. Это потому во-первыхъ, что главный объектъ врачебной науки и всѣхъ занятій врача есть тѣло, такъ скоро переходящее въ разрушеніе; во-вторыхъ, врачъ

ежедневно убѣждается наглядно, что всѣ психическія способности находятся не только въ связи съ тѣломъ, но и въ полной отъ него зависимости, въ третьихъ,—принимая существованіе въ насъ безсмертнаго духа, мы должны принять и въ высшихъ классахъ животныхъ присутствіе подобнаго же элемента, такъ какъ присутствіе многихъ душевныхъ способностей у животныхъ неоспоримо, и это предположеніе будетъ тѣмъ необходимѣе для насъ, чѣмъ болѣе мы будемъ убѣждаться о происхожденіи нашемъ отъ животнаго. Вольтеръ грубо, но мѣтко выразилъ это, свойственное всѣмъ врачамъ, сомнѣніе: „находили ли вы когда нибудь, докторъ, при вашихъ изслѣдованіяхъ, безсмертную душу между мочевымъ пузыремъ и прямою кишкою?“ Вопросъ нелѣпъ и смѣшенъ; но онъ непремѣнно, въ томъ или другомъ видѣ, представляется анатомамъ, физіологамъ и практикамъ.

Да, врачу, да пожалуй и большинству культурнаго общества, привыкшимъ основываться на индукціи и наглядности, не легко повѣрить въ загробную жизнь, тѣмъ болѣе, что по изслѣдованіямъ нервной системы оказывается, что и жить-то тамъ некому; существованіе особеннаго духовнаго начала въ организмѣ есть только ипотеза, принимаемая еще наукою какъ x, покуда ни чѣмъ не замѣненный.

Но въ сущности еще ни одно изъ этихъ сомнѣній неубѣдительно, пока мы не узнаемъ точно научнаго различія между жизнью и смертью, или не узнаемъ, что̀ такое жизнь. Объ атомахъ вещества мы уже знаемъ, что они безсмертны, хотя и не знаемъ, что̀ они такое. А когда, передъ нашимъ всеразъѣдающимъ анализомъ, вещественные атомы дѣлаются наконецъ отвлеченіемъ (абстрактомъ), то кто рѣшитъ, гдѣ границы между вещественнымъ и духовнымъ элементомъ?

Врачу,—я сужу, впрочемъ, по себѣ,—знающему по опыту какъ легко остановить механизмъ животной машины на полномъ его ходу, всего скорѣе можетъ придти мысль о зависимости этого механизма отъ присутствія какого-то невѣдомаго, чего-то въ родѣ электрическаго тока или свѣтового эфира, колебаніями атомовъ котораго поддерживалось и дѣйствіе всего механизма. У однихъ особей эти колебанія невѣсомаго элемента въ животномъ механизмѣ совершаются какъ будто скорѣе, у другихъ медленнѣе; у однихъ колеблящіеся атомы невѣсомаго проникаютъ, какъ будто,

всѣ ткани глубже и, соединяясь, какъ будто, тѣснѣе съ ними, дѣлаютъ всю машину прочнѣе и способнѣе противустоять разрушенію и смерти; у другихъ же особей связь невѣсомаго съ организмомъ до того слаба и, такъ сказать, поверхностна, что малѣйшее насиліе легко ее прерываетъ и губитъ жизнь. Эта ипотеза не можетъ казаться странною уже и потому, что она соотвѣтствуетъ и понятію (по крайней мѣрѣ моему) о сущности самаго вещества. Умственный анализъ, разлагая матерію до крайнихъ ея предѣловъ, превращаетъ ея атомы въ какія-то математическія точки или центры, до того отличные отъ подлежащаго нашимъ чувствамъ вещества, что различіе между нимъ и тѣмъ, что мы называемъ силою, духомъ, – исчезаетъ.

Я знаю, что такой взглядъ не соотвѣтствуетъ философскому и религіозному взглядамъ на духъ, подъ именемъ котораго разумѣютъ отвлеченное и совершенно противоположное матеріи начало. Косность, инерція, измѣняемость, дѣлимость и т. п. свойства вещества несообразны съ свободою, неизмѣнностью, безпредѣльностью и т. п. духа. И для меня невозможно сдѣлалось остановиться на анализѣ одной матеріи и отвергнуть необходимость существованія высшаго духовнаго начала, какъ источника разума, воли, чувства и жизни. Но объ этомъ, принимаемомъ по необходимости умомъ, абстрактѣ мы не можемъ уже имѣть никакого представленія. Принять же, что это требованіе нашего ума, это чисто отвлеченное начало, названное духомъ только по обманчивому и ложно воображаемому сходству съ чѣмъ-то летучимъ, похожимъ на воздухъ, газъ, дыханье, паръ и т. п., приходитъ прямо и непосредственно въ тѣсную связь съ грубымъ веществомъ,—мнѣ кажется абсурдомъ.

Умъ моего склада гораздо легче допускаетъ, что связь, неподлежащая сомнѣнію, вещественнаго организма съ отвлеченнымъ началомъ, ускользающимъ отъ нашего представленія, происходитъ посредствомъ особаго, такъ сказать, переходнаго начала, болѣе близкаго, по своимъ свойствамъ, къ веществу, и потому легче представляемому нами, но ускользающему отъ точно научнаго разслѣдованія.

Я иду еще далѣе и представляю себѣ не невозможнымъ, что атомы невѣсомаго элемента (икса), оставляя органическую машину безъ дѣйствія, сами могутъ удержать на себѣ ея обликъ и нѣкоторыя ея психическія свойства, изображая собою какъ бы

отпечатокъ того организма, который они оживляли своими колебаніями. Какъ ни фантастично это представленіе, но нельзя же не имѣть никакого представленія о предметѣ, такъ близко и глубоко касающемся насъ. Правда, мое: „ни Богу свѣчка, ни чорту радость", прежде всего, оно болѣе или менѣе напоминаетъ о мистицизмѣ. Что за дѣло, словъ пугаться нечего. Что такое мистицизмъ? Такое же свойство человѣческой души, какъ и вѣра вообще. Вѣрить и можно только въ неразгаданное, какъ и не разгадано самое свойство вѣры. Мы знаемъ только навѣрное, фактически, что есть въ человѣкѣ современномъ (про будущаго человѣка мы еще ничего не знаемъ) потребность вѣрить, любить, надѣяться, а откуда онѣ берутся, ихъ источникъ мы ищемъ поневолѣ тамъ, гдѣ-то выше насъ, потому что въ насъ самихъ, въ нашихъ нервныхъ центрахъ или другихъ органахъ, служащихъ только къ проявленію этой потребности, мы источника ея не обрѣтемъ. Еще къ нашему счастію намъ дана способность привыкать къ часто повторяющимся впечатлѣніямъ и не заниматься ими, и поддаваться постояннымъ иллюзіямъ и миражамъ; не будь этого, мы всѣ бы сдѣлались такими же мистиками, какъ современные ультраспириты, или какъ Эккартегаузенъ и Мад-мъ Крюднеръ.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ все окружающее насъ намъ дѣйствительно понятно и ясно; мы только привыкли къ нему и постоянная иллюзія, съ которою мы наслаждаемся жизнью, не думая о ея непроницаемой таинственности, предохраняетъ насъ отъ увлеченій вѣры въ чудесное, ведущихъ къ душевной тревогѣ и сумасшествію.

Да, слава Богу, что бо̀льшая часть того, что мы ощущаемъ и сознаемъ, кажется намъ простымъ, яснымъ и естественнымъ. А сверхестественнаго, при такомъ убѣжденіи, и существовать не должно; такимъ было бы, по теперешнимъ нашимъ понятіямъ, не только то, что противорѣчитъ извѣстнымъ уже намъ законамъ естества, а и впредь имѣющимся сдѣлаться извѣстными.

Но нѣтъ такой эпохи въ исторіи развитія культурнаго общества, въ которую не проявлялось бы періодически, въ видѣ душевной эпидеміи, влеченіе къ чудесному. Весьма характерно при этомъ то, что степень вѣрованія въ чудесное, въ эти періоды, вовсе не соотвѣтствуетъ степени пріобрѣтенныхъ уже наукою, или передовыми ея людьми, знаній. Кто могъ бы, на-

примѣръ, повѣрить, что, въ концѣ XIX-го вѣка, люди науки вполнѣ вѣрятъ въ то, чему никто не повѣрилъ бы въ началѣ этого вѣка. Такъ знанія наши о предметахъ, сильно затрогивающихъ наше *я*, непрочны и поколебимы.

Отвергать одно, потому что мы убѣждены въ несомнѣнности противоположнаго ему другого, дѣло опасное. Какъ бы то ни было и какъ бы недовѣрчиво мы ни относились къ спиритизму съ одной стороны и къ ученію церкви о загробной жизни съ другой, я, не отвергая ни того, ни другого, считаю не невозможнымъ признать нѣчто вещественное (въ моемъ смыслѣ) въ нашей загробной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрую, по крайней мѣрѣ, стараюсь вѣрить и прошу Бога даровать мнѣ эту вѣру, въ духовную загробную жизнь и, какъ отвлеченіе, для насъ непостижимую.

Такъ вѣрить я обязанъ какъ христіанинъ; она вѣнецъ ученія Христа; идеалъ вѣры поставленъ Имъ въ загробную жизнь; не умирая, мы не достигаемъ конечной цѣли нашей жизни. Вотъ суть ученія. Мы не судьи нашихъ дѣйствій. Истину узнаемъ только за гробомъ; тамъ и узнаемъ, соотвѣтствовала-ли наша жизнь ея истинной цѣли. Органическія страсти съ ихъ увлеченіями и чувственность вещественнаго бытія, переставъ существовать, дадутъ возможность намъ стать къ истинѣ лицомъ къ лицу; это не то, что стоять лицемъ къ лицу съ нашею совѣстью здѣсь, живя вещественно,—тамъ придется имѣть дѣло съ самою истиною, которой мы такъ добиваемся здѣсь и вмѣстѣ съ тѣмъ стараемся ее избѣгнуть.

Ученіе Христа, въ примѣненіи его отвлеченнаго и загробнаго идеала къ нашей жизни, на каждомъ шагу встрѣчается съ громадными и непреодолимыми препятствіями для вѣрующаго. Это и не могло быть иначе, это зависѣло и отъ свойствъ идеала. Онъ долженъ остаться недостижимымъ и вѣчнымъ. Идти далѣе и выше его нельзя уже, некуда. Понятна отъ этого чрезвычайная трудность примѣненія къ практической жизни. Блудный сынъ, блудница и разбойникъ на крестѣ показываютъ, однако же, какъ самъ Учитель относился къ неисполнимости Его ученія на дѣлѣ.

Странно, когда я сомнѣвался и не вѣрилъ, я болѣе дѣлалъ добра, — вѣрнѣе, дѣлалъ его безкорыстнѣе, безъ всякаго мотива или только изъ любви къ наукѣ. Такъ, безплатная практика была у меня, въ то время, дѣломъ научнаго интереса. Самопожертво-

ваніе для общей пользы я рѣшался дѣлать также безкорыстно. Но любви къ людямъ и жалости или милосердія въ сердцѣ тогда у меня не было. Все это пришло, какъ опишу въ моей біографіи (1830—1850 годахъ), постепенно вмѣстѣ съ развитіемъ потребности вѣровать; но именно съ того же времени опытъ жизни развилъ во мнѣ, при всемъ желаніи дѣлать добро, какой-то страхъ быть обманутымъ.

Въ этомъ страхѣ и недовѣріи, невольно проникающихъ въ душу, я вижу слабую сторону примѣненія ученія Христа къ практической жизни. Стремясь всѣми силами души творить добро ненавидящимъ насъ, жертвовать собою изъ любви къ другимъ, немногіе не сознаютъ внутренно опасности принести себя въ жертву не добру, а злу. Только искренніе аскеты, равнодушно смотрящіе на практическую жизнь съ ея добрыми и злыми влеченіями, могутъ безъ всякой задней мысли, безъ страха и опасности, изъ чистой, отвлеченной любви, творить добро и жертвовать для другихъ собою. Между тѣмъ, при міровоззрѣніи нехристіанскомъ, самопожертвованіе и другіе подвиги добродѣтели совершаются съ меньшимъ насиліемъ надъ собою; напримѣръ, отмстить за другого или за цѣлое общество, возстановить права народа, принеся себя въ жертву, фанатику не христіанину будетъ стоить меньшаго труда и насилія надъ собою, чѣмъ христіанину.

Слова Спасителя „вы злы“ живымъ упрекомъ ложатся на моей совѣсти, когда страхъ быть обманутымъ удерживаетъ меня сдѣлать добро. И этотъ заслуженный упрекъ, вмѣстѣ съ недовѣріемъ къ дѣлаемому добру, раздираютъ душу, такъ, что практическому христіанину едва-ли можно быть не двоедушнымъ, конечно не въ крайне худомъ значеніи этого слова.

Между тѣмъ, ученіе Христа, помимо его недостижимаго идеала, имѣетъ, очевидно, и практическое назначеніе. И вотъ тутъ-то на жизненномъ его поприщѣ мы встрѣчаемся съ самыми разнорѣчивыми, доходящими до нелѣпости, воззрѣніями и примѣненіями на практикѣ всѣхъ этихъ воззрѣній. Каждое изъ нихъ ищетъ и находитъ себѣ основаніе въ текстѣ самого Евангелія. Самыя туманныя и угрожающія полнымъ разрушеніемъ, существовавшихъ испоконъ вѣка, основъ общества, доктрины созидались на ученіи Христа. Если не ошибаюсь, въ первыхъ вѣкахъ христіанства была распространена знаменитая доктрина: „все мое твое“; нѣчто подобное, но на болѣе научномъ фундаментѣ,

созидается и въ наше время; при чемъ, смотря по надобности, зодчіе новаго соціальнаго зданія могутъ также указать, подобно ихъ предшественникамъ, на ученіе Христа.

Какъ на контрастъ этой соціальной нивеллировки всѣхъ благъ земныхъ можно указать на разъясненіе, словами Спасителя: „отдайте Кесарю Кесарево и Божіе Богу“, отношеній церкви къ государству и подданныхъ къ разновѣрнымъ властямъ.

Богачи, разживающіеся на счетъ бѣдняковъ, могутъ утѣшиться изрѣченіемъ: „имущему дастся, отъ неимущаго отнимется“. Даже враги и ненавистники могутъ сослаться на пророческія слова изъ Евангелія: „Вношу не миръ, а вражду брата противъ брата, сына противъ отца“.

Мало этого, грубѣйшія уродованія здраваго смысла и тѣла, какъ самооскопленіе, и тѣ ищутъ себѣ оправданія въ словахъ Евангелія. Не даромъ же папство . . . . так неохотно допускали распространеніе Евангелія и Библіи на народномъ языкѣ; хотя замѣна религіознаго фанатизма идіотизмомъ повела еще къ бòльшему оглупѣнію народной фантазіи.

Всѣ эти нелѣпыя стремленія къ поискамъ въ ученіи Христа основъ для нелѣпыхъ и безобразныхъ произведеній фантазіи, теряютъ свой raison d'être для того христіанина, который, увѣровавъ въ божественную натуру Учителя, тѣмъ самымъ признаетъ за Нимъ и высшій (верховный) разумъ. Хотя нѣкоторые и толкуютъ слова Спасителя о нищихъ духомъ такъ, какъ будто бы они (т. е. слова) относились исключительно къ французскому esprit. Но по нашему, нищій духомъ есть не нищъ умомъ. И умный можетъ быть смиренъ, кротокъ и простодушенъ. Поэтому я и никогда не соглашусь, изъ богопочитанія, думать, что Верховный Разумъ обѣщалъ блаженство только дуракамъ.

Почитая источникомъ нашего ума мировой, вселенскій и Верховный Разумъ, вѣруя, что онъ же самый, въ видѣ Богочеловѣка, просвѣтилъ и насъ, христіанъ, своимъ ученіемъ, я не могу признать, основаннымъ на этомъ ученіи, ничего такого, что простой, но здравый нашъ умъ находитъ глупымъ, пошлымъ, нелѣпымъ, уродливымъ, отвратительнымъ и безобразнымъ. Правда, можно вѣрить и въ абсурдъ. Но абсурдъ, въ смыслѣ Тертуліана, не есть еще пошлая нелѣпость и уродливая безобразность невѣжественной фантазіи. Абсурдомъ можетъ быть и самое высокое, если оно противорѣчитъ нашимъ современнымъ и, какъ исторія убѣждаетъ,

измѣнчивымъ міровоззрѣніямъ. Абсурдъ, напримѣръ, дьяволъ, какъ противникъ и антагонистъ верховнаго разума, добра и верховной воли Творца; но вѣрить въ этотъ абсурдъ и не признавая его умомъ можно. Самъ Христосъ, какъ рави евреевъ, не могъ не вѣрить въ дьявола и, сообразуясь съ понятіями современнаго и соплеменнаго ему народа, долженъ былъ и изгонять бѣсовъ изъ бѣснующихся (а по нашимъ понятіямъ—душевныхъ больныхъ). Слѣдуетъ-ли изъ этого, что и современный намъ христіанинъ долженъ также вѣрить въ бѣснованіе, заклинаніямъ бѣсовъ и т. п.

Но уже не абсурдомъ, а нелѣпостью было бы полагать, что Спаситель, обѣщавшій вѣрнымъ послѣдователямъ Его ученія Свое Царство „не отъ міра сего", вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагалъ и коренной соціальный переворотъ, заставивъ богатыхъ раздать свое имущество нищимъ и сдѣлаться всѣмъ нищими. Это предлагалось, очевидно, однимъ избраннымъ для Царства не отъ міра сего, сверхъ исполненія закона, стремящимся всею силою души достигнуть Неземного идеала ученія. Еще безсмысленнѣе было бы полагать, что Верховный Разумъ, сотворившій природу, одобрялъ бы грубое нарушеніе законовъ природы.

Мнѣ кажется большою ошибкою, что наши христіанскіе учители оставляютъ какъ-то въ сторонѣ, по моему мнѣнію, главное,—это различіе между божественно-идеальными основами ученія Богочеловѣка, вѣчными, непоколебимыми и недостижимыми въ этой земной жизни Христа, какъ человѣка и еврея. Не надо забывать, что жизнеописанія Его, составленныя также евреями, большею частію, по преданіямъ и разсказамъ, не могли дойти до насъ въ ихъ первобытномъ видѣ. Не смотря на это, божественный идеалъ ученія ясно продолжаетъ свѣтить черезъ тьму вѣковъ. Эта-то самая свѣтлая и неприкосновенная сторона божественнаго ученія и должна служить свѣточемъ вѣрующаго.

Блаженъ, кто вѣруетъ, тепло ему на свѣтѣ. Эти, хотя не совсѣмъ кстати и въ насмѣшливомъ тонѣ сказанныя, слова потрафили самую суть. Да, именно, тепло вѣрующему на свѣтѣ.

Ему нѣтъ надобности въ искуственномъ топливѣ для согрѣванія души. Кто хотя разъ прочувствовалъ эту благодатную теплоту, тотъ не перестанетъ вѣровать, хотя бы пришлось ему выдерживать, ежедневно и по нѣскольку разъ въ день, напоръ сомнѣній и мучительную качку между небомъ и землею. Сом-

нѣнія и качка эти сопровождаютъ и дѣла, и мотивы, являются и днемъ, и ночью. Испытавъ ихъ, можно себѣ составить нѣкоторое понятіе о происхожденіи дьявола.

Я думаю, всякій испыталъ на себѣ, какъ внезапно и безотчетно, подобно сновидѣніямъ, злыя, поскудныя и подлѣйшія мысли выплываютъ изъ какого-то омута въ тотъ самый моментъ, когда думаешь о чемъ нибудь другомъ, нисколько не подходящемъ къ категоріи этихъ фантомовъ мышленія. Иногда онѣ исчезаютъ также быстро, какъ появились; но иногда остаются на поверхности настолько долго, что невольно обращаютъ на себя наше вниманіе. Неужели-же, спрашиваешь тогда себя, я такой подлецъ и злодѣй, что во мнѣ могутъ скрываться такія позорныя мысли? Начинаешь раздумывать на эту тему,—очевидно ложь, клевета на себя; оказывается, что не подавалъ никогда ни малѣйшаго повода себѣ такъ думать о себѣ; что-то постороннее, какъ будто извнѣ пришлое, явилось, чортъ знаетъ зачѣмъ, пошевелилось минуточку и исчезло.

Не то ли же самое намъ сообщается съ раннихъ лѣтъ объ искушеніяхъ дьявола? При простомъ умѣ и фантазіи, низшей степени образованія и другихъ условіяхъ, кажущаяся внѣшность и посторонность такихъ внезапныхъ, ничѣмъ необъясняемыхъ, мыслей, можетъ достигнуть того, что олицетвореніе (то есть полное отчужденіе отъ себя) дѣлается неизбѣжнымъ.

Что касается до меня лично, то, появляются ли эти призрачныя мысли во время занятій или во время молитвъ, я, первымъ дѣломъ, стараюсь не обращать на нихъ ни малѣйшаго вниманія, тогда онѣ исчезаютъ недосказанными на полсловѣ; тутъ много значитъ также знакомство съ собою; зная себя, можно своевременно не дать вниманію поймать себя въ подставленную воображеніемъ ловушку. Богомольцы и дьячки поступаютъ вовсе не такъ глупо, какъ это кажется, повторяя по сорокъ разъ Господи помилуй; они механическимъ способомъ не даютъ своему вниманію сосредоточиться на какой-либо мысли и для нихъ одни слова оказываются спасительнѣе мысли.

Человѣкъ, разсматривающій себя какъ двурукое животное, можетъ легко успокоиться насчетъ злыхъ мыслей, невольно и неизвѣстно откуда къ нему приходящихъ. Для животнаго, какъ и для Верховнаго, Вселенскаго Разума, les extrémités se touchent,—нѣтъ добра и зла; различіе добра отъ зла исчезаетъ даже и для менѣе разумныхъ властителей, государственныхъ людей и за-

воевателей. Откуда же взялась такая надобность различать доброе отъ злого для людей средней руки? Не видятъ ли несчастные мученики своихъ идей, что слѣдствія того, что имъ кажется зломъ, совершенно различны, и что послѣ громаднаго зла они могутъ быть и очень благія.

Разсматривая такъ это кажущееся зло съ разныхъ сторонъ, можно, пожалуй, придти и къ философіи доктора Панглосса. Но можно и наоборотъ, такимъ же способомъ, сдѣлаться и отъявленнымъ пессимистомъ. Значитъ, произволъ, какъ хочешь,—можно и такъ, и этакъ. Не лучше ли бросить всѣ эти ни къ чему неведущія попытки, сдѣлаться позитивистомъ и философствовать только о томъ, что подлежитъ точному разслѣдованію и знанію; то есть всю жизнь основать на положительномъ знаніи и оставить неразрѣшимое въ покоѣ, какъ ему и быть надлежитъ,—неразрѣшеннымъ.

Прекрасно, но что же дѣлать тому, чей складъ ума не укладывается въ эту рамку! - Господа, господа реформаторы и властители нашихъ думъ, позаботьтесь сначала, для культуры вашихъ ученій, уничтожить эту прискорбную индивидуальность, столь препятствующую обожаемому и ожидаемому вами прогрессу. А пока вы еще не придумали способа производить на свѣтъ людей одинакими, до тѣхъ поръ не удастся ихъ и стричь подъ одинъ гребень. Пока стадныя свойства и стихійныя силы, не знающія никакой индивидуальности и стригущія все подъ одинъ гребень, не осилили еще человѣческую личность, до тѣхъ поръ всѣ индивидуальныя свойства будутъ искать себѣ простора и права на жизнь. Такъ и съ желаніемъ узнать что̀ добро, что̀ зло, знакомомъ, какъ полагаютъ евреи, еще прародительницѣ Евѣ. Народы поняли необходимость этого неугомоннаго желанія прежде мудрецовъ.

Въ этомъ отношеніи весь міръ распадается на два противоположныхъ лагеря; одинъ, все нивеллирующій, не дѣлаетъ и не знаетъ никакого различія, другой поневолѣ стремится различить добро отъ зла, не зная и чувствуя, что никогда не узнаетъ искомаго. И вотъ борьба. Съ одной стороны, стихійныя силы, стадные и животные инстинкты, съ другой — разумное человѣческое понятіе, стремящееся проникнуть въ сущность каждаго явленія, найти его законы и raison d'être.

Я сказалъ, что для животнаго нѣтъ добра и зла,—разумнаго

понятія о добрѣ и злѣ,—служащаго основою нашей нравственности. Но это самое понятіе, названное въ книгѣ Бытія познаніемъ, основано на чувствѣ, свойственномъ и животному; я думаю, не обинуясь, можно сказать, какъ только органическое вещество получаетъ способность ощущать, оно съ тѣмъ вмѣстѣ уже содержитъ въ себѣ in statu nascente чувство добра и зла.

Понятію, конечно, должно предшествовать чувство, и снабженное чувствомъ вещество (органическое) дѣлается для самого же себя пробнымъ камнемъ, на которомъ оно испытываетъ содержаніе добра и зла въ стихійныхъ началахъ. Первые слѣды чувства добра и зла являются подъ видомъ пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній, свойственныхъ, какъ видно, самымъ низкимъ организмамъ. Безсознательно и невольно стремится, слѣдуя пріятному или непріятному ощущенію, организмъ животнаго, и эти инстиктивныя его стремленія принимаютъ чисто стихійный характеръ, подъ видомъ стадныхъ свойствъ и борьбы за существованіе. Стремясь къ ощущенію пріятнаго, сопровождающему удовлетвореніе органическихъ потребностей стада, и стада животныхъ идутъ, плывутъ, бѣгутъ, летятъ напроломъ, не разбирая уже и не отличая, стихійно. Поэтому, стадно-инстинктивныя свойства животнаго организма, хотя основанныя на томъ же началѣ, какъ и наше понятіе о добрѣ и злѣ, я отношу къ одному лагерю съ стихійными.

Существованіе зла уже ясно ощущается организмомъ, получившимъ печальную способность страдать. Наконецъ, ощущеніе это усвоивается нами уже какъ понятіе, когда мы научаемся страдать душевно. И сколько я не думалъ бы, мнѣ кажется, не придумаю лучшаго опредѣленія злу съ нравственной точки зрѣнія, какъ назвавъ его душевнымъ горемъ, душевнымъ страданіемъ и душевною мукою (смотря по степени). Все то, значитъ, внѣ и въ насъ, зло, что причиняетъ намъ страданіе и, судя по себѣ, мы должны признать то же самое и для другихъ намъ подобныхъ; мы, какъ внѣшніе для нихъ, можемъ сдѣлаться сами для нихъ носителями зла.

Въ концѣ концовъ зло есть прежде всего органическое, а потому и душевное свойство. Но признавая необходимость существованія духа, какъ начала, не имѣющаго ничего общаго съ свойствами вещества, мы должны тѣмъ самымъ признать, что для духа нѣтъ зла, и разумъ, отличающій его отъ добра, дѣлаетъ

это потому только, что онъ нашъ и не можетъ судить, не ощущая и не завися отъ вещества. Что же, послѣ этого заключенія, могу я думать о томъ значеніи, которое придаетъ ученіе Христа различію добра отъ зла, не служитъ ли оно основнымъ камнемъ ученія въ примѣненіи его къ жизни?

И самая загробная жизнь, по ученію Христа, не будетъ-ли продолженіемъ того же понятія о добрѣ и злѣ, которое составлено нами въ здѣшней жизни? Но какъ же въ то невещественное наше существованіе послѣдуетъ за нами понятіе, пріобрѣтенное вещественно, чрезъ ощущеніе. Да мало-ли вопросовъ возбуждаетъ скепсисъ умственнаго анализа въ дѣлѣ вѣры!

Но вѣра съ ея высшимъ идеаломъ такъ сильна, что идетъ своимъ путемъ, не обращаясь къ разъѣдающему анализу. Спасителю никто не могъ предложить скептическихъ вопросовъ; онъ училъ не въ средѣ греческихъ софистовъ и въ своемъ откровеніи сообразовался съ понятіями народа, которому благовѣствовалъ; на вопросы же книжниковъ отвѣчалъ или уклончиво, или, по восточному обычаю, притчами, иносказаніями и сентенціями; невѣрующихъ же поражалъ своими дѣлами. Спаситель не вдавался въ догматическія толкованія, предоставлялъ свободу мысли послѣдователямъ Своего ученія, требуя только чистосердечія, искренней и горячей любви, сочувствія и ревности къ распространенію душеспасительнаго ученія.

Разсужденія и толки о душѣ, предполагавшейся у животныхъ, и о душѣ и духѣ, предполагавшихся въ человѣкѣ (апостолъ Павелъ) предопредѣленіемъ, присоединены къ ученію Христа впослѣдствіи апостолами и отцами церкви. Поэтому, я вправѣ утверждать, что и вѣрящіе въ предопредѣленіе, и основывающіе всѣ наши дѣйствія, а слѣдовательно и свое спасеніе, на свободной волѣ человѣка, одинаково могутъ опираться на ученіе Христа, не нарушая основъ вѣры.

Свобода! Свобода! Прекрасное волшебное слово, волнующее народы, что ты такое?

Опять то же, ощущеніе и очень пріятное, сначала, какъ и всѣ ощущенія на свѣтѣ, ограническое, потомъ духовное. Пока оно остается первымъ (т. е. органическимъ) еще не трудно найти и его отношенія къ вещественной подкладкѣ; но какъ скоро оно теряетъ эту прочную почву, и начинаетъ превращаться въ духовную свободу, анализъ дѣлается шаткимъ, хотя ощущеніе этой

свободы и остается сходнымъ съ тѣмъ, которое возбуждаетъ въ насъ органическая свобода.

Но если свобода есть одно ощущеніе, то воля есть и ощущеніе, и дѣйствіе. Мы, когда чего хотимъ, то чувствуемъ свободными не только наше желаніе, но и слѣдующія за нимъ дѣйствія. Тутъ, однако же, при анализѣ является цѣлая масса недоразумѣній.

Свободна-ли воля?

Вопросъ собственно неразрѣшимый; чтобы рѣшить его, надо сдѣлать себя въ одно и то же время и субъектомъ, и объектомъ; надо самому обстоятельно распотрошить себя, не говоря уже о необходимости и другихъ вспомогательныхъ вивисекцій, источникахъ изслѣдованій нервно-центральныхъ элементовъ и т. п.

Воля, какъ ощущеніе, бываетъ и сознательная, и безсознательная. Какъ мыслить, такъ и хотѣть мы можемъ безсознательно. Это непонятно, но на дѣлѣ выходитъ такъ, или какъ будто такъ; мы во многихъ случаяхъ и мыслимъ (правильно), и хотимъ, и вслѣдствіе этого дѣйствуемъ, не сознавая, то есть, не чувствуя, не ощущая, что сознаемъ. Вотъ тутъ-то и оказывается, что у насъ есть не только сознаніе, но и ощущеніе сознанія (самосознаніе) или, пожалуй, сознаніе сознанія, отличающее насъ отъ животныхъ, о чемъ я уже говорилъ выше.

Я различаю, можетъ быть, и неосновательно, но для меня внятно, хотѣть, желать. Хотѣть можно и сознательно, и безсознательно, но всегда съ дѣйствіемъ; желать же можно только сознательно и строго анализуя, всегда безъ дѣйствія. Недаромъ въ царствованіе Николая Павловича я никогда и ни отъ одного солдата въ госпиталѣ не слыхалъ слова: „я хочу". „Хочешь ѣсть?" спросишь бывало; „не желаю, ваше превосходительство", слышишь отвѣтъ.

Не можетъ же быть, чтобы это было случайно. Да, желать можно только сознательно и, собственно, безъ дѣйствія; но переходъ отъ я желаю къ я хочу такъ можетъ быть быстръ, что его не всегда можно уловить и потому иногда и желаніе (какъ хотѣнье) можетъ быть дѣйствующимъ. Я замѣчаю мелькомъ яблоко на деревѣ и мнѣ приходитъ желаніе его сорвать; тотчасъ, вслѣдствіе этого желанія, начинаютъ дѣйствовать у меня глаза и руки; это значитъ—желаніе мое передалось тѣмъ частямъ мозга, въ которыхъ локализуется способность приводить въ движеніе мышцы моихъ глазъ и рукъ и направлять ихъ на желаемый предметъ.

Въ чемъ же состоитъ локализація, если она такъ не сомнѣнна, какъ это можно полагать, судя по современнымъ изслѣдованіямъ.

По моему, локализуется въ мозгѣ не только механизмъ (въ родѣ гальваническаго прибора), возбуждающій къ дѣйствію ту или другую группу мышцъ, но локализована еще и самая воля надъ дѣйствіемъ этого механизма. Если такъ, то желаніе, какъ функція сознанія, передается локализованной волѣ, а она, то сознательно, то безсознательно для насъ, закрываетъ или открываетъ гальваническія цѣпи приборовъ и приводитъ въ движеніе мышцы глазъ и рукъ. Движеніями же моихъ глазъ, управляемыхъ безсознательною волею и мыслію, я соразмѣряю пространство и положеніе яблока, а сознательными уже движеніями рукъ направляю ихъ къ яблоку, чтобы его сорвать.

Но и сознающееся нами дѣйствіе, также, какъ и безсознательное, можетъ быть слѣдствіемъ несвободной воли. Я хочу поднять руку, ногу, могу и не хотѣть, или могу сейчасъ же захотѣть и тотчасъ же разхотѣть.

Значитъ я свободенъ хотѣть.

Да такъ-ли? Вотъ вопросъ. Могу-ли я не хотѣть именно того, чего хочу. Не обязанъ-ли неминуемо, не долженъ-ли я, прикованный цѣпью всего предшествовавшаго, хотѣть именно такъ, какъ хочу. Во вторыхъ, допустивъ возможность не желать, имѣть желаніе остается весьма сомнительнымъ; можно-ли, желая чего нибудь, хотѣть или не хотѣть этого желанія, то есть можетъ-ли сформированное ясно желаніе быть и не быть перенесеннымъ на локализованный въ мозгу приборъ воли.

Вѣдь самое главное могу-ли я не сознавать себя произвольно по собственной волѣ? Конечно, нѣтъ. Сознаніе для меня обязательно въ нормальномъ состояніи, значитъ обязательно и все то, что подлежитъ сознанію, что находится въ его вѣдомствѣ. Поэтому я и не могу не хотѣть, насколько воля моя сознательна. Воля моя, сверхъ этой зависимости отъ моего сознанія и отъ внѣшнихъ условій, вліяющихъ на сознаніе, а потому и на волю, зависитъ еще, равно какъ и мысль, отъ неуловимаго, но несомнѣнно существующаго вліянія различныхъ органовъ на центры локализованной въ разныхъ частяхъ мозга воли.

Духъ свободенъ и не можетъ не быть такимъ, но его органъ играетъ только такъ, какъ допускаетъ его устройство и все предшествовавшее этому устройству. Но намъ нельзя бы было

ни жить, ни дѣйствовать по нашему, безъ благодѣтельной иллюзіи, заставляющей насъ твердо вѣрить, что мы свободны желать, мыслить и даже поступать произвольно, вѣрнѣе,—волесвободно; произвольно это arbitraire, a spontané, freiwillig,—это волесвободно. А свобода эта—невидимая и неощущаемая нами цѣпь.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ, могло бы быть свободнымъ существо, по устройству своего организма осужденное ощущать и сознавать себя непроизвольно.

Правда, оно можетъ прекратить такое подневольное существованіе, но (это) свободы ему, здѣсь на землѣ, все-таки не дастъ.

Итакъ все обязательно предопредѣлено, механизмъ машины заведенъ, слѣдуетъ повиноваться и жить въ мирномъ самообольщеніи.

Что же тогда вѣра, упованіе, благодать и молитва?

Отвѣтъ: такое же обязательное предопредѣленіе. Вѣруй въ любовь и уповай въ благодать Высшаго Предопредѣленія; молись всеобъемлющему Духу любви и благодати о благодатномъ настроеніи твоего духа. Блаженство, счастье, миръ души, — все въ этомъ настроеніи. Ни для тебя, ни для кого другого, ничто не перемѣнится въ свѣтѣ, не стихнутъ бури, не усмирятся бушующіе элементы; но ты, но настроеніе твоего духа можетъ быть измѣнено полетомъ души, окрыленной вѣрою въ благодать Святого Духа. Дѣйствіе молитвы на меня, я полагаю, въ центробѣжныхъ и центростремительныхъ колебаніяхъ души, то увлекающейся куда-то въ высь, то съ новою силою возвращающейся въ себя. И изъ всѣхъ молитвъ самая благодатная завѣщана намъ Спасителемъ; произнося ее, я призываю имя и царство Божіе въ себѣ и молю сообщить мнѣ то настроеніе души, которое охранило бы меня отъ искушенія и зла.

Но если все предопредѣлено и неизмѣнно, то задняя мысль о несостоятельности молитвы развѣ не нарушитъ миръ и спокойствіе души въ то самое время, когда молишься? Нѣтъ, и еще разъ нѣтъ, если проникнешься вѣрою въ благодать и ея благодѣтельное дѣйствіе на настроеніе души.

И вотъ, когда ни одно предопредѣленное горе, ни одна предопредѣленная бѣда не могутъ быть устранены отъ тебя, ты все-таки можешь остаться спокойнымъ, если благодать молитвы сдѣлаетъ тебя менѣе впечатлительнымъ и болѣе твердымъ къ перенесенію горестей и бѣдъ.

Не безумно-ли; не безчеловѣчно-ли отнимать у себя и у другихъ вѣдомо цѣлебное средство, потому только, что оно не укладывается въ рамки доктрины, еще далеко нераскрывшей правду. Да какъ бы ни было точно и неоспоримо ученіе, основанное на чувственномъ представленіи (опытѣ), и на анализѣ ума, мы не можемъ и не должны, посвящая себя этому ученію, оставлять нетронутыми и неразвитыми другія потребности духа; онѣ, попранныя и пренебреженныя, рано или поздно громко заявятъ о возстановленіи своихъ правъ. Это я испыталъ на себѣ и откровенно сознаюсь себѣ; но знаю много примѣровъ, изъ которыхъ заключаю, что и несознающіеся не менѣе моего потерпѣли фіаско, стараясь оставаться послѣдовательными принятому однажды ученію.

XXXIV.

Если я спрошу себя теперь, какого я исповѣданія? то отвѣчу на это положительно: православнаго,—того, въ которомъ родился и которое исповѣдывала вся моя семья.

Но, утверждая это, я не могу не различить два для меня не совсѣмъ тождественныя понятія. Я полагаю, что каждый гражданинъ государства, имѣющаго свою государственную (господствующую) церковь, если онъ родился въ лонѣ этой церкви, обязанъ остаться ей вѣрнымъ на цѣлую жизнь,—какъ гражданинъ; его внутреннія убѣжденія, его сомнѣнія, его міровоззрѣніе, не соотвѣтствующее догматамъ исповѣданія, даннаго ему при рожденіи, тутъ не причемъ.

Если вся исторія и жизнь государства требовали отъ него признанія господствующей церкви, то есть требовали не допускать полнѣйшей свободы совѣсти и вѣротерпимости, то, по моему, не только противузаконенъ, (внѣшне), но и внутренно неправедливъ будетъ, измѣняющій свое исповѣданіе.

Неполная свобода совѣсти въ государствѣ какого бы то ни было христіанскаго исповѣданія есть только дѣло времени; она не можетъ не быть, и если не существуетъ, то только по однимъ политическимъ (и обыкновенно невѣрнымъ) соображеніямъ, противорѣчащимъ слишкомъ явно духу ученія Христа и потому временнымъ и преходящимъ.

Грѣхъ-ли же это передъ Богомъ, если я отличаю, какъ граж-

данинъ и какъ человѣкъ, догматическое исповѣданіе ученія Христа, принявшее государственную, такъ сказать, оболочку, отъ духа, идеала и сути самаго ученія; вѣдь и церковь, и исповѣданіе, къ которымъ я отъ роду моего принадлежу, не будутъ отвергать идеалъ и духъ ученія Христа, — это всеобъемлющая любовь къ Богу и ближнему, вѣра въ благодать Духа Святого, въ божественную натуру Спасителя, безсмертіе души и загробную жизнь.

Неужели же господствующая церковь, въ такомъ случаѣ, не будетъ руководствоваться правиломъ того же ученія: „кто не противъ насъ, тотъ за насъ" (т. е. нашъ). Не слѣдовать этому правилу значило бы признать за собою полную невѣротерпимость и принужденіе совѣсти, ни въ чемъ тутъ неповинной.

Какъ я самъ, не смотря на мое міровоззрѣніе, отличное отъ церковнаго, признаю себя все-таки сыномъ господствующей церкви по рожденію и подданству, считая несправедливымъ и противозаконнымъ покидать ея лоно, такъ и самая церковь вѣрно не захотѣла бы насиловать мою совѣсть, требуя отъ меня отреченія отъ моихъ убѣжденій и вѣрованій, которыхъ я достигъ послѣ долговременной и лютой борьбы съ самимъ собою.

Пора убѣдиться и іерархамъ, что непогрѣшимости нѣтъ на землѣ.

Былъ Одинъ нравственно непогрѣшимый и безгрѣшный, но Его мучительски убили іерархи же прежнихъ временъ, и тѣмъ доказали, что непогрѣшимость не для земли. Оставшійся послѣ того и переданный намъ Новый Завѣтъ, „не отъ міра сего", основанный Непогрѣшимымъ, не требуетъ ни отъ кого непогрѣшимости, допуская къ себѣ все искреннее и чистосердечное, хотя бы оно шло отъ блудныхъ дѣтей и преступныхъ.

Мнѣ останется всегда памятнымъ мнѣніе преосвященнаго Іеринарха (архіепископа бессарабскаго, во время моего попечительства въ Одессѣ): „Притчу о блудномъ сынѣ", сказалъ мнѣ преосвященный, „я считаю самою главною и наиболѣе поясняющею духъ ученія Христова". Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ, когда и какимъ моралистомъ и догматикомъ предпочитался блудный, глубоко падшій, сынъ благонравному брату; только горячо любящее сердце отца могло поступить такъ; только всеобъемлющая любовь могла оправдать блудницу и распятаго разбойника, а что, взамѣнъ этой цѣлебной любви, могутъ дать непогрѣшимость догматическихъ церквей, папы, синоды и іерархи?

Каждому гражданину, отъ рожденія уже причисленному къ одному изъ христіанскихъ исповѣданій, предстоитъ едва ли разрѣшимый когда-нибудь вопросъ—какъ соединить въ себѣ самую полную, самую искреннюю свободу совѣсти, требуемую отъ него по духу ученія Христа, съ чистосердечною вѣрою въ непогрѣшимый авторитетъ догматической церкви?

Правда, при полной вѣротерпимости протестантства, каждому гражданину не запрещенъ переходъ въ другое исповѣданіе, но, къ какой бы церкви онъ ни причислилъ себя, авторитетъ ея, а слѣдовательно и исповѣдуемыхъ ею догмъ, должно будетъ признать надъ собою въ цѣлости. Но найдется ли хотя одно изъ существующихъ исповѣданій, догмы, обряды и правила котораго каждый членъ церкви могъ бы признать чистосердечно непогрѣшимыми, вполнѣ соотвѣтствующими духу ученія Христа.

Индивидуальный складъ души такъ безконечно различенъ, что и самые близкіе къ Спасителю ученики понимали ученіе Его не всѣ одинаково. Мы видимъ и теперь какой сумбуръ вѣрованій и убѣжденій существуетъ между протестантскими духовными; многіе изъ нихъ, усвоивъ себѣ точку зрѣнія Штрауса и Ренана или подобную ей, всетаки причисляютъ себя (конечно изъ политическихъ и матеріальныхъ цѣлей) къ христіанскимъ законоучителямъ и служителямъ алтаря; какъ ни слабы ихъ мотивы и какъ ни скаредны ихъ цѣли, но они правы; прежде всего чистосердечіе и искренность, безъ которыхъ нѣтъ настоящей вѣры въ Христа и Его ученіе, — истина Его не можетъ быть для искренно вѣрующаго только внѣшнею: она должна быть внутреннею истинною правдою, которую не даетъ ни одно догматическое исповѣданіе.

Рѣзкія противорѣчія нѣкоторыхъ догматовъ, странность обрядовъ, одностороннія обращенія то къ одному уму, то къ одному чувству, отличающія разныя христіанскія исповѣданія одно отъ другого, очевидно не безразличны для разнаго склада души но если бы взрослому и культурно-развитому гражданину пришлось свободно выбирать одно изъ существующихъ христіанскихъ исповѣданій, то онъ поставленъ бы былъ въ весьма затруднительное положеніе.

Выборъ, конечно, зависѣлъ бы отъ индивидуальности; но будь избиратель человѣкъ нечерствый, нормально развитой и неодно-

сторонній, онъ, вѣрно, колебался бы между двумя мощными авторитетами: совѣсти и ума. Авторитету ума другого легче покориться. Мы покоряемся ему, довѣряя его знаніямъ, силѣ мысли, опытности, оставляя впрочемъ и для своего ума лазейку,—пересѣдлать и перейти въ другой лагерь, какъ скоро явится новый, болѣе убѣдительный для насъ, авторитетъ.

Другое дѣло авторитетъ совѣсти. Чужая совѣсть—нашей собственной не указъ. Къ чужой можно прибѣгнуть только въ случаѣ, за неимѣніемъ ничего лучшаго;—это дѣлается на судѣ присяжныхъ. Опытъ убѣдилъ, что совѣсть, хотя бы и чужая,—въ дѣлахъ совѣсти, т. е. внутренней правды, вѣрнѣе внѣшняго ученаго суда. Но когда человѣку надо бываетъ судиться съ самимъ собою,—и только съ собою,—тутъ иное дѣло. Тутъ судьи всевидящее Око,—другого нема.

Исповѣданіе и государственная церковь хотя и ставятъ себя на мѣсто этого судьи, но внушить свободному избирателю вѣру въ свою непогрѣшимость исповѣданія и церковь могутъ не иначе, какъ путемъ ума, ученія, науки. И вотъ сильнѣйшій авторитетъ, совѣсть въ дѣлѣ совѣсти, подчиняется слабѣйшему.

Правда, церковь не государственная, а „единая святая соборная и апостольская“ имѣетъ за собою еще и благодать Святого Духа, но, чтобы удостоиться наитія благодати, нужно быть избраннымъ (предопредѣленнымъ) свыше, или уже вѣрующимъ и принятымъ въ лоно церкви; а тутъ свобода совѣсти не причемъ, и вольный избиратель исповѣданія и церкви остается въ прежней нерѣшимости что избрать; умъ серьезный, разсудочный, холодный конечно остановится, прежде всего, на протестантствѣ. Онъ скоро убѣдится, что это исповѣданіе легче всѣхъ другихъ уживается съ свободою совѣсти, научнаго изслѣдованія и критики ума.

Но если умъ избирателя неодносторонень и допускаетъ нормальное развитіе и другихъ способностей и стремленій души,—то онъ также скоро убѣдится, что протестантство въ сущности не вѣра, и даже не вѣроисповѣданіе, а исповѣданіе болѣе или менѣе сильныхъ убѣжденій, основанныхъ на знаніи и ученьи, а открывая свободный путь научному анализу и критикѣ, протестантство неминуемо ведетъ къ чистому раціонализму (ультрараціонализму), въ область чистаго разума, замкнутую для чистой вѣры.

Съ другой стороны, свободный избиратель нашего времени

найдетъ единую святую соборную и апостольскую церковь уже не единою, а потому и сообщенную ей свыше благодать уже несомнѣнно пребывающею въ той или другой изъ раздѣлившихся церквей; сверхъ этого, неполная свобода мысли, чрезмѣрный, несоотвѣтствующій сущности ученія Христа, догматизмъ, безграничная обрядность и внѣшность богопочитанія, стѣсняющая и отвлеченныя стремленія души, и, наконецъ, подтверждаемая церковью вѣра въ существованіе, почти матеріальное, злого духа,—все это едва ли привлечетъ свободнаго избирателя къ благодати вѣры въ Христа и Его всеобъемлющую любовь, завѣщанной церкви Новаго завѣта.

Испытавъ колебаніе и нерѣшительность въ выборѣ, вольный избиратель вѣрно позавидуетъ каждому изъ насъ, съ самаго рожденія принятому въ лоно государственной церкви; намъ нечего колебаться въ выборѣ. Вопросъ совѣсти рѣшенъ не нами и прежде насъ. Остается рѣшить другой.

Можно ли, оставаясь, такъ сказать, врожденнымъ членомъ государственной церкви: православной, католической или протестантской, въ то же время придерживаться авторитета собственной совѣсти, подчиненной одному Всевидящему Оку?

Вопросъ, я полагаю, опять чисто индивидуальный, не научный, не юридическій, рѣшаемый не внѣ насъ, не людьми, даже не самими нами, а совѣстью, вѣрующею въ ея верховное начало,—Бога. Протестанту, пользующемуся полною свободою совѣсти, мысли и научнаго разслѣдованія, трудно согласиться на это раздвоеніе духа (двойную бухгалтерію по К. Фохту); ему ничего нѣтъ легче, какъ выписаться изъ членовъ своей церкви и приписаться къ другой, болѣе соотвѣтствующей его міровоззрѣнію. Но самый передовой католикъ не затруднится, въ одно и то же время, быть и свободнымъ, научнымъ мыслителемъ, и благочестивымъ прихожаниномъ своего прихода. И я полагаю, что церковь можетъ и должна допускать эту, неизбѣжную для вѣрующаго мыслителя, двойственность. Авторитетъ церкви, пока она останется государственною, этимъ нисколько не нарушается. Ея главная сила въ христіанскомъ же принципѣ: кто не противъ насъ, тотъ за насъ.

Самая трудная задача для современной государственной церкви—это избѣжать крайностей консерватизма и прогресса.

Церковь, по своему существу, самое консервативное учрежденіе. Она обязана сохранять чистоту вѣры; но, какъ государственная, главнымъ предметомъ своихъ заботъ она должна имѣть не столько вѣру, сколько религію.

Есть значительное различіе между этими понятіями, обыкновенно принимаемыми за одно и то же: государственная церковь есть представительница государственной религіи; церковь общинная — вѣры. Дѣло религіи—это поддержаніе и упроченіе общественныхъ связей посредствомъ нравственно-духовнаго начала.

Вѣра—это чистое отвлеченіе души, тутъ нѣтъ никакихъ мірскихъ цѣлей и задачъ. Вѣра необходима, какъ самая глубокая потребность души, индивидуально, для каждаго болѣе, чѣмъ для общества. Въ душѣ каждой человѣческой особи есть частичка не отъ міра сего, ищущая себѣ и духовной пищи; но какъ скоро изъ особей составляется общество, то его главнымъ raison d'être дѣлается уже быть отъ міра сего. Для государственной религіи можетъ быть необходимымъ не допускать вѣянія никакихъ прогрессивныхъ началъ, удерживать и освящать самые несвоевременные обычаи, обряды и вѣрованія....

Народное вѣрованіе въ матеріальное существованіе чорта, не смотря на діаметрально противоположные выводы науки, государственная, консервативная, церковь не можетъ не поддерживать, основываясь на древнемъ міровоззрѣніи. Но церкви нѣтъ надобности преслѣдовать научное ученіе о добрѣ и злѣ, какъ о понятіи, основанномъ на законахъ органической и психической натуры человѣка. Какое дѣло церкви—какъ я представляю себѣ дьявола; такъ и о другихъ моихъ понятіяхъ. Если я не стремлюсь выдти изъ лона государственной церкви, не возстаю противъ нея, оказываю ей полное уваженіе, словомъ—не трогаю религіи народной и государственной, къ которой отношу и себя, и свою семью, то какое кому дѣло до моей индивидуальной вѣры, о которой дамъ отчетъ не здѣсь. Здѣсь же я старался только изложить самому себѣ то духовное міровоззрѣніе, о которомъ мнѣ придется нѣкогда дать отчетъ.

Теперь перейду ко времени моего вступленія въ Московскій университетъ.

Н. И. Пироговъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА ЗА КАВКАЗОМЪ

въ 1853—1854 гг.

Изъ записокъ генер. отъ инфант. М. Я. Ольшевскаго.

X [1]).

Снаряженіе Александрапольскаго отряда и выступленіе за границу.

Извѣстно болѣе или менѣе каждому, что успѣхъ не только арміи, но отдѣльно дѣйствующаго корпуса или отряда зависитъ сколько отъ своего состава и надлежащаго направленія дѣйствій, клонящихся къ нанесенію возможно большаго вреда непріятелю, столько и отъ своевременнаго снабженія и обезпеченія солдата всѣмъ необходимымъ. Пусть будутъ и самыя блестящія стратегическія соображенія главнаго начальника и его штаба, но если упущены изъ виду надлежащія распоряженія, положимъ, по продовольственной части, и солдатъ остается нѣсколько дней безъ пищи, то такія блестящія предположенія поневолѣ остаются недостигнутыми. Такимъ-же образомъ могутъ быть недостигнуты и превосходныя тактическія распоряженія собственно потому, что оказался недостатокъ въ зарядахъ и патронахъ во время самаго боя по той причинѣ, что запасный паркъ не успѣлъ поспѣть во-время на мѣсто сраженія.

Въ европейской войнѣ недостатокъ въ продовольствіи, систематически заготовленномъ, но несвоевременно доставленномъ, можетъ быть устраненъ реквизиціями. Въ азіятской-же войнѣ наступающій лишонъ и этого тяжелаго, раззорительнаго для жителей, способа продовольствія солдатъ. Тамъ не только не встрѣчается городовъ и богатыхъ селеній, въ которыхъ войска могли бы съ удобствомъ расположиться и удовлетворить себя всѣмъ необходимымъ, если не по доброй волѣ жи-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XLIV, октябрь, стр. 171—190; ноябрь, стр. 417—432.

телей, то хотя силой, но вы проходите по мѣстамъ или пустынным, или малонаселеннымъ. Тамъ даже въ топливѣ, потребномъ на вареніе пищи и обогрѣваніе, встрѣчается недостатокъ.

Къ такимъ малонаселеннымъ мѣстностямъ принадлежитъ пограничное пространство Азіятской Турціи, двигаются ли наши войска на Карсъ, Ардаганъ или Баязетъ. Поэтому начальникъ долженъ озаботиться обезпечить отрядъ всѣмъ необходимымъ и, по возможности, на большее время, потому что излишнія транспортировки въ тамошней войнѣ бываютъ трудны по дурнымъ дорогамъ и опасны по образу веденія партизанской войны.

Руководствуясь кампаніей 1828—1829 годовъ и соображаясь съ предполагаемыми военными дѣйствіями, опредѣлено было: взять съ собою сухарей, крупъ, спирту и соли по числу людей, состоявшихъ на продовольствіи на двадцать дней, такъ что съ тѣмъ довольствіемъ, которое войска должны были имѣть при себѣ, составляло мѣсячную пропорцію. Зернового фуража, по числу кавалерійскихъ и артиллерійскихъ лошадей, бралось на десять дней и то только на непредвидимый случай, потому что это довольствіе лежало на попеченіи и заботливости начальниковъ частей. Для пріюта, продовольствія и содержанія больныхъ и раненыхъ назначалось госпитальныхъ палатокъ, бѣлья, посуды, кроватей, столовъ, продуктовъ и медикаментовъ по числу 200 человѣкъ.

Все это должно было быть поднято на 400 двухъ-парныхъ грузинскихъ арбахъ, 200 молоканскихъ троечныхъ повозкахъ и 500 чарводарскихъ лошадяхъ. Для перевозки второго комплекта боевыхъ зарядовъ и патроновъ, по числу орудій и людей, имѣлся запасный паркъ.

Снаряженный такимъ образомъ отрядъ, въ составѣ 17-ти батальоновъ пѣхоты, считая въ томъ числѣ стрѣлковъ и саперъ, 26 эскадроновъ драгунъ, 14 сотенъ линейныхъ и донскихъ казаковъ и 14 сотенъ милиціи, при 72 орудіяхъ, переправился 15 іюня черезъ Арпачай и двинулся черезъ Мулла-Мусса, Кизилъ-Чахчахъ и Джамушлю къ Кюрюкдара.

Князь Бебутовъ, вмѣсто прямого направленія на Пирвали и Суботанъ, избралъ этотъ кружный путь для наступательныхъ дѣйствій, по врожденной своей осторожности. Ему извѣстно было, что непріятель, въ значительныхъ силахъ, занимаетъ крѣпкую позицію у Хадживали, изъ которой онъ можетъ угрожать нашему лѣвому флангу въ то время, когда мы, подойдя къ Суботану, можемъ быть атакованы съ фронта войсками, наступающими изъ Карса. Будучи-же отброшены къ Карсъ-чаю, очутимся въ безвыходномъ положеніи; тогда какъ, двигаясь на Кизилъ-Чахчахъ, этого случиться не могло.

Сообразуясь съ намѣреніями и дѣйствіями непріятеля, отъ насъ будетъ зависѣть перейти Карсъ-чай у Джамушлю, дѣйствовать фронтально противъ Хадживали и Карса, или, не переходя Карсъ-чай, наступать по лѣвому берегу этой рѣки. Притомъ, дѣйствуя этимъ путемъ, легче было заставить принять бой въ полѣ непріятеля, находившагося какъ въ Хадживали, такъ и въ Карсѣ. А такъ какъ единственно отъ разбитія турокъ въ полѣ зависѣлъ дальнѣйшій нашъ успѣхъ, то, послѣ трехъ-дневной стоянки на Караханъ-чаѣ, у Кизилъ-Чахчаха, князь Бебутовъ рѣшился перейти Карсъ-чай и занять позицію впереди этой рѣки.

Послѣ осмотра Карсъ-чая, текущаго здѣсь въ крутыхъ, возвышенныхъ берегахъ, и исправленія дороги на пятиверстномъ разстояніи, 22 іюня мы выступили изъ лагеря на Караханѣ. Пока совершалась переправа главной колонны съ обозомъ, хотя по удобному броду, но медленно, по причинѣ крутыхъ спуска и подъема, князь Бебутовъ съ Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ, пятью сотнями казаковъ и тремя баталіонами при шести орудіяхъ, составлявшими авангардъ, предпринялъ рекогносцировку.

Пройдя селеніе Джамушлю, намъ представилось довольно обширное поле, окаймленное спереди и съ правой стороны горами. Впереди были Огузлинскія и Башкадыкларскія высоты, тѣ самыя, на которыхъ 19-го ноября прошлаго года происходилъ славный кровавый бой эриванцевъ, грузинцевъ, ширванцевъ, куринцевъ, нижегородскихъ драгунъ и линейскихъ казаковъ и на которыхъ раздались побѣдные наши крики въ догонку дрогнувшихъ и побѣжавшихъ турокъ. Съ правой стороны возвышался Караялъ, у сѣверо-восточной стороны котораго происходило въ тотъ-же славный день, 19 ноября, упорное сопротивленіе князя Чавчавадзе съ половиною храбраго, командуемаго имъ, Нижегородскаго полка отъ нападавшихъ на нихъ четырехъ турецкихъ баталіоновъ и гдѣ полковникъ Долотинъ на славу озадачивалъ непріятеля картечью изъ своихъ четырехъ орудій [1]).

Да, это было то славное поле, на которомъ валялись куски заржавленнаго чугуна, разорванныхъ гранатъ и коническія свинцовыя пули, сразившія сотни людей. На этомъ-же полѣ виднѣлись тѣ насыпи съ крестами, подъ которыми покоится прахъ павшихъ смертію храбрыхъ. Можетъ быть, это поле породило бы много другихъ воспоминаній, если бы наше вниманіе не было развлечено внезапно показавшейся изъ-за Караяла кавалеріей, которая, постоявъ нѣсколько минутъ на мѣстѣ, быстро понеслась назадъ, по направленію на Суботанъ.

---

[1]) За Башкадыкларъ Долотинъ тоже получилъ св. Георгія 4-й степени.
М. О.

Это былъ кавалерійскій отрядъ подъ начальствомъ Гассанъ-Язычи, высланный изъ Хадживали для наблюденія за нами. Онъ занималъ армянскія деревни Пальдерванъ и Кюрюкдара, съ которыми я сейчасъ познакомлю читателя. Пущенныя въ догонку за улепетывающимъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, непріятелемъ съ десятокъ ядеръ и гранатъ, отъ которыхъ попадало нѣсколько всадниковъ, были первые въ этомъ году наши выстрѣлы.

XI.

Кюрюкдарская позиція съ 22 іюня по 24 іюля 1854 г.

Послѣ острастки, заданной Гассанъ-Язычи съ братіей, мы повернули отъ Джамушлю направо, по торной дорогѣ. Обогнувъ песчаную гору Кара́гузи, составляющую продолженіе Караяла, мы очутились надъ глубокой, каменистой котловиной. Тутъ были въ безпорядкѣ разбросанные разной величины черно-сѣрые камни и уложенныя въ порядкѣ, одна надъ другою, того-же цвѣта плиты. Эти послѣднія и составляли стѣны и крыши сакель двухъ армянскихъ селеній Кюрюкдара и Пальдервана, гдѣ имѣла свое пребываніе непріятельская кавалерія, такъ поспѣшно скрывшаяся съ нашихъ глазъ.

Большія поля, засѣянныя пшеницей и просомъ, необозримое пространство зеленой, душистой травы, мѣстами скошенной, холодная родниковая вода заявляли о благосостояніи жителей. На самомъ-же дѣлѣ, они оказались испитыми, запуганными, нищими. Не столько болѣзни, сколько непрошенные гости, турки, довели ихъ до такого печальнаго состоянія. Много труда стоило успокоить и увѣрить ихъ, что они не потерпятъ отъ насъ никакого зла, тѣмъ болѣе, что сама природа хотѣла вооружить ихъ противъ насъ и поразить суевѣрныхъ ужасомъ отъ небывалаго явленія.

Не успѣлъ князь Бебутовъ осмотрѣть занимаемой позиціи, а начальникъ штаба, полковникъ Невѣровскій, сдѣлать окончательнаго распоряженія по расположенію войскъ, какъ началъ падать изъ черныхъ тучъ, потемнившихъ небо и разверзавшихся только молніей, такой огромный градъ и неправильные куски льда, что все было поражено невольнымъ страхомъ. Этотъ страхъ выразился не столько на человѣкѣ, сколько на животныхъ. Драгунскія и артиллерійскія лошади, поражаемыя огромными градинами и кусками льда, падающими съ безпредѣльнаго пространства, начали биться и становиться на дыбы, но потомъ, вдругъ, опустивши головы, сдѣлались неподвижны, какъ истуканы. А такое, по общему отзыву, физическое явленіе продолжалось

если не четверть часа, то минутъ десять. Многимъ это явленіе осталось памятнымъ не только сильными ушибами, но и кровавыми ударами, если градины задѣвали лицо или руки. Памятна была и буря съ частымъ мелкимъ градомъ, во время трехъ-дневной стоянки подъ Кизилъ-Чахчаломъ, когда всѣ палатки штаба, расположеннаго на возвышенности, были сорваны и со всѣмъ находившимся въ нихъ снесены внизъ подъ гору.

Расположеніе Александрапольскаго отряда на позиціи у Кюрюкдара, на которой мы простояли болѣе мѣсяца, было слѣдующее. Переднія двѣ линіи занимала пѣхота съ своей артиллеріей. На правомъ флангѣ, примыкающемъ къ оврагу, находились эриванцы, грузинцы, кавказскіе саперы и стрѣлки. На лѣвомъ флангѣ, примыкающемъ къ Караялу, были расположены Бѣлевскій, поступившій по болѣзни полковника Нѣелова въ мое командованіе [1]), и Тульскій полки. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ пѣхоты были расположены съ конной артиллеріей: Тверской, Новороссійскій и Нижегородскій драгунскіе полки. Затѣмъ слѣдовалъ вагенбургъ, состоявшій изъ запаснаго парка, молоканскихъ повозокъ, грузинскихъ арбъ и червондаровъ. Наконецъ, въ арріергардѣ и по флангамъ пѣхоты, собственно для производства разъѣздовъ и содержанія пикетовъ, были расположены линейные казаки и конно-мусульманская бригада.

Александрапольскій отрядъ, въ первые дни своего расположенія подъ Кюрюкдара, оказывается въ совершенной безопасности, потому что муширъ Зарифъ Мустафа-паша, опасаясь-ли быть разбитымъ по частямъ, или желая заманить насъ къ Карсу, стягиваетъ всѣ свои войска къ этой крѣпости, оставивъ въ Хадживали и Халивъ-оглу самыя небольшія наблюдательныя части.

Но съ 29-го іюня карсскій корпусъ измѣняетъ систему своихъ дѣйствій и переходитъ въ наступленіе, хотя, правда, нерѣшительное и неопредѣленное. Не могу сказать, произошло-ли это отъ обнаруженія непріязненныхъ противъ насъ замысловъ Австріи, слѣдствіемъ чего было отступленіе нашей дунайской арміи за Серетъ, или руководили этимъ другія причины. Можетъ быть, наше бездѣйствіе побудило турокъ перейти въ наступленіе?

Сначала Зарифъ-Мустафа-паша двигается къ Займу, какъ бы съ намѣреніемъ угрожать нашимъ сообщеніямъ съ бо̀льшею половиною корпуса, а потомъ быстро переходитъ къ Хадживали, гдѣ расположившись начинаетъ и безъ того крѣпкую позицію приводить въ

---

[1]) Мѣсто дежурнаго штабъ-офицера занялъ Новороссійскаго драгунскаго полка полковникъ Коваленскій. М. О.

лучшее оборонительное состояніе. Князь Бебутовъ не препятствуетъ этому, но, желая выманить изъ Карса остальныя войска, продолжаетъ бездѣйствовать, и, въ свою очередь, въ видѣ предохранительной мѣры, приказываетъ устроить за правымъ флангомъ укрѣпленный вагенбургъ.

Выборъ мѣста и устройство укрѣпленнаго вагенбурга возложено было на командира Кавказскаго сапернаго баталіона, полковника фонъ-Кауфмана, того самаго, который былъ директоромъ канцеляріи военнаго министерства, генералъ-адъютантомъ, генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками Виленскаго и Туркестанскаго округовъ. Цѣль этого вагенбурга состояла не въ томъ только, чтобы въ немъ помѣщались походный госпиталь, провіантскіе и военные запасы, но чтобы въ случаѣ движенія отряда противъ непріятеля, онъ могъ-бы принять всѣ лишнія перевозочныя средства и тяжести войскъ. Нельзя было сомнѣваться въ пользѣ устройства такого вагенбурга, а избранное для того мѣсто, окруженное скалистыми оврагами, какъ крѣпкое по природѣ, было укрѣплено притомъ и искусствомъ.

По лагерному расположенію отряда Бѣлевскій полкъ, находясь на лѣвомъ флангѣ, примыкалъ къ Караялу. Съ этой продолговатой горы, съ довольно отлогими въ нѣсколькихъ мѣстахъ покатостями, были видны не только Огузлы и Башкадыкларское поле сраженія, но и все пространство между Хадживали и Карсомъ, а потому эта гора днемъ занималась кавалерійскими наблюдательными постами, на ночь-же располагалось на ней, въ двухъ укрѣпленіяхъ, по нѣсколько ротъ пѣхоты. Это дѣлалось на тотъ случай, если непріятель обойдетъ нашу позицію черезъ Огузлы, то чтобы онъ не могъ занять Караялъ неожиданно, и съ этой горы дѣйствовать по лагерю.

Мнѣ эта гора съ окрестностями была очень хорошо извѣстна, потому что большую часть свободнаго времени я проводилъ на ней, изучая не только ближайшія окрестности, но любуясь Аллагезомъ и даже отдаленнымъ Араратомъ, серебристая шапка котораго проглядывала между горами, обращенными къ Кагызману.

Между тѣмъ, непріятельскій лагерь мало по малу усиливался войсками, передвигаемыми изъ Карса, и Зарифъ-Мустафа-паша, ободряемый нашимъ бездѣйствіемъ и подстрекаемый начальникомъ штаба Хуршидъ-пашою (Гюйонъ), Измаилъ-пашою (Кмети) и другими авантюристами, бывшими у него въ лагерѣ, дѣлался смѣлѣе и предпріимчивѣе, но только до тѣхъ поръ, пока былъ вдали отъ нашихъ войскъ.

Съ другой стороны, князь Бебутовъ, по мѣрѣ того, чѣмъ болѣе прибывало войскъ изъ Карса въ Хадживалинскій лагерь и чѣмъ сильнѣе послѣдній укрѣплялся, становился нерѣшительнѣе въ томъ смыслѣ, чтобы атаковать въ немъ турокъ. На этотъ укрѣпленный лагерь

князь Бебутовъ смотрѣлъ какъ на другой Карсъ, а потому снова поджидалъ того времени, когда муширъ съ своимъ корпусомъ выйдетъ изъ своего укрѣпленнаго лагеря. Поэтому, до сраженія подъ Кюрюкдара, происходили вотъ какого рода дѣйствія. 30-го іюня, въ день полкового праздника Новороссійскаго драгунскаго полка, когда мы пировали у генералъ-маіора Тануторова, было дано знать съ аванпостовъ о движеніи непріятеля изъ Хадживали. Мгновенно весь отрядъ построился въ боевой порядокъ впереди лагеря. Эта-ли причина или разразившаяся гроза съ проливнымъ дождемъ умѣрила на этотъ разъ порывъ турокъ. Повторенное ими черезъ двое сутокъ наступательное движеніе ограничилось отдаленной канонадой и преслѣдованіемъ непріятеля, поспѣшно отступившаго въ свой лагерь. Наконецъ, на разсвѣтѣ 19-го іюля Кмети съ кавалеріей, сдѣлавъ обходное движеніе черезъ Огузлы, появился на Караялѣ, вѣроятно съ тою цѣлію, чтобы обозрѣть нашъ лагерь, но, встрѣченный залпами пѣхоты, находившейся въ укрѣпленіяхъ, поспѣшилъ съ потерею оставить эту гору и, подъ прикрытіемъ своей пѣхоты, отступилъ черезъ Огузлы.

Такого рода прелюдіи были передъ той кровавой драмой, которая разыгралась столь печально для турокъ 24-го іюля. Но прежде чѣмъ приступлю къ описанію этого славнаго для насъ дня, коснусь состава карсскаго корпуса и состоянія турецкихъ войскъ, въ него входившихъ.

Этотъ корпусъ, начавшій пополняться и усиливаться разными частями, двинутыми изъ Эрзерума и другихъ мѣстъ, немедленно послѣ сраженія подъ Башкадыкларомъ, во время открытія съ нашей стороны наступательныхъ дѣйствій, состоялъ изъ 44 баталіоновъ низама или регулярной пѣхоты, 6 полковъ сувари или регулярной кавалеріи и 78 разныхъ калибровъ и конструкцій пушекъ, единороговъ и гаубицъ. По штату полагалось: въ баталіонахъ по 1,000, а въ кавалерійскихъ полкахъ по 1,600 человѣкъ.

Несмотря на частыя пополненія рекрутами, по причинѣ огромной болѣзненности и смертности, наличная численность не превышала: въ баталіонахъ 700 штыковъ, а въ кавалерійскомъ полку 1,000 сабель. 8 арабистанскихъ баталіоновъ, недавно прибывшихъ подъ начальствомъ Аслана-паши (графа Быстрановскаго) и потому менѣе изнуренныхъ болѣзнями, и притомъ лучше обученныхъ, вооруженныхъ и одѣтыхъ, считались лучшими. Сверхъ того, въ карсскомъ корпусѣ находилось около 14,000 баши-бузуковъ и курдовъ, преимущественно прибывшихъ изъ Муша и Діарбекира, а также до 8,000 редифа или пѣшей милиціи, на которыхъ исключительно лежала обязанность охраненія Карса, во время отбытія изъ этой крѣпости низама.

Такимъ образомъ, подъ начальствомъ мушира Зарифа Мустафы-паши считалось регулярныхъ и иррегулярныхъ дѣйствующихъ войскъ около 60,000 при 70 орудіяхъ; въ такомъ составѣ и содержался этотъ корпусъ въ Хадживали, если не съ первыхъ чиселъ, то, навѣрное, съ половины іюля.

Хадживалинская позиція, окруженная съ трехъ сторонъ горами а съ четвертой, обращенной къ Кюрюкдара, прикрытая полевыми укрѣпленіями, была слишкомъ тѣсна для такого большого числа войскъ, собственно въ гигіеническомъ отношеніи, а потому болѣзненность и смертность были велики здѣсь, какъ и въ Карсѣ. Для кавалеріи же вскорѣ оказался недостатокъ въ подножномъ кормѣ, такъ что добывать траву нужно было въ виду нашего лагеря, а это требовало назначенія большихъ колоннъ, иногда тревожившихъ и наши войска. Притомъ не только баши-бузуки и курды, но низамъ и сувари не получали своевременно опредѣленнаго содержанія, сколько отъ недобросовѣстности пашей и миралаевъ (полковыхъ командировъ), столько отъ неисправности администраціи и дурного состоянія финансовъ.

Между тѣмъ, служба для солдатъ была тяжела, какъ въ прямомъ военномъ смыслѣ, такъ и по причинѣ частыхъ ученій, чего, въ особенности, требовали Гюйонъ, Кмети, Быстрановскій и другіе эмигранты, желавшіе обучить эволюціямъ и дисциплинѣ не столько солдатъ, сколько офицеровъ, что было необходимо, но не своевременно. Офицеры были, дѣйствительно, дурны и въ строевомъ, и въ нравственномъ отношеніи. Подъ Башкадыкларомъ и въ другихъ одержанныхъ нами побѣдахъ кто какъ не они оставляли первые поле сраженія? Были также, сравнительно съ пѣхотой и артиллеріей, весьма дурны сувари, замѣнившіе собою превосходныхъ делибашей. Эта регулярная кавалерія, уподоблявшаяся нашимъ уланамъ, не умѣя ни сидѣть на англійскомъ сѣдлѣ, ни владѣть даннымъ имъ оружіемъ, была дурно одѣта. Изъ числа убитыхъ подъ Башкадыкларомъ кавалеристовъ много было такихъ, у которыхъ шаравары и рукава на кафтанахъ были на четверть короче противъ того, какъ бы слѣдовало по росту. Хотя нельзя сдѣлать такого-же невыгоднаго отзыва о турецкой пѣхотѣ и артиллеріи, умѣвшихъ владѣть своимъ оружіемъ и съ достоинствомъ защищавшихъ свою честь, въ особенности-же артиллеристы, которые, напримѣръ, подъ Башкадыкларомъ умерли на своихъ орудіяхъ, взятыхъ нами съ боя,—но все таки и въ этихъ родахъ оружія офицеры не отличались стойкостью и мужествомъ.

Изъ этого оказывается, что состояніе карсскаго корпуса было весьма незавидное. Относительно же своего расположенія подъ Хадживали

онъ далеко не пользовался тѣми удобствами, которыми пользовался нашъ отрядъ. Офицеры получали своевременно слѣдуемое имъ содержаніе, а солдаты, будучи хорошо одѣты и довольствуясь исправно, находились въ самомъ хорошемъ состояніи, что выражалось весьма умѣреннымъ числомъ больныхъ.

XII.

Кюрюкдарское сраженіе 24 іюля 1854 г.

По свѣдѣніямъ, получаемымъ изъ Хадживалинскаго лагеря съ 22-го іюля, нужно было предполагать, что непріятель замышляетъ что нибудь особенное: или онъ оставляетъ Хадживали, чтобы переселиться въ Карсъ, или со всѣми силами нападетъ на насъ. Предположенія эти, основанныя на томъ, что турки начали свозить въ Карсъ всѣ свои тяжести, въ полдень 23 числа подтвердились еще тѣмъ, что они отправили туда-же всѣ свои палатки.

Основываясь на этихъ свѣдѣніяхъ, въ тотъ-же день къ вечеру весь нашъ лагерь былъ на ногахъ. Отдано было приказаніе съ наступленіемъ темноты снимать палатки и свозить, вмѣстѣ съ другими тяжестями, въ вагенбургъ, гдѣ и складывать на мѣстахъ, заблаговременно указанныхъ для каждой части. А вслѣдъ за тѣмъ отдана была такого рода диспозиція.

Отрядъ выстраивается, по особому приказанію, для движенія впередъ, по направленію на гору Ягны. Авангардъ составляютъ: 2 сотни охотниковъ милиціонеровъ полковника Лорисъ-Меликова, 3 сотни линейныхъ казаковъ полковника Скобелева, Кавказскій стрѣлковый баталіонъ и двѣ дворянскія грузинскія дружины [1]). За авангардомъ послѣдовательно выстраиваются: въ правой колоннѣ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Кишинскаго: Бѣлевскій егерскій полкъ (подъ моимъ начальствомъ), $3^1/_2$ баталіона эриванцовъ (полковникъ Моллеръ), батарейная № 4 (полковникъ Воронковъ) и легкая № 7 батареи (капитанъ Григорьевъ) 18-й артиллерійской бригады и батарейная № 2 батарея Кавказской гренадерской бригады (полковникъ Брискорнъ), запасный паркъ и фербантъ, два баталіона Ряжскаго пѣхотнаго полка (полковникъ Ганецкій), со своднымъ дивизіономъ 18-й артиллерійской брига-

---

[1]) Эти конныя дружины, бывшія подъ начальствомъ предводителя дворянства князя Орбеліани, составляли конвой князя Бебутова и были расположены лагеремъ позади штаба. Сражались съ турками на правомъ нашемъ крылѣ. М. О.

ды [1]). Въ лѣвой колоннѣ, подъ начальствомъ командира Тульскаго полка генералъ-маіора Фетисова: $3^1/_2$ баталіона Грузинскаго гренадерскаго полка (полковникъ князь Тарханъ-Мауравовъ), Тульскій егерскій полкъ, батарейная № 1 (полковникъ Лагода) и легкая № 1 (полковникъ Десаже) батареи Кавказской гренадерской артиллерійской бригады. По обѣ стороны пѣхоты располагаются: сводно-линейный казачій полкъ полковника Камкова по правую, а конно-мусульманская бригада полковника князя Андроникова—по лѣвую сторону, имѣя впереди себя разъѣзды. Драгунскіе полки: Тверской (полковникъ Куколевскій), Новороссійскій (генералъ-маіоръ Тануторовъ), Нижегородскій (генералъ-маіоръ князь Чавчавадзе) съ донскими № 6 и 7 батареями (полковники Двужоновъ и Долотинъ) и дивизіономъ № 15 Кавказской линейной батареи, а равно 5 сотень донскихъ № 4 и 20 съ ракетными командами полковъ, подъ начальствомъ начальника кавалеріи генералъ-лейтенанта Ваггвута, находятся позади пѣхоты въ арріергардѣ [2]).

Составленная такимъ образомъ диспозиція и указанная для направленія войскъ гора Ягны, находящаяся между Хадживали и Карсомъ, вполнѣ соотвѣтствовали тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя были получены о намѣреніяхъ непріятеля. Если онъ двинется на Кюрюкдара, то, поворотомъ налѣво, у насъ готовъ боевой порядокъ. Если онъ отступаетъ въ Карсъ, то, оставивъ пѣхоту безъ перестроенія, или развернувъ ее по головнымъ баталіонамъ вправо и влѣво, двинуть кавалерію съ конной артиллеріей впередъ для преслѣдованія по направленію къ Карсу.

На самомъ же дѣлѣ оказалось, что мы были не тверды въ своемъ предположеніи и что такъ хорошо составленная диспозиція подверглась въ самомъ началѣ измѣненіямъ. Для насъ какъ будто бы было неожиданною новостью, сильно насъ озадачившею, когда на разсвѣтѣ обнаружилось, что турки двигаются на нашъ лагерь, отъ котораго мы отошли версты на три, и что Караялъ уже занятъ ими. Явилось желаніе сбить турокъ съ Караяла, и Бѣлевскій полкъ съ Кавказскимъ стрѣлковымъ баталіономъ и легкой № 7 батареей 18-й артиллерійской бригады, подъ моимъ начальствомъ, были назначены первоначально для этой цѣли.

---

[1]) Съ движеніемъ Александрапольскаго отряда за Арпачай Ряжскій пѣхотный полкъ съ батареей подполковника Рудакова былъ оставленъ, какъ для охраненія пограничнаго пространства, такъ и для конвоированія въ отрядъ транспортовъ съ боевыми и продовольственными припасами. Два баталіона Ряжскаго полка, съ дивизіономъ артиллеріи, стойко сражавшіеся съ турками на правомъ нашемъ флангѣ, прибыли изъ Александраполя 22 іюля съ большимъ транспортомъ.

[2]) Хорошій планъ этого сраженія находится при второмъ томѣ «Восточная война 1853—1856 годовъ», сочиненіе М. И. Богдановича. М. О.

Но не было пройдено этими войсками и половины разстоянія, какъ получено приказаніе—Караяла не штурмовать, а удерживать непріятеля до тѣхъ поръ, пока устраиваемые въ центрѣ семь баталіоновъ эриванцовъ и грузинцовъ, съ тремя батарейными батареями, не перейдутъ въ наступленіе. А для того, чтобы наше лѣвое крыло могло держаться противъ турокъ, занимавшихъ крѣпкую позицію и несравненно превосходившихъ численностью, назначено было въ подкрѣпленіе два тульскихъ баталіона, Тверской и Нижегородскій полки съ донской № 7 батареей.

Одновременно съ устройствомъ для боя центра и лѣваго фланга, отчасти подъ артиллерійскимъ непріятельскимъ огнемъ, были двинуты вправо противъ турецкихъ войскъ; обходившихъ правый флангъ нашей боевой позиціи и вагенбургъ, Новороссійскій драгунскій полкъ съ донской № 6 батареей, линейные казаки съ своими орудіями и конно-мусульманская бригада, подъ начальствомъ одного изъ героевъ Башкадыкларскаго сраженія—генералъ-лейтенанта Багговута [1]). Но такъ какъ этихъ войскъ оказалось недостаточно, а главное тамъ не было опоры—пѣхоты, то и были двинуты изъ резерва два ряжскихъ баталіона съ дивизіономъ орудій, подъ начальствомъ полковника Ганецкаго. Въ резервѣ остались два тульскихъ баталіона съ сводимъ дивизіономъ орудій и донскіе казаки. Но и этимъ войскамъ не долго оставалось быть безъ дѣла.

Такимъ образомъ, наша боевая линія оказалась слишкомъ растянутою и тонкою; она занимала болѣе четырехъ верстъ и были мѣста, вовсе незанятыя войсками.

Перестраивая же наши войска, мы дали возможность устроиться и непріятелю. Вотъ какъ были расположены турецкія войска передъ началомъ боя. Зарифъ-Мустафа-паша съ тремя стрѣлковыми баталіонами и 4 орудіями занималъ Караялъ, у подошвы котораго стояло два полка сувари. Около 12 баталіоновъ съ 18 орудіями были расположены полукругомъ влѣво отъ Караяла. Въ центрѣ, противъ гренадеръ, считая и резервы, находилось до 24 баталіоновъ, 2 полка кавалеріи съ 30 или 40 орудіями. Остальныя, затѣмъ, войска, а именно: до 10 баталіоновъ, два полка сувари, съ 12 орудіями, и бо́льшая часть баши-бузуковъ и курдовъ были посланы въ обходъ нашего праваго фланга.

Мѣстность, на которой бой долженъ былъ рѣшить кто будетъ владѣть ею, за исключеніемъ Караяла и широкой ложбины, отъ этой горы отходящей дугообразно вправо,—была совершенно открытая и ровная:

[1]) Бывшаго попрежнему начальникомъ кавалеріи Александрапольскаго отряда. М. О.

ни деревца—даже куста на ней не было. Ни для насъ, ни для непріятеля не существовало опорныхъ пунктовъ, кромѣ горы Караяла, на которой, по крутизнѣ ея склоновъ, можно было стоять, но не маневрировать. Мы занимали сѣверную, турки южную окраину ложбины. На ней-то и происходилъ тотъ упорный кровавый бой, длившійся четыре часа и который, наконецъ, рѣшилъ быть намъ побѣдителями.

Не буду излагать хода боя во всѣхъ подробностяхъ и описывать подвиги отдѣльныхъ частей, а тѣмъ болѣе личностей, которыхъ было такъ много, что потребовались бы для описанія десятки страницъ, но изложу его въ справедливыхъ общихъ чертахъ.

Бой начался около 6 часовъ утра на нашемъ лѣвомъ флангѣ, и движеніе нашихъ войскъ впередъ совершалось подъ сильнымъ огнемъ непріятеля. Турецкія ядра и гранаты поражали насъ не только съ фронта и фланговъ, но четыре орудія, находившіяся на Караялѣ, стрѣляли намъ въ тылъ.

Нужно было дѣйствовать въ самомъ началѣ рѣшительно, и Тверской драгунскій полкъ открылъ эти дѣйствія блистательной атакой. Драгуны, предводительствуемые своимъ бригаднымъ командиромъ, графомъ Нироддомъ, и во-время поддержанные бѣлевцами, орлами налетѣли на главную батарею, сильно вредившую намъ, смяли прикрытіе и изрубили прислугу и постромки.

Отъ такого неожиданнаго и молодецкаго натиска хотя произошло замѣшательство въ рядахъ непріятеля, но этого было недостаточно для полнаго разстройства турокъ. Нужно было повтореніе такой же смѣлой и рѣшительной атаки,—и нижегородцы, одновременно съ пѣхотой, произведя дружное наступленіе, порѣшили дѣло съ непріятелемъ, дѣйствовавшимъ въ превосходныхъ силахъ противъ нашего лѣваго фланга.

Турки дрогнули и начали отступать отъ Караяла въ то время, какъ гренадеры, послѣ огромныхъ потерь и неимовѣрныхъ усилій, осилили непріятельскій центръ. Эриванцы и грузинцы, съ тремя батарейными батареями, двинулись впередъ, почти одновременно съ блестящей атакой тверцовъ. Имѣя передъ собой въ четыре раза, если не болѣе, сильнѣйшаго непріятеля, они прокладывали себѣ путь не только подъ градомъ ядеръ, гранатъ, картечи и штуцерныхъ пуль, а на каждомъ шагу должны были отбиваться штыками отъ нападающаго на нихъ низама и кавалерійскихъ атакъ сувари. Но испытанная храбрость и стойкость взяли верхъ надъ многочисленностью турокъ. Они не устояли и побѣжали.

Оставался еще не смятымъ лѣвый непріятельскій флангъ. На немъ тоже шолъ неравный бой, потому что и тамъ турки были значительно сильнѣе насъ, а между тѣмъ дралась преимущественно кавалерія, и

при томъ, за исключенiемъ Новороссiйскаго драгунскаго полка, все иррегулярная. Пѣхоты-же, какъ опоры въ бою, было сначала только два ряжскихъ баталiона и только по крайней необходимости были призваны туда два тульскихъ баталiона съ батареей полковника Десаже. Это былъ послѣднiй нашъ пѣхотный резервъ, но, къ счастiю нашему, онъ былъ призванъ на бой въ то время, когда нашъ центръ и лѣвый флангъ осиливали непрiятеля.

Около полудня обратился въ бѣгство и лѣвый непрiятельскiй флангъ, и тутъ-то показала свое удальство конно-мусульманская бригада, хватая плѣнныхъ во время преслѣдованiя. Въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ ихъ не могло быть, потому что тамъ бой шелъ на смерть и что непрiятель, уступая намъ поле битвы, не бѣжалъ, а отступалъ въ порядкѣ.

Изъ этого описанiя въ общихъ чертахъ Кюрюкдарскаго сраженiя оказывается, что на нашемъ центрѣ лежала вся тяжесть боя и надежда на побѣду. Сломи его турки, и славная побѣда обратилась бы для насъ въ полное пораженiе, потому что въ тылу нашемъ былъ Карсъ-чай, черезъ который не было отступленiя. Однако штыки эриванцовъ и грузинцовъ, а также картечь гренадеръ артиллеристовъ, предводимыхъ княземъ Барятинскимъ и Бриммеромъ, сломили непрiятеля. И дѣйствительно, эти генералы, по своей непоколебимой стойкости и мужественной распорядительности, были главными героями этого славнаго для насъ дня. Я называю ихъ главными, потому что съ ними въ рядъ слѣдовало-бы поставить еще многихъ другихъ.

Изъ этого-же описанiя видно, что бой подъ Кюрюкдара имѣетъ нѣкоторое сходство съ сраженiемъ Башкадыкларскимъ. Въ обоихъ этихъ сраженiяхъ бой начался на лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ, а окончился на правомъ флангѣ, и участь боя рѣшена пораженiемъ праваго фланга и центра непрiятельскаго. Турки, будучи сильнѣе насъ въ трое, вознамѣрились обойти насъ съ фланговъ и съ тыла, а потому растянули свою боевую линiю болѣе, чѣмъ на 8 верстъ; для противодѣйствiя же имъ, заставили и насъ дѣйствовать разобщенно. При томъ, мы безъ надобности перестраивались въ виду непрiятеля и даже подъ огнемъ его батарей. Тѣ же разобщенiя и тѣ же перестроенiя были и подъ Башкадыкларомъ. Турецкая регулярная кавалерiя, сувари, дѣйствовала одинаково плохо, не поддерживая своевременно своими атаками прочiя войска. Непрiятельская пѣхота подъ Кюрюкдара дралась съ большою неустрашимостью; особенную же стойкость показали арабистанскiе баталiоны. Артиллеристы въ обоихъ этихъ сраженiяхъ одинаково были храбры и умирали при своихъ орудiяхъ, но не покидали ихъ.

Кюрюкдарское сраженiе и по результатамъ, и по потерямъ своимъ,

соотвѣтственно числу сражавшихся, имѣло сходство съ Башкадыкларскимъ. Въ нашихъ рукахъ осталось 15 орудій съ 16 зарядными ящиками, 2 знамя, 4 штандарта, 20 значковъ, множество оружія, барабановъ, музыкальныхъ инструментовъ и 2,018 плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ 2 штабъ-офицера и 84 оберъ-офицера. На полѣ сраженія осталось до 3,000 турокъ; общая-же потеря ихъ простиралась до 10,000 человѣкъ; кромѣ того болѣе 12,000 баши-бузуковъ и курдовъ разбѣжались.

Наша потеря состояла изъ 4 штабъ-офицеровъ, 18 оберъ-офицеровъ и 578 нижнихъ чиновъ убитыхъ; генералъ-маіора Кишинскаго, 9 штабъ-офицеровъ, 70 оберъ-офицеровъ и 1,879 нижнихъ чиновъ раненыхъ; сверхъ того болѣе 500 контуженныхъ. Потеря огромная, принимая во вниманіе, что съ нашей стороны дралось не болѣе 18,000 человѣкъ, что, по числу сражавшихся, какъ и подъ Башкадыкларомъ, составляетъ четвертую часть.

Не смотря на столь славную побѣду, она все таки осталась безъ послѣдствій, потому что, по слабости нашихъ силъ, нельзя было двинуться къ Карсу.

Непріятельскій корпусъ, хотя потерпѣлъ пораженіе, однако не былъ до того разстроенъ, чтобъ не могъ оказать намъ сопротивленія, укрывшись подъ стѣнами этой крѣпости и высотами, сильно укрѣпленными отдѣльными фортами и вооруженными орудіями большихъ калибровъ, какъ Карадахъ, Шорахъ и Чакмахъ. Если турки, изнуренные продолжительной блокадой и голодомъ, оказали мужественное сопротивленіе годъ спустя, когда мы были вдвое сильнѣе, то тѣмъ болѣе они могли дать намъ отпоръ послѣ Кюрюкдарскаго сраженія, когда были все таки сильнѣе насъ. А потому нельзя порицать князя Бебутова въ томъ, что онъ не воспользовался побѣдой подъ Кюрюкдара и не двинулся по слѣдамъ непріятеля къ Карсу. Напротивъ, его нужно благодарить за то, что онъ былъ настолько благоразумно осторожен и не увлекся побѣдой.

Между тѣмъ, нельзя было долѣе оставаться и на кюрюкдарской позиціи. Отъ множества разлагавшихся труповъ, не столько человѣческихъ, преданныхъ надлежащему погребенію, сколько лошадиныхъ, павшихъ тоже на поле брани, воздухъ былъ сильно зараженъ и тяжелъ. Въ окрестностяхъ же не было ни травы для фуражировокъ, ни дровъ для варенія пищи, потому что первая была выкошена, а изъ ближайшихъ селеній все дерево было вывезено и употреблено нами же для варенія пищи.

XIII.

Заключенie.

Когда Александрапольскiй отрядъ исполнилъ совѣстливо свой долгъ по преданiю землѣ убитыхъ, какъ своихъ, такъ и турокъ, на что, по огромному числу послѣднихъ, потребовалось не менѣе пяти дней, то онъ оставилъ прославленную боемъ Кюрюкдарскую позицiю, послѣ 40 дневнаго на ней пребыванiя.

Однако движенiе нашего отряда было не впередъ, какъ бы слѣдовало предполагать, а назадъ. Сначала онъ двигается черезъ Пирвали къ Ахъ-Узюму, гдѣ, простоявъ до 15 августа, переходитъ къ Ахъ-Булаху. Послѣ мѣсячной лагерной стоянки на этомъ пунктѣ, передвигается къ Гюллю-Булаху, откуда въ концѣ октября переходитъ на Арпачай къ раззоренному селенiю Кара-Клисѣ. Наконецъ, 19 ноября, въ день годовщины Башкадыкларскаго сраженiя, послѣ благодарственнаго молебствiя, войска распускаются на зимнiя квартиры.

Во время расположенiя у Ахъ-Булаха, отрядъ былъ порадованъ передовыми высокими наградами, въ лицѣ главныхъ героевъ Кюрюкдарскаго сраженiя, привезенныхъ фельдъегеремъ изъ Петербурга. Князю Бебутову былъ пожалованъ царемъ, умѣвшимъ цѣнить и награждать заслуги, орденъ св. Андрея Первозваннаго, небывалая награда въ чинѣ генералъ-лейтенанта и притомъ минуя Владимiра 1-й степени. Генералъ-адъютантъ князь Барятинскiй и генералъ-лейтенантъ Вримеръ удостоились св. Георгiя 3-й степени. Нижнимъ чинамъ на каждую роту, батарею, эскадронъ и сотню было привезено по четыре знака отличiя военнаго ордена.

Перемѣщенiе Александрапольскаго отряда съ одной лагерной стоянки на другую происходило единственно по той причинѣ, чтобы предоставить болѣе удобствъ въ хозяйственномъ отношенiи. Гдѣ было болѣе травы и нераззоренныхъ селенiй, изъ домовъ которыхъ можно было добывать топливо, въ особенности въ концѣ октября и въ ноябрѣ, когда наступили холода, тамъ долѣе и оставался отрядъ.

Руководствоваться же стратегическими соображенiями не было никакой надобности, потому что намъ было извѣстно, что турки послѣ пораженiя подъ Кюрюкдара ни о чемъ другомъ не думали, какъ о приведенiи въ самое лучшее и надежное состоянiе крѣпости Карса. Притомъ положительно было извѣстно, что карсскiй корпусъ страдаетъ не только въ матерiальномъ отношенiи отъ убыли силъ вслѣдствiе по-

раженія, но что онъ нравственно распадается отъ болѣзни страха, о которой я здѣсь кстати и намѣренъ поговорить.

Между жителями сѣвера не существуетъ ни тѣхъ понятій, ни тѣхъ послѣдствій, которыя порождаетъ страхъ между жителями юга и востока. Происходитъ ли это отъ климатическихъ или другихъ причинъ— не берусь разсуждать. Если житель сѣвера струситъ во время боя, или паническій страхъ овладѣетъ массою войскъ, то пройдетъ часъ, день или болѣе, и онъ готовъ опять драться, или по крайней мѣрѣ остается здоровъ.

На югѣ же и востокѣ страхъ имѣетъ гораздо большія и продолжительныя послѣдствія. Весь организмъ человѣка до того поражается ужасомъ и ослабѣваетъ, что онъ впадаетъ въ болѣзнь и по нѣсколько мѣсяцевъ не можетъ ходить и дѣлать что нибудь сознательно. Говорятъ, что чувство ужаса выражается еще другимъ особеннымъ явленіемъ: лопается нижняя губа и изъ нея такъ сильно течетъ кровь, что ее трудно остановить.

Внутреннія волненія и физическія страданія организма бываютъ у всѣхъ народовъ и въ разныхъ климатахъ, но можетъ быть жители юга, по своей организаціи, подвержены бо̀льшимъ волненіямъ и сильнѣйшимъ впечатлѣніямъ, можетъ быть и кожа у нихъ нѣжнѣе. Вотъ что мнѣ говорилъ одинъ милиціонеръ послѣ Башкадыкларскаго сраженія.

— Нѣтъ больше турка. Онъ весь будетъ боленъ, прибавилъ онъ радостно улыбаясь.

— Да, кто раненъ, тотъ и будетъ боленъ.

— Много здоровой будетъ боленъ, будетъ лежать; вотъ здѣсь будетъ боленъ, сказалъ онъ, громко смѣясь и показывая на животъ.

И, дѣйствительно, въ карсскомъ корпусѣ, какъ послѣ Башкадыклара, такъ и Кюрюкдарской битвы между солдатами главная болѣзнь была разстройство желудка и общій упадокъ силъ, дѣлавшихъ ихъ неспособными ни къ какому физическому труду въ продолженіи значительнаго времени. Между разбѣжавшимися баши-бузуками болѣзнь страха дѣйствовала еще сильнѣе, нежели между низамомъ карсскаго гарнизона.

Курды же не только карсскаго, но баязетскаго и ванскаго пашалыковъ положительно отказывались драться противъ насъ, а въ декабрѣ вспыхнуло въ Большомъ Курдистанѣ явное возмущеніе курдовъ подъ предводительствомъ Эзданшира, одного изъ вліятельныхъ старшинъ. Для усмиренія этого возстанія необходимы были для турецкаго правительства войска, которыя и были двинуты туда изъ Арзерума, Баязета и даже изъ Карса.

Притомъ большіе безпорядки и безначаліе существовали въ карс-

скомъ корпусѣ въ административномъ отношенiи. Зарифъ-Мустафа былъ смѣненъ, а новый муширъ еще не прибылъ. Гюйонъ, Кмети, Быстрановскiй и другiе ренегаты, поддерживавшiе между турками до нѣкоторой степени дисциплину и порядокъ, какъ обвиняемые въ неудачахъ сраженiя подъ Кюрюкдара, поспѣшили по добру по здорову убраться изъ анатолiйской армiи. Но взамѣнъ ихъ прибылъ Вилльямсъ съ нѣсколькими англiйскими офицерами, который и принялъ въ свое управленiе Карсъ съ гарнизономъ.

Поэтому войска Александрапольскаго отряда, какъ во время своихъ прогулокъ по карсскому пашалыку, такъ по расположенiи своемъ на зимнихъ квартирахъ, были вполнѣ увѣрены, что они не могутъ быть безпокоимы непрiятелемъ. Этого тѣмъ болѣе нельзя было ожидать съ наступленiемъ морозовъ и съ покрытiемъ земли толстымъ слоемъ снѣга.

Не смотря на это, спокойная зимняя стоянка по армянскимъ селенiямъ, по которымъ преимущественно былъ расположенъ александрапольскiй отрядъ, больно не нравилась и приходилась не понутру нашимъ солдатамъ. И вотъ какъ они между собой о такой стоянкѣ разсуждали:

— Что за жисть у этихъ нехристей-армянъ, сидишь въ буйволятникѣ, и изъ полушубка не выходишь, а зубы стучать отъ холода точно на часахъ.

— Вотъ духоборскiя или молоканскiя избы ништо; въ нихъ тепло и на печи можно поваляться и поспать.

— Въ армянскихъ же буйволятникахъ вмѣсто печи небольшая грубка, въ которой не дрова, а кизякъ горитъ.

— Воняетъ и отъ кизяка, и отъ скотины, которая живетъ вмѣстѣ подъ одной крышей съ человѣкомъ.

Но если жизнь въ армянской сторонѣ въ дѣйствительности была такъ неудобна и такъ больно не нравилась нашимъ солдатамъ, то нельзя этого сказать о пребыванiи нашемъ въ Александраполѣ. Жизнь наша въ немъ началась съ прошлогодними удовольствiями.

Наконецъ, получились ожидаемыя награды. Изъ лицъ, удостоившихся св. Георгiя 4 степени, только поименую: генералъ-маiора Кишинскаго, полковниковъ: Ганецкаго, князя Дундукова-Корсакова, Скобелева, Воронкова и Врискорна, а также капитановъ Григорьева и Кульгачова. Въ генералъ-маiоры вмѣстѣ со мною были произведены: Назимовъ [1]), Куколевскiй, Шонертъ [2]) и Невѣровскiй.

---

[1]) Командиръ 18-й артиллерiйской бригады.

[2]) Старшiй штабъ-офицеръ Новороссiйскаго драгунскаго полка.

М. О

Начались пиры. Отпраздновалъ и я свой генеральскій чинъ, который получилъ бывши полковникомъ съ небольшимъ годъ. Награда огромная и рѣдкая. Нужно было обмундироваться, а потому я отправился въ Тифлисъ, что безпрепятственно могъ исполнить, потому что Бѣлевскій полкъ былъ переданъ мною выздоровѣвшему настоящему полковому командиру.

М. Я. Ольшевскій.

РУКОПИСИ АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВИЧА ПУШКИНА,

хранящіяся въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ [1]).

XXI.

№ 2384. Тетрадь въ листъ, въ бумажномъ переплетѣ, на ярлыкѣ надпись, уже извѣстная намъ [см. № 2364]. На послѣднемъ листѣ неподписанная опекунская отмѣтка о шестидесяти писанныхъ листахъ. Красными цифрами занумеровано—61 листъ, что̀ невѣрно: за 28 листомъ идетъ прямо красная цифра 31, т. е. ошибка на 2 листа. Всѣхъ листовъ 59, а 60-й—гдѣ помѣта опекуновъ. Неписанныхъ листовъ очень много, тетрадь изъ 3½ дестей; есть вырванные листы изъ ненумерованныхъ. Привожу цифры черной нумераціи.

Половина тетради занята черновой статьей объ Радищевѣ. Эта черновая представляетъ довольно много лишняго противъ печатнаго текста. Такъ какъ печатный текстъ болѣе соотвѣтствуетъ чистовому подлинному тексту, то поправки болѣе мелкія я и сообщу при описаніи того текста [см. № 2385], теперь же приведу изъ чернового лишь дополненія. Г. Бартеневъ привелъ изъ этой самой тетради только разговоръ съ англичаниномъ [V, 225], текстъ котораго переданъ имъ не совсѣмъ точно. [См. 6_2—8_2].

Къ главѣ I, Шоссе; къ стр. 193. Послѣ словъ: частные люди находятъ удобнѣйшіе случаи ею пользоваться,—идетъ [1_2]:

(Я началъ записки свои не для того, чтобы льстить властямъ, товарищъ мною избранный—худой внушитель ласкательства; но не могу), нельзя не замѣтить, что со времени возведенія Романовыхъ, отъ Михаила Ѳедоровича до

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1884 г., томъ XLI, февраль, стр. 413—436; мартъ, 647—662; томъ XLII, апрѣль, стр. 87—110; май, 325—354; іюнь, стр. 533—572; томъ XLIII, іюль, стр. 1—54; августъ, стр. 313—330; сентябрь; стр. 641—653; т. XLIV, октябрь, стр. 75—92; ноябрь, 335—374.

Николая I, правительство у насъ всегда впереди на поприщѣ образованія и просвѣщенія. Народъ слѣдуетъ за нимъ всегда лѣниво, а иногда и неохотно. Вотъ что̀ и составляетъ силу нашего самодержавія. Не худо было-бы инымъ европейскимъ государствамъ понять эту простую истину: Бурбоны не были-бы выгнаны в..... и каменьями, и англійская аристократія не принуждена была-бы уступить радикализму.

(Я упомянулъ о моемъ товарищѣ. Должно мнѣ познакомить съ нимъ читателя).

Собравшись въ дорогу,—и т. д.

Ко II главѣ, къ характеристикѣ Москвы: Нынѣ нѣтъ въ Москвѣ мнѣнія (общаго), народнаго; нынѣ бѣдствія или слава отечества не отзывается въ этомъ сердцѣ (Россіи). Грустно было слышать толки московскаго общества во время послѣдняго польскаго возмущенія; гадко было видѣть бездушныхъ читателей французскихъ газетъ, улыбающихся при вѣсти о нашихъ неудачахъ и... [13₂].

Къ главѣ III—Ломоносовъ [стр. 200—208]. Отрывки изъ дополненій къ этой главѣ были сообщены г. Анненковымъ въ разныхъ мѣстахъ Матеріаловъ, безъ всякой связи, даже безъ указанія, что бо̀льшая часть приводимыхъ имъ отрывковъ взяты изъ одной цѣльной, хотя и не отдѣланной статьи [1]). Я напишу подъ-рядъ все, что̀ могу разобрать.

Къ стр. 200: Ломоносовъ былъ великій человѣкъ. (Какъ Петръ онъ посвятилъ жизнь свою образованности своего отечества). Между Петромъ I и Екатериною II онъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ—первый нашъ университетъ. Но въ семъ университетѣ профессоръ поэзіи и краснорѣчія—ни что иное, какъ исправный чиновникъ, а не поэтъ вдохновенный свыше, не ораторъ, мощно увлекательный. Въ немъ нѣтъ ни воображенія, ни чувства. Оды его, писанныя по образцу тогдашнихъ нѣмецкихъ стихотворцевъ, утомительны и надуты; подражаніе псалмамъ и книгѣ Іова лучше, но отличаются только хорошимъ слогомъ и то не всегда точнымъ; ихъ поэзія принадлежитъ не Ломоносову. Его вліяніе было вредное и до сихъ поръ отзывается въ тощей нашей литературѣ. Изысканность, высокопарность, отвращеніе отъ простоты и точности, вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ. Давно-ли стали мы писать языкомъ общепонятнымъ? Убѣдились-ли мы, что славянскій языкъ не есть языкъ русскій, и что мы не можемъ смѣшивать ихъ своенравно; что если многія слова, многіе обороты счастливо могутъ быть заимствованы изъ церковныхъ книгъ въ нашу литературу, то изъ сего не слѣдуетъ, чтобы мы могли писать: да лобзаетъ мя лобзаніемъ, вмѣсто

---

[1]) Даже напротивъ того, г. Анненковъ увѣряетъ, что онъ придалъ единство [раздѣливъ на параграфы!] труду, отрывочному, разбитому на множество неравныхъ частей. В. Я.

цѣлуй меня, etc. Конечно и Ломоносовъ того не думалъ; онъ предпочелъ изученіе славянскаго языка, какъ необходимое средство къ основательному знанію языка русскаго.... [3₂ и 4₁].

Къ стр. 207. Послѣ анекдотовъ о Ломоносовѣ идетъ:

Радищевъ говоритъ, что Ломоносовъ ни въ какой отрасли наукъ не проложилъ новыхъ слѣдовъ (выписка) [1]), и тутъ-же сравниваетъ его съ лордомъ Бэкономъ. Таковое странное понятіе имѣлъ 18-й вѣкъ о величайшемъ умѣ новѣйшихъ временъ, о человѣкѣ, произведшемъ въ наукахъ сильнѣйшій переворотъ и давшемъ имъ то направленіе, на которомъ онѣ нынѣ.

Если Ломоносова можно назвать Русскимъ Бэкономъ, то это развѣ въ такомъ-же смыслѣ, какъ Хераскова называли русскимъ Гомеромъ. Къ чему эти прозвища? Ломоносовъ есть русскій Ломоносовъ, — этого съ него, право, довольно [11₁ и 11₂].

Къ стр. 208. Вслѣдъ за упоминаніемъ о Креббѣ идетъ разсужденіе о литературѣ, о которомъ упомянуто выше:

Во Франціи вся блестящая литература вѣка Людовика XIV была въ передней. Анекдотъ о Б.... даетъ понятіе о тогдашнихъ нравахъ (изъ Беля) [2]), и замѣтьте, что Бель приводитъ эту черту безо всякаго замѣчанія, какъ дѣло весьма обыкновенное! Нынѣ во Франціи нравы уже не тѣ, но сословіе писателей потому только не ползаетъ передъ министрами, что публика въ состояніи дать больше денегъ. За то какъ безстыдно ползаютъ они передъ господствующими модами! Какой талантъ нынѣ не запачкалъ себя грязью и кровью въ угоду толпы, требующей грязи и крови?........

Даже теперь наши писатели, не принадлежащіе къ дворянскому сословію, весьма малочисленны. Не смотря на то, ихъ дѣятельность овладѣла всѣми отраслями литературы, у насъ существующими. Это есть важный признакъ и непремѣнно будетъ имѣть важныя послѣдствія. Писатели-дворяне (или тѣ, которые почитаютъ себя à tort ou à raison членами высшаго общества) постепенно начинаютъ отъ нихъ удаляться подъ предлогомъ какого-то неприличія. (Странно), что въ то время, когда во всей Европѣ готическій предразсудокъ противу наукъ и словесности, (будто-бы несовмѣстимыхъ съ благородствомъ и знатностью), почти совершенно исчезъ; у насъ онъ только что начинаетъ показываться. Уже одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ нашихъ писателей провозгласилъ, что литературой заниматься онъ болѣе не намѣренъ, потому что она дѣло не дворянское. Жалко! Конечно, не слишкомъ лестное товарищество нѣкоторыхъ новичковъ, [ихъ] невѣжество отчасти тому причиною, но развѣ безчестное поведеніе двухъ или трехъ выслужившихся проходимцевъ можетъ быть достаточнымъ предлогомъ для всѣхъ офицеровъ оставить шпагу и отречься отъ честнаго званія воиновъ!

---

[1]) Такъ въ подлинникѣ.

[2]) Скобки Пушкина.

У насъ писатель, который краснѣетъ при мысли посвятить свою книгу порядочному человѣку, который двумя или тремя чинами выше его, не стыдится изгибаться передъ какимъ-нибудь журналистомъ, ошельмованнымъ въ общемъ мнѣніи, но который площадной руганью можетъ повредить продажѣ книги или хвалебнымъ объявленіемъ заманить покупщиковъ. Нынѣ послѣдній писака готовый etc. на всякую приватную подлость, на всякій безымянный пасквиль... [1]).

Всѣ журналы пришли въ благородное бѣшенство, возстали противъ стихотворца [2]), который (о, верхъ униженія!) [3]) въ отвѣтъ на приглашеніе кн. ** (извинялся въ стихахъ), что не можетъ къ нему пріѣхать и обѣщался къ нему пріѣхать на дачу. Сіе несчастное посланіе было предано всенародно проклятію, и съ той поры, говоритъ одинъ журналъ, слава *** упала совершенно! [12₁—13₁].

Россія не участвовала въ умственной дѣятельности эпохи возрожденія. Латынская словесность — ... [sic]. Толпы южныхъ ученыхъ... — Нашествіе Татаръ не было подобно наводненію Мавровъ плодотворнымъ. Татары не принесли намъ ни алгебры, ни поэзіи...

Цари и боярство, враждующіе между собой, согласны были въ одномъ: въ необходимости сблизить Россію съ Европою, — отселѣ сношенія Ивана Васильевича съ Англіей, переписка Годунова съ... [sic]. Условія, подписанныя польскимъ королевичемъ аристократіи XVII стол., посольства Алексѣя Михайловича (во Францію, къ Людовику XIV). (Наконецъ крутой и кровавый переворотъ, произведенный мощнымъ самодержавіемъ Петра) [3]).

Россія [см. V, 29] вошла въ Европу, какъ спущенный корабль при стукѣ топора и при громѣ пушекъ. Предпринятыя Петромъ войны были благодѣтельны и плодотворны какъ для Россіи, такъ и для человѣчества. Успѣхъ [петровскаго] преобразованія былъ слѣдствіемъ Полтавской битвы, и европейское просвѣщеніе причалило къ берегамъ завоеванной Невы.

Петръ не успѣлъ довершить начатое имъ. Онъ умеръ въ полную пору мужества, во всей силѣ своей творческой дѣятельности, еще только въ ножны вложивъ побѣдительный свой мечъ. Онъ умеръ, но движеніе, переданное мощною его рукою, долго продолжалось въ огромныхъ составахъ государства. Даже мѣры революціонныя, предпринятыя имъ по необходимости въ минуту — и которыя потомъ не успѣлъ онъ отмѣнить, надолго еще возымѣли силу за-

---

[1]) Такъ въ подлинникѣ.
[2]) Было: Пушкина.
[3]) Скобки Пушкина.

кона. Напримѣръ, дворянство, даруемое порядкомъ службы, мимо Верховной власти, преимущества, данныя... (замѣчательный неуспѣхъ) [1]).

Петръ Великій бросилъ на словесность взоръ разсѣянный, но проницательный. Онъ возвысилъ Ѳеофана, ободрилъ Копіевича, (наказалъ) Татищева, угадалъ Тредьяковскому, вѣчному труженику, печальную его участь, безсиліе и трудолюбіе.

Наслѣдники Великаго [см. V, стр. 10] пошли суевѣрно по его слѣдамъ. Но... интрига Меншикова, пронырство Долгорукихъ, тайный заговоръ старинняго боярства, [наконецъ] притѣсненнаго мощною рукою Бирона, слишкомъ занимали русское дворянство... Наконецъ воцарилась Елизавета,—при ней родилась русская словесность.

Вступленіе.

I) Отчужденіе Россіи отъ Европы.

Долго Россія [V, стр. 28] была совершенно отдѣлена отъ судебъ Европы. (Она совершила свое предназначеніе. Съ XI вѣка, принявъ христіанство изъ Византіи, она не участвовала въ умственной дѣятельности католическаго міра въ эпоху возрожденія латинской Европы). Ея широкія равнины поглотили безчисленныя толпы Монголовъ и остановили ихъ разрушительное нашествіе. Варвары не осмѣлились оставить у себя въ тылу порабощенную Русь и возвратились въ степи своего востока. Христіанское просвѣщеніе было спасено истерзанной и издыхающей Россіей...... [2]).

Духовенство, пощаженное удивительною сметливостью татаръ, одно, въ теченіе двухъ мрачныхъ столѣтій, питало искры блѣдной византійской образованности. Въ безмолвіи келій иноки вели свои безпрерывныя лѣтописи; архіереи въ посланіяхъ своихъ бесѣдовали съ князьями и боярами въ тяжкія времена искушеній и безнадежности. Но духовная жизнь порабощеннаго народа не развивалась. Великая эпоха возрожденія не имѣла на него никакого вліянія, рыцарство не одушевляло его дѣвственными восторгами, и благодѣтельныя потрясенія крестовыхъ походовъ не отозвались въ краяхъ печальнаго сѣвера.

II) Ничтожество древнихъ нашихъ памятниковъ.

Боярство домогалось аристократіи. Два великана—Іоаннъ III и Іоаннъ IV. Едва Россія успѣла свергнуть съ себя иго татарское, и уже ей были нужны всѣ возраждающіяся ея силы дабы противоборствовать Польшѣ... Царская власть ополчилась на боярство... Цари и бояре согласны были въ одномъ,—въ необходимости сблизить Россію съ Европой; отселѣ...

---

[1]) Скобки Пушкина.

[2]) Неразобрано нѣсколько зачеркнутыхъ словъ, содержаніе которыхъ не соотвѣтствуетъ во всякомъ случаѣ печатной фразѣ [V, 29], которая тутъ слѣдуетъ. В. Я.

Просвѣщеніе Россіи.

(Крутой переворотъ, произведенный мощнымъ самодержавіемъ Петра, ниспровергнулъ все старое, и европейское вліяніе разлилось по всей Россіи. Голландія и Англія образовали наши флоты, Пруссія (и Франція) наши войска.— Лейбницъ начерталъ планъ гражданскихъ учрежденій).

Но сѣмена (просвѣщенія) были посѣяны.

Петръ первый былъ нетерпѣливъ: ставъ главою новыхъ идей, онъ, можетъ быть, далъ слишкомъ крутой оборотъ огромнымъ колесамъ государства.

Въ общемъ презрѣніи ко всему народному включена и народная поэзія, столь живо проявившаяся въ грустныхъ народныхъ пѣсняхъ, въ сказкахъ и въ лѣтописяхъ...

Новая словесность—отголосокъ новообразованнаго общества. Сынъ молдавскаго господаря, юноша, обрусѣвшій въ походахъ Петровыхъ..., въ Парижѣ перекладывалъ стихи Горація и писалъ сатиры по образцу, данному придворнымъ поэтомъ Людовика XIV; между тѣмъ, какъ сынъ холмогорскаго рыбака скитался по германскимъ университетамъ, вслушивался въ уроки Готшеда и передавалъ звучному русскому языку... Но приступая къ описанію словесности русской мы должны будемъ изслѣдовать и ту словесность иноземную, [которая имѣла] на нее долгое, рѣшительное вліяніе.

Въ началѣ XVIII столѣтія [V, 30] французская литература обладала Европою. Она естественнымъ образомъ должна была имѣть и на Россію долгое, рѣшительное вліяніе. И такъ, изслѣдуемте: что̀ такое французская словесность?

Въ [XII] столѣтіи подъ небомъ полуденной Франціи пробудилась поэзія, не имѣвшая ничего общаго съ поэзіей Греческаго и Латинскаго міра; рифма отозвалась etc. [sic]. Таково было смиренное начало романской поэзіи. Но она быстро и пышно расцвѣла: Италія, Испанія, Португалія, Германія, Англія, Франція и [проч.]! Буало, человѣкъ, одаренный умомъ, рѣзкимъ и здравымъ, и мощнымъ талантомъ, обнародовалъ...

Разсматривая произведенія французской поэзіи въ теченіе XVI [вѣка], нельзя не быть пораженну ихъ ничтожествомъ; нѣсколько любовныхъ пѣсенъ отличаются легкостью и нѣжностью, нѣсколько сказокъ—веселостью и простодушіемъ, но вообще напрасно-бы стали въ нихъ искать высокаго и сильнаго чувства или яркаго воображенія. Проза имѣетъ уже рѣшительный перевѣсъ; Раблэ, Montaigne etc.

Нѣкто у насъ сказалъ, что французская словесность родилась въ передней etc.—Это слово было повторено и во французскихъ журналахъ и замѣчено, какъ жалкое мнѣніе (opinion deplorable). Это не мнѣніе, но истина историческая, буквально выраженная: Маротъ былъ камердинеромъ Франциска I-го

(valet de chambre) [1]), Мольеръ — камердинеромъ Людовика XIV; Буало, Расинъ и Вольтеръ (особенно Вольтеръ) [1]), конечно, дошли, до гостинной, но всетаки черезъ переднюю. Объ новѣйшихъ поэтахъ говорить нечего: они, конечно, на площади, съ чѣмъ ихъ и поздравляемъ.

Вліяніе, которое французскіе писатели произвели на общество, должно приписать ихъ старанію принаравливаться къ господствующему вкусу, къ мнѣніямъ публики. Замѣчательно, что ни одинъ изъ извѣстныхъ французскихъ поэтовъ... изъ Парижа. Вольтеръ, изгнанный изъ столицы тайнымъ указомъ Людовика XV, полу-шутливымъ, полу-важнымъ тономъ совѣтуетъ писателямъ оставаться въ Парижѣ, если дорожатъ они покровительствомъ Аполона и бога вкуса.

Ни одинъ изъ французскихъ поэтовъ не дерзнулъ быть самобытнымъ, ни одинъ, подобно Мильтону, не отрекся отъ современной славы.

Расинъ пересталъ писать, увидя неуспѣхъ своей Гоѳаліи. Публика, (о которой Шамфоръ спрашивалъ такъ забавно: сколько нужно глупцовъ, чтобы составить публику?) [1]) ... невѣжественная публика была единственною руководительницею и образовательницею писателей. Когда писатели перестали толпиться по переднимъ вельможъ, они, ..., обратились къ народу, лаская его любимыя мнѣнія или фиглярствуя независимостью и странностями, но съ одною цѣлію: выманить себѣ (репутацію) или деньги! Въ нихъ нѣтъ и не было безкорыстной любви къ искусству и къ изящному: жалкій народъ!

Не смотря на ея видимую ничтожность, Ришелье чувствовалъ важность литературы. Великій человѣкъ, унизившій во Франціи феодализмъ, захотѣлъ также... и литературу. Писатели, во Франціи классъ бѣдный и незнатный, были призваны ко двору и задарены... Людовикъ XIV слѣдовалъ системѣ кардинала. Вскорѣ словесность сосредоточилась около его трона. Всѣ писатели получили (придворную) должность. Корнель, Расинъ тѣшили (короля)... трагедіями,... Буало воспѣвалъ его побѣды и назначалъ ему писателей, достойныхъ его [вниманія]; Боссюэтъ и ..... проповѣд[овали] слово Божіе въ его придворной капелѣ... Академія хвастливо первымъ правиломъ своего устава положила—хвалу Великаго Короля. Были исключенія: бѣдный дворянинъ Лафонтенъ не смотря на господствующую набожность печаталъ въ Голландіи свои веселыя сказки о монахиняхъ... и [сладкорѣчивый] епископъ въ книгѣ, исполненной смѣлой философіею, помѣщалъ язвительную сатиру на прославленное царствованіе; за то Лафонтенъ умеръ безъ пенсіи, а Фенелонъ въ своей епархіи, отдаленный отъ двора за мистическую ересь.—Отселѣ вѣжливая, тонкая словесность, блестящая, аристократическая, немного жеманная, но тѣмъ самымъ понятная для всѣхъ дворовъ Европы, ибо высшее общество, какъ

[1]) Скобки Пушкина.

справедливо замѣтилъ одинъ изъ новѣйшихъ писателей, составляетъ во всей Европѣ одно семейство.

Между тѣмъ духъ изслѣдованія и порицанія начиналъ проявляться во Франціи. Ничто не могло быть противуположнѣе поэзіи, какъ та философія, которой XVIII вѣкъ далъ свое имя. Она была направлена противъ господствующей религіи, вѣчнаго источника поэзіи у всѣхъ народовъ, и любимымъ орудіемъ ея была иронія, холодная и осторожная, и насмѣшка, бѣшеная и площадная. Вольтеръ, великанъ сей эпохи, овладѣлъ и стихами, какъ важной отраслью умственной дѣятельности человѣка. Онъ написалъ .... съ namѣреніемъ очернить католицизмъ. Онъ 60 лѣтъ наполнялъ театръ трагедіями, въ которыхъ, не заботясь ни о правдоподобіи характеровъ, ни о законности средствъ, заставилъ онъ свои лица кстати и некстати выражать правила своей философіи. Онъ наводнилъ Парижъ прелестными бездѣлками, въ которыхъ философія говорила общепонятнымъ и шутливымъ языкомъ, одною рифмою и метромъ, отличавшимися отъ прозы. И эта личность... верхомъ поэзіи; наконецъ и онъ однажды въ своей [старости] становится [истиннымъ] поэтомъ, когда весь его разрушительный геній со всею свободою излился въ циничной поэмѣ, гдѣ всѣ высокія чувства, драгоцѣнныя человѣчеству, были принесены въ жертву демону смѣха и иронія. Вліяніе Вольтера было неимовѣрно. Возвышенные умы слѣдуютъ за нимъ. Задумчивый Руссо провозглашаетъ себя его ученикомъ; пылкій Дидротъ есть самый ревностный изъ его апостоловъ. Англія въ лицѣ Юма, Гиббона и В... привѣтствуетъ его. Екатерина вступаетъ съ нимъ въ дружескую переписку; Фридрихъ съ нимъ ссорится и мирится; общество ему покорно. Европа ѣдетъ въ Ферней на поклонъ. Вольтеръ умираетъ, благословивъ внука Франклина и привѣтствуя новый свѣтъ словами, дотолѣ неслыханными.

Общество созрѣло для великаго разрушенія. Все еще спокойно, но уже голосъ молодаго Мирабо, подобно отдаленной бури, глухо гремитъ изъ глубины темницъ, по которымъ онъ скитается.

Смерть Вольтера не останавливаетъ потока. Министры Людовика XVI нисходятъ въ арену спорить съ писателями,.... созданная Людовикомъ XIV хохочетъ и рукоплещетъ. Бомарше влечетъ на сцену и терзаетъ все, что еще почитается неприкосновеннымъ.

Европа, оглушенная очарованною славою французскихъ писателей, преклоняетъ къ нимъ подобострастное вниманіе. Германскіе профессора съ высоты каѳедры провозглашаютъ правила французской критики. Англія слѣдуетъ за Франціей на поприще философіи; поэзія въ отечествѣ Шекспира и Мильтона становится суха и ничтожна, какъ и во Франціи, Ричардсонъ, Фильдингъ и Стернъ поддерживаютъ славу прозаическихъ сочиненій; Италія отрекается отъ Dante.... подражаетъ Расину.

Обратимся къ Россіи.

Кантеміръ.

Ломоносовъ.

Тредіаковскій.

Вліяніе Кантеміра уничтожается Ломоносовымъ.

Вліяніе Тредьяковскаго уничтожается его бездарностью.

Постоянное [бореніе] Тредьяковскаго; онъ побѣжденъ.

Сумароковъ.

Екатерина (Вольтеръ) [1]). Фонъ Визинъ, Державинъ [14_1—20_1].

Къ XI главѣ, стр. 223: (Избави меня Боже быть поборникомъ и проповѣдникомъ рабства, я говорю только что) благосостояніе нашихъ крестьянъ тѣсно связано съ пользою помѣщиковъ,—и это очевидно для всякаго. Злоупотребленія встрѣчаются вездѣ [8_2].

Болѣе мелкихъ дополненій и варіантовъ не привожу; обращаюсь теперь къ остальному содержанію этой тетради.

Прежде всего еще среди статьи о Радищевѣ, на л. 23_1, мы находимъ черновой недоконченный набросокъ:

Я возмужалъ....
И дней моихъ взволнованный потокъ
Теперь утихъ. Миролюбивый геній...
Надолго ли? но.... прошли
Дни бурь, дни горькихъ искушеній...

На 23_1 также находится французская программа Папессы Іоанны [IV. 488], которую г. Анненковъ сообщилъ безъ послѣдняго замѣчанія:

Si c'est un dramme il rappellera trops le Faust, il vaut mieux en faire une poeme dans le style de Cristobol ou bien en octaves.

На 23_2. Французская программа, имѣющая отношенія къ сценамъ изъ рыцарскихъ временъ [IV. 488].

[24_1—26_1 о Радищевѣ; 26_2—неписанная страница].

На 27_1 начинаются сцены изъ рыцарскихъ временъ и идутъ дальше въ перемѣшку съ другимъ; для удобства я соединяю для описанія все вмѣстѣ.

Сцены изъ рыцарскихъ временъ занимаютъ: 27_1—29_1, 32_1—38_2, 45_1—49_1, 51_1—53. Черновая съ помарками и поправками.

Впервые напечатано въ „Современникѣ", 1837 г. [по смерти Пушкина], затѣмъ въ посмертномъ изданіи, потомъ въ изданіи 1855, откуда и перепечатывалось въ послѣдующихъ изданіяхъ. Г. Анненковъ, свѣряя печатный текстъ съ рукописью, исправилъ только одну ошибку посмертнаго изданія, а между тѣмъ ошибокъ этихъ много.—Приведу опять только главнѣйшія ошибки, но для характеристики точности печатнаго текста укажу сначала нѣсколько болѣе мелкихъ ошибокъ.

---

[1]) Скобки Пушкина.

Сцена I [IV. 395]. Мартынъ:.... проказы, но долѣе терпѣть не намѣренъ;— въ рукоп.: ...проказы, *а* долѣе...

[396]. Францъ: Твоя воля, отецъ;—въ рукоп.: твоя воля, батюшка.

[396]. Мартынъ:... Мало-ли я тебѣ передавалъ? Куда онѣ дѣлись?—Въ рукоп.: Мало-ли я тебѣ передавалъ денегъ? Куда онѣ дѣлись и т. д.

Теперь приведу нѣсколько болѣе важныхъ ошибокъ.

[396]. Мартынъ:... отецъ далъ мнѣ два крейцера въ руку, да два толчка въ спину...; въ рукоп.: да два пинка въ гузно...

Въ томъ-же монологѣ Мартына послѣ словъ:... презираютъ да забираютъ въ долгъ товары, въ рукописи зачеркнуто: (Презираютъ! и того не вѣдаютъ, нахалы, что старый Мартынъ не промѣняетъ своей лавки, убранной сверху до низу испанскими суснами на ихъ голые каменные замки, гдѣ они съ голоду свищутъ, до побрякиваютъ шпорами). Я знаю тебя, и т. д.

Первая сцена въ рукописи оканчивается замѣчаніемъ, пропущеннымъ въ печати: (расходятся въ разныя стороны) [1]).

Сцена II, [стр. 401]. Альбертъ:... Быть оруженосцемъ у такого рыцаря, какъ я, не шутка. Современемъ...; въ рукоп.: ...не шутка,—вѣдь уже это ступень. Современемъ...

Въ концѣ второй сцены [стр. 402] въ печатномъ текстѣ пропущено:

[Францъ]. А что скажетъ мой отецъ?

[Альбертъ]. А ему какое дѣло до тебя?

[Фр.]. Онъ меня проклянетъ и наслѣдства лишитъ.

[Ал.]. А ты плюнь.—Тебѣ-же будетъ легче...

Въ послѣдней [VII] сценѣ [стр. 408] есть тоже два пропуска:

Рыцарь. Славное вино! За здоровье благородной хозяйки!

Рыцари. За здоровье прекрасной и благородной хозяйки!

И дальше:

Розенфельдъ: За здоровье нашихъ избавителей.

Рыцари. За здоровье нашихъ избавителей.

Въ пѣснѣ Франца о мельникѣ [409] послѣдній стихъ въ рукописи исправленъ такъ:

Я нигдѣ на ведрахъ шпоръ.

Что касается до первой пѣсни Франца, то посмертное изданіе, кажется, было право, принявъ за нее романсъ: Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный. Дѣло въ томъ, что 49_1 кончается такъ: Францъ поетъ [стр. 409]; затѣмъ на 49_2 нѣсколько изъ черновыхъ стиховъ изъ указаннаго романса, озаглавленныхъ:

(Жилъ на свѣтѣ),

---

[1]) Скобки Пушкина.

а далѣе 50[1] и 50[2] идетъ весь романсъ, какъ онъ напечатанъ [III, 246], тоже съ помарками [ср. № 2371, л. 77[2]]; наконецъ 51[1] начинается восклицаніемъ Розенфельда: Славная пѣсня! Не знаю на какихъ основаніяхъ отвергъ г. Анненковъ принадлежность этого романса къ сценамъ.

Надо еще замѣтить относительно хронологіи, что въ противоположность увѣренію г. Анненкова, будто сцены написаны во всякомъ случаѣ раньше 1830-го года, содержаніе всей тетради, въ которой находятся сцены, а также особенно тѣ піэсы, съ которыми онѣ непосредственно перемѣшаны, совершенно несомнѣнно указываютъ, что сцены написаны непремѣнно послѣ 1830, кажется въ одно время съ піэсой: Вновь я посѣтилъ,—которую я отношу къ 1833 г., см. № 2377, л. 12.—Въ концѣ сценъ помѣта: 15 августа.

Обращаюсь къ остальному содержанію тетради; начинаю съ листовъ, находящихся между сценами изъ рыцарскихъ временъ.

30[1]. Черновое исчерканное стихотвореніе, не вполнѣ точно напечатанное [III, 439].

Ты мнѣ совѣтуешь, Плетневъ любезный
Оставленный романъ мой продолжать,
И потчуя стихами вѣкъ желѣзный.
Разсказами пустыми угощать.
Ты думаешь, что съ цѣлію полезной
Тревогу славы можно сочетать
(А для того совѣтуешь собрату)
Брать съ публики умѣренную плату.
(За каждый стихъ по 10 рублей)
(Составитъ, стало быть, за каждую строфу сто сорокъ)
Оброкъ пустой для нынѣшнихъ людей.
Пустое! всякъ то дастъ безъ отговорокъ!
Съ книгопродавца можно взять ей-ей.

***

Ты говоришь:—пока Онѣгинъ живъ
Дотоль романъ неконченъ; нѣтъ причины
Его кончать; къ тому же планъ счастливъ
. . . . кончины [1])
Со славы, внявъ ея призванью,
Сбирай оброкъ хвалой и бранью.
Съ почтенной публики межъ тѣмъ
Бери умѣренную плату,
За книжку по пяти рублей,
Неужто жаль ихъ будетъ ей.

Тутъ-же съ боку карандашомъ:

Рисуй унылыхъ барышень своихъ
Смущенье . . . . сердце ихъ.

---

[1]) Такъ и въ подлинникѣ одна риема.

30_2—31_2, 39_1—40_1. Черновое съ поправками и помарками [ср. № 2377, л. 12]:

. . . Вновь я посѣтилъ.

— III. 404. Есть варіанты; привожу дополненіе [30_2]:

И вечеромъ, при завываньи бури
Ея разсказовъ, мною затверженныхъ
Отъ малыхъ лѣтъ, но все пріятныхъ сердцу,
Какъ шумъ привычный и однообразный
Любимаго ручья. Вотъ уголокъ,
Гдѣ для меня безмолвно пролетали
Часы трудовъ, свободно вдохновенныхъ;
Здѣсь погруженный въ [думы]
Я размышлялъ (о грустныхъ заблужденьяхъ)
Объ испытаніяхъ юности моей
О строгомъ заслуженномъ осужденьи
(О милой дружбѣ)...

[30_2].

Часть этого отрывка составилъ конецъ печатной редакціи, и въ измѣненномъ, но все еще черновомъ видѣ мы ее находимъ на 39_1; на 40_1 опять варіанты заключительныхъ строкъ, а потомъ еще нѣсколько неоконченныхъ строкъ, имѣющихъ глубокое біографическое значеніе:

И бурныя кипѣли въ сердцѣ чувства,
И ненависть, и грезы мести блѣдной...
Но здѣсь меня таинственнымъ щитомъ
... святымъ прощеньемъ осѣнила
Поэзія, какъ ангелъ утѣшитель,
Спасла меня...

Рисунки: 30_2 — двѣ головы, мужская въ большомъ галстухѣ и женская въ старинной прическѣ; 31_2 — обнаженная человѣческая фигура; 40_1 — лицо; кусты.

40_2 и 41_1—неписанныя страницы.

41_2—42_2. Весь исчерканный черновой набросокъ на Выздоровленіе Лукула [III, 402]; карандашъ, поправки чернилами.—На 42_1 сверху зачеркнута карандашная фраза: (на дняхъ прочиталъ я новый романъ Лажечникова)...

43_1. Черновой исчерканный набросокъ:

Поэтъ идетъ. Открыты вѣжды...

—IV, 486.

43_2—44_1. Сверху помѣта карандашомъ: 9 ноября; затѣмъ чернилами:

Когда владыка Ассирійскій...

—III, 240.—Послѣ стиха: Грозой грозится высота, зачеркнутъ куплетъ:

(Поля преградами изрыты,
Раскаты, башни и зубцы
Какъ лѣсомъ копьями покрыты,
И боя молча ждутъ бойцы).
И надъ тѣсниной.... и т. д.

Конецъ:

Сатрапъ смутился, (гнѣвъ жестокій)
(Его объялъ). Сзываетъ онъ
Совѣтъ...

44_2—неписанная страница.

54_1—55_1. Карандашъ; исчерканная черновая:

Зачѣмъ печаль ее гнететъ

—IV, 471. Многого нельзя разобрать.

Рисунокъ на 54_2: лошадь.

55_2.

„Вы за Онѣгина совѣтуете, други"...

III, 440.—Предпослѣдній стихъ:

Что дастъ еще тебѣ и славу, и доходъ.

56_1. Исчерканная черновая:

Цѣнитель умственныхъ твореній исполинскихъ,
Любовникъ древнихъ музъ латинскихъ,
Другъ бардовъ сѣверныхъ......,
Ты къ мощной древности опять меня манишь,
. . . . велишь
. . . .
Я приготовился бороться съ Ювеналомъ,
[И въ русскіе стихи], неопытный поэтъ,
Переложить его я далъ тебѣ обѣтъ.
Но перечтя его суровыя творенья
Не могъ преодолѣть пугливаго смущенья
. . . .

56_2—неписанная страница. Затѣмъ очень много пустыхъ листовъ и только въ самомъ концѣ тетради—57, 58 и 59 листы, писанные верхомъ внизъ.

59_2. Карандашъ; исчерканная черновая: Въ мои осенніе досуги и пр.,—III, 440. Помѣта: 15 сент. Пропущенный стихъ:

Романъ, не конча, перервать
Отдавъ уже его въ печать [1]),
Что должно, своего героя...

---

[1]) Съ боку Пушкинъ отмѣтилъ для этихъ двухъ стиховъ другую риему:

въ печать
Романъ неконченный отдать. В. Я.

Тутъ-же: Вы говорите—слава Богу,—III, 440.

...Войну и балъ, дворецъ и хату,
(Чердакъ) и келью, и харемъ...

59₁. Повтореніе того-же,—но иначе.

Вы говорите: слава Богу!
Онѣгинъ живъ, такъ понемногу
(Пиши) затѣйливый (романъ)
(Герой готовый, славный планъ),
(Ну, съ Богомъ)...
И снова будешь [ты] внимать
Молвы и критики набату.
(Готово все)...

58₂. Карандашъ:

О бѣдность! затвердилъ я наконецъ
Урокъ твой горькій. Чѣмъ я заслужилъ
Твое гоненье?

—IV, 486.—Затѣмъ чернилами:

Я думалъ сердце позабыло
Способность легкую страдать,
Я говорилъ, тому что̀ было
Ужъ не бывать, ужъ не бывать.
Прошли восторги и печали
И легковѣрныя мечты...
Но вотъ опять затрепетали
Предъ мощной властью красоты!
(Гляжу, предаться не дерзая
Волненью грустному души
Я ужасаюсь нѣги влажной
Твоей...).

—Рисунокъ: фигура любезно шаркающаго толстаго офицера.

58₁—неписанная страница.

57₂—Памятникъ. Факсимиле этой страницы приложено къ „Русскому Архиву“ 1880 г. и къ отдѣльному изданію г. Бартенева—„А. С. Пушкинъ. I“.

57₁—неписанная страница.

XXII.

№ 2385. Состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ тетрадей въ листъ, на обертка которыхъ опекунскія и жандармскія надписи:

А. № 10. Статья о Радищевѣ.—I тетрадь (чистовая). „86 листовъ. Дубельтъ“.

Б. № 11. Статья о Радищевѣ. — II тетрадь (черновая). „45 листовъ. Дубельтъ“.

В. № 12. Статья „А. Радищевъ“.—III тетрадь. „32 листа. Дубельтъ“.

Въ первой оберткѣ или тетради восемь отдѣльныхъ пачекъ, изъ нихъ 7 въ оберткахъ. Листы всѣ перенумерованы карандашомъ (опекунская нумерація?) и красными чернилами. Опекуны ставили по одному нумеру на каждый писчій листъ въ четыре страницы; сначала такъ-же была поставлена и жандармская нумерація, но потомъ на каждой третьей страницѣ писчаго листа (т. е. на второмъ полулистѣ) поставлена еще цифра, такъ что получилась очень перебитая нумерація; 1 и 86, 2 и 85, и т. д. Такимъ образомъ занумеровано 86 листовъ (писчихъ полулистовъ). — Нумерація идетъ не по порядку главъ (статья—„Мысли на дорогѣ“): сначала занумерована III глава, потомъ вторая, четвертая, первая, пятая, одиннадцатая и двѣнадцатая.—Вся эта первая тетрадь (А), содержащая указанныя главы статьи „Мысли на дорогѣ“, переписана писарской рукой, причемъ листы перегнуты вдоль пополамъ и на поляхъ сдѣланы Пушкинымъ нѣкоторыя поправки и дополненія.

Вторая тетрадь [Б] представляетъ ту-же статью, извѣстную подъ названіемъ „Мысли на дорогѣ“, но только въ чисто переписанномъ видѣ, мѣстами въ черновомъ подлинникѣ. [Бумага съ клеймомъ 1834-го года]. Здѣсь всѣ главы, кромѣ X; перенумерованы онѣ въ такомъ порядкѣ: 2, 3, 12, 4, 5, 11, 1, 7, 6 8 и 9. Кромѣ общаго оберточнаго листа съ приведенною выше надписью, вторая тетрадь имѣетъ еще внутреннюю обертку, приготовленную Пушкинымъ для своихъ стихотвореній съ собственноручною надписью: Подражаніе древнимъ.— Красными чернилами занумеровано **45**, но въ томъ числѣ есть и неписанныя съ другой стороны довольно много вклеенныхъ листочковъ, которые не занумерованы, а между тѣмъ должны идти въ счетъ; такимъ образомъ я считаю всѣхъ листовъ—**46**.—На одномъ изъ приклеенныхъ листочковъ при листѣ 23, кромѣ дополненія къ статьѣ, находимъ черновой набросокъ: Ты мнѣ совѣтуешь, Плетневъ любезный [см. № 2384, л. 30_1], и тутъ-же на оборотѣ карандашомъ программа: ты мнѣ совѣтуешь продолжать Онѣгина, увѣряя меня, что я его не кончилъ. — При 29 листѣ приклеенное дополненіе написано на пригласительной запискѣ кн. Трубецкой.—На л. 24 жандармская печать.

Что касается до самаго подлиннаго текста, то, сходясь съ исправленной Пушкинымъ копіей [первая тетрадь этого №], во многомъ сходясь и съ черновой [см. № 2384], онъ иногда значительно отличается отъ печатнаго, т. е. въ печатномъ текстѣ допущены значительныя неточности. Для примѣра укажу нѣсколько ошибокъ въ началѣ, въ первой главѣ.

Стр. 192:—съ однимъ слугою отправился я въ дорогу; рукоп. — ...отправился я въ путь.—На той-же стр.:—не знаю кто, Иванъ или я, согрѣшили передъ Богомъ; рукоп.—согрѣшили передъ выѣздомъ.

Стр. 193: предлогъ къ угнетѣнію и взяткамъ; рукоп.:—къ утѣсненію и взяткамъ,—и т. д., и т. д.]

Надо еще замѣтить, что первая глава первоначально называлась: „Дорожный товарищъ“.

Укажу на одинъ пропускъ, сдѣланный самимъ Пушкинымъ. Во второй главѣ, послѣ словъ: смерть молодаго Петра II-го снова утвердила за Петербургомъ его недавнія права [с. 198], въ рукописи зачеркнуто:

(Нынѣ царствующій императоръ чаще другихъ удостоиваетъ Москву своимъ посѣщеніемъ. Неожиданный пріѣздъ его въ концѣ 1830 года, во время заразы, принадлежитъ будущему историку).

Обращаюсь наконецъ къ третьей тетради. Изъ приведеннаго выше ея заглавнаго листа мы уже видѣли, что Дубельтъ насчиталъ въ ней 32 листа; на самомъ дѣлѣ ихъ надо считать **30**, такъ какъ занумерованы два неписанные листа (на 17_1, кромѣ того, находится только печать, а на 17_2 не рукою Пушкина: 1822).—Содержаніе этой тетради составляетъ статья „Александръ Радищевъ"; она вся писана писарской рукой; это тотъ самый экземпляръ, который былъ представляемъ Пушкинымъ въ цензуру. На [второмъ] заглавномъ листѣ рукою Пушкина, кромѣ названія статьи и эпиграфа, написано: „Пушкинъ покорнѣйше проситъ Александра Лукича представить сію статью куда слѣдуетъ для разрѣшенія". Тутъ-же приписано и запрещеніе цензора,—см. V, стр. 357, примѣчаніе.

Текстъ напечатанъ вѣрно.

— На 16 листѣ находимъ: Анекдотъ, служившій основаніемъ повѣсти нами издаваемой, извѣстенъ въ Оренбургскомъ краѣ. Читателю легко будетъ распознать нить истиннаго происшествія, проведенную сквозь вымыслы романтическіе, а для насъ это было-бы излишнимъ трудомъ. Мы рѣшились написать сіе предисловіе съ совсѣмъ другимъ намѣреніемъ.

(Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ нашихъ Альманаховъ напечатанъ былъ)...

— На 17 листѣ жандармская печать съ необрѣзанными нитками.

XXIII.

№ 2386. Четыре непереплетенныхъ тетради; на оберткахъ выставлено: № 1, № 2, № 3 и № 9. Каждую тетрадь описываю отдѣльно.

А. [№ 1]. На оберткѣ [опекунская] надпись: Прозаическіе отрывки; тутъ-же рукою Пушкина: „Послѣдній изъ свойственниковъ Іоанны Д'Аркъ";— „62 листа. Дубельтъ". Тетрадь сшита и концы нитокъ запечатаны красною жандармскою печатью. Такъ какъ Пушкинъ писалъ на отдѣльныхъ, несшитыхъ листахъ, то теперь приходится [какъ уже намъ встрѣчались подобные случаи], съ 2-го листа переходить къ 61-му; съ 61-го къ 3 и т. д.—Такъ какъ на оберткѣ есть надпись руки Пушкина, то обертка и сосчитана за 1 листъ. 1_2—неписанная страница.

2—5, 58—61. Послѣдній изъ родственниковъ Іоанны Д'Аркъ.—V, 431. Написано чисто, почти безъ помарокъ.—Мелкихъ неточностей печатнаго текста не указываю.

6₁. Заглавный листъ:

Россійская Академія.

7—9, 54—57. Самая статья—V, 336. Чисто переписано, мало помарокъ.

10₁—Путешествіе В. Л. П. [Васил. Л. Пушкина], см. V, 241.

10₂—неписанная страница.

11₁ и 11₂, 52₁ и 52₂. Самая замѣтка, приведенная г. Анненковымъ не вполнѣ и неточно. Выписываю ее всю.

Путешествіе etc. Картина представляетъ etc. Эта книжка никогда не была въ продажѣ. Нѣсколько экземпляровъ розданы были пріятелямъ автора, отъ котораго имѣлъ я счастіе получить и свой (чуть-ли не послѣдній) [1]. Я храню его, какъ памятникъ благосклонности, для меня драгоцѣнной.

Пут[ешествіе] есть веселая, незлобная шутка надъ однимъ изъ пріятелей автора; покойный В. Л. П[ушкинъ] отправился въ Парижъ и его младенческій восторгъ подалъ поводъ къ сочиненію (этой) маленькой поэмы, въ которой съ удивительной точностью изображенъ весь В. Л.: это образецъ игривой легкости и шутки живой и (незлобной).

Для тѣхъ, которые любятъ поэзію нетолько въ ея лирическихъ порывахъ или въ дивномъ вдохновеніи элегіи, нетолько въ обширныхъ созданіяхъ драмы и эпопеи, но и въ (младенческой, живой) игривости шутки и въ забавахъ ума, вдохновеннаго веселостью... Виноватъ: я-бы отдалъ все, что было писано у насъ въ подражаніе Л. Байрону, за слѣдующіе незадумчивые и невосторженные стихи, въ которыхъ поэтъ заставляетъ героя своего восклицать друзьямъ:

. . . . [2].

(Поэзія, какъ природа). Есть люди, которые не понимаютъ Байрона; есть люди, которые находятъ и Горація прозаическимъ (спокойнымъ, умнымъ, разсудительнымъ,—такъ-ли?) [3]. Пусть такъ, но жаль было-бы, еслибы не существовали прелестныя оды, которымъ подражалъ и нашъ Державинъ. Для тѣхъ, которые любятъ Катулла, Грессета и Вольтера, для тѣхъ etc. Искренность драгоцѣнна въ поэтѣ. Намъ пріятно видѣть поэта во всѣхъ состояніяхъ [и] измѣненіяхъ его живой, творческой души: и въ печали, и въ радости, и въ порывахъ восторга, и въ отдохновеніи чувствъ, и въ ювенальскомъ негодованіи, и въ маленькой досадѣ на скучнаго сосѣда...

Благоговѣю передъ созданіемъ Фауста, но люблю и эпиграммы etc. Есть люди, которые не признаютъ иной поэзіи, кромѣ выспренной.

---

[1]) Скобки Пушкина.

[2]) Стиховъ въ рукописи нѣтъ.

[3]) Скобки Пушкина.

12 и 51 [обертка]. 12,—Глава II.

Неразборчивый французскій эпиграфъ, заимствованный изъ Correspondance inédite.

13,—50. Отрывокъ: (Въ Коломнѣ), на углу маленькой площади—IV, 440. Черновое, поправки чернилами и карандашомъ [см. № 2371, 88,]. Посмертные издатели пропустили очень многое, чтó придаетъ особенное значеніе этому отрывку. Чтобы не выписывать всего, я буду дѣлать ссылки на страницы и строки печатнаго текста по послѣднему изданію.

Стр. 440, строка 2 сн.: это братъ его князь Григорій, извѣстная скотина.

„(А, тотъ, который получилъ когда-то пощечину и не дрался?"

— Совсѣмъ нѣтъ. Его били палкою... А все это штуки его жены; я не имѣлъ счастья ей понравиться [1]).

— На комъ онъ женатъ?

Стр. 441, 1 св.:—Вмѣсто пѣвчаго сначала было: цѣловальника, нажившаго милліоны. — 3 строка св.: — совсѣмъ раззнакомились съ вашимъ (высшимъ обществомъ). Такъ ты очень дорожишь вниманіемъ князя Григорія, извѣстнаго мерзавца. — 11 строка св.:—Кого ты называешь у насъ аристократами?—Послѣ 13 строки св.:

„А кто такая графиня Фуфлыгина?"

— (Взяточница, толстая), наглая дура.

(„Какія тонкія эпиграммы!")

— (Я за остроуміемъ, слава Богу, не гоняюсь).

„И пренебреженіе людей, которыхъ ты презираешь, сказала дама послѣ нѣкотораго молчанія—можетъ до такой степени тебя разстроивать...

Стр. 441, 4 сн.: молодой человѣкъ тотчасъ раскаялся...

Стр. 442, 15 св.: подошла къ окошку.

Отрывокъ кончается тою-же фразою, какъ и печатный текстъ, насрединѣ 50, листа.

14. Обертка:

Египетскія ночи.
(Клеопатра).
Глава I.

— Эпиграфъ, какъ напечатано—IV, 381.

15—вклеенный листъ синей бумаги; карандашомъ интересное письмо къ неизвѣстному лицу:

„Какую программу хотите вы видѣть? [Часть] политическая: иностранныя извѣстія, переводимыя изъ Journal de St. Petersbourg, безъ прав. [?] примѣчаній и размышленій, елико возможно безцвѣтно, безъ движенія, безъ цѣли;

[1]) Зачеркнуто карандашомъ.

внутреннія извѣстія—о дождяхъ и объ урожаѣ etc. Разныя извѣстія,—о курсѣ, о пріѣзжихъ и уѣзжихъ, о спектаклѣ и проч.—Литературная часть,—критика иностранныхъ и русскихъ книгъ, мелкія статьи, удобопомѣщаемыя на двухъ столбцахъ... И выдетъ газета немного хуже „Сѣверной Пчелы". Вотъ вамъ и программа. Шутки въ сторону: Отъ моей газеты я многаго не ожидаю: часть политическая будетъ офиціально ничтожна; литературная существенно ничтожна, ибо что прикажете говорить о вещѣ, которая никого не интересуетъ, начиная съ литератора.—Браниться съ журналами [я буду] всего разъ въ годъ; (но остальное время) — угождать публикѣ восхищеніями, пошлымъ балагурствомъ Булгарина и безсмыслицей Полеваго,—было-бы слишкомъ низко. Стиховъ печатать въ ней не буду: и Богъ запретитъ метать бисеру передъ публикой, на то проза—мякина...

15₂ [опять карандашъ]. Сверху нѣсколько исчерканныхъ неразборчивыхъ строкъ; затѣмъ тоже не очень разборчивый отрывокъ.

Но главною непріятностью платится мой пріятель; приписываніе множества чужихъ сочиненій, какъ-то эпитафія... покойнаго Курганова,... о женитьбѣ, въ коемъ такъ остроумно сказано, что, коли хочешь быть уменъ—учись, коли хочешь быть въ аду — женись... Ба...., начитавшагося Ламартина. Безпристрастные наши журналисты, которые обыкновенно не умѣютъ отличать стиховъ Нахимова отъ..... Б...., (важно) укоряли его въ безнравственности, отдавая полную справедливость ихъ поэтическимъ достоинствамъ и....

Рисунокъ на 15₂ чернилами: человѣкъ въ тюрбанѣ.

16—49. Египетскія ночи [см. л. 14], черновая съ поправками и вставками. Есть отличія отъ печатнаго текста [IV, 381—395].

Читать слѣдуетъ въ такомъ порядкѣ: 16, 17, 49, 1 и т. д.—16 листъ—вклеенная четверка, на которой съ одной стороны написаны первыя строки Египетскихъ ночей; на 17 начинается весь разсказъ съ начала, но первыя строки, соотвѣтствующія листу 16, зачеркнуты.

Какъ сказано печатный текстъ отличается отъ подлинника; всѣхъ отличій, т. е. ошибокъ посмертныхъ издателей, неисправленныхъ и г. Анненковымъ, не привожу. Для примѣра укажу всѣ неточности въ первой главѣ.

Стр. 382, стр. 15 сн.: Каковы-же должны быть ягоды? — рукоп.: невзгоды.— 8 снизу: даже самыхъ простыхъ; рукоп.:—пустыхъ.

Стр. 383, 10 сн.:—для воплощенія ихъ видѣній;—рукоп.: видѣній вашихъ.—7 сн.: и свѣтъ, и мелочи свѣта; рукоп.:—мнѣнія свѣта.

Стр. 384, 11 сн.: Я итальянскій художникъ;—рукоп.: неаполитанскій.

Стр. 385, 7 св.: Итальянецъ замѣтилъ; — рукоп.: Неаполитанецъ.— 12 сн.: послѣ словъ: выпрашивая себѣ вспоможенія,—приписано на поляхъ и зачеркнуто: (а отъ своихъ меценатовъ [чортъ ихъ побери!] [1]) требуютъ одного

[1]) [Скобки Пушкина].

чтобъ они не входили на нихъ въ тайные доносы,—и того не могутъ добиться). Впрочемъ...

Стр. 386, 16 сн.: Ему нужны были деньги; въ рукописи переставлено: Ему деньги были нужны.—И такъ далѣе.

Б. [№ 2]. На оберткѣ: 1) опекунская надпись: Прозаическіе отрывки; 2) повыше рукою Пушкина написано и зачеркнуто: (Преподобный Савва игуменъ); 3) пониже: „38 листовъ. Дубельтъ". — 9-го и 30-го листовъ нумерованнаго нѣтъ, на 20-мъ листѣ только жандармская печать; 22, 26, 28, 29, 33, 38—все неписанные; упомянутая обертка незанумерована, слѣдовательно всего 31 листъ. Тетрадь эта сшита такъ-же, какъ и предыдущая; посреди жандармская печать.

1_1. Заглавный листъ:

(О Байронѣ и о предметахъ важныхъ—) [1]).

1835.

Черная Рѣчка, за Мил.

25 іюня.....

Съ боку италіанская фраза изъ Observazioni sulla morale cattolica. Внизу двѣ строки, представляющія вставку къ л. 7_1.

1_2—неписанная страница.

2_1 и 2_2. Переводъ изъ Байрона.

Тутъ мы хорошо видимъ усиленный трудъ, какой Пушкинъ клалъ на созданіе своихъ переводовъ. Листъ перегнутъ пополамъ; на одной сторонѣ карандашомъ [съ чернильными поправками] сдѣланъ дословный, буквальный переводъ подлинника, на другой сторонѣ чернилами тотъ-же переводъ въ болѣе отдѣланномъ видѣ, лучше выраженный по русски, но все еще очень близкій къ подлиннику и все еще прозой. Только уже вслѣдъ за этими двумя переводами долженъ былъ слѣдовать поэтическій стихотворный переводъ, который облекъ-бы въ изящную форму чувства и образы, нескладно выраженные въ буквальной прозаической передачѣ. Къ сожалѣнію Пушкинъ почему-то не довелъ работу до конца, или она въ окончательномъ видѣ не дошла до насъ: мы не имѣемъ стиховъ Пушкина, которые-бы были переводомъ этой піесы Байрона.—Для примѣра выписываю первые строки обоихъ переводовъ.

Лѣвая сторона, карандашъ:

Mot à mot.

„Не въ тѣхъ краяхъ, гдѣ я бродилъ недавно, хоть красота почиталась тамъ долго безпорочной, не въ видѣніяхъ, развивающихъ для сердца образы, о коихъ оно воздыхаетъ, что только онѣ ему грезились, явилось что нибудь

---

[1]) Скобки Пушкина.

тебѣ подобное во снѣ или на яву. Увидѣвъ тебя напрасно буду я искать описывать прелести, измѣнчивыя и сіяющія"... и т. д.

Правая сторона, чернила:

Ни въ краяхъ, по коимъ я странствовалъ и гдѣ красота издавна почиталась совершенствомъ, ни въ видѣніяхъ, по коимъ сердце воздыхаетъ, сожалѣя, что они пустыя грезы, ничего тебѣ подобнаго ни во снѣ, ни на яву не являлось мнѣ. Тщетно захотѣлъ бы я описать измѣнчивыя и блестящія твои прелести... и т. д.

3_1—7_1, 32_1—36. Статья: Лордъ Байронъ—V, 250—254—[см. л. 1_1]. Текстъ, напечатанный г. Анненковымъ, заключаетъ въ себѣ около двадцати ошибокъ и неточностей. Приведу только нѣсколько пропусковъ, о другихъ-же неточностяхъ печатнаго текста читатель можетъ легко составить себѣ понятіе по тѣмъ поправкамъ, которыя выше приходилось дѣлать въ другихъ прозаическихъ статьяхъ посмертнаго текста. Вотъ пропуски, отмѣченные курсивомъ.

Стр. 252, стр. 2 св.: послѣ скарлатины. *Она поселилась близь Бематера.*

Стр. 252, 16 сн.: закололъ онъ своего родственника и *сосѣда г. Hawort'a.*

Стр. 252, 7 сн., послѣ словъ: утопить въ ньюстидскомъ пруду,—зачеркнуто: (Онъ былъ всегда вооруженъ и, когда садился обѣдалъ, требовалъ, чтобы клали на столъ его пистолеты и прочій необходимый приборъ).

Стр. 254, 2 св.: Онъ, будучи собою красавецъ, *воображалъ себя уродомъ* и дичился...

8 и 31. „Декабря 3. Преставленіе преподобнаго отца нашего Саввы, игумена святыя обители Пресвятой Богородицы, что на Сторожѣхъ, новаго чудотворца (изъ *пролога*)" [1]). См. выше обертку этой тетради. Оба листа заняты житіемъ преподобнаго Саввы.

10, 11, 12 и 27. Черновое письмо къ гр. Бенкендорфу, гораздо болѣе полное, чѣмъ печатное чистовое [VII,389]. Г. Анненковъ привелъ изъ этого черняка только *двѣ фразы.*

Послѣ словъ: мы привыкли видѣть у себя [с. 389] въ рукописи идетъ еще длинное дополненіе, первая половина котораго зачеркнута.

„(Литераторы, во время царствованія покойнаго императора были оставлены на произволъ цензурѣ своенравной и притѣснительной: рѣдкое сочиненіе доходило до печати. Весь классъ писателей (классъ важный у насъ, ибо по крайней мѣрѣ составленъ онъ изъ грамотныхъ людей) [1]) перешелъ на сторону недовольныхъ. Правительство сего не хотѣло замѣчать: отчасти изъ великодушія (къ несчастію мы того не понимали или не хотѣли понимать) [1]), отчасти изъ непростительнаго небреженія. Могу сказать, что въ послѣднее пятилѣтіе царствованія покойнаго государя, я имѣлъ на все сословіе литераторовъ гораздо

---

[1]) Скобки Пушкина.

болѣе вліянія, чѣмъ министерство, не смотря на неизмѣримое неравенство средствъ) [1]).

Несчастныя обстоятельства, сопровождавшія возшествіе на престолъ нынѣ царствующаго Императора, обратили вниманіе его Величества на сословіе писателей. Онъ нашелъ сіе сословіе совершенно преданнымъ на произволъ судьбѣ и притѣсненіямъ цензуры. Даже не было закона касательно собственности литературной. За годъ предъ симъ я не могъ найти нигдѣ управы, лишась 3,000 рублей чрезъ перепечатаніе одного изъ моихъ сочиненій (что было еще первый примѣръ плутовства) [2]). Огражденіе литературной собственности и цензурный уставъ принадлежатъ къ важнѣйшимъ благодѣяніямъ нынѣшняго царствованія.

Литература оживилась, и т. д., стр. 389,—тѣмъ болѣе расходится [стр. 390].

Извѣстія политическія привлекаютъ большое число читателей, будучи любопытны для всякаго.

Вѣдомости С.-Петербургскія и Московскія, О. и Т. и Сѣверная Пчела суть единственные до нынѣ журналы, въ коихъ помѣщаются извѣстія политическія.

Сѣверная Пчела, издаваемая двумя извѣстными литераторами, и т. д. .....былъ бы вовсе не дѣйствителенъ [390].

Такимъ образомъ политическія газеты приносятъ своимъ издателямъ до 80,000, между тѣмъ какъ литературная едва-ли окупаетъ издержки изданія [3]).

Закономъ требовать отъ журналиста благосклонности или даже безпристрастія и нелицемѣрія было бы невозможно и несправедливо.

Такимъ образомъ литературная торговля находится въ рукахъ издателей Сѣверной Пчелы, и критика, какъ и политика, сдѣлалась ея монополіей. Отъ сего терпятъ вещественный ущербъ всѣ литераторы, которые не находятся въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ издателями Сѣверной Пчелы, ибо ни одно изъ ихъ произведеній не можетъ имѣть успѣха и не продается.

Для возстановленія равновѣсія въ литературѣ намъ необходимъ журналъ, коего средства могли бы равняться средствамъ Сѣверной Пчелы [4]). Въ семъ-то отношеніи осмѣливаюсь [5]) просить о разрѣшеніи печатать политическія заграничныя новости въ издаваемомъ журналѣ барономъ Дельвигомъ или иномъ.

Направленіе политическихъ статей зависитъ и должно зависѣть отъ правительства, и въ этомъ издатели священною обязанностію почитаютъ добросовѣстно ему повиноваться и не только строго соображаться съ рѣшеніями

---

[1]) Эта послѣдняя фраза сообщена была г. Анненковымъ [см. послѣдн. изд. VII, 390, примѣч. 2].

[2]) Скобки Пушкина.—Далѣе все карандашомъ.

[3]) Вставка на 11 съ 27; кажется, должна быть отнесена сюда.

[4]) См. стр. 390.

[5]) Было: осмѣливаемся.

цензора, но и сами готовы отвѣчать за каждую строчку, напечатанную въ ихъ журналѣ.

Не въ обвиненіе издателей (другихъ журналовъ), но единственно для изъясненія причинъ принуждающихъ насъ прибѣгнуть къ высочайшему покровительству, осмѣливаемся замѣтить, что личная честь не только писателей, но и ихъ матерей и отцовъ находится во власти издателей политическаго журнала, ибо обиняки, хотя и явные, не могутъ быть остановлены цензурою.

Симъ разрѣшеніемъ государь императоръ даруетъ по 40 тысячъ доходу двумъ семействамъ, и обезпечитъ состояніе нѣсколькихъ литераторовъ. Злонамѣренность или недоброжелательство были бы съ ихъ стороны столь же безразсудны, какъ неблагодарны".

— 28 и 29 листы неписанные.

— 12 и 27—писчій полулистъ, писанный большею страницею, но вшитый въ видѣ четвертки.

Всѣ остальные листы этой тетради заняты набросками и очерками къ Египетскимъ ночамъ.

13, (Клеопатра пробуждается изъ задумчивости)...

Далѣе идетъ исчеркания черновая:

И пиръ утихъ, и будто дремлетъ,
Но вновь она чело подъемлетъ...

и т. д., неразборчиво, есть и варіанты.

Тутъ же какія-то цифры и какая-то запись покупокъ или домашнихъ вещей.

13² — неписанная страница. — 26 — неписанный листъ.

Далѣе идутъ два очерка къ Египетскимъ ночамъ. Одинъ изъ нихъ былъ напечатанъ г. Анненковымъ, другой г. Бартеневымъ [IV, 467 и 469] Оба отрывка напечатаны съ обычными въ посмертномъ текстѣ Пушкина неточностями и ошибками. Но этого мало: съ этими очерками произошло нѣчто невѣроятное. Г. Анненковъ напечаталъ начало одного очерка, но самый конецъ взялъ изъ другаго; г. Бартеневъ напечаталъ другой, почему-то пренебреженный г. Анненковымъ отрывокъ, но при этомъ вставилъ въ него ненапечатанный г. Анненковымъ конецъ перваго очерка, пропустивъ изъ своего часть того, что было заимствовано г. Анненковымъ. Такимъ образомъ произошла ужасная путаница.

Близость содержанія обоихъ очерковъ, а также неудобный порядокъ, въ какомъ сшиты листы тетради, могли бы конечно не оправдать, но хоть нѣсколько объяснить такую невѣроятную перебивку матеріала гг. почтенными издателями; но даже и такого формальнаго объясненія въ данномъ случаѣ нѣтъ. Дѣло въ томъ, что очерки написаны на бумагѣ разнаго формата! очеркъ, напечатанный г. Бартеневымъ идетъ сначала, на писчей бумагѣ обыкно-

веннаго формата, занимаетъ листы 14, 25, 15, 24, 16, 23, 17; очеркъ, напечатанный г. Анненковымъ, занимаетъ самые средніе листы—18—21 [1]), написанъ на почтовой бумагѣ большаго формата. Казалось бы, сбѣшать трудно!

Въ очеркѣ, сообщенномъ у г. Анненкова, я насчитываю около десяти неточностей, въ очеркѣ у г. Бартенева мною замѣчено еще болѣе неточностей и ошибокъ. Опять не буду приводить этихъ неточностей; ограничусь разрѣшеніемъ главной путаницы, укажу странную перебивку, устроенную гг. издателями.

Обращаюсь сначала къ очерку, сообщенному г. Анненковымъ.

[Стр. 469]. Какъ это? кажется мнѣ, Клеопатра была не пошлая кокетка и цѣнила себя не деньгами. Я предлагалъ ** сдѣлать изъ этого поэму etc. [2]).

Молодая графиня К......, дурнушка, постаралась и т. д.—[См. въ другомъ очеркѣ, у г. Бартенева, стр. 471, сверху]... которая себя уважаетъ, (не сдѣлаетъ подобнаго условія), не хочетъ смерти грѣшнику...

На этомъ кончается отрывокъ, который напечатанъ г. Анненковымъ.

Перехожу къ отрывку, сообщенному г. Бартеневымъ.

[Стр. 470, adf.] Какъ это? Кажется одной Клеопатрѣ пришло въ голову оцѣнить себя такою цѣною [3]). (И что еще удивительнѣе она имѣла духъ получить условленную плату). Я предлагалъ ** сдѣлать изъ этого поэму; онъ было и началъ, да бросилъ.

— И хорошо сдѣлалъ, [сказала одна] дама.

— Чтожъ изъ этого хотѣлъ онъ извлечь? (спросилъ юноша). Какая тутъ главная идея? Не помните-ли?

— (Если вамъ угодно я разскажу. Я помню первые стихи). Онъ начинаетъ описаніемъ пиршества въ садахъ царицы египетской. На берегу четвероугольнаго озера, выложеннаго мемфисскимъ мраморомъ, Клеопатра угощаетъ своихъ поклонниковъ [4]). Порфирные львы съ [птичьими] головами изливаютъ

---

[1]) 22 листъ—неписанный.

[2]) Все, что дальше напечатано г. Анненковымъ, заимствовано имъ изъ другаго очерка. Если помѣта: etc — и позволяла ему взять соотвѣтствующее мѣсто изъ другаго очерка, то почему, спрашивается, ему было не напечатать оба очерка цѣликомъ и въ такомъ видѣ, какъ они находятся въ рукописяхъ? а главное, почему г. Анненковъ пропустилъ конецъ своего очерка?

[3]) Дальнѣйшее, до словъ: какая тутъ главная идея?—пропущено г. Бартеневымъ, такъ что у него и вопросъ—какая тутъ главная идея?—непонятно къ чему относится. Вмѣсто этого пропуска г. Бартеневъ, какъ мы видѣли, вставилъ изъ другаго отрывка эпизодъ съ графиней К. — Г. Анненковъ напротивъ пропустивъ, какъ мы видѣли, разговоръ съ гр. К. замѣнилъ его этимъ разсказомъ о поэмѣ ** [Пушкина, какъ произвольно вставляетъ г. Анненковъ], при чемъ передалъ его крайне не точно, ср. стр. 469.—У г. Бартенева въ пересказѣ поэмы тоже много неточностей.

[4]) [Вар.: своихъ друзей]. В. Я.

воду изъ позолоченныхъ клювовъ. [Гремитъ музыка]. Евнухи разносятъ вины Италіи. Народъ тѣснится на порфирныхъ ступеняхъ; гости на ложахъ изъ слоновой кости. Гремитъ сладострастная музыка. Сирійскій еиміамъ (курится) въ кадильницахъ. Широкія опахала навѣваютъ прохладу...

И вдругъ надъ чашей золотой
Она задумалась и [долу]
Поникла дивною главой...

Пиръ утихъ, будто задремалъ, гости въ недоумѣніи [1])...

— Этотъ предметъ должно бы доставить маркизѣ Жоржъ-Зандъ..., и т. д...

— [472].

В. [№ 3]. Прозаическіе отрывки.

— „79 листовъ. Дубельтъ". — На самомъ дѣлѣ только 77 листовъ. Тетрадь сшита такъ-же, какъ и предыдущая.

1_1 и 1_2. Два прозаическихъ перевода, подготовленіе къ стихотворнымъ. [ср. Б. № 2, л. 1_1].

Пѣсенка Аѳродитѣ.

О Венера безсмертная, драгоцѣнно-престольная (разно-каменно-престольная) [2]), хитрая, обманчивая дщерь Юпитера, прошу тебя: не огорчай меня, о богиня, въ душѣ обманомъ и печалію, но приди любви ради, услышь мой голосъ которому ты такъ часто внимала..., и прочее.

Dionysia.

Тотъ, мнѣ кажется, равенъ богамъ, кто сидитъ противъ тебя и слышитъ тебя сладкоглаголющую... и проч.

79_1. Карандашомъ нѣсколько короткихъ строчекъ вдоль листа:

Pour une préface. La public et la critique, ayant accuilli avec une indulgence [et patience] mes premiers essays,—[il y avoit] un temps, où la severité et malveillance m'eussent probablement degouté de la carriere que je allais embrasser, — je leur dois reconnaissance entiere et je le tenu quitte envers moi. Leur rigeur et leur indifference, ayant maintenant peu d'influence sur mes travaux...

2_1, 2_2, 78_1 и 78_2. Черновая лицейская годовщина 1836 года,—III, 414. См. № 2371. А. 1.

3_1, 3_2 и 77_1. Французская выписка „изъ записокъ княгини Дашковой— Mon histoire, часть II" — о Радищевѣ.

---

[1]) Этимъ кончается пересказъ поэмы. Стихи, приведенные г. Бартеневымъ, произвольно взяты имъ изъ № 2334, л. 51_1.

[2]) Скобки Пушкина. В. Я.

77_2 — неписанная страница.

4_1. Написаны нѣсколько арабскихъ буквъ съ переводомъ и объясненіемъ. Тутъ-же нѣсколько неразборчивыхъ французскихъ строкъ.

4_2 — неписанная. 76 — бѣлый листъ.

75_2 и 5_1. Черновое письмо къ Д. В. Давыдову:

(Я сейчасъ изъ Москвы)...

Статью о Дрезденѣ не могу тебѣ прислать прежде нежели ее напечатаютъ, ибо она есть цензурный документъ. Успѣешь наглядѣться на ея благородныя раны. Покамѣстъ благодарю за позволеніе напечатать ее и въ настоящемъ ея видѣ [1]). (Чертъ побери генералъ-лейтенанта Винценгероде)! А жаль, что не тиснули мы ее во 2-мъ №, который у насъ весь полонъ Наполеономъ. Куда-же кстати тутъ-же было заколоть у подножія Вандомской колоны генерала Винценгероде, какъ жертву примирительную! Я было и рукава засучилъ! Вырвался проклятый! Богъ съ нимъ, чортъ его побери!

Вяземскій совѣтуетъ мнѣ напечатать твои [очи?] безъ твоего позволенія: я-бы радъ, да какъ-то боюсь. Какъ думаешь вѣдь можно-бы безъ имени? Отъ Языкова жду писемъ".

Тутъ-же замѣтка, приготовленная для „Современника" о потерѣ адреса помѣщика изъ города Холма.

5_2 и 75_1. [Внутри листа въ цѣлую страницу]. Черновое письмо къ Ив. Ив. Дмитріеву,—близкое къ бѣловому [14 іюня 1836]—VII. 357.

74_2, 6_1 и 6_2 [узкая полоса, оторванная отъ полулиста.—74_1—неписанная]. Черновое письмо къ генер. Ушакову:

Возвратясь изъ Москвы имѣлъ я честь получить вашу книгу и ее прочелъ. Не берусь судить о ней, какъ о произведеніи ученаго военнаго человѣка, но восхищаюсь яснымъ, краснорѣчивымъ и живописнымъ изложеніемъ. Отнынѣ великое имя покорителя Кавказа соединено будетъ съ именемъ его блестящаго историка.

Съ изумленіемъ увидѣлъ я, что вы мнѣ даровали безсмертіе одною чертою вашего пера. Вы впустили меня въ храмъ славы, какъ нѣкогда гр. Эриванскій позволилъ мнѣ въѣхать въ имъ завоеванный Арзрумъ [2]). Съ глубоч. etc.

7_1 и 73_2—неписанныя страницы.

7_2 и 73_1. Черновое письмо къ неизвѣстному.

Осмѣливаюсь тебя безпокоить просьбою за молодаго человѣка, мнѣ незнакомаго, но который находится въ обстоятельствахъ, требующихъ немедленной помощи. Г. Хл. на дняхъ пріѣхалъ изъ Малороссіи. Онъ здѣсь безъ денегъ

[1]) Статья Давыдова „Воспоминанія объ осадѣ Дрездена", напечатана Пушкинымъ въ № 4 „Современника".

[2]) Исторіи военныхъ дѣйствій въ Азіятской Турціи въ 1828 и 1829 годахъ. Спб. 1836 г. См. во II томѣ примѣч., стр. 305, а также въ послѣдн. изданіи Пушкина т. V, стр. 286, прим. В. Я.

и безъ покровителей. Ему 23 года. Судя по его разговору и по письму, мною отъ него полученному, онъ уменъ и имѣетъ благородныя чувства. Вотъ въ чемъ просьба моя къ тебѣ..... Онъ желаетъ опредѣлиться во флотъ, но до сихъ поръ не имѣлъ доступа до кн. М(еншикова?). Я обѣщалъ его тебѣ представить, отвѣчаю за твою готовность сдѣлать ему добро, коли только будетъ возможно.

8₁, 8₂ и 72₁, 72₂. Оба листа прорваны или прожжены въ двухъ мѣстахъ, отчего и зависятъ нѣкоторые пропуски.—Письмо къ А. Н. Раевскому—VII. 149. Отличія отъ печатнаго [1]).—Вотъ пропуски печатнаго текста,—которые можно возстановить [С. 149., стр. 10]:... что рѣшились освободиться отъ ига незаконнаго, что намѣрены платить только подати, наложенныя правительствомъ. Сія прокламація взволновала всю Молдавію. К. Суццо и ...... консулъ хотѣли удержать...

[Стр. 150, 2 св.]: онъ былъ встрѣченъ тремя стами арнаутовъ и кн. Су. и Р. к. [2]), и тотчасъ....

9₁, 71₂ и 9₂. [Полулистъ; писано во всю страницу, вшито въ четверку]. Notice sur la révolution d'Ipsylanti.—V. 7.—Оба отрывка вмѣстѣ.

10₂, 70₁ и 10₁. Penda-Deka.—V, стр. 8.

11₁—

„Вольтеръ".

Тутъ-же и портретъ Вольтера. Этотъ листъ воспроизведенъ фотолитографически въ Альбомѣ Пушкинской выставки 1880 г.

12—22, 68—57. Самая статья о Вольтерѣ.—V. 366.—Есть мелкія отличія отъ печатнаго текста.

23₁. Заглавный листъ:

Фракійскія элегіи *.
Стихотвореніе Виктора Теплякова.
1836.

* отпечатаны и на дняхъ поступятѣ въ продажу.

— Посреди листа рисунокъ: мужская голова.

24 и 55, 26 и 53—самая статья о Ѳракійскихъ элегіяхъ.—V. 404. Послѣ словъ: дать ему вторичную жизнь [405, 3 св.]—въ рукописи зачеркнуто: (Такъ Брюловъ, усыпляя нарочно свою творческую силу, съ пламеннымъ и благороднымъ подобострастіемъ списывалъ Аѳинскую школу Рафаеля. А между тѣмъ въ головѣ его уже шаталась поколебленная Помпея, кумиры падали, народъ бѣжалъ по тѣсной улицѣ, чудно освященной Волканомъ. Такъ [3])...

---

[1]) Имѣлъ-ли г. Анненковъ другой подлинникъ или же просто напечаталъ неточно? послѣднее вѣроятнѣе.

[2]) Т. е.: княземъ Суццо и русскимъ консуломъ.

[3]) Ср. стихотворный набросокъ: Везувій зѣвъ открылъ—см. № 2371, л. 18₂.

В. Я.

28₁—Заглавный листъ, наклеенъ кусочекъ сургучемъ съ полнымъ заглавіемъ статьи, а на самомъ листѣ просто: О мнѣніи Лобанова:—Тутъ-же какія-то замѣтки:

Тютч. . . . 1
Над. . . . 1½

И еще:

Тютчева
Надежда
Мои.

29₁—37₂ и 42₁—50₂. Самая статья о Лобановѣ—V. 357—366.

Дополненія:

Стр. 359: У насъ Библіотека для Чтенія перевела ее и хорошо сдѣлала. Но тутъ и надлежало остановиться. Есть высоты, съ которыхъ не должны падать сатирическія укоризны, есть званія, которыя налагаютъ на насъ обязанности умѣренности и благоприличія, независимо отъ надзора цензуры, sponte sua, sine lege.

„Для Франціи", пишетъ г. Лобановъ, и т. д.

38, 39, 40, 41. О цензурѣ [Торжокъ].

— V. 218. Дополненіе:

[220, 3 св.]. Писатели во всѣхъ странахъ міра суть классъ самый малочисленный изо всего народонаселенія. Печатный листъ обходится около 35 руб., бумага также чего нибудь да стоитъ. Слѣдовательно печать доступна не всякому (не говоря уже о талантѣ, etc.) [1]) и очевидно, что аристокрація самая мощная и т. д.

На 40—красная печать съ нитками.

Г. [№ 4.]—На оберткѣ: № 9. Замѣчанія на Слово о полку Игоревѣ.—„24 листа Дубельтъ".

Содержаніе тетради составляютъ замѣчанія на пѣснь о Полку Игоревѣ и переводъ самой пѣсни.—Кромѣ 24 листовъ въ средину еще вложены шесть лоскутковъ, тоже содержащихъ дополненія и замѣтки о „Словѣ".

Г. Анненковъ напечаталъ большую часть этихъ замѣчаній, но не всегда точно и не вполнѣ. Не останавливаясь на неточностяхъ, приведу только одно дополненіе, именно къ заключительной замѣткѣ [стр. 248].

...Другого доказательства нѣтъ, какъ слова самаго пѣснотворца. Подлинность-же самой пѣсни доказывается духомъ древности... Но Карамзинъ не поэтъ. Державинъ? Но Державинъ не зналъ и русскаго языка, не только языка Пѣсни о Полку Игоревѣ. Прочіе не имѣли всѣ вмѣстѣ

---

[1]) Скобки Пушкина.

столько поэзіи... неужто таковая смѣсь естественна? Гомеръ, если и существовалъ, искаженъ рапсодами...

Ломоносовъ жилъ не въ XII ст. Ломоносовскія оды писаны на русскомъ языкѣ съ примѣсью нѣкоторыхъ выраженій, взятыхъ имъ изъ Библіи, которая лежала передъ нимъ. . . . .

. . . .

— Другое дополненіе было сообщено г. Барсовымъ, напечатавшимъ переводъ Слова о Полку Игоревѣ и еще одно общее замѣчаніе. Что касается до перевода, то надо сказать, что онъ не имѣетъ особаго значенія по своему достоинству, а принадлежность его Пушкину доказать трудно. Дѣло въ томъ, что весь переводъ этотъ переписанъ чужою рукою въ особую тетрадь и только отдѣльныя слова въ немъ поправлены рукою Пушкина; можетъ быть есть поправки и другой руки. Конечно, Пушкинъ могъ дать переписать свой переводъ, но странно, что въ его бумагахъ больше ничего не осталось отъ этого перевода. Не вѣрнѣе-ли предположить, что этотъ переводъ Пушкинъ получилъ отъ кого-нибудь?—Во всякомъ случаѣ принадлежность этого перевода Пушкину требуетъ доказательствъ [1]...

Переводъ напечатанъ неточно: многія слова переданы невѣрно, очень часто не обращено вниманія на собственныя поправки Пушкина. Надо прибавить, что это изданіе пропустило въ разныхъ мѣстахъ пять стиховъ, хотя стихи при этомъ еще перенумерованы. Приведу пропуски:

252. И веселіе поникло.
263. „Ужъ не послать-ли мнѣ къ Синему морю.
294. Съ нечестіемъ пролили кровь невѣрную.
326. Не вашиль позлощенны шеломы въ крови плавали?
508. По юношѣ князѣ Ростиславѣ.

Что касается до добавочной замѣтки, то г. Барсовъ напечаталъ ее не всю, опустилъ слѣдующій конецъ:

Впрочемъ въ спискѣ XV вѣка, по которому напечатано Слово о Полку Игоревѣ, нельзя искать первобытнаго правописанія сей поэмы, сочиненной въ концѣ XII вѣка. Каждый перепищикъ перемѣнялъ правописанія своего подлинника, частію неумышленно, по привычкѣ, частію-же съ умысломъ поправить мнимую ошибку.

Востоковъ.

---

[1]) Въ № 2395, представляющемъ собраніе копій для посмертнаго изданія, мы находимъ и этотъ переводъ Слова о полку Игоревѣ, даже переписанный дважды. Казалось-бы такимъ образомъ, что авторитетъ Жуковскаго стоитъ за принадлежность этого перевода Пушкину, но дѣло въ томъ, что № 2395 составленъ довольно странно и въ немъ есть вещи, безъ всякаго сомнѣнія, не принадлежащія Пушкину. В. Я.

XXIV.

№ 2387. Три непереплетенныя тетради въ листъ.

А. Первая тетрадь, на оберткѣ надписи: № 4. Разные прозаическіе отрывки.—„84 листа. Дубельтъ“.—61-го листа нѣтъ, листы 23, 27, 30, 36, 47—49, 53, 68—72 неписанные. Всего писанныхъ листовъ, значитъ, 70.

1₁. [Занята вычисленіями и замѣчаніями]:

5400 десятинъ пашни.
Покосу и кустарнику 664 дес.
Лѣсу строеваго и дровянаго 2000 дес.
Подъ строеніемъ.....
Подъ рѣками etc.—48.
Подъ болотомъ 17 дес.

[Другой подобный-же разсчетъ]:

2400 десятинъ [пашни].
Кустарнику 66 дес.
Лѣсу 100 дес.
Подъ [строеніемъ] 8 дес.
Подъ рѣкой 5 дес.

[Тутъ-же записаны разныя слова, иногда съ объясненіями,—напр.]: скута—платье, епанча—кутаться; гридня — комната; [или безъ объясненій]: олекъ, смердѣть, очагъ, дымъ.

[Наконецъ тутъ-же программа Исторіи села Горохина]:

Вступленіе.
Глава I.
Статистика об[итателей].
(Географич. описаніе Горохина).

1₂ — неписанная страница.

2₁. Сверху начата фраза: „Если Богъ etc.“—Затѣмъ начинается Исторія села Горохина и занимаетъ **2, 83, 3, 82, 4, 81, 5, 80, 6, 79, 7, 8, 9, 10.**

Впервые была напечатана въ „Современникѣ“ 1837 года; затѣмъ г. Анненковъ для своего изданія свѣрилъ ее съ рукописью и сдѣлалъ нѣкоторыя исправленія. Не смотря на это, текстъ г. Анненкова, [точно воспроизведенный и въ послѣднемъ изданіи, IV, 110—127], во многомъ отличается отъ подлинника: всѣхъ мелкихъ и крупныхъ неточностей, ошибокъ, пропусковъ, сдѣлан-

ныхъ г. Анненковымъ, я замѣтилъ болѣе семидесяти. Не приводя болѣе мелкихъ ошибокъ [мы уже достаточно видѣли характеръ ошибокъ въ посмертномъ Пушкинскомъ текстѣ], я укажу только важнѣйшія дополненія, отмѣчу важнѣйшія ошибки.

Стр. 115, послѣ словъ: и принялся за работу въ подлинникѣ зачеркнуто: „Старинное вступленіе пою или о муза справедливо казалось мнѣ рабскимъ подражаніемъ, недостойнымъ свободнаго, оригинальнаго генія. Что̀ касается до размѣра, то не учившись никогда версификаціи, но получивъ нѣкоторый навыкъ, переписывая стишки, я избралъ тотъ, которому болѣе всего“... [4_2].

Въ концѣ 116 страницы пропущено мѣсто, вставленное Пушкинымъ на поляхъ: сколько препятствій для меня неодолимыхъ! Поѣздка въ городъ, визиты къ губернатору и къ архіерею, просьба о допущеніи въ архивы и въ монастырскія кладовыя и проч. Исторія уѣзднаго города“ и т. д. [5_2].

Стр. 117, стр. 2 св.: ни для философа, ни для прагматика. [5_2].

Стр. 121, стр. 2 св.: вмѣсто—Староста былъ неграмотенъ, должно быть: Старосты горохинскіе имѣли обыкновеніе никогда ничего сами не читать.

Стр. 123, пропущена вставка: пѣсни Архипа Лысаго умолкли. Половина мужиковъ была на пашнѣ, другая служила въ батракахъ; ребятишки“... и т. д.

Стр. 123, въ концѣ, послѣ словъ: болѣе 240 [1]) десятинъ,—зачеркнуто: Издревле славилась она своимъ плодородіемъ, благорастворенным климатомъ и пріятностію видовъ. Къ сѣверу, и т. д. [9_1].

Стр. 125. „Однакожъ Россіянину (легче) понять Горохинца, (нежели) обратно (Горохинцу—Русскаго, особенно воспитаннаго въ ** университетѣ“).

Стр. 125 и стр. 126, вм. нижнее платье—должно быть: портки.

Стр. 126: въ древнемъ общественномъ зданіи, украшенномъ ёлкою и изображеніемъ двуглаваго орла.

Стр. 126: ... сохранились въ памяти потомства. Сіи пѣсни заимствованы большею частію изъ русскихъ, сочиненныхъ солдатами-писателями и боярскими слугами, но принаровленныхъ очень искусно къ нравамъ горохинскимъ и къ различнымъ обстоятельствамъ. [10_1].

На 75_2 находимъ мѣсто, которое Пушкинъ предполагалъ вставить въ разсказъ: „...Онѣ [т. е. бабы, назначаемыя сторожить] составляютъ мощную общественную стражу, неусыпно бодрствующую на барскомъ дворѣ, и называются копейщицами (отъ словенскаго слова копье) [2]). Главная обязанность копейщицъ какъ можно чаще бить камнемъ въ чугунную доску и тѣмъ устрашать злоумышленіе“.

---

[1]) Было: 2400.

[2]) Скобки Пушкина.

На 76, встрѣчаемъ программу: торговля, браки, похороны, одежда, языкъ, поэзія;—на 75[2] еще: „число жителей, Архитектура, Церковь дерев. под.“

На 79[1] помѣта: 31 октября [было 30 октября; см. IV, 119]; на 10[1] помѣта: 1 ноября. [См. IV, 127].

Другіе наброски къ „Исторіи села Горохина“, см. 67, 43.

84[1] — неписанная страница.

84[2]: ...избираетъ себѣ въ наперсники... онъ довѣряетъ ему всѣ свои домашнія безпокойства, всѣ семейственныя огорченія; объ немъ жалѣютъ, онъ доволенъ.

Листы: 11—22, 63—67, 73 и 74 заняты критическими замѣтками, которыя большею частью уже напечатаны, но въ безпорядкѣ, неточно и съ пропусками; есть и совсѣмъ не напечатанныя. Буду указывать все по порядку, приводя только главнѣйшія ошибки.

11[1]. Будучи русскимъ писателемъ.—V, стр. 117, № II. Все съ начала, съ первыхъ словъ до словъ: труды ихъ не пропали—зачеркнуто, почему и было выпущено посмертными издателями; г. Анненковъ неточно, съ пропускомъ напечаталъ это мѣсто:.. старался войдти въ образъ мыслей моего критика и слѣдовать за его сужденіями не отвергая оныхъ съ самолюбивымъ нетерпѣніемъ, но желая съ нимъ согласиться со всевозможнымъ авторскимъ себяотверженіемъ; къ несчастію... и т. д... труды ихъ не пропали [1]). Если въ теченіе 16-лѣтней авторской жизни, и т. д.—[стр. 118 и 119]... и что всего затруднительнѣе—важно говорить:

Et moi je vous soutiens que mes vers sont très bons.

Напримѣръ, одинъ изъ моихъ критиковъ, человѣкъ, впрочемъ, добрый и благонамѣренный, разбирая, кажется, Полтаву, выставилъ нѣсколько отрывковъ и вмѣсто всякой критики увѣрялъ, что таковые стихи сами себя дурно рекомендуютъ. Чтò-бы могъ я отвѣчать ему на это! А такъ поступали почти всѣ его товарищи. Ибо критики наши..., и т. д. [стр. 119].—Помѣта: 2 окт. [11[1], 11[2], 74[1], 74[2]].

12[1]. О Цыганахъ одна дама—стр. 123.—Непосредственно за этой замѣткой идетъ о Борисѣ Годуновѣ, неточно напечатанная.—[V, 75, № VII].

Вѣроятно трагедія моя не будетъ имѣть никакого успѣха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имѣю главной привлекательности: молодости и новизны литературнаго имени. Къ тому-же главныя сцены уже напечатаны или искажены въ подражаніяхъ [2]). (Раскрывъ наудачу историческій романъ г. Б[улгарина], нашелъ я, что у него о появленіи Самозванца приходитъ объявлять царю кн. В. Шуйскій. У меня Борисъ Годуновъ говоритъ наединѣ съ Басмановымъ объ уничтоженіи мѣстничества, у г-на Б[улгарина]

[1]) До этого мѣста все зачеркнуто. Дальше, въ непосредственной связи, идетъ замѣтка, напечатанная на 118 стр.

[2]) Курсивъ подлинника.

также. Все это—драматическій вымыселъ, а не историческое сказаніе. Одинъ у другаго... Но это еще не бѣда, les beaux esprits se rencontrent" [12_1 и 12_2].

12_2 и 13_1. Между прочими литературными обвиненіями... и т. д. [стр. 128 и 129].

13_2—14_2. Мы такъ привыкли.—V, стр. 119;... считалъ по пальцамъ, гдѣ болѣе мертвыхъ (въ трагедіи одного или въ повѣсти другаго. Вотъ что̀ болѣе всего поражаетъ его критическое воображеніе. Вотъ въ чемъ полагалъ онъ всю существенную разницу между ними. Мнѣніе нашихъ критиковъ о нравственности и приличіи, если разобрать, удивительно забавно. Хотите-ли знать, какъ у насъ критиковали-бы Расинову Федру), еслибъ и т. д. — [Вмѣсто зачеркнутаго мѣста съ боку приписано,—какъ и напечатано:—Но что сказали-бы и т. д.].—Далѣе есть болѣе мелкія отличія и пропуски.

15_1. (Дв. въ мщ.) [1]).

Но отъ кого-бы я не происходилъ, отъ разночинцевъ, вышедшихъ во дворяне или отъ одного изъ самыхъ старинныхъ русскихъ родовъ [2]), отъ предковъ, коихъ имя встрѣчается почти на каждой страницѣ исторіи нашей, образъ мыслей моихъ отъ этого никакъ-бы не зависилъ (—) [3]). Отказываться отъ него я ничуть не намѣренъ (и хоть нигдѣ донынѣ я его не обнаруживалъ и никому до него дѣла нѣтъ, но...

[На этой-же страницѣ другими чернилами]:

Примѣч. Будемъ справедливы: г-на Полеваго нельзя упрекнуть, и т. д.—V, 51.

15_2. Сверху черновой набросокъ: Глухой глухаго звалъ.—II, 266.—Затѣмъ программа:

„О китайскихъ анекдотахъ; (о личностяхъ); о нравственности; объ аристократіи.—О примѣч. Л. Газеты. Разговоръ. Обо мнѣ; о личностяхъ. Напр.:

„Недавно въ Пекинѣ"... и т. д.—V, 135. До сихъ поръ печаталась въ этомъ анекдотѣ весьма странная фраза: человѣкъ ловкій и безпокойный, но смирный; между тѣмъ въ подлинникѣ Пушкинъ вовсе не называетъ себя безпокойнымъ и вмѣстѣ смирнымъ, а говоритъ: Грамотѣй-трагикъ, человѣкъ безталанный, но смирный...

16_1. „У одного изъ нашихъ извѣстныхъ писателей спрашивали, зачѣмъ не возражаетъ онъ никогда на критики".—Критики не понимаютъ меня, отвѣчалъ онъ,—а я не понимаю критиковъ. Если будемъ судиться передъ публикой, вѣроятно и она насъ не пойметъ, и мы напомнимъ старинную эпиграмму:

[Глухой глухаго звалъ на судъ судьи глухаго [4]].

— На той-же 16_1:

---

[1]) Скобки Пушкина.—Дворянинъ въ мѣщанствѣ?

[2]) Вар. карандашомъ: Отъ историческаго боярскаго рода.

[3]) Sic.

[4]) См. 15_2.

Можно не удостоивать отвѣтомъ своихъ критиковъ (какъ аристократически говоритъ самъ о себѣ Издатель исторіи Русскаго народа)[1], когда нападенія суть чисто-литературныя и вредятъ развѣ одной продажѣ разбраненной книги. Но не должно оставлять безъ вниманія, по лѣности или по добродушію оскорбленія личныя и клеветы, нынѣ къ несчастію слишкомъ обыкновенныя. Публика не заслуживаетъ такого неуваженія. Предлагаемъ благосклоннымъ читателямъ опытъ отраженія оныхъ.

Опытъ отраженія нѣкоторыхъ нелитературныхъ обвиненій.

[16₂].

§ 1.

О личной сатирѣ.—Китайскій анекдотъ.—Самъ-съѣшь.

§ 2.

О нравственности, о гр. Нулинѣ.—Чтò есть безнравственное сочиненіе?—О Видокѣ.

§ 3.

Объ литературной аристократіи, о дворянствѣ.

§ 4.

Разговоръ о примѣч.

Заключеніе.

---

§

(. . . хи-хи).

§

(О цѣнѣ Евгенія Онѣгина).

§

О знаменитости.

Происхожденіе сего слова:

Остроумный человѣкъ показываетъ шишъ и говоритъ язвительно: съѣшь, а догадливый противникъ отвѣчаетъ: самъ съѣшь. (Замѣчаніе для будуарныхъ или даже для.... дамъ, какъ журналисты называютъ дамъ, имъ незнакомыхъ)[1].

Сколь не удаленъ я и т. д.,—эпиграфъ изъ Southey.—V. 118.

17[1] [Очень исчерканная черновая].

Отчего происходитъ это мѣщанское, [отвратительное] жеманство, эта чопорность деревенской дьячихи, пришедшей въ гости къ петербургской барынѣ, засѣдательницы въ гостяхъ у пріѣзжей горожанки?

---

[1]) Скобки Пушкина.

[Оттого] что нашимъ литераторамъ хочется доказать, что они принадлежать высшему обществу (High life....), что имъ извѣстны его законы; не лучше-ли было-бы имъ постараться по своему тону и личному поведенію принадлежать къ хорошему обществу (bonne société) [1]).

— Дальше идутъ еще черновые наброски, отдѣльныя фразы. Тутъ-же нѣсколько черновыхъ стиховъ:

Сквозь тѣсный рядъ аристократовъ,
Военныхъ, франтовъ, дипломатовъ...

и еще нѣсколько неразборчивыхъ строкъ.

17₂. Опять отдѣльныя фразы, служащія дополненіемъ къ разнымъ критическимъ замѣткамъ.—Два мѣста принадлежатъ къ „Разговору", находящемуся въ слѣдующей тетради [Б] этого-же №, къ листу 29¹ и 69¹,—какъ тамъ на 29₁ и обозначено ссылкой — № 100,—№ 100 стоитъ и на этой [17₂] страницѣ.

18¹. [Замѣтка]: „Стихъ два вѣка" и т. д. по тексту примѣчанія. V. 126.

18₂. Замѣтки: 1) У насъ многіе. 2) иностранныя собственныя имена, кончающіяся на *е*, *и*, *о*, *у*...—3) какъ надобно писать: турковъ...—V. 136.

— Съ боку Пушкинъ выписалъ изъ своихъ сочиненій мѣста, неправильныя по языку:

1) остановился взоръ на отдаленныя громáды.

2) на темѣ горъ (темени) [1]).

3) воилъ, вм. вылъ.

4) былъ отказанъ, вмѣсто ему отказали.

5) Игумену, вмѣсто игумну.

67¹. Замѣтки: 1) многіе пишутъ юпка... 2) Двенадцать. 3) Пишутъ тѣлега. 4) Разговорный языкъ. 5) Московскій выговоръ—V. 136 и 137.

[Еще]: Шпіоны подобны буквѣ ъ: нужны они только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но и тутъ можно безъ нихъ обойтиться, а они привыкли всюду соваться.

67₂. Г. Федоровъ въ журналѣ—V. 126.—Шестой пѣсни [Онѣгина] не разбирали—V. 127.

19¹. Сей г-нъ Ап. не имѣлъ... и т. д., до словъ—Посланіе къ Ю.—[V. 121]; [на этомъ замѣтка объ г. Ап. и кончается: все что напечатано дальше нисколько къ этому не вяжется, представляетъ часть другой замѣтки, начало которой зачеркнуто].

(Перечитывая самыя бранчивыя критики, я нахожу ихъ столь забавными, что не понимаю, какъ я могъ на нихъ досадовать; кажется, еслибъ я хотѣлъ надъ ними посмѣяться, то ничего не могъ-бы лучшаго придумать, какъ только

---

[1]) Скобки Пушкина.

ихъ перепечатать безо всякаго замѣчанія). Однакожъ я видѣлъ, что самое глупое ругательство... и т. д. V. 121.

19₂. Habent sua fata libelli. (Самое зрѣлое изо всѣхъ моихъ стихотворныхъ повѣстей, то, въ которомъ почти все оригинально [а мы изъ этого только и бьемся, хоть это не главное] [1]), Полтава, (которую Жуковскій, Гнѣдичъ, Дельвигъ, Вяземскій предпочитаютъ всему, что я до сихъ поръ написалъ, Полтава) не имѣла успѣха—и т. д.

— V. 132—со многими отличіями и варіантами въ отдѣльныхъ словахъ; подъ конецъ: никогда не пожертвую искренностію и точностію выраженія провинціальной чопорности и боязни казаться простонароднымъ славянофиломъ или тому под.....

— На этомъ замѣтка обрывается.

20₁—65₁. Графъ Нулинъ надѣлалъ мнѣ большихъ хлопотъ. Нашли его (съ позволенія сказать) [1]) пахабнымъ, разумѣется въ журналахъ, и т. д.—V. 123—124—до:... возраженія горничной: Vous êtes etc.

(Выписать до: Que toute votre peau ne me tenterais pas) [1]).

Въ „Вѣстникѣ Европы“ съ негодованіемъ, и т. д.—V. 123.

Въ свѣтѣ графъ Нулинъ принятъ былъ благосклоннѣе, чѣмъ въ журналахъ. — — — — — — — — — — — — — — — — — — — [2])

Безнравственное сочиненіе есть то, коего цѣлію—и т. д.—V.—124—5. —до: превращая ея божественный нектаръ въ педагогическій составъ, а музу въ отвратительную (колдунью). Но—

Кстати: началъ я писать—V. 120.

21₁ [карандашъ]. Руслана и Людмилу [3]) вообще приняли благосклонно —V. 121—22.

21₂. Кавказскій Плѣнникъ,—первый неудачный опытъ—V. 122.

Бахчисарайскій фонтанъ слабѣе—V. 122.

Не помню, кто—V. 122.

64₁. Наши критики—V. 125.—Нѣкоторыя стихотворческія вольности—V. 127.—Пропущенныя строфы—V. 128.

---

[1]) Скобки Пушкина.

[2]) Такъ въ подлинникѣ.

[3]) Было: первое замѣченное стихотвореніе мое было: Русланъ и Людмила...

В. Я

22₁. Критику VII пѣсни—V. 128 и т. д.—до: мнѣ было не до нихъ.

NB. Эту критику Сѣверной Пчелы напрасно приписывали Булгарину: 1) стихи въ ней слишкомъ хороши; 2) проза слишкомъ слаба; 3) г. Булгаринъ не сказалъ-бы, что описаніе Москвы [1]) взято изъ Ив. Выжигина [2]), ибо г. Булгаринъ не сказываетъ, что трагедія Б. Годуновъ взята изъ его романа.

—[Съ боку приписано и зачеркнуто]: неправильное выраженіе Архивны юноши принадлежитъ не мнѣ, а пріятелю моему С—у [Соболевскому].

22₂. (Дѣтскія) шутки нашихъ критиковъ—V. 131.

63₁. Молодой Кирѣевскій—V. 131—2. Подъ конецъ... стараясь насмѣшить свою публику. Положимъ, все та-же шутка каждый разъ имъ и удается. Но какая имъ отъ того прибыль?.. и мнѣніямъ здоровой критики и безпристрастія.

63₂. Самъ съѣшь. Симъ выраженіемъ въ энергическомъ нарѣчіи нашего народа замѣняется болѣе учтивое, но столь-же затѣйливое выраженіе: обратите это на себя. То и другое употребляется нецеремонными людьми, которые пользуются удачно, безъ церемоніи шутками и колкостями своихъ-же противниковъ. Самъ съѣешь есть нынѣ главная пружина нашей журнальной полемики. Является колкое стихотвореніе, [въ коемъ] сказано, что Фэбъ, усадивъ было такого-то, велѣлъ его послѣ вывести лакею, за дурной тонъ и заносчивость, нестерпимую въ хорошемъ обществѣ, и тотчасъ въ отвѣтъ явилась эпиграмма, гдѣ то-же самое пересказано немного похуже, съ надписью: самъ съѣшь.

Гг. чиновные журналисты вздумали было напасть на одного изъ своихъ собратіевъ за то, что онъ не дворянинъ. Другіе литераторы позволили себѣ посмѣяться надъ нетерпимостью дворянъ-журналистовъ, осмѣлились спросить: кто сіи феодальные бароны, сіи незнакомые рыцари, гордо требующіе гербовъ и грамотъ отъ смиренной братьи нашей? Что-же они въ отвѣтъ? Помолчавъ немного, гг. чиновные журналисты съ жаромъ возразили... [3]).

Поэтъ вздумалъ описать любопытное собраніе букашекъ. — Самъ ты букашка, закричали бойко журналы, и стихи твои букашки, и друзья твои букашки. Самъ съѣешь [4]).

23—неписанный листъ.

24 и **61**—нѣтъ, т. е. листъ вырванъ.

25, 26, 59, 60, 62.— Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ, не съ

---

[1]) Приведены и зачеркнуты стихи въ такомъ видѣ:

Архивны юноши на Таню
Толпою чопорной глядятъ.

[2]) Послѣ этого зачеркнуто: весь отрывокъ этотъ былъ напечатанъ въ Сѣверной Пчелѣ года [за] два прежде появленія Выжигина

[3]) Такъ обрывается и въ подлинникѣ. Дальнѣйшее приписано съ боку.

[4]) См. слѣдующую тетрадь [Б] въ этомъ-же №, л. 30₁.

самаго начала [см. 50,]: Мы ведемъ свой родъ — V, 153. — Дополненія: стр. 154,— ...въ 1762 году, во время возмущенія остался вѣренъ Петру III. Онъ былъ посаженъ въ крѣпость...—Стр. 158,— ...труднымъ для ея нѣмецкаго произношенія. Шорнъ шортъ, говорила она, делатъ мнѣ шорна ребятъ и даетъ имъ шертовскъ имя. Дѣдъ мой...—Есть еще болѣе мелкія отличія отъ подлинника.

27—неписанный листъ.

28, 29, 56, 57, 58 — неполный, собственноручный переводъ нѣмецкой біографіи А. П. Ганнибала, нѣмецкій подлинникъ которой—40₁ —45₂.

30—неписанный листъ.

31, 54 и 55. Замѣтки, предназначавшіяся, по мнѣнію г. Анненкова, для предполагавшейся газеты. Замѣтки идутъ въ рукописи не въ томъ порядкѣ какъ напечатано, и есть отличія отъ печатнаго текста. Въ рукописи порядокъ такой:

1) 26 іюля. Вчера... [V, 180]. 2) Покамѣсть полагали... [181]. 3) 29. Третьяго дня Государыня [182]. 4) Сент. 4. Суворовъ—[183]. 5) На дняхъ скончался въ Петербургѣ Фонъ-Фокъ... человѣкъ твердый, честный и добрый. Смерть его есть бѣдствіе общественное. Государь... [182]. 6) Мнѣніе Жомини—[183]. 7) Сколько въ Суворовскомъ полку—[183].

32₁—Самый конецъ Дубровскаго [см. 2380]: Послѣднія происшествія... скрылся за границу.—IV, 214.—Помѣта: 6 февраля. См. № 2380.

33—маленькая оборванная четвертинка, по формату и по клейму бумаги и по времени принадлежитъ къ № 2366, изъ котораго очень много вырвано, но мѣсто ея тамъ опредѣлить нельзя.

На 33₁ находится отрывокъ изъ Кишиневскаго дневника—V, 5 и 6. Есть отличія отъ печатнаго текста, укажу главную; въ послѣдней замѣткѣ французская фраза принадлежитъ Пестелю: Mon coeur est materialiste, говоритъ онъ, mais ma raison s'y refuse.

За послѣдней замѣткой слѣдуетъ:

Получилъ письмо отъ Чедаева. Другъ мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мнѣ замѣнила счастье,— одного тебя можетъ любить холодная душа моя. — Жалѣю, что не получилъ онъ моихъ писемъ, они...

33₂. Съ боку, вдоль всего листка написаны четыре плохо разбираемыя строчки по французски, кончающіяся на 33₁ внизу тоже четырьмя строками.

Vous êtes mon digne maitre brave, mordant, méchant, cela n'est point assez il faut être féroce, tyrant, ...; c'est où je vous prie de me conduire. — Les hommes ne vaillent pas qu'on les'e.... par ces etincelles de genie et de sentiment par les quelles je me..... de les..... J. a. P. c'est par berquovetz qu'il faut les estimer. Il faut se rendre aussi egoiste et aussi ...., qu'il le sont en général pour en venir à bout.

C'est alors seulement, que l'on peut l'ensegner la place qu'il convient à chacun a'occuper.

Est ce bien cela, mon très aimabl compatriote ou bien aussi torts.•.

34₁. Также откуда-то вырванъ, въ листъ желтой бумаги.

Остатки записокъ, начинающіеся съ оборванной фразы:

...[запечат]лѣны печатью вольномыслія. Болѣзнь остановлена на время... —V, 37—... на одно предисловіе.

51₁ и **51**₂. [Тоже полъ листа, одинаковые съ 34].

У насъ никто не въ состояніи изслѣдовать ...... [V, 38] ..... молодые якобинцы негодовали: нѣсколько отдѣльныхъ размышленій въ пользу самодержавія, краснорѣчиво опровергнутыя вѣрнымъ разсказомъ событій, казались имъ верхомъ варварства и униженія.—Они забывали, что Карамзинъ [1]) печаталъ исторію свою...... подвигъ честнаго человѣка.

Нѣкоторые изъ людей свѣтскихъ .... Ник. Муравьевъ .... Мих. Орловъ въ письмѣ къ Вяз[емскому]... Мнѣ приписали одну изъ лучшихъ русскихъ эпиграммъ; это не лучшая черта моей жизни.

52—большая четверка, приклеенная къ 53 л.

52₂—Руссо сказалъ: il n'y a de beau que ce qui n'est pas. Это не значитъ: только то прекрасно, что не существуетъ. Прекрасное существуетъ, но его нѣтъ, ибо оно является намъ единственно для того, чтобы исчезнуть, чтобы намъ сказаться, чтобы намъ оживить, обновить душу, но его не удержать, ни разглядѣть, ни постигнуть мы не можемъ. Оно не имѣетъ ни имени, ни образа; оно посѣщаетъ насъ въ лучшія минуты житія. Величественное зрѣлище природы, еще болѣе величественное зрѣлище души человѣческой, поэзія, счастье, несчастье даютъ намъ сіи высокія ощущенія прекраснаго и, весьма понятно, почему почти всегда соединяется съ ними грусть... но грусть не приводящая въ уныніе, а животворная, сладкая, какое-то смутное стремленіе... Это происходитъ отъ его скоротечности, отъ его невыразимости, отъ его непостижимости... Прекрасно только то, чего нѣтъ. Въ эти минуты живаго чувства стремишься не къ тому, чѣмъ оно произведено и что передъ тобою, но къ чему-то лучшему, тайному, далекому, что̀ съ нимъ соединяется и что̀ для тебя гдѣ-то существуетъ. И это стремленіе есть одно изъ невыразимыхъ доказательствъ безсмертія души: иначе, отъ чего-бы въ минуту наслажденія не имѣть полноты и ясности наслажденія? Нѣтъ, эта грусть убѣдительно говоритъ намъ, что прекрасное здѣсь не дома, что оно только мимо пролетающій благовѣститель лучшаго... Оно есть восхитительная тоска по отчизнѣ, оно

---

[1]) Вставленное въ печатномъ въ скобкахъ: который впрочемъ и пр.,—въ подлинникѣ не находится. Въ копіи, снятой для посмертнаго изданія, эти слова вставлены на поляхъ рукою Жуковскаго. См. № 2395, л. 44₂. **В. Я.**

дѣйствуетъ на нашу душу не настоящимъ, а темнымъ, въ одно мгновеніе соединеннымъ воспоминаніемъ всего прекраснаго въ прошедшемъ и тайнымъ ожиданіемъ чего-то въ будущемъ.

А когда насъ покидаетъ
[Вздохъ] любви, у насъ въ виду
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прозрачную звѣзду...

35₁ [тоже вклеенные полъ листа желтой бумаги, другого формата, чѣмъ 34]. Замѣтка о „Борисѣ Годуновѣ“:

(Не стану оправдывать правила, коими я руководствовался въ составленіи сей трагедіи): духъ вѣка требуетъ великихъ перемѣнъ и на сценѣ драматической; можетъ быть и онѣ (обманутъ) надежды преобразователей. Поэтъ, живущій на высотахъ созданія, яснѣе видитъ, можетъ быть, и недостатки [привередливыхъ?] требованій, и то, чтó скрывается отъ взоровъ волнуемой толпы; но напрасно было-бы ему бороться... Такимъ образомъ Lopes de Vega Расинъ уступали потоку. Но геній, какое направленіе не изберетъ, остается всегда геній: судъ потомства отдѣлитъ золото ему принадлежащее отъ примѣси.

35₂—неписанная страница.

50₁. Начало Родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловъ [см. 25₁]: нѣсколько разъ принимался я за ежедневныя записки и всегда отступался изъ лѣности. Въ 1821 году началъ я мою біографію, и нѣсколько лѣтъ сряду занимался ею. Въ концѣ 1825, при открытіи несчастнаго заговора, я принужденъ былъ сжечь (свои тетради, которыя могли замѣшать имена многихъ, а можетъ быть и умножить число жертвъ). Не могу не сожалѣть о ихъ потерѣ...—V, 153,—до: нѣсколько словъ о моемъ происхожденіи.

50₂—неписанная страница.

36 и **49**—неписанные листы.

37—[синій листъ]—біографія А. Ганнибала, писанная собственнымъ его сыномъ; некончена.

48—неписанный листъ.

38—копія съ рескрипта Екатерины II А. Ганнибалу 1765.

47—неписанный листъ.

39 и **46**. Прошеніе А. Ганнибала Елизаветѣ Петровнѣ—1742, и резолюція 1781.

40—45. Нѣмецкая біографія А. П. Ганнибала, писанная мелкимъ готическимъ шрифтомъ. Неполный переводъ ея см. 28₁.

На 43₁—нитки припечатаны жандармскою печатью.

В. Вторая тетрать, въ листъ. Всѣхъ листовъ за вычетомъ неписанныхъ —12, 20, 56, 77, 86 и 94,—**88**. На оберткѣ надпись: № 5. Разные прозаическіе отрывки.—„94 листа. Дубельтъ“.

1—8 и **87—93** [94 и 86 неписанные листы].

Александръ Радищевъ.

Il ne faut qu'un honnête homme mérite d'être pendu.

Слова Карамзина въ 1819 году.

[Четко написанная черновая на перегнутыхъ пополамъ листахъ съ поправками и измѣненіями; см. № 2385, Б.—Есть отличія отъ печатнаго текста. Приведу главнѣйшія—V. 344].

Стр. 344. Вмѣсто фразы: Ученіе пошло имъ не въ прокъ,—первоначально было: (Ученіе принесло имъ мало пользы. Они не взяли на себя труда выучиться порядочно латинскому и нѣмецкому языку, дабы по крайней мѣрѣ быть въ состояніи понимать своихъ профессоровъ. Они проказничали и вольнодумствовали).

Стр. 345: Гирменъ странствующій агентъ,—должно быть—Гриммъ.

Стр. 346, примѣчаніе: А. М. Кутузова, которому Радищевъ и посылаетъ должно быть: посвятилъ.

Стр. 352:... вотъ что мы видимъ въ Радищевѣ. Отымите у него честность, въ остаткѣ будетъ Полевой [1]). Вліяніе его было ничтожно и т. д.—353, до конца. Помѣта: 3 апр. 1836. Спб.

11₁—выписки изъ Храповицкаго—V. 354.

12—15, 82—85₁ [2])—„Рославлевъ". Съ начала и до: вмѣстѣ ѣхать въ ихъ —скую деревню—IV. 127—135. Есть мелкія отличія. Приведу одно дополненіе,—мѣсто, выпущенное Пушкинымъ для печати, вѣроятно, изъ цензурныхъ видовъ [въ рукописи оно не зачеркнуто].

Стр. 132.—Всѣ говорили о близкой войнѣ и, сколько помню, довольно легкомысленно. Подражаніе французскому тону временъ Людовика XV было въ модѣ. Любовь къ отечеству казалась педантствомъ. Тогдашніе умники превозносили Наполеона съ фанатическимъ подобострастіемъ и шутили надъ нашими неудачами. Къ несчастію заступники отечества были немного простоваты,—они были осмѣяны довольно забавно. и не имѣли никакого вліянія. Ихъ патріотизмъ ограничивался жестокимъ порицаніемъ употребленія французскаго языка въ обществахъ, введенія иностранныхъ словъ, грозными выходками противъ Кузнецкаго моста, и тому подоб. Молодые люди говорили обо всемъ русскомъ съ презрѣніемъ или равнодушіемъ и, шутя, предсказывали Россіи участь Рейнской конфедераціи. Словомъ общество было довольно гадко. Вдругъ извѣстіе и т. д.

16, 17, 19, 79, 78₁—[Начало романа—IV. 454—458]. На 16₁—за-

---

[1]) См. V. 493.

[2]) **85₂**—неписанная страница.

главномъ—Глава I.—Есть мелкія отличія отъ печатнаго; подъ конецъ сдѣланъ цензурный пропускъ: [стр. 458]... поклялся быть вѣчно вѣрнымъ дружбѣ и человѣчеству, и никогда не принимать должности цензора.

78₂ и 20₁—неписанныя страницы.

21₁, 21₂ и 76₁. Замѣтка о повѣстяхъ Павлова—„Три повѣсти г. Павлова очень замѣчательны и имѣли успѣхъ вполнѣ заслуженный. Онѣ разсказаны съ большимъ искусствомъ, слогомъ, къ которому не пріучили насъ записные наши романисты. Повѣсть Именины, не смотря на свою занимательность представляетъ нѣкоторыя несообразности. Идеализированное лакейство имѣетъ въ себѣ что-то неестественное, непріятное для здраваго вкуса. Можетъ быть это-же самое происшествіе представляло въ разительной простотѣ своей сильнѣйшія краски и положенія болѣе драматическія, но требовало и кисти болѣе сильной и болѣе глубины въ знаніи человѣческаго сердца.—Аукціонъ есть очень милая шутка, легкая картинка, въ которой оригинально вмѣщены три или 4 лица. А я на аукціонъ, а я съ аукціона,—черта истинно комическая.

Объ Ятаганѣ скажемъ то-же, что̀ и объ Именинахъ. Занимательность этой повѣсти не извиняетъ несообразности. Развязка несбыточна или, по крайней мѣрѣ, есть анахронизмъ. За то всѣ лица живы, и дѣйствуютъ и говорятъ каждый, какъ ему свойственно и говорить и дѣйствовать. Въ слогѣ г. Павлова, чистомъ и свободномъ, изрѣдка отзывается манерность въ описаніяхъ, близорукая мелочность нынѣшнихъ французскихъ романистовъ. Г. Павлова такъ расхвалили въ Московскомъ Наблюдателѣ, что мы въ сихъ строкахъ хотѣли ограничить наши замѣчанія одними порицаніями, но въ заключеніе должны сказать, что г. Павловъ первый у насъ написалъ истинно-занимательные разсказы. Книга его принадлежитъ къ числу тѣхъ, отъ которыхъ, по выраженію одной дамы, забываешь даже обѣдать.

Талантъ г. Павлова выше его произведеній. Въ доказательство привожу одно мѣсто, гдѣ чувство истины увлекло автора даже противу его воли. Въ Именинахъ, не смотря на то, что выслужившійся офицеръ видимо герой и любимецъ его воображенія, авторъ далъ ему черты, обнаруживающія холопа: (выписки) [1]).

22₁ и 22₂ [вклеенный клочекъ]. Историческія замѣтки:

,.. Attentat de Θеодоръ.—Lacheté de la haute noblesse и т. д., какъ [не совсѣмъ точно] напечатано въ Р. Архивѣ 1881. III. [V. 87].

23 и 75. Отрывокъ: въ 179** возвращался я въ Лифляндію. *Все до конца*—IV. 438—439; мною замѣчено нѣсколько неточностей печатнаго текста. Привожу одинъ пропускъ: [стр. 439]... что обѣ такія добрыя и проч. Въ *179***

---

[1]) Скобки Пушкина. Выписки не сдѣлано. В. Я.

мнѣ было ровно 23 года и мысль о молодой барышнѣ была достаточна, чтобы возбудить живое любопытство.

—На 23_1 сверху записано:

„Изв[озщику] дано 10 полуимперіаловъ, оставалось 35 р.“.

24, 25, 73 и 74. (Отрывокъ) [1]). Не смотря на великія преимущества. Печатный текстъ не исправенъ.

Приведу главнѣйшіе примѣры.

Стр. 475:.... послѣ частицы не, и еще кой какихъ такъ называемыхъ стихотворныхъ вольностей, мы никакихъ...—475, подъ самый конецъ: „вѣрно, изволите сочинять“. (Неимѣю чести быть въ числѣ гг. стихотворцевъ, но чувствую, что они должны быть настоящіе мученики, не смотря на великія свои преимущества). Влюбится-ли онъ...

Стр. 477:.... или возьметъ за себя княжну Рюриковой крови... На 73_2 замѣчено:

Сей отрывокъ составлялъ, вѣроятно, предисловіе къ повѣсти не написанной или потерянной. Мы не хотѣли его уничтожить...

26 октября.

26_1 и 78_2.—Черновое письмо къ Д. В. Давыдову—VII. 376.

26_2 и 72_1—неписанныя страницы.

27 и 71.—Предисловіе къ Путешествію въ Арзрумъ, въ полномъ видѣ, нѣсколько отличающееся отъ № 2383, л. 1_2.

На 71_2 рисунокъ: горы и лошадь.

28, 29, 70 и 69. Разговоръ между *А.* и *Б.* Напечатанъ впервые г. Анненковымъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1880 года, но въ совершенно искалеченномъ видѣ,—непонятно, по какимъ причинамъ [V. 103]. Такъ какъ меньше чѣмъ на три страницы печатнаго текста пришлось бы сдѣлать двѣнадцать вставокъ, иногда очень значительныхъ, такъ какъ подъ конецъ г. Анненковъ даже спуталъ разговаривающихъ, то является необходимымъ привести этотъ набросокъ въ подлинномъ видѣ.

А.—Читалъ ты замѣчаніе въ „Литературной газетѣ“, гдѣ сравниваютъ нашихъ журналистовъ съ демократическими писателями XVIII столѣтія?

Б.—Читалъ.

А.—Какъ же ты его находишь?

Б.—Довольно неумѣстнымъ.

А.—Конечно, иначе нельзя и думать. Какъ нестыдно литераторамъ обижать такимъ образомъ свою братію!...

Б.—Согласенъ.

А.—Русскіе журналисты не заслуживали такого унизительнаго сравненія.

Б.—А! такъ извини: я съ тобою не согласенъ.

---

[1]) Скобки Пушкина.

А.—Какъ такъ?

Б.—Я было тебя не понялъ. Мнѣ показалось, что ты находишь обиженными демократическихъ писателей XVIII столѣтія, которыхъ (какъ очень хорошо сказано въ „Газетѣ“) [1]), съ нашими никакимъ образомъ сравнивать нельзя,—а между тѣмъ сравниваютъ.

А.—Да помилуй, эти французскіе писатели такіе люди, что Боже упаси! посмотри, какъ негодуютъ наши журналисты отъ одной мысли быть имъ уподобленными, этимъ господамъ.

Б.—Да кто же эти французскіе писатели, о коихъ упомянуто въ Литературной Газетѣ?

А.—А я почему знаю.

Б.—Такъ я же тебѣ ихъ назову. Добродѣтельный Томасъ, простодушный Дюкло, твердый Шамфоръ и другіе столь же умные, какъ и честные люди, не безпримѣрные геніи, но литераторы съ отличнымъ талантомъ.

А.—Зачѣмъ же обруганы они въ Литературной Газетѣ?

Б.—То-то я и говорю.

А.—Какъ можно печатать такую клевету? Умные и честные литераторы станутъ кричать: повѣсимъ мы, повѣсимъ! и—аристократовъ къ фонарю!

Б.—Извини, братъ. Опять было тебя не понялъ. Этого въ Газетѣ не сказано.

А.—Какъ не сказано? постой она [при] мнѣ (вынимаетъ изъ кармана Газету) [2]). А, ты правъ, ты правъ. Сказано только, что эпиграммы ихъ пріуготовили крики etc.—Такъ неужто въ самомъ дѣлѣ эпиграммы пріуготовили французскую революцію.

Б.—О французской революціи Литературная Газета молчитъ, и хорошо дѣлаетъ.

А.—Помилуй, да посмотри: les aristocrates à la lanterne, повѣсить, ça ira и т. д.

Б.—И ты видишь тутъ французскую революцію?

А.—А ты что тутъ видишь, если смѣю просить?

Б.—Крики бѣшеной черни.

А.—А что значили эти крики?

Б.—Что тогдашняя чернь остервенилась противу дворянства и вообще противу всего, что не было чернь.

А.—Вотъ я тебя поймалъ: и отчего чернь остервенилась именно на дворянство?

Б.—Потому что съ нѣкоторыхъ поръ дворянство было ему представлено сословіемъ презрѣннымъ и ненавистнымъ.

---

[1]) Скобки Пушкина.

[2]) Тоже.

А.—Слѣдственно я и правъ. Въ крикѣ: les aristocrates à la lanterne— вся революція.

Б.—Ты не правъ. Въ крикѣ les aristocrates à la lanterne — одинъ жалкій эпизодъ французской революціи,—гадкая фарса въ огромной драмѣ.

[*А.*—И честные и добрые писатели были тому причиною! Но если и въ самомъ дѣлѣ, то, ужь конечно, неумышленно!

Б.—Вѣроятно.]

А.—Apropos, какого ты мнѣнія о Полиньякѣ?

Б.—Милый мой, ты знаешь, что о политикѣ я съ тобою никогда не говорю.

(*А.*—И такъ revenons à nos moutons, обратимся къ литераторамъ. Неужто въ самомъ дѣлѣ эпиграммы французскихъ писателей пріуготовили крики — les aristocrates à la lanterne?

Б.—Таково по крайней мѣрѣ мнѣніе Литературной Газеты.

А.—А твое мнѣніе? Нельзя узнать?

Б.—Экой лукавый! заманиваетъ опять меня въ политику: не узнаешь.

А.—И ты мнѣ не будешь отвѣчать?

Б.—Нѣтъ).

А.—Ну такъ обратимся къ нашимъ литераторамъ. Читалъ-ли ты, какъ отдѣлала Пчела всю Литературную Газету, издателя и сотрудниковъ за это замѣчаніе?

Б.—Нѣтъ еще.

А.—Такъ прочти же (даетъ ему журналъ) [1]).

Б.—Что значутъ эти точки?

А.—Ахъ, я спрашивалъ: тутъ были ругательства ужасныя, да цензоръ не пропустилъ.

Б.—(Отдавая журналъ) [2]).—Жаль, въ этихъ ругательствахъ, можетъ быть, былъ смыслъ, а въ строкахъ печатныхъ нѣтъ.

А.—Вотъ тебѣ еще что-то. (Даетъ другой журналъ) [3]).

Б.—(Прочитавъ) [4]).—Тутъ и ругательства есть, а смысла все-таки не болѣе.

А.—Такъ ты, видно, стоишь за Литературную Газету. Давно-ль ты сдѣлался аристократомъ?

Б.—Какъ аристократомъ? Что такое аристократъ?

А.—Что такое аристократъ? О, да ты журналовъ не читаешь. Вотъ видишь-ли: издатель „Литературной Газеты“ и сотрудники его, и читатели его— всѣ аристократы (разумѣется въ ироническомъ смыслѣ) [5]).

Б.—Воля твоя, я смысла тутъ никакого не вижу. Будучи самъ литера-

---

[1]) Скобки Пушкина.

[2]) Тоже.

[3]) Тоже.

[4]) Тоже.

[5]) Тоже.

торъ, я читаю „Литературную Газету“, ибо мнѣ любопытно знать ея мнѣнія; мнѣ досадно видѣть въ ней иногда личности и колкости, отвѣты, возраженія, мелочную войну, которую не худо предоставить литературнымъ башкирцамъ; но никогда не видалъ я въ „Литературной Газетѣ“ ни дворянской спѣси, ни гоненія на другія сословія. Дворяне-ли баронъ Дельвигъ, князь Вяземскій, Пушкинъ, Баратынскій и пр.,—мнѣ до этого и дѣла нѣтъ [1]). Они объ этомъ не толкуютъ. Заступясь за грамотное купечество въ лицѣ г. Полеваго, они сдѣлали хорошо; заступясь нынѣ за просвѣщенное дворянство, они сдѣлали еще лучше.

[*А.*—Это замѣчаніе могло повредить невиннымъ.

Б.—Что—ты, шутишь или ты самъ невинный? Кто же сіи невинные?

А.—Какъ кто, издатели Сѣверной Пчелы.

Б.—Такъ успокойся же. Образъ мнѣній почтенныхъ издателей Сѣверной Пчелы слишкомъ хорошо извѣстенъ, и Литературная Газета повредить имъ не можетъ, а г. Полевой въ ихъ компаніи, подъ ихъ покровительствомъ можетъ быть безопасенъ] [2]).

А.—Что значитъ: avis au lecteur? Къ кому это относится?... Ты скажешь къ журналистамъ, а я такъ думаю: не къ цензурѣ-ли?

Б.—Да хоть бы и къ цензурѣ—что за бѣда? Ужъ если существуетъ у насъ цензура, то не худо оградить и сословія, какъ ограждены частныя лица, отъ явныхъ нападеній злонамѣренности. Позволяется и нужно нападать на пороки и слабости каждаго сословія, но смѣяться надъ сословіемъ потому только, что оно такое-то сословіе, а не другое, — нехорошо и непозволительно. И на кого журналисты наши нападаютъ? Вѣдь не на новое дворянство, получившее свое начало при императорѣ Петрѣ I и [императрицахъ] и по большей части составляющее нашу знать, истинную, богатую, могущественную аристократію. Pas si bête! Наши журналисты передъ этимъ дворянствомъ вѣжливы до крайности; они нападаютъ именно на старинное дворянство, кое нынѣ, по причинѣ раздробленныхъ имѣній, составляетъ у насъ родъ средняго состоянія, состоянія почтеннаго, трудолюбиваго и просвѣщеннаго; состоянія, коему принадлежитъ и большая часть нашихъ литераторовъ. Издѣваться надъ нимъ (и еще въ оффиціальной газетѣ) нехорошо и даже неблагоразумно: (положимъ, что эпиграммы демократическихъ французскихъ писателей пріуготовили крикъ: les aristocrates à la lanterne. У насъ таковыя же эпиграммы, хоть и не отличаются остроуміемъ, могутъ имѣть послѣдствія еще пагубнѣйшія)... Поду-

---

[1]) Сначала было: (баронъ Дельвигъ по своему титулу, кажется дворянинъ, князь Вяземскій также,—если Пушкинъ происходитъ отъ тѣхъ Пушкиныхъ, коихъ имя встрѣчается на каждой страницѣ русской исторіи, то и онъ—старинный дворянинъ, но мнѣ до этого и дѣла нѣтъ).

[2]) Поставленное въ скобкахъ [ ] перенесено сюда [29$_1$] съ листа 69$_2$ и изъ первой тетради этого № [А], л. 17$_2$. **В. Я.**

май о томъ, что значитъ у насъ сіе дворянство вообще и въ какомъ отношеніи находится оно къ народу...

А.—Кажется ты правъ. [Но почему же нѣкоторые журналы вступились съ такою братскою... и рѣзкостію за Сѣверную Пчелу?

Б.—Потому что свой своему по неволѣ братъ] [1]).

А.—Отчего же замѣчаніе газеты показалось сначала столь предосудительнымъ даже людямъ, самымъ благомыслящимъ и благороднымъ.

Б.—Потому что политическіе вопросы никогда не бывали у насъ разбираемы. Журналы наши, ненарочно наступивъ на одинъ изъ таковыхъ вопросовъ, сами испугались движенія ими произведеннаго. Нѣтъ преній безъ двухъ противныхъ сторонъ; ты политикой занимаешься и это тебѣ понятно, не правда-ли?—Демократическіе наши журналы, напавъ на дворянство...

А.—Опять демократическіе журналы! Какой ты неблагонамѣренный.

Б.—Какъ же ты прикажешь назвать журналы, объявившіе себя противу аристократіи? Въ прямомъ или переносномъ смыслѣ, все-таки они демократическіе журналы. И такъ эти журналы, нападая на дворянство, должны были найдти отпоръ и нашли его въ Газетѣ Литературной. Все это естественно, даже утѣшительно, но, повторяю, вопросы политическіе для насъ еще новость...

А.—Знаешь-ли что? Мнѣ хочется разговоръ нашъ передать издателю „Литературной Газеты", чтобъ онъ напечаталъ его себѣ въ оправданіе.

Б.—И хорошо сдѣлаешь. Есть обвиненія, которыя не должны быть оставлены безъ вниманія, отъ кого бы они впрочемъ не происходили [2]).

30[1]. [Отрывокъ изъ статьи „Самъ съѣшь", см. первой тетради этого же №, л. 63]... что въ литературѣ дворянства нѣтъ, что чваниться своимъ дворянствомъ передъ своею братьею (особенно мѣщанамъ во дворянствѣ) уморительно смѣшно, что и настоящему дворянину 600-лѣтнія его грамоты не помогутъ въ плохой прозѣ или посредственныхъ стихахъ. Ужасное самъ съѣшь! Къ несчастію въ Литературной Газетѣ отыскали, кто были аристократическіе литераторы, открывшіе гоненіе на не дворянство. А публика-то что? Публика, какъ судія безпристрастный и благоразумный, всегда соглашается съ тѣмъ, кто послѣдній жалуется ей. Напримѣръ, въ сію минуту она покамѣстъ согласна съ нашимъ мнѣніемъ: т. е., что самъ съѣшь вообще показываетъ или мало остроумія или большую надѣянность [3]) на безпамятство читателей, и это фиглярство и недобросовѣстность унижаютъ почтенное званіе литераторовъ, какъ сказано въ китайскомъ анекдотѣ № 1.

30[2]. Отчего издателя Литературной Газеты и его сотрудниковъ называютъ

---

[1]) Поставленное въ скобкахъ [ ] перенесено сюда изъ первой тетради этого же №, съ листа 17_2.

[2]) На этомъ разговоръ кончается; то, что напечатано было г. Анненковымъ дальше, принадлежитъ къ срединѣ, гдѣ нами и помѣщено.

[3]) Было: большую (само)надѣянность. В. Я.

аристократами (разумѣется въ ироническомъ смыслѣ, пишутъ остроумно журналы) [1])? Въ чемъ-же состоитъ ихъ аристократія? Въ томъ-ли, что они дворяне?—Нѣтъ: всѣ журналы побожились уже, что надъ званіемъ никто не имѣлъ и намѣренія смѣяться. Стало-быть въ дворянской спѣси?—Нѣтъ: въ Литературной Газетѣ доказано, что главные сотрудники оной одни и вооружились противу сего смѣшнаго чванства, и заставили чиновныхъ литераторовъ уважать собратіевъ мѣщанъ. Можетъ быть въ притязаніи на тонъ высшаго общества?—Нѣтъ; они стараются сохранить тонъ хорошаго общества, проповѣдаютъ сей тонъ и другимъ собратіямъ, но проповѣдаютъ въ пустынѣ. Не они поминутно находятъ одно выраженіе бурлацкимъ, другое — мужицкимъ, третье—неприличнымъ для дамскихъ ушей, и т. п.; не они гнушаются просторѣчіемъ и замѣняютъ его простомысліемъ . . . . . ; не они провозгласили себя опекунами высшаго общества, не они вѣчно пишутъ притворныя статейки, гдѣ стараются поддѣлаться подъ свѣтскій тонъ также удачно, какъ горничныя и камердинеры пересказываютъ разговоры своихъ господъ.

68₂. Не они comme un homme de noble race outrage et ne se bat pas; не они находятъ 600-лѣтнее дворянство мѣщанствомъ; не они печатаютъ свои портреты съ гербами весьма сомнительными; [не они разбираютъ дворянскія грамоты и провозглашаютъ такого-то мѣщаниномъ, такого-то аристократомъ; не они толкуютъ вѣчно о будуарныхъ читательницахъ, о паркетныхъ дамахъ] (?) [2]).—Отчего-же они аристокрыты (разумѣется въ ироническомъ смыслѣ [3])?

68₁ и 68₂. Замѣтка противъ Булгарина; часть ея [неточно] напечатана.—V, 159.

Въ одной газетѣ (почти оффиціальной) [4]) сказано было, что прадѣдъ мой Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, крестникъ и воспитанникъ Петра Великаго, наперсникъ его (какъ видно изъ собственноручнаго письма Екатерины II) [5]), генералъ-аншефъ, отецъ Ганнибала, покорившаго Наваринъ (см. памятникъ, воздвигнутый въ Царскомъ Селѣ гр. Ѳ. Г. Орлову) [6]) и проч., былъ купленъ шкиперомъ за бутылку рому. Прадѣдъ мой, если былъ купленъ, то, вѣроятно, дешево, но достался онъ шкиперу, коего имя всякій русскій произноситъ съ уваженіемъ и не всуе.—Простительно выходцу не любить ни Русскихъ, ни Россіи, ни исторіи ея, ни славы ея; но непростительно было-бы намъ дозволять

---

[1]) Скобки Пушкина.
[2]) (?)—Пушкина.
[3]) Скобки Пушкина.
[4]) Тоже.
[5]) Скобки Пушкина; было еще: (прилагаемаго ниже). См. это письмо въ первой тетради этого-же №, на листѣ 38.
[6]) Скобки Пушкина. В. Я.

всякому (выходцу клеветать), но не похвально ему за русскую ласку марать грязью священныя страницы нашихъ лѣтописей, поносить лучшихъ согражданъ и, не довольствуясь современниками, издѣваться надъ гробами праотцевъ.

Голиковъ говоритъ, что онъ [Ганнибалъ] былъ камердинеромъ у государя, но что Петръ замѣтилъ въ немъ дарованіе и проч. Голиковъ ошибся. У Петра I не было камердинеровъ; прислуживали ему денщики, между прочими Орловъ и Р., родоначальники историческихъ фамилій.

Возвратясь изъ подъ Арзрума, написалъ я посланіе къ князю **..... [1]). Въ свѣтѣ оно тотчасъ было замѣчено и..... [2]) были мною недовольны... Свѣтскіе люди имѣютъ въ высокой степени этого рода чутье. Одинъ журналистъ принялъ мое посланіе за лесть италіанскаго аббата,—а въ статейкѣ, заимствованной у М..., заставилъ вельможу звать меня по четвергамъ обѣдать.— Такъ-то чувствуютъ они вещи и такъ-то описываютъ свѣтскіе нравы. Ср. въ первой тетради этого №, листъ 67_2.

31—34, 63—67. Черновые наброски о драмѣ вообще и о Марѳѣ Посадницѣ г. Погодина [V, 140—148], мѣстами въ видѣ программы, мѣстами въ болѣе отдѣланномъ видѣ; есть нѣкоторыя дополненія противъ печатнаго текста.

36_1. У насъ довольно трудно... и т. д.—V, 129, — согласно съ примѣчаніемъ на стр. 130.

36_2. 2 замѣч. Стихи очень хороши, но въ нихъ заключающаяся критика неосновательна. Самый ничтожный предметъ можетъ быть избранъ стихотворцемъ; критикѣ нѣтъ нужды разбирать, чтó стихотворецъ описываетъ, но какъ описываетъ.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ—[продолженіе 36_1].—V, 130.

62_1 и 62_2. Окончаніе той-же замѣтки. [Есть отличія отъ печатнаго]. Послѣ послѣднихъ словъ печатнаго текста идетъ еще:

Мысль, что шумливую пародію можно принять за неуваженіе къ великой и священной памяти также удерживала меня. Но [Чи. Н.] стоитъ на такой высотѣ, что какимъ-бы тономъ о немъ ни говорили, мысль оскорбить его не могла во мнѣ родиться.

21 ноября
1830.
Болдино.

— Далѣе внизу страницы написано: Предисловіе къ Евгенію Онѣгину.— Рисунокъ: мужское лицо.

---

[1]) Такъ въ подлинникѣ.
[2]) Тоже.

В. Я.

37 и 61. Старый гетманъ, предвидя неудачу.—V, 133. [Напечатанное передъ этимъ см. въ первой тетради этого-же №, л. 19₂]. Есть мелкія отличія.

38₁ и 39, 61₂—59₂. Въ одной газетѣ, оффиціальной, сказано было, что я мѣщанинъ во дворянствѣ. Справедливѣе было-бы сказать, дворянинъ во мѣщанствѣ. Родъ мой одинъ изъ самыхъ старинныхъ [1]) дворянскихъ. Мы происходимъ отъ прусскаго выходца Радши или Рачи, человѣка знатнаго (мужа честна, говоритъ лѣтописецъ) [2]), пріѣхавшаго въ Россію во время княженія св. Александра Ярославича Невскаго (см. Русскія Лѣтописи и Исторію Государства Россійскаго [3]). Отъ него произошли Пушкины, Мусины-Пушкины, Бобрищевы-Пушкины, Бутурлины, Мятлевы, Поводовы и другіе. Карамзинъ упоминаетъ объ однихъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ (изъ учтивости покойному гр. Алексѣю Ивановичу) [4]). Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ, уцѣлевшихъ отъ кровавыхъ опалъ царя Ивана Васильевича Грознаго, исторіографъ именуетъ и Пушкиныхъ.

Въ царствованіе Бориса Годунова Пушкины были гонимы и явнымъ образомъ обижаемы въ спорахъ мѣстничества. Г. Г. Пушкинъ, тотъ самый, который выведенъ въ моей трагедіи, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ той эпохи, столь богатой историческими характерами. Другой Пушкинъ [5]), во время междуцарствія, начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, сдѣлалъ честно свое дѣло. Четверо Пушкиныхъ подписались подъ грамотою о избраніи Романовыхъ на царство, а одинъ изъ нихъ, окольничій Матвѣй Степановичъ подъ [соборнымъ дѣяніемъ] объ уничтоженіи мѣстничества (что мало дѣлаетъ чести его характеру) [6]). При Петрѣ они были въ оппозиціи, и одинъ изъ нихъ стольникъ Ѳедоръ Алексѣевичъ [sic] былъ замѣшанъ въ заговорѣ Циклера и казненъ вмѣстѣ съ нимъ и съ Соковнинымъ. Прадѣдъ мой былъ женатъ на меньшой дочери адмирала графа Головина, перваго въ Россіи Андреевскаго кавалера и пр. Онъ умеръ очень молодъ и въ заточеніи, въ припадкѣ ревности или сумашествія зарѣзавъ *свою* жену, находившуюся въ родахъ. Единственный сынъ его, дѣдъ мой, Левъ Александровичъ, во время мятежа 1762 года остался вѣренъ Петру III *и не* хотѣлъ присягать Екатеринѣ, и былъ посаженъ въ крѣпость вмѣстѣ съ Измайловымъ (странны судьба [и] союзъ сихъ именъ) [7]), см. Рюліера и Кастера. Чрезъ 2 года выпущенъ по приказанію Екатерины, и всегда пользовался ея уваженіемъ. Онъ уже никогда не вступалъ въ службу и жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ. [Вообще имя моихъ предковъ встрѣчается почти на каждой страницѣ нашей исторіи].

[1]) Сравни въ Родосл. Пуш. и Ганнибаловъ.—V, стр. 153.
[2]) Скобки Пушкина.
[3]) Тоже.
[4]) Тоже.
[5]) См. V, 153 и 154.
[6]) Скобки Пушкина.
[7]) Тоже.

В. Я.

(Нынѣ огромныя имѣнія Пушкиныхъ раздробились и пришли въ упадокъ; послѣднее родовое имѣніе скоро исчезнетъ; имя ихъ останется честнымъ, единственнымъ достояніемъ темныхъ потомковъ нѣкогда знатнаго боярскаго рода).

(Я русскій дворянинъ и я зналъ своихъ предковъ прежде чѣмъ узналъ Байрона). Если быть стариннымъ дворяниномъ, значитъ [подражать] англійскому поэту, то сіе подражаніе весьма невольное. Но что есть общаго между привязанностію лорда къ своимъ феодальнымъ преимуществамъ и безкорыстнымъ уваженіемъ къ мертвымъ прадѣдамъ, коихъ минувшая знаменитость не можетъ доставить намъ ни чиновъ, ни покровительства. Ибо нынѣ знать нашу большею частью составляютъ роды новые, получившіе существованіе уже при императорахъ. Каковъ-бы ни былъ образъ моихъ мыслей, никогда не раздѣлялъ я съ кѣмъ-бы то ни было демократической ненависти къ дворянству. Оно всегда казалось мнѣ необходимымъ и естественнымъ сословіемъ всякаго образованнаго народа. Смотря около себя и читая старыя наши лѣтописи, я сожалѣлъ, видя, какъ древніе дворянскіе роды уничтожились, какъ остальные упадаютъ и исчезаютъ, какъ новыя фамиліи, новыя историческія имена, заступивъ мѣсто прежнихъ, уже падаютъ, ничѣмъ не огражденныя, и какъ имя дворянина, часъ отъ часу униженное, стало наконецъ въ притчу и въ посмѣяніе даже разночинцамъ, вышедшимъ въ дворяне и досужимъ (празднымъ журнальнымъ) балагурамъ.

Образованный французъ иль англичанинъ дорожитъ строкою стараго лѣтописца, въ которой упомянуто имя его предка, честнаго рыцаря, падшаго въ такой-то битвѣ или въ такомъ-то году возвратившагося изъ Палестины; но Калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи. Дикость, подлость и невѣжество не уважаетъ прошедшаго, пресмыкаясь передъ однимъ настоящимъ, и у насъ иной потомокъ Рюрика болѣе дорожитъ звѣздою двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторіей своего дома, т. е. исторіей отечества. (И это ставите вы ему въ достоинство!—Конечно есть достоинства выше знатности рода, именно: достоинство личное, но я видѣлъ родословную Суворова, писанную имъ самимъ. Суворовъ не презиралъ своимъ дворянскимъ происхожденіемъ).

Имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ, можетъ быть, всѣ наши старинныя родословныя, но неужто потомству ихъ смѣшно было-бы гордиться сими именами.

39₂, 59 и 60. Одинъ изъ (самыхъ) великихъ нашихъ согражданъ сказалъ однажды мнѣ (онъ удостоивалъ меня своего вниманія и часто оспаривалъ мои мнѣнія) [1]), что если у насъ была-бы свобода книгопечатанія, то онъ съ женой и дѣтьми уѣхалъ-бы въ Константинополь. Все имѣетъ свою злую сторону,—и неуваженіе къ чести гражданъ и удобность клеветы суть однѣ изъ главнѣйшихъ невыгодъ свободы тисненія. У насъ, гдѣ личность ограждена цензурою, есте-

---

[1]) Скобки Пушкина.

ственно нашли косвенный путь для личной сатиры, именно **обиняки**. Первымъ примѣромъ обязаны мы **, который въ своемъ журналѣ напечаталъ уморительный анекдотъ о двухъ китайскихъ журналистахъ, которыхъ судія наказалъ бамбуковою палкою за плутни, унижающія честное званіе литератора. Этотъ китайскій анекдотъ такъ насмѣшилъ публику и такъ понравился журналистамъ, что съ тѣхъ поръ, коль скоро газетчикъ прогнѣвался на кого нибудь, тотчасъ въ листкахъ его является извѣстіе изъ за границы, (и большею частью изъ за китайской) [1]), въ коемъ противникъ расписанъ самыми черными красками въ лицѣ какого-нибудь вымышленнаго или безыменнаго писателя. Большею частью, китайскіе анекдоты, если не дѣлаютъ чести изобрѣтательности и остроумію сочинителя, то по крайней мѣрѣ достигаютъ цѣли своей, по злости съ каковой они написаны. Не узнавать себя въ пасквилѣ безыменномъ, но явно направленномъ, было-бы малодушіемъ. Тотъ, о которомъ напечатаютъ, что человѣкъ такого-то званія, такихъ-то лѣтъ, такихъ-то примѣтъ, крадетъ, напримѣръ, платки изъ кармановъ,—всетаки долженъ отозваться и вступиться за себя, конечно не изъ уваженія къ газетчику, но изъ уваженія къ публикѣ. Чтó за аристократическая гордость дозволять всякому негодяю швырять въ насъ грязью. Англійскій лордъ равно не отказывается и отъ поединка на кухенрейтерскихъ пистолетахъ съ учтивымъ джентельменомъ и отъ кулачнаго боя съ пьянымъ конюхомъ. Одинъ изъ нашихъ литераторовъ, бывшій, говорятъ, въ военной службѣ, отказывался отъ пистолетовъ подъ предлогомъ, что на своемъ вѣку онъ видѣлъ болѣе крови, чѣмъ его противникъ чернилъ. Отговорка забавная, но въ такомъ случаѣ, что прикажете дѣлать съ тѣмъ, который, по выраженію Шатобріона, comme un homme de noble raçe, outrage et ne se bat pas. Однажды (оффиціально) [2]) напечаталъ кто-то, что такой-то фр[анцузскій] стихотворецъ, подражатель Байрону, печатающій критическія статьи въ Литературной Газетѣ, человѣкъ подлый и безнравственный, а что такой-то журналистъ человѣкъ умный, *скромный*, храбрый, служилъ съ честью сперва одному отечеству, потомъ другому. Фр. (стихотворецъ) отвѣчалъ [подлинно] такъ, что скромный и храбрый журналистъ объ двухъ отечествахъ, вѣроятно, долго будетъ его помнить. On en rit, j'en ris moi-même.

Въ **другой** газетѣ объявили, что я собою весьма неблагообразенъ, и что портреты мои слишкомъ льстивы. На эту личность я не отвѣчалъ, хотя она меня глубоко тронула [3]).

Иной говоритъ: какое дѣло критику или читателю хорошъ-ли я собой или дуренъ, старинный ли дворянинъ или изъ разночинцевъ, добръ-ли или золъ, ползую-ли въ ногахъ сильныхъ или даже съ ними не кланяюсь, играю-*ли я*

[1]) Скобки Пушкина.
[2]) Тоже.
[3]) См. V, 117. В. Я.

въ карты и тому под.—Будущій мой біографъ, если Богъ пошлетъ мнѣ біографа, объ этомъ будетъ заботиться. А критику и читателю дѣло только до моихъ книгъ. — Сужденіе, кажется, поверхностное. Нападенія на писателя и оправданія, къ коимъ подаютъ они поводъ,—суть важный шагъ въ гласности преній о дѣйствіяхъ такъ называемыхъ общественныхъ лицъ (hommes publics) [1]), къ одному изъ главнѣйшихъ условій высокообразованныхъ обществъ; въ семъ отношеніи и писатели, справедливо заслуживающіе презрѣніе наше, ругатели и клеветники, приносятъ истинную пользу.

Такимъ образомъ дружина ученыхъ и писателей (стоитъ)....... всегда впереди во всѣхъ набѣгахъ просвѣщенія, на всѣхъ приступахъ образованности. Не должно имъ малодушно негодовать, что вѣчно имъ опредѣлено выносить первые выстрѣлы и всѣ невзгоды, всѣ опасности ремесла.

(Такимъ образомъ) и возрастаетъ могущество общаго мнѣнія, на которомъ въ просвѣщенномъ народѣ основана чистота его нравовъ. Мало по малу образуется и уваженіе къ личной чести гражданина.

40, 41, 57, 58, 42, 43, 55. „Гости съѣзжались на дачу **" — IV, 462—466. Текстъ, съ котораго печатано посмертное изданіе, но въ печатномъ противъ подлинника мною замѣчено 10 ошибокъ. Въ этомъ текстѣ есть, но зачеркнуты карандашомъ, подробности о Вольскомъ, приведенныя уже въ № 2371, л. 32^2.

[55^2, 56^1 и 56^2—неписанныя страницы].

44, 54, 45 и 53—Желѣзная маска, V, 435—37.

46, 47, 51 и 52. Черновые наброски третьей статьи о Полевомъ; есть дополненія противъ печатнаго текста, который вообще изданъ неточно и въ перебитомъ видѣ, V, 86—88. Приведу часть, которая, кажется, должна была служить началомъ статьи.

„(Не смотря на то, что Исторія Русскаго народа писана на-обумъ)..., промахи, указанные въ разныхъ журналахъ, доказываютъ конечно не невѣжество г. Полевого, но только непростительную опрометчивость и поспѣшность (ибо ихъ можно было избѣжать, давъ себѣ время подумать и справиться) [2]). Презрѣніе, съ коимъ г. Полевой отзывался въ своихъ примѣчаніяхъ о Карамзинѣ, издѣваясь надъ его трудомъ,—оскорбляло нравственное чувство уваженія нашего къ великому соотечественнику. Но сія опрометчивость и необдуманность сильно повредили г. Полевому въ мнѣніи малаго числа просвѣщенныхъ и благоразумныхъ читателей, ибо онѣ поколебали, если не совсѣмъ уничтожили довѣренность, которую онъ [способенъ] былъ внушить. Теперь мы читаемъ Исторію русскаго народа, не полагаясь на добросовѣстность труда и вѣрность розысканій, но на каждое слово невольно требуемъ подтвержденія повтореннаго,

---

[1]) Скобки Пушкина.

[2]) Тоже.

если не имѣемъ терпѣнія или способовъ справляться сами. — Исторія русскаго народа состоитъ изъ отдѣльныхъ отрывковъ, часто не имѣющихъ между собой связи по духу, въ коемъ они писаны, и походитъ болѣе на журнальныя статьи, чѣмъ на книгу, обдуманную однимъ человѣкомъ и проникнутую единствомъ духа.

Но не смотря на сіи недостатки Исторія русскаго народа заслуживаетъ вниманія по многимъ остроумнымъ замѣчаніямъ. (NB. Остроуміемъ называемъ мы не шуточки, столь любезныя нашимъ веселымъ критикамъ, но способность сближать понятія и выводить изъ нихъ новыя и правильныя заключенія), по своей живости, хоть и неправильной, по взгляду и воззрѣніямъ, недальнимъ и часто невѣрнымъ, но вообще новымъ и достойнымъ критическихъ изслѣдованій.

Второй томъ, нынѣ вышедшій изъ печати, имѣетъ, по нашему мнѣнію, большое преимущество передъ первымъ.

1) Въ немъ нѣтъ сбивчиваго предисловія и гораздо менѣе противорѣчій и многорѣчій.

2) Тонъ нападенія на Карамзина уже гораздо благопристойнѣе.

3) Самый разсказъ не есть уже пародія разсказа Карамзина, но нѣчто собственно принадлежащее г. Полевому.

II-й томъ начинается взглядомъ на всеобщее состояніе Европы въ XI столѣтіи...

На 46₂ дважды черновой набросокъ: Не розу паѳосскую — III, 398. — Внизу страницы отрывокъ изъ Каменнаго Гостя [II, 360]:

Такъ это Д. Г.
Такъ, это я, — неправда-ль, вамъ описанъ
Я извергомъ безсовѣстнымъ...—

— Тутъ-же рисунокъ: двѣ фигуры въ плащахъ дерутся на шпагахъ, одинъ другаго прокалываетъ; еще — голова человѣка въ высокомъ галстухѣ.

48¹. — Письмо Михаила Бушина отъ 23 мая 1835 къ Пушкину, извѣщающее о неимѣніи для Пушкина акціи Втораго страховаго отъ огня общества.

48². Карандашъ, въ два столбца. Программа статьи по исторіи русской словесности.

Отчего первыя стихотворенія были сатиры?

Ихъ успѣхъ etc.

Отчего сатира существовала еще при Екатеринѣ, а нынѣ совсѣмъ уже не существуетъ?

Петръ создалъ войско,
флотъ,
науки,
законы,

но не могъ создать словесности, которая рождается сама собою, — отъ своихъ собственныхъ началъ. Поколѣніе преобразованное презрѣло безграмотную, изустную народную словесность, и кн. Кантемиръ, одинъ изъ воспитанниковъ Петра, въ путеводители себѣ избралъ Буало.

49[1]. Нѣсколько французскихъ неразборчивыхъ отрывочныхъ фразъ и денежный семейный расчетъ.

22.000 послѣдніе, долгу на имѣніи
12.800 à . . . . .
1.500 à Jean
1.500 à Olga
500 à l'intendant

Тотъ-же расчетъ повторенъ безъ обозначенія и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ:

11.800
1.500
1.500
600
———
15.400

Дальше:

La dette est de . . . . .
donc vous avez . . . . .
Vous avez gagné—1600.

Рисунокъ: мужская голова. — На этой страницѣ нитки припечатаны красною жандармскою печатью.

49[2] [верхомъ внизъ; карандашъ]. Программа:

„О литературной собственности; о правахъ издателя, — писателя; — анонимъ; — наслѣдники.

„О цензурѣ вообще, о подраздѣленіи; о книгахъ общедоступныхъ и дешевыхъ; [о книгахъ] чисто.....; — чисто ученыхъ, — огромныхъ; о журналахъ общихъ, — ученыхъ.

„О классическихъ книгахъ, въ томъ числѣ сочиненія, принадлежащія роду человѣческому.

„О цензурахъ земской и духовной; о кощунствѣ и вѣротерпимости; о прав[ославіи?]; о сочиненіяхъ, неподлежащихъ суду; о личностяхъ".

50[1] [вклеенный обрывокъ]—неписанная страница.

50[2]. Нѣсколько неразборчивыхъ строкъ чернилами.

В. Третья тетрадь. На обложкѣ: (Всякая всячина въ прозѣ). Прозаическіе отрывки. — „34 листа. — Дубельтъ".

1_1 и 1_2. Опять изъ статьи о Полевомъ, о феодолизмѣ [см. въ предшествовавшей тетради этого №, л. 46; ср. V. 85].

2_1. Начало статьи о г-жѣ Сталь—V. 17.

2_2 и 3_1—неписанные.

3_2, 4_1, 4_2, 31, 32, 33 и 34_2 черновые наброски статьи о словесности; частью напечатаны—V, 17 и 30.

5, 6, 8, 27, 28, 29. Черновая статья о Баратынскомъ. Полнѣе и исправнѣе печатнаго текста. V. 148.

На 6_1. [См. II. 270. примѣч.].

Какъ быстро въ полѣ, вкругъ открытомъ,
Подкованъ вновь, мой конь бѣжитъ,
Какъ звонко подъ его копытомъ
Земля промерзлая звучитъ!
Полезенъ русскому здоровью
Нашъ укрѣпительный морозъ,
Ланиты, ярче вешнихъ розъ,
Играютъ холодомъ и кровью.
Печальный лѣсъ и долъ завялый,
Проглянетъ день и ужъ темно,
И будто путникъ запоздалый
Стучится буря къ намъ въ окно.

7_1 [обрывокъ]—рисунки: головы. Неписанные: 5_2, 30_1, 30_2, 7_2, 32_2 и 34_1. Нѣтъ—9, 10, 11, 12.

13_1, 13_2 и 14_1. Вступленіе къ Исторіи села Горохина въ первоначальномъ, болѣе полномъ видѣ; ни посмертные издатели, ни г. Анненковъ не обратили никакого вниманія на этотъ отрывокъ: если они при этомъ основывались на томъ, что онъ почти весь перечеркнутъ крестъ на крестъ, то во всякомъ случаѣ они хоть должны были заимствовать изъ этого отрывка тѣ два мѣста, на которыя Пушкинъ ссылается во вторичной редакціи [V, 111 прим. и 113 прим.; см. ниже]. Привожу весь отрывокъ вполнѣ.

(Если богъ пошлетъ мнѣ читателей, то, можетъ быть для нихъ будетъ любопытно узнать, какимъ образомъ рѣшился я написать Исторію села Горохина. Для того долженъ я войдти въ нѣкоторыя предварительныя подробности.

Я родился отъ честныхъ и благородныхъ родителей въ селѣ Горохинѣ, 1801 года апрѣля 1 числа, и первоначальное образованіе получилъ отъ нашего дьячка (мужа просвѣщеннаго и весьма свѣдущаго въ его скромномъ состояніи). Сему-то почтенному мужу обязанъ я въ послѣдствіи развившейся во мнѣ охотою къ чтенію и вообще къ занятіямъ литературнымъ. Успѣхи мои хотя были медленны, но благонадежны, ибо на десятомъ году отъ роду я зналъ уже почти все то, что понынѣ осталось у меня въ памяти, отъ природы слабой и которую, по причинѣ столь-же слабаго здоровья, не дозволяли мнѣ излишне отягощать).

10-ти лѣтъ привезенъ я былъ въ Москву и отданъ въ партикулярный

пансіонъ Франца Егоровича Ф., гдѣ и пробылъ я 3 мѣсяца, т. е. до самаго нашествія Наполеона, во время коего нашествія пансіонъ былъ распущенъ и я возвратился въ село Горохино, (во время 3-хъ мѣсячнаго отсутствія) пріобрѣтши въ пансіонѣ только большой навыкъ къ игрѣ, называемой лаптой [1]), (коей обучилъ вскорѣ и всѣхъ дворовыхъ мальчиковъ).

(По изгнаніи двухънадесяти языковъ хотѣли меня снова вести въ Москву, посмотрѣть не возвратился[-ли] Францъ [Егоровичъ] на прежнее пепелище или въ противномъ случаѣ отдать меня въ другое училище, но я упросилъ матушку оставить меня въ деревнѣ, ибо здоровіе мое не позволяло мнѣ вставать съ постели въ 7 часовъ, какъ обыкновенно заведено во всѣхъ пансіонахъ. Такимъ образомъ достигъ я 16-ти лѣтняго возраста, оставаясь при первоначальномъ моемъ образованіи и играя въ лапту съ моими потѣшными.

Въ сіе время опредѣлился я юнкеромъ въ ** пѣхотный полкъ, въ коемъ и находился до прошлаго 18** года. Пребываніе мое въ полку оставило мнѣ мало пріятныхъ впечатлѣній, кромѣ производства въ офицеры и выигрыша 240 руб. въ то время, какъ у меня въ карманѣ всего оставался рубль 6 гривенъ. Смерть дражайшихъ моихъ родителей, воспослѣдовавшая почти въ одно время принудило меня подать въ отставку и пріѣхать въ мою вотчину.

Изъ сего краткаго извѣстія просвѣщенный читатель можетъ видѣть, что воспитанъ я былъ, какъ говорится, на мѣдныя деньги, и что въ послѣдствіи не имѣлъ я случая пріобрѣсти самъ собою то, что было разъ упущено, до шестнадцати лѣтъ играя съ дворовыми мальчишками, а потомъ переходя изъ губерніи въ губернію, изъ квартиры на квартиру, провождая время съ жидами да маркитантами, играя на ободранныхъ билліардахъ и маршируя въ грязи).

Далѣе на 14₁, начинается предисловіе къ Повѣстямъ Бѣлкина, занимающее еще: 16, 17, 18 и 19₁. Текстъ отличается отъ печатнаго (IV. 37—41) нѣкоторыми дополненіями.

— „(Рукописное собраніе повѣстей, предлагаемыхъ нынѣ публикѣ), доставлено намъ М. И. Б., ближайшей родственницей и наслѣдницей покойнаго автора. Взявшись хлопотать объ изданіи книги, предлагаемой нынѣ публикѣ, мы желали—и т. д. IV. 37.

Родина Бѣлкина называется въ подлинникѣ не Горюхино, а Горохино. Смерть его родителей почти въ одно время приключившаяся, понудила его подать въ отставку и пріѣхать въ село Горохино, свою отчину.—Описаніе пріѣзда его почерпнутое мною изъ его рукописи, мнѣ имъ подаренной, полагая, что вамъ оное, какъ любителю любопытно будетъ,—здѣсь прилагаю [1]).

[Подъ чертой внизу страницы Пушкинъ дѣлаетъ примѣчаніе отъ лица издателя повѣстей Бѣлкина]: „1) здѣсь выпущенъ довольно длинный отры-

---

[1]) Въ предыдущихъ фразахъ *я* исправлено на *онъ*; вѣроятно это мѣсто предполагалось къ вставкѣ въ предисловіе къ повѣстямъ Бѣлкина: оно отчеркнуто и отмѣчено крестикомъ. **В. Я.**

вокъ изъ одного пространнаго рукописнаго сочиненія, нами пріобрѣтеннаго и которое надѣемся издать, если сіи повѣсти благосклонно приняты будутъ публикой".—[Здѣсь, ясно, дѣло идетъ объ Исторіи села Горохина].

Стр. 40... ни образомъ мыслей, ни нравомъ мы большею частью другъ съ другомъ не сходствовали. Въ доказательство сего приведу примѣръ. Передъ обѣдомъ, какая-бы ни была погода обыкновенно ѣзжу я верхомъ, или осматривая поля и работы, или просто прогуливаясь, или занимаясь охотой, что моему здоровію отмѣнно полезно и даже необходимо. И. П. не имѣлъ привычки къ верховой ѣздѣ, долго опасался слѣдовать моему примѣру, наконецъ рѣшился потребовать лошадь. Я приказалъ для него осѣдлать самую смирную изо всей моей конюшни—и поѣхалъ шагомъ, ибо рысь могла показаться ему съ непривычки ѣздой слишкомъ опасною и безпокойною, къ тому же и лошадь его давно отъ нея отвыкла. И. П. сидѣлъ довольно бодро и начиналъ уже приноравливаться къ движенію коня, какъ я подъѣхавъ къ ригѣ, на которой молотили, остановился поговорить со старостою. Слѣдуя моему примѣру лошадь И. П. стала (также), но онъ отъ незапнаго сотрясенія потерялъ равновѣсіе, упалъ и расшибъ себѣ руку. — Сіе несчастіе и смѣхъ, отъ коего не могъ я воздержаться, не помѣшали ему и впредь сопровождать меня въ моихъ прогулкахъ и въ послѣдствіи пріобрѣлъ онъ нѣкоторый навыкъ въ верховой ѣздѣ, семъ столь-же полезномъ, какъ и благородномъ упражненіи.

Иванъ Петровичъ велъ жизнь самую умѣренную... и т. д.

19₂. Отрывокъ изъ „Станціоннаго Смотрителя"—IV. 485.

20₁.—Заглавный листъ:

Краткія повѣсти покойнаго И. П. Бѣлкина.

> Простакова. Что до исторій, мой батюшка, то онъ у насъ до нихъ большой охотникъ.
>
> Скотининъ. Митрофанъ по мнѣ.
>
> Недоросль.

20₂—неписанная страница.

21, 22, 23, 24, 25 и **26** листовъ нѣтъ.

XXV.

№ 2388. Матеріалы, собранные Пушкинымъ.— Состоитъ изъ отдѣльныхъ тетрадей:

А.—9 листовъ [писчихъ полулистовъ], на оберткѣ красными чернилами: № 6.—Abregé chronologique des evenements les plus rémarquables du regne de Pierre I.—Все не Пушкинской рукой.

В.—3 листа. Пушкинъ снялъ факсимиле съ 4-хъ писемъ Петра и тутъ-же переписалъ ихъ просто.

В.—На полулистѣ голубой бумаги большаго почтоваго формата еще письмо Петра, рукой Пушкина.—**1** листъ.

Г.—**2** листа.—№ 7.—Не Пушкинской рукой переписано:

Пребываніе императора Петра I-го въ Астрахани (извлечено изъ оффиціальныхъ бумагъ и народныхъ преданій).

Д.—№ 5.—**6** листовъ. „Дѣла подъ названіемъ Архивъ Императора Петра I. [Опись дѣлъ-съ обозначеніемъ, куда отсылаются, и ссылки на соотвѣтствующія мѣста Голикова и др. книгъ]. Все не рукою Пушкина.

Е.—№ 1.—**9** листовъ. Списокъ книгъ о Петрѣ, большею частью иностранныхъ, съ короткими иногда замѣтками. Рука не Пушкина.

Ж.—Къ № 4. „О камчаткѣ". **17** листовъ, сѣрой и грубой бумаги, все рукою-Пушкина, чернилами и карандашомъ.—Географическое описаніе Камчатки [ненапечатано] и о жителяхъ и ихъ обычаяхъ [ненапечатано].

XXVI.

№ 2389. На оберткѣ: къ № 8. „Записки Бригадира Моро-де-Бразе (касающіяся до Турецкаго похода 1711 года)". Безъ предисловія и безъ примѣчаній, все рукою Пушкина, чисто переписанное, иногда съ помарками.—**93** листа.—V, 440.

XXVII.

№ 2390. Пугачевскій бунтъ. Десять отдѣльныхъ несшитыхъ тетрадей въ листъ, всего **184** листа. Все рукою Пушкина, чистовой экземпляръ; только во второй тетради листы 6—10 черновые, карандашомъ и чернилами.—VI, 1.

XXVIII.

№ 2391. Матеріалы для Пугачевскаго бунта.—Матеріаловъ очень много, все ненапечатанное. Всего **269** листовъ, почти всѣ рукою Пушкина.

XXIX.

№ 2392. Большая тетрадь въ листъ, безъ переплета. Неперенумерована. Листовъ писанныхъ **48**. Вся писарской рукой, съ поправками Пушкина.

1. Комедія о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ.

Сверху почти стершаяся надпись: Voila ma tragedie. Je voulais vous l'apporter moi même, mais tous ces jours-ci j'ai fait le jeunehomme.... qui... tous le long du jour.

Въ текстѣ піэсы есть незначительныя отличія. Напр., въ сценѣ въ корчмѣ, стр. 56: Варлаамъ затягиваетъ пѣсню:

Ахъ, Люба, ты, Люба моя,
Посмотри-тка ты, Люба, на меня.

... Выпьемъ-же чарочку за шинкарочку.

Посмотри-тка ты, Люба...

— Другая пѣсня не указана.

— Сцена битвы идетъ за сценой съ юродивымъ и неокончена.

XXX.

№ 2393. Многіе листы и тетради, сшитыя и несшитыя, вложенные въ отдѣльныя обертки. Все писарскою рукою, съ поправками и съ заглавіями на оберткахъ руки Жуковскаго [?].—Вѣроятно это подготовленныя для составленія посмертнаго изданія—копіи.

Стихотворенія лирическія	12	листовъ.
Антологія	4	листа.
Посланія.	30	листовъ.
Эпигр.	50	„
Баллады, пѣсни.	26	„
Сонеты	20	„
Стихи, сочиненные во время путешествія (1829 г.).	11	„
Пѣсни З. С.	31	листъ.
Восточныя	19	листовъ.
Сказки	26	„
Смѣсь	20	„
....	19	„
[Всего листовъ]. . . .	**268**	

XXXI.

№ 2394. Тетради и отдѣльные листы въ оберткахъ. Всѣхъ листовъ 303. Разные историческіе матеріалы, писанные разными почерками.

А.—№ 13. Оборона крѣпости Яика отъ партіи мятежниковъ, л. 24.

Б.—№ 14. „О побѣгѣ Пугачева“, копія съ оффиціальной бумаги, л. 46.

В.—№ 11. Прибавленіе о разбойникѣ и самозванцѣ Пугачевѣ изъ дневныхъ записокъ 1773-го года, города Оренбурга, Благовѣщенской церкви, что на Гостинномъ дворѣ, священника Ивана Осипова Нумарова, л. 72.

Г.—№ 17, [въ 4°]. Записка полковника Пекарскаго о Бунтахъ Яицкихъ, что̀ нынѣ Уральскихъ, казаковъ и самозванцѣ Емелькѣ, донскомъ казакѣ, Пугачевѣ.—Сверху чьей-то рукой написано: отъ Н. Сахарова; сзади тою-же рукою: посылаю записку эту точно въ такомъ видѣ, какъ она написана была сочинителемъ; конечно, надобно будетъ исправить безграмотный слогъ, а можетъ быть—по разсмотрѣнію—и сократить или выкинуть что-нибудь лишнее, какъ угодно. Во всякомъ случаѣ думаю, что она стоитъ печати: есть въ ней вещи неизвѣстныя доселѣ и о коихъ неупомянуто подробно въ изданной недавно объ этомъ предметѣ книгѣ.

Листовъ 53.

Д.—№ 3. Записка объ Артеміи Волынскомъ, л. 102.

Е.—№ 2. Рапортъ Тредьяковскаго о побояхъ, л. 6.

XXXII.

№ 2395. Толстая книга въ листъ; на корешкѣ и на переплетѣ ярлыкъ съ надписью: Списокъ съ посмертныхъ сочиненій Александра Сергѣевича Пушкина, назначенныхъ къ изданію.—На послѣдней страницѣ: итого писанныхъ листовъ восемьсотъ шестьдесятъ (860). Опекунъ.

Вся эта книга представляетъ матеріалъ посмертнаго изданія. Тутъ мы находимъ и стихи, и прозу, конечно не все собраніе сочиненій. Писано все разными писарскими почерками, съ поправками карандашными и чернильными руки Жуковскаго и пр. Книга переплетена очень небрежно, т. е. безъ особаго порядка, и многіе листы перепутаны. Многіе стихи и статьи помѣщены дважды.

Эта книга интересна, такъ какъ можетъ показать, какія измѣненія вносились въ Пушкинскій текстъ посмертными издателями: многіе изъ этихъ измѣненій до сихъ поръ сохраняются въ печатномъ текстѣ Пушкина [1]). Намъ нечего приводить ихъ: почти всѣ эти измѣненія уже указаны выше на основаніи подлинныхъ рукописей. Изъ статей Пушкина въ этой книгѣ мы находимъ: Мелкія замѣтки, нѣкоторыя полемическія статьи, Родословную Пушкиныхъ и Ганибаловъ, о Радищевѣ [Мысли на дорогѣ], Рославлева и т. д. Стиховъ тутъ сравнительно не много, относятся они къ разнымъ эпохамъ: вѣдь эта книга представляетъ собранія произведеній, ненапечатанныхъ при жизни автора [здѣсь не все новое, что вошло въ посмертное изданіе]. Между прозой есть вещи, доселѣ ненапечатанныя, но онѣ приведены выше по подлинникамъ. Одна только статья изъ нихъ не находится въ подлинныхъ тетрадяхъ: О Татищевѣ [2]). Это небольшая, журнальная біографія В. Н. Татищева, обязанная, вѣроятно,

---

[1]) См. для примѣра въ № 2387 А, л. 51, примѣчаніе.

[2]) Листы 199—210; и вторично, л. 263—274.

своимъ происхожденіемъ занятіямъ Пушкина по исторіи Оренбургскаго края, приводится нами ниже.

Въ этой-же книгѣ мы находимъ копію съ письма Пушкина къ Я. Н. Толстому [1822]. Письмо это напечатано г. Анненковымъ съ пропускомъ конца, который и привожу [л. 468]:—Ты пишешь мнѣ о своихъ стихотвореніяхъ, а я, въ Бессарабской глуши не получая ни журналовъ, ни новыхъ книгъ, не зналъ объ изданіи книги, которая утѣшила бы меня въ моемъ уединеніи. Прости, милый, до свиданія и до посланія!... обними нашихъ. Что Всеволожскія? Что Мажуровъ? Что Барковъ? Что Соснецкія? Что Хмѣльницкій? Что Катенинъ? Что Шаховской? Что Ежова? Что Гр. Пушкинъ? Что Семеновы? Что Завадовскій? Что весь театръ? [См. VII. 159].

Изъ стихотвореній два ненапечатаны; это, во первыхъ, очень плохая піэса въ 20 строкъ, озаглавленная „Застольная Пѣсня"; если она принадлежитъ Пушкину, то она относится къ лицейскимъ годамъ и осталась неотдѣланной; я потому сомнѣваюсь въ ея принадлежности Пушкину, что вся книга, какъ сказано, составлена очень небрежно и въ ней дважды помѣщено посланіе на смерть Державина, принадлежащее Дельвигу [см. Сочин. Державина, IX, 550]. То же самое можно сказать и о незначительной эпиграммѣ, которую по ея краткости выписываю:

Къ Баболовскому [1]) дворцу.

Прекрасная! Пускай восторгомъ насладится
Въ твоихъ объятіяхъ россійскій полубогъ.
Что съ участью твоей сравнится?
Весь міръ у ногъ его,—здѣсь у твоихъ онъ ногъ.

Надо еще замѣтить, что листы 729—732 (въ четверку) заняты подлинной рукописью Воспоминанья о Царскомъ Селѣ [I. 57]. Въ этой-же книгѣ мы находимъ дважды переводъ Слова о Полку Игоревѣ, о чемъ уже было сказано, см. № 2386 Г., примѣчаніе.

Изъ непринадлежащаго Пушкину мы находимъ въ этой книгѣ:

1) Прошеніе Жуковскаго Императору о дозволеніи напечатать Исторію Петра Великаго [1,].

2) Заявленіе, при которомъ Жуковскій, уѣзжая въ 1838 г. заграницу, сдавалъ опекѣ бумаги Пушкина. При заявленіи общая опись, въ которой, между прочимъ, три №№ заняты Исторіей Петра Великаго [л. 463].

3) Замѣтка и статья Плетнева о Пушкинѣ. См. Современникъ.

4) Письмо Погодина къ кн. Вяземскому, при которомъ была прислана піэса Герой; подлинникъ л. 3. Оно напечатано не все.

---

[1]) Не описка-ли переписчика?

№ 2395. Листы 199—210, то-же 263—274.

О Татищевѣ.

Татищевъ (Василій Никитичъ), тайный совѣтникъ и Астраханскій губернаторъ, родился въ 1686 году; поступилъ въ 1704 году на службу и въ томъ-же году находился при взятіи Нарвы; былъ въ Полтавскомъ сраженіи (1709), а потомъ подъ Азовомъ и при Прутѣ (1711). Послѣ сего отправленъ въ чужіе края, гдѣ усовершенствовалъ себя въ наукахъ и въ языкахъ нѣмецкомъ и польскомъ. Въ 1718 году, президентъ мануфактуръ и бергъ-коллегіи, генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Брюсъ, за отбытіемъ своимъ на Аландскій конгрессъ, поручилъ географическія занятія свои Татищеву, состоявшему тогда въ чинѣ артиллеріи капитанъ-поручика. Въ 1720 году отправленъ Татищевъ въ Сибирь для управленія казенными желѣзными заводами. Онъ говоритъ въ лексиконѣ своемъ: 1721 года зачатъ строить на рѣкѣ Исети капитаномъ Татищевымъ желѣзный заводъ и построенъ городъ немалый, Екатерининсъ. Демидовъ, коему пожалованъ былъ Петромъ I одинъ только Ѳедьковскій заводъ, распространилъ свои владѣнія болѣе, нежели слѣдовало, и употреблялъ къ заводу казенныхъ мастеровыхъ; опасаясь, чтобы Татищевъ не отнялъ у него казеннаго имущества, [онъ] подалъ на него Петру I жалобу въ притѣсненіи его. Государь отправлялъ въ сіе время Геннина на Сибирскіе заводы и поручилъ ему произвести слѣдствіе о сей ссорѣ; Геннинъ, розыскавъ дѣло сіе, отправилъ все слѣдствіе съ Татищевымъ къ государю. По окончаніи сей распри повелѣно было Татищеву отправиться къ прежней должности на Сибирскіе заводы. Какъ я отъѣзжалъ въ 1722 году въ Сибирь, говоритъ Татищевъ, и пріѣхалъ къ царевнѣ Аннѣ Іоанновнѣ прощеніе принять, она, жалуя меня, спросила шалуна сумасброднаго подьячаго Тимофея Архиповича, бывшаго шутомъ при дворѣ: скоро-ли я возвращусь? онъ, меня не[любивъ] за то, что я не былъ суевѣренъ и руки его не цѣловалъ, сказалъ: онъ руды много накопаетъ, да и самого закопаютъ.

Въ 1723 году Татищевъ взятъ былъ ко двору, гдѣ и пробылъ близъ года, но, по какому случаю и при какой должности, подлинно неизвѣстно. Въ 1724 произведенъ Татищевъ въ полковники отъ артиллеріи и посланъ въ Швецію для обозрѣнія горныхъ заводовъ и для составленія плановъ и моделей машинамъ. Ему поручено было пригласить въ россійскую службу нѣсколько горныхъ чиновниковъ и отдать тамъ въ обученіе разнымъ горнымъ мастерствамъ посланныхъ съ нимъ академическихъ учениковъ. Татищевъ исполнилъ порученіе и торговалъ въ Швеціи, по указу бергъ-коллегіи, мѣдь, которая обходилася по 5 руб. 50 коп. за пудъ, съ тою выгодою, что провозъ могъ быть заплаченъ превосходствомъ шведскаго вѣса противъ россійскаго. Онъ возвратился въ С.-Петербургъ чрезъ Копенгагенъ 1726 года и привезъ съ собою одного только гранильнаго мастера поручика Рефа, потому что шведское правительство за-

претило ему нанимать заводскихъ мастеровъ. Въ 1727 году Татищевъ сдѣланъ совѣтникомъ бергъ-коллегіи и поручено ему съ другими монетное дѣло. Въ 1730 году пожалованъ онъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; а въ 1734 назначенъ въ Сибирь на мѣсто де-Геннина, для смотрѣнія надъ казенными и партикулярными заводами. Прибывъ въ Екатеринбургъ онъ обозрѣлъ всѣ подвѣдомственные ему заводы. Тогда общими трудами рудныхъ промышленниковъ и заводчиковъ составленъ былъ общій уставъ, извѣстный подъ именемъ: Татищева уставъ заводскій. Сей уставъ не былъ высочайше утвержденъ, но имъ руководствовались казенные и частные заводы; и хотя послѣдовали многія измѣненія по горному управленію, но заводскія конторы и нынѣ слѣдуютъ Татищеву уставу. Послѣ сего опредѣлилъ Татищевъ казенныхъ надзирателей на всѣ частные заводы, назвавъ ихъ шихтмейстерами и далъ чиновникамъ симъ наказъ, примѣняясь къ учрежденіямъ саксонскихъ и шведскихъ заводовъ. Татищевъ обратилъ особенное вниманіе на учрежденіе горныхъ училищъ въ Кунгурѣ, Соликамскѣ и по заводамъ. Онъ подарилъ библіотеку симъ заведеніямъ, болѣе 1,000 книгъ составлявшую. Демидовъ успѣлъ однакожъ устранить свои заводы отъ подвѣдомства Татищева; тогда-же отчислены были отъ него Строгоновыхъ горные заводы и соляные ихъ промыслы.

При учрежденіи въ 1736 году вмѣсто бергъ-коллегіи—генералъ-бергъ-директоріума, Татищевъ подчиненъ былъ, по управленію заводовъ генералъ-бергъ-директору Шембергу. Въ сіе время принялъ онъ непосредственное участіе въ усмиреніи бунтующихъ башкирцевъ. Еще прежде сего, въ 1734, помогалъ онъ полковнику Тевкелеву провіантомъ и снарядами, а въ 1735 году Татищевъ самъ ходилъ противу башкирцевъ Осинскаго уѣзда и, бывъ подкрѣпленъ полковниками Мартыновымъ и Тевкелевымъ, одержалъ надъ ними значительную побѣду, казнилъ бунтовщиковъ, а съ покорившихся взыскалъ въ пользу Оренбургской экспедиціи 10,000 руб. контрибуціи и большое количество лошадей. Главный начальникъ оренбургской экспедиціи, статскій совѣтникъ Кириловъ, донеся о семъ 1736 года кабинету, просилъ, чтобъ съ Сибирской стороны поручить главное начальство надъ военными Татищеву. Кабинетъ утвердилъ сіе представленіе въ началѣ 1737 года и того-же года, по смерти Кирилова, ему поручены всѣ дѣла Оренбургской экспедиціи. По полученіи о томъ указа онъ оставилъ совѣтника Хрущова начальникомъ надъ всѣми горными заводами, а самъ отправился водою въ Мензелинскъ, гдѣ нашелъ генералъ-маіора Соймонова, полковниковъ Бардевика, Тевкелева и Уфимскаго воеводу, статскаго совѣтника Шемякина. Для удержанія въ покорности башкирцевъ, они рѣшили общимъ совѣтомъ учредить за Ураломъ новую Исетскую провинцію, которой быть вмѣстѣ съ Уфимской подъ вѣдѣніемъ Оренбургской экспедиціи. Кабинетъ утвердилъ сіе положеніе. Въ январѣ 1738 года Татищевъ отправился въ Самару, откуда предположено было начать военныя дѣйствія противъ непокорныхъ башкирцевъ. На пути онъ осмотрѣлъ съ инженерами положеніе Красноярска и выбралъ мѣсто для перевода Оренбургской крѣпости, помѣщенной

на весьма неудобномъ мѣстѣ. Въ сіе время киргизскій ханъ Нибирсъ прибылъ въ русскій лагерь. Татищевъ принялъ сего владѣльца съ почестію; онъ присягнулъ Россіи въ вѣрности подданства. Татищевъ воспользовался симъ случаемъ, чтобы доставить Оренбургскому краю всѣ выгоды по торговлѣ. Онъ отправилъ караванъ въ Ташкентъ и послалъ вмѣстѣ съ онымъ двухъ офицеровъ для географическихъ наблюденій. Караванъ миновалъ среднюю и меньшія орды, но былъ разбитъ при большой. Около сего-же времени установилъ Татищевъ оренбургскую мѣновую торговлю и собралъ первую пошлину съ торговъ и акцизъ съ продажи питей. Окончивъ дѣла сіи принялся Татищевъ за устроеніе крѣпостей. Онъ обозрѣлъ весь Оренбургскій край. Въ предпріятіи семъ, способствовали ему много флота капитанъ Элтонъ и инженерные офицеры. Но спокойствіе башкирцевъ продолжалось недолго. Волжскіе калмыки, кочевавшіе по луговой сторонѣ рѣки Волги, оказали вдругъ неповиновеніе, начали оттонять табуны отъ новопостроенныхъ крѣпостей и разграбили купеческій обозъ, шедшій изъ Самары въ Яицкій городокъ. Татищевъ отправилъ противъ сихъ бунтовщиковъ нѣсколько казацкихъ партій, кои, разбивъ калмыковъ въ разныхъ мѣстахъ, переловили зачинщиковъ. 1739 года Татищевъ отправился въ С.-Петербургъ и подалъ въ кабинетъ разныя представленія свои, изъ коихъ главнѣйшія: I. Перенести городъ Оренбургъ на урочище Красной горы. II. Провести линію вверхъ по Яику, до Верхнеяицкой пристани и оттуда по рѣкѣ Ую до Царева Городища и по рѣкѣ Сакмарѣ. III. На линіи сей поселить гарнизонные и ландмилицкіе полки. IV. Позволить, за отдаленностію мѣста, производить достойныхъ оберъ-офицеровъ въ чины, а недостойныхъ увольнять въ отставку. V. Позволить распространить торговлю того края. VI. Установить правила для управленія киргизъ-кайсаками. Въ сіе время полковникъ Тевкелевъ, природный башкирецъ, находившійся при оренбургской экспедиціи, вызванный въ С.-Петербургъ за нѣсколько мѣсяцевъ прежде Татищева, дабы состоять въ свитѣ посла, прибывшаго туда изъ Персіи, успѣлъ разсѣять неблагопріятные слухи на счетъ Татищева и подалъ на него нѣсколько жалобъ. Кабитетъ, разсмотря жалобы сіи и возраженія Татищева, нарядилъ слѣдственную коммисію надъ ними, а между тѣмъ опредѣленъ былъ начальникомъ оренбургской коммисіи членъ государственной адмиралтействъ коллеги, контръ-адмиралъ кн. Василій Урусовъ.Не смотря на сіе, всѣ вышеприведенныя представленія Татищева были уважены. Не извѣстно, чѣмъ кончилась наряженная надъ Татищевымъ коммисія. Обвиненія оказались, вѣроятно, несправедливыми, ибо чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Татищевъ былъ снова посланъ въ 1741 году, по смерти калмыцкаго хана Дондукъ-Омбы, для усмиренія взбунтовавшихся калмыковъ, и вскорѣ назначенъ въ Астрахань губернаторомъ. Отъ сей должности онъ уволенъ по несогласію его съ намѣстникомъ калмыцкаго ханства. Татищевъ, оставивъ Астрахань, отправился въ подмосковную деревню свою, сельцо Болдино, гдѣ и умеръ 1750 года, іюля 15. Тѣло Татищева предано землѣ въ погостѣ, состоящемъ въ одной верстѣ отъ его деревни.

Докторъ Лерхъ, сопровождавшій князя Михаила Михайловича Голицына въ

Персію, говоритъ о Татищевѣ: „октября 27, 1744 года, прибыли мы въ Астрахань. Губернаторомъ былъ тамъ извѣстный ученый: Василій Никитичъ Татищевъ, который предъ симъ образовалъ новую Оренбургскую губернію. Онъ говорилъ по нѣмецки, имѣлъ большую библіотеку отличнѣйшихъ книгъ и былъ въ философіи, математикѣ, а особенно въ исторіи весьма свѣдущъ. Онъ написалъ россійскую исторію, которая, по кончинѣ его, досталась кабинетъ-министру барону Ивану Черкасову". — Черкасовъ передалъ оную Ломоносову. Татищевъ жилъ совершеннымъ философомъ и имѣлъ особенный образъ мыслей. Онъ былъ слабаго здоровья, но сіе не препятствовало ему быть дѣятельнымъ и рѣшительнымъ въ дѣлахъ; онъ умѣлъ каждому дать полезный совѣтъ и помощь, а особенно купечеству, которое онъ въ томъ краѣ возстановилъ.

Татищевъ рѣшился первый привести въ систему разноообразныя повѣствованія о Россіи и, слича оныя съ лѣтописями, составилъ Исторію Россійскаго государства, съ самыхъ древнихъ временъ до 1463 года. Она напечатана въ 4-хъ частяхъ (1768—1784 гг.). Въ сочиненіяхъ своихъ упоминаетъ онъ, что занимался безпрерывно географіею. „Во время пребыванія моего въ Астрахани, говоритъ онъ, посылалъ я по землѣ и морю описывать искусныхъ людей; сочиня ландкарту, послалъ оную въ сенатъ и академію".

Татищевъ занимался разборомъ древнихъ законовъ русскихъ и объяснилъ основательными примѣчаніями Русскую Правду и Судебникъ царя Ивана Васильевича съ дополнительными къ нему указами. Первая помѣщена въ I-й части продолженія Древней Россійской Вивліоѳики, а второй изданъ двукратно: въ 1768 и 1786 годахъ. Не успѣлъ онъ къ сожалѣнію кончить своего лексикона. Три книги онаго, продолжающіяся до буквы *Л*, изданы въ 1793 году и содержатъ много любопытнаго. Татищевъ говоритъ въ предисловіи Лексикона между прочимъ, что въ 1735 году представилъ онъ кабинету, дабы перемѣнить тѣ нѣмецкія названія, коими опредѣляются степени горныхъ чиновъ. Кабинетъ на сіе согласился, но Биронъ узнавъ сіе, на него сильно гнѣвался. Татищевъ приложилъ къ своей исторіи извѣстіе о россійскомъ государственномъ гербѣ, о родословіи россійскихъ государей; о іерархіи; о чинахъ и суевѣріяхъ древнихъ и о географіи россійской вообще. Въ духовной Татищева помѣщено много замѣчаній, кои суть плоды долговременной службы и опытности. Татищевъ вооружается весьма сильно противъ кабаковъ, доказывая сколь они вредны и пагубны; но читая сіе, нельзя не вспомнить, что онъ самъ учредилъ кабаки въ заводахъ Демидова. Духовная сочинена Татищевымъ въ 1733 году сыну его Евграфу Васильевичу; издана она въ 1773 году Сергѣемъ Друковцовымъ. Сверхъ того многія сочиненія Татищева пропали, важные по предметамъ своимъ:

1) Лексиконъ сарматскихъ, эстляндскихъ и финскихъ словъ; 2) жизнеописанія царей Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича; 3) замѣчанія на Страленберга и 4) переводъ Кирхеровой хронологіи татаръ и калмыковъ.

А. С. Пушкинъ.

Указатель къ рукописямъ А. С. Пушкина, хранящимся въ Румянцовскомъ музеѣ,

№№ 2364—2395.

[„Русская Старина“ изд. 1884 года, февраль, мартъ, апрѣль, май, іюнь, іюль, августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь, и декабрь].

I.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

---

[1]) Первая цифра, набранная жирнымъ шрифтомъ, обозначаетъ № тетради рукописи [тысячи и сотни обыкновенно откинуты], вторая цифра — № листа; такъ **67**. 8_2 означаетъ—№ 2367, листъ 8, вторая страница. В. Я.

II.

ПРОЗА.

1) Романы и повѣсти.

Капитанская дочка — 81. — 74. 4_2—5_1. 75. 32_1.
Марія Шонингъ—77 А. 14_1 15. 16.
Не смотря на великія преимущества—87 В. 24. 25. 33. 74.
Отрывки мелкіе—64. 57_1. 78. 66. 13_2. 39_2. 73. 15_1. 18_1 42_2. 75. 15_1. 18_1. 24_1. 42_2. 77 А. 2.
Повѣсти Бѣлкина—79.—87 В. 14—20.
Романъ въ письмахъ—82. 93_2—89_2. 88_2—86_2. 85_2.
Рославлевъ—82. 63_2—47_1. 87 В. 12—15. 82—85.
Русскій Пеламъ—87 В. 16. 17. 19. 79. 78_1.
Сцены изъ рыцарскихъ временъ — 84. 27_1—29_1 32_1—38_2. 45_1—49_1. 51_1—53.
Съ французскаго—72. 65_2—62_1.
Цезарь путешествовалъ—72. 57_2.

2) Путешествіе, журнальныя статьи, замѣтки.

Александръ Радищевъ—85—87 В. 1—8. 87—93.
Альманашникъ—82. 35_1—39.
Баратынскій—87 В. 5. 6. 8. 27—29
Вольтеръ—86. 11—22. 68—52.
Дѣтскія сказочки—82. 66—$64a_2$.
Желѣзная маска—87 В. 44. 54. 45. 53.
Замѣчанія на Слово о Полку Игоревѣ и переводъ слова—86 Г.
Лордъ Байронъ—86 II. 3_1—7_1. 32_1—36.
Мысли на дорогѣ—77 А. 18.—84. 1—26.—85.—86. 38—41.
О народномъ воспитаніи—68. 49_1—44_1.
Послѣдній изъ родственниковъ I. д'Аркъ—86. 2—5. 58—61.
Предисловіе и примѣчанія къ Е. Онѣгину—70. 10_1. 11. 33.
Примѣчанія къ Цыганамъ—68. 2_1. 70. 29_1.
Путешествіе въ Арзрумъ — 82. 1_1 — 14_1. 85_2—81_1. 83. 87 В. 27. 71.
Путешествіе В. Л. П.—86. 10_1—11_2. 52.
Разговоръ А. и Б.—87 В. 28. 29. 70. 69.
Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ—87 А. 25—26. 59. 60. 62. 50_1—В. 38. 39. 59_2—61_2.
Россійская Академія—86. 6—9. 54—57.
Самъ съѣшь—87 А. 63_2. 87 В. 30_1.
Table-talk—77 В.

Замѣтки:

Объ азбукѣ—77 А. 19.
Объ А. Шенье—70. 65_1.
О Баратынскомъ—67. 38. 39_2.
О Байронѣ—67. 40_2. 82. 24_1.
О Борисѣ Годуновѣ—72. 42—44_1. 73. 2 82. 11_1. 86 В. 79. 87А. 35_1.

Историческія замѣтки къ Борису Годунову—70. 44.

Замѣтки:

о выходѣ Иліады—82. 28. 73.
о дамахъ—82. 70_1.
о Г. Г. Пушкинѣ—67. $55a_2$.
о г-жѣ Сталь—87В. 2_1.
о запискахъ Симсона—82. 78_2.
объ исторіи поэзіи Шевырева—82. 41_1.
о Камчаткѣ—77А. 22.
о литературной критикѣ—82. 29_1.
о Лобановѣ—86. 29—37. 42—50.
о Марѳѣ Посадницѣ—87 В. 31—34. 63—67.
о некрологіи Раевскаго—82. 17_1.
о повѣстяхъ Павлова—87 В. 21_1. 22_2.
о Полевомъ—87 В. 46. 47. 57. 52. 87 В. 1.
о прекрасномъ—87 А. 52_2.
о приличіи въ литературѣ—82. 71_2.
о путешествіи Муравьева—73. 22_1.
о разгорорѣ у кн. Халдиной—82. 76_1.
о романтизмѣ—82. 29_2.
о романѣ Загоскина—82. 80_2. 79_1. 77_1.
о Тацитѣ—67. 60_1.
о словесности—87 В. 4. 31. 32.
о слогѣ—66. 10_2.
о соколиной охотѣ—77 А. 20.
о статьяхъ князя Вяземскаго 82. 72_1.
о Ѳракійскихъ элегіяхъ—86. 23. 24. 26. 53. 55.

Замѣтки критическія и полемическія—82. 18_1. 31_1. 102_1. 95_2—93_1. 83. 13_1. 87А. 74_1. 12. 13. 15 — 17. 67. 19. 20. 65. 64. 21. 22. 63. 87 В. 30_2—68_2. 35_1. 33_1. 62_2. 37. 67. 38. 39. 61—59.

Замѣтки мелкія—64. 78_2. 67. 42. 45_1—47_1 56_2. 57_1. 59_1—60_1. 68. 30. 31_1. 69. 2. 70. 56_1. 58_1. 65_1. 82_1. 72. 59_2. 82. 30_2. 86 В. 79. 87А. 1. 18_2.

3) Историческія сочиненія.

4) Письма.

5) Записки.

Програмы:

6) Сказки, записанныя Пушкинымъ; выписки изъ разныхъ сочиненій; матеріалы.

В. Е. Якушкинъ.

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ

въ замѣткахъ его товарища.

Зная, насколько „Русская Старина“ интересуется подробными свѣдѣніями о знаменитыхъ нашихъ соотечественникахъ, я, какъ бывшій товарищъ Михаила Юрьевича Лермонтова, приведу здѣсь отрывокъ о немъ изъ старыхъ моихъ воспоминаній.

Во всѣхъ біографіяхъ М. Ю. Лермонтова, сколько мнѣ удавалось читать ихъ, не упоминается, кажется, что, до поступленія его въ Московскій университетъ, бабушка его, Арсеньева, опредѣлила его въ Московскій университетскій благородный пансіонъ. Сколько могу припомнить, кажется, онъ, хорошо видно дома подготовленный, поступилъ въ пятый классъ, откуда онъ, не кончивъ послѣдняго шестого класса, — скоро вышелъ. Много было печатано воспоминаній бывшихъ учениковъ пансіона, а потому я ограничусь только сообщеніемъ о томъ времени, когда Лермонтовъ былъ въ числѣ воспитанниковъ.

Лучшіе профессора того времени преподавали у насъ въ пансіонѣ и я еще живо помню, какъ на лекціяхъ русской словесности заслуженный профессоръ Мерзляковъ принесъ къ намъ въ классъ только что вышедшее стихотвореніе Пушкина:

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя, и проч.

и какъ онъ, древній классикъ, разбирая это стихотвореніе, критиковалъ его, находя всѣ уподобленія невозможными, неестественными, и какъ все это бѣсило тогда Лермонтова. Я не помню, конечно, какое именно стихотвореніе представилъ Лермонтовъ Мерзлякову; но чрезъ нѣсколько дней, возвращая всѣ наши сочиненія на заданныя имъ темы, онъ, возвращая стихи Лермонтову, хотя и похвалилъ ихъ, но прибавилъ только: „молодо, зелено“, какой, впрочемъ, аттестаціи почти всѣ наши сочиненія удостоивались. Все это было въ 1829 или 1830 году, за давностью хорошо не помню. Нашими соучениками въ то время

были, блистательно кончившіе курсъ, братья Д. А. и Н. А. Милютины и много бывшихъ потомъ государственныхъ дѣятелей.

Въ послѣднемъ 6-мъ классѣ пансіона сосредоточивались почти всѣ университетскіе факультеты, за исключеніемъ, конечно, медицинскаго. Тамъ преподавали всѣ науки и потому у многихъ, во время экзамена, выходилъ какой-то хаосъ въ головѣ. Нужно было приготовиться, кажется, изъ 36 различныхъ предметовъ. Директоромъ былъ у насъ Курбатовъ. Инспекторомъ, онъ же и читалъ физику въ 6-мъ классѣ, М. Г. Павловъ. Судопроизводство—старикъ Сандуновъ. Римское право—Маловъ, съ которымъ потомъ была какая-то исторія въ университетѣ. Фортификацію читалъ Мягковъ. Тактику, механику и проч. и проч. я уже не помню кто читалъ. Французскій языкъ—Бальтусъ, съ которымъ ученики продѣлывали разныя шалости, подкладывали ему подъ стулъ хлопушки и проч.

Всѣмъ намъ товарищи давали разныя прозвища. Въ памяти у меня сохранилось, что Лермонтова, не знаю почему,—прозвали лягушкою. Вообще, какъ помнится, его товарищи не любили и онъ ко многимъ приставалъ. Не могу припомнить, пробылъ-ли онъ въ пансіонѣ одинъ годъ или менѣе, но въ 6-мъ классѣ къ концу курса онъ не былъ. Всѣ мы, воспитанники благороднаго пансіона, жили тамъ и отпускались къ роднымъ по субботамъ, а Лермонтова бабушка ежедневно привозила и отвозила домой.

Въ 1832 году я снова встрѣтился съ Лермонтовымъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ. Извѣстно, что въ школѣ онъ былъ юнкеромъ л.-гв. гусарскаго полка и вышелъ въ тотъ-же полкъ корнетомъ. Гвардейская школа помѣщалась тогда у Синяго моста въ огромномъ домѣ, бывшемъ потомъ дворцѣ в. кн. Маріи Николаевны. Мы, пѣхотинцы, помѣщались въ верхнемъ этажѣ, кавалерія и классы—въ среднемъ. Пѣхотные подпрапорщики мало и рѣдко сближались съ юнкерами, которые называли насъ „крупою“. Иногда, въ свободное время, юнкера заходили къ намъ въ рекреаціонную небольшую залу, гдѣ у насъ находился старый разбитый рояль.

Въ одной провинціальной газетѣ („Харьковскія Вѣдомости“, № 191, 28 іюля 1884 г.), въ статьѣ Обзоръ періодической печати, помѣщенъ отрывокъ изъ журнала „Русская Мысль“ П. Висковатова о пребываніи Лермонтова въ школѣ гвардейскихъ юнкеровъ. Настоящая статья моя,—воспоминаніе старика о М. Ю. Лермонтовѣ,—вызвана не совсѣмъ вѣрнымъ и точнымъ сообщеніемъ г. Висковатова о нашемъ школьномъ времени.

Въ концѣ 1820-хъ и самомъ началѣ 1830-хъ годовъ, для моло-

дыхъ людей, окончившихъ воспитаніе, предстояла одна карьера— военная служба. Тогда не было еще училища Правовѣдѣнія и всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ называли подъячими. Я хорошо помню, когда отецъ мой, представляя насъ, трехъ братьевъ, великому князю Михаилу Павловичу, просилъ двухъ изъ насъ принять въ гвардію и какъ его высочество, взглянувъ на третьяго, небольшого роста, сказалъ: „а этотъ въ подъячіе пойдетъ". Вотъ какъ тогда величали всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ, и Лермонтовъ, оставивъ университетъ, поневолѣ долженъ былъ вступить въ военную службу и просидѣть два года въ школѣ.

Обращеніе съ нами въ школѣ было самое гуманное, никакого особенно гнета, какъ пишетъ Висковатовъ, мы не чувствовали. Директоромъ былъ у насъ баронъ Шлипенбахъ. Ротой пѣхоты командовалъ, одинъ изъ добрѣйшихъ и милыхъ людей, полковникъ Гельмерсенъ, кавалеріею—полковникъ Стунѣевъ, онъ былъ женатъ на сестрѣ жены М. И. Глинки. Инспекторомъ классовъ, добрѣйшая личность, инженеръ полковникъ Павловскій. Дежурные офицеры обращались съ нами по товарищески. Дежурные, въ пѣхотѣ и кавалеріи, спали въ особыхъ комнатахъ около дортуаровъ. Утромъ будили насъ проходя по спальнямъ и никогда барабанный бой насъ не тревожилъ, а потому, какъ пишетъ Висковатовъ, нервы Лермонтова отъ барабаннаго боя не могли разстроиваться. Дежурные офицеры были у насъ: А. Ф. Гольтгофъ, впослѣдствіи генералъ, князь Химшеевъ, Нагель, Андрей Федоровичъ Лишенъ, впослѣдствіи директоръ какого-то корпуса. Кавалеристовъ не помню, за исключеніемъ, ротмистра л.-гв. уланскаго полка, Клерона, лихого француза, и всѣ эти господа обращались съ юнкерами совершенно по товарищески, и можетъ быть это обращеніе съ нами начальства было причиною, что, не желая огорчить кого-нибудь изъ любимыхъ нами дежурныхъ, въ двухъ-лѣтнее пребываніе мое въ школѣ я не помню, чтобы кто нибудь подвергался взысканію. По субботамъ мы, бывало, отправлялись по очереди, по два, отъ пѣхоты и кавалеріи, во дворецъ къ великому князю Михаилу Павловичу и обѣдали за однимъ съ его высочествомъ столомъ.

Профессоръ П. А. Висковатовъ въ статьѣ своей о пребываніи Лермонтова въ школѣ совершенно ошибочно передаетъ: „группировались въ свободное время и около Вонлярлярскаго, который привлекалъ къ себѣ многихъ неистощимыми, забавными разсказами. Съ нимъ соперничалъ Лермонтовъ, никому не уступавшій въ остротахъ и веселыхъ шуткахъ". Все это передано совсѣмъ

невѣрно. Дѣйствительно, въ одно время съ ними, былъ въ школѣ въ пѣхотѣ, извѣстный потомъ острякъ-повѣса, Костя Булгаковъ. Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ, сынъ бывшаго московскаго почтъ-директора, бывшій нашъ школьный товарищъ, обладалъ многими талантами. Всегда веселый, острякъ, отличный музыкантъ, онъ, въ свободное время, дѣйствительно, группировалъ около себя всѣхъ насъ и къ намъ наверхъ приходили Лермонтовъ и другіе юнкера. Во время пѣнія, весьма часто разныхъ скабрезныхъ куплетовъ, большею частью акомпанировалъ Мишель Сабуровъ, который, кажется, наизусть зналъ всѣ тогдашнія французскія шансонетки и въ особенности пѣсни Беранже. Костя Булгаковъ, какъ мы его обыкновенно называли, былъ общій любимецъ и дѣйствительно примѣчательная личность. Къ сожалѣнію, отъ слишкомъ сильнаго разгула, онъ рано кончилъ жизнь. Шутки и остроты его не ограничивались только кругомъ товарищей, онъ часто забавлялъ ими великаго князя Михаила Павловича. Въ то время много анекдотовъ передавали о похожденіяхъ Булгакова. Вотъ съ этою-то личностью соперничалъ въ остротахъ Лермонтовъ, а не съ названною ошибочно Висковатовымъ. Въ романѣ Писемскаго „Массоны“ фигурируетъ Булгаковъ, и даже есть портретъ его, но вовсе несхожій.

Третій и послѣдній разъ я встрѣтился уже съ Лермонтовымъ въ 1837 году, не помню—въ Пятигорскѣ или Кисловодскѣ, на вечерѣ у знаменитой графини Ростопчиной. Припоминаю, что на этомъ вечерѣ онъ былъ грустный и скоро исчезъ, а мы долго танцовали. Въ это время, кажется, онъ ухаживалъ за m-lle Емиліею Верзилиной, прозванной имъ-же, кажется: La Rose du Caucase. Всѣ эти подробности давно извѣстны и не для чего ихъ повторять.

Въ Кисловодскѣ я жилъ съ двумя товарищами на одной квартирѣ: княземъ Владиміромъ Ивановичемъ Барятинскимъ, бывшемъ потомъ генералъ-адъютантѣ, и княземъ Александромъ Долгорукимъ, тоже во цвѣтѣ лѣтъ погибшемъ на дуэли. Къ намъ по вечерамъ заходилъ Лермонтовъ съ общимъ нашимъ пріятелемъ, хромымъ докторомъ Мейеромъ, о которомъ онъ въ „Героѣ нашего времени“ упоминаетъ. Веселая бесѣда, споры и шутки долго, бывало, продолжались.

Вотъ мои замѣтки о бывшемъ моемъ товарищѣ Михаилѣ Юрьевичѣ Лермонтовѣ.

А. М. Миклашевскій.

1-го августа 1884 г.
Д. Вороная.

МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛИНКА

въ воспоминаніяхъ его сестры Л. И. Шестаковой.

М. г. Михаилъ Ивановичъ! Я дала вамъ слово набросать воспоминанія о братѣ моемъ и о себѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я васъ знаю, вы постоянно относились съ любовью и уваженіемъ къ памяти моего брата и съ участіемъ ко мнѣ; вы поймете, что я искренно рада исполнить желаніе ваше и этимъ доказать вамъ мою глубокую признательность. Л. Шестакова.

От ъ редакціи. Доставленный въ 1880 году, при приведенномъ выше къ намъ письмѣ, очеркъ высокоуважаемой Людмилы Ивановны Шестаковой предназначенъ ею только для личнаго нашего свѣдѣнія. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ все, что относится до великаго нашего композитора М. И. Глинки, интересуетъ всѣхъ русскихъ людей, то мы и позволяемъ себѣ помѣстить эту статью на стр. „Русской Старины", въ надеждѣ, что Л. И. Шестакова насъ извинитъ за нарушеніе ея желанія возможно долѣе сохранить ея статью въ рукописномъ видѣ.

Статья эта, касаясь главнымъ образомъ судьбы произведеній М. И. Глинки до посмертныхъ изданій оныхъ, составляетъ весьма важное дополненіе къ той массѣ записокъ, воспоминаній, разсказовъ, замѣтокъ и писемъ, которыя помѣщены въ „Русской Старинѣ" изд. 1870—1884 гг. по отношенію къ жизни и музыкальному творчеству Михаила Ивановича Глинки. Ред.

I.

Братъ мой, М. И. Глинка, родился, какъ извѣстно, въ 1804 г.; я же въ 1816 г., именно въ тотъ самый годъ, когда братъ былъ опредѣленъ въ Петербургѣ въ благородный пансіонъ при университетѣ, что нынѣ 1-ая гимназія. Помню только, какъ во снѣ, что на каникулярное время брата привозили иногда въ деревню. Впервые же я сознательно помню его, когда онъ, въ 1824 году, молодымъ человѣкомъ уже, пріѣхалъ къ какому то семейному

празднику въ деревню: былъ въ синемъ фракѣ съ бронзовыми пуговицами и привезъ свой поясной портретъ въ такомъ же костюмѣ (портретъ находится у меня и послѣ моей смерти долженъ поступить въ императорскую публичную библіотеку, потому что онъ былъ удивительнаго сходства съ оригиналомъ). Помню я этотъ пріѣздъ брата по слѣдующей забавной выходкѣ съ моей стороны: долго смотрѣла я на портретъ и потомъ, подойдя къ брату, сказала: „братецъ Мишенька, почему у маленькаго братца Мишеньки ножекъ нѣтъ, онъ бы со мной бѣгалъ“. Помню, что братъ засмѣялся, взялъ меня на руки и побѣжалъ, сказавъ: „я съ тобой побѣгаю“.

Съ 1824 по 1829 годъ братъ пріѣзжалъ нѣсколько разъ въ деревню на короткое время. Въ 1829 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, онъ пріѣхалъ въ деревню и пробылъ до апрѣля 1830 года. Въ продолженіе этихъ десяти мѣсяцевъ, онъ, не смотря на свою хандру, на свои мнимые и дѣйствительные недуги, постоянно занимался со мною науками и музыкою аккуратно два или три часа въ день, даже самъ набросалъ для меня уроки изъ географіи, въ которыхъ особенно подробно распространяется объ Испаніи (я подарила ихъ В. В. Никольскому) [1]). Братъ мой умѣлъ передавать какъ науку, такъ и музыку чрезвычайно ловко и я въ эти немногіе мѣсяцы очень у него успѣла, а главное онъ меня пріохотилъ къ занятіямъ (прежде, говорятъ, я была очень лѣнива, но послѣ его отъѣзда заграницу, 25-го апрѣля 1830 года, я начала съ охотою заниматься переводами и сочиненіями). Къ несчастію, мы жили въ такой глуши, что, не смотря на все стараніе моихъ родителей, они не всегда могли имѣть гувернантку; старшія сестры, иногда, отъ нечего дѣлать занимались со мною.

Братъ пробылъ заграницей четыре года и постоянно оттуда спрашивалъ меня о моихъ занятіяхъ и я ему давала подробный отчетъ обо всемъ, меня касавшемся. Вотъ эти-то отношенія учителя къ ученицѣ первоначально сблизили насъ.

Въ 1834 году умеръ нашъ отецъ и братъ возвратился въ деревню, гдѣ пробылъ все лѣто, за исключеніемъ поѣздки въ Москву на короткое время; меня онъ нашелъ уже взрослою дѣ-

---

[1]) Нынѣ уже покойный профессоръ русской словесности и инспекторъ Александровскаго лицея въ С.-Петербургѣ. Ред

вицею и всякій день до отъѣзда въ Петербургъ занимался со мною чтеніемъ и музыкой.

Весною 1836 года братъ женился въ Петербургѣ, а я въ то же самое время была выдана замужъ въ деревнѣ. Здѣсь я должна пропустить нѣсколько лѣтъ.

Какъ писалъ братъ оперу „Жизнь за Царя“, какъ она была поставлена на сценѣ, можно видѣть изъ его записокъ, мною изданныхъ на стр. „Русской Старины“ изд. 1870 г. [1]), а также изъ записокъ А. Я. Петровой. Потомъ братъ, разставшись съ женою, былъ въ Испаніи и оттуда пріѣхалъ въ деревню лѣтомъ въ 1847 году и до апрѣля 1848 года мы были уже неразлучны. Наши несчастныя супружества сблизили насъ и мы искренно привязались другъ къ другу.

Зиму мы прожили въ Смоленскѣ (это время описано братомъ въ его запискахъ). Въ апрѣлѣ 1848 года онъ уѣхалъ въ Варшаву, я отправилась къ матушкѣ. Она нуждалась въ близкомъ человѣкѣ, зрѣніе ея начало видимо слабѣть, а я, не имѣя дѣтей, была свободнѣе другихъ сестеръ и къ тому же ей пріятнѣе было имѣть меня подлѣ себя уже потому, что она знала, какъ братъ меня любитъ. Я охотно согласилась быть при ней; исполняла должность секретаря, чтеца и всего, что ей было угодно. Она не разъ въ то время говаривала мнѣ о братѣ и просила меня беречь его въ случаѣ ея смерти. И точно: протянула она недолго, въ 1851 году, 30-го мая, она скончалась. Я какъ можно осторожнѣе увѣдомила объ этомъ брата, зная, какой онъ былъ нѣжный сынъ; писала ему и просила его пріѣхать распорядиться дѣлами, но получила извѣстіе, что онъ нездоровъ и пріѣхать не можетъ. Тогда я, немедленно, отправилась къ нему въ Варшаву и пробыла у него мѣсяца два: онъ, при мнѣ, совершенно оправился и я, по желанію его, выхлопотала ему паспортъ заграницу, куда онъ хотѣлъ ѣхать съ товарищемъ своимъ, испанцемъ—донъ Педро; сама же, въ сентябрѣ, возвратилась въ деревню и принялась устраивать дѣла по имѣнію брата. Не прошло и недѣли съ моего возвращенія, какъ получаю отъ брата письмо изъ Петербурга, куда онъ только что пріѣхалъ. Въ письмѣ онъ просилъ меня не

---

[1]) Третье изданіе „Русской Старины“ 1870 г., въ трехъ томахъ, вышло въ свѣтъ въ 1875 году. Ред.

замедлить пріѣхать къ нему, потому что онъ очень боленъ. Въ октябрѣ въ этомъ же 1851 году, я поѣхала въ Петербургъ, остановилась въ училищѣ глухо-нѣмыхъ у директора, мужа сестры моей, Флери. Узнавъ квартиру брата, тотчасъ же поѣхала къ нему: это было вечеромъ, часовъ въ 9-ть; у него были гости: Энгельгардтъ и другіе, но, не смотря ни на что, увидя меня, братъ кинулся передо мной на колѣни и зарыдалъ какъ ребенокъ. Пробывъ у брата часа два, я возвратилась въ училище глухо-нѣмыхъ и на другое утро, прежде чѣмъ я встала, братъ былъ уже у меня и провелъ у меня весь день и вечеръ, сильно упрашивая меня остаться всю зиму въ Петербургѣ. Долго не рѣшалась я, а потомъ придумала средство испытать, будетъ ли мое присутствіе полезно брату. Онъ занималъ крошечную квартирку, но я переѣхала къ нему. Не желая безпокоить ни его, ни Педро, я спала на маленькомъ диванчикѣ въ гостиной, рядомъ съ спальнею брата.

Пробывъ у него дней десять, я окончательно убѣдилась, что мнѣ слѣдуетъ остаться: братъ переродился, раздражительность его исчезла, нервы успокоились, онъ началъ заниматься и когда я переѣхала отъ него въ училище, то онъ чаще бывалъ у меня, чѣмъ на своей квартирѣ. Тогда, скрытно отъ него, я поручила отыскать намъ квартиру (сама этого сдѣлать не могла, потому что была первый разъ въ Петербургѣ). Квартира была найдена на углу Невскаго и Владимірской, домъ Жукова, и 17-го ноября, въ день моего рожденія, когда братъ принесъ мнѣ подарокъ, я объявила брату, что квартира уже нанята и что завтра же мы туда переѣзжаемъ съ тѣмъ, что я пробуду съ нимъ всю зиму. Какъ обрадовался братъ этому извѣстію—описать невозможно; весь день былъ веселъ, пѣлъ, игралъ, былъ милъ, любезенъ съ гостями такъ, какъ онъ умѣлъ быть любезнымъ, когда хотѣлъ. Немедленно мы переѣхали на новую квартиру и намъ жилось хорошо (это время подробно описано братомъ въ его запискахъ).

Что касается музыкальной дѣятельности брата въ этотъ промежутокъ времени, то онъ сочинялъ немного, а я такъ мало знала подробностей о его музыкѣ, что не могла ничего предпринять для приведенія ея въ порядокъ. Помню только, что братъ нѣсколько разъ жаловался, что не слыхалъ въ оркестровомъ исполненіи своихъ вещей: „Камаринскій“, „Ночь въ Мадридѣ“ и затѣмъ нѣкоторыхъ вокальныхъ. Мнѣ захотѣлось сдѣлать ему

пріятное и доставить случай услышать неслышанныя еще имъ его произведенія.

Не говоря брату ни слова, я пригласила къ себѣ покойнаго Карла Богдановича Шуберта, сообщила ему мою мысль и онъ охотно согласился устроить концертъ „Филармоническаго общества“ въ пользу вдовъ и сиротъ. Я же съ своей стороны упросила Марью Васильевну Шиловскую и другихъ участвовать въ этомъ концертѣ, и когда уже было все наготовѣ, я сказала брату. Онъ съ радостью взялся пройти всѣ вокальныя сочиненія съ пѣвицами.

Въ Великомъ посту былъ назначенъ концертъ. Мы поѣхали съ братомъ на генеральную репетицію и только успѣли войти и сѣсть съ братомъ, какъ К. Б. Шубертъ началъ настоятельно требовать брата на эстраду, чтобы показать настоящій темпъ. Братъ, не подозрѣвая никакой ловушки, отправился по зову, но только ступилъ на эстраду, какъ оркестръ, положивъ инструменты, а исполнители и исполнительницы свои ноты—дружнымъ рукоплесканіемъ встрѣтили брата. Онъ былъ пораженъ неожиданностью и глубоко тронутъ. Многіе изъ стариковъ артистовъ обнимали его. Овація была вполнѣ торжественная.

Возвратясь ко мнѣ, со слезами на глазахъ, братъ сказалъ мнѣ: „помни, что отзывы артистовъ о моей музыкѣ для меня дороже отзывовъ и овацій всего міра“.

На другой день, концертъ прошелъ очень благополучно, мы съ братомъ сидѣли на хорахъ (онъ не любилъ выставляться), но не смотря на это, всѣ знали, гдѣ сидитъ братъ и всѣ глаза были обращены на него; залъ былъ совершенно полонъ, сборъ былъ великолѣпный и на утро Шубертъ пріѣхалъ благодарить меня за этотъ импровизированный концертъ, принесшій вдовамъ и сиротамъ музыкантовъ много пользы.

Эта зима прошла очень весело, но въ маѣ мѣсяцѣ я должна была уѣхать въ деревню къ годичному поминовенію моей матери. Въ деревнѣ тогда былъ обычай въ годовой день кончины собирать всѣхъ родныхъ, знакомыхъ, священниковъ, а послѣ церковной службы кормить и поить всѣхъ до отвала; обычай этотъ уничтожается, да и пора ему! Ужасно непріятно видѣть, когда, въ день памяти о близкомъ человѣкѣ, безчувственная толпа пьетъ и ѣстъ съ радостью.

Мы оттягивали день разставанья съ братомъ до послѣдней возможности. Я упрашивала брата ѣхать со мною; онъ рѣшительно не согласился и былъ правъ: живя почти постоянно заграницей, вдругъ взглянуть на деревенскія безобразія крѣпостнаго быта того времени было бы для него поразительно и даже невозможно.

И такъ, 25-го мая 1852 года, мы разстались; братъ съ Педро уѣхалъ въ Парижъ, а я въ деревню, гдѣ пробыла до мая 1854 года, постоянно получая отъ брата письма; болѣе 300-тъ писемъ брата къ матери и ко мнѣ затеряны въ Императорской Публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ, куда я ихъ переслала черезъ посредство В. В. Стасова, въ которыхъ онъ жаловался на разлуку со мной; помню въ одномъ изъ этихъ писемъ было сказано: „глупъ я, что не повѣрилъ словамъ,—гласящимъ, что отъ добра добра не ищутъ; мнѣ было такъ хорошо съ тобою; зачѣмъ я уѣхалъ?"

Ранѣе 1854 года я не могла пріѣхать въ Петербургъ; я начала строить каменную церковь и мое присутствіе въ деревнѣ было необходимо какъ по этому дѣлу, такъ равно и по хозяйственнымъ дѣламъ, да къ тому же на второмъ году по пріѣздѣ въ деревню у меня родилась дочь Ольга, крестница покойнаго брата. Но только я оправилась немного и устроилась, сейчасъ же, въ апрѣлѣ 1854 года, поѣхала въ Царское село съ моей крошечной дѣвочкой (которую я кормила сама) на приготовленную дачу для насъ, чтобы встрѣтить тамъ брата, который обѣщалъ пріѣхать въ началѣ мая. Дѣйствительно, 16-го мая 1854 г. братъ пріѣхалъ изъ Берлина.

Встрѣчи нашей описывать не буду. О жизни нашей въ Царскомъ уже сказано мною въ замѣткахъ моихъ о послѣднихъ годахъ жизни брата въ „Русской Старинѣ" 1870 г. (изд. третье, томъ II).

Мы пробыли въ Царскомъ до августа. По переѣздѣ въ городъ въ домъ Томилова, Эртелевъ переулокъ, я принялась заботиться о музыкѣ брата. Начала я съ того, что вздумала привести въ порядокъ романсы брата. Это было связано съ большими затрудненіями; братъ помнилъ, что онъ писалъ и на Кавказѣ, и въ Москвѣ, и заграницей, и въ Малороссіи, но у кого именно нужно было спрашивать эти сочиненія,—онъ не зналъ. Мнѣ удалось собрать почти все; братъ самъ составилъ списокъ, въ

которомъ году онъ что сочинялъ, и у меня въ книгѣ всѣ романсы расположены по его назначенію, и тамъ же его рукой написано нѣсколько строкъ, которыми онъ подтверждаетъ, что это приведено въ порядокъ мною (книга эта должна поступить въ Публичную библіотеку послѣ моей смерти).

Въ 1853 году сгорѣлъ Большой театръ въ Москвѣ и съ нимъ партитуры „Руслана“ и „Жизнь за Царя“, такъ что осталось только по одному экземпляру этихъ оперъ въ Петербургской театральной дирекціи. Братъ не разъ говорилъ мнѣ, что онъ ужасно боится, что и здѣсь могутъ сгорѣть партитуры и тогда его музыка пропадетъ, а особенно онъ боялся за „Руслана“, и это по двумъ причинамъ: онъ эту оперу больше любилъ и ставилъ ее несравненно выше „Жизни за Царя“, а во вторыхъ партитура „Жизни за Царя“ сохранилась въ оригиналѣ, тогда какъ отъ партитуры „Руслана“ были только небольшіе наброски. Видя, какъ братъ серьезно тревожится этимъ, я попросила К. Б. Шуберта отрекомендовать мнѣ самаго лучшаго переписчика изъ артистовъ и поручила ему переписать по два экземпляра партитуры „Руслана“ и „Жизни за Царя“. Конечно, это писалось болѣе года; но по окончаніи этого труда, я, по желанію брата, по одному экземпляру каждой оперы послала въ Берлинъ къ Дену,—любимому учителю брата, а другіе два отдала Стасовымъ. Этому моему распоряженію (безъ хвастовства могу сказать) искусство и публика обязаны, что слышатъ „Руслана“. Забыла въ которомъ году сгорѣлъ Маріинскій театръ въ Петербургѣ и съ нимъ „Русланъ“. Тогда-то дирекція и брала списывать партитуру „Руслана“ у Стасовыхъ.

Мы прожили съ братомъ до 1856 года. Въ этотъ промежутокъ времени онъ писалъ, по просьбѣ моей, нѣкоторыя мелочи. Серьезныя вещи ему какъ-то не давались; онъ все былъ недоволенъ ими, началъ симфонію „Тарасъ Бульба“ и не докончилъ ее, началъ оперу „Двумужница“, но разсердился на либреттиста Василько Петрова и хотѣлъ даже изъ за этого немедленно уѣхать заграницу, но мнѣ удалось упросить его остаться еще зиму со мною. Это была послѣдняя зима, что мы были вмѣстѣ. Братъ уѣхалъ въ Берлинъ въ апрѣлѣ 1856 года, а въ 1857-мъ, 3-го февраля, его не стало.

II.

Послѣ кончины моего брата М. И. Глинки, я попросила В. П. Энгельгардта, который ѣхалъ заграницу, издать тамъ партитуры четырехъ увертюръ брата, а именно: „Жизнь за Царя“, „Русланъ и Людмила“, „Аррагонская хота“ и „Ночь въ Мадридѣ“ и посвятить ихъ: Мейерберу, Берліозу, Листу и Дену, кому которую—я уже не помню. Сдѣлала я это по двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, что всѣ они всегда сочувственно отзывались о музыкѣ брата, а во-вторыхъ, не скрою, цѣль моя была также, чтобы узнали заграницей музыку брата. Тутъ же прибавлю, что по закону я имѣла право получать вознагражденіе отъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ исполнялись оперы и вообще сочиненія брата, потому что они не были изданы (кромѣ императорскихъ театровъ). Но я, имѣя единственною цѣлью распространеніе музыки брата, не только не преслѣдовала исполнителей и не брала вознагражденія, а, напротивъ, способствовала имъ всѣми отъ меня зависѣвшими средствами. Для этого я распорядилась такъ: братъ, по духовному завѣщанію, сдѣлалъ меня единственною наслѣдницею всего движимаго и недвижимаго имущества своего; я рѣшительно все отдала сестрамъ, какъ земли, такъ и движимости, оставя себѣ единственно только музыку брата. Мною въ этомъ дѣлѣ руководилъ не разсчетъ, потому что братомъ самимъ, лѣтъ за десять или пятнадцать до его смерти, были проданы за безцѣнокъ обѣ оперы и всѣ лучшія сочиненія его. Но цѣль моя была, чтобы родственники мои, иначе чѣмъ я смотрѣвшіе на вещи, не были мнѣ помѣхою дѣйствовать по моему усмотрѣнію согласно съ словами, слышанными мною отъ брата. Вотъ все, что я сдѣлала до 1863-го года.

У меня оставались мои небольшія средства; я поселилась съ дочерью въ маленькой квартирѣ въ Петербургѣ, выѣзжала только съ нею къ ея маленькимъ подругамъ и совершенно посвятила себя ея воспитанію.

Въ 1863-мъ году мнѣ было послано новое и послѣднее испытаніе: дочь моя, послѣ кратковременной, но тяжкой болѣзни, умерла 31-го декабря 1863-го года. Не буду описывать перваго времени послѣ этой катастрофы; да я его и не помню, помню только, что

М. А. Балакиревъ и В. В. Никольскій возвратили меня къ жизни. Они начали у меня учить бѣдныхъ дѣтей, которыхъ любила и которымъ помогала моя дѣвочка, первый—музыкѣ, а второй—наукамъ; меня это такъ заинтересовало, что потомъ у меня долго, долго была въ домѣ постоянная маленькая школа, и я аккуратно и не безъ успѣха занималась съ дѣтьми и не болѣе какъ года три тому назадъ (1877 г.) должна была, по слабости своего здоровья, оставить эти занятія.

Въ это же время, когда самое острое горе смягчилось, я начала серьезно думать о музыкѣ брата и, правда, посвящала и посвящаю ей всю жизнь свою.

Въ 1864-мъ году я просила Д. В. Стасова переговорить съ Стелловскимъ и предложить ему выгодное для него условіе, чтобы онъ позволилъ мнѣ напечатать заграницей оперы брата. Стелловскій согласился и я уже упросила М. А. Балакирева ѣхать заграницу для этой цѣли; дѣло это Стасовъ съ Стелловскимъ велъ на словахъ, а Стелловскій вмѣсто того, чтобы доставить Балакиреву слѣдуемыя ноты, на другой же день началъ противъ меня искъ, оскорблялъ меня разными клеветами и взводилъ на меня разныя небылицы, даже грозилъ посадить меня въ смирительный домъ. Никто не подозрѣвалъ тогда, что тяжкій душевный недугъ овладѣлъ Стелловскимъ и умственныя способности начали уже разстраиваться.

Дѣло съ Стелловскимъ затянулось и не было никакой возможности и думать о печатаніи партитуръ, а мнѣ хотѣлось что нибудь предпринять въ пользу музыки брата и потому узнавъ, что чехи очень дружелюбно относятся къ музыкѣ Глинки и ставили въ Прагѣ „Жизнь за Царя“, попросила Милія Алексѣевича Балакирева ѣхать туда, взявъ съ собою партитуру „Руслана“. Балакиревъ проѣздилъ довольно долгое время, но не могъ ничего сдѣлать, потому что это было время австро-прусской войны 1866-го года.

Въ томъ же 1866-мъ году, по окончаніи войны, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, преслѣдуя свою мысль о постановкѣ „Руслана“ въ Прагѣ, я запаслась письмомъ отъ В. И. Ламанскаго къ Ригеру и поѣхала въ Прагу; въ день моего пріѣзда, вечеромъ, Ригеръ передъ спектаклемъ зашелъ ко мнѣ и узнавъ, что я тоже ѣду въ театръ (въ тотъ день давали въ первый разъ „Проданную невѣсту“ Сметаны), сказалъ, что послѣ перваго акта, съ директорами и дирижеромъ, при-

детъ ко мнѣ въ ложу (надо замѣтить, что тогда было двѣнадцать директоровъ въ Прагѣ въ чешскомъ театрѣ). Дѣло о постановкѣ „Руслана" устроилось въ десять минутъ, такъ что я въ тотъ же день, возвратясь изъ театра, написала Балакиреву въ Петербургъ объ этомъ. Тутъ не могу не прибавить, что на этотъ разъ русская пословица невѣрна:—„у семи нянекъ дитя безъ глазу". А у насъ есть примѣръ недалекій, гдѣ одна нянька не сдѣлаетъ того въ десять лѣтъ, что сдѣлали чехи въ десять минутъ. Но это къ дѣлу не идетъ; возвратимся къ Прагѣ. Одинъ изъ директоровъ, а именно Наперстокъ, замѣтилъ, что я въ театрѣ восхищалась пѣніемъ и игрою Іосифа Іосифовича Палечека: онъ для меня сдѣлалъ вечеръ, гдѣ я впервые слышала Палечека,—исполненіе его партіи Сусанина въ „Жизнь за Царя". Что за прелестный тембръ голоса былъ у него тогда, описать нельзя; скажу только, что этотъ вечеръ былъ для меня истинное наслажденіе.

Пробывъ въ Прагѣ дня три, я, съ помощью гг. Колара и Патера, осмотрѣла все замѣчательное въ городѣ и отправилась обратно въ Петербургъ, гдѣ, не теряя времени, черезъ посредство В. В. Стасова, предложила покойному Ивану Ивановичу Горностаеву нарисовать для образца рисунки костюмовъ дѣйствующихъ лицъ въ „Русланѣ", аксессуары и все, что можетъ дать понятіе о постановкѣ „Руслана" (эти рисунки подарены мною Публичной библіотекѣ). И какъ только они были готовы, М. А. Балакиревъ отправился съ ними, въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ Прагу для постановки на Пражской народной сценѣ „Руслана".

4-го февраля было первое представленіе; успѣхъ былъ очень большой и до сихъ поръ эта опера не сходитъ въ Прагѣ со сцены. Недавно еще получила письмо, что въ нынѣшнемъ (1880 г.) году возобновлены костюмы и декораціи, не смотря на бѣдныя средства театра. Не худо бы намъ примѣръ съ нихъ брать. За оперы Глинки, не давъ ему ни копѣйки, получено болѣе милльона, а угощаютъ публику (1880 г.) костюмами засаленными и оборванными,—вотъ вамъ и одна нянька.

Но я отдалилась отъ партитуръ оперъ Глинки.

Дѣло съ Стелловскимъ длилось до 1867-го года; въ этомъ году, благодаря Д. В. Стасову, оно кончилось въ мою пользу, но Стелловскій былъ этимъ сильно раздосадованъ и не хотѣлъ ничего предпринимать. Въ скоромъ же времени онъ окончательно сошелъ

съ ума и послѣ его смерти, когда устроились всѣ дѣла по его духовному завѣщанію и когда сестра Стелловскаго, Голубова, дала главному приказчику, г-ну Гаке, полную довѣренность, я въ 1876-мъ году сдѣлала съ нимъ договоръ на весьма выгодныхъ для него условіяхъ и, переговоря прежде съ Редеромъ въ Лейпцигѣ, предприняла печатаніе партитуры „Руслана". Условія состояли въ нижеслѣдующемъ: мнѣ дано было позволеніе напечатать сто экземпляровъ партитуры „Руслана", изъ коихъ 50 я имѣла право разослать въ подарокъ, кому я пожелаю; остальные 50 передать фирмѣ Стелловскаго, равно и доски должны быть отданы мною въ магазинъ этой же фирмы. Гаке обязывался издать партитуру „Жизнь за Царя" въ 50-ти экземплярахъ и изъ нихъ 25 экземпляровъ предоставить мнѣ. Всѣ эти переговоры и условія дѣлались мною тогда, какъ я не знала еще откуда возьму средства для этого предпріятія. Сумма нужна была большая, въ нѣсколько тысячъ, а я не имѣла лишней сотни въ домѣ. В. В. Никольскій, видя, какъ я тревожусь, съ свойственною ему добротой и деликатностью, предложилъ мнѣ часть денегъ на весьма выгодныхъ для меня условіяхъ, а именно: что онъ не будетъ брать съ меня процентовъ при жизни, а послѣ смерти моей получитъ все сполна съ моего имѣнія.

Получа эти деньги, я горячо принялась за дѣло, поручила его М. А. Балакиреву, который пригласилъ г. Римскаго-Корсакова и (покойнаго) Лядова. Я получала изъ Лейпцига отъ Редера корректуры, разсылала ихъ для поправки и, получа обратно, отсылала въ Лейпцигъ заказными. Я должна сказать правду, что М. А. Балакиревъ отнесся къ этому дѣлу серьезно и съ истинною любовью. Тѣмъ не менѣе сколько было тяжелыхъ и непріятныхъ минутъ, описать невозможно; по три корректуры каждой отдѣльной части оперы присылалось, а иной и четыре; одна часть была уже совсѣмъ напечатана, а между тѣмъ пришлось ее перепечатывать заново. Однимъ словомъ, непріятностей и заботъ было столько, что одно только безпредѣльное уваженіе къ памяти брата не дозволило мнѣ бросить этого дѣла, не доведя его до конца. Занятыхъ мною денегъ оказалось недостаточно, я заняла еще и, наконецъ, въ 1878 году, 10-го ноября, я получила первый печатный экземпляръ партитуры „Руслана" изъ Лейпцига. Что̀ почувствовала я, взявъ этотъ экземпляръ въ руки, нѣтъ словъ

выразить! Я забыла всѣ непріятности, всѣ тяжелые часы и была совершенно счастлива.

На другой же день я пригласила къ себѣ вечеромъ всѣхъ сотрудниковъ, поставила бюстъ брата на возвышеніи, освѣтила, украсила его цвѣтами и близь бюста разложила партитуру „Руслана"; за ужиномъ, съ бокаломъ въ рукахъ, съ радостнымъ чувствомъ въ душѣ, сказала:

— „Миша, сегодня съ чистой душой и совѣстью могу выпить бокалъ въ память твою. Твое желаніе исполнено,—печатная партитура „Руслана" у ногъ твоихъ!"

Объ этомъ вечерѣ я вспоминаю съ удовольствіемъ; не всякому придется переживать то, что я пережила въ это время. Мѣсяцъ спустя я получила остальные экземпляры партитуры. Разослано мною во всѣ главнѣйшія европейскія консерваторіи, театры и публичныя библіотеки, равно роздано и разослано высокопоставленнымъ лицамъ и любителямъ искусства, въ Россіи же, въ консерваторіи и публичныя библіотеки пятьдесятъ экземпляровъ.

Этимъ кончается моя дѣятельность относительно музыки брата.

Людмила Шестакова.

1880 г., февраля 6-го дня.
С.-Петербургъ.

ПРОШЛОЕ ГОРОДА АРХАНГЕЛЬСКА

1584—1884.

> «Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, но воспоминаніями, составляющими какъ бы утро и колыбель человѣчества».
>
> Карамзинъ.

Въ 1884-мъ году исполнилось триста лѣтъ со дня основанія Архангельска, заложеннаго по мысли царя Іоанна Васильевича Грознаго сыномъ и преемникомъ его Ѳеодоромъ Іоанновичемъ въ 1584 году. Такъ какъ, за утратой документовъ, день заложенія города въ точности неизвѣстенъ, то и рѣшено было избрать для празднованія 300-лѣтняго юбилея 6-е сентября, какъ день, въ который православною церковью вспоминается чудо покровителя Архангельска—св. архистратига Михаила въ Хонѣхъ.

По случаю окончившагося юбилейнаго торжества (1584—1884 гг.) не лишнимъ будетъ оглянуться за нѣсколько вѣковъ назадъ и припомнить всѣ тѣ обстоятельства, съ которыми связаны возникновеніе Архангельска и дальнѣйшая судьба его. Для этого слѣдуетъ обратить вниманіе на тотъ край въ первобытномъ его видѣ, гдѣ впослѣдствіи былъ заложенъ Архангельскъ.

I.

Вся обширная площадь, занимаемая нынѣшней Архангельской губерніей, прилегающая на сѣверъ къ Ледовитому океану, на западъ къ Олонецкой, на югъ къ Вологодской губерніямъ, а на востокъ доходящая до горъ Уральскихъ, или, по словамъ лѣтописца: «отъ истока Бѣлоозера до Ледяного моря, между рѣками Онегой и Сѣверной Двиной до Мезени», была подъ именемъ Заволочья извѣстна новгородцамъ уже въ IX-мъ вѣкѣ, если вѣрить преданіямъ, еще до призванія Рю-

рика на царство. Происхожденіе наименованія этого края «Заволочьемъ» связано, по всей вѣроятности, съ географическимъ положеніемъ этого края, и хотя объясняется двояко; но за корень слова въ обоихъ случаяхъ считается слово «волочить». Въ первомъ случаѣ берется во вниманіе положеніе края, густо поросшаго «заволоченнаго» лѣсомъ; во второмъ—мѣстность между двумя судоходными рѣками, по которымъ, чтобы попасть изъ одной въ другую, за неимѣніемъ искусственныхъ водопроводовъ, суда перетаскивались или «переволакивались».

Свѣдѣнія о Заволочьѣ, относящіяся къ IX—X вв., очень кратки и весьма темны, болѣе же подробныя относятся къ XI вѣку, когда шайки удалыхъ новгородцевъ, прельщенныхъ изобиліемъ рыбъ, звѣрей и птицъ въ водахъ и дебряхъ сѣвера, предпринимали набѣги на этотъ край, населенный полудикимъ народомъ финскаго племени. Шайки эти, разъ забравшись въ Заволочье, покоряли, изгоняли и даже истребляли туземцевъ и дѣлались полными хозяевами ихъ страны. Соблазненные примѣромъ своихъ удалыхъ родичей, богатые, именитые новгородцы стали на свой счетъ снаряжать подобныя шайки и отправлять ихъ въ Заволочье, для пріобрѣтенія себѣ земель въ этомъ богатомъ краѣ. Новгородскія же дружины, въ свою очередь, частью покоряли сѣверныя страны, обращая жителей въ холопей, частью покупали земли у коренныхъ жителей сѣвера. Такимъ образомъ здѣсь мало по малу утвердилось владычество Великаго Новгорода. Но все-таки Заволочье, или иначе Двинская земля, не всецѣло принадлежало самому Новгороду; бо̀льшую часть его составляли помѣстья богатыхъ родовъ боярскихъ, изъ которыхъ главнымъ собственникомъ считался именитый родъ новгородскихъ бояръ, Борецкихъ. Этотъ родъ особенно расширилъ свои владѣнія и усилилъ свое вліяніе въ Заволочьѣ при извѣстной посадницѣ Великаго Новгорода, Мареѣ Борецкой. Памятникомъ ея могущества на сѣверѣ служитъ построенный ею въ XV вѣкѣ Никольскій мужской монастырь при устьѣ Сѣверной Двины, на томъ мѣстѣ, гдѣ утонули ея два сына во время объѣзда своихъ владѣній. Сами помѣщики—новгородцы въ сѣверныхъ имѣніяхъ своихъ никогда не жили, поручая управленіе ими холопямъ или наемнымъ людямъ, и только изрѣдка наѣзжали, по примѣру названныхъ Борецкихъ, для осмотра подвластныхъ земель. Главное управленіе всѣмъ краемъ состояло въ вѣдѣніи двинскаго намѣстника, жившаго въ пяти верстахъ отъ нынѣшнихъ Холмогоръ, въ деревнѣ Матигорахъ.

Во второй половинѣ XIV вѣка населеніе Заволочья много терпѣло отъ набѣговъ новгородской вольницы, ушкуйниковъ [1]), которые гра-

[1]) „Ушкуйники"—производное слово отъ „ушкуи"—лодки, на которыхъ эти люди совершали свои хищническіе набѣги. Р.

били и раззоряли край, подрывая тѣмъ его добрыя отношенія къ Великому Новгороду. Не мало горя приняло также двинское населеніе отъ самоуправства и самовластія новгородскихъ бояръ, безнаказанно тѣснившихъ прочія сословія.

Къ этимъ напастямъ присоединились еще набѣги хищныхъ норманновъ, тогдашнихъ обитателей Норвегіи, безпокоившихъ населеніе со стороны моря, и долголѣтняя борьба Новгорода съ Москвою. Уже съ самаго основанія Московскаго государства (въ началѣ XIV столѣтія) начались распри его съ Великимъ Новгородомъ, за нежеланіе послѣдняго признать надъ собой власть первыхъ князей московскихъ: Іоанна I-го Калиты, Симеона Гордаго и Іоанна II и платить имъ требуемую дань.

Когда, наконецъ, великому князю московскому Дмитрію Донскому удалось переспорить новгородцевъ, то онъ потребовалъ съ нихъ дань въ количествѣ 8,000 рублей. Новгородъ, пользуясь своимъ неограниченнымъ могуществомъ въ Заволочьѣ, взялъ съ тамошняго населенія 5,000 р. и, присоединивъ къ нимъ свои 3,000 руб., уплатилъ требуемую дань. Съ этого времени въ обитателяхъ Заволочья стало проявляться видимое тяготѣніе въ пользу великихъ князей московскихъ, которые готовы были присоединить къ своимъ владѣніямъ эту богатую страну, давно уже обращавшую на себя ихъ вниманіе. Послѣ долгаго, упорнаго сопротивленія преемникамъ Дмитрія Донского, Василью I и Василью Темному, Новгородъ долженъ былъ преклонить свою буйную, непокорную голову предъ первымъ царемъ московскимъ Іоанномъ III Великимъ. Смиривъ новгородцевъ и утвердивъ самодержавіе въ самомъ Новгородѣ, Іоаннъ III покорилъ себѣ все Заволочье въ 1478 году и немедленно приступилъ къ переустройству этого края. Первымъ дѣломъ было уничтоженіе боярщины; только на нѣсколько времени были оставлены нѣкоторыя боярскія имѣнія, но и тѣ вскорѣ, наравнѣ съ другими, перешли отъ частныхъ собственниковъ въ казну, холопи обращены въ государственныхъ крестьянъ, а само Заволочье, переименованное въ Двинскую область, раздѣленную на посады, стало управляться царскими намѣстниками, тіунами и, позже, выборными головами. Управленіе краемъ утвердилось въ самомъ большемъ посадѣ Холмогорахъ, гдѣ также сосредоточилась вся торговля и промышленная дѣятельность сѣвера.

Такова была судьба Двинской области до начала второй половины XVI столѣтія, пока одинъ неожиданный и, повидимому, ничего незначущій случай не произвелъ коренного переворота въ жизни нашего сѣвера. 24-го августа 1553 года къ устьямъ Двины былъ прибитъ бурею англійскій корабль «Эдуардъ Бонавентура», подъ командою Ри-

чарда Ченслера, который отправился въ Холмогоры и объявилъ себя тамошнимъ головамъ англійскимъ посломъ. Холмогорскіе головы немедленно донесли обо всемъ случившемся царю Іоанну IV Васильевичу Грозному, испрашивая его распоряженія въ столь необыкновенномъ для нихъ дѣлѣ. Ченслеръ, не дождавшись царскаго отвѣта, 23-го ноября того же года самъ поѣхалъ въ Москву, гдѣ и былъ, въ качествѣ англійскаго посла, представленъ Іоанну Грозному. При этомъ Ченслеръ предъявилъ царю грамоту своего короля Эдуарда VI, которою ему, Ченслеру, предоставлялось право заключать договоры съ властителями тѣхъ странъ, гдѣ ему пришлось бы быть. Іоаннъ IV, сознавая важность торговыхъ сношеній своихъ подданныхъ съ англичанами, далъ согласіе на свободную торговлю Россіи съ Англіей, предоставивъ англійскимъ торговцамъ, трактатомъ 15-го марта 1554 года, не только право безпошлинной торговли, но и свободной покупки дворовъ въ Россіи.

Въ 1584 году прибывшими, по повелѣнію сына и преемника Іоанна Грознаго, царя Θеодора Іоанновича, воеводами Волоховымъ и Нащокинымъ съ ратными людьми, въ 70-ти верстахъ отъ Холмогорскаго посада и въ 42-хъ отъ устья р. Двины, по правому ея берегу, на Пуръ-Наволокѣ [1]) была заложена деревянная крѣпостца Новые Холмогоры, болѣе извѣстная иностранцамъ подъ именемъ порта св. Николая и св. Михаила.

Въ 1587 году Новые Холмогоры были переименованы въ Архангельскъ по находившемуся внутри города монастырю [2]), во имя св. Архангела Михаила и сюда переведена изъ Старыхъ Холмогоръ вся торговля. Управленіе краемъ только на лѣтнее время переносилось въ Архангельскъ, въ прочее же время года оно оставалось въ Старыхъ Холмогорахъ.

Съ этой поры Архангельскъ сдѣлался единственнымъ мѣстомъ для русской внѣшней торговли, важность и необходимость которой сознательно были предвидѣны Іоанномъ IV. Цари Θеодоръ Іоанновичъ и Борисъ Годуновъ всячески старались поддерживать архангельскую торговлю и не допускали, чтобы она была въ рукахъ однихъ только

---

[1]) На Пуръ-Наволокѣ стоялъ уже, если вѣрить преданіямъ, съ XIII вѣка монастырь во имя св. Архистратига Михаила. Значеніе самаго слова „Пуръ-Наволокъ“ намъ совершенно неизвѣстно: при всемъ стараніи, объясненія ему мы найдти не могли.

[2]) Послѣ пожара 1637 года, монастырь, за тѣснотою вновь отстроивавшагося города, былъ перенесенъ въ урочище Нячеры, повыше города, гдѣ онъ и понынѣ находится, а на мѣстѣ монастыря устроена приходская церковь во имя же св. Архангела Михаила. Р.

англичанъ, почему и разрѣшили приходъ къ архангельскому порту всѣмъ безъ исключенія иностраннымъ кораблямъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ впослѣдствіи совсѣмъ уничтожилъ монополію англичанъ. При этомъ государѣ была учреждена таможенная застава, а послѣ пожара въ 1668 г. заложены русскій и нѣмецкій гостинные дворы. Съ этой цѣлью были посланы царемъ изъ Москвы иностранные инженеры, или, какъ ихъ тогда называли, «градодѣльцы» Марселесъ и Шарфъ, которые по плану, сдѣланному, какъ гласитъ преданіе, самимъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, возвели каменные гостинные дворы. Постройка эта тянулась 16 лѣтъ и окончилась лишь въ 1684 году, когда «тишайшаго» царя уже не было въ живыхъ. Остатки русскаго гостиннаго двора сохранились до нашего времени: это зданія, входящія въ составъ нынѣшней таможни; нѣмецкій же гостинный дворъ въ царствованіе Екатерины II обращенъ былъ въ монетный дворъ, гдѣ по приказанію великой государыни, какъ сохранилось преданіе, производились опыты чеканки мѣдной монеты. Развалины отъ этого зданія существовали еще до 1860-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, когда, по распоряженію мѣстнаго начальства, онѣ были совсѣмъ уничтожены, а кирпичи распроданы; кирпичи эти для постройки привезены были въ свое время изъ Голландіи.

Къ концу XVII столѣтія, до воцаренія Петра Великаго, архангельская отпускная торговля приняла широкіе размѣры; со всѣхъ концевъ обширнаго нашего отечества доставлялись сюда, для отправки заграницу, льняные и хлѣбные товары, смола, лѣсъ, поташъ, деготь, рогожи и пр. Даже далекая Астрахань посылала сюда для заграничнаго отпуска паюсную икру и другія свои произведенія. Изъ заграницы привозились въ Россію черезъ Архангельскъ: драгоцѣнные камни, вина, шелковыя ткани, сахаръ, галантерейные, колоніальные и прочіе товары. Сборъ пошлины доходилъ въ иные годы до 200,000 р.

II.

Петръ Великій, замышляя завести русскій флотъ, прежде всего обратилъ вниманіе на Архангельскъ, гдѣ производилъ опыты кораблестроенія, для чего три раза пріѣзжалъ сюда. Въ 1693-мъ году на верфи, расположенной на Соломбальскомъ островѣ, начата была постройка перваго военнаго корабля, заложеннаго самимъ государемъ. Одновременно съ верфью устроены были адмиралтейство и портъ, а затѣмъ положено основаніе Новодвинской крѣпости по нижнему теченію Двины въ 18-ти верстахъ отъ города, которая должна была

защищать Архангельскъ отъ нападенія шведовъ [1]). Въ 1702 году высочайшимъ приказомъ воеводское управленіе было изъ Холмогоръ переведено въ Архангельскъ, который въ 1707 году былъ назначенъ губернскимъ городомъ губерніи того же имени.

Съ постепеннымъ завоеваніемъ береговъ Балтійскаго моря мысль Преобразователя о заведеніи флота на Бѣломъ морѣ была оставлена и военные корабли хотя и продолжали строиться на архангельской верфи, но по спускѣ немедленно уводились въ Кронштадтъ. Постройка купеческихъ кораблей производилась въ селеніи Вавчугѣ, на частной верфи купцевъ Баженинныхъ, но только въ малыхъ размѣрахъ. Не смотря на дарованныя Петромъ I права свободнаго судостроенія, архангельскіе торговцы предпочитали отправлять свои товары на приходившихъ иностранныхъ корабляхъ.

До основанія Петербурга въ 1703 году, Петръ Великій, видя въ Архангельскомъ портѣ единственное мѣсто для желаннаго имъ сближенія Россіи съ западомъ, всячески поощрялъ торговую дѣятельность Архангельска, для чего имъ дарованы были различныя права и преимущества, какъ отпускной, такъ и привозной торговлѣ. Съ перенесеніемъ же столицы изъ Москвы на берега Финскаго залива, посредствомъ котораго Россія должна была приблизиться къ Балтійскому морю, и съ открытіемъ Петербургскаго порта торговое значеніе Архангельска стало умаляться, отъ того, именно, что всѣ прежде дарованныя ему права предоставлены были Петербургу. Такъ, напримѣръ, въ 1713 году именнымъ высочайшимъ указомъ повелѣно было везти товаръ для заграничной отправки не къ Архангельску, а непремѣнно

---

[1]) Памятники, сохранившіеся отъ неоднократныхъ посѣщеній Петромъ Великимъ Архангельска, слѣдующіе: большой деревянный крестъ собственной работы императора, воздвигнутый первоначально въ Унской губѣ въ память спасенія отъ бури на Бѣломъ морѣ въ 1694 г. и съ 1806 г. находящійся въ верхней церкви каѳедральнаго собора на правой сторонѣ между изображеніями св. первоверховныхъ апостолъ Петра и Павла. На крестѣ сдѣлана государемъ собственноручно такая надпись на голландскомъ языкѣ:

Сей крестъ поста
вилъ капитанъ Петръ
в. лѣто Христово
1694.

Близъ креста находятся также штандартъ и два знамени, а надъ лѣстницей собора три пушки, отбитыя у шведовъ въ 1701 году. По набережной р. Двины, близъ церкви Архангела Михаила, поставленъ подъ деревяннымъ футляромъ перенесенный изъ Новодвинской крѣпости домикъ Петра Великаго самой незатѣйливой архитектуры, въ которомъ, во время своихъ пріѣздовъ въ Архангельскъ, жилъ великій Преобразователь. Р.

къ Петербургу. Архангельскому порту предоставленъ былъ лишь отпускъ льняныхъ товаровъ, а въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго былъ вновь разрѣшенъ отпускъ хлѣба изъ Архангельска, сперва въ ограниченныхъ размѣрахъ, затѣмъ съ взиманіемъ пошлины на 25% выше петербургскаго порта и съ правомъ сплавлять къ Архангельску только товары изъ губерній, прилегающихъ къ водяному пути Сѣверной Двины, т. е. Вятской и Вологодской. Благодаря единственно тогдашней дешевизнѣ нашихъ произведеній, подобныя ограниченія не были особенно тягостны для архангельской торговли и она всетаки шла успѣшно.

При ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго, вслѣдствіе новыхъ болѣе или менѣе стѣснительныхъ налоговъ, торговое значеніе Архангельска стало быстро падать. Съ воцареніемъ же императрицы Екатерины II, желавшей поднять архангельскую торговлю, возобновлена была верфь и кораблестроеніе въ это царствованіе дошло до небывалыхъ до того времени размѣровъ. Съ возобновленіемъ верфи были дарованы новыя права отпускной торговлѣ Архангельска, долженствовавшія поднять прежнее значеніе сѣвернаго торговаго порта.

До XVIII вѣка Архангельскъ былъ извѣстенъ въ Европѣ по своему торговому значенію, но въ этомъ вѣкѣ онъ поднялся въ глазахъ ученаго міра запада, какъ родина перваго русскаго поэта и ученаго Михаила Васильевича Ломоносова, сына холмогорскаго рыбака (родился въ 1711 г., умеръ въ 1765 г.).

Самое блестящее время архангельской торговли совпадаетъ съ эпохой континентальной системы (1809—1814 гг.), когда англійскимъ кораблямъ, по настоянію Наполеона I, заперты были всѣ европейскіе порты и корабли эти, подъ прикрытіемъ американскаго флага, направились къ Архангельску. Время это въ архангельской торговой хроникѣ извѣстно подъ именемъ «американскихъ годовъ».

Въ 1819 году, впервые послѣ Петра, Архангельскъ былъ посѣщенъ государемъ Александромъ I. Посѣщеніе это сопровождалось цѣлымъ рядомъ милостей и льготъ. Вывозъ товаровъ былъ облегченъ и много иностранныхъ товаровъ дозволено ввозить безпошлинно. Къ этому времени слѣдуетъ отнести возникновеніе въ Архангельскѣ сахарныхъ заводовъ, гдѣ сахаръ приготовлялся изъ привозимаго изъ Англіи сахарнаго песку и шелъ для внутренняго потребленія. Съ 1820-хъ годовъ начался усиленный вывозъ распиленнаго лѣса изъ Архангельска и положено основаніе паровымъ лѣсопильнымъ заводамъ; число иностранныхъ, особенно англійскихъ, конторъ увеличилось и расширилась торговля съ Норвегіей.

Въ промежутокъ времени съ 1825 года до начала Крымской кампаніи въ 1853 г. архангельская торговля шла довольно удовлетворительно, хотя самый городъ не разъ за это время подвергался различнымъ бѣдствіямъ: три раза посѣтила его холера, въ 1831, 1848 и 1853 гг., и два раза онъ выгоралъ съ разныхъ концовъ въ 1848 и 1851 гг.

При началѣ крымской кампаніи внѣшняя торговля Архангельскаго порта была почти пріостановлена, такъ какъ портъ былъ блокированъ, а по окончаніи войны Архангельскъ уже не могъ придти въ прежнее свое цвѣтущее состояніе, такъ какъ бо̀льшая часть англійскихъ конторъ закрылась при самомъ объявленіи войны, и представители ихъ, оставя здѣшнюю торговлю, отправились восвояси съ тѣмъ, чтобъ уже болѣе не возвращаться. Чтобы дать ходъ приготовляемому на югѣ Россіи свекловичному сахару, сахарный песокъ, шедшій изъ Англіи въ Архангельскъ, былъ обложенъ значительной пошлиной, что дѣлало сахаровареніе невыгоднымъ, вслѣдствіе чего должно было бросить и эту отрасль промышленности.

III.

Въ 1858 году Архангельскъ удостоился посѣщенія въ Бозѣ почившаго императора Александра II. Объ этомъ посѣщеніи сѣвернаго края покойнымъ императоромъ сохранилось воспоминаніе на долгіе годы.

Съ постепеннымъ упадкомъ торговли отпускной, и привозная торговля дѣлалась съ каждымъ годомъ все затруднительнѣе и стѣснительнѣе, вслѣдствіе мелководія въ рѣкахъ и рѣчкахъ сѣверовосточнаго бассейна. Это неблагопріятное явленіе природы привело, наконецъ, архангельскихъ и иногородныхъ купцевъ къ благому рѣшенію принять въ 1859 г. проектъ предпріимчиваго купца Аѳанасія Васильевича Булычева объ учрежденіи буксирно-пассажирскаго пароходства между Архангельскомъ и Великимъ Устюгомъ съ цѣлью ускорить и сдѣлать болѣе безопасной перевозку товаровъ съ вятской стороны. Проектъ былъ приведенъ въ исполненіе въ слѣдующемъ же 1860 г. составившейся компаніей Сѣверо-Двинскаго пароходства подъ руководствомъ того же Булычева. Впослѣдствіи число компаній увеличилось и въ настоящее время по Двинѣ совершаютъ рейсы до 15-ти пароходовъ. При отдаленномъ положеніи нашего города, пароходное сообщеніе имѣетъ весьма важное значеніе для Архангельска; оно, хотя на лѣтнее только время, соединяетъ его съ обѣими столицами и внутренними губерніями.

Заговоривъ о пароходномъ дѣлѣ, должно упомянуть о соловец-

комъ пароходствѣ, устроенномъ на собственныя средства Соловецкой обители. Эти пароходы предназначены только для перевозки богомольцевъ, направляющихся въ обитель со всѣхъ концовъ России. Тутъ же кстати упомянуть о возникшемъ позже, именно въ 1870 году, высочайше утвержденномъ Товариществѣ Архангельско-Мурманскаго пароходства, основаннаго компаніей поморовъ Архангельской губерніи съ пособіемъ отъ правительства въ 30,000 р. Пароходство существуетъ и понынѣ, но находится уже въ вѣдѣніи другой, Петербургской, компаніи съ правительственной субсидіей въ 50,000 р.

Компанія располагаетъ четырьмя пароходами, изъ которыхъ три предназначены для Бѣломорскихъ портовъ и одинъ совершаетъ рейсы на Мурманскій берегъ и въ Норвегію. Пароходство это имѣетъ цѣлью облегчить торговлю и сбытъ морскихъ промысловъ русскихъ поморовъ.

Крупнымъ событіемъ для Архангельска въ минувшее царствованіе было упраздненіе военнаго порта въ 1862 году, послѣ чего городъ еще болѣе опустѣлъ.

Чтобы предохранить старѣйшій русскій торговый портъ отъ совершеннаго упадка, купцемъ Александромъ Феликсовичемъ Кларкомъ, въ 1864 г., была проведена мысль, что спасти Архангельскъ отъ паденія можетъ единственно желѣзная дорога, проложенная отъ г. Котельнича Вятской губерніи до селенія Котласа, лежащаго ниже Устюга при впаденіи р. Вычегды въ Двину, о чемъ г. Кларкомъ былъ представленъ проектъ и дѣлаемы изслѣдованія пути. Неурожайный 1867 годъ, повлекшій за собой голодъ по всей губерніи, какъ нельзя болѣе доказалъ насущную потребность вятско-двинской дороги. Но тутъ явились новые проекты, шедшіе въ разрѣзъ съ первымъ, начались новыя изслѣдованія, завязалась переписка, а дѣло впередъ не подвигалось: время проходило въ безполезномъ писаніи, не принося ничего отраднаго для Архангельска. Но небезслѣдно прошло это время для другихъ мѣстностей въ ущербъ нашему сѣверу. На считавшейся дотолѣ неспособной по своему мелководію, ничтожной въ сравненіи съ Двиной, р. Вяткѣ открыто было пароходное сообщеніе съ Казанью и большинство торговцевъ Вятской губерніи, бросивъ, становившуюся съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе невыгодной—торговлю къ Архангельску, обратило свою торговую дѣятельность черезъ Казань, на Рыбинскъ къ Петербургу. Въ Вологду проведена отъ Ярославля узкоколейная желѣзная дорога, и вологодское купечество предпочло отправлять свои товары черезъ тотъ же Рыбинскъ въ Петербургъ, который со своимъ торговымъ значеніемъ явился вновь, какъ и во времена Петра Великаго, опаснымъ соперникомъ Архангельску, поднявъ вмѣстѣ съ тѣмъ торговое значеніе дотолѣ не особенно важнаго торговаго пункта—Рыбинска.

Съ воцареніемъ нынѣ благополучно царствующаго государя, открыта была въ Архангельскѣ сѣверная коммисія, имѣвшая своей задачей изыскать мѣры къ поднятію сѣвернаго края (а съ нимъ вмѣстѣ и Архангельска) въ торговомъ, промышленномъ и административномъ отношеніяхъ. Коммисія, признавъ, что всѣ бѣдствія сѣвера происходятъ единственно отъ бездорожья, пришла къ мысли: просить подлежащія вѣдомства построить желѣзную дорогу отъ Котласа до Казани. Нынѣ же, при наступленіи трехсотлѣтняго юбилея, вопросъ о сооруженіи хотя бы вятско-двинской дороги возобновленъ съ новой энергіей, но Богъ знаетъ— доживемъ ли мы до болѣе ясныхъ дней нашего края!

Слишкомъ уже упала здѣшняя торговля за послѣднее время; что еще поддерживаетъ ее, то это лѣсной промыселъ, принявшій за истекшее 25-тилѣтіе весьма широкіе размѣры, но вмѣстѣ съ тѣмъ повлекшій за собой тѣ неблагопріятныя послѣдствія въ естественномъ отношеніи, что, вслѣдствіе усиленной вырубки лѣса, является вопіющій недостатокъ воды въ рѣкахъ, столь ощутительный въ торговомъ дѣлѣ вообще, а на нашей окраинѣ въ особенности.

Провѣривъ все вышеизложенное и прослѣдивъ вкратцѣ всѣ событія, связанныя съ трехсотлѣтнимъ существованіемъ Архангельска, мы, архангелогородцы, съ тяжелымъ сердцемъ должны сознаться, что при болѣе чѣмъ когда либо безотрадныхъ условіяхъ встрѣтили мы наступившее четвертое столѣтіе существованія нашего города.

Извѣстное дальнимъ нашимъ предкамъ богатое Заволочье, изобиловавшее лѣсомъ и водой, въ наше время представляетъ изъ себя оскудѣлый, маловодный край съ губернскимъ городомъ, живущимъ воспоминаніемъ о прежнемъ своемъ величіи и значеніи среди прочихъ городовъ русскихъ и надеждой, что когда нибудь возвратятся къ нему старые дни и поднимется павшее величіе и торговое значеніе. Понятно что на это понадобятся еще великія физическія и нравственныя силы. Поэтому отъ всей души желаемъ настоящимъ и будущимъ дѣятелямъ на поприщѣ возрожденія Архангельска и съ нимъ вмѣстѣ всего русскаго сѣвера, чтобы долголѣтніе труды ихъ, заботы и усилія къ возрожденію этого края увѣнчались полнымъ успѣхомъ и сохранили о себѣ добрую память въ благодарномъ потомствѣ.

Елена Рѣпина.

Сентября 6-го дня 1884 г.
г. Архангельскъ.

ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ ЛИТОВСКІЙ И МОСКОВСКІЙ ПОЛКИ

въ 1683, 1811 и 1817 гг.

I.

Въ «Русскомъ Инвалидѣ» [1]) и въ «Варшавскомъ Дневникѣ» изд. 1883 г. помѣщена статья: Лагерная церковь 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, въ которой, между прочимъ, сказано, что на каждомъ изъ фронтоновъ вновь воздвигнутаго храма на Мокотовскомъ полѣ установлены полковые образа и надписи четырехъ полковъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ годами ихъ основанія; такъ: на сѣверномъ—л.-гв. Волынскій полкъ 1817 г., на южномъ—Кексгольмскій гренадерскій полкъ 1710 г., на восточномъ—С.-Петербургскій гренадерскій полкъ 1726 г. и на западномъ—л.-гв. Литовскій полкъ 1811 годъ.

Выставленные на фронтонахъ храма года основанія полковъ навели меня на размышленіе относительно того: вѣрно или невѣрно подобраны эти года, особенно же л.-гв. Литовскимъ полкомъ 1811 годъ. Съ этой цѣлью я позволю себѣ представить краткій историческій очеркъ.

7-го ноября 1811 года послѣдовалъ именной императора Александра I указъ, объявленный военнымъ министромъ военной коллегіи, въ которомъ, между прочимъ, сказано: «По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, формируется здѣсь (въ С.-Петербургѣ) одинъ гвардейскій полкъ линейной пѣхоты. Полкъ сей наименованъ л.-гв. Литовскимъ».

Въ предложеніи военнаго министра Барклая-де-Толли цесаревичу Константину Павловичу, которому поручено было формированіе сего полка, между прочимъ, сказано:

«Мундиръ сему полку назначается тотъ самый, какой и въ л.-гв. Драгунскомъ полку» (полкъ съ 1831 и понынѣ носитъ названіе л.-гв. Конно-

---

[1]) 1-го ноября 1883 г., № 236.

гренадерскаго); при семъ велѣно отпустить краснаго сукна на лацканы, коихъ остальные полки гвардейской пѣхоты тогда еще не имѣли. Такимъ образомъ мундиръ л.-гв. Литовскаго полка былъ темно-зеленаго сукна съ красными лацканами и краснымъ воротникомъ, съ нашитыми на оном двумя петлицами изъ желтаго басона у нижнихъ чиновъ, а у офицеровъ—вышитыхъ золотомъ; причемъ весь металлическій приборъ у офицеровъ былъ золотой, а у нижнихъ чиновъ — мѣдный.

На формированіе л.-гв. Литовскаго полка пошелъ 2-й баталіонъ л.-гв. Преображенскаго полка въ полномъ его составѣ, который для сего отчисленъ отъ своего полка 7-го ноября.

8-го ноября 1811 года л.-гв. Литовскій полкъ окончательно сформированъ, о чемъ и донесено по командѣ.

27-го декабря л.-гв. Литовскому полку выданы первыя знамена, при высочайшей грамотѣ отъ 25-го декабря.

Отечественная война 1812 г. дала возможность полку, въ первый годъ своего существованія, кровью своею запечатлѣть вѣрность престолу и отечеству, а мужествомъ и храбростью всѣхъ чиновъ въ дѣлахъ съ непріятелемъ занять почетное мѣсто среди «знаменитаго корпуса лейбъ-гвардіи», какъ называлъ свою гвардію императоръ Александръ I.

Бородинскій бой, гдѣ полки л.-гв. Литовскій и л.-гв. Измайловскій (составлявшіе 2-ю бригаду) пріобрѣли себѣ безсмертную славу, сломивъ упорство французовъ, которые, своими страшными кавалерійскими атаками трехъ кавалерійскихъ корпусовъ, хотѣли смять нашъ лѣвый флангъ, а также другія сраженія 1812 года послужили поводомъ главнокомандующему, свѣтлѣйшему князю Кутузову, ходатайствовать о награжденіи л.-гв. Литовскаго полка георгіевскими знаменами, каковыя всемилостивѣйше пожалованы полку 13-го апрѣля 1813 года. Война 1813—1814 и 1815 годовъ воспрепятствовала выдачѣ полку этихъ знаменъ, при самомъ ихъ пожалованіи, и только по окончательномъ замиреніи, 3-го августа 1817 года, л.-гв. Литовскій полкъ получилъ эти георгіевскія знамена на церковномъ парадѣ въ С.-Петербургѣ. Грамота же на эти знамена выдана полку еще позже, именно 19-го марта 1826 года, когда полкъ носилъ уже другое имя.

8-го ноября 1815 года л.-гв. Литовскій полкъ осчастливленъ былъ назначеніемъ цесаревича Константина Павловича шефомъ полка.

Въ 1814 году, при возвращеніи л.-гв. Литовскаго полка изъ Франціи въ Россію, получено приказаніе: 3-му баталіону сего полка слѣдовать въ Варшаву, а 1-му и 2-му баталіонамъ въ Россію. 27-го іюля, въ Пруссіи, въ сел. Рашштейнъ, 3-й баталіонъ отдѣлился отъ полка и направился сухимъ путемъ прямо въ Варшаву, куда и прибылъ 17-го сентября.

12-го октября 1817 года императоръ, въ присутствіи своемъ въ Москвѣ, высочайше повелѣть соизволилъ: л.-гв. Литовскому полку именоваться л.-гв.

Московскимъ полкомъ; баталіону же сего полка, въ Варшавѣ находящемуся, сохранить прежнее званіе л.-гв. Литовскаго полка.

По поводу сего приказа существуетъ преданіе, которое впрочемъ, за давностью времени, не имѣетъ за собою документнаго подтвержденія, а именно: будто государь императоръ Александръ I, желая увѣковѣчить память Москвы и ея земель, обагренныхъ кровью и прославленныхъ знаменитыми боями въ 1812 году, возъимѣлъ мысль и осуществилъ ее въ день закладки рама Христа Спасителя, наименовавъ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, наиболѣе отличившихся, л.-гв. Московскимъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1817 года вновь наименованный л.-гв. Московскій полкъ изъ двухъ баталіоновъ составилъ три и сталъ укомплектовываться до полнаго штата трехъ-баталіоннаго полка, продолжая числить у себя и баталіонъ л.-гв. Литовскаго полка, находившійся въ Варшавѣ.

Декабря 12. Приказомъ по гвардейскому корпусу, находящійся въ Варшавѣ баталіонъ л.-гв. Литовскаго полка, по высочайшему повелѣнію, отчисленъ отъ л.-гв. Московскаго полка.

Декабря 12. По мѣсячному рапорту л.-гв. Московскаго полка, 3-й баталіонъ бывшаго л.-гв. Литовскаго полка отчисленъ отъ л.-гв. Московскаго полка.

Что же касается формированія новаго л.-гв. Литовскаго полка, то изъ хронологическихъ таблицъ полковъ гв. пѣхоты, составленныхъ редакторомъ россійской военной хроники въ 1866 году, видно:

1817 года октября 12. Изъ находившагося въ Варшавѣ одного баталіона л.-гв. Литовскаго полка, съ добавленіемъ уроженцевъ Царства Польскаго изъ другихъ полковъ гвардіи, сформированъ новый л.-гв. Литовскій полкъ на правахъ и преимуществахъ полковъ старой гвардіи; шефомъ полка назначенъ его императорское высочество цесаревичъ и великій князь Константинъ Павловичъ.

1818 г. апрѣля 16. Утвержденъ двухъ-баталіонный штатъ полка.

1831 г. января 4. При полку сформированъ резервъ изъ двухъ ротъ.

Сентября 25. Резервъ дополненъ еще двумя ротами и переформированъ въ резервный баталіонъ.

Ноября 16. Резервный баталіонъ названъ 2-мъ, а второй баталіонъ — 3-мъ.

Георгіевскія знамена пожалованы 1-му и 2-му баталіонамъ въ 1818 году, въ уваженіе того, что баталіонъ прежняго л.-гв. Литовскаго полка, поступившій на сформированіе этихъ баталіоновъ, имѣлъ прежде георгіевское знамя.

Въ 1832 году пожаловано таковое же знамя и резервному баталіону, переименованному во второй.

Подобно тому, какъ сформировался новый л.-гв. Литовскій полкъ, сформированъ въ томъ же 1817 году и л.-гв. Волынскій полкъ изъ 3-го ба-

таліона л.-гв. Финляндскаго полка, который ведетъ свое начало съ 12 декабря 1806 года подъ именемъ баталіона императорской милиціи, а въ 1811 году переформированъ въ трехъ-баталіонный полкъ и наименованъ л.-гв. Финляндскимъ полкомъ.

Гренадерскіе полки: Кексгольмскій и С.-Петербургскій, основанные первоначально: первый въ 1710 году и второй въ 1726 году, въ теченіи своего существованія претерпѣли много разныхъ измѣненій и наименованій, прежде чѣмъ получили свои настоящія наименованія; тѣмъ не менѣе нить существованія сихъ полковъ идетъ непрерывно съ вышеуказанныхъ годовъ.

И такъ, изложивъ историческій очеркъ основанія и сформированія полковъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, вернемся къ первоначальному вопросу: вѣрно ли выставлены года на фронтонахъ вновь воздвигнутаго храма? При этомъ я дѣлаю три предположенія:

1) Если администрація воздвигнутаго храма задалась мыслью помѣстить на фронтонахъ года основанія полковъ, то выставленные года для полковъ Кексгольмскаго и С.-Петербургскаго совершенно вѣрны; года же полковъ л.-гв. Литовскаго и л.-гв. Волынскаго невѣрны,—года эти должны быть для л.-гв. Литовскаго—1683, а для л.-гв. Волынскаго—1806, на слѣдующемъ основаніи:

Въ высочайшемъ указѣ отъ 25 іюня 1838 года, которымъ высочайше жалуются орденскія ленты на знамена тѣмъ полкамъ, кои со времени своего первоначальнаго учрежденія хотя и измѣнились въ наименованіи, но въ продолженіи 100 лѣтъ не были расформированы, между прочимъ сказано: «при исчисленіи времени основанія полковъ, тѣмъ полкамъ, кои изъ разныхъ частей сформированы, считать старшинство по сильнѣйшей части, въ составъ его поступившей, если часть сія не менѣе полубаталіона».

А такъ какъ новый л.-гв. Литовскій полкъ сформированъ изъ одного баталіона бывшаго л.-гв. Литовскаго полка, сформированнаго въ свою очередь изъ одного баталіона л.-гв. Преображенскаго полка, то слѣдовательно первоначальный годъ основанія новаго л.-гв. Литовскаго полка есть 1683, т. е. годъ основанія знаменитыхъ «потѣшныхъ» Великаго Петра, т. е. преображенцевъ.

Въ силу вышесказаннаго высочайшаго указа, 26 марта 1839 года л.-гв. Литовскій полкъ получилъ андреевскія ленты на знамена, съ надписью на оныхъ: «потѣшные преображенцы 1683 г.»

На томъ же основаніи и л.-гв. Волынскій полкъ, какъ сформированный изъ одного баталіона л.-гв. Финляндскаго полка, первоначальнымъ годомъ своего основанія долженъ считать 1806 годъ.

2) Если администрація воздвигнутаго храма имѣла въ мысляхъ помѣстить на фронтонахъ года сформированія полковъ, то выставленные года полковъ:

л.-гв. Волынскаго, Кексгольмскаго и С.-Петербургскаго вѣрны, для л.-гв. Литовскаго же полка годъ этотъ долженъ быть 1817, когда этотъ полкъ дѣйствительно сформированъ, одновременно съ л.-гв. Волынскимъ полкомъ.

3) Если же администрація воздвигнутаго храма желала помѣстить на фронтонахъ года настоящихъ наименованій полковъ, то въ такомъ случаѣ только выставленный годъ л.-гв. Волынскаго полка вѣренъ; для л.-гв. Литовскаго полка онъ долженъ быть 1817, для Кексгольмскаго и для С.-Петербургскаго 1857, когда полки эти получили свои настоящія наименованія.

Правильнѣе всего было бы, по моему мнѣнію, придерживаться второго предположенія, т. е. слѣдовало бы выставить на фронтонахъ воздвигнутаго храма года сформированія полковъ, а именно: л.-гв. Литовскаго—1817, л.-гв. Волынскаго—1817, Кексгольмскаго 1710 и С.-Петербургскаго—1726.

Все вышеизложенное имѣетъ значеніе еще по слѣдующему обстоятельству: на фронтонахъ храма выставлены также названія сраженій, въ коихъ участвовали полки 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи (въ статьѣ «Русскаго Инвалида» эти названія не поименованы).

Такимъ образомъ л.-гв. Литовскій полкъ, выставивъ на фронтонѣ храма годъ своего основанія 1811, вѣроятно помѣстилъ также и названія всѣхъ сраженій, начиная съ этого года, слѣдовательно сюда вошли: Бородино, Люценъ, Бауценъ, Дрезденъ, Кульмъ, Лейпцигъ, Парижъ и названія другихъ сраженій послѣдующихъ войнъ. А такъ какъ полкъ этотъ сформированъ въ 1817 году, начало же основной части, послужившей къ его сформированію, относится къ 1683 году, то въ новомъ л.-гв. Литовскомъ полку какъ бы течетъ кровь славныхъ преображенцевъ, и нѣтъ причины не выставить на фронтонѣ храма названій сраженій, бывшихъ ранѣе 1811 года, отнеся сюда всѣ войны съ турками, пруссаками и шведами, восходя до взятія Азова и Нарвскаго сраженія.

Слѣдуетъ гордиться славой, пріобрѣтенной полкомъ со времени своего сформированія какъ самостоятельной единицы, а не славой тѣхъ отдѣльныхъ элементовъ, которые вошли въ составъ полка при его сформированіи.

И такъ л.-гв. Литовскій полкъ, какъ сформированный въ 1817 году, долженъ былъ бы выставить на фронтонѣ храма названія только тѣхъ сраженій, въ которыхъ онъ участвовалъ, начиная съ этого года.

Л.-гв. Волынскій полкъ вѣроятно такъ и сдѣлалъ, ибо выставивъ на фронтонѣ храма годъ своего сформированія—1817-й, надо полагать помѣстилъ тамъ названія сраженій, начиная съ этого года.

Гренадерскіе полки: Кексгольмскій и С.-Петербургскій безспорно имѣютъ право выставить названія всѣхъ сраженій, начиная съ 1710 и 1726 годовъ, въ коихъ эти участвовали.

Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы выяснить еще одно обстоятельство, которое имѣетъ нѣкоторое косвенное отношеніе къ вышесказанной статьѣ «Русскаго Инвалида», все по тому же поводу о выставленіи л.-гв. Литовскимъ полкомъ на фронтонѣ храма года своего основанія—1811-го.

II.

Мнѣ неоднократно приходилось слышать о спорахъ и даже самому принимать въ нихъ участіе по вопросу о томъ: какой изъ полковъ л.-гв. Московскій или л.-гв. Литовскій составляютъ продолженіе стараго л.-гв. Литовскаго полка, причемъ защитники новаго л.-гв. Литовскаго полка утверждаютъ, что этотъ полкъ есть непрерывное продолженіе стараго л.-гв. Литовскаго полка, а что л.-гв. Московскій полкъ — полкъ новый, и основываютъ свои доказательства главнымъ образомъ на высочайшемъ приказѣ отъ 12-го октября 1817 года, гдѣ сказано: «л.-гв. Литовскому полку именоваться л.-гв. Московскимъ; баталіону же сего полка, въ Варшавѣ находящемуся, сохранить прежнее званіе л.-гв. Литовскаго полка».

Вторая половина сего приказа служитъ защитникамъ новаго л.-гв. Литовскаго полка главнымъ основаніемъ къ заблужденію, что этотъ полкъ, сохранивъ свое названіе, есть продолженіе стараго л.-гв. Литовскаго полка.

Защитники же л.-гв. Московскаго полка, основываясь на категорическомъ выраженіи первой половины того же приказа, считаютъ л.-гв. Московскій полкъ непрерывнымъ продолженіемъ стараго л.-гв. Литовскаго полка, только съ новымъ наименованіемъ. Если допустить правоту за обѣими сторонами, то выходитъ, что въ 1817 году явилось два полка изъ одного и того же полка, или говоря попросту: изъ одного Ивана стало два таковыхъ же Ивана.

Въ дѣйствительности же это было не такъ.

Уже одно совпаденіе дня переименованія стараго л.-гв. Литовскаго полка въ л.-гв. Московскій полкъ съ днемъ закладки храма Христа Спасителя въ Москвѣ, 12-го октября 1817 г., служитъ какъ бы подтвержденіемъ правдоподобности того преданія, о которомъ я говорилъ выше, и объясненіемъ того, что государь императоръ Александръ I, переименовавъ л.-гв. Литовскій полкъ въ л.-гв. Московскій, не имѣлъ мысли создать какъ бы новый полкъ, а хотѣлъ дать старому полку болѣе почетное имя.

Въ то же самое время его императорскому высочеству цесаревичу Константину Павловичу, бывшему въ это время намѣстникомъ въ Варшавѣ, имѣлось въ виду сформировать особый отрядъ гвардейскихъ войскъ по преимуществу изъ польскихъ уроженцевъ, и этимъ-то полкамъ даны польскія названія; такимъ образомъ изъ 3-го баталіона л.-гв. Финляндскаго полка

имѣлось въ виду сформировать л.-гв. Волынскій полкъ, а изъ 3-го баталіона стараго л.-гв. Литовскаго полка — новый полкъ, которому дано названіе л.-гв. Литовскій полкъ, такъ какъ это названіе, за переименованіемъ стараго л.-гв. Литовскаго полка въ л.-гв. Московскій полкъ, стало свободнымъ.

Доказательствомъ, что это было дѣйствительно такъ, служитъ то обстоятельство, что 3-й баталіонъ стараго л.-гв. Литовскаго полка, сохранивъ, согласно высочайшаго приказа 12-го октября 1817 года, званіе этого полка, при переименованіи его въ л.-гв. Московскій полкъ, продолжалъ все еще числиться при л.-гв. Московскомъ полку и только приказомъ по гвардейскому корпусу отъ 12-го декабря 1817 года отчисленъ отъ сего полка и сталъ формировать двухъ баталіонный новый л.-гв. Литовскій полкъ.

Оказывается, что споры происходятъ отъ неправильнаго толкованія смысла самаго приказа 12-го октября 1817 года, въ которомъ, послѣ категорически и ясно изложенной первой половины, дается поводъ къ нѣкоторымъ коментаріямъ во второй его половинѣ. Фраза: «баталіону сего полка, въ Варшавѣ находящемуся, сохранить прежнее званіе л.-гв. Литовскаго полка» должна быть понята такимъ образомъ, что этому баталіону сохраняется только одно названіе прежняго полка, все же прошлое стараго л.-гв. Литовскаго полка всецѣло передается л.-гв. Московскому полку.

Военная хроника россійскихъ полковъ не представляетъ ни одного примѣра, изъ котораго было бы видно, что для сформированія какого либо новаго полка отдѣлялась бы отъ стараго полка бо́льшая его часть; напротивъ того, весьма много такихъ примѣровъ, при которыхъ какой либо полкъ, отдѣливъ свою меньшую часть на сформированіе новаго полка, въ то же время получалъ самъ новое наименованіе, не прерывая нити существованія прежняго полка.

На основаніи сего и въ разсматриваемомъ вопросѣ мы видимъ, что старый л.-гв. Литовскій полкъ, получивъ въ 1817 году новое наименованіе л.-гв. Московскаго полка, отдѣлилъ отъ себя одинъ баталіонъ, который сформировалъ изъ себя уже новый полкъ прежняго названія сего баталіона, т. е. л.-гв. Литовскій полкъ.

Если и этихъ доказательствъ недостаточно для убѣжденія защитниковъ л.-гв. Литовскаго полка въ неосновательности ихъ взгляда то, я могу привести еще нѣсколько аргументовъ, доказывающихъ положительнымъ образомъ, что л.-гв. Московскій полкъ составляетъ непрерывное продолженіе стараго л.-гв. Литовскаго полка.

Доводы эти слѣдующіе:

1) При переименованіи стараго л.-гв. Литовскаго полка въ л.-гв. Московскій полкъ, сей послѣдній сохранилъ свою прежнюю форму обмундированія,

каковая дана была полку при самомъ его сформированіи въ 1811 году (о чемъ сказано въ началѣ сей статьи).

2) Всѣ знамена стараго л.-гв. Литовскаго полка остались въ л.-гв. Московскомъ полку.

3) Шефъ стараго л.-гв. Литовскаго полка, цесаревичъ великій князь Константинъ Павловичъ, остался шефомъ л.-гв. Московскаго полка, безъ особаго какого либо о семъ высочайшаго приказа.

4) Командиръ полка и всѣ офицеры стараго л.-гв. Литовскаго полка остались въ л.-гв. Московскомъ полку, безъ всякаго о семъ высочайшаго приказа.

5) Весь штабъ полка и все хозяйственное управленіе стараго л.-гв. Литовскаго полка остались въ л.-гв. Московскомъ полку.

6) Весь архивъ и всѣ полковыя дѣла стараго л.-гв. Литовскаго полка остались въ л.-гв. Московскомъ полку.

7) Полковая церковь и празднованіе въ день 30-го августа полкового праздника стараго л.-гв. Литовскаго полка остались въ л.-гв. Московскомъ полку (съ 1827 года празднованіе полкового праздника перенесено на 8-е ноября).

8) Грамота, всемилостивѣйше пожалованная государемъ императоромъ Николаемъ I, 19-го марта 1826 года, гдѣ сказано:

«Нашему л.-гв. Московскому полку.

«Въ награду знаменитыхъ подвиговъ, мужества и храбрости, оказанныхъ въ минувшую достославную войну противу французскихъ войскъ, пожалованныя сему полку въ Бозѣ почившимъ императоромъ Александромъ Павловичемъ знамена, съ изображеніемъ ордена святаго великомученика и побѣдоносца Георгія, повелѣваемъ», и проч.

Грамотой этой государь императоръ Николай I узаконяетъ и какъ бы подтверждаетъ за л.-гв. Московскимъ полкомъ ту славу, которая пріобрѣтена полкомъ подъ другимъ его наименованіемъ.

9) Въ Бозѣ почившій императоръ Александръ II, въ день полкового праздника л.-гв. Московскаго полка 8-го ноября 1876 г., послѣ высочайшаго обѣда въ Зимнемъ дворцѣ, подвелъ офицеровъ къ большой картинѣ, изображающей Бородинское сраженіе, и здѣсь-то соизволилъ объяснять офицерамъ эпизодъ этого боя, гдѣ фигурировалъ главнымъ образомъ старый л.-гв. Литовскій полкъ, причемъ государь императоръ всякій разъ изволилъ прибавлять слова «вашъ полкъ», обращаясь къ офицерамъ л.-гв. Московскаго полка.

Случай этотъ, вѣроятно, еще помнятъ нѣкоторые присутствовавшіе при семъ офицеры новаго л.-гв. Литовскаго полка.

Вотъ всѣ аргументы и доказательства относительно основанія, сформированія и наименованія л.-гв. Московскаго полка.

Такимъ взглядомъ руководствовались государи императоры: Александръ I, Николай I и Александръ II, такъ смотритъ Россійская военная хроника и всѣ офиціальныя мѣста и лица, а потому нѣтъ ни малѣйшаго повода оспаривать у л.-гв. Московскаго полка его происхожденіе и славу.

Въ доказательство того, что новый л.-гв. Литовскій полкъ есть созданіе въ 1817 г. новаго полка, только съ прежнимъ названіемъ, приведу слѣдующіе аргументы:

1) При сформированіи новаго л.-гв. Литовскаго полка въ 1817 г., онъ образовалъ полкъ, который, какъ численностью, такъ и составомъ своимъ совершенно отличался отъ прежняго л.-гв. Литовскаго полка; такимъ образомъ первоначально сформировано было только два баталіона, по преимуществу изъ польскихъ уроженцевъ и уже впослѣдствіи сформированъ былъ третій баталіонъ.

2) Штатъ новаго двухъ баталіоннаго л.-гв. Литовскаго полка высочайше утвержденъ 16-го апрѣля 1818 года.

3) При сформированіи новаго л.-гв. Литовскаго полка, дана сему полку новая форма обмундированія, совершенно отличная отъ стараго л.-гв. Литовскаго полка, причемъ покрой и цвѣтъ мундира остались тѣ же, но за то золотыя петлицы у офицеровъ и золотой (мѣдный) приборъ всѣхъ металлическихъ вещей замѣнены серебряными петлицами и серебрянымъ (бѣлымъ) приборомъ.

4) Первыя знамена свои новый л.-гв. Литовскій полкъ получилъ въ 1818 г., причемъ знамена эти выданы съ изображеніемъ ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія лишь въ уваженіе того, что баталіонъ, послужившій основаніемъ для сформированія новаго л.-гв. Литовскаго полка, имѣлъ таковое знамя.

5) Шефомъ л.-гв. Литовскаго полка назначенъ цесаревичъ и великій князь Константинъ Павловичъ.

6) Командиръ полка назначенъ и всѣ офицеры переведены въ л.-гв. Литовскій полкъ высочайшимъ приказомъ.

7) Штабъ полка и все хозяйственное управленіе заведено въ л.-гв. Литовскомъ полку вновь.

8) Въ Бозѣ почившій государь императоръ Александръ II въ бытность свою въ Варшавѣ, въ офицерскомъ собраніи л.-гв. Литовскаго полка, лично соизволилъ объяснять офицерамъ полка, что старый л.-гв. Литовскій полкъ— это нынѣшній л.-гв. Московскій полкъ, а что ихъ полкъ новый — л.-гв. Литовскій полкъ.

Изложивъ всѣ обстоятельства дѣла, прихожу къ окончательному выводу, что л.-гв. Московскій полкъ сформированъ въ 1811 году, а л.-гв. Литовскій полкъ въ 1817 году.

Мнѣ кажется, что недостаточно ясное пониманіе всѣхъ обстоятельствъ формированія полковъ и послужило нѣкоторымъ поводомъ выставить ошибочно, на фронтонѣ воздвигнутаго храма 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, годъ основанія л.-гв. Литовскаго полка — 1811-й, когда слѣдовало бы выставить 1817-й годъ.

А. Я. Ляпуновъ.

С.-Петербургъ.
4-го января 1884 г.

О ВОЗОБНОВЛЕНІИ ПАМЯТНИКА НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

АРТЕМІЯ ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЩОВА

† 27-го іюня 1740 г. [1]).

Поступило пожертвованій на возобновленіе сего памятника:

Отъ И. И. Глазунова (Спб.)	150 руб.
„ М. И. Семевскаго (Спб.)	100 „
„ А. П. Вахрушина (изъ Москвы).	10 „
„ М. Н. Шляпина (изъ Пермской губ.) . . .	1 „
22-го октября 1884 г. Отъ братьевъ Андріановыхъ (изъ Москвы).	2 „
А съ прежде поступившими всего . .	1,663 руб.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., томъ XXXVIII, май, стр. 464—471; томъ XL, октябрь и ноябрь, стр. 269—271 и 498; декабрь, стр. 723—724; изд. 1884 г., т. XLI, январь, стр. 224; февраль, стр. 460; мартъ, стр. 666; т. XLII, апрѣль, стр. 221; май, стр. 407; іюнь, стр. 671; т. XLIII, августъ стр. 448; сентябрь, стр. 676; т. XLIV, октябрь, стр. 194; ноябрь, стр. 444.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНА.

Новости, объявленія и распоряженія правительства

въ 1799 г. [1]).

12 августа. Санктпетербургскаго купца Селиванова, утруждавшаго государя императора просьбою, въ которой жалуясь на купца Сафонова, якобы завладѣвшаго его товарами, просилъ о дозволеніи ему разобраться съ нимъ третейскимъ судомъ, коимъ онъ надѣется обнаружить справедливость своего дѣла, е. и. в. высочайше повелѣть соизволилъ, какъ по взятымъ отъ губернскаго начальства изъ дѣлъ о семъ производившихся свѣдѣніямъ просьба сія оказалась вовсе несправедливою, за лживо поданную просьбу судить и наказать къ чему по законамъ присужденъ будетъ.

— Лифляндская 20-ти лѣтъ дѣвка, искусившаяся въ шитіи бѣлья, въ вязаніи чулокъ, мытіи шелковыхъ матерій и прочихъ рукодѣльяхъ, и которая при томъ кушанье готовитъ, продается въ 4 адмир. части близъ Никольскаго моста въ домѣ подъ № 43, гдѣ ее видѣть можно во второмъ ярусѣ на лѣвой рукѣ.

16 августа. Изъ Рима отъ 30 іюня (изъ французскаго журнала). Рима нѣтъ уже въ Римѣ. Вотъ какое горестное положеніе древней сей республики, попеременно бывшей подъ желѣзнымъ жезломъ правленія кесаря Нерона, двухъ сотъ папъ и Биртолія, нынѣшняго директора, или лучше сказать римскаго царя, ибо его такъ называютъ. Нельзя себѣ представить, какія хищничества, расточенія, беззаконія и нестерпимыя наглости происходятъ здѣсь отъ сего тирана, съ помощею Рубеля и другихъ французскихъ агентовъ, кои грабя зажиточныхъ помѣщиковъ и хозяевъ, и раззоряя публичные памятники, сдѣлали здѣсь вольность ненавистною, имя французовъ позорнымъ, а лихоимствами своими, притѣсненіемъ и самовластными поступками заставляютъ и лучшихъ республиканцовъ желать короля. (№ 65).

---

[1]) Выписки изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», изд. при «Императорской Академіи Наукъ», въ 4-ю долю. Выписки объемлютъ царствованіе Павла I, съ 1796 г. См. въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г. томъ XI, стр. 187, 589, 754; изд. 1875 г. томъ XII, стр. 231, 451, 663 и 830; томъ XIII, стр. 457; изд. 1882 г., томъ XXXV, стр. 425 и 653; изд. 1883 г., томъ XL, стр. 449—456, 645—648; изд. 1884 г., томъ XLI, стр. 363—370, 619—626.

19 августа. Изъ Парижа отъ 26 іюля... Человѣкъ съ 30 собравшись 8 сего мѣсяца въ селеніи Дрозайскомъ подлѣ Руана, плясали въ хороводѣ, припѣвая: „виватъ король! провались республика! виватъ Людовикъ XVIII". Древа вольности срублены въ семъ селеніи. Тоже самое послѣдовало и въ Ренъ-Сельвѣ ночью 13 и 14 чиселъ. (№ 66).

— Оттуда же отъ 30 іюля. Въ здѣшнихъ журналахъ помѣщенъ теперь слѣдующій термометръ парижской. Якобинцы—гроза; пятисотной совѣтъ—буря; Бонапарте—очень вѣтрено; народъ—очень сухо; патріотизмъ—очень холодно.

23 августа. Титулярному совѣтнику Зотову, отправляющему въ гарнизонномъ Кабрита 1 полку должность аудитора и просящему объ опредѣленіи къ нему деньщика, отказывается по причинѣ той, что аудиторамъ деньщиковъ имѣть не положено. (№ 67).

— Представленная исключеннымъ изъ службы квартермистромъ Русанымъ ода на побѣды графа Суворова-Рымникскаго, одержанныя надъ французами, оставлена безъ вниманія.

— Княгинѣ Хованской—матери бывшаго въ синодѣ оберъ-прокурора, просившей высочайшаго дозволенія оному сыну ея быть при ней въ Москвѣ и отлучаться для разстроеннаго ихъ хозяйства въ деревни, и генералу-фельдмаршалу графу Каменскому, просившему о принятіи паки въ службу сына его, изъ оной исключеннаго,—прошенія возвращены по высочайшему повелѣнію съ наддраніемъ и со взысканіемъ за пересылку ихъ по почтѣ вѣсовыхъ денегъ.

— Изъ Берлина отъ 8 августа. Курьеръ, отправленный изъ Кальяра и прибывшій на сихъ дняхъ сюда чрезъ Сицилію, Адріатику и Венецію, привезъ извѣстіе, что тогда въ Сардиніи получено только было донесеніе объ освобожденіи арміею австро-россійскою Турина и о занятіи онаго именемъ его величества короля сардинскаго. Государь сей, предоставя кавалеру Бальбо честь изъявить вѣчную его благодарность его величеству императору всероссійскому и просить о продолженіи дружбы и подпоры, не хотѣлъ упустить и малѣйше времени, чтобъ дать явный опытъ чувствованій своихъ герою, которой освободилъ государство и подданныхъ его отъ несноснѣйшаго угнетенія. Вслѣдствіе сего король объявилъ генерала-фельдмаршала графа Суворова-Рымникскаго фельдмаршаломъ и главнымъ начальникомъ всѣхъ войскъ его на твердой землѣ, вельможею короны наслѣдственно съ титуломъ и почестями князя—свойственника короля (prince cousin du roi), присвоивая оныя какъ ему, фельдмаршалу, такъ и всѣмъ наслѣдникамъ его мужескаго пола отъ старшаго на старшаго. Его величество желаетъ такимъ образомъ составить сношеніе и связь между фамиліи генерала-фельдмаршала и августѣйшаго дома Савойскаго, и засвидѣтельствовать ему свою признательность.

— Изъ Лондона отъ 3 августа. Въ память 1 августа, въ которой день Нельсонъ разбилъ французскій флотъ,—утвержденъ орденъ нильскихъ кавалеровъ, коего члены имѣли вчера первое собраніе въ домѣ, состоящемъ въ улицѣ святаго Іакова и великолѣпный обѣдъ, и проводили тотъ день весьма торжественно и радостно.

— Изъ Баваріи, отъ 1 августа. Россійской арміи, идущей теперь чрезъ Баварію, оказывается какъ отъ курфирста, такъ и отъ жителей больное гостепріимство.

— Изъ Италіи отъ 26 іюля. Подлѣ Мантуи застрѣленъ шпіонъ по имени Мартынъ, родомъ женевецъ, которой за нѣсколько времени передъ тѣмъ уже

дважды прокрадывался изъ Мантуи въ императорской лагерь, а оттуда къ генераламъ Магдоналю и Моро.

— Изъ Вѣны отъ 31 іюля. Здѣсь говорятъ, что генералъ Магдональ отправившійся въ Геную, просилъ фельдмаршала Суворова, чтобъ для возстановленія здоровья позволено ему было пріѣхать въ Пизу употреблять таношнія бани, на что помянутой фельдмаршалъ далъ ему позволеніе въ снисходительнѣйшихъ выраженіяхъ.

26 августа. Мушкетерскаго Римскаго-Корсакова полку полковому командиру полковнику Дрекеелю е. и. в. объявляетъ благоволеніе за имѣніе въ полку только четырехъ человѣкъ больныхъ и пять слабыхъ (№ 68).

— Е. и. в., въ благодарность подвиговъ князя Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго, повелѣваетъ гвардіи и всѣмъ россійскимъ войскамъ даже въ присутствіи государя отдавать ему всѣ воинскія почести подобно отдаваемымъ особѣ е. и. в.

— Исключенный изъ службы генералъ-лейтенантъ Загряжскій всемилостивѣйше отставленъ отъ оной.

— Изъ Лондона, отъ 6 августа. Наши красавицы начинаютъ теперь носить шляпы и перья Суворовскія.

— Изъ Парижа, отъ 4 августа. Здѣсь продается теперь публично сочиненіе подъ заглавіемъ: Духъ и желаніе французовъ. Въ немъ поощряютъ къ возстановленію королевскаго достоинства. Другое сочиненіе названо: Прежняя директорія продала насъ, а новая велитъ повѣсить.

— Двѣ оды, сочиненія Ѳ. Корбелецкаго, государю императору поднесенныя и высочайшаго благоволенія удостоенныя, продаются насупротивъ Зеркальной линіи въ книжной лавкѣ подъ № 19: 1-я—на прибытіе его и. в. изъ Москвы въ С.-Петербургъ 1797 года, цѣна 25 коп., а 2-я—побѣда Суворова-Рымникскаго въ Италіи, 30 коп. въ корешкѣ.

— По Невской перспективѣ противъ Милютиныхъ лавокъ, въ домѣ католической церкви, по Ниренбергской линіи въ книжной лавкѣ подъ № 5 у купца Сытина вступили въ продажу: 1) Новая карманная забавная книжка или описаніе 63 любопытныхъ хитростей, которыя всякой самъ собою въ дѣйство производить можетъ ко всеобщему удивленію и смѣху во всякое время года, на лучшей бумагѣ въ золоченномъ переплетѣ 35 коп. 2) новая же книга: Философъ горы Алаунской или мысли при извѣстіи о смерти великія Екатерины II, въ бум. 25 коп. 3) Чортикъ на дрожкахъ, соч. фонъ-Визина, въ бум. 15 коп.

— Искусившаяся въ рукодѣльяхъ и въ дѣланіи дамскихъ уборовъ дѣвица желаетъ въ какой либо господской домъ опредѣлиться въ услуженіе. О ней подробнѣйше свѣдѣніе дать можетъ живописецъ Ольдбергъ, живущей близъ Кокушкина моста въ домѣ доктора Цуберта подъ № 24 (тамъ же).

30 августа. Употребивъ софійскаго протоіерея Самбургскаго въ особенное отъ насъ порученіе, на мѣстѣ его—членомъ экспедиціи государственнаго хозяйства опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства, всемилостивѣйше повелѣваемъ быть дѣйствительному двора нашего камергеру Бакунину, поручая въ непосредственное его смотрѣніе заведенную при сей экспедиціи практическую школу земледѣлія. (Указъ сенату 11 августа, въ № 69).

— Изъ Парижа, отъ 9 августа. Женщины носятъ теперь здѣсь новой головной уборъ на образецъ человѣконенавидѣнія и раскаянія (à la misanthropie et à la repentance).

2 сентября. Изъ Парижа отъ 13 августа. Странное приключилось во время

празднества 10 августа, когда хотѣли сжечь тронъ. Тронъ стоялъ такъ крѣпко, что хотя былъ весь въ пламени, однакожъ не развалился. Наконецъ пришли съ ломами и лѣсницами, и принуждены были еще цѣлую четверть часа работать, пока его разломали, что причинило великой смѣхъ въ народѣ. (№ 70).

— На сихъ дняхъ вступила въ продажу вновь вышедшая книга: Торжество Амура надъ цѣломудріемъ, или змѣй, притаившійся подъ цвѣтами, поэма въ 12 пѣсняхъ. Продается оная книга на Сѣнной, возлѣ церкви Успѣнія, въ народѣ знаемой подъ именемъ Спаса, въ домѣ г. Яковлева, въ книжной лавкѣ у книгопродавца Изота Агафонова. Цѣна на любской бумагѣ въ синемъ пер. 1 р. 80 коп., на простой 1 р. 60 коп.

— Продается за излишествомъ, недавно сюда изъ деревни привезенная, 20 лѣтъ, здоровая и во всякую домашнюю работу способная дѣвка, умѣющая сверхъ того мыть, гладить, штопать и чулки вязать, а отчасти и стряпать. Спросить о ней въ домѣ ассигнаціоннаго банка у курьера Круговщикова.

6 сентября. Изъ Лондона отъ 16 августа. Лорда Нельсона ожидаютъ въ Лондонъ, а именно, когда король неаполитанской совершенно посаждёнъ будетъ опять на престолъ. Онъ получилъ позволеніе возвратиться за худымъ состояніемъ здоровья и велѣлъ сдѣлать себѣ гробъ изъ мачты французскаго адмиральскаго корабля, взорваннаго подъ Абукиромъ, въ которомъ хочетъ быть нѣкогда погребенъ (№ 71).

9 сентября. Изъ Парижа отъ 20 августа. Великолѣпная соборная церковь въ Реймсѣ продана теперь за 45 тысячъ франковъ пивовару Сантеру. (№ 72).

13 сентября. Въ домѣ графа Аракчеева, состоящей по Мойкѣ подлѣ экцерциргауза потребенъ изъ нѣмцовъ кучеръ, которой бы былъ порядочнаго поведенія. Таковой можетъ явиться къ дворнику. (№ 73).

— Содержатель пансіона Плате по поводу тому, что нѣкоторые изъ его доброжелателей искавъ его не сыскали, симъ извѣщаетъ, что его пансіонъ находится близъ Владимірской улицы въ бывшемъ Роговикова, а нынѣ Тарасова угольномъ домѣ, между Троицкимъ и Чернышевымъ, къ птичьему ряду выходящимъ переулкомъ подъ № 134. (Тамъ же).

— Есть еще продажная горнишная дѣвушка 17 лѣтъ, въ Московской части, въ Неклюдовомъ, у Семеновскаго моста по Фонтанкѣ подъ № 297 состоящемъ домѣ. Она говоритъ по русски и по нѣмецки, шьетъ въ тамбуръ золотомъ и шелками, шьетъ также женское платье и бѣлье, кое она и стираетъ; сверхъ того умѣетъ она дѣлать женскіе уборы и весьма способна служить при знатной барынѣ. Желающіе купить могутъ ее видѣть въ означенномъ дому у нанимающаго лѣвой флигель, гдѣ также продается сѣрой попугай.

16 сентября. Генералу-маіору фонъ Толю, приносившему оправданія противу клеветы гонителей его, и аббату Даніелю, просившему мѣста при церкви ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго и о прочемъ—объявляется, что прошенія ихъ оставлены безъ уваженія. (№ 74).

— Недавно сюда пріѣхавшій итальянецъ Фере показываетъ весьма забавную кукольную игру. Любопытствующіе ее видѣть и симъ доставить дѣтямъ своимъ удовольствіе могутъ къ нему для сего присылать по утрамъ до 12 часовъ, а жительство имѣетъ онъ по Вознесенской улицѣ въ Татариновомъ домѣ подъ № 205. (Тамъ же).

20 сентября. Принцессѣ Нассау-Зигенъ, просившей о позволеніи ей и повѣреннымъ ея переѣзжать безпрепятственно когда дѣла ея потребуютъ

изъ Россіи въ Галицію и прусскія области, а оттуда обратно въ Россію, и купцу Дюлингу, просившему о позволеніи женѣ и сестрѣ его, находящимся въ Любекѣ, пріѣхать къ нему въ Москву, объявляется, что на просьбы ихъ высочайшаго соизволенія не послѣдовало (№ 75).

— Изъ Вероны отъ 23 августа. Взятый въ полонъ (при Нови) генералъ Колли родомъ изъ Александріи въ Піемонтѣ. Онъ просилъ сдѣлать ему милость не вести его чрезъ тотъ городъ, дабы избавиться отъ ругательства своихъ земляковъ.

— Продаются книги: Олинька, или первоначальная любовь, въ бумагѣ 60 коп.; Суворонда, поэма героическая, твореніе Иринарха Завалишина, или побѣды графа Суворова-Рымникскаго, въ бум. 1 р. 20 коп.

23 сентября. Изъ Парижа, отъ 3 сентября. Курьеръ, прибывшій сюда третьяго дня (сказано въ здѣшнихъ газетахъ), привезъ извѣстіе, что папа, бывъ нѣсколько дней боленъ, умеръ 19 августа въ Валансѣ. Отъ роду было ему 82 года, папствовалъ онъ 24 года, родился 17 декабря 1717 года въ Цезенѣ, а въ папы избранъ 15 февраля 1775 года (№ 76).

— Оттуда же. На сихъ дняхъ вышелъ здѣсь новой журналъ подъ заглавіемъ: Парижанка. Въ немъ сказано, что смерть Жуберова есть, можетъ быть, благодѣяніе, и что должно благодарить смерть, за сокрушеніе мечей, просвѣтившихъ столь много человѣческой родъ лѣтъ 8 тому назадъ. За сіе и другія выраженія принесена директоріи жалоба на помянутой журналъ.

— Продаются книги: Искуство летать по птичьему, съ гравированными изображеніями машинъ, посредствомъ которыхъ человѣкъ можетъ летать по воздуху, 50 коп.; Нещастной любовникъ, или приключеніе Вильгельма фонъ М., дворянина изъ Нижней Саксоніи, 1 р. 35 коп. въ пер.; Ненависть, побѣжденная любовію, тосканская повѣсть, 80 коп. въ пер. (Тамъ же).

27 сентября. Кирасирскаго графа Салтыкова 2-го полку корнетъ Дружининъ исключенъ изъ службы за прошеніе въ отставку. (№ 77).

— Произведенъ генералъ-лейтенантъ Германъ въ генералы отъ инфантеріи, (приказъ 24 сентября) [1]).

— Прошеніе исключеннаго изъ службы генералъ-маіора Чевкина, изъясняющаго свою якобы невинность въ употребленіи ротмистра Осипова вмѣсто квартемистра, и просящаго монаршей милости, оставлено безъ уваженія.

— Прошеніе отставнаго изъ службы генералъ-маіора Олсуфьева, о дозволеніи ему пріѣхать въ Санктпетербургъ на нѣкоторое время для свиданія съ женою и дѣтьми, оставлено безъ уваженія.

— Драгунскаго принца Виртенбергскаго полку маіору барону Сакену, просящему престарѣлому своему отцу съ семействомъ пропитанія, объявляется, что высочайшаго соизволенія на сіе не послѣдовало.

— На просьбу вдовы подполковника Гавриловой, объ опредѣленіи ея для пропитанія на Каменный островъ въ каридоръ, высочайшаго соизволенія не послѣдовало.

— Генералу отъ инфантеріи Штрандману, находящемуся, по донесенію на него генерала-маіора Юргенца, подъ слѣдствіемъ, просящему монаршей милости, предоставляется ожидать окончанія слѣдствія.

---

[1]) Въ приказѣ 5 октября, гдѣ перечисляются убитые въ сраженіи и безъ вѣсти пропавшіе, Германъ показанъ исключеннымъ изъ службы, хотя особаго приказа объ этомъ между 24 сентябремъ и 5 октябремъ не было напечатано.

— Прошеніе вдовы бывшаго нижегородскаго генерала-губернатора фонъ Ребиндеръ, о прощеніи сына ея лейбъ-гвардіи коннаго полку ротмистра, навлекшаго на себя гнѣвъ е. и. в., оставлено безъ уваженія.

— Исключенному изъ гренадерскаго принца Мекленбургскаго полку генералу-маіору Кульневу, просящему монаршей милости, прошеніе возвращено съ наддраніемъ и со взысканіемъ за пересылку по почтѣ вѣсовыхъ денегъ.

— Съ итальянской границы отъ 30 августа. Слухъ носится, что кардиналъ Руфо будетъ преемникомъ папы Пія VI. Епископъ капрійскій также повѣшенъ на мачтѣ аглинскаго корабля въ Неаполѣ.

— Продается за излишествомъ дѣвка 26 лѣтъ, умѣющая стряпать кушанье, мыть и гладить бѣлье и всякую кухонную работу исправлять. Видѣть ее и о цѣнѣ узнать можно въ домѣ, гдѣ военная коллегія, у тит. совѣтн. Черноусова.

— Иностранецъ, искусившейся въ поваренной наукѣ, желаетъ вступить въ господской домъ во услуженіе кухмистромъ. Его сыскать можно въ Большой Мѣщанской въ домѣ купца Медвѣдева, подъ № 58.

30 сентября. Статскаго совѣтника Фукса всемилостивѣйше жалуемъ въ наши дѣйствительные статскіе совѣтники (№ 78, указъ сенату отъ 18 сентября).

— Иностранному купцу Цилиху, прибывшему изъ чужихъ краевъ въ въ Кронштадтъ и просившему о позволеніи пріѣхать по торговымъ его дѣламъ въ Санктпетербургъ, объявляется, что на просьбу его высочайшаго соизволенія не послѣдовало.

— Изъ Вѣны отъ 28 августа. Пишутъ изъ Константинополя, что трое французовъ, Ларошъ, Брюпе и Мовелъ, которые не задолго предъ симъ покушались сжечь и потопить стоявшіе въ здѣшнемъ портѣ военные корабли, публично казнены 26 іюля. Первый сожженъ; второй, коему положено дать 300 ударовъ по пятамъ, умеръ среди мукъ. Третьяго, главнаго заводчика заговора, привязавъ къ койкѣ, волочили по улицамъ, пока испустилъ духъ; трупъ его четвертованъ и выставленъ на четырехъ главныхъ улицахъ.

— Продаются книги: Странныя приключенія Димитрія Матушкина, россійскаго дворянина, въ 2-хъ частяхъ, въ пер. 3 р. 60 коп. Приключенія Турчанки Ксеминды, названной въ крещеньи Елизаветою, отвергшейся отъ брачнаго союза съ порфирородными особами для исполненія супружескаго обѣта, даннаго любовнику, въ 2-хъ частяхъ, въ пер. 2 р. 30 коп.

— Дѣйств. ст. сов. и кавалеръ Гаскоинъ по долгу службы часто отлучается изъ здѣшняго города, за всѣ покупаемыя вещи, а равно и за все потребное для дома, платитъ наличными деньгами, но не взирая на то, часто являются къ нему со щетами, безъ вѣдома его, на кредитъ забраннымъ вещамъ, то симъ и объявляетъ, что отъ сего числа ни по какимъ щетамъ платить не будетъ, кромѣ какъ только за тѣ вещи, которыя были отданы въ его домѣ, что въ Малой Коломнѣ подъ № 37, или по его собственному приказанію отпущены.

4 октября. Генералъ-лейтенантъ Вильде и генералъ-маіоръ Гермерсъ отставлены отъ службы (№ 79, приказъ 29 сентября).

— Генералъ-лейтенантъ Вильде и генералъ-маіоръ Гермерсъ приняты по прежнему въ службу первой шефомъ въ бывшей артиллерійской Бѣгичева 1-го баталіона, а послѣдній командиромъ онаго (тамъ же, приказъ 1 октября).

— Генералу-маіору Клейнмихелю быть директоромъ артиллерійскаго

инженернаго кадетскаго корпуса. Генералъ-лейтенанту Амбразанцову быть инспекторомъ всей артиллеріи и командиромъ гвардіи артиллерійскаго баталіона.

— Отставлены отъ службы: генералъ-лейтенантъ графъ Аракчеевъ 1, генералы-маіоры Аракчеевъ 2 и Апрѣлевъ.

— Предписывается всѣмъ господамъ инспекторамъ не принимать прошеній о увольненіи въ отпускъ отъ корнетовъ и прапорщиковъ, кои сіе дѣлають отъ лѣни.

— Всемилостивѣйше повелѣваемъ, вѣдомства коллегіи иностранныхъ дѣлъ статскому совѣтнику Лабзину быть конференсъ-секретаремъ сей академіи съ тѣмъ же жалованьемъ и содержаніемъ, каковое имѣлъ предмѣстникъ его статскій совѣтникъ Чекалевскій, оставляя его при прежней должности. (Тамъ же, указъ академіи художествъ).

— Е. н. в. всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ находящихся при собственномъ е. в. депо картъ гравера Мѣшкова и словорѣза Савинкова въ чинъ губернскихъ секретарей, а словорѣза Ушакова—въ чинъ коллежскаго регистратора. (Тамъ же, указъ сенату 23 сентября).

— Изъ Лондона отъ 13 сентября. Городъ, по случаю сдачи голландскаго флота, Лондонъ былъ превеликолѣпно освѣщенъ двѣ ночи сряду. Имя адмирала Мичеля изображено было прозрачными буквами. Морскія гавани, а особливо Веймутъ, были также великолѣпно освѣщены двѣ ночи съ ряду. Цѣна оранжевымъ лентамъ поднялась 25-ю процентами.

— Россійско-императорскій орденскій капитулъ, усмотрѣвъ изъ политическаго европейскаго журнала подъ № 245, что Лагарпъ, которой будучи въ россійской службѣ, всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ святаго равноапостольнаго князя Владиміра, нынѣ президентомъ въ швейцарской директоріи, учрежденной бунтовщиками, разрушающими всеобщее благосостояніе и спокойство. Разсуждая о такомъ Лагарпа поступкѣ, которымъ нарушилъ онъ честь и всѣ обязанности кавалера, по испрошеніи высочайшаго соизволенія, исключаетъ онаго, яко недостойнаго быть членомъ общества кавалерскаго, изъ списковъ кавалерскихъ; о чемъ какъ во всѣ благоустроенные орденскіе капитулы, такъ и повсюду симъ сообщается.

7 октября. Государь императоръ на всеподданнѣйшій докладъ орденскаго капитула, высочайше указать соизволилъ исключить изъ списка кавалеровъ и огласить повсюду о дурномъ поведеніи и наглостяхъ кавалера военнаго ордена св. Георгія 4 класса полковника Робассоми, извѣстныхъ издавна еще по случаю поединка его съ графомъ Биланомъ, а нынѣ повторенным дерзкимъ его отношеніемъ въ капитулъ россійскаго кавалерскаго ордена; вслѣдствіе чего, по исключеніи того Робассоми изъ списка кавалеровъ, чрезъ сіе повсюду онъ оглашается (№ 80).

— Прапорщику Абдулгази-Бурашеву, по довѣренности магометанъ просившему объ отдачѣ ему для содержанія азіатской типографіи на такомъ же основаніи, какъ отдавалась Шнору, прошеніе возвращено съ наддраніемъ и со взысканіемъ за пересылку его вѣсовыхъ денегъ.

— Въ Малой Коломнѣ на Калинкинскомъ проспектѣ подъ № 123 продается добраго поведенія человѣкъ 22 лѣтъ, которой пишетъ и читаетъ, шьетъ башмаки и сапоги и плотничаетъ; спросить же объ ономъ подъ воротами на правой рукѣ.

11 октября. Офицеры, кои не выслужа болѣе года въ офицерскомъ

чинѣ, хотя въ теченіи сего времени получили и болѣе одного чина, а будуть просить о увольненіи отъ службы, будутъ исключены изъ оной на равнѣ съ прапорщиками за лѣнь (№ 81).

— Предписывается всѣмъ шефамъ полковъ представить е. и. в. всѣхъ достойныхъ къ производству въ офицеры, находящихся во ввѣренныхъ имъ полкахъ, хотя и не выслужили положеннаго термину, унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ, оберъ-офицерскихъ дѣтей, а фельдфебелей, выслужившихъ положенной срокъ, и чтобы при всѣхъ мѣсячныхъ рапортахъ присылать послужные списки по старшинству о всѣхъ эстандартъ-юнкерахъ, портупей-юнкерахъ, портупей-прапорщикахъ, подпрапорщикахъ и унтеръ-офицерахъ съ отмѣткою о ихъ достоинствѣ.

— Изъ Парижа отъ 13 сентября. Слухъ, что тѣло папы сожжено въ неморенной извести, несправедливъ. Оно бальзамировано, одѣто въ папское облаченіе и положено въ свинцовомъ гробѣ, который запечатанъ дромскою администраціею, испанскимъ посланникомъ и епископомъ коринескимъ. До полученія дальнѣйшихъ повелѣній, гробница сія будетъ храниться въ Валансѣ.

Отъ преломленія солнечныхъ лучей въ другихъ окружающихъ предметахъ, натурально представляется на одной трубѣ орлеанскаго дворца, который называется теперь дворцомъ равенства, портретъ въ силуетѣ. Многіе находили тутъ изображеніе Людовика XVI, и народъ ежедневно сбѣгался толпами глядѣть на сіе явленіе. Полицейскій коммисаръ почелъ такое стеченіе народа опаснымъ движеніемъ, и приказалъ вчера сломать ту трубу.

— Изъ Вѣны отъ 18 сентября. Е. и. в. пожаловалъ фельдмаршалу князю Суворову орденъ Терезіи большаго креста, съ которымъ сопряженъ большой пенсіонъ по смерть.

— Въ Новоисакіевской улицѣ у Клостермана продаются: гравированный портретъ генералъ-фельдмаршала князя Италійскаго Суворова-Рымникскаго, во весь ростъ, Аткинсомъ работанный, а придворнымъ граверомъ Валкеромъ его величеству государю императору посвященный; его же портретъ въ медаліонѣ, писанный въ Вѣнѣ Крейшцингеромъ, а съ него Нейделомъ гравированный 4 руб. Оный же въ малый форматъ 2 руб.

— Продаются книги: Странныя приключенія графа Роберта и Сапри, 4 части, въ пер. 1 р. 30 к. Прекрасная цыганка, прозванная неоцѣненною испанская повѣсть, сочиненія г. Сервантеса, съ картинкою, въ политурѣ 80 коп.

14 октября. Суконнаго дѣла мастеру и красильщику Шольдереру, просившему объ опредѣленіи его по вѣдомству мануфактуръ-коллегіи на казенное содержаніе съ тѣмъ, чтобы онъ не только на казенныхъ, но и на прочихъ фабрикахъ обучалъ своему искусству, отказывается по невоздержному его, Шольдерера, житію и неприлежности къ дѣлу, почему и надеженъ быть не можетъ къ занятію казеннаго мѣста. (№ 82).

— Фабриканту Беклеру, представившему планъ о разведеніи въ Россіи шелководства, дается знать, что на утвержденіе онаго высочайшаго соизволенія не послѣдовало, поелику исполненіе сего плана требуетъ великаго иждивенія и много времени; подобныя же сему учрежденія предъуспѣваютъ болѣе, когда заводятся частными людьми, а не казною, чему служитъ доказательствомъ и распространяющееся въ южныхъ предѣлахъ астраханской губерніи шелководство, никакихъ со стороны казны издержекъ не требующее.

— Надворному совѣтнику Гардеру, представившему проэктъ о умноже-

ніи пошлиннаго дохода, а между прочимъ, чтобы брать пошлину и съ тѣхъ рогожекъ и цѣновокъ, коими обертываются товары, изъ Россіи за границу отпускаемые, объявляется, что изобрѣтеніе его найдено не удобнымъ; поелику пошлины взимаются по тарифу съ тѣхъ только вещей и товаровъ, кои по вывозѣ отсюда въ чужіе края, переходя по торгу изъ рукъ въ руки, служатъ къ надлежащему по свойству ихъ употребленію.

— Изъ Вѣны отъ 12-го сентября. По случаю освобожденія Италіи отъ французовъ, находящіеся здѣсь италіянцы будутъ отправлять завтра нарочное благодарное молебствіе, въ присутствіи великаго герцога тосканскаго, эрцъ-герцога Фердинанда и проч.

— Продается: карманная книжка для пріѣзжающихъ на зиму въ Москву старичковъ и старушекъ, невѣстъ и жениховъ, молодыхъ и устарѣлыхъ дѣвушекъ, щеголей, вертопраховъ, волокитъ, игроковъ и прочая, 1 руб. 80 коп.

— Продаются за излишествомъ двѣ недавно сюда изъ деревни привезенныя, но уже при господахъ жившія, и какъ въ комнатную услугу, такъ и въ чорную работу способныя дѣвки, кои хорошаго поведенія, не старѣе 20 лѣтъ и умѣютъ мыть и гладить и чулки вязать.

18 октября. Изъ Палермо отъ 16 августа. Его величество (король неаполитанскій) по возвращеніи своемъ сюда, пожаловалъ въ день рожденія ея величества португальскому контръ-адмиралу маркизу Ницѣ орденъ св. Януарія, а лорду Нельсону земли у города Катаны, приносящія годоваго дохода 18 тысячъ дукатовъ, и шпагу, брилліантами осыпанную, которую король Карлъ III, отъѣзжая въ Испанію, далъ его величеству, сказавъ: „сею шпагою завоевалъ я королевство, которое тебѣ уступаю; она должна принадлежать всегда защитнику королевства и тому, кто возвратитъ оное тебѣ или преемникамъ твоимъ, въ случаѣ когда оно потеряно будетъ“. Помянутыя земли даютъ лорду Нельсону достоинство и титулъ дюка Дебронте (№ 83).

— Изъ Лондона отъ 27 сентября. Лордъ Нельсонъ получилъ отъ остъ-индской компаніи въ подарокъ 10 тысячъ стерлинговъ.

— Изъ Вѣны отъ 25 сентября. Музыкальный инструментъ, сдѣланный для супруги Людовика XVI нѣкимъ Шнелемъ изъ Вапгингена на Енцѣ въ Виртембергской области, котораго однакожъ не могъ онъ поднесть по причинѣ наставшей революціи, а теперь привезъ его сюда, привлекаетъ на себя удивленіе всѣхъ искусныхъ музыкантовъ. Сей инструментъ есть единственный въ своемъ родѣ, походитъ во всемъ на клавары, съ мѣдными же струнами, но тѣмъ отличенъ, что въ немъ совсѣмъ непримѣтно придѣланъ мѣхъ, котораго вѣтръ ударяетъ въ штруны, пріятно возвышаетъ тронутый тонъ и такъ, какъ въ органахъ, продолжаетъ. Сей тонъ пріятнѣе для уха, нежели голосъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ инструментовъ, и много имѣетъ сходства съ человѣческимъ голосомъ, искуснымъ въ нѣжномъ пѣніи. Мѣхъ содержитъ въ движеніи заведенная часовая пружина.

— Оттуда же. Дней 10 тому назадъ умеръ здѣсь отставной подполковникъ баронъ Фирибергъ, который кромѣ 80 тысячъ гульденовъ имѣнія, оставилъ замѣчательное завѣщаніе. Вслѣдствіе онаго должно поставить треугольную пирамиду на его могилѣ, и означить на одной сторонѣ день его рожденія и смерти; на другой сторонѣ вырѣзаны будутъ нѣкоторыя изъ его дѣяній, а на третьей слова: небывальщина. Двумъ бѣднымъ людямъ завѣщалъ онъ каждому по 17 крейцеровъ на день; за то должны они ежедневно молиться по четкамъ за нѣкоторыхъ стряпчихъ и судей. Своимъ людямъ опре-

дѣлилъ онъ прежнее ихъ жалованье по смерть; но за то должны они носить по немъ трауръ во всю свою жизнь. Оставшіяся послѣ него собаки и птицы отданы на прокормленіе одной бѣдной женщинѣ, съ тѣмъ, что когда которое изъ сихъ животныхъ умретъ, то должно купить другое такого же роду. За каждую собаку получаетъ она по 4 крейцера, за каждую птицу по 2 крейцера, сверхъ вѣковой пенсіи по 200 гульденовъ въ годъ. Незаконно прижитаго ребенка назначилъ онъ наслѣдникомъ всему имѣнію.

— Неаполитанскій конфетчикъ Константинъ Доминико, живущій въ Большой Морской, близъ Исакіевской церкви, въ Поповомъ, подъ № 5, домѣ, продаетъ всякія варенія, конфеты, мороженное, сиропы и проч. и ссужаетъ разными столовыми украшеніями.

— 21 октября. Изъ Парижа отъ 30 сентября. Пишутъ изъ Реймса, что одинъ человѣкъ, на котораго донесено, что кричалъ: виватъ ле-роа (т. е. король) отвѣчалъ въ допросѣ: мой дѣдъ назывался ле-Роа; я его такъ горячо любилъ, что повадился кричать: виватъ ле-Роа. Сей человѣкъ признанъ невиннымъ и, выходя изъ суда, кричалъ: виватъ ле-Роа (№ 84).

— Отъ санктпетербургской цензуры, господину доктору философіи и магистру свободныхъ наукъ, афинейскаго при Санѣ ученаго общества члену, Никитѣ Новосильцову, симъ извѣщается, чтобы онъ для объявленія ему высочайшаго е. и. в. повелѣнія, послѣдовавшаго о книгѣ, имъ сочиненной подъ названіемъ: „Логика или умственная наука для женатаго пола", благоволилъ явиться въ оную цензуру.

— Желающіе купить вѣрные и искусно устроенные механическіе вокальные часы, кои играютъ на флейтѣ, арфѣ и басѣ 10 разныхъ штукъ и представляютъ: во 1-хъ, великолѣпное село, на лѣвой сторонѣ котораго находится трактиръ, на верхъ коего изъ трубы выходитъ трубочистъ, бьетъ часы и послѣ послѣдняго удара прячется паки въ трубу; а на правой сторонѣ видѣнъ подъ деревомъ сидящій и на флейтѣ играющій пастухъ, а не подалеко отъ него на лошади почталіонъ, которой соотвѣтствуетъ пастуху играніемъ на рогѣ; а во 2-хъ, трактирщика, стучащаго служанкѣ въ окно и приказывающаго подать почталіону пить, съ изображеніемъ, что служанка приходитъ и несетъ бутылку и стаканъ, а за служанкою бѣжитъ собачка и лаетъ на почталіона и со стоящимъ на оныхъ попугаемъ, которой отвѣчаетъ на вопросы до 50 разныхъ словъ и поетъ аріи,—могутъ для условія въ цѣнѣ явиться ко вдовѣ Миллеръ, живущей у Каменнаго моста въ домѣ подъ № 121; оные же часы она и показываетъ съ платежемъ по 25 коп. съ персоны за входъ, равно показываетъ она перспективную иллюминацію.

— На сихъ дняхъ украденъ изъ кладовой Стреовскаго большой медвѣжій окорокъ. Онъ обѣщаетъ тому, кто откроетъ ему виновника сей покражи, 25 руб. Охотниковъ же до шляхтерныхъ припасовъ извѣщаетъ онъ, что у него можно получать превосходнаго вкуса колбасы, солонину, окорока, копченыхъ гусей, утокъ и бычачьи языки.

— Буде кому угодно взять къ себѣ въ домъ для разсказыванія разныхъ повѣстей, былей и отчасти русскихъ сказокъ нѣкоего слѣпаго человѣка, тотъ благоволитъ о немъ извѣститься противу дому покойнаго князя Безбородко у фельдшера Зубова.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ 1884 году

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ.

I.

Приступая къ обычному обзору исполнившагося года нашего изданія „Русской Старины“, къ обзору выпущенныхъ въ 1884 г. двѣнадцати книгъ, мы съ чувствомъ особаго удовольствія отмѣчаемъ фактъ появленія на страницахъ этого журнала посмертныхъ Записокъ Николая Ивановича Пирогова.

Слава этого ученаго и европейски знаменитаго хирурга такъ прочна, такъ распространена, взгляды его на дѣло воспитанія и образованія, на постановку и упроченіе народной школы такъ глубоко вошли въ сознаніе русскаго общества и легли въ основаніе многихъ реформъ въ дѣлѣ воспитанія въ нашемъ отечествѣ за истекшія 25 лѣтъ, что дѣлается совершенно понятнымъ, какъ великъ долженъ быть интересъ, возбуждаемый посмертными Записками такого человѣка.

Значеніе ихъ для редакціи „Русской Старины“ тѣмъ болѣе велико, что помѣщеніе ихъ на страницахъ этого изданія было предрѣшено Николаемъ Ивановичемъ Пироговымъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины, какъ мы о томъ уже разсказали въ „Русской Старинѣ“, Николай Ивановичъ, въ день своего юбилея, въ Москвѣ, 26-го мая 1881 г., заявилъ намъ, что посмертныя Записки его, Пирогова, принадлежатъ „Русской Старинѣ“ и затѣмъ, не смотря на весьма тяжкій недугъ, гибельный исходъ котораго былъ для него какъ нельзя болѣе ясенъ, знаменитый

ученый съ лихорадочною энергіею отдался составленію Записокъ— единственному труду, наполнявшему всѣ тѣ краткія мгновенія, которыя оставались для него между тяжкими страданіями. Онъ составлялъ и лично писалъ свои Записки, которыя нынѣ, въ 1884 году, согласно его волѣ, и переданы въ наше распоряженіе его высокодостойною вдовою Александрой Антоновной Пироговой.

Рядъ первыхъ главъ изъ посмертныхъ Записокъ Пирогова появился на страницахъ „Русской Старины" въ сентябрьской, октябрьской, ноябрьской и декабрьской книгахъ 1884 г. Въ этихъ главахъ много мѣста отведено постановкѣ, развитію и разрѣшенію нѣкоторыхъ чисто философскихъ вопросовъ и раскрытію духовнаго міросозерцанія автора. Простота и ясность изложенія, глубина мысли отличаютъ эти главы, какъ вообще все то, что написалъ знаменитый ученый, педагогъ и общественный дѣятель. Продолженіе этого монументальнаго труда будетъ печататься, изъ книги въ книгу, непрерывно въ „Русской Старинѣ" 1885 года; но мы не сочли себя въ правѣ откладывать печатаніе этихъ Записокъ и вотъ почему приступили къ этому тотчасъ, какъ только вывѣрили мѣстами крайне нечеткій подлинникъ рукописи съ тою копіею, съ которой печатаются Записки.

Съ каждою дальнѣйшею главою интересъ посмертнаго труда Пирогова все болѣе и болѣе возрастаетъ; онъ отдается фактическому изложенію различныхъ событій своей жизни съ самаго младенчества до эпохи профессорской и ученой дѣятельности; обозрѣваетъ, во всѣхъ интереснѣйшихъ подробностяхъ, ту и другую дѣятельность; представляетъ рядъ характеристикъ русскихъ и иноземныхъ ученыхъ и общественныхъ дѣятелей; наконецъ, доходитъ до реформъ, предпринятыхъ имъ въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи и вообще въ военно-госпитальномъ дѣлѣ въ Россіи.

Еще разъ скажемъ, что появленіе этихъ Записокъ на страницахъ нашего журнала есть событіе, смѣемъ думать, общаго для читающей Россіи интереса и значенія, и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что этотъ трудъ, касающійся весьма многихъ важныхъ вопросовъ жизни, надолго, если не навсегда, дастъ поводъ дѣлать различные выводы и коментаріи не только читателямъ, но и различнымъ писателямъ и ученымъ, касающимся вопросовъ,

имѣющихъ общественное значеніе, таковы: вопросы духовнаго міросозерцанія, вопросы религіозные, вопросы воспитанія, вопросы, связанные съ упроченіемъ у насъ школьнаго дѣла, вопросы, связанные съ бытіемъ университетовъ, и множество вопросовъ по отношенію къ хирургіи и практической медицинѣ въ Россіи.

Личный выборъ, сдѣланный Николаемъ Ивановичемъ Пироговымъ между повременными отечественными изданіями для помѣщенія своихъ посмертныхъ Записокъ, выборъ „Русской Старины“, является для насъ наивысшимъ знакомъ вниманія, о которомъ можетъ только мечтать редакція повременнаго изданія послѣ пятнадцати-лѣтнихъ усиленныхъ трудовъ, посвященныхъ правильной постановкѣ своего дѣла.

Читатели, конечно, замѣтили, что почти вслѣдъ за посмертными Записками Н. И. Пирогова мы отвели мѣсто воспоминаніямъ крестьянина-поэта Спиридона Дрожжина. Это сдѣлано нами не случайно: подлѣ колоссальной, въ нравственномъ и умственномъ отношеніи, личности видѣть самородокъ крестьянина-поэта совершенно умѣстно.

Намъ хотѣлось вновь выставить тотъ общеизвѣстный фактъ, что въ средѣ народа русскаго таится много духовныхъ силъ, коль скоро изъ него выходятъ, почти при полномъ отсутствіи образованія, такія дарованія, какое несомнѣнно принадлежитъ Спиридону Дмитріевичу Дрожжину. Ученикъ дьячка, не прошедшій ни единой школы, съ самаго нѣжнаго возраста брошенный въ разные вертепы кабацкой жизни, онъ сохраняетъ всю чистоту своей нравственной природы. Съ жадностью отдается чтенію, превосходно овладѣваетъ роднымъ языкомъ, овладѣваетъ имъ даже грамматически, ибо пишетъ безъ малѣйшихъ ошибокъ, и среди всевозможныхъ лишеній, скитаній и, прямо сказать, голода, отводитъ душу свою въ поэзіи. Многія его произведенія блещутъ несомнѣнно свѣжестью, искренностью чувства, вполнѣ художественными образами и вообще являютъ крупное дарованіе. Бодро смотрится на жизнь и будущность русскаго человѣка въ виду того, что на двухъ противоположныхъ концахъ одной и той же лѣстницы, ведущей къ его духовному и умственному развитію, стоятъ на первыхъ ступеняхъ Дрожжины, на высшихъ ступеняхъ всеміpно-извѣстные и уважаемые Пироговы.

Первый отдѣлъ нашего изданія въ 1884 году, какъ во всѣ четырнадцать предъидущихъ лѣтъ, посвященъ былъ Запискамъ и воспоминаніямъ.

Въ немъ, кромѣ Записокъ Н. И. Пирогова и С. Д. Дрожжина, мы должны отмѣтить Записки Михаила Александровича Фонвизина, въ высшей степени типичнаго представителя эпохи императора Александра I-го. Родной племянникъ знаменитаго автора „Недоросля"—Дениса Ивановича Фонвизина—Михаилъ Александровичъ соединялъ въ себѣ традиціи екатерининскаго вѣка съ тѣми идеями, которыя усвоены были имъ изъ личнаго знакомства и изъ изученія исторіи и внутренняго строя европейскихъ государствъ. Ветеранъ отечественной войны, прошедшій отъ Москвы до Петербурга, онъ, какъ и многіе представители лучшаго образованнаго общества эпохи Александра I, увлекся идеями о преобразованіи внутренняго строя своего отечества; послѣдствіемъ этого было то, что тридцать лѣтъ изъ своей жизни, съ 1826 по 1856 гг., онъ провелъ въ ссылкѣ въ Сибири. Здѣсь, какъ всегда, серьезный, вдумчивый онъ отдается наукѣ и литературѣ; пишетъ трактаты по разнымъ вопросамъ философскимъ, богословскимъ и соціальнымъ; наконецъ, по поводу одного незначительнаго французскаго сочиненія о россійской исторіи, составляетъ весьма сжатый и ясный обзоръ историческихъ судебъ русскаго народа съ древнѣйшихъ временъ до эпохи Александра Павловича. Весь трактатъ этотъ или мемуаръ, неоконченный еще въ печати на страницахъ „Русской Старины", интересенъ не только по мысли, которую проводитъ авторъ, обозрѣвая всѣ періоды русской исторіи, но и по нѣкоторымъ фактическимъ подробностямъ, до тѣхъ поръ почти неизвѣстнымъ, каковы подробности, относящіяся къ эпохѣ императрицы Екатерины II.

Подлѣ этого всесторонне образованнаго и мыслящаго человѣка, стоитъ фигура стараго служаки генерала Штрандмана, одного изъ тѣхъ честныхъ и благородныхъ нѣмцевъ-драбантовъ, которые всю многолѣтнюю жизнь свою отдали на служеніе государства россійскаго. Записки его сухи, но весьма обстоятельно трактуютъ обо всѣхъ тѣхъ фактахъ военной жизни второй половины XVIII вѣка, которую онъ честно прошелъ, постепенно восходя отъ низшихъ до высшихъ ступеней въ военной іерархіи.

Въ разсказѣ или отрывкѣ изъ записокъ г. Бочарова подъ за-

главіемъ „Въ Правительствующемъ Сенатѣ“ намъ хотѣлось приподнять завѣсу, которая опустилась съ введеніемъ у насъ судебной реформы въ 1864 году на наши старинныя судебныя учрежденія. У насъ все и вся легко забывается. Всѣ ужасы прежняго „правосудія“, начиная отъ низшихъ учрежденій нашихъ судовъ до самаго высшаго, каковъ правительствующій сенатъ, всѣ тогдашнія безобразія, тягота которыхъ лежала на всѣхъ классахъ русскаго общества, при тогдашнемъ безправіи и безсудіи,—все это почти забыто. Можно даже подумать, что скоро найдутся охотники поворотить русское общество къ старымъ судебнымъ учрежденіямъ, и вотъ для этого-то недурно вспомнить прошлое и войти въ храмъ русской Ѳемиды пережитаго и забытаго времени. Нагляднымъ изображеніемъ челобитчика въ этомъ храмѣ, въ 1820—1840 годахъ, можетъ служить тотъ рисунокъ, который приложенъ при одной изъ книгъ „Русской Старины“ обозрѣваемаго года.

Рядъ очерковъ и воспоминаній, каковы: „Виленскіе очерки“, „Въ Прибалтійскомъ краѣ“, „Русскій губернаторъ въ Царствѣ Польскомъ“, появившіеся въ „Русской Старинѣ“ 1884 года, конечно, остановили вниманіе нашихъ читателей на окраинахъ Россійскаго государства. Это весьма полезно, ибо здѣсь также слишкомъ скоро забываются уроки прошедшаго, уроки исторіи, и при этомъ забвеніи русское общество и представители въ немъ власти готовы повторять прежнія ошибки, за которыя такъ дорого приходилось и приходится платиться русскому народу.

Наиболѣе близкое къ этому народу—дѣло крестьянское обозрѣвается въ „Русской Старинѣ“ 1884 года въ Запискахъ одного изъ радѣльцевъ освобожденія крестьянъ—Якова Александровича Соловьева. Въ этомъ году мы закончили печатаніе его Записокъ о трудахъ, съ которыми сопряжено было осуществленіе великой идеи императора Александра II объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи. Эти Записки—безспорно монументальный источникъ къ будущей исторіи освобожденія крестьянъ въ нашемъ отечествѣ.

Не менѣе великое дѣло—дѣло воспитанія и образованія русскихъ людей—также нуждается въ томъ, чтобы въ памяти общества воскрешаемы были бы, время отъ времени, картины прошлаго изъ различныхъ учебныхъ заведеній, а равно излагаемы были тѣ взгляды въ дѣлѣ воспитанія, которыми руководились

русскіе педагоги въ давнюю и недавнюю старину. Вотъ почему мы отвели мѣсто въ обозрѣваемомъ году таковымъ запискамъ и разсказамъ, каковы воспоминанія знаменитаго педагога, увы, преждевременно скончавшагося, барона Николая Александровича Корфа, также разсказы А. И. Зеленаго, П. П. Карцова, И. И. Ореуса о кадетскихъ корпусахъ: морскомъ, новгородскомъ и о школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Только оглядываясь назадъ на хорошее и дурное, имѣвшее мѣсто въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ дѣлѣ воспитанія вообще русскихъ людей, можно стремиться къ тѣмъ или другимъ преобразованіямъ и улучшеніямъ въ этомъ величайшей важности дѣлѣ.

Не оставлено нами безъ вниманія въ обозрѣваемомъ году и обширное сословіе въ русскомъ народѣ—сословіе духовенства: Записки покойнаго профессора С.-Петербургской духовной академіи Д. И. Ростиславова, касающіяся всѣхъ сторонъ внутренняго быта православнаго духовенства въ Россіи, продолжали тянуться въ нашемъ изданіи и протянутся еще долгое время.

II.

Въ отдѣлѣ изслѣдованій и историческихъ монографій, а также историко-біографическихъ очерковъ, мы можемъ назвать трудъ уважаемаго историка нашего Д. И. Иловайскаго—Москва и Тверь, также указать на рѣчь при защитѣ диссертаціи на степень магистра русской исторіи молодого ученаго Линниченко, на изслѣдованіе Н. А. Гиббенета о патріархѣ Никонѣ по матеріаламъ вновь имъ открытымъ, на живые и полные интереса очерки и разсказы о сектахъ въ Россіи Пругавина,—на талантливые и, какъ всегда, весьма обстоятельные историческіе разсказы предсѣдателя кавказской археографической коммисіи Ад. П. Берже: „Кебинныя жены А. П. Ермолова на Кавказѣ“ и „Императоръ Николай I на Кавказѣ въ 1837 г.“; но въ особенности мы должны обратить вниманіе нашихъ читателей на обширное и весьма талантливо-написанное историческое изслѣдованіе: „Екатерина II и Дидро“, трудъ извѣстнаго публициста и бывшаго профессора В. А. Бильбасова; эта замѣчательная монографія основана на матеріалахъ, еще недавно появившихся въ печати; она ярко освѣ-

щаетъ какъ личность Екатерины II, такъ и весь потокъ философскаго движенія мысли во Франціи во второй половинѣ XVIII столѣтія и вліяніе его на высшее русское общество, и если нельзя согласиться съ нѣкоторыми изъ выводовъ В. А. Бильбасова, то, во всякомъ случаѣ, надо отдать полную справедливость талантливости изложенія и тому живому интересу, который онъ умѣлъ придать своей монографіи, явившейся затѣмъ съ нѣкоторыми дополненіями и приложеніями въ отдѣльномъ изданіи. Намъ особенно интересно появленіе этого изслѣдованія въ томъ отношеніи, что въ немъ обобщены и сдѣланы выводы изъ историческаго матеріала, появившагося въ послѣдніе годы въ русскихъ историческихъ повременныхъ изданіяхъ. Такимъ образомъ, на ряду съ изданіемъ сырого матеріала, начинаетъ у насъ появляться и превосходная обработка онаго, вполнѣ талантливо исполняемая.

Въ ряду лицъ, которымъ мы посвятили небольшіе очерки, мы остановили вниманіе читателей на весьма симпатичной личности императрицы Елизаветы Алексѣевны, супруги императора Александра I: такъ представили о ней воспоминанія ея фрейлины княгини Мадатовой, равнымъ образомъ очеркъ жизни этой императрицы, написанный графомъ Уваровымъ подъ живымъ впечатлѣніемъ кончины ея,—все это было совершенно кстати, ибо въ ряду портретовъ, изданныхъ въ этомъ году, мы помѣстили геліогравюрный снимокъ съ прекраснаго портрета работы Клаубера, изображающій Елизавету Алексѣевну въ бытность ея великою княгинею въ 1799 г.

Къ біографическимъ или скорѣе къ некрологическимъ очеркамъ мы должны отнести замѣтки, появившіяся въ обозрѣваемомъ году на страницахъ „Русской Старины“ о нѣсколькихъ вполнѣ замѣчательныхъ, въ различныхъ сферахъ русской жизни, государственныхъ или общественныхъ дѣятеляхъ. „Русская Старина“ никогда не бралась и не будетъ браться за составленіе очерковъ о всѣхъ сходящихъ въ могилу въ теченіи года русскихъ замѣчательныхъ людяхъ. Наше общество, вслѣдствіе какого-то злого рока, слишкомъ скоро теряетъ своихъ лучшихъ подвижниковъ, и если слѣдить за этими потерями, то все изданіе можетъ обратиться въ какой-то непрерывный синодикъ. Въ послѣднемъ году мы остановились на утратѣ Россіею лишь нѣкоторыхъ людей, каковы

напримѣръ: членъ государственнаго совѣта Ковалевскій, знаменитый герой Севастополя Тотлебенъ, въ высшей степени почтенный труженикъ науки Викторовъ, весьма талантливый писатель Николай Васильевичъ Бергъ, маститый патріархъ русскаго общества баронъ А. Е. Розенъ—одинъ изъ немногихъ остававшихся до нашихъ дней въ живыхъ такъ называемыхъ декабристовъ, честный морякъ и герой Севастополя К. П. Голенко, учительница П. Н. Жолкевичъ (рожд. Бибикова)—одна изъ достойнѣйшихъ представительницъ нынѣ большого уже общества трудолюбивыхъ до самоотверженія учительницъ и учителей начальныхъ школъ, содержимыхъ с.-петербургскою Городскою Думою.

III.

Матеріалы, издаваемые нами болѣе или менѣе въ сыромъ видѣ, каковы: указы, грамоты, переписка и проч. документы, въ обозрѣваемомъ нами году лишь немного коснулись эпохи XVIII вѣка и начала XIX столѣтія. Главный матеріалъ, явившійся въ 1884 году въ „Русской Старинѣ", такъ сказать, въ сыромъ видѣ, это обширная переписка императора Николая I съ фельдмаршаломъ И. И. Дибичемъ въ 1830—1831 годахъ, когда Дибичъ стоялъ во главѣ русской арміи, ринувшейся въ предѣлы Западной Россіи для подавленія возстанія въ Польшѣ. Переписка эта, главнымъ образомъ, интересная по отношенію къ императору Николаю—всецѣло обрисовываетъ эту личность, полную необыкновенной энергіи, и по отношенію ея вполнѣ своеобразныхъ взглядовъ, личность, какъ мы уже неоднократно заявляли, до сихъ поръ мало еще исторически изслѣдованную. По этому поводу нельзя не подивиться, что такого крупнаго значенія историческій матеріалъ, какова переписка этого государя во время войны съ Польшею (1831 годъ), оставался до сихъ поръ неизданнымъ. Это свидѣтельствуетъ только о томъ, какъ охотно хоронятъ у насъ подъ спудъ такой матеріалъ, который имѣетъ значеніе вовсе не для удовлетворенія любопытства, но главнымъ образомъ значеніе поучительное. Кстати повторимъ то, что мы уже, кажется, имѣли случай говорить: кто не знаетъ, напримѣръ, что о русско-

турецкой войнѣ 1829 года почти ровно ничего не было обнародовано вплоть до возникновенія борьбы 1853—1855 годовъ и, такимъ образомъ, опытъ 1829 года далеко не вполнѣ могъ послужить, напримѣръ, для войны 1854 года на Дунаѣ; затѣмъ во время 1877—1878 годовъ мы опять-таки мало еще имѣли въ печати изслѣдованій, по русскимъ матеріаламъ, о войнѣ 1853—1855 годовъ [1]). Между тѣмъ не такъ дѣлается на западѣ: тамъ, весьма скоро послѣ совершившагося крупнаго событія, какъ напримѣръ война, появляется почти весь матеріалъ для изученія во всѣхъ подробностяхъ пережитыхъ въ исторіи государства фактовъ.

Обращаясь къ помянутой перепискѣ императора Николая съ Дибичемъ, напомнимъ, что для освѣщенія польскаго возстанія 1831 г. и съ другой, враждебной намъ стороны, мы, одновременно съ этими письмами, печатали и будемъ печатать обширное изслѣдованіе Мохнацкаго о томъ же польскомъ возстаніи.

Въ этомъ же 1884 году мы начали рядъ очерковъ о холерѣ 1831 года, въ грустномъ предвидѣніи, что страшная гостья посѣтитъ, быть можетъ, Россію въ близкомъ будущемъ, а потому, въ ожиданіи ея, не безполезно оглянуться назадъ и вспомнить, чѣмъ сопровождалось ея первое, по времени, появленіе въ С.-Петербургѣ.

Съ каждымъ днемъ отходитъ въ область исторіи пережитая нами эпоха царствованія государя-освободителя императора Александра II. Эта эпоха вызываетъ и въ насъ, какъ, конечно, и во всѣхъ русскихъ людяхъ, имѣвшихъ счастіе переживать ее, глубокое, безпредѣльное сочувствіе къ державному преобразователю. На немъ и на его времени „Русская Старина“, доколѣ она будетъ издаваться, всегда будетъ останавливаться съ живѣйшимъ интересомъ.

Въ обозрѣваемомъ году мы привели, по отношенію къ ней, разсказъ кавказскаго ветерана М. Я. Ольшевскаго о пребываніи Александра II на Кавказѣ. Напечатали въ высшей сте-

---

[1]) Въ обозрѣваемомъ году, по отношенію къ этой войнѣ (1853—1854 гг.) собственно за Кавказомъ, помѣщены обширныя Записки ген. отъ инфантеріи М. Я. Ольшевскаго, уже въ той войнѣ занимавшаго видный постъ въ рядахъ дѣйствовавшихъ за Кавказомъ войскъ. Ред.

пени любопытную политическую записку одного изъ сподвижниковъ этого государя князя М. А. Горчакова о возможности столкновенія Россіи съ ея сосѣдями на западной границѣ (1860 г.) съ замѣтками на ней государя императора Александра II-го.

Въ обширной статьѣ нашей о чествованіи 19 февраля, въ 1862 — 1884 гг., мы постарались соединить воспоминанія и очерки, характеризующіе главныхъ сподвижниковъ государя въ наиважнѣйшей реформѣ, имъ совершенной, именно: освобожденіи крестьянъ въ Россіи; особенно ярко обрисовывается въ этихъ очеркахъ и въ изданныхъ нами, въ обозрѣваемомъ же году, письмахъ личность наиболѣе замѣчательнаго изъ подвижниковъ и радѣльцевъ крестьянскаго вопроса—Н. А. Милютина, дѣятеля истинно государственнаго.

IV.

На ряду съ разработкой отечественной исторіи, „Русская Старина“ въ теченіи пятнадцати лѣтъ своего изданія постоянно отводитъ многія страницы изслѣдованіямъ, очеркамъ и матеріаламъ, относящимся къ исторіи отечественной словесности.

При этомъ положительно ежегодно „Русская Старина“ представляетъ новыя данныя къ біографіи и обзору произведеній геніальнѣйшихъ представителей отечественной литературы въ новѣйшемъ ея періодѣ, таковы: Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь.

Въ обозрѣваемомъ году Гоголь явился въ нѣсколькихъ интересныхъ и неизданныхъ доселѣ письмахъ своихъ къ его доброму знакомому и другу Россети. О Лермонтовѣ разсказываетъ, между прочимъ, одинъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ товарищей его по службѣ и воспитанію,—а о Пушкинѣ мы помѣстили обширное изслѣдованіе В. Е. Якушкина. Это изслѣдованіе состоитъ въ изученіи, обзорѣ и подробнѣйшемъ описаніи всего пушкинскаго архива, переданнаго сыномъ поэта на вѣчное храненіе въ Румянцовскій музей въ Москвѣ. Съ необыкновенною заботливостью, вниманіемъ и любовью къ памяти великаго поэта обозрѣваетъ г. Якушкинъ обширное собраніе драгоцѣннѣйшихъ рукописей А. С. Пушкина; при этомъ для сего труда, съ добросовѣстностью по истинѣ замѣчательной, нашъ молодой ученый

г. Якушкинъ изучилъ рядъ изданій полнаго собранія сочиненій Пушкина и матеріаловъ къ его біографіи, и выставляетъ всю массу ошибокъ, вольныхъ и невольныхъ, вкравшихся въ эти печатныя изданія и изслѣдованія поэтическаго творчества Пушкина, принадлежащія въ особенности П. В. Анненкову и г. Бартеневу. Важность и значеніе труда г. Якушкина состоитъ не только въ томъ, что онъ указываетъ на недостатокъ всего того, что сдѣлано до сихъ поръ по отношенію къ собранію и изданію произведеній нашего величайшаго поэта, но и въ томъ, что онъ выясняетъ, слѣдуя рукописямъ Пушкина, какъ поправить эти недостатки въ ближайшемъ будущемъ.

Вмѣстѣ съ симъ г. Якушкинъ представилъ множество доселѣ совершенно неизвѣстныхъ прозаическихъ и поэтическихъ отрывковъ изъ сочиненій Пушкина.

Вообще обширный трудъ, приложенный къ составленію подробнаго „Описанія рукописей Пушкина", какъ нельзя яснѣе показалъ, во первыхъ, то, насколько до сихъ поръ рукописи Пушкина плохо изучены, какъ много еще въ нихъ цѣннаго матеріала, а во вторыхъ, то же „Описаніе" вполнѣ выяснило раньше лишь подозрѣваемую истину: почти все изъ посмертныхъ произведеній Пушкина напечатано съ поразительными ошибками и неточностями.

„Описаніе", заимствуя изъ тетрадей Пушкина все новое, неизвѣстное, дало на своихъ страницахъ много пушкинскихъ вещей, имѣющихъ самостоятельное, цѣльное художественное значеніе; таковы: „Элегія" (64. 15_1), „Какъ наше сердце своенравно" (66. 34_2), „Исполню я твое желанье" (69. 2_1), „Презрѣвъ и шопотъ укоризны" (70. 35_2) и пр.; затѣмъ въ числѣ новаго мы видимъ много болѣе легкихъ, шуточныхъ произведеній, каковы: „Въ Юрзуфѣ бѣдный мусульманъ" (65. 34_2), „Мой другъ уже три дня" (66. 8_1), „Дѣвственница" (70. 85_2) и пр. Мы находимъ множество новыхъ отрывковъ и неоконченныхъ набросковъ, которые, если не сами по себѣ, то какъ дополненія къ извѣстнымъ ранѣе произведеніямъ, имѣютъ важное какъ литературное, такъ въ особенности автобіографическое, значеніе. Между этими дополненіями есть такія, которыя и объемомъ, и содержаніемъ иногда превосходятъ напечатанное ранѣе: укажемъ на посланіе къ Ю* или къ Давыдову. Наконецъ, читатель, просматривавшій Описаніе, помѣщенное на стр. „Русской Старины" обозрѣваемаго года,

помнитъ огромную массу поправокъ, болѣе или менѣе значительныхъ, которую Описаніе внесло въ печатный пушкинскій текстъ.

Мы говорили о стихахъ; но то же самое и съ прозой. „Описаніе“ дало нѣсколько новыхъ прозаическихъ произведеній Пушкина, таковы: статьи о сочиненіяхъ Шевырева, Муравьева, Павлова; замѣтка о прекрасномъ; полемическія статьи „Самъ съѣшь“, о журналѣ „Азіятскій Ракъ“, рядъ полемическихъ и критическихъ замѣтокъ; многія статьи дополнило и исправило, такъ: Разговоръ А. и Б., Альманашникъ, Марія Шоннингъ и пр.

Конечно, „Русская Старина“ могла-бы ограничиться извлеченіемъ изъ тетрадей Пушкина одного лишь новаго и крупнѣйшихъ поправокъ; но, не говоря уже о важности многихъ мелкихъ исправленій, „Описаніе“, въ томъ видѣ, какъ оно напечатано, даетъ массу матеріала для опредѣленія хронологіи и порядка созданія многихъ произведеній Пушкина и даже для характеристики самого процесса его творчества. О послѣднемъ съ самаго начала упомянуло предисловіе къ Описанію (см. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., февраль); и дѣйствительно, благодаря описанію, мы проникли какъ-бы въ рабочій кабинетъ Пушкина: мы видимъ его неустанно работающимъ, обдумывающимъ и передѣлывающимъ свои произведенія, составляющимъ программы, заготовляющимъ подготовительные прозаическіе переводы, много читающимъ и дѣлающимъ выписки и замѣтки. Черновыя тетради Пушкина, а вмѣстѣ съ тѣмъ и „Описаніе“ ихъ, показываютъ намъ, что нашъ геніальный поэтъ, прежде всего, по справедливому замѣчанію въ предисловіи (см. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., февраль),—„вѣчный былъ работникъ“.

Рядомъ съ характеристикой творчества Пушкина, „Описаніе“ даетъ много матеріала и для характеристики самого поэта, для его біографіи. Кромѣ поправокъ, иногда очень существенныхъ, въ перепискѣ поэта мы находимъ болѣе десяти писемъ совершенно новыхъ или хотя и извѣстныхъ ранѣе, но по короткимъ и неточнымъ отрывкамъ. Между прочимъ, весьма важный біографическій интересъ имѣетъ фантастическій разговоръ поэта съ императоромъ Александромъ I.

Вообще благодаря Описанію, дающему намъ всѣ подробности и даже мелочи изъ подлинныхъ рукописей А. С. Пушкина, мы

имѣемъ тутъ множество біографическихъ указаній въ мелкихъ замѣткахъ и иногда въ рисункѣ или въ какой либо помѣтѣ.

„Русская Старина“ съ перваго года своего изданія всегда съ особою готовностью помѣщала на своихъ страницахъ матеріалъ, относящійся до Пушкина; изъ сдѣланнаго нами бѣглаго перечисленія видно, какъ много въ 1884 году дала „Русская Старина“ относительно нашего великаго поэта.

Конечно, подлинныя бумаги Пушкина, хранящіяся въ Румянцовскомъ музеѣ, навсегда сохранятъ свое значеніе, къ нимъ всегда будутъ обращаться изслѣдователи: „Описаніе“ не устранило и не могло устранить ихъ значеніе. Но не всегда и не всякій изслѣдователь можетъ отдаться изученію подлинныхъ рукописей въ Музеѣ въ Москвѣ; вотъ тутъ-то и будетъ особенно важно напечатанное „Русскою Стариною“ „Описаніе“. Кромѣ того, оно будетъ очень полезнымъ руководствомъ, исходнымъ, такъ сказать, пунктомъ и для занимающихся по подлиннымъ рукописямъ.

Въ концѣ труда г. Якушкина мы помѣстили имъ же составленный предметный указатель къ подлиннымъ рукописямъ Пушкина. Этотъ указатель весьма важенъ для тѣхъ, на которыхъ уже прямо выпадетъ доля быть редакторами полнаго собранія сочиненій Пушкина, или для тѣхъ, которые захотятъ обратиться, вообще по какой бы то ни было работѣ по отношенію къ Пушкину, непосредственно къ его рукописямъ, хранящимся въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ.

Вообще мы не находимъ достаточно словъ, чтобы благодарить нашего уважаемаго сотрудника за его вкладъ въ исторію отечественной словесности; мы полагаемъ, что каждый изъ русскихъ, для котораго дорога память великаго поэта, оцѣнитъ по достоинству трудъ В. Е. Якушкина. Въ его изслѣдованіи, какъ драгоцѣннѣйшій жемчугъ, разсѣяны цѣлыя строфы стиховъ и цѣлыя страницы прозы Пушкина, до сихъ поръ остававшіяся неизданными. Считаемъ себя счастливыми, что именно „Русская Старина“, вслѣдъ за множествомъ уже изданныхъ ею матеріаловъ для знакомства съ жизнію и поэтическимъ творчествомъ Пушкина, имѣла случай воспользоваться и вполнѣ воспользовалась прекраснымъ трудомъ В. Е. Якушкина.

V.

Одновременно съ исторіей литературы „Русская Старина" изъ году въ годъ останавливается на исторіи художествъ и искусствъ въ Россіи. При этомъ ежегодно, подобно тому, какъ въ литературѣ она останавливаетъ вниманіе читателей на Пушкинѣ, Лермонтовѣ и Гоголѣ, такъ въ области исторіи музыкальнаго искусства она всегда останавливается на Михаилѣ Ивановичѣ Глинкѣ.

Съ особымъ удовольствіемъ можемъ сказать, что по отношенію къ этой геніальной личности „Русская Старина" представила едвали ни цѣлую библіотеку записокъ, воспоминаній, очерковъ, писемъ и разныхъ замѣтокъ, во главѣ которыхъ, разумѣется, должны быть поставлены обширные мемуары самого Глинки, его письма, его проекты и конспекты текста къ его музыкальнымъ произведеніямъ. Въ обозрѣваемомъ 1884 году ко всей этой литературѣ о М. И. Глинкѣ „Русская Старина" присоединила воспоминанія его сестры Людмилы Ивановны Шестаковой.

Дѣятельность госпожи Шестаковой, рожденной Глинка, по отношенію къ сохраненію всего того, что служитъ къ славѣ ея геніальнаго брата, можетъ служить поистинѣ образцомъ для всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ возможность сохранить что либо къ упроченію и развитію славы талантливыхъ русскихъ людей въ области литературы, художествъ и искусствъ.

Графъ Өедоръ Петровичъ Толстой, проф. архитектуры М. А. Щуруповъ, проф. гравир. Н. И. Уткинъ, граверъ Аөанасьевъ, художн. Теребеневъ, скульпт. Забѣлло,—вотъ тѣ художники живописи, архитектуры, скульптуры, которые явились въ обозрѣваемомъ году въ очеркахъ ихъ жизни и дѣятельности, а нѣкоторые въ неизданныхъ до того письмахъ и замѣткахъ.

Совершившееся 5 октября 1884 года 50-ти-лѣтіе артистической дѣятельности въ высшей степени даровитаго русскаго артиста В. В. Самойлова дало поводъ „Русской Старинѣ" остановиться на обозрѣніи его заслугъ нашему обществу въ исторіи русскаго театра и на характеристикѣ его великаго таланта.

VI.

Въ выборѣ художественныхъ приложеній — портретовъ русскихъ достопамятныхъ людей — мы, какъ и всегда, были особенно разборчивы и внимательны; заботились какъ о томъ, чтобы эти портреты воскрешали предъ взоромъ читателя образы дѣйствительно, въ томъ или другомъ отношеніи, достопамятныхъ русскихъ людей обоего пола, такъ и о томъ, чтобы эти портреты были выполнены безупречно художественно.

Такимъ образомъ при книгахъ „Русской Старины" 1884 года явились въ таковыхъ портретахъ: императрица Елисавета Алексѣевна; его императорское высочество государь великій князь Константинъ Николаевичъ — главнѣйшій сподвижникъ незабвеннаго государя во всемъ, что совершено имъ для блага и величія Россіи; Пушкинъ въ превосходномъ снимкѣ, отпечатанномъ красками съ акварели знаменитаго художника Соколова, написавшаго этотъ портретъ съ натуры; Лермонтовъ во вновь открытомъ портретѣ, набросанномъ съ натуры однимъ изъ его кавказскихъ сослуживцевъ; поэтъ Некрасовъ въ портретѣ, исполненномъ рѣзцомъ талантливѣйшаго русскаго гравера на деревѣ академика Сѣрякова; В. В. Самойловъ въ отличной гравюрѣ, исполненной на мѣди мало извѣстнымъ еще, но весьма талантливымъ граверомъ г. Мѣркинымъ, состоящимъ при экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ; высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ, педагогъ баронъ Н. А. Корфъ; фельдмаршалъ Дибичъ и домоправительница графа Аракчеева Настасья Минкина, всѣ эти портреты исполнены рѣзцомъ одного изъ лучшихъ учениковъ и послѣдователей Сѣрякова—художникомъ И. И. Матюшинымъ; портретъ графа Аракчеева—гравюра на мѣди Афанасьева; наконецъ, портретъ-группа вождей союзной арміи подъ Севастополемъ въ 1854—1855 гг., весьма отчетливо исполненный Г. И. Грачевымъ съ фотографіи, этими же вождями подаренной въ 1855 г. кн. М. А. Горчакову во время осады Севастополя.

Изъ чертежей, приложенныхъ къ „Русской Старинѣ" 1884 г., читатели, конечно, замѣтили проектъ памятника на общей могилѣ кабинетъ-министра Артемія Волынскаго и его страдальцевъ Хрущова и Еропкина.

Этотъ проектъ принадлежитъ профессору архитектуры —

М. А. Щурупову и редакція „Русской Старины", положившая въ 1883 г. починъ въ возбужденіи вопроса о возобновленіи памятника на могилѣ вполнѣ исторической, съ удовольствіемъ можетъ нынѣ заявить, что есть полное основаніе къ надеждѣ, что могила эта украсится наконецъ памятникомъ, вполнѣ достойнымъ тѣхъ лицъ, которыя пали безвинною жертвою мести и злобы герцога курляндскаго Бирона.

VII.

Библіографическій листокъ „Русской Старины" въ 1884 году далъ отзывы о полусотнѣ книгъ и изданій, имѣющихъ значеніе и интересъ въ области историческихъ наукъ въ обширномъ смыслѣ этого слова. Какъ ни мало мѣста отводимъ мы для этого рода замѣтокъ-отзывовъ, но мы полагаемъ однако, что этотъ отдѣлъ,—принадлежащій почти исключительно перу уважаемаго профессора русской исторіи В. С. Иконникова,—весьма полезенъ.

Алфавитный указатель къ „Русской Старинѣ" 1884 года—ко всѣмъ двѣнадцати книгамъ сего года — приложенъ въ концѣ декабрьской книги. Изданіе таковыхъ указателей отдѣльною брошюрою, какъ мы то сдѣлали въ 1883 году, оказалось неудобнымъ.

Общая систематическая роспись всѣхъ статей и матеріаловъ, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ" за пятнадцать лѣтъ ея изданія, 1870—1884 гг., составлена нашею сотрудницею г-жею Вѣрою Васильевною Тимощукъ и мы приступили къ печатанію этой обширной росписи; въ началѣ 1885 г. мы надѣемся выпустить ее въ свѣтъ.

Вступая нынѣ въ XVI-й годъ нашего изданія, мы съ увѣренностью можемъ сказать, что программа, положенная въ основаніе изд. „Русской Старины" и всѣ наши усилія къ выполненію оной, какъ кажется, вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ той части русскаго общества, которая живо интересуется изученіемъ исторіи нашего дорогого отечества; доказательство этому мы усматриваемъ, между прочимъ, въ возрастающемъ постоянно числѣ нашихъ подписчиковъ-читателей: въ истекшемъ 1884 году число это достигло наивысшей цифры въ ряду пережитаго нашимъ журналомъ пятнадцатилѣтняго періода.

Ред.

ВѢДОМОСТЬ ЧИСЛА СТАТЕЙ И МАТЕРІАЛОВЪ,

поступившихъ въ редакцію „Русской Старины"

въ 1870—1884 гг. [1]).

Поступило мемуаровъ (Записокъ и воспоминаній), изслѣдованій, историческихъ и біографическихъ очерковъ, документовъ, замѣтокъ и цѣлыхъ частныхъ архивовъ . . . . №№ **5,070**

Изъ этого числа признано не имѣющими значенія и вообще, почему бы то ни было, не интереснымъ для печати 1,230

Напечатано въ „Русской Старинѣ" 1870—1884 г. . 1,901

Не напечатано, но признано **вполнѣ интересными** и пригодными къ помѣщенію въ „Русской Старинѣ", а потому и подготовлено къ напечатанію и войдетъ въ послѣдующія книги „Русской Старины" **1,939**

Итого поступило съ 1 января 1870 г. по 1-ое декабря 1884 г. **5,070**

Имѣя, такимъ образомъ, вполнѣ на готовѣ 1,939 сообщеній, въ числѣ которыхъ если есть и небольшія замѣтки, то имѣются и многотомные мемуары (записки) и воспоминанія, равно цѣлыя серіи документовъ, мы тѣмъ не менѣе просимъ и не престанемъ просить всѣхъ любителей отечественной старины и исторіи продолжать высылать намъ все интересное и имѣющее историческое значеніе. Считаемъ лишнимъ напоминать, что мы все, что помѣщали въ „Русской Старинѣ", печатали и помѣщаемъ не по времени поступленія матеріала или статьи, а по степени интереса по отношенію къ данному времени и по разнымъ другимъ редакціоннымъ соображеніямъ. Такимъ образомъ нерѣдко то, что получается сегодня, у насъ, такъ сказать, является въ печати завтра. Ред.

---

[1]) По 1-е декабря 1884 г. Въ эту вѣдомость не входятъ статьи и выписки, принадлежащія самой редакціи „Русской Старины", какъ заготовленныя ею для печати задолго до начала изданія журнала, такъ и постоянно заготовляемыя либо ею, либо по ея заказу и подъ ея непосредственнымъ руководствамъ, по нашимъ же матеріаламъ. Ред.

Списокъ лицъ, сообщившихъ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» историческія или историко-литературныя статьи и матеріалы въ 1870—1884 гг.

К. К. Абаза,—Л. В. Абашкинъ,—В. П. Авенаріусъ,—Д. В. Аверкіевъ,—И. П. Аврамовъ, — Ага-бекъ-Гасабовъ, — П. Агапѣевъ, — Н. Агафоновъ,—А. Аграномовъ,—Адасова,—А. К. Адинцовъ,—М. П. Аванчевскій,—И. К. Айвазовскій,—Аксаковъ,—Аксюкъ, вдова,—И. И. Акутинъ,—П. В. Алабинъ,—С. И. Аландскій,—М. А. Албычевъ,—К. Алмазовъ,—В. А. Альфонскій,—игуменъ Амвросій,—И. М. Амелицкій,—С. А. Амировъ,—Е. Н. Аммонъ,—А. И. Анастасіевъ,—И. Андозкій,—Х. К. Андреевъ, — ректоръ Спб. университета профес. И. Е. Андреевскій,—В. Андреевъ,—Анненковъ,—І. В. Антоновъ,—М. А. Антоновъ,—А. А. Антуфьевъ,—А. Апраксинъ,—графъ С. А. Апраксинъ,—Е. А. Арапова,—Н. А. Аргиляндеръ,—И. А. Аренсъ,—М. П. Арнольди,—О. Е. Арнольди,—Ѳ. С. Арнольди,—Ѳ. А. Арсеньевъ,—епископъ Арсеній,—В. И. Асташевъ,—профес. Н. А. Астафьевъ,—Аринichъ,—В. А. Арцимовичъ,—А. Ф. Арцишевскій,—П. Я. Аршеневскій,—Асташевъ,—Астракова,—Н. П. Ахвердовъ,—А. Ю. Ашебергъ.

К. Ѳ. Багговутъ, — В. И. Бакунина, — Баландовичъ,—В. С. Балашевъ,—О. С. Балкъ,—А. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскіе,—Н. П. Бараніусъ,—профес. С. И. Барановскій,—П. И. Барановъ,—Баранцевъ,—А. И. Барзецовскій,—А. В. Бароновъ, — Барсовъ, — А. П. Барсуковъ, — Н. П. Барсуковъ, —З. А. Баршъ,—В. С. Барыковъ,—Н. П. Барышниковъ, — кн. В. И. Барятинскій,—Д. Д. Баскаловъ,—А. И. Басовъ, — П. Н. Батюшковъ,—А. П. Бахрушинъ,—Е. П. Бахталовскій,—А. В. Башкатовъ,—Б. Башловскій,—кн. В. И. Баюшевъ.—А. Безсоновъ,—В. Безсоновъ,—А. Безукладиновъ,—Н. Л. Бенуа,—П. В. Березинъ,—В. Березинъ,—Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ,—Ад. П. Берже,—І. Берманъ,—М. А. Берманъ, — Беръ,—профес. І. В. Бертенсонъ, — г. Бердяевъ,—І. Берхинъ,—М. А. Бестужева, — О. А. Бестужева, — В. Н. Бестужевъ-Рюминъ,—проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ,—Р. И. Бржостовская,—Бибиковъ,—Н. Билибинъ, — В. А. Бильбасовъ, — А. А. Бильдерлингъ, — баронъ Бистромъ,—Д. Благово, — А. А. Благовѣщенскій,—гр. А. А. Бобринскій,—П. О. Бобровскій,—Н. Н. Бобровъ,—Е. Л. Богданова,—А. Н. Боголюбовъ,—С. Богоянскій,—

баронъ Н. К. Богушевскій, — И. Н. Божеряновъ, — В. А. Болотовъ, — П. А. Болотовъ, — Болотовъ, — П. Θ. Борель, — А. Борзенко, — Я. И. Борзецовскій, — В. А. Борисовъ, — Боричевскій, — С. М. Бородинъ, — А. А. Бородулинъ, — М. Θ. Бороздинъ, — И. Бочаровъ, — А. К. Бошнякъ, — П. Θ. Брандтъ, — художн. Н. К. Брезе, — проф. А. Г. Брикнеръ, — А. Бруннеръ, — А. П. Брянцевъ, — И. Брянцевъ, — Д. А. Булатовъ, — Б. Θ. и В. Θ. Булгарины, — А. Булыгинъ, — Е. Θ. Буринскій, — Н. Θ. Бурцовъ, — Я. Бутковскій, — баронъ Бутлеръ, — гр. М. Д. Бутурлинъ, — В. Е. Бучневичъ, — М. Быковъ, — М. Быстровъ, — акад. А. Θ. Бычковъ, — Θ. А. Бычковъ, — А. Г. Бѣлаго, — К. Бѣлевичъ, — Д. Бѣлевичъ, — Н. А. Бѣловерская, — И. П. Бѣлокопскій, — С. А. Бѣлокуровъ, — А. П. Бѣляевъ, — баронъ Θ. А. Бюлеръ.

М. И. Вавиловъ, — Н. А. Вагановъ, — В. Н. Ваксель, — М. С. Валевскій, — В. В. фонъ-Валь, — графъ П. А. Валуевъ, — А. У. Варакомскій, — К. А. Варгунинъ, — И. Варунъ-Секретъ, — И. И. Василёвъ, — Н. Васильева, — А. И. Васильевъ, — К. И. Васильевъ, — И. И. Васильевъ, — А. П. Васильевъ, — П. П. Васильевъ, — В. А. Васильевъ, — А. А. Васильчиковъ, — Н. Васьковъ, — Н. В. Вахтинъ, — Веденяпинъ, — В. Н. Ведерниковъ, — Е. Вейденбаумъ, — П. Вейль, — П. И. Вейнбергъ, — П. И. Великопольскій, — Величковскій, — А. Величковъ, — К. Н. Вельяминовъ, — Н. Вельяшевъ, — М. А. Веневитиновъ, — А. А. Венеціанова, — М. И. Венюковъ, — А. В. Веревкинъ, — А. И. Веригинъ, — Θ. Θ. Веселаго, — акад. К. С. Веселовскій, — С. Веснинъ, — Н. И. Викинскій, — Н. Виноградовъ, — А. Н. Виноградовъ, — П. А. Виноградовъ, — С. Виноградскій, — Випроревъ, — К. А. Висковатовъ, — профес. П. А. Висковатовъ (Висковатый), — В. Н. Витевскій, — А. Н. Витмеръ, — Θ. А. Витбергъ, — Н. П. Вишняковъ, — Владимірова, — А. Владиміровъ, — М. Владыкинъ, — И. Влодзимірскій, — А. Н. Воейковъ, — П. П. Возницынъ, — кн. Волконскій, — И. И. Вологдинъ, — И. В. Вологдинъ, — С. Волосатова, — П. П. Волховской, — Вольдемаръ, — Вонлярлярская, — Е. З. Воронина, — А. Воронихинъ, — Н. А. Воронихинъ, — И. А. Вороновъ, — П. Н. Вороновъ, — Ю. Д. Воронова, рожд. Рудакова, — Н. Я. Воскобойниковъ, — Востоковъ, — Н. Н. Вохинъ, — баронесса Вревская, — баронъ Б. А. Вревскій, — П. И. Вріони, — Вудъ, — А. А Вязмитиновъ.

С. Н. Гавриловъ, — кн. Ив. С. Гагаринъ, — кн. Н. В. Гагаринъ, — П. Гагенъ, — А. Гакъ, — профес. А. Д. Галаховъ, — М. Н. Галкинъ-Врасскій, — С. А. Галкинъ, — К. И. Гамаринъ, — А. Θ. Гамбургеръ, — Е. А. Ганъ, — Гвоздиковъ, — Э. Гебель, — баронъ К. К. Гейнсъ, — В. И. Гейсмаръ, — К. Гелингъ, — И. С. Генбачевъ, — А. А. Герке, — В. Ц. Герцыкъ, — Гилюсъ, — Д. И. Гиппіусъ, — В. О. Гладкій, — А. Г. Глинка, — В. С. Глинка, — М. С. Глинка, — Глинка, — П. Гловацкій, — Глуховъ, — Гнѣдичъ, — И. Е. Голдинскій, — гр. П. А. Голенищевъ-Кутузовъ, — В. В. Голенищевъ-Кутузовъ, — кн. К. К. Голицынъ, — кн. Н. Н. Голицынъ, — кн. Н. П. Голицынъ, — бывш. профес. кн. Н. С. Голицынъ, — кн. С. П. Голицынъ, — Н. И. Головачъ, — Я. Θ. Головацкій, — И. Головинъ, — П. С. Головинъ, — А. В. Головнинъ, — К. Д. Головщиковъ, — К. М. Голодниковъ, — И. А. Голышевъ, — Н. И. Голубевъ, — В. В. Голубцовъ, — М. Г. Гольмдорфъ, — проф. В. А. Гольцевъ, — Гондатти, — А. Н. Гончаровъ, — И. А. Гонча-

ровъ, — И. Ѳ. Горбуновъ, — А. Гордонъ,—М. Горилецкій —М. П. Горловъ,—Городецкая, — М. И. Городецкій, — Горчаковъ, — проф. А. Д. Градовскій,—Г. К. Градовскій,—художн. Г. И. Грачевъ,—А. К. Грегоріади,—А. Е. Грент,—Н. И. Григоровичъ,—А. Н. Григорьевъ,—А. Громачевскій,—акад. Я. К. Гротъ,—К. К. Гротъ, — Н. В. Губерти, — П. Гулакъ-Артемовскій, — С. И. Гуляевъ,—Гулевичъ,—свящ. В. Гурьевъ,—М. П. Гусаковскій,—А. Н. Гусевъ,—А. Гусевъ.

К. И. Давыдовъ,—Д. Давыдовъ,—Данильченко,—А. С. Даниловъ,—А. И. Даугель,—Г. Е. Дахновичъ, — Н. Я. Дашковъ,—П. П. Деви,—В. А. Дейлидовичъ,—Н. Д. Дела-Флизъ, — С. Дельпесъ, — И. Д. Деляновъ, — А. П. Демидовъ,—кн. П. П. Демидовъ-санъ-Донато,—Г. Д. Демяновскій,—В. Ѳ. Де-Пуле,—баронъ Д. Г. фонъ-Дервизъ,—фонъ-Дерфельденъ,—А. И. Деспотъ-Зеновичъ,—К. К. Детловъ, — В. А. Дзюбенко, — А. И. Диддриксъ, — Діатроптовъ, — Дмитріевъ,—Н. Г. Дмоховскій,—Ф. Н. Добрянскій,—Л. Я. Добровъ,—Ѳеофанъ Г. Доброленскій, — Я. И. Довголевскій,— В. Док—ій,—кн. В. П. Долгоруковъ,—Л. Долгоруковъ, — Л. П. Долинка, — П. П. Должиковъ,—Домонтовичъ,—Е. И. Дощанская, — Живко-Драговичъ, — Марко-Драговичъ, — А. М. Дренякинъ,—С. Д. Дрожжинъ,—кн. С. В. Друцкой-Соколинскій,— И. И. Дубасовъ,—М. Л. Дубельтъ,—М. Л. Дубецкій, — А. Дубицкій, — членъ-кор. акад. наукъ Н. Ѳ. Дубровинъ, — А. В. Дурново,—М. Л. Духонинъ.

К. Евлентьевъ, — Евреиновъ, — А. Е. Егоровъ, — от. П. П. Еланскій,—от. І. Еланскій, — кн. Енгалычевъ, — Н. А. Ермаковъ, — Н. Н. Ермаковъ,—В. Ермаковъ,—К. И. Ермолинъ,—В. М. Еропкинъ,—А. Ерошкинъ,—Г. В. Есиповъ,—И. Ефимовъ,—П. А. Ефремовъ.

А. П. Жакмонъ,—А. Н. Ждановъ,—Н. Ѳ. Желтовъ,—А. Жемчужниковъ,—Н. Л. Жемчужниковъ,—В. И. Жиркевичъ, — В. И. Жмакинъ,—В. Жуковъ,—Д. Жуковъ,—А. Жуковъ,—Н. Н. Жуковскій,—П. В. Жуковскій,—Журавскій.

И. Е. Забѣлинъ, — А. Заборинскій,— акад. П. П. Забѣлло, — Л. А. Загоскинъ, — В. Заенчковскій, — Т. М. Заишкевичъ, — Ѳ. Д. Зайцевъ, — П. Т. Залѣсскій,—А. Зандрокъ,—Заржецкій,—Я. И. Заринъ,—Е. И. Зарина,—А. Г. Затлеръ,—И. Н. Захарьинъ,—Д. Захаровичъ, —В. Захаровъ, — профес. Н. Ѳ. Здекауеръ,—А. К. Зейдеръ,—А. И. Зеленой,—А. Земцовъ,—К. Зенденгорстъ,—А. Л. Зиссерманъ,—М. З. Зіоровъ,—М. Злотковскій,—І. Э. Змунчилла, рожд. Стогова,—А. Змѣевъ,—Золотовъ,—В. Р. Зотовъ,—Е. Б. Зубова, рожден. баронеса Вревская,—В. А. Зыбинъ,—А. Н. Зыряновъ.

И. А. Ибердусовъ,—Н. С. Иванина, рожд. Шпилевская,—Н. И. Ивановъ,—А. В. Ивановъ,—А. Е. Ивановъ,—И. Ивановъ,—И. В. Ивановъ,—Петръ Вас. Ивановъ, — М. Н. Ивановъ, — Н. Ѳ. Ивановъ, — Л. К. Ивановскій,—от. И. Иващенковъ, — Ю. Б. Иверсенъ, — А. Игнатовичъ, — от. Игнатій (Малышевъ) архимандритъ,—гр. Н. П. Игнатьевъ,—Игнатьевъ,—С. А. Идаховъ,—А. Изволь

скій,—П. А. Извольскій,—К. А. Измайловъ,—К. В. Измайловъ,—П. Александр. Измайловъ,—проф. В. С. Иконниковъ,— проф. Д. И. Иловайскій,—В. Е. Ильковъ, — Д. В. Ильченко, — М. А. Имбергъ, — Инсарскій, —Л. С. Исарловъ,— А. Д. Исаковъ,—Н. О. Истинской,—Г. Ѳ. Исѣевъ.

Казадаевъ,—Е. К. Казанскій,—П. С. Казанскій, —Казачокъ, — М. К. Казина, — Казинъ, — А. Г. Казначеевъ, — П. С. Калачевскій,—Калиновскій,— Д. И. Калугинъ,— граф. Л. М. Каменская,—Ѳ. А. Каменскій,—А. Канаринъ,— кн-ня М. А. Кантакузина,—гр. П. И. Капнистъ,—П. А. Карабьинъ,—А. А. Карасевъ,—М. В. Карасевъ, — П. П. Каратыгинъ,—Н. Н. Каргопольцевъ,— М. А. Карлинъ, —от. А. В. Кармазинскій,—П. Карнауховъ,—Е. П. Карновичъ,— Карповъ,—А. Карташевъ,—Н. А. Карцевъ, —П. П. Карцевъ, —г. Карцевъ,— П. Кастальскій, — В. Катеневъ, — В. Катенинъ, — В. Каченовскій, — Н. С. Кашкинъ,—М. Н. Кедровъ,—Н. Т. Кедровъ,—от. М. Кедровъ,—проф. И. П. Келеръ,—М. Кельдышъ, — Н. П. Кельшъ, — баронъ Кене,—Ѳ. Ѳ. Кенигъ,— А. П. Кеппенъ,—Н. Х. Кетчеръ,—Т. Кибальчичъ, — Кильдюшевскій,— А. Н. Кирилинъ,—Кирилловъ,—Киселевъ,—И. Китаевъ,—П. А. Китицынъ, — Ѳ. Н. Кишенскій,—Д. В. Кларкъ,—И. Кларкъ,—А. С. Клевановъ,—П. Клениковъ,— Н. Ф. Клюге-фонъ-Клюгенау,—Князевичъ,—А. С. Князевъ,—Д. Ѳ. Кобеко,— Я. Кобылянскій, — Г. А. Ковалевскій,—М. Е. Ковалевскій,—К. И. Коваленкова,—Н. И. Коведаевъ,—М. М. Ковязинъ,—ген.-ад. Козляниновъ,—Козадавлевъ,—Д. И. Козелкинъ,—А. Козловскій,—С. Козловскій,—И. Козьминскій,— Н. И. Койленскій,—З. Койданскій,—А. Кокосовъ,—Колачевскій,—А. Коленковскій, — А. Л. Колянковскій, — К. П. Колзаковъ, — Н. М. Колмаковъ,— Д. Г. Колокольцовъ,—бар. М. Колычевъ,—В. А. Комаровъ,—А. Ф. Конни,— гр-ня Н. М. Коновницына,—А. О. Константинова,—Д. А. Копьева,—И. П. Корниловъ,—П. С. Коробка,—А. Коробовъ,—I. А. Корозо, — бар. Корфъ, — Корчевскій,—Ю. В. Косова, рожденная Кюхельбекеръ,—Я. И. Костенецкій,— акад. Н. И. Костомаровъ, — М. Костылевъ, — Н. П. Косяровскій,—гр. П. Е. Коцебу,—А. А. Краевскій,—А. А. Красильниковъ,—В. А. Краснокутскій,— И. В. Краснопѣвцевъ,—И. И. Красовскій,—А. Я. Креминской,—В. Д. Кренке,— В. В. Крестовскій,—Ю. А. Крестцовъ,—Н. Ѳ. Крузе,—М. Круповичъ,—Н. А. Крыжановскій, — А. Д. Крыловъ, — Н. Г. Крыловъ,—П. И. Крюковъ,—В. Ф. Кудрявцевъ,—М. П. Кудрявцевъ,—В. В. Кузминъ,—Г. Кузминъ, —А. Кузнецовъ, — Кулеша,—Н. И. Куликовъ, — П. А. Кулишъ,—акад. А. А. Куникъ,— М. А. Куплетскій,—И. К. Купріяновъ,—В. Курдановскій,—В. В. Курдюмовъ,— И. Курисо,—М. Куроптевъ,—М. Н. Кучаевъ.

Т. Н. Лаврентьевъ,—проф. Н. Лавровскій,—Я. Лавровъ,—А. М. Лазаревскій,—Д. Н. Лазаревъ,—I. А. Лазовъ,—Е. Лазо,—И. Ланинъ,—И. К. Лапотниковъ,—О. А. Ларіонова, по первому мужу Соловьева, рожден. Арбузова,— Н. В. Латкинъ,—С. Лашкаревъ,—А. С. Лашкевичъ,—С. И. Лашкевичъ,—А. С. Лацинскій,—А. С. Лебедевъ, — Н. П. Лебедевъ,—проф. В. Лебедевъ, — В. И. Лебедевъ, — Н. А. Лебедевъ,—К. А. Лебедевъ,—К. И. Лебедевъ,—Г. Лебединецъ,—П. П. Лебле,—О. Я. Левенсонъ,—М. А. Левенцовъ,—С. Л. Левицкій,— О. И. Левицкій,—Г. П. Левицкій,—А. А. Левшинъ,—архимандр. Леонидъ, — Л. Л. Леонидовъ,—Леоновъ, — Леопольдовъ, — И. В. Лермонтовъ,—В. В. Лермонтовъ,—В. Н. Лермонтовъ,—К. Ф. Де-Ливронъ,—М. И. Лилеевъ,—И. Лин-

скій,—Н. О. Линовскій,—И. А. Линниченко,—Д. Д. Лисенко, — В. И. Лихачевъ,—А. В. и А. Н. Лишины,—кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій,—П. В. Лобановъ,—А. Ломачевскій,—Г. Г. Ломоносовъ,—Н. А. Лонгинова,—А. Лонгиновъ, — С. Ц. Лопацкая, — Н. Лопухинъ, — Е. А. Лопушинскій, — графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ,—І. В. Лохвицкій,—Лошаковъ,—Лукинскій,—В. К. Луцкій,—А. Львовъ,—Анатолій Ник. Львовъ,—Л. Ѳ. Львовъ,—Ѳ. Ѳ. Львовъ,—Н. С. Лыкошинъ,—В. И. Лѣствицынъ,—Н. С. Лѣсковъ,—Любарскій,—Н. Н. Любовичъ,—М. Н. Любощинскій, — И. Людмиловъ, — И. М. Лядовъ.—А. Я. Ляпуновъ.

Н. С. Маевскій,—О. Маевскій,—Л. Н. Майковъ,—И. В. Майковъ,—В. Н. Майновъ,—епископъ Макарій,—С. М. Макарова,—Н. Я. Макаровъ,—от. П. Макаровъ,—К. Максимовъ,—Н. Я. Максимовъ,—профес. А. И. Малѣевъ,—И. П. Малаховскій,—К. В. Мамоновъ,—И. И. Манжура,—Мансуровъ.—К. А. Маньковскій,—А. В. Мариновъ,—А. Л. Мариновъ,—А. А. Маринъ,—Б. М. Маркевичъ,—А. Маркевичъ,—А. Н. Маркграфской,—Е. Л. Марковъ,—А. К. Мартосъ,—П. И. Мартосъ,—А. А. Мартыновъ,—В. Мартыновъ,—П. Мартыновъ,—от. Ив. Мартыновъ,—кн. Н. Масальскій,—Н. В. Масловичъ,—Е. П. Масловъ,—А. Н. Масоловъ,—А. Н. Матвѣевъ,—Н. Е. Матвѣевъ,—У. П. Матвѣевъ,—художн. В. В. Матте,—художн. И. И. Матюшинъ,—Ив. Матченко,—П. И. Мацѣевичъ,—Л. С. Мацѣевичъ,—И. А. Мачинскій,—бар. И. К. Медемъ,—К. П. Медоксъ,—М. Межаковъ,—бар. Мейендорфъ,—Н. К. Меллеръ,—Мельниковъ,—Н. Мельницкій,—Меншиковъ,—бар. И. К. Мердеръ,—А. Е. Мерцаловъ,—А. Мечинскій,—Н. Мечъ,—Мешетичъ,—А. А. Мизеровъ,—акад. художн. М. О. Микѣшинъ,—А. М. Миклашевскій,—проф. О. Ѳ. Миллеръ,—П. И. Миллеръ,—гр. Г. А. Милорадовичъ,—Е. Н. Милошевичъ,—А. П. Милюковъ,—Милюковъ,—М. А. Милютина, рожд. Абаза, по второму супружеству Стиль,—Ю. Н. Милютинъ,—Г. Минъ,—А. Н. Минхъ,—С. Миропольскій,—М. П. Митковъ,—А. Михайловъ,—В. Михайловъ,—Влад. Вас. Михайловъ,—М. Ѳ. Михайловъ,—Д. Л. Михайловскій,—от. М. И. Михайловскій,—Я. Л. Михайловскій,—полковн. Г. Михельсонъ,—І. О. Мишинъ,—А. Ѳ. Можаровскій,—Меѳ. Мирон. Молчановъ,—А. Морганъ,—графъ А. А. Мордвиновъ,—Д. Л. Мордовцевъ,—А. Л. Морнновъ,—А. И. Моркевичъ,—П. И. Морозовъ,—Д. К. Морозъ,—Е. Т. Морошкина,—И. Я. Морошкинъ.—Я. Морошкинъ,—А. П. Муликовскій,—М. И. Муравьевъ-Апостолъ,—гр. М. Н. Муравьевъ,—Н. Н. Мурзакевичъ,—М. А. Мусницкій,—Г. И. Мѣшковъ.

А. А. Навроцкій,—М. Нагорновъ,—Надеждинъ,—К. В. Назарьева,—М. В. Назимова,—М. А. Назимовъ,—от. А. Накропинъ,—А. П. Налимовъ.—В. Напорожскій,—П. Ѳ. Нарбутъ,—Н. Нарохиницкій,—А. С. Наставинъ,—П. И. Неболсинъ,—Н. К. Невзоровъ,—Я. М. Невѣровъ,—Ю. Ѳ. Нейманъ,—Е. С. Некрасова,—И. Некрасовъ,—Н. В. Некрасовъ,—Нелидовъ,—Несвѣтаевъ,—графъ Д. К. Нессельроде,—А. Н. Неустроевъ,—О. Ф. Нечаевъ,—Нелловъ,—С. А. Никитенко,—профес. А. И. Никитскій,—М. Г. Николаевъ,—баронъ А. П. Николаи, — О. Ѳ. Николаи,—А. А. Никольскій,—Никольскій,—Р. Н. Никулинъ,—М. Д. Ниловъ,—Д. Ниловъ,—графъ Нироdъ,—Л. Л. Ничпаевскій,—Н. М. Новицкій,—А. Г. Новоселовъ,—М. Д. Нововъ,—С. Д. Носъ,—А. Е. Носъ.

Обезерскій,—Облеуховъ,—кн. А. А. Оболенскій,—С. Оболенскій,—кн. Ю. Оболенскій,—К. И. Огаревъ,—П. Огіевскій,—П. И. Огородниковъ,—С. Ф. Огородниковъ,—Н. П. Озеровъ,—Ю. А. Ознобишинъ,—М. Я. Ольшевскій,—Н. О. Омельяненко, — от. С. И. Опатовичъ, — И. И. Ореусъ, — В Ф. Ореусъ, — А. Орловъ,—В. Б. Орловъ,—Орловъ,—Н. М. Орловъ,—П. А. Орловъ,—профес. И. Т. Осининъ, — проф. Н. А. Осокинъ, — бар. Остенъ-Сакенъ, — баронесса Л. Остенъ-Сакенъ,—бар. А. А. Остенъ-Сакенъ,—А. Острогорскій,—П. Осѣцкій,—М. Очкинъ.

Л. Н. Павлищевъ,—Павловскій,—А. А. Павловъ,—А. С. Павловъ,—В. Ѳ. Павловъ,—Н. Х. Палаузовъ,—Н. А. Паленовъ,—Н. Палибинъ,—С. М. Палицынъ,—А. В. Пальчиковъ,—А. А. и В. А. Панаевы,—художн. Паннемакеръ,—Н. И. Пановъ, — С. Ф. Панютинъ, — П. А. Панчулидзевъ, — С. А. Панчулидзевъ,—С. А. Панчулидзевъ,—С. Ѳ. Папроцкій,—Ѳ. Ѳ. Пардалоцкій,—П. Д. Паренсовъ,—Парландъ, архитекторъ, — И. В. Паскачинъ,—В. Пассекъ,—Т. П. Пассекъ,—Пафнутьевъ,—В. К. Пашковъ,—В. Пащенко,—И. Пеньковскій,—профес. І. Перволь фъ,—Г. Г. Перетцъ,—Перьфильева,—Н. А. Перьфильевъ,—Э. П. Перцовъ,—Петерсонъ,—Г. П. Петерсонъ,—С. Петровскій,—Алексан. Павл. Петровъ,—П. Петровъ,—Андр. Н. Петровъ, — проф. Н. И. Петровъ,—П. Н. Петровъ, — П. П. Петровъ, — от. Пирлингъ, — В. Н. Пироговъ,—Н. И. Пироговъ,—А. А. Пирогова,—Н. В. Пирожковъ,—С. П. Писаревъ,—В. В. Плаксинъ, — А. А. Плансонъ, — Платонова,—А. А. Повало-Швыйковскій,—С. И. Погодина,—Подвысоцкій,—И. П. Поддубный,—А. И. Подолинскій,—И. Е. Подтягинъ,—Ѳ. Подтягинъ,—Подушкинъ,—Подшиваловъ,—акад.-граверъ И. П. Пожалостинъ,—Е. Ц. Поздѣевъ,—А. П. Покровскій,—В. Ѳ. Покровскій,—Г. Покровскій,—П. Н. Полевой,—А. П. Полетаевъ,—Н. А. Поливановъ,—В. Н. Поливановъ,—Поликарповъ,—А. С. Полонскій,—Я. П. Полонскій,—А. Полторацкій,—В. Поляковъ, — профес. И. В. Помяловскій,—А. Пономаревъ, — Ѳ. Пономаревъ,—С. Пономаревъ,—А. Е. Поповъ,—Анд. Н. Поповъ,—Василій Петр. Поповъ,—И. С. Поповъ, — Михаилъ И. Поповъ, — Николай Поповъ, — Нилъ А. Поповъ,—С. С. Порошина,—С. С. Порошинъ,—В. О. Португаловъ,—Н. Б. Потокской,—полков. Потто,—Н. Н. Правиковъ,—П. Я. Прейнъ,—А. Преображенскій,—Н. М. Пржевальскій,—А. О. Пржецлавскій,—П. Г. Пржецлавскій,—Д. И. Прозоровскій, — М. С. Прокудинъ-Горскій, — Пронина, — Н. Н. Протасовъ,—С. В. Протопоповъ,—А. Пругавинъ,—С. Л. Пташицкій,—профес. Александръ Казим. Пузыревскій,—И. А. Пузыревскій,—А. П. Пулло,—А. Г. Пупаревъ,—А. М. Пустоваловъ,—П. А. Пушкаревъ,—А. Н. Пыпинъ,—Д. М. Пѣтуховъ,—М. Пѣтуховъ,—Пѣшковъ,—А. П. Пятковскій.

М. Н. Раевскій, — А. Раменскій, — А. Распоповъ,—П. Н. Распоповъ,—Н. А. Ратынскій,—П. С. Ревякинъ,—Р. А. Регменскій,—Ѳ. Ѳ. Рейнботъ,—К. Я. Реймерсъ,—И. С. Ремезовъ,—Н. В. Реутскій,—графъ А. А. Ржевускій,—Н. В. Ринкъ,—А. Ѳ. Риттихъ,—Д. А. Ровинскій,—П. Роговъ,—Д. П. Родіоновъ,—от. А. И. Розановъ,—Н. П. Розановъ,—Н. И. Розановъ,—О. фонъ-Розенбергъ,—бар. М. П. Розенгеймъ,—Д. А. Рокотовъ,—Г. Ѳ. Романенко-Щирый,—А. Н. Романовскій,—С. И. Романовъ,—Ю. А. Романовъ,—П. Рословъ,—Н. И. Ростиславовъ,—графъ И. Н. де-Рошфоръ,—Д. И. Ртищевъ,—Ѳ. Рубановскій, — Д. Рубакинъ, — Рубецъ, — С. А. Рудакова, — К. Рудницкій, —

Н. Рудыковскій, — баронъ В. Р. Румель, — Руничъ, — А. Ө. Рутценъ, — Рыбкинъ, — Н. Рындовскій, — В. Рышковъ, — Г. К. Рѣпинскій, — Е. С. Рѣпина, — Д. Д. Рябининъ.

Сабуровъ, — профес. П. И. Саввантовъ, — А. И. Савельевъ, — Савельевъ, — А. В. Савельевъ, — Ө. Г. Савенко, — А. А. Савурскій, — Садовскій, — Н. Сажинъ, — Н. Ө. Сазоновъ, — В. Саитовъ, — В. Самариновъ, — Н. Ө. Самаринъ, — Н. Самойло, — артистъ В. В. Самойловъ, — И. Самсоновъ, — А. Сапожниковъ, — В. С. Сахаровъ, — Свамочкинъ, — Свистуновъ, — Т. Н. Седлецкій, — М. Селезневъ, — А. В. Селивановъ, — Н. Н. Селифонтовъ, — А. Селиховъ, — магистръ русск. исторіи В. И. Семевскій, — П. П. Семеновъ, — Павелъ А. Семеновъ, — Л. М. Сементовскій, — А. Сементовскій, — К. А. Семковскій, — К. К. Сентъ-Илеръ, — А. Н. Сергѣевъ, — Сергѣевъ, — А. Серебряковъ, — Л. М. Сердюкова, — Серно-Соловьевичъ, — Д. П. Сильчевскій, — П. В. Симанскій, — Симоновъ, — Н. П. Синельниковъ, — А. Н. Сиротининъ, — Р. Д. Ситовскій, — Н. Н. Скалонъ, — А. Е. Скальковскій, — А. А. Скальковскій, — Г. Н. Скамони, — А. Скворцовъ, — А. И. Скиндеръ, — В. Скипскій, — Б. Скоробогатый, — Ө. М. Скородумовъ, — А. Слѣпцовъ, — В. Смирновъ, — В. П. Смирновъ, — И. А. Смирновъ, — Смѣловъ, — Д. И. Смышляевъ, — Н. П. Собко, — А. И. Соболевскій, — В. Соколовскій, — А. П. Соколовъ, — Н. И. Соколовъ, — Е. И. Соколовъ, — профес. Ө. Г. Солнцевъ, — от. П. Соловьевъ, — Н. И. Соловьевъ, — М. В. Соловьевъ, — Солтанъ, — А. И. Сомовъ, — А. Е. Сомовъ, — Р. П. Сорокинъ, — Т. А. Сосновскій, — П. Т. Софіенко-Сухомлиновъ, — В. Д. Спасовичъ, — А. Л. Спасскій, — А. И. Сперанскій, — А. Спицынъ, — И. Спреогинъ, — С. А. Станкевичъ, — М. И. Ставраки, — А. И. Старкъ, — Н. И. Стародубскій, — Старостинъ, — А. В. Старчевскій, — В. В. Стасовъ, — М. М. Стасюлевичъ, — С. В. Стебницкая, — Б. А. Степановъ, — В. А. Степановъ, — В. П. Степановъ, — Н. И. Степановъ, — П. А. Степановъ, — М. А. Стиль-Милютина, — Стишевскій, — А. Д. Столыпинъ, — Сторожевскій, — Стороженко, — П. Строевъ, — Стронинъ, — В. Я. Стоюнинъ, — А. Г. Стояновская, — Н. И. Стояновскій, — З. Стражева, — А. И. Стригоцкій, — Р. Строгановъ, — Н. С. Стромиловъ, — Б. В. Струве, — Д. М. Струковъ, — Стрѣлковъ, — Г. И. Студенкинъ, — С. Ступишинъ, — М. М. Субботинъ, — С. Судаковъ, — І. М. Судіенко, — С. Н. Сулима, — от. А. И. Сулоцкій, — Н. А. Султанъ-Крымъ-Гирей, — В. Сульменевъ, — А. П. Сумароцкая, — П. Суходольскій, — Д. П. Єушковъ, — профес. П. П. Сущинскій, — С. П. Сысоевъ, — П. Сѣверцовъ, — Л. А. Сѣрякова, рожд. Тицъ.

Д. Г. Тальбергъ, — В. Таницкій, — А. Танковъ, — П. Е. Татариновъ, Телиниковъ, — В. В. Тенишевъ, — Н. М. Тереховъ, — А. Т. Тимановскій, — Тимофѣевъ, — В. В. Тимощукъ, рожден. Кузнецова, — Тимченко-Рубанъ, — А. А. Титовъ, — В. П. Титовъ, — Н. Н. Титовъ, — И. Тихомировъ, — А. Е. Тихонравова, — проф. Н. С. Тихонравовъ, — Д. Д. Тогольскій, — Токарева, — графиня А. И. Толстая, — графиня С. А. Толстая, — графъ Толстой, — П. С. Толстой, — В. М. Толстой, — Томашевъ, — А. М. Томилина, — А. В. Топоровъ, — Н. Е. Топчіевъ, — Н. Трескинъ, — В. Третескій, — Л. Н. Трефолевъ, — В. Г. Трироговъ, — А. Трифоновъ, — П. Трофимовскій, — Д. А. Трощинскій, — А. Н. Труворовъ, — Туганъ-Мирза-Барановскій, — А. Д. Тумановъ, — Турау, — С. И. Турбинъ, — кн. Н. Н. Туркестановъ, — Н. П. и М. П. Тучковы, — Алексѣй Тыртовъ, — И. И. Тѣльновъ.

В. А. Успенскій, д-ръ Ульрихсонъ.

М. Н. Фатѣевъ, — Н. Федоровъ, — А. Федоченко, — А. И. Фелькнеръ, — Я. Фетистовъ, — А. Фехнеръ, — М. А. Филипповъ, — Т. И. Филипповъ, — А. П. Философова, — В. Д. Философовъ, — В. С. Флеринъ, — К. Н. Флиге, — Д. Флоринскій, — Н. Ѳ. Фонъ-деръ-Флитъ, — О. Е. Франкъ, — баронъ А. А. Фредериксъ, — бар. В. А. Фредериксъ, — бар. Фредериксъ, — Фрезе, — А. Г. Фрикенъ, — Н. А. Фроловъ, — Фролковъ, — Фурдуевъ.

Ханъ-Аговъ, — Хмѣльницкій, — Н. Ф. Хованскій, — П. Ф. Хомутовъ, — от. А. Хорошуновъ, — А. Н. Хребтовъ, — П. Хржановскій, — М. Н. Хрущовъ, — А. Хрѣновскій, — Н. Хупотскій.

Цвиленевъ, — С. Ѳ. Цвѣтковъ, — И. Е. Цвѣтковъ, — кн. Д. Н. Цертелевъ.

Чайковскій, — графъ Э. К. Чапскій, — А. И. Чарторижскій, — Ѳ. Ѳ. Чекалинъ, — Н. М. Челищевъ, — И. А. Черемухинъ, — И. А. Чернавскій, — И. Черновъ, — В. Н. Чеховъ, — Е. В. Чешихинъ, — Г. С. Чириковъ, — проф. И. А. Чистовичъ, — проф Я. А. Чистовичъ, — Л. М. Чичаговъ, — М. М. Чичаловъ, — Н. Чуйковъ, — А. А. и П. А. Чумиковы, — Н. К. Чупинъ.

Г. А. Эзовъ, — А. Экземплярскій, — Э. Элерсъ, — Н. А. Энгельгардтъ.

Е. А. Шакѣевъ, — П. П. Шалфѣевъ, — И. И. Шамшевъ, — Ф. А. Шатовъ, — кн. Ив. Шаховской, — Н. Шаховской, — В. И. Шаховской, — Е. Г. Шварцъ, — К. Н. Шварцъ, — И. А. Шмаковъ, — Б. С. Шевыревъ, — П. В. Шейнъ, — Шелехова, — Н. Шеншинъ, — А. В. Шереметевъ, — Л. И. Шестакова, рожд. Глинка, — И. І. Шеталовъ. — Н. И. Шигановъ, — Н. К. Шильдеръ, — Н. И. Шильдеръ, — Шимановъ, — Ѳ. Ѳ. Шиманъ, — Н. Ширяевъ, — А. Д. Шишковъ, — С. Д. Шишковъ, — А. Шкляревскій, — Я. Шлегель, — А. О. Шлейснеръ, — Шляпкинъ, — А. С. Шляхтинъ, — И. А. Шмаковъ, — М. Ѳ. Шогуровъ, — Н. К. Штрандманъ, — А. И. Штукенбергъ, — С. Н. Шубинской, — Б. В. Шульцъ, — П. А. Шульцъ, — А. Д. Шумахеръ.

П. К. Щебальскій, — С. П. Щепкинъ, — А. Щербаковъ, — Щербачевъ, — Н. Щеховскій.

М. Л. Юдинъ, — г. Юзефовичъ, — Н. Юнгъ, — П. И. Юркевичъ.

А. И. Языковъ, — Д. Языковъ, — С. М. Якимахъ, — В. А. Яковлевъ, — С. А. Яковлевъ, — Якубовичъ, — Вяч. Е. Якушкинъ, — Е. И. Якушкинъ, — И. И. Янжулъ, — Г. Д. Яновичъ, — С. Х. Янковскій, — П. Ясницкій, — В. Н. Ястребовъ, — А. Н. Яхонтовъ, — княгиня Е. М. Яшвиль, рожденная Орлова, — профес. живоп. В. И. Якобій.

Въ заключеніе долгомъ считаемъ пономеновать съ глубокою признательностію къ памяти нижеслѣдующихъ покойныхъ лицъ: Л. Н. Антроповъ,— А. П. Арбузовъ,—проф. Н. Я. Аристовъ, — А. И. Артемьевъ, — А. Н. Афанасьевъ,—А. Ѳ. Багговутъ,—Я. П. Баклановъ,—А. А. Баранцевъ,—князь А. И. Барятинскій, — Л. П. Батюшковъ, — А. П. Башуцкій, — Н. В. Бергъ,—Е. А. Бестужева,—М. А. Бестужевъ,—профес. М. И. Богдановичъ, — профес. О. М. Бодянскій,—М. П. Болотовъ,—адм. Бутаковъ,—Н. Д. Быковъ,— профес. И. Д. Бѣляевъ,—И. П. Варпаховскій,—П. П. Васильевъ, — князь А. И. Васильчиковъ, — Н. В. Вергинъ, — А. Ѳ. Волковъ, — Андрей Степанов. Вороновъ,— Н. М. Востоковъ, — И. В. Вуичъ, — А. Н. Вульфъ, — от. И. Гагаринъ,— Г. Н. Геннади,—Н. В. Гербель, — П. П. фонъ Гецъ, — А. Ѳ. Гильфердингъ,— Ѳ. Н. Глинка,—К. П. Голенко,—свѣтл. кн. А. М. Горчаковъ,—А. К. Гриббе,— В. Д. Давыдовъ, — В. И. Даль, — Данильченко,—П. М. Дараганъ,—Н. Н. де-Прерадовичъ, — Н. П. Дуровъ, — И. И. Европеусъ, — А. П. Есиповъ, — А. П. Заблоцкій-Десятовскій, — Д. Н. Замятнинъ, — К. К. Злобинъ, — И. Ѳ. Золотаревъ,—В. А. Золотовъ,—К. А. Зыбинъ,—В. А. Инсарскій,—Ф. В. Каразинъ,— В. Н. Карамзинъ,—А. М. Каратыгина, рожденная Колосова, — П. А. Каратыгинъ, — Е. Д. Карповъ, — А. М. Княжевичъ, — М. Е. Ковалевскій, — О. И. Константиновъ,—баронъ Н. А. Корфъ,—Г. И. Кузьминскій,—С. Е. Кулѣша,— кн. Куракинъ, — от. К. Кустодіевъ, — М. В. Кюхельбекеръ,—П. П. Ламбинъ,— профес. П. С. Лебедевъ,—А. И. Левшинъ, — А. Ф. Леопольдовъ, — Е. Ф. Лермонтова, — М. Н. Лонгиновъ,—кн-ня С. А. Мадатова,—Л. С. Маковъ,—М. А. Марковъ, — П. И. Мельниковъ, — П. К. Менковъ,—П. Н. Меншиковъ,—Г. И. Мигринъ, — от. М. Я. Морошкинъ, — Ѳ. Н. Муратовъ, — П. А. Мухановъ,— В. В. Никольскій,—кн. Д. А. Оболенскій,—Ѳ. К. Опочининъ,—Г. А. Орловъ,— гр. Остенъ-Сакенъ,—И. Д. Павловскій,—акад. П. П. Пекарскій,—А. О. Подвысоцкій,—А. Н. Поповъ,—М. Н. Похвисневъ,—О. А. Пржецлавскій,—М. И. Рангъ,—В. Ѳ. Ратчъ,—А. В. Рачинскій,—Людмила Ив. Рикордъ,—баронъ А. Е. Розенъ,—Д. И. Романовскій,—ген. Рудаковъ,—А. И. Рыжовъ,—Д. П. Садовниковъ,—проф. И. И. Свіязевъ,—А. С. Сгибневъ,—И. В. Селивановъ,—А. И. Семевскій,—В. А. Семевскій,—К. С. Сербиновичъ,—баронъ М. Н. Сердобинъ,—А. Е. Сеславина,—Д. И. Скобелевъ,—акад. С. М. Соловьевъ,—И. И. Сосницкій,—Э. И. Стоговъ,—кн. Италійскій графъ А. А. Суворовъ-Рымникскій,—акад.-грав. Л. А. Сѣряковъ,—К. Н. Тихонравовъ,—графъ Ѳ. П. Толстой,—И. С. Тургеневъ,— кн. С. Н. Урусовъ,—В. И. Фелькнеръ,—бар. Н. П. Фредериксъ,—А. В. Фрейгангъ, — М. Д. Хмыровъ, — И. Р. фонъ-деръ Ховенъ, — В. И. Чаславскій,— Адамъ Петр. Чеботаревъ,—К. В. Чевкинъ, — В. К. Шульцъ, — М. П. Щербининъ,—Н. Н. Щукинъ,—Ястржемскій,—сообщенныя ими Записки (мемуары), изслѣдованія, статьи, письма и бо́льшія или меньшія собранія историческихъ матеріаловъ или даже цѣлые фамильные архивы (напр. К. В. Чевкина) находятся въ распоряженіи редакціи „Русской Старины" и тѣ, которые до сихъ поръ не были еще ею изданы, постепенно будутъ печататься на страницахъ этого историческаго изданія.

„Русская Старина“ и ея изданія

въ числахъ подписчиковъ.

I.

„Русская Старина“ въ 1884 году.

Въ 1884 г. экземпляры „Русской Старины“ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ, по мѣсту подписки, по губерніямъ и областямъ:

1. Акмолинской обл.	16
2. Амурской	19
3. Архангельской губ.	14
4. Астраханской	40
5. Бакинской	26
6. Батумской обл.	6
7. Бессарабской губ.	66
8. Варшавской	101
9. Виленской	67
10. Витебской	47
11. Владимірской	70
12. Вологодской	31
13. Волынской	51
14. Воронежской	82
15. Выборгской	10
16. Вятской	59
17. Гродненской	53
18. Дагестанской	17
19. Донской обл.	78
20. Екатеринославской	127
21. Елисаветпольской губ.	12
22. Енисейской	25
23. Забайкальскомъ окр.	38
24. Закаспійскомъ отд.	10
25. Заравшанскомъ окр.	12
26. Иркутской губ.	81
27. Казанской	105
28. Калишской	13
29. Калужской	53
30. Карской обл.	11
31. Кіевской губ.	175
32. Ковенской	29
33. Костромской	52
34. Кубанской обл.	47
35. Курляндской губ.	11
36. Курской	91
37. Кутаисской	11
38. Кѣлецкой	9
39. Лифляндской	44
40. Ломжинской	22
41. Люблинской	30
42. Минской	46
43. Михельской	—
44. Могилевской	29
45. Московской	78
46. Нижегородской	69

47. Новгородской	74
48. Нюландской	10
49. Олонецкой	20
50. Оренбургской	31
51. Орловской	91
52. Пензенской	57
53. Пермской	100
54. Петроковской	19
55. Плоцкой	15
56. Подольской	77
57. Полтавской	117
58. Приморской обл.	26
59. Псковской губ.	49
60. Радомской	19
61. Рязанской	62
62. Самарской	64
63. С.-Петербургской	94
64. Саратовской	96
65. Семипалатинской обл	8
66. Семирѣченской	13
67. Симбирской губ.	58
68. Смоленской	76
69. Ставропольской	30
70. Сувалкской	12
71. Сѣдлецкой	9
72. Сыръ-Дарьинской обл.	35
73. Тавастгустской губ.	3
74. Таврической	101
75. Тамбовской	104
76. Тверской	[illegible]
77. Терской обл.	[illegible]
78. Тифлисской губ	[illegible]
79. Тобольской	[illegible]
80. Томской	[illegible]
81. Тульской	[illegible]
82. Тургайской обл.	[illegible]
83. Уральской	[illegible]
84. Уфимской губ	[illegible]
85. Ферганской обл.	[illegible]
86. Харьковской губ	137
87. Херсонской	21?
88. Черниговской	[illegible]
89. Черноморскомъ окр.	[illegible]
90. Эриванской губ.	11
91. Эстляндской	[illegible]
92. Якутской обл	[illegible]
93. Ярославской губ.	[illegible]
Итого	4494

II. Въ Москвѣ	445
III. Въ С.-Петербургѣ:	
съ доставкою	1110
безъ доставки	256
IV. За границею	74
Всего разошлось въ 1884 г.	6379
Осталось къ 1 декабря 1884 г. на лицо.	246

II.

„Русская Старина“ въ изданіяхъ 1870—1884 гг.

разошлась въ нижеслѣдующемъ количествѣ экземпляровъ:

	Напечатано:	Разошлось:	Осталось:
1870 г. изданія первое, второе и третье.	4,025	3,794	231
1871 г. изданіе первое.	3,500	Не осталось ни одного экз., всѣ сполна разошлись.	
1872 г. изданія первое и второе. . .	4,500		
1873 г. изданіе первое.	5,000		
1874 г. » »	5,515		
1875 г. » »	6,000		
1876 г. изданія первое и второе. . .	6,535	6,292	243
1877 г. изданіе первое.	5,525	5,377	148
1878 г. » »	5,525	5,279	246
1879 г. » »	5,525	5,390	135
1880 г. изданія первое и второе. . .	6,025	5,822	203
1881 г. изданіе первое.	6,010	5,914	96
1882 г. » »	5,600	5,574	26
1883 г. » »	6,000	5,935	65
1884 г. изданія первое и второе. . .	6,625	6,379	246

III.

Книги, изданныя редакціей „Русской Старины“:

«Записки Михаила Ивановича Глинки», изд. 1870 г.
«Записки Гавріила Ивановича Добрынина», изд. 1872 г.
«Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 году», изд. 1870 г.
«Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія», изд. 1871 г.
«Записки Е. А. Хвостовой», изд. 1871 г.
«Записки князя Якова Шаховского», изд. 1872 г.
«Петровскій сборникъ», изд. 1872 г.
«Русскіе дѣятели въ портретахъ, гравированныхъ академикомъ Л. А. Сѣряковымъ», изд. 1882 г.
«Русская Родословная книга», два тома, изд. 1873 и 1875 гг.

Не осталось ни одного экземпляра, всѣ сполна разошлись.

	Напечатано:	Разошлось:	Остал.:
	экземпляровъ:		
«Царица Прасковья», очеркъ изъ русской исторіи М. И. Семевскаго, изд. 1883 г.	3,000	2,782	218
«Слово и дѣло», очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII-го вѣка М. И. Семевскаго, изд. 1883 г.	2,600	2,600	—
«Записки сельскаго священника», изд. 1882 г.	1,825	1,191	634
«Павловскъ», очеркъ его исторіи, 1777 — 1877 гг., съ портретами (геліогравюрные снимки) и множествомъ рисунковъ и виньетокъ, исполненныхъ художниками Пановымъ и Шпакомъ и гравированныхъ академикомъ Л. А. Сѣряковымъ, роскошное изданіе. Эта книга составлена ред. «Русской Старины», но издана иждивеніемъ Августѣйшаго Владѣльца города Павловска . .	1,825	1,730	95

Завѣдывающій экспедиціей журнала „Русская Старина“ *М. В. Борисовъ.*

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ XLI, XLII, XLIII и XLIV т.т.

„РУССКОЙ СТАРИНЫ"

1884 г.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1884 г.

ТОМЪ СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

Изслѣдованія, историческіе и біографическіе очерки.

Переписка, очерки, разсказы, матеріалы, замѣтки.

Царствованіе Анны Ивановны.

Царствованіе Павла I.

Царствованіе Александра I.

Царствованіе Николая I.

Царствованіе Александра III.

Исторія русской литературы.

Исторія искуствъ и художествъ.

Портреты и гравюры.

III. Портретъ педагога барона Николая Александровича Корфа, † 13 ноября 1883 г. Гравировалъ художн. И. И. Матюшинъ.
(См. въ началѣ XI кн.).

IV. Портретъ Василія Васильевича Самойлова, гравировалъ на мѣди художникъ Ѳ. А. Мѣркинъ.
(См. въ началѣ X кн.).

V. Судъ на Руси до реформы, каррикатура XVIII-го вѣка.
(См. стр. 221).

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Составилъ В. Зелинскій. М. 1884 г. 8 д., вып. 1 и 2. (На оберткѣ X-й книги „Русской Старины" изд. 1884 г.).
2. Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. М. 8 д. 1884 г., кн. IV, стр. 192+57+530. (Тамъ-же).
3. Записки Іосифа, митрополита литовскаго, издан. импер. акад. наукъ по завѣщанію автора. Спб., 1883 г., т. I, 745 стр.; т. II, 786 стр.; т. III, 1402 стр. (столбцевъ). (Тамъ-же).
3. Опытъ описанія Могилевской губерніи. Составлено подъ редакціею А. С. Дембовецкаго. Могилевъ на Днѣпрѣ, въ б. 8 д., съ гравюрами видовъ и типовъ. 1884 г. (Тамъ-же).
5. Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи. Соч. Е. Замысловскаго. Съ приложеніемъ матеріаловъ для историко-географическаго атласа Россіи XVI в. Спб., 1884 г., стр. 563. (Тамъ-же).
6. Die bewaffnete Neutralität 1780—1783. Von C. Bergbohm, Docenten der Rechte an der Universität zu Dorpat. Berl., 1884, 298 S. (Тамъ-же).
7. Родная старина. Отечественная исторія въ разсказахъ и картинахъ (XVIII в.). Въ помощь учащимся. Составилъ В. Д. Сиповскій. Спб., 1884 г., въ б. 8 д., вып. III. (Тамъ-же).
8. Исторія императорскаго университета св. Владиміра. Составилъ профессоръ М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Т. I, 674+XLII. Кіевъ. 1884 г. (На оберткѣ XI книги „Русской Старины" изд. 1884 г.).
9. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей университета св. Владиміра (1834—1884). Составленъ и изданъ подъ редакціею профессора В. С. Иконникова. К. 1884. XXXVI+816 стр. (Тамъ-же).

10. Историко-статистическія записки объ ученыхъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета св. Владиміра. (1834—1884). Изданы подъ редакціею профессора В. С. Иконникова. К. 1884. 416+68 стр. (Тамъ-же).

11. Академическіе списки императорскаго университета св. Владиміра. (1834—1884). К. 1884. 200 стр. (Тамъ-же).

12. Незабитовскій. Собраніе сочиненій. Изданіе совѣта университета св. Владиміра, подъ редакціею профессора А. В. Романовича-Славатинскаго. Съ портретомъ автора. К. 1884. 368 стр. (Тамъ-же).

13. Русская историческая библіотека, издав. Археографическою коммисіею. Т. VIII. Спб. 1884. 1292+52 столбц. Т. IX, 576+LXXII стр. (Тамъ-же).

14. Исторія императорскаго московскаго общ. исторіи и древностей россійскихъ. Н. А. Попова. Ч. I (1804—1812). М. 1884 г. 250 стр. (Тамъ-же).

15. Сказанія о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей. Кіевъ. 1884. 131 стр. (Тамъ-же).

16. Воспоминанія о коронаціи императора Александра II камеръ-пажа двора его величества Очеркъ гр. Гр. Милорадовича. Кіевъ. 1883. 40 стр. (Тамъ-же).

17. Памяти Ивана Сусанина. Историч. изслѣд., преимущественно по неизданнымъ источникамъ. Сост. и изд. В. А. Самаряновымъ, подъ ред. дѣйств. чл. археол. инст. А. В. Гаврилова. Съ 2 литогр. картами. Кострома, 1882 г. 98 стр. (На оберткѣ XII-й книги „Русской Старины“ изд. 1884 г.).

18. Лѣтопись занятій Археографической коммисіи. В. VII, за 1876—1877 гг. Спб. 1884 г. (Тамъ-же).

19. Историко-статистическое описаніе города Киржача (Владимірской губ.), съ политипажами. Сост. И. Ѳ. Токмаковъ. М. 1884 г. 366 стр. (Тамъ-же).

20. Володимерщина. Роспись печатнаго и изданнаго о владимірской епархіи и губерніи. Составилъ Н. С. Строміловъ. Владиміръ на Клязмѣ, 1884 г. (Тамъ-же).

21. Историческіе матеріалы. Изъ архива Кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 7-й (изъ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей). Ал. Андреевскаго. К. 1884 г. Стр. 227. (Тамъ-же).

22. Генералисимусъ князь Суворовъ. А. Петрушевскаго. Въ трехъ томахъ, съ портретами, факсимиле и картами. Т. I, 486 стр., т. II, 472 стр., т. III, 458 стр. (Тамъ-же).

23. Физическое воспитаніе дѣтей у разныхъ народовъ преимущественно Россіи. Матеріалы для медико-антропологическаго изслѣдованія. Е. А. Покровскаго. Изданіе императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, составлено при московскомъ университетѣ. М. 1884 г. 1—3 выпуски. 379 стр., съ рисунками. (Тамъ-же).

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1879 г.

съ приложеніемъ гравированныхъ портретовъ: императора Іоанна Антоновича; митрополита Ростовскаго Арсенія Мацѣевича (въ темницѣ); Иннокентія—архіепископа Херсонскаго и Таврическаго; Иринея Нестеровича—архіепископа Иркутскаго; графа Ѳ. П. Толстаго—вице-президента Академіи Художествъ;—А. С. Пушкина—въ 1812 и 1827 гг. (два точныхъ снимка съ гравюръ того времени); Н. В. Гоголя—въ 1834 г.—гравюра съ весьма рѣдкаго портрета, писаннаго Акад. Венеціановымъ; Н. А. Некрасова; статсъ-секретаря С. М. Жуковскаго (одного изъ главнѣйшихъ участниковъ въ великой реформѣ 19-го февраля 1861 г.); профессора Осипа Максимовича Водянскаго; персидскаго принца Хосров-Мирзы.—Снимки: съ подлинныхъ писемъ Петра Великаго, А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя.

Въ 12-ти книгахъ „Русской Старины“, за 1879-й, десятый годъ изданія,—между другими статьями, напечатаны: Журналъ путешествія по Европѣ въ 1697—1699 гг.—кн. Б. И. Куракина;—Петербургъ въ 1720 г. по Запискамъ поляка-очевидца;—Записки гр. П. И. Панина, о событіяхъ 1725—1744 гг. (Замѣчаніе на Записки Манштейна);—Воспоминанія А. И. Веригина, И. Д. Вартъ-Секрета, Л. И. Рикордъ, М. С. Ва[illegible]вскаго и друг.—Жизнь бывшаго крѣпостнаго крестьянина, нынѣ археолога И. А. Голышева (1838—1878 гг.);—Очерки и разсказы Э. И. Стогова.—Дневникъ А. И. Храповицкаго—инспектора репертуара русскаго театра въ 1829—1839 гг.—Записки П. А. Каратыгина: русскій театръ въ Петербургѣ въ 1838—1858 гг.—Нѣсколько недѣль при русскомъ дворѣ въ 1846 г.—Выдержки изъ дневниковъ Варнгагена фонъ-Энзе (1850—1851 гг.);—Мои сношенія съ Я. И. Ростовцевымъ—воспоминанія А. Д. Галахова (1850—1858 гг.);—Воспоминанія Т. П. Пассекъ;—Воспоминанія М. И. Венюкова о заселеніи Амура;—Польское возстаніе въ 1863—1864 гг.—Записки Н. В. Берга.—Историческія изслѣдованія: Д. Д. Иловайскаго;—В. И. Семевскаго;—Н. [illegible];—г. Тальберга;—г. Лисенко;—г. Подвысоцкаго;—проф. В. С. Иконникова: Арсеній Мацѣевичъ—митрополитъ Ростовскій;—Императоръ Іоаннъ Антоновичъ—по вновь открытымъ матеріаламъ;—Н. М. Востокова: Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій.—Письма архіеп. Иннокентія къ Великому Князю Константину Николаевичу (1852);—Кн. Н. С. Голицынъ: П. Д. Киселевъ и управленіе имъ Валахіей и Молдавіей въ 1829—1834 гг.;—профес. Н. А. Поповъ: Очеркъ біографіи О. М. Бодянскаго.—Колоніи въ Смоленской и Саратовской губерніяхъ изъ питомцевъ Воспитательнаго Дома—сказаніе очевидца.—Хосровъ-мирза, персидскій принцъ, 1813—1875 гг.—очеркъ Ад. П. Берже;—Кн. А. И. Барятинскій—изъ Записокъ М. Я. Ольшевскаго;—А. С. Пушкинъ—очеркъ жизни и его письма.—Предсмертная поѣздка М. Ю. Лермонтова въ Пятигорскъ;—Бунтъ архіепископа Иринея въ Иркутскѣ въ 1831 г., воспоминанія и разсказы изъ его жизни.—Историческіе разсказы и анекдоты изъ собранія Богуславскаго и др.

Письма, замѣтки, историческіе документы, разсказы и прочіе матеріалы,—всего болѣе трехъ сотъ различныхъ сообщеній.

Цѣна «Русской Старины» 1879 г.,—12 книгъ съ 12-ю портретами,—8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

„ОСКОЛКИ“

ГОДЪ V-й

Подъ редакціей и при постоянномъ участіи

Н. А. ЛЕЙКИНА.

Еженедѣльный иллюстрированный юмористическій журналъ „Осколки“, вступая въ ПЯТЫЙ годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1885 году подъ той же редакціей, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ 1884 году.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала принимали участіе.

Н. С. Баранцевичъ, П. В. Быковъ, И. Д. Бѣловъ, В. А. Гиляровскій, И. Ф. Горбуновъ, И. Грэкъ (псевдонимъ), **А. Ф. Ивановъ** (Классикъ), **Н. С. Лѣсковъ, С. В. Максимовъ, В. О. Михневичъ** (Коломенскій Кандидъ), **В. И. Немировичъ-Данченко, Л. И. Пальминъ, С. И. Терпигоревъ** (Сергѣй Атава), **Д. Д. Тогольскій** (Дядя Митяй), **Л. И. Трефолевъ, А. Т. Трофимовъ, Ф. В. Черниговецъ, Ан. П. Чеховъ** (А. Чехонте) и др.

Рисунки были исполнены художниками:

Н. А. Богдановымъ, М. М. Дальковичемъ, А. И. Лебедевымъ, А. Левитаномъ, М. М. Лилинымъ, М. Е. Малышевымъ, В. И. Порфирьевымъ, Н. П. Чеховымъ, С. И. Эрберомъ и др.

Журналъ „Осколки“ издается въ форматѣ большихъ иллюстрацій на лучшей бумагѣ и даетъ еженедѣльно четыре страницы юмористическихъ и каррикатурныхъ рисунковъ, какъ раскрашенныхъ, такъ и черныхъ, и четыре страницы текста убористой печати. Ежегодное изданіе составляетъ 52 нумера и заключаетъ въ себѣ около 600 рисунковъ и свыше 1,200 беллетристическихъ статей.
Въ текстѣ помѣщаются юмористическія обозрѣнія петербургской, московской и провинціальной жизни, разсказы, сценки, очерки, пародіи, анекдоты, сатирическія и юмористическія стихотворенія, шарады, ребусы, загадки и пр.
Журналъ „Осколки“ старается, въ предѣлахъ возможности, отзываться въ легкой, сжатой формѣ на вопросы дня и явленія нашей общественной жизни, помѣщая на первой страницѣ сатирическія иллюстраціи текущихъ явленій и время отъ времени въ каррикатурномъ видѣ портреты лицъ, имѣющихъ интересъ минуты.

ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ:

На годъ безъ пересылки . . . . 6 р.	На 6 мѣс. съ пересылк. и дост. 4 р.
» » съ пересылк. и доставк. 7 »	Отдѣльный №—20 к.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи, Николаевская ул., д. № 10; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Л. Васильева, Страстной бульваръ, д. графа Мусина-Пушкина.

Допускается разсрочка подписныхъ денегъ черезъ гг. казначеевъ и по личному соглашенію съ конторою редакціи.

Редакторы-издатели **Н. ЛЕЙКИНЪ** и **Р. ГОЛИКЕ.**

епарх. и губерн. вѣдом., трудахъ статист. комит.), но также въ общихъ духовныхъ (Душеполезн. Чтеніе, Странникъ), историческихъ (Чтенія Моск. Общ. Ист., Древн. и Нов. Рос., Русск. Арх.) и другихъ спеціальныхъ (Журн. Охоты, Журн. Сельск. Хоз. и Лѣсовод., Землед. Газета и др.) журналахъ и сборникахъ. Весьма обстоятельные очерки г. Стромилова были посвящены мѣстной исторіи, церковной исторіи, статистикѣ и исторіи хозяйства въ Россіи. Въ означенныхъ же изданіяхъ онъ напечаталъ, между прочимъ, рядъ очерковъ о знаменитой Александровской слободѣ, которые должны современемъ составить отдѣльный трудъ, посвященный исторіи послѣдней.

Поименованное въ заглавіи изданіе представляетъ весьма полезный для изслѣдователей и любителей мѣстной старины указатель сочиненій и статей о Владимірской епархіи, Владимірскомъ княжествѣ и Владимірской губерніи. Статьи, посвященныя описанію этой послѣдней, распредѣлены по уѣздамъ.

Историческіе матеріалы. Изъ архива Кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 7-й (изъ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей). Ал. Андреевскаго. К. 1884. Стр. 227. Ц. 50 к.

Всѣ матеріалы, помѣщенные въ этомъ выпускѣ, относится преимущественно ко 2-й половинѣ XVIII стол. и касаются привиллегій г. Кіева, устройства города, винокуренія и корчемства.

Генералисимусъ князь Суворовъ. А. Петрушевскаго. Въ трехъ томахъ, съ портретами, факсимиле и картами. Т. I, 486 стр., т. II, 472 стр., т. III, 458 стр. Ц. 10 р.

Объемистая монографія автора, помимо своего военно-историческаго содержанія, представляетъ и большой обще-историческій интересъ. Авторъ удачно группируетъ факты, не обременяя своего труда излишними, спеціальными подробностями, а излагаетъ жизнь знаменитаго военнаго дѣятеля въ законченныхъ и живыхъ очеркахъ. Какъ извѣстно, въ жизни Суворова многое является въ анекдотическомъ и легендарномъ свѣтѣ, но авторъ вездѣ относится къ этимъ даннымъ критически, не пользуясь ими для своихъ выводовъ тамъ, гдѣ значеніе ихъ оказывается нерѣдко сомнительнымъ. Къ эпохѣ, лицамъ и фактамъ онъ старается относиться безпристрастно, не возвеличивая однихъ на счетъ другихъ (таковы его мнѣнія о Екатеринѣ II, Павлѣ I, Суворовѣ и др.).

Но разсматриваемый нами трудъ имѣетъ и другое значеніе. Авторъ его въ значительной степени воспользовался архивными, неизданными матеріалами. На первомъ планѣ здѣсь слѣдуетъ поставить фамильныя бумаги автора, частію переданныя въ публичную библіотеку кн. А. А. Суворовымъ, частію предоставленныя имъ автору для пользованія при составленіи настоящей монографіи. Затѣмъ слѣдуютъ правительственные архивы: военно-ученый, московскій архивъ главнаго штаба, московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, государственный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ, сенатскій и синодскій архивы въ Петербургѣ, рукописный отдѣлъ императорской публичной библіотеки. Наконецъ, авторъ воспользовался и другими, частными собраніями матеріаловъ, каковы барона Ѳ. А. Бюлера, графа Д. А. Милютина, Н. Ѳ. Дубровина и др. Понятно, что авторъ не упустилъ изъ виду и многочисленной печатной литературы обще-историческаго и военно-историческаго характера. Такимъ образомъ, трудъ автора, безъ сомнѣнія, займетъ видное мѣсто въ ряду историческихъ монографій послѣдняго времени.

Физическое воспитаніе дѣтей у разныхъ народовъ преимущественно Россіи. Матеріалы для медико-антропологическаго изслѣдованія. Е. А. Покровскаго. Изданіе императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при московскомъ университетѣ. М. 1884. 1—3 выпускъ. 379 стр. съ рисунками. Ц. 6 р.

Почтенный трудъ этотъ, состоящій изъ 32 главъ, разсматриваетъ въ послѣдовательномъ порядкѣ вопросы физическаго воспитанія въ связи съ историческими, этнографическими и антропологическими данными, причемъ авторъ собралъ массу фактовъ, имѣющихъ большой интересъ съ сравнительно исторической точки зрѣнія вообще и въ частности по отношенію къ Россіи и разнороднымъ племенамъ, населяющимъ ея территорію. **В. И.**

3 2044 020 124
THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.
WIDENER
SEP 1 1993
BOOK DUE